Весь

ХАЙНЛАЙН

ТУННЕЛЬ В НЕБЕ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

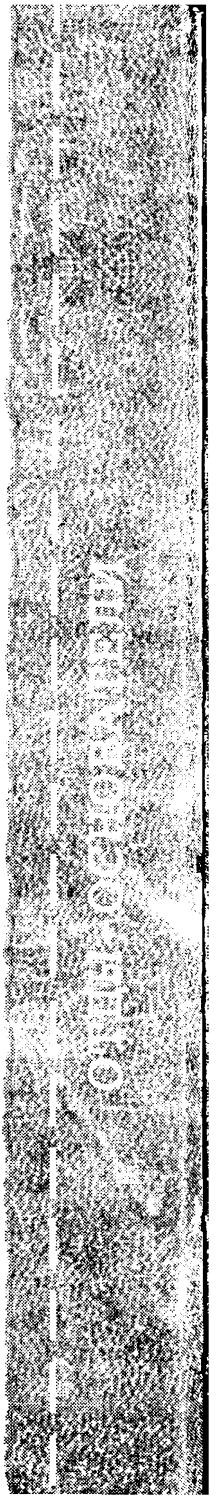
Весь

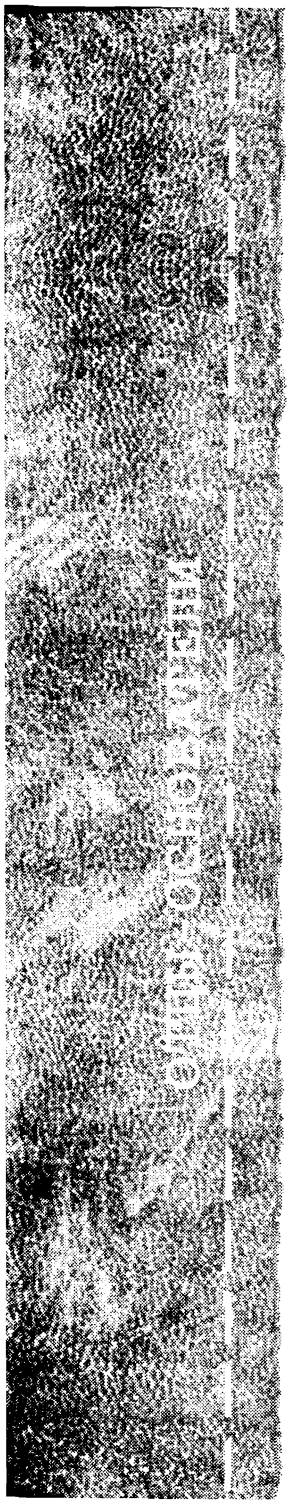
ХАЙНЛАЙН

Весь

ХАЙНЛАЙН

КУКЛОВОДЫ
ПАСЫНКИ ВСЕЛЕННОЙ
ДОРОГА ДОБЛЕСТИ
ГРАЖДАНИН ГАЛАКТИКИ
ТУННЕЛЬ В НЕБЕ

Роберт

ХАЙНЛАЙН

ТУННЕЛЬ В НЕБЕ

Москва
ЭКСМО
Санкт-Петербург
TERRA FANTASTICA
2007

УДК 82(1-87)
ББК 84 (7США)
Х 16

ROBERT A. HEINLEIN

The Rolling Stones
The Starman Jones
The Star Beast
Tunnel in the Sky

Составитель и автор комментариев *А. Ермолаев*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Хайнлайн Р.

Х 16 Туннель в небе: Фантастические романы / Роберт Хайнлайн; [пер. с англ.; сост. и автор коммент. А. Ермолаев]. — М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2007. — 960 с.: ил. — (Отцы-основатели. Весь Хайнлайн).

ISBN 5-7921-0731-6 (TF)
ISBN 5-699-19849-0 (Эксмо)

Очередной том собрания сочинений Роберта Хайнлайна составлен из произведений, действие которых связано с глубоким космосом. Героям романов Грандмастера мировой фантастики предстоит пережить немало испытаний и сложностей, чтобы преодолеть смертельные опасности, таящиеся во Вселенной.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 5-7921-0731-6
ISBN 5-699-19849-0

© Перевод. Н. Виленская, 1994; А. Корженевский, 1994; М. Пчелинцев, 1994, 2003
© Иллюстрация. Я. Ашмарина, 1994, 2006.
© TERRA FANTASTICA, 2007
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

КОСМИЧЕСКОЕ СЕМЕЙСТВО СТОУН

© Н. Виленская, перевод

Глава 1
ЛУННЫЕ БЛИЗНЕЦЫ

Братья смотрели на старый корабль.

— Утиль,— решил Кастор.

— Нет,— возразил Поллукс.— Старье — возможно. Барахло — как ни посмотри. Рухлядь — допустим. Но не утиль.

— Ты оптимист, юнец.

Им обоим было по пятнадцать, но Кастор был на двадцать минут старше брата.

— Я всегда верю в лучшее, дедуля. Неплохо бы тебе последовать моему примеру. Позволь заметить, ни на что лучшее у нас все равно денег не хватит. Слабо на таком взлететь?

Кастор задрал голову.

— Чего слабо-то — он не поднимется даже настолько, чтобы упасть. Мы собрались на астероиды, так? А эта древняя таратайка и до Земли-то не долетит.

— Долетит, если я доведу ее до ума — с твоей косорукой помощью. Давай посмотрим, чего там недостает.

— Поздно уже.

Кастор взглянул на небо. Он смотрел не на Солнце, от которого на лунную равнину падали длинные тени, а на Землю: время он определял по линии восхода, которая сейчас пересекала Тихий океан.

— Слушай, дедуля, мы корабль покупаем или пытаемся не опоздать к ужину?

— Как хочешь, юнец,— пожал плечами Кастор.

Он опустил свою антенну и начал карабкаться вверх по веревочной лестнице, приспособленной для удобства возможных покупателей. При подъеме он пользовался одними руками и двигался,

несмотря на громоздкий скафандр, легко и изящно. Поллукс полез следом.

Добравшись до контрольной рубки, Кастор немного приободрился — она была ободрана не так основательно, как рубки многих кораблей на стоянке. Правда, баллистический компьютер отсутствовал, но все остальные навигационные приборы были на месте, а пульт машинного отделения как будто совсем не пострадал. Потрепанный космосом корабль не был развалиной — он просто устарел. Беглый осмотр машинного отделения подтвердил это.

Через десять минут Кастор, все еще беспокоясь об ужине, погнал брата обратно к лестнице. Спустившись вниз, Поллукс спросил:

— Ну как?

— Говорить буду я.

Контора стоянки помещалась в надувном доме, до которого нужно было идти около мили. Братья двинулись к нему легким, скорым шагом заправских лунных жителей. Над входом в контору висела громадная вывеска:

КОСМИЧЕСКИЕ КОРАБЛИ ДЭНА
Суда всех типов. Металлический лом.
Запчасти. Заправка горючим.
Обслуживание. Лицензия КАЭ № 739024

Близнецы прошли через входной шлюз и сняли друг с друга шлемы. В приемной за перегородкой сидела девушка, полировала ногти и смотрела новости по телевизору. Не отрываясь от экрана, она сказала:

— Мы ничего не покупаем, мальчики, и никого не принимаем на работу.

— А корабли вы продаете? — спросил Кастор.

— Случается, но не часто,— взглянула на него девушка.

— Тогда скажите своему боссу, что мы хотим его видеть.

— А в чем дело, мальчики? — Она подняла брови.— Мистер Экизян — человек занятой.

— Пойдем к венгру, Кас,— сказал Поллукс.— Здесь дела не делаются.

— Пожалуй, ты прав.

Девушка посмотрела на них, пожала плечами и щелкнула рычажком на столе.

— Мистер Экизян, тут пришли двое бойскаутов и говорят, что хотят купить корабль. Вы будете с ними заниматься?

— Почему же нет? — ответил глубокий баритон.— У нас есть что предложить.

Вскоре к ним вышел лысый представительный мужчина с сигарой в зубах и в мятом костюме. Он положил руки на перегородку и пристально посмотрел на братьев. Голос, однако, был приветливый:

— Вы хотели меня видеть?

— Вы хозяин? — спросил Кастор.

— Дэн Экизян собственной персоной. Что вас интересует, мальчики? Время — деньги.

— Ваш секретарь уже сказала вам,— нелюбезно ответил Кастор.— Космические корабли.

Дэн вынул сигару изо рта и стал ее рассматривать.

— В самом деле? А еще что?

Поллукс буркнул что-то. Кастор сказал:

— Вы всегда ведете деловые переговоры здесь?

И посмотрел на девушку.

Экизян перехватил его взгляд.

— Виноват. Пойдемте в кабинет.— Он открыл братьям дверку в перегородке, провел к себе, усадил и предложил сигары. Близнецы вежливо отказались.— Ну, говорите, ребята. Шутки в сторону.

— Космические корабли,— повторил Кастор.

Дэн поджал губы.

— Может быть, межпланетный лайнер? У меня в данный момент его нет, но всегда могу достать.

— Он над нами смеется, Кас.— Поллукс встал.— Пошли к венгру.

— Погоди минутку, Пол. Мистер Экизян, у вас там на южной стороне стоит развалюха класса VII — «детройтер» девяносто третьего года. Почем он у вас на вес и сколько весит?

— Это славное суденышко? — удивился торговец.— Я его на лом не продаю. Да хоть бы и на лом, вам это дорого встанет. Если вам нужен металл, так у меня он есть — скажите только, сколько вам надо и какого сорта.

— Мы говорим о «детройтере».

— Мы с вами как будто раньше не встречались?

— Извините, сэр. Я Кастор Стоун, а это мой брат Поллукс.

— Рад познакомиться, мистер Стоун. Стоун... Стоун? Имеете отношение к... А-а, «лунные близнецы», вот вы кто.

— Здесь полагается улыбнуться,— сказал Поллукс.

— Заткнись, Пол, Да, мы близнецы Стоун.

— Морозоустойчивый дыхательный клапан — ваше изобретение, верно?

— Да.

— На моем скафандре такой стоит. Ничего штучка. Вы, ребята, настоящие механики,— он еще раз оглядел их.— Вы это серьезно насчет корабля?

— Конечно, серьезно.

— Хм... вам ведь не лом нужен; вам нужно то, на чем можно лететь. Есть у меня для вас ракетоплан, «прыгун» «Дженерал моторс». Его брали двое старателей разведывать торий, потом пришлось забрать его назад. В трюме — никакой радиации.

— Он нас не интересует.

— Да вы только посмотрите! Автоматическая посадка, три скачка — и вы огибаете экватор. Как раз для таких шустрых, активных ребят, как вы.

— Вернемся к «детройтеру» — почем вы его продаете на вес?

— Он предназначен для полетов в глубоком космосе,— обиделся Экизян,— и вам ни к чему. Да и не могу я продавать его на вес — он в полном порядке. Это была частная яхта — ни разу не испытывала перегрузок более шести g, ни одной вынужденной посадки. Сотни миллионов миль еще может налетать. Я бы не продал этот корабль на вес, даже если бы вы уплатили заводскую стоимость. Это был бы просто срам. Я люблю корабли. А взять этот «прыгун»...

— «Детройтер» нельзя продавать иначе как на вес,— ответил Кастор.— Насколько я знаю, он торчит здесь не меньше двух лет. Если вы надеетесь продать его как корабль, не надо было снимать компьютер. Корпус выщерблен, трубы не в порядке — ремонт встанет дороже, чем все судно. Так почем он на вес?

Дэн качался на стуле со страдальческим лицом.

— Такой корабль — на лом? Заправить его топливом — и лети куда хочешь, хоть на Венеру, хоть на Марс, хоть на спутники Юпитера.

— Сколько возьмете наличными?

— Наличными?

— Наличными.

Экизян помялся и назвал цену. Кастор встал.

— Ты был прав, Поллукс. Пойдем к венгру.

Торговец опечалился.

— Да захоти я взять его себе, и то не мог бы снизить цену — это было бы нечестно по отношению к компаньонам.

— Пошли, Пол.

— Слушайте, ребята, я не могу отпустить вас к венгру. Он вас надует.

— Может, он хотя бы сделает это вежливо? — свирепо рявкнул Поллукс.

— Да заткнись же ты, Пол! Извините, мистер Экизян, у брата, бывает, вырвется такое... Но мы с вами не договоримся.

— Минутку. Вы придумали хороший клапан, сам им пользуюсь и вроде как в долгу у вас.— И Экизян назвал другую цифру, поменьше.

— Очень жаль, но нам это не по карману,— сказал Кастор и последовал за братом к выходу.

— Погодите! — Экизян назвал третью цифру.— Наличными,— добавил он.

— Разумеется. Налог с продажи вы оплатите?

— Ну... при оплате наличными — да.

— Хорошо.

— Садитесь, джентльмены. Сейчас позову мою девочку, и мы оформим бумаги.

— Спешить некуда,— ответил Кастор.— Нам надо еще посмотреть, что есть на складе у венгра и на государственном складе тоже.

— Как так? Эта цена действительна только при условии немедленного заключения сделки. У меня нет времени торговаться дважды.

— У нас тоже нет. Увидимся завтра. Если корабль не будет продан, сможем продолжить с того, на чем остановились.

— Если хотите, чтобы я держал эту цену, вам нужно уплатить мне опционную премию.

— Нет-нет, я совсем не хочу, чтобы вы из-за нас откладывали продажу. Если вам представится возможность продать корабль завтра, мы не будем становиться вам поперек дороги. Пошли, Пол.

Экизян пожал плечами.

— Приятно было познакомиться, ребята.

— Спасибо, сэр.

В шлюзе, дожидаясь выхода, Поллукс сказал:

— Надо было уплатить ему опцион.

— Ты туго соображаешь, юнец.

Выйдя из конторы Дэна, братья направились в космопорт, чтобы оттуда уехать подземным поездом в город — пятьдесят миль к западу от порта. Им оставалось еще полчаса, чтобы поспеть домой к ужину. Само по себе опоздание было не так уж важно, но Кастор не хотел открывать семейную дискуссию оправданиями по поводу этой второстепенной провинности и поэтому все время подгонял Поллукса.

Их путь лежал по территории компании «Дженерал синтетикс». На целые мили кругом тянулись гигантские установки крекинга, гелиоэкраны, конденсаторы, фракционные колонны — все, что помогало использовать палящую жару, резкий холод и неисчерпаемый вакуум в промышленных целях. Это были дантовы джунгли ни на что не похожих строений, но братья не обращали внимания на окружающее — они к нему привыкли. Близнецы неслись по заводской дороге летящими прыжками, которые допускает низкое притяжение Луны, делая по двадцать миль в час. На полдороге к порту их нагнал заводской трактор. Поллукс помахал ему.

Увидев его поднятую руку, водитель отозвался из кабины по радио:

— Вам чего?

— Вы не челнок с Земли едете встречать?

— Как ни горька моя судьба — да.

— Это Джефферсон,— сказал Поллукс.— Эй, Джефф, — мы Кас и Пол. Подбросьте нас до станции подземки, а?

— Лезьте в кузов. «Осторожно, вулкан — восхождение только проверенной трассой». Вы, рыжие авантюристы, что привело вас на эти задворки цивилизации?

Кастор нерешительно посмотрел на Поллукса. Они уже довольно давно знали Джефферсона Джеймса — играли против него в шары на городском чемпионате. Он был давнишний, но не коренной лунный житель — прилетел на Луну еще до их рождения собирать материал для романа. Роман так и остался недописанным.

Поллукс кивнул, и Кастор сказал:

— Джефф, вы умеете хранить тайну?

— Конечно, но позвольте заметить, что радиосвязь не обеспечивает конфиденциальности. Посоветуйтесь со своим адвокатом, прежде чем сознаться в преступном деянии либо намерении.

Кастор посмотрел вокруг: никого, кроме двух грузовых тракторов вдалеке.

— Мы собираемся заняться бизнесом.

— А когда вы им не занимались?

— Это новое направление — межпланетная торговля. Хотим купить корабль и сами на нем летать.

Водитель присвистнул.

— Напомните, чтобы я продал свои акции «Экспорта Четырех Планет». И когда же состоится ваш блиц?

— Мы пока присматриваем корабль. У вас ничего нет на примете?

— Дам задание своим шпионам.

Джефф замолчал — вблизи космопорта движение стало более оживленным. Потом сказал:

— Вам выходить.

Пока мальчики выбирались из кузова, Джефф добавил:

— Если будут нужны люди в экипаж, не забудьте про меня.

— Ладно, Джефф. Спасибо, что подвезли.

Несмотря на попутку, они опоздали. Взвод Космофлота, ехавший в город на дежурство, заполнил первый вагон подземки. Когда подали второй, прибыл корабль с Земли, и его пассажиры прошли вперед. Потом пошла смена с заводов синтеза. Время ужина давно миновало, когда братья наконец добрались до своей квартиры в полумиле от окраины Луна-Сити.

— Ага, звездолетчики явились,— встретил их мистер Стоун. Он сидел с маленьким магнитофоном на коленях, к шее был прикреплен микрофон.

— Па, это было неизбежно,— начал Кастор.— Мы...

— Это всегда неизбежно,— прервал его отец.— Детали значения не имеют. Ваш обед в грелке. Я хотел отослать его обратно, но мама сжалилась и не позволила.

Доктор Стоун отозвалась с другого конца гостиной, где работала над прической дочери Мид:

— Вношу поправку. Сжалился как раз отец, а я бы заставила вас поголодать. Мид, не верти головой.

— Шах,— объявил четырехлетний брат с пола, где играл с бабушкой в шахматы, и подбежал к близнецам.— Эй, Кас, Пол, вы где были? В порту? Почему меня не взяли? Вы мне что-нибудь принесли?

Кастор схватил его за ноги и перевернул вниз головой.

— Да. Нет. Возможно. С чего бы? Лови, Пол.— Он бросил ребенка Полу, тот поймал его за ноги.

— Это тебе шах,— заявила бабушка,— и мат в три хода. Не позволяй светским удовольствиям отрывать тебя от игры, Лоуэлл.

Вися вверх ногами, юный шахматист взглянул на доску.

— Неверно, Хейзел. Я тебе отдам свою королеву, а потом — б-з-з!

Бабушка снова посмотрела на доску.

— Да ну? Погоди-ка — а если я не возьму твою королеву? Тогда... ах ты, маленький негодник! Снова он меня поймал.

— Ты бы не давала ему так часто выигрывать, Хейзел,— сказала Мид.— Ему это совсем не на пользу.

— Мид, в десятый раз говорю — не верти головой!

— Прости, мама. Давай передохнем.

— Ты что же думаешь,— фыркнула бабушка,— я ему нарочно поддаюсь? Играй с ним сама, я с этим кончаю раз и навсегда.

— Держи его,— сказал Поллукс, перебрасывая брата Кастору.— Я хочу есть.

Младший завизжал.

— Тихо! — что было мочи заорал мистер Стоун.— Вот так,— удовлетворенно сказал он, снимая микрофон.— Как можно зарабатывать на жизнь в этаком гвалте? Мне надо закончить эту серию и завтра отправить в Нью-Йорк, где ее должны отснять, разложить по коробочкам, разослать и показать по всем каналам к концу недели. Нет никакой возможности...

— Тогда не делай этого,— безмятежно ответила доктор Стоун.— Или работай в своей комнате — она звуконепроницаемая.

— Дорогая, я тысячу раз объяснял, что не могу работать в одиночестве. Мне не хватает раздражителей. Я засыпаю.

— Как там у тебя, папа? — спросил Кастор.— Круто?

— Ну, если тебе интересно, то злодеи взяли вверх и я не вижу выхода для наших героев.

— Пока мы с Полом ходили, я кое-что придумал. Тому парнишке, которого ты ввел в фильм, надо пробраться в рубку, пока все спят. Они этого от него не ожидают, правда? Он слишком маленький, поэтому его не заковали. А в рубке он...— Кастор замолчал с обескураженным видом.— Нет, не пойдет: он слишком мал, чтобы управлять кораблем. Не сумеет.

— Ну почему же? — возразил отец.— Нужно только дать ему шанс, чтобы он...— Лицо его приняло отсутствующее выражение.— Нет,— заявил он наконец.

— Не годится?

— А? Банально, конечно, но, по-моему, можно использовать. Стивенсон применил нечто подобное в «Острове сокровищ», а до него, надо полагать, это сделал Гомер. Ну-ка, посмотрим — а если...— И он снова впал в транс.

Поллукс включил подогреватель. Кастор опустил младшего брата на пол, взял пакет с едой и открыл его.

— Опять мясной пирог,— недовольно протянул он, понюхав содержимое.— Да еще и синтетический.

— Повтори, да погромче,— поддержала его сестра.— Уж сколько времени уговариваю маму перейти на обслуживание в другой ресторан.

— Не разговаривай, Мид,— ответила доктор Стоун.— Я делаю тебе рот.

— Ишь, разбаловалась молодежь,— фыркнула бабушка Хейзел.— Было время на Луне, когда мы по три месяца жили на одних соевых бобах да на молотом кофе.

— Хейзел,— заметила Мид,— когда ты рассказывала об этом в прошлый раз, вы голодали два месяца, а вместо кофе был чай.

— Кто из нас лжет, молодая леди? Я или ты? — Хейзел встала и спросила близнецов: — Что это вы делали на складе Дэна Экизяна?

Братья переглянулись. Кастор осторожно спросил:

— А кто тебе сказал, что мы там были?

— Не пробуйте провести свою бабушку. Если бы вы прожили...

Все семейство подхватило хором:

— ...на Луне столько, сколько я!

— Иногда я не могу понять, зачем я выходила замуж,— заметила Хейзел.

— Не ищи ответа,— сказал ей сын и обратился к близнецам: — Так что же вы там делали?

Кастор вопросительно взглянул на Поллукса и ответил:

— Видишь ли, папа, дело в том....

— Ваши лучшие всплески фантазии всегда так начинались,— кивнул отец.— Слушайте все внимательно.

— Насчет тех денег, которые ты для нас хранишь...

— И что же?

— Три процента — не так уж много.

Мистер Стоун энергично потряс головой.

— Не стану я вкладывать ваши отчисления ни в какое авантюрное предприятие. Может, я и не родился финансовым гением, но когда я вручу вам эти деньги, они будут в целости.

— Вот видишь. Тебе от них одно беспокойство. Ты мог бы передать их нам прямо сейчас — и конец всем заботам.

— Нет. Вы еще не доросли.

— Доросли же мы до того, чтобы заработать их.

— Готов Роджер,— хмыкнула бабушка.— Поди сюда, я попробую остановить кровь.

— Не прерывай Роджера, когда он беседует с близнецами, мама,— миролюбиво сказала доктор Стоун.— Мид, повернись чуть-чуть влево.

— Тут ты попал в точку, Кас,— ответил мистер Стоун.— Но чтобы распоряжаться ими, вы все-таки не доросли. К чему ты, собственно, ведешь?

Кастор подал брату знак глазами, и Поллукс включился в беседу:

— Папа, у нас есть хороший шанс пустить эти деньги в дело. Ни в какое авантюрное предприятие их вкладывать не надо, вообще о капиталовложении речь не идет. Мы все до цента поместим туда, где деньги будут у нас на глазах, и в любое время дня сможем их вернуть. А заработать можно будет гораздо больше.

— М-м-м... это каким же образом?

— Мы купим корабль и отправим его в рейс.

Отец открыл рот. Кастор быстро вставил:

— Мы можем дешево купить «детройтер-VII» и сами его отремонтируем — на ремонт ни цента не потратим.

— Ты же сам говорил, папа,— снова взял слово Поллукс,— что мы оба прирожденные механики, что у нас руки правильно вставлены.

— Мы будем с ним нянчиться, как с ребенком, ведь он будет наш собственный,— продолжил Кастор.

Поллукс:

— У нас обоих есть свидетельства на управление кораблем. Экипаж нам не понадобится.

Кастор:

— Никаких накладных расходов, вот в чем вся прелесть.

Поллукс:

— Мы полетим с товаром на астероиды, а вернемся с грузом руды. Прибыль гарантируется.

Кастор:

— Четыреста процентов, а то и пятьсот.

Поллукс:

— Шестьсот, скорее всего.

Кастор:

— А тебе никаких хлопот.

Поллукс:

— И мы перестанем сидеть на твоей шее.

Кастор:

— И опаздывать к обеду.

Поллукс открыл было рот, но отец снова заорал:

— Тихо! Эдит,— обратился он к жене,— тащи бочку. Время пришло.

Мистер Стоун часто рассуждал, что близнецов следует держать в бочке и кормить через дырочку от затычки. Однако такой бочки в природе не существовало.

— Да, дорогой,— сказала доктор Стоун, продолжая заниматься макияжем Мид.

— Не тратьте деньги на «детройтер»,— сказала бабушка Стоун.— Они неустойчивы — гиросистема плохая. Я бы его и даром не взяла! Берите лучше «дуглас».

— Хейзел,— повернулся к ней сын,— если ты намерена поощрять выдумки мальчишек...

— Вовсе нет! Вовсе нет! Чисто умозрительная дискуссия. Вот на «дугласе» они могли бы заработать. У «дугласа» очень удобный...

— Хейзел?

Бабушка умолкла, затем задумчиво проговорила:

— Я знаю, на Луне существует свобода слова — сама писала в декларации.

— Знаете, мальчики,— снова обратился Роджер Стоун к сыновьям,— когда торговая палата решила включить в свою молодежную программу курсы пилотов, я это приветствовал. И был за, когда они решили выдавать юношеские права тем, кто закончит курсы с отличием. Когда вы получили ваши корочки, я ужасно гордился. Это игра для молодых — торговым пилотам выдают права в восемнадцать лет...

— А на пенсию их отправляют в тридцать,— добавил Кастор.

— У нас времени в обрез. Не успеешь оглянуться, как станешь слишком стар для этой игры,— добавил Поллукс.

— Замолчи. Сейчас я говорю. Если вы думаете, что я возьму деньги из банка и позволю двум юным питекантропам болтаться по Системе на развалюхе, которая, того и гляди, взорвется при первой же двукратной перегрузке, вы глубоко ошибаетесь. Кроме того, в будущем сентябре вы отправляетесь учиться на Землю.

— Мы уже были на Земле,— ответил Кастор.

— И нам там не понравилось,— добавил Поллукс.

— Слишком грязно.

— И слишком шумно тоже.

— И кругом одни земноводные,— закончил Кастор.

— Вы там пробыли две недели,— отмахнулся мистер Стоун,— и не успели получить полного впечатления. Вы полюбите Землю, когда привыкнете к ней. Научитесь ездить верхом, играть в бейсбол, увидите океан...

— Много грязной воды,— ответил Кастор.

— Лошадей едят.

— А уж бейсбол этот...— продолжал Кастор.— Бессмысленная игра. Как это можно вычислить траекторию при одном g, чтобы выйти на точку контакта с мячом в свободном полете? Мы не чудотворцы.

— Я же играл в него.

— Но ты вырос при одном g — у тебя искаженное представление о законах физики. И зачем нам, собственно, учиться играть в бейсбол? Мы же не сможем играть в него здесь, когда вернемся. Так и шлем можно разбить.

— Спорт — это не главное,— покачал головой мистер Стоун.— Играть в бейсбол или не играть, это ваше дело. Но вам нужно получить образование.

— А чем плох техникум Луна-Сити? Чего он нам не дал? Ты, папа, все-таки был членом комитета по образованию.

— Нет, я был мэром.

— Но это делало тебя членом комитета — Хейзел нам так сказала.

Мистер Стоун покосился на мать. Та смотрела в пространство.

— Наш техникум хорош в своем роде, но мы не можем дать его ученикам полноценное образование. Все-таки пока еще Луна — окраина цивилизации.

— Но ты же сказал в прощальной речи,— прервал его Поллукс,— что Луна-Сити — это будущие Афины и надежда новой эпохи.

— Поэтическая вольность. Техникум — еще не Гарвард. Разве вы, ребята, не хотите увидеть великие произведения земного искусства? Разве не хотите познакомиться с великой литературой Земли?

— «Айвенго» мы читали,— сказал Кастор.

— А «Мельницу на Флоссе» читать не хотим,— добавил Поллукс.

— Мы предпочитаем твое творчество.

— Мое творчество? Это же не литература. Скорее, инсценированная страничка юмора.

— А нам нравится,— твердо сказал Кастор.

Отец перевел дыхание.

— Спасибо. Ты напомнил о том, что мне надо ночью сотворить еще целую серию, а посему я прекращаю дискуссию. Во-первых, вы не сможете взять деньги без отпечатка моего большого пальца, а я с этого дня буду носить перчатки. Во-вторых, вы еще слишком малы, чтобы получить постоянные права.

— Ты можешь устроить нам временные права, действующие в Системе, а к тому времени, когда вернемся, может, дорастем и до постоянных.

— Вы еще малы!

— Слушай, папа,— заметил Кастор,— только полчаса назад ты одобрил мою идею, что одиннадцатилетний малец может управлять кораблем.

— Я прибавлю ему лет!

— Это испортит всю идею.

— Да провались она! Это всего лишь литература, к тому же низкопробная. Просто трюк, продажа номера.— Стоун подозрительно

посмотрел на сына.— Кастор, ты нарочно подсунул мне эту мысль. Чтобы было на что опереться при защите своей безумной затеи, так?

— Отец, как ты мог подумать такое? — вознегодовал Кастор.

— Я тебе дам «отец». Я пока еще могу отличить кукушку от ястреба.

— Кто ж не может? — вставила бабушка Хейзел.— Класс «ястреб» — чисто торговый тип, а «кукушка» даже лучше «дугласа». Мне нравится ее раздельное управление.

— Хейзел! — рявкнул Роджер.— Перестань подыгрывать им. И хватит хвастаться — ты не единственный инженер в семье.

— Единственный хороший,— надменно ответила Хейзел.

— Да ну? На мою работу тоже никто не жаловался.

— Что ж ты тогда ее бросил?

— Сама знаешь. Месяцами возишься с головоломными цифрами, а что в итоге? Ремонтный док или дробилка для лома.

— Значит, ты не инженер, а просто человек, который разбирается в технике.

— А сама? Ты тоже не работала по специальности.

— Да,— созналась Хейзел,— но это другое дело. Я видела, как трое здоровенных волосатых мужиков получили повышение в обход меня, но ни один из них не умел интегрировать по частям без помощи карандаша. Тут я и поняла, что в Комитете атомной энергии существует предубеждение против женщин, что бы там ни говорилось в гражданском кодексе. И занялась пиратской торговлей. В Луна-Сити тогда особенно не из чего было выбирать, да и ты был у меня на руках.

Спор как будто угасал, и Кастор решил, что самое время его оживить.

— Хейзел, ты правда думаешь, что нам лучше взять «кукушку»? Я не уверен, хватит ли у нас денег.

— Теперь вам нужен третий в экипаж...

— Ты хочешь ее купить?

— Хейзел,— вмешался мистер Стоун,— я не намерен больше терпеть твоего потворства. Я решительно против...

— Хватит меня воспитывать, Роджер. В девяносто пять мои наклонности уже определились.

— Как же, в девяносто пять! На прошлой неделе тебе было восемьдесят пять.

— Неделя выдалась тяжелая. Вернемся к нашим баранам. Почему бы тебе не отправиться с ними? Ты бы присмотрел за ними, берег их...

— Кто? Я? — мистер Стоун перевел дух.— а) даже десантник Космофлота не смог бы уберечь этих недозрелых наполеонов. Я знаю, я пробовал; б) мне не нравится «кукушка», она жрет слишком много топлива; в) мне каждую неделю нужно делать по три серии «Бичей космоса», включая и ту, которую я должен записать ночью, если эта семейка когда-нибудь уймется!

— Роджер,— ответила ему мать,— треволнения для этой семьи — все равно что вода для рыбы. И никто не просит тебя покупать «кукушку». Что касается «в», то дай мне чистую катушку, и я надиктую тебе твои три серии, пока буду причесываться на ночь.— Волосы у Хейзел были еще густые и совершенно рыжие. И пока еще никто не поймал ее на том, что она их красит.— Все равно тебе пора разорвать этот контракт. Ты выиграл пари.

Роджер поморщился. Два года назад он позволил втянуть себя в пари, что сможет писать проекцию лучшего качества, чем та, что продается с Земли,— и с тех пор увяз в трясине щедрых гонораров и премий.

— Я не могу себе этого позволить,— еле слышно проговорил он.

— Что проку в деньгах, если тебе некогда их тратить? Давай пленку и вертушку.

— Ты не сумеешь.

— Хочешь пари?

Роджер отступил — никто никогда еще не выигрывал пари у Хейзел.

— Это не меняет дела. Я человек семейный — мне надо еще подумать об Эдит, Мид и Вундере.

Мид повернула к нему голову.

— Если речь обо мне, папа, то мне хотелось бы полететь. Я же нигде никогда не была — только один раз на Венере и два раза в Нью-Йорке.

— Сиди тихо, Мид,— спокойно сказала доктор Стоун.— Знаешь, Роджер, я как раз думала, какая тесная у нас квартира. И мы нигде не были, как сказала Мид, с тех пор как вернулись с Венеры.

— И ты тоже? — уставился на нее мистер Стоун.— Эдит, эта квартира все же просторнее, чем любой корабельный отсек, сама знаешь.

— Да, но корабль кажется больше. А при невесомости места гораздо больше, чем в нашей квартире.

— Дорогая, если я правильно понял, ты поддерживаешь проект этого пикника?

— Совсем нет! Я говорю в общем и целом. Но ты на корабле спишь лучше. Ты никогда не храпишь в невесомости.

— Я вообще не храплю!

Доктор Стоун не ответила. Хейзел хмыкнула. Поллукс перехватил взгляд Кастора, тот кивнул, и близнецы тихо удалились в свою комнату. Им стоило немалого труда втянуть мать в семейные дебаты, но они потрудились не зря: без нее ни одно важное решение не могло быть принято.

Вскоре к братьям постучалась Мид. Кастор впустил ее. Она была одета точь-в-точь по моде американского Старого Запада.

— Опять на танцы, что ли?

— Сегодня нет. Слушай, Кас, даже если папа согласится расстаться с деньгами, вам ведь не дадут бессрочные права, верно?

— Мы рассчитываем на разовые.

Они обсуждали также возможность полета без всяких прав, но пока об этом было рано рассказывать.

— Их вам тоже могут не дать. Но не забудьте — мне на будущей неделе восемнадцать. Пока!

— Спокойной ночи.

Когда она ушла, Поллукс сказал:

— Глупости. У нее ведь даже временных прав нет.

— Ну и что же? Она проходила астрогацию в школе, и мы можем ее натаскать.

— Кас, ты с ума сошел. Мы не можем возить ее по всей Системе. Девчонки — такая обуза.

— Вот тут ты ошибаешься, юнец. Сестры — да, а девчонки как раз ничего.

— Ты прав, пожалуй,— рассудил Поллукс.

— Я всегда прав.

— Да ну? А как ты хотел сделать из жидкого воздуха...

— Не будем мелочиться.

Следующей к ним заглянула бабушка Хейзел.

— Краткое донесение с фронта, мальчики. Отец колеблется, но держится стойко.

— Он даст нам деньги?

— Пока не собирается. Скажите, а сколько Экизян запросил с вас за «детройтер»?

Кастор назвал сумму, и Хейзел присвистнула.

— Вот мерзавец,— ласково сказала она.— Вот земноводное бессовестное. Да я у него лицензию отберу!

— Да мы и не собираемся столько платить.

— Никаких сделок с ним без меня не заключайте. Я-то знаю, где собака зарыта.

— Ладно. Хейзел, ты правда считаешь, что «детройтер-VII» ненадежен?

Она наморщила лоб.

— Гиростабилизаторы слишком легкие для его момента инерции. Не выношу, когда корабль рыскает. Вот если бы купить у военных по дешевке двойную или тройную гиросистему, тогда другое дело. Я поспрашиваю.

Много позднее зашел мистер Стоун.

— Не спите еще?

— Нет, входи, пожалуйста.

— По поводу того, что мы обсуждали вечером...

— Ты дашь нам денег? — спросил Поллукс.

Кастор толкнул его локтем под ребро, но было поздно. Отец сказал:

— Я уже говорил — это исключено. Я вот что хотел узнать: когда вы смотрели корабли, вы случайно не спрашивали... э-э... сколько стоит модель побольше?

— Нет, сэр,— опешил Кастор,— на большой корабль у нас не хватит — да, Пол?

— Где там! А почему ты спрашиваешь, папа?

— Да просто так, просто так! Спокойной ночи.

И он ушел. Близнецы торжественно обменялись рукопожатием.

Глава 2
ДРАМАТИЧЕСКАЯ РАЗВЯЗКА

На следующее утро за завтраком — утро, конечно, по Гринвичу, ибо по местному солнечному времени стояла вторая половина дня,

которая будет продолжаться еще двое суток,— семья Стоун разыграла очередную серию приключенческого сериала, которую Хейзел надиктовала ночью. Бабушка заложила пленку в автоматическую пишущую машинку, и каждый получил свой экземпляр. Даже Вундеру досталась маленькая роль, а Хейзел играла несколько ролей, прыгая по комнате и меняя голос от хриплого баса до сопрано.

Участвовали все, кроме мистера Стоуна — тот сидел с суровым лицом, на котором было написано: «Попробуйте насмешите».

Хейзел подчеркнула драматический — на самом интересном месте — финал, опрокинув свой кофе. Она поймала чашку в воздухе и подставила салфетку под коричневую струйку, не дав ей достичь пола. Слабое притяжение Луны допускало и такое.

— Ну? — спросила она сына, еще не отдышавшись от отчаянных попыток Властелина Галактики избежать справедливого возмездия.— Как? Конфетка, а? Напугаем мы их до смерти или нет?

Роджер Стоун хранил гордое молчание. Хейзел изумилась.

— Как, тебе не нравится? Роджер, я начинаю думать, что ты попросту завидуешь. Неужто взращенный мною сын столь низок, что завидует собственной матери?

— А мне понравилось,— заявил Вундер.— Давайте еще поиграем, как я стреляю в космического пирата,— он выставил палец.— Бжж! Вся переборка в крови!

— Вот тебе и ответ, Роджер. Это твоя публика. Раз Вундеру нравится, значит, все.

— По-моему, очень захватывает,— вставила Мид.— А что там не так, папа?

— Да! — воинственно сказала Хейзел.— Мы тебя слушаем.

— Хорошо. Во-первых, космический корабль не разворачивается на сто восемьдесят градусов.

— А этот разворачивается!

— Во-вторых, что это еще за Властелин Галактики? Он-то откуда взялся?

— А-а... Сынок, твое шоу умирало на корню, и я влила в него свежую кровь.

— Ну уж эти Властелины Галактики, скажу я тебе. Мало того что это нелепость, но ведь это уже было и было.

— Ну и что такого? На следующей неделе я приделаю к «Гамлету» атомный двигатель и запущу его заодно с «Комедией ошибок». Как Шекспир, подойдет?

— Подойдет, если убрать длинноты,— пожал плечами Роджер.— Ладно, отошлю. Другую писать некогда, а в контракте не указано, что сценарий должен быть хорошим — там просто сказано, что я должен его представить. Все равно на месте перепишут.

— Бьюсь об заклад — твоя зрительская почта после этой серии увеличится на двадцать пять процентов.

— Нет, спасибо. Я не могу допустить, чтобы ты в твоем возрасте изнуряла себя, сочиняя письма от зрителей.

— А чем тебе не нравится мой возраст? Раньше я задавала тебе трепку два раза в неделю — и сейчас могу. А ну, иди сюда!

— Не сразу же после завтрака.

— Слабак! Как предпочитаешь умереть — как маркиз Куинсберри, на больничной койке, или быстро?

— Пришли своих секундантов — надо все делать по правилам. А пока,— обратился Роджер к сыновьям,— какие у вас планы на сегодня?

Кастор взглянул на брата и осторожно сказал:

— Да мы собирались опять смотреть корабли.

— Я иду с вами.

— Ты дашь нам деньги? — встрепенулся Поллукс. Брат сверкнул на него глазами.

— Нет,— ответил отец,— ваши деньги останутся в банке, где им и место.

— Тогда зачем смотреть?

Тут Поллукс получил тычок под ребро.

— Хочу ознакомиться с положением дел на рынке,— ответил мистер Стоун.— Ты идешь, Эдит?

— Нет, дорогой, я полагаюсь на тебя.

Хейзел торопливо допила кофе и вскочила.

— Я пойду.

— И я! — соскочил со стула Вундер.

— Нет, милый,— остановила его доктор Стоун.— Доешь свою овсянку.

— Нет, я пойду? Можно, бабушка Хейзел?

Хейзел замялась. Присмотр за ребенком вне города с искусственной атмосферой требовал предельного внимания — Вундер был еще слишком мал, чтобы самостоятельно справляться со скафандром. Хейзел же нужна была свобода.

— Боюсь, что нет, Лоуэлл. Но знаешь что, золотко? Мы можем сыграть с тобой в шахматы по радио.

Вундер надулся.

— Какая мне радость играть по радио? Я так не буду знать, о чем ты думаешь.

— Ах, вот оно что! Я так и подозревала. Может, мне и удастся разок выиграть. Нет, только без нытья — или я отберу у тебя логарифмическую линейку на целую неделю.

Ребенок подумал, пожал плечами и мигом успокоился.

— Как ты думаешь,— спросила Хейзел сына,— он в самом деле умеет читать мысли?

Отец посмотрел на своего младшего.

— Боюсь об этом и думать.— Он вздохнул.— И почему я не родился в нормальной, хорошей, тупой семье? Это ты виновата, Хейзел.

— Ничего, Роджер,— мать потрепала сына по руке.— С тобой мы как раз выходим на средние показатели.

— Ух-х! Дай-ка мне пленку. Лучше отправлю ее сейчас, а то потом духу не хватит.

Хейзел принесла катушку, и мистер Стоун набрал по телефону код Нью-Йорка и комбинацию скоростной передачи. Вставляя катушку в гнездо, он сказал:

— Зря я это делаю. Мало тебе было Властелина Галактики, Хейзел, так ты еще нарушила весь сюжет — поубивала четырех центральных персонажей.

Хейзел следила за катушкой, которая начала разматываться.

— Ты не волнуйся, у меня все продумано до мелочей. Вот увидишь.

— То есть как? Ты что, собираешься сочинять и другие серии? Очень хочется поймать тебя на слове и заставить расхлебывать свою же кашу — я ею сыт по горло, а тебе так и надо. Властелин Галактики, надо же!

Хейзел продолжала следить за пленкой. В режиме скоростной передачи тридцатиминутная катушка перемоталась за тридцать се-

кунд и со щелчком выскочила из гнезда. Хейзел вздохнула с облегчением. Теперь серия или в Нью-Йорке, или ждет на автоматической телефонной станции Луна-Сити, когда освободится линия Луна — Земля. В любом случае, ее уже не вернешь, как сказанное слово.

— Само собой, я напишу еще несколько серий,— сказала она сыну.— А точнее, семь.

— Почему семь?

— А ты не догадался, зачем я их убиваю? Семь серий до конца квартала — и новый срок для представления сценария. Только на этот раз они твой сценарий не возьмут, поскольку никого из героев не останется в живых, и вся история на этом кончится. Я снимаю тебя с крючка, сынок.

— Что? Хейзел, ты не сделаешь этого. Приключенческие сериалы никогда не кончаются.

— В твоем контракте это указано?

— Нет, но...

— Ты все время ноешь, что жаждешь зарезать эту курицу, несущую золотые яйца. У тебя самого никогда не хватило бы мужества это сделать, и твоя любящая мать пришла тебе на помощь. Ты снова свободен, Роджер.

— Но...— Лицо Роджера прояснилось.— Наверно, ты права. Хотя я предпочел бы совершить самоубийство, да же литературное, по-своему и в нужное мне время. М-м-м... слушай, Хейзел, а когда ты планируешь убить Джона Стерлинга?

— Его-то? О, наш герой, естественно, продержится до последней серии. Он и Властелин Галактики прикончат друг друга в самом конце. Медленная музыка.

— Да. Да, конечно. Так и надо. Но не делай этого.

— Почему?

— Потому что я сам желаю написать эту сцену. Я возненавидел этого сладкоречивого Галахада с тех самых пор, как придумал его. Я никому не уступлю удовольствия убить его — он мой!

— Извольте, сэр,— поклонилась Хейзел.

Мистер Стоун просиял и перебросил сумку через плечо.

— А теперь пошли смотреть корабли!

— Джеронимо!

Все четверо вышли из дому и ступили на бегущую дорожку, ведущую к лифту-шлюзу для подъема на поверхность. Поллукс спросил:

— Хейзел, что значит «джеронимо»?

— На языке древних друидов это значит «пора выметаться, да поживее». Вот и шевелись.

Глава 3
РЫНОК ПОДЕРЖАННЫХ КОРАБЛЕЙ

В гардеробной у Восточного шлюза все надели скафандры. Хейзел, как обычно, сняла с пояса пистолет и повесила на пояс скафандра. Больше ни у кого оружия не было — теперь в Луна-Сити никто не носил оружия, кроме гражданской гвардии, военной полиции да нескольких старожилов вроде Хейзел. Кастор сказал:

— Хейзел, ну зачем он тебе?

— Защищать свои права. А глядишь, и гремучая змея попадется.

— Гремучая змея? На Луне? Ну, Хейзел!

— Вот тебе и «Хейзел». Змеи, бывает, ходят на задних лапах, а не только пресмыкаются во прахе. Помнишь, как Белый Рыцарь объяснял Алисе, зачем он держит на коне мышеловку?

— Неточно.

— Перечитай, когда вернемся, темнота. Помоги-ка мне со шлемом.

Разговор прервался, поскольку на связь вышел Вундер и настоятельно предложил начать игру. Кастор видел, как Хейзел шевелит губами за стеклом, а надев свой шлем, услышал по радио, как они спорят, кто в последний раз играл белыми. Хейзел пришлось сосредоточиться — Вундер, сидя у доски, торопил ее с ходами, а ей нужно было все время представлять себе доску.

У шлюза им пришлось пропустить группу туристов, только что прибывших с Земли утренним челноком. Одна женщина уставилась на них и сказала своей спутнице:

— Тельма, смотри — у того маленького пистолет.

— Тише,— одернула ее другая,— это невежливо. Интересно, где здесь сувениры? Надо купить черепашку, я обещала Герберту.

Хейзел устремила на них свирепый взгляд, но мистер Стоун взял ее за руку и втянул в опустевший шлюз. Хейзел продолжала кипеть.

— «Земноводные»! Сувениры им! Черепашку!

— Хейзел, у тебя давление повысится,— заметил сын.

— У тебя бы не повысилось.— Она внезапно усмехнулась.— Надо было ее попугать, вот так.— Хейзел молниеносным движением выхватила пистолет, открыла его магазин, вынула оттуда конфетку от кашля и сунула в клапан своего шлема. Посасывая ее, Хейзел продолжала: — Так или иначе, сынок, а это решает дело. Ты, может, еще не определился, а я — да. Луна скоро станет такой же, как все прочие муравейники. Я хочу найти себе жизненное пространство где-нибудь за четверть биллиона миль отсюда.

— А как же твоя пенсия?

— Да провались она. Я и без нее неплохо жила.

Хейзел, как и все оставшиеся в живых отцы (и матери) лунной колонии, получала пожизненную пенсию от благодарного города. Она могла получать ее еще долгие годы, несмотря на возраст — средняя продолжительность жизни на Луне, в биологически благоприятных условиях низкого тяготения, еще не была установлена. Гериатрическая клиника Луна-Сити регулярно повышала ее предел.

— Ну а ты? — продолжала Хейзел.— Хочешь остаться тут, как сардина в банке? Не упусти свой шанс, сынок, пока опять не загнали в контору. Ферзь е-пять, Лоуэлл.

— Посмотрим. Давление понижается, надо выходить.

Кастор и Поллукс мудро воздержались от участия в дискуссии — обстановка понемногу прояснялась.

Государственный склад и склад венгра-банкрота, как и заведение Дэна, находились, естественно, вблизи космопорта. У стоянки венгра висела старая выцветшая вывеска:

ПОКУПАЙТЕ! ПОКУПАЙТЕ!! ПОКУПАЙТЕ!!!
Предприятие ликвидируется!

Но покупать там было нечего — мистер Стоун понял это через десять минут, а Хейзел через пять. На государственном складе стояли, в основном, роботизированные грузовые суда без жилых помещений — одноразовые корабли, нечто вроде межпланетной тары. Было там еще устаревшее военное снаряжение для разных специфических целей. В конце концов, Стоуны вновь пришли к Экизяну.

Поллукс сразу направился к тому кораблю, который они с братом присмотрели. Отец позвал его:

— Пол, ты куда?

— А разве ты не хочешь посмотреть наш корабль?

— Ваш корабль? Ты все еще носишься с мыслью, что я вам, кандидаты в исправительную колонию, позволю купить этот «детройтер-VII»?

— Тогда зачем мы сюда пришли?

— Смотреть корабли. Но «детройтер-VII» меня не интересует.

— Послушай, папа,— сказал Поллукс,— нам ведь не нужен ракетоплан. Нам нужен...

Тут Кастор выключил микрофон на скафандре у Поллукса и продолжал сам:

— А что тебя интересует, папа? Мы с Полом тут почти всю рухлядь пересмотрели.

— Ничего особенного. Солидное семейное судно. Пошли посмотрим вон ту «кукушку».

— Ты, кажется, говорил, что «кукушки» жрут много топлива, Роджер? — спросила Хейзел.

— Верно, зато они комфортабельнее. Нельзя же получить сразу все.

— Почему же?

Поллукс снова включил свое радио:

— Папа, нам не нужен спортивный корабль. Там нет грузового отсека.

Кастор снова нажал выключатель у брата на поясе, и тот умолк.

— О грузе забудь,— ответил мистер Стоун.— С вас бы сняли последнюю рубашку, если бы вы вздумали тягаться с зубастыми торговцами, что орудуют в Системе. Я ищу корабль, на котором можно путешествовать всей семьей, а не грузовое судно.

Поллукс замолчал, и все направились к «кукушке». Мистер Стоун махнул всем рукой и полез вверх по лестнице. Хейзел при подъеме помогала себе и руками, и ногами и ненамного отстала от своих потомков. На корабле она сразу прошла в люк машинного отделения, остальные отправились осматривать рубку и жилое помещение, объединенные в одном отсеке. В верхнем, носовом, конце находился пульт управления с лежаками для пилота и второго пилота. В ниж-

нем, кормовом, стояли два противоперегрузочных лежака для пассажиров. Положение лежаков можно было менять — корабль в полете мог переворачиваться и вращаться, создавая искусственную тяжесть по принципу центрифуги. В этом случае передняя часть, которая при полете на двигателе была «верхом», становилась «низом».

Поллукс смотрел на все это устройство неодобрительно: корабль, оборудованный для того, чтобы ублажать деликатные желудки «земноводных», вызывал у него отвращение. Не удивительно, что «кукушки» жрут столько горючего!

Но его отец был другого мнения. Он блаженно раскинулся в пилотском кресле, положив руки на пульт.

— Эта крошка нам бы подошла,— сказал он,— лишь бы цена была сходная.

— Я думал, ты для всей семьи подбираешь корабль, папа,— сказал Кастор.

— Ну да.

— Тесновато здесь будет, если поставить еще лежаки. Эдит не понравится.

— Позволь уж мне самому позаботиться о маме. А лежаков здесь достаточно.

— Как, их же только четыре? А нас сколько?

— Мы с мамой, бабушка и Вундер. Если Мид захочет лететь, для нее что-нибудь приспособим. Из чего вы можете заключить, что вас, малолетние правонарушители, я серьезно намерен отправить учиться. Ну, не кипятитесь — вы сможете тоже летать на этом корыте, но после окончания школы. Или на каникулах, когда получите постоянные права. Это ведь справедливо?

Близнецы ответили ему тем, на что труднее всего возразить, то есть молчанием. Выражение их лиц было достаточно красноречиво. Отец продолжал:

— Видите ли, я стараюсь быть честным и великодушным. Много вы знаете мальчишек вашего возраста, у которых был бы собственный корабль? Хотя бы слышали о чем-нибудь подобном? Нет таких, верно? Усвойте, наконец, что вы не супермены.

— Откуда ты знаешь, что мы не супермены? — откликнулся Кастор.

— Заключение основано на догадке,— поддержал Поллукс.

Не успел мистер Стоун придумать достойный ответ, как из люка показалась голова его матери. Гримаса на ее лице заставляла предположить, что ей пришлось понюхать нечто очень скверное.

— В чем там дело, Хейзел? — спросил мистер Стоун.— Двигатель неисправен?

— Неисправен? Мягко говоря. Я эту рухлядь и при двукратном ускорении не рискнула бы поднять.

— Что с ним?

— Никогда не видела более отвратительного... нет, уж лучше сам посмотри. Ты не доверяешь моим инженерным познаниям.

— Что ты, Хейзел, я никогда не говорил, что не доверяю тебе.

— Но это так. Ты мне зубы не заговаривай — я знаю. Иди, проверь сам. Сделаем вид, что я там не была.

Мистер Стоун встал и направился к выходу, раздраженно бормоча:

— Никогда я не говорил, что ты не разбираешься в двигателях. Если ты про тот проект эстакады, так это было десять лет назад. Пора уж простить меня за то, что я тогда оказался прав.

К удивлению близнецов, Хейзел не стала продолжать спор, а спокойно последовала за сыном в выходной отсек. Мистер Стоун стал спускаться по веревочной лестнице. Кастор отвел бабушку в сторону, выключил ее и свое радио и приблизил свой шлем к ее шлему, чтобы поговорить по секрету.

— Хейзел, что там с двигателем? Мы с Полом смотрели этот корабль на той неделе, и ничего особенно скверного я не заметил.

Хейзел посмотрела на внука с глубокой жалостью.

— Ты что, совсем того? Там же только четыре места.

— А-а...— Кастор включил радио и молча последовал вниз за отцом и братом.

На корме следующего корабля, к которому они подошли, значилось: «Херувим. Рим-III». Он принадлежал к серии «ангел» «Карлотти моторс», хотя мало походил на могучего архангела. Корабль оказался небольшим — всего сто пятьдесят футов высотой,— но ладным, ему было лет двадцать. Мистер Стоун сначала не хотел его осматривать.

— Слишком велик для нас,— заметил он.— Мне торговый корабль не нужен.

— Велик? — переспросила Хейзел.— Это как посмотреть. Разве что в финансовом отношении, но не по размеру. Подумай, что это будет за прелесть при пустом трюме. Я люблю, когда корабль скачет, если я кручу ему хвост — да и ты тоже любишь.

— М-м-м, да,— сознался мистер Стоун.— Ну, за погляд денег не берут.

— Ты с каждым днем рассуждаешь все более здраво, сынок.— И Хейзел полезла вверх по лестнице.

Корабль был заслуженный, он покрыл миллионы миль космоса, но в безвоздушном пространстве Луны сохранился и совсем не постарел со времени последнего запуска двигателя. Он просто дремал, ожидая срока, когда кто-нибудь придет и разбудит его, как спящую красавицу. Из него выкачали воздух, и в отсеках не было пыли. Почти все вспомогательное оборудование давно сняли и распродали, но сам корабль был чистенький и блестящий — хоть сейчас в космос.

Хейзел подметила в глазах сына пламя любви с первого взгляда. Обернувшись назад, она дала близнецам знак молчать. Из открытого входного отсека они прошли в жилое помещение: там были камбуз-столовая, две каютки и кубрик. Рубка помещалась отдельно, над ними, там же был и радиоузел. Роджер сразу же полез туда.

Под жилым отсеком был трюм, а еще ниже — машинное отделение. Корабль был грузовым судном, приспособленным для перевозки пассажиров. Можно также было назвать его пассажирским кораблем с грузовым трюмом. Из-за своей двойственной природы он и очутился, как горькая сирота, на стоянке подержанных кораблей Дэна. С грузом он двигался слишком медленно, чтобы выдержать состязание с быстроходными лайнерами, и слишком мало мог принять пассажиров, чтобы можно было заработать на их перевозке без груза. Несмотря на добротность постройки, корабль не выдержал бешеной гонки делового мира.

Близнецы решили обследовать машинное отделение. Хейзел обошла жилой отсек, одобрительно покивала головой в камбузе и наконец поднялась в рубку. Там, в пилотском кресле, она увидела сына, руки его лежали на пульте. Хейзел опустилась на голый каркас соседнего кресла (пневматические подушки отсутствовали) и, повернув голову к Роджеру, крикнула:

— Готовность на всех постах, капитан!

Роджер посмотрел на нее и усмехнулся.

— Приготовиться к старту!

— Зеленый свет! — ответила она.— Вышка дала добро. Готовы к отсчету.

— Минус тридцать! Двадцать девять... двадцать восемь... А здорово все-таки,— усмехнулся Роджер.

— Чертовски здорово. Надо нам урвать свою долю, пока еще не совсем состарились. От этой городской жизни мы уже мхом поросли.

Роджер Стоун спустил длинные ноги с кресла.

— Да, надо бы. Точно надо.

Хейзел ударила подошвами своих ботинок в подошвы Роджера.

— Узнаю своего мальчика! Я еще сделаю из тебя мужчину. Пошли посмотрим, что поделывают близнецы.

Близнецы еще не вышли из машинного отделения. Роджер спустился туда первым и спросил Кастора:

— Ну, как оно, сын? Поднимется настолько, чтобы упасть?

Кастор наморщил лоб.

— Никаких неисправностей мы не нашли, но все стартовое оборудование отсутствует. Реактор стоит пустой.

— А ты как думал? — спросила Хейзел.— Не могли же они оставить горючее вещество на списанном корабле. Вся корма уже пропиталась бы радиацией, даже если бы топливо не украли.

— Хватит важничать, Хейзел,— сказал ей сын.— Кастор это знает. Проверим дату в бортжурнале и проведем металлургический анализ попозже — если столкуемся.

— Конь б-четыре,— ответила Хейзел.— Что, Роджер? Поджилки затряслись?

— Нет, мне нравится этот корабль... но не знаю, в состоянии ли я заплатить за него. Даже если б его отдали даром, все равно ремонт и подготовка к старту будут стоить уйму денег.

— Тьфу! Я сама займусь ремонтом, а Кас и Пол будут у меня на черных работах. Ты заплатишь только за док. А что насчет цены, будем решать проблемы по мере их поступления.

— Я сам прослежу за ремонтом.

— Значит, будем драться? Пошли узнаем, какую цену заломит Дэн Экизян на этот раз. И помни — говорить буду я.

— Минутку — я еще не сказал, что покупаю это корыто.

— Кто ж говорит, что покупаешь? Но приценяться не помешает. Я смогу уломать Дэна.

Дэн Экизян обрадовался им — вдвойне, когда узнал, что они интересуются не «детройтером-VII», а кораблем побольше и подороже. По настоянию Хейзел, она прошла с Экизяном в его кабинет, чтобы поговорить о цене. Мистер Стоун отпустил ее, зная, как беспощадно торгуется его мать, а сам с близнецами стал ждать в приемной. Спустя некоторое время мистер Экизян вызвал секретаршу.

Через несколько минут она вышла, а вскоре за ней — Экизян с Хейзел.

— Дело сделано,— важно заявила она.

Агент сердито ухмыльнулся, не выпуская изо рта сигары.

— Ваша мать — умнейшая женщина, господин мэр.

— Полегче! — сказал Роджер.— Вы оба что-то путаете. Я уже, слава богу, не мэр — и никакое дело еще не сделано. Ваши условия?

Экизян взглянул на Хейзел. Та поджала губы.

— Значит, так, сынок,— медленно сказала она.— Я слишком стара, чтобы ходить вокруг да около. Я могу умереть в своей постели, не дождавшись, пока ты рассмотришь вопрос со всех сторон. Поэтому я купила корабль.

— Ты?!

— Практически. У нас синдикат. Дэн дает корабль, я добываю груз — и мы с мальчиками летим на астероиды извлекать прибыль. Я всегда хотела побыть шкипером.

Кастор и Поллукс держались позади, слушая и наблюдая. После слов Хейзел Поллукс хотел было заговорить, но Кастор, перехватив его взгляд, покачал головой. Мистер Стоун взорвался:

— Это просто нелепо! Я тебе не разрешаю.

— Я совершеннолетняя, сынок.

— Мистер Экизян, вы, должно быть, с ума сошли.

Агент вынул изо рта сигару и посмотрел на ее кончик.

— Бизнес есть бизнес.

— Но уж моих сыновей вы не получите. Исключено!

— М-м-м...— сказала Хейзел.— Может, так, а может, нет. Давай спросим у них.

— Они, между прочим, несовершеннолетние.

— Да. Но вдруг они обратятся в суд и попросят назначить меня их опекуншей?

Мистер Стоун спокойно выслушал это и обратился к сыновьям:

— Кас, Пол, вы сговорились с бабушкой?

— Нет, сэр,— ответил Поллукс.

— А вы могли бы сделать то, о чем она говорит?

— Ты знаешь, папа,— ответил Кастор,— нам бы очень не хотелось этого делать.

— Но вы могли бы?

— Я этого не сказал, сэр.

— Так... Это откровенный шантаж, и я этого не потерплю. Мистер Экизян, вы знали, что я пришел сюда справиться о цене корабля. Вы знали, что моя мать должна вести переговоры как мой агент. Вы оба это знали — и заключили сделку, за моей спиной. Или вы отмените эту так называемую сделку, и мы начнем все сызнова, или я подам на вас жалобу в бюро деловых конфликтов.

Лицо Хейзел оставалось бесстрастным. Мистер Экизян изучал свои кольца.

— Вы рассуждаете резонно, мистер Стоун. Может быть, пройдем ко мне и поговорим?

— Очень вам советую.

Хейзел последовала за ними и дернула сына за рукав.

— Роджер, ты действительно хочешь купить этот корабль?

— Да, хочу.

— Тогда подпиши вот здесь и поставь отпечаток большого пальца.— И она указала на бумаги, лежавшие на столе у Экизяна.

Мистер Стоун стал читать. Там не упоминалось о сделке, о которой говорила Хейзел,— все бумаги были оформлены на него, как на покупателя корабля, который он только что осматривал, а проставленная цена была гораздо ниже той, что он собирался уплатить. Он быстро прикинул в уме и заключил, что Хейзел не только купила корабль по цене металлолома, но еще и так нажала на Экизяна, что тот вычел из общей суммы предполагаемую стоимость порезки корабля на куски.

В мертвой тишине Роджер взял авторучку мистера Экизяна и поставил свою подпись, а затем аккуратно приложил большой палец. И посмотрел в глаза матери.

— Хейзел, ты бесчестный человек, и ты плохо кончишь.

— Я же говорил, мистер Стоун, ваша мать — умнейшая женщина,— вздохнул мистер Экизян.— Я предложил ей партнерство.

— Значит, вы все-таки заключили сделку?

— Нет-нет, я предложил ей стать моим компаньоном по продаже.

— Но я не согласилась,— сказала Хейзел.— Мне нужно жизненное пространство.

Роджер усмехнулся и встал, пожав плечами.

— Ну, так кто у нас шкипер?

— Вы, капитан.

Когда они вышли, близнецы спросили:

— Папа, ты купил его?

— Не называйте его папой,— ответила Хейзел,— ему больше нравится «капитан».

— О-о!

— Скажу и я «о-о»,— откликнулся Поллукс.

Доктор Стоун сказала только:

— Да, дорогой, я уже предупредила, что мы освобождаем квартиру.

Мид была на грани помешательства, Лоуэлл совсем спятил. После обеда Хейзел с близнецами повели Мид и младшего смотреть корабль. Доктор Стоун, которую в свое время не смог взволновать даже Великий метеорный дождь, осталась дома с мужем. Мистер Стоун принялся составлять списки того, что следовало сделать в городе и на корабле. Под конец он составил следующий перечень:

Я — шкипер

Кастор — ст. помощник и пилот

Мид — второй помощник и подручный кока

Хейзел — гл. инженер

Поллукс — инженер и сменный пилот

Эдит — корабельный врач и кок

Вундер — суперкарго

Мистер Стоун перечитал список и пробурчал под нос:

— Чувствую я — ничего из этого не выйдет.

Глава 4
СЕМЕЙНЫЙ ПОДРЯД

Мистер Стоун никому не показывал список экипажа. Он знал, что близнецы полетят вместе со всеми, но воздерживался от того,

чтобы объявить это публично. Тема оставалась закрытой, пока корабль ремонтировали и готовили к путешествию.

Почти всю работу делали близнецы под надзором Хейзел, а отец время от времени вмешивался и оспаривал ее решения. В таких случаях близнецы обычно молча делали то, что сами считали нужным. Они не очень-то полагались на опыт и знания взрослых. Огромный природный талант к механике и общая одаренность породили в них заносчивость и петушиное самомнение — им казалось, что они знают гораздо больше, чем знали на самом деле.

Анархия и самоуправство проявились во всей красе, когда дело дошло до ремонта регулятора расхода топлива. Мистер Стоун постановил — и Хейзел с ним согласилась,— что все устройство следует разобрать, осмотреть внутренние поверхности, проверить все допуски, а прокладки заменить. Регулятор работал при сравнительно низком давлении, и прокладки были не металлические, а силиконовые.

В Луна-Сити таких прокладок не было, пришлось их заказывать на Земле, что и сделал мистер Стоун. Однако старые прокладки тоже как будто были в превосходном состоянии, и Поллукс сразу обратил на это внимание, когда разобрал регулятор.

— Хейзел, почему бы не оставить эти? Смотри, они как новенькие.

Бабушка взяла прокладку, осмотрела ее, согнула и вернула внуку.

— Да, они еще вполне годные — оставьте про запас.

— Пол не о том говорит,— сказал Кастор.— Новые прокладки нужно отправлять из Рима на Пайкс Пик, а потом сюда. Три дня пройдет, а то и неделя. А мы ничем другим не можем заняться, пока не разгребем эту грязь.

— Можно пока работать в рубке. Ваш отец хочет заменить все детали, которые подвержены износу.

— Вот тягомотина! Папа слишком часто смотрит в книгу, ты сама так говоришь.

Хейзел смерила взглядом неуклюжего в своем скафандре внука.

— Слушай, недомерок, твой отец — инженер первой категории. У меня есть право критиковать его, а у тебя нет.

— Хейзел, давай не будем переходить на личности,— торопливо вмешался Поллукс.— Скажи нам свое беспристрастное мнение как профессионал: можно оставить эти прокладки или нет?

— Ну... по-моему, они годятся. Можете передать отцу, что я так сказала. Он должен заглянуть сюда с минуты на минуту.— Думаю, он согласится.— Она выпрямилась.— А мне надо идти.

Но мистер Стоун так и не показался. Близнецы долго ждали, занимаясь тем временем подготовительными работами на подогревателе. Наконец Поллукс спросил:

— Который час?

— Пятый.

— Папа сегодня уже не придет. Слушай, ведь прокладки в полном порядке, и два против пяти, что он и не заметит разницы.

— Он бы разрешил, если бы видел их.

— Дай-ка мне ключ.

Вместо отца опять пришла Хейзел, но к тому времени близнецы уже собрали регулятор и разобрали подогреватель. Хейзел ничего не спросила про регулятор, а поползла на животе с фонариком и зеркальцем осматривать подогреватель изнутри. Хрупкая Хейзел, хоть и оставалась проворной, как белка, в легком поле притяжения Луны, не могла выполнять тяжелую работу и орудовать гаечным ключом, зато глаз у нее был острее, чем у близнецов, и гораздо более наметанный. Вскоре она вылезла обратно.

— Выглядит хорошо,— объявила она.— Завтра можно собирать. Пошли поглядим, что там кок наготовил.

Хейзел помогла близнецам отсоединить кислородные шланги от корабельного резервуара и снова прикрепить их к ранцам скафандров. Все трое спустились вниз и вернулись в Луна-Сити.

Обед прошел в горячих спорах по поводу следующей серии «Бичей космоса». Хейзел продолжала сочинять сценарий, но все семейство, за исключением доктора Стоун, настаивало на собственных вариантах насилия и членовредительства, которые должны претерпеть герои. Только закурив первую послеобеденную трубку, мистер Стоун осведомился о результатах рабочего дня.

Кастор сказал, что они завтра соберут подогреватель. Мистер Стоун кивнул.

— Хороший темп взяли, молодцы! Погодите-ка — вам ведь все равно придется его снимать, чтобы поставить... или прокладки уже прислали? А я думал, их еще нет.

— Какие прокладки? — невинно спросил Поллукс.

Хейзел быстро взглянула на него, но промолчала.

— Прокладки регулятора расхода, само собой.

— Ах, эти! — пожал плечами Поллукс.— Они были в порядке до девяти десятичных знаков, и мы их поставили обратно.

— Ах вот как? Интересно. Завтра можете их вынуть снова — и я буду стоять рядом, когда будете ставить новые.

— Но, папа, Хейзел сказала, что они годятся! — взвился Кастор.

— Это так, Хейзел? — посмотрел на мать мистер Стоун.

Хейзел замялась, сознавая, что недостаточно твердо внушила близнецам мысль о том, что распоряжения отца должны исполняться буквально. А с другой стороны, она ведь велела им посоветоваться с отцом. Велела, кажется?

— Прокладки были в норме, Роджер. Ничего страшного.

Он задумчиво посмотрел на нее.

— Значит, сочла нужным изменить мои указания? Хейзел, ты напрашиваешься на то, чтобы тебя оставили?

Хейзел подметила в его голосе зловещую мягкость и, прикусив язык, ответила просто:

— Нет.

— Что «нет»?

— Нет, капитан.

— Может, еще и не капитан, но такова установка. Ну, а вы, питекантропы,— обратился он к близнецам,— правильно понимаете эту ситуацию?

Кастор закусил губу. Поллукс перевел взгляд с брата на отца.

— Это ты, папа, неправильно понимаешь ситуацию. Ты поднимаешь шум по пустякам. Если тебе это доставит удовольствие, мы снова разберем регулятор — и ты сам убедишься, что мы были правы. Если б ты видел эти прокладки, ты бы разрешил.

— Возможно. Почти наверняка. Но указания шкипера относительно подготовки его корабля для полета в космос — это не предмет для обсуждения механиков ремонтного дока, кем вы в данный момент и являетесь. Это понятно?

— Ладно, мы просто тебя не дождались. Завтра мы разберем регулятор, ты увидишь, что мы были правы, и мы его снова соберем.

— Ошибаешься. Завтра вы пойдете, разберете регулятор и принесете мне сюда старые прокладки. А потом будете сидеть дома и

ждать, пока не пришлют новые. Можете провести это время в размышлениях о том, что приказы надо выполнять.

— Подожди, папа! — сказал Кастор.— Ты нас так задержишь на несколько дней.

— Не говоря уже о том, что мы и сейчас теряем с тобой рабочее время,— добавил Поллукс.

Кастор:

— Нельзя же ожидать, что корабль будет готов, если все время толкать нас под руку!

Поллукс:

— И не забывай, что мы экономим твои деньги.

Кастор:

— *Верно!* Ремонт тебе ни гроша не стоит!

Поллукс:

— А ты еще играешь в корабельную дисциплину.

Кастор:

— Просто руки опускаются, и все!

— Заткнитесь!

Отец встал и схватил сыновей за шиворот. Лунное притяжение, одна шестая земного, позволило ему оторвать их от пола и держать так на вытянутых руках подальше друг от друга.

Близнецы беспомощно дергались, но не могли ни за что ухватиться.

— А ну, слушайте меня,— приказал отец.— До этого момента я все не мог решить окончательно — брать вас, дикарей, с собой или нет. А вот теперь решил.

Близнецы помолчали, и Поллукс скорбно спросил:

— Значит, мы не полетим?

— Нет, вы полетите. Вы гораздо больше нуждаетесь в корабельной дисциплине, чем в обучении наукам. Современные школы недостаточно суровы для таких, как вы. У меня на корабле должен быть порядок — повиноваться быстро, весело, одна нога здесь, другая там! В противном случае последует строгое взыскание. Поняли? Кастор?

— Да, сэр.

— Поллукс?

— Так точно, сэр.

— Вот и запомните. Если вы в космосе начнете тявкать на меня так, как сейчас, я запихну вас друг другу в глотку.— Отец ловко стукнул близнецов головами и отпустил.

На другой день, возвращаясь домой со старыми прокладками, близнецы зашли в городскую библиотеку. Четыре дня простоя они провели, штудируя космическое право. Это оказалось весьма отрезвляющим чтением, особенно закон о правах командира корабля в космосе. Закон гласил, что командир — лицо независимое и может и должен отстаивать свою власть, если кто-либо вознамерится узурпировать или оспаривать ее. Некоторые примеры вселяли в них трепет. Так, они прочли о капитане торгового судна, который в качестве верховного судьи вынес приговор — выбросить мятежника из выходного отсека, и у того лопнули легкие в вакууме, и он захлебнулся собственной кровью.

Поллукс скорчил гримасу.

— Дедуля,— спросил он,— как бы тебе понравилось, если б тебя выкинули в космос?

— За этим нет будущего. Вакуум — малопитательная штука. Низкое содержание витаминов.

— Надо бы нам остерегаться и не раздражать отца. Ему капитанство в голову ударило.

— Ударило или нет, а после старта капитанство станет таким же законным, как церковь в воскресенье. Но отец ведь не выбросит нас в космос, что бы мы ни сделали.

— Ты на это не рассчитывай. Папаша становится очень крутым мужиком, когда забывает, что он — любящий отец.

— Что-то ты очень разволновался, юнец.

— Да? Когда почувствуешь, как падает давление, вспомни мои слова.

Еще раньше было решено, что корабль не останется «Херувимом». Однако в отношении нового названия такого единодушия не наблюдалось. После нескольких шумных споров доктор Стоун, у которой собственных идей не было, предложила поставить на обеденном столе коробку и опускать в нее свои предложения без лишних прений. Бумажки копились неделю, потом коробку открыли.

Доктор Стоун выписала все варианты:

Неустрашимый
Икар
Курятник
Сьюзен Б. Энтони
Корабль его величества «Передник»
Железный герцог
Ветошь
Утренняя звезда
Звездный фургон
Странник
Ко всем чертям
Шалтай-Болтай
Вперед
Викинг

— Можно было надеяться,— проворчал Роджер,— что поскольку вокруг этого стола собралось столько хваленых умников, то хоть один проявит что-то похожее на оригинальность. Почти все названия из этого списка можно найти в Большом регистре, причем половина кораблей еще на ходу. Предлагаю выкинуть все избитые, затертые, бывшие в употреблении имена и рассматривать только оригинальные.

Хейзел подозрительно посмотрела на него.

— Что же тогда останется?

— Ну...

— Ты и раньше подглядывал, правда? По-моему, я видела, как ты читал бумажки еще до завтрака.

— Мать, твое обвинение лишено почвы, неуместно и недостойно тебя.

— Зато справедливо. Ладно, давайте голосовать. Или кто-нибудь хочет произнести предвыборную речь?

Доктор Стоун постучала по столу наперстком.

— Будем голосовать. У меня еще сегодня собрание медицинской ассоциации.

В качестве председателя, она постановила, что название, получившее в первом туре менее двух голосов, исключается. Голосование было тайным. Когда Мид подвела итоги, оказалось, что семь названий получили по одному голосу, а два голоса не получило ни одно.

Роджер Стоун встал и отодвинул стул.

— Вряд ли следовало ожидать согласия в этой семье. Я иду спать. А утром зарегистрирую корабль под названием «Тупик».

— Ну что ты, папа! — ужаснулась Мид.

— Вот увидишь. А еще лучше «Власяница». Или «Сумасшедший дом».

— Неплохо,— согласилась Хейзел.— Похоже на нас. С нами не соскучишься.

— Ну, что касается меня,— возразил Роджер,— я был бы не против некоторой доли пристойного однообразия.

— Чепуха! Наша стихия — перемены. Для таких перекати-поле, как мы...

— Что такое перекати-поле, бабушка Хейзел? — спросил Лоуэлл.

— Это... ну, такое растение.

Роджер щелкнул пальцами.

— Хейзел, ты только что дала имя кораблю.

— То есть как?

— «Перекати-поле». Нет, «Перекати-Стоун».

— Мне нравится, Роджер,— сказала доктор Стоун.

— Мид?

— Хорошо звучит, папа.

— Хейзел?

— Это один из твоих светлых дней, сынок.

— Если убрать завуалированное оскорбление, то это, полагаю, означает «да».

— А мне не нравится,— заметил Поллукс.— «Перекати-поле», «голь перекатная». Мы-то с Касом собрались разбогатеть.

— Четверо против троих, даже если вы переманите Вундера на свою сторону. Большинство. «Перекати-Стоун».

Несмотря на большие размеры и огромную мощность, космические корабли устроены, в сущности, очень просто. Любая техника проходит три стадии развития. Первая — это простой, грубый и неэффективный механизм. Вторая — невероятно усложненный механизм, способный возместить недостатки первого и достигающий определенной производительности путем чрезвычайно сложных компромиссов. Третья, заключительная,— это изящная простота и высокая произво-

дительность, основанная на правильном понимании законов природы и, соответственно, на правильном конструировании.

В области транспорта первую стадию представляет повозка, запряженная волами, и весельная лодка.

Вторую стадию с успехом может представлять автомобиль середины двадцатого века до начала межпланетных полетов. Эти ошеломляющие музейные экспонаты были для своего времени быстрыми, красивыми и мощными машинами, но внутри у них находилась целая коллекция механических нелепостей. Первичный двигатель сей колесницы человек мог бы свободно держать у себя на коленях. В остальном этот безумный механизм состоял из скопища задних мыслей, призванных исправить неисправимое, то есть фундаментальную ошибку конструирования: автомобилям и даже первым самолетам источником энергии (если его можно так назвать) служил поршневой двигатель.

В поршневом двигателе было несколько миниатюрных тепловых двигателей, использующих — в изначально непроизводительном цикле — небольшой процент тепла экзотермической химической реакции, которая прерывалась и вновь возобновлялась каждую долю секунды. Большая часть этого тепла преднамеренно сбрасывалась в «водяную рубашку», или «систему охлаждения», а потом через теплообменное устройство уходила в атмосферу.

Под действием того немногого, что оставалось, металлические болванки сновали взад-вперед как ненормальные (отсюда и название «поршневой») и через передаточный механизм заставляли вращаться вал и маховик. Маховик не обладал стабилизирующими свойствами (хотите верьте, хотите нет). Его задачей было копить кинетическую энергию в тщетной попытке покрыть грехи поршневого механизма. Вал наконец-то заставлял вращаться колеса, и таким образом эта куча железа ехала по дороге.

Первичный двигатель использовался только для ускорения и преодоления «трения» — это понятие тогда широко применялось в технике. При торможении, остановке и повороте герой-водитель использовал силу собственных мускулов, с грехом пополам увеличенную путем системы рычагов.

Несмотря на название «автомобиль», в этих машинах не было автоматического управления. Управление, как умел, осуществлял

человек, долгими часами тараща глаза за грязное органическое стекло. Он без всякой помощи и порой с катастрофическими последствиями оценивал собственное движение и движение других машин. В большинстве случаев водитель понятия не имел о количестве кинетической энергии, накопившейся в машине, и не смог бы составить простейшего уравнения. Ньютоновы законы движения были для него столь же глубокой тайной, что и сущность Вселенной.

Тем не менее на Земле кишели миллионы этих механических недоразумений, чудом не сталкиваясь — или сталкиваясь — друг с другом. Ни один автомобиль не работал как полагается. Они по природе своей не могли работать как полагается. И постоянно выходили из строя. Их водители были чрезвычайно довольны, если они работали вообще. А когда они переставали работать, что случалось через каждые несколько сотен миль (сотен, а не сотен тысяч), тогда нанимался человек из касты посвященных, который проделывал недолговечный и всегда дорогостоящий ремонт.

Несмотря на безумное несовершенство, автомобили служили мерилом достатка хозяев и были самой большой ценностью своего времени. Целых три поколения людей были их рабами.

«Перекати-Стоун» представлял третью стадию развития техники. КПД его двигателя равнялся почти ста процентам, и на корабле почти не было движущихся частей, кроме гироскопов, а в двигателе их не было вовсе. Ракетный двигатель — самый простой из всех тепловых двигателей. Может, Кастора с Поллуксом и поставил бы в тупик легендарный автомобиль «форд-Т», но «Перекати-Стоун» был далеко не таким сложным — он просто был гораздо больше. Многие детали, с которыми близнецам приходилось иметь дело, были очень тяжелыми, но одна шестая земного притяжения весьма облегчала работу, и братья только изредка прибегали к подъемным механизмам.

Скафандры были помехой во время ремонта, но близнецы этого не замечали. Они надевали скафандры, выходя из искусственной атмосферы подземного города, с тех пор как себя помнили. Они носили скафандры и работали в них, не думая об этом так же, как их дед в комбинезоне. Воздух на корабле во время ремонта нагнетать не стали — неохота было то и дело пользоваться шлюзом, одеваться и раздеваться при каждом выходе.

Городской представитель компании УВМ поставил им новый баллистический компьютер и включил его, но после ухода техника близнецы разобрали компьютер и тщательно проверили его сами, питая глубокое недоверие к проверке, производимой поставщиком. Баллистический компьютер корабля должен быть верен — иначе корабль превращается в обезумевшего робота, который непременно разобьется и погубит своих пассажиров. Новый компьютер принадлежал к виду «третий раз повторяю». Это был тройной мозг, каждая треть которого могла самостоятельно решить определенную задачу. Если одна треть давала сбой, две другие, объединившись, отсекали ее, обеспечивая этим хотя бы одну точную посадку и возможность исправить ошибку.

Близнецы лично убедились, что все три доли электронного мозга находятся в здравом уме, но отец и бабушка, к их неудовольствию, проверили все еще раз после них.

Просветили рентгеном последнюю отливку, получили последний металлургический анализ из лаборатории космопорта, последний отрезок трубопровода поставили на место и проверили герметичность. Настала пора перевозить «Перекати-Стоун» со стоянки Дэна Экизяна в порт, где представитель Комитета атомной энергии — засаленная обезьянка с докторской степенью по физике — вложит в «котел» корабля радиоактивные кирпичики и опечатает его. Там же корабль возьмет запасы и топливо — стабилизированный моноатомный водород. «Перекати-Стоун» мог при необходимости работать на чем угодно, но лучше всего он работал на атомарном водороде.

Накануне перевозки корабля в порт близнецы подступили к отцу с разговором на дорогую их сердцу тему — о деньгах. Кастор начал издалека:

— Папа, мы хотим серьезно поговорить с тобой.

— Да? Погодите, я позвоню адвокату.

— Ну, папа! Мы просто хотели узнать — ты уже решил, куда мы отправимся?

— А вам-то что за дело? Я же вам обещал, что это будет новое для вас место. Ни на Землю, ни на Венеру мы на этот раз не полетим.

— Да, но куда?

— А вот закрою глаза да ткну пальцем в компьютер. Если он покажет какой-нибудь камушек побольше «Стоуна», туда мы и двинем. Только так и получаешь удовольствие от путешествия.

— Но, папа,— сказал Поллукс,— как же грузить корабль, если не знаешь, куда направляешься?

Кастор сверкнул на него глазами, а отец пристально посмотрел.

— Ага, начинаю понимать. Но вы не беспокойтесь — я, как шкипер, отвечаю за то, чтобы у нас на борту перед стартом было все необходимое.

— Не дразни их, Роджер,— спокойно сказала доктор Стоун.

— А я не дразню.

— Нет, дразнишь — и меня тоже,— неожиданно отозвалась Мид.— Давайте решим этот вопрос. Я — за Марс.

— Ясное дело, за что ж еще,— сказала Хейзел.

— Умолкни, мать. Было время, когда все делали то, что скажет старший мужчина в семье...

— Роджер, если ты думаешь, что я сейчас лягу и притворюсь мертвой...

— Я сказал, умолкни. А в этой семейке все только и думают, как бы обойти папашу. Мид подлизывается. Близнецы наседают на меня. Вундер вопит, пока не получит то, чего хочет. Хейзел задирает меня и претендует на старшинство. И ты тоже, Эдит. Сначала поддаешься, а потом делаешь все по-своему.

— Да, дорогой.

— Поняли, к чему я веду? Вы все думаете, что папа — лопух, но это не так. Пусть у меня слабая голова, податливый характер и, возможно, самый низкий коэффициент умственного развития в семье, но эта наша рыбалка пойдет так, как захочу я.

— Что такое рыбалка? — заинтересовался Лоуэлл.

— Эдит, уйми ребенка.

— Да, дорогой.

— Я собрался на пикник, на Wanderjahr*. Кто хочет со мной — милости прошу. Но я ни на миллион миль не отклонюсь от орбиты, которая меня устроит. Я купил этот корабль на деньги, заработанные вопреки противодействию всей семьи. Не тронул ни цента из

* Поход *(нем.)*.

денег наших юных карточных баронов и не намерен позволять им командовать здесь.

— Они просто спросили, куда мы летим,— мирно сказала доктор Стоун.— Мне бы тоже хотелось это знать.

— Да, спросили. Но зачем? Кастор, ты хочешь это знать, чтобы придумать, какой брать груз, так или нет?

— Ну да. А что тут такого особенного? Если мы не будем знать, на какой рынок направляемся, то куда же вкладывать капитал?

— Это верно. Но я не припомню, чтобы давал разрешение на подобные коммерческие авантюры. «Перекати-Стоун» — семейная яхта.

— Бога ради, папа! — вмешался Поллукс.— Ведь все грузовое помещение будет пустовать.

— Пустой трюм увеличивает возможность маневра.

— Но ведь...

— Спокойно. Тема временно закрывается. А вот как вы двое предполагаете продолжать свое образование?

— Я думал, это решено,— сказал Кастор.— Ты сказал, что мы летим.

— Частично решено. Но мы ведь вернемся через пару лет. Намерены вы тогда отправиться на Землю и получить там диплом?

Близнецы молча переглянулись. Вмешалась Хейзел:

— Ну зачем быть таким ортодоксом, Роджер? Я возьму на себя заботу об их образовании. Дам им все, что нужно. Меня школьная наука чуть не загубила вконец, пока я не поумнела и не взялась сама себя обучать.

Роджер уныло посмотрел на мать.

— Значит, ты берешься их обучать. Нет, спасибо. Предпочитаю более нормальный подход.

— Нормальный! Роджер, это слово ничего не значит.

— Может, здесь и не значит. Но я хочу, чтобы близнецы выросли настолько нормальными, насколько это возможно.

— Роджер, а ты встречал когда-нибудь нормальных людей? Я — никогда. Так называемый нормальный человек — это воображаемый образ. Любой представитель рода человеческого, начиная с пещерного человека Йо-Йо и кончая высшим продуктом цивилизации, то есть мной, так же эксцентричен, как ручной енот — стоит только застать его без маски.

— Что касается тебя — тут спору нет.

— Это всех касается. Ты пытаешься сделать близнецов «нормальными», а сам только задерживаешь их рост.

— Ну довольно! — Роджер Стоун встал.— Кастор, Поллукс — пойдемте со мной. Просим нас извинить.

— Да, дорогой.

— Слабак,— сказала Хейзел.— Я только начала разогреваться для обличительной речи.

Отец увел близнецов к себе в кабинет и закрыл дверь.

— Садитесь.— Близнецы сели.— Теперь можно поговорить спокойно. Ребята, я серьезно беспокоюсь о вашем образовании. Можете жить, как хотите,— стать пиратами или добиться избрания в Большой Совет, но вырасти неучами я вам не дам.

— Конечно, папа,— ответил Кастор,— но мы же учимся. Мы все время учимся. Ты сам говорил, что из нас инженеры получше, чем из половины тех сопляков, что присылают с Земли.

— Допустим. Но этого недостаточно. Нет, я не спорю — большинство предметов вы можете изучить самостоятельно, но я хочу заложить в вас правильную, систематическую, незыблемую основу математических знаний.

— Да мы на дифференциальных уравнениях собаку съели!

— Мы учебник Хадсона наизусть знаем,— добавил Поллукс.— Мы делаем в уме тройное интегрирование быстрее, чем Хейзел. Если уж мы и знаем что-нибудь, так это математику.

Роджер Стоун грустно покачал головой.

— Вы можете считать на пальцах, но рассуждать не умеете. Вы, наверно, думаете, что интервал между нулем и единицей равен интервалу между девяносто девятью и ста?

— А разве нет?

— А разве да? Если так — можете вы это доказать? — Роджер снял с полки кассету с пленкой и вставил ее в свой учебный проектор. Перемотав пленку, он спроецировал нужную страницу на стенной экран. Это была таблица разделов математики, которые успел к тому времени изобрести человеческий разум.— Посмотрим, както вы разбираетесь в этой таблице.

Близнецы заморгали. В левом верхнем углу были названия дисциплин, которые они изучили; дальше простиралась неизвестная территория. Даже большинство названий было им незнакомо. Близ-

нецы действительно разбирались в различных технических вычислениях — тут они не хвастали. Они достаточно освоили векторный анализ, чтобы самостоятельно разбираться в электротехнике и электронике; достаточно хорошо знали классическую геометрию и тригонометрию, чтобы владеть астрогацией, и были достаточно подкованы в неэвклидовой геометрии, тензорном исчислении, статистической механике и квантовой теории, чтобы управлять ядерной установкой.

Но им не приходило в голову, что они еще и не вступали толком в огромную и полную чудес страну математики.

— Папа,— тихонько спросил Поллукс,— что такое «гипертеория»?

— Самое время, чтобы ты это узнал.

Кастор подозрительно посмотрел на отца.

— А ты сам-то учил все это, папа?

— Не все. Не совсем все. Но мои сыновья должны знать больше, чем я.

Порешили на том, что во время полета близнецы будут усиленно заниматься математикой, и не только под довольно поверхностным руководством отца и бабушки — занятия будут вестись систематически, по заданиям заочных курсов, получаемых с Земли. Они возьмут с собой столько пленок, чтобы хватило на год, а выполненные задания будут отсылать из каждого порта, куда будут заходить. Мистер Стоун удовлетворился этим — в глубине души он считал, что человек, овладевший математическим инструментарием, может одолеть любую науку,— с наставником или без него.

— Теперь, ребята, насчет вашего груза.

Близнецы навострили уши.

— Так и быть, я его возьму.

— Ух как здорово, па!

— Но с условием. Вы представите мне расчеты, и я их проверю. Не пытайтесь надуть меня, не то наложу штраф. Хотите стать бизнесменами, так не путайте свою профессию с надувательством.

— Есть, сэр. Только... мы не можем определиться, пока не узнаем, куда летим.

— Это верно. Ну что ж — подойдет вам Марс в качестве первой станции?

— Марс? — Близнецы устремили взор в пространство и беззвучно зашевелили губами.

— Ну, хватит подсчитывать прибыль — вы пока не на Марсе.

— Марс? Это просто отлично!

— Очень хорошо. Еще одно: отстанете в занятиях — и я вам медного свистка не дам продать.

— Мы будем заниматься, папа!

И близнецы поскорей удалились. Роджер Стоун посмотрел на закрытую дверь с нежной улыбкой, которую редко позволял видеть близнецам. Хорошие парни! Какое счастье, что небо не наградило его парочкой послушных, воспитанных пай-мальчиков!

Добравшись до своей комнаты, Кастор схватился за сводный каталог компании «Экспорт Четырех Планет».

— Кас...— начал Поллукс.

— Не приставай.

— Ты заметил, что отец как будто всем уступает, а на деле всегда добивается своего?

— Конечно. Подай-ка мне логарифмическую линейку.

Глава 5
СТАРТ

«Перекати-Стоуна» перевозила в космопорт бригада портовых рабочих, несмотря на протесты близнецов, которые хотели взять напрокат трактор и платформу и проделать это самостоятельно. Они хотели выполнить эту работу за половинную стоимость, а оставшуюся половину вложить в свой фрахт.

— Застрахуете? — поинтересовался отец.

— Да нет,— ответил Поллукс.

— Мы берем риск на себя,— добавил Кастор.— У нас ведь есть актив, чтобы его покрыть.

Но Роджер Стоун не дал себя уговорить — он предпочел, и не без основания, чтобы эту тонкую работу проделали настоящие профессионалы. Космический корабль на планете почти так же беспомощен и неуклюж, как выброшенный на берег кит. Пока корабль стоит на хвосте носом в небо, с остановленными гироскопами, его

кое-как поддерживают в равновесии три боковые опоры. Чтобы перевезти корабль на новое место, нужно оторвать эти опоры от грунта — и тогда он может перевернуться от малейшего сотрясения. «Перекати-Стоун» надо было перевезти через горное ущелье в порт, который находился в десяти милях от стоянки. Сначала корабль подняли домкратом так, чтобы хвост оказался в двух футах над грунтом, потом подвели под него широкую платформу и закрепили корабль на ней. Один рабочий управлял трактором, другой сидел в рубке. Не сводя глаз с пузырька в нивелире, связанный телефоном со своим напарником, он держался за рукоятку, управляющую равновесием корабля. Под каждым хвостовым стабилизатором находился гидравлический ртутный цилиндр, и рабочий с помощью рукоятки мог подать давление в любой из трех цилиндров, чтобы выровнять возможное отклонение в пути.

Близнецы сопровождали его наверх.

— Да это легко,— заметил Поллукс, когда рабочий проверил ручку при опущенных опорах.

— Легко,— согласился рабочий,— если сможешь угадать, что хочет выкинуть этот старый хрыч, и сделаешь как раз наоборот — причем раньше него. А теперь катитесь — сейчас отправляемся.

— Послушайте, мистер,— сказал Кастор,— мы тоже хотим поучиться. Мы будем тихо сидеть.

— Даже с пристегнутыми ремнями вы мне ни к чему — дернете бровью и сбросите мне полградуса.

— Да какого черта! — возмутился Поллукс.— Чей это корабль, по-вашему?

— Пока мой,— беззаботно ответил рабочий.— Сами слезете, или скинуть вас с лестницы?

Близнецы слезли сами — неохотно, но быстро. «Перекати-Стоун», который мог двигаться в космосе со скоростью метеора, отправился в космопорт со скоростью от силы две мили в час. На перевозку ушел почти весь гринвичский день. Был один критический момент в ущелье, когда корабль закачался от легкого подлунного толчка, но верхний рабочий опустил опоры, насколько позволяла почва. Корабль подскочил на второй опоре, рабочий выровнял его, и «Перекати-Стоун» продолжил свое величественное шествие.

Глядя на это, Поллукс сказал Кастору — хорошо, что их не взяли на эту работу. Он начинал понимать, что это — особое искусство, вроде выдувания стекла или вытесывания кремневых наконечников для стрел. Вспоминались рассказы о Большом толчке тридцать первого года, когда перевернулось девять кораблей.

Больше сотрясений не наблюдалось, кроме едва ощутимой постоянной дрожи Луны под влиянием мощных приливов и отливов на Земле, которая была в восемь раз тяжелее. Наконец «Перекати-Стоун» добрался до стартовой площадки на восточной стороне Лейпорта и уперся двигателем в отражательный щит. Ядерное топливо, вода, необходимый запас продовольствия — и он будет готов отправиться куда угодно.

Мифический средний человек нуждается ежедневно в трех с половиной фунтах продовольствия, четырех фунтах воды (для питья, а не для умывания) и в тридцати четырех фунтах воздуха. Перелет на Марс от системы Земля-Луна по наиболее экономичной орбите занимает тридцать семь недель. Получается, что на семерых перекати-стоунов в один рейс требуется взять семьдесят пять тысяч фунтов продовольствия, воды и воздуха — около тонны на неделю.

К счастью, истина не столь мрачна, не то им никогда не удалось бы взлететь. Воздух и воду на космическом корабле можно использовать вновь и вновь после соответствующей регенераций — так же, как это происходит на планете. Неисчислимые триллионы живых существ миллионы лет дышали воздухом Земли и пили из ее источников, однако воздух на Земле по-прежнему свеж, а реки полны воды. Солнце высасывает из вод океана облака, из которых проливается благодатный дождь; растения, которыми изобилуют прохладные зеленые взгорья и пышные долины Земли, усваивают из воздуха углекислый газ, выдыхаемый животными, и превращают его в гидроокись углерода, заменяя чистым кислородом.

Оснащенный надлежащим образом космический корабль может существовать точно так же.

Вода дистиллируется. При бесконечном вакууме вокруг корабля, низкой температуре и низком давлении дистилляция становится дешевым и легким делом. Вода на корабле — не проблема, или, скорее, нет проблемы с недостатком воды. Вопрос в том, куда девать ее избыток — ведь в процессе обмена веществ человеческий орга-

низм тоже выделяет воду, сжигая водород, получаемый с питанием. Углекислый газ можно заменять кислородом с помощью «земледелия без земли» — гидропоники. Корабли, совершающие короткие рейсы, например челноки Земля-Луна, всем этим не оборудованы, как велосипед не оборудован каютами или камбузом, но «Перекати-Стоун», предназначенный для глубокого космоса, был оснащен соответственно.

Вместо сорока одного с половиной фунта довольствия на человека в день «Стоун» мог обойтись двумя. Ради пущей безопасности и полного благополучия, в расчет было взято три фунта, или всего восемь тонн, включая личный багаж. Свои овощи они вырастят в пути, а большинство продуктов поступало на борт в сушеном виде. Мид хотела взять свежие яйца, но законы физики и мать ей не позволили — яичный порошок намного легче.

Багаж включал в себя не только популярные видеофильмы, но и целую груду книг. Вся семья, за исключением близнецов, питала старомодное пристрастие к книгам — они любили настоящие книги в твердых обложках, тома, которые можно держать на коленях. Фильмы — это все-таки не совсем то.

Роджер Стоун потребовал, чтобы сыновья представили ему список грузов, которые они хотели взять на Марс. Получив упомянутый список, он созвал близнецов на совещание.

— Кастор, ты не можешь разъяснить мне эту вашу декларацию?

— А что тут разъяснять-то? Пол все переписал, по-моему, вполне разборчиво.

— Боюсь, что слишком разборчиво. Зачем столько медных труб?

— Мы их покупаем на вес. Медь на Марсе всегда пользуется спросом.

— Ты хочешь сказать, что вы их уже купили?

— Да нет. Только дали небольшой задаток, чтобы их придержали для нас.

— То же, полагаю, относится и к арматуре?

— Да, сэр.

— Хорошо. Переходим к другим видам груза — тростниковый сахар, зерно, сушеный картофель, шлифованный рис. Это что такое?

— Кас предложил взять металл, а я — продукты,— ответил Поллукс,— и мы пошли на компромисс.

— А почему именно эти продукты?

— Это все выращивается в городском гидропонном питомнике, поэтому стоит дешево. Ты же видишь — ничего, что импортируется с Земли, тут нет.

— Вижу.

— Но почти во всем, что тут выращивается, слишком высокий процент воды. Ты же не собираешься везти на Марс огурцы, правда?

— Я вообще ничего не собираюсь везти на Марс — я просто путешествую.— Мистер Стоун отложил перечень грузов и взял другой листок.— Взгляните-ка сюда.

Поллукс с опаской взял листок.

— А что это?

— Я в свое время тоже был неплохим механиком. Меня заинтересовало — что же можно сделать из того «металла», который вы желаете погрузить. И у меня получился перегонный аппарат приличного размера. А из ваших «продуктов» на нем можно гнать что угодно — от водки до винного спирта. Но вы ведь, в невинности своей, конечно, и понятия об этом не имеете.

— Правда? — спросил Кастор.

— Вы мне скажите: вы намеревались сдать все это в государственное агентство по импорту или выбросить на рынок?

— Ну ты же знаешь, папа, что настоящую прибыль можно получить только на свободном рынке.

— Я так и думал. Вы полагали, что я не пойму, для чего нужен ваш товар, и полагали, что таможенники на Марсе этого тоже не поймут. Мальчики, я намерен беречь вас от тюрьмы, пока вы не достигнете совершеннолетия. А потом постараюсь навещать вас в каждый дозволенный день.— Роджер сунул им список обратно.— Угадывайте снова. И зарубите на носу, что мы стартуем в четверг — и мне все равно, возьмем мы груз или нет.

— Ох, папа, бога ради! — сказал Поллукс.— Авраам Линкольн продавал виски. Мы это проходили по истории. А Уинстон Черчилль его пил.

— А Джордж Вашингтон держал рабов,— добавил отец.— Ни то, ни другое, ни третье к вам отношения не имеет. Поэтому проваливайте.

Близнецы вышли из кабинета в гостиную, где сидела Хейзел. Она подмигнула им.

— Ну что, не прошел номер?

— Нет.

Хейзел протянула руку ладонью вверх.

— Платите. И в следующий раз не спорьте, что можете облапошить отца. Он все-таки мой сын.

После этого Кас и Пол основной статьей своего экспорта выбрали велосипеды. И на Марсе, и на Луне производить горные изыскания на велосипеде гораздо проще, чем пешком. На Луне старомодный старатель, который обследует район, где посадил свой ракетоплан, только на лыжах да на своих двоих, почти ушел в прошлое — велосипед старателю стал так же необходим, как веревка для лазания по скалам и запас кислорода. На Луне, где все в шесть раз легче, чем на Земле, велосипед можно было запросто нести на спине, если на пути встретятся препятствия.

Притяжение Марса — вдвое больше лунного, но все-таки составляет только треть земного, к тому же Марс — планета плоских равнин и пологих склонов. Велосипедист там может развить скорость от пятнадцати до двадцати миль в час. Старатель-одиночка, лишившись своего традиционного ослика, обнаружил, что велосипед не менее доступен и не менее надежен — ну разве что не так близок по духу. Старательский велосипед на улицах Стокгольма выглядел бы странно. Слишком большие колеса, толстые, как пончики, песчаные шины, прицеп сзади, устройство для непрерывного заряда батарей, рация, седельные сумки, счетчик Гейгера — все это делало машину малопригодной для прогулки по парку, но для Марса и Луны такой велосипед годился, как годится каноэ для быстрой канадской реки.

Обе планеты ввозили велосипеды с Земли — до недавнего времени. Потом компания «Лунар Стил Продактс» начала изготовлять стальные трубы, проволоку и штампованные детали из местной руды, а «Сиэрс и Монтгомери» построили на Луне завод по сборке старательских велосипедов под названием «Лунопед». «Лунатики», в которых было не более двадцати процентов привозных деталей, обесценили импортные велосипеды больше чем наполовину.

Кастор и Поллукс решили скупить подержанные велосипеды, которые уже постепенно заполоняли рынок, и доставить их на Марс.

В межпланетной торговле значение имеет вес товара, а не расстояние, на которое приходится его везти. Земля — чудесная планета, но вся ее продукция лежит на дне слишком глубокого «колодца гравитации» — гораздо глубже, чем на Венере, и неизмеримо глубже, чем на Луне. Хотя и Луна, и Земля находятся примерно на одинаковом расстоянии от Марса в милях, Луна ближе к Марсу на пять миль в секунду, если считать топливо и стоимость перевозки.

Роджер Стоун выделил денег ровно столько, чтобы оплатить покупку. Близнецы грузили подержанные велосипеды до самого вечера среды. Кастор их взвешивал, Мид вела запись, а Пол грузил. Все остальное уже подняли на борт. Контрольное взвешивание с экипажем на борту произведет дежурный по порту, когда груз будет в трюме. Роджер Стоун наблюдал за погрузкой — он нес личную ответственность за баланс корабля во время старта.

Он и Кастор помогли Поллуксу разгрузить последний поддон.

— Некоторые и везти-то не стоит,— заметил отец.

— По-моему, это просто утиль,— добавила Мид.

— Тебя никто не спрашивает,— отрезал Пол.

— Повежливей,— ласково ответила Мид,— или поищи себе другого секретаря.

— Давай грузи, юнец,— распорядился Кастор.— Не забывай, что она работает бесплатно. Папа, я согласен, что тут особенно не на что смотреть, но ты подожди. В космосе мы с Полом починим их и покрасим. Времени у нас полно — как новенькие будут.

— Смотрите только не пытайтесь выдать их за новые. Но, по-моему, вы перестарались. Когда мы все это разместим и закрепим, в трюме кошку негде будет повесить, не говоря уж о ремонтных работах. Если рассчитываете захватить жилое помещение, то это решительно запрещается.

— А зачем вешать кошку? — спросила Мид.— Ей бы это не понравилось. Кстати, почему бы нам не взять кошку?

— Никаких кошек,— отрезал отец.— Я раз путешествовал с кошкой и персонально отвечал за ее ящик с песком. Никаких кошек.

— Пожалуйста, капитан папочка! Я вчера видела у Хейли такого чудного котеночка...

— Никаких кошек. И не называй меня «капитан папочка». Или одно, или другое, но вместе это глупо.

— Да, капитан папочка.

— Мы и не собираемся работать в жилом помещении,— проговорил Кастор.— Как только выйдем на орбиту, вывесим их наружу, а в трюме устроим мастерскую. Там полно места.

Немалая часть населения Луна-Сити пришла проводить Стоунов. Теперешний мэр, достопочтенный Томас Бизли, пришел попрощаться с Роджером Стоуном. Немногие оставшиеся в живых отцы-основатели явились выразить почтение Хейзел. Делегация Молодежной лиги и добрая половина мальчиков из старшего класса техникума оплакивала отлет Мид. Мид рыдала и обнимала всех, но никого не целовала: поцелуй в скафандре — дело зряшное.

Близнецов провожал только торговый агент, который требовал платы — прямо здесь, сейчас и в полном объеме.

Над ними висела половинка Земли, и длинные тени гор Обелиска тянулись почти через все поле. «Перекати-Стоун» был освещен прожектором, его стройный силуэт возвышался над кругом света. Вверху все еще отражали свет заходящего Солнца вершины хребта Роджера Янга, обозначающие конец взлетного поля. Рядом с Землей блистал великолепный Орион. К северо-востоку от него знакомый ковш Большой Медведицы касался рукояткой горизонта. Под сводом глубоких небес, на фоне могучих природных монументов Луны человеческие фигурки в шлемах у подножия корабля казались совсем крохотными.

Прожектор с далекой контрольной вышки нашел их и три раза мигнул красным. Хейзел обернулась к сыну.

— Тридцать минут, капитан.

— Знаю.— Роджер свистнул в микрофон.— Прошу тишины! Просьба всем соблюдать тишину, пока не спуститесь под землю. Спасибо всем, что пришли. До свидания!

— Пока, Роджер!

— Счастливого пути!

— Алоха!

— Возвращайтесь поскорей!

Провожающие начали понемногу спускаться в подземный тунель. Мистер Стоун сказал своим:

— Тридцать минут. Все на корабль!

— Есть, сэр.

Хейзел стала подниматься по лестнице, за ней двинулся Поллукс. Вдруг она остановилась, подалась назад и наступила внуку на пальцы.

— С дороги, юнец! — Хейзел спрыгнула с лестницы и побежала за группой провожающих.— Эй, Том! Бизли! Погоди! Минутку...

Мэр остановился. Хейзел сунула ему в руку пакет.

— Отправишь на Землю?

— Конечно, Хейзел.

— Вот и молодец. Пока!

Хейзел вернулась, и сын спросил ее:

— Что это тебе приспичило, мать?

— Шесть серий. Всю ночь над ними работала — и совсем забыла, что они все еще у меня. Только когда стала подниматься, спохватилась, что держусь только одной рукой.

— А голову не забыла, нет?

— Не хами, мальчик.

— Все на борт.

— Есть, сэр.

Когда все поднялись, портовой весовщик снял окончательные показания со шкал под каждым из стабилизаторов и подвел итог.

— На 2,7 фунта ниже нормы, капитан. Точно уложились.— И он прикрепил к лестнице бирку с указанием веса.— Забирайте.

— Спасибо, сэр.

Роджер втянул лестницу, забрал бирку и закрыл дверь входного отсека. Прошел на корабль, закрыл и запер за собой внутреннюю дверь, заглянул в рубку. Кастор уже лежал в кресле второго пилота.

— Время?

— Семнадцать минут до старта, капитан.

— Курс прокладывается? — Роджер протянул руку и прикрепил бирку к стойке в центре отсека.

— Прокладывается.

Главную задачу решили еще три недели назад, определив время отправления с точностью до секунды. Только в течение короткого периода каждые двадцать шесть месяцев корабль может стартовать от системы Луна-Земля на Марс по наиболее экономичной орбите.

После пробного взвешивания накануне старта капитан решил вторую задачу: какая сила тяги и в течение какого времени потребуется, чтобы вывести данный корабль на данную орбиту? Ответ, который у него получился, Кастор сейчас и закладывал в автопилот.

Первый отрезок траектории был направлен не к Марсу, а к Земле. Когда они обогнут Землю, наступит второй критический момент, не менее ответственный, чем старт. При этой мысли капитан Стоун нахмурился, потом пожал плечами: об этом он будет беспокоиться после.

— Продолжай, я спущусь вниз.

Он направился в машинное отделение, поглядывая по сторонам. Даже бывалый торговый шкипер волнуется в последние минуты перед стартом. Старт корабля — все равно что прыжок с парашютом: если прыгнул, то ошибки уже поздно исправлять. Космических шкиперов мучают кошмары: им кажется, что они неверно рассчитали десятые и сотые.

Хейзел и Поллукс заняли лежаки главного инженера и ассистента. Роджер сунул голову в люк, не спускаясь к ним.

— Машинное?

— Все в порядке. Прогреваю потихоньку.

Доктор Стоун, Мид и Вундер приготовились стартовать в кубрике за компанию. Капитан заглянул к ним:

— У вас все в порядке?

— Конечно, дорогой,— ответила со своего кресла жена.— Я сделала Лоуэллу укол.

Вундер лежал на спине, пристегнутый ремнями, и спал. Он один пока не испытал, что такое перегрузка и невесомость. Мать решила ввести ему снотворное, чтобы он не испугался.

— Завидую ему,— сказал Роджер, глядя на младшего сына.

— Голова болит, папа? — приподнявшись, спросила Мид.

— Переживу. На этих прощальных вечеринках всегда получается перебор, особенно у того, с кем прощаются.

Из репродуктора послышался голос Кастора:

— А хочешь, я подниму корабль, папа? Я себя прекрасно чувствую.

— Занимайтесь своим делом, второй пилот. Прокладка курса продолжается?

— Да, сэр. Одиннадцать минут.

— «За грех расплата — смерть»,— отозвалась Хейзел.

— Кто бы говорил. Прекратить посторонние разговоры по внутренней связи! Это приказ.

— Есть, капитан.

Роджер хотел уйти, но жена остановила его.

— Прими-ка это, дорогой.

И протянула ему таблетку.

— Не надо.

— Прими.

— Ладно, милый доктор.— Он проглотил таблетку, сморщился и пошел в рубку. Улегшись в свое кресло, он сказал: — Запроси вышку.

— Есть, сэр. «Перекати-Стоун», порт Луна-Сити, вызывает вышку — запрашиваем разрешение на старт по согласованному плану.

— Говорит вышка. «Перекати-Стоун», старт разрешаем.

— Вас понял, вышка.

Капитан посмотрел на пульт. Все индикаторы светились зеленым, кроме одного огонька — машинного отделения. Он сменится зеленым, только когда капитан распорядится снять печать с кадмиевой заслонки. Роджер поправил микроверньер индикатора курса — автопилот работал верно, как уже доложил Кастор.

— Всем постам докладывать поочередно. Машинное отделение!

— Шипит, Роджер! — ответила Хейзел.

— Пассажиры!

— Мы готовы, Роджер.

— Второй пилот!

— Добро на старт, зеленый свет, сэр! Проверка закончена. Пять минут до старта.

— Пристегнуть ремни и доложить!

— Машинное пристегнулось.

— Мы пристегнулись, дорогой.

— Все посты пристегнулись, сэр.

— Машинное отделение — вскрыть реактор для старта!

Последний красный огонек на пульте сменился зеленым, и Хейзел доложила:

— Машинный пульт вскрыт, шкипер. К запуску готовы.

В репродукторе послышался другой голос:

— А я ложусь спать...

— Тихо, Мид! — рявкнул Роджер.— Второй пилот, начинайте отсчет!

Кастор начал нараспев:

— Две минуты десять... Две минуты... Минута пятьдесят... Минута сорок...

У Роджера давило в висках, и он от души жалел, что вчера не сообразил вернуться домой пораньше, хоть бы и с вечера в свою честь.

— Минута! Пятьдесят пять... Пятьдесят...

Роджер положил палец на ручной пусковой ключ на случай, если автопилот подведет, но быстро убрал руку. Это не военный корабль — если автоматический пуск не сработает, нужно отменить старт, а не рисковать женой и детьми. В конце концов, у него только любительские права.

— Тридцать пять... Тридцать!

Голова разболелась еще пуще. Зачем было оставлять уютную квартиру? Чтобы болтаться в этой жестянке?

— Двадцать восемь, двадцать семь, двадцать шесть...

Ну, если что случится, по крайней мере, сирот не останется. Все семейство Стоун тут, ствол и ветви. Перекати-Стоуны...

— Девятнадцать... Восемнадцать... Семнадцать...

Но нельзя же вернуться и сказать всем людям, которые их только что проводили: «Знаете, мы что-то передумали...»

— Двенадцать! Одиннадцать! Десять! Девять!

Роджер снова положил палец на ручной пуск.

— Пять! Четыре! Три! Два! — Голос Кастора заглушил «белый шум» двигателя, и «Перекати-Стоун» стартовал в космос.

Глава 6
ВУНДЕР И БАЛЛИСТИКА

Стартовать с Луны не так трудно и страшно, как с Земли. У Луны такое слабое поле и такая низкая гравитация, что достаточно ускорения в одно g, то есть нормального земного веса.

Капитан Стоун решил стартовать при двукратной перегрузке, чтобы сэкономить время и горючее, побыстрее оторвавшись от Луны — побыстрее, потому что на преодоление кораблем притяжения планеты расходуется добавочное количество топлива сверх того, что нужно для вывода корабля на орбиту. «Перекати-Стоун» мог работать на малой тяге, только сжигая дополнительное топливо, то есть не позволяя ядерному реактору достаточно разогреть жидкий водород, чтобы развить настоящую скорость. Поэтому «Стоун» около двух минут должен был работать при двукратной перегрузке. Ну что такое двукратная перегрузка? Ее испытывает борец, прижатый к мату противником. Ее испытывает ребенок на школьных качелях и почти каждый человек, когда резко поднимается с места.

Но Стоуны долго жили на Луне, а все дети там родились, и двукратная перегрузка в двенадцать раз превышала вес, к которому они привыкли.

Головная боль Роджера, утихшая было от обезболивающего, которое дала ему жена, вернулась с новой силой. Грудная клетка вдавливалась внутрь, он задыхался, но все время проверял показания акселерометра, чтобы убедиться, послушен ли ему корабль.

Удостоверившись по приборам, что все идет как надо, несмотря на отвратительное самочувствие, Роджер с трудом повернул голову к сыну.

— Кас, ты как?

— Отлично, шкипер,— просипел Кастор,— следуем согласно плану полета, сэр.

— Очень хорошо, сэр,— и Роджер сказал в микрофон: — Эдит...

Ответа не было.

— Эдит?

— Да, дорогой.— с трудом ответила она.

— Как вы там?!

— Хорошо, дорогой. Мы с Мид — хорошо. Вот малышу плохо.

Роджер собрался вызвать машинное отделение, но Кастор напомнил ему о времени:

— Двадцать секунд! Девятнадцать! Восемнадцать!

Капитан перевел глаза на секундомер и положил руку на рычаг, чтобы нажать, если автопилот не сработает. Кастор, держа руку на

своем рычаге, страховал отца, а внизу, в машинном отделении, Хейзел тоже тянулась дрожащей рукой к рычагу.

Секундомер отсчитал последние полсекунды, Кастор крикнул: «Отсечка!» — и три руки нажали на три рычага, но автопилот опередил их. Двигатель захлебнулся, лишившись топлива, заслонка заперла нейтроны в ядерном реакторе, и «Стоун» перешел на баллистическую траекторию к Земле. Сразу же настала глухая тишина, прерываемая только шорохом кондиционера.

Роджер проглотил свой желудок.

— Машинное, доложите! — прохрипел он.

Хейзел тяжело перевела дух.

— Порядок, сын,— слабо ответила она,— но не забудь про последний этап — в нем весь фокус.

— Кас, запроси доплеровские координаты из порта.

— Есть, сэр.— Кастор вызвал радарную и доплеровскую станцию Лейпорта. Хотя на «Стоуне» были радар и все необходимые приборы, корабль не смог бы поднять оборудование таких размеров и такой точности, которое установлено во всех портах и на всех спутниках.— «Перекати-Стоун» вызывает Луну-Штурманскую — как слышите?

И он включил корабельный радар и доплеровский локатор, приготовившись проверить их показания по тем, что поступят с Луны. Кастор делал это, не дожидаясь указаний,— это входило в обязанности второго пилота.

— Луна-Штурманская. Слышу вас, «Перекати-Стоун».

— «Перекати-Стоун» запрашивает удаленность, пеленг и отрыв, а также отклонения от плана полета. Рейс номер четырнадцать по расписанию поля, без изменений.

— Вас понял. Приготовьтесь к записи.

— Готов,— ответил Кастор, включая магнитофон.

Они были еще настолько близко к Луне, что запаздывание передачи, идущей со скоростью света, не замечалось.

Скучающий голос назвал время справки с точностью до половины секунды и прочел координаты их пеленга в единицах Системы с поправкой на положение Луны в момент старта. Затем назвал их скорость и относительное удаление от Луны, также с поправкой на положение планеты. Поправка была сравнительно небольшой,

так как Луна вращается со скоростью менее двух третей мили в секунду, но тем не менее была необходима. Пилот, пренебрегший такой поправкой, мог оказаться за тысячи и даже миллионы миль от своей цели.

— Отклонения от плана полета незначительны,— добавил оператор.— Очень удачный старт, «Перекати-Стоун».

Кастор поблагодарил и отключился.

— В русле, папа.

— Хорошо. С наших приборов снял показания?

— Да, сэр. На семь секунд позже Луны.

— Ладно. Наведи их опять на линию полета и введи вектор — надо проверить.— Он внимательно посмотрел на сына — Кастор слегка посинел.— Ты что, не принимал таблетки?

— Принимал, сэр. На меня всегда поначалу так действует. Скоро пройдет.

— Выглядишь, как труп недельной давности.

— Да и ты не свежее, папа.

— Это точно, не свежее — но строго между нами. Можешь последить за экранами или хочешь соснуть?

— Конечно, могу!

— Ну ладно... внимательнее с десятичными знаками.

— Есть, капитан.

— Я пошел на корму.— И Роджер стал отстегивать ремни, говоря в микрофон: — Всем постам отстегнуться. Машинное отделение, блокировать реактор и опечатать пульт.

— Я слышала сводку, капитан,— ответила Хейзел.— Машинное отделение закрыто.

— Не забегай вперед, Хейзел, если не хочешь отправиться назад.

— Я не так выразилась, капитан. Я хотела сказать — мы как раз блокируем машинное отделение по вашему приказу, сэр. Теперь — готово. Машинное отделение закрыто!

— Очень хорошо, главный.

Он мрачно усмехнулся: его пульт показывал, что первый рапорт был правильным — Хейзел закрыла реактор, как только узнала, что они идут верным курсом. Этого он и боялся: изображать шкипера в экипаже, состоящем из заядлых индивидуалистов,— удовольствие среднее. Роджер ухватился за центральную стойку, повернулся лицом к корме и поплыл через люк в жилой отсек.

Оказавшись в кубрике, он повис, держась за поручень. Там все уже отстегнулись. Доктор Стоун хлопотала над ребенком. Роджер не видел, что именно она делает, но было ясно, что Лоуэлла сильно стошнило — Мид, сама с остекленевшими глазами, держась одной рукой, пыталась другой убрать следы рвоты. Мальчик еще не приходил в сознание. При виде этого Роджеру тоже стало нехорошо.

— Ничего себе!

Жена оглянулась на него через плечо.

— Дай мне коробочку для инъекций,— велела она.— В шкафчике позади тебя. Хочу его разбудить. Он все время пытается проглотить свой язык.

— Да, дорогая,— промямлил Роджер.— Что будешь колоть?

— Неокофеин, один кубик. Поживей!

Он нашел коробку, наполнил шприц и подал доктору Стоун. Она сделала укол мальчику в бок.

— Что мне еще делать? — спросил он.

— Ничего.

— Опасности нет?

— Нет, пока он у меня перед глазами. Иди-ка попроси Хейзел прийти сюда.

— Да, дорогая. Иду.— Он поплыл на корму, где его мать парила в воздухе с довольным видом. Поллукс еще не вылезал из кресла.— Как вы тут, ничего?

— Конечно. Почему бы нет? Вот только мой помощник, по-моему, хочет выйти на следующей остановке.

— У меня все нормально,— пробурчал Поллукс.— Хватит цепляться.

— Надо бы помочь Эдит, мать,— сказал Роджер.— Вундер испачкал весь кубрик.

— Вот чертенок! Он же ничего сегодня не ел, я с него глаз не спускала.

— Видно, ты потеряла бдительность на пару минут — улики налицо. Иди-ка помоги Эдит.

— Слушаю и повинуюсь, мой господин.

Она оттолкнулась ногой от перегородки и юркнула в люк. Роджер спросил у сына:

— Ну как?

— Через пару часов буду в норме. Тут уж ничего не поделаешь, придется потерпеть. Все равно что зубы чистить.

— Это факт. Я не прочь взять напрокат небольшую планетку. Сделал запись в инженерный журнал?

— Нет еще.

— Так сделай. Отвлечешься от мыслей о своем нутре.

Роджер снова направился в кубрик. Лоуэлл уже проснулся и плакал. Эдит уложила его на койку и прибинтовала к ней простыней, чтобы создать видимость устойчивости.

— Мама! — хныкал ребенок.— Сделай, чтобы все стояло на месте!

— Тихо, милый. Все хорошо. Мама с тобой.

— Я хочу домой!

Мать, не отвечая, гладила его по голове. Роджер поскорее удалился в носовой отсек.

К ужину весь экипаж, кроме Лоуэлла, уже приспособился к невесомости, преодолев ощущение, словно ступаешь в темную шахту лифта. Однако особенного аппетита ни у кого не было. Доктор Стоун ограничила меню бульоном с крекерами и компотом из сушеных абрикосов. Было и мороженое, но охотников на него не нашлось.

Никто и не ожидал, что недомогание, вызванное переходом от притяжения планеты к невесомости космоса, будет слишком сильным или долго продлится. Их желудки и барабанные перепонки уже проходили через такое испытание раньше. Стоуны облетались, просолились...

Но Лоуэлл был новичком, и весь его организм восставал против непривычных условий, а он был недостаточно большой, чтобы встретить это спокойно и без страха. Он плакал, давился, икал, и ему становилось еще хуже. Хейзел и Мид по очереди старались успокоить его. Мид, покончив с легким ужином, сменила бабушку. Когда та пришла в рубку, где они ели, Роджер спросил:

— Как он там?

Хейзел пожала плечами.

— Уговаривала его сыграть со мной в шахматы, а он в меня плюнул.

— Похоже, ему лучше.

— Незаметно что-то.

— Мам,— сказал Кастор,— а ты не можешь накачать его лекарствами, пока он не очухается?

— Нет,— ответила доктор Стоун,— я уже и так дала ему самую большую дозу, какую допускает его вес.

— Сколько, по-твоему, ему понадобится времени, чтобы оправиться? — спросил ее муж.

— Не могу сказать заранее. Обычно дети привыкают быстрее взрослых, ты сам знаешь, дорогой,— но известно также, что некоторые люди вообще не могут приспособиться. Они просто физически неспособны летать в космос.

У Поллукса отвисла челюсть.

— Ты что же, хочешь сказать, что Вундер прирожденный «земноводный»?

Он произнес это так, будто речь шла об уродстве или о чем-то позорном.

— А ну заткнись,— резко сказал отец.

— Ничего такого я сказать не хотела,— решительно ответила мать.— Лоуэллу сейчас плохо, но он очень скоро может оправиться.

Настало угрюмое молчание. Поллукс снова наполнил свой пакет бульоном, взял горсть крекеров и устроился на своем насесте, зацепившись ногой за стойку. Он поймал взгляд Кастора, и близнецы стали беседовать с помощью гримас и пожиманий плечами. Отец отвел глаза — близнецы частенько разговаривали между собой таким образом, и этот код — если это был код — посторонним был непонятен.

— Эдит,— спросил он жену,— ты правда думаешь, что Лоуэлл может не приспособиться?

— Такая возможность, безусловно, есть.

Она не стала развивать свою мысль — в этом не было нужды. Космическая болезнь, как и морская, сама по себе не убивает, зато это делают голодание и истощение организма.

— Ничего себе, вовремя спохватились,— присвистнул Кастор.— Мы уже вышли на марсианскую орбиту.

— Ты знаешь, что это не так, Кастор,— резко сказала Хейзел.

— Чего?

— Ничего, тупица,— вмешался брат.— Придется поворачивать оглобли.

— А-а..— Кастор нахмурился.— Я и забыл, что наша траектория состоит из двух отрезков.— Он вздохнул.— Ну что ж. Обратно так обратно.

Существовала только одна точка, из которой они могли повернуть обратно на Луну. Сейчас они летели к Земле по обычной S-траектории, то есть почти по прямой. Они пройдут очень близко к Земле по гиперболической орбите со скоростью пять миль в секунду. Чтобы продолжить полет на Марс, Стоуны планировали увеличить скорость, запустив двигатель в точке наибольшего приближения,— так они вышли бы на эллиптическую орбиту относительно Солнца, обеспечивающую сближение с Марсом.

А можно было проделать обратный маневр — остановить полет, отработав двигателем против движения корабля, и таким образом вывести «Стоун» на эллиптическую орбиту относительно Земли. Эта траектория, если рассчитать ее правильно, приведет их обратно на Луну, домой, прежде чем их малыш умрет от голода или обессилеет от рвоты.

— Да, ничего не поделаешь,— согласился Поллукс и вдруг ухмыльнулся.— Никто не хочет купить партию велосипедов? Дешево?

— Не спеши ликвидировать фонды,— сказал отец.— Но мы ценим твое отношение. Что скажешь, Эдит?

— По-моему, тут нельзя рисковать,— заявила Хейзел.— Малышу худо.

Доктор Стоун колебалась.

— Роджер, сколько еще до перигея?

Тот посмотрел на пульт управления.

— Около тридцати пяти часов.

— Может, стоит подготовить оба маневра? Тогда мы сможем принять решение, когда придет время разворачивать корабль.

— Это имеет смысл. Хейзел, вы с Кастором разработайте программу возвращения, а мы с Поллуксом займемся отработкой направления на Марс. Пока приблизительно — когда подойдем поближе, успеем поправиться. Все работают независимо, потом меняемся и проверяем. Помните о десятичных знаках!

— Сам помни,— ответила Хейзел.

— Себе взял что полегче, а, пап? — с хитрой улыбочкой спросил Кастор.

— Что, не справишься? — спросил в свою очередь отец.— Хочешь поменяться?

— Нет, сэр! Справлюсь.

— Вот и давай — и не забудь, что ты член экипажа в полете.

— Есть, сэр.

Роджер и в самом деле «взял что полегче» — основную траекторию полета на Марс мимо Земли вычислили на больших компьютерах Лунной штурманской станции еще до старта. Правда, работу штурманской станции надо было перепроверить с учетом неизбежных ошибок или отклонений от плана полета, которые выяснятся, когда «Стоун» достигнет перигея. Вдруг они летят слишком высоко, слишком низко, слишком быстро, слишком медленно или вообще уклонились от теоретически вычисленной для них траектории. Они вполне могли ошибиться во всем сразу — самая ничтожная ошибка на старте за четверть миллиона миль могла возрасти во много раз.

Приступать к исправлению ошибок можно будет только через пятнадцать-двадцать часов — надо позволить отклонениям накопиться, чтобы их можно было измерить.

Выход же на обратную эллиптическую орбиту к Луне был совсем новой, непродуманной задачей. Капитан Стоун не взялся за нее не потому, что ленился,— он все равно собирался решать обе задачи, но ничего никому не сказал. Сейчас его беспокоило другое: за ним шло несколько других кораблей, и все на Марс. В следующие несколько дней старты на Марс будут частыми — все воспользуются благоприятным периодом, который бывает раз в двадцать шесть месяцев и во время которого перелет на Марс стоит относительно «дешево» — эллипсоид с минимальным расходом горючего, идущий по касательной к орбитам обеих планет, действительно выводит на сближение с Марсом, а не на какой-нибудь глухой отрезок марсианской орбиты. Все корабли, за исключением военных судов и безумно дорогих пассажирских лайнеров, стараются стартовать на Марс именно в это время.

Идеальное время для старта — всего четыре дня, когда корабли, поднимающиеся из Лейпорта, платят за эту привилегию приличную надбавку сверх обычной платы за обслуживание. Только большой корабль может себе позволить столько выложить — стоимость

сэкономленного жидкого водорода все равно перекрывает сумму, уплаченную за старт. «Перекати-Стоун» стартовал как раз перед началом этого периода, а значит, за ним тянется, как бусы на ниточке, добрая дюжина кораблей, и все они следуют к Земле, а от нее — на Марс.

Если «Перекати-Стоун» повернет обратно и отправится вместо Марса на Луну, могут возникнуть транспортные пробки.

Столкновения космических кораблей — дело почти неслыханное. Космос очень велик, а корабли очень маленькие. Но все возможно, особенно когда много кораблей идут одним курсом в одно время в одном секторе пространства. Космонавты никогда не забудут случая с «Восходящей звездой» и патрульным кораблем — тогда погибло сто семь человек и никто не остался в живых.

Корабли будут стартовать на Марс и в следующие три дня, и потом. «Перекати-Стоун», сделав оборот вокруг Земли и повернув к Луне (в то место, где в это время будет Луна), пойдет по диагонали через их трассы. Мало того — вокруг Земли вращаются три радиотрансляционных спутника и космическая станция. План полета каждого корабля, утвержденный штурманской станцией Луны, принимал в расчет эти четыре орбиты, но возможный аварийный маневр «Перекати-Стоуна» будет лишен такой страховки. Роджер Стоун мысленно грыз себе ногти, понимая, что служба движения может и не разрешить ему сменить уже утвержденный план полета,— а так она и поступит при малейшей вероятности столкновения, болен у Стоунов ребенок или не болен.

А он, капитан Стоун, нарушит запрет, рискнет пойти на столкновение и доставит сына на Луну — где наверняка лишится пилотских прав и где, возможно, Адмиралтейский суд вынесет ему суровый приговор.

Кроме космической станции и радиоспутников, вокруг Земли от полюса до полюса циркулировали еще и автоматические атомные ракеты Патруля, но было маловероятно, что траектория «Перекати-Стоуна» пересечется с орбитой одной из них — ракеты летали сразу за пределами атмосферы, а космическим кораблям разрешается опускаться так низко только при посадке. Зато при повороте домой «Перекати-Стоун» непременно войдет на орбиты спутников и космической станции... Минутку! Роджер Стоун об-

думал свою внезапную идею. Возможно ли выйти на стыковку со станцией вместо возвращения на Луну?

Если возможно, он смог бы вернуть Лоуэлла к нормальному весу на пару дней раньше — на станции есть помещения с искусственной тяжестью!

Баллистический компьютер был свободен — Кастор и Хейзел все еще занимались нудной процедурой постановки задачи. Капитан Стоун сел у компьютера и стал составлять приблизительный запрос — сейчас он не обращал внимания на тонкости баллистики, а просто спрашивал машину, можно это сделать или нет?

Полчаса спустя он сдался, плечи у него опустились. Да, он мог выйти на орбиту станции — но почти в сотне градусов от нее. Самый щедрый расход топлива не поможет ему добраться до станции.

Роджер со злостью выключил компьютер. Хейзел оглянулась:

— Что с тобой, сын?

— Думал, мы сможем причалить к станции. Оказывается, нет.

— Я могла это тебе сразу сказать.

Роджер, не ответив, пошел на корму. Лоуэллу, как выяснилось, лучше не стало.

Иллюминаторы правого борта заполнила Земля — круглая, зеленая и красивая. «Стоун» быстро приближался к ней, и оставалось меньше десяти часов до критического момента, когда придется выбрать тот или иной маневр. Аварийный план полета, составленный Хейзел, проверенный-перепроверенный капитаном, передали по радио в службу движения. Все были настроены на возвращение, но все-таки Поллукс с помощью штурманской станции в Кито, что в Эквадоре, вычислял отклонения от основного плана полета и разрабатывал вариант для поворота на Марс.

Доктор Стоун заглянула в люк рубки, встретилась глазами с мужем и сделала ему знак выйти к ней. Он поплыл за ней в каюту.

— Что? — спросил он.— Лоуэллу хуже?

— Нет, лучше.

— Да ну?

— Дорогой, по-моему, у него и не было никакой космической болезни.

— Что ты говоришь?

— Ну разве что самую малость. Но, по-моему, все симптомы указывают на аллергию — у него повышена чувствительность к седативным средствам.

— В первый раз слышу о такой форме аллергии.

— Я тоже, но ведь всякое бывает. Я перестала давать ему лекарство несколько часов назад, видя, что оно не помогает. Ему сразу стало легче, и пульс улучшился.

— Значит, все в порядке? И он может лететь на Марс?

— Слишком рано об этом говорить. Мне бы понаблюдать за ним еще пару дней.

— Эдит, ты же знаешь, что это невозможно. Мне надо производить маневр.

Роджер уже дошел до точки нервного напряжения и недосыпания — в последний раз он спал за сутки до старта.

— Знаю. Предупреди меня за тридцать минут до этого момента, и я отвечу тебе окончательно.

— Ладно. Ты извини, что я так рычу.

— Дорогой мой Роджер!

Не успели они завернуть «за угол» Земли, мальчику стало намного лучше. Мать несколько часов продержала его под легким снотворным. Проснувшись, он потребовал есть. Эдит попробовала дать ему несколько ложек заварного крема. Первой ложкой он подавился, но только потому, что не привык глотать в невесомости. Вторую ложку он проглотил и удержал съеденное.

Лоуэлл уверял, что еще голоден, но мать больше есть не позволила. Тогда он потребовал, чтобы его отвязали от койки. Эдит согласилась, но велела Мид сидеть с ним и не выпускать его из кубрика. Сама же отправилась поговорить с мужем. Хейзел и Кастор сидели у компьютера — Кастор диктовал программу, а Хейзел нажимала клавиши. Поллукс принимал с Земли доплеровские данные. Эдит отвела мужа в сторону и шепнула:

— Дорогой, кажется, можно вздохнуть спокойно. Он поел, и его не стошнило.

— Ты уверена? Я не хочу рисковать даже в малейшей степени.

— Как я могу быть уверена? — пожала плечами Эдит.— Я врач, а не гадалка.

— Что ты решила?

— Пожалуй, полетим на Марс,— нахмурилась Эдит.

— А куда деваться,— вздохнул Роджер.— Служба движения отклонила мое изменение плана полета. Я как раз собирался тебе сказать.

— Значит, у нас и выбора нет.

— Ты знаешь, что это не так. Уж лучше давать показания в суде, чем читать заупокойную молитву. Но у меня есть еще одна карта в рукаве. «Бог войны» меньше чем в десяти тысячах миль за нами. Если понадобится, то я на резервном топливе подойду к нему за неполную неделю, и ты с ребенком сможешь перебраться туда. Его недавно переделали в «вертушку», и можно пользоваться любым весом — от лунного до земного.

— Мне это не приходило в голову. Что ж — не думаю, что это понадобится, но все-таки спокойнее, когда знаешь, что помощь близко.— Эдит снова нахмурилась.— Не хотелось бы бросать вас одних, да и резервный запас опасно расходовать: он может понадобиться, когда подойдем к Марсу.

— Нет, если правильно управлять кораблем. Ты не беспокойся — мы с Хейзел приведем его куда надо, даже если придется вылезать и толкать его сзади.

Поллукс прервал свое занятие и навострил уши, пытаясь услышать, о чем речь. У его родителей была слишком большая практика в том, как вести разговор, чтобы дети не слышали, но Поллукс, видя их взволнованные лица и хмурый вид, подал знак брату.

— Постой-ка, Хейзел,— сказал Кастор.— Почесаться надо. Чего там, Пол?

— Дети, в школу собирайтесь — петушок пропел давно,— Пол кивнул в сторону родителей.

— Ага. Говорить буду я.

Оба устремились на корму. Роджер Стоун нахмурился.

— В чем дело, ребята? Мы заняты.

— Да, сэр. Но нам кажется, сейчас самое время сделать заявление.

— Да?

— Мы с Полом за то, чтобы вернуться домой.

— Вот как?

— Мы понимаем, что Вундером нельзя рисковать — даже на один процент.

— Он, конечно, выродок,— добавил Пол,— но вы уж больно много в него вложили.

— Если он умрет из-за нас,— продолжал Кастор,— это испортит все удовольствие.

— А хоть не умрет, кому охота убирать за ним без конца?

— Да уж,— поддержал Пол.— Кому охота служить стюардом при больном «земноводном»?

— А если все-таки умрет, вы этого нам по гроб жизни не простите.

— И даже после будете попрекать,— добавил Пол.

— Ты не беспокойся из-за того, что служба не дает «добро». Мы с Хейзел разрабатываем дорогу наискосок — должны разойтись с «Королевой Марией» на несколько минут, ну пусть секунд. Они, конечно, малость напугаются, но ничего.

— Тихо! — сказал мистер Стоун.— По одному. Кастор, давай разберемся: если я правильно понял, вы с Полом так озабочены состоянием младшего брата, что в любом случае хотите вернуться на Луну?

— Да, сэр.

— Даже если мама сочтет, что он может продолжать полет?

— Да, сэр. Мы это обсуждали. Даже если ему сейчас вроде получше, все равно — раз его так травило, он может не дотянуть до Марса. Перелет-то долгий. Мы не хотим рисковать.

Хейзел, которая присоединилась к ним в этом вопросе, сказала:

— Благородство тебе не к лицу, Кас. Ты убедительнее выглядишь в другом качестве.

— Мать, не встревай. Пол?

— Кас уже все сказал. Что мы, в другой раз не сможем полететь?

— Должен сказать,— медленно начал Роджер Стоун, глядя на сыновей,— что я приятно удивлен, наблюдая такую семейную солидарность в этом скопище индивидуалистов. Мы с мамой будем вспоминать об этом с гордостью. Но рад сообщить вам, что ваша жертва не понадобится. Мы летим на Марс.

— Роджер,— напустилась на него Хейзел,— ты что, при старте головой ударился? У нас нет времени — поворачиваем с ребенком на Луну. Я говорила с ребятами — они решили твердо. Я тоже.

— Папа, если ты опасаешься идти наискосок,— сказал Кастор,— давай я поведу. Я знаю...

— Тихо! — и Роджер продолжал, как бы говоря сам с собой: — Вот тут в книге сказано, что я должен приказывать, а не давать объяснения и никому не позволять оспаривать свои приказы. И да поможет мне небо — я намерен поддерживать на корабле порядок, даже если придется заковать родную мать в кандалы.— Он повысил голос: — По местам для маневра стоять! Старт на Марс, операция «Колодец гравитации».

— Мальчик хорошо себя чувствует, мама,— мягко сказала Эдит.— Я за него отвечаю. Кастор, Поллукс — подите сюда, милые.

— Но папа сказал...

— Я знаю. На минуточку.— И она поцеловала близнецов.— А теперь — по местам.

Из люка появилась Мид, таща за собой Лоуэлла, как воздушный шарик. У него был веселый вид, а мордочка вымазана шоколадом.

— Что тут за шум? — спросила она.— Вы, наверно, разбудили не только нас, но и весь народ на трех ближайших кораблях.

Глава 7
В КОЛОДЦЕ ГРАВИТАЦИИ

Маневр в колодце гравитации, на первый взгляд, противоречит закону сохранения энергии. Корабль, отправляющийся с Луны или космической станции на отдаленную планету, доберется туда быстрее и затратит меньше топлива, если сначала устремится к Земле, а потом разовьет ускорение, находясь как можно ближе к ней. Разумеется, корабль, двигаясь к Земле, приобретает кинетическую энергию, но, казалось бы, должен затратить точно такое же количество энергии на отрыв от Земли.

Весь фокус тут в том, что реактивная масса, или топливо,— это действительно масса и в качестве таковой обладает потенциальной энергией положения, когда корабль стартует с Луны. Реактивная масса, используемая для ускорения вблизи Земли, то есть на дне колодца гравитации, уже потеряла энергию положения, пока падала в этот колодец. Эта энергия должна куда-то деться, вот она и переходит в кинетическую энергию корабля. И в итоге корабль летит быстрее при той же силе и продолжительности тяги, чем летел

бы, отправившись прямо с Луны или космической станции. Это рассуждение способно поставить в тупик, но оно верно.

На время маневра капитан Стоун отправил близнецов в машинное отделение, а Хейзел взял вторым пилотом. Кастор, оскорбленный в лучших чувствах, не стал спорить — последнее внушение относительно корабельной дисциплины еще звучало в ушах. Во время маневра у пилотов полно работы — второй в это время должен следить за автопилотом, быть наготове перейти на ручное управление, если понадобится, и следить за отсечкой. Первый же держит равновесие корабля с помощью гироскопов и маховика, не отводя при этом глаз от измерительного телескопа — целостата. Он должен быть уверен до последнего предела точности своих приборов в том, что корабль движется точно в направлении, обратном струе двигателя.

При перелете от Земли к Марсу ошибка в одну минуту дуги, или в одну шестидесятую градуса, приводит в конечном счете к ошибке в пятнадцать тысяч миль. Подобные ошибки или оплачиваются горючим, расходуемым для исправления маршрута, или — если она слишком велика — следует трагическая, необратимая расплата жизнями капитана и экипажа, когда корабль устремляется в пустые глубины космоса.

Хоть Роджер Стоун был высокого мнения о способностях своих близнецов, в этот щекотливый момент он предпочел, чтобы рядом был второй пилот, умудренный возрастом и опытом. Пока в соседнем кресле сидела Хейзел, он мог спокойно посвятить все свое внимание собственной сложной задаче.

Участок пространства, куда следовало направлять корабль, ограничивали три звезды: Спика, Денеб и Фомальгаут, сведенные в телескоп при помощи призм. Марс пока скрывала из виду мощная грудь Земли, да и бесполезно было бы наводить корабль на Марс — путь к нему проходит по длинной кривой линии, а не по прямой. Изображение одной из звезд начало потихоньку отходить от других. Вспотевший Роджер включил гироскопы и поправил корабль маховиком. Блуждающая звезда поползла на место.

— Доплер? — спросил он у Хейзел.

— В русле.

— Время?

— Около минуты. Сынок, ты знай стреляй своих уток и не дергайся.

Роджер молча вытер руки о рубашку. Через несколько секунд Хейзел спокойно сказала:

— На экране радара неопознанный объект, сэр. Управляется роботом, дальше цепочка цифр.

— Насколько это нас касается?

— Приближается с севера по правому борту. Возможно столкновение.

Роджер с трудом удержался, чтобы не взглянуть на свой экран — он не сказал бы ему ничего сверх того, что сообщила Хейзел,— и продолжал смотреть в окуляр целостата.

— Указано, как можно этого избежать?

— Сынок, мы либо врежемся в него, либо нет. Маневрировать слишком поздно.

Роджер заставил себя сосредоточиться на звездах. Хейзел права: управлять космическим Кораблем — не баранку крутить. При высоких скоростях и тугих витках на дне колодца гравитации непросчитанный маневр мог привести к столкновению. Или забросить их на неизвестную орбиту, по которой они никогда не доберутся до Марса.

Но что это за объект? Не космический корабль — он управляется не человеком, а роботом. Не метеор — на нем есть радар. Не боевая ракета — слишком высоко для нее. Роджер убедился, что изображения звезд на месте, и взглянул сначала на экран радара, который ничего ему не сказал, а потом в иллюминатор правого борта.

Праведное небо! Он увидел его!

В черноте космоса пылала большая яркая звезда... и она росла... росла!

— В телескоп смотри, сын,— сказала Хейзел.— Девятнадцать секунд.

Роджер вернулся к телескопу — изображения были все там же.

— Кажется, пройдет мимо,— сказала Хейзел.

Роджер не мог посмотреть. В этот самый миг что-то промелькнуло мимо иллюминатора и тут же показалось в другом — видимое, но быстро удаляющееся. Стоуну показалось, что объект был крылатый, вроде торпеды.

— Фух-х! — выдохнула Хейзел.— Едва разминулись, зараза! — И сказала в микрофон: — Всем приготовиться к ускорению — готовность пять секунд!

Роджер не сводил глаз со своих звезд, которые твердо держались в кадре. Потом выброс двигателя вдавил его в кресло. Перегрузка была четырехкратной, больше, чем при старте с Луны, но и продолжалась чуть больше минуты. Капитан Стоун продолжал наблюдать за звездами, готовый поправить курс, но тщательность, с которой он разместил груз, была вознаграждена — корабль держался на курсе.

— Отсечка! — крикнула Хейзел.

Шум и давление сразу исчезли. Капитан перевел дух и сказал в микрофон:

— У вас все нормально, Эдит?

— Да, дорогой,— слабо ответила она.— Все хорошо.

— Машинное отделение?

— О'кей! — ответил Поллукс.

— Блокировать и закрыть.

Машинное отделение теперь долго не понадобится — все поправки по курсу и скорости на этом отрезке будут производиться спустя дни и недели, после тщательных вычислений.

— Есть, сэр. Па, а что там было на радаре?

— Заткнитесь,— перебила Хейзел,— нас вызывают по радио. «Перекати-Стоун», Луна — слышу вас, служба движения.

Послышались шум, щелчок, и женский голос прочел:

— Служба движения вызывает «Перекати-Стоун», Луна — предупреждение: согласно вашему плану полета, вы приблизитесь на допустимую дистанцию к экспериментальному ракетному спутнику Гарвардской радиационной лаборатории. Придерживайтесь плана полета — вы избегнете контакта в пределах безопасности. Конец сообщения. Повторяю...— Сообщение прозвучало еще раз, и связь прекратилась.

— Нечего сказать, вовремя сообщили! — взорвалась Хейзел.— Ух вы, просиживатели стульев! Бюрократы! Держу пари — это сообщение задержали на контуре добрый час, пока какой-нибудь идиот ругался с прачечной о пропавшем белье. «На допустимую дистанцию»! — не унималась она.— «В пределах безопасности»! Да эта хреновина мне брови опалила!

— Разошлись, как в море корабли,— на добрую милю.

— Мили недостаточно, и ты хорошо это знаешь. У меня это отняло десять лет жизни, а я в своем возрасте не могу себе такого позволить.

Роджер пожал плечами. После всех волнений и передряг он чувствовал упадок духа и ужасную слабость — с самого старта он жил на стимуляторах и совсем не спал.

— Пойду-ка я завалюсь часиков на двенадцать. Сделай предварительную проверку нашего вектора — если ничего серьезного не обнаружится, ты меня не буди. Посмотрю, когда встану.

— Есть, капитан Блай.

Первая проверка не выявила никаких неточностей орбиты, и Хейзел тоже отправилась в постель — в переносном смысле. В невесомости она никогда не пристегивалась к койке, предпочитая плыть туда, куда несет ее поток воздуха. Она делила каюту с Мид, а всех мальчишек поселили в кубрики. Близнецы попытались уснуть, но Лоуэлл спать не хотел. Он чувствовал себя прекрасно и открывал все новые чудеса невесомости. Он хотел играть в пятнашки. Близнецы не хотели играть в пятнашки, но Лоуэлл все равно играл.

Поллукс ухватил его за щиколотку.

— Слушай, ты! Тебя мало тошнило?

— Меня не тошнило!

— Да? А за кем нам пришлось убирать, за Санта Клаусом?

— Нету никакого Санта Клауса. И меня не тошнило. Врешь, врешь, врешь!

— Ты с ним не спорь,— посоветовал Кастор.— Просто придуши да и выкинь наружу. Изменение фактора массы сможем объяснить и исправить завтра.

— Не тошнило меня!

— Мид все время дрыхла на прошлом отрезке,— сказал Поллукс.— Может, уговоришь ее заняться им?

— Попробую.

Мид не спала и отнеслась к предложению с интересом.

— Сколько?

— Ну брось, сестренка!

— Скажем, вы моете посуду три дня?

— Вымогательница! По рукам. Иди прими объект.

Мид пришлось занять кубрик под детскую. Близнецы пошли спать в рубку, где пристегнулись к пилотским креслам, не затягивая ремней,— этого требовали корабельные правила, иначе можно повредить приборы во время сна.

Глава 8
БОЛЬШОЙ ПЕРЕПОЛОХ

Капитан Стоун бросил весь экипаж, за исключением доктора Стоун и Лоуэлла, на вычисление их новой орбиты. Все работали на основе одинаковых исходных данных, полученных с Земли и проверенных по собственным приборам. Капитан подождал, пока все закончат, и только тогда сравнил результаты.

— Что у тебя, Хейзел?

— У меня получилось, капитан, что ты разминешься с Марсом не больше чем на миллиончик миль.

— А у меня получилось, что я выйду прямо на него.

— Ладно, так и быть, у меня тоже.

— Кас? Пол? Мид?

Результаты близнецов сошлись до шести десятичных знаков, до пяти — с цифрами отца и бабушки, но ответ, который получился у Мид, был не похож ни на один из прочих. Отец с любопытством просмотрел ее расчеты.

— Девочка моя, я никак не могу понять, как ты сумела получить такое из компьютера. Насколько я понимаю, ты послала нас на Проксиму Центавра.

— Правда? — заинтересовалась Мид.— Знаешь что, давай попробуем мою орбиту и посмотрим, что получится. Будет интересно.

— Но непрактично. Ты заставила нас лететь со скоростью света.

— То-то я смотрю — очень большие цифры получаются.

Хейзел ткнула костлявым пальцем в расчет.

— Вот тут должен быть минус, солнышко.

— Это еще не все,— заметил Поллукс.— Поглядите-ка,— он взял листок Мид.

— Хватит, Пол,— прервал его отец.— Ты тут не для того, чтобы критиковать Мид.

— Но...

— Оставь при себе.

— Пусть его, папа,— сказала Мид.— Я же знаю, что все сделала неправильно.— Она пожала плечами.— В первый раз это делаю, если не считать школу. Почему-то все по-другому, когда по-настоящему.

— Правильно, все астрогаторы это знают. Ну ничего. У Хейзел средние цифры, ее результат мы и запишем в журнал.

Хейзел подняла руки над головой и потрясла ими.

— Победитель, чемпион!

— Это все, папа? — спросил Кастор.— Больше не будет маневров, пока не начнешь рассчитывать подход к Марсу?

— Конечно, нет. Никаких перемен, по крайней мере шесть месяцев. А что?

— Тогда мы с Полом почтительно испрашиваем разрешения капитана разгерметизировать трюм и выйти наружу. Хотим поработать с велосипедами.

— Военную фразеологию можете опустить. У меня тут для вас есть новости.— Роджер достал из поясной сумки листок бумаги.— Минутку, внесу кое-какие изменения.

Он что-то написал на нем и прикрепил листок к доске объявлений.

РАСПОРЯДОК ДНЯ

7.00. Подъем (послабление Эдит, Хейзел и Вундеру).

7.45. Завтрак (Мид готовит, близнецы моют посуду).

9.00. Учебные занятия: Кастор и Поллукс — математика; Мид — астрогация под руководством Хейзел; Лоуэлл — трескотня, ужимки и прыжки, на усмотрение мамы.

12.00. Конец утренних занятий.

12.15. Ленч.

13.00. Кастор и Поллукс — математика; Мид — работы по гидропонике.

16.00. Конец дневных занятий.

18.00. Обед. Работы по уходу за кораблем, согласно служебным обязанностям.

Суббота. После завтрака — уборка корабля, ответственная Хейзел.

Капитанская проверка в 11.00.

Стирка личных вещей после ленча.

Воскресенье. Медитация, занятия, развлечения. Рукоделие после ленча.

Хейзел ознакомилась с написанным.

— Куда мы, собственно, направляемся, Роджер? В Ботани-Бей? Ты забыл указать время порки крестьян.

— Это хорошая мысль.

— Возможно. Шесть против десяти, что твой распорядок и недели не продержится.

— Принимается. Покажите ваши деньги.

Близнецы тоже отнеслись к расписанию неодобрительно.

— Но ведь, папа,— выпалил Поллукс,— ты совсем не оставил нам время на ремонт велосипедов — ты хочешь, чтобы мы потеряли наш вклад?

— Я отвел тридцать часов в неделю для занятий. Вам остается сто тридцать восемь часов. Как вы их используете — ваше дело, если, как договорились, не будете отставать в учебе.

— А если мы начнем заниматься в восемь тридцать,— спросил Кастор,— и потом сразу после ленча? Можно нам будет пораньше закончить уроки?

— Не вижу препятствий.

— А если мы иногда будем заниматься по вечерам? Можно будет поработать?

— Тридцать часов в неделю,— пожал плечами отец,— и любые разумные поправки к расписанию допускаются, только записывайте в журнал точное время занятий.

— Теперь, когда вы утрясли этот вопрос,— сказала Хейзел,— с сожалением сообщаю вам, капитан, что другой пункт сей прокрустовой программы невыполним — по крайней мере, в ближайшее время. Я бы рада посвятить наш цветочек в тайны астрогации, но сейчас мне некогда. Учи ее сам.

— Почему?

— Почему? Он еще спрашивает! Кому и знать, как не тебе? «Бичи космоса», вот почему. Мне придется пахать носом недели три-четыре — надо наработать серии на несколько месяцев, пока мы не вышли из зоны связи.

Роджер с грустью посмотрел на мать.

— Я знал, что это случится, Хейзел, но не думал, что так рано. Умственная деятельность замирает, разум меркнет...

— Чей разум меркнет? Ты, молодой...

— Спокойно. Если оглянешься через левое плечо, посмотришь в иллюминатор правого борта и приглядишься как следует, то можешь вообразить, будто видишь «Бога войны». Он от нас не дальше десяти тысяч миль.

— А мне-то что? — подозрительно спросила Хейзел.

— Бедная Хейзел! Мы будем заботиться о тебе. Мать, по нашей орбите идут несколько больших торговых кораблей, и у каждого достаточно мощный передатчик, чтобы пробиться к Земле. Мы никогда не выйдем из зоны связи.

Хейзел уставилась в иллюминатор, будто там и вправду можно было увидеть «Бога войны».

— А чтоб я пропала,— выдохнула она.— Роджер, отведи меня в мою комнату — вот, молодец. Совершенно верно, это маразм. Берика обратно свой сериал — сомневаюсь, что смогу сочинять дальше.

— Ага! Ты снова взялась за него, так что придется сочинять. А насчет этих самых «бичей» я все хотел задать тебе пару вопросов, и вот сейчас у нас впервые выдалась свободная минута. Во-первых, почему ты опять позволила втянуть нас в это дело?

— Потому что они потрясли у меня перед носом слишком большой пачкой денег — перед этим ароматом никто из Стоунов сроду не мог устоять.

— Я просто хотел, чтобы ты сама в этом созналась. Ты хотела снять меня с крючка, помнишь? А теперь сама его проглотила.

— Наживка пожирнее.

— Это факт. А теперь вот что: не знаю, как ты осмелилась взяться за продолжение, сколько бы тебе там ни предложили. В последней серии, что ты мне показывала, ты не только прикончила Властелина Галактики, но еще и оставила нашего героя в безвыходном положении. Насколько я помню, он сидит в радиоактивной батисфере на дне юпитерианского аммиачного океана. Океан кишит чудовищами, которые дышат метаном и все до одного по гипнотическому наущению Властелина Галактики так и рвутся съесть Джона Стерлинга,— а у него только перочинный ножик. Как ты его оттуда вытащила?

— Мы придумали,— сказал Пол.— Если допустить...

— Тише, дитя. Ничего сложного, Роджер. Сверхчеловеческим усилием наш герой вырвался из роковой ловушки и...

— Это не ответ.

— Ты ничего не понимаешь. Следующая серия на Ганимеде. Джон Стерлинг рассказывает секретному агенту Долорес О'Шенахан о своих приключениях. Рассказывает, понятно? Благородство не позволяет ему хвастаться перед девушкой. Пока он с юмором излагает историю своего героического освобождения, действие начнет развиваться дальше, да так быстро и так кроваво, что наша невидимая публика не опомнится до самой рекламной паузы,— а там уж им найдется, о чем еще подумать.

— Это литературное мошенничество,— покачал головой Роджер.

— А кто сказал, что это литература? Это просто способ помочь корпорациям снизить налоги. У меня три новых спонсора.

— Хейзел, а где сейчас наши? — спросил Поллукс.— Что там с ними?

Хейзел посмотрела на хронометр.

— Роджер, твое расписание уже вступило в силу? Или можно начать завтра утречком?

— Давайте завтра,— слабо улыбнулся Роджер.

— Раз уж мы открыли литературную конференцию, позову-ка я Лоуэлла. От него я получаю лучшие идеи: его уровень развития как раз соответствует среднему уровню нашей публики.

— На месте Вундера я бы обиделся.

— Тихо! — Хейзел взмыла к люку и позвала: — Эдит! Можно у тебя дикого зверя позаимствовать?

— Он у меня, бабушка,— ответила Мид.— Подождите, я тоже иду.— И тут же явилась вместе с Лоуэллом.

Лоуэлл спросил:

— Что, бабушка Хейзел? Будем играть в пятнашки?

— Нет, сынок,— кровь проливать. Реки крови. Надо убить парочку злодеев.

— Здорово!

— Насколько я помню — я ведь с ними так быстро расстаюсь,— я их оставила в Черной туманности. Продовольствие кончилось, квантовое топливо тоже. Они заключили временное перемирие со свои-

ми пленниками-арктурианами и освободили их, потому что те — кремниевые существа и людей не едят. Но самим героям как раз приспело время этим заняться, вот только вопрос — кого зажарить на вертеле? А помощь арктурианам им нужна потому, что Космический Зверь, которого они захватили в прошлой серии и посадили в пустой бак от горючего, уже проел все, кроме последней перегородки, и у него-то нет никаких дурацких предрассудков по поводу биохимии. Углерод там или кремний — ему все едино.

— Это как-то нелогично,— заметил Роджер.— Если его организм основан...

— К порядку,— сказала Хейзел.— Прошу вносить только полезные предложения. Пол, у тебя, кажется, что-то блеснуло во взгляде?

— А этот Зверь радарное излучение выдержит?

— Это уже кое-что. Но надо немножко усложнить. Мид?

Близнецы начали выгружать велосипеды наружу на следующий день. На них были такие же скафандры, которые они носили на Луне, добавились только магнитные ботинки и маленькие ракетные двигатели. Последние пристегивались за спиной, а сопла торчали на поясе. На спине висел еще и запасной баллон высокого давления для подпитки двигателя, но в невесомости лишняя масса не была помехой.

— И помните,— предупредил их отец,— что ракеты включаются только в самом крайнем случае. Пользуйтесь тросами. И не полагайтесь на ботинки, когда травите трос — держитесь за второй, пока отпускаете первый.

— Да знаем мы все это, папа.

— Разумеется. Только предупреждаю, я могу неожиданно прийти с проверкой. И при малейшем нарушении техники безопасности — дыба и тиски для пальцев плюс пятьдесят палок.

— А кипящее масло?

— Не по средствам. Думаете, я шучу? Если кто-нибудь из вас сорвется и его отнесет от корабля, не ждите, что я буду его разыскивать. Один все равно лишний.

— А кто? — спросил Поллукс.— Может, Кас?

— Иногда мне кажется, что один, а иногда — что другой. При строгом соблюдении корабельных правил я временно воздержусь от решения.

В трюме не было шлюзового отсека — близнецы разгерметизировали его полностью и открыли дверь, едва не забыв пристегнуть тросы. Выглянув за дверь, они заколебались. Хоть они всю свою жизнь носили скафандры — в открытый космос на орбите они выходили впервые.

Из люка на них смотрела бесконечная космическая ночь — тьма казалась еще более густой и холодной от немигающих бриллиантов звезд на много световых лет от них. Одно дело — смотреть на них с безопасной поверхности Луны или через толстое кварцевое стекло иллюминатора, и совсем другое — когда нет никакой преграды между твоим хрупким телом и головокружительной холодной ночной глубиной.

— Кас,— сказал Поллукс,— мне это не нравится.

— Да тут нечего бояться.

— Чего ж у меня тогда зубы стучат?

— Выходи, я подержу твой трос.

— Ты слишком добр ко мне, дорогой брат,— просто черт знает как добр! Выходи ты, а я подержу твой трос.

— Не дури, выходи давай.

— После тебя, дедуля.

— Ну ладно!

Кастор схватился за края люка и вылез наружу. Он попытался прижать подошвы ботинок к корпусу корабля, но у него никак не получалось — мешал скафандр и не было силы тяжести, чтобы помочь ему. В результате он только перекувырнулся и сила инерции оторвала его пальцы от гладких краев люка. Кастор отлетел от корпуса и оказался в пустоте. Продолжая барахтаться, он повис на тросе в трех-четырех футах от корабля.

— Тащи меня обратно!

— Да опусти ноги, балда!

— Тащи меня обратно, идиот несчастный!

— Не называй меня так.

Поллукс отпустил трос еще на пару футов.

— Пол, брось дурить. Мне это не нравится.

— Я думал, ты у нас храбрец, дедуля!

Кастор ответил совсем неразборчиво. Поллукс решил, что с него довольно, подтянул брата к борту и, крепко держась за задрайку

люка, схватил Кастора за башмак и прижал его подошву к корпусу. Башмак со щелчком прилип к стали.

— Пристегивай второй трос,— распорядился Поллукс.

Кастор, все еще тяжело дыша, нашел глазами ближайшую скобу на корпусе и пошел к ней, поднимая ноги так, будто шел по липкой грязи. Он зацепил за скобу второй трос и выпрямился.

— Лови,— крикнул Поллукс и бросил ему свой трос.

Кастор поймал его и закрепил рядом со своим.

— Готово? — спросил Поллукс.— Тогда я здесь отстегиваю.

— Держат,— Кастор подошел ближе к люку.

— Я пошел.

— Давай,— и Кастор потянул за трос Поллукса.

Тот выплыл из люка, и брат не позволил ему встать, а стал потихоньку травить трос, пропуская его между пальцами, чтобы погасить инерцию. Вскоре Поллукс оказался на конце пятидесятифутового троса, где и продолжал болтаться.

При этом он активно барахтался, но без толку — загребать вакуум бесполезно. Увидев, что трос кончился, Поллукс прекратил извиваться.

— Подтяни меня?

— Скажи «пожалуйста».

Поллукс сказал кое-какие другие слова, почерпнутые в лунных доках, и украсил их цветистыми выражениями, позаимствованными у бабушки.

— Лучше катись с корабля,— заключил он,— а то я сейчас спущусь и отвинчу с тебя шлем.— Он попытался ухватить одной рукой трос, но Кастор отдернул его.

— Тогда скажи «эники-беники».

Поллукс сообразил, что легче захватить трос на поясе, где он был пристегнут, чем ловить его в пустоте, и усмехнулся.

— Ладно, эники-беники.

— То-то. Держись, тащу.— Кастор потихоньку подтянул брата, схватил его за ноги и поставил на корпус.— Ох и дурацкий вид у тебя был,— заметил он.

— Эники-беники! — повторил Поллукс их магическое слово.

— Прошу извинения, юнец. За работу.

Скобы были расположены по всему корпусу на расстоянии двадцати футов друг от друга. За них закрепляли снасти во время

ремонта, они же облегчали наружный осмотр корпуса в доке. Теперь близнецы использовали их для размещения велосипедов. Они извлекали велосипеды из трюма по полудюжине зараз, нанизывая их в петлю троса наподобие выловленной рыбы. Каждую такую связку прицепляли к одной скобе. Машины плавали за бортом, как шлюпки возле океанского корабля.

Привязывая велосипеды, близнецы вскоре оказались за «горизонтом» на светлой стороне корабля. Поллукс шел вперед, неся в левой руке шесть велосипедов, и вдруг остановился.

— Эй, дедуля, вид-то какой!

— Не смотри на Солнце,— резко сказал Кастор.

— Не будь дураком. Насладись.

Перед ними висели два тонких полумесяца — Земля и Луна. «Стоун» медленно удалялся от Земли по ее орбите и еще медленнее — от Солнца. Еще много недель они будут видеть Землю как шар, как диск, прежде чем расстояние превратит ее в яркую звезду. Сейчас она казалась почти такой же большой, как с Луны, только теперь Луна сопровождала ее. Светлая сторона Земли была зеленовато-бурой, густо покрытой ватой облаков. Темная сторона светилась бриллиантами городов.

Но братья не обращали внимания на Землю — они смотрели на Луну. Поллукс вздохнул.

— Красивая, правда?

— Что, юнец? Тоскуем по родине?

— Нет. Но она все равно красивая. Слушай, Кас, давай — сколько бы кораблей у нас ни было, всегда будем регистрировать их в Луна-Сити. Это будет наш порт.

— Годится. А городишко наш видишь?

— Кажется, да.

— Может, у тебя просто пятнышко на шлеме. Я не вижу. Давай работать.

Они увешали велосипедами все ближние к люку скобы и двинулись на корму, но Поллукс сказал:

— Эй, стой-ка! Отец не велел заходить за шестьдесят пятый шпангоут.

— Чего там, за девяностым — и то чисто. Двигатель у нас работал меньше пяти минут.

— Зря ты так уверен. Нейтроны — шустрые ребята. И ты же знаешь, какой отец педант.

— Это точно,— сказал вдруг третий голос.

Близнецы не выпрыгнули из своих башмаков только потому, что те были плотно застегнуты. Они обернулись и увидели отца, который стоял, подбоченившись, возле пассажирского шлюза.

— Привет, папа,— поперхнувшись, сказал Поллукс.

— Ну и напугал ты нас,— пробормотал Кастор.

— Прошу прощения. Да вы не отвлекайтесь — я просто вышел полюбоваться видом.— Он посмотрел на их работу.— Превратили мой корабль в свалку металлолома.

— Надо же нам где-то работать. Да и кто нас видит?

— Здесь вам в затылок смотрит Всевышний. Но не думаю, что он против.

— Слушай, папа, ты, вроде, говорил, что не разрешаешь нам заниматься сваркой в трюме?

— Да, я это, вроде, говорил — не разрешаю. Вспомните, что случилось на «Конунге Кристиане».

— Тогда мы соорудим стенд и будем варить здесь. О'кей?

— О'кей. Но день слишком хорош, чтобы говорить о делах.— Роджер протянул руки к звездам и посмотрел вокруг.— Славное местечко. Полно жизненного пространства. Хорошая декорация.

— Это точно, но, если хочешь на что-нибудь посмотреть, перейди на солнечную сторону.

— И правда. Помогите мне с тросами.— Все трое обогнули корпус и вышли на солнечный свет. Капитан Стоун, уроженец Земли, посмотрел сначала на родную планету.— Похоже, большой шторм на Филиппинах.

Близнецы не ответили. Погода была для них явлением таинственным, и они относились к ней неодобрительно. Отец повернулся к ним и тихо сказал:

— Я рад, что мы отправились путешествовать, ребята. А вы?

— Еще бы! А как же!

Они уже позабыли, какой холодной и неприветливой казалась им еще недавно окружавшая их черная бездна. Теперь это был громадный дом, великолепно обставленный, ну разве что не совсем обжитой. Их дом, в котором можно жить и делать все, что хочешь.

Они долго еще стояли и наслаждались. Наконец капитан Стоун сказал:

— Ну, я уже достаточно нагрелся. Пошли в тень.

Он потряс головой, чтобы стряхнуть каплю пота с кончика носа.

— Нам все равно надо работать.

— Я вам помогу — так дело пойдет быстрее.

«Перекати-Стоун» двигался к Марсу, а его экипаж вошел в ежедневный ритм. Доктор Стоун ловко управлялась с готовкой в невесомости — она здорово поднаторела в этом за год интернатуры в невесомой клинике околоземной космической станции. Мид было до нее далеко, но надо уж очень постараться, чтобы испортить завтрак. Отец наблюдал за ее гидропонными работами, помогая углубить знания, которые она получила в лунной школе. Доктор Стоун делила с бабушкой заботу о младшеньком, а на досуге потихоньку разбирала свои многолетние записи к труду «О кумулятивных эффектах многоканальной гипоксии».

Близнецы обнаружили, что математика может быть еще интереснее, чем они думали, и гораздо труднее — она требовала смекалки даже больше, чем, по мнению близнецов, у них было, а это немало значило. Так что приходилось работать головой. Отец взялся за старые номера «Реактивного мира» и штудировал справочник по управлению кораблем, но всегда находил время, чтобы учить и высмеивать близнецов. Оказалось, что Поллукс не способен представить себе график функции, читая уравнение.

— Не понимаю,— сказал отец.— У тебя же были хорошие отметки по аналитической геометрии.

Поллукс покраснел.

— В чем дело? — спросил отец.

— Дело, папа, в том...

— Ну-ну.

— Ну, у меня были не совсем хорошие отметки.

— То есть как? У вас обоих был высший балл — я прекрасно помню.

— Ну, видишь ли... Мы в том семестре были очень заняты, и нам показалось, что будет логично...

— Давай-давай, выкладывай!

— Кастор сдавал за двоих геометрию,— сознался Поллукс,— а я сдавал за двоих историю. Но учебник я прочел.

— Надо же! — вздохнул Роджер Стоун.— Ну, сейчас срок давности, пожалуй, уже прошел. Теперь ты на себе ощущаешь, что подобные преступления несут наказание в самих себе. Вот понадобилось, а ты ни бум-бум.

— Да, сэр.

— Придется накинуть тебе еще час в день — пока не сможешь четко представить по уравнению четырехмерную гиперповерхность в неэвклидовом континууме, даже стоя на голове под холодным душем.

— Да, сэр.

— Кастор, а ты какой предмет замотал? Тоже учебник прочел?

— Да, сэр. Историю средневековой Европы, сэр.

— Хм-м... Виноваты вы оба одинаково, но меня не слишком волнует предмет, который не требует логарифмической линейки и таблиц. Будешь помогать брату.

— Есть, сэр.

— Если время будет поджимать, я помогу вам с вашими поломанными велосипедами, хотя и не следовало бы.

Близнецы рьяно взялись за дело. К концу второй недели отец объявил, что доволен познаниями Поллукса в аналитической геометрии. Братья стали подниматься все выше и выше, на вершины с разреженным воздухом: комплексная логика матричной алгебры, блистающая ледяным одеянием... тензорное исчисление, отпирающее врата атому... дикие и чудесные уравнения поля, сделавшие человека царем Вселенной... сокрушительная, уму непостижимая интуиция решения Форсайта, которое открыло двадцать первый век и позволило человечеству сделать еще один великий шаг к звездам. К тому времени, когда Марс стал светиться в небе ярче, чем Земля, они ушли гораздо выше тех областей, где отец мог следовать за ними, и продолжали познавать неизвестное.

Обычно они учились по одной книге, плавая голова к голове по кубрику, и одна пара ног указывала на небесный север, другая — на юг. Близнецы рано приобрели привычку читать одну книгу одновременно, и в результате оба читали текст вверх ногами так же легко, как и в нормальном положении. Однажды читавший именно так Поллукс сказал брату:

— Знаешь, дедуля, вот я читаю и начинаю думать — не пойти ли нам в науку вместо бизнеса. В конце концов, деньги — это еще не все.

— Да,— согласился Кастор,— есть еще акции, боны, патентные права, не говоря уж о движимом и недвижимом имуществе.

— Я серьезно.

— Мы будем заниматься и тем и другим. Я дочитал страницу — щелкни выключателем, когда и ты дочитаешь.

«Бог войны», орбита которого немного отличалась от стоуновской, постепенно нагонял их и уже был виден невооруженным глазом, как звезда — переменчивая звезда. Она мигала и каждые шестнадцать секунд вспыхивала ярким светом. В целостат «Стоуна» было отчетливо видно, почему это происходит: «Бог войны» все время кувыркался, производя полный оборот за тридцать две секунды. Так он создавал, по принципу центрифуги, искусственную тяжесть, оберегая нежные желудки своих земных пассажиров. Через каждые пол-оборота солнечные лучи отражались от его блестящего корпуса как раз под таким углом, чтобы послать ослепительную вспышку в сторону «Стоуна». При взгляде в телескоп блеск просто резал глаза.

Наблюдение, как выяснилось, было обоюдным. Стоуны получили радиограмму. Хейзел отпечатала ее и с непроницаемым лицом вручила сыну. «"Бог войны" — "Перекати-Стоуну", лично. Родж, старина, гляжу на тебя в телескоп. Что это на тебе такое? Грибок? Или водоросли? Ты похож на рождественскую елку. *П. Ванденберг, капитан*».

Капитан Стоун сверкнул глазами.

— Ах ты, толстый голландец! Я тебе покажу «грибок». Ну-ка, мать, передай: «Капитан капитану — личная радиограмма. Как это ты ухитряешься углядеть что-либо в телескоп на своей пьяной карусели? И как тебе нравится быть нянькой при куче "земноводных"? Вдовушки, конечно, дерутся за право сидеть за капитанским столом. Весело, держу пари. *Роджер Стоун, капитан*».

Вскоре пришел ответ: «Роджер-поджер, я допускаю за свой стол пассажирок исключительно до двадцати лет, чтобы присматривать за ними. Предпочтение отдается блондинкам массой пятьдесят кило. Приходи к обеду. *Ван*».

Поллукс посмотрел в иллюминатор, где как раз сверкнул «Бог войны».

— А почему бы и нет, папа? Спорим, я могу туда долететь на своем двигателе с одним запасным кислородным баллоном.

— Не дури. У нас не хватит троса даже при самом тесном сближении. Хейзел, передай: «Миллион благодарностей, но мне готовит лучшая девочка во всей Системе».

— Это я, папа? — спросила Мид.— А я думала, тебе не нравится, как я готовлю.

— Можешь не задирать нос, кнопка. Я говорю о твоей маме, разумеется.

— Но я ведь похожа на нее, да?

— Немножко. Передавай, Хейзел.

«Ты прав. Мое почтение Эдит. Серьезно, что это такое? Прислать тебе пестициды или клопомор? Или это просто можно сбить палкой?»

— Почему ты ему не скажешь, папа? — спросил Кастор.

— Ладно, скажу. Передавай: «Велосипеды. Не требуются?»

К общему удивлению, капитан Ванденберг ответил:

«Может, и требуются. Есть у вас "Сэндмен Рейли"?»

— Скажи, есть! — ответил Поллукс.— В отличном состоянии и с новенькими шинами. Прелесть машина.

— Полегче,— перебил отец.— Я ваш груз видел. Если там и есть велосипед в отличном состоянии, «Рейли» или какой другой, вы хорошо его спрятали.

— Ко времени доставки будет в лучшем виде, папа.

— Как ты думаешь, зачем ему велосипед, дорогой? — спросила доктор Стоун.— Не руду же разведывать?

— Может, просто путешествовать. Ладно, Хейзел, можешь передать — но я, ребята, сам посмотрю этот велосипед. Ван на меня полагается.

Хейзел встала.

— Пусть мальчишки сами передают свое вранье. Надоела мне эта болтовня.

Кастор сел за ключ и начал торговаться. Оказалось, что шкипер лайнера действительно хочет купить велосипед. После долгих переговоров сошлись на цене гораздо ниже той, которую сначала

запросил Кастор, и ниже средних марсианских цен, но значительно выше той, что близнецы заплатили на Луне. Покупку требовалось доставить франко-борт на Фобос, орбита Марса.

Роджер продолжал время от времени обмениваться со своим приятелем дружескими ругательствами и сплетнями. На следующей неделе «Бог войны» вошел в зону телефонной связи, но разговоры стали реже и потом совсем прекратились — истощились темы. «Бог войны» подошел на самое близкое расстояние и начал снова удаляться. Стоуны не слышали его больше трех недель.

Потом Мид приняла вызов и поспешила на корму, где отец помогал близнецам наносить эмаль на отремонтированные велосипеды.

— Папа, тебя просят к телефону. Вызывает капитан «Бога войны», по служебному делу.

— Иду.— Роджер поспешил к рации.— «Перекати-Стоун», говорит капитан Стоун.

— Говорит командир «Бога войны». Капитан, не могли бы вы...

— Минутку. Это ведь не капитан Ванденберг?

— Нет, это Роули, второй помощник.

— Я понял, что меня официально вызывает капитан вашего корабля. Разрешите мне поговорить с ним.

— Я пытаюсь объяснить, капитан,— голос офицера звучал нервно и раздраженно.— Кораблем командую я. Капитан Ванденберг и мистер О'Флинн находятся в лазарете.

— Вот как? Извините. Надеюсь, ничего серьезного?

— Боюсь, что нет, сэр. У нас тридцать семь больных на сегодняшнее утро и четыре смертельных случая.

— Боже праведный! Что с вами такое?

— Не знаю, сэр.

— Но что говорит ваш врач?

— В том-то и дело, сэр. Врач умер во время дневной вахты. Капитан, вы не смогли бы подойти к нам? У вас есть резерв для маневра?

— Это еще зачем?

— У вас на борту врач, не так ли?

— Но это моя жена!

— Она врач, не так ли?

Роджер помолчал и ответил:

— Я перезвоню вам, сэр.

Состоялось совещание на высшем уровне с участием капитана, доктора Стоун и Хейзел. Сначала доктор Стоун настояла на том, чтобы вызвали «Бога войны», и выслушала полный отчет о симптомах и распространении болезни.

— Ну что, Эдит? — спросил ее муж, когда сеанс связи кончился.

— Не знаю. Надо посмотреть.

— Послушай, я не позволю тебе рисковать.

— Я врач, Роджер.

— Ты сейчас не практикуешь. К тому же ты мать семейства. Это совершенно исключает...

— Я врач, Роджер.

— Да, дорогая,— тяжело вздохнул муж.

— Весь вопрос в том, сможешь ли ты сойтись с «Богом войны» или нет. Вы с Хейзел уже выяснили?

— Сейчас начнем вычислять.

— Пойду проверю свои запасы,— нахмурилась Эдит.— Я не предполагала, что придется бороться с эпидемией.

Когда она ушла, терзаемый сомнениями Роджер спросил Хейзел:

— Что скажешь, мать?

— Сынок, твое дело пропащее. Она принимает свою клятву всерьез, ты давно это знаешь.

— Но я-то не давал клятву Гиппократа! Если я не приведу корабль куда надо, что она сможет сделать?

— Ты не доктор, это верно. Но ты капитан космического рейса. Похоже, тут действует правило «помощь и спасение».

— К черту правила! Речь идет об Эдит.

— Лично мне,— медленно сказала Хейзел,— семья Стоун дороже благополучия всего человечества, вместе взятого. Но решать за тебя я не могу.

— Я ее не пущу! Не во мне дело. С нами Вундер — он совсем еще маленький. Ему нужна мать.

— Нужна.

— Это решает вопрос. Пойду поговорю с ней.

— Минутку! Если ты так решил, капитан, то позволь сказать — ты не так берешься за дело.

— Почему?

— Единственный способ удержать твою жену — это получить на компьютере нужный тебе ответ: что сблизиться с «Богом войны», а потом попасть на Марс физически невозможно.

— Да. Ты права. Поможешь мне смошенничать?

— Куда ж я денусь?

— Тогда за дело.

— Как скажете, сэр. А знаешь, Роджер,— если «Бог войны» прибудет на Марс в разгаре неопознанной эпидемии на борту, ему ни за что не дадут сесть. Его отведут на парковочную орбиту, снова заправят горючим и отошлют обратно в следующий благоприятный срок.

— Ну и что? Мне-то какая забота, что богатенькие туристы и куча эмигрантов будут разочарованы?

— Пусть так. Но это еще не все. Ван и первый помощник больны, а если свалится еще и второй, то «Бог войны» может не добраться и до парковочной орбиты.

Роджеру не нужно было долго объяснять — при подходе к планете без управления умелого пилота корабль ждет одно из двух: или он разобьется, или уйдет в пустое пространство и будет блуждать там, подобно комете, которая никогда не достигнет пристанища. Роджер закрыл лицо руками:

— Что делать, мать?

— Капитан ты, сынок.

— Я ведь это знал с самого начала,— вздохнул Роджер.

— Да, но ты должен был побороть сомнения.— Хейзел поцеловала его.— Какие будут указания, сын?

— Давай вычислять. Хорошо, что мы не тронули резерв при старте.

— Вот-вот.

Когда Хейзел поделилась новостью с другими, Кастор спросил:

— Папа велел нам тоже рассчитать траекторию?

— Нет.

— Хорошо, а то нам надо побыстрей загрузить обратно велосипеды. Пошли, Пол. Мид, может, ты наденешь скафандр и поможешь нам? Если ты не нужна маме?

— Нужна,— ответила Хейзел,— чтобы присматривать за Лоуэллом и не давать ему путаться у всех под ногами. А велосипеды обратно грузить ни к чему.

— Что? Как же можно уравновесить корабль для маневра, пока они там? И потом, при запуске двигателя тросы могут оборваться, и изменится наш фактор массы.

— Кастор, где у тебя голова? Ты что, не понимаешь ситуации? Мы избавляемся от балласта.

— Как? Выбросить наши велики? Когда мы их дотащили почти до самого Марса?

— И велики, и все наши книги, и все прочее, без чего можно обойтись. После грубой прикидки на компьютере это стало ясно, как кварц: только так мы можем проделать маневр и притом сохранить нужный запас топлива для посадки. Отец сейчас составляет формулу веса.

— Но как же...— Кастор замолчал, согнав с лица всякое выражение.— Так точно, мэм.

Близнецы уже надевали скафандры, но еще не вышли наружу, и тут Пола осенило.

— Кас, вот мы отвяжем велики, а что дальше?

— Спишем в убыток и попытаемся получить возмещение в «Экспорте Четырех Планет». И они нам, ясное дело, не заплатят.

— Шевели мозгами. Где окажутся велики в конечном счете?

— Где? Да на Марсе же!

— Точно. Или поблизости. Следуя по нашей теперешней орбите, они подойдут к нему очень близко, а потом опять направятся к Солнцу. А может, мы подождем их там да и подцепим?

— Не выйдет. Нам понадобится столько же времени, чтобы добраться до Марса, да еще по другой орбите — орбите «Бога войны».

— Да, но предположим. Вот был бы у нас запасной радарный маяк, я бы на них навесил. Тогда, если бы мы их догнали, то знали бы, где они.

— Но у нас его нет. Слушай! А куда ты дел отражательную фольгу?

— Чего? А-а. Дедуля, иногда твой маразм отступает.

Когда «Стоун» стартовал, он был покрыт со стороны жилого отсека алюминиевой фольгой, блестящей, как зеркало. По мере того как они удалялись от Солнца, необходимость в отражении тепла исчезла — наоборот, стало желательно поглощение. Чтобы понизить нагрузку на охладительно-отопительную систему корабля, фольгу сняли и убрали на склад.

— Давай спросим у отца.

Хейзел задержала их у люка в рубку.

— Он у компьютера. В чем проблема?

— Хейзел, а фольга, которую мы сняли, тоже в списке балласта?

— Конечно. Возьмем другую на Марсе, когда соберемся назад. А зачем она вам?

— Для радарного отражателя, вот зачем.— И близнецы поделились своими планами.

— Вероятность мала, но смысл есть,— кивнула Хейзел.— Давайте-ка привяжите весь балласт к велосипедам. Может, еще и получим все обратно.

— Само собой!

И близнецы взялись за дело. Пока Поллукс собирал связки велосипедов, почти все отремонтированные и сверкающие свежей краской, Кастор сконструировал любопытную геометрическую игрушку с помощью проволоки восьмого калибра, алюминиевой фольги и липкой ленты. Гигантский квадрат фольги он натянул на проволочный каркас. В середине квадрата и под прямым углом к нему Кастор прикрепил второй. Эти два квадрата Кастор рассек пополам третьим квадратом под прямым углом. Получилось восемь сверкающих прямоугольных граней во всех возможных направлениях — радарный отражатель. Каждая грань будет отсылать радарные волны обратно к источнику — так резиновый мячик отскакивает от стенки комнаты или коробки. В результате эффективность радара возрастает во много раз, по крайней мере теоретически — закон обратной четвертой степени сменяется законом обратных квадратов. На практике эффект не столь велик, но радарная отдача объекта значительно повышается. Объект с такой этикеткой будет светиться на экране радара, как свеча в пещере.

Свой гигантский, но хрупкий змей Кастор привязал к куче велосипедов и прочего балласта простой бечевкой. Привязывать крепче не было нужды — залетный ветерок не сдует его и никто не перережет бечевку.

— Пол,— сказал Кастор,— иди постучи в окошко и скажи — мы готовы.

Пол послушался и забарабанил в иллюминатор, чтобы привлечь внимание бабушки, а потом простучал свое сообщение. Тем временем Кастор прикрепил к грузу такое объявление:

НЕПРИКОСНОВЕННО!

Этот груз намеренно переведен на свободное перемещение. Нижеподписавшийся владелец намерен вернуть его и предупреждает всех заинтересованных лиц о недопустимости присвоения данного груза в качестве бесхозного. Согл. Постан. № 193401.

Роджер Стоун,
капитан «Перекати-Стоуна», Луна.

— Хейзел дает добро, но говорит, чтобы осторожно,— сказал Поллукс, вернувшись.

— Само собой.

Кастор развязал единственный трос, крепивший громоздкую конструкцию к кораблю, отошел и стал наблюдать. Груз не двигался с места. Тогда Кастор чуть-чуть подтолкнул его одним пальцем, и груз медленно-медленно начал отделяться от корабля. Кастор не хотел нарушать орбиту балласта, чтобы потом его легче было найти. Маленькая скорость, которую он придал ему — дюйм в минуту, на глаз,— будет держаться до самого Марса. Кастор хотел, чтобы векторная сумма осталась малой.

Поллукс оглянулся на сверкнувшего «Бога войны».

— А когда мы запустим двигатель, груз не попадет под струю?

— Будь спокоен. Я это уже вычислил.

Маневр, который им предстояло выполнить, был очень прост — сближение в космосе, в зоне, считающейся свободной от гравитации. Оба корабля находились практически на одном расстоянии от Солнца, а Марс был еще слишком далеко, чтобы брать его в расчет. Маневр состоял из четырех простых стадий: устранение небольшой векторной разницы между кораблями (или относительной скорости, с которой двигался «Бог войны»); ускорение в направлении «Бога войны»; пересечение пространства между кораблями; торможение с целью совмещения орбит и дрейф в пространстве относительно друг друга.

Первая и вторая стадии требуют увеличения скорости, на третьей надо просто выжидать. Вся операция требовала двух маневров, двух запусков двигателя.

Но в третьей стадии время, чтобы догнать «Бога войны», можно было значительно сократить, щедро расходуя топливо. Если бы

им не было так дорого время, можно было бы спокойно ждать, «бросая камушки с кормы», как сказала Хейзел. Здесь существовало бессчетное число вариантов с разным расходом топлива. В одном из вариантов можно было сохранить велосипеды и личные вещи, зато время перехода растянулось бы на две недели.

Доктор требовался срочно, и Роджер Стоун решил сбросить балласт.

Но близнецам он этого не сказал и не приказал им вычислять траекторию. Он не желал, чтобы они знали о существовании выбора: сохранить их капитал либо оказать незнакомым людям медицинскую помощь. Отец счел, что близнецы еще слишком молоды.

Через одиннадцать часов после запуска двигателя «Стоун» повис в пространстве недалеко от «Бога войны». Корабли продолжали путь к Марсу, делая приблизительно шестнадцать миль в секунду. Относительно друг друга они были неподвижны, только лайнер продолжал плавное вращение. Навьюченная доктор Стоун — на ней был не только скафандр, баллоны, рация, ракетный двигатель и тросы, но еще и санта-клаусовский мешок с медицинским оборудованием — стояла рядом с мужем на борту «Стоуна», обращенном к лайнеру. Не зная точно, что ей может понадобиться, она забрала все, без чего могла обойтись ее семья,— наркотики, антибиотики, инструменты, перевязочный материал.

С остальными Эдит расцеловалась на корабле и велела им там и оставаться. Лоуэлл плакал и не пускал мать в шлюз. Ему не сказали, в чем дело, но настроение всех остальных действовало заразительно.

— Значит, так,— озабоченно говорил Роджер,— в ту же минуту, как поймешь, в чем там дело, и назначишь лечение, сразу домой, слышишь?

— Увидимся на Марсе, дорогой ,— покачала головой Эдит.

— Ну уж нет! Ты...

— Да, Роджер. Я могу послужить переносчиком инфекции. Нельзя рисковать.

— Ты и на Марсе можешь быть переносчиком. Что ж ты, вообще не собираешься возвращаться?

Риторический вопрос Эдит оставила без внимания.

— На Марсе есть больницы. А семейную эпидемию в космосе я допустить не могу.

— Эдит! Я серьезно подумываю отказаться...

— Меня уже ждут, дорогой. Видишь?

У них над головой, на расстоянии двадцати ярдов, открылся пассажирский люк на оси вращения огромного корабля. Оттуда вышли две фигурки, осторожно прижали ботинки к борту и встали на корпусе, головами «вниз» к Стоунам. Роджер сказал в микрофон:

— Эй, на «Боге войны»!

— Есть на «Боге войны».

— Готовы?

— Ждем вас.

— Приготовиться к переходу.

Исполняющий обязанности капитана корабля Роули предложил прислать человека, чтобы помочь перенести доктора Стоун через проем, но она отказалась, не желая, чтобы человек с зараженного корабля контактировал с «Перекати-Стоуном».

— Тросы свободны, Роджер?

— Да, милая.— Роджер связал вместе несколько тросов, прикрепив один конец к ее поясу, другой — к скобе.

— Поможешь мне с ботинками, дорогой?

Роджер опустился на колени и молча расстегнул «молнии» на ее магнитных ботинках — у него пропал голос. Потом он выпрямился, и Эдит обхватила его руками. Они неуклюже обнялись — им мешали скафандры и ее заплечный мешок.

— Адью, милый,— нежно сказала она.— Береги детей.

— Эдит! Это ты береги себя!

— Да, дорогой. Подержи меня.

Роджер приподнял ее, она вынула ноги из ботинок — теперь ее удерживали только его руки.

— Готовься! Раз! Два! — Оба согнулись пополам.— Три! — Эдит отскочила от корабля, волоча за собой трос.

Долгие-долгие секунды уплывала она вверх, через пропасть между «Стоуном» и лайнером. Потом стало ясно, что прыжок получился не совсем прямой, и Роджер приготовился тянуть жену обратно.

Но комитет по встрече приготовился к неожиданностям. Один из двоих стал раскручивать над головой тросик с грузом, описывая все более широкие круги. Когда Эдит стало проносить мимо борта

«Бога войны», он метнул свое лассо и зацепил грузилом за страховочный трос Эдит. На «Перекати-Стоуне» Роджер застопорил канат и остановил ее, а человек на лайнере осторожно подтянул к себе.

Второй перехватил Эдит и пристегнул крюк ей к поясу, потом отвязал длинный трос «Стоуна». Прежде чем войти внутрь, Эдит помахала рукой, и люк закрылся.

Роджер какой-то миг смотрел на закрытую дверь, потом втянул трос. Его взгляд упал на пару маленьких ботинок рядом. Он оторвал их от обшивки, прижал к себе и побрел к своему люку.

Глава 9
ВОЗВРАТ ИМУЩЕСТВА

В последующие дни близнецы старались не попадаться отцу на глаза. Он обращался со всеми непривычно мягко и нежно, но никогда не улыбался и мог совершенно неожиданно сорваться и впасть в гнев. Братья сидели в кубрике и делали вид, что занимаются, и вправду занимались какую-то часть времени. Мид и Хейзел делили заботу о Лоуэлле. Ощущение безопасности у малыша с уходом матери пропало. Он выражал это бурными капризами и требовал к себе внимания.

Хейзел взялась готовить ленч и обед, У нее это получалось не лучше, чем у Мид. Дважды в день всем было слышно, как она то и дело обжигается, сыплет проклятиями и жалуется, что она не домохозяйка и никогда не стремилась ею стать. Никогда!

Доктор Стоун звонила ежедневно и, быстро переговорив с мужем, умоляла больше никого не звать — она слишком занята. Роджер взрывался обычно как раз после таких разговоров.

Только у Хейзел хватало отваги приставать к нему. На шестой день за ленчем она спросила:

— Ну что, Роджер? Какие новости? Поделись с нами.

— Ничего особенного. Хейзел, эти отбивные — просто гадость.

— А должны быть хороши — я их приправила собственной кровью! — Она показала перевязанный палец.— Попробовал бы сам стряпать. Но ты мне не ответил — не увиливай, парень.

— Она, кажется, что-то обнаружила. Насколько видно по их записям, пока не заболел ни один человек, переболевший раньше корью.

— Корью? — удивилась Мид.— Но ведь от нее не умирают.

— В общем, нет,— согласилась бабушка.— Хотя для взрослых она может быть опасна.

— Я не говорил, что это корь,— раздраженно ответил Роджер,— и мама тоже не говорила. По ее мнению, болезнь родственна кори, может быть, мутация, более сильный вирус.

— Назовем ее «неокорь»,— предложила Хейзел.— Хорошее название — сразу возникает масса вопросов и звучит по-научному. Были еще смертельные случаи, Роджер?

— Да, были.

— Сколько?

— Она не говорит. Хотя Ван еще жив, и Эдит сказала, что он поправляется. Она сказала,— добавил он, будто стараясь убедить самого себя,— что, кажется, поняла, как это лечить.

— Корь,— задумчиво сказала Хейзел.— Ты не болел ею, Роджер.

— Нет.

— И дети тоже.

— Еще чего,— сказал Поллукс.

Луна-Сити, несомненно, был самым здоровым местом в известной человеку Вселенной. Детским болезням, обычным на Земле, не дали там прижиться.

— Какой у нее голос, сын?

— Смертельно усталый,— хмуро сказал Роджер.— Даже накричала на меня.

— Только не мама!

— Тише, Мид. У меня была корь лет семьдесят-восемьдесят назад,— вспомнила Хейзел.— Роджер, я пойду помогу ей.

— Она это предвидела,— невесело улыбнулся Роджер.— И просила передать тебе спасибо, но неквалифицированной помощи у нее более чем достаточно.

— Неквалифицированной! Мне это нравится! Да во время эпидемии девяносто третьего года я была единственной женщиной в колонии, способной перестелить постель. Уф!

На следующий день Хейзел заняла пост у рации, чтобы самой перемолвиться словечком с невесткой. Звонок раздался в обычное время, и Роджер принял его. Но это была не Эдит.

— Капитан Стоун? Тернер, сэр,— Чарли Тернер. Я третий инженер. Ваша жена просила позвонить вам.

— В чем дело? Она занята?

— Очень занята.

— Попросите ее позвонить мне, как только освободится. Я буду ждать у аппарата.

— Боюсь, это бесполезно, сэр. Она определенно сказала, что не будет звонить вам сегодня. У нее нет времени.

— Чепуха! Это всего тридцать секунд. На таком большом корабле она может связаться со мной из любого места.

— Извините, сэр,— растерялся его собеседник.— Доктор Стоун строго наказала не беспокоить ее.

— Да пропади все пропадом, я...

— Прошу извинить меня, сэр. До свидания.

Тернер оставил Роджера ругаться в пустоту.

Стоун помолчал и сказал матери с отчаянием:

— Она подцепила эту хворь.

— Не спеши с выводами, сынок,— спокойно ответила Хейзел.

Но в глубине души и она пришла к такому же выводу. Эдит Стоун заразилась болезнью, которую отправилась лечить.

Той же нехитрой байкой угостили Роджера и на другой день, но на третий перестали обманывать. Доктор Стоун больна, но ее мужу не следует волноваться. Перед тем как заболеть, она успела разработать метод лечения, и все вновь заболевшие, включая ее, поправляются. Так ему сказали.

Нет, она не станет разговаривать с ним с больничной койки. Нет, с капитаном Ванденбергом поговорить нельзя — он еще слишком болен.

— Я иду к вам! — крикнул Роджер.

— Это ваше дело, капитан,— замялся Тернер.— Но если вы так поступите, нам придется задержать вас тут на карантине. Письменный приказ доктора Стоун.

Роджер прервал связь. Он знал, что это решает дело — во всем, что касается медицины, Эдит была верховным судьей, а он не мог покинуть свой корабль и свою семью, предоставив им самим добираться до Марса. Хрупкая престарелая женщина и двое самоуверенных пилотов-недоучек — нет, он должен сам привести корабль к месту назначения.

Семья переживала трудное время. Стряпня становилась все хуже, если вообще кому-нибудь приходила охота стряпать. Прошло семь бесконечных земных дней, и наконец на ежедневный звонок ответили:

— Роджер! Здравствуй, дорогой!

— Эдит! Как ты, ничего?

— Поправляюсь.

— Какая у тебя температура?

— Не собираешься ли ты лечить меня, дорогой? Температура удовлетворительная, как и общее самочувствие. Немного похудела, но мне это не повредит, тебе не кажется?

— Нет, не кажется. Слушай — иди домой! Слышишь?

— Роджер, милый! Не могу, это дело решенное. Весь корабль на карантине. Как там мое остальное семейство?

— Да хорошо, хорошо, что им сделается! Мы все благоденствуем.

— Так и продолжайте. Позвоню завтра. Пока, дорогой.

Обед в тот день был праздничный. Хейзел опять порезала палец, но не обратила на это никакого внимания. Ежедневные звонки уже не заставляли тревожно вздрагивать, а радовали. Через неделю доктор Стоун сказала:

— Оставайся на связи, Роджер. С тобой хочет поговорить один друг.

— Хорошо, дорогая. Целую тебя, до свидания.

— Роджер-поджер! — сказал знакомый бас.

— Ван! Ах ты, голландец пузатый! Я так и знал, что избыток подлости не даст тебе помереть.

— Жив-здоров, благодаря твоей замечательной жене. Только больше не пузатый — не успел еще отрастить.

— Ничего, отрастишь.

— Не сомневаюсь. Вот что: я спрашивал нашего доктора кое о чем, но она не совсем в курсе — это по твоей части. Роджер, сколько моноаш у тебя осталось после этого пробега? Добавить тебе горючего?

— А у тебя есть лишнее, капитан?

— Есть немного. Для моего вагона немного, а для твоей тарелки как раз хватит.

— Нам пришлось сбросить балласт, знаешь?

— Знаю и прошу прощения. Я прослежу, чтобы ваше заявление попало куда надо. Я бы и сам возместил, капитан, да после уплаты алиментов на трех планетах у меня ничего не останется.

— Возможно, это не понадобится.— И Роджер рассказал о радарном отражателе.— Если бы мы вернулись в старое русло, то как раз встретились бы со своими пожитками.

— Хотел бы я снова повидать твоих парней,— усмехнулся Ванденберг.— Похоже, они подросли за эти семь лет.

— Не советую. Они утащат протез у тебя изо рта. Так как насчет моно-аш — сколько ты можешь выделить?

— Тебе хватит, я уверен. Хочется проделать этот трюк даже из спортивного интереса. Уверен, этого никто раньше не делал. Никто.

Два корабля шли вровень на глаз и почти вровень по приборам, но их отнесло на пару миль друг от друга, пока на лайнере боролись с эпидемией. Неуловимое взаимное притяжение делало обоюдную скорость освобождения намного ниже, чем их крохотная остаточная относительная скорость. В этом направлении ничего не предпринималось, пока корабли оставались в пределах телефонной связи. Но теперь возникла необходимость перекачать топливо с одного корабля на другой.

Роджер привязал груз к концу легкого троса и метнул его как можно дальше и как можно прямее. Когда движение груза замедлилось благодаря натяжению троса, с «Бога войны» вышел человек в скафандре и поймал его. К легкому тросу привязали трос покрепче, который был прикреплен к «Перекати-Стоуну». Этот трос вытягивали вручную. Хотя масса «Стоуна» была громадной по сравнению с физической силой человека, вектор был слишком мал для запуска двигателя, а трение равно нулю. Не зря же на космических кораблях нет тормозов — хотя, казалось бы, многочисленные вмятины на кораблях и станциях свидетельствуют об обратном.

В результате такого постепенного подтягивания через два с половиной дня корабли подошли друг к другу достаточно близко, чтобы между ними можно было протянуть шланг для горючего. Роджер и Хейзел, хоть и были в скафандрах, работая со шлангом, пользовались гаечным ключом, чтобы не нарушать карантина. Даже доктор Стоун не могла бы придраться. Через двадцать минут и эта связь оборвалась — запас горючего на «Стоуне» был восполнен.

И вовремя. Марс в виде красной, почти полной луны рос в небе. Пора было готовиться к маневру.

— Вот они! — Поллукс нес вахту у экрана радара; на его крик приплыла бабушка.

— А может, это стадо гусей,— заметила она.— Где?

— Да вот. Ты что, не видишь?

Хейзел ворчливо согласилась, что метка, пожалуй, действительно есть. В следующие несколько часов замерили расстояние, пеленг и относительную скорость по радару и доплеру и вычислили, как экономнее подойти и забрать груз. Роджер постарался сманеврировать как можно мягче, подгоняемый приближением Марса. Наконец, они зависли в пространстве почти неподвижно рядом с кучей своего добра. Через несколько часов, как подсчитал Роджер, они приблизятся к ней на триста ярдов.

Тем временем стали вычислять маневр сближения с Марсом. «Перекати-Стоун» должен был сесть, конечно, не на самом Марсе, а в порту Фобос. Сначала им нужно выйти на почти круговую орбиту вокруг Марса, соответствующую орбите Фобоса, и в итоге сесть на крохотном спутнике. Сложность была только в одном: период обращения Фобоса — всего около десяти часов. «Стоуну» нужно было выйти не только в нужное место, с нужной скоростью и в нужном направлении, но и в нужное время. Приняв на борт велосипеды и прочий груз, кораблю придется идти за Фобосом, не приближаясь к нему, чтобы точно выйти на рандеву.

Расчетами занимались все, кроме Вундера. Мид работала под руководством Хейзел. Поллукс продолжал следить по радару за приближением груза. Роджер выбросил два черновых варианта решения и взялся за третий, который вроде бы имел какой-то смысл. Тут Поллукс объявил, что, согласно последним показаниям радара, они подошли к грузу на самое близкое расстояние.

Отец отстегнулся и подплыл к иллюминатору.

— Где? Боже праведный, да мы прямо сидим на них. Пошли, ребята.

— Я тоже пойду,— заявила Хейзел.

— И я! — откликнулся Лоуэлл.

— Это тебе так кажется,— Мид подхватила его на руки.— Мы с тобой пойдем играть в замечательную игру «Что у нас на обед?». Желаю приятно провести время.— И она полетела на корму, таща за собой упиравшегося брата.

Снаружи всем показалось, что велосипеды очень далеко от них.

— Может, мне слетать туда? — предложил Кастор.— Сбережем время.

— Сомневаюсь. Бросай груз, Пол.

Поллукс закрепил легкий трос за скобу. На другом конце вместе с грузом было приделано с полдюжины крючков из проволоки шестого калибра. Первый бросок был как будто достаточно сильным, но не попал в цель.

— Дай-ка мне, Пол,— велел Кастор.

— Пусть он сам,— возразил отец.— Бог свидетель, последний раз выхожу в космос без гарпунного ружья. Запиши это, Кас. Занеси в список покупок, когда вернемся на корабль.

— Есть, сэр.

Со второго раза Поллукс попал, но трос соскользнул, когда Пол потянул его,— крючки не зацепились. Он попробовал еще раз, и на этот раз трос натянулся.

— Теперь тихонько! — предостерег отец.— А то вся эта куча свалится нам на ноги. Кончай тянуть, уже пошло.

Кастор в нетерпении предложил потянуть за трос еще. Отец покачал головой. Хейзел добавила:

— Я видела, как новичок на космической станции вот так же хотел побыстрее подтянуть груз. Это была стальная плита.

— Ну и что?

— Сначала он дернул как следует и думал, что потом сможет ее отпихнуть. Ему пришлось ампутировать обе ноги — жизнь, правда, спасли.

Кастор успокоился.

Через несколько минут бесформенная масса причалила к кораблю. При этом у одного велосипеда погнулся руль, но других повреждений не оказалось. Близнецы с Хейзел стали разбирать груду, работая с тросами и в магнитных ботинках. Они только передавали велосипеды в трюм, где Роджер раскладывал их, согласно точной схеме распределения массы.

Поллуксу попалось на глаза объявление Кастора о неприкосновенности груза.

— Эй, Кас! Вот твое объявление.

— Оно больше не нужно.

Кастор взглянул на бумажку, и глаза у него полезли на лоб. Внизу было приписано:

«А еще чего скажешь? *Властелин Галактики*».

Капитан Стоун вышел посмотреть, отчего заминка, и тоже прочел.

— Хейзел!

— Я? Да я все время у вас на глазах. Как я могла это сделать?

Роджер смял бумажку.

— Я не верю в привидения, по правде сказать, и во Властелина Галактики тоже.

Если Хейзел и сделала это, то никто не видел, а она так и не созналась. Она настаивала на своей версии — значит, Властелин Галактики все-таки не умер. И в доказательство она оживила его в следующей серии.

Глава 10
ПОРТ ФОБОС

У Марса есть две готовые космические станции — крохотные, находящиеся близко к нему луны,— Фобос и Деймос, псы бога войны — Страх и Ужас. Деймос — это выщербленная, изрытая скала, шкиперу трудно было бы посадить на нем корабль, а Фобос имеет почти правильную сферическую форму и был уже довольно ровным, когда его открыли. С помощью атомного маникюра у экватора создали большое взлетно-посадочное поле. Может, с этим и не стоило торопиться — по одной весьма правдоподобной теории, древние марсиане тоже использовали Фобос как космическую станцию. Доказательство тому (если оно существует) погребено теперь под шлаком фобосского космодрома.

«Перекати-Стоун» вошел в орбиту Деймоса, включил двигатель на подходе к орбите Фобоса и пристроился к нему, кружа по почти идентичной орбите вокруг Марса всего в пяти милях от его луны. Теперь корабль был привязан к Марсу, но падал на Фобос, не стараясь пока замедлить этот процесс. Падение нельзя было назвать стремительным: на расстоянии, равном радиусу Фобоса, спутник притягивал крохотную массу корабля с силой менее трех десятитысячных земного притяжения. У капитана Стоуна было достаточно

времени, чтобы вычислить вектор посадки планеты — пройдет добрый час, прежде чем «Стоун» упадет на поверхность планеты.

Капитан пошел по легкому пути и запросил помощи. Двигатель «Стоуна», способный развить ускорение до шести g, был слишком мощным для слабенького притяжения десятимильной скалы — все равно что прихлопнуть муху механическим копром. Когда двигатель остановили, к ним вскоре подошел маленький скутер с Фобоса и пришвартовался к шлюзовому отсеку.

На корабль вплыла фигура в скафандре. Пришелец снял шлем и сказал:

— Разрешите подняться на борт, сэр? Джейсон Томас, лоцман — вы ведь запрашивали лоцмана, сэр?

— Да, капитан Томас.

— Зовите меня просто Джей. Схема распределения массы готова?

Роджер подал ему схему, и лоцман стал ее изучать, а Стоуны тем временем разглядывали его. Мид решила про себя, что он больше похож на бухгалтера, чем на лихого космонавта,— ничего общего с героями сериала Хейзел. Лоуэлл воззрился на него и серьезно спросил:

— Вы марсианин, мистер?

— Вроде этого, сынок,— не менее серьезно ответил ему лоцман.

— А тогда где у вас еще одна нога?

Томас опешил, но быстро нашелся.

— Ну, наверно, я неполноценный марсианин.

Лоуэлл задумался, но вопросов задавать больше не стал. Лоцман вернул Роджеру схему.

— О'кей, капитан. Где у вас наружные гнезда подключения?

— К носу от люка. А внутренние здесь, на пульте.

— Я на пару минут.

Лоцман снова вышел наружу, двигаясь очень быстро, и вернулся минут через десять.

— Это вы так быстро подключили вспомогательные ракеты? — недоверчиво спросил Стоун.

— Я уж много раз это делал. Привычка. И потом, со мной толковые ребята работают.— Он подключил к гнездам на пульте маленькую панель управления и проверил ее.— Все в порядке.— Он

посмотрел на экран радара.— Теперь можно немного побездельничать. Вы эмигранты?

— Да нет, просто путешествуем.

— Это здорово! Только не знаю, хоть убей, что интересного вы надеетесь найти на Марсе.

Он посмотрел в иллюминатор, где на черном фоне рисовался красный полукруг Марса.

— Посмотрим достопримечательности.

— В штате Вермонт больше можно увидеть, чем на всей этой планете. Я точно знаю. Это вся ваша семья?

— Все, кроме жены,— и Роджер объяснил ситуацию.

— А, да! Я читал об этом в «Военном кличе». Только там неправильно указали название вашего корабля.

— Газеты! — презрительно фыркнула Хейзел.

— Да, мэм. «Бога войны» я посадил четыре часа назад. Стоянка 32—33. Только он на карантине.— Лоцман вытащил трубку.— У вас тут есть электростатическое осаждение?

— Есть,— сказала Хейзел.— Курите, курите, молодой человек.

— Спасибо.

Чтобы разжечь трубку, потребовалась уйма времени. Поллукс начал волноваться — когда же капитан думает вычислять траекторию.

Но Джейсон Томас не удосужился даже посмотреть на экран радара. Вместо этого он начал рассказывать длинную и запутанную историю про своего зятя, который живет на Земле. Этот его родственник пытался выучить попугая работать как будильник.

Близнецы ничего не знали о попугаях, да и знать не хотели. Кастор забеспокоился. Уж не хочет ли этот дурак разбить «Стоун»? Кас начал сомневаться, лоцман ли Томас вообще. История все продолжалась. Внезапно Томас прервал рассказ и сказал:

— Ухватитесь все за что-нибудь. И подержите кто-нибудь малыша.

— Я не малыш,— возразил Лоуэлл.

— А вот я хотел бы стать маленьким, знаешь? — Лоцман протянул руку к своей панели, а Хейзел взяла Лоуэлла.— Но вся суть в том...— Корабль потряс оглушающий грохот — громче, чем шум стоуновского двигателя. И сразу стало тихо.— Вся суть в том,— торжествующе закончил Томас,— что птичка так и не научилась

говорить время. Спасибо, ребята. Счет получите в конторе.— Он встал на ноги и гибким кошачьим движением скользнул к выходу, не отрывая ног от пола.— Рад был познакомиться. До свидания.

Они сели на Фобосе.

Поллукс оторвался от мягкой обшивки, к которой прислонился при посадке, и ударился головой о потолок. Потом попробовал пройтись, как Джейсон Томас. У него снова был вес, настоящий вес — впервые после Луны. Правда, в нем было всего две унции вместе с одеждой.

— Интересно, на какую высоту тут можно прыгнуть? — спросил он.

— Лучше не пробуй,— ответила Хейзел.— Помни, что скорость освобождения на этом шарике — всего шестьдесят шесть футов в секунду.

— Но человек ведь не может так быстро двигаться...

— Был такой Оле Гундерсон. Он обогнул Фобос по свободной орбите длиной тридцать пять миль. Это заняло у него восемьдесят пять минут. Он бы и доселе там летал, если бы его не перехватили на втором витке.

— Да, но он ведь был олимпийским чемпионом по прыжкам. И у него, наверно, был специальный трамплин, от которого он отталкивался.

— Прыгать не обязательно,— сказал Кастор.— Шестьдесят шесть футов в секунду — это сорок пять миль в час, значит, круговая скорость где-то миль тридцать в час. У нас дома человек может свободно пробежать двадцать в час, а здесь запросто развить сорок пять.

— Но трения-то нет,— не соглашался Поллукс.

— Специальные шиповки и, может быть, пусковой пандус на последней сотне ярдов, и — фьюю! — полетел.

— Вот и попробуй, дедуля. Я тебе помашу на прощанье.

— Прошу тишины! — Роджер свистнул.— Если наши доморощенные атлеты закончили, то у меня есть сообщение.

— Спустимся на поверхность, папа?

— Нет, если будешь меня перебивать. Я пойду на «Бога войны». Кто хочет погулять — пожалуйста, только договоритесь, кто приглядит за Вундером. Надевайте ботинки — кажется, тут есть стальные дорожки для удобства путешественников.

Поллукс первым надел скафандр и вышел в шлюз, где с удивлением обнаружил, что веревочная лестница так и не опущена. «Как же спустился Джейсон Томас? — подумал Пол.— Спрыгнул, наверное?» Прыжок вниз с высоты ста с лишним футов здесь не причинит вреда ногам. Но, открыв наружную дверь, Пол выяснил, что можно просто идти по корпусу, как муха по стене. Он слышал об этом и раньше, но не очень-то верил — разве такое возможно на планете, пусть даже на спутнике?

Другие последовали за ним. Хейзел несла Лоуэлла. Внизу Роджер остановился и посмотрел вокруг.

— Могу поклясться чем угодно,— недоуменно сказал он,— что перед посадкой видел «Бога войны» чуть восточнее от нас.

— Вон там что-то торчит,— сказал Кастор, указывая на север.

Там над необычайно близким горизонтом высился какой-то круглый купол — горизонт был всего в двухстах ярдах с высоты зрения Кастора. Купол казался огромным, но, по мере их приближения, он быстро уменьшался, и вскоре они дошли до него. Резкое искривление маленького шарика шутило с ними шутки. Планета была так мала, что было видно, как она закругляется, но сказывалась привычка считать, будто то, что на горизонте,— это далеко.

По дороге к куполу Стоуны встретили на одной из стальных дорожек, пересекавших им путь, человека. Он был в скафандре, как и они, и с легкостью нес бухту стального троса, ручную лебедку и сухопутный якорь с большими лапами. Роджер остановил его.

— Извините, приятель,— не скажете ли, как найти «Бога войны»? По-моему, стоянка 32–33.

— Вон там, к востоку. Идите по этой дорожке миль пять и увидите. Вы не с «Перекати-Стоуна»?

— Да. Я владелец, тоже Стоун.

— Очень приятно, капитан. Я как раз собираюсь перевезти ваш корабль на другое место. Найдете его на стоянке номер тринадцать, к западу отсюда.

Близнецы с любопытством осматривали его снаряжение.

— Вам этого хватит? — спросил Кастор, вспомнив сложную процедуру перевозки «Стоуна» на Луне.

— А вы гироскопы оставили вертеться? — спросил докер.

— Да,— ответил капитан Стоун.

— Тогда никаких сложностей не будет. До скорого.

И он пошел к кораблю, а Стоуны — по дорожке на восток. Благодаря трению магнитных ботинок о сталь, идти было легче. Хейзел отпустила Лоуэлла побегать.

Они шли прямо к Марсу, огромный полукруг которого заполнял большую часть восточного горизонта. По мере их приближения планета будто поднималась над горизонтом. Марс на Фобосе, подобно Земле на лунном небе, никогда не восходит и не заходит — «восходить» его заставляло быстрое продвижение Стоунов по маленькому Фобосу. Пройдя около мили, Мид заметила на красно-оранжевом фоне Марса силуэт «Бога войны». Стоуны прибавили шагу, но корабль предстал перед ними целиком, от носа до кормы, только через три мили.

Наконец они дошли и увидели вокруг корабля временное ограждение из троса, натянутого между стойками, а на нем — большую табличку:

ОСТОРОЖНО — КАРАНТИН!
ВХОД ВОСПРЕЩЕН!
ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ АДМИНИСТРАЦИИ ПОРТА ФОБОС!

— А я читать не умею,— сказала Хейзел.

— Вы оставайтесь здесь или идите гулять — как хотите,— рассудил Роджер.— А я пойду туда. Смотрите, держитесь подальше от поля.

— Да ладно,— сказала Хейзел,— тут вполне можно успеть заметить, как садится корабль, и убежать. Все местные так и делают. А ты не хочешь, чтобы я пошла с тобой, сын?

— Нет, пусть уж я буду в ответе.

Роджер оставил их у загородки и пошел к лайнеру. Пока они ждали, Хейзел достала из пистолета драже, сунула себе в ротовой клапан и угостила Лоуэлла. Потом они увидели, что Роджер идет по корпусу корабля к иллюминатору. Он постоял там какое-то время и снова спустился вниз.

Вернулся он к ним мрачнее тучи.

— Не прошел номер, а? — спросила Хейзел.

— Нет. Видел Вана, он мне простучал разные не относящиеся к делу слова. Правда, дал повидаться с Эдит — через иллюминатор.

— Ну, как она выглядит?

— Прекрасно, просто прекрасно! Может, немножко похудела, но не сильно. Она вас всех целует.— Роджер хмуро замолчал.— Но я не могу к ней войти, а она не может ко мне выйти.

— Вана нельзя винить,— заметила Хейзел.— Ему это стоило бы капитанских прав.

— Никого я не виню! Просто я с ума схожу, вот и все.

— И что же дальше?

Роджер подумал.

— Ближайший час можете делать что хотите. Я пойду в управление порта, вон в тот купол. Встречаемся на корабле — тринадцатая стоянка.

Близнецы решили прогуляться дальше на восток, а Мид с Хейзел сразу повернули на корабль — Вундер начал капризничать. Братья хотели как следует посмотреть на Марс. Конечно, они видели его и на подходе, в иллюминаторы «Стоуна», но это было не совсем то — здесь он был как-то реальнее, не ограниченный рамкой, как телекадр. Еще три мили — и Марс предстал перед ними полностью, точнее, предстала освещенная его часть, потому что сейчас, когда Солнце стояло почти над головой, планета была в половинной фазе.

Близнецы смотрели на оранжево-красные пустыни, на оливково-зеленые плодородные зоны, на каналы, пересекавшие плоский ландшафт ровно, как стрелы. К ним была обращена южная полярная шапка, которая почти совсем растаяла, а прямо напротив торчал, как наконечник копья, Большой Сирт.

Братья согласились, что Марс очень красив — почти так же, как Луна, и, пожалуй, красивее Земли, даже несмотря на вечное разнообразие и прелесть земных облаков. Но вскоре им надоело смотреть, и они вернулись на корабль.

Стоянку № 13 они нашли без труда и поднялись на борт. У Мид был готов обед, Хейзел играла с Вундером. Отец пришел, когда они как раз собирались сесть за стол.

— У тебя такой вид, будто ты подкупил чиновника,— заметила Хейзел.

— Не совсем.— Он помолчал и сказал: — Я иду к Эдит в карантин. Выйдем вместе.

— Но, папа!..— запротестовала Мид.

— Я не договорил. Пока меня нет, командовать будет Хейзел. Она же глава семейства.

— Я всегда была ею,— надменно сказала Хейзел.

— Прошу тебя, мать. Мальчики, если она сочтет необходимым переломать вам руки и ноги, имейте в виду — это одобряется заранее. Поняли?

— Да, сэр. Так точно, сэр.

— Ладно. Сейчас соберу вещи и пойду.

— Но, папа! — чуть ли не со слезами воскликнула Мид.— Неужели ты даже не пообедаешь с нами?

Роджер остановился и улыбнулся.

— Пообедаю, лапочка. А из тебя получится хорошая повариха, знаешь?

Кастор, переглянувшись с Поллуксом, сказал:

— Папа, давай выясним одну вещь. Мы должны ждать тут, на корабле — на этом шарике размером с пилюлю,— пока вы с мамой не выйдете из заключения?

— М-м-м... да нет, не обязательно. Я просто об этом не подумал. Если Хейзел не против, можете закрыть корабль и лететь на Марс. Скажете по телефону свой адрес, и мы вас найдем. Да, так, пожалуй, будет лучше.

Близнецы с облегчением вздохнули.

Глава 11
«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА МАРС!»

Роджер мигом подхватил инфекцию, его пришлось лечить, карантин из-за этого затянулся. Так что у близнецов оказалось достаточно времени, чтобы проявить свой талант попадать в неприятности. Временно осиротевшее семейство отправилось с Фобоса в Марспорт челноком. Он был не похож на те, что ходят между Пайкс Пик и земной орбитальной станцией,— это был маленький ракетоплан чуть мощнее древних немецких боевых ракет. Ведь круговая орбитальная скорость Марса чуть больше двух миль в секунду.

Однако билеты стоили дорого, а перевозка груза еще дороже. Близнецы выгрузили свой товар, доставили его на товарный двор между таможней и зданием управления и договорились о его отправке, прежде чем сесть в челнок. Они пришли в ужас, когда им вручили счет, который следовало оплатить предварительно. Получилось больше, чем они заплатили отцу за доставку велосипедов с Луны на Марс.

Кастор все продолжал подсчитывать расходы и возможную прибыль, а семейство Стоунов пристегивали ремни перед взлетом.

— Пол,— обеспокоенно сказал он,— надо назначить хорошую цену за велосипеды.

— Назначим, дедуля, назначим. Велики хорошие.

Челнок приводнился на Большом канале, его подтянули на буксире к причалу, при этом он слегка покачивался. Близнецы были рады выбраться наружу — они еще не имели дела с гидропланами, и машина показалась им ненадежной, если не сказать — опасной. Дверь с мягким шипением открылась, и они вдохнули воздух Марса. Он был разреженный, но давление не очень отличалось от того, что они поддерживали на «Стоуне». Поколение, осуществившее атмосферный проект, сделало ненужными скафандры и респираторы. Холода не ощущалось — Солнце стояло как раз в зените.

Спускаясь на причал, Мид потянула носом.

— Чем это пахнет, Хейзел?

— Свежим воздухом. Странно, да? Пошли, Лоуэлл.— Они прошли в зал приема пассажиров — больше никуда хода с причала не было. Хейзел посмотрела по сторонам и направилась к стойке с надписью «Визы».— Пошли, детки. Держитесь все вместе.

Клерк, оторвавшись от своих бумаг, посмотрел на них так, точно ничего подобного раньше не видел и видеть не желает.

— Вы прошли медосмотр в порту Фобос? — недоверчиво спросил он.

— Вот, смотрите — все оформлено.

— Но вы не заполнили декларацию об имуществе для эмигрантов.

— Мы не эмигранты, мы путешественники.

— Что же вы сразу не сказали? Вам надо уплатить пошлину — все граждане Земли платят пошлину.

Поллукс, переглянувшись с Кастором, мотнул головой. Хейзел сосчитала в уме до десяти и ответила:

— Мы не граждане Земли, мы граждане вольного штата Луна, и на нас распространяется закон о взаимном обмене по договору седьмого года. Можете справиться.

— Вот как,— опешил клерк. Он подписал им бумаги, поставил печати, сунул документы в статистический компьютер и отдал обратно.— С вас пять фунтов.

— Пять фунтов?

— Марсианских, разумеется. Если будете оформлять гражданство, вам их вернут.

Хейзел достала деньги. Поллукс перевел сумму в кредитки Системы и выругался про себя: он начинал думать, что на Марсе придется платить за каждый вздох. Клерк пересчитал и протянул каждому по буклету из стопки рядом с собой.

— Добро пожаловать на Марс,— сказал он с дежурной улыбкой.— Я знаю, вам здесь понравится.

— Начинаю сомневаться,— ответила Хейзел, беря проспект.

— Простите?

— Ничего. Спасибо.

Стоуны пошли дальше. Кастор глянул на свой проспект. Он был озаглавлен:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА МАРС!
Вас приветствует Марспортский клуб
торговой палаты и рекламы.

Кастор пробежал глазами оглавление: «Что посмотреть... Где поесть... И поспать... "В чужом монастыре"... Старинные времена... Сувениры? Конечно... Деловые возможности... Факты и цифры Марспорта, самого быстрорастущего города в Системе».

Внутри оказалось больше рекламы, чем текста. Картинки были не стереоскопические. Ладно, зато бесплатно. Кастор засунул проспект в сумку на поясе.

Не прошли они и десяти шагов, как клерк окликнул:

— Эй, мадам! Постойте — вернитесь, пожалуйста!

Хейзел пошла назад, стиснув зубы.

— Что еще, дружок?

Клерк показал на ее кобуру.

— Пистолет в пределах города носить нельзя.

— Нельзя, значит? — Хейзел достала оружие, открыла магазин и с ухмылкой предложила клерку.— Хочешь конфетку от кашля?

Очень симпатичная леди за стойкой бюро путешествий, убедившись в том, что Стоуны решительно отказываются снять древнюю марсианскую башню возрастом в миллион лет, но герметизированную и с кондиционером, дала им список частных квартир. Хейзел заявила, что в туристический отель они не пойдут даже на одну ночь, после того как обзвонила три из них и справилась о ценах. В поисках жилья Стоуны исходили половину города. Общественного транспорта не было — некоторые жители пользовались моторизованными роликами, а большинство ходило пешком. План города представлял собой продолговатую шахматную доску, где главные улицы шли параллельно каналу. За исключением нескольких герметизированных зданий в старом городе, все дома были сборными одноэтажными коробками без карнизов и без окон, удручающими своим однообразием.

Первая квартира оказалась двумя клетушками на задах частного дома, удобства общие с хозяевами. Вторая была достаточно большой, но находилась в зоне выбросов большого завода пластмасс. Попахивало, похоже, бутилмеркаптаном, хотя Хейзел сказала, что ей это больше напоминает запах дохлого козла. Третья тоже не отвечала тем требованиям комфорта, которыми Стоуны пользовались на Луне и даже на «Перекати-Стоуне».

Хейзел вышла из последнего осмотренного помещения, отскочила, чтобы не попасть под тележку, которую толкал мальчик-рассыльный, перевела дух и сказала:

— Ну что, дети? Палатку разобьем или вернемся на«Стоун»?

— Как же так? — запротестовал Поллукс.— Нам ведь надо продать велосипеды!

— Заткнись, юнец,— сказал ему брат.— Хейзел, был вроде еще один адрес? «Каса» какая-то?

— «Каса Маньяна», на юг вдоль канала — только это, наверное, не лучше других. Ладно, пехота, вперед!

Дома поредели, и они увидели гелиотропическую растительность Марса, жадно тянущуюся к солнцу. Лоуэлл захныкал:

— Хочу на ручки, бабушка Хейзел!

— Не выйдет, золотко,— решительно сказала бабушка,— у тебя ноги помоложе моих.

— У меня тоже ноги болят,— остановилась Мид.

— Чепуха! Тут чуть больше одной трети земного притяжения.

— Может, и так, но это вдвое больше, чем дома, к тому же мы больше полугода находились в невесомости. Далеко еще?

— Слабаки!

Близнецы тоже притомились, но не желали в этом сознаться. Они договорились нести Вундера на закорках по очереди. «Каса Маньяна» оказалась совсем новенькой, и Стоуны, чьи запросы внезапно снизились, сочли ее подходящей. Стены были из прессованного песка, двойные — для защиты от ночного холода, крыша — из стальных панелей — «сандвичей» с изоляцией из стекловаты внутри. Здание было длинное, низкое и напоминало Хейзел курятник, но она оставила это сравнение при себе. Окон не было, но были в достаточном количестве лампы дневного света и нормальная вентиляция.

Квартира, которую показал им хозяин (он же управляющий), состояла из двух клетушек-спаленок, освежителя и общей комнаты.

Хейзел все осмотрела.

— Мсье д'Авриль, а побольше у вас ничего нет?

— Есть, мадам, есть — но я очень не люблю сдавать такие большие квартиры такой маленькой семье, когда туристский сезон только начинается. Я принесу вам кроватку для малыша.

Хейзел объяснила, что они ожидают еще двоих взрослых. Хозяин подумал и спросил:

— Не знаете, сколько времени продлится карантин на «Боге войны»?

— Не имею представления.

— Тогда, может быть, решим этот вопрос, когда дойдет до дела? Я как-нибудь вас устрою, обещаю.

Хейзел решила покончить с этим делом — у нее подкашивались ноги.

— Сколько?

— Четыреста пятьдесят в месяц — четыреста двадцать пять, если возьмете на весь сезон.

Сначала Хейзел слишком удивилась, чтобы протестовать. Цену других квартир она не спрашивала, потому что не собиралась снимать их.

— В кредитках или фунтах? — еле слышно спросила она.

— В фунтах, разумеется.

— Вы понимаете, я не собираюсь покупать этот кур... эту квартиру. Я просто хочу ее снять.

Мсье д'Авриль обиделся.

— Можете не делать ни того ни другого, мадам. Корабли прибывают каждый день, и у меня скоро все будет занято. Мои цены считаются очень умеренными. Ассоциация домовладельцев пыталась заставить меня повысить их, и это факт.

Хейзел припомнила, как надо сравнивать плату за гостиницу с квартирной платой: к цене за сутки следует прибавить ноль. Что ж, может, он и правду говорит — если равняться на гостиничные цены... Она покачала головой.

— Мы люди деревенские, мсье д'Авриль. Во сколько вам обошлось строительство?

Хозяин опять обиделся.

— Вы неправильно смотрите на вещи, мадам. На нас периодически сваливается толпа туристов. Они поживут, потом разлетятся, и мы не получаем вообще никакой платы. И вы не представляете, как изнашивается дом от здешних холодных ночей. Мы не умеем строить, как марсиане.

Хейзел сдалась.

— Скидка, о которой вы упоминали, действует до отлета на Венеру?

— Извините, мадам,— только на весь сезон.

Следующий благоприятный период для отлета на Венеру должен был наступить через девяносто шесть земных дней, или девяносто четыре марсианских, тогда как «весь сезон» продолжался пятнадцать месяцев, больше половины марсианского года. Только тогда Земля и Марс примут положение, при котором возможна орбита с минимальным расходом топлива.

— Мы берем эту квартиру на месяц. Можно попросить вашу авторучку? У меня нет при себе столько денег наличными.

После обеда Хейзел почувствовала себя лучше. Солнце садилось — скоро ночь станет слишком холодной для человека без

обогревательного скафандра, а в «Каса Маньяна» было уютно, хоть и тесно. Мсье д'Авриль за добавочную, умеренно грабительскую плату включил им телевизор, и Хейзел в первый раз за много месяцев насладилась своим сериалом. Она отметила, что в Нью-Йорке сценарий, как всегда, переделали — и как всегда, не к лучшему. Но некоторые диалоги и основная фабула были узнаваемы.

Этот Властелин Галактики — парень что надо. Может, опять его убить? Завтра можно будет поискать что-нибудь подешевле. Правда, пока сериал держит свою аудиторию, семья голодать не будет, но Хейзел не хотелось представлять себе лицо Роджера, когда он узнает, сколько пришлось заплатить за квартиру. Марс! Посетить его можно, но жить здесь — нет уж. Она нахмурилась.

Близнецы в своей спаленке шептались о каких-то финансовых делах. Мид спокойно вязала, поглядывая на экран. Увидев лицо Хейзел, она спросила:

— О чем ты думаешь, бабушка?

— А я знаю о чем! — объявил Лоуэлл.

— Если знаешь, то держи при себе. Да так, Мид, все вспоминаю этого несчастного клерка. Надо же, нахал какой — сказать, что я не умею заряжать пистолет!

Глава 12
СВОБОДНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

На следующее утро после завтрака близнецы отправились штурмовать твердыни рынка. Хейзел предупредила:

— Не опаздывайте к обеду. И постарайтесь не совершать тяжких преступлений.

— Это каких же?

— Сейчас. Оставление без приюта... Загрязнение водных источников... нарушение договора с туземцами... вот как будто и все.

— А убийство?

— Убийство тут, в основном, рассматривается как гражданское дело — преступника просто обязывают выплачивать заработок жертвы в течение предполагаемого времени жизни последнего. Это дорого. Очень дорого, если судить по здешним ценам. Можно на всю жизнь в кабалу попасть.

— Хм-м... ладно, будем осторожны. Смотри, Пол, не убивай никого.

— Сам смотри, это у тебя дурной характер.

— Чтобы в шесть были тут, ребята. Часы переставили?

— Пол переставил, а я оставил гринвичское время.

— Разумно.

— Пол! — вмешался Лоуэлл.— Кас! Возьмите меня с собой.

— Нельзя, чадо. Бизнес.

— Возьмите! Я хочу увидеть марсианина. Бабушка Хейзел, когда же я увижу марсианина?

Хейзел не знала, что и сказать. Со времени печального, но поучительного инцидента, произошедшего сорок лет назад, основной задачей властей планеты стало удержать людей, особенно туристов, как можно дальше от коренных марсиан. У Лоуэлла было меньше шансов увидеть марсианина, чем у маленького европейца, посетившего Манхэттен, повстречать американского индейца.

— Видишь ли, Лоуэлл...

Близнецы поскорее ушли, не желая быть втянутыми в намечающийся бесплодный спор.

Вскоре они нашли улицу, где размещались магазины для старателей, и выбрали небольшую лавку под вывеской «Анджело и сыновья, ЛТД. Универсальные поставщики». Вывеска обещала: «Спальные мешки, счетчики Гейгера, велосипеды для пустыни, аналитическое оборудование, шахтерские лампы, огнестрельное оружие, металлоизделия — спрашивайте! У нас это есть или будет».

Внутри они застали одного продавца, который, облокотившись на прилавок, ковырял в зубах и играл с чем-то, что бегало по прилавку. Поллукс с любопытством взглянул на животное: он ничего не мог о нем сказать, кроме того, что оно покрыто мехом и почти круглое. Что-то вроде марсианского динго. Это можно и потом выяснить — сначала бизнес.

Продавец выпрямился и сказал с профессиональной приветливостью:

— Доброе утро, джентльмены. Добро пожаловать на Марс.

— Откуда вы знаете? — спросил Кастор.

— Что знаю?

— Что мы недавно на Марсе.

— Да трудно сказать. У вас в походке еще сохранилась привычка к невесомости, а вообще — не знаю. Мелочи разные, откладываются автоматически — дело привычки.

Поллукс предостерегающе посмотрел на Кастора, тот кивнул. Предки этого человека, почувствовал он подсознательно, бороздили воды Средиземного моря, оценивая покупателей на глаз, покупая дешево и продавая дорого.

— Вы мистер Анджело?

— Я Тони Анджело. А вам который нужен?

— Да нет, нам все равно, мистер Анджело. Мы хотели просто посмотреть.

— Милости прошу. Ищете сувениры?

— Все может быть.

— Как вам это? — мистер Анджело достал из коробки у себя за спиной выщербленную защитную маску.— Эта маска пережила песчаную бурю, ее линзы изъедены марсианскими песками. Можете повесить ее в гостиной и рассказывать жуткие истории о том, как это случилось и как вы чудом остались живы. На вес дозволенного багажа почти не влияет, а я вам дешево уступлю — чтобы продать подороже, мне придется менять линзы.

Поллукс расхаживал по магазину, подбираясь к велосипедам. Кастор решил занять мистера Анджело разговором, пока брат собирал фактический материал.

— Ну, не знаю,— сказал он.— Мне бы не хотелось врать.

— Это не вранье, а устное творчество. Такое вполне могло случиться — случилось же с тем парнем, который ее носил. Я его знаю. Ну как хотите.— Анджело спрятал маску обратно.— У меня есть самые что ни на есть настоящие марсианские драгоценности, один К'Раат знает, какие они старые,— но они очень дорогие. А есть и другие, которые от настоящих можно отличить разве что в лаборатории под сильным светом. Эти родом из Нью-Джерси и стоят совсем недорого. Какие предпочитаете?

— Прямо не знаю,— продолжал мяться Кастор.— Скажите, мистер Анджело, а что это такое? Сначала я подумал, что это меховая шапка, а теперь смотрю — живое.— Кастор показал на кусочек меха, который медленно скользил по краю прилавка. Анджело подхватил его и вернул на середину.

— Это? Плоский кот.

— Плоский кот?

— У него есть и латинское название, только я никогда не старался его запомнить.

Анджело пощекотал животное пальцем, и оно замурлыкало, как зуммер высокого тона. Отличительных черт у него не было — этакий пирожок из гладкого рыжего меха, чуть темнее волос Кастора.

— Это привязчивые зверюшки, их многие «песчаные крысы» держат дома — старателю ведь надо с кем-нибудь поговорить, а плоский кот лучше жены, потому что ответить не может. Просто мурлычет да жмется к тебе. Вот возьмите его.

Кастор взял, стараясь не показать, что делает это с опаской. Плоский кот тут же распластался у Кастора на рубашке, устроившись в изгибе его руки, и перешел на низкие тона, которые отдавались у Кастора в груди. Три глаза-бусинки доверчиво посмотрели на Кастора, потом закрылись и совсем пропали. Зверек вздохнул и прижался покрепче.

— А правда, похож на кота,— усмехнулся Кастор.

— Только что не царапается.

— Хотите купить?

Кастор заколебался. Он вспомнил, что Лоуэлл рвется увидеть «настоящего марсианина». Это ведь тоже марсианин. Он живет на Марсе.

— Я не умею с ним обращаться.

— Ничего сложного. Во-первых, они большие чистюли — с этой стороны никаких хлопот. Едят все что угодно, а отбросы прямо обожают. Кормите его раз в неделю и давайте воды, сколько влезет, раз в месяц или в шесть недель — а если не дадите вовремя, тоже ничего. Когда его не кормят и не поят, у него просто замедляются жизненные процессы до следующей кормежки. Вреда ему от этого никакого. В тепле его держать тоже не обязательно. Дайте я вам покажу.— Анджело взял у Кастора кота и подбросил его на ладони. Тот мигом свернулся в шар.— Видите? Как и все живое на Марсе, при плохой погоде он сворачивается. Выживает в любых условиях.

Анджело хотел было рассказать еще об одной особенности рассчитанного на выживание зверька, но решил, что момент неподходящий.

— Ну как? Берите, уступлю недорого.

Кастор решил, что Лоуэллу плоский кот понравится,— и потом, этот расход вполне оправдан в целях завоевания расположения партнера.

— Сколько?

Анджело помедлил, прикидывая, как бы не прогадать — плоский кот на Марсе стоил примерно столько же, сколько обычный котенок на миссурийской ферме. С другой стороны, мальчишки, должно быть, богатые — иначе бы тут не оказались. Видно, деньги им жгут карман. А дела с некоторых пор идут скверно.

— Полтора фунта,— твердо сказал он.

Кастор был удивлен такой низкой ценой.

— Многовато что-то,— автоматически сказал он.

— Он вас полюбил,— пожал плечами Анджело.— Ну, скажем, фунт?

Кастор снова удивился быстроте и размеру скидки.

— Не знаю, право,— промямлил он.

— Ну — минус десять процентов при расчете наличными.

Краем глаза Кастор видел, что Поллукс закончил осмотр загородки с велосипедами и идет обратно, поэтому решил расчистить территорию и завоевать это самое расположение, прежде чем Поллукс перейдет к делу.

— По рукам.— Он выудил фунтовую бумажку, получил сдачу и взял плоского кота на руки.— Иди к папе, Мохнатые Штаны.

Мохнатые Штаны прижался к «папе» и замурлыкал.

— Это еще что? — уставился на марсианского зверя Поллукс.

— Знакомься с новым членом семьи. Мы только что купили плоского кота.

— Мы? — Поллукс хотел заявить, что он к этой глупости отношения не имеет, но вовремя перехватил взгляд Кастора.— Что-то у вас цены не обозначены, мистер Анджело?

— Верно,— кивнул продавец,— «песчаные крысы» любят поторговаться, и мы идем им навстречу. В итоге мы все равно приходим к той цене, которая стоит в накладной. Они это знают, и мы это знаем, но торг — часть светской жизни старателя, а у него ее и так немного.

— Вон тот, «Рейли», спецмодель, сколько стоит?

Поллукс выбрал «Рейли», потому что почти такой же велосипед отец забрал для капитана Ванденберга, уходя на карантин.

— Хотите купить?

Кастор качнул головой на одну шестнадцатую дюйма, Поллукс ответил:

— Да нет, просто прицениваюсь. Мне он ни к чему, мы скоро улетаем в сторону Солнца.

— Ну, поскольку постоянных покупателей не видно, я вам скажу. Он стоит триста семьдесят пять фунтов — и это твердая цена!

— Ого! Дороговато.

— Дешевле не найдете. Смотрите, какой красавец. Попробуйте поищите в других магазинах.

— Мистер Анджело,— осторожно сказал Кастор,— а если я вам предложу такой же, подержанный, но отремонтированный и с виду как новый, за половину этой цены?

— Я скажу, что вы не в своем уме.

— Я серьезно. Мне надо продать велосипед. Вам или кому-то еще — мне все равно. Стоять с ним на улице я не хочу, на то есть магазины.

— М-м-м... значит; вы не за сувенирами пришли?

— Нет, сэр.

— Если б вы пришли ко мне с этим месяца четыре назад и дело бы оказалось стоящим, я бы за него ухватился. А теперь — нет.

— Почему? Я вам хороший велик предлагаю. И дешево.

— Обсуждать не будем,— Анджело погладил плоского кота на руках у Кастора.— А впрочем, черт — почему бы и не сказать. Пошли.

Он повел близнецов через дверь за прилавком, мимо полок, забитых товарами, на задний двор. И махнул рукой в сторону стеллажей с товаром, знакомым братьям до боли.

— Видали? Подержанные велосипеды. Этот склад, что позади, ими битком набит, поэтому эти приходится держать во дворе.

Кастор постарался скрыть удивление и разочарование.

— Ваши велосипеды,— сказал он,— все изношены и исцарапаны. А у меня они как новые и работать будут как новые, и я могу их продать дешевле вашего, намного дешевле. Может, хоть посмотрите?

— Признаться, братец, я не распознал в тебе оптовика. Однако у меня для вас плохие новости. Вы не продадите велосипед мне, не продадите моим конкурентам, никому не продадите.

— Почему?

— Потому, что покупателей на них нет.

— Как?

— Вы не слыхали об Аллилуйском узле? Не видите разве, что в магазине нет покупателей? Три четверти марсианских «песчаных крыс» заявились в город, но не за покупками — о велосипедах и говорить нечего. Все повалили на астероиды — нанимают корабли и летят. Вот откуда у меня подержанные велики — пришлось взять их в заклад, и вот почему вам не удастся продать свои. Очень жаль — я бы с вами с удовольствием сговорился.

Близнецы слышали об астероидах — новость об открытии на узле Аллилуйя одновременно урана и графита они узнали, будучи еще в космосе. Но это вызвало у них отвлеченный интерес — ведь астероиды больше не входили в их планы.

— Двое моих братьев уже отправились туда,— продолжал Анджело,— я бы и сам не прочь, да вот магазин на мне. Мне бы закрыться и переделать его в лавку для туристов, да надо избавиться от нынешнего товара. Вот такие дела.

Близнецы удалились из магазина, как только позволило приличие.

— Велосипед не хочешь купить, лопух? — спросил Поллукс.

— Спасибо, у меня уже есть. Плоского кота не хочешь купить?

— Не очень. Слушай, пошли в порт. Если будет туристский рейс — может, удастся всучить его другому лопуху. Может, сможем даже заработать на плоских котах.

— Нет. Мохнатые Штаны для Вундера, это решено. Но все равно пошли: может, наши велики уже прибыли.

— Кому они нужны-то?

— Мне. Даже если их нельзя продать, можно хоть взять пару и ездить на них. Ноги болят.

Их багаж еще не прибыл с Фобоса, но ожидался примерно через час. Близнецы зашли в «Обеды старого Юга. Содовый родник» напротив зала приема пассажиров. Они попивали содовую, гладили Мохнатые Штаны и размышляли над своей неудачей.

— Меня не столько деньги волнуют...— начал Кастор.

— А меня как раз они.

— Ну, меня тоже, но главное — как посмеется отец, когда узнает. И что он скажет.

— Не говоря уж о Хейзел.

— Да, Хейзел. Юнец, нам обязательно надо на чем-нибудь заработать до того, как мы им скажем.

— На чем? Капитала-то нет. И отец не дал бы нам больше ни гроша из наших денег, будь он даже тут, но его нет.

— Значит, надо заработать без капитала.

— Так больших денег не наживешь.

— Вон как Хейзел загребает кредитки — без всякого капитала.

— Уж не хочешь ли ты, чтобы мы писали сценарий телесериала? — ужаснулся Поллукс.

— Нет, конечно. У нас его никто и не возьмет. Но способ должен быть. Думай.

После мрачной паузы Поллукс сказал:

— Дедуля, ты не обратил внимания — в приемном зале висело объявление: в следующем месяце будет чемпионат Марса по шахматам.

— Нет. А что?

— Тут на шахматистов делают ставки — все равно что на Земле на лошадей.

— Не люблю ставить. Проиграть можно.

— А если мы заявим Вундера?

— С ума сошел? Вундер — против лучших мастеров Марса?

— А что? Хейзел была чемпионкой Луны, а Вундер все время ее обыгрывает.

— Ты же знаешь, почему. Он читает ее мысли.

— О чем я и говорю.

— Это нечестно, юнец,— покачал головой Кастор.

— С каких это пор принят закон против телепатии?

— Все равно — мы не знаем точно, читает он ее мысли или нет. И сможет ли читать мысли посторонних людей. А на хорошую ставку у нас нет денег. Да еще и проиграем. Нет.

— Ладно, это была просто версия. Послушаем твою.

— Ничего не лезет в голову. Пойдем посмотрим, может, наши велики пришли. Тогда устроим себе отдых и поедем смотреть город. За те деньги, что мы в них вложили, можем и покататься.

Кастор встал.

Поллукс остался сидеть, уставившись в свой стакан.

— Пошли,— поторопил его Кастор.

— Сядь, дедуля. У меня, кажется, идея.

— Не спугни.

— Тихо. Вот мы с тобой, дедуля, только что прибыли сюда, собрались на экскурсию — и сразу вспомнили про велосипеды. А почему бы не предложить их туристам — не бесплатно, конечно?

— Да? — Кастор обдумал идею.— Тут, наверно, есть какая-то загвоздка, не то этим кто-нибудь занялся бы задолго до нас.

— Не обязательно. Туристскую визу на Марс стало возможно получить всего несколько лет назад. Или становись колонистом, или не лезь на Марс. По-моему, никому еще не приходило в голову ввозить велосипеды для туристов. Велосипеды стоят дорого, и их поставляли только для старателей — для дела, потому что «песчаная крыса» на велосипеде может покрыть в четыре-пять раз больше, чем пешком. Спорю, никто еще не додумался поставлять сюда велосипеды для отдыха.

— Ну и как ты это себе представляешь? Нарисуем вывеску, станем под ней и будем кричать: «Велосипеды! Возьмите велосипед! Туристу на Марсе без велосипеда не обойтись!»?

— В крайнем случае.— Поллукс подумал.— Но можно и по-другому. Можно попробовать продать их еще кому-нибудь, кто способен организовать это дело. Мы ведь даже место для своей базы проката снять не сможем.

— Во всей теории есть одно слабое место. Мы обращаемся к такому человеку, а он? Он у нас не покупает, а едет к Тони Анджело и закупает его велосипеды по более низкой цене.

— Ты думай головой, дедуля. Анджело и другие торговцы не станут давать свои велосипеды напрокат — они им слишком дорого стоили. А туристы не станут брать тот хлам, что лежит у Анджело на складе. У них отпускное настроение — им хочется чего-нибудь новенького, веселенького и блестящего. Имей в виду — для проката наши велики не просто «как новые», а по-настоящему новые. Всякий, кто берет вещь напрокат, знает, что ею уже пользовались, и доволен, если она выглядит новой.

— Ладно, убедил.— Кастор снова встал.— Теперь посмотрим, удастся ли уговорить кого-нибудь. Выбирай жертву.

— Садись, куда спешить? Может, наш благодетель здесь, под одной с нами крышей.

— Чего?

— Что первым делом видит турист, выходя из здания порта? «Обеды старого Юга». А пункт проката надо устроить как раз перед рестораном.

— Давай поищем хозяина.

...Джо Паппалопулис был на кухне и вышел к ним, вытирая руки о передник.

— В чем дело, ребята? «Сода» не понравилась?

— Нет, «сода» отличная! Послушайте, мистер Паппалопулис, вы не можете уделить нам несколько минут?

— Зовите меня Поппа, не то надорветесь. Конечно, могу.

— Спасибо. Я Кас Стоун, а это мой брат Пол. Мы живем на Луне, а сюда прибыли с грузом, который может представлять для вас интерес.

— Импортные продукты? Я ими мало пользуюсь — только кофе да специями.

— Нет-нет, не продукты. Не хотели бы вы добавить к своему ресторанному бизнесу еще одно направление? Доход увеличится вдвое, а потратиться придется только раз.

Хозяин взял нож и стал чистить ногти.

— Говори, я слушаю.

Разговор продолжил Поллукс, изложив детали своего плана с заразительным энтузиазмом. Паппалопулис время от времени поднимал на него глаза, но ничего не отвечал. Когда Поллукс начал выдыхаться, подхватил Кастор:

— И не только сдавать машины на час, на день или на неделю — вы будете устраивать экскурсионные туры и брать за них дополнительную плату.

— Гидам вы жалованье платить не будете — это они будут вам платить за концессию, а вы им — процент от сбора за экскурсию.

— И они тоже будут брать у вас велосипеды напрокат.

— Никаких накладных расходов — у вас и так лучшее место во всем городе. Просто будете выходить каждый раз, когда приходит челнок, или платить кому-нибудь из гидов комиссионные, чтобы он последил за стоянкой в перерывах.

— А лучше всего — долгосрочный контракт. Турист хочет взять велосипед на день, а вы ему объясняете, насколько дешевле будет

взять его на весь срок пребывания,— и велосипед у вас окупится за один сезон. Своих денег вы больше не будете тратить.

Ресторанщик отложил нож и сказал:

— Тони Анджело — хороший бизнесмен. Почему бы мне не купить подержанные велосипеды у него, да подешевле?

Кастор принял вызов.

— А вы посмотрите на его велосипеды. Они же все побитые, шины изношены. И мы готовы отпустить свой товар дешевле, чем он,— при том, что велосипеды у нас лучше.

— Какую бы цену он ни назвал?

— Реальную цену, не взятую с потолка. Если цена будет действительно низкой, мы сами купим его велосипеды.— Поллукс предостерегающе посмотрел на брата, но тот гнул свое: — Мы назначаем цену ниже любой разумной цены, которую назначит он,— при лучшем качестве товара. Пойдемте посмотрим его велосипеды.

— Велосипеды, которые приходят из пустыни, я видел.— Паппалопулис встал.— Пойдемте ваши посмотрим.

— Может, они еще не пришли...

Но они пришли. Джо Поппа осмотрел велосипеды с непроницаемым лицом, но близнецы в душе порадовались, что не пожалели на них времени — такие они были красивые, свежевыкрашенные, в нарядных полосках, сверкающие полировкой и переводными картинками.

Кастор выбрал три машины, которые, как он знал, были в отменном состоянии.

— Может, покатаемся? Мне тоже хочется совершить экскурсию — бесплатно.

— А что? — в первый раз улыбнулся Паппалопулис.

Они проехались вдоль канала на север до самой атомной станции, потом обогнули город и вернулись по бульвару Кларка к зданию порта и ресторану. Когда они остановились и вернули велосипеды в общую груду, Кастор подал Поллуксу знак, и настало выжидательное молчание.

Помолчав, хозяин ресторана сказал:

— Хорошо прокатились, ребята. Спасибо.

— Пожалуйста, не стоит.

Поппа посмотрел на велосипеды.

— Сколько за них?

Кастор назвал цену. Паппалопулис печально покачал головой.

— Это большие деньги.

Не успел Поллукс сбавить цену. Кастор сказал:

— Смотрите, как вам лучше. Мы могли бы тоже войти в дело, но подумали, что вы предпочитаете, чтобы велосипеды были ваши. Давайте станем компаньонами: вы организуете дело, а мы предоставляем велосипеды. Поделим поровну валовую прибыль, а накладные расходы — ваши. Это будет честно?

Паппалопулис погладил плоского кота.

— С компаньонами одни недоразумения,— сказал он задумчиво.

— Смотрите, как вам удобнее. Скидка пять процентов при расчете наличными.

Паппалопулис извлек пачку денег, которой могла бы подавиться венерианская песчаная свинья среднего размера.

— Я беру их.

Вторую половину дня близнецы гуляли по городу пешком и присматривали подарки для прочих Стоунов. Возвращаясь домой, они снова прошли мимо порта и ресторана Поппы. На вывеске теперь значилось:

ОБЕДЫ СТАРОГО ЮГА
и
ТУРИСТИЧЕСКОЕ БЮРО
Содовая. Сувениры. Сладости.
Экскурсионные туры.
ПРОКАТ ВЕЛОСИПЕДОВ
К вашим услугам гиды.
Посетите древние руины Марса!

— Быстро действует мужик,— заметил Поллукс.— Может, тебе все же стоило настоять на партнерстве.

— Не жадничай. Прибыль мы получили, так или нет?

— А что я говорил? Ну, пошли отнесем Мохнатые Штаны Вундеру.

Глава 13
CAVEAT VENDOR*

Мохнатые Штаны не имел у Лоуэлла легкого успеха.

— Где у него ноги? — сумрачно спросил ребенок.— Если он марсианин, у него должно быть три ноги.

— Есть такие марсиане, у которых вообще нет ног,— сказал Кастор.

— Докажи!

— У него же нет ног — вот тебе и доказательство.

Мид взяла Мохнатые Штаны на руки — он тут же завел свой мотор, и Лоуэлл потребовал его себе. Мид отдала и сказала:

— Не могу понять, почему у такого беззащитного существа такая яркая окраска.

— А ты подумай, кисонька,— ответила Хейзел.— Положи его на песок в пустыне, отойди на десять ярдов, и ты его не найдешь. Неплохая мысль, кстати.

— Нет! — сказал Лоуэлл.

— Что «нет», милый?

— Нельзя, чтобы Мохнатые Штаны потерялся. Он мой.

Мальчик прижал плоского кота к себе и ушел, напевая ему колыбельную. Может, у Мохнатых Штанов и не было ног, зато он умел приобретать друзей: тот, кто брал его на руки, ни за что не хотел отпускать. Уж очень приятно было гладить его по шерстке. Хейзел попыталась проанализировать это явление, но не смогла.

Никто не знал, когда отменят карантин на «Боге войны». Поэтому Мид очень удивилась, вернувшись как-то утром в «Каса Маньяна» и застав в большой комнате отца.

— Папа! — завопила она, бросаясь к нему.— Ты когда прилетел?

— Только что.

— И мама с тобой?

— Да. Она в освежалке.

Лоуэлл стоял на пороге, бесстрастно наблюдая за ними. Роджер высвободился из объятий дочери и сказал:

---

* Буквальный перевод «Берегись торговец» *(лат.)*. Перефразированное обращение Римского сената — «Будьте бдительны, консулы!».

— Доброе утро, Вундер.

— Доброе утро, папа. Это Мохнатые Штаны. Он марсианин. А еще он плоский кот.

— *Очень приятно. Плоский кот, говоришь?*

— Да.

— Прекрасно, только он больше смахивает на парик.

Вышла доктор Стоун и подверглась столь же бурному приему со стороны Мид. Лоуэлл позволил ей себя поцеловать и сказал:

— Мама, это Мохнатые Штаны. Поздоровайся с ним.

— Здравствуй, Мохнатые Штаны. Мид, а где братья? И бабушка?

— Я того и боялась, что вы попадете прямо в самую заваруху,— огорчилась Мид.— Близнецы опять в тюрьме.

— О нет, только не это! — простонал Роджер Стоун.— Эдит, надо было нам остаться на Фобосе.

— Да, дорогой.

— Что ж, будем мужественны. В чем их обвиняют на этот раз, Мид?

— Мошенничество и намеренное нарушение таможенных правил.

— Это уже лучше. В предпоследний раз, если помнишь, их обвиняли в экспериментах с ядерной энергией в пределах города и без дозволения властей. Но почему они не вышли под залог? Или есть еще что-то похуже, просто ты не говоришь?

— Нет, просто суд арестовал их банковский счет, а Хейзел не захотела за них платить. Говорит, они будут там целее.

— Молодец Хейэл!

— Папа, если мы поторопимся, то успеем попасть на заседание суда. Я вам все расскажу по дороге.

Обвинение в мошенничестве исходило от мистера Паппалопулиса, а вторая часть обвинения — непосредственно от правительства планеты. Марс, будучи развивающимся государством, которое только переходило на самообеспечение и лишь недавно провозгласило свой суверенитет, придерживался строгой политики протекционизма. Большинство товаров Марс вынужден был ввозить и мало что мог предложить на экспорт, что не было бы дешевле на Земле. Поэтому все его экономические законы и правила были направлены на погашение своего хронического дефицита. Изделия, не производимые на Марсе, но необходимые для его экономики, налогом не облагались; предметы роскоши облагались очень высокой

пошлиной; изделия, производимые на Марсе, защищались эмбарго от инопланетной конкуренции.

Велосипеды Комиссия по импорту классифицировала как изделия, свободные от налога, поскольку они были необходимы для изыскательских работ,— но велосипеды, используемые для туризма, подпадали под категорию «предметы роскоши». Таможенные власти проследили за судьбой груза «Перекати-Стоуна».

— Их, конечно, кто-то навел,— продолжала Мид,— но мистер Анджело клянется, что не он, и я ему верю. Он славный.

— С этим все ясно. А как насчет мошенничества?

— А, это! Велосипеды сразу же конфисковали в счет неуплаты налогов и штрафа, после чего их новый владелец дал показания, обвинив близнецов в мошенничестве. Еще он предъявил им иск, но, кажется, Хейзел это уладила. Мистер Поппа говорит, что хочет только вернуть велосипеды — он теряет деньги, а против ребят он ничего не имеет.

— Я бы на его месте имел,— мрачно ответил Роджер.— Я с этих мальчишек шкуру сдеру тупым ножом. А почему Хейзел думает, что сможет уладить дело с мистером Поппа — или как его там? Вот что я хотел бы знать.

— Она добилась, что суд постановил вернуть мистеру Поппа велосипеды на время слушания дела, а она обязалась внести залог. Поэтому мистер Поппа снял обвинение в мошенничестве, но не отказывается от иска о возмещении ущерба.

— Хм-м... мой банковский счет чувствует себя уже лучше. Что ж, дорогая, придется пойти и заняться этим делом. Кажется, тут нет ничего такого, что не помогла бы уладить толстая чековая книжка.

— Да, дорогой.

— Напомни, чтобы я купил тут орегонские сапоги, когда соберемся домой. Мид, каков размер налога?

— Сорок процентов.

— Это еще ничего. Может, их прибыль его покроет.

— Но это еще не все, папа. Сорок процентов, да сорок процентов штрафа, да конфискация велосипедов...

— Да еще две недели у позорного столба, надеюсь?

— Папа, не делай ничего сгоряча. Их защиту ведет Хейзел.

— С каких это пор ей разрешено выступать в суде?

— Не знаю, но с этим, кажется, все в порядке. Она, например, добилась того постановления.

— Дорогой,— сказала доктор Стоун,— может быть, взять мальчикам настоящего адвоката? Твоя мать — замечательный человек, но она иногда бывает чуточку запальчивой.

— Если ты хочешь сказать, что она ненормальная, как скошенная орбита, то я с тобой согласен. И тем не менее я ставлю на Хейзел. Пусть она ведет дело. Авось, сбережет мой карман.

— Как скажешь, дорогой.

...Они пробрались на задние места в зале суда, который раньше, кажется, был церковью. Хейзел вела разговор с судьей. Она видела, как вошли все трое, но сделала вид, что не узнает их. Близнецы, очень удрученные, сидели рядом с судьей. Они узнали родителей, но, по примеру Хейзел, не подали виду.

— С позволения суда,— говорила Хейзел,— я здесь иностранка. Я не искушена в ваших законах и не посвящена в ваши обычаи. Если я ошибусь, заранее прошу суд извинить меня и вернуть на правильный путь.

— Мы ведь уже обсуждали это утром,— откинувшись на спинку кресла, сказал судья.

— Разумеется, судья, но это хорошо звучит в записи.

— Хотите, чтобы я вернулся к этому?

— О нет! Мы решим дело прямо сейчас — так я чувствую.

— Я бы не стал полагаться на чувства. Я говорил вам утром, что проконсультирую вас относительно законов, если возникнет необходимость. Что касается судейских формальностей, то у нас здесь молодая страна. Я еще помню времена, когда, если кто-нибудь совершал проступок, вызвавший общее неодобрение, просто созывали городское собрание и подсчитывали поднятые руки — и уверен, правосудие срабатывало не хуже, чем при любом другом порядке. Времена переменились, но не думаю, чтобы наш суд слишком стеснял себя этикетом. Продолжайте.

— Благодарю вас, судья. Этот молодой человек,— она ткнула большим пальцем в сторону обвинителя,— хотел заставить суд поверить в то, что мои мальчики состряпали злодейский план с целью лишения граждан этой страны их законного дохода. Я это отрицаю. Затем он уверяет, что мальчики, составив этот макиавеллиев

заговор, привели его в исполнение и безнаказанно скрылись, однако их настигла неспешная, но неотвратимая рука правосудия. Это тоже сплошной вздор.

— Минутку. Кажется, утром вы признавали факты обвинения?

— Я признала, что мои мальчики не уплатили налог за велосипеды. А не уплатили они потому, что никто с них его не требовал.

— Я понял вашу позицию. Вам придется обосновать ее и подтвердить позднее свидетельскими показаниями. Как видно, наше дело затянется.

— Не обязательно, если мы все скажем правду и посрамим дьявола.— Хейзел помолчала.— Уорбертон... Уорбертон... ваша фамилия Уорбертон, судья? Родственников на Луне нет?

Судья расправил плечи.

— Я потомственный гражданин вольного штата,— гордо сказал он.— Оскар Уорбертон был моим дедом.

— Точно! — сказала Хейзел.— Меня это мучило все утро, но колесики никак не зацеплялись, пока я только что не увидела вас в профиль. Я хорошо знала вашего дедушку, я ведь тоже «отец-основатель».

— Как так? В списке не было никаких Стоунов.

— Хейзел Мид Стоун.

— Вы Хейзел Мид? Да не может быть — вы же умерли!

— Посмотрите хорошенько, судья. Я Хейзел Мид.

— К'Раат милосердный! Извините, мэм. Нам нужно будет поговорить, когда все это кончится.— Судья выпрямился.— Я надеюсь, вы понимаете, что это никоим образом не влияет на ход судебного процесса?

— Естественно! Но признаюсь, мне все-таки стало легче, когда я узнала, кто ведет дело. Ваш дедушка был справедливый человек.

— Спасибо. Итак, мы продолжаем?

Молодой обвинитель встал.

— С позволения суда!..

— Чего «с позволения суда»?

— Мы считаем это совершенно недопустимым. Мы считаем, что в данном случае единственный выход для суда — заявить о своем отводе. Мы считаем...

— Брось ты это «мы», Герберт. Ты не издатель и не августейшая особа. Возражение отклоняется. Ты не хуже меня знаешь, что судья

Бонелли заболел. Я не собираюсь нарушать порядок сессии из-за какой-то ложной теории, по которой я не могу сосчитать, сколько будет дважды два.— Он посмотрел на часы.— Собственно говоря, если никто из вас не в состоянии представить новые факты — факты, а не теории,— я могу констатировать, что вы оба ссылаетесь на те же самые факты. Есть возражения?

— У меня нет, судья.

— Нет возражений,— устало сказал обвинитель.

— Можете продолжать, мэм. Думаю, мы сможем закруглиться минут через десять, если вы оба будете придерживаться сути дела. Послушаем вашу версию.

— Да, ваша честь. Сначала я попрошу вас взглянуть на этих двух невинных юношей, и вы поймете, что они не могли совершить ничего преступного.

Кастор и Поллукс сделали героическое усилие, чтобы соответствовать характеристике, но это им не очень то удалось.

Судья Уорбертон посмотрел на них и поскреб подбородок.

— Это только утверждение, мэм. Не вижу здесь перспективы.

— Тогда забудьте о нем. Это пара сорванцов, и для меня они — чистое наказание. Но на этот раз они не сделали ничего плохого и заслуживают благодарности от вашей торговой палаты и от граждан Марсианской республики.

— Первая часть похожа на правду. Вторая лежит за пределами юрисдикции этого суда.

— А вот увидим. Надо выяснить, является ли велосипед орудием труда или предметом роскоши. Верно?

— Верно. Все дело в том, как был использован импортированный товар. Наша тарифная таблица в этом отношении проявляет гибкость. Желаете, чтобы я сослался на сходные случаи?

— О, не трудитесь!

Роджер посмотрел на мать.

— Хейзел, похоже, что товар был использован для туризма, что подзащитные знали об этом, что они даже сами предложили использовать товар таким образом и построили на этом свои торговые переговоры, не удосужившись уведомить покупателя о таможенном статусе упомянутого товара. Правильно?

— Верно до девяти десятичных знаков, судья.

— Я что-то не улавливаю суть вашей версии. Вы, конечно, не согласны с тем, что туризм — это роскошь?

— Роскошь и есть!

— Мадам, по-моему, вы действуете не на пользу своим внукам. Если вы возьмете назад свое заявление, суд удалится на совещание.

— А вы спросите у них, судья.

— Я так и намеревался поступить.— Он вопрошающе посмотрел на близнецов.— Вы довольны вашей защитой?

Кастор, переглянувшись с Поллуксом, быстро ответил:

— Мы так же недоумеваем, как и вы, сэр, но мы полагаемся на бабушку.

— Что ж, отдаю должное вашему мужеству. Продолжайте, мэм.

— Мы сошлись на том, что туризм — это роскошь. Но роскошь — понятие относительное. Роскошь для кого? Жареный молочный поросенок — это роскошь для нас с вами...

— Уж конечно. Ни разу не пробовал его на этой планете.

— ...но безвременная смерть для поросенка. Могу ли я дать юридическую оценку отрасли, называемой «невидимым экспортом Марса»?

— Индустрии туризма? Разумеется, если это необходимо для вашей версии.

— Протестую!

— Погоди протестовать, Герберт: посмотрим, какая тут связь. Продолжайте.

— Выясним, кто же кушает этого поросенка. Ваши тарифные правила, как уже объяснялось, направлены на то, чтобы граждане республики не тратили ценную иностранную валюту на ненужные прихоти. У вас существует дефицит бюджета...

— К сожалению, это так. И мы не намерены его увеличивать.

— Вот к этому я и веду. Кто платит по счету? Вы занимаетесь туризмом? Или он? — она указала на обвинителя.— Черта с два! Вы и так уже все видели. А я вот — турист. С неделю назад я взяла напрокат велосипед и тем помогла уменьшить ваш дефицит. Ваша честь, мы утверждаем, что прокат велосипедов туристам, хотя он и является для последних роскошью, есть производственная статья экспорта, к несомненному благу всех граждан республики. Следовательно, велосипеды являются орудиями производства в полном соответствии с вашими тарифами!

— У вас все?

Она кивнула.

— Герберт?

— Ваша честь, это просто смешно! Обвинение четко сформулировало свою позицию, а защита даже не пыталась ее оспорить. Никогда не слышал более нелепой защитительной речи. Какое искажение фактов! Но я уверен, что суду факты ясны. Конечная цель использования — туризм, который даже защита признала роскошью. А роскошь есть роскошь...

— Не для поросенка, сынок.

— Для поросенка? Какого поросенка? Никаких поросят в этом деле нет. На Марсе вообще нет поросят. Если...

— Герберт! Ты можешь что-нибудь добавить?

— Извини, папа, я увлекся,— смешался молодой человек.— Обвинение высказалось.

— Хороший парень,— сказал судья Хейзел,— только горячий, вроде ваших. Я еще сделаю из него юриста.— Он выпрямился.— Суд объявляет перерыв на десять минут, чтобы выкурить трубочку. Не расходитесь.— И судья вынырнул из зала.

Близнецы заерзали и зашептались. Хейзел, встретившись глазами с сыном и невесткой, важно подмигнула им. Судья Уорбертон вернулся меньше чем через десять минут, и пристав призвал к порядку. Судья устремил взгляд на подсудимых и торжественно сказал:

— Суд постановляет считать фигурирующие в деле велосипеды орудиями производства согласно тарифному своду. Подсудимые оправданы и освобождаются из-под стражи. Клерк вернет вам залог.

Раздались жидкие аплодисменты, зачинщицей которых была Хейзел.

— Прошу без демонстраций! — резко сказал судья.

— Вам очень повезло — понимаете вы это или нет? — обратился он к близнецам.

— Да, сэр!

— Тогда долой с глаз моих и больше не попадайтесь!

Семейный обед был праздничным, хотя над близнецами еще осталось висеть небольшое облачко. Обед был еще и вкусным, поскольку доктор Стоун взяла бразды правления в свои руки. К обеду

пришел капитан Ванденберг, прибывший на одном челноке со Стонунами.

Телевизор переставили на кровать Мид и открыли дверь в спальню близнецов, чтобы вдвинуть туда стул капитана, таким образом все как раз уместились за столом. Мохнатые Штаны седел у Лоуэлла на коленях — до сих пор у плоского кота был свой стул.

Роджер попытался отодвинуться, чтобы освободить колени, и уперся в стену.

— Эдит, надо бы нам поискать помещение побольше.

— Конечно, дорогой. Мы с Хейзел уже говорили с хозяином.

— И что же он?

— Я этого поганца зарежу,— вмешалась Хейзел.— Я напомнила ему, что он обещал устроить нас, когда приедут еще двое. А он смотрит невинными глазами и говорит — я же дал вам еще две кровати. Лоуэлл, прекрати кормить эту швабру со своей ложки!

— Хорошо, бабушка Хейзел. Можно взять твою?

— Нет. Но все-таки он согласился отдать нам квартиру Буркхардтов, когда начнется отлет на Венеру. Там на одну спальню больше.

— Это лучше,— согласился Роджер,— но тоже не дворец, а отлет на Венеру начнется только через три недели. Эдит, надо было нам сохранить за собой свою каютку на «Боге войны». Как, Ван? Гостей принимаешь? До старта на Венеру?

— Конечно.

— Папа! Неужели вы уйдете опять?

— Я шучу, кнопка.

— А я нет,— сказал капитан лайнера.— Хоть до старта на Венеру, хоть до Венеры и обратно на Луну — как хотите. Сегодня я получил официальное подтверждение, что мое предложение принято. Вы оба можете бесплатно летать на «Боге войны», пока смерть или акт о списании не разлучит нас. Ну как? Летим со мной на Венеру?

— Мы уже были на Венере,— заявила Мид.— Унылое место.

— Полетите вы или нет,— заметила Хейзел,— не часто удается добиться такого от «Четырех Планет». Как правило, у этих бандитов и ведра вакуума не выпросишь.

— Они побоялись, что Адмиралтейский суд все равно присудит им это,— сухо сказал Ванденберг.— Кстати, о суде — я слышал,

Хейзел, вы сегодня блестяще провели защиту. Так вы еще и юрист вдобавок ко всем прочим вашим талантам?

— Нет,— ответил за нее сын,— у нее просто язык хорошо подвешен.

— Так я, по-твоему, не юрист?

— Нет.

— Ошибаешься.

— Когда это ты успела? Уточни.

— Давным-давно, в Айдахо — тебя еще и на свете не было. Просто никогда не случалось об этом упоминать.

— Хейзел, мне кажется, что архивы Айдахо как раз достаточно далеко.

— Не хами, мальчик. Впрочем, суд там все равно сгорел.

— Я так и думал.

— Во всяком случае,— примирительно проговорил Ванденберг,— Хейзел вытащила мальчишек. Когда я об этом услышал, то подумал, что их хотя бы заставят уплатить пошлину. Вы, должно быть, очень и очень неплохо заработали, ребятки.

— Да, ничего,— признался Кастор.

— Ничего особенного,— поправил брата Поллукс.

— А вы посчитайте,— весело сказала Хейзел,— потому что я потребую с вас гонорар размером ровно в две трети вашей чистой прибыли — за то, что спасла ваши шеи от петли.

— Хейзел, ты серьезно? — растерялся Кастор.

— Еще бы!

— Не дразни их, мама,— вступилась доктор Стоун.

— Я не дразню, а хочу дать им урок. Мальчики, тот, кто садится играть, не зная местных правил,— лопух, и пора вам это усвоить.

— Это не так уж важно теперь, когда правительство...— тактично начал было Ванденберг и вдруг остановился.— Что это за...

— Что случилось, Ван? — спросил Роджер.

Лицо капитана прояснилось, и он усмехнулся.

— Да ничего. Это ваш плоский кот залез мне на ногу. А я было решил, что попал в твой телефильм.

— Не мой, а Хейзел. У нее это был бы не плоский кот, а человеческая кровь.

Капитан взял Мохнатые Штаны, погладил и вернул Лоуэллу.

— Он марсианин,— объявил Лоуэлл.

— Да ну?

— В этой ситуации есть нюансы,— быстро заговорила Хейзел,— которые трудно уловить непосвященному индивидууму. Данная незрелая зигота перманентно стремится ознакомиться с доминирующим типом аборигена, а именно с триангулярным его подвидом. Но без некоторой доли благодетельной лжи экземпляр «А» выступает как суррогат — по духу, если не по букве. Дошло, сынок?

— Вроде бы,— моргнул Ванденберг.— Это как раз неплохая замена. Они, и правда, симпатичные зверюшки, только на свой корабль я бы такого не взял. Они...

— Она хотела сказать,— объяснил Лоуэлл,— что я хочу посмотреть марсианина с ногами. Я правда хочу. Вы знаете такого?

— Я старалась, котик,— сказала Хейзел,— но они для меня слишком большие.

— Он это серьезно, а? — Капитан внимательно посмотрел на Лоуэлла.

— Боюсь, что да.

— Мэм,— обратился капитан к доктору Стоун,— у меня тут есть кое-какие связи, и дело можно уладить, несмотря на договор. Есть, конечно, некоторый риск — небольшой, на мой взгляд.

— Капитан,— ответила доктор Стоун,— я никогда не считала риск отрицательным фактором.

— Это так, мэм. Попробовать?

— Если вам не трудно.

— Это в счет моего долга. Я вам сообщу.— И капитан сменил тему, обратившись к близнецам: — Какой вам насчитали налог с прибыли?

— Налог с прибыли?

— Что, еще не подсчитывали?

— Мы и не знали, что существует такой.

— Вижу, вы еще не освоились с экспортом-импортом — во всяком случае, на Марсе. Для граждан республики налог, разумеется, включается в подоходный, но граждане других планет платят разовый налог с каждой сделки. Поищите-ка себе консультанта — формула довольно сложная.

— Не будем мы его платить! — сказал Поллукс.

— Вы мало насиделись в тюрьме? — спросил отец.

Поллукс умолк, и близнецы стали шептаться, обмениваясь выразительными взглядами и пожимая плечами. Потом Кастор встал.

— Папа, мама, можно нам выйти из-за стола?

— Конечно, если сможете вылезти.

— А десерт, мальчики?

— Спасибо, нам не хочется.

Близнецы отправились в город и вернулись через час — правда, без консультанта, но со справочником по налогам, который нашли в торговой палате. Взрослые еще сидели в большой комнате за разговором, стол сложили и подняли к потолку. Близнецы протиснулись мимо их колен к себе в комнату и там шептались некоторое время.

Вскоре они вышли.

— Просим прощения, Хейзел?

— Что, Кас?

— Ты сказала, что твой гонорар равен двум третям нашей прибыли.

— А ты что, улизнуть собрался? Не выйдет.

— Да нет, мы заплатим.— И он отсчитал в руку Хейзел с полдюжины мелких монет.— Вот, получи.

— Это что, и есть две трети вашей выручки?

— Все-таки убыток не совсем чистый,— сказал Поллукс.— Мы ведь пользовались велосипедами целых двести миллионов миль.

Глава 14
КОТОФЕРМА

Ванденберг сдержал слово. Они с Лоуэллом слетали на стратосферной ракете в открытый город Ричардсон и пробыли там три дня. Лоуэлл повидал марсианина и поговорил с ним. Но его предупредили, чтобы он об этом никому не рассказывал, и родные никак не могли добиться от него толку.

Но простой вопрос с жильем оказалось уладить куда труднее, чем, казалось бы, неразрешимую задачу встречи с марсианином. Роджер так и не смог найти квартиру побольше и поудобнее даже за фантастическую плату. Город кишел туристами, и так будет до отлета на Венеру, когда большинство из них, совершающее тройной рейс,

разлетится. А пока они толпились в ресторанах, фотографировали все, включая друг друга, и наезжали велосипедами на ноги прохожим. Кроме того, в город, и так переполненный, хлынули «песчаные крысы» из пустыни, стараясь правдами и неправдами попасть на узел Аллилуйя в астероидном поясе.

Однажды за обедом доктор Стоун сказала:

— Роджер, завтра день платы за квартиру. Мне платить за полный месяц? Мсье д'Авриль упоминал, что Буркхардты поговаривают о том, чтобы остаться.

— Заплати только за шесть дней,— посоветовала Хейзел.— После отлета на Венеру станет лучше — надеюсь.

— Слушайте, а может, вообще не платить? — нахмурился Роджер.

— Что ты говоришь, дорогой?

— Эдит, я все время об этом думаю. Прилетев сюда, мы планировали прожить здесь одну очередь.— Он говорил о пятнадцати месяцах до следующего благоприятного периода отлета на Землю, когда можно будет вычислить экономичную орбиту.— А потом собирались выйти на орбиту к дому. Все бы хорошо, будь в этой туристской соковыжималке приличное жилье. Но я не могу начать свою книгу. Если мне на колени не лезет Вундер, так его животное гуляет у меня по затылку.

— Что же ты предлагаешь, дорогой?

— Летим сегодня на Фобос, готовим старый «Стоун» к старту и двигаем на Венеру вместе со всеми остальными.

— Ура! Летим! — поддержала Мид.

— Тебе ведь, кажется, не понравилась Венера, Мид? — спросила Эдит.

— Нет. Но мне и здесь не нравится, и я все время устаю. Хочу обратно в невесомость.

— Ты не должна уставать. Надо бы мне тебя посмотреть.

— Ну, мама, я в полном порядке! Не хочу, чтобы меня выстукивали.

— А я знаю, почему она хочет на Венеру,— ухмыльнулся Лоуэлл.— Из-за мистера Мейджилла.

— Не ябедничай, ябеда! Если кому-то интересно,— со спокойным достоинством продолжала Мид,— второй помощник Мейд-

жилл меня не волнует, к тому же я ведь полечу не на «Караване». И потом, я узнала, что у него уже есть жена в Колорадо.

— Ничего,— сказала Хейзел.— За пределами Земли он считается вполне законным женихом.

— Может, и так, но мне это не нравится.

— Мне тоже,— вставил Роджер.— Мид, ты ведь не слишком увлеклась этим волком в овечьей шкуре?

— Конечно, нет, папа! Но, наверное, на днях все-таки выйду замуж.

— Вот горе с девчонками,— заметил Кастор.— Растишь их, даешь образование, а они — бац, и замуж. Все усилия насмарку.

— Ах так? — свирепо глянула на него Хейзел.— Где бы ты был, если б я не вышла замуж?

— Но ты вышла,— сказал Роджер,— так что не будем обсуждать другие вероятности. Может, их и вовсе не было, если вдуматься.

— Предопределение,— сказал Кастор.

— Весьма шаткая теория,— сказал Поллукс.

— Я не детерминист,— усмехнулся Роджер,— и вам не удастся меня подловить. Я верю в свободную волю.

— Еще одна шаткая теория,— сказал Поллукс.

— Вы определитесь,— сказал отец.— Одно или другое.

— Почему? — возразила Хейзел.— Свободная воля — это золотая нить, бегущая сквозь застывшую матрицу предопределенных событий.

— Это не математически,— заметил Поллукс.

— Просто поэзия,— кивнул Кастор.

— И притом не лучшего сорта.

— Цыц! — прикрикнул отец.— Вы что-то упорно не желаете сменить тему. Почему?

Близнецы переглянулись, и слово взял Кастор.

— Знаешь, папа, нам кажется, что вариант с Венерой не совсем продуман.

— Продолжай. Я полагаю, у вас есть встречное предложение, а?

— В общем, есть. Но мы хотели выступить с ним после периода отлета на Венеру.

— Начинаю прозревать. Значит, вы хотели выждать, чтобы стало поздно для прокладки орбиты на Венеру.

— Ну зачем же создавать дополнительные сложности, допуская запасной вариант?

— Какие еще сложности? Давай говори.

— Слушай, папа, у нас все продумано,— взволнованно продолжал Кастор.

— Можем пойти на компромисс. Вот смотри: вы с мамой, Вундер и Мид летите на Венеру на «Боге войны». Капитан Ванденберг с радостью вас примет, ты сам знаешь.

— Стоп. А что будете делать вы? И Хейзел? Мать, ты в заговоре?

— Насколько я знаю, нет. Но уже интересно.

— Так что вы задумали, Кастор?

— Я скажу, если вы мне дадите сказать, сэр. Вы все можете с комфортом вернуться домой на роскошном лайнере. А мы с Полом и Хейзел — ну, ты ведь знаешь, что Марс выйдет на благоприятную позицию относительно узла Аллилуйя недель через шесть?

— Если проложить кометную орбиту,— добавил Поллукс.

— Значит, снова астероиды,— медленно сказал отец.— Мы ведь решили этот вопрос еще год назад.

— Но мы стали на год старше.

— И опытнее.

— И все же до постоянных прав не доросли. Вот для чего вам понадобилась Хейзел, я полагаю.

— Ну нет! Хейзел — наш резерв.

— Спасибо, мальчики.

— Хейзел, ты действительно не знала об этом новом безумном плане?

— Нет. Но не такой уж он и безумный. Я получила кое-что за свои серии — и мне надоело здесь. Я видела марсианские руины — они нуждаются в капитальном ремонте. Видела канал — в нем течет вода. Надо полагать, что вся остальная планета точно такая же, вплоть до восемьдесят восьмой главы. Венеру я тоже видела. А вот на астероидах никогда не бывала.

— Точно! — согласился Кастор.— Марс нам не нравится. Какой-то капкан.

— Больно они тут шустрые,— добавил Поллукс.

— Пошустрей вас, ты хочешь сказать,— заметила Хейзел.

— Погоди, мать. Ребята, это исключено. Я привел свой корабль с Луны и намерен привести его обратно.— Он встал.— Можешь предупредить мсье д'Авриля, что мы съезжаем, дорогая.

— Папа!

— Что, Кастор?

— Это было компромиссное предложение. На что мы действительно надеемся — и чего действительно бы хотели — это чтобы мы все отправились на Аллилуйю.

— Что? Да ну, глупости. Я не космический старатель.

— Ты мог бы научиться. А можно просто попутешествовать. И еще заработать на этом.

— Это как же?

Кастор облизнул губы.

— «Песчаные крысы» предлагают баснословные деньги за перевозку в анабиозе. Мы можем взять самое малое человек двадцать. И высадим их на Церере, чтобы они могли приобрести снаряжение.

— Кас! Ты же знаешь, что только семь из десяти летящих в анабиозе добираются живыми до конца длинной орбиты?

— Ну и что, они это сами знают. И сами идут на риск.

Роджер покачал головой.

— Мы туда все равно не летим, так что мне не придется проверить, такой ли ты твердокаменный, как говоришь. Ты видел когда-нибудь похороны в космосе?

— Нет, сэр.

— А я — да. И не будем больше говорить о пассажирах в анабиозе.

Кастор подал знак Поллуксу, и тот сказал:

— Папа, если ты не хочешь, чтобы летели мы все, ты не будешь возражать, если полетим мы с Касом?

— Каким это образом?

— Как все старатели. Мы не боимся анабиоза. Если у нас не будет корабля, только так мы и сможем полететь.

— Браво! — сказала Хейзел.— Я с вами, мальчики.

— Прошу тебя, мать! Эдит, я иногда сомневаюсь — тех ли близнецов мы забрали из родильного дома.

— Может, они и не ваши,— сказала Хейзел,— но что они мои внуки, это точно. Лечу на Аллилуйю! Кто со мной?

— Знаешь, дорогой,— спокойно сказала доктор Стоун,— мне тоже не очень-то хочется на Венеру. И у тебя будет, наконец, время, чтобы заняться книгой.

«Перекати-Стоун» отправился с Фобоса на астероиды шесть недель спустя. Старт был не таким легким, как с Луны на Марс. Выбирая короткую, или кометную, орбиту к астероидам, Стоуны должны были при старте разогнаться до двенадцати с половиной миль в секунду. Короткая орбита отличается от экономичной тем, что к стартовой орбите проходит под углом, а не по касательной и очень дорого обходится в пересчете на горючее. В дальнем конце кометная орбита «Стоуна» шла уже по касательной к орбите Аллилуйи, и совмещение двух орбит не представляло трудности. Главное было правильно стартовать с Фобоса.

В выборе короткой орбиты не было легкомыслия. Во-первых, пришлось бы ждать целый земной год, пока Марс не выйдет на позицию для экономичной орбиты, во-вторых, время путешествия в таком случае растягивалось вдвое — пятьсот восемьдесят дней по экономичной орбите вместо двухсот шестидесяти одного дня по короткой, всего на три дня дольше, чем от Луны до Марса.

Вокруг всего корпуса «Стоуна» наварили добавочные резервуары для жидкого водорода, отчего «Стоун» стал выглядеть толстым и неприбранным, зато отношение масс значительно более стало соответствовать предстоящему испытанию. Работами руководил лоцман Джейсон Томас, а близнецы помогали. Кастор набрался смелости и спросил Томаса, как тот ухитрился посадить «Стоун» на Фобосе.

— Вы рассчитали траекторию до того, как подняться на борт, сэр?

Томас опустил сварочную горелку.

— Траекторию? Конечно нет, сынок, просто я так долго этим занимаюсь, что знаю весь космос вокруг как облупленный.

Больше Кастор ничего от него не добился. Близнецы обсудили это и решили, что искусство пилота заключается не только в знании математики.

Чтобы взять побольше топлива, были сделаны изменения и внутри корабля. Погода за орбитой Марса всегда «ясная, но холодная». Стоунам больше не понадобится фольга, отражающая сол-

нечные лучи. Наоборот, один бок корабля выкрасили черной краской и добавили два витка к отопительной системе.

В рубке поставили стереорадар со сменной базисной линией и задержкой времени — на нем Стоуны увидят истинную форму Аллилуйи, когда долетят до нее.

Все это требовало больших расходов, и Властелину Галактики приходилось работать сверхурочно, чтобы их покрыть. Хейзел не участвовала в переоснастке, а сидела у себя и рождала, с помощью Лоуэлла, как критика, очередные серии кровавой, но благородной истории капитана Джона Стерлинга. Свою деятельность она перемежала сочинением оскорбительных посланий постановщикам в Нью-Йорк, шантажируя их тем, что объявит забастовку, и требуя, чтобы ей выдали несоразмерно большой аванс — и прямо сейчас. Аванс она получила, выслав достаточное количество серий, чтобы покрыть его. Сценарий все равно приходилось готовить впрок: на этот раз «Перекати-Стоун» будет один, никаких лайнеров поблизости. Выйдя из радиозоны Марса, он сможет связаться с Землей лишь тогда, когда его средней мощности рация выйдет на диапазон Цереры. На Цереру они не зайдут, но будут недалеко от нее: Аллилуйя находилась почти на одной орбите с этой крошечной планеткой.

Выбор кометной орбиты очень ограничивал допустимое количество груза, но близнецы все-таки хотели его взять — категорический отказ отца от пассажиров в анабиозе подорвал их планы. Следующей их идеей стало взять полный набор космического старателя — ракетный скутер, особые скафандры, аварийную палатку, радиоактивные рейки для ограждения участка, центрифугу для определения удельного веса, переносной цифровой спектроскоп и все прочее, без чего тихопомешанному рудоискателю никак не обойтись.

— За ваш счет? — только и спросил отец.

— Конечно. И за перевозку тоже заплатим.

— Давайте. Валяйте. Не стану отговаривать. Чем больше я вас буду убеждать, тем сильнее вы будете упираться.

Кастор даже растерялся, получив такое легкое согласие.

— Почему отговаривать, папа? Потому что это опасно?

— Опасно? Боже сохрани! Это ваше право — погибнуть так, как вам нравится. И думаю, этого с вами не случится. Вы ребята

молодые, смекалистые, хотя это не всегда заметно, и в превосходной физической форме — я уверен, вы освоите свою технику.

— Тогда в чем же дело?

— Ни в чем. Лично я давно и твердо убедился в том, что человек работает продуктивнее и делает больше денег, сидя на стуле, а не занимаясь физическим трудом, если такова его цель. Вы, часом, не знаете, сколько в среднем зарабатывает в год космический старатель?

— Нет, но...

— Меньше шести сотен.

— Но ведь некоторые становятся богачами!

— Разумеется. А некоторые зарабатывают много меньше шестисот — цифра-то средняя, в нее входят и те, кто напал на жилу. Просто из любопытства, учитывая то, что большинство старателей — люди опытные и способные, я хотел бы узнать, что вы двое можете сделать такого, чтобы выйти на среднюю цифру? Говорите, не стесняйтесь.

— А ты-то сам какой груз взял бы?

— Я? Ничего. У меня нет коммерческой жилки. Я просто путешествую, чтобы взглянуть на кости Люцифера. Меня стала интересовать планетология. Можно написать об этом книгу.

— А как же та, другая, книга?

— Надеюсь, что это не сарказм, Кастор. Я надеюсь закончить ее до нашего прибытия на астероиды.— И Роджер ушел, прервав тем самым дискуссию.

Близнецы повернулись и увидели ухмыляющуюся Хейзел.

— Над чем смеешься, Хейзел? — буркнул Кастор.

— Над вами.

— А что, нам нельзя стать старателями?

— Почему же нельзя? Валяйте — вы можете себе это позволить. Но вот что: хотите знать, какой груз надо взять, чтобы в самом деле заработать деньги?

— Конечно.

— Что я буду с этого иметь?

— Процент? Или сразу гонорар? Только мы не будем платить, если не воспользуемся советом.

— Эх вы, крысы! Бесплатно скажу. Если вы получите совет даром, вы его, конечно, не послушаетесь, и я смогу потом сказать: «Я же вам говорила!»

— Непременно скажешь.

— А как же. Нет большего удовольствия, чем сказать сопливому задаваке: «Говорила я тебе, а ты не слушал». Ну ладно: я задам вам вопрос, прямо как оракул, это и будет совет: кто разбогател во время всех старательских лихорадок, известных истории?

— Ну, те, кто напал на богатую жилу, наверно.

— Смешно. Старателей, которые сумели удержать то, что нашли, и умерли богачами, так мало, что они сияют, подобно суперновым. Возьмем знаменитую калифорнийскую золотую лихорадку 1861 года — нет, в 1861-м было что-то другое, забыла что. Калифорния была в 1849-м — сорокадевятники. Проходили по истории?

— Кое-что.

— Был такой Саттер, на его земле нашли золото. Ну и что же, разбогател он? Да он разорился. А кто разбогател?

— Не томи, Хейзел. Не надо драматизировать.

— Почему? Это можно даже в сценарий вставить — стерев предварительно серийные номера. Ладно, скажу: богатели те, у кого был товар, который покупали старатели. Бакалейщики, в основном. Вот уж кто наживался! Торговцы металлом. Владельцы дробилок. Все, кроме бедного старателя. Даже прачечные в Гонолулу.

— Гонолулу? Но это же где-то в Тихом океане, около Китая.

— До сих пор было на Гавайях. Но грязное белье из Калифорнии отправляли стирать в Гонолулу — и туда, и обратно на парусниках. Все равно если бы вы послали свои грязные рубашки из Марспорта на Луну. Ребята, если хотите заработать, организуйте на Аллилуйе прачечную. Не обязательно прачечную — все равно что, лишь бы было нужно старателю. Если бы ваш отец не был в душе пуританином, я бы открыла честный и благородный игорный зал. Это все равно что иметь богатого дядюшку.

Близнецы учли бабушкин совет и занялись бакалейным делом с некоторыми побочными линиями. Брать решили только деликатесы — то, что вряд ли есть у старателей и дороже стоит за фунт. Закупили также антибиотики, наркотические вещества и витамины, взяли легкие проекторы для художественных лент и запас кассет к ним. Поллукс отыскал где-то календари с красивыми девушками, напечатанные в Японии на тонкой бумаге, и решил взять их тоже — они немного весят. Он заметил Кастору, что совсем уж в убытке они не останутся, потому что сами будут на них смотреть.

Доктор Стоун увидела календари, просмотрела их и приказала некоторые отослать обратно. Остальные цензуру прошли.

Последнюю серию сценария передали на Землю, проверили последний сварной шов, загрузили все необходимое для рейса. «Стоун» легко взмыл с Фобоса и нырнул к Марсу. Совершив маневр в колодце гравитации при наивысшей температуре сгорания и убийственной пятикратной перегрузке, корабль вырвался в пустые глубины космоса, где блуждают только обломки Разрушенной Планеты.

Все с радостью вернулись к привычному режиму невесомости. Близнецы еще на Марсе получили курс математики повышенного типа. Их не надо было принуждать учиться, самим было интересно, и велосипеды их теперь не отвлекали. Мохнатые Штаны относился к невесомости так, будто родился в космосе. Если его никто не держал на руках и не гладил, что было его нормальным состоянием, он ползал по стенам и переборкам или парил по отсеку, переливаясь блаженной рябью.

Кастор утверждал, что он умеет летать, а Поллукс спорил с ним, доказывая, что зверек просто движется вместе с потоком воздуха. Близнецы затратили много времени и усилий на эксперименты, но так ничего и не выяснили.

Плоского кота такие вопросы не волновали — ему было тепло, его хорошо кормили, у него было много друзей, всегда готовых удовлетворить его неисчерпаемую потребность в ласке. Лишь один инцидент омрачил его счастье.

Роджер Стоун сидел, пристегнувшись к пилотскому креслу, и обдумывал, как он сказал, главу своей книги. Если так, то храп, вероятно, помогал ему в этом. Мохнатые Штаны плыл куда-то по своим делам, открыв все три веселых глаза. Он увидел друга, ловко использовал ленивую воздушную струю и совершил точную посадку — прямо на нос капитану.

Роджер с воплем взвился из кресла, схватившись за лицо. Повис на ремне, сообразил, что к чему, и оторвал от себя плоского кота. Мохнатые Штаны, обиженный, но повреждений не получивший, распластался в воздухе, нашел другой поток и приземлился на дальней стене.

Роджер произнес кое-какие слова и крикнул:

— Кто кинул на меня этот живой шиньон?

Но в отсеке больше никого не было. В люке появилась доктор Стоун.

— Что случилось, дорогой?

— Так, ничего особенного. Дорогая, не могла бы ты вернуть это хвостатое отродье вымирающей планеты Вундеру? Я пытаюсь сосредоточиться.

— Конечно, дорогой.

Эдит забрала кота и отдала Лоуэллу, который тут же забыл о нем, обдумывая сложный гамбит против Хейзел. Плоский кот не был злопамятен и не мог долго держать камень за пазухой, которой у него не было. Единственным чувством, которому он отдавался без остатка, была любовь. И он вернулся к Роджеру — тот как раз уснул снова.

И снова улегся ему на лицо, счастливо мурлыча.

Капитан Стоун показал себя зрелым мужчиной. Зная на этот раз, с чем имеет дело, он бережно снял кота и сам вернул его Лоуэллу.

— Держи его при себе,— сказал он,— и не отпускай.— И тщательно закрыл за собой дверь.

Не менее тщательно Роджер закрыл на ночь дверь их супружеской каюты. На «Перекати-Стоуне» вентиляционные отверстия не были снабжены заслонками — на таком маленьком корабле они, конечно, все время стояли открытыми. Перед плоским котом открылся широкий путь. Роджер задыхался в кошмарном сне, пока жена не разбудила его и не сняла с его носа Мохнатые Штаны. Роджер снова произнес кое-какие слова.

— Все хорошо, дорогой,— успокаивала его Эдит.— Спи.

Мохнатые Штаны она взяла к себе, и кот утихомирился.

Назавтра корабельный распорядок был нарушен авралом — всех, способных держать в руках гаечный ключ или аппарат для точечной сварки, бросили на установку вентиляционных заслонок.

Через тридцать семь дней у Мохнатых Штанов появилось восемь золотистых котят — в точности таких же, как он, но площадью всего пару дюймов. Когда они сворачивались, то были величиной с мраморный шарик. Все, включая капитана Стоуна, сочли, что они — прелесть, и без конца гладили их одним пальцем, слушая, как они

тоненько мурлычут — почти за пределами человеческого слуха. Все их кормили, а котята никогда не отказывались от еды.

Через шестьдесят четыре дня у котят появились котята, по восемь штук у каждого. Шестьдесят четыре дня спустя, на сто сорок шестой день отлета с Фобоса, у котят котят появились котята; теперь их стало пятьсот тридцать.

— Надо это как-то прекратить,— сказал капитан Стоун.

— Да, дорогой.

— Я серьезно. При таких темпах мы останемся без еды, не дотянув до цели, даже если залезем в товары близнецов. А кроме того, мы просто задохнемся под сплошным меховым мурлычущим матрасом. Сколько будет пятьсот тридцать на восемь? А если это еще умножить на восемь, сколько будет?

— Чересчур много, на мой взгляд.

— Дорогая, это самое мастерское преуменьшение со дня смерти Меркуцио. Да правильно ли я еще вычислил: это экспонентная, а не геометрическая прогрессия. Впрочем, до результата мы не доживем — помрем с голоду.

— Роджер!

— По-моему, надо... да, что?

— Кажется, есть простой выход. Все марсианские существа на холоде засыпают.

— Да?

— Поместим их в трюм — там, к счастью, есть место.

— Согласен со всем, кроме слов «к счастью».

— И будем держать их там на холоде.

— Не хотелось бы убивать малюток. Просто не могу их возненавидеть — до того хорошенькие, провались они совсем.

— Мы их будем держать при минус ста, как в обычную марсианскую зимнюю ночь. А может быть, и потеплее сойдет.

— Так и сделаем. Подайте мне лопату. Подайте невод. Подайте бочонок.

Роджер начал вылавливать из воздуха плавающих плоских котов.

— А Мохнатые Штаны я вам не дам заморозить! — На пороге каюты возник Лоуэлл, прижимавший к груди взрослого кота. Может, это был Мохнатые Штаны, а может, и нет. Взрослых зверьков различить никто не мог, а затею с именами бросили после первого помета. Но

Лоуэлл был абсолютно уверен в своей правоте, и его не заботило мнение окружающих. Близнецы сговаривались подсунуть ему другого, когда он уснет, но их услышали и запретили диверсию. Лоуэлл был доволен, и мать не желала, чтобы он поколебался в своей вере.

— Дорогой, мы ничего не сделаем твоему котику.

— Попробуйте только — я вас выброшу в космос!

— Ох, дорогой, это он помогал Хейзел работать над сценарием! — доктор Стоун подплыла поближе к сыну.— Лоуэлл, мама ведь никогда тебя не обманывала, правда?

— Вроде бы, нет.

— Мы ничего не сделаем Мохнатым Штанам. И плоским котяткам тоже ничего не сделаем. Просто у нас для них не хватает места. Ты можешь оставить Мохнатые Штаны, но все остальные котята пойдут спать. С ними ничего не случится.

— Клянешься Законом Галактики?

— Клянусь Законом Галактики.

Лоуэлл ушел, продолжая прижимать кота к груди.

— Эдит,— сказал Роджер,— надо положить конец их сотрудничеству.

— Не волнуйся, дорогой, ничего плохого с ним не случится. Но боюсь, придется разочаровать его в другом,— нахмурилась она.

— В чем это?

— Роджер, у меня не было времени изучить марсианскую фауну, и плоскими котами я тоже, конечно, не занималась — только убедилась в том, что они безобидны.

— Безобидны! — Роджер отмахнулся от пары летевших котят.— Женщина, я тону!

— Но марсианская фауна вся рассчитана на выживание, и у нее есть свои особенности. За исключением водоискалок, которые, возможно, не марсианского происхождения, животные ведут пассивный и возобновляющийся образ жизни. Возьми плоского кота...

— Сама возьми,— сказал Роджер, снимая очередного с груди.

— Это беззащитное существо даже не может как следует добывать себе еду. Думаю, в естественных условиях это безобидный паразит, который цепляется за более подвижное животное.

— Лишь бы за меня не цеплялись! А ты выглядишь так, словно в шубе. Давай загрузим их в морозильник!

— Терпение, дорогой. Возможно, носителю это так же приятно, как и нам, поэтому он терпит плоского кота и позволяет ему подбирать свои крохи. Но плоский кот разделяет общее свойство всего живого на Марсе. Он способен долгое время пребывать в спячке, а если в этом нет нужды, просто снижает свою жизненную активность — например, при недостатке пищи. Но когда еды становится больше — выключатель тут же щелкает, и зверек размножается, насколько это позволяют запасы пищи.

— Уж это точно!

— Ограничить его снова в еде — и он спокойно будет ждать лучших времен. Это, конечно, чистая теория — я ведь рассуждаю по аналогии с другими формами жизни на Марсе,— но этим-то я и собираюсь огорчить Лоуэлла. Мохнатым Штанам придется перейти на очень скудный паек.

— Это будет непросто,— нахмурился Роджер — Вундер его все время кормит. Придется за ним следить, не то не миновать нам новых ангелочков. Солнышко, давай-ка займемся ими прямо сейчас.

— Да, дорогой. Я просто хотела поделиться своими мыслями.

Всех кликнули наверх, и началась операция по отлову. Котов загоняли на корму и в трюм. Они разбегались, мурлыкали и искали общества. Поллукс сидел в трюме и пытался удержать их там, пока другие сгоняли их со всего корабля. Отец просунул голову в дверь, стараясь разглядеть сына в облаке плоских котов.

— Сколько их тут у тебя?

— Не могу сосчитать — они все время движутся. Закрой дверь!

— Как я могу загонять их сюда, если дверь закрыта?

— А как я могу их здесь удержать, если дверь открыта?

Наконец все надели скафандры (Лоуэлл взял к себе в скафандр Мохнатые Штаны, не очень, видимо, полагаясь даже на Закон Галактики), и капитан довел температуру на корабле до ощутимых минус двадцати. Плоские коты, столкнувшись с неуютными скафандрами и будучи предоставлены сами себе, сдались и начали сворачиваться в шарики, вроде меховых грейпфрутов. Теперь их можно было легко собрать, сосчитать и поместить в трюм.

Однако Стоуны еще несколько дней продолжали ловить и сажать в заключение тех, кто ускользнул.

Глава 15
«МЕЖДУ ЮПИТЕРОМ И МАРСОМ Я ПОМЕЩАЮ ПЛАНЕТУ»

Так писал великий астроном Кеплер: «Inter Jovem et Martem planetam interposui». Его последователи вывели правило о расстояниях между планетами, известное как правило Боде. Согласно ему, точно в 2,8 расстояния от Солнца до Земли — в 2,8 астрономической единицы — полагалось быть планете.

В первую ночь нового XIX века монах Джузеппе Пьяцци открыл новое небесное тело. Это был астероид Церера — как раз в том месте, где полагалось быть планете. Для астероида он был велик — и действительно, он больше всех астероидов — 485 миль в диаметре. В последующие два века были открыты сотни и тысячи астероидов — до самых маленьких камушков. Название «астероиды» оказалось неудачным: это не звездочки и даже не планетоиды. С самого начала предполагалось, что это осколки крупной планеты, а к середине двадцатого века гипотезу как будто подтвердило математическое исследование их орбит.

Но лишь когда первые исследователи на заре космических полетов проникли в пустынную область между орбитами Марса и Юпитера и посмотрели на нее своими глазами, мы удостоверились, что астероиды — в самом деле осколки большой планеты — разрушенного Люцифера, давно погибшего брата Земли.

Поднимаясь все выше и выше над Солнцем, «Перекати-Стоун» замедлял ход, описывал кривую и приближался к точке, откуда начнет снова падать к Солнцу. Сейчас он был в орбите Цереры и, добравшись до этой «дамы», прошел уже пятьдесят миллионов миль по астероидному поясу — руины Люцифера широко разбросаны в космосе. Узел Аллилуйя помещался ближе к центру пояса.

Неплотная группа камней, песка, хаотических молекул и планетоидов, известная как узел Аллилуйя, вращается вокруг Солнца со скоростью 11 миль в секунду. Вектор «Стоуна» составил 8 миль в секунду и шел в том же направлении. Капитан Стоун, включая двигатель последние два дня, увеличил скорость своего корабля, с помощью радарного маяка проник в гущу летучих облаков и вошел в их

среду с низкой относительной скоростью. Последний маневр, утвердивший «Стоуна» на месте, был всего лишь любовным шлепком: «Стоун» откашлялся и стал продолжать свой путь вместе с другими бродячими странниками космоса.

Капитан в последний раз посмотрел в окуляры стереорадара, пробежал лучом полный круг от носа до кормы. Громады Аллилуйи, неразличимые невооруженным глазом на фоне звезд, висели в увеличенной перспективе ложного «космоса» стереоприбора, где настоящих звезд вовсе не было видно. Ползучего следа, признака относительного движения, на экране не было.

На одном из летучих камней недалеко от корабля и на пару градусов вне орбиты светилась точка ярче других. Это был радарный маяк, на который и вышел капитан Стоун. Маяк тоже был неподвижен на стереоэкране, и капитан сказал Кастору:

— Запроси доплер из мэрии.

— Уже, капитан,— сказал Кастор и вскоре добавил: — Относительная около десяти миль в час — девять и семь и еще малость. Милях в семистах от нас.

— Вектор?

— Выходим почти на них. Проедем в десяти—пятнадцати милях к югу, внутри орбиты.

Роджер Стоун расслабился и усмехнулся.

— Ну, как наводка? Твой старик еще не разучился считать, а?

— Нормально, папа,— если учесть...

— Что учесть?

— Что ты использовал вычисления Пола.

— Когда я решу, кого из нас двоих ты оскорбил, я тебе отвечу.— Он сказал в микрофон: — Все посты свободны от маневра. Машинное, доложите по закрытии. Эдит, скоро будет обед?

— Заперто, сынок,— доложила Хейзел.

— Через полчаса, дорогой,— ответила жена.

— Ничего себе! Человек потеет над горячим пультом, и ему еще надо полчаса ждать обеда. Что у вас за отель?

— Да, дорогой. Кстати, я опять сокращаю тебе калории.

— Бунт! Что бы сделал Джон Стерлинг на моем месте?

— А папа толстеет! А папа толстеет! — пропел Лоуэлл.

— И придуши своего ребенка. Кто хочет выйти со мной поставить добавочные двигатели?

— Я хочу, папа!

— Мид, ты просто пытаешься смыться, чтобы не помогать на кухне.

— Я могу ее отпустить, дорогой.

— Пожалеешь ребенка — испортишь харчи. Бери сухим пайком, детка.

— Не очень смешно, папа.

— А мне денег не платят, чтобы было смешно.

Капитан Стоун, насвистывая, отправился на корму. Близнецы и Мид вышли с ним. Они быстро поставили стартовые ракеты — молодежь закрепляла, а капитан лично проверял проводку. Ракеты разместили вокруг корпуса в центре корабля и по паре на носу и на корме. Подключенные к пилотскому радару и настроенные на минимальный диапазон, они быстро помогут кораблю свернуть в сторону, если нежелательный объект будет идти на столкновение с ним при достаточно опасной относительной скорости.

Во время прохода в глубь астероидного пояса Стоуны шли просто на авось. Хотя принято считать, что пояс забит небесным мусором, статистика показывает, что там гораздо больше пустоты, чем камня, и опасность столкновения очень незначительна. Внутри узла ситуация была несколько иной — там концентрация массы в несколько раз больше, чем в других районах пояса. Но большинство старателей даже и здесь не принимало мер предосторожности — проще было ставить на то, что они всегда будут выигрывать в эту русскую рулетку, чем тратить деньги и усилия на противоударную защиту. Некоторые поплатились за это, но немногие — аварии в узле Аллилуйя происходили не чаще, чем в Мехико.

Когда все вернулись на корабль, обед был готов.

— Тебе звонили, капитан,— сообщила Хейзел.

— Уже?

— Из мэрии. Я сказала, что ты вышел, но перезвонишь им. Девять и шесть десятых сантиметра.

— Дорогой, обед остывает.

— Идите за стол, я быстро.

Он действительно вернулся быстро. Доктор Стоун вопросительно посмотрела на него.

— Мэр,— объяснил Роджер.— Добро пожаловать в Рок-Сити, и все такое. Сообщил мне, что городской комитет ограничил скорость

космических кораблей до ста миль в час, а скутеров — до пятисот в пределах тысячи миль от мэрии.

— Надеюсь, ты сказал им, куда им надо пойти со своими ограничениями? — ощетинилась Хейзел.

— Нет, не сказал. Я вежливо извинился за то, что по незнанию нарушил правила, и обещал зайти засвидетельствовать свое почтение завтра или послезавтра.

— Я думала найти жизненное пространство на Марсе,— пробурчала Хейзел.— Оказалось, там одни грабители, бюрократы и сборщики налогов. И вот мы выходим на широкие просторы космоса — и что же находим там? Дорожную полицию. А мой единственный сын не может им даже ответить как следует. Придется мне отправиться на Сатурн.

— Я слыхал, на базе Титан здорово холодно,— примирительно ответил Роджер.— Почему бы не на Юпитер? Пол, подай мне соль, пожалуйста.

— Юпитер? Позиция неблагоприятная. И потом, я слышала, что на Ганимеде больше правил, чем в школе для девочек.

— Мать, ты единственный известный мне трудный подросток, который по возрасту подходит для гериатрической клиники. Ты прекрасно знаешь, что человеческая колония в космосе не может жить без правил.

— Оправдание для Наполеонов местного масштаба! Вся Система залезла в корсет.

— Что такое корсет? — осведомился Лоуэлл.

— Предшественник скафандра, можно сказать.

Видя, что Лоуэлл неудовлетворен, Эдит сказала:

— Вот вернемся, дорогой, и мама покажет его тебе в музее.

Капитан предложил всем прилечь после обеда — они все не выспались, совершая маневр.

— У меня до сих пор в глазах рябит,— сказал он, потирая глаза,— так я таращился в стереорадар. Сосну часок-другой.

Хейзел хотела что-то сказать, но тут раздался сигнал тревоги, и Роджер мигом встрепенулся.

— Объект курсом на столкновение! Крепче держитесь все за что-нибудь,— и сам уцепился за стойку, схватив другой рукой Лоуэлла.

Но аварийные стартовые двигатели не включились.

— Зеленый,— спокойно объявила Хейзел.— Что бы это ни было, оно идет недостаточно быстро, чтобы причинить нам вред. И, похоже, пройдет рядом.

Капитан перевел дыхание.

— Надеюсь, что ты права, но я слишком часто бывал в таких переделках, чтобы полагаться на статистику. С тех пор как мы вошли в пояс, все время нервничаю.

Мид понесла на корму грязную посуду и тут же вернулась с круглыми глазами.

— Папа, у двери кто-то есть.

— Что-о? Мид, тебе померещилось.

— Да нет же, я слышала. Послушай сам.

— Ну-ка тихо все.

В тишине все услышали мерное шипение нагнетателя воздуха — работал корабельный шлюз. Роджер метнулся к нему, но мать остановила его:

— Погоди-ка, сын.

— В чем дело?

— Отойди от двери.

И Хейзел достала пистолет.

— Да убери ты его: все равно не заряжен.

— Он-то об этом не знает, тот, кто в шлюзе.

— Мама Хейзел, что ты так нервничаешь? — спокойно спросила Эдит.

— А ты не понимаешь? У нас на корабле еда. И кислород. И кое-какой запас моно-аш. Тут не Луна-Сити: кто-нибудь может и позариться.

Доктор Стоун посмотрела на мужа, и он, поколебавшись, сказал отрывисто:

— Иди на нос, дорогая. Возьми Лоуэлла. Мид, закрой за собой люк и сиди у рации. Если услышишь что-нибудь подозрительное, радируй в мэрию и скажи, что нас грабят. Давай!

Роджер нырнул в свою каюту и вернулся с собственным пистолетом.

Когда люк за Мид закрылся, шлюз как раз перестал работать. Четверо оставшихся ждали, окружив входную дверь.

— Нам прыгнуть на него, папа? — шепотом спросил Кастор.

— Нет, главное под выстрел не лезьте.

Дверь медленно отворилась. На пороге возникла фигура в скафандре, лицо под шлемом трудно было различить. Увидев направленные на него пистолеты, пришелец поднял руки.

— Вы чего? — глухо и обиженно спросил он.— Я ничего не сделал.

Капитан Стоун, видя, что у человека не только в руках, но и за поясом нет пистолета, опустил свой.

— Извините. Давайте помогу вам снять шлем.

Под шлемом обнаружился светловолосый человек средних лет с добрыми глазами.

— А в чем дело-то? — повторил он.

— Да так, ничего. Не знали, кто к нам пожаловал, и немного заволновались. Меня, к слову, зовут Стоун. Командую кораблем.

— Очень приятно, капитан Стоун. Я Шорти Девайн.

— Очень приятно, мистер Девайн. Добро пожаловать на борт.

— Просто Шорти.— Он посмотрел вокруг.— Вы извините, что я так вломился и напугал вас, но я слышал, что у вас на борту доктор. То есть настоящий доктор, а не из этих, с ученой степенью.

— Есть доктор.

— Ух, ну и здорово! В городе нет настоящего доктора с тех пор, как старый док Шульц умер. А мне позарез нужен врач.

— Минутку. Пол, сходи за мамой.

— Я слышу, дорогой,— сказала Эдит из репродуктора.— Иду.— Люк открылся, и вошла доктор Стоун.— Я доктор, мистер Девайн. Дорогой, я, пожалуй, воспользуюсь этой комнатой. Может быть, вы все выйдете?

— Да не надо,— торопливо сказал гость.

— Я предпочитаю осматривать пациента без свидетелей,— решительно сказала она.

— Я не успел объяснить, мэм доктор. Не я болен, а мой компаньон.

— Вот как?

— Да, он сломал ногу. Зазевался и защемил ее между двумя глыбами графита, она и сломалась. Я, наверное, не больно хорошо оказал ему помощь, потому что он очень плох. Вы не могли бы отправиться к нему прямо сейчас, доктор?

— Разумеется.

— Эдит!

— Кастор, принеси мой хирургический чемоданчик — черный. Ты поможешь мне надеть скафандр, дорогой?

— Но, Эдит, ты...

— Ничего, капитан,— у меня тут снаружи скутер. Мы живем милях в восьмидесяти пяти — девяноста отсюда — долго не задержимся.

— Я с вами,— вздохнул капитан Стоун.— Ваш скутер подымет троих?

— Конечно-конечно! У меня сиденья по Рейнолдсу: можно распределять баланс как угодно.

— Хейзел, ты принимаешь командование.

— Есть, сэр!

Вопреки обещанию Девайна, их не было всю ночь по корабельному времени. Хейзел сидела у пульта, следя за ними по радару, и осталась дежурить до тех пор, пока опять не засекла их на экране и не проследила их обратный путь. Девайн, рассыпаясь в благодарностях, остался с ними завтракать. Не успел он доесть, как в столовой появился Лоуэлл с Мохнатыми Штанами на руках. Девайн застыл, не донеся кусок до рта.

— Плоский кот! Или мне чудится?

— Конечно, это он. Его зовут Мохнатые Штаны. Он марсианин.

— Само собой! Слушай, а можно его погладить?

Лоуэлл, подозрительно посмотрев на него, разрешил. Старатель взял кота — видно было, что он привык с ним обращаться — и стал гладить его, что-то бормоча при этом.

— Какая прелесть! Прямо жалеешь, что расстался с Марсом, хотя тут и лучше.— Он неохотно расстался со зверьком, еще раз всех поблагодарил и вышел.

Доктор Стоун размяла пальцы.

— В первый раз со старых клинических времен оперировала в невесомости. Надо освежить технику.

— Дорогая, ты была великолепна. А Джоку Донахью здорово повезло, что ты оказалась рядом.

— Ему было очень плохо, мама? — спросила Мид.

— Еще как,— ответил отец.— Подробностей не ждите, но мама знала, что надо делать, и сделала это. А из меня получилась неплохая санитарка, если это не будет нескромно с моей стороны.

— Будет, будет,— отозвалась Хейзел.

— Роджер,— спросила доктор Стоун,— штука, в которой они живут,— это что, корабль?

— Сомневаюсь — только не в том виде, в каком он у них сейчас. Я бы сказал, не корабль, а плот.

— А если они захотят улететь отсюда?

— Может, они не хотят улетать. Может, они умрут на расстоянии голоса от Рок-Сити, как чуть не случилось с Джоком. Руду они, наверно, возят скутером продавать на Цереру, то есть на ее орбиту. А может, и здесь продают.

— Но ведь город-то кочевой. Им приходится двигаться с места на место.

— Ну, пожалуй, это корыто можно сдвинуть с помощью пары стартовых ракет, если действовать осторожно и не торопиться. Но я бы разгерметизировал его, раньше чем пробовать.

Глава 16
РОК-СИТИ

Пояс астероидов формой напоминает сплющенное кольцо, которое в архитектуре называется «торбублик», а в обыденной жизни «бублик». Это кольцо охватывает 13 тысяч 500 тысяч миллионов триллионов кубических миль. Это по скромному подсчету, исключая заблудших овец, которые уходят к самому Марсу и еще дальше — до самого Солнца. Не входят в расчет и те, что забрели слишком далеко и попали в рабство к могучему Юпитеру, например Троянцы, в почетном карауле следующие по орбите планеты, в шестидесяти градусах впереди и позади. Исключаются даже те, что слишком отклонились к северу или югу. Принятый предел отклонения от эклиптики равен шести градусам.

13 500 000 000 000 000 000 000 000 кубических миль пространства.

А все человечество можно запихнуть в уголок одной кубической мили: средний объем человеческого тела равен двум кубическим футам.

Даже бесстрашному герою Хейзел, капитану Джону Стерлингу, тяжеловато пришлось бы патрулировать такой участок. У него ведь не было брата-близнеца.

Запишем эту цифру как 1,35 умножить на 10 в 25 степени кубических миль. Глазом, если не разумом, охватить ее станет легче. В то время, когда «Перекати-Стоун» затесался в бродячее братство Рок-Сити, плотность населения пояса составляла одну душу на два биллиона триллионов кубических миль — запишем это как 2 умножить на 10 в 21 степени. Почти половина этих шести с половиной тысяч населения проживала на планетоидах — Церере, Палладе, Весте, Юноне. Одним из приятных сюрпризов в исследовании Системы стало открытие невероятно высокой плотности крупных астероидов и приличной силы тяжести на них. Средняя плотность Цереры, диаметр которой всего 485 миль, в пять раз выше плотности Земли, а притяжение там почти такое же, как на Марсе. Эти планетоиды считаются остатками ядра погибшего Люцифера, покрытыми несколькими милями наносной породы.

Остальные три тысячи составляет странствующее население пояса в буквальном смысле слова. Они живут и работают в невесомости и почти все входят в одну из полудюжины общин, разрабатывающих узлы и скопления пояса. Узлы в несколько сот раз плотнее остального пространства пояса, если тут можно сказать «плотнее»: корабль, идущий рейсом на Ганимед, мог бы пройти сквозь узел Аллилуйя и Рок-Сити, заметив их разве что на экране радара. Вероятность столкновения этого лайнера с чем-либо была бы очень мала.

В узлах старатели добывали уран, трансурановые элементы и графит, продавая руду и минералы на ближайшем большом астероиде и время от времени переходя на другой узел. Перед находкой на Аллилуйе община, называющая себя «Рок-Сити», работала на узле Кайзер Вильгельм за Церерой на ее орбите. Услышав весть о находке, община тронулась в путь.

Развив небольшое ускорение, артель прошла внутрь орбиты Цереры на скутерах, химических двигателях, стартовых ракетах и честном слове. Она была единственной, которая имела возможность передвинуться. «Парни Грогана» находились на той же орбите, но работали на узле Горькое Горе по ту сторону Солнца, в полбиллионе миль от Рок-Сити. Недалеко был и Нью-Йобург, но те работали

на узле под названием Рейнолдс №2, который вращался по неудобно расположенной орбите Фемиды.

Ни один из этих небесных поселков по-настоящему не обеспечивал сам себя, да и вряд ли это было возможно. Но невероятный аппетит Земли на энергетическое сырье и еще более ценный графит, из которого делали сопла ракетных двигателей и противорадиационные щиты,— этот постоянный спрос, который могли удовлетворить астероиды, обеспечивал старателям обмен того, что у них есть, на то, что им нужно. Но во многом они все же ни от кого не зависели: уран, рафинируемый не дальше Цереры, давал им свет, тепло и энергию. Все овощи и большинство белковых продуктов они выращивали сами на гидропонных огородах и в дрожжевых резервуарах. Водородное топливо и кислород получали с Цереры или Паллады.

Там, где есть энергия и масса, которой можно манипулировать, человек не пропадет.

Почти три дня «Перекати-Стоун» медленно следовал через Рок-Сити. Для невооруженного глаза, если смотреть в иллюминатор или даже выйти наружу и стать на корпусе, Рок-Сити ничем не отличался от любого куска пространства — та же пустота на фоне звезд. Человек с острым глазом, хорошо знающий созвездия, заметил бы, что их классическую картину искажает слишком много каких-то планет, которые не подчиняются Зодиаку. Еще более пристальное наблюдение обнаружило бы разрозненное движение некоторых «планет», которые уходили за корму «Стоуна» при его движении вперед.

На третий день перед ленчем капитан Стоун притормозил свой корабль и скорректировал его вектор, запустив один из наружных двигателей: впереди виднелась мэрия и еще несколько объектов. Позже он подключил еще одну ракету, поставил «Перекати-Стоун» неподвижно относительно мэрии меньше чем в одной восьмой мили от нее и вызвал по телефону мэра.

— Говорит «Перекати-Стоун», Луна, капитан Стоун.

— Мы следили за вашим подходом, капитан,— ответил мэр.

— Хорошо. Мистер Фрайз, я собираюсь протянуть к вам трос. Если повезет, через полчасика буду у вас.

— Будете стрелять из гарпунного ружья? Я вышлю кого-нибудь принять.

— Увы, у меня нет ружья. Я позабыл его взять, несмотря на благие намерения.

— А скажите, пожалуйста, капитан,— замялся Фрайз,— вы хорошо владеете техникой перемещения в скафандре?

— Если честно, то нет.

— Тогда позвольте, я пошлю вам парня с тросом. Нет-нет, не возражайте.

Хейзел, капитан и близнецы вышли в скафандрах наружу и стали ждать. На корабле, что напротив них, виднелась маленькая фигурка. Сам корабль теперь казался большим, больше «Стоуна». Мэрия помещалась в старомодном судне — оно было круглым, примерно тридцатилетней давности. Роджер верно сообразил, что после выхода в тираж оно совершило единственный грузовой рейс в один конец.

Рядом с мэрией висел короткий цилиндр — то ли он был меньше ее, то ли находился дальше. Возле него виднелась еще какая-то масса неправильной формы — Солнце ярко освещало ее, но многочисленные черные тени мешали рассмотреть, что это такое. Вокруг было много других кораблей, достаточно близких, чтобы отличить их от звезд. Поллукс насчитал их с две дюжины на пространстве в столько же миль. От одного из них в миле от Стоунов отчалил скутер и направился к мэрии.

Фигурка, которую они только что видели, уже летела к ним через пространство. Она росла на глазах, и через полминуты посланный приблизился к ним, разматывая за собой трос. Он легко опустился ближе к носу «Стоуна», и все четверо пошли его встречать.

— Здравствуйте, капитан. Я Дон Уитситт, бухгалтер мистера Фрайза.

— Здравствуйте, Дон.

Роджер познакомил его с остальными. Близнецы помогли выбрать и свернуть легкий трос. За ним тянулся стальной, который Дон Уитситт закрепил на корпусе.

— Ждем вас в магазине,— сказал он.— Пока.

И опять прыгнул в пропасть с бухтой бечевки под мышкой, не держась за протянутый им трос.

— Я тоже так могу,— сказал Поллукс, глядя на него.

— Оставайся при этом мнении,— сказал отец,— и пристегивайся к тросу.

Одного толчка было достаточно, чтобы пересечь бездну, если только чья-нибудь петля не обматывалась вокруг троса. С петлей Кастора как раз это и случилось, и он остановился. Пришлось распутывать петлю и снова набирать инерцию, перебирая руками по тросу.

Уитситт уже вошел внутрь, но для гостей включил шлюз и оставил его открытым. Стоуны прошли на корабль, где их встретил достопочтенный Джонатан Фрайз, мэр Рок-Сити. Это был маленький лысый человек с небольшим брюшком, острыми веселыми глазами и пером за ухом. Он энергично потряс руку Роджеру.

— Милости прошу, милости прошу! Большая честь принимать вас у себя, господин мэр. Надо бы поднести вам ключ от города и чтобы духовой оркестр играл, девочки танцевали и тому подобное.

— Я бывший мэр и здесь в качестве частого лица,— покачал головой Роджер.— Не надо оркестра.

— А девочки?

— Я женат. Но все равно спасибо.

— Были бы здесь девочки, я бы их придержал для себя. Хотя я тоже женат.

— Вот это верно! — В воздухе появилась полненькая, некрасивая, но очень живая женщина.

— Да, Марта.

Все перезнакомились, и миссис Фрайз увела с собой Хейзел, а близнецы последовали за мужчинами в переднюю часть шара, где помещались склад и магазин. На опорах и растяжках были установлены стеллажи, на которых лежали, привязанные или упакованные в сетки, всевозможные товары и продукты. Дон Уитситт сидел в центре комнаты, обхватив коленями стул, и держал перед собой доску. Рядом с ним во вращающейся полке стояли бухгалтерские книги и папки со счетами покупателей. Перед ним парил старатель. Несколько других рыскали среди полок с товарами.

Видя, что тут есть все, что только может понадобиться горняку, Поллукс порадовался, что они сделали ставку на деликатесы, а потом с сожалением вспомнил, что не так много осталось для продажи. Плоские коты, пока их не заморозили, съели столько, что семье пришлось взяться за изысканные продукты близнецов и питаться икрой и чикагской колбасой.

Поллукс шепнул Кастору:

— Не думал, что конкуренция окажется такой мощной.

— Я тоже.

К мистеру Фрайзу подлыл старатель.

— Твердая Цена, насчет той центрифуги...

— Потом, Сэнди. Я занят.

— Пожалуйста, не отвлекайтесь ради меня,— попросил Роджер.

— Сэнди все равно делать нечего, может и подождать — правда, Сэнди? Пожми руку капитану Стоуну — это его жена починила старого Джока.

— Да ну? Я горжусь, что познакомился с вами! Давно уж мы не слышали такой хорошей новости, как о вашем прибытии. Ты его сразу прими в комитет,— сказал Сэнди Фрайзу.

— Приму. Нынче же вечером проведу совещание по селектору.

— Минутку! — вмешался Роджер.— Я здесь только гость и не имею отношения к вашему городскому комитету.

— Вы не знаете, что такое для наших снова дождаться доктора. А в комитете ничего такого делать не надо — это просто так, чтобы показать, как мы вам рады. И миссис Стоун, то есть доктора Стоун, мы тоже примем, если она захочет. Только ей будет некогда.

Капитан Стоун начал чувствовать себя неуютно.

— Полегче! Мы рассчитываем улететь отсюда при следующем отлете на Землю — а моя жена сейчас не практикует. Мы путешествуем.

— Вы хотите сказать, что она не будет посещать больных? — забеспокоился Фрайз.— Она же оперировала Джока Донахью.

Стоун собрался сказать, что о регулярной практике не может быть и речи, но почувствовал, что его голос здесь решающим не является.

— Она будет принимать больных. Она врач.

— Вот и хорошо!

— Но, милый вы мой человек! Мы не для того сюда явились. Она в отпуске.

— Мы постараемся облегчить ей труд,— кивнул Фрайз.— Не можем же мы ожидать, что леди будет скакать по скалам, как бывало док Шульц. Слыхал, Сэнди? Нечего каждой старательской крысе звать к себе доктора, как только палец заболит. Надо всех оповестить, что,

если кто заболел или поранился, его дело добраться до мэрии, или пусть соседи его доставят, если на него только можно надеть скафандр. Скажи Дону, чтобы набросал мне воззвание.

— Правильно, Твердая Цена,— торжественно кивнул старатель и уплыл.

— Вернемся в ресторан,— предложил Фрайз,— посмотрим, заварила ли Марта свежего кофе. Я бы хотел узнать ваше мнение по некоторым нашим вопросам.

— Честное слово, я не советчик в ваших общественных делах. У вас все по-другому.

— По правде сказать, я просто хочу посплетничать о политике с профи — ведь не каждый день его встретишь. Кстати, пока не ушли — вам ничего не надо купить? Прямо сейчас? Инструмент, кислород, катализаторы? Хотите заняться старательским делом? А если да, то есть ли у вас снаряжение?

— Пока нам ничего не надо — кроме одного: хотелось бы купить, а еще лучше — взять напрокат скутер. Посмотреть окрестности.

— Друг мой,— покачал головой Фрайз,— мне жаль, что вы попросили именно то, чего у меня нет. Сюда хлынули «песчаные крысы» с Марса, а то и с Луны, и у половины нет снаряжения. Берет такой скутер и патентованное иглу — и пропадает, не терпится ему разбогатеть. Но знаете что — месяца через два я жду с Цереры партию ракетных двигателей и баков. Мы с Доном можем тем временем сварить вам каркас, а когда придет «Светлячок», присобачим к нему мотор, вот и все.

— Имея в виду, что следующий отлет на Землю наступит всего через пять месяцев, это очень долго,— нахмурился Роджер.

— Тогда придется придумать что-нибудь еще. Конечно, новый доктор заслуживает всего самого лучшего, и докторская семья тоже. А если...

Какой-то старатель хлопнул Фрайза по плечу.

— Эй, лавочник!

Фрайз потемнел.

— Ко мне следует обращаться «господин мэр»!

— Чего?

— И не видишь ты, что ли — я занят? — Покупатель попятился, а Фрайз продолжал кипеть: — Я известен как «Твердая Цена» от-

сюда и до Троянцев. А если он этого не знает, пусть обращается ко мне по должности — или идет покупать в другом месте. О чем бишь я? А, да! Можно толкнуться к старому Чарли.

— Где это?

— Видели цистерну около мэрии? Это жилье Чарли. Он сумасшедший — старый старатель, который свихнулся от рытья, и отшельник по убеждению. Раньше он держался особняком и ни во что не вмешивался, но, когда начался бум и появилось по десять чужих на одно знакомое лицо, Чарли струхнул и попросился причалить к административному центру. Наверно, испугался, что его кто-нибудь пристрелит и уведет его воронье гнездо. Кое-кто из новоприбывших и на такое способен.

— Похож на старого лунного жителя. А зачем к нему обращаться?

— Ох, совсем я стал плох — уж очень голова забита всяким. У Чарли там что-то вроде лавки старьевщика — подчеркиваю, я бы его хлам и даром не взял. Каждый раз, когда кто-то из старателей умирает или возвращается в сторону Солнца, его барахло оседает у Чарли в норе. Не скажу, чтобы у него был скутер,— разве что взять его собственный, все равно стоит на приколе. Но у него могут быть запчасти, из которых можно что-нибудь сварганить. Вы как, умеете?

— Я — не очень, но у меня для таких дел есть бригада.— Он поискал глазами близнецов и нашел их среди полок с товарами.— Кас! Пол! Подите сюда.

Фрайз объяснил свою мысль, и Кастор кивнул.

— Если это когда-нибудь работало, мы сумеем наладить.

— Вот это молодцы. Ну, пошли пить кофе.

— Папа,— сказал Кастор,— а можно, мы с Полом прямо сейчас посмотрим, что у него есть? Чего тебе время терять?

— Ну-у...

— Тут рукой подать,— сказал Фрайз.

— Ладно, только не прыгайте. Пристегнитесь и держитесь за швартовочный трос.

Близнецы вышли. В шлюзе Пол стал кипятиться, но Кас сказал:

— Ну-ка остынь. Отец просто хочет, чтобы мы были осторожны.

— Да, но зачем при всех-то говорить?

Берлога Чарли, как определили близнецы, раньше была прицепной цистерной для доставки кислорода в колонию. Они вошли в

шлюз и пустили воздух, а когда давление поднялось, потрогали внутреннюю дверь. Она не поддавалась. Поллукс начал молотить в нее гаечным ключом, снятым с пояса, а Кастор — искать сигнальную кнопку. Шлюз тускло освещала люминесцентная трубка.

— Хватит ломиться,— сказал Кастор.— Если он жив, то тебя услышал.

Поллукс послушался и опять подергал дверь, но она оставалась запертой. Изнутри послышался приглушенный голос:

— Кто там?

Кастор посмотрел, откуда идет голос, но не нашел.

— Кастор и Поллукс Стоуны,— ответил он,— с корабля «Перекати-Стоун», Луна.

— Не проведете.— хмыкнул хозяин,— и без ордера арестовать не имеете права. Да я вас и не впущу.

Кастор начал закипать, но Поллукс похлопал его по руке.

— Мы не полицейские. Еще не доросли, чтобы стать легавыми.

— А ну, снимите шлемы.

— Не надо,— сказал Кастор.— Возьмет и пустит шлюз, пока мы разгерметизированы.

Но Поллукс сделал шаг вперед и снял шлем. Кастор, помявшись, последовал его примеру.

— Впустите нас,— мягко попросил Пол.

— Зачем это?

— Мы к вам по делу. Хотим купить у вас кое-что.

— А что у вас есть?

— Мы заплатим наличными.

— Наличные! — сказал голос.— Банки! Правительство! На обмен у вас что-нибудь есть? Шоколад есть?

— Кас,— шепнул Поллукс,— у нас шоколад остался?

— Фунтов шесть-семь, не больше.

— Да, у нас есть шоколад.

— Покажите.

— Что за чушь? — вмешался Кастор.— Пол, пошли опять к мистеру Фрайзу. Вот кто настоящий бизнесмен.

— Не надо! — простонал голос.— Он вас надует.

— Тогда откройте.

Голос, помолчав, сказал вкрадчиво:

— Похоже, вы хорошие ребята. Вы не обидите Чарли? Старого Чарли?

— Конечно, нет. Мы ведь хотим с вами договориться.

Дверь, наконец, открылась, и из мрака выглянуло лицо, изрытое годами и темное при свете Солнца.

— Заходите, да смотрите без фокусов — знаю я вас.

Сомневаясь в том, разумно ли они поступают, близнецы пролезли внутрь. Когда их глаза привыкли к слабому дневному свету трубки в середине помещения, ребята стали осматриваться, а хозяин рассматривал их. Цистерна, снаружи большая, внутри казалась маленькой, до того она была захламлена. Как и у Фрайза, каждый дюйм, каждый угол, каждая ниша были заняты, но если в мэрии царил порядок, то здесь — полный хаос, что у Фрайза было рационально, тут — безумно. Воздух был достаточно свежий, но насыщенный застарелыми загадочными запахами.

Хозяин всего этого походил на тощую обезьянку и был одет в какое-то сплошное темное одеяние, оставляющее открытыми только голову, руки и босые ноги. Поллукс решил, что это — обогреваемое белье, надеваемое иногда под скафандр на дальних перелетах или в пещерах.

Разглядев гостей, старый Чарли усмехнулся и почесал шею большим пальцем ноги.

— Хорошие мальчики,— сказал он.— Я знал, что вы не тронете Чарли. Просто шутил.

— Нам нужен...— начал Поллукс, но локоть Кастора помешал ему продолжить.

Кастор сказал:

— Хорошо у вас тут.

— Удобно. Практично. Как раз для солидного человека. Для человека, который любит подумать в тишине. Или почитать. Вы любите читать, ребята?

— Конечно. Очень.

— Хотите посмотреть мои книги? — Не дожидаясь ответа, Чарли нырнул во тьму, как летучая мышь, и тут же вернулся, неся книги в двух руках и зажав с полдюжины ногами. Притормозив локтями, он остановился.

Книги были старинные, в переплетах — в основном, справочники по управлению кораблями, которых давно не было на свете.

Кастор широко раскрыл глаза, посмотрев на даты издания, и прикинул, сколько бы дал за эти книги Институт астрогации. Среди книг была потрепанная «Жизнь на Миссисипи» Марка Твена.

— Вот, мальчики, смотрите. Располагайтесь поудобнее. Не ожидали встретить начитанного человека посреди этих олухов, а? Вы читать-то умеете?

— Конечно.

— Кто вас знает? Сейчас так странно учат. Прочтешь человеку латинское изречение, а он глядит, будто у тебя не все дома. Вы не голодные? Есть не хотите? — забеспокоился Чарли.

Близнецы заверили его, что недавно хорошо поели. Чарли просветлел.

— Старый Чарли не из тех, что отпустит человека голодным, даже если самому не хватает.— Кастору бросилась в глаза упаковка с консервами — на первый взгляд, там было с тысячу штук. Старик продолжал: — Было время на этом узле — нет, это было на Эмме Лу,— когда человек не садился завтракать, не заперев шлюз и не выключив маяк. Как раз тогда Лаф Дюмон съел Хендерсона-рудокопа. Тот, правда, сначала умер, но наша общественность возмутилась. Собрали суд Линча — теперь называется комитет.

— А зачем он его съел?

— Я же говорю — Хендерсон умер. Но все равно компаньона есть как-то нехорошо, правда?

Близнецы согласились, что это, безусловно, нарушение правил приличия.

— Если бы он хотя приходился Лафу родственником — или надо было им составить такой контракт с подписями и печатью. Вы привидений еще не видели?

От такой внезапной перемены темы разговора близнецы опешили.

— Привидений?

— Увидите еще. Я много раз говорил с Хендерсоном-рудокопом. Говорит, он на Лафа совсем не в обиде и на его месте сделал бы то же самое. Тут полно привидений. Все старатели, которые умерли здесь, не могут вернуться на Землю. Они тут на стационарной орбите, правильно? И ясно же, что нельзя придать ускорение тому, у кого нет массы.— Чарли доверительно наклонился к братьям.—

Иногда их видишь, но чаще всего они шепчут тебе в наушники. И когда они шепчут — слушайте. Это единственный способ найти большую залежь, которую открыли и опять потеряли. Я вам это говорю, потому что вы мне нравитесь, понятно? Слушайте их. А если плохо слышно, вы просто закройте челюстной клапан и задержите дыхание. Тогда яснее будет.

Близнецы поблагодарили за совет.

— А теперь расскажите о себе, ребята.

К удивлению близнецов, Чарли было действительно интересно, он расспрашивал их о подробностях и только изредка вставлял ни к селу ни к городу свои реплики. Наконец, Кастор рассказал о происшествии с плоскими котами.

— Поэтому у нас мало осталось продуктов на продажу. Но шоколад все-таки остался, и другие вещи тоже.

— Плоские коты? — сказал Чарли, покачиваясь взад-вперед на своем насесте.— Сто лет не держал в руках плоского кота. Приятно его подержать, приятно, когда такой зверь в доме. Они философы, если кто правильно понимает. А что вы будете делать со своими плоскими котами?

— Да ничего, наверное.

— Я так и думал. Вы ведь дадите плоского котика бедному старику, у которого нет ни жены, ни детей, ни одной живой души? Старику, который всегда даст вам поесть и зарядит ваш баллон?

Кастор переглянулся с Поллуксом и осторожно подтвердил, что в придачу к сделке, которую они заключат, Чарли обязательно получит плоского кота.

— А что вам нужно-то? Вы говорили про скутер. Сами знаете, у старого Чарли нет скутера — кроме того, который мне нужен, чтобы жить.

Кастор поднял вопрос о запасных частях, из которых можно построить скутер. Чарли поскреб свою дюймовую щетину.

— Ракетный двигатель у меня вроде был — ничего, если в нем пары клапанов не хватает? Или я его продал шведу Гонсалесу? Нет, то другой. Погодите секундочку — я поищу.

Чарли рылся в своих сокровищах секунд шестьсот и, наконец, извлек какой-то железный лом.

— Вот! Почти новый. Такие смекалистые ребята запросто наладят.

— Сколько он, по-твоему, стоит? — спросил Поллукс Кастора.

Кастор пошевелил губами.

— Он нам еще приплатить должен.

На торг ушло еще двадцать минут, но они столковались на трех фунтах шоколада и одном плоском коте.

Глава 17
КОТОТОРГОВЛЯ

Добрых две недели ушло на то, чтобы починить старый кислородно-спиртовой двигатель, и еще неделя, чтобы собрать корпус скутера, в который данный двигатель следовало вставить. Для корпуса взяли трубы с фрайзовского склада вторсырья. Красотой машина не отличалась, но когда ее оборудовали стереорадаром со «Стоуна», на ней стало вполне возможно передвигаться по узлу. Капитан Стоун при виде скутера покачал головой и подверг его бесчисленным испытаниям, пока не убедился, что он надежен, хоть и безобразен.

Тем временем комитет организовал для доктора службу такси. Каждый старатель, работавший в пределах пятидесяти миль от мэрии, обязан был отдежурить по очереди на своем скутере. За каждый рейс водителю платили твердую таксу рудой. Стоуны редко видели Эдит — похоже, граждане Рок-Сити копили свои болезни впрок.

Но им не пришлось снова страдать от нетворческой стряпни Хейзел. Фрайзы пришвартовали «Стоуна» к мэрии и протянули пассажирский рукав от их шлюза к неиспользуемому люку мэрии. Когда доктора Стоун не было, Стоуны питались в ресторане. Миссис Фрайз была отличной поварихой, и в ее гидропонном огороде чего только не росло.

При постройке скутера у близнецов было время поразмыслить о плоских котах. Их озарила мысль, что здесь, в Рок-Сити, существует потенциальный ненасыщенный рынок сбыта. Весь вопрос был в том, как сбыть котов с наибольшей выгодой.

Поллукс предложил торговать вразнос со скутера: он доказывал, что человек, который уже взял плоского кота в руки, непременно его купит. Кастор не соглашался.

— Не пойдет, юнец.

— Почему?

— Во-первых, капитан не даст нам узурпировать скутер: сам знаешь, он считает его корабельным имуществом, созданным экипажем, то есть нами. Во-вторых, мы всю прибыль ухлопаем на горючее. В-третьих, слишком медленно; не успеем мы охватить и трети покупателей, как какой-нибудь идиот начнет кормить своего кота как на убой, появятся котята — и на тебе: рынок будет переполнен плоскими котами. Задача в том, чтобы распродать всех примерно в одно время.

— Можно повесить объявление в магазине, Твердая Цена нам разрешит, а продавать будем прямо со «Стоуна».

— Уже лучше, но недостаточно хорошо. Большинство старателей бывают в магазине не чаще чем раз в три-четыре месяца. Нет, сэр, надо придумать мышеловку похитрее, чтобы покупатель сам проложил тропу к нашей двери.

— Никогда не мог понять, зачем нужны мышеловки. Разгерметизируй отсек, и все мыши в нем подохнут.

— Просто такой оборот речи. Юнец, как оповестить Рок-Сити о плоских котах?

И они нашли способ. Пояс, несмотря на свою необъятность — или благодаря ей,— живет так же тесно, как любая деревня. Сплетнями обмениваются по скафандровым рациям. Живя в усеянной звездами тьме, приятно сознавать, что милях в пятистах есть человек, который слетает и посмотрит, в чем дело, если ты долго не выйдешь на связь.

С узла на узел сплетни передаются по более мощным рациям. Известия о смерти, о большой находке или о несчастном случае облетают весь пояс просто со скоростью света. Узел Горькое Горе находится в шестидесяти шести световых минутах по орбите от Аллилуйи, и порой свежие новости доходили туда часа за два, и это с учетом многочисленных передач из уст в уста.

В Рок-Сити была даже своя радиостанция. Твердая Цена дважды в день принимал новости с Земли, а потом передавал их в эфир с собственными солеными комментариями. Близнецы решили выпустить свою радиопередачу — музыка, конферанс и реклама. Обязательно реклама. У них было полно записей, которые можно было

крутить по радио, а потом продавать вместе с портативными проекторами.

Так они и сделали. Программа оказалась не блеск, но, в конце концов, конкурентов у них не было, а задаром почему не послушать. Сразу после заключительной фразы мэра Кастор говорил:

— Не расходитесь, соседи! Вас снова ожидают два часа музыки и смеха — а также информация о том, где что можно выгодно купить. Но сначала — тема нашей передачи: теплое и дружеское мурлыканье марсианского плоского кота.

Поллукс подносил Мохнатые Штаны к микрофону и гладил его. Добродушный зверек всегда громко мурлыкал в ответ.

— Хорошо возвращаться, когда тебя ждет это дома! А теперь немного музыки. «Солнечная шестерка» Гарри Вайнштейна с хитом «Высокое притяжение». Позвольте напомнить вам, что эту запись, как и все, что звучит в нашей программе, можно исключительно дешево купить в переулке Плоского Кота рядом с мэрией — как и трехпрограммные проекторы «Аякс» производства «Джайант Джуниор» — звук, видео, стерео. «Солнечная шестерка» — давай, Гарри!

Иногда они устраивали интервью — Кастор задавал вопросы, а Поллукс отвечал.

— У нас в студии находится один из знаменитых жителей нашего города, Рудольф Каменная Голова. Мистер Рудольф, весь Рок-Сити хочет послушать вас. Скажите, вам нравится здесь?

— Не-а.

— Но вы, наверно, зарабатываете большие деньги, мистер Рудольф?

— Не-а.

— Но вы добываете достаточно, чтобы хватало на жизнь?

— Не-а.

— Нет? Тогда что же привело вас сюда?

— Кореш, а ты когда-нибудь был женат?

Затем следовал тупой удар, стон и знакомое всем шипение шлюза. Кастор продолжал:

— Извините, друзья. Мой помощник только что выставил мистера Рудольфа за дверь. Тому, кто купит плоского кота, которого мы берегли для мистера Рудольфа, мы подарим красивый плакат, напечатанный в чудесных живых красках на несгораемой бумаге. Не хочу

вам даже говорить, сколько стоит такой плакат на Церере — мне больно думать, по какой низкой цене продаем их мы. Но наш запас ограничен. Первому человеку, который войдет в эту дверь, чтобы купить плоского кота... Закройте дверь! Закройте дверь! Хорошо, хорошо — вы получите плакаты все трое, нам тут драки не нужны, только придется подождать до конца передачи. Извините, соседи, небольшая неувязка, но мы уладили ее без кровопролития. Правда, я оказался перед дилеммой. Я дал вам обещание и не знал, что за этим последует. Слишком много покупателей уже стучится в дверь переулка Плоского Кота. Чтобы выполнить свое обещание, придется мне расширить его — не первый, не второй и не третий, а следующие двадцать покупателей абсолютно бесплатно получат этот потрясающий плакат. Не нужно денег — мы принимаем руду и графит по стандартным расценкам.

Иногда, для разнообразия, близнецы просили спеть Мид. Она не тянула на настоящую певицу, но у нее было теплое, проникновенное контральто. Послушав ее, человек, у которого не было даже плоского кота, должен был почувствовать себя очень одиноко. Мид действовала даже лучше, чем гладкие профессиональные записи, и братья решили выделить ей заслуженный процент.

Но главное заключалось в самих плоских котах. Пришельцы с Марса, чуть ли не все до единого, накупили их себе, как только узнали, что они продаются, и каждый владелец плоского кота сделался бесплатным коммивояжером фирмы. Старатели с Луны, а то и с Земли, которые плоских котов прежде в глаза не видели, получили возможность познакомиться с ними, погладить, послушать гипнотическое мурлыканье — и пропали. Эти зверьки сначала с новой силой пробуждали подавленное чувство одиночества, а потом смягчали его.

Кастор держал Мохнатые Штаны у микрофона и ворковал:

— А вот и наша милочка Молли Малоун. Спой для ребят, солнышко.

И гладил Мохнатые Штаны, а Поллукс прибавлял громкость.

— Нет, Молли мы отдать не можем — она член семьи. Но у нас есть Ясноглазка. Нам бы и с ней не хотелось расставаться, но нельзя же быть эгоистами. Поздоровайся с друзьями, Ясноглазка.— И гладил Мохнатые Штаны.— Мистер П., а теперь дайте Бархотку.

Запас плоских котов в морозильнике постепенно таял, запас руды возрастал.

Роджер Стоун встретил предложение оставить парочку на развод решительным отказом. «Одного кошачьего нашествия достаточно, заявил он. Мохнатые Штаны может остаться, на урезанном пайке, но только он один».

Близнецы выискивали последних в углах трюма и подумывали о ликвидации предприятия, когда после одной из передач к ним пришел усталый седой человек. Он держался за спинами других покупателей, пока близнецы продавали котов. С ним была девочка чуть постарше Лоуэлла. Кастор раньше его не видел, но догадался, что это, наверное, мистер Эрска. Холостяков на узле было гораздо больше, чем женатых, а семьи с детьми были большой редкостью. Семья Эрска жила, кое-как перебиваясь, вниз по орбите к северу, в мэрии их видели редко. Мистер Эрска говорил на бейсике с некоторым трудом, миссис Эрска на нем совсем не говорила. Они принадлежали к какому-то маленькому народу — кажется, были исландцами.

Когда покупатели разошлись, Кастор с профессиональной улыбкой представился ему. Да, это был мистер Эрска.

— Чем могу служить, сэр? Вам плоского кота?

— Боюсь, что нет.

— Как насчет проектора? С дюжиной лент к нему? Как раз для семейного вечера.

Мистер Эрска нервничал.

— Да, это хорошо, конечно. Нет.— Он потянул девочку за руку.— Пойдем, детка.

— Не спешите. Мой маленький брат где-то здесь — только что был. Он будет рад познакомиться с вашей девчушкой. Может, он на склад пошел — сейчас посмотрю.

— Мы лучше пойдем.

— Куда спешить? Он где-то недалеко.

— Моя дочка,— смущенно сказал мистер Эрска,— слышала вашу передачу и хотела посмотреть плоского кота. Теперь она видела, и мы пойдем.

— А-а...— Кастор подплыл к девочке.— А хочешь подержать его, солнышко?

Она не ответила, но торжественно кивнула.

— Мистер П., принесите Герцогиню.

— Сейчас, мистер К.

Поллукс отправился на корму и принес Герцогиню — первого кота, который попался ему под руку, разумеется. Идя обратно, Поллукс согревал его на животе, чтобы тот скорей отошел. Кастор взял у него кота и стал массировать, пока тот не распластался и не открыл глаза.

— Вот, золотко. Держи, не бойся.

Девочка молча взяла зверька на руки и прижала к себе. Кусочек меха вздохнул и замурлыкал. Кастор спросил ее отца:

— Не хотите взять дочке кошечку?

— Нет-нет! — покраснел тот.

— Почему? Ведь с ними никаких хлопот. Она полюбит ее, и вы тоже.

— Нет!

Отец попытался забрать кота у дочери, говоря ей что-то на незнакомом языке. Девочка не отпускала животное и ответила отцу, как всем стало ясно, отказом. Кастор задумался.

— Вы хотели бы купить ей кошку, да?

— Я не могу,— ответил отец, глядя в сторону.

— Но хотите.— Кастор посмотрел на Поллукса.— А вы знаете, мистер Эрска, что вы — наш пятисотый покупатель?

— Что?

— А разве вы не слышали наше объявление? Наверно, пропустили передачу. Пятисотый плоский кот вручается абсолютно бесплатно.

Девочка, наверно, не совсем поняла, в чем собственно дело, но еще крепче прижала к себе Герцогиню. Ее отец замялся.

— Вы шутите?

— Спросите мистера П.,— засмеялся Кастор.

— Чистая правда, мистер Эрска,— солидно кивнул Поллукс.— Так мы отмечаем удачный сезон. Один плоский кот бесплатно и с наилучшими пожеланиями администрации. И в придачу один плакат или два леденца — что предпочитаете.

Мистер Эрска, кажется, не совсем поверил, но ушли они с Герцогиней и леденцами — все это девочка крепко прижимала к себе. Когда за ними закрылась дверь, Кастор недовольно сказал:

— Нечего было отдавать еще и леденцы. Это последние, я их не хотел продавать.

— А мы их и не продали, а подарили.

Кастор усмехнулся и пожал плечами.

— Ладно, надеюсь, у нее от них живот не заболит. Как ее зовут-то?

— Не слышал.

— Ничего, наша миссис Фрайз должна знать.— Кастор обернулся и увидел в люке Хейзел.— А ты-то чего ухмыляешься?

— Да так, ничего. С удовольствием наблюдаю за работой двух жестких бизнесменов.

— Деньги — это еще не все!

— Кроме того,— добавил Поллукс,— это хорошая реклама.

— Реклама? Когда вы распродали почти весь товар? — Хейзел усмехнулась.— Не было никакого объявления, и ставлю шесть против одного — никакой он не пятисотый.

Кастор смутился.

— Ну и что же, если девчушке так хотелось! Что бы ты сделала на нашем месте?

Хейзел подплыла к ним и обняла обоих за шеи.

— Мальчики! Я начинаю думать, что вы еще сможете подрасти и лет через тридцать-сорок-пятьдесят примкнуть к человечеству.

— Ну, Хейзел, перестань.

Глава 18
ЧЕРВЯК, КОТОРЫЙ ВЫЛЕЗ ИЗ ГРЯЗИ

Расчеты после операции с котами оказалось произвести непросто. Все коты являлись потомками Мохнатых Штанов, который был движимым имуществом Лоуэлла. Но рост их поголовья находился в прямой зависимости от еды, которой их кормили все,— что, в свою очередь, вынудило семью взяться за продовольственные товары близнецов, и убытки обернулись прибылью лишь благодаря творческой инициативе последних. С другой стороны, близнецы свободно пользовались основными фондами (кораблем и электроникой), принадлежащими всей семье. Но как вычислить предполагаемую

стоимость съеденных деликатесов? Уж конечно, она выше, чем закупочная цена плюс стоимость топлива.

Роджер вынес соломоново решение. Из валовой прибыли следует выделить долю Мид за пение, близнецам возместят стоимость товаров, которые были съедены, а остаток делится на три части между близнецами и Лоуэллом. Расчет должен состояться после того, как из руды на Церере извлекут металл, а металл продадут на Луне.

Пока что Роджер дал согласие выдать близнецам из их денег аванс для дальнейших операций. Фрайз обещал оплатить его чек, выписанный на банк «Луна-Сити нейшнл».

Но близнецы никак не могли придумать, куда бы им вложить деньги. Сначала они решили заняться в свободное время старательством, но несколько рейсов на скутере убедили их в том, что это дело для профессионалов, да и те обычно едва перебиваются. Только укоренившаяся иллюзия, что следующий камень окажется «тем самым» и возместит годы тяжкого труда, поддерживала старых горняков. А близнецы теперь слишком хорошо изучили статистику и привыкли верить скорее в свои способности, чем в удачу. Находка же рудоносного астероида была чистейшей игрой случая.

Однажды братья совершили длинный рейс в самую толщу узла — полторы тысячи миль туда и обратно. Это заняло у них целые сутки. Они поставили скутер на небольшую скорость — 150 миль в час и пустили его плыть, рассчитывая остановиться, если попадется подходящий камень. У Фрайза они одолжили маяк-рейку, пообещав заплатить, если заберут его себе.

Но платить не пришлось. То и дело они замечали в стереорадаре крупный объект, но подойдя к нему миль на тридцать, слышали сигналы чужого маяка. Наконец они нашли-таки солидную группу камней, поравнялись с ней, пристегнули самые длинные тросы (отец категорически запретил им прыгать) и занялись исследованием. Не имея ни опыта, ни центрифуги, удельный вес они определяли, энергично прижимая камень к себе — по степени сопротивления приблизительно вычислялась инерция. Взятый взаймы счетчик Гейгера радиоактивности не показывал, и близнецы искали более ценный графит.

За два часа такой деятельности они здорово устали, но не сделались богаче.

— Дедуля,— заявил Поллукс,— тут сплошная отработанная порода.

— Если бы! Тут вообще одна пемза.

— Поехали домой?

— Ага.

Они развернули скутер с помощью маховика и навели его на маяк мэрии, разогнав до 400 миль в час,— это было все, что они могли выжать на оставшемся топливе, иначе пошли бы и на превышение скорости. Их беспокоила мысль, что они задержались, и хотелось поскорей добраться домой: даже в самом лучшем скафандре трудно выдержать долго. Правда, они знали, что родители особо волноваться не будут: близнецы еще не могли связаться с ними по своим рациям, но пустили по узлу слух о своем возвращении.

Отец действительно не волновался, но следующую неделю близнецы провели в заточении на корабле за то, что не вернулись вовремя.

Потом долго не случалось никаких происшествий, не считая того, что Роджер потерял дыхательную маску, принимая душ, и чуть не захлебнулся, по его утверждению, пока не нашел клапан и не перекрыл его. Вещей, которые легче делать при силе тяжести, чем в невесомости, очень мало, но купание как раз относится к таковым.

Доктор Стоун продолжала свою практику, которая теперь несколько сократилась. Иногда ее возил дежурный старатель, иногда близнецы. Однажды утром в свои приемные часы она пришла из мэрии на «Стоун» в поисках сыновей.

— Где мальчишки?

— Я их не видела с самого завтрака,— ответила Хейзел.— А что?

— Да так,— чуть нахмурилась доктор Стоун.— Попрошу мистера Фрайза вызвать мне скутер.

— Ты на вызов? Я тебя отвезу, если только эти обормоты не взяли наш скутер.

— Не надо, мама Хейзел.

— Мне это в радость. И я давно обещала покатать Лоуэлла. Или это надолго?

— Вряд ли. Это всего в восьмистах милях от нас.— Доктора не касались местные ограничения скорости.— Доберемся за два часа, чтобы сэкономить горючее.

И они отправились, прихватив радостного Вундера. Четверть горючего Хейзел оставила про запас и рассчитала максимальное ускорение для оставшегося количества, прикинув в уме отношение масс. Даже и без докторской привилегии в том секторе можно было без опаски превысить скорость — они находились в «редкой» части узла.

Целью их путешествия была старинная крылатая ракета — крылья отрезали и сварили из них надстройку вроде палатки, чтобы увеличить размер жилья. Хейзел это напоминало лачугу в районе трущоб, но так выглядели многие корабли в Рок-Сити. Приятно было войти, выпить чаю и хоть ненадолго снять с Лоуэлла скафандр. Больной, мистер Икерс, лежал в лубке, а его жена не умела водить скутер — поэтому доктор Стоун и согласилась на домашний визит.

Пока они были там, доктора Стоун вызвали по радио, и она с озабоченным видом вышла в общую комнату.

— Что там? — спросила Хейзел.

— Миссис Силва. Неудивительно — это ее первый ребенок.

— Ты узнала координаты и позывные маяка? Я тебя доставлю туда.

— А Лоуэлл?

— А? Да. Малыш слишком долго пробыл в скафандре.

Миссис Икерс предложила оставить ребенка у нее. Не успел Лоуэлл надуться по этому поводу, как доктор Стоун сказала:

— Спасибо, но в этом нет необходимости. Сюда направляется мистер Силва. Я как раз собиралась сказать, мама Хейзел,— может, я лучше полечу с ним, а вы с Лоуэллом вернетесь домой одни? Не возражаешь?

— Конечно, нет. Замолчи, Лоуэлл! Мы будем дома через три четверти часа, и я уложу его спать или отшлепаю, смотря по обстоятельствам.

Хейзел отдала доктору Стоун один из двух запасных баллонов с кислородом — взять оба Эдит отказалась. Хейзел рассчитала новое отношение масс: без Эдит, ее скафандра и запасного баллона у нее оставалось лишнее горючее. Лучше разогнаться как следует и попасть домой до того, как детеныш разнюнится.

Хейзел настроилась с помощью маховика на мэрию, проверила курс по стереорадару, немного повернулась вокруг оси, чтобы Солнце не светило в глаза, подключила гироскопы и запустила двигатель.

В следующий момент они закувыркались, как лайнер в невесомости. Хейзел, в силу привычки, сообразила, что надо убрать тягу, но двигатель работал вхолостую, время шло, а она беспомощно болталась на сиденье, повиснув на ремнях, пока наконец не нащупала рычаг.

Снова оказавшись в невесомости, она постаралась рассмеяться.

— Здорово, а, Лоуэлл?

— Давай еще раз, бабушка!

— Нет уж, хватит.

Хейзел быстро обдумала ситуацию. Что могло испортиться в этом суденышке, где всего-то и есть, что ракетный двигатель, открытый каркас с сиденьями и пристежными ремнями да минимум приборов управления? Это, конечно, гироскопы — двигатель сработал как часы. Хейзел заметила, что гироскопы чуть колеблются — это было единственным свидетельством недавнего кувыркания. Она осторожно поправила их рукой, придвинув шлем к футляру, чтобы проверить работу на слух.

И только потом попыталась определить, где они находятся и куда направляются. Так, Солнце там, а Бетельгейзе вон там,— значит, мэрия должна быть в той стороне. Хейзел прижала шлем к полукруглому окошку стереорадара. Ага, точно!

Дом Икерсов был естественной ближней целью, от которой следовало вычислять вектор. Хейзел нашла их корабль и испугалась, увидев, как он далеко. Должно быть, их порядком отнесло, пока она возилась с гироскопами. Она прикинула скорость и величину вектора — и присвистнула. «Маловато магазинов по дороге,— подумала она,— и жилья тоже. Не повредит связаться с миссис Икерс — сказать ей о том, что случилось, и попросить ее сообщить в мэрию — так, на всякий случай».

Но миссис Икерс не отвечала. «Вот лентяйка,— с горечью подумала Хейзел,— отключила, поди, рацию и спит себе. Неряха — сразу видно по тому, как выглядит ее дом и как в нем пахнет».

И все же Хейзел продолжала вызывать миссис Икерс или любого, кто мог оказаться в пределах ее скафандрового радио. А сама тем временем снова навела скутер на мэрию, учитывая смещение на новом векторе. На этот раз она действовала осторожно и была начеку, поэтому потеряла всего несколько секунд, когда выбило гироскопы.

Хейзел отключила их и выбросила из головы, а потом тщательно обдумала ситуацию. Жилище Икерсов превратилось в светящуюся точку на небе, которая уменьшалась почти на глазах, но могла еще служить пунктом отсчета. Хейзел не нравился ее теперешний курс. Как всегда, казалось, что они неподвижно стоят в самом центре звездного шара, но приборы показывали, что они движутся в открытый космос, за пределы узла.

— Что случилось, бабушка Хейзел?

— Ничего, малыш, ничего. Бабушке надо остановиться и посмотреть на дорожные знаки, вот и все.

Хейзел подумала, что охотно отдала бы свой шанс на вечное блаженство за автоматический сигнал тревоги и радиомаяк. Она протянула руку к Лоуэллу, отключила его радио и несколько раз повторила призыв о помощи. Ответа не было. Хейзел снова включила Лоуэллу радио.

— Ты зачем это сделала, бабушка Хейзел?

— Просто проверяла.

— Обманываешь! Ты боишься! Почему?

— Нет, милый, не боюсь — ну разве что немножко волнуюсь. А теперь тихо, бабушке надо работать.

Хейзел осторожно выровняла скутер маховиком и осторожно поправила его, когда он попытался отклониться. Надо было сойти с этого гибельного курса и направить скутер на мэрию. Гироскопы Хейзел намеренно не включала. Она заново пристегнула Лоуэлла и проверила, как он сидит.

— Сиди смирно,— предупредила она.— Только пальчиком шевельни, и бабушка снимет с тебя скальп.

Так же тщательно Хейзел уселась сама, вычисляя в уме плечи рычага, массу и угловой момент. Придется уравновешивать скутер без гироскопов.

«А теперь,— сказала она себе,— посмотрим, Хейзел, кто ты: пилот или так себе любитель».

Придвинув шлем к радару, она навела сетку прицела на отдаленную метку мэрии и включила двигатель.

Метка заколебалась, и Хейзел попыталась восстановить равновесие, сдвинувшись на сиденье. Когда метка быстро поехала вбок, Хейзел тут же отключила тягу. И снова проверила курс. Их положение

несколько улучшилось. Хейзел снова позвала на помощь, не забыв выключить радио Лоуэлла. Он ничего не сказал, и вид у него был сумрачный.

Хейзел повторила попытку, снова отключив двигатель, как только скутер скособочился. Проверила курс, позвала на помощь — и повторила все снова. Она проделывала это раз десять, и при последней попытке двигатель заглох на полном ходу.

Раз топливо кончилось, можно было не суетиться. Хейзел старательно выверила курс по кораблю Икерсов, теперь совсем далекому, и сверила его с меткой мэрии на экране, не переставая звать на помощь. После этого она убедилась, что в каком-то смысле преуспела. Теперь они, вне всякого сомнения, направлялись к мэрии и не могли разойтись с ней больше чем на несколько миль, которые можно преодолеть и в скафандре. Но если курс был верен, то скорость оказалась до омерзения низкой. Расстояние 650 миль, а скорость — 40 миль в час. Шестнадцать часов ходу.

«А так ли уж нужен был Эдит запасной баллон?» — подумала Хейзел.

Уровнемер ее собственного показывал половину. Она еще раз обратилась с призывом о помощи и еще раз решила в уме свою задачу — вдруг ошиблась в десятичных знаках? При повторной настройке радара на мэрию огонек в стереоприборе стал бледнеть и погас. Услышав, как выражается Хейзел, Лоуэлл спросил:

— А теперь что, бабушка?

— Ничего такого, чего бы не следовало ожидать. Есть такие дни, миленький, когда и вставать-то утром не стоит.

Причина, как вскоре выяснила Хейзел, была до того проста, что ничего нельзя было поделать. Стереорадар перестал работать, потому что разрядились все три патрона в его батарее. Следовало сознаться, что Хейзел пользовалась им долго и потратила много энергии.

— Бабушка Хейзел! Я хочу домой!

Хейзел отвлеклась от тревожных мыслей, чтобы ответить ребенку.

— Мы и летим домой, моя радость. Только нам еще долго.

— А я сейчас хочу домой!

— Прости, но сейчас не получится.

— А я...

— Замолчи — а то, когда достану тебя из скорлупки, так задам, что долго будешь помнить. Увидишь.— И Хейзел снова обратилась за помощью.

Лоуэлл, как это с ним бывало, мигом успокоился.

— Вот так-то лучше,— одобрила Хейзел.— Хочешь, сыграем в шахматы?

— Нет.

— Трусишка. Боишься, что я тебя побью. Спорим на три щелчка?

Лоуэлл подумал.

— А я буду белыми играть?

— Играй. Все равно побью.

К немалому удивлению Хейзел, так и вышло. Игра затянулась: Лоуэлл не привык еще так, как Хейзел, представлять себе шахматную доску, и приходилось несколько раз брать обратно ход, пока мальчик не запомнил расположение фигур. Через каждые два хода Хейзел звала на помощь. В середине игры ей пришлось отсоединить свой кислородный баллон и заменить его запасным. У нее и у мальчика кислорода было поровну, но маленький Лоуэлл расходовал его гораздо медленнее.

— Ну что, еще разок? Хочешь реванш?

— Нет! Я хочу домой.

— Мы летим домой, дорогой.

— А долго еще?

— Ну... еще не очень скоро. Я расскажу тебе сказку.

— Какую?

— Про червяка, который вылез из грязи.

— У-у, я эту знаю! Она мне надоела.

— Я тебе еще не всю рассказала. И она никак не может надоесть, потому что у нее нет конца — всегда что-нибудь новенькое.

И Хейзел в который раз стала рассказывать, как червяк выполз из ила — не потому, что ему не хватало еды, не потому, что там, под водой, было плохо, холодно или неуютно,— как раз наоборот. Просто этот червяк был беспокойный. И как он вылез на сушу и отрастил ножки. Как потом некоторые червяки стали слонами, а некоторые — обезьянами, и они отрастили руки и начали делать разные вещи. Как потом, все еще не находя себе покоя, они отрастили крылья и устремились к звездам. Долго, долго рассказывала Хейзел, прерываясь только для того, чтобы позвать на помощь.

Ребенок то ли заскучал и пропускал ее рассказ мимо ушей, то ли слушал с удовольствием, а потому сидел тихо. Когда Хейзел замолчала, он сказал:

— Расскажи другую сказку.

— Не сейчас, дорогой.

Баллон Лоуэлла был на нуле.

— Ну давай! Расскажи новую, получше.

— Не сейчас. А эта история — самая лучшая история, которую знает Хейзел. Самая лучшая. Я рассказала тебе ее снова, потому что хочу, чтобы ты ее запомнил.

Хейзел увидела, как загорелся красным тревожным огоньком дыхательный индикатор мальчика, спокойно отсоединила свой ополовиненный баллон, закрыла бесполезные теперь клапаны и подключила баллон к скафандру внука. Сначала она подумывала, не подключить ли баллон крест-накрест к обоим скафандрам, но отказалась от этой мысли.

— Лоуэлл...

— Что, бабушка?

— Послушай меня, дорогой. Ты слышал, как я звала на помощь. Теперь это придется делать тебе — через каждые несколько минут.

— Почему?

— Потому что Хейзел устала, дорогой. Хейзел нужно поспать. Обещай мне, что будешь это делать.

— Ну ладно.

Хейзел старалась сидеть совсем смирно, чтобы как можно дольше хватило воздуха, оставшегося в скафандре. Не так уж все было и плохо. Правда, она хотела увидеть Кольца, но все-таки и без них многое повидала. У каждого, наверно, есть свой Каркассонн — ей не о чем жалеть.

— Бабушка! Бабушка Хейзел!

Она не отвечала. Лоуэлл подождал и начал плакать — горько и безнадежно.

Доктор Стоун, вернувшись к себе на корабль, нашла там только мужа. Поздоровавшись с ним, она спросила:

— А где Хейзел, дорогой? И Лоуэлл?

— Разве вы не вместе вернулись? Я думал, они зашли в магазин.

— Не может быть.

— Что не может быть?

Эдит объяснила, в чем дело, и Роджера как громом поразило.

— Они улетели одновременно с тобой?

— Собирались. Хейзел сказала, что они будут дома через сорок пять минут.

— Значит, они остались у Икерсов — это ясно как день. Сейчас выясним.— И он бросился к двери.

Близнецы, вернувшись, застали и дома, и в мэрии полный переполох. Они провели несколько интересных и поучительных часов у старого Чарли.

Отец, оторвавшись от рации, спросил их:

— Вы где были?

— У Чарли в берлоге. А что случилось?

Роджер объяснил. Близнецы переглянулись.

— Папа,— тревожно сказал Кастор,— ты говоришь, что Хейзел возила маму на нашем скутере?

— Конечно.

Близнецы снова обменялись взглядами.

— А что с ним такое? Говорите.

— Да видишь ли... одним словом...

— Говори!!!

— Там один гироскоп разболтался — подшипник, что ли,— с несчастным видом сознался Поллукс.— Мы как раз собирались его чинить.

— Собирались? Сидя у Чарли?

— Мы как раз и пошли к нему за деталями — ну и засиделись.

Отец несколько секунд смотрел на них без всякого выражения на лице, потом сказал ровным голосом:

— Вы оставили одну из систем корабля в неисправности. Не записали об этом в бортжурнал. Не доложили капитану.— Он помолчал.— Отправляйтесь в свою комнату.

— Но, папа, мы же хотим помочь!

— Оставайтесь у себя. Вы под арестом.

Близнецы сделали, как было приказано. Тем временем весь Рок-Сити поднялся на ноги. По радио передавали: пропали докторский сынишка и его бабушка. Заправляйте скутера, будьте наготове. Оставайтесь на этой волне.

— Пол, да не дергайся ты!

— Как я могу не дергаться?

— Не пропадут они, не могут пропасть. Да их стереорадар будет гореть на всех экранах, как прожектор.

— Не знаю,— задумался Поллукс.— Помнишь, я говорил, что в батарее, кажется, высоковольтный пробой?

— Я думал, ты его наладил.

— Собирался — после того как починйм гироскоп.

— Плохо,— вздохнул Кастор.— Вот это по-настоящему плохо. Но ты все равно не дергайся. Давай лучше думать. Что у них произошло? Надо восстановить картину.

— Что произошло? Смеешься, что ли? Эта зараза перевернулась, а там все возможно, раз управление вышло из строя.

— Думай головой, я сказал. Что будет делать Хейзел в этой ситуации?

Оба некоторое время молчали, потом Поллукс сказал:

— Кас, этот гад всегда кувыркается в левую сторону, так ведь?

— Всегда.

— И что нам это даст? Откуда мы знаем, где левая сторона?

— Нет! Ты спрашивал, что бы стала делать Хейзел. Она бы, конечно, взяла курс домой — а Хейзел всегда выходит на курс так, чтобы Солнце светило ей в затылок, если только возможно. У нее не все ладно со зрением.

Кастор сморщился, пытаясь представить себе картину.

— Скажем, Икерсы здесь, а мэрия — там; если Солнце в этой стороне, то, если он перевернется, их отнесет сюда.— Он показал куда.

— Точно, точно! Если координаты были правильные, конечно. Но что бы она еще сделала? Что бы сделал ты? Вернулся бы на прежний курс, то есть курс на мэрию.

— Как она могла бы это сделать? Без гироскопов?

— А ты подумай. Разве ты бы сдался? Хейзел у нас пилот и управляется с этой штукой словно с метлой. Значит, она вернется — или попытается вернуться — в этом направлении, а все будут искать ее здесь,— опять показал Поллукс.

— Возможно,— нахмурился Кастор.

— Я тебе говорю. Ее будут искать в конусе вершиной к Икерсам, а надо в конусе вершиной сюда, и притом только по одной его стороне.

— Пошли! — сказал Кастор.

— Папа сказал, что мы под арестом.

— Пошли, говорю!

Мэрия опустела, только миссис Фрайз с покрасневшими глазами дежурила у рации. Она покачала головой.

— Пока ничего.

— Где бы нам найти скутер?

— Не найдете. Все на поисках.

Кастор потянул Поллукса за рукав.

— Старый Чарли.

— Да? Скажите, миссис Фрайз, а Чарли тоже отправился на поиски?

— Вряд ли он знает о них.

Близнецы напялили скафандры, для скорости выпустили весь воздух из шлюза и не стали пристегивать тросы. Старый Чарли впустил их.

— Что за шум, ребята?

Кастор объяснил. Чарли покачал головой.

— Плохо дело, да. Жалость-то какая.

— Чарли, нам нужен твой скутер.

— Прямо сейчас,— добавил Поллукс.

— Вы что, смеетесь? — изумился Чарли.— Я только один и могу с ним управляться.

— Чарли, тут дело серьезное! Он нам нужен, и все!

— Вы с ним не справитесь.

— Мы оба пилоты.

Чарли задумчиво зачесался, а Кастор размышлял, не стукнуть ли его и не забрать ли ключи — но ключей при нем могло и не быть, а как найдешь их в этой куче хлама? Наконец, Чарли сказал:

— Ну, если уж надо, я лучше сам его поведу.

— Ладно, ладно! Скорей! Надевай скафандр!

— Не спешите так. Тише едешь — дальше будешь.— Чарли нырнул в свой кавардак и почти сразу же вынырнул со скафандром, который, на первый взгляд, состоял из одних завулканизированных заплат.— А, пес его возьми,— жаловался Чарли, пытаясь влезть в него,— сидела бы ваша мать дома да занималась бы своим делом, ничего бы такого не случилось.

— Заткнись и поторапливайся!

— Я и так быстро. Она меня помыться заставила. Не нужны мне никакие доктора. Вся живность, которая меня кусает, тут же дохнет.

Когда Чарли выудил свой скутер из кучи железа, которая болталась у его жилья, близнецы поняли, почему он отказался сдать им его напрокат. Охотно верилось, что никто, кроме Чарли, управлять им не сможет. Мало того, что машина была древняя, латанная запчастями от других моделей, так еще и пульт управления был рассчитан на пилота с четырьмя руками. Чарли так долго жил в невесомости, что научился работать ногами не хуже обезьяны. Даже скафандр у него был устроен так, что между большим пальцем ноги и остальными пальцами был промежуток, как в японских носках.

— Залезайте. Куда лететь-то?

— Знаешь, где живут Икерсы?

— Конечно знаю. Сам жил в той стороне. Пустынные места. Вон там,— показал он,— на полградуса вправо от той звездочки второй величины, миль восемьсот-восемьсот десять.

— Кастор, может, проверить в мэрии сводки смещений?

— Я Рок-Сити знаю,— возмутился Чарли,— и я в курсе всех смещений. Приходится быть.

— Тогда вперед.

— К Икерсам?

— Да нет...— Кастор вытянул шею, прикинул положение Солнца, представил себя на месте Хейзел, отправляющейся домой.— Туда, что ли, Пол?

— Если правильно угадали, то да.

Чарли установил на своей старой посудине большие баки и мог развить на ней сильное ускорение. Двигатель работал как часы, не хуже других, но радара на скутере не было.

— Чарли, как же ты узнаешь, где находишься?

— А вот.— И он предъявил старинную рамочную антенну радиокомпаса. Близнецы никогда такой не видывали, а принцип ее работы знали только из теории. Они учились летать по радару, а не на слух. Видя их лица, Чарли сказал: — Если человек умеет определить угол на глаз, на кой ему вся эта механика. В двадцати милях от мэрии я даже двигатель на скафандре не включаю — прыгаю, и все.

Они стартовали в направлении, которое указали близнецы. Включив двигатель, Чарли показал им, как обращаться с радиокомпасом.

— Подключите к скафандру, где гнездо для телефона. Если приняли сигнал, поворачивайте антенну, пока не доведете его до минимальной громкости. А направление сигнала укажет стрелка посередине антенны.

— Но в какую сторону? У стрелки-то две стороны.

— Надо знать. А если неправильно угадаешь, вернешься и попробуешь еще раз.

Первым нес вахту Кастор. Он принимал множество сигналов — весь узел переговаривался, передавая друг другу тревожные новости. Кастор убедился, что рамка, хоть и не обладает избирательностью антенны-тарелки, все же принимает одновременно только один сигнал, и непрерывно вертел антенну, выслушивая каждый сигнал достаточно долго, чтобы определить, не Хейзел ли это. Поллукс похлопал его по плечу и придвинул к нему шлем.

— Есть что-нибудь?

— Одна болтовня.

— Продолжай принимать. Будем искать, пока не найдем. Хочешь, сменю?

— Нет. Если мы их не найдем, я вообще не вернусь.

— Брось свой дешевый героизм и слушай. Или давай мне антенну.

Мэрия исчезла за кормой, превратившись в точку в небе. Кастор, наконец, неохотно передал антенну Поллуксу. Тот послушал минут десять и вдруг замахал руками, призывая остальных к тишине, хотя слышать их никак не мог. Кастор, придвинув к нему шлем, спросил:

— Что там?

— Вроде, ребенок плачет. Может, это Вундер?

— Где?

— Потерял, когда сводил к минимуму. И не могу найти опять.

Чарли развернул скутер, как только закончил ускорение, предчувствуя, что это понадобится. Теперь он включил двигатель на величину прежнего ускорения, поставив скутер неподвижно относительно мэрии и узла. Добавочный легкий толчок медленно направил их назад по пройденному пути. Поллукс слушал, медленно вращая антенну. Кастор напрягал глаза, пытаясь увидеть хоть что-нибудь, кроме холодных звезд.

— Поймал! — стукнул брата Поллукс.

Старый Чарли погасил относительное движение и стал ждать. Поллукс осторожно вышел на минимум, повернул антенну и проверил еще раз. Потом показал знаками два возможных направления сигнала, в ста восьмидесяти градусах от них.

— Куда? — спросил Кастор у Чарли.

— Вон туда.

— Я ничего не вижу.

— Я тоже, но я чувствую.

Кастор не спорил — оба направления были одинаково возможны. Чарли резко рванул в выбранную сторону, примерно ориентируясь на Вегу, потом быстро убрал тягу и пустил скутер по инерции. Поллукс энергично кивал. Прошло несколько минут, и он объявил, что сигнал стал сильнее, а минимум — громче. Но все еще ничего не было видно. Кастор тосковал по радару. Плач уже слышался в наушниках его собственного скафандра. Это мог быть Вундер — это должен был быть Вундер.

— Вот они!

Это крикнул Чарли. Кастор по-прежнему ничего не видел, хотя Чарли ему и показывал. Наконец, он уловил яркую точку, затерявшуюся среди звезд. Поллукс отключил радиокомпас — теперь было ясно, что это масса, а не звезда, и находилась она в правильном месте. Старый Чарли вел свою машину так небрежно, будто катил на велосипеде. Он то включал, то гасил скорость, и наконец они застыли рядом со скутером Хейзел. Чарли настоял на том, что будет прыгать сам. Лоуэлл был в полной истерике, и от него нельзя было добиться толку. Видя, что он жив и невредим, спасатели бросились к Хейзел. Она так и сидела, пристегнутая к сиденью, с открытыми глазами и своей характерной полуулыбкой, но не отвечала им. Чарли посмотрел и покачал головой.

— Кончено, ребята. На ней даже баллона нет.

И все же они подключили баллон к ее скафандру — Кастор отдал свой, потому что никто не додумался захватить запасной. Братья вернулись на скутер Чарли на одном баллоне, превратившись на время в сиамских близнецов. Стоуновский скутер бросили на орбите — кто-нибудь другой подберет его и приведет на буксире. На обратном пути Чарли сжег почти все горючее — он несся на предельной скорости и последний запас истратил на то, чтобы причалить к мэрии.

Всю дорогу они посылали в эфир весть о спасении. Кто-то принял их сообщение и передал другим.

Хейзел внесли в магазин Фрайза — там было больше места. Миссис Фрайз оттолкнула близнецов и стала делать ей искусственное дыхание. Через десять минут ее сменила подоспевшая доктор Стоун. Она использовала принятый в невесомости метод — не пристегиваясь, парила у Хейзел за спиной и ритмично сжимала ей ребра обеими руками.

Похоже было, что в магазин рвется весь Рок-Сити. Фрайз выгнал всех и в первый раз за всю историю запер дверь своего магазина. Доктора Стоун сменил муж — она передохнула пару минут и опять взялась за дело.

Мид тихо плакала. Старый Чарли ломал руки с несчастным и потерянным видом. Лицо доктора Стоун окаменело, приобретя мужские, профессиональные складки. Лоуэлл, держась за руку Мид, не плакал, а только горестно смотрел, не понимая, в чем дело,— он еще не знал, что такое смерть. Кастор, кривя рот, плакал тяжело, по-мужски, заходясь в рыданиях. Поллукс молчал — он уже выплеснул свое горе. Смененный Эдит, Роджер подошел к ним — его лицо не выражало ни гнева, ни надежды.

— Папа, она...— прошептал Поллукс.

Роджер, будто только что заметив сыновей, обнял поникшие плечи Кастора.

— Не забывайте, мальчики, что она у нас совсем старая. Мало кто возвращается оттуда в ее возрасте.

Хейзел открыла глаза.

— Это кто не возвращается?

Глава 19
БЕСКОНЕЧНЫЙ СЛЕД

Хейзел воспользовалась методом древних факиров, который в свое время привез на Запад фокусник по имени Гудини. Дыша, насколько возможно, неглубоко, она быстро впала в коматозное состояние. Послушать ее, так никакой опасности вообще не было. Умереть? Какого черта, даже в гробу нельзя задохнуться за такое

короткое время. Пришлось, конечно, положиться на Лоуэлла — что он будет все время звать на помощь, потому что он расходовал меньше кислорода. Но сознательно жертвовать жизнью, чтобы спасти мальчика? Смешно! В этом не было нужды.

Только на следующий день Роджер призвал к себе близнецов.

— Вы хорошо потрудились на спасательных работах,— сказал он.— Умолчим о том, что вы бежали из-под ареста.

— Это не наша заслуга,— ответил Кастор.— Хейзел все сделала сама. Я хочу сказать — мы взяли идею из ее сериала, из эпизода с искривленной орбитой.

— Я его, наверно, не читал.

— Там речь шла о том, как отличить один кусок космоса от другого, почти не имея данных, от которых можно оттолкнуться. Капитану Стерлингу пришлось...

— Неважно. Я не об этом хотел говорить. Повторяю, вы хорошо поработали, откуда бы ни почерпнули свою идею. Если бы поиск шел обычными методами, то бабушка, безусловно, погибла бы. Вы бываете очень умными, когда захотите. Почему-то раньше вы не захотели и бросили гироскопы неисправными.

— Да откуда мы знали, папа...

— Хватит.— Роджер взялся за пояс, и близнецы заметили на нем старинную деталь одежды — кожаный ремень. Роджер снял его.— Это принадлежало вашему прадеду, а он передал его вашему деду, а он, в свою очередь, передал его мне. Не знаю, насколько глубока его история, но можно сказать, что на нем держится весь род Стоунов.— *Роджер сложил ремень вдвое и хлопнул им по ладони.*— Все мы, на протяжении многих поколений, сохранили о нем нежнейшие воспоминания. Нежнейшие. Все, кроме вас двоих.— Он снова хлестнул ремнем по ладони.

— Ты хочешь сказать, что собираешься бить нас этим? — спросил Кастор.

— Не вижу причин, которые помешали бы мне это сделать.

Кастор посмотрел на Поллукса, вздохнул и шагнул вперед.

— Я буду первым — я старше.

Роджер выдвинул ящик и спрятал ремень туда.

— Надо было мне им воспользоваться лет десять назад.— Он закрыл ящик.— Опоздал.

— Так ты не будешь этого делать?

— Я и не говорил, что буду.

Близнецы обменялись взглядами.

— Папа-капитан,— сказал Кастор,— мы предпочли бы, чтобы ты это сделал.

— Это правда,— поддержал Поллукс.

— Знаю. Так бы вы отделались от того, что натворили. Теперь вам придется с этим жить, как всем взрослым людям.

— Папа...

— Ступайте к себе, сэр.

Когда «Перекати-Стоуну» пришло время улетать на Цереру, приличная часть городского населения столпилась в мэрии, чтобы проститься с доктором и ее семьей. Остальные прощались по радио — весь город. Мэр Фрайз сказал речь и вручил Стоунам грамоту, которая объявляла их всех почетными гражданами Рок-Сити отныне и навеки. Роджер Стоун попытался ответить, но у него перехватило горло. Старый Чарли, свежевымытый, плакал открыто. Мид еще раз спела перед микрофоном — на этот раз ее мягкое контральто не оскверняла никакая коммерция. Десять минут спустя «Стоун» ушел с орбиты.

Как и на Марсе, Роджер оставил корабль на орбите Цереры не у станции или спутника — их там не было,— а сам по себе. Хейзел, капитан и Мид слетали на челноке в Церера-Сити: Мид — посмотреть город, Роджер — сдать руду и графит и взять груз выплавленного металла на Луну, Хейзел — по своим делам. Доктор Стоун решила остаться — из-за Лоуэлла: челнок был не чем иным, как увеличенным скутером с посадочным амортизатором. Близнецы все еще находились под арестом, и их в город не пустили. Мид, вернувшись, заверила их, что они не много потеряли.

— Все равно что Луна-Сити, только маленький. Всюду толпы, и ничего интересного.

— Она правду говорит, ребята,— подтвердил отец,— так что не принимайте близко к сердцу. На следующей остановке увидите Луну.

— Мы и не переживаем,— чопорно заявил Кастор.

— Нисколько,— поддержал Поллукс.— Согласны подождать до Луны.

— Не проведете,— усмехнулся Роджер.— Однако через пару недель начнем прокладывать орбиту домой. Жалко, вообще-то. Все-таки это были два хороших года.

— Ты говоришь, домой, папа? — вдруг сказала Мид.— Мне кажется, мы и так дома. Мы летим на Луну в своем доме.

— Да? Пожалуй, ты права. Старый добрый «Перекати-Стоун» — наш дом, если разобраться. Мы с ним немало пережили.— Он нежно похлопал по переборке.— Верно, мать?

Непривычно молчаливая Хейзел встрепенулась:

— Да-да. Конечно.

— А ты что делала в городе, мама Хейзел? — спросила доктор Стоун.

— Я? Да так. Потрепалась со старожилами и отправила эти дурацкие серии. Кстати, Роджер, начинай-ка обдумывать сюжет.

— Это почему?

— Я с ними покончила. Возвращаю сценарий тебе.

— Ладно — только почему?

— Мне будет не совсем удобно им заниматься.— Хейзел как-то смутилась.— Слушайте: никто не будет уж очень против, если я спишусь с корабля?

— О чем это ты?

— «Елена Троянская» уходит на Троянцы, а туда зайдет «Веллингтон», чтобы взять жидкий водород и пассажира — меня. Я лечу на Титан.— Никто не успел возразить, а Хейзел продолжала: — Да не смотрите вы на меня так. Я всегда хотела увидеть Кольца вблизи — руками их пощупать. По-моему, это самое потрясное зрелище в Системе. Я всерьез задумалась об этом, когда там — ну вы знаете где — стало малость душновато. Я сказала себе: Хейзел, ты не молодеешь. Хватайся за первый же шанс, который тебе подвернется. Один шанс я уже упустила, когда тебе, Роджер, было три года. Хороший был шанс, но они не брали ребенка — ну и вот. А теперь я лечу.— Хейзел помолчала и рявкнула: — Да что это вы точно на похоронах! Я вам больше не нужна. Я хочу сказать — Лоуэлл теперь подрос, и с ним не так трудно.

— Мне ты всегда будешь нужна, мама Хейзел,— спокойно сказала Эдит.

— Спасибо, но это неправда. Я научила Мид всему, что сама знаю по астрогации. Она хоть завтра могла бы получить работу в «Четырех

Планетах», если б они не воротили нос от женщин-пилотов. Близнецы — ну, эти впитали всю мерзость, которую я им могла передать, и выдержат в любой драке. А с тобой, сынок, я покончила, когда ты еще носил короткие штанишки — с тех пор ты сам меня воспитываешь.

— Мать?

— Что, сын?

— В чем истинная причина? Почему ты хочешь уйти от нас?

— Почему? А почему людей тянет куда-то? Зачем медведь идет вокруг горы? Да посмотреть, что там! Я никогда не видела Колец — вот тебе и причина. Весь человеческий род на этом стоит — смирные остаются дома, а бойкие шастают повсюду да ищут, во что бы им влипнуть. Это свойственно человеку. Не нужна для этого причина, как и плоскому коту не нужна причина, чтобы мурлыкать. Зачем вообще все?

— Когда ты вернешься?

— Может, и никогда. Мне нравится невесомость. Совсем не надо тратить сил. Вот посмотрите на старого Чарли. Знаете, сколько ему лет? Я навела справки — ему, по меньшей мере, сто шестьдесят. В моем возрасте это вдохновляет — чувствуешь себя девчонкой. Я еще успею кое-что повидать.

— Конечно, мама Хейзел,— сказала доктор Стоун.

Роджер повернулся к жене.

— Эдит!

— Да, дорогой?

— Что скажешь?

— А зачем нам, собственно, непременно возвращаться теперь на Луну?

— Я так и думал. А как же Мид?

— Я?

— Они полагают, что ты созрела для замужества, солнышко,— сухо вставила Хейзел.

Доктор Стоун слегка кивнула, глядя на дочь. Мид удивилась и сказала:

— Нуу! Мне не к спеху. И потом, на Титане есть база Патруля. Там, наверно, полно молодых офицеров.

— Исследовательская база, солнышко,— ответила Хейзел,— и работают там ученые, посвятившие себя науке.

— Может быть, когда я ими займусь, они не будут целиком посвящать себя науке?

— Ребята? — обратился отец к близнецам.

— Мы что, получили право голоса? — ответил за двоих Кастор.— Конечно, за!

Роджер ухватился за стойку и подтянулся.

— Решено. Хейзел, Мид, ребята — принимайтесь за расчет орбиты. А я начну вычислять отношение масс.

— Нет, сынок, меня уволь.

— Что так?

— Ты не смотрел, почем у них тут водород? Раз мы выходим на кометную орбиту к Сатурну вместо тангенциальной к Земле, пора мне назад в соляные копи. Запрошу из Нью-Йорка аванс, а потом разбужу Лоуэлла и начнем проливать кровь.

— Что ж, ладно. Остальные — внимательнее с десятичными знаками!

Все посты корабля были приведены в готовность. Мид в кресле стажера, поставленном за креслами командира и второго пилота, уже начала отсчет. Роджер покосился на мать и шепнул:

— Ты чему улыбаешься?

— Пять! Четыре! — выпевала Мид.

— Так просто. Когда доберемся до Титана, надо будет...

Ее голос потонул в реве двигателя. «Стоун» задрожал и понесся вперед, к Сатурну. А за ним следовали сотни, тысячи, сотни тысяч неугомонных бродячих странников: на Сатурн... на Уран... на Плутон... и так они будут катиться до самых звезд, до края Вселенной.

АСТРОНАВТ ДЖОНС

© М. Пчелинцев, перевод

Джиму Смиту, моему другу

Глава 1
ТОМАГАВК

Макс любил это время года, это время дня. Урожай уже убран, можно пораньше покончить со своими вечерними делами и расслабиться, побездельничать. Вычистив свинарник и покормив кур, он не пошел ужинать, а вместо этого поднялся по тропинке на холм к западу от амбара и улегся на траву, не обращая никакого внимания на прыгавших вокруг блох. У него была с собой книга, взятая в прошлую субботу в местной библиотеке, бонфортовские «Твари небесные: Путеводитель по экзотической зоологии», но он ее просто положил себе под голову вместо подушки. Голубая сойка начала было высказывать свои сомнения в отношении порядочности его поведения, но, не получив ответа, заткнулась. Рыжая белка замерла на пне и уставилась на него. Поглазев немного, она снова принялась таскать в дупло орехи.

Макс смотрел на северо-запад. Он любил это место потому, что отсюда были видны стальные опоры и направляющие кольца магнитной дороги Чикаго—Спрингфилд—Земпорт. Дорога появлялась из отверстия в склоне справа от него. В самом отверстии можно было видеть направляющее кольцо – здоровенный, футов двадцати в диаметре, стальной обруч. Пара ходулеобразных опор поддерживала другое кольцо футах в ста от первого. Третье и последнее справа кольцо находилось к западу от него. Склон там еще круче спускался в долину, поэтому опоры этого кольца были высотой футов в сто с лишком. На половине высоты этого кольца была видна силовая антенна, направленная поперек провала.

Слева от него, на дальнем краю провала, опять шли направляющие кольца ЧСЗ-дороги. Входное кольцо было побольше из-за возможного сноса поезда в сторону ветром; на его опорах была приемная силовая антенна. Этот склон был круче, еще одно кольцо — и дорога опять исчезала в туннеле. Макс читал, что на Луне входные кольца были не больше остальных: там никогда нет ветра, отклоняющего поезд. Когда он был ребенком, это кольцо было чуть поменьше, и однажды, во время жуткого урагана, поезд в него ударился. Произошло невероятное крушение, погибло больше четырех сотен людей. Сам он этого не видел, а отец не разрешил ему и потом сходить посмотреть. Из-за всех этих трупов. Однако след крушения и по сию пору был виден на левом склоне — пятно зелени, более темной, чем вся остальная.

Он смотрел на проходящие поезда всегда, когда была такая возможность. Ничего плохого он пассажирам не желал,— но все равно, если уж случится вдруг катастрофа, не хотелось бы снова ее пропустить.

Макс не спускал глаз с отверстия туннеля: «Томагавк» должен был появиться с минуты на минуту. Неожиданно отверстие озарилось серебристым сиянием, затем из него вылетел сверкающий цилиндр с острым, как игла, носом. Словно яркая вспышка, он промелькнул сквозь последнее кольцо, а затем — от этого перехватывало дыхание — какие-то мгновения находился в свободном полете между двумя обрывами. Чуть ли не быстрее, чем Макс смог перевести взгляд, летящий поезд вошел в кольцо на другой стороне лощины и исчез в горе. И только тогда дошел звук.

Это было как удар грома, раскатившийся между горных склонов. Макс схватил воздух разинутым ртом.

— Ни фига себе! — тихо сказал он.— Вот это да! — Невероятное зрелище и звуковой удар каждый раз производили на него одно и то же впечатление.

Макс слышал, что для пассажиров поезд был совершенно бесшумным, так как все звуки от него отставали, но в точности он этого не знал. Ведь он никогда не летал на таком поезде и, с работой на ферме и мамочкой, вряд ли сможет когда-нибудь в будущем.

Он сел и открыл книгу, держа ее так, чтобы не терять из виду юго-западное небо. Через семь минут после пролета «Томагавка»

он, если вечер был ясным, наблюдал запуск ежедневного лунного корабля. До космодрома в Земпорте было довольно далеко, так что зрелище получилось куда менее драматичным, чем прыжок магнитного поезда с расстояния в какие-то сотни ярдов, но именно посмотреть на этот корабль он и пришел сюда. Магнитные поезда, конечно, были очень интересны, но космические корабли были его страстью — даже такие игрушечные, как лунный челнок.

Однако только он нашел место, где остановился,— описание крайне разумных, но флегматичных ракообразных с Эпсилона Кита-IV,— как его отвлек оклик откуда-то сзади.

— Эй, Макси! Максимиллиан! Мак-си-миль-ян!

Он замер и ничего не отвечал.

— Макс! Я же тебя вижу, Макс, иди сюда сию же секунду, ты слышишь меня?

Макс что-то пробормотал себе под нос и поднялся на ноги. Он медленно спускался по тропинке, оглядываясь на небо. Потом все поле его зрения заслонил сарай. Мамочка вернулась, и никуда уж тут не денешься — если он не явится и не сделает, что от него требуется, она сумеет отравить ему жизнь. Когда сегодня утром она уезжала, у него было такое ощущение, будто ее не будет по крайней мере до следующего утра. Не то чтобы она сама так сказала — мамочка никогда этого не делала,— но он научился распознавать признаки. И вот теперь ему придется выслушивать ее нытье и ее мелочные сплетни вместо того, чтобы почитать. А то, что ничем не лучше, его будет отвлекать какой-нибудь из ее обожаемых слюнявых сериалов по стереовидению. Ему не раз приходилось бороться с соблазном поломать проклятый СВ — и сделать это всерьез, топором. Сам он почти никогда не имел возможности посмотреть интересную для себя передачу.

Подойдя к дому, он вдруг остановился. Он-то думал, что мамочка прикатила на автобусе из Углов и, как обычно, прошла остаток пути пешком. Но сейчас около веранды стоял щегольской унициkл — и к тому же она была не одна.

Сначала он подумал, что это «иностранец», но, подойдя поближе, узнал нежданного гостя. Макс гораздо охотнее повстречался бы даже с иностранцем, любым иностранцем. Бифф Монтгомери был местным, правда, он не работал на ферме. Макс не припоминал, чтобы

хоть раз в жизни видел Биффа, занятого честным трудом. Говорили, что Монтгомери иногда нанимали охранником самогонщики, когда один из их аппаратов еще действовал где-то там, в горах. Вполне возможно — Монтгомери был здоровый, плотный мужчина, и эта роль вполне ему подходила.

Макс знал Монтгомери с незапамятных времен, часто видел, как тот толкался около Клайдовских Углов. Но обычно он не обращал на Монтгомери никакого внимания и не имел с ним никаких дел — до последнего времени: мамочку стали все чаще замечать в его компании, она даже стала ходить с ним на танцы, которые устраивались в сараях и кукурузных лущильнях. Макс несколько раз пытался сказать ей, что покойному отцу это не очень бы понравилось. Да разве может кто-нибудь спорить с мамочкой — она просто не слышит того, чего не хочет слышать.

Но домой она притащила его впервые. Макс почувствовал, что в нем разгорается ярость.

— Поскорее, Макси! — крикнула мамочка.— Да не стой ты там, как чурбан.— Макс неохотно двинулся дальше и подошел к ним.— Макси, пожми руку своему новому отцу,— пропела мамочка и шаловливо глянула на него, словно выдала нечто очень остроумное. Макс тупо уставился на нее, от удивления открыв рот.

Монтгомери ухмыльнулся и выставил свою клешню.

— Ага, Макс, ты теперь Макс Монтгомери — я твой новый папаша. Но ты все равно можешь называть меня Монти.

Макс уставился на руку, а затем, очень неохотно, пожал ее.

— Моя фамилия Джонс,— сказал он без всякого выражения.

— Макси,— протестующе воскликнула мамочка.

Монтгомери жизнерадостно расхохотался.

— Да не торопи ты его так, Нелли, лапочка. Пусть Макс попривыкнет к этому. Живи сам и давай жить другим — вот мой девиз.— Он повернулся к своей жене.— Подожди, пока я возьму багаж.— С одного багажника уницикла он снял тюк скомканной одежды, а с другого —две плоские пинтовые бутылки. Заметив, что Макс наблюдает за ним, он подмигнул и сказал: — Тост за новобрачную.

Упомянутая новобрачная стояла около двери, и он попытался проскользнуть мимо нее. Та запротестовала:

— Но как же это, Монти, дорогой, разве ты не собираешься...

Монтгомери остановился.

— Совсем позабыл, у меня ведь мало опыта в таких делах. Конечно же.— Он повернулся к Максу.— Возьми все это хозяйство,— и сунул ему тюк и бутылки. Потом он подхватил мамочку на руки, что-то хрюкнув при этом, перенес ее через порог, снова поставил на ноги и поцеловал. Она тем временем повизгивала и краснела. Макс молча прошел вслед за ними, положил принесенное на стол и отвернулся к плите. Плита совсем остыла, он не пользовался ею со времени завтрака. Была еще и электрическая плита, но она перегорела еще при жизни отца, а денег на починку так и не нашлось. Он вытащил из кармана складной нож, настрогал щепок, добавил растопки и поднес к получившейся кучке зажигалку. Когда пламя разгорелось, он вышел с ведром за водой.

Когда он вернулся, Монтгомери сказал ему:

— Не мог понять, куда это ты пошел. Неужели в этой мусорной куче нет даже водопровода?

— Нет.— Макс поставил ведро на пол и подложил в огонь пару поленьев ватного дерева.

Мамочка сказала:

— Макси, у тебя уже должен был быть готов обед.

Монтгомери благожелательным голосом вмешался в разговор:

— Ну успокойся, дорогая, он же не знал, что мы приедем. И к тому же это дает время для тоста.

Макс стоял, повернувшись к ним спиной, и уделял все свое внимание нарезанию грудинки. Перемена была столь ошеломляющей, что ему пока еще не хватило времени полностью ее осознать.

— Эй, сынок! Подними стакан за новобрачную! — окликнул его Монтгомери.

— Мне надо готовить ужин.

— Чепуха! Вот твой стакан. Быстренько!

Монтгомери налил в стакан на палец янтарно-желтой жидкости; его собственный стакан был наполнен до половины, а у новобрачной по крайней мере на треть. Макс взял свой стакан, подошел к ведру и черпаком долил в него воды.

— Ты же только испортишь!

— Я к этому не привык.

— Ну ладно. Ну, значит, за зардевшуюся новобрачную и всю нашу счастливую семейку! Пей до дна!

Макс осторожно хлебнул из стакана и отставил его. По вкусу это напоминало горькую микстуру, которую давала ему как-то весной окружная врачиха. Он вернулся к своему прерванному занятию, но Монтгомери опять окликнул его.

— Эй, как это, ты же не допил.

— Послушайте, мне надо готовить ужин. Вы же не хотите, чтобы все подгорело, правда?

— Ну что же,— пожал плечами Монтгомери,— тем больше останется нам. Это твое хозяйство мы используем на запивку. Знаешь, сынок, когда я был в твоем возрасте, я мог опрокинуть полный стакан, а потом сделать стойку на руках.

Макс собирался поужинать грудинкой и разогретыми оладьями, но их осталось только полсковородки. Он поджарил яичницу на жире от грудинки и сварил кофе, этим и ограничился. Когда они сели ужинать, Монтгомери оглядел поданные блюда и громко объявил:

— Лапочка, я надеюсь, что начиная с завтрашнего дня ты сумеешь делом подтвердить все то, что наговорила мне про свои кулинарные таланты. Твой парень — совсем никудышный повар.

Несмотря на эти слова, он поел от души. Макс решил не говорить ему, что он готовит лучше, чем мамочка; Монти очень скоро и сам это обнаружит.

В конце концов Монтгомери отодвинулся от стола, вытер рот, налил себе еще кофе и закурил сигару. Тогда мамочка вопросила:

— Макси, дорогой, а что будет на десерт?

— Десерт? Ну — в холодильнике есть то мороженое, что осталось после Дня Солнечного Союза.

— Ой, господи! — хихикнула мамочка.— Боюсь, что его там нет.

— Что?

— Ну, боюсь, что я вроде его съела как-то вечером, когда ты был на южном поле. Был такой жутко жаркий день!

Макс не ответил ничего, он совсем не удивился. Но мамочка не унималась.

— Ты что, не приготовил ничего на десерт, Макс? Но ведь сегодня такой особенный день.

Монтгомери вытащил сигару изо рта.

— Заткнись, лапочка,— сказал он ласково.— Я не слишком люблю сласти, я больше насчет мяса и картошки — это нарастает на кости. Поговорим лучше о более приятных вещах.— Он повернулся к Максу.— Макс, что ты еще умеешь делать, кроме как копаться на ферме?

— Чего? — удивился Макс.— Я никогда не делал ничего другого. А что?

Монтгомери стряхнул пепел с сигары на тарелку.

— Просто мы покончили с работой на ферме.

Второй раз за последние два часа Макс услыхал новость, которую не смог сразу переварить.

— Как это? Что вы имеете в виду?

— А вот так, что мы продали ферму.

У Макса появилось такое ощущение, словно из-под его ног выдернули ковер. Однако по выражению мамочкиного лица он понял, что это правда. У нее всегда был такой вид, когда она ему устраивала что-нибудь подобное — торжествующий, но слегка настороженный.

— Отцу бы это не понравилось,— резко сказал Макс.— Эта земля принадлежит нашей семье уже четыре сотни лет.

— Ну, Макси! Я же говорила тебе не знаю сколько раз, что я не создана для деревенской жизни. Я выросла в городе.

— Клайдовские Углы! Тоже мне город!

— Но все равно это не ферма. И я была совсем юной девушкой, когда твой папаша привез меня сюда — а ты был уже большим парнем. Передо мной еще вся жизнь. Не могу же я прожить ее, похоронив себя на ферме.

— Но ты же обещала отцу, что...— прибавил громкости Макс.

— Заткнись,— оборвал его Монтгомери.— И постарайся говорить повежливее, когда обращаешься к своей матери — и ко мне.

Макс замолчал.

— Земля продана, и нечего больше об этом спорить. А как ты думаешь, сколько стоит этот участок?

— Ну, по правде говоря, я никогда не задумывался об этом.

— Что бы ты ни думал, я получил больше.— Он подмигнул Максу.— Да, сэр. Твоей мамаше дико повезло в тот день, когда она обратила на меня внимание. Я ведь такой человек, что на три фута в землю вижу. Я же знаю, чего это тут появился агент, скупающий

эти бесплодные, не имеющие никакой ценности огрызки недвижимости. Я...

— Я использую предоставляемые правительством удобрения.

— Я сказал «никакой ценности», и они не имеют никакой ценности. В смысле, для сельского хозяйства.— Он ухмыльнулся с видом большого пройдохи и объяснил. Судя по его словам, был намечен большой правительственный проект, для которого были выбраны как раз эти места. Монтгомери изъяснялся про все это крайне таинственно, из чего Макс заключил, что знает он очень мало. Некий синдикат втихую скупал землю, надеясь содрать за нее побольше с правительства.— Так что мы получили с них раз в пять больше, чем они собирались платить. Совсем неплохо, правда?

Тут в разговор встряла мамочка.

— Вот видишь теперь, Макси? Если бы твой папаша узнал, что мы когда-нибудь сумеем получить...

— Смолкни, Нелли!

— Но я только хотела сказать ему, сколько...

— Я же сказал «смолкни».

Она замолчала. Монтгомери отодвинул стул, засунул в рот сигару и встал. Макс поставил греться воду для мытья посуды, соскреб объедки с тарелок и отнес их курам. Он провел во дворе порядочное количество времени, глядя на звезды и пытаясь собраться с мыслями. Неожиданная перспектива иметь Биффа Монтгомери в семье потрясла его до глубины души. Интересно, какие права имеет отчим или, скорее, двоюродный отчим, человек, женившийся на его мачехе. Этого он не знал.

В конце концов Макс решил, что надо вернуться в дом, как бы ни было ему это противно. Он увидел, что Монтгомери стоит у книжной полки, которую он приспособил над стереоприемником; этот тип лапал его книги и сложил несколько из них стопкой на приемнике.

— Вернулся? —оглянулся Монтгомери.— Не уходи пока никуда, я хочу, чтобы ты мне рассказал кое-что относительно вашей живности.

В двери появилась мамочка.

— Дорогой,— пропела она,— неужели все это не может подождать до утра?

— Не торопись, радость моя,— отмахнулся Монтгомери.— Этот самый аукционер появится здесь завтра, прямо с утра. Мне нужно иметь к этому времени опись.— Он продолжал вытаскивать книги с полки.— Гляди-ка, а вот это — отличные штуки.— У него в руках было полдюжины томиков, напечатанных на самой тонкой бумаге и переплетенных в гибкий пластик.— Интересно, сколько они стоят? Нелли, дай-ка мне мои очки.

Макс торопливо подскочил к нему и протянул руку к книгам.

— Это мои!

— Чего? — Монтгомери глянул на него, а затем поднял книги высоко в воздух.— Ты слишком молод, чтобы у тебя было что-нибудь свое. Нет, загоним все. Вымести все дочиста и начать жизнь с чистой страницы.

— Они мои! Мне их подарил дядя.— Он воззвал к мачехе.— Скажи ему, мамочка!

— Слушай, Нелли,— ровным голосом процедил Монтгомери,— приведи-ка ты в порядок этого мальчишку, чтобы мне не пришлось заниматься его воспитанием.

Нелли озабоченно наморщила лоб.

— Ну, по правде говоря, я и не знаю. Они принадлежали Чету.

— А Чет был твоим братом? Тогда ты и есть наследница Чета, а не этот щенок.

— Он не был ее братом, он был ее шурином!

— Ах так? Это не важно. Твой отец был наследником твоего дяди, а твоя мать — наследница отца. А не ты, так как ты еще несовершеннолетний. Такой уж, сынок, закон.И ничего тут не поделаешь.— Он поставил книги на полку, но остался стоять между ними и Максом.

Макс почувствовал, как его верхняя губа начала непроизвольно дергаться; он знал, что не сможет говорить членораздельно. Его глаза затуманились от слез, он едва различал ненавистную жуликоватую морду «отчима».

— Вы... ты вор.

— Макс! — взвизгнулаНелли.

На лице Монтгомери появилось выражение холодной ярости.

— А вот это уже чересчур. Боюсь, что теперь ты вполне заслужил ремня.— Его пальцы начали расстегивать тяжелый пояс.

Макс на шаг отступил. Монтгомери вытащил ремень и сделал шаг вперед.

— Монти! — еще громче взвизгнула мамочка.— Я прошу тебя!

— Не лезь не в свое дело, Нелли,— оборвал ее Монтгомери, а Максу сказал: — Мы должны раз и навсегда установить, кто тут старший. Извинись.

Макс не отвечал.

— Извинись,— повторил Монтгомери,— и мы про это забудем.

Он помахивал ремнем, как кот хвостом. Макс отступил еще на один шаг. Монтгомери сделал шаг вперед и попытался его схватить.

Макс увернулся и через открытую дверь выбежал в темноту. Он не останавливался, пока не уверился, что никто за ним не гонится. Потом, все еще кипя яростью, он перевел дыхание. Он уже почти жалел, что Монтгомери не погнался за ним; он не думал, что кто-нибудь сумеет совладать с ним в темноте в его родном дворе. Он знал, где сложены дрова, а Монтгомери не знал; и где тут лужа, в которой купаются свиньи. И он знал, где тут колодец,— даже это, если уж на то пошло.

Прошло довольно много времени, пока Макс достаточно успокоился для того, чтобы думать рационально. Теперь он был рад, что все так легко кончилось. Монтгомери был значительно тяжелее его и, по слухам, дрался отчаянно.

Если это действительно уже кончилось,— поправил он себя. Он думал, решит ли Монтгомери к утру позабыть обо всем. В комнате все еще горел свет; он укрылся в сарае и ждал, сидя на земляном полу, прислонившись спиной к дощатой стене. Через некоторое время Макс почувствовал страшную усталость. Он подумал, не лечь ли спать прямо в сарае, но тут не было подходящего места, чтобы лечь, даже при том, что старый мул сдох. Тогда, вместо этого, он встал и посмотрел на дом,

Свет в комнате погас, но был виден в спальне; конечно же, они еще не уснули. Кто-то прикрыл дверь после его бегства; она не запиралась, так что попасть внутрь можно было без труда, но он боялся, что Монтгомери услышит. Его собственной комнатой была небольшая пристройка, добавленная к кухонному концу главной комнаты, напротив спальни. Однако у нее не было наружной двери.

Не важно, он решил эту проблему давно, когда вырос достаточно для того, чтобы уходить и приходить ночью, не спрашивая разрешения у старших. Он крадучись обошел дом, нашел козлы для пилки дров, поставил их под окном, забрался на них и вытащил гвоздь, удерживавший раму. Мгновение спустя он беззвучно спустился с подоконника в свою комнату. Дверь в главную комнату была закрыта, однако он решил все равно не рисковать и не включать свет: Монтгомери может зачем-нибудь выйти в комнату, и тогда он увидит свет в щели под дверью. Макс тихо выскользнул из одежды и забрался на кровать.

Сон не шел. Один раз он начал было ощущать теплую дремоту, но затем какой-то еле слышный звук вырвал его из этого состояния. Вероятно, это была просто мышь, но на какое-то мгновение ему показалось, что это Монтгомери стоит над его кроватью. С колотящимся сердцем он сел на край постели, все еще совершенно раздетый.

Перед ним стояла проблема, что же теперь делать — не только в следующий час, не только завтра утром, но и следующим утром, и каждым утром после этого. Сам по себе Монтгомери не представлял проблемы; он не остался бы по своей воле даже в одном округе с этим человеком, но как же мамочка?

Когда отец уже знал, что умирает, он сказал ему:

— Позаботься о своей матери, сынок.

Что ж, он так и делал. Каждый год он собирал урожай — в доме была еда и даже деньги, пусть и совсем немного. Когда сдох мул, он и с этим справился: одолжил упряжку у Макалистера и расплатился собственной работой.

Однако имел ли отец в виду, что он должен заботиться о своей мачехе, даже если она снова выйдет замуж? Ему как-то никогда не приходило в голову подумать об этом. Отец велел ему позаботиться о ней, и так он и делал, хотя пришлось бросить школу и конца этому не было видно.

Но ведь она больше не миссис Джонс, она теперь миссис Монтгомери! Имел ли отец в виду, что он обязан заботиться о миссис Монтгомери?

Конечно же, нет! Если женщина выходит замуж, о ней заботится муж. Это все знают. И отец, конечно же, не ожидал от него, что

он станет противостоять Монтгомери. Макс встал, сразу приняв решение.

Оставался единственный вопрос — что взять с собой. Брать было почти нечего. В темноте, на ощупь, он нашел рюкзак, которым пользовался при вылазках на охоту, и запихнул в него носки и вторую рубашку. К этому он добавил круглую астронавигационную линейку дяди Чета и кусок вулканического стекла, который дядя прихватил на Луне. Удостоверение личности, зубная щетка и отцовская бритва — не то чтобы она слишком часто была ему нужна — почти закончили его поспешные сборы.

За кроватью была плохо прибитая доска. Он нащупал ее, оторвал, пошарил в отверстии и не нашел ничего. В этом месте он иногда припрятывал немного денег на черный день, так как мамочка то ли не умела, то ли не хотела экономить. Видимо, она успела найти этот тайник при одном из своих обысков. Ничего не поделаешь, уходить все равно надо; хотя пропажа денег немного все усложнила.

Макс вдруг вспомнил, у него даже перехватило дыхание. Ведь было то, что он просто обязан взять с собой. Книги дяди Чета. И они (по-видимому) все еще стоят на полке, которая висит на общей со спальней стене комнаты. Но он обязан взять их, даже рискуя при этом наткнуться на Монтгомери.

Очень осторожно, очень медленно он открыл дверь в комнату и стоял на пороге, обливаясь потом. В щели под дверью спальни все еще виднелся свет, Макс помедлил еще, с трудом заставляя себя двигаться дальше. Монтгомери пробормотал что-то, непонятное отсюда, а мамочка хихикнула.

Когда глаза Макса привыкли к полумраку, он рассмотрел в слабом свете, сочившемся из-под двери, что у наружной двери что-то нагромождено. Это была куча кастрюль и сковородок, которая устроила бы страшный грохот при любой попытке открыть дверь. Очевидно, Монтгомери ожидал, что мальчик вернется домой, и был наготове, чтобы тут-то с ним и разделаться. Макс очень обрадовался, что прокрался домой через окно.

Медлить дальше смысла не было — он прокрался через комнату, ни на секунду не забывая о скрипучей половице рядом со столом. Рассмотреть что-либо было невозможно, но он хорошо знал свои книги на ощупь. Он осторожно вытащил их, стараясь не уронить остальные.

Макс прошел уже весь обратный путь к двери своей комнаты, когда вспомнил про библиотечную книгу. И остановился, покрывшись от страха холодным потом.

Он не мог снова пройти этот путь. На этот раз они могут его услышать. Или Монтгомери встанет попить воды, или еще что-нибудь.

Но в его очень ограниченном кругозоре воровство библиотечной книги — или ее невозвращение, что то же самое,— было если уж не смертным грехом, то, по крайней мере, одним из первых пунктов списка постыдных поступков. Он стоял на месте, обливаясь потом и размышляя.

Потом он проделал снова весь этот путь, осторожно обойдя скрипучую доску и катастрофически позабыв о другой такой же. Наступив на нее, он застыл. Однако, очевидно, звук не встревожил парочку в спальне. Наконец он перегнулся через СВ-приемник и начал шарить на полке.

Монтгомери не только перелапал, но и переставлял все книги, так что Максу пришлось вынимать их одну за другой и пытаться разобраться в них на ощупь, открывая каждую и отыскивая библиотечную перфорацию титульного листа.

Она оказалась четвертой из ощупанных им книг. Макс вернулся в свою комнату, двигаясь очень медленно и осторожно, с трудом сдерживая желание двигаться побыстрее. Потом его начало трясти, и пришлось переждать, пока это пройдет. Он опять не решился испытывать судьбу, закрывать дверь и включать свет,— а вместо этого оделся в темноте. Еще через несколько мгновений он вылез в окно, нащупал босыми ногами козлы и бесшумно спрыгнул на землю.

Ботинки лежали в рюкзаке на самом верху, и он решил не вынимать их оттуда, пока не отойдет подальше от дома. Он опасался шума, который могли произвести обутые ноги. Он обогнул дом по широкой дуге и оглянулся назад. Свет в спальне все еще горел; Макс стал срезать угол, выходя на дорогу, и вдруг заметил уницикл Монтгомери. И остановился.

Пройдя дальше, он выйдет на дорогу, по которой ходит автобус. Повернет ли он налево или направо, у Монтгомери будут шансы пятьдесят на пятьдесят догнать его на уницикле. Двигаться предстояло на своих двоих — денег на автобус у него не было.

Ерунда это все. Монтгомери и пробовать не станет вернуть его домой. Скажет: скатертью дорожка,— и тут же из головы выкинет.

Но все-таки мысль эта его тревожила. А что, если мамочка уговорит Монтгомери? А что, если Монтгомери не сможет забыть оскорбление и не пожалеет трудов, чтобы с ним посчитаться?

Он вернулся и, снова держась подальше от дома, пошел по склону холма в направлении правого участка ЧСЗ-дороги.

Глава 2
ДОБРЫЙ САМАРИТЯНИН

Макс хотел бы, чтобы было светло, но и темнота не слишком его беспокоила. Он прекрасно знал эти места, каждый холмик, чуть ли не каждое дерево. Он держался высоких мест, передвигаясь с холма на холм, пока не добрался до выходного кольца, откуда поезда перепрыгивали через долину. Здесь он вышел на служебную дорогу, которой пользовался обслуживающий персонал магнитной дороги. Тогда он сел на землю и обулся.

Служебная дорога была просто тропой, шедшей сквозь лес по просеке. Эта тропа годилась для гусеничного транспорта, но не для колесных машин. Она спускалась в долину, а затем поднималась и проходила немного ниже того места, где магнитная дорога скрывалась в дальнем обрыве. Макс пошел по служебной тропе не спеша, но быстро, легкой, свободной походкой прирожденного горца.

Через семнадцать минут он пересек долину и оказался под входным кольцом. Он прошел дальше, пока не приблизился к кольцу, расположенному прямо в черневшем зеве туннеля. Здесь он остановился на — по его расчету — безопасном расстоянии и снова оценил свои шансы на успех.

Обрыв был высоким, иначе кольца установили бы не в туннеле, а в выемке. Он часто охотился здесь и знал, что для подъема на обрыв потребовалось бы часа два — при дневном свете. В то же время вспомогательная дорога проходила прямо сквозь гору, под кольцами. Весь путь по ней займет не больше десяти—пятнадцати минут.

Макс никогда не проходил сквозь обрыв. Это было строго запрещено и преследовалось по закону. Не то чтобы запрещение силь-

но беспокоило Макса, он и так уже находился на запретной территории. Дело было в другом. Иногда свинья или какое-нибудь дикое животное забредали в туннель и не успевали выбраться оттуда до прохода поезда. Они погибали — мгновенно и без единой царапины. Как-то Макс высмотрел в туннеле совсем неподалеку от входа погибшую лису. Он быстро сбегал и вытащил ее. На ней не было никаких внешних повреждений, но когда он снимал шкуру, то увидел, что ее тело представляло собой сплошную массу мелких кровоизлияний. Несколько лет тому назад какой-то человек был «пойман» поездом внутри туннеля — и дорожные рабочие извлекли труп.

Туннель был шире, чем кольцо, но ненамного — только чтобы позволить поезду двигаться, обгоняя свою собственную ударную волну, отраженную от стенок. Ничто живое, попавшее в туннель, не могло избежать этой волны; этот непереносимый громовой раскат, от которого даже на порядочном расстоянии болели уши, был заряжен такой энергией, что вблизи обозначал неминуемую мгновенную смерть.

Однако Максу совсем не хотелось карабкаться по обрыву; он прокручивал в уме ночное расписание поездов. Тот, за которым он наблюдал на закате, назывался «Томагавк»; прохождение «Джавелина» он слышал тогда, когда прятался в сарае. И «Ассегай» тоже должен был пройти уже довольно давно, хотя он его вроде бы и не слышал. Оставался полуночный «Кинжал». Макс посмотрел на небо.

Венера, конечно же, уже ушла за горизонт. Однако, к его удивлению, Марс все еще стоял на западе. Луны не было. Попробуем вспомнить — полнолуние было в прошлую пятницу. Конечно же...

Получавшийся ответ казался ошибочным, поэтому он дополнительно проверил себя, тщательно оценив положение Веги и сравнив его с тем, что ему говорило положение ковша Большой Медведицы. Тогда он тихо присвистнул — несмотря на всю уйму происшедших событий, сейчас было всего еще только десять часов, плюс минус пять минут; звезды никогда не ошибаются. В таком случае «Ассегай» будет не раньше, чем через три четверти часа. Если не брать в расчет какой-нибудь специальный поезд, вероятность которого крайне мала, у него была уйма времени.

Макс направился прямо в туннель. Пройдя ярдов пятьдесят, он уже пожалел о своем поступке и даже немного запаниковал; здесь

было темно, как в могиле. Зато идти здесь было гораздо легче, стенки туннеля были совершенно гладкими, так как ничто не должно мешать прохождению ударной волны. После нескольких минут торопливого, хотя и на ощупь, продвижения по туннелю, когда глаза его адаптировались к полной темноте, он различил впереди еле заметный серый круг. Тогда он побежал — сначала рысцой, а затем, подгоняемый страхом перед этим местом,— со всех ног.

Когда Макс достиг выхода, сухое горло его горело, а сердце колотилось как сумасшедшее; потом он бросился вниз по склону, не обращая внимания на то, что почва под ногами сразу стала хуже, когда он покинул туннель и побежал по служебной тропе. Он не замедлял своего бега, пока не оказался около опоры кольца, опоры такой высокой, что кольцо, которое она поддерживала, казалось снизу совсем маленьким. Здесь он остановился и попытался справиться со своим дыханием.

Что-то ударило его сзади и сшибло с ног.

...Он поднялся, ничего не понимая и шатаясь, как пьяный. Постепенно он вспомнил, где находится, и понял, что на какое-то время потерял сознание. Одна из его щек была в крови, ладони и локти ободраны. Только рассмотрев все это, он осознал, что случилось: над ним пролетел поезд.

Поезд пролетел не так близко от Макса, чтобы убить его, однако достаточно близко, чтобы ударная волна сбила его с ног. Это никак не мог быть «Ассегай»; он поглядел на звезды и снова убедился в этом. Нет, это был специальный, дополнительный,— и Макс выбежал из туннеля всего за какую-то минуту до него.

Тогда его затрясло, и прошло много минут, прежде чем он взял себя в руки. Потом он направился по служебной тропе со всей скоростью, на какую было способно его изодранное тело. Еще через какое-то время он обратил внимание на странное обстоятельство: ночь была совершенно безмолвной.

Но ведь ночь не бывает безмолвной. Никогда. Уши Макса, с младенческого возраста привыкшие к звукам и голосам родных холмов, должны были бы слышать несмолкаемое переплетение разнообразных ночных звуков — шелест листьев на ветру, копошение его меньших братьев — древесных лягушек, стрекотание насекомых, крики сов.

Неумолимая логика подсказала Максу, что он лишился слуха — стал глухим, как чурбан. Его оглушила ударная волна. Однако поделать с этим нельзя было сейчас ничего, так что он продолжил свой путь; мысль вернуться домой даже не пришла ему в голову. В глубине этой лощины, где опоры колец достигали высоты в триста футов, он свернул со служебной тропы на обычный проселок и пошел по нему вниз. Первая его задача — добраться до такого места, где Монтгомери вряд ли будет его искать,— была выполнена. Хотя Макс и находился пока что всего в нескольких милях от своего дома, но все же, пройдя сквозь хребет, он оказался совсем в другой местности.

Несколько часов он продолжал спускаться по проселку. Дорога эта была совсем примитивной, пригодной разве для телег, но все-таки получше, чем та, служебная. Где-то там, внизу, где холмы сменялись долиной, в которой жили «иностранцы», он найдет шоссе, проложенное параллельно магнитной дороге и ведущее в Земпорт. Именно Земпорт избрал он своим конечным пунктом, имея при этом более чем смутное представление относительно того, что будет делать, добравшись туда.

Луна светила теперь Максу в спину, и он шел довольно быстро. Кролик выпрыгнул на дорогу, присел на секунду, уставившись на него, и куда-то ускакал. При виде кролика Макс пожалел, что не захватил с собой малокалиберку. Спору нет, винтовка была очень старая, изношенная и стоила в таком виде гроши. К тому же последнее время становилось все труднее и труднее найти патроны для такого допотопного оружия, но кролик в котелке — это сейчас было бы великолепно, просто великолепно. Он понял, что не только страшно устал, но и очень проголодался. Он только чуть поковырял свой ужин там, дома, а на завтрак ему, похоже, придется сосать лапу.

Вскоре внимание Макса переключилось с голода на звон в ушах, звон, который, к его беспокойству, становился все сильней и сильней. Он тряс головой и хлопал себя по ушам, но ничего не помогало. Ему не оставалось ничего другого, как смириться и перестать обращать внимание на этот звон. Пройдя еще с полмили, он неожиданно обнаружил, что слышит звук своих шагов. Он остановился как вкопанный; затем сильно хлопнул ладонями — и отчетливо различил хлопок сквозь продолжавший звучать в ушах звон. Дальше он пошел с полегчавшим сердцем.

В конце концов Макс оказался на уступе, с которого открывался вид на широкую долину. При лунном свете он увидел плавный изгиб шоссе, ведущего на юго-запад, и даже смог различить флюоресцентные разделительные линии на его полотне. Он поспешил вниз.

Он приближался к шоссе и уже даже слышал рев пролетающих мимо грузовиков, когда заметил впереди себя огонек. Макс осторожно приблизился, уверенный в том, что это и не машина, и не фермерский дом. С близкого расстояния выяснилось, что там горит небольшой костер, который можно было увидеть только сверху, с холма; со стороны шоссе его заслонял известняковый выступ. Какой-то человек, сидя на корточках, помешивал содержимое большой консервной банки, пристроенной на камнях над огнем.

Макс подкрался еще ближе и теперь глядел на стоянку бродяги почти прямо сверху. До него донесся запах варева, и рот его увлажнился. Разрываемый, с одной стороны, голодом, а с другой — врожденным недоверием горца к «иностранцам», он лежал неподвижно и смотрел. В конце концов человек снял посудину с огня и крикнул:

— Ты, там, кончай прятаться! Спускайся сюда!

Макс был слишком поражен, чтобы ответить сразу. Человек добавил:

— Иди сюда, к огню. Я не собираюсь нести его к тебе наверх.

Макс поднялся и вошел в круг света, отбрасываемого костром. Человек поднял на него глаза.

— Привет. Бери стул.

— Привет.— Макс присел на другой стороне костра. Бродяга был одет даже хуже него самого и явно давно не пользовался бритвой. Однако и в этих лохмотьях он производил впечатление какой-то изысканной небрежности и держался с прямо-таки воробьиной самоуверенностью.

Человек продолжал помешивать варево в своей посудине, а затем зачерпнул его ложкой, подул на нее и попробовал.

— Считай готово,— объявил он.— Четырехдневная похлебка уже почти созрела. Бери себе тарелку.

Он поднялся, покопался в куче меньших банок за своей спиной и выбрал одну из них. Макс чуть помедлил, а затем сделал то же самое, остановив свой выбор на той, в которой когда-то был кофе и которая, похоже, с того времени больше не использовалась. Гос-

теприимный хозяин налил ему щедрую порцию варева, а потом протянул ложку. Макс посмотрел на нее.

— Если ты не доверяешь тому парню, который пользовался ею до тебя,— рассудительно произнес бродяга,— подержи ее над огнем, а потом оботри. Что касается меня, то не беспокойся. Если клоп укусит меня, то погибнет в страшных мучениях.

Макс послушался этого совета, подержав ложку в огне, пока терпели пальцы, а потом вытерев ее собственной рубашкой.

Похлебка была хорошая, а голод сделал ее совершенно великолепной. Она была густая, из овощей и какого-то неопределенного мяса. Макс не стал ломать голову относительно происхождения составных элементов похлебки; он просто наслаждался ею. Через некоторое время хозяин сказал:

— Добавки?

— А? Конечно. Спасибо.

Вторая порция варева насытила Макса и наполнила каждую клеточку его организма ощущением блаженства. Он лениво потянулся, наслаждаясь своей усталостью.

— Ну что, полегчало? — спросил бродяга.

— Да, да еще как. Вот уж спасибо.

— Кстати, можешь называть меня Сэм.

— Ой, забыл. Меня звать Макс.

— Рад с тобой познакомиться, Макс.

Макс несколько помедлил, прежде чем задать вопрос, беспокоивший его все это время.

— Слышь, Сэм? А как ты узнал, что я был там? Ты что, услышал меня?

— Нет,— ухмыльнулся Сэм.— Но твой силуэт рисовался на фоне неба. Никогда больше не делай этого, мальчик, а то как-нибудь это станет последним, что ты сделаешь.

Макс резко повернулся и поглядел на то место, откуда смотрел на костер. Конечно же. Сэм был прав. Это надо же так влипнуть.

Сэм продолжил:

— И далеко ты собрался?

— Чего? Да, еще чапать и чапать.

Сэм помолчал, а затем сказал:

— Дома твои, верно, без тебя соскучились?

— Чего? Откуда ты это знаешь?

— Что ты из дома сбежал? Ведь ты же так и сделал, правда ведь?

— Да. Похоже, что так я и сделал.

— Когда ты сюда притащился, видок у тебя был — прямо скажу. Может, еще не поздно все это дело послать, пока ты еще не совсем сжег за собой мосты. Ты подумай, парнишка. На дороге — оно не сахар. Я-то это хорошо знаю...

— Вернуться? Я никогда не вернусь!

— Что, так уж тебя достало?

Макс не отвечал, глядя на пламя костра. Ему было крайне необходимо разобраться в своих собственных мыслях, даже если для этого требовалось рассказать чужаку о своем, личном,— а этот чужак был какой-то очень легкий в общении. С ним говорить было просто.

— Сэм, а Сэм, у тебя была когда-нибудь мачеха?

— Что? Как-то не припомню, чтоб у меня была такая штука. Меня целовал на ночь детский дом центрального Джерси.

— Вот оно что.— Макс, спотыкаясь, выложил всю свою историю. Сэм иногда прерывал Макса сочувственными вопросами, чтобы разобраться в невнятице его рассказа.— И вот тогда я смылся,— заключил Макс.— Больше нечего делать. Ведь правда?

Сэм пожевал губами.

— Пожалуй что и правда. Этот самый твой отчим в квадрате — он смахивает на мышь, которая хочет стать крысой. Но теперь ты от него хорошо ушел.

— Ты же не думаешь, что они попробуют найти меня и притащить назад, ведь не думаешь?

Сэм помолчал, подкладывая в костер новую деревяшку.

— А вот в этом я не уверен.

— Что? А зачем? Я ему не нужен. Ему нет до меня никакого дела. Да и мамочке тоже, если говорить правду. Она, конечно, может поскулить малость, но сама для меня пальцем о палец не ударит.

— Все это так, но есть еще и ферма.

— Ферма? Мне она не нужна. Теперь, когда отец умер. Да по правде говоря, и ферма та слова доброго не стоит. Там хребет себе переломить можно, пока вырастишь хоть какой-нибудь урожай. Если бы Закон о пищевом производстве не запретил владельцам земли прекращать использование сельскохозяйственных угодий,

отец давным-давно бросил бы обрабатывать свой участок. Без этого самого казенного проекта невозможно было бы найти такого идиота, который избавил бы нас от этой фермы.

— Про то я и говорю. Этот тип уговорил твою, так сказать, мамашу загнать ферму. Так вот, мое юридическое образование, может, и не очень,— но похоже, что деньги эти должны бы пойти тебе.

— Что? Да хрен с ними, с теми деньгами, мне лишь бы уйти куда подальше от этой парочки.

— Не произноси таких слов про деньги; власти предержащие повелят тебе заткнуться за подобное богохульство. Однако, скорее всего, то, как ты сам к этому относишься, не имеет ровно никакого значения. Насколько я понимаю, гражданин Монтгомери вскоре страстно возжелает увидеть тебя.

— С чего бы это?

— Твой отец оставил завещание?

— Нет. А зачем? Он не оставил после себя ничего, кроме этой фермы.

— Я, конечно, не знаком со всеми хитростями законов вашего штата, однако то, что по крайней мере половина этой фермы — твоя, ясно как божий день. Вполне возможно, что мачеха твоя имеет только право пожизненного пользования своей половиной с передачей тебе после ее смерти. И совершенно очевидно, что она не может заключить законную сделку без твоей подписи. И вот вскоре после того, как завтра утром откроется судебная контора вашего округа, предполагавшиеся покупатели это выяснят. Вот тут-то они и забегают, разыскивая ее. И тебя. И ровно через десять минут этот самый красавчик Монтгомери бросится искать тебя. Если только он не занят этим прямо сейчас.

— Господи боже! А если они меня найдут, имеют они право заставить меня вернуться?

— А ты не давай им себя найти. Ты успел для начала уйти довольно далеко.

Макс подобрал с земли свой рюкзак.

— Пожалуй, я лучше двинусь дальше. Огромное спасибо, Сэм. Может, и я тебе когда-нибудь пригожусь.

— Да сядь ты.

— Послушай, я уж лучше постараюсь убраться отсюда подальше.

— Парень, ты сейчас совсем выжатый, и поэтому голова у тебя не очень соображает. Ну и далеко ты сегодня уйдешь, в такой отличной форме? Вот завтра, ранним утром, ясным и солнечным, мы с тобой спустимся вместе к шоссе, пройдем по нему с милю на юг. Там есть кафе, в которое заезжают шоферы грузовиков. И вот тут-то мы и подцепим какого-нибудь дальнобойщика, когда он будет выходить в хорошем настроении после хорошего завтрака. Договоримся, чтобы он нас подвез, и ты за десять минут проедешь больше, чем пройдешь сейчас за всю ночь.

Макс не мог не согласиться, что устал, точнее — совершенно вымотался. Кроме того, Сэм без всякого сомнения понимал в таких делах больше, чем он.

— А одеяло-то у тебя есть в этой твоей торбе? — спросил Сэм.

— Нет. Только рубашка... и книги.

— Книги, говоришь? Я и сам люблю почитать, когда есть подходящий случай. Дай посмотреть.

Макс довольно неохотно вытащил свои книги. Сэм поднес их поближе к костру и перелистал.

— Ничего себе, чтоб я был трехглазый марсианин! Да ты, парень, хоть представляешь себе, что это у тебя за книги?

— А как же.

— Но этого же просто не может быть, чтобы они были твоими. Ты же не член гильдии астронавигаторов.

— Нет, а дядя мой был. Он участвовал в первом полете к Бете Гидры,— гордо добавил Макс.

— Трепешься!

— Вот те крест.

— Но сам-то ты никогда не был в космосе? Да нет, конечно же, нет.

— Но я обязательно буду.— Тут Макс неожиданно признал то, о чем никогда ни с кем еще не говорил: желание повторить путь своего дяди и тоже отправиться к звездам. Сэм задумчиво слушал его. Когда Макс кончил говорить, он медленно произнес:

— Так, значит, ты хочешь стать астронавигатором?

— Конечно же хочу.

Сэм почесал себе нос.

— Послушай, парень, не хотел бы я, чтобы мои слова были для тебя холодным душем, но ты же и сам понимаешь, как все это делается. Стать астронавигатором почти так же трудно, как попасть в

Гильдию водопроводчиков. Гильдия не встретит тебя с распростертыми объятиями только из-за того, что тебе, видишь ли, захотелось в нее вступить. Членство в ней, как и во всех хорошо оплачиваемых гильдиях, передается по наследству.

— Но ведь мой дядя был членом этой гильдии.

— Вот именно, дядя, а не отец.

— Нет, но член гильдии, у которого нет сыновей, имеет право представить кого-нибудь другого. Дядя Чет мне это объяснял. Он говорил мне, что собирается зарегистрировать мою кандидатуру.

— И он это сделал?

Макс молчал. В то время, когда дядя умер, он был еще слишком юным, чтобы суметь разобраться, как это можно узнать. А когда за дядей последовал отец, его без остатка поглотили домашние дела, и он так ничего не выяснил, подсознательно предпочитая лелеять свою мечту вместо того, чтобы подвергать ее проверке.

— Не знаю я,— наконец ответил он.— Я отправлюсь в Земпорт в Великое Братство и все узнаю.

— Да-а. Ну что ж, удачи тебе, парень.— Сэм глядел на огонь костра, как казалось Максу, печальными глазами.— Так я сейчас на боковую, и тебе советую. Если продрогнешь, там, под тем камнем, есть кой-чего — мешковина, упаковочные материалы и всякое такое. Не замерзнешь, если не боишься подхватить блохудругую.

Макс заполз в указанную ему темную нору и обнаружил, что это что-то вроде пещеры в известняке. Ощупав пол, он нашел некое подобие подстилки. Он думал, что будет плохо спать, однако полностью выключился еще раньше, чем Сэм потушил костер.

Разбудило его солнечное сияние, разливавшееся снаружи. Он выполз из тесной норы, встал и потянулся, прогоняя одеревенение из своего тела. Судя по солнцу, было часов семь. Сэма нигде не было видно. Он осмотрел все вокруг, покричал, правда не слишком громко, и решил, что Сэм отправился к ручью попить и умыться. Тогда он вернулся в свое прибежище и вытащил оттуда рюкзак, собираясь сменить носки.

Дядиных книг не было.

На его запасной рубашке лежала записка: *«Дорогой Макс,— говорилось в ней.— В котелке еще остался супчик. Можешь подогреть его на завтрак. Пока. Сэм. P. S. Жаль, что так вышло»*.

Последующее исследование содержимого рюкзака показало, что пропало и удостоверение личности, но остальное жалкое хозяйство Макса Сэма не заинтересовало. Макс не притронулся к похлебке, а сразу пошел к шоссе, терзаемый горькими мыслями.

Глава 3
ЗЕМПОРТ

Грузовое шоссе по виадуку пересекало грунтовую дорогу, по которой шел Макс. Он поднялся к дальней стороне шоссе и направился на юг по его обочине. Путь этот был отмечен знаками «Проход воспрещен», но, несмотря на это, тропинка была хорошо протоптана. Потом шоссе расширилось, чтобы дать возможность машинам снижать скорость. Далее, на расстоянии порядка мили, виднелось кафе — видимо, то самое, о котором говорил Сэм.

Макс перескочил через изгородь, окружавшую кафе и стоянку для машин, и подошел к стояночным ячейкам, в которых в ряд выстроилось порядка дюжины больших наземных кораблей. Один из них, готовившийся к отправлению, мелко дрожал, его плоское днище уже зависло в нескольких дюймах от металлического покрытия площадки. Макс подошел к переднему концу этого грузовика и снизу заглянул в кабину. Дверца была открыта, и через нее был виден водитель, наклонившийся над приборной доской.

— Эй, мистер! — окликнул его Макс.

Водитель высунул голову наружу.

— Чего тебе?

— Вы, случаем, не подвезете меня на юг?

— Да иди ты, парень.— Дверца захлопнулась.

Ни один из остальных грузовиков не готовился к скорому отправлению, кабины их были пусты. Макс собрался было уже уйти, когда еще один гигантский грузовик скользнул по тормозной полосе, достиг стоянки, медленно вполз в ячейку и, наконец, опустился на землю. Макс думал, не подойти ли к водителю сразу, но решил подождать, пока тот поест. Он отошел к зданию кафе и сквозь стекло стены, сглатывая слюни, смотрел, как изголодавшиеся мужчины изничтожают пищу, когда услышал за своим плечом приятный голос:

— Простите, пожалуйста, но вы заслоняете дверь.

— Ой, извините, пожалуйста,— испуганно дернулся Макс.

— Проходите, пожалуйста, вы же раньше меня.— Говоривший был лет на десять старше Макса. Его густо усыпанное веснушками лицо улыбалось почему-то только одним из уголков рта, а к шапочке, как заметил Макс, был приколот значок Гильдии водителей грузовиков.— Входите,— повторил человек,— а то рискуете, что вас тут в сутолоке затопчут.

Макс убеждал себя, что он просто посмотрит, нет ли там, внутри, Сэма,— в конце концов, не возьмут же они с него плату за то, что он просто войдет внутрь, если он не будет ничего есть. Почти втайне от самого себя он подумывал спросить управляющего, если у того будет достаточно дружелюбный вид, не найдется ли у них какой мелкой работы за обед. Слова этого веснушчатого склонили чашу весов; он проследовал за своим носом по направлению источника божественных запахов, струившихся из дверей кафе.

Кафе было переполнено, свободен был только один столик на двоих. Человек легко опустился в кресло и пригласил:

— Садитесь.— Увидев, что Макс мнется, он добавил: — Давай садись. Ненавижу есть в одиночку.

Макс ощутил на себе взгляд управляющего и сел. Официантка вручила каждому из них меню, и водитель одобрительно окинул ее взглядом. Когда девушка отошла, он заметил:

— Раньше в этой помойке была автоматическая система обслуживания, и они разорились. Вся торговля перешла в «Тиволи», в восьмидесяти милях отсюда. Новый хозяин выкинул всю эту хурду-мурду на свалку, набрал девиц, и дело снова пошло. Ничто не улучшает вкус еды так, как хорошенькая девушка, ставящая ее на столик перед тобой. Верно ведь?

— Э-э... наверное. Конечно.

Макс не слышал, что ему сказал водитель. Он очень редко бывал в кафе, да и то только за стойкой в Клайдовских Углах. Цены в меню его ужаснули; ему хотелось заползти под столик.

Шофер внимательно посмотрел на него.

— В чем дело, браток, что тебя беспокоит?

— Беспокоит? Да ничего.

— Ты что, без цента?

Жалкое выражение лица Макса само ответило на этот вопрос.

— Ерунда, со мной такое частенько бывало. Ты успокойся.— Махнув рукой, он подозвал официантку.— Давай сюда, радость моя. Мы с напарником возьмем по бифштексу с яйцом сверху, а к нему это вот и вот это. И я хочу, чтобы яйцо было совсем чуть прожарено. Если оно будет, как подошва, я прибью его к стене как предостережение для потомков. Ясно?

— Да ты небось не сможешь даже гвоздь в яичницу вбить,— фыркнула девица и отошла, соблазнительно покачиваясь. Водитель не спускал с нее глаз, пока она не исчезла на кухне.— Видишь, про что я говорю! Ну разве ж может с этим конкурировать какая-то там механизма?

Бифштекс был отличным, и яйцо свернулось не совсем. Водитель сказал, чтобы Макс называл его «Рэд», а Макс в ответ сказал свое имя. Макс как раз подтирал кусочком хлеба остатки желтка с тарелки и раздумывал, сейчас поднять вопрос насчет поездки или чуть погодя, когда Рэд слегка наклонился вперед и негромко сказал:

— Макс, ты куда-нибудь торопишься? У тебя найдется время для небольшой работы?

— Что? Ну, вполне возможно. А какая работа?

— Не против малость проехать на юго-запад?

— Юго-запад? По правде говоря, туда я и направляюсь.

— Добро. Так вот, какое дело. Хозяин говорит, что на каждой машине должно быть два водителя — а в противном случае надо отдыхать восемь часов после восьми за рулем. А я не могу сейчас этого себе позволить. За опоздание будет штраф, а напарник мой отключился. Этот дуболом налакался, и мне пришлось оставить его, чтобы малость пришел в себя. Так вот, через сто тридцать миль отсюда будет контрольный пост. Если я не предъявлю им второго водителя, они заставят меня остановиться.

— Да ты что, Рэд, я же не умею водить. Конечно, очень жалко.

— Да тебе и не надо будет — отмахнулся Рэд.— Ты каждый раз будешь отдыхающим водителем. Ты что, думаешь, я доверю свою малютку «Молли Мэлоун» кому-нибудь, незнакомому с ней? Я продержусь на стимуляторах, а посплю недобранное уже в Земпорте.

— Ты что, едешь до самого Земпорта?

— Конечно.

— Тогда заметано.

— Порядок. Так вот как это будет. Каждый раз, когда будем проезжать контрольный пункт, ты — спишь на койке. Ты помогаешь мне нагружать и разгружать — я должен скинуть часть груза и взять кое-что еще в Оклахома-Сити. А я тебя кормлю. Порядок?

— Порядок.

— Тогда почапали. Я хочу смыться отсюда до того, как тронутся остальные. Никогда не знаешь, кто из них может настучать.— Рэд кинул на стол бумажку и не стал ждать сдачу.

«Молли Мэлоун» была двухсот футов в длину и имела обтекаемую форму, создававшую на ходу отрицательную подъемную силу. Макс понял это, глядя на приборы; когда она задрожала и приподнялась над землей на стоянке, шкала «расстояние от грунта» показала девять дюймов, а после разгона это расстояние уменьшилось до шести.

— Отталкивание обратно пропорционально кубу расстояния,— объяснил Рэд.— Чем сильнее воздух прижимает нас к полотну, тем сильнее дорога нас отталкивает. Это не дает нам прыгнуть за горизонт. Чем быстрее мы едем, тем устойчивее.

— А что, если ты пойдешь с такой скоростью, что воздух прижмет днище к дороге? Ведь тогда же все мы на куски разлетимся!

— Шевели мозгами. Чем сильнее мы проседаем, тем сильнее нас отталкивает вверх. Я же сказал, обратно пропорционально кубу.

— А, ясно.— Макс вытащил дядину счетную линейку.— Если она как раз удерживает свой вес при клиренсе девять дюймов, тогда при трех дюймах отталкивание будет в двадцать семь раз больше ее веса, при одном дюйме — в семьсот двадцать девять, а при четверти дюйма...

— О таком даже и не думай. Даже при максимальной скорости я не могу опустить ее до пяти дюймов.

— А что ее двигает?

— Сдвиг по фазе. Поле бежит вперед, а «Молли» пытается его догнать... и никогда не может. Ты только не пытай меня про всю эту теорию — я просто нажимаю кнопки.— Рэд закурил сигарету и, держа рычаг управления одной рукой, удобно откинулся на спинку сидения.— А теперь забирайся-ка ты, друг, в койку. Контрольный пост через сорок миль.

Койка была расположена за кабиной, поперек машины, это было что-то вроде полки над сиденьем. Макс вскарабкался туда и замотался в одеяло. Рэд подал ему шапочку, точь-в-точь как свою.

— Натяни ее себе на глаза, только пусть будет видно эту бляху.— Бляхой был значок Гильдии водителей. Макс сделал, как ему было сказано.

Через некоторое время звук встречного потока воздуха с негромкого рева перешел на легкое посвистывание, а потом и совсем стих. Грузовик осел на дорожное полотно, дверца кабины открылась. Он лежал тихо, и ему не было видно происходящего.

— И как долго ты ее гонишь? — спросил какой-то голос.

— Да вот, сел после завтрака у Тони.

— Всего-то? Что ж это у тебя такие красные глаза?

— Это оттого, что я веду дурную жизнь. А язык показать?

На шуточку инспектор реагировать не стал, а вместо этого наставительно заметил:

— Твой напарник не расписался в путевке.

— Как вам будет угодно. Хотите, я разбужу этого придурка?

— Э-э... да нет, обойдемся. Распишись за него сам. Только скажи ему потом, чтобы был в другой раз повнимательней.

— Точно.

«Молли Мэлоун» тронулась с места и набрала скорость. Макс сполз вниз.

— Когда он спросил про мою подпись, я уже думал, что мы влипли.

— Да нарочно я это сделал,— ухмыльнулся Рэд.— Всегда надо кинуть им какую-нибудь косточку, чтоб погрызть, а то они сами начнут все раскапывать.

Грузовик Максу понравился. Огромная скорость, да еще так близко к земле, приводила его в восторг; он уже стал подумывать, что, если вдруг не удастся стать астронавтом, такая жизнь — это тоже было бы неплохо; он узнает, сколько надо на вступительный взнос в гильдию и начнет откладывать деньги. Ему нравилась непринужденность, с которой Рэд выбирал на дорожном полотне линию, соответствующую скорости «Молли», и потом клал огромный грузовик в вираж. Обычно это бывала внешняя, самая быстрая линия, «Молли» заваливалась набок, и горизонт перекашивался под диким углом.

Подъезжая к Оклахома-Сити, они пролетели под кольцевыми направляющими ЧСЗ-дороги как раз в тот момент, когда проходил поезд — «Бритва», по расчетам Макса.

— Когда-то я водил эти штуки,— произнес Рэд, бросив взгляд вверх.

— Ты водил их?

— Ага. Но потом мне стало в них как-то неспокойно. Я ненавидел ощущение невесомости, которое появлялось при каждом прыжке. А еще мне стало казаться, что у поезда есть собственные намерения и он просто рвется свернуть вбок вместо того, чтобы спокойно войти в следующее направляющее кольцо. От таких мыслей не приходится ждать ничего хорошего. Тогда я нашел водителя, который горел желанием поднять свое положение, и заплатил обеим гильдиям за разрешение поменяться с ним. И не пожалел потом об этом ни разу. Две сотни миль в час на таком малом расстоянии от земли — этого более чем достаточно.

— А как насчет космических полетов?

— Ну, это же совсем другое дело. Там у тебя есть свободное место со всех сторон. Знаешь, парень, когда ты будешь в Земпорте, обязательно хорошенько посмотри на эти большие штуки. Они того стоят.

Библиотечная книга прямо жгла Макса через рюкзак; в Оклахома-Сити он заметил почтовый ящик около стоянки грузовиков и, повинуясь мгновенному импульсу, кинул книгу туда. Сделав это, он почувствовал легкий укол беспокойства: этим он раскрывал свое местоположение, и этот ключ мог попасть к Монтгомери. Но, с другой стороны — ведь он же *обязан* вернуть книгу. Его не беспокоили нарушения закона: ни то, что он заходил в места, обозначенные «Вход воспрещен», ни то, что он сейчас изображал из себя второго водителя; невозвращение библиотечной книги — это было совсем другое дело. *Это был грех.*

Когда они прибыли на место, Макс спал на койке. Рэд потряс его за плечо.

— Парень, конец маршрута.

Макс сел, широко зевая.

— А где мы?

— Земпорт. Давай малость встряхнемся и разгрузим эту красотку.

К тому времени, как они разобрали груз «Молли», с восхода прошло два часа и уже становилось по-пустынному жарко. Рэд последний раз повел Макса завтракать. Он кончил есть первым, заплатил и затем положил рядом с тарелкой Макса бумажку.

— Спасибо, парень. А это — тебе на счастье. Пока.

Пока Макс сидел с раззявленным ртом, он уже исчез. Макс так никогда и не узнал его фамилии; он даже не заметил номера на его значке.

Земпорт был самым большим поселением, какое Макс когда-либо видел в своей жизни. Все здесь смущало и несколько пугало — спешащие куда-то толпы не обращающих ни на что внимания людей, огромные здания, движущиеся дорожки, заменявшие обычные улицы, шум, пустынное солнце, сверкавшее в небе, ровная, как стол, местность — это надо же, вплоть до горизонта невозможно было найти ни одного, даже самого завалящего холмика.

Тут он впервые увидел инопланетянина — восьмифутового уроженца Эпсилона Близнецов-V. Тот вышел из какого-то магазина со свертком под левыми руками — так же непринужденно, подумал Макс, как фермер, явившийся в Углы за субботними покупками. Макс уставился на инопланетянина. По снимкам в газетах и СВ-программам он знал, что это за существо, но увидеть своими глазами — это ж совсем другое дело. Многочисленные глаза, видом напоминавшие цепочку желтых виноградин вокруг головы, придавали существу гротескный, вроде как безликий вид. Макс крутил головой, следя за ним.

Существо подошло к полицейскому, дотронулось одной из многочисленных рук до шапочки и произнесло:

— Проштите, пошалуста, шеф, вы не мокли пы шкашать, как пройти к атлетическому клупу «Пальмы пуштыни»? — Откуда исходили звуки — этого Макс так и не понял.

В конце концов Макс заметил, что, кроме него, никто не глазеет на инопланетянина; тогда он медленно побрел дальше, время от времени поглядывая назад. Это вскоре привело к тому, что он налетел на одного из прохожих.

— Ой, простите меня, пожалуйста! — испуганно выпалил Макс. Незнакомец внимательно поглядел на него.

— Поосторожней, браток. Ты же теперь в большом городе.

После этого Макс старался быть внимательнее.

Он собирался сразу найти, где находится Гильдия Великого Братства астронавигаторов, в отчаянной надежде на то, что даже без дядиных книг и удостоверения личности он сможет доказать, кто он такой, и узнать, успел ли дядя Чет позаботиться о его будущем. Однако все вокруг было так интересно и так хотелось на все поглазеть, что он заблудился. Макс обнаружил себя в конце концов перед фасадом Имперского Дома, отеля, обещавшего обеспечить необходимое сочетание давления, температуры, освещения, атмосферы, псевдогравитации и питания для любого известного вида разумных существ. Он поошивался некоторое время неподалеку в надежде увидеть кого-либо из постояльцев, но единственный, появившийся из отеля за то время, пока он ждал, выкатился в чем-то вроде цистерны высокого давления, заглянуть внутрь которой не было никакой возможности.

Он заметил, что охранник, стоящий у двери отеля, поглядывает на него, и двинулся было дальше, но потом решил спросить, в какую сторону идти, рассуждая, что если уроженец созвездия Близнецов мог расспрашивать полицейского, то, конечно же, и человек может сделать то же самое. И с удивлением обнаружил, что прямо цитирует инопланетянина.

— Простите, пожалуйста, сэр, вы не могли бы сказать мне, как пройти к Гильдии астронавигаторов?

Полицейский оглядел Макса.

— В конце Авеню Планет, перед самым портом.

— Мм... а в какую...

— Недавно здесь?

— Ага. Да, сэр.

— И где ты остановился?

— Остановился? Да пока еще нигде. Я только что сюда приехал. Я...

— А какие у тебя дела в Гильдии астронавигаторов?

— Это по поводу моего дяди,— жалко пробормотал Макс.

— Твоего дяди?

— Он... он астронавигатор.— Макс мысленно попросил у Бога прощения за использование в фразе настоящего времени.

Полицейский вновь оглядел его.

— Отправляйся по этой дорожке до ближайшего перекрестка, там перейди и ступай на запад. Это здоровое здание со знаком Гильдии — изображением солнца над входом. Мимо не пройдешь. Только не лезь в места, куда запрещен вход.

Макс двинулся, не дав себе труда выяснить, каким, собственно, образом он должен догадываться, куда запрещен вход. Найти Гильдию и вправду оказалось просто; бежавшая на запад движущаяся дорожка нырнула под землю, а когда она вновь вынырнула и пошла на поворот в обратную сторону, Макс оказался прямо перед нужным ему зданием.

Но глядел он не на него. На запад, где кончалась авеню и не было больше домов, расстилалась площадь космопорта, а на ней — корабли, миля за милей. Маленькие проворные стрелы боевых кораблей; тупорылые лунные челноки; крылатые работяги, которые обслуживают орбитальные станции; автоматические грузовики, мощные и неуклюжие. А прямо напротив входа, не более чем в полумиле от него, стоял огромный корабль, который он узнал с первого взгляда,— звездный корабль «Асгард». Он знал его биографию, на нем служил дядя Чет. Сотню лет назад его построили в космосе, это был корабль системы «космос—космос», не садившийся ни на какую планету, только тогда он назывался «Принц Уэльский». Прошли годы, с него сняли ракетные двигатели, разожгли вместо них масс-конверсионный факел и дали ему новое имя: «Эйнштейн». Прошли еще годы, около двадцати лет он вращался вокруг Луны — бесполезная, допотопная пустая скорлупа. Теперь на нем вместо факела стояли движители Хорста—Конрада, отталкивающиеся от самой ткани пространства; благодаря им он смог наконец познакомиться с поверхностью Матушки-Земли. В ознаменование нового рождения он получил имя «Асгард», в честь небесного обиталища богов.

Его грузная грушеподобная туша покоилась на более остром своем конце, поддерживаемая лесом невидимых издалека выдвижных опор. Вокруг корабля стояло ограждение, долженствующее преградить неосторожным случайным людям путь в опасное место.

Макс прижался носом к входным воротам космопорта, пытаясь получше разглядеть этот корабль. Через некоторое время его окликнул чей-то голос:

— Брысь отсюда, Джек! Ты что, знака не видишь?

Макс взглянул на ворота. Над его головой висел знак «Запретная зона». Он с неохотой отошел от ворот и направился к зданию Гильдии.

Глава 4
ГИЛЬДИЯ АСТРОНАВИГАТОРОВ

Все в здании Великого Братства представлялось глазам Макса роскошным, устрашающим; впечатление было такое, словно находишься в церкви. Огромные двери при его приближении бесшумно раскрылись, уйдя куда-то в глубь стен. На покрытом ковром полу шагов было не слышно. Он глядел вдоль длинного, высокого фойе, раздумывая, куда же идти теперь, когда его остановил твердый голос.

— Я могу быть вам чем-нибудь полезной?

Он повернулся. На него смотрела строгого вида очаровательная молодая женщина. Она сидела за столом. Макс подошел к ней.

— М-м-м... Может, вы можете сказать мне, миссис, к кому бы мне тут обратиться. Я, по правде говоря, не совсем точно знаю...

— Секунду. Пожалуйста, как ваша фамилия? — За несколько минут она вытащила из него все основные факты, связанные с его розысками.— Насколько я могу понять, вы не имеете здесь никакого статуса, а также и никакого повода обращаться в Гильдию.

— Но я же вам рассказал, что...

— Ладно. Я передам это в юридическое управление.— Она дотронулась до какой-то кнопки, и из стола поднялся экран. Глядя на экран, женщина произнесла: — Мистер Хэнсон, вы можете уделить минутку?

— Да, Грейс?

— Тут у нас один юноша, который считает, что наследственно принадлежит к Гильдии. Вы можете с ним побеседовать?

— Грейс,— ответил голос,— вы же знаете, как это делается. Запишите адрес, пошлите его заниматься своими делами, а бумаги пришлите сюда для рассмотрения.

Она нахмурилась и тронула другую кнопку. Теперь, хотя Макс и видел, что женщина продолжает говорить, не слышал ни звука.

Поговорив, она кивнула, затем экран скользнул обратно в стол. Она тронула еще одну кнопку и позвала:

— Скитер!

Из двери за ее спиной выскочил мальчик-посыльный и оглядел Макса холодными глазами с головы до ног.

— Скитер,— продолжила она,— проводите этого посетителя к мистеру Хэнсону.

Посыльный фыркнул:

— Его, что ли?

— Его. А кроме того, застегните воротник рубашки и выкиньте куда-нибудь эту свою жвачку.

Мистер Хэнсон выслушал рассказ Макса и передал его своему начальнику, главному юридическому советнику. Пришлось рассказывать в третий раз. Чиновник задумчиво побарабанил пальцами по крышке, а затем поговорил с кем-то, используя такое же заглушающее приспособление, как ранее девушка.

Потом он повернулся к Максу.

— Сынок, тебе очень повезло. Наипочтеннейший Верховный Секретарь соблаговолил уделить тебе несколько минут своего времени. Так вот, когда ты войдешь к нему, не садись, помни, что ты должен говорить только тогда, когда к тебе обращаются, и быстро удались, когда он скажет тебе, что аудиенция окончена.

По сравнению с кабинетом Верховного Секретаря вся та роскошь, которая поражала Макса до этого, казалась строгим аскетизмом. Один ковер стоил не меньше, чем вся ферма, на которой вырос Макс. Нигде не было видно средств связи, документов, не было даже письменного стола. Верховный Секретарь полулежал в огромных размеров кресле, какой-то служитель массировал ему затылок. При появлении Макса Секретарь поднял голову и произнес:

— Входи, сынок. Садись сюда. Как тебя зовут?

— Максимиллиан Джонс, сэр.

Они глядели друг на друга. Секретарь видел долговязого юнца, которому не помешали бы стрижка, ванна и приличная одежда; Макс видел толстого коротышку в помятой униформе. Голова его казалась великовата для туловища, а что касается глаз, то Макс не мог решить однозначно — смотрят они сочувственно или холодно.

— И ты — племянник Честера Артура Джонса?

— Да, сэр.

— Я хорошо знал Брата Джонса. Великолепный математик.— Верховный Секретарь продолжил: — Я так понимаю, что ты имел несчастье потерять свое правительственное удостоверение личности. Карл.

Он не повышал голоса, однако в кабинете мгновенно появился молодой человек.

— Да, сэр?

— Сними отпечаток большого пальца этого юноши, свяжись с Бюро Идентификации — не здешним, а с главной конторой в Новом Вашингтоне. Передай привет от меня начальнику Бюро и скажи ему, что я буду крайне благодарен, если они произведут идентификацию, пока ты находишься у аппарата.

С Макса быстро сняли отпечаток, и человек по имени Карл ушел из кабинета. Верховный Секретарь продолжил:

— Какова цель твоего приезда сюда?

Макс неуверенно объяснил, что дядя собирался представить его для ученичества в Гильдии.

— Так я и думал,— кивнул Верховный Секретарь.— Жаль разочаровывать тебя, юноша, но Брат Джонс не сделал никаких представлений.

Макс с трудом осознал смысл такого простого утверждения. Настолько его внутренняя гордость была связана с гордостью за профессию дяди, настолько все его надежды покоились на вере в то, что дядя назвал его наследником своей профессии, что он не мог так сразу принять приговор, что он — никто и ничто. Он выпалил:

— А вы совершенно уверены? Вы проверяли?

На лице массажиста появилось шокированное выражение, но Верховный Секретарь ответил спокойно:

— Архивы были обследованы, и не один раз, а дважды. Сомнений быть не может.— Он сел, сделал легкое движение рукой, и служитель испарился.— Крайне сожалею.

— Но он же мне говорил,— набычился Макс.— Он говорил, что собирается.

— И несмотря ни на что, он этого не сделал.— Человек, бравший отпечаток пальца, появился в кабинете и передал Верховному Секретарю записку. Тот бросил на нее взгляд и откинул ее в сторону.—

У меня нет ни малейших сомнений, что он думал о тебе. Представление кандидатуры в наше братство связано с серьезнейшей ответственностью; вполне обычна ситуация, когда бездетный брат в течение длительного времени присматривается к какому-либо подходящему парню, прежде чем решит, стоит он того или нет. По каким-то причинам твой дядя не назвал твоего имени.

Макс был крайне поражен этой унижавшей его теорией, что любимый дядя мог счесть его недостойным. Это не могло быть правдой — ведь как же, всего за день до своей смерти он говорил... Макс прервал свои мысли, чтобы сказать:

— Сэр, думаю, что я знаю, как это все получилось.

— Да?

— Дядя Честер умер внезапно. Он собирался назвать меня, но не имел такой возможности. Я совершенно в этом уверен.

— Возможно. Нередко человек не успевает привести в порядок свои дела, прежде чем выходит на последнюю орбиту. Однако я обязан исходить из предположения, что он знал, что делает.

— Но как же...

— Молодой человек, это все. Нет, не уходи еще. Я думал о тебе сегодня.— На лице Макса появилось изумление. Верховный Секретарь улыбнулся и продолжил: — Видишь ли, ты — второй «Максимиллиан Джонс», явившийся к нам с этой историей.

— Как?

— Вот именно, как.— Он сунул руку в карман своего кресла, вытащил оттуда несколько книг и карточку и протянул их Максу, который смотрел, не веря своим глазам.

— Книги дяди Чета!

— Да. Другой человек, старше тебя, вчера появился здесь с этими книгами и твоим удостоверением. Но у него было поменьше амбиций, чем у тебя,— сухо добавил Секретарь.— Он был согласен на положение не столь высокое, как у астронавигатора.

— И что же вышло?

— Когда мы попытались снять у него отпечатки пальцев, он неожиданно исчез. Сам я его не видел. Но когда сегодня появился ты, мне уже стало интересно, сколько еще «Максимиллианов Джонсов» удостоят нас своим вниманием. В будущем береги получше эту карточку — я так понимаю, что мы спасли тебя от штрафа.

Макс положил удостоверение во внутренний карман.

— Огромное спасибо, сэр.

Он начал засовывать книги в свой рюкзак, но Верховный Секретарь жестом остановил его.

— Нет, нет! Верни, пожалуйста, эти книги.

— Так ведь дядя Чет подарил их мне.

— Очень жаль, но в самом крайнем случае он мог дать их тебе на время — и даже этого он не должен был делать. Орудия нашей профессии не бывают личной собственностью — они выдаются каждому из братьев на время. Выходя в отставку, твой дядя должен был их вернуть, хотя некоторые братья из сентиментальных соображений не хотят с ними расставаться. Передай их, пожалуйста, мне.

Макс все-таки медлил.

— Да ты сам подумай,— увещевающе сказал чиновник.— Разве годится, чтобы наши профессиональные секреты бродили неведомо где и были доступны кому угодно. Такого не допускают даже парикмахеры. На нас лежит огромная ответственность перед народом. Законным хранителем этих руководств может быть только член нашей гильдии, который прошел обучение, тренировку, проверку, принял присягу и был принят.

Ответ Макса был еле слышен.

— Да что же в этом плохого? Я же не буду ими пользоваться, если на то пошло.

— Но ты, конечно же, не являешься сторонником анархии? Все наше общество базируется на том, что важные секреты доверяются только тем, кто этого достоин. Но ты не грусти. Каждый из братьев, когда ему выдаются орудия его труда, оставляет казначею задаток. Я считаю, что, так как ты ближайший родственник брата Джонса, мы вполне можем возвратить этот задаток тебе — за возвращение книг. Карл.

Молодой человек вновь возник едва ли не раньше, чем было произнесено его имя.

— Деньги из депозита, пожалуйста.

Деньги были у Карла с собой. Создавалось впечатление, что он зарабатывает себе на жизнь тем, что всегда знает, что Верховный Секретарь собирается пожелать. Макс неожиданно для себя обнаружил, что принимает внушительную пачку денег — больше, чем

он когда-либо в жизни видел; книги были взяты у него прежде, чем он смог придумать еще какое-либо возражение.

Похоже, что пора было уходить, однако ему снова жестом указали на стул.

— Мне лично очень жаль тебя разочаровывать, но я — лишь слуга своих братьев; у меня нет выбора. И в то же время...— Тут Верховный Секретарь сложил кончики пальцев своих рук друг с другом.— *Наше братство не оставляет в беде своих. В моем распоряжении* есть средства для таких случаев. Ты не хотел бы пойти в обучение?

— Для Гильдии?

— Нет, конечно же, нет! Мы не собираемся раздавать из соображений благотворительности членство нашего братства. Обучение какой-либо приличной профессии — кузнеца, или повара, или портного — что ты пожелаешь. Любой род занятий, не передаваемый по наследству. Братство поддержит тебя, заплатит за твое обучение и, если ученье хорошо пройдет, одолжит тебе деньги на вступительный взнос в гильдию.

Макс понимал, что должен с благодарностью принять это предложение. Ему бесплатно предлагали благо, которое тысячи из кишащих на улице людей не получат никогда и ни на каких условиях. Однако некое врожденное чувство противоречия, то же самое, из-за которого он с презрением вылил на землю оставленный Сэмом суп, сделало так, что щедрое предложение костью застряло у него в глотке.

— Конечно, большое спасибо,— ответил он почти что уверенным голосом,— но я не думаю, что вправе на это согласиться.

На лице Верховного Секретаря появилось мрачноватое выражение.

— Ты так думаешь? Ну что ж, это — твоя жизнь, тебе и жить.— Он щелкнул пальцами, появился посыльный и проводил гостя на улицу.

Макс стоял на ступеньках здания Гильдии и отрешенно размышлял, что же делать дальше. Теперь его не привлекали даже корабли, стоявшие на космодроме; у него подкатывали слезы, если он смотрел на них. Вместо этого он взглянул на восток.

В этом направлении, на небольшом от него расстоянии некая подтянутая фигура стояла, небрежно облокотившись о мусорный

бак. Когда глаза Макса остановились на этом человеке, тот выпрямился, бросил окурок на мостовую и направился к нему.

Макс вгляделся получше.

— Сэм!

Вне всяких сомнений, это был тот самый бродяга, который его обокрал,— хорошо одетый, гладко выбритый — но все равно тот же самый Сэм. Макс торопливо пошел ему навстречу.

— Приветик, Макс! — поприветствовал его Сэм без малейшей тени смущения.— И как делишки?

— Мне бы нужно сказать, чтобы тебя арестовали!

— Тише, тише, говори поспокойнее. Ты привлекаешь к себе внимание.

Макс глубоко вздохнул и заговорил потише.

— Ты украл мои книги.

— Ты говоришь — твои книги? Да они же не были твоими — я вернул их настоящим хозяевам. Ты что, хочешь, чтобы меня арестовали за это?

— Но ведь ты... И в любом случае ты...

За спиной Макса прозвучал голос, вежливый, твердый и официальный:

— Сэр, этот человек досаждает вам?

Макс повернулся и увидел полицейского. Он собрался было что-то сказать, но сразу прикусил язык, сообразив, что вопрос был адресован Сэму.

Сэм взял Макса за руку повыше локтя жестом покровительственным и отеческим; хватка тем не менее была твердой.

— Да нет, офицер, все в порядке. Спасибо.

— Вы совершенно в этом уверены? Мне передали, что этот мальчонка двигается в эту сторону и чтобы я малость приглядывал за ним.

— Это мой друг. Я его здесь ждал.

— Как знаете. У нас уйма хлопот с бродягами. Похоже, все они так и рвутся в Зем порт.

— Он не бродяга. Это мой молодой друг из провинции; боюсь, он тут немного запутался. Я за него отвечаю.

— Очень хорошо, сэр. Спасибо.

— Совершенно не за что.— Макс позволил Сэму увести себя. Когда они были вне слышимости полицейского, Сэм сказал: — Едва

пронесло. Этот въедливый придурок засунул бы нас обоих в каталажку. Ты, парень, правильно сделал, что не разевал зря свою варежку.— Свернув за угол, он отпустил наконец руку Макса и широко ухмыльнулся.— Ну так что, парень?

— Мне надо было сказать ему все про тебя.

— И что ж ты молчал? Он же стоял перед тобой.

Макса разрывали противоречивые чувства. Само собой, он злился на Сэма, однако его первой, непосредственной реакцией при виде бродяги было теплое чувство, которое испытываешь, увидев знакомое лицо в толпе чужих; злость пришла на какую-то долю секунды позднее. Теперь Сэм смотрел на него с легким цинизмом, по лицу его блуждала загадочная улыбка.

— Ну так что же, парень? — повторил он.— Если ты и вправду хочешь сдать меня, пошли назад и покончим с этим. Я не убегу.

Макс бросил на Сэма раздраженный взгляд.

— Да брось ты это, забудем!

— Спасибочки. Мне жаль, парень, что так вышло, честно жаль.

— Тогда зачем ты это сделал?

Лицо Сэма неожиданно приобрело печальное, отстраненное выражение, потом на нем вновь появился тот же жизнерадостный цинизм.

— Меня ввела в соблазн одна идея, старик,— у каждого человека есть свои пределы. Когда-нибудь потом я тебе все расскажу. А теперь — как насчет того, чтобы поработать челюстями и почесать языками? Тут неподалеку есть одна такая забегаловка, где можно потрепаться и этот самый шум не глушит тебя все время.

— Не знаю, хочу ли я.

— Да брось ты кочевряжиться. Еда там не бог весть что, но все-таки получше моего супчика.

Макс был готов произнести выспреннюю речь о том, почему он не стал сдавать Сэма в полицию, и о том, почему у него нет ни малейшего желания разделить с Сэмом обед; однако при упоминании о супчике осекся. Он припомнил, как Сэм, не расспрашивая его о моральных устоях, просто поделился своей пищей.

— Ну... ладно.

— Вот это то, что я называю «правильный парень».

Они пошли по переулку. Этот район принадлежал к разновидности, которую можно найти поблизости от порта в любом пор-

товом городе; как только они свернули с помпезной Авеню Планет, толпа стала гуще, шумнее, оживленнее и вроде как-то теплее и дружественнее, несмотря на сильный душок «не выпускай кошелька из рук». Крохотные портняжные мастерские, маленькие ресторанчики, не чересчур сверкавшие чистотой, дешевые гостиницы, сомнительные игорные заведения, какие-то притоны, выставки, как «образовательные», так и «научные», уличные торговцы, театрики с аляповатыми афишами, из чьих дверей просачивались звуки музыки, букмекерские конторы, притворяющиеся магазинчиками, астрологические салоны, притворяющиеся татуировочными ателье, и, конечно же, неизбежная миссия Армии Спасения придавали этому переулку аромат, которого не хватало его более пристойным родственникам. Марсиане в респираторах и темных очках со стеклами в форме листьев клевера, гуманоиды с Беты Ворона-3, какие-то твари с внешними скелетами, явившиеся Бог знает откуда,— все они толкались в одной толкучке с людьми всех возможных цветов и оттенков, и все сливались в легкое, непринужденное братство.

Сэм остановился перед заведением с древним традиционным знаком трех золотых шаров.

— Подожди здесь малость. Я сейчас.

Макс ждал, глазея на толпу. Вскоре Сэм снова появился, но без своего плаща.

— Ну, теперь мы можем и поесть.

— Сэм, ты что, заложил свой плащ?

— Возьми с полки пирожок. Как это ты догадался?

— Но ведь... Слушай, я же не знал, что ты на мели, у тебя такой процветающий вид. Забери его назад, я... я заплачу за обед.

— Надо же, это очень мило с твоей стороны, парень. Ты про это забудь. При здешней погоде плащ мне ни к чему. Точно. Я так вырядился просто для того, чтобы произвести хорошее впечатление — как бы это сказать, в связи с одним небольшим делом.

— Но откуда ты...— начал было Макс и сразу смолк.

Сэм ухмыльнулся.

— Ты хочешь спросить, не спер ли я весь этот прикид? Нет. Я просто повстречал некоего обывателя, полного веры в проценты вероятности, и втянул его в дружественную азартную игру. Запомни,

парень, никогда не делай ставки по этим самым процентам, умение гораздо важнее. А вот мы и пришли.

В зале, выходившем на улицу, был бар, в глубине находился ресторанчик. Сэм провел Макса через ресторан, через кухню, затем вдоль коридора, в комнатах по обеим сторонам которого шла игра в карты. В конце этого коридора был расположен меньший, не такой претенциозный ресторанный зал; Сэм выбрал столик в углу. К ним, приволакивая одну ногу, пришаркал огромного роста самоанец. Сэм поприветствовал его кивком.

— Приветик, Перси.— Затем он повернулся к Максу.— Сперва по одной?

— Да я, пожалуй, не буду.

— Очень правильно. И не пробуй эту гадость. Перси, мне ирландский и нам обоим, что у вас там есть на обед.

Самоанец молча продолжал стоять. Сэм пожал плечами и выложил на стол деньги. Перси их сгреб.

— Но я же собирался сам заплатить,— неуверенно возразил Макс.

— Можешь заплатить за обед. Перси — хозяин этого заведения,— добавил Сэм.— Он непристойно богат, но не думай, что он стал таким, доверяя типам вроде меня. А теперь расскажи, старик, о себе. Как ты сюда попал? Как ты там побеседовал с этими астронавигаторами... вообще все. Что, закололи они упитанного тельца?

— Да вроде нет.

Макс не видел, почему бы ему не рассказать все Сэму; кроме того, он вдруг почувствовал, что ему очень хочется говорить. Когда он окончил рассказ, Сэм кивнул.

— Чего-то в этом роде я и ожидал. У тебя есть какие-нибудь планы?

— Нет. Сэм, я не знаю, что мне теперь делать.

— Хм... С непрухой бороться трудно. Ешь пока, а я выпью.

Через некоторое время он добавил:

— Макс, а чем бы ты хотел заняться?

— Ну... я хотел быть астронавигатором...

— Об этом нет смысла и говорить.

— Понимаю.

— Ты мне скажи, ты хочешь быть навигатором и никем другим, или ты просто хочешь попасть в космос?

— Знаешь, я никогда не думал об этом с такой точки зрения.

— Ну, так подумай.

Макс подумал.

— Я хочу в космос. Даже если я не могу попасть туда в качестве навигатора, я все равно хочу — все равно кем. Но я не знаю как. Гильдия астронавигаторов была единственным местом, где у меня был хоть какой-то шанс.

— Есть всякие способы.

— Чего? Ты имеешь в виду — подать заявление на эмиграцию?

Сэм покачал головой.

— Чтобы попасть в одну из приличных колоний, надо значительно больше денег, чем ты можешь собрать, а попасть в те, куда можно бесплатно, я не пожелал бы и злейшему своему врагу.

— На что же ты тогда намекаешь?

Сэм ответил не сразу.

— Есть всякие способы провернуть это, сынок, если ты будешь меня слушаться. Этот самый твой дядя — ты много с ним общался?

— Конечно.

— И он рассказывал тебе про космос?

— Конечно же. Больше мы с ним ни о чем и не говорили.

— Хм... И ты хорошо знаешь ихний космический жаргон?

Глава 5
...ТВОИ ДЕНЬГИ И МОЕ УМЕНИЕ...

— Жаргон? — удивился Макс.— Я знаю, наверное, примерно то же, что и любой другой.

— Где находится Хитрая яма?

— Чего? Это центр управления.

— А если жулику потребуется покойник, где он его возьмет?

Тут Макс откровенно развеселился.

— Это же все просто чушь из СВ-сериалов, на борту никто так не разговаривает. Повар это повар, и, если ему потребуется кусок говядины, он пойдет за ним в морозилку.

— А чем отличается животное от скотины?

— Ну, скотина — это пассажир, а животное, наверное,— это просто животное.

— Если, скажем, ты на корабле, идущем на Марс, и вдруг объявили, что гикнулась силовая установка и корабль идет по спирали прямо к Солнцу. Что бы ты подумал?

— Я подумал бы, что какой-то шутник пытается меня перепугать. Перво-наперво, я не мог находиться «на» корабле, а только «в». Во-вторых, спираль не относится к возможным орбитам. В-третьих, если корабль направлялся с Земли на Марс, он не мог бы упасть на Солнце, эти орбиты несовместимы.

— Ну, а если ты — член команды корабля, находишься в чужом порту и хочешь прогуляться, познакомиться с местными достопримечательностями. Каким образом ты пойдешь к капитану за разрешением?

— Так я же этого не буду делать.

— Ты просто смоешься с корабля?

— Дай мне закончить. Если я захочу прошвырнуться, я спрошу разрешения у первого помощника, капитан не занимается такой ерундой. А если корабль достаточно большой, я сперва спрошу разрешения у начальника своей секции.— Макс сел и пристально посмотрел на Сэма.— Сэм, ты же бывал в космосе. Правда ведь?

— Как такая глупая мысль пришла тебе в голову?

— Из какой ты гильдии?

— Заткнись, Макс. Кто не спрашивает, тому не соврут. Может, я все это изучил по чужим разговорчикам, так же как ты.

— Не верю я,— покачал головой Макс. По лицу Сэма было видно, что он оскорблен до глубины души. Макс продолжил:

— Так к чему все это? Ты задаешь мне уйму глупейших вопросов. Конечно же, я про космос кое-что знаю: я читал о нем всю свою жизнь, и дядя Чет рассказывал мне целыми днями напролет. Но что с того?

Сэм поглядел на него и тихо произнес:

— Макс, «Асгард» уходит в ту среду к звездам. Ты хотел бы быть в нем?

Макс подумал. Быть в сказочном «Асгарде», лететь к звездам. Он отбросил эти видения в сторону.

— Не говори так, Сэм! Ты же знаешь, что я отдал бы за это свою правую руку. Зачем меня дразнить?

— Сколько у тебя денег?

— А? А что?

— Сколько?

— У меня даже не было времени их сосчитать.— Макс начал было вытаскивать из кармана пачку, но Сэм торопливо остановил его.

— Тсс! — сказал он.— Не надо размахивать деньгами в этом месте. Ты чего хочешь — поесть или чтоб тебе перерезали горло? Держи их под столом.

Пораженный Макс выполнил указание Сэма. Еще больше его поразил результат подсчета денег; он понимал, что ему дали их много, но чтобы столько — у него этого и в мечтах не было.

— Так сколько же? — настаивал Сэм. Макс сказал ему, и Сэм тихо выругался.— Ну что же, этого как раз примерно хватит.

— На что хватит?

— Увидишь. А пока спрячь их подальше.

Спрятав деньги, Макс произнес несколько удивленно:

— Сэм, я и подумать не мог, что эти книги так много стоят.

— Да ничего они не стоят.

— Что?

— Это все лапша на уши идиотам. Так поступают многие гильдии. Они делают вид, что их профессиональные секреты — прямотаки драгоценность, и для этого заставляют кандидата выложить кругленькую сумму за полагающиеся ему справочники и руководства. Если бы эти штуки публиковались обычным образом, они стоили бы куда меньше.

— Но это правильно, верно ведь? Как мне объяснил достопочтеннейший Верховный Секретарь, не годится, чтобы этими познаниями мог распоряжаться первый встречный.

Сэм издал малопристойный звук и сделал вид, что сплевывает.

— А какая разница? Ну вот, были бы они все еще у тебя, ну и что? У тебя же нет корабля, которым можно управлять.

— Но ведь...— Макс прервал фразу на полуслове и ухмыльнулся.— В любом случае ничего не изменилось от того, что они забрали у меня эти книги. Я же их читал, так что теперь знаю, что там в них.

— Знаешь, конечно знаешь. Ты, возможно, даже запомнил некоторые методы. Но у тебя нет всех этих колонок цифр, чтобы

находить ту, которая тебе нужна тогда, когда она тебе нужна. Больше всего они беспокоятся как раз об этом.

— Да есть они у меня! Я же тебе сказал, что я их читал.— Макс наморщил лоб и начал цитировать: — Страница 272, Численное решение дифференциального уравнения движения методом Рикардо...— И он пошел выдавать последовательность семизначных чисел. Сэм слушал его со все растущим удивлением, а затем прервал:

— Парень, ты что — действительно все это помнишь? Ты не дуришь меня?

— Конечно нет, ведь я же читал все это!

— Да, чтоб меня... Слушай, ты что, из этих, которые читают страницу с одного взгляда?

— Нет, не то чтобы... Я читаю быстро, но мне нужно действительно читать. Но я ничего не забываю. Я никогда не мог понять, как это другие забывают. Я-то сам не могу ничего забыть.

— Я вот лично сумел позабыть целую уйму всякого,— потряс головой Сэм.— И слава Богу.— Он на несколько секунд погрузился в размышления.— Если так, то мы, пожалуй, можем забыть эту самую хохму, используем лучше твои хитрые способности.

— Про что ты там? Какую хохму?

— Мм... пожалуй, нет. Я все-таки был прав в первый раз. Идея была — убраться отсюда. С такой твоей памятью шансы становятся значительно лучше. Хотя ты пользуешься сленгом вроде бы вполне свободно, все равно я беспокоился. А теперь — нет.

— Сэм, кончай говорить загадками. Что это ты задумал?

— Ну ладно, парень, я выложу тебе все.— Он осторожно оглянулся по сторонам, наклонился к Максу и заговорил еще тише: — Мы берем эти деньги, и я распределяю их по нужным рукам. В результате к моменту взлета «Асгарда» мы зачислены в его команду.

— Как стажеры? У нас же не будет времени пройти наземную школу. Да и ты к тому же слишком стар для стажера.

— Шевели мозгами получше! У нас не хватит даже на один вступительный взнос, не говоря уж о двух, в любую из космических гильдий. Да и вообще «Асгард» не берет стажеров. Мы будем бывалыми странниками, членами одной из гильдий, и все это будет подкреплено документами.

— Но за это сажают в тюрьму! — возмутился Макс, кое-как переварив услышанное.

— А сейчас ты где находишься?

— Во всяком случае, не в тюрьме. И не собираюсь.

— Да вся эта драгоценная планета — одна большая тюрьма. И вдобавок переполненная. Ну какие у тебя шансы в жизни? Если ты не родился либо богатым, либо в одной из наследуемых гильдий, что ты можешь сделать? Только подрядиться в какую-нибудь трудовую корпорацию.

— Но есть же и ненаследуемые гильдии.

— А ты можешь заплатить взнос? Тебе остался год, может — два, а потом ты будешь слишком стар, чтобы быть стажером. Если хорошо уметь мухлевать в карты, можно и успеть накопить эти деньги, а заработать? На это уйдет вся твоя жизнь! Эти деньги должен был скопить твой папаша, а он оставил тебе вместо этого ферму.— Сэм вдруг прервался и задумчиво укусил свой палец.— Макс, я буду с тобой честен. Ведь твой отец все-таки обеспечил тебе хороший старт. С теми деньгами, что у тебя теперь есть, ты вполне можешь вернуться домой, нанять адвоката попронырливее и, вполне возможно, вытащить из этого экспоната Монтгомери деньги, которые он жульнически получил за твою ферму. А потом тебе хватит на вступительный взнос в какую-нибудь гильдию. Сделай это, парень, сделай, я у тебя на пути стоять не буду.— Он испытующе глядел на Макса.

Макс думал о том, что всего несколько часов назад он отказался от возможности получить профессию бесплатно. Может, стоит передумать. Может быть...

— Нет! Это не то, что мне нужно. А эта самая твоя... идея — как мы все это устроим?

Сэм заметно расслабился и улыбнулся.

— Вот это молодец!

Сэм снял комнату как раз над рестораном Перси, в ней оставил Макса, а сам взял у него деньги и несколько раз куда-то уходил. Когда Макс попытался что-то возразить, Сэм устало сказал:

— Ну чего ты хочешь? Чтобы я оставил тебе в залог свою голову? Или ты хочешь, чтобы мы пошли вдвоем и перепугали их до потери пульса? Люди, с которыми я должен переговорить, не собираются рисковать. А может, ты считаешь, что можешь и сам все это организовать? Твои деньги и мое умение — такое у нас будет партнерство.

Когда Сэм ушел первый раз, Макса грызли сомнения, но вскоре тот вернулся. В один из разов Сэм привел с собой толстенную, преклонных лет даму, которая оглядела Макса так, словно тот был скотиной, выставляемой на продажу. Сэм не стал ее представлять, а вместо этого спросил:

— Ну как? Я думаю, что тут пригодились бы усы.

Дама посмотрела на Макса с одной стороны, потом с другой. И твердо отрезала:

— Нет.

Она потрогала голову Макса холодными, влажными пальцами; когда он испуганно отпрянул, она посоветовала ему: — Да не дергайся ты, сахарный ты мой. Тете Бекки предстоит над тобой потрудиться. Нет, мы сдвинем вверх край волосяного покрова вот здесь, у висков, чуть проредим волосы на макушке, уберем этот их блеск. Добавим для комплекта несколько легких морщинок, татуированных около глаз. Мм... пожалуй, и все. Главное — не перестараться.

Когда эта пузатая художница окончила свою работу, Макс стал выглядеть на добрых десять лет старше. Потом она спросила Макса, как он хочет — чтобы корни волос были уничтожены или чтобы со временем волосы опять выросли? Сэм начал было настаивать на перманентности, однако она отодвинула его в сторону.

— Я дам ему пузырек «Чудодейственного восстановителя» — без всякой платы, это же просто спирт, а он будет натираться им на глазах у вашей публики со всей возможной суетой. Ну как, годится это, сладкий? Такого хорошенького не хочется старить навсегда.

Макс принял от нее пузырек с надписью *«Чудодейственный восстановитель — или волосы восстанавливаются, или деньги возвращаются»*.

Сэм забрал у Макса его удостоверение личности и вернулся с другим. В этом новом удостоверении была правильная фамилия и неверный возраст, правильный номер и неверный род занятий, правильный отпечаток большого пальца и неверный адрес. Макс с любопытством осмотрел документ.

— Выглядит как настоящий.

— Еще бы. Человек, сделавший его, делает настоящие тысячами. Только за такие он берет дополнительную плату.

Тем же вечером Сэм принес откуда-то книгу с названием «Корабельная экономика». На ее переплете был рельефно оттиснут герб Гильдии космических стюардов, поваров и счетоводов.

— Постарайся этой ночью не ложиться и запомни из нее, сколько сможешь. Даже с тем зельем, которое Перси подсыпал ему в стакан, ее хозяин не проспит больше десяти часов. Дать тебе таблетку, чтобы не уснуть?

— Да не надо.— Макс оглядел книгу. Она была довольно толстая и с мелким шрифтом. В пять утра Макс разбудил Сэма, вернул ему книгу и лег спать с головой, гудящей от штабелирования и приготовления груза, от расчетов распределения масс и моментов инерции, от гидропонических техник, учета груза, налоговых отчетов, диет, хранения и приготовления пищи, ежедневных, еженедельных и поквартальных отчетов и от рекомендаций, как избавиться от крыс в помещениях, которые невозможно освободить от персонала. Совсем ничего сложного, решил он, трудно было понять, почему такая ерунда считалась чересчур эзотеричной для непосвященных.

На четвертый день заточения Сэм снабдил Макса поношенной корабельной формой и вручил ему потертую трудовую книжку в пластиковой обложке. Первая страница этой книжки провозглашала Макса полноправным братом стюардов, поваров и счетоводов, достойно завершившим ученичество. Далее перечислялись освоенные им ремесла. Еще выяснилось, что он уже семь лет регулярно платит ежеквартальные членские взносы. Откуда-то взявшаяся его собственная подпись стояла рядом с подписью Верховного Стюарда; обе они были продавлены рельефной печатью Гильдии. Последующие страницы книжки были заполнены перечислением его рейсов, оценкой его эффективности и прочими аналогичными данными, все записи были соответствующим образом подписаны первыми помощниками и казначеями. Макс с интересом узнал про себя, что он был оштрафован на трехдневный заработок за курение в запрещенном месте во время полета на «Лебеде» и что однажды, заплатив за это соответствующий взнос Гильдии картографов и вычислителей, проходил шестинедельное обучение с целью получить квалификацию картографа.

— Замечаешь тут нечто странное? — спросил Сэм.

— Мне тут все кажется странным.

— Тут сказано, что ты был на Луне. Все бывали на Луне. Только вот почти все корабли, на которых ты служил, уже списаны, и ни одного из твоих казначеев нет сейчас в Земпорте. А единственный звездный корабль, в котором ты совершал прыжок, пропал без вести в следующем же походе. Ясно тебе?

— Пожалуй, да.

— Когда ты будешь разговаривать с каким-нибудь другим космонавтом, на каком бы корабле он ни служил, ты служил на другом. Ведь ты же не будешь показывать свою книжку никому, кроме казначея и своего непосредственного начальника.

— А что, если кто-нибудь из них служил на одном из этих кораблей?

— На «Асгарде» этого не случится. Уж об этом-то мы позаботились. А теперь я выведу тебя в общество — на вечеринку. Ты пьешь исключительно теплое молоко по причине своей язвы и канючишь, если его нет. И ты почти ни о чем больше не разговариваешь — только о своих симптомах. Ты прямо сейчас же начинаешь создавать себе репутацию неразговорчивого: чем меньше разеваешь варежку, тем меньше шансов пролететь. Следи за собой, парень, получше — весь вечер ты будешь среди космонавтов. Если у тебя это пойдет сикось-накось, ей Богу, я верну тебя на землю и полечу один. Дай-ка я еще погляжу, как ты ходишь.

Макс прошелся. Сэм тихо выругался.

— Ужас, ты так и продолжаешь ходить, как сельский дурачок. Да вытащи ты ноги из этой грязной борозды.

— Неужели совсем плохо?

— Что поделаешь, уж как есть. Хватай шапку. Будем ковать железо, пока горячо, а мосты за нами пусть горят синим пламенем.

Глава 6
АСТРОНАВТ ДЖОНС

«Асгард» стартовал на следующий день. Макс проснулся рано и попытался разбудить Сэма, однако это оказалось непростой задачей. В конце концов тот сел.

— Господи, да что же это с головой! Сколько времени?

— Около шести.

— Шесть, и ты меня разбудил? Ты должен быть благодарен судьбе за то, в каком я сейчас состоянии. Только оно мешает мне отправить тебя к твоим пращурам. Спи.

— Но сегодня же старт!

— Ну и что? Старт в полдень. Мы заявимся в последнюю минуту; таким образом у тебя будет меньше шансов лопухнуться.

— Сэм? Откуда ты знаешь, что они нас возьмут?

— Да бога ради, какой же ты зануда! Все же договорено. А теперь заткнись. Или иди вниз и завтракай — только ни с кем не разговаривай. И, если ты настоящий друг, принеси мне кофе в десять.

— И завтрак?

— Не упоминай про пищу в моем присутствии. Имей хоть какое-нибудь сострадание.

Когда они появились у ворот порта, было уже полдвенадцатого; десять минут спустя автобус доставил их к кораблю. Макс начал было глазеть на огромные, вздувающиеся борта, однако это его занятие было прервано человеком, стоявшим около подъемника с листом бумаги в руках.

— Фамилии?

— Андерсон.

— Джонс!

Он отметил их в списке.

— В корабль. Вы обязаны были быть здесь еще час назад.

Вместе с ним они залезли в подъемник, клетка которого тут же оторвалась от бетона и пошла вверх, раскачиваясь на подвеске, как ведро в колодце.

Сэм поглядел вниз и зябко поежился.

— Никогда не уходи в рейс в бодреньком состоянии,— порекомендовал он Максу.— А то еще станет жалко расставаться с Землей.

Клетку втянули в корабль, люк закрылся, и они вступили на палубу «Асгарда». Макса пробирала дрожь, как артиста перед первым выходом на сцену.

Он ожидал, что сейчас первый помощник возьмет с него присягу на верность команде корабля, как того требовал закон. Однако встретили его прямо-таки до унизительного буднично. Член команды,

встретивший их у корабля, сказал, чтобы они шли за ним, и привел их в канцелярию казначея. Там старший делопроизводитель велел им расписаться и поставить отпечатки пальцев в толстой книге. При этом он широко зевал и все время стучал по своим крупным, как у лошади, зубам. Макс отдал ему свою поддельную трудовую книжку. Ему все время казалось, будто на ней огромными буквами стоит «фальшивка». Однако мистер Куйпер попросту бросил ее в корзину для входящих бумаг.

— На этом корабле всегда полный порядок,— сообщил он им устало.— Вы начинаете с того, что чуть не опоздали к старту. Худое начало.

Сэм не ответил ничего. Макс сказал:

— Да, сэр.

Старший делопроизводитель продолжал:

— Кидайте свои шмотки, ешьте и приходите сюда.— Он взглянул на висевшую на стене схему.— Один из вас будет в Д-112, а другой в Е-009.

Макс хотел было спросить, как туда добраться, но Сэм взял его за локоть и осторожно вытащил из канцелярии. Оказавшись за дверью, он сказал:

— Не задавай вопросов, если без этого можно обойтись. Сейчас мы на палубе Б, и это все, что нам нужно знать.

Пройдя немного, они обнаружили трап и пошли по нему вниз. Макс ощутил неожиданное изменение давления воздуха.

— Закупорились герметично,— пояснил Сэм.— Теперь скоро.

Они были в Д-112, кубрике на восемь человек, и Сэм показывал Максу, как пользоваться наборным замком единственного свободного шкафчика, когда раздалась какая-то команда, разнесенная громкоговорителями. У Макса на мгновение закружилась голова и появилось ощущение, словно его вес пульсирует. Затем все это прекратилось.

— Они малость задержались с синхронизацией поля — или у этого ведра с гайками плохо сбалансированный фазирователь.— Он хлопнул Макса по спине.— Вышло, сынок.

Они были в космосе.

Е-009 был еще на одну палубу ниже и на другой стороне; они оставили там Сэмово хозяйство и пошли искать, где на этом корабле едят. Сэм остановил проходившего мимо астронавта.

— Эй, друг, мы тут в первый раз. Где у вас кают-компания для команды?

— На этой палубе, градусов восемьдесят по часовой стрелке и малость внутрь.— Он оглядел их.— В первый раз, говоришь? Что ж, скоро все сами увидите.

— А что, так уж?

— И еще хуже. Дурдом в квадрате. Не было бы у меня семьи, остался бы дома.— И он зашагал дальше.

Сэм сказал:

— Ты, сынок, не обращай внимания. На каждом корабле старожилы рекламируют его как худший из сумасшедших домов во всем космосе. Предмет гордости.

Однако следующее их столкновение с местным бытом, похоже, подтвердило мрачное предсказание: оказалось, что раздаточное окно кают-компании закрылось в полдень, со стартом корабля; Макс уже скорбно приговорил себя к существованию с голодным брюхом до самого вечера. Однако Сэм толкнулся за перегородку и через некоторое время появился оттуда с двумя наполненными подносами. Они отыскали свободные места и сели.

— Как это у тебя выходит?

— Любой повар тебя накормит, если ты только дашь ему возможность сперва объяснить тебе, какая ты есть гнида и почему ему, вообще говоря, не стоило бы этого делать.

Еда была приличная — настоящие пирожки с мясом, овощи, ржаной хлеб, пудинг и кофе. Макс быстро смел все со своих тарелок и стал размышлять, не рискнуть ли ему попросить добавки, однако решил, что не стоит. Разговор за столом шел о том и о сем: только один раз появилась опасность того, что выявится неопытность Макса, это когда какой-то компьютерщик напрямую спросил его про последний совершенный им рейс.

Опасность отвел Сэм.

— Имперская разведка,— коротко ответил он.— Мы оба пока еще под колпаком.

Компьютерщик понимающе ухмыльнулся.

— И в какой же тюрьме вы сидели? Совет Империи уже не знаю сколько лет не посылал секретных разведочных экспедиций.

— А эта была такой секретной, что они даже тебе позабыли о ней сообщить. Ты напиши им письмо и хорошенько их за это взгрей,— Сэм встал из-за стола.— Макс, ты уже закончил?

По пути в канцелярию казначея Макс с беспокойством размышлял о своих возможных будущих обязанностях, перебирая в уме те навыки и опыт, которыми он, если верить трудовой книжке, должен был обладать. Беспокойство его оказалось совершенно напрасным. Мистер Куйпер с великолепным пренебрежением ко всей этой писанине назначил его скотником.

«Асгард» был комбинированным кораблем — одновременно пассажирский лайнер и транспортник. На его борту был племенной герефордский скот — два быка и две дюжины коров, а также богатейший ассортимент прочих животных, в которых по экономическим или экологическим причинам нуждались колонии, в том числе свиньи, куры, овцы, пара ангорских коз и семейство лам. Насаждать предпочтительно земную фауну на других планетах противоречило имперской политике; от колонистов ожидалось, что они будут строить экономику, базируясь на эндогенную фауну и флору; однако некоторые животные столь долго разводились людьми для своих нужд, что заменить их экзотическими тварями было нелегко. На Шестой (б) планете Гаммы Льва, Новом Марсе, ящерообразные, называвшиеся на местном лексиконе «тупомордами», или, короче, «тупами», могли заменить и действительно заменяли першеронов в качестве тяглового скота, обеспечивая при этом более высокую эффективность и экономичность. Но люди их не любили. С ними никогда не было привычного взаимного доверия, которое возникает между лошадьми и людьми; если только (на что не похоже) какая-либо ветвь этих ящеров не разовьет хоть в некоторой степени способность к раппорту с человеком, они обречены со временем на вымирание и замену лошадьми. И все это — за смертный грех неумения заключить прочный союз с наиболее хищным, нетерпимым, смертельно опасным и процветающим зверем в исследованной части вселенной — с Человеком.

Еще была клетка с английскими воробьями: Макс так никогда и не выяснил, для какого места и зачем потребовались эти мелкие крикливые стервятники; не был он знаком и со сложным математическим анализом, на основании которого делались заключения

по таким поводам. Он просто кормил их и старался поддерживать чистоту в их клетке.

На «Асгарде» были и коты, однако большинство из них были свободными гражданами и равноправными членами команды корабля; в их обязанностях было не давать сильно расплодиться мышам и крысам, отправившимся в космос вместе с представителями человечества. Одной из обязанностей Макса было менять посудины с песком на каждой из палуб и относить перепачканные в оксидайзер для обработки. Были и домашние коты, принадлежавшие пассажирам, несчастные пленники, заключенные в конурах, неподалеку от стойл скота. Здесь же проживали и собаки пассажиров; собаки на свободе на корабле не допускались.

Максу очень хотелось поглядеть на Землю, как сжимается ее шарик в черной, бездонной пустоте, однако такая привилегия предоставлялась исключительно пассажирам. То краткое время, когда это было возможно, он провел, таская свеженакошенную тимофеевку с гидропонной плантации в стойла и чистя вышеуказанные стойла. К работе этой он отнесся безразлично — и без ненависти, и без любви; по случайности ему поручили как раз такую работу, которую он понимал.

Непосредственным его начальником был главный корабельный эконом, мистер Джордана. Мистер Джи разделял управление хозяйством корабля с мистером Дюпоном, главным пассажирским экономом; их царства граничили по палубе С. Мистеру Дюпону принадлежали пассажирские помещения, каюты офицеров, канцелярии, центры управления и связи, в то время как Джордана отвечал за все, что ниже (то есть ближе к корме), не считая инженерного оборудования — за кубрики команды, камбуз и кают-компанию, кладовые, стойла и конуры, гидропонную палубу и грузовые трюмы. Оба они подчинялись казначею, который, в свою очередь, был ответствен перед первым помощником.

Организация службы на космических кораблях происходила частично от организации военных кораблей, частично — от организации старинных океанских лайнеров, частично — от конкретных условий межзвездных путешествий. Первый помощник был хозяином корабля; капитан, если у него хватало мозгов, не вмешивался в его дела. Капитан, хоть и будучи по закону монархом этого

миниатюрного царства, глядел наружу; первый помощник глядел внутрь. Пока все шло хорошо, капитан занимался исключительно постом управления и астронавигацией; всем остальным заправлял первый помощник. Даже астронавигаторы, связисты, компьютерщики и картографы подчинялись первому помощнику, хотя, когда они были на вахте, он практически не имел к ним никакого отношения, так как работали они в Хитрой яме под руководством капитана.

Старший механик также был под первым помощником, однако он был почти самостоятельным сатрапом. На подтянутом, хорошо дисциплинированном корабле стармех поддерживал свою латифундию в таком порядке, что у первого помощника не возникало необходимости о ней беспокоиться. Старший механик отвечал не только за силовую установку и Хорст-Конрадовские движители, но и за все вспомогательное инженерное оборудование, где бы оно ни стояло,— например, за насосы и вентиляторы гидропонных установок, несмотря на то что непосредственно агрикультурой заведовал казначей через старшего корабельного эконома.

Такова была обычная организация пассажиротранспортных звездных кораблей, одним из которых и являлся «Асгард». Она не совпадала с организацией боевых кораблей и столь же принципиально отличалась от организации транспортов, использовавшихся для доставки на начинавшие осваиваться колонии заключенных и голи перекатной,— на таких кораблях казначейский департамент обычно ограничивался одним-двумя клерками, а всю работу выполняли пассажиры, они готовили пищу, прибирали, нагружали, разгружали, в общем, делали все. Но «Асгард» имел на борту платных пассажиров; состояния некоторых из них измерялись в мегадолларах. Они хотели иметь обслуживание, как в пятизвездочном отеле, даже находясь в космосе на глубине многих световых лет. Из трех основных департаментов «Асгарда» — астронавигационного, технического и хозяйственного, последний значительно превосходил остальные по численности персонала.

Первый помощник может подняться до своего статуса из положения старшего астронавигатора, старшего механика или казначея; однако только при условии, что раньше он был астронавигатором, он может надеяться стать капитаном. Три этих типа офицеров были в своей основе математиками, физиками и менеджерами; капитану

была нужна совершенно математическая квалификация для занятий астронавигацией. Первый помощник Вальтер был прежде, как это чаще всего и бывает на лайнерах, казначеем.

«Асгард» был маленьким и мирным, крохотной управляемой планетой. На нем имелся свой монарх — капитан, своя абсолютно бесполезная аристократия — пассажиры, своя технократия и, конечно же, свои пильщики дров и водоносы. На нем были флора и фауна в экологическом балансе, он нес свое собственное миниатюрное солнце, заключенное в недрах силовой установки. Хотя расписание его рейсов предусматривало пребывание в открытом космосе в течение всего нескольких месяцев за рейс, в принципе, он мог находиться там неопределенно долго. Конечно, у шеф-повара может кончиться икра, но недостатка в пище, воздухе, тепле и свете не возникнет никогда.

Макс решил, что ему повезло оказаться под началом мистера Джорданы, а не старшего делопроизводителя. Мистер Куйпер все время присматривал за своими подчиненными, в то время как мистер Джи редко когда вытаскивал свою толстую тушу из кабинета. Это был веселый и приветливый начальник — если, конечно, все шло к полному его удовлетворению. Мистер Джи считал чрезмерным трудом спуск вниз, к стойлам; когда он пришел к убеждению, что Макс заботливо относится к животным и поддерживает порученный ему участок в чистоте, то бросил проверки и только приказал Максу ежедневно являться к нему с отчетом. Таким образом, у Джорданы оставалось больше времени, которое он мог посвятить своему истинному призванию — изготовлению некой разновидности водки на перегонном аппарате, стоявшем в уголке его каюты. Исходное сырье бралось с гидропонных плантаций, которые, что было весьма удобно, также находились в его ведении. Он развернул обширную нелегальную торговлю этим благородным продуктом среди команды. Макс редко открывал свой рот, но уши постоянно держал открытыми. В результате он разобрался, что такая деятельность была обычной на кораблях прерогативой старшего корабельного эконома. На нее смотрели сквозь пальцы, буде придерживалась она в определенных рамках. На корабле была, естественно, кают-компания, где подавалось вино, а также и бар, но все это — только для «скотов»; для рядовых космонавтов эти заведения были недоступны.

— Как-то я служил на корабле,— сказал Максу Сэм,— где Первый прикрыл это хозяйство: расшиб аппарат, послал эконома мести палубу и вообще устроил скандал.— Он сделал паузу, чтобы затянуться от сигары, подарка какого-то пассажира; они гужевались у Макса на скотном дворе, приятно сочетая болтовню и отдых.— Ничего не вышло.

— Как так?

— А ты сам подумай. Все должно уравновешиваться. Любой спрос рождает предложение. В этом простом факте все и заключено. Уже через месяц считай что в каждом более-менее укромном уголке корабля стоял аппарат, и команда едва держалась на ногах. Так что капитан имел серьезный разговор с первым, после чего все опять пошло нормальным ходом.

Макс обдумал этот рассказ.

— Сэм? Ты что, был корабельным экономом?

— Как? С чего это ты взял?

— Ну... Ты бывал в космосе и раньше, теперь ты от этого больше не отказываешься. И я подумал — ну вот, ты же мне так и не сказал, к какой гильдии ты принадлежал, и как оказался на мели, и почему тебе пришлось заниматься этими подделками, чтобы снова попасть в космос. Конечно, это все не мое дело.

Обычная Сэмова циничная улыбка сменилась выражением печали.

— Макс, с человеком, решившим, что он поймал судьбу за хвост, может случиться все что угодно. Взять хотя бы то, что произошло с одним моим дружком по фамилии Робертс. Сержант Имперской морской пехоты, хороший послужной список, полдюжины звездных прыжков, пара боевых наград. Неглупый парень, почитывал книжки для экзамена на младшего офицера. Так вот, он как-то опоздал к старту — попал на Землю первый раз за не знаю сколько времени и малость перестарался, отмечая это дело. Надо было ему, конечно, сразу же явиться с повинной, сняли бы с него лычки и жил бы дальше, не так это и страшно. Беда была в том, что у него еще не кончилась капуста, а к тому времени, как он был уже без гроша и трезвый, как стеклышко, стало поздно. У него не хватило духу явиться, пройти через трибунал и отмотать срок. У каждого есть свой предел.

Подумав, Макс спросил:

— Ты хочешь сказать, что служил в морской пехоте?

— Я? Да ты что, конечно, нет, я просто рассказал про этого Робертса, чтобы ты видел, что может быть, если расслабишься. Поговорим лучше о чем-нибудь более приятном. Что ты собираешься делать дальше?

— В каком смысле?

— Ну что ты собираешься предпринять после этого прыжка?

— А... Думаю, что опять то же самое. Мне нравится в космосе. Постараюсь ни во что такое не ввязываться и постепенно дослужиться до старшего эконома или старшего делопроизводителя.

Сэм отрицательно потряс головой.

— Думай, сынок, лучше. Как ты это себе представляешь, что случится, когда отзыв о твоей службе на этом корабле придет в гильдию? А копия будет послана в Департамент Труда и Гильдий?

— Что?

— Я же тебе говорю. Может, сначала ничего такого и не произойдет, может, ты сможешь совершить еще один рейс. Но в конце концов все эти бюрократические шестеренки повернутся, они сравнят документы и с удивлением увидят, что в то время, как этот корабль держит тебя за опытного помощника эконома, их картотеки знать не знают никакого Макса Джонса. Наступит такой день, когда после посадки на Землю внизу, у лифта, тебя будет ждать пара придурков с пушками в карманах, и эти придурки прямиком отправят тебя в каталажку.

— Но как же, Сэм? Я думал, что все устроено!

— Не булькай. Гляди на меня, я же совершенно спокоен, а меня все это касается не меньше, чем тебя. А точнее говоря, по причинам, в которые мы не станем здесь вдаваться,— больше. Как говорится, кто старое помянет — вылетит, не поймаешь. А что касается до «все устроено», то все, как я и обещал. Ты же здесь, правда? А картотеки... извини, старик, но чтобы малость подправить картотеку гильдии, потребовалось бы раз в десять больше денег. А что касается того, как выяснить, где в Новом Вашингтоне лежит некий конкретный микрофильм, и как заменить его липовым, в котором был бы этот самый твой послужной список, я, по правде говоря, даже не знаю, с чего тут и начать. Хотя и не сомневаюсь, что сделать это можно, имея достаточно времени, денег и сообразительности.

Ощущения Макса по осознании этой новости были почти идентичны тем, которые он испытал, когда Монтгомери объявил, что ферма продана. Несмотря на ту работу, которой ему приходилось заниматься на корабле, ему здесь нравилось, и у него и помыслов не было менять что-нибудь. Он хорошо ладил с начальником, понемногу сходился с товарищами по работе и чувствовал себя вполне уютно и безопасно, как птичка в гнездышке. А вот теперь гнездышко это было грубо порушено. Да что там, оказалось, что ни в каком он не в гнездышке, а в самой настоящей мышеловке.

Макс побледнел. Сэм успокаивающе положил руку ему на плечо.

— Не мельтеши, парень. Не думай, что мы влипли.

— Тюрьма...

— Какая еще тюрьма?! Ты в самой что ни на есть безопасности, пока не вернешься на Землю. В Земпорте ты спокойно можешь сделать «Асгарду» ручкой, имея притом в кармане всю свою получку. У тебя будет в запасе несколько дней или недель, а то и месяцев, прежде чем кто-нибудь устроит шухер — или в центре этой твоей гильдии, или в Новом Вашингтоне. Ты сможешь затеряться среди четырех миллиардов людей. Твое положение будет ничем не хуже, чем тогда, когда ты первый раз на меня наткнулся — ты же помнишь, ты хотел тогда затеряться, помнишь? И у тебя в запасе будет один полет к звездам, о котором ты сможешь рассказывать внукам долгими зимними вечерами. А может, они никогда и не вспомнят о тебе; какая-нибудь канцелярская крыса засунет твой отзыв в ящик и будет он там лежать до скончания века. Или ты сумеешь убедить какого-нибудь клерка в конторе мистера Куйпера нечаянно потерять копии этого отзыва и никуда их не посылать. Например, Нельсона, у него всегда какой-то голодный вид.— Говоря все это, Сэм внимательно глядел на Макса. Потом он добавил: — А то ты можешь сделать то же самое, что собираюсь сделать я.

Сперва до Макса дошла только часть того, о чем говорил Сэм. Потом он по второму разу проиграл в голове все услышанное и понемногу успокоился, начиная понимать, что положение его совсем не такое безнадежное. В том, что касается Нельсона, Сэм, похоже, был прав. Нельсон намекал уже обиняками, что совсем не обязательно оценки эффективности, стоящие в корабельных журналах, совпадают с теми, которые попадают в отчеты,— при опре-

деленных, ясное дело, обстоятельствах. Но тогда Макс об этом и не подумал, не имея ни малейшего представления, как давать взятку.

Когда прокручивание пленки в его голове дошло до последней ремарки Сэма, он встрепенулся:

— А что такое ты собираешься сделать?

Сэм внимательно разглядывал кончик своего окурка:

— Я соскочу.

Вот это уж понять было совсем не сложно. Однако по законам Империи преступление, которое собирался совершить Сэм, влекло за собой даже более тяжелое наказание, чем подделка документов гильдии. Дезертирство почти уравнивалось с предательством.

— Расскажи-ка мне поподробнее,— хриплым голосом сказал Макс.

— Давай-ка переберем в уме, где у нас будут посадки. Планета Гарсона, колонии, защищенные куполами, вроде как на Луне или на Марсе. В такой колонии ты или в точности выполняешь то, что тебе повелели власть имущие, или прекращаешь дыхательный процесс. Ты можешь даже спрятаться, получить новую личность, но, что ни делай, все равно ты будешь под этим куполом. Хорошего мало, даже на Земле свободы больше. Четвертая планета Ню Пегаса, Алкиона, совсем не дурна, хотя на ней и здорово холодно, когда она проходит афелий. Только вот она пока еще ввозит больше, чем вывозит. А это значит, что всем там крутят представители Империи, и местные носом землю будут рыть, чтобы словить дезертира. Далее мы подходим к Новой Земле, десятой Беты Водолея — а это, парень, как раз то, что доктор прописал и отчего поп пляшет.

— Ты там был?

— Один раз. И надо было там же и остаться. Макс, ты себе только представь место вроде Земли, но лучше, чем Земля вообще когда-нибудь была. Лучше погода, земля обширнее и плодороднее, леса, которые сами просятся, чтобы их рубили, дичь, которая, считай, сама в кастрюлю прыгает. Не нравится тебе поселок — ради бога, иди себе дальше и дальше, пока не окажется, что никого рядом нет. Ткни в землю семечко и отпрыгивай сразу в сторону, чтоб ростком не зашибло. Никаких надоедливых насекомых. Практически никаких земных болезней, а местные микробы наше племя на дух не переносят. Стремительные реки. Спокойные океаны. Ты б только видел...

— А если они нас словят и выдадут?

— Мало шансов. Тамошние колонисты сами хотят иметь побольше людей, а имперским они помогать не будут. Даже сбор налогов с них — веселенькое занятие для Имперского Совета. Да они даже и пытаться не будут поймать дезертира за пределами больших городов,— тут Сэм ухмыльнулся,— и знаешь, почему?

— Почему?

— А потому, что смысла нет. Имперского пошлют, чтобы он словил кого-нибудь вон за тем бугром; пока он будет там оглядываться да приглядываться, то вдруг увидит, что на него глазеет златоволосая дочь какого-нибудь фермера — у них там по восемь-девять детей в семье и всегда есть уйма доченек, созревших для замужества и с во-о-от таким желанием сделать это. И вот в самом скором времени он уже фермер с бородой, женой и новым именем. Он же был холостяком и давно не был дома, а может, он женат на Земле и как раз из-за этого не хочет домой, хоть так, хоть сяк, но даже Имперский Совет не может бороться с человеческой натурой.

— Я не хочу жениться.

— Это — как вам захочется. Но что самое приятное, на этой планете царит какая-то уютная расхлябанность. За пределами городов нет налога на недвижимость. Никто не стал бы его платить; они бы просто снялись с места и пошли дальше, если только просто не пристрелили бы налогового инспектора. Никаких гильдий — ты можешь вспахать борозду, распилить доску, поездить на грузовике или нарезать резьбу на водопроводной трубе — и все в один день, ни у кого не спрашивая разрешения. Человек может делать все, что ему заблагорассудится, и никто его не остановит, не скажет ему, что у него нет прирожденного права на это занятие, или что он недостаточно молод, чтобы начинать это делать, или что он не уплатил взнос. Все это колонистам до лампочки, у них больше работы, чем людей, которые могут ее делать.

Макс попытался представить себе такую анархию, но не смог. Он такого никогда не видел.

— А как же гильдии, они разве не против?

— Какие там на фиг гильдии? Конечно же, руководство их там, на Земле, пыталось что-то возражать, узнав о таком безобразии, но их не поддержал даже Имперский Совет. Они же не совсем идиоты

и у них достаточно здравого смысла, чтобы не пытаться вычерпать море ложкой.

— И вот туда ты и собираешься направиться,— задумчиво сказал Макс.— Звучит привлекательно.

— Я собираюсь. Действительно, привлекательно. Там была одна девушка — о, теперь она, конечно же, замужем, они там рано замуж выходят,— но у нее были сестры. Ну так вот, как я себе это представляю — это касается и тебя, если ты тоже двинешь со мной. Так вот, в первый раз, как я выйду там на поверхность, я кое-кого повидаю. А в последний раз — я надеюсь, что это будет в последний вечер перед стартом,— я выйду из корабля, потом через главные ворота и прямо за горизонт с максимально возможной скоростью. К тому времени, как меня отметят «не вернулся», я буду уже лежать на пузе на берегу журчащего ручейка в девственном лесу, растить бороду и учить наизусть свое новое имя. Если хочешь, ты будешь рядом. С удочкой.

Макс неловко заворочался. Сцена, нарисованная Сэмом, пробудила в нем деревенскую ностальгию, о присутствии которой в себе он даже не подозревал. Но не мог же он так сразу отбросить свое новое, столь долго им желанное положение космонавта.

— Я подумаю.

— Подумай, подумай. Времени у тебя для этого больше чем достаточно — несколько недель.— Сэм поднялся.— А я поспешу-ка лучше на место, пока Старый Добрый Хозяин Дюмон не начал беспокоиться, что меня там задерживает. Пока, сынок, и не забывай — только очень плохой ветер дует все время в одну сторону.

Глава 7
ЭЛДРЕТ

Служебные обязанности не приводили Макса на уровни выше палубы С кроме как для смены кошачьих посудин, а это он обычно делал рано, пока пассажиры не встали. Ему очень хотелось посмотреть пост управления, но случай не представлялся, это было еще выше пассажирских уровней. Время от времени кто-нибудь из владельцев одной из семи собак или трех кошек, находившихся на попечении

Макса, заходил пообщаться со своей движимой собственностью. Иногда результатом этого визита бывали чаевые. По первости Макс отказывался из своей врожденной гордости горца, но Сэм быстро вправил ему мозги.

— Не будь идиотом, они же могут это себе позволить. Какой смысл отказываться?

— Но я же так и так гуляю ихних бобиков. Это же моя работа.

Может, слова Сэма и не убедили бы его, если бы мистер Джи не поднял разговора об этом в конце первой недели. Он, видимо, довольно точно представлял себе обычную величину улова и ожидал получить с него некий процент «в социальный фонд».

Когда Макс задал Сэму вопрос, что это еще за фонд, Сэм рассмеялся.

— Оч-чень интересный вопрос. Есть еще какие-нибудь вопросы?

— Да, пожалуй, нет.

— Макс, я тебя просто люблю. Но ты все еще не можешь сообразить, что в чужой монастырь со своим уставом не суются. У каждого племени свои обычаи, и то, что хорошо в одном месте, никуда не годится в другом. Есть такие народцы, у которых первая обязанность любящего сына — угробить своего папашу и подать его на обед, как только сынок наберется силенок для такого мероприятия. И довольно цивилизованные народцы. Их даже признает дипломатически Имперский Совет. Вот как ты можешь оценить это с точки зрения морали?

Макс читал о таких культурах — тихие, миролюбивые бнаторы, неуклюжие, богатые двоякодышащие с Палдрона, которых можно было назвать какими угодно, только не тихими, вероятно, какие-нибудь еще... Он не ощущал себя вправе выносить суждение негуманоидным расам. Сэм продолжал:

— Я встречал в жизни таких экономов, по сравнению с которыми эти мягкопузые смотрятся филантропами. Ты погляди на ситуацию с его точки зрения. Он считает все это прерогативой своего служебного положения, он считает эти деньги такой же естественной частью своего дохода, как и зарплата. Таков обычай. Он добился своего положения многими годами тяжкого труда и ожидает вознаграждения за это.

Сэм умеет убеждать, думал Макс — и все же не мог согласиться с его основной предпосылкой. Были вещи хорошие и были вещи плохие, это не зависело от того, где ты находишься, он ощущал это с внутренней убежденностью, укоренившейся в нем слишком глубоко, чтобы ее мог пошатнуть веселый цинизм Сэма. Макса беспокоило, что он находится там, где находится, благодаря мошенничеству; иногда он не мог уснуть, терзаемый угрызениями совести.

Однако еще больше его беспокоило то, что обман может выйти наружу. Он ни на минуту не переставал обдумывать предложение Сэма.

Единственным внеземным существом на попечении Макса была паукообразная собака с землеподобной планеты Гесперы. В первый день исполнения своих обязанностей на «Асгарде» Макс обнаружил это существо в одной из клеток, предназначенных для кошек. Макс заглянул в эту клетку; на него смотрело маленькое, грустное, похожее на обезьянье лицо.

— Привет, человек!

Макс знал, что некоторые из паукообразных собак способны освоить человеческий язык в некотором объеме, но все равно от неожиданности отскочил. Несколько придя в себя, он осмотрел существо повнимательнее.

— Тебе привет,— ответил он.— Господи, да как же роскошно ты выглядишь.

На спине существа мех имел богатый, насыщенный зеленый цвет. Этот цвет переходил в оранжевый на боках и в нежно-кремовый на маленьком круглом брюшке.

— Хочу выйти,— констатировала паукообразная собака.

— Да не могу я тебя выпустить. У меня много работы.

Он прочитал прикрепленную к клетке карточку: «Мистер Чипс» было написано на ней. «Psevdocanis hexapoda hesperae*. Владелец: Мисс Э. Кобурн, А-092»; далее следовала подробная инструкция по обращению и питанию. Питался Мистер Чипс гусеницами, запас которых находился в отделении H118 морозильника, а также свежими фруктами и овощами, как в сыром, так и в вареном виде; ему необходимо было давать йод в случае отсутствия водорослей и

* Псевдопес шестиногий гесперианский *(лат.)*.

артишоков. Макс покопался в своей памяти, перебрал то, что читал про эти существа, и решил, что инструкция верна.

— Пожалуйста, выпусти! — настаивал Мистер Чипс.

Трудно было устоять перед этой мольбой. Ни одна прекрасная дева, взывающая с башни, в которую ее заточили злодеи, не смогла бы вложить больше чувства в свой зов. Помещение, где находились кошачьи клетки, было тесным, и дверь его запиралась; возможно, Мистеру Чипсу позволительно будет малость побегать, но это потом, сейчас Максу надо было позаботиться о других животных.

Когда Макс уходил, Мистер Чипс держался за прутья клетки и тихо всхлипывал. Макс оглянулся и увидел, что тот плачет самыми взаправдашними слезами. Одна капля дрожала на кончике смешного маленького носа; уйти от этого зрелища было почти невозможно. Сперва он покончил со стойлами, а потом взялся за кошек и собак; когда они были накормлены, а клетки их вычищены, он смог уделить внимание своему новому знакомому. Для начала он его покормил, что остановило слезы. Однако, когда он вернулся, требования выпустить возобновились.

— Если я тебя выпущу, ты потом вернешься в клетку?

Паукообразный щенок задумался. Было похоже, что условное предложение превосходит его семантические возможности, так как вместо ответа он повторил:

— Хочу выйти.

Макс решился рискнуть. Мистер Чипс вскарабкался к нему на плечо и стал рыться в его карманах.

— Конфета,— потребовал он.— Конфета?

Макс погладил его.

— Извини, друг. Я же не знал.

— Конфета?

— Нет конфеты.

Мистер Чипс лично это проверил, а затем устроился на сгибе Максовой руки, собираясь, похоже, провести здесь не менее недели. Он не очень походил, решил Макс, на собаку и уж совсем не был похож на паука; только шести лап было многовато. У передних были крохотные ладошки, а средние могли служить как руками, так и ногами. Больше всего существо напоминало обезьянку, а на ощупь — кошку. От него исходил легкий пряноватый запах, и он, похоже, был очень чистым.

Макс попытался втянуть Мистера Чипса в разговор, но быстро обнаружил, что интеллектуальные его возможности крайне ограничены. Не подлежало сомнению, что он осмысленно использует человеческие слова, однако словарь его был не богаче, чем у не слишком сообразительного двухлетнего ребенка.

Попытка Макса водворить его обратно в клетку привела к двум десяткам минут активных физических упражнений, перемежавшихся патовыми ситуациями. Мистер Чипс метался над клетками, приводя кошек в истерику. Когда паукообразный щенок наконец великодушно позволил себя поймать, он все равно продолжал сопротивляться попыткам себя заточить; делал он это, цепляясь за Макса и всхлипывая. Кончилось все тем, что Макс укачал его, как ребенка, и положил в клетку сонного.

Это было ошибкой. Прецедент был создан, и с этого дня Максу не дозволялось покинуть помещение с клетками, не укачав дитятко.

Он не понимал «Мисс Кобурн», упомянутую на карточке в качестве владелицы. Все владельцы кошек и собак приходили к своим питомцам, однако у Мистера Чипса посетителей не было. «Мисс Кобурн» рисовалась Максу как желчная старая дева с длинным иссохшим лицом, получившая животное в подарок на отъезд и недовольная этим подарком. По мере роста дружбы с паукообразным щенком воображаемый образ «Мисс Э. Кобурн» становился, если это возможно, еще менее привлекательным.

«Асгард» был в космосе уже свыше недели, и оставалось всего несколько дней до первого пространственного скачка, когда Максу предоставилась возможность сравнить этот воображаемый образ с реальностью. Он чистил стойла, Мистер Чипс сидел на его плече и подавал советы, когда из помещения с клетками послышался резкий голос.

— Мистер Чи-ипс! Чипси! Ты где?

Паукообразный щенок резко сел и повернул голову. Почти в тот же момент в дверях появилось молодое существо женского пола. Мистер Чипс взвизгнул: «Элли!» — и прыгнул хозяйке на руки. Пока они облизывали друг друга, Макс присмотрелся. Шестнадцать, оценил он, может, семнадцать. А может, восемнадцать — кой черт, как можно в этом разобраться, когда бабы такое выделывают

со своими физиономиями? Как бы там ни было, красавицей назвать ее было нельзя; выражение ее лица также мало помогало делу.

Девица взглянула на Макса и зло спросила:

— Что ты делал с Чипси? Отвечай мне!

— Ничего,— еле сдержался Макс.— Если вы позволите, мэм, я продолжу свою работу.— Он отвернулся от нее и наклонился над своей шваброй.

Она схватила его за руку и развернула к себе.

— Отвечай мне! А то... а то... я капитану скажу, вот что я сделаю.

Макс досчитал до десяти, потом, для полной верности, вспомнил первый десяток чисел из семизначной таблицы натуральных логарифмов.

— Это ваше право, мэм,— сказал он со спокойствием, стоившим ему больших усилий,— но сперва скажите, как ваша фамилия и по какому делу вы здесь? Я заведую этими помещениями и отвечаю за этих животных — от имени капитана.— Он знал, что таков закон Космоса, хотя связь оного закона с данным случаем и была несколько натянутой.

На лице девицы появилось удивление.

— Как же, я же Элдрет Кобурн,— выпалила она таким голосом, словно это было всем известно.

— А по какому вы делу?

— Я пришла поглядеть на Мистера Чипса — разве не ясно?

— Очень хорошо, мэм. Вы можете навещать своего питомца в подходящее для этого время,— добавил Макс, дословно цитируя инструкцию.— После этого он должен вернуться в свою клетку. Вы не имеете права беспокоить прочих животных, а также кормить их. Такова инструкция.

Она хотела было что-то сказать, передумала и прикусила губу. Паукообразный щенок все это время переводил взгляд с одного лица на другое, вслушиваясь в разговор, далеко превосходящий возможности его понимания, хотя, возможно, он и ощущал кипевшие тут эмоции. Потом он протянул лапку и подергал Макса за рукав.

— Макс,— очень вовремя объявил Мистер Чипс.— Макс!

Лицо мисс Кобурн снова приобрело пораженный вид.

— Это твое имя?

— Да, мэм. Макс Джонс. Он, видимо, хочет меня вам представить. Это так, старик?

— Макс,— твердо повторил Мистер Чипс.— Элли.

Элдрет Кобурн посмотрела себе на ноги, потом с неловкой улыбкой подняла глаза на Макса.

— Вы тут, похоже, друзья. Я, кажется, наговорила чего не надо. Всегда я со своим языком...

— Я уверен, что вы не хотели меня оскорбить, мэм.

Макс продолжал говорить официальным голосом; она торопливо ответила:

— Но я же говорила грубости! Мне так жаль — мне всегда потом жаль. Но я так перепугалась, увидев, что клетка открыта и в ней никого нет. Я подумала, что лишилась Чипси.

Макс неохотно улыбнулся.

— Я понимаю. Ничуть вас не виню. Вы испугались.

— Вот именно, я страшно испугалась.— Она вскинула глаза.— Чипси зовет тебя Максом. Можно, я тоже буду звать тебя Макс?

— Почему же нельзя? Все так делают — это же мое имя.

— А ты зови меня Элдрет, Макс. Или просто Элли.

Пока Макс прибирал в стойлах, Элли оставалась там, играя со своим Чипси. Потом она вздохнула и сказала:

— Думаю, мне надо бы идти, а то они там начнут меня искать.

— Вы придете еще?

— Конечно.

— М-м-м... Мисс Элдрет...

— Элли.

— Можно я спрошу вас? — Он говорил торопливо.— Может, все это и не мое дело, но что вас не пускало? Этой мелкой твари было жутко одиноко. Он уже думал, что вы его бросили.

— Не «он» — «она».

— Чего?

— Мистер Чипс — девочка,— произнесла она извиняющимся голосом.— Это была ошибка, которую может сделать кто угодно. А потом было уже поздно, перемена имени только совсем смутила бы ее.

Паукообразный щенок глянул своими сообразительными глазами и повторил:

— «Мистер Чипс — девочка». Элли, конфета?

— В другой раз, сладкая ты моя.

У Макса были большие сомнения в том, что имя было так уж важно, особенно если принять во внимание, что ближайшие паукообразные собаки были удалены на многие световые годы.

— Но вы не ответили на мой вопрос.

— О, я от всего этого так бесилась, что только что не кусалась. Они мне не разрешали.

— Кто это «они»? Твои родители?

— Да нет! Капитан и миссис Дюмон.— У Макса стало складываться впечатление, что вытаскивать информацию из нее не многим легче, чем из Мистера Чипса.— Понимаешь ли, меня принесли на корабль на носилках — какой-то дурацкий жар, наверное — пищевое отравление. Не могло быть ничего особо страшного, здоровье у меня, как у быка. Но они держали меня в постели, а когда врач разрешил мне вставать, миссис Дюмон сказала, что я не должна спускаться ниже палубы С. У нее какие-то занудные представления, что прилично, а что нет.

Вообще говоря, Макс понимал, с чем связаны возражения супруги эконома; у него уже были случаи убедиться, что среди его товарищей по команде встречались экземпляры, мягко говоря, грубые, хотя он и не думал, чтобы кто-либо из них рискнул задеть пассажирку. Да за такое капитан Блейн, пожалуй, выкинет проштрафившегося в космос.

— Поэтому мне пришлось улизнуть потихоньку. Они, наверное, уже меня обыскались. Мне лучше бежать побыстрее.

Однако это не сходилось с планами Мистера Чипса. Она вцепилась в Элли и хныкала, иногда прерывая это занятие для того, чтобы вытереть слезы крошечными кулачками.

— Господи, да что же мне делать!

У Макса на лице появилось озабоченное выражение.

— Я, наверное, избаловал его — ее то есть, я имею в виду Мистера Чипса.— Он объяснил, каким образом возник ритуал укачивания дитятки.

— Но мне же надо идти,— растерялась Элли.— Что же мне делать?

— Давай попробуем, пойдет ли он — она — ко мне.

Мистер Чипс пошла. Элдрет торопливо погладила ее и убежала, после чего Мистеру Чипсу для того, чтобы уснуть, потребова-

лось времени даже больше обычного. Макс размышлял, поддаются ли паукообразные собаки гипнозу; этот ритуал начинал уже ему надоедать.

Элдрет появилась на следующий день, сопровождаемая неусыпной в своей бдительности миссис Дюмон. Макс выказывал все возможное почтение жене экономa и не забывал называть Элдрет исключительно «Мисс Кобурн». На следующий день она явилась уже в одиночку. Он посмотрел ей за спину и изумленно воздел брови.

— А где же твоя дуэнья?

Элдрет хихикнула:

— Дюмонтиха посоветовалась со своим супругом, и тот вызвал твоего начальника — этого самого, толстого. Они сошлись во мнении, что ты — идеальный маленький джентльмен, абсолютно безопасный. Как тебе это нравится?

Макс поразмыслил.

— Честно говоря, по основному роду занятий я — убийца, но сейчас у меня отпуск.

— Вот и прекрасно. Что это у тебя здесь такое?

Это был набор для игры в трехмерные шахматы. Макс играл в них с дядей, это была любимая игра всех астронавигаторов. Обнаружив, что в нее играет кое-кто из картографов и компьютерщиков, он инвестировал свои чаевые в покупку набора в корабельной лавке. Набор был дешевенький, без предупредительных лампочек и дистанционного управления, просто этажерка из прозрачных пластин с фигурами не резными, а штампованными, однако для игры этого было достаточно.

— Это объемные шахматы. Когда-нибудь видела?

— Да. Только я не знала, что ты в них играешь.

— А почему нет? Ты играешь в обычные шахматы?

— Немножко.

— Ну так принципы те же самые, только фигур больше и есть еще одно направление, в котором можно ходить. Давай, я тебе покажу.

Она села, скрестив ноги, напротив него, и он показал ей ходы.

— Вот это автоматические транспортники, то есть пешки. Они могут превратиться во все что угодно, если дойдут до дальнего края. Вот эти четыре — звездные корабли, они одни ходят не по прямой, вроде коней. Они должны совершать пространственный скачок,

всегда с того уровня, на котором стоят, на какой-нибудь другой, и этот скачок производится определенным образом, например так — или так. А это — Имперский флагман, это ему объявляется шах или мат. Потом есть еще...— Они сыграли пробную игру с помощью Мистера Чипса, которая с энтузиазмом двигала фигуры, не вникая особенно, чей сейчас ход.

Потом Макс сказал:

— Ты сечешь довольно быстро.

— Благодарствую.

— Только настоящие игроки, конечно же, играют в четырехмерные.

— А ты умеешь?

— По правде, нет. Но я когда-нибудь научусь, просто надо все время удерживать в голове на одну пространственную связь больше. Мой дядя играл. Он и меня хотел научить, но только умер.— Тут Макс поймал себя на том, что рассказывает про своего дядю. Он кончил этот рассказ без упоминания обо всех своих разочарованиях.

Элдрет взяла с одной из плоскостей звездный корабль.

— Макс, а что, скоро уже будет первый скачок, правда?

— А сколько сейчас?

— Э-э... шестнадцать двадцать одна — слушай, мне бы лучше уже бежать наверх.

— Тогда это будет через... примерно через тридцать семь часов и семь минут, если по корабельному расписанию.

— Ты, похоже, разбираешься в таких штуках. Ты не можешь мне объяснить, что это такое мы сделаем. Я слышала раз, как один астронавигатор говорил про это за столом, только совсем ничего не поняла. Мы вроде как ныряем в свернутое пространство, я это верно уловила?

— Да нет, не свернутое пространство. И вообще это — дурацкий термин. Пространство не «сворачивается». Мы направляемся к месту, где пространство по-настоящему плоское, а не искривлено, как около звезд. Зоны пространственных аномалий всегда плоские иначе они не могли бы совмещаться друг с другом — быть конгруэнтными.

На лице Элли изобразилось непонимание.

— Как ты это сказал?

— Слушай, Элдрет, как далеко ты продвинулась в математике?

— Я? Я прогуляла неправильные дроби. Мисс Мимси очень на меня сердилась.

— Мисс Мимси?

— Школа мисс Мимси для молодых леди, так что ты видишь, что я могу внимать тебе с полным пониманием.— Она скорчила рожу.— Но ты же сам говорил, что ходил в сельскую среднюю школу, да и ту не кончил. Ведь так?

— Да, но только я много узнал у дяди. Он был великий математик. Конечно, его именем не названа какая-нибудь теория, но он, думаю, все равно великий.— Макс помолчал.— Я не знаю, как тебе это рассказать, тут нужны уравнения. Слушай! Дай мне на минутку эту твою косынку.

— Бери.— Она сняла косынку с шеи.

Косынка была украшена стилизованным изображением Солнечной системы, это был сувенир Дня Солнечного Союза. Посреди квадратного куска ткани красовалось солнце; далее шли окружности, обозначавшие орбиты планет; для пущей важности было добавлено несколько комет. Масштаб был совершенно искажен; как структурная схема родной системы эта штука не годилась совершенно, но для данного случая ее было вполне достаточно. Макс взял косынку в руки и сказал:

— Вот тут у нас Марс.

— Ты это прочитал. Так нечестно.

— Да помолчи ты секунду. А вот тут — Юпитер. Чтобы с Марса добраться до Юпитера, тебе надо пройти отсюда досюда, верно?

— Очевидно, так.

— А теперь предположим, что я сложу косынку так, что Марс ляжет на Юпитер? Что тогда помешает просто сделать один шаг?

— Ничего, я думаю, не помешает. За исключением того, что то, что легко сделать с косынкой, не так-то просто сделать с настоящим пространством. Правда ведь?

— Да, это невозможно поблизости от звезды. Но если уйти от звезды на приличное расстояние, все получается великолепно. Понимаешь, это как раз и есть то, что называется аномалией, место, где пространство сложено само с собой, почему огромное расстояние сводится к нулю.

— Так значит, пространство все-таки свернуто!

— Нет, нет и нет. Смотри, я же просто сложил твою косынку, я же нигде ее не растягивал, не менял ее форму. Я же не сделал на ней *ни одной морщинки*. Пространство *остается тем же самым*, оно просто сложено, как ненужная бумажка,— но оно не свернуто. Оно просто сложено. Ну, понятно, для этого нужны дополнительные измерения.

— Не вижу я никакого «понятно».

— В уравнениях все это очень просто, но трудно говорить об этом, если ты этого не видишь. Пространство — наше пространство — можно так смять, что все оно поместится в чашку — все оно, все его сотни тысяч световых лет. Но, понятно, в четырехмерную чашку.

Элли вздохнула.

— Не понимаю я, как в эту твою четырехмерную чашку можно кофе-то налить, не говоря уже о целой Галактике.

— Ничего трудного. Ты же можешь затолкать эту тоненькую косыночку в наперсток. Тот же самый принцип. Но дай мне закончить. Понимаешь, раньше думали, что ничто не может двигаться быстрее света. Ну так это было и правильно, и неправильно. Это...

— Ну как может быть одновременно и то и другое?

— Это и есть один из парадоксов Хорста. Нельзя двигаться быстрее света, пока находишься в нашем пространстве. Если попытаешься это сделать, ты из него вырвешься. Но если ты сделаешь это в таком месте, где пространство сложено само с собой и себе конгруэнтно, то снова вырвешься в свое собственное пространство — но очень-очень далеко от первоначального места. Как далеко — это зависит от того, как сложено пространство. А это, в свою очередь, зависит от распределения масс в пространстве, зависит сложным образом, который *нельзя* описать словами, но *можно* вычислить.

— Ну, а если попробовать сделать это в первом попавшемся месте?

— Вот так и делали самые первые. Они не вернулись. Именно поэтому опасны разведочные прыжки. Разведочные корабли прорываются сквозь такие аномалии, которые найдены теоретически, но ни разу не опробованы. Это и есть причина, по которой так много платят астронавигаторам. Они должны привести корабль в такое место, которое не отличимо глазом, и они должны привести его сюда со скоростью, почти равной скорости света, и они должны

резко придать ему ускорение точно в заданной мировой точке. Опусти при вычислениях последний знак числа или для ускорения дела используй более короткий путь через область, в которой имеется неопределенность, и — будь здоров. Так вот, мы двигаемся с ускорением двадцать четыре g с того самого момента, как вышли из атмосферы. Конечно же, мы не чувствуем этого, мы находимся в разрывном поле, при искусственной гравитации в одно g,— это другой из парадоксов Хорста. Но мы теперь подходим вплотную к скорости света, прямо к самой Эйнштейновой границе; очень скоро нас выщелкнут, словно арбузное семечко между пальцами, и мы выскочим поблизости от Тэты Кентавры, на расстоянии в пятьдесят восемь световых лет. Очень просто, если только верно все делать.

Элли поежилась.

— Ты имеешь в виду — если мы выскочим.

— Ну... Пожалуй, что и так. Но это гораздо безопаснее полета на вертолете. И погляди на это еще с такой стороны: если бы не аномалии, мы бы никогда не достигли звезд, слишком уж они далеко. Но теперь, глядя назад, кажется совершенно очевидным, что все эти огромные пустые пространства не могли быть реальными, аномалии должны были существовать. Так говорил мой дядя.

— Наверное, он был прав, хотя я ничего здесь и не понимаю.— Элли раскутала ноги и поднялась.— А вот что я очень хорошо понимаю, так это, что мне надо бежать наверх, а то миссис Дюмон может и передумать.— Элли потискала Мистера Чипса и сунула мелкую тварь Максу в руки.— Покачай малость ребеночка — ну вот, молодец.

Глава 8
ТРИ ПУТИ НАВЕРХ

Макс намеревался бодрствовать во время первого скачка, но проспал. Скачок был в пять с минутами ночи по корабельному времени. Когда утренняя побудка разбудила его в шесть, все было уже кончено. Он быстро натянул одежду, кипя негодованием на самого себя за то, что не проснулся раньше, и поспешил наверх. Переходы выше палубы С были тихими и пустынными, даже самые ранние

пташки из пассажиров не появятся еще по крайней мере час. Он сразу направился в гостиную палубы Б, пересек ее и подошел к иллюминатору, устроенному здесь для удовольствия богатенькой публики.

Звезды были такими же, как обычно, однако привычные с древности созвездия исчезли. Один только Млечный Путь, наша собственная Галактика, казался таким же, как всегда,— для этой чудовищно огромной спирали, состоящей из миллионов звезд, имеющей поперечник в сотни тысяч световых лет, крохотное — менее шести десятков световых лет — перемещение не имело значения.

Одна из звезд была очень яркой, желтоватого цвета. Макс решил, что это и есть Тэта Кентавра, солнце Планеты Гарсона, первой их остановки в пути. Он быстро ушел, не желая рисковать быть пойманным. Шляться без дела в местах, отведенных пассажирам, ему не полагалось. Он быстрее обычного сменил кошачьи посудины — повод для выхода наверх — и к завтраку уже вернулся в кубрик.

Переход к Планете Гарсона занял почти целый месяц даже при огромном ускорении, развиваемом кораблем с движителем Хорста—Конрада. Элдрет продолжала свои ежедневные посещения для свиданий с Мистером Чипсом — а также для того, чтобы поболтать и поиграть в 3-шахматы с Максом. Он узнал от нее, что, хотя она и родилась не на Геспере, а в Окленде, на Земле, все равно родиной своей считает Гесперу.

— Отец послал меня на Землю, чтобы из меня сделали леди, но ко мне это как-то не привилось.

— Что ты хочешь сказать?

— Я трудный ребенок,— ухмыльнулась Элли.— Поэтому меня и послали домой. Макс, тебе шах. Чипси, положи эту штуку на место. Знаешь, эта мелкая тварь всю дорогу тебе подыгрывает.

Мало-помалу он разобрал, что говорила Элли. Школа мисс Мимси была третьей кряду, из которой ее исключили. Ей не нравилась Земля, она была полна решимости вернуться домой и для этого создавала царство ужаса в каждом из заведений, заботам которых ее вверяли. Отец — мать ее умерла — очень хотел дать своей дочери «приличное» образование, но ее стратегическая позиция была куда сильнее, она могла диктовать свою волю. Отцовские адвокаты на Земле умыли руки и спровадили ее домой.

Сэм совершил ошибку, начав поддразнивать Макса про Элдрет.

— Сынок, вы с ней уже назначили день?

— Кто назначил, какой такой день?

— Да брось ты! Про это же знает весь корабль, может, за исключением капитана. Ну для чего пудрить мозги старому другу.

— Не понимаю, про что это ты говоришь.

— Я же тебя не критикую, я тобой восхищаюсь. У меня самого никогда не хватило бы нервов рассчитать такую траекторию. Но, как говаривал мой покойный дедуля, есть только три пути вверх: талант и пот, рождение в нужной семье, хорошая женитьба. Из всех трех лучший — жениться на дочке босса, потому что... Эй, потише! Не заводись! — И Сэм ускользнул из области досягаемости Макса.

— Возьми свои слова назад!

— Беру, беру! Я был неправ. Но имей в виду, что все, мной сказанное, вдохновлялось чистейшим восхищением. Согласен, я ошибался. Посему извиняюсь и беру свои слова назад.

— Но...— Макс не мог сдержать улыбку. На Сэма невозможно было злиться долго. Несомненно, он был бездельник, возможно — дезертир, совершенно точно — циник, во всем видящий только низкое, но (и с этим ничего не поделаешь) Сэм был его другом.

— Да я понимал, что ты шутишь. Как же я мог думать о женитьбе, если мы с тобой решили.

— Сбавь громкость,— тихо сказал Сэм.— Так ты тоже решил?

— Да. Я думаю, что это — единственный возможный выход. На Землю я возвращаться не хочу.

— Молодец. Ты об этом не пожалеешь.— Сэм немного задумался.— Нам понадобятся деньги.

— А что, у меня уже что-то есть на корабельном счету.

— Не будь идиотом. Ты только заикнись, чтобы взять больше, чем на карманные расходы, и тебе больше и коснуться бетонки не дадут. Но ты не беспокойся, прикопи свои чаевые — ту часть, которую Жиряга тебе оставляет,— и я добуду нам, сколько надо. Сейчас моя очередь.

— Каким образом?

— Есть уйма способов. Но это — не твое дело.

— Ну... ну ладно. Слушай, Сэм, а что это ты имел в виду, когда ты... я значит... ну, если предположить, что я хотел жениться на Элли —

я, конечно же, не хочу, она еще совсем ребенок, да и я совсем не собираюсь жениться,— но если вообще предположить? Кому какое дело?

У Сэма на лице появилось удивление.

— Ты что, не знаешь?

— А чего бы я спрашивал?

— Ты что, не знаешь, кто она такая?

— Чего? Звать ее Элдрет. Фамилия Кобурн, и направляется она домой на Гесперу, она из колонистов. А что?

— Бедняжка ты мой глупенький. Она тебе никогда не говорила, что она — единственная дочь Его Высокопревосходительства генерала сэра Джона Фицжеральда Кобурна, кавалера ОБИ, КБ, ОСУ и, вполне возможно ЁКЛМН, Чрезвычайного и Полномочного Посла и одновременно — Верховного Комиссара Империи на Гесперe.

— Че-его? Господи ты Боже ты мой!

— Усек? Чуть-чуть тебе сообразительности и обходительности, и ты, самое малое, сможешь жить на его деньги. Только назови любую из планет — не считая, конечно, Гесперы,— и он их тебе будет присылать.

— Да ну тебя к черту. Но в любом случае она — хорошая девчонка.

Сэм гнусно хихикнул.

— Конечно, конечно. Но, как говаривал покойный дедуля, в добром деле обязательно что-нибудь да прилипнет к рукам.

Неожиданная новость обеспокоила Макса. Ясное дело, он понимал, что она из обеспеченной семьи, в конце концов, она же была пассажиркой. Но он никогда не испытывал благоговения перед богатством. Личный успех, примером которого был его дядя, внушал ему гораздо больше уважения. Но тот факт, что Элдрет принадлежит к такому невероятно высокому слою общества, а также гнусные инсинуации, что он, Максимиллиан Джонс,— охотник за чужим состоянием и человек, пытающийся посредством брака вскарабкаться по социальной лестнице,— все это выводило из равновесия.

Макс решил положить этому конец. Начал он с того, что накапливал работу в таком количестве, что мог, не погрешив против истины, сказать, что у него нет времени играть в 3-шахматы. Тогда Элли взяла в руки вилы и стала ему помогать. Играя после этого игру, которой не удалось избежать, он сделал попытку прямого разговора.

— Слушай, Элли, я думаю, что тебе не стоит бывать здесь, внизу, подолгу и играть со мной в эти шахматы. Другие пассажиры ходят сюда к своим кошкам и собакам. Они замечают и начинают сплетничать.

— Тьфу на них.

— Я точно говорю. Мы-то с тобой знаем, что все в порядке, но выглядит это как-то не так.

Она выпятила нижнюю губу.

— У меня что, будет с тобой серьезная беседа? Ты разговариваешь в точности как мисс Мимси.

— Ты можешь, конечно, ходить сюда к Чипси, но лучше бы тебе делать это с кем-нибудь еще из собаковладельцев.

Элли, видимо, собиралась резко ему ответить, потом пожала плечами.

— О'кей, да и вообще это не самое удобное место. Теперь мы будем играть в гостиной палубы Б после твоей работы, по вечерам.

Макс было завозражал, что мистер Джордана не позволит ему этого; она быстро ответила:

— Про своего начальника ты не беспокойся. Я могу обвести его вокруг своего мизинца.— Последнее она проиллюстрировала жестом.

Воображаемая картина массивного мистера Джи в таком неожиданном положении несколько замедлила ответ Макса, но в конце концов этот ответ последовал.

— Элли, ведь член команды не имеет права пользоваться гостиной для пассажиров. Это строгое правило.

— Имеет. Я много раз видела, как мистер Дюмон пьет кофе вместе с капитаном Блейном.

— Да ты не понимаешь. Мистер Дюмон — почти офицер, и если капитан приглашает его в качестве своего гостя, то это — право капитана.

— А ты будешь моим гостем.

— Нет, не буду.— Он попытался объяснить ей инструкцию, строго запрещающую членам команды общаться с пассажирами.— Капитан взбесился бы, увидев нас с тобой сейчас, и не на тебя, а на меня. Если он застанет меня в пассажирской гостиной, то загонит в самый низ, на палубу Эйч.

— Не может быть.

— Но...— Он пожал плечами.— Хорошо, я поднимусь сегодня вечером. Он, конечно, не погонит меня в буквальном смысле слова, это будет ниже его достоинства. Он просто пошлет мистера Дюмона, чтобы тот велел мне уйти; а утром тот же мистер Дюмон вызовет меня к себе. Мне не жаль быть оштрафованным на месячную зарплату, если без этого ты не можешь понять положения вещей.

Он увидел, что наконец-то пронял ее.

— Как же это так, это же просто ужасно. Все равны. Все, это же закон.

— Равны? Это только если идти сверху.

Она резко встала и ушла. Максу снова пришлось утешать Мистера Чипса; самого его утешать было некому. Он подумал, что чем раньше они с Сэмом исчезнут за линией горизонта и затеряются в лесах, тем лучше.

Элдрет вернулась на следующий день, но на этот раз — в компании миссис Мендоса, преданной хозяйки чау-чау, до странности похожей на свою собаку. Разговаривая с Максом, Элдрет придерживалась равнодушной вежливости леди, «хорошо» обращающейся со слугами. Исключение она сделала лишь в краткий момент, когда миссис Мендоса была далеко от них.

— Макс?

— Да, мисс?

— Я те дам «да, мисс»! Слушай, Макс, как звали твоего дядю? Это был Честер Джонс?

— Да, а что?

— Неважно.

Тут подошла миссис Мендоса, и Макс был вынужден прервать разговор.

Следующим утром его нашел один из кладовщиков.

— Эй, Макс! Тебя вызывает Пузо, и поспеши — похоже, что ты влип.

Макс торопился с неспокойным сердцем. Никаких проступков за ним вроде бы не числилось, а потому возникало жуткое опасение, что это как-то связано с Элли.

Невооруженным глазом было видно, что мистер Джордана не в настроении. Однако он сказал только:

— Явись в канцелярию казначея. Бегом.

Макс бросился бегом.

Казначея не было на месте; Макса встретил мистер Куйпер. Оглядев его холодными глазами, он сказал:

— Переоденься в чистую форму, и побыстрее. Затем явись в капитанскую каюту.

Макс стоял как столб, сглатывая какой-то комок. Мистер Куйпер рявкнул:

— Что еще? Шагом марш!

— Сэр,— пробормотал Макс,— я не знаю, где находится каюта капитана.

— Что-о? Ничего себе! Палуба А, радиус девяносто, у борта.

Макс побежал.

Капитан был в своей каюте. С ним были мистер Сэмьюэлс, казначей; мистер Вальтер, первый помощник, и доктор Хендрикс, астронавигатор. Макс подумал, за что бы его не судили, тривиальным обвинение быть не может. Однако он не забыл отрапортовать:

— Помощник эконома третьего класса Джонс явился по вашему приказанию, сэр.

Капитан Блейн поднял на него глаза.

— А да, конечно. Возьмите стул.

Макс нашел себе стул и уселся на самый его краешек. Капитан обратился к первому помощнику:

— Принимая во внимание сложившиеся обстоятельства, так будет лучше всего — хотя это и кажется мерой несколько резковатой. А вы, Хол, согласны?

Казначей, к которому относились последние слова, согласился. Макс размышлял о том, насколько резковатой будет мера и выживет ли он после нее.

— Мы занесем это в журнал как исключение, а потом, док, я сам напишу объяснение наблюдательному совету. В конце концов, инструкции для того и пишутся, чтобы их нарушали. Значит, с этим мы покончили.— Тут Макс решил, что они собираются выкинуть его в космос, а впоследствии объяснить это.

Капитан повернулся к своему столу, что, видимо, означало конец совещания. Первый помощник осторожно кашлянул.

— Капитан...— Он указал глазами на Макса. Капитан Блейн снова поднял глаза.

— Ах, да, молодой человек, Ваша фамилия Джонс?

— Да, сэр!

— Я просмотрел ваш послужной список. Вы, кажется, непродолжительное время пытались стажироваться на картографа? На «Туле».

— Мм... да, капитан.

— И вам не понравилось?

— Да как сказать, сэр.— Макс спросил себя, что бы ответил Сэм, попав в такую ситуацию.— Это все было так... по правде говоря, мне не поручали почти никакой работы, кроме как выносить пепельницы в Хитрой... в центре управления.— Он задержал дыхание.

По лицу капитана скользнула улыбка.

— Иногда бывает и так. Не хотели бы вы сделать еще одну попытку?

— Что? Да, сэр!

— Что думаете вы, помощник?

— Капитан, при обычных обстоятельствах я не вижу смысла в том, чтобы один человек дважды пытался стажироваться на одну и ту же работу. Но тут личные мотивы.

— Да, конечно. А вы, Хол, сможете обойтись без него?

— Несомненно, капитан. Его трудно назвать ключевой фигурой на его посту.— Казначей улыбнулся.— Прислуга с нижней палубы.

Капитан тоже улыбнулся и повернулся к астронавигатору.

— Я не вижу никаких возражений, док. Конечно, остается проблема насчет гильдии.

— Келли не прочь его попробовать. Вы же знаете, у него не хватает человека.

— Ну что ж, очень хорошо, тогда...

— Одну секунду, капитан.— Астронавигатор повернулся к Максу.— Джонс... у вас был родственник в моей гильдии?

— Мой дядя, сэр, Честер Джонс.

— Я служил под его началом. Надеюсь, что вы обладаете некоторыми навыками обращения с числами.

— М-м, я тоже надеюсь, сэр.

— Посмотрим. Доложитесь главному вычислителюКелли.

Макс сумел-таки найти центр управления, не спрашивая никого, куда идти, хотя глаза его с трудом разбирали окружающее.

Глава 9
КАРТОГРАФ ДЖОНС

Неожиданное изменение социального статуса Макса переменило и всю его жизнь. Изменились отношения с прочими членами команды, правда не всегда к лучшему. Работавшие в центре управления смотрели на себя как на аристократию команды, этот их статус оспаривался техниками, обслуживавшими силовую часть корабля, а у подчиненных казначея вызывал негодование. Макс быстро почувствовал, что гильдия, покидаемая им, относится к нему без прежней теплоты, в то время как та, в которую он пытается перейти, отнюдь не спешит принять его в свои ряды.

Мистер Джи теперь попросту его не замечал — он мог прямо пройти мимо него, словно он пустое место, если Макс не успевал отскочить в сторону. Похоже было, что он воспринимает попытку продвижения Макса как личное оскорбление.

Ему потребовалось купить в корабельной лавке новую форму. Теперь, когда Макс стоял вахту в центре управления и когда, по пути на вахту и обратно, ему приходилось проходить через царство пассажиров, слоняться в старом комбинезоне было непозволительно. Заработанных денег на форму не хватало, и мистер Куйпер отоварил его в кредит, под расписку. Кроме того, пришлось расписаться и за стоимость попытки перехода из гильдии в гильдию. За сей переход, если таковой состоится, придется платить как в новую гильдию, так и в старую, но эта проблема Макса пока не волновала. Расписался он весело и без сожалений.

Команда управления «Асгарда» состояла из двух офицеров — доктора Хендрикса, астронавигатора, и мистера Саймса, его помощника, а также пяти рядовых — главного вычислителя Келли, картографа первого класса Ковака, картографа второго класса Смита и двоих вычислителей второго класса — Ногучи и Ланди. Связиста первого класса Беннета по прозвищу Матрас трудно было считать членом этой команды, хотя он тоже стоял вахты в Хитрой яме; звездный корабль очень редко оказывался на расстоянии радиосвязи с чем бы то ни было, только в самом начале и конце рейса. Беннет совмещал пост связиста с обязанностями секретаря и ординарца

капитана Блейна, а прозвищу своему был обязан всеобщему убеждению в том, что большую часть своей жизни он проводит в койке.

«Асгард» непрерывно шел с ускорением, и поэтому требовалась непрерывная работа в центре управления, совсем не то, что было на старых ракетных кораблях — десять минут управления, а потом недели свободного полета, прежде чем опять возникала нужда в управлении. Капитан Блейн, естественно, и сам был астронавигатором, однако, что столь же естественно, он не стоял вахты. Астронавигатора-стажера в этом рейсе на «Асгарде» не было, так что офицеров, способных стоять вахту в центре управления, оставалось мало, всего двое. Эта нехватка восполнялась главным вычислителем Келли, который также наряду с офицерами стоял вахту старшим. Остальные рядовые стояли одну четырехчасовую вахту из четырех. При тех порядках, которые завел в центре управления «Десятичный знак» Келли, различие между вычислителем и картографом было чисто номинальным — чего не знаешь, узнаешь вскорости, а не узнаешь — найдешь себе другой корабль.

Расписание было легким для всех, кроме Макса — его для начала поставили на вахты через раз — четыре часа вахты, затем четыре часа, за которые надо успеть поесть, умыться, расслабиться и, коли останется время, поспать.

И все равно Макс блаженствовал. Он являлся до времени, а после вахты его приходилось иногда выгонять силой. Потом, гораздо позднее, Макс узнал, что таким жестким режимом Келли испытывал его на излом, на слабину, чтобы поскорее избавиться от него, если он не подойдет.

Однако приятными были не все вахты. Первую Макс стоял под командой мистера Саймса. Забравшись через люк в помещение центра, он изумленно огляделся вокруг. По четырем сторонам отсека были расположены великолепные параллаксные камеры. Между двумя из них сидел перед главным компьютером Ланди. Он поднял глаза на Макса и молча кивнул. Мистер Саймс сидел у пульта управления, напротив люка: он должен был видеть, как появился Макс, однако ничем этого не выказал.

Вдоль стен помещения теснилась уйма прочих приборов, некоторые из которых Макс признал, он читал про них и видел на картинках. Другие были ему совершенно незнакомы. Тут были

приборы, передававшие обстановку во всех отсеках корабля, экран, воспроизводивший вид неба с кормы, «под» кораблем, микрофон и пульт управления внутренней системы оповещения, «бак», или стереокомпаратор, на котором снимки, сделанные параллаксными камерами, сравнивались с картами, астроспектрограф, доплероскоп, многоточечный измеритель температуры, посадочный радар — чересчур много всякого, чтобы разобраться сразу.

Вверху сквозь астронавигационный купол сияла звездами вселенная. Макс разинул рот и не мог оторвать глаз от звезд. Все это время он жил в своей стальной норе и почти ни разу не видел неба. Даже дома, на ферме, он был ближе к небесной тверди.

— Эй, ты!

Макс потряс головой и увидел, наконец, что на него смотрит мистер Саймс.

— Иди сюда.

Пока Макс выполнял это приказание, помощник астронавигатора продолжал:

— Ты что, не знаешь, что обязан доложиться вахтенному офицеру, когда заступаешь на вахту?

— Извините, сэр.

— А кроме того, ты опоздал.— Макс украдкой глянул ка хронометр, вделанный в пульт. До срока оставалось еще добрых пять минут. Саймс продолжал: — Печально, когда рядовой приходит на свой пост позже офицера. Как твоя фамилия?

— Джонс, сэр.

Мистер Саймс фыркнул. Это был краснолицый молодой парень с жидкими волосенками морковного цвета; фырканье было обычным его речевым приемом, по крайней мере — в разговоре с младшими по званию.

— Свари кофе.

— Да, сэр.

Макс собрался было спросить, где и как, но мистер Саймс снова погрузился в свое чтение. Макс беспомощно глянул на Ланди, и тот глазами указал направление. Позади шкафа с картами Макс обнаружил кофеварку, чашки, блюдца, сахар и банки со сгущенными сливками.

Он успел пару раз обжечься, пока приноровился к идиосинкразиям механизма. Мистер Саймс принял варево, даже не

взглянув на Макса. Макс не понимал, что же ему делать дальше, и решил предложить чашку Ланди. Вычислитель тихо поблагодарил его, тогда Макс рискнул налить и себе; у него создалось впечатление, что здесь так принято. Он отнес свою чашку поближе к компьютеру и уже собрался пить.

Но не успел он начать, как раздался голос вахтенного офицера:

— Это что такое? Вечеринка? Джонс!

— Да, сэр?

— Прибери помещение. Можно подумать, что здесь стадо свиней валялось.

Комната была совершенно чистой, однако Макс нашел и подобрал несколько клочков бумаги. Засунув их в мусоропровод, он натер все металлические ручки, ярко сиявшие и до того. Он начал было делать все по второму разу, когда Ланди жестом подозвал его. Макс помог Ланди сменить пластинки в параллаксных камерах и понаблюдал, как тот устанавливает электронный таймер. Мистер Саймс лично нажал кнопку пуска; это, похоже, было единственной работой, проделанной им за время вахты.

Ланди вынул пластинки из камер и установил их в «баке» для сравнения с картами, снял отсчеты и занес их в вахтенный журнал. Макс чисто номинально помогал ему, набираясь при этом опыта, как все это делается. Потом он опять начал драить медяшку.

Эта вахта продолжалась бесконечно долго. Макс вернулся в кубрик, начисто лишившись своего первоначального восторга.

Совсем другими были вахты под началом доктора Хендрикса и Келли. Под управлением Келли Хитрая яма превращалась в место очень веселое; он властвовал ею как благожелательный деспот, крича, ругаясь, обзывая последними словами кофе, понося своих подчиненных, которые отвечали ему тем же. При Келли Макс и в руки не брал полировочной тряпицы, он был слишком занят, и не только на подхвате, но и подробно изучая оборудование центра.

— Нам совершенно нечего делать,— кричал ему Келли,— пока мы не шлепнемся на эту гарсоновскую плешь. Нечего делать, окромя как тащиться по наезженной колее, пока не плюхнемся задом. И как раз поэтому ты, телочек ты мой, хорошенько попотеешь. К тому времени, как мы там сядем, ты у меня будешь знать эту чертову Яму лучше, чем мамаша твоя знала папашу,— или тебе придется доучивать пропущен-

ное уже там, пока все твои дружки будут надираться до зеленых чертей. Хватай руководство по главному компьютеру, снимай задний кожух и залезай во все эти проводочки. И чтобы я в течение остальной вахты не видел ни одной части твоего тела, кроме задницы.

И уже через десять минут Келли стоял на коленях рядом с ним и помогал разобраться в сложной схеме.

Макс учился, в чем ему сильно помогала фотографическая память, а еще больше — солидная теоретическая подготовка, полученная от дяди. Келли был доволен.

— Мыслю я, что ты перебрал малость, говоря, что ни черта не освоил на «Туле».

— Ну, не очень много.

— Во время твоей стажировки Ямой командовал Йохансен?

— Э-э, да.— Макс отчаянно надеялся, что Келли не будет называть других фамилий.

— Так я и думал. Этот болван своей собственной мамаше не скажет, сколько ему лет.

Потом наступила вахта, во время которой Келли разрешил ему провести на компьютере тренировочный расчет подхода к точке перехода; Ногучи диктовал константы из таблиц, а сам Келли исполнял роль астронавигатора, следуя распечаткам данных последнего перехода, фактически произведенного кораблем. Программирование производилось устно, как бывает всегда, когда астронавигатора захлестывают поступающие данные, перед самым моментом подачи наиболее ответственного сигнала на резкое ускорение, которое должно перевести корабль через скорость света.

Келли диктовал данные значительно медленнее, чем это бывает на практике; одновременно Ногучи глядел в таблицы и диктовал Максу числа. Сперва Макс нервничал, пальцы его так дрожали, что трудно было нажать на верные клавиши, но затем он успокоился и начал работать легко, словно он и машина рождены друг для друга.

Келли диктовал: «...двоичный натуральный логарифм от ноль точка восемь семь ноль девяносто два, умноженный на...». Макс услышал голос Ногучи, переспросившего данные. Ногучи рылся в книге, ища нужную страницу, но намного раньше, чем он успел ее найти, страница появилась перед мысленным взором Макса. Он бессознательно нажал клавиши, не дождавшись Ногучи.

— Поправка,— прозвучал голос Келли.— Слушай, ты, тупица, тебе не надо вводить те цифирки, которые я говорю, ты вводи те цифирки, которые тебе Ногги скажет. Ну сколько тебе раз повторять?

— Но я же...— начал и осекся Макс. До этого момента никто на борту «Асгарда» не догадывался, что он обладает такой непристойно странной памятью.

— Что «ты же»? — Келли хотел было сбросить последние данные, введенные Максом, но приостановился.— Если подумать, ты же не мог ввести в эту штуку десятичные цифры. Так что же ты, интересно, сделал?

Макс знал, что прав, и очень не хотел, чтобы думали, будто он ошибся.

— Я ввел те цифры, которые Ногучи собирался мне продиктовать.

— Повтори-ка это снова,— Келли смотрел на него не отрываясь,— ты что, читаешь мысли?

— Нет, но цифры я ввел правильные.

— Хм...— Келли нагнулся над пультом.— Повтори-ка, Ногги.— Вычислитель выдал длинный ряд нулей и единиц, двоичный эквивалент зачитанного Келли выражения; Келли проверял нажатые клавиши, губы его слегка шевелились. Он выпрямился.— Как-то раз один парень при мне тринадцать раз подряд выбросил семь очков, причем кости были честные. Это что, Макс, тебе просто повезло?

— Нет.

— Ладно. Ногги, кинь-ка мне эту книгу.— Келли довел задачу до конца, выдавая Максу только начальные данные и необходимые действия, не переводя числа в требуемую компьютером двоичную форму. Все это время он листал книгу и заглядывал через Максово плечо. Макс боролся с нервозностью и быстро нажимал клавиши; пот заливал ему глаза.

В конце концов Келли сказал:

— О'кей, крутни-ка ему хвост.— Макс щелкнул тумблером, подавая сигнал, по которому машина заглотила программу и мгновенно ее переварила; ответ выразился в огоньках: горит — не горит, машинном эквиваленте двоичных чисел.

Келли, при помощи книги, перевел число, выраженное огоньками, в обычный десятичный вид. Затем он взглянул в журнал. Потом закрыл журнал, отдал его Ногучи.

— Попью-ка я кофе,— тихо сказал он и отошел.

Ногучи открыл журнал, посмотрел на лампочки, горевшие на панели компьютера, заглянул в таблицы и поглядел на Макса с очень странным выражением на лице. Макс поднял глаза и увидел, что Келли смотрит на него поверх своей чашки кофе с таким же самым выражением. Макс нажал на кнопку сброса, лампочки на панели компьютера потухли, он встал с сиденья. Никто не произнес ни слова.

Следующая вахта у Макса была с доктором Хендриксом. Вахты с астронавигатором нравились ему почти так же, как с Келли: доктор Хендрикс был всегда очень вежливым и дружелюбным, обучению Макса он уделял почти столько же внимания, как и Келли. На этот раз Келли тоже был, он задержался после своей вахты — вообще-то говоря, ничего необычного, главный вычислитель нередко заходил к астронавигатору в такие часы, чтобы проконсультироваться или просто поговорить. Но в этот день, заступив на вахту, доктор Хендрикс сказал Максу:

— Келли говорил мне, что вы учитесь работать на компьютере, Джонс?

— М-м... Да, сэр.

— Очень хорошо. Давайте попробуем.— Доктор Хендрикс вытащил старый вахтенный журнал и выбрал в нем задачу подхода к точке скачка, сходную с той, которую Макс решал в предыдущий раз. Келли взял руководство, готовясь исполнять роль «зачитывателя чисел». Однако он ничего не говорил. Макс немного подождал и, не получив от Келли двоичного числа, прочитал его со страницы, словно стоявшей перед его глазами, и ввел в машину.

Так это и продолжалось. Келли не говорил ничего, только слегка облизывал губы и проверял, что сделал Макс, каждый раз, когда доктор зачитывал следующую часть задачи. Ковак стоял неподалеку и наблюдал весь этот спектакль.

В конце концов доктор Хендрикс закрыл журнал.

— Ясно,— сказал он вполне будничным голосом, словно перед ним был совершенно заурядный случай,— у вас, Джонс, очень интересная способность. Я читал про таких людей, но вы — первый, кого я встречаю сам. Вы когда-нибудь слышали про Слепого Тома?

— Нет, сэр.

— Возможно, в судовой библиотеке есть про него.— Астронавигатор с минуту помолчал.— Ни в коем случае не хочу принижать ваш талант, но вы не должны пользоваться им во время действительного маневра. Вы понимаете, почему?

— Да, сэр. Думаю, что понимаю.

— А лучше сказать так, что вы не должны его использовать, пока вам не покажется, что сделана ошибка — про ошибку вы должны сказать сразу же. Но все равно конечным авторитетом остаются печатные таблицы.

— Да, сэр.

— Очень хорошо. Зайдите, пожалуйста, ко мне в каюту после вахты.

Когда Макс сменился с вахты, по корабельному времени был «день». Он подошел к каюте доктора Хендрикса и помедлил. Тутто на него и наткнулась Элли.

— Макс!

— О, привет, Элли! — Он почувствовал некоторую неловкость, сообразив, что ни разу не видел ее со времени своего продвижения по службе.

— Он еще говорит «привет»,— Элли подбоченилась.— Ты посмотрел бы на себя, видочек — будь здоров. Да у тебя глаза такие же красные, как кант на твоей рубашке. Где ты пропадал? Загордился, слишком хорош стал, чтобы встречаться со старыми друзьями? Даже к Чипси не заходишь.

Он забегал один раз, но с Элли не встретился. Больше он визитов не повторял, потому что парню, попавшему на его место, не слишком нравилось исполнять обязанности горничной при коровах, овцах, ламах и т.д.; похоже, вину за такую ситуацию он возлагал на Макса.

— Прости, пожалуйста,— смиренно произнес Макс,— все нет времени.

— Ничего себе, оправданьице. Так вот, знаешь, что ты сделаешь сейчас? Ты отправишься прямиком в гостиную, и там я тебе покажу — я тут придумала такой способ взять к ногтю твой любимый гамбит, ты только варежку раскроешь!

Макс раскрыл упомянутую варежку, закрыл и открыл снова:

— Нет.

— Немного погромче, пожалуйста. Вы, кажется, употребили какое-то незнакомое мне слово.

— Послушай, Элли, поимей хоть каплю жалости. Я же жду доктора Хендрикса, а когда он меня отпустит, попытаюсь хоть чуть-чуть поспать. Я недобрал уже часов десять.

— Ты же можешь спать, когда тебе угодно.

— Конечно, особенно если четыре часа на вахте, четыре, считается, отдыхаешь — и по-новой. Тут уж спишь каждую секунду, когда появляется такая возможность.

— Ты что, хочешь сказать, что стоишь вахту через раз? — удивилась Элли.— Да это же уголовное преступление.

— Может, и так, только так оно и есть.

— Но... Я с этим разберусь! Я поговорю с капитаном!

— Элли, ради бога, не делай этого!

— А что? Капитан Блейн — старый лапочка. Не бери в голову, я с этим разберусь сама.

Макс глубоко перевел дыхание, затем заговорил, стараясь, чтобы его слова звучали поубедительнее:

— Элли, не говори ничего капитану, совершенно ничего. Если ты будешь лезть в дела, которых не понимаешь, ты мне только все испортишь. Меня снова выкинут к коровам.

— Да нет же, он не посмеет так сделать.

— Да ты пойми, Элли. Может, для тебя он и «лапочка», но для меня он — капитан. Так что не лезь в это дело.

Элли надула губы:

— Я же помочь тебе хотела.

— Понимаю, и большое тебе спасибо. Но все равно не надо. И все равно я не могу прийти в гостиную — мне нельзя.

— Я же думала... я думала, что ты от меня прячешься. А почему нельзя? Ты же разгуливаешь здесь, наверху, в этой красивой форме. Почему же нельзя?

Разговор был прерван доктором Хендриксом, возвращавшимся в свою каюту.

— Доброе утро, Джонс, доброе утро, мисс Кобурн.— Он прошел внутрь.

На лице Макса появилось отчаяние:

— Элли, мне надо идти,— он повернулся и постучал в дверь Астронавигатора.

Доктор Хендрикс как будто и не видел его с Элдрет.

— Садитесь, Джонс. Очень интересное вы сегодня устроили представление. Мне крайне интересно, как далеко простирается эта ваша способность. Она ограничивается числами?

— Почему? Я думаю, нет, сэр.

— Вам пришлось много работать, чтобы добиться таких результатов?

— Нет, сэр.

— Хм... Мы сейчас кое-что попробуем. Вы читали... дайте мне подумать... что-нибудь из драматургии Шекспира?

— Ну, в школе у нас был «Гамлет» и «Как вам это понравится», а еще я читал «Зимнюю сказку». Только она мне не понравилась,— честно добавил Макс.

— В таком случае вы, видимо, ее не перечитывали. Помните что-нибудь оттуда?

— Конечно, сэр.

— Хм...— Доктор Хендрикс взял с полки потрепанный том.

— Ну, например. Акт второй, сцена третья: Леонт говорит: «Ни днем ни ночью мне покоя нет! Но эти муки слабость, только слабость».

Макс подхватил:

— «...только слабость. И я, пожалуй, мог бы исцелиться, ее источник главный уничтожив: мою жену...»,— он продолжал, пока доктор Хендрикс не остановил его.

— Достаточно, вполне достаточно. Мне и самому не слишком нравится эта пьеса. Даже у бессмертного Билла бывали выходные. Только как это вышло, что вы прочитали эти самые таблицы? Все-таки даже самые слабые вещи Шекспира не настолько безнадежно тоскливы. Я не читал их никогда, пользовался, конечно, но это нельзя назвать «чтением».

— Понимаете, сэр, дядя Чет, выйдя в отставку, привез домой все свои руководства по астронавигации. Он много разговаривал со мной. Так что я взял и прочел их.

— Это надо понимать так, что вы запомнили наизусть всю профессиональную библиотеку астронавигатора?

Макс перевел дыхание.

— Ну, сэр... Я их прочел.

Доктор Хендрикс взял с полки несколько книг. Двоичными таблицами он заниматься не стал — тут Макс себя уже показал. Он перелистывал руководства и задавал Максу вопросы. Потом начал

просто называть номера страниц. Закрыв последнюю книгу, Хендрикс присвистнул и поморгал.

— Я, конечно, знаю, что в истории психологии есть много примеров таких способностей, но надо признаться, когда сам с такими встречаешься — приходишь в некоторое замешательство.— По его лицу скользнула улыбка.— Хотел бы я посмотреть на брата Визерспуна, когда он про такое узнает.

— Сэр?

— Это наш Верховный Секретарь. Боюсь, что он будет порядком шокирован; у него до крайности старомодные представления об охране «секретов» нашей профессии.

Макс неловко поерзал на стуле.

— У меня будут из-за этого какие-нибудь неприятности, сэр? Я же не знал, что не надо читать дядины книги.

— Что? Чушь это все. У астронавигации нет никаких таких «секретов». Вы пользуетесь этими книгами во время вахты, то же самое делают все члены компании, работающей в Яме. Если меня спросить, так пусть, ради бога, их читают даже пассажиры. Астронавигация — не какая-то там тайная наука, она просто трудна. У немногих людей хватит математических способностей корректно провести рассуждения, нужные для решения, скажем, задачи перехода. Но тех, кто занят в гильдии политикой, вполне устраивает, чтобы астронавигация представлялась неким оккультным ремеслом. Вы же понимаете, престиж и все такое.— Доктор Хендрикс помолчал, побарабанил пальцами по подлокотнику кресла.— Джонс, я хочу, чтобы вы это знали. Келли думает, что из вас может что-то выйти.

— Очень приятно слышать, сэр.

— Только не думайте, что из-за того лишь, что вы запомнили все эти книги, вы знаете уже больше, чем он.

— О нет, сэр.

— По правде говоря, на посту управления нет особой нужды в вашем таланте. Необходимы те достоинства, которыми обладает Келли,— неустанное внимание к своим обязанностям, подробное знание инструментов своей профессии, скрупулезная забота о мельчайших деталях, глубочайшая преданность своей работе, своей команде и своему кораблю и тем, кто выше тебя в профессиональном смысле. Келли не нужна эйдетическая память, хорошая обычная память в сочетании с умом и порядочностью — вот все, что нужно для этой работы. И это все, что нужно мне от вас в центре управления.

— Да, сэр.

Астронавигатор помедлил.

— Я не хотел бы, чтобы мои слова звучали обидно, но нужно добавить еще вот что. Подобные странные способности зачастую сочетаются с вполне обычным, а то и неполноценным разумом — настолько нередко, что психологи даже придумали специальный термин — «idiot savant»*. Извините меня, пожалуйста: вы, самым очевидным образом, не идиот, но совсем не обязательно и гений, даже если способны запомнить всю имперскую энциклопедию. Я хочу сказать, что для меня важнее ваш обычный здравый смысл и прилежное исполнение вами своих обязанностей, чем ваша феноменальная память.

— Я буду стараться, сэр.

— Я думаю, что со временем из вас выйдет хороший картограф.— Доктор Хендрикс показал, что беседа закончена. Макс встал.— И еще одно.

— Да, сэр?

— Существуют очень убедительные причины, связанные с дисциплиной и эффективностью работы, по которым рядовые не должны общаться с пассажирами.

Макс сглотнул.

— Я знаю, сэр.

— Так относитесь к инструкции посерьезнее. Мои коллеги крайне щепетильно относятся к этому моменту.

Макс вышел из каюты с ощущением, словно из него выпустили воздух. Он шел сюда, чувствуя, что будет как-то вознагражден — может, ему даже дадут шанс попытаться стать астронавигатором. Теперь, пропотев всю беседу, он как будто съежился до своих нормальных размеров.

Глава 10
ПЛАНЕТА ГАРСОНА

В последующие недели Макс мало видел Сэма: жесткое расписание вахт не оставляло времени для хождения в гости. Сэм же тем временем процветал.

---

* В буквальном переводе с французского — «искусный идиот»; также можно перевести в значение «недалекий гений».

Как и на всех крупных кораблях, на «Асгарде» была небольшая собственная полиция; она состояла из бывалых сержантов, поддерживавших порядок на корабле, действуя в качестве представителей первого помощника. Сэм, благодаря своим талантам политика и поддельному удостоверению помощника эконома первого класса, исхитрился во время перестановок, последовавших за переводом Макса, устроиться чем-то вроде надсмотрщика по ведомству казначея. Со своими обязанностями справлялся он великолепно — не отдавливал без крайней нужды ничьих ног, сквозь пальцы смотрел на те нарушения, которые давно вошли в традицию, и присматривал за соблюдением тех правил санитарии, экономии и дисциплины, которые действительно необходимы для того, чтобы корабль был подтянутым и никто не возникал. Присматривал, но совсем не обязательно вытаскивал нарушителей на ковер к первому помощнику — ко взаимному удовлетворению как мистера Вальтера, так и команды. Когда кладовщик Мэггинис слишком увлекся благородным продуктом производства мистера Джи и воспылал желанием серенадами пробудить своих соседей по кубрику, Сэм попросту препроводил его на камбуз и заставил выпить крепкого черного кофе. На следующий день Сэм отвел Мэггиниса на палубу «эйч» и крупно ему выдал. Обработка эта не оставила следов на теле, но глубоко запечатлелась в душе. Где-то в своем темном прошлом Сэм научился искусству драки — не грубому мордобою, не стилизованной пародии на бой, каковой является бокс, но высокому искусству, превращающему безоружного человека в убивающую машину.

Жертву себе Сэм выбрал крайне обдуманно. Если бы он доложил о Мэггинисе, тот счел бы его просто доносчиком, любителем совать нос не в свое дело, которого надо или перехитрить, или просто послать подальше, а если бы за доносом последовало и вправду жесткое наказание, с дисциплиной Мэггиниса возникли бы нескончаемые проблемы. Кроме того, не надо забывать, что донос на Мэггиниса косвенно угрожал и священной корове — главному экономе Джордана. То же, что произошло, превратило Мэггиниса в страстного поклонника Сэма и лучшего его пропагандиста, так как своеобразная, хотя и совсем не уникальная гордость кладовщика требовала, чтобы человек, победивший его, был «самой могучей машиной, какая бывает на двух ногах, мгновенная смерть в каждой

руке — настоящий мужик. Со стариком Сэмом шуточки плохи — ты попробуй как-нибудь сам и увидишь, что из этого получится. Давай, давай, а я заключу пари на вашу драку». Второй демонстрации не потребовалось.

Главным надзирателем и номинальным начальником Сэма был первый помощник старшего механика; они вдвоем и представляли собой полицию этого крохотного мирка. Когда техник захотел вернуться к силовой установке и на его место был прислан третий помощник старшего механика, со стороны Вальтера было вполне естественно назначить главным из них Сэма.

Он положил глаз на эту работу с самого начала. Любой полицейский чин в любом месте обладает властью, значительно превосходящей ту, которая принадлежит ему по закону. До тех пор пока Сэм находился в хороших отношениях с мистером Куйпером, мистером Джордана и (в меньшей степени) с мистером Дюмоном, до тех пор пока он не пытался пользоваться своей властью в Хитрой яме и в местах, находящихся в ведении механика, он был самым влиятельным человеком на корабле — фактически более влиятельным, чем даже сам первый помощник, ибо именно в нем олицетворялось видимое присутствие Первого.

Вот так обстояли дела к моменту посадки на Планету Гарсона.

Планета Гарсона — это, похоже, кусок строительного мусора, оставшийся по завершении создания вселенной. Сила тяжести на ее поверхности равна единице с четвертью — многовато, чтобы чувствовать себя удобно. Она холодная, как сердце ростовщика, а ее метановая атмосфера совершенно не пригодна для человека. Галактика просто кишит значительно более приятными планетами, и никто бы ею не заинтересовался, не будь она незаменимой промежуточной базой. Вблизи земного Солнца есть одна-единственная Хорстова конгруэнтность, и скачок через нее выводит корабль неподалеку от Тэты Кентавра, а из тринадцати планет, кружащих вокруг этого солнца, Планета Гарсона обладает жалким достоинством быть наименее жуткой. В то же время имеется полдюжины исследованных конгруэнтностей, достижимых от Тэты Кентавра, что делает Планету Гарсона неизбежной узловой станцией в торговле Солнечной системы.

Макс вышел на поверхность только один раз, этого одного было более чем достаточно. Поселок около космопорта, частично стояв-

ший под куполами, частично расположенный в туннелях, вырытых под теми же куполами, был очень похож на Лунные города и несколько напоминал подземные части любого из больших земных городов, но для Макса все это было в новинку — он не бывал на Луне, а единственным большим земным городом, который он видел, был Земпорт. Он сошел с корабля вместе с Сэмом, одетый во все лучшее и полный любопытства. В скафандре не было необходимости — к каждому пассажирскому лайнеру в порту прокладывался герметичный переход, соединяющий шлюз корабля со шлюзом купола.

Попав под купол, Сэм сразу направился вниз, к нижним уровням поселка. Макс запротестовал:

— Сэм, пошли наверх и посмотрим, что там.

— Чего? Ничего там нет. Гостиница, дорогие магазины и жульнические рестораны для платных пассажиров. Ты желаешь отдать месячную зарплату за бифштекс?

— Нет, но я хочу посмотреть наружу. Тут я на чужой планете, а я же ее абсолютно не видел. С поста управления ее не было видно, а теперь, когда мы сели, я не видел ничего, кроме шлюзовых люков да вот этого,— он махнул рукой в сторону стен коридора, по которому они шли.

— Нечего здесь видеть, кроме густого, грязного желтого тумана, который не рассеивается никогда. Даже хуже, чем на Венере. Но ты решай сам. У меня тут есть кое-какие дела, и если не хочешь идти со мной, ты совершенно не обязан этого делать.

Макс решил не расходиться с Сэмом, Они спустились и оказались в широком, светлом коридоре, сильно напоминавшем ту самую улицу в Земпорте, на которой расположен ресторанчик Перси. Единственным заметным отличием была крыша над головой. Тут были те же самые бары, те же развлекательные заведения с теми же нехитрыми способами заставить прохожего расстаться с частью наличности. Даже та же портняжная мастерская с тем же постоянным объявлением о дешевой распродаже по случаю закрытия. В порту находилось еще несколько кораблей, и улица была полна народу. Сэм огляделся.

— Теперь надо найти место, чтобы спокойно выпить и поговорить.

— А что, если здесь? — ответил Макс, указывая на вывеску «НАИЛУЧШАЯ ДЫРА».— Вроде, чисто и прилично.

Но Сэм быстро провел его мимо.

— Все это так,— сказал он,— но не для нас.

— А почему?

— Ты что, не видел, кто там сидит? Имперская морская пехота.

— Ну и что? Я не имею ничего против них.

— М-м... конечно же, и я тоже,— согласился Сэм, продолжая быстро идти,— но эти парни держатся друг друга и имеют скверный обычай не любить штатских, которые глупы настолько, что заявляются в заведение, облюбованное ими. Желаешь, чтобы тебе переломали ребра?

— Чего? Но ведь если я не буду никуда лезть, этого не случится, правда ведь?

— Может, да. А может, и нет. Вот, например, если официантка решит, что ты «красавчик», а парень в начищенных сапогах, с которым она была раньше, захочет что-нибудь предпринять по этому поводу? Макс, ты хороший парень, но на хороших парней просто нет спроса. Чтобы не нарваться на неприятности, надо просто не нарываться на неприятности.

Они пробирались сквозь толпу еще ярдов сто, пока Сэм сказал:

— А вот это то самое — конечно, если Липпи все еще заведует этой забегаловкой.

На вывеске было написано «УДАЧНАЯ ПОСАДКА», заведение побольше, чем «НАИЛУЧШАЯ ДЫРА», но на вид похуже.

— Кто такой Липпи?

— Ты, может, и вообще не увидишь его.— Сэм провел Макса внутрь и выбрал столик.

Макс огляделся. Смотрелось это ровно так же, как и любой третьеразрядный бар с грилем.

— Я смогу здесь получить земляничный лимонад? Сто лет уже по нему скучаю — я всегда брал его, когда ходил по субботам в Углы.

— За то, что ты спросишь его, тебя не вышвырнут.

— О'кей. Сэм, а помнишь, ты мне рассказывал про своего друга из морской пехоты, сержанта Робертса?

— Кого?

— Или Ричардса. Я тогда не совсем расслышал.

— Никогда о таком не слыхал.

— А как же...

— Никогда не слыхал о таком. А вот и официант.

Точно так же официант — гуманоид из системы Сириуса — никогда не слышал о земляничном лимонаде. Он, подобно всем своим сородичам, не имел лицевых мышц, однако кожа у него на спине поползла вверх, собираясь в складки, что должно было выражать растерянность и непонимание. Макс согласился на нечто под названием «Старый Гейдельберг», хотя оное нечто и на пятьдесят световых лет никогда не приближалось к Германии. По вкусу оно — для Макса, во всяком случае,— напоминало холодную мыльную воду, но, так как платил Сэм, Макс не стал отставлять стакан и даже делал вид, что пьет из него.

Чуть посидев, Сэм вскочил.

— Сиди, сынок, я ненадолго.

Он поговорил с барменом, потом испарился где-то в глубине зала. К столику Макса подошла молодая женщина.

— Что, космонавт, чувствуешь себя одиноко?

— Пожалуй, не особенно.

— А вот я — чувствую. Не против, если я тут сяду? — Она опустилась на стул, оставленный Сэмом.

— Пожалуйста, только сейчас вернется мой товарищ.

Женщина не ответила, а вместо этого повернулась к бармену:

— Специальный темный, Гиглз.

Макс жестом выразил свое активное несогласие:

— Нет!

— В чем дело, дорогой?

— Послушай,— покраснев, сказал Макс.— Может, я выгляжу зеленым, как трава. Может, я такой и есть. Но я все равно не собираюсь покупать подкрашенную водичку по цене коктейля. У меня не так много денег.

На ее лице появилась обида.

— Но ты же должен что-нибудь заказать. В противном случае я не могу здесь сидеть.

— Ну...— Он глянул на меню.— Думаю, я могу позволить себе бутерброд.

— Забудь про специальный, Гиглз. Сыр на ржаном, и горчицы побольше.— Она снова повернулась к Максу.— Как тебя звать, радость моя?

— Макс.

— А меня Долорес. Ты откуда?

— Озаркс. Это на Земле.

— Какое совпадение! Я из Виннипега, мы же совсем соседи.

Макс подумал, что с такого расстояния вполне может так показаться. Но чем больше Долорес трещала, тем очевиднее становилось, что она не имеет ни малейшегопредставления о том, где расположен Озаркс, да и Виннипег тоже, и, вероятнее всего, в жизни не бывала на Земле. К тому времени, как вернулся Сэм, она доедала бутерброд, параллельно объясняя Максу, что просто обожает космонавтов, они такие романтичные.

Сэм посмотрел на нее сверху вниз.

— На сколько ты его раскрутила?

— Ты не имеешь права так со мной говорить! — возмутилась Долорес.— Мистер Липский не разрешает...

— Заткнись, девочка,— сказал Сэм без малейшей недоброжелательности в голосе.— Ты просто не знаешь, что мой друг — гость Липпи. Сечешь? И никаких «специальных», никакого «заплати мне» — ты зря тратишь свое драгоценное время. Ну так на сколько?

Макс торопливо ответил сам:

— Сэм, все о'кей. Я купил ей только бутерброд.

— Ну если... Но теперь, сестрица, ты свободна. Может, попозже.

Она пожала плечами и встала.

— Спасибо, Макс.

— Не за что, Долорес. Я передам привет виннипегцам.

— Обязательно передай.

Сэм не садился.

— Сынок, мне надо отлучиться на некоторое время.

— О'кей.

Макс сделал движение, чтобы встать. Сэм жестом остановил его.

— Нет, нет. С этим делом я лучше разберусь в одиночку. Ты меня подождешь здесь? Они не станут больше тебя трогать, а если станут — позови Липпи.

— У меня не будет никаких неприятностей.

— Да уж надеюсь.— Сэм выглядел озабоченно.— Сам не знаю, чего я должен дергаться, но что-то такое в тебе пробуждает мои материнские чувства. Наверное, это твои огромные голубые глаза.

— Что? А пошел-ка ты. И в любом случае глаза у меня карие.

— Я говорил,— ласково произнес Сэм,— о глазах твоей пухлой, розовой, свежей, как роса, души. И не вступай до моего возвращения в разговоры с незнакомыми людьми.

Макс употребил одно из выражений, подхваченных им у мистера Джи; Сэм, ухмыльнувшись, удалился.

Однако рекомендация Сэма не относилась к мистеру Саймсу. Макс увидел, как помощник астронавигатора появился в дверном проеме. Лицо его было краснее обычного, а глаза как-то неопределенно блуждали. Саймс медленно поворачивал свое туловище, изучая зал. В конце концов взгляд его наткнулся на Макса, и он неприятно улыбнулся.

— Ну, ну, ну,— говорил он, приближаясь к Максу.— Да не сам ли это наш Умный Мальчик.

— Добрый вечер, мистер Саймс.— Макс встал.

— Так значит, «добрый вечер, мистер Саймс»! А что ты там сказал про себя?

— Ничего, сэр.

— Пфф! Я же знаю! Только я думаю про тебя то же самое, и даже еще хуже.— Не получив ответа, Саймс продолжал: — Ну так не хочешь ли ты пригласить меня сесть?

— Садитесь, пожалуйста, сэр,— произнес Макс безо всякого выражения.

— Ну вы только подумайте! Умный Мальчик хочет, чтобы я сел рядом с ним.— Он сел, подозвал официанта, сделал заказ и снова повернулся к Максу.— Умный Мальчик, а ты знаешь, зачем я тут с тобой сижу?

— Нет, сэр.

— А чтобы кое-что сказать тебе на ушко, вот зачем.С того самого раза, как ты устроил этот фокус с компьютером, ты стал для Келли нашим волозтолосым... золотовласым... мальчуганом. Зо-ло-товла-сым мальчуганом,— повторил он, старательно выговаривая слова.— Меня все это в восторг не приводит. Заруби себе на носу: если ты будешь отираться вокруг астронавигатора и подлизываться к нему, как делает Келли, то я тебя с поста управления быстренько выживу. Ясно тебе?

Макс почувствовал, что скоро не сможет больше сдерживаться.

— Мистер Саймс, что вы имели в виду, когда сказали «фокус»?

— А ты сам прекрасно знаешь. Выучил, наверное, полдюжины последних переходов, а теперь Келли и профессор думают, что ты запомнил всю книгу. Гений среди нас! А ты знаешь, что это такое в действительности? Все это — просто куча...

На счастье Макса, их прервали; он почувствовал руку на своем плече, и тихий голос Сэма произнес:

— Добрый вечер, мистер Саймс.

На лице Саймса появилась растерянность, но потом он узнал Сэма и просветлел:

— Ребята, да это же наш мусор. Садитесь, констебль, выпейте с нами.

— А что, можно.— Сэм придвинул еще один стул.

— Вы знакомы с этим вот Умным Мальчиком?

— Да, встречал его иногда.

— Присматривайте за ним получше. Это мой вам приказ. Он очень, очень умный. Чересчур умный. Вот спросите у него число. Выберите любое число между единицей и десятью.

— Семь.

Мистер Саймс хлопнул рукой по столу:

— Ну вот, что я вам говорил? Он запомнил это число прежде, чем вы сюда подошли. Когда-нибудь однажды он запомнит число и его напишут у него на груди. По трафарету. Хотите, констебль, знать одну вещь? Я не доверяю хитрым мальчикам. Они начинают слишком много о себе мнить.

Располагая теперь поддержкой Сэма, Макс не вмешивался в монолог Саймса. Одновременно с Сэмом к столику подошел Гиглз; Макс видел, как Сэм что-то написал на обороте меню и передал его гуманоиду вместе с деньгами. Однако мистер Саймс был слишком увлечен собственным красноречием, чтобы это заметить. Некоторое время Сэм не мешал ему распространяться, а потом вдруг прервал его:

— Сэр, похоже, что у вас тут есть знакомые.

— Что? Где?

Сэм указал. Сидевшая у стойки Долорес улыбалась и жестом призывала помощника астронавигатора присоединиться к ней. Саймс с трудом сфокусировал взгляд, ухмыльнулся и сказал:

— Точно, так и есть. Это же моя двоюродная бабушка Сэди.

Он встал и покачнулся. Сэм потер руки.

— Ну вот, мы от него и избавились. Сынок, он тебя очень достал?

— Да есть немного. Спасибо, Сэм. Только противно видеть, что его свалили на Долорес. Она хорошая девица.

— За нее ты не беспокойся. Она быстренько лишит его всего, что у него есть с собой,— а заодно и хорошей должности на корабле.— В глазах Сэма появилась жестокость.— Офицер должен поступать, как офицер. Если он хочет пропустить одну-другую, он обязан делать это в своей части города. Да черт с ним.— Сэм расслабился.— Так что, кое-что изменилось, сынок? Теперь все совсем иначе, чем когда мы стартовали с Земли?

— Да уж, многое изменилось!

— Нравится тебе эта шайка из Ямы?

— В жизни так здорово не было. И я учусь быстро, так сказал мистер Келли. Они все отличные ребята, кроме этого.— Он кивком указал в сторону Саймса.

— Плюнь ты на него. Даже в самом лучшем супе бывает муха. Ты только не дай, чтобы у него на тебя что-нибудь было.

— И не собираюсь.

Сэм внимательно поглядел на Макса, а потом тихо сказал:

— Ну как, готов нырнуть?

— Чего?

— Я почти насобирал денег. Все будет тип-топ.

Отвечать Максу было трудно. Он, конечно, понимал, что по существу перевод не решил никаких проблем; он находился в такой же опасности, как и раньше. Но Макс был так занят интересной, радостной, тяжелой работой, так валился с ног после нее, что все остальное как-то отодвинулось на задний план. Теперь он задумчиво рисовал пальцем узоры на запотевшей крышке стола и думал.

— Как бы хотелось,— медленно произнес он,— чтобы можно было как-нибудь из этого дела выкрутиться.

— Способ есть, я тебе уже говорил. Чтобы затерялись твои документы.

Макс поднял глаза на Сэма.

— Ну и что в этом хорошего? Конечно, я смогу совершить еще один рейс. Но мне же не нужен просто еще один рейс, я хочу совсем остаться в этом деле.— Он посмотрел на стол и старательно изобразил гиперболу.— Лучше уж я пойду с тобой. Вернись я на Землю — мне останутся только трудовые бригады, и это еще в том случае, если сумею не попасть в тюрьму.

— Ерунда все это.

— Почему ерунда?

— Ты пойми меня, сынок, я бы очень хотел, чтобы мы пошли вместе. В таком деле разница между иметь или не иметь рядом с собой напарника может оказаться разницей между выбраться и провалиться. Но ты вполне можешь остаться в космосе с документами чистыми, как у новорожденного ребенка.

— Каким образом?

— Ты же меняешь гильдию. Теперь нужно затерять только одну бумагу — о твоем уходе от экономов, поваров и делопроизводителей. А они никогда не хватятся этой бумаги потому, что для них ты не существуешь. Ты получишь совершенно чистый, аккуратный и законный старт у вычислителей и картографов.

Соблазн для Макса был очень сильным.

— А как же доклад в Департамент Гильдий и Труда?

— Все то же самое. Разные бумаги идут в разные конторы. Я все это разузнал. Один доклад теряется, другой идет — и помощник экономa Джонс пропадает без вести, в то время как стажер-картограф Джонс вступает в жизнь с чистыми документами.

— Сэм, а почему ты сам не сделаешь этого? С твоей теперешней работой ты можешь перескочить на... Ну, например, на...

— На что? — Сэм печально покачал головой.— Нет, старик, не на что мне переходить. А к тому же у меня есть серьезные основания зарыться поглубже.— Он немного просветлел.— А знаешь что, я подберу себе новую фамилию еще до того, как соскочить, и скажу ее тебе. И тогда в один прекрасный день, через два года, через десять, через двадцать лет, ты окажешься на Новой Земле и найдешь меня. И мы раздавим на пару бутылочку и поговорим о том времени, когда были веселыми и молодыми. Ну как?

Макс улыбнулся, хотя на душе и было печально.

— Так и сделаем, Сэм. Обязательно.— Тут он вдруг нахмурился.— Сэм, а как это, я же не знаю, как все это провернуть, а тебя здесь уже не будет.

— Я все устрою до ухода. Нельсон уже прямо-таки зернышки клюет у меня с ладони. Что-нибудь вроде: половина платы вперед, половина по завершении дела — и я позабочусь, чтобы у тебя было кое-что на него, что именно — не бери в голову, тебе пока знать

этого не надо. Когда вы сядете на Землю, он попросит тебя отправить доклады, так как ты пойдешь в город, а у него будет еще срочная работа. Ты проверишь, что там будут те два доклада, которые тебя интересуют, и отдашь ему остаток денег. И порядок.

— Пожалуй, так будет лучше всего,— не очень весело согласился Макс.

— И кончай дрожать и дергаться. У каждого свой скелет в шкафу, главное — чтобы там он и оставался, а не вылезал наружу в самое неподходящее время.— Сэм отодвинул в сторону пустой стакан.— Ну так как, сынок, ты не против, если мы сейчас вернемся на корабль? Или ты думаешь остаться здесь на всю ночь?

— Нет, пошли.— Возбуждение, охватившее Макса при выходе на первую в его жизни чужую планету, совсем прошло. «Гарсонова Дыра», как он должен был признать, являла собой далеко не лучший образчик чудес Галактики.

— Тогда давай загрузимся. Мне тут надо кое-что отнести, и твоя помощь пригодится.

«Кое-что» оказалось четырьмя здоровенными свертками, которые Сэм ранее сдал в камеру хранения.

— А что в них? — с любопытством спросил Макс.

— Грелки для чайников, сынок, грелки для чайников. Многие тысячи. Думаю продать их этим мелкоголовым на Проционе. В качестве ночных колпаков.

Макс обиженно смолк.

Вообще говоря, все проносимое на борт корабля подлежало проверке, однако дежурный у шлюза настаивал на досмотре имущества главного надзирателя не более, чем настаивал бы на обыске когонибудь из корабельных офицеров. Макс помог Сэму отнести свертки в его каюту, которая полагалась главе корабельной полиции по должности.

Глава 11
ЧЕРЕЗ ГРУЗОВОЙ ЛЮК

Путь от планеты Гарсона к Алкионе, планете из системы Ню Пегаса, это зигзаг из трех скачков в 105, 487 и 19 световых лет, в

результате чего по прямой («как ворона летает») покрывается расстояние менее чем в 250 световых лет. Однако не имеют значения ни расстояния по прямой, ни псевдорасстояния скачков; сам «Асгард» прошел от порта до порта меньше одного светового года, расстояние «как ворона летает» существенно только лишь для этой самой вороны.

Первый скачок производился примерно через месяц после старта с планеты Гарсона. Келли сменил Максу расписание вахт, теперь это была одна вахта из трех, причем — вахта самого Келли. В результате Макс получил гораздо больше времени для отдыха, и учиться ему стало легче — ведь вахты с Саймсом были для него пустой тратой времени. Да и вообще Макс с большим облегчением воспринял то, что теперь не надо регулярно встречаться с Саймсом. Было ли это одной из целей Келли при изменении расписания, Макс так никогда и не узнал. Спросить он не решился.

Вахта Макса оставалась стажерской, он никого не подменял, его не подменял никто. У него вошло в привычку не уходить с поста управления раньше Келли, если только его не выгоняли. В результате он часто встречался с доктором Хендриксом, потому что главного вычислителя подменял астронавигатор, а Келли обычно несколько задерживался, чтобы поговорить. Во время этих разговоров астронавигатор иногда спрашивал, как у Макса продвигаются дела.

Иногда во время вахты доктора Хендрикса заходил капитан. Вскоре после старта с Планеты Гарсона доктор Хендрикс воспользовался одним из таких случаев для того, чтобы продемонстрировать необыкновенные способности Макса капитану Блейну и первому помощнику Вальтеру. Выступление Макса прошло без единой ошибки, хотя он крайне стеснялся присутствия капитана. Тот наблюдал за ним очень внимательно, с несколько пораженным выражением лица. Потом Блейн сказал:

— Спасибо, парнишка. Это поразительно. Так как, говорите, ваша фамилия?

— Джонс, сэр.

— Да, конечно, Джонс.— Капитан поморгал и произнес задумчиво: — Наверное, это совершенно потрясающе — не иметь способности хоть что-либо забыть, особенно — в глубине ночи. Постарайся, сынок, сохранить чистую совесть.

Двенадцатью часами позднее доктор Хендрикс сказал ему:

— Джонс, не уходите, вы мне нужны.

— Да, сэр.

Астронавигатор поговорил о чем-то с Келли, затем снова обратился к Максу:

— Ваш фокус, Джонс, произвел большое впечатление на капитана. У него возник вопрос. Нет ли у вас заодно и таких же математических способностей?

— Ну, как сказать... Нет, сэр. То есть я не являюсь мгновенным вычислителем. Я видел такого раз в цирке. Он мог делать вещи, которых я делать не могу.

— Это неважно,— успокоил его Хендрикс.— Я так понимаю, что дядя преподал вам кое-что из теоретической астронавигации?

— Только для практических целей, сэр.

— А о чем, вы думаете, я говорю с вами? Вы знаете, как рассчитывается подход к точке перехода?

— Пожалуй, да, сэр.

— Честно говоря, я в этом сомневаюсь, сколько бы математики ни вложил в вас брат Джонс. Но все равно, давайте попробуем.

— Что, прямо сейчас, сэр?

— Вы попробуйте. Ну притворитесь, что вы — вахтенный офицер. Келли будет вашим помощником, а я — просто зрителем. Рассчитайте тот переход, который нам предстоит. Я понимаю, что мы еще так далеко, что это не имеет значения, но вы должны действовать так, словно от этого зависит безопасность корабля.

Макс перевел дыхание.

— Да, сэр.— Он сделал движение, чтобы взять новые пластинки для камер.

Хендрикс сказал:

— Нет!

— Сэр?

— Если вы командуете вахтой, то где же ваша команда? Ногучи, помогите ему.

— Да, сэр,— Ногучи ухмыльнулся и подошел. Пока они, согнувшись, занимались первой камерой, Ногги прошептал: — Не дай ему себя заговорить. Мы устроим потрясающее шоу. А в трудных местах тебе поможет Келли.

Однако Келли не стал помогать; он исполнял роль мальчика с таблицей — и только, ни малейшего намека, правильно действует Макс или совсем заврался. Получив результаты наблюдений и данные от сравнения пластинок с картами, Макс не стал сам вводить задачу в компьютер. На машине работал Ногучи, а переводил числа из системы в систему Келли. Порядочно времени и уйму пота спустя лампочки на пульте перестали мигать и выдали нечто, бывшее, как Макс страстно надеялся, ответом.

Доктор Хендрикс не сказал ничего, а взял те же самые пластинки и начал сравнивать их с картами, решая задачу заново, с той же самой командой. Очень скоро лампочки опять выбросили ответ; астронавигатор взял у Келли таблицы и сам перевел результат в десятичную систему.

— Отличие только в девятом знаке. Неплохо.

— Я ошибся только в девятом знаке, сэр?

— Этого я не говорил. Возможно, больше ошибся я.

На лице Макса появилась улыбка, но доктор Хендрикс нахмурился:

— А почему вы не проверили доплеровские спектры?

По хребту Макса пробежал холодок.

— Я забыл, сэр.

— Мне казалось, что вы тот самый человек, который никогда ничего не забывает.

Интуитивно — и совершенно верно — Макс догадывался, что тут разговор шел о двух совершенно разных видах памяти, однако не владел психологическим жаргоном, при помощи которого мог бы объяснить это. Один вид — забыть шляпу в ресторане, такое может случиться с каждым. Другой — это если не можешь вспомнить то, что ты однажды знал.

Хендрикс продолжал:

— Вахтенный поста управления не имеет права забывать вещи, существенные для безопасности корабля. Однако для контрольного упражнения это было очень хорошо, не хватало только скорости. Если бы мы были близки к скорости света, готовые к скачку, ваш корабль оказался бы в Гадесе и успел бы разбиться о берега Стикса раньше, чем от вас дождались бы ответа. Но для первой попытки это очень хорошо.

Он отвернулся. Келли головой указал на входной люк, и Макс вышел.

Засыпая этим вечером, Макс думал, что, может быть, доктор Хендрикс даже размышляет сейчас о нем, потому что... Да нет! Он отбросил эту мысль. В конце концов, ведь Келли тоже мог это сделать; Макс неоднократно видел, как тот рассчитывает дальний подход, да и быстрее к тому же. Возможно, Ногучи тоже мог. Конечно же, Ногучи мог, поправил он себя. В конце концов, здесь же нет никаких «секретов».

Когда приблизились к первой аномалии, легкое расписание — одна вахта из трех для офицеров и вахта из четырех для рядовых — сменилось на вахту через раз, с астронавигатором, помощником, картографом и вычислителем в каждой вахте. Макса наконец поставили на нормальную вахту вместо стажерской. Первая вахта возглавлялась доктором Хендриксом, помощником у него был картограф первого класса Ковак. Макс был картографом вахты, а на компьютере работал Ногучи. Во второй вахте мистеру Саймсу помогал Келли, картографом был Смит, а вычислителем — Ланди. Макс обратил внимание, что доктор Хендрикс отдал свою «первую команду» Саймсу и взял себе взамен менее опытных техников. Макс не понимал, почему так, но был рад, что не придется работать с Саймсом. Тут Макс своими глазами увидел, что такое по-настоящему напряженная работа в Хитрой яме. Лицо доктора Хендрикса превратилось в застывшую маску, он работал как механизм, проводя одну за другой коррекцию курса подхода и требуя от своей команды быстрой, беззвучной и безукоризненной работы. В течение последних двенадцати часов подхода к точке перехода астронавигатор не уходил с поста управления, остальные члены команды — тоже, разве что на самое краткое время, хотя номинально они и были на отдыхе. Номинально Саймс продолжал стоять свои вахты, но доктор Хендрикс все время висел над ним, проверяя каждое движение. Дважды он потребовал, чтобы Саймс повторил часть расчета, а один раз просто отодвинул его в сторону и сделал все сам. В первый раз, когда такое случилось, Макс с удивлением уставился на происходящее, однако потом он заметил, что остальные демонстративно занимались своими делами, пока доктор Хендрикс лично беседовал с Саймсом.

По мере приближения критического момента напряжение возрастало. Подход к аномальному интрапространственному переходу невозможно сравнить ни с какой другой разновидностью пилотирования, когда-либо осуществлявшейся человеком. Разве что сравнить эту задачу с абсолютно невозможным трюком — взлететь на самолете и вслепую пролететь тысячу миль, все это время настолько точно определяя свое местонахождение, чтобы в конце полета суметь пролететь сквозь узкий туннель, даже и не увидев этого туннеля. Хорстовскую конгруэнтность увидеть невозможно, ее можно только вычислить, пользуясь сложнейшими уравнениями воздействия массы на структуру пространства; «вход» — это просто ничем не обозначенное пустое место посреди гигантской окружающей пустоты. Подходя к планете, астронавигатор наблюдает место назначения или визуально, или на экране радара; скорость его в этой ситуации всего каких-то несколько миль в секунду. Но при выполнении Хорстовского подхода скорость корабля близка к скорости света и достигает ее в последний момент. Ближайшие опорные точки находятся на расстояниях во многие миллиарды миль, да и сами эти опорные точки движутся со звездными скоростями и толпятся в поле зрения в результате колоссального параллакса, возможного только тогда, когда наблюдатель движется почти так же быстро, как и то, что является для него единственным ключом к вопросам местоположения и скорости — фронт электромагнитной волны.

Ну, прямо как в полночь искать в темной комнате черную кошку, которой там и вовсе нет.

В конце Келли сам сидел за компьютером, а Ланди около него с таблицами. Смит и Ковак занимались картами и пластинками, передавая данные доктору Хендриксу, который программировал устно, ставя в голове задачу и почти без задержки передавая ее, через команду, в мозг машины для решения. Сейчас силовая установка находилась под его непосредственным контролем. Каждая его рука лежала на клавишах управления, одна из которых предназначалась для того, чтобы вести корабль на скорости чуть ниже скорости света, а другая — чтобы дать в последний момент тот самый толчок, который заставит его прорваться сквозь пространство.

Макса отодвинули в сторону; не было ни одного дела, для которого не нашлось бы более опытного исполнителя. Но с другой сторо-

ны, Саймса тоже отодвинули в сторону; в момент истины место было только для одного астронавигатора.

Из всех, находившихся в Хитрой яме, самым спокойным казался капитан Блейн. Он сидел на отведенном специально для него стуле, спокойно курил и смотрел на Хендрикса. Лицо астронавигатора было серым от усталости, оно лоснилось от долго не смываемого пота. Воротник его форменной рубашки был расстегнут, она выглядела так, словно он в ней спал, хотя на самом деле он не спал вовсе. Макс смотрел на Хендрикса и удивлялся, чего это он сам хотел стать астронавигатором; был таким дураком, что хотел взвалить на себя эту невыносимую, ни с кем не разделимую ношу.

Однако твердый голос доктора не выказывал признаков усталости; шли нескончаемые последовательности чисел, каждое — четкое, словно напечатанное, каждое произносилось так, что не оставалось места для ошибки, не возникало необходимости что-либо повторять. Макс слушал, учился и удивлялся.

Он посмотрел сквозь купол вверх, наружу, в пространство, искаженное их немыслимой скоростью. Звезды впереди в течение нескольких последних вахт сходились все ближе и ближе друг к другу. Колоссальный эффект параллакса так сдвигал их изображения, что казалось, словно они наползают на тот самый сектор небосвода, к которому стремился корабль. Теперь они были видны в инфракрасном свете, так как корабль с такой скоростью несся навстречу волновым пакетам, что доплер-эффект уменьшал длины волн теплового излучения до длин, соответствующих видимому свету.

Неожиданно поток цифр прекратился. Макс опустил глаза вниз, а потом торопливо взглянул вверх; он услышал голос доктора Хендрикса, который выкрикнул:

— Всем оставаться на местах!

Казалось, будто все звезды сползлись в одну точку, затем они исчезли и, без какой-либо задержки, сменились другой звездной вселенной, новой, совершенно отличной от прежней.

Хендрикс выпрямился и тяжело перевел дыхание, затем посмотрел вверх.

— Ну вот, там Мемориал Альберта,— сказал он тихо.— А вот там — Шестиугольник. Что ж, капитан, похоже, что мы снова проскочили.—

Затем он повернулся к Саймсу.— Заступайте, сэр.— Пропустив капитана первым, он вышел через люк.

Компания с контрольного поста снова перешла на легкие вахты; следующий переход предстоял через много дней. Макс стоял вахтенным картографом, сменив на этом посту Ковака, который, в свою очередь, заменил доктора Хендрикса, взявшего неделю отдыха. По правде говоря, в начале пути к следующей точке перехода не было особенных дел, и потому нужды в высоком мастерстве доктора не возникало. Но Макс очень гордился своим новым положением; было очень приятно расписываться в черновике вахтенной записи «М. Джонс, вахт-й карт-ф». Он ощущал, что нашел свое место, несмотря даже на то, что с Саймсом отношения были испорчены, а Келли продолжал немилосердно гонять его по всем ремеслам поста управления.

Макс немного удивился, однако не ждал ничего особенного, когда однажды между вахтами ему приказали явиться к астронавигатору. Он надел чистую форму, причесался и отправился на палубу С.

— Картограф-стажер Джонс явился по вашему приказанию, сэр.

Келли тоже был здесь. Они с астронавигатором пили кофе.

— Хорошо, Джонс,— кивнул Хендрикс, а затем повернулся к Келли.— Может быть, вы ему скажете?

— Если вы так хотите, сэр.— Келли явно чувствовал себя несколько неловко.— Ну так вот, Джонс, дело обстоит так... По правде говоря, вы не подходите для моей гильдии.

Макс был настолько потрясен, что не мог ничего ответить. Он хотел сказать, что он думал... он так понимал... он не знал... но не мог произнести ни слова. Келли продолжал:

— Дело в том, что вам надо учиться на астронавигатора. Мы с доктором все уже обсудили.

Жужжание, появившееся в голове Макса, усилилось. Он не сразу понял, что доктор Хендрикс уже не в первый раз повторяет:

— Так как же, Джонс? Вы хотите попробовать? Или не хотите?

Макс с трудом заставил себя произнести:

— Да. Да, сэр.

— Ну и хорошо. Мы с Келли присматривались к вам. У него и у меня сложилось мнение, что возможно (только возможно!), вы об-

ладаете латентной способностью развить необходимые умение и скорость. Вопрос только в одном — вы-то с этим согласны?

— Да... ну, то есть... я хотел бы надеяться, сэр.

— Я тоже хотел бы надеяться,— сухо сказал Хендрикс.— Мы поглядим. Если этой способности у вас не окажется, вы всегда сможете вернуться в свою гильдию, тут нет ничего страшного. Опыт обучения на астронавигатора сделает вас прекрасным картографом.— Астронавигатор повернулся в Келли.— Я тут малость порасспрашиваю Джонса, Келли. А потом мы все решим.

— Очень хорошо, сэр.— Келли встал.

Когда главный вычислитель вышел, Хендрикс повернулся к своему столу и вытащил из него трудовую книжку. Обратясь к Максу, он неприязненным голосом спросил:

— Ваша?

Макс бросил взгляд, что-то сглотнул и пробормотал:

— Да, сэр.

Доктор Хендрикс посмотрел ему в глаза.

— Ну и что? Как же она рисует вашу карьеру до настоящего момента? Вы хотели бы что-нибудь сказать на эту тему?

Пауза продолжалась недолго, какую-нибудь дюжину биений сердца, однако Максу она показалась нескончаемым испытанием. Затем наступил перелом, и он услышал, как отвечает астронавигатору:

— Да ничего хорошего она не рисует. Это все липа, от начала до конца.

Произнеся эти слова, Макс сразу же удивился, зачем он это сделал. Он почувствовал, что одним ударом вдребезги разбил единственный в жизни шанс осуществить свою мечту. И все же Макс не ощутил трагичности происшедшего, вместо этого ему странным образом стало легче на душе.

Хендрикс положил трудовую книжку на стол.

— Хорошо,— сказал он.— Очень хорошо. Если бы ты ответил как-нибудь по-другому, я бы выкинул тебя со своего поста управления. А теперь, не соблаговолишь ли ты рассказать о себе? Садись.

Макс сел и все ему рассказал. Он только опустил имя Сэма и некоторые детали, по которым можно было его вычислить. Естественно, доктор Хендрикс заметил это и спросил об этом напрямик.

— Я не скажу, сэр.

Хендрикс кивнул головой.

— Ладно. И я хотел бы добавить, что не собираюсь делать попыток идентифицировать этого вашего — э-э — друга, если даже сверх всяких ожиданий он находится на этом корабле.

— Спасибо, сэр.

Последовало длительное молчание. В конце концов Хендрикс сказал:

— Сынок, что же привело тебя к такому неуклюжему жульничеству? Ты что, не понимал, что тебя все равно поймают?

Макс немного подумал.

— Пожалуй, я понимал, что так оно и произойдет, сэр. Но я хотел в космос, а других путей не оставалось.— Теперь, когда было сброшено невыносимое бремя лжи, у Макса появилось желание объяснить и оправдать свои поступки. Кроме того, его несколько раздражало, что доктор Хендрикс почему-то не видел, что он, Макс, сделал то единственное, что мог сделать,— так, по крайней мере, казалось самому Максу. Поэтому, когда доктор Хендрикс не ответил, Макс продолжил: — А что бы вы сделали на моем месте, сэр?

— Я? Откуда я могу знать? Видимо, настоящий смысл вашего вопроса следующий: считаю ли я ваши поступки не только противозаконными, но и аморальными?

— М-м, пожалуй, что так, сэр.

— Дурно ли лгать, подделывать документы и давать взятки для достижения своей цели? Это хуже, чем дурно, это неблагородно!

Доктор Хендрикс задумчиво пожевал губу и продолжил:

— Возможно, сказав это, я взял на душу грех фарисейства, тут мое упущение. Не думаю, что юный бродяга без гроша в кармане, каким, судя по вашему собственному рассказу, вы были, может позволить себе роскошь благородства. А что касается всего остального, то человеческая личность — очень сложная вещь, и я в таких делах не судья. Адмирал Нельсон был лжецом, развратником и человеком абсолютно недисциплинированным. Президент Абрахам Линкольн был человеком очень вульгарным, с неустойчивой психикой. Список можно продолжать до бесконечности. Нет, Джонс, я не собираюсь вас судить. вы должны сделать это сами. Ваши прегрешения против закона оценят власти, в чьей юрисдикции это находится. Меня же интересует только, обладаете ли вы теми способностями, которые нужны мне.

Тут Макс испытал новый шок. Он уже смирился с мыслью, что потерял последний шанс.

— Сэр?

— Не поймите меня неправильно.— Хендрикс постучал пальцами по фальшивой трудовой книжке.— Мне это не нравится. Мне это совершенно не нравится. Возможно, со временем вы поймете и искупите свою ошибку. Но в настоящее время мне крайне необходим еще один вахтенный офицер. Если вы сможете с этим справиться, я мог бы вас использовать в этом качестве. Кроме того, здесь есть еще и личный момент. Ваш дядя учил меня, я попытаюсь обучить вас.

— Я постараюсь справиться, сэр. Спасибо вам.

— Не нужно меня благодарить. В настоящий момент я даже не испытываю к вам особенно дружественных чувств. Не говорите про это никому. Я попрошу капитана назначить собрание гильдии, и там он, мистер Саймс и я проголосуем по вашему вопросу. Мы сделаем вас учеником-стажером, что даст капитану возможность присвоить вам временное звание кадета торгового флота. На корабле формальности несколько отличаются от обычной процедуры, что вам, без сомнения, известно.

Максу ничего не было известно, хотя он и слышал, что в офицеры иногда попадают «через грузовой люк», но поразил его совсем другой момент.

— Мистер Саймс, сэр?

— Обязательно. Согласно этой процедуре, суждение о вас должны выносить все астронавигаторы, с которыми вы служите.

— Э-э-э... и это суждение должно быть единогласным?

— Да.

— В таком случае... знаете, сэр, об этом можно забыть. То есть я, конечно, очень благодарен вам за желание сделать... э-э-э... но...— Голос Макса затих.

По лицу доктора Хендрикса скользнула безрадостная улыбка.

— Может, вы лучше оставите беспокойство по этому поводу?

— Извините, сэр.

— Когда все будет организовано, я вас извещу. Или, раз уж вам так хочется — «если и когда».

— Да, сэр.— Макс встал.— Сэр? Тут есть еще пара вещей, которых я не понимаю.

Хендрикс успел уже опять повернуться к своему столу.

— Что еще? — спросил он немного нетерпеливо.

— Вы не могли бы сказать мне — ну, просто, чтобы удовлетворить мое любопытство,— на чем вы меня поймали?

— А, это... Без всякого сомнения, вы выдали себя нескольким людям. Судя по некоторым моментам, которые избегает упоминать Келли, он догадывается. Вот, например, однажды я слышал, как Ланди что-то сказал вам про Киферовский «Ритц» на Луне. По вашему, хотя и неопределенному, ответу, было ясно, что в действительности вы не знаете, о какой забегаловке он говорит,— а любой космонавт обязательно знает это место — вход в него расположен прямо напротив восточного шлюза порта.

— Да уж!

— Но окончательно я все понял в связи с этой штукой.— Он снова указал на фальшивую трудовую книжку.— Джонс, я работаю с числами, и мой мозг не может перестать извлекать из них всю содержащуюся в них информацию, так же как я не могу перестать дышать. Здесь сказано, что вы ушли в космос за год до отставки вашего дяди — я помню, в каком году это произошло. Однако вы говорили мне, что дядя учил вас дома, и ваша подготовка подтверждала это. Два набора предполагаемых фактов противоречат друг другу; нужно ли добавлять, что я был точно уверен, где правда?

— Да, похоже, я не проявил особой сообразительности.

— Нет, не проявили. Числа — очень острые орудия, Джонс. Не жонглируйте ими, а то можно порезаться. А какое второе дело?

— Понимаете, сэр, я подумал, а что будет со мной? Я насчет этого.

— А, вот вы про что,— безразличным голосом ответил Хендрикс.— Это касается исключительно Гильдии экономов и делопроизводителей. Моя гильдия не будет предпринимать действия в связи с дисциплинарными проблемами другой гильдии. Разве только они назовут это «позорным поступком» и докажут, что так оно и есть.

С этим слабым утешением Макс и покинул каюту астронавигатора. Но все равно у него на душе было легче, чем когда-либо с того момента, как он записался на корабль. Перспектива наказания казалась бременем не столь тяжелым, как ежеминутное ожидание, что тебя разоблачат. Через некоторое время он и вообще забыл об этой

проблеме, остался только восторг от возможности сделать наконец-то попытку стать астронавигатором.

Как жаль, что он не может рассказать об этом Сэму... или Элли.

Глава 12
АЛКИОНА

Введение в должность стажера происходило в конце того же дня. Капитан вызвал Макса к себе, принял у него присягу и поздравил, обращаясь к нему «мистер Джонс». Церемония была совсем простой, зрителей — только двое, доктор Хендрикс и секретарь капитана.

Мелкие бытовые подробности, которыми сопровождалось повышение, в первый момент больше поразили Макса, чем само повышение. Начались они сразу.

— Вы бы отдохнули остаток дня, мистер Джонс, встряхнулись бы,— как-то странно подмигивая, сказал капитан.— Вы не против, док?

— Конечно, сэр.

— Ну и хорошо. Беннет, вы не попросите Дюмона зайти на минутку?

Главный пассажирский эконом не выказал ни малейшего удивления, увидев недавнего третьего помощника экономa уже в ранге офицера. На вопрос капитана он ответил:

— Я собирался поместить мистера Джонса в каюту В-014, сэр. Вы находите это удовлетворительным?

— Без сомнения, без сомнения.

— Я скажу ребятам, чтобы они сейчас же отнесли его вещи.

— Очень хорошо. Идите с Дюмоном, мистер Джонс. Нет, подождите еще секунду. Нужно найти вам фуражку.— Капитан подошел к своему гардеробу и стал в нем рыться.— Где-то тут у меня была подходящая.

Хендрикс стоял, заложив руки за спину.

— Я захватил фуражку, капитан. Мне кажется, что у мистера Джонса и у меня один размер.

— Вот и хорошо. Только, может, за последние несколько минут его голова раздулась, совсем чуть-чуть. Как?

— Если это так,— жестко усмехнулся Хендрикс, протягивая Максу фуражку,— то я позабочусь, чтобы она быстренько снова усохла.

Астронавигатор уже снял с фуражки широкую золотую полосу и изображение солнца. На их месте была узенькая полоска и крохотное солнце, окруженное кольцом,— отличительный знак стажера. Макс подумал, что, наверное, это — старые знаки различия, которые доктор Хендрикс хранил из сентиментальных соображений. Поперхнувшись, он пробормотал слова благодарности, а затем, спотыкаясь, вслед за Дюмоном вышел из капитанской каюты.

Когда они подошли к трапу, Дюмон остановился.

— Вам нет необходимости спускаться в кубрик, сэр. Если вы сообщите мне цифровую комбинацию вашего шкафчика, мы позаботимся обо всем.

— Ой, да что там, мистер Дюмон! У меня же и багажа-то почти нет. Я могу отнести все наверх сам.

Лицо Дюмона было бесстрастным, как у хорошего дворецкого.

— Если вы, сэр, разрешите мне дать вам совет, то, пока мы займемся этим делом, вы могли бы познакомиться со своей каютой.

Это не было вопросом. Макс совершенно правильно перевел слова Дюмона на нормальный язык: «Послушай-ка, придурок. Я разбираюсь в этих делах, а ты ни черта в них не понимаешь. Так что поступай, как тебе говорят, если не хочешь наделать ошибок».

Макс позволил собой руководить. Перепрыгнуть из рядовых в офицеры, оставаясь на том же корабле,— дело нелегкое. Дюмон, в отличие от Макса, это знал. Может, в нем взыграли отцовские чувства, может — просто любовь к точному соблюдению протокола, а может — и то и другое одновременно, но только Дюмон не собирался разрешать новоиспеченному младшему офицеру спускаться ниже палубы С, пока он не научится вести себя с достоинством, подобающим его новому положению. Так что Макс отправился на поиски каюты В-014.

На койке был самый настоящий матрас, а также покрывало. Была крохотная раковина с водопроводным краном и зеркало над ней. Была книжная полка над койкой и шкаф для одежды. Был даже откидной письменный стол. На стене висел телефон и была кнопка, при помощи которой он мог вызвать вахтенного помощника

экономa! Стул, не привинченный к полу и полностью его собственный, корзина для мусора и — подумать только! — маленький коврик. А самое главное, дверь была с замком.

То, что вся каюта была вряд ли больше, чем ящик для перевозки рояля, не беспокоило его ни в малейшей степени.

Пока Макс изучал все это великолепие, пришел Дюмон. Дюмон сам не нес жалкие пожитки Макса, это дело было поручено одному из рядовых, обслуживавших верхние палубы. Помощник экономa вошел следом за Дюмоном и спросил:

— Сэр, куда это положить?

Тут Макс с внезапным смущением сообразил, что человек, прислуживающий ему сейчас, все эти месяцы обедал в кают-компании прямо напротив него.

— О! Привет, Джим! Брось это хозяйство на койку. Большое спасибо.

— Да, сэр. Я искренне вас поздравляю.

— Спасибо.— Они пожали друг другу руки.

Дюмон дал этой подобающей церемонии продлиться самое минимальное время, а затем сказал:

— Теперь все, Грегори. Можете вернуться в кладовую.— И повернулся к Максу: — Что-нибудь еще, сэр?

— Нет, нет, все прекрасно.

— В таком случае, осмелюсь предположить, что вы, вероятно, не пожелаете собственноручно пришивать знаки различия на униформу? Ну разве что вы обращаетесь с иглой значительно лучше, чем я сам это делаю,— при этих словах Дюмон слегка, не выходя из рамок приличия, хихикнул.

— Да, пожалуй, я сумею сам.

— Миссис Дюмон весьма искусна в обращении с иголкой, ведь она заботится о пассажирах. Что, если я захвачу форму с собой? Она будет готова и отпарена к обеду.

Макс с радостью отдал форму Дюмону. Его вдруг поразила новая мысль — ведь он же будет есть в гостиной палубы В!

До обеда Максу пришлось принять еще одного гостя. Он как раз заканчивал рассовывать по местам свои вещи, когда послышался стук в дверь, после чего, не дожидаясь ответа, кто-то вошел в каюту. Макс обернулся и оказался нос к носу с мистером Саймсом.

Саймс поглядел на фуражку на голове Макса и расхохотался.

— Сними-ка эту штуку, а то уши натрешь!

Этого Макс делать не стал. Вместо этого он спросил:

— Я Вам нужен, сэр?

— Да, ненадолго. Ровно настолько, Умный Мальчик, чтобы дать тебе хороший совет.

— Да?

— Так вот. На этом корабле есть только один помощник астронавигатора, и это,— Саймс постучал себя по груди,— я. Ты про это не забывай. Я останусь им еще долго после того, как тебя вышвырнут назад подбирать навоз за коровами. Там для тебя самое подходящее место.

Макс кожей почувствовал, как румянец гнева медленно поднимается по его шее и начинает жечь щеки.

— А почему,— спросил он,— если уж вы так думаете, вы не наложили вето на мое назначение?

Саймс снова расхохотался.

— Ты что, за дурака меня держишь? Капитан, значит, говорит «да», Астронавигатор говорит «да», а я буду высовываться? Гораздо легче подождать, пока ты высунешься сам — а ты обязательно так и сделаешь. Я просто хотел, чтобы ты понял, что этот огрызок золотой тесьмы на значит ровно ничего. Ты как был, так и остался значительно младше меня по званию. И не забывай этого.

Макс крепко стиснул зубы и не ответил. Саймс продолжал:

— Ну так что же?

— Что «что же»?

— Я только что отдал тебе приказ.

— А, ясно. Есть, мистер Саймс. Я не забуду этого. Ни в коем случае не забуду.

Саймс пристально поглядел на него и сказал:

— Я уж позабочусь, чтобы ты не забыл,— и вышел из каюты.

Макс все еще продолжал, сжимая кулаки, смотреть на дверь, когда в нее постучал Грегори,

— Обед, сэр. Через пять минут.

Макс тянул время, сколько мог. Как бы хотелось ему сейчас свалиться по трапу на палубу Е и занять свое обычное место в шумной, теплой, комфортабельной кают-компании. В гостиную он во-

шел не сразу — перед дверью его охватил страх, как актера перед выходом на сцену. Великолепный зал был залит ярким светом и показался Максу совсем незнакомым; прежде он бывал здесь только рано утром, чтобы сменить кошачью посудину, стоявшую в коридоре по дороге в буфетную; в такое время в зале горело только несколько лампочек.

Он чуть не опоздал; некоторые из пассажиров уже сидели, но капитан еще стоял. Макс сообразил, что ему надо быть около своего места, быть готовым сесть, как только это сделает капитан,— точнее, когда усядутся все женщины, поправил он себя. Но куда ему идти? Он продолжал стоять, дрожа от страха и возбуждения, когда услышал свое имя:

— Макс!

Элли подбежала к Максу и бросилась ему на шею.

— Макс! Я только что узнала! Это же просто великолепно! — Она немного отстранилась, поглядела на него сияющими глазами, а затем расцеловала в обе щеки.

Макс покраснел до самых ушей. Ему казалось, что все в зале смотрели прямо на них, да так оно в действительности и было. Его смущение еще усугублялось тем, что на Элли было сейчас формальное вечернее платье в гесперианском светском стиле, которое не только делало ее несколько старше и значительно женственнее, но и разительно не соответствовало приобретенным в деревне пуританским моральным стандартам Макса.

Элли отпустила его, что, с одной стороны, было хорошо, но, с другой стороны, подвергло его опасности рухнуть на колени. Она что-то — Макс не понимал, что именно,— трещала, когда рядом с ней возник главный эконом Дюмон.

— Капитан ждет, мисс,— твердо произнес он.

— Да ну его, этого капитана! Хорошо, Макс, встретимся после обеда.— Она направилась к капитанскому столу.

Дюмон тронул Макса за рукав и тихо пробормотал:

— Сюда, сэр.

Его место было в дальнем конце стола старшего механика. Внешне Макс знал мистера Компаньона, но ни разу еще с ним не разговаривал. Механик поднял на него глаза и произнес:

— Добрый вечер, мистер Джонс. Очень приятно видеть вас в нашем обществе. Леди и джентльмены, наш новый офицер-астронавигатор,

мистер Джонс. Справа от вас, мистер Джонс, миссис Дайглер. Мистер Дайглер — справа от нее. Далее...— И представил всех сидевших вокруг стола: доктор и миссис Вебербаур и их дочь Ребекка, мистер и миссис Скотт, мистер Артур, сеньор и сеньора Варгас.

Миссис Дайглер находила прекрасным, что он получил ранг офицера. Кроме того, это так чудесно, иметь за столом побольше молодежи. Она была значительно старше Макса, но еще достаточно молода, чтобы быть привлекательной и понимать это. На ней было больше драгоценностей, чем Макс видел за всю свою жизнь, а волосы ее были скреплены лаком в сложную конструкцию высотой с фут и сплошь усеянную жемчугом. Всей своей дорогой и безукоризненной отделкой она напоминала какой-то точный механизм. Макс чувствовал себя в ее обществе крайне неловко.

Но это была еще малая неловкость по сравнению с тем, что предстояло. Миссис Дайглер извлекла откуда-то из своего декольте платочек, легкий, как дуновение ветра, смочила его и сказала:

— Не двигайтесь, Джонс.— Потом она потерла его щеку.— Поверните слегка голову.— Покраснев от смущения, Макс сделал, как было сказано.

— Вот, ну так-то будет лучше,— возгласила миссис Дайглер.— Мамочка навела порядок.— Она отвернулась от него и сказала: — А вы не думаете, мистер Компаньон, что наука, со всеми этими чудесами, которые она творит в наше время, дойдет когда-нибудь до создания несмываемой губной помады?

— Прекрати это, Мэгги,— прервал ее супруг.— Не обращайте на нее внимания, мистер Джонс. У нее в характере есть немного садизма. Самая малость — размером с нее саму.

— Джордж, ты еще об этом пожалеешь. Ну так что вы скажете, механик?

Старший механик слегка промокнул губы белоснежной салфеткой.

— Думаю, ее могли бы уже изобрести — вот только на нее не будет спроса. Женщины любят оставлять метки на мужчинах, хотя бы даже временные.

— Какая ерунда!

— Этот мир принадлежит женщинам, мадам!

Миссис Дайглер оставила механика и снова повернулась к Максу:

— Элдрет просто прелесть, не правда ли? Очевидно, вы знали ее «на берегу», как выражается мистер Компаньон?

— Нет, мадам,

— А каким же тогда образом? Я хотела сказать, что тут, на корабле, возможностей не так уж много. Или они все-таки есть?

— Мэгги, да прекрати же ты его изводить. Дай человеку спокойно поесть.

Зато с миссис Вебербаур, сидевшей по другую сторону от Макса, было настолько же легко и спокойно, насколько с миссис Дайглер — трудно. Убаюканный ее материнской теплотой, Макс сумел даже приступить к еде. Тут он заметил, что остальные присутствующие держат вилку совсем не так, как он, и попытался взять ее так же. Ничего, кроме конфуза, из этого не вышло; кроме того, Макс вдруг увидел свои неаккуратные ногти. От всего этого ему очень захотелось спрятаться под стол. Проглотил он не более трех сотен калорий, в основном — в виде хлеба и масла.

В конце обеда миссис Дайглер вновь уделила внимание Максу, хотя слова ее были обращены к старшему механику:

— Мистер Компаньон, мне казалось, что есть обычай поднять бокал за повышение?

— Да,— согласился механик.— Но платить за это должен виновник. Так делается всегда.

Максу пришлось подписать счет, принесенный Дюмоном. Цифра заставила его зажмуриться — с точки зрения профессиональной карьеры его первый рейс, может, и оказался большой удачей, но с финансовой стороны это была полная катастрофа. К счету прилагалось шампанское, охлажденное в сверкающем серебряном ведерке; Дюмон перерезал проволочки и картинно извлек пробку.

Старший механик встал.

— Леди и джентльмены! Имею честь представить вам астронавигатора Джонса. И пусть он никогда в жизни не перепутает положение запятой в числе.

— Салют!

— Браво!

— Речь, речь!

Макс неуверенно встал и пробормотал:

— Большое вам спасибо.

Его первая в новой должности вахта была назначена назавтра, с восьми утра. Макс позавтракал в одиночестве и с радостью подумал о том, что из-за вахт будет есть чаще всего до или после пассажиров. На пост управления он явился за двадцать минут до срока.

Келли глянул на него и поздоровался:

— Доброе утро, сэр.

— Э-э... доброе утро, шеф! — неуверенно пробормотал Макс. Он заметил, как ухмыльнулся сидевший за компьютером Смит, и торопливо отвел от него глаза.

— Кофе только что заварен, мистер Джонс. Не желаете чашечку?

Макс позволил, чтобы Келли налил ему кофе; пока они пили, Келли неторопливо обсудил все детали дежурства — процедуру ускорения, положение и скорость корабля, используемые в данный момент двигатели, произведенные наблюдения, отсутствие особых заданий и так далее. Ногучи подменил Смита, а вскоре, за несколько минут до начала вахты, появился доктор Хендрикс.

— Доброе утро, сэр.

— Доброе утро, доктор.

— Доброе утро.— Хендрикс принял чашку с кофе и повернулся к Максу.— Вы подменили вахтенного офицера?

— Д-да... да нет, сэр.

— Ну так сделайте это. До восьми уже меньше одной минуты.

Макс повернулся к Келли и неуверенно отдал честь.

— Вы свободны, сэр.

— Хорошо, сэр,— Келли сразу же покинул помещение поста. Доктор Хендрикс сел за стол, вынул книгу и начал ее читать.

С каким-то странным чувством Макс понял, что его бросили в воду — поплывет или утонет. Он глубоко вздохнул и подошел к Ногучи.

— Ногги, давай подготовим пластинки для съемки в середине вахты.

Ногучи бросил взгляд на хронометр.

— Как скажете, сэр.

— Ну... Пожалуй, еще рановато. Давай сделаем несколько доплеровских отсчетов.

— Будет сделано, сэр.— Ногучи выбрался из кресла перед компьютером, в котором он по-барски расположился.

Макс тихо сказал:

— Слышь, Ногги, тебе ж не обязательно все время ко мне с этим «сэром».

Ногучи ответил так же тихо:

— Келли не слишком понравится, если я не буду. Пусть уж так оно и будет.

— А, так.— Макс озабоченно нахмурился.— Ногги, а как все остальные к этому относятся?

Ногги не стал притворяться дурачком. Он ответил:

— Ерунда, не бойся, все они горой за тебя, ты только сам постарайся справиться.

— Это точно?

— Совершенно точно. Конечно, если только не начнешь изображать из себя невесть что, как некоторые, ты понимаешь.

Потом вычислитель добавил:

— Ну, может, один Ковак не очень радуется. Ты же знаешь, он сам иногда руководил вахтой — и это у него как раз только начиналось.

— Он обиделся?

— Да не то чтобы. Он же не думал, что это продлится долго, особенно теперь, когда скоро скачок. Он не станет делать ничего такого, чтобы устроить тебе неприятности, будет вести себя как нужно.

Макс решил поразмыслить, что бы такое предпринять, чтобы перетащить Ковака на свою сторону. Они с Ногучи поработали на доплероскопе, сделали отсчеты по звездам, расположенным прямо по курсу, проверили результаты по астроспектрографу и сравнили те и другие результаты со стандартными пластинками из хранилища карт. По первости Макс старался не забывать, что сейчас он возглавляет вахту, но потом так увлекся хлопотными подробностями измерений, что все позабыл. Через некоторое время Ногучи тронул его за рукав.

— Уже скоро десять, сэр. Я, пожалуй, буду ставить пластинки,

— Что? Конечно же, давай.— Макс напомнил себе, что не должен сейчас помогать Ногучи; у картографа были свои прерогативы. Однако он проверил установку, как это всегда делал Хендрикс, очень редко — Саймс, а Келли — иногда, в зависимости от того, кто в данном случае работал на камерах.

После получения новых данных Макс запрограммировал задачу на бумаге (времени было сколько угодно), а затем продиктовал

ее Ногучи на компьютер. «Мальчика с таблицей» не было, так что он листал их сам. Макс помнил все эти числа так же ясно, как и всегда, но выполнял указание Хендрикса не полагаться полностью на свою память.

Результат его обеспокоил. Они шли «не в колее». Не то чтобы «Асгард» сильно отклонился от курса, но все же отклонение было измеримым. Он проверил свои записи, затем при помощи Ногучи с компьютером решил задачу снова, применив другую технику программирования. Результат был тем же самым. Вздохнув, он вычислил требуемую коррекцию курса и хотел было отнести ее Хендриксу, чтобы получить его одобрение, но астронавигатор по-прежнему не уделял ему никакого внимания; он сидел у пульта, читая какой-то роман из корабельной библиотеки.

Макс решился. Он подошел к Хендриксу и сказал:

— Простите, пожалуйста, сэр. Мне надо на минутку к пульту.

Хендрикс, не отвечая, встал и нашел себе другое место. Макс сел к пульту и вызвал машинное отделение.

— С вами говорит вахтенный офицер поста управления. Я собираюсь увеличить тягу в одиннадцать-ноль-ноль. Сверим время.

Макс подумал, что Хендрикс обязательно должен был его слышать, однако тот не подавал ни малейшего знака внимания. Макс ввел поправку, затем установил таймер, чтобы указание было исполнено в одиннадцать плюс-минус ничего.

Незадолго до полуночи появился Саймс. Макс уже внес записи в вахтенный журнал, опираясь на заметки Ногучи, и подписался «М. Джонс». Затем, подумав, он добавил: «Вахтенный офицер». Саймс подошел к доктору Хендриксу, отдал честь и сказал:

— Готов подменить вас, сэр.

Хендрикс произнес первые с восьми часов слова:

— Это была его вахта.

На лице Саймса не отразилось ровно ничего; он подошел к Максу.

— Готов подменить вас.

Макс изложил ситуацию, тем временем Саймс читал вахтенный журнал и книгу приказов. Он прервал Макса в то время, когда тот еще продолжал излагать мелкие детали данных по кораблю.

— О'кэй, я вас освобождаю. Мотайте из моего центра управления, мистер.

Макс так и сделал. Доктор Хендрикс к этому времени уже ушел.

Ногги все еще слонялся неподалеку от трапа. Он поймал на себе взгляд Макса, кивнул ему и показал кулак с поднятым большим пальцем. Макс улыбнулся и собрался было поинтересоваться, было ли отклонение от курса чем-то вроде ловушки, нарочно поставленной Келли. Но он тут же решил, что так будет не очень хорошо, лучше спросить самого Келли или найти ответ в вахтенной записи.

— Спасибо, Ногги.

Эта вахта оказалась типичной лишь в том отношении, что доктор Хендрикс и дальше продолжал требовать, чтобы Макс сам был вахтенным офицером. Однако теперь он больше не держался в стороне, а, наоборот, не давал Максу ни на секунду расслабиться, часами тренируя его, требуя, чтобы он все время проводил наблюдения и расчеты, как если бы «Асгард» был совсем близок к точке перехода. Он не позволял больше Максу программировать на бумаге, делая вид, что времени у них в обрез и данные должны поступать в компьютер без малейшего промедления, чтобы результаты вычислений сразу использовались для управления кораблем. Макс обливался потом, держа в каждом кулаке по тумблеру управления кораблем; в роли «мальчика с таблицами» выступал сам Хендрикс. Астронавигатор требовал от него скорости, скорости и еще раз скорости — но ни в коем случае не ценой снижения точности, ведь любая ошибка была непростительна. Но основной целью все время была все большая и большая скорость.

Как-то раз Макс взмолился:

— Сэр, если вы разрешите мне прямо вводить все это в машину, я сэкономлю уйму времени.

— Когда у вас будет свой пост управления,— резко оборвал его Хендрикс,— делайте как хотите, если сочтете это разумным. А пока что вы будете работать, как я говорю.

Изредка вместо Хендрикса за его работой наблюдал Келли. Главный вычислитель был крайне официален, говорил фразами типа: «Осмелюсь предложить вам, сэр...» или «Думаю, что я бы сделал это следующим образом, сэр». Но однажды у него вырвалось: «Ты совсем сдурел, Макс. Никогда и не пробуй делать такие идиотские штучки!»

Когда он сразу же начал извиняться за свою грубость, Макс широко улыбнулся.

— Ради бога, шеф. На какой-то момент я почувствовал себя как дома. Большое спасибо.

Келли выглядел смущенно.

— Наверное, я очень устал. Мне бы сейчас совсем не помещало затянуться и выпить немного кофе.

Пока они устраивали перекур, Макс увидел, что Ланди далеко и не может их услышать. Тогда он спросил:

— Шеф! вы же знаете больше, чем я выучу за всю свою жизнь. А почему вы не сделали попытку стать астронавигатором? Неужели у вас не было подходящей возможности?

Келли вдруг как-то сник.

— Я раз попытался,— неохотно сказал он.— И теперь я знаю пределы своих возможностей.

Макс, до крайности смущенный, замолк. С этого момента Келли снова стал, если никто их не слышал, называть его Максом.

После того как Макс переселился наверх, на палубу В, он не видел Сэма больше недели. Да и потом встреча была случайной, они столкнулись неподалеку от канцелярии казначея.

— Сэм!

— Доброе утро, сэр! — Сэм широко ухмыльнулся и четко отдал честь Максу.

— Ты чего это? Какое еще к черту «доброе утро, сэр»? Как жизнь-то, Сэм?

— Вы что, не собираетесь мне в ответ отдать честь? Вам бы следовало понимать, что по своему служебному положению я могу доложить об этом. А наш капитан крайне, *крайне* щепетилен в вопросах корабельного этикета.

Макс издал не слишком пристойный звук.

— Можешь стоять так, с лапой у уха, пока совсем не окостенеешь. И кончай придуриваться.

Сэм расслабился.

— Сынок, я же все время собирался сходить наверх и поздравить тебя, но как только у меня выпадет свободная минута, оказывается, что ты на вахте. Ты что, и живешь теперь в этой вашей Хитрой яме?

— Да почти что и так. Слышь, я свободен сегодня вечером до двенадцати. Что ты скажешь, если я забегу к тебе вниз?

Сэм покачал головой:

— Я буду занят.

— И чем это ты будешь там занят? Ты боишься группового побега из тюрьмы? Или бунта на борту?

Сэм ответил спокойно и рассудительно:

— Сынок, пойми меня правильно, но держись-ка ты своей половины корабля, а я буду держаться своей. Нет, нет, помолчи и послушай. Я очень горжусь тобой, будто это я тебя открыл. Однако ты не должен допускать дружественных отношений с рядовыми, даже с главным надзирателем. По крайней мере — пока.

— Да кто там узнает? И кому какое до этого дело?

— Ты же прекрасно понимаешь, что Джордана с восторгом поведает Куйперу, что у тебя нет представления, как должен вести себя офицер,— а старушка леди Куйпер обязательно передаст это казначею. Послушай лучше моего совета. Разве я тебе когда-нибудь давал плохие советы?

Макс оставил этот разговор, хотя его прямо распирало от желания побеседовать с Сэмом. Нужно было рассказать ему, что подделка документов раскрыта, и посоветоваться относительно возможных последствий.

По пути к себе в каюту он размышлял, что и теперь ничто не мешало осуществлению первоначального плана — сбежать с корабля на Новой Земле. Только вот теперь он позволить себе этого не мог. Он же офицер.

«Асгард» подходил к точке перехода; пост управления снова перешел на попеременные вахты. Но доктор Хендрикс все еще не стоял вахты сам; менялись Саймс и Джонс. Астронавигатор каждую вахту был с Максом, но требовал, чтобы тот выполнял всю работу и нес всю ответственность сам. Макс совсем изматывался, он понял, что изучение теории и тренировочные задачи — это ерунда по сравнению с тем, когда все зависит от тебя и нет ни способа, ни времени проверить себя вторично. Ты должен быть прав каждый раз — и каждый раз были сомнения.

Когда в последние двадцать четыре часа вся команда перешла на непрерывное дежурство, Макс ожидал, что теперь-то доктор Хендрикс уж точно отстранит его. Но вышло по-другому: Саймса — того астронавигатор действительно отстранил, а Макс сохранил свое

положение. Только теперь доктор Хендрикс все время наклонялся над ним, наблюдая за каждым его движением, хотя ни во что пока не вмешиваясь.

«Господи! — думал Макс.— Не может же быть, чтобы он дал мне провести этот переход, я же к этому еще не готов, совсем не готов. Я же не справляюсь».

Однако новые данные поступали так быстро, что времени на размышления просто не оставалось; надо было обрабатывать данные, смотреть на выдаваемые машиной ответы и принимать решения. И только за двадцать минут до перехода Хендрикс, не сказав ни слова, оттолкнул его в сторону и взял управление на себя. Макс не успел даже прийти в себя к тому моменту, когда «Асгард» прорвался к новым небесам.

Последний перед Алкионой подход к точке скачка и сам скачок были почти такими же. Сначала пара недель легких вахт, возглавлявшихся Саймсом, Коваком и Максом; тем временем Келли и Хендрикс пытались хоть немного отдохнуть. Максу нравилось это время, и вахты, и промежутки между ними. На вахтах он продолжал тренироваться, пытаясь достичь нечеловеческой скорости доктора Хендрикса. После вахты он спал и жил в свое удовольствие. Гостиная В не приводила больше его в ужас. Он теперь играл здесь с Элли в 3-шахматы. Мистер Чипс, сидя на плече, подавал (или подавала) ей советы. Элли давно уже строила глазки капитану Блейну и убедила его, что Чипси такая ручная, так хорошо себя ведет и, вдобавок ко всему, имеет хорошие манеры (Элли обучила ее при каждом появлении капитана провозглашать «Доброе утро, капитан!») — в общем, настолько цивилизованная, что никак нельзя держать ее в клетке.

Макс даже научился довольно жалко отшучиваться от миссис Дайглер. Он заранее придумывал ответы и ждал удобного случая их употребить. Элли все грозилась научить его танцевать, однако он откладывал это на потом, пока возобновившиеся перед скачком переменные вахты не сделали такие уроки невозможными.

И снова в конце подхода к точке скачка он оказался перед пультом управления. На этот раз доктор Хендрикс сменил его всего за десять минут до прорыва.

На последней, легкой части пути к Алкионе Элли со своей решительностью все же уломала его. Макс научился танцевать. И это ему понравилось. У него было хорошее чувство ритма, он не забы-

вал ее указаний, и держать в руках легкую, благоухающую Элли было приятно.

— Ну, я сделала все, что было в моих силах,— заявила она в конце концов.— Ты — лучший двуногий танцор, какого я когда-либо в жизни встречала.

Она потребовала, чтобы он танцевал с Ребеккой Вебербаур и миссис Дайглер. Миссис Дайглер (по крайней мере, пока она не раскрывала рта) была совсем не так уж плоха, а Ребекка — так просто прелесть. Макс начал уже с нетерпением подумывать о злачных местах Алкионы, ведь главной причиной обучения танцам было то, что он должен будет сопровождать Элли в эти заведения.

Одно только омрачало этот период: у Сэма были неприятности. Макс узнал об этом не сразу. Как-то он рано поднялся, чтобы идти на вахту, и с удивлением увидел Сэма, подметающего пол в пустом коридоре пассажирских помещений. Тот был в комбинезоне, без полицейского значка.

— Сэм!

— А, привет, сынок,— взглянул на него Сэм.— Не ори так громко, всех разбудишь.

— Но, Сэм, какого это черта ты тут делаешь?

— Я? Я вроде как делаю этой палубе маникюр.

— Почему?

Сэм оперся на швабру.

— Понимаешь ли, сынок, дело обстояло примерно так. Мы с капитаном несколько разошлись во взглядах. Ну и он взял верх.

— Тебя выгнали с места?

— У тебя просто потрясающая интуиция.

— Да что же случилось?

— Макс, чем меньше ты будешь знать про эти дела, тем лучше. Sic transit gloria mundi*. Ничего, бывает и хуже.

— Но... Слушай, мне надо быстро чего-нибудь перехватить и бежать на вахту. Я зайду к тебе потом.

— Ни в коем разе.

Что произошло, Макс узнал от Ногучи. Оказывается, Сэм устроил нечто вроде казино в одной из пустых кладовых. И все бы ничего, ограничься он картами и костями. Но затем появилась рулетка.

* Так проходит слава мирская *(лат.)*.

Джордана начал подозревать, что это новенькое, с иголочки рулеточное колесо слабее подчинялось теории вероятности, чем делают обычно его аналоги в более приличных заведениях. Он поделился своими подозрениями со старшим делопроизводителем Куйпером, после чего события неумолимо разворачивались дальше.

— Когда он установил эту рулетку?

— Сразу, как поднялись с Планеты Гарсона.— Макс почувствовал себя несколько неуютно от мысли о «грелках на чайники», которые он помог Сэму пронести на борт. Ногучи продолжал: — Да неужели же вы не знали, сэр? Я думал, что вы с ним были довольно близки — ну, то есть пока вы не поднялись на верхнюю палубу.

Макс ушел от ответа и углубился в журнал приказов по кораблю. Он нашел соответствующую запись. Она была добавлена Беннетом вчера, после вахты Саймса. Сэму было запрещено до окончания рейса покидать корабль; окончательное решение о дисциплинарном взыскании откладывалось до возвращения на Землю.

Похоже, это означало, что капитан Блейн из самых лучших побуждений собирался дать Сэму шанс продемонстрировать «хорошее поведение» до того, как сделать представление гильдии. Капитан был отличный старик, это уж точно. Но «запрещено покидать»? Ведь в таком случае у Сэма не будет возможности убежать от того, от чего он хотел убежать, что бы это ни было. Макс нашел Сэма в первый же перерыв между вахтами и вытащил его из кубрика в коридор.

— Я же, кажется, не велел тебе искать меня.— кисло скривился Сэм.

— Да ерунда это! Я же о тебе беспокоюсь. Эта самая история насчет «запрещено покидать...», ведь в таком случае ты не сможешь...

— Заткнись! — Сказано это было шепотом, но таким, что Макс заткнулся.— Ну так вот,— продолжал Сэм.— Забудь про это. Я набрал денег, и это — самое главное.

— Но...

— Ты что, думаешь, они сумеют законопатить эту посудину так плотно, чтоб удержать меня, когда я решу уйти? А теперь держись от меня подальше. Ты теперь любимчик учителя, и я бы хотел, чтобы так оно и было. Мне совсем не хочется, чтобы тебе читали нотации про дурных товарищей — меня, то есть.

— Но я же хочу тебе помочь, Сэм. Я...

— Не будешь ли ты любезен сидеть на своей палубе С?

Больше за этот переход он не видел Сэма. Хендрикс потребовал, чтобы Макс рассчитал подход к планете (хотя это были детские игрушки по сравнению с расчетом подхода к точке перехода), а затем, во время посадки, отдал управление Максу. Эта ответственность была чисто формальной, так как посадка рассчитывалась заранее, а потом велась по радару в автоматическом режиме. Макс сидел за пультом, держа руки на управлении, готовый подменить автопилот,— а Хендрикс стоял у него за спиной, готовый подменить его,— но ни в том ни в другом необходимости не возникло; «Асгард» опустился по расчетной траектории легко и просто, словно спустился по лестнице. Опоры выдвинулись и встали на покрытие порта. Макс доложил:

— Сэр, посадка проведена по программе.

— Отключай.

Макс объявил по корабельной системе оповещения:

— Отключить силовую установку. Отключить все агрегаты, связанные с полетом. Наземная процедура, вторая часть.

Из четырех дней, проведенных на Алкионе, первые три он потратил, номинально руководя процедурой проводившихся раз в девяносто дней проверок и текущего ремонта приборов центра управления, а фактически — обучаясь ей у Ковака. Элли была очень разочарована и сердилась на него, у нее были совсем другие планы. Однако в последний день Макс все же смог выбраться с ней на поверхность. Их сопровождали мистер и миссис Мендоса.

Это был прекрасный выходной. По сравнению с Землей Алкиона — место довольно тусклое, а Бонапарт трудно назвать большим городом. И все-таки Алкиона — планета земного типа с воздухом, пригодным для дыхания, а пассажиры и команда «Асгарда» последний раз были на свежем воздухе в Земпорте, который отделяли теперь от них месяцы времени и немыслимое количество световых лет расстояния. Здесь был самый разгар лета, Алкиона только-только прошла перигелий, Ню Пегаса сверкала на голубом небе тепло и ярко. Мистер Мендоса нанял экипаж, запряженный четверкой пофыркивающих маленьких алкионских пони, и они покатили по зеленой, холмистой местности. Тут они осмотрели поселок местных жителей — нечто, напоминающее огромный пчелиный улей, слепленный из глины, конус на конусе. В этом поселке вся компания

обзавелась сувенирами, причем по внимательном рассмотрении на двух из них оказались малозаметные надписи «Сделано в Японии».

Кучер, герр Айзенберг, заодно служил и переводчиком. Абориген, продавший им сувениры, все время скашивал свои глаза, один за другим, на миссис Мендоса. Он что-то прощебетал кучеру, который в ответ грубо расхохотался.

— Что он там лопочет? — поинтересовалась миссис Мендоса.

— Он говорит вам комплименты.

— Да? И какие же?

— Ну... Он говорит, что вы в самый раз для поджаривания на медленном огне, не нужно было бы даже приправ, вы и так поджарились бы просто великолепно. И он с превеликой охотой сделал бы это,— добавил колонист,— если бы вы остались здесь после наступления темноты.

Дама слегка вскрикнула.

— Вы же не хотите сказать, что они здесь каннибалы. Хоси, уведи меня отсюда!

Герр Айзенберг, видимо, пришел в ужас от такой мысли.

— Каннибалы? О, конечно же нет, леди. Они никогда не едят друг друга, они едят только нас — то есть когда у них появляется такая возможность. Но за последние двадцать лет таких случаев не было ни одного.

— Но это же еще хуже!

— Да нет же, леди. Вы попробуйте посмотреть на это с их точки зрения. Они цивилизованы. Этот вот парень ни в коем случае не нарушит ни одного из своих законов. Но мы для них — просто уйма великолепного мяса, до которого, к сожалению, довольно трудно добраться,

— Сейчас же уведите нас отсюда. Это же ужас, нас только пятеро, а их здесь сотни.

— Тысячи, леди. Но вы в полной безопасности, пока на небе сверкает Гнири.— Он указал рукой на Ню Пегаса.— Убивать скот на мясо при дневном свете — табу. Потом будет являться дух убиенного.

Несмотря на все его уверения, компания быстро собралась в обратный путь. Макс обратил внимание на то, что Элдрет эти страхи не тронули. Сам он не совсем понимал, что мешало аборигенам связать их и подождать, пока наступит ночь.

Обедали они в «Жозефине», лучшем (и единственном) отеле Бонапарта. Но тут все-таки имелся настоящий оркестр из трех инструментов и небольшая танцевальная площадка, а пища отличалась от опостылевшего всем корабельного меню. В зале было много пассажиров «Асгарда» и несколько офицеров, получилась довольно веселая компания. Элли заставляла Макса танцевать при каждой перемене блюд. Он настолько расхрабрился, что даже пригласил танцевать миссис дайглер, когда та подошла и изъявила такое желание.

Во время перерыва Элдрет вывела Макса на балкон, примыкавший к ресторанному залу. Тут она пристально посмотрела на него.

— Ты бы оставил в покое эту дайглеровскую шлюшку, слышишь меня?

— Что? Да я же ничего такого не сделал.

Неожиданно Элли широко улыбнулась.

— Конечно же нет, дурачок ты мой великовозрастный. Но ничего, тетя Элли не даст тебя в обиду.

Она повернулась к перилам и облокотилась на них. Уже наступила ранняя алкионская ночь, три местные луны гонялись друг за другом по небу. В небе этом сверкало во много раз больше звезд, чем в небе Земли, затерянной на малонаселенных задворках Галактики. Макс показал Элли чужие, непривычные созвездия и указал, в какую сторону они уйдут завтра, чтобы достичь точки перехода, который выведет к Новой Земле. К этому времени он изучил четыре новых небосвода, знал их не хуже, чем тот, который висел над Озарком,— а предстояло ему изучить еще многие и многие небеса. Да он и теперь, по картам, заранее изучал чужие небеса, которые ему предстояло увидеть во время этого рейса.

— Ой, Макс, как же это красиво!

— Конечно, красиво. Гляди, вон метеор. Они здесь редкость, большая редкость.

— Загадай желание, быстро загадай желание!

— О'кэй.— Макс задумал, чтобы для него легко прошло выяснение отношений насчет подделки документов. Потом он подумал, что это нехорошо, в первую очередь нужно было загадать, чтобы Сэм выбрался из своих неприятностей, да и вообще, все эти приметы — глупое суеверие.

— Что ты загадал? — повернулась к нему Элли.

— Что? — Он вдруг застеснялся.— Да нельзя же это рассказывать, а то не сбудется.

— Ну ладно. Но я уверена,— тихо добавила она,— что твое желание сбудется.

Он на мгновение подумал, что мог бы поцеловать Элли прямо сейчас, если бы повел себя верно. Но момент был упущен, и они вернулись в зал. Однако ощущение это не покидало его и на обратном пути, озаряя все вокруг. Все-таки мир был хорошо устроен, хотя и бывали в нем трудные положения. Вот он, например, практически — начинающий астронавигатор в первом своем рейсе, а ведь какие-то недели тому назад он одалживал у Макалистера мулов, чтобы убрать урожай, и старался ходить по возможности босиком, чтобы не стаптывать ботинки,

И вот теперь он в форме космонавта едет рядом с самой роскошно одетой девушкой на четырех планетах.

Он потрогал пальцем знаки различия на своей форменной куртке. Теперь, когда он офицер, женитьба на Элли уже не казалась такой уж совсем невозможной — если он вообще когда-либо решит жениться. Вполне возможно, что ее отец не сочтет офицера —к тому же астронавигатора — слишком неподходящей партией для своей дочери. А Элли была вполне ничего, и характер у нее был крепкий, и в 3-шахматы прилично играла, а ведь большинство девиц и правила запомнить не могут.

В таком вот радужном настроении Макс и пребывал, пока они возвращались на корабль и их поднимали наверх.

Келли встретил его прямо у шлюза.

— Мистер Джонс, капитан хочет вас видеть.

— Как? Ну, спокойной ночи, Элли, мне надо бежать.— Он поспешил вслед за Келли.— В чем там дело?

— Доктор Хендрикс умер.

Глава 13
ПЕРЕХОД

По дороге к капитанской каюте Макс на ходу расспрашивал Келли.

— Не знаю я. Я совсем ничего не знаю.— Келли, похоже, был близок к тому, чтобы заплакать.— Я видел его перед обедом — он заходил в Яму, чтобы проверить, как там дела. И выглядел вполне хорошо. А потом, вечером, эконом зашел к нему в каюту и нашел его на койке, мертвым. Уж и не знаю,— растерянно добавил Келли,— что теперь будет.

— В каком смысле?

— Ну... Я бы на месте капитана остался здесь и запросил для него замену. Но не знаю, не знаю...

Теперь только Макс сообразил, что это несчастье делает астронавигатором мистера Саймса.

— А как долго придется ждать замены?

— Ну вот считай сам. «Дракон» пойдет через три месяца после нас. Он возьмет от нас почту. Так что всего потребуется около года.

В отличие от обычных путешествий при межзвездных самым быстрым средством связи были сами корабли; радиограмма на Землю (если бы кому могла прийти в голову подобная глупость) шла бы две сотни лет, столько же шел бы и ответ на нее.

Когда они подошли к каюте капитана, дверь была раскрыта, а внутри толпились офицеры. Они стояли вокруг капитанского стола молча, с очень серьезными лицами. Макс тихо проскользнул внутрь, Келли остался снаружи. Капитан Блейн сидел за столом, опустив голову. Несколько участников сегодняшнего веселья в «Жозефине» появились еще позже Макса. Первый помощник Вальтер перебрал глазами присутствующих и затем тихо сказал Блейну:

— Здесь присутствуют все офицеры корабля, сэр.

Капитан поднял голову, и Макс был потрясен, увидев, насколько постарел он за несколько часов.

— Джентльмены,— тихо произнес капитан.— вы все знаете печальную новость. Сегодня вечером доктор Хендрикс был найден мертвым в собственной каюте. Сердечный приступ. Врач определил, что он скончался за два часа до того, как его нашли, и что смерть была, вероятно, почти безболезненной.— Ему потребовалось несколько секунд, чтобы вернуть твердость предательски дрожавшему голосу.— Мы выведем брата Хендрикса на его последнюю орбиту завтра, через два часа после старта. Он бы хотел этого, Галактика была его домом. Он отдал всего себя без остатка тому, чтобы люди могли безопасно странствовать от звезды к звезде.

Тут капитан замолчал, и молчал так долго, что Макс подумал уже, что он забыл об их присутствии. Однако, когда он заговорил снова, голос его был почти что бодрым.

— Это все, джентльмены. Астронавигаторов прошу остаться.

Макс не был вполне уверен, может ли он считаться астронавигатором, но употребление капитаном множественного числа решило этот вопрос. Первый помощник Вальтер пошел было к выходу. Капитан Блейн остановил его. Когда они остались в каюте вчетвером, капитан сказал:

— Мистер Саймс, вы сейчас сразу же заступаете на место начальника центра управления. Мистер, э-э...— Он посмотрел на Макса.

— Джонс, сэр.

— Мистер Джонс, естественно, возьмет на себя ваши рутинные обязанности. В связи с этой трагедией будет ощущаться острая нехватка персонала; остаток рейса я буду стоять вахты.

— В этом нет необходимости, капитан. Мы сумеем справиться,— сказал Саймс.

— Возможно. Но я так решил.

— Да, сэр.

— Приготовьтесь к старту согласно программе рейса. Есть вопросы?

— Нет, сэр.

— Спокойной ночи, джентльмены. Вальт, останься, пожалуйста, на минутку.

По выходе из каюты Макс остановил Саймса.

— Мистер Саймс?

— Что? Да?

— Будут какие-нибудь указания, сэр?

Саймс оглядел его с головы до ног.

— Вы просто стойте свою вахту, сэр, а я справлюсь со всем остальным.

На следующее утро Макс обнаружил у себя на столе траурную наручную повязку, сопровождавшуюся запиской первого помощника. В записке говорилось, что траур продлится одну неделю. «Асгард» стартовал по расписанию, Саймс сидел за пультом управления, а капитан на стуле в стороне. Макс стоял около капитана без всякого дела. Все было как обычно, если не считать отсутствия

Хендрикса,— только вот Келли явно находился в дурном расположении духа. Саймс, Макс должен был признать это, хорошо провел маневр — но ведь старт был рассчитан заранее, это мог бы сделать кто угодно; да что там, на этом сиденье могла бы сидеть Элли. Или Чипси.

Первую вахту после старта стоял Макс. Саймс ушел, предварительно приказав, чтобы он не отклонялся от программы полета, не известив об этом предварительно его, Саймса. Часом позднее Ковак временно подменил Макса, и тот поспешил к пассажирскому шлюзу. В почетном карауле было пять человек — капитан, мистер Вальтер, Саймс, Макс и Келли. Позади них толпились офицеры и большая часть команды. Пассажиров не было видно.

Внутренний люк шлюза был открыт; двое из команды экономa внесли тело в шлюз и прислонили его к наружному люку. Макс с облегчением увидел, что оно полностью, с головы до ног, завернуто в саван. Носильщики закрыли внутренний люк и отошли в сторону.

Капитан стоял прямо напротив люка, Саймс и первый помощник — с одной стороны, а с другой, напротив них,— Макс и Келли. Капитан бросил через плечо одно-единственное слово:

— Давление!

Позади него стоял Беннет с переносным телефоном, он передал команду в машинное отделение. Стрелка манометра над люком стояла на одной атмосфере; теперь она поползла вверх. Капитан вынул из кармана книжечку и начал читать заупокойную службу. Чувствуя, что не может это слушать, Макс стал смотреть на стрелку манометра. Она все ползла и ползла вверх. Макс подумал, что ко времени его ухода с поста управления корабль уже перешел скорость убегания для системы Ню Пегаса; тело выйдет на гиперболическую орбиту и навсегда уйдет в безбрежный космос.

Давление достигло десяти атмосфер. Капитан Блейн закрыл свою книжечку.

— Предупредите пассажиров,— сказал он Беннету.

Вскоре по всему кораблю разнеслось из динамиков системы оповещения: «Всем членам команды! Всем пассажирам! Корабль в течение тридцати секунд будет в состоянии невесомости. Крепко возьмитесь за что-нибудь и не меняйте своего положения!» Макс пошарил рукой у себя за спиной и нащупал одну из многочисленных ручек,

которые всегда прикрепляются вокруг люка шлюза. Он крепко взялся за нее таким образом, чтобы при переходе к невесомости ноги его не оторвались от палубы. Завыла сирена предупреждения, и он вдруг потерял свой вес, так как и тяга корабля, и искусственное тяготение были одновременно отключены.

Он услышал громкий и твердый голос капитана:

— «Пепел к пеплу, прах к праху». Сбрасывайте тело.

Стрелка манометра упала вдруг до нуля, и доктор Хендрикс был запущен в космос, чтобы вечно странствовать от звезды к звезде.

Машинное отделение перевело корабль на нормальный режим, и Макс снова ощутил весь свой вес. Стрелка манометра поползла потихоньку к единице. Люди стали расходиться, тихо переговариваясь между собой. Макс поднялся в центр управления и снова принял вахту.

На следующее утро Саймс перебрался в каюту доктора Хендрикса. Насчет этого было какое-то выяснение отношений с первым помощником Вальтером — Макс узнал об этом только через третьи руки,— но капитан поддержал Саймса; тот остался в каюте астронавигатора. В Хитрой яме установилась рутина, не слишком отличавшаяся от того, что было раньше, правда, на всем теперь был отпечаток личности Саймса. Прежде у них никогда не было повахтенного расписания в письменном виде; Келли всегда назначал рядовых, а доктор — начальников вахты, устно. Теперь появился аккуратно напечатанный список:

ПЕРВАЯ ВАХТА — Рэндольф Саймс, астронавигатор.

ВТОРАЯ ВАХТА — капитан Блейн (обучается М. Джонс, проходящий службу стажера).

ТРЕТЬЯ ВАХТА — Келли, гл. выч-ль.

(подписано) Рэндольф Саймс, астронавигатор.

Далее следовало расписание на четыре вахты для рядовых.

Макс посмотрел на этот шедевр и, пожав плечами, выбросил его из головы. Было совершенно очевидно, что Саймс точил на него зуб, хотя невозможно было понять — чего ради. В равной степени очевидно было, что Саймс не намерен предоставить ему возможность хоть сколько-нибудь заниматься астронавигацией и, соответственно, что шансы Макса быть через некоторое время принятым в полноправные братья упали теперь, со смертью доктора Хенд-

рикса, до нуля. Если только, конечно, капитан Блейн не сумеет уломать Саймса и вынудить его написать благоприятный отзыв, на что надежды было мало. Макс начал снова подумывать насчет того, чтобы убежать с Сэмом на Новую Землю.

Ну а тем временем надо было просто стоять свои вахты и стараться не влипнуть в неприятности. Такие уж дела.

На пути от Алкионы к Новой Земле предстоял всего один переход, скачок в девяносто семь световых лет из точки, расположенной в трех неделях хода с ускорением в девятнадцать g от Алкионы. Ускорение всегда зависело от расстояния между отправной точкой и точкой перехода, так как надо было прибыть туда со скоростью, почти равной скорости света. Хитрая яма первые две недели работала с одной вахтой из трех для офицеров и одной из четырех — для рядовых. Капитан Блейн появлялся в каждую свою вахту, однако охотно доверял Максу исполнение несложных пока что обязанностей. Обучением Макса и пояснениями он занимался мало, а когда это случалось, чаще всего переходил на истории из своей и чужой практики, занимательные, но совершенно бесполезные.

Макс пытался продолжить свои тренировки, проводя рутинные вахтенные вычисления так, словно его страшно поджимает время, как это и в действительности будет незадолго до перехода. Капитан Блейн понаблюдал за ним, а потом мягко заметил:

— Сынок, не загоняй ты себя в такое состояние. Всегда программируй на бумаге, если есть такая возможность — всегда. И проверяй все не торопясь. От лишней спешки только ошибки.— Макс ничего не ответил, думая о докторе Хендриксе, однако приказ выполнил.

По окончании первой своей вахты с капитаном Макс, как обычно, расписался в вахтенном журнале. Когда, четырьмя часами позже, на вахту вышел Саймс, Макса вытащили из койки с приказанием явиться на пост управления. Саймс указал на вахтенный журнал.

— В чем дело?

— Что вы имеете в виду, сэр?

— Подпись в вахтенном журнале. Вахту возглавляли не вы.

— Понимаете, сэр, похоже, что капитан так и думал, что распишусь я. Я расписывался уже много раз в прошлом и у него не возникало возражений.

— Хм. Я поговорю об этом с капитаном. Вернитесь в свою каюту.

По окончании следующей вахты, не получив за это время никаких указаний, Макс заполнил вахтенный журнал и отнес его капитану.

— Сэр? Не желаете это подписать? Или мне сделать это самому?

— Э? — Блейн посмотрел на журнал.— О, наверное, лучше мне это сделать самому. Всегда надо, по возможности конечно, давать руководителю подразделения вести дела́ так, как он считает нужным. Вспомни это, сынок, когда ты сам станешь шкипером.— Он расписался в журнале.

Все так и продолжалось, пока капитан не стал уходить с вахты, сначала — ненадолго, потом — и на более длительное время. Наконец наступил момент, когда его не было в конце вахты. Макс позвонил мистеру Саймсу.

— Сэр, капитан отсутствует. Что мне делать?

— Ну и что? Он в полном праве покинуть центр управления.

— Но Келли готов заступить на вахту, а вахтенный журнал не подписан. Мне его подписать самому? Или я должен позвонить капитану?

— Позвонить ему? Матерь божья, конечно же, нет. Вы что, с ума сошли?

— Каковы будут в таком случае ваши указания, сэр?

Саймс помолчал, а затем ответил:

— Напишите печатными буквами его фамилию, а потом подпишитесь ниже «По указанию» и так далее. Шевелите мозгами сами!

В последнюю неделю они перешли на попеременные вахты. Макс продолжал дежурить с капитаном Блейном, Келли ассистировал Саймсу. Как только перешли на новое расписание, Блейн стал проводить все время вахты на посту управления и, когда Макс стал было делать первый расчет, мягко отодвинул его в сторону.

— Знаешь, парень, лучше я это сделаю сам. Мы уже приближаемся.

Так что Макс стал ему ассистировать — и с ужасом понял, что капитан уже совсем не тот, каким он, видимо, когда-то был. Блейн отлично знал теорию и все приемы наикратчайшего решения задачи, но мысли его легко уходили в сторону. Дважды на протяжении одного расчета Макс был вынужден дипломатично напомнить ему

об упущенных им моментах. И вдобавок ко всему Старик, похоже, сам ничего не замечал, он находился в самом жизнерадостном настроении.

Так продолжалось и дальше. Макс начал уже молить Бога, чтобы капитан дал новому астронавигатору провести переход,— и это при всем презрении Макса к Саймсу. Ему хотелось обсудить создавшееся положение с Келли — вычислитель был единственным человеком, с которым можно было бы поговорить на такую тему,— но Келли стоял другие вахты, с Саймсом. Не оставалось ничего другого, как беспокоиться и тревожиться.

Когда пришел решающий день, выяснилось, что капитан Блейн не намерен ни проводить корабль сам, ни поручить это Саймсу; у него была своя собственная система. Когда все они находились в Хитрой яме, капитан объявил:

— Я собираюсь показать вам всем небольшую хитрость, которая убирает из астронавигации это страшное напряжение. При всем своем уважении к нашему дорогому покойному брату, доктору Хендриксу,— он, конечно, был великим астронавигатором, лучше не бывает,— должен сказать, что он работал излишне напряженно. Так вот этот метод, которому обучил меня мой учитель. Келли, не будете ли вы добры передать мне управление.

Капитан усадил их всех полукругом; он сам, Саймс и Макс вокруг компьютера, а Келли на сиденье перед компьютером. Каждый из них был вооружен бланками для программирования, а капитан Блейн, кроме того, держал на коленях клавиатуру управления.

— Так вот, идея состоит в том, чтобы все мы обрабатывали результаты наблюдений последовательно, сначала я, потом мистер Саймс, потом мистер Джонс. Таким образом, мы сможем без напряжения справиться с потоком данных. Ну хорошо, ребята, давайте работать. Все рассчитываем переход.

Они сделали пробный прогон, затем капитан поднялся.

— Мистер Саймс, вызовите меня за два часа до перехода. Я уверен, что вы и мистер Джонс сами убедитесь, что этот метод даст вам достаточно времени для отдыха.

— Да, сэр. Но, капитан, если вы позволите, я хотел бы сделать одно предложение.

— Что? Конечно, конечно, сэр.

— Разумеется, это прекрасная система, но я бы хотел предложить, чтобы в астронавигационную группу вместо Джонса был включен Келли. У Джонса мало опыта. Мы можем посадить к компьютеру Ковака, а с таблицами будет работать Ланди.

Блейн покачал головой.

— Нет, точность — это самое главное, сэр, так что нам необходимо иметь за компьютером самого лучшего оператора. А что касается мистера Джонса, именно таким образом он и наберется опыта, а если он растеряется, вы или я всегда успеем его подменить.— Он пошел к выходу, затем добавил: — Но Ковак может меняться с Келли до моего возвращения. Никто не должен переутомляться, именно так и появляются ошибки.

— Да, сэр.

Саймс не сказал Максу больше ничего. Они начали обрабатывать результаты наблюдений по очереди, программируя письменно на стандартных бланках. Результаты наблюдений поступали через каждые двадцать минут, что давало каждому из них сорок минут на решение задачи, если только ему нужно было столько времени. Макс начал уже подумывать, что в методе капитана что-то есть. Ведь точно, доктор Хендрикс уработал себя до смерти. Корабли не изнашиваются, а люди очень даже запросто. У него было вполне достаточно времени, чтобы решать не только свои задачи, но и задачи Саймса. Данные выдавались устно, и ничто не мешало Максу программировать в уме задачу Саймса, а потом сравнивать результаты с тем, что поступало в компьютер. Пока что, насколько он видел, Саймс все делал правильно — хотя, конечно, настоящего напряжения еще не было, пока еще не было.

Они поели бутербродов и выпили кофе прямо на своих местах, покидая их не более чем на пять минут. Капитан Блейн появился минут за двадцать до условленного. Он улыбнулся и сказал весело:

— Ну как, все спокойны и счастливы? Ну а теперь мы и вправду займемся делом. У меня как раз осталось время на чашечку кофе.

Через несколько минут он занял место и взял у Саймса управление. Теперь результаты наблюдений поступали каждые десять минут, все еще вполне достаточное время. Макс продолжал обрабатывать все данные, свои — на бумаге, остальные — в уме. Он каждый раз успевал покончить с задачей ко времени поступления но-

вого набора данных, запрограммировать все в уме и проверить перевод в двоичную систему, пока Ланди лихорадочно листал таблицы. Все это давало Максу динамическую картину того, насколько близко шли они к «колее», сколько поправок придется еще внести, пока они достигнут своей невидимой цели. У него создалось впечатление, что у Саймса есть склонность перекорректировать в то время, как капитан, по своему оптимизму, недокорректирует. Но ни один из них не заходил настолько далеко, чтобы подвергать корабль опасности.

Возможно, он был не прав относительно капитана — Старик, похоже, умел при необходимости собраться. Его собственные — самого Макса — поправки капитан, к его радости, принимал без малейших сомнений.

Через час с небольшим, когда до перехода осталось минут сорок пять, Блейн поднял глаза и произнес:

— Ну что ж, ребята, мы уже совсем рядом. Теперь гоните как можно быстрее.

Смит и Ковак, которым помогали Ногучи и Беннет, включили самую высокую скорость, данные пошли непрерывным потоком. Макс продолжал обрабатывать каждый замер, программируя свои данные в голове и выкрикивая цифры быстрее, чем писал их на бумаге. Он обратил внимание на то, что Саймс покрылся потом. Он иногда что-то стирал и начинал вычисления заново. Однако цифры, называемые Саймсом, согласовывались с тем, что получал Макс в результате программирования в уме. Капитан Блейн казался вполне спокойным; впрочем, он не очень увеличил свой темп и иногда все еще занимал компьютер к тому времени, когда Макс уже был готов выдать свои данные.

Один раз Саймс продиктовал свои цифры слишком быстро и не совсем разборчиво.

— Повторите, сэр! — торопливо отозвался Ланди.

— Какого черта! Прочисти уши! — вскинулся Саймс, но цифры все же повторил.

Капитан бросил на него взгляд, затем вернулся к своей задаче. Как только компьютер освободился, капитан продиктовал Ланди свои цифры. Макс уже обрабатывал данные капитана в уме и, глядя на Саймса, подсознательно слушал.

В его мозгу зазвучал тревожный звонок.

— Капитан! Я не подтверждаю ваши данные!

Капитан Блейн остановился.

— Что?

— Программа неверна, сэр.

Капитан не выказал ни малейших признаков раздражения. Он просто передал свой бланк с программой Саймсу.

— Проверьте меня, сэр.

Саймс быстро пробежал числа глазами.

— Я подтверждаю ваш результат, сэр.

— Прекратите работу, Джонс,— сказал Блейн.— Мы с мистером Саймсом закончим сами.

— Но...

— Уйдите, сэр!

Макс, внутренне кипя от негодования, вышел из круга. То, что Саймс проверил результат капитана, не означало ровно ничего, разве что Саймс слышал и помнил (как это делал Макс) поступавшие данные. Капитан переставил местами восьмерку и тройку на пятом и шестом местах числа, его результат должен выглядеть совершенно правильно — если только не знать верные числа. Если бы Саймс только побеспокоился проверить их, горько добавил он про себя.

Однако Макс не мог не слушать и не обрабатывать в уме поступавшие данные. Следующий отсчет, который поступит к Саймсу, выявит ошибку капитана; его коррекция должна исправить ее. Макс знал, что это будет большая коррекция; несясь почти со скоростью света, корабль покрывал миллион миль за какие-то шесть с небольшим секунд.

Максу было видно, как Саймс помедлил, когда на компьютере вспыхнул очередной результат и Ланди перевел его в десятичные числа. Да он же совсем перепугался! Требуемая коррекция приблизит корабль почти что к критической скорости — Саймс еще чуть помедлил, а потом приказал ввести поправку в два с лишним раза меньшую, чем было нужно по расчетам Макса.

Блейн ввел эту коррекцию и продолжил считать следующую задачу. Когда появился ответ, ошибка, многократно усиленная протекшим временем и немыслимой скоростью корабля, была еще разительнее, чем раньше. Капитан бросил на Саймса пораженный взгляд, затем

быстро провел коррекцию. Макс не знал, какова она, так как введена она была молча, тумблером, лежавшим у капитана на коленях.

Саймс облизнул свои пересохшие губы.

— Капитан?

— Осталось время всего на один отсчет,— ответил Блейн.— Я сделаю это сам, мистер Саймс.

Данные были ему продиктованы, он начал программировать на бланке. Макс видел, как он что-то стер, потом поднял глаза. Макс посмотрел в ту же сторону. Хронометр над панелью компьютера, установленный на время перехода, показывал, что истекают последние секунды.

— Всем приготовиться! — крикнул капитан.

Макс взглянул вверх. Звезды сползались в одну точку, это означало, что до перехода остались мгновения. Видимо, пока Макс смотрел вверх, капитан Блейн нажал на второй тумблер, тот, который давал кораблю последний толчок, так как звезды вдруг потухли и мгновенно сменились другой звездной твердью, по виду вполне нормальной.

Капитан откинулся в своем кресле.

— Ну,— сказал он весело,— похоже, что пронесло еще раз.— Он встал и направился к выходу, на ходу бросив через плечо.— Зайдите ко мне, когда выведете нас на курс, мистер Саймс.— Потом он исчез в люке.

Макс снова посмотрел вверх, пытаясь по картам, которые он изучил, сообразить, какую именно часть нового неба он видит. Келли тоже глядел вверх.

Макс услышал, как вычислитель пробормотал:

— Да, нас опять пронесло. Знать бы вот только — куда?

Саймс также глядел на небо. Услыхав последние слова Келли, он резко повернулся и зло спросил:

— Что вы имеете в виду?

— То, что я сказал,— ответил Келли.— Это не похоже ни на одно небо, которое я видел за всю свою жизнь.

— Чушь это все. Вы просто еще не сориентировались. Любой знает, что участок неба с первого взгляда может показаться совершенно незнакомым и странным. Достаньте карты этой области, мы быстренько найдем ориентиры.

— Они уже вынуты, сэр.

Через несколько минут большинство присутствующих согласилось, что Келли прав; чуть позже с этим согласился и Саймс. В конце концов он, с бледным, позеленевшим лицом, отвел глаза от карт.

— Никому ни слова,— сказал он.— Это приказ — и я устрою веселую жизнь любому, кто его нарушит. Келли, примите вахту.

— Да, сэр.

— Я буду в каюте капитана.

Он пошел доложить Блейну, что «Асгард» после скачка оказался в неизвестном месте. Заблудился...

Глава 14
ГДЕ УГОДНО

Двумя часами позже Макс устало карабкался по трапу в Хитрую яму. Он только что провел жуткие полчаса, рассказывая правду такой, как он ее видел. Капитан Блейн привык возлагать вину на кого угодно, кроме самого себя, однако вид у него был удивленный и потрясенный. Саймс вел себя ужасно. Его логика, похоже, состояла в том, что, так как это никоим образом не может быть его ошибкой и так как немыслимо, чтобы виновен был капитан, очевидно, это — ошибка Макса. Раз Макс был отстранен от работы за несколько минут до перехода, значит, он и допустил ошибку, внеся возмущение перед самым критическим моментом,— образно говоря, подтолкнул их под локоть.

При беседе присутствовал мистер Вальтер, бессловесный судья. Они обсуждали материи, лежащие вне круга его профессиональных познаний; он, похоже, изучал их лица. Макс упрямо держался своей точки зрения.

Келли все еще был на вахте. Ковак и Смит снимали спектрограммы. Ногучи и Ланди занимались бумагами.

— Хотите, чтобы я вас подменил? — спросил он у Келли.

Вид у Келли был озабоченный.

— К сожалению, ты не можешь этого сделать.

— Как это?

— Пока ты сюда шел, позвонил мистер Саймс. Он говорит, что ты не будешь допущен к вахте вплоть до особого распоряжения.

— Так и сказал? Впрочем, этого следовало ожидать.

— Он сказал еще, чтобы тебя не допускали в помещение поста управления.

Макс высказал все, что он думал про Саймса. Потом добавил:

— Ну что ж, все было прекрасно, мне очень нравилось здесь работать. Пока, увидимся.

Он повернулся, чтобы уйти, но Келли его остановил.

— Не спеши, Макс. Он еще некоторое время здесь не появится. Мне нужно знать, в чем все-таки дело. Сидя за компьютером, я не вижу, что тут у вас творится.

Макс рассказал ему все, выуживая из памяти числа. В конце концов Келли кивнул.

— Это согласуется с тем, что я сумел тут раскопать. Капитан сделал ошибку, переставив цифры,— это очень просто. Затем у Саймса не хватило пороху провести большую коррекцию, когда это от него потребовалось. Но есть еще одна вещь, которой ты не знаешь. И они тоже не знают — пока.

— Что еще? Какую вещь?

— Все это есть на самописце силовой установки. Гюнтер стоял на вахте там, внизу, и рассказал мне по телефону. Нет, я конечно не сказал ему, что что-то не так. Я просто попросил его доложить мне, это вполне обычное дело. Между прочим, там, внизу, уже волнуются? Пассажиры сходят с ума?

— Нет, пока что не видно.

— Ну, это ненадолго. Такое невозможно долго скрывать. Так вот, насчет моей истории. Все было уже очень скверно, но у капитана оставался последний шанс. Он ввел коррекцию, но слишком большую. И ввел ее с обратным знаком, прямо в противоположную сторону.

Никакие ругательства тут не годились, все они были слишком слабы. Макс только и смог произнести:

— Господи!

— Вот именно. Влип он крупно.

— А есть какие-нибудь мысли относительно того, куда это нас занесло?

Келли указал на Ковака и Смита, возившихся со спектрографом.

— Они пробуют что-нибудь выудить, но пока ничего не выходит. В первую очередь яркие звезды класса В и О. Однако пока не видно ничего, совпадающего с каталогами.

Ногучи и Ланди орудовали фотоаппаратом.

— А они, они-то что делают? — удивился Макс.

— Фотографируют записи. Все записи — бланки программирования, необработанные данные от картографов, ленту компьютера, все что есть.

— А какой с этого толк?

— Может, и никакого. Только вот случается, что записи пропадают. Иногда их даже подменяют. Но только не в этот раз. У меня будет собственный комплект.

Макс еще только осознавал малоприятные обстоятельства, на возможность которых намекал Келли, когда Ногучи поднял голову.

— С этим кончено, босс.

— Отлично.— Келли повернулся к Максу.— Сделай мне одолжение. Засунь эти пленки в карман и унеси их с собой. Хочу, чтобы их здесь не было. Я возьму их потом.

— Ну... хорошо.— Пока Ногучи разряжал камеру, Макс спросил у Келли: — Как ты думаешь, сколько времени потребуется, чтобы определить по спектрам, где мы находимся?

На лице Келли появилась какая-то обреченность.

— Макс, а с чего это ты взял, что мы обязательно что-то определим?

— Не понимаю.

— Чего ради что-нибудь из всего этого...— Он сделал широкий жест рукой,— ...должно соответствовать каким бы то ни было нашим картам?

— Ты хочешь сказать,— медленно проговорил Макс,— что, может быть, мы вообще не в своей Галактике? Может быть, мы в какой-нибудь другой, вроде, скажем, Туманности Андромеды?

— Может, и так. Но даже это не все. Слушай, Макс, я — не физик-теоретик, уж это точно, но, насколько я знаю, все, что говорит теория, это то, что, если ты превосходишь скорость света, ты вырываешься из своего пространства, куда-то в другое место. Ты не согласуешься с этим пространством, оно тебя больше не удерживает. Но то, куда ты попадаешь, если только ты не нацелился точно в Хорстову конгруэнтность, это совсем другое дело. Теория ничего об этом не говорит. Ведь не говорит?

У Макса разболелась голова.

— Послушай, я ведь не знаю.

— Вот и я не знаю. Но так как мы не прицелились точно, чтобы выскочить снова в свое пространство в другой его точке, мы можем быть сейчас где угодно. Я имею в виду — вообще где угодно. Мы *можем находиться в другом пространстве—времени, абсолютно не* связанном с нашим.— Он опять бросил взгляд на чужие звезды.

Макс спустился вниз, чувствуя себя еще хуже, чем раньше. По пути он встретил Саймса, поднимавшегося на пост; астронавигатор зло посмотрел на него, однако не сказал ни слова. Когда Макс вошел в свою каюту, он положил пленки в ящик — потом чуть подумал, выдвинул ящик совсем и спрятал их в пустом месте позади него.

Макс сидел в каюте и чувствовал себя неспокойно. Больше всего его раздражала невозможность попасть на пост управления, очень хотелось самому поискать на новом небе известные звезды. Звезды типов В и О — это все прекрасно, но можно было придумать еще с полдюжины способов определиться. Например, шаровые звездные скопления — их было бы очень легко идентифицировать; подцепи их четыре штуки, и будешь знать, где находишься, так же точно, как если бы прочитал название улицы на углу. После этого осталось бы только все уточнить, и теперь уже было бы известно, какие звезды искать и где. А потом — со всех ног к ближайшей конгруэнтности, нанесенной на карту, сколько бы времени это ни заняло, хоть неделю, хоть год. Корабль не мог по-настоящему заблудиться.

А что, если они даже не в своей Галактике?

Эта мысль пугала его. Если это так, они никогда, до скончания света, не доберутся до дома. Эту мысль сменила другая, еще худшая. А что, если Келли прав в своих подозрениях и они — в совершенно другой вселенной, в другом пространстве—времени? Ну что тогда? Он читал достаточное количество философских размышлений, чтобы понимать, что нет никаких теоретических оснований для того, чтобы это было невозможным: Создатель мог сотворить бесконечное количество Вселенных, может, довольно сходных друг с другом, а может, отличающихся друг от друга, как сыр от пятницы. Миллионы, миллиарды Вселенных, все бок о бок друг с другом.

Другая Вселенная могла иметь другие физические законы, другую скорость света, другую гравитацию, другой темп течения времени — они вполне могут, если сумеют вернуться, обнаружить,

что прошло десять миллионов лет и Земля сгорела, как уголек в костре.

Но лампа над столом светила нормально, сердце его билось так же, как всегда, подчиняясь привычным законам гидравлики, сиденье стула прижималось к нему так же, как всегда; если это и вправду другое пространство, различия не слишком очевидны. И если это другая Вселенная, с этим все равно ничего не поделать.

В дверь постучали, он впустил Келли, усадил его на стул, а сам сел на койку.

— Что-нибудь новенькое?

— Нет. Господи, как же я устал. Снимки у тебя?

Макс вытащил ящик, пошарил за ним и отдал пленки Келли.

— Слушай, шеф, у меня есть одна мысль.

— Давай.

— Предположим для начала, что мы в своей Галактике, потому что...

— Потому что, если это не так, то и пробовать что-либо нет смысла.

— Ну, вроде того. Ну так, значит, мы в Млечном Пути. Тогда мы осматриваемся по сторонам, быстренько подсчитываем количество звезд на отдельных участках неба, отсюда оцениваем расстояние до центра Галактики и направление на него. Потом пытаемся идентифицировать спектры звезд, лежащих в этом направлении, решив сначала, какие будем искать, и прикинув видимые звездные величины для расстояния, полученного при оценке. Это даст нам...

— ...большую экономию времени,— устало закончил за него Келли.— Не учи дедушку жить. А какого лешего, ты думаешь, делал я все это время?

— Ой, прости, пожалуйста.

— Да нечего тут прощать. Наш глубокоуважаемый начальник и до такого додуматься не мог. Пока я пытался там работать, он ошивался вокруг, ища виноватых и пытаясь заставить меня сказать, что он был абсолютно прав, абсолютно во всем,— дрожал за свою шкуру вместо того, чтобы дрожать за свой корабль. Тьфу! И кстати, он забрал все записи, в точности как я и думал. «Чтобы показать капитану» — так он объяснил.— Келли поднялся со стула.— Я, пожалуй, пойду.

— Не спеши. Я позвоню, чтобы принесли кофе.

— Он уже течет у меня из ушей.— Келли вынул пленки из кармана и задумчиво поглядел на них.— Я сказал Ногги снять все два

раза, тут два комплекта пленок. Пожалуй, тут у тебя хорошее место, чтобы прятать. Знаешь, давай-ка мы спрячем здесь один комплект, и пусть он себе лежит. Как знать, может, и пригодится.

— Келли, неужели ты и вправду ожидаешь, что будет какая-нибудь история с этими записями? Я думаю, что с нас хватит и того, что мы заблудились.

— Ты так думаешь? Макс, когда-нибудь из тебя получится хороший офицер. Но ты же наивен, как ягненок. А вот я предпочитаю носить и подтяжки, и ремень. Так вернее. Я люблю по возможности оставлять как можно меньше на произвол судьбы. Док Хендрикс, мир праху его, был точно таким же.— Келли посмотрел, как Макс засовывает второй комплект пленок назад за ящик, а затем направился к выходу. У двери он остановился.— Забыл сказать тебе одну вещь. Так уж вышло, что мы выскочили довольно близко к одной звезде, да к тому же еще и G-класса.

— А...— Макс немного подумал.— Это не какая-нибудь из известных нам?

— Конечно, нет, а то бы я так и сказал. Мы не успели еще толком оценить расстояние, но до нее от четырех недель до года пути — при максимальном ускорении. Тебе, наверное, интересно это узнать.

— Да, конечно. Спасибо. Только я не понимаю, что это меняет.

— Не понимаешь? А тебе не кажется, что нам сейчас совсем не плохо иметь поблизости от себя звезду солнечного типа и, вполне возможно, с планетами типа Земли, вращающимися вокруг нее?

— Ну, разве...

— А мне вот кажется. Все эти дела насчет Адама и Евы, мягко говоря, очень заковыристы, а нам, вполне возможно, предстоит долгая стоянка.— С этими словами он вышел из каюты.

Никто не пришел позвать Макса на обед; когда он заметил, что уже на несколько минут опаздывает, то отправился в гостиную. Большинство пассажиров уже сидело, кое-кто еще стоял, переговариваясь. Было невозможно не почувствовать смутное беспокойство, витавшее в зале. Макс обратил внимание на то, что капитана не было за столом, не было и мистера Вальтера. Когда он проходил к своему месту, мистер Хорнби попытался уцепиться за его руку.

— Простите меня, сэр,— отмахнулся Макс.— Я спешу.

— Подождите секундочку. Я только хотел вас спросить...

— Простите, пожалуйста.— Он торопливо прошел к своему столу и сел на место. Старшего механика не было видно, но все пассажиры сидели на своих местах. Макс поздоровался:

— Добрый вечер,— и потянулся за суповой ложкой, чтобы хоть чем-то себя занять.

Супа на столе не было, равно как и булочек с маслом, хотя со времени начала обеда прошло уже минут десять. В царстве главного эконома Дюмона такого просто не могло произойти. Правда, если разобраться, и самого Дюмона не было нигде видно.

Миссис Дайглер положила руку ему на локоть.

— Макс? Расскажите мне, пожалуйста, что это за дурацкие слухи ходят по кораблю?

Макс попытался сохранить непроницаемое лицо.

— Какие слухи, мадам?

— Да вы и сами должны были их слышать. В конце концов, вы же занимаетесь астронавигацией. Говорят, что капитан свернул не за тот угол, или как там еще, и в итоге мы падаем на звезду.

Макс попытался поубедительнее изобразить смешок.

— Откуда вы это взяли? Кто бы вам это ни сказал, он, скорее всего, не смог бы отличить звезду от собственного локтя.

— Вы не хотите обмануть свою старую тетю Мэгги?

— Я могу совершенно точно заверить вас, что «Асгард» не падает на звезду. Или даже на звездочку.— Он повернулся к столу.— Зато создается впечатление, что в камбузе что-то и вправду упало. Обед страшно запаздывает.

Он ни к кому не поворачивался, пытаясь избежать дальнейших расспросов. Однако это не помогло. Мистер Артур резко окликнул его:

— Мистер Джонс!

— Да? — повернулся Макс.

— Почему вы от нас скрываете? Мне известно из надежных источников, что наш корабль потерялся.

Макс попытался изобразить на лице удивление.

— Что-то я не совсем вас понимаю. Мы же вроде находимся в нем.

Мистер Артур негодующе фыркнул:

— Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю. Что-то пошло наперекосяк с как-там-это-называется — переходом. Мы заблудились.

Макс начал отвечать, как школьный учитель не слишком сообразительному ученику, загибая по очереди пальцы:

— Мистер Артур, я могу вас заверить, что корабль не подвергается абсолютно никакой опасности. А что касается того, что мы заблудились, то я могу столь же твердо вас заверить, что, если так и произошло, капитан забыл сообщить мне об этом. В момент перехода я находился в центре управления, и он, по всей видимости, был вполне удовлетворен ходом дел. Вы не могли бы быть столь любезны, чтобы рассказать мне, кто распространяет подобные небылицы? Это ведь очень серьезное дело, все всегда и начинается с таких слухов. Не раз бывало так, что люди впадали в панику.

— Ну... это был кто-то из команды. Я не знаю, как его звать.

— Так я и думал,— кивнул Макс.— Так вот, из своего опыта я знаю,— продолжал он, цитируя своего дядю,— что быстрее света распространяется только одна вещь — слухи по кораблю. И им совсем не обязательно иметь под собой хоть какие-нибудь основания — они все равно распространяются мгновенно.— Он огляделся вокруг.— Но все-таки интересно, что там случилось с обедом? Не хотелось бы идти на вахту голодным.

— Так, значит, у нас все в порядке, правда, Макс? — нервно спросила миссис Вебербаур.

— С нами все в абсолютном порядке, мадам.

— Макс,— наклонилась к его уху миссис Дайглер,— а чего это вы вдруг так вспотели?

Спас его слуга из команды экономa, торопливо подошедший к их столу и начавший расставлять тарелки с супом. Макс остановил его и тихо спросил:

— Джим, а где Дюмон?

— Стряпает,— столь же тихо ответил официант.

— С чего это? А где повар?

Официант нагнулся к нему и прошептал:

— Французик совсем скис. Думаю, ему этого не переварить. Ну, ты понимаешь, о чем я.

Макс отпустил его. Мистер Артур резко спросил:

— Что он вам сказал?

— Я просто пытался выяснить, что случилось на камбузе,— ответил Макс.— Создается впечатление, что повар привел себя в

недееспособное состояние.— Он зачерпнул ложкой суп.— По вкусу этого супа я склонен предположить, что он сварил в нем свой палец. Довольно паршиво, правда?

От дальнейших уверток Макса спасло появление первого помощника. Мистер Вальтер подошел к капитанскому столу и постучал ложкой по бокалу.

— Внимание, пожалуйста! — Подождав, пока в зале воцарилась тишина, он вынул из кармана бумагу.— От имени капитана я должен сделать вам объявление. Те из вас, кто знаком с теорией астронавигации, знают, что пространство, благодаря перемещению звезд, находится в постоянном изменении и что, вследствие этого, не бывает двух абсолютно одинаковых рейсов. Иногда, по этой причине, становится необходимым производить некоторые изменения в расписании. Именно такие обстоятельства возникли в текущем рейсе, и «Асгард» достигнет следующей своей точки назначения с некоторой задержкой. Мы крайне сожалеем, однако изменить законы природы не в наших силах. Мы выражаем надежду, что все вы воспримете эту задержку как не слишком серьезное неудобство или даже как приятное продолжение отдыха в дружественной и комфортабельной атмосфере нашего корабля. Не забывайте, пожалуйста, также, что страховой полис, прилагавшийся к вашему билету, полностью покрывает все потери и упущенные выгоды, которые могут возникнуть у вас из-за опоздания корабля.

Мистер Вальтер спрятал бумажку в карман; у Макса создалось впечатление, что в действительности он по ней не читал.

— Это все, что хочет сообщить вам капитан, но я хочу добавить еще кое-что и от себя. До меня дошло, что в связи с этим небольшим отклонением от расписания кто-то распространяет совершенно дурацкие слухи. Я хочу выразить свое сожаление, если кто-либо из вас был встревожен этими россказнями, и твердо заявить, что, если их автор будет обнаружен, к нему будут применены самые жесткие меры.— Тут первый помощник рискнул величественно улыбнуться.— Но вы же все понимаете, как трудно бывает проследить путь какой-нибудь вздорной сплетни. Во всяком случае я хочу вас уверить, что «Асгард» не подвергается ни малейшей опасности какого-либо рода. Этот старичок работал в пространстве задолго до рождения любого из нас, и он будет в расцвете сил, когда все мы

уже умрем от старости,— благослови Господь его крепкие кости.— Он повернулся и, не задерживаясь, вышел из зала.

Макс выслушал этот монолог, раскрыв от восхищения рот. Он родился и вырос в местности, где «треп» считался вполне уважаемым литературным жанром, и все же ни разу в жизни не слышал, чтобы ложь излагалась столь изящно, чтобы она столь мастерски переплеталась с правдой. Если брать по кусочку, невозможно было сказать, что какая-либо часть рассказа первого помощника лжива, но в целом это слагалось в утверждение, что «Асгард» не заблудился, а уж это-то была самая натуральная ложь. Он снова повернулся к своим соседям по столу.

— Передайте мне кто-нибудь, пожалуйста, масло.

— И вы говорили нам,— глаза мистера Артура метали молнии,— что *ничего не произошло*.

— Отстаньте от него, Артур,— прорычал мистер Дайглер.— Макс, если принять во внимание обстоятельства, вел себя очень порядочно.

У миссис Вебербаур на лице появилось удивление.

— Но ведь мистер Вальтер сказал, что все в порядке?

Дайглер посмотрел на нее с сожалением.

— Мы влипли в неприятности, мамочка Вебербаур. Это совершенно ясно. Но нам не остается ничего другого, кроме как сохранять спокойствие и доверять офицерам корабля. Так, Макс?

— Пожалуй, что так, сэр.

Глава 15
ЭТО ЖЕ НЕ ПРОГУЛОЧКА

Этим вечером и весь следующий день Макс почти не выходил из каюты, не желая отвечать ни на расспросы пассажиров, ни на вопросы, почему его освободили от вахт. Поэтому вышло так, что он пропустил бунт на борту, попросту проспал его. Впервые Макс узнал о бунте, когда уборщик, занимавшийся его каютой, появился с синяком во весь глаз.

— Кто это так вас разукрасил, Гарсия?

— Да я точно и не знаю. Это получилось во время вчерашней заварушки.

— Заварушки? Какая такая заварушка?

— Вы что, хотите сказать, что ничего не знаете?

— Да я первый раз про это слышу. Что там произошло?

Гарсия Лопес задумчиво закатил глаза.

— Ну, я бы не хотел много про это рассказывать. Вы же понимаете, как это бывает,— никто не хочет доносить на своего товарища. Так ведь?

— Да кто тебя просит стучать на товарища? Мне совсем не нужны фамилии, но что там такое вышло?

— Ну так вот, сэр. Кое-кто из ребят довольно слабо соображает...

Понемногу Макс разобрался, что произошло. Беспокойство в команде было значительно сильнее, чем среди пассажиров,— возможно, потому, что астронавты яснее представляли себе ситуацию, в которую попал корабль. Кое-кто из них подкрепил свои мысли джордановской водкой, и тогда они решили явиться к капитану все вместе и потребовать прямого разговора. Драка произошла, когда надзиратель попытался остановить их на трапе, ведущем на палубу С.

— Кто-нибудь пострадал?

— Да не то чтобы пострадал, я бы так не сказал, ну, разве что порезался малость. Я вот получил эту штуку...— Он осторожно потрогал свой глаз.— Потому что слишком уж хотел посмотреть, что там происходит. Этот скелет Ковак сломал ногу.

— Ковак! Он-то как попал в эту историю? — Было совершенно невероятно, чтобы кто-либо из их компании принял участие в таком безрассудстве.

— Он спускался вниз, наверное шел с вахты. Может, он пытался помочь констеблю. А может, его просто дверью ударило. Вот ваш дружок Сэм Андерсон — он-то уж точно был в самой гуще.

Сэм! Максу стало прямо нехорошо — Сэм снова нарвался на неприятности.

— Это точно?

— Да я же сам там был.

— Э-э, но он же не был главарем, правда, не был?

— О, да ты меня совсем не понял, Ма... мистер Джонс. Он все это дело и успокоил. В жизни своей не видел человека, который так здорово орудует руками. Он хватал двоих... трах! Их головы трескаются друг о друга. А потом он хватает двух следующих...

Макс решил выйти из своего укрытия, чтобы сделать две вещи: заглянуть к Коваку и узнать, в каком он состоянии и не нужно ли ему чего, а кроме того, встретиться с Сэмом. Однако не успел он выйти из каюты, как пришел Смит с распорядком вахт, в котором он должен был расписаться. Из этой бумаги Макс выяснил, что назначен на попеременную вахту с Саймсом — и что он должен сию же минуту явиться на вахту. Он отправился наверх, размышляя на ходу, что это заставило Саймса сменить гнев на милость.

В помещении поста управления находился Келли. Макс огляделся по сторонам, но Саймса не было.

— Это ваша вахта, шеф?

— Только пока ты меня не подменишь. Это моя последняя вахта.

— Чего это вдруг? Неужели теперь уже вы стали любимой занозой в его заднице?

— Да, можно и так сказать. Но только не так, как ты думаешь. Он нарисовал это свое вахтенное расписание, и в нем мы с ним следовали друг за другом. Тогда я вежливо указал ему на законы гильдии, на то, что мне не платят за то, чтобы я брал на себя ответственность за руководство вахтой.

— Ни фига себе! И что же он тебе сказал?

— А что ему сказать? Он мог бы мне приказать в письменной форме, а я мог бы, точно так же, в письменной форме, согласиться, занеся свои возражения в вахтенный журнал,— и тогда бы он подставил себя со страшной силой. У него остался не слишком богатый выбор — снова поставить тебя в расписание, попросить капитана подежурить через раз с ним или сказаться больным и уйти отдохнуть на пару неделек. Теперь, когда Ковак слег, выбора у него и совсем не осталось. Слышал про Ковака?

— Да. Расскажи, как там все было? — Макс глянул на Ногучи, скучавшего за компьютером, и понизил голос.— Бунт?

Келли сделал круглые глаза.

— Я что-то вас не понимаю, сэр. Ковак поскользнулся и упал с трапа.

— А, значит так?

— Так записано в журнале.

— Хм... Ну что ж, наверное, мне надо вас подменить. Как тут обстановочка?

Они шли с ускорением в направлении ближайшей звезды G-класса; приказы были занесены в книгу приказов... почерком Саймса, но с подписью капитана Блейна. Почерк капитана показался Максу каким-то неуверенным, дрожащим, как будто капитан писал в сильном нервном возбуждении. Келли уже успел вывести корабль на нужный курс.

— Вы бросили попытки найти, где мы находимся?

— О нет. Приказано заниматься этим столько времени, сколько позволят остальные дела. Но я ставлю семь против двух, что и ты ничего не найдешь. Макс, это же какое-то совсем другое место.

— Не надо опускать руки. Откуда ты можешь это знать?

— Я не знаю, я чувствую.

Несмотря на слова Келли, Макс провел всю вахту в поисках. Без малейшей удачи. Спектрограммы, соответствующим образом снятые и обработанные, для звезд то же самое, что для людей отпечатки пальцев. Их можно классифицировать и потом проводить сравнение с теми из каталога, которые к ним наиболее близки. Макс нашел много спектрограмм, достаточно близко совпадающих с каталожными, однако всегда находилось какое-то отличие, вроде того, которое делает одного из близнецов не очень похожим на своего брата.

За пятнадцать минут до конца вахты он кончил это занятие и приготовился к смене. Ожидая Саймса, он думал о шутке, которую разыграл Келли для того, чтобы вернуть его на вахту. Молодчага! Он знал Келли достаточно хорошо, чтобы понимать, что благодарить его не надо; сделать так значило бы заподозрить главного вычислителя в «неподобающем мотиве» — вполне достаточно подмигнуть ему. И не забывать про поддержку.

Саймс ворвался с опозданием на пять минут. Он ничего не сказал, только просмотрел вахтенный журнал и записи наблюдений, проведенных Максом. Макс подождал несколько минут, внутренне раздражаясь все больше и больше. В конце концов он произнес:

— Вы готовы подменить меня, сэр?

— Всему свое время. Я хочу посмотреть сначала, что ты изгадил на этот раз.— Макс не ответил. Саймс ткнул пальцем в то место журнала, где Макс расписался, сопроводив подпись словами «старший по вахте».— Перво-наперво это неверно. Добавь «под руководством».

Макс глубоко вздохнул.

— Под чьим руководством, сэр?

— Моим.

Макс помедлил всего мгновение, прежде чем ответить:

— Нет, сэр. Только в случае, если вы присутствуете во время моей вахты и наблюдаете за мной.

— Ты мне возражаешь?

— Нет, сэр. Только я хотел бы получить относительно этого письменный приказ, занесенный в вахтенный журнал.

Саймс захлопнул журнал и медленно оглядел его с головы до ног.

— Мистер, если бы у нас не было нехватки персонала, вы не стояли бы вахту. Вы не готовы руководить вахтой и, по моему глубокому убеждению, не будете готовы никогда.

— Если вы так считаете, сэр, я вполне охотно вернусь к обязанностям картографа. Или в команду эконома.

— Там тебе и место! — Саймс почти кричал. Ногучи задержался после того, как его подменил Ланди. Они оба бросили взгляд на происходящее и с деланным равнодушием отвернулись.

Макс совсем не старался говорить с Саймсом конфиденциально.

— Очень хорошо, сэр. Так вы меня подмените? Я сейчас отправлюсь к первому помощнику и доложу ему, что снимаю с себя временное назначение и возвращаюсь к исполнению своих постоянных обязанностей.

Он ожидал взрыва. Однако Саймс сделал видное невооруженным глазом усилие, чтобы сдержать себя, и ответил почти спокойно:

— Послушайте, Джонс, вы как-то не так ко всему этому относитесь.

«А что мне терять?» — подумал про себя Макс и произнес:

— Это вы не так ко всему относитесь, сэр.

— Э? Это что еще такое?

— Вы задевали меня с того самого момента, как я появился в Яме. Вы ни разу не побеспокоились научить меня чему-нибудь, а вместо того придирались ко всему, что бы я ни делал. А с того времени, как меня сделали стажером, все стало еще хуже. Вы заявились ко мне в каюту и сказали, что вы против моего назначения, что вы не хотите, чтобы я...

— Ты не можешь этого доказать!

— А мне и не надо ничего доказывать! А теперь вы говорите, что я не способен стоять вахту, на которую сами меня и поставили. Вы совершенно ясно сказали, что никогда не дадите мне рекомендацию для постоянного назначения, так что совершенно очевидно, что я только зря трачу время. В таком случае я вернусь в команду казначея и буду делать там то, на что способен. А теперь вы все-таки подмените меня, сэр.

— Вы оскорбляете своего командира.

— Нет, сэр, я никого не оскорбляю. Я говорил с вами вежливо, излагал факты. Я попросил подменить меня на вахте — моя вахта окончилась добрые полчаса назад,— чтобы иметь возможность обратиться к первому помощнику и вернуться к исполнению своих постоянных обязанностей. Как это допускается законами обеих гильдий,— добавил Макс.

— Я не разрешаю вам.

— Я так решил, сэр. У вас нет выбора.

По лицу Саймса было видно, что выбора у него действительно нет. Некоторое время он помолчал, затем произнес более спокойным голосом:

— Забудьте про все это. Я вас подменяю. Возвращайтесь сюда в восемь.

— Не так сразу, сэр. Вы заявили публично, что я не компетентен возглавлять вахту. В таком случае я не могу взять на себя эту ответственность.

— Какого черта! Что это ты пытаешься делать? Меня шантажировать?

Про себя Макс вполне с этим согласился, но вслух ответил:

— Я бы не назвал это так, сэр. Но вы не можете иметь сразу и то и это.

— Что ж. Я думаю, что вы достаточно компетентны, чтобы стоять такие вахты. По правде говоря, тут и делать-то нечего.

— Очень хорошо, сэр. Не будете ли вы так добры занести это в вахтенный журнал?

— Что?

— Ввиду создавшихся обстоятельств, сэр, я вынужден настаивать на букве закона и просить вас занести это в вахтенный журнал.

Саймс тихо выругался, затем схватил ручку и быстро что-то написал. Затем он повернул журнал к Максу.

— Вот.

Макс прочитал: «Мистер Джонс сочтен достаточно квалифицированным, чтобы возглавлять вахты в космосе, не связанные с аномалиями. (подп.) Саймс, астронавигатор».

Макс, конечно, отметил про себя оговорку, которая даст Саймсу возможность помешать ему достичь постоянного статуса. Но Саймс остался в рамках закона. Кроме того, признался себе Макс, он не хотел покидать компанию из Ямы. Он утешал себя той мыслью, что так как они, видимо, окончательно заблудились, то неизвестно, понадобится ли ему когда-нибудь рекомендация Саймса.

— Вполне удовлетворительно, сэр.

Саймс снова схватил журнал.

— А теперь марш отсюда. И чтобы были завтра здесь вовремя.

— Есть, сэр.— Макс не мог удержаться от того, чтобы не оставить последнее слово за собой. То, как он выстоял в схватке с Саймсом, ударило ему в голову.— Вы мне только что напомнили, сэр. Не будете ли вы так добры подменить меня после той вахты вовремя?

— Что?!

— Согласно закону человека нельзя заставлять работать больше чем четыре часа из восьми, за исключением непредвиденных обстоятельств, занесенных в вахтенный журнал.

— Отправляйтесь вниз.

Макс пошел вниз. Он торжествовал, но заодно его и тошнило. Он не любил драк, никогда не любил, после них у него внутри что-то противно сжималось. Он ворвался в свою каюту и чуть не споткнулся о Сэма.

— Сэм!

— Он самый! Что это с тобой, сынок? Ты выглядишь так, словно за тобой гнались черти и хватали тебя за пятки.

Макс шлепнулся на койку и глубоко вздохнул.

— Я и вправду примерно так себя и чувствую.— Он рассказал Сэму про схватку с Саймсом.

— Вот так и надо с такими типами,— одобрительно кивнул Сэм.— Оскорбляй его, пока он не начнет извиняться. Будешь ставить ему синяки почаще, он с руки у тебя есть будет.

Макс тоскливо покачал головой.

— Сегодня я, конечно, порезвился, но он обязательно придумает, как на мне отыграться. Да бог с ним.

— Все это не так, парнишка. Ты только не давай ему повода и жди удобного случая. Если человек глуп и имеет плохой характер,— а этот твой Саймс такой и есть, я давно в нем разобрался,— а ты малость разбираешься в колбасных обрезках и умеешь себя сдерживать, в конце концов он обязательно раскроется. Такой уж у природы закон.

— Может быть.— Макс повернулся и сел на койке.— Сэм, да у тебя снова значок.

Сэм поддел пальцем значок, означавший, что он — главный надзиратель корабля.

— Ты что, только заметил?

— Наверное, я тут слишком быстро крутился. Это что, первый решил вдруг все простить и все забыть?

— Не то чтобы. Ты уже знаешь про суету прошлой ночью?

— Кое-что. Но, как я понял, официально ничего не произошло.

— Именно так. Мистер Вальтер умеет не действовать со всего размаха.

— Так что же там было? Я уже наслышан, что ты кого-то там черепами сталкивал.

— А ничего особенного. И все довольно тихо. Я бывал на таких кораблях, где заварушка вроде вчерашней сошла бы за небольшую разминку для улучшения пищеварения. Кое-кто из парней сдрейфил, и поэтому они отправились лакать огненную воду. Затем пара типов с большими ртами и низкими лбами вдруг вдохновилась тем, что они имеют полное право обсудить все с капитаном. Так как все они суть овцы, то и отправились стадом. Случись им на пути хоть один офицер, он мог бы без всякого шума отправить их баиньки. Но вместо того на них нарвался мой незадачливый предшественник, нарвался и велел им разойтись. Чего они не сделали. Боюсь, что с дипломатией у него слабовато. И он заорал: «Эй вы, мужланы», используя это трогательное архаическое выражение. Вот тут-то все и началось.

— А ты как туда попал? Пришел ему на помощь?

— Ну уж, конечно... Я просто стоял на безопасном расстоянии и получал удовольствие от зрелища, как вдруг увидел, что по трапу спускаются домашние шлепанцы мистера Вальтера. По этому слу-

чаю я вступил в круг и сыграл заметную роль в концовке спектакля. Чтобы получить орден, Макс, самое главное — убедись точно, что на тебя смотрит генерал, а потом уж — за дело.

— Я как-то раньше не считал, что ты склонен к героизму,— ухмыльнулся Макс.

— Да упаси Господь. Но это сработало. Мистер Вальтер вызвал меня, сожрал меня с потрохами, объяснил мне, что я мерзавец, вор и негодяй, после чего предложил мне вернуть мой значок, если я сумею сохранять порядок в трюме. Я посмотрел ему прямо в глаза, честным таким и искренним взглядом, и сказал, что сделаю все, что смогу. И вот я здесь.

— Я жутко рад, Сэм.

— Спасибочки. А потом он посмотрел мне в глаза и сказал, что у него есть некоторые основания предполагать — словно он не знал! — что где-то на корабле может находиться самогонный аппарат. И приказал мне найти его и уничтожить заодно с любыми найденными спиртными напитками.

— Вот как? Ну и как же воспринял эту новость мистер Джи?

— Да как же, мы с пузатым разобрали вместе его аппарат и сложили все детали в кладовку, а потом заперли и все его торговые запасы. Я умолял его не дотрагиваться до всего этого, пока корабль не выберется из заварухи. Я объяснил ему, что, если он что тронет, я переломаю ему руки. И одну, и другую.

Макс хихикнул.

— Ну что ж, я очень рад, что ты опять в фаворе. И молодец, что зашел сказать мне про это.— Он широко зевнул.— Прости. Я прямо на месте засыпаю.

— Я сейчас смоюсь. Но пришел я ради того, чтобы задать тебе один вопрос.

— Какой?

— Ты видишь последнее время шкипера?

Макс подумал.

— Со времени перехода — нет, не видел. А что?

— И никто не видел. Вот я и подумал, может, он проводит все время в Хитрой яме.

— Нет. Если подумать, его не было даже за столом во время обеда — по крайней мере в те разы, когда я ел в гостиной.

— Так значит, он ест в каюте.— Сэм встал.— Интересно, очень интересно. М-м... Я бы на твоем месте не распространялся на эту тему, Макс.

Когда Макс сменил Саймса, тот не сказал почти ни слова. Не разговаривали они и в дальнейшем; Саймс, за исключением кратких формальностей при передаче вахты, вел себя так, словно Макса вообще не существует. Капитан на посту управления не показывался. Несколько раз Макс был уже готов спросить про это Келли, но каждый раз решал воздержаться. Однако по кораблю ползли слухи — капитан болен, капитан находится в коме, Вальтер и главный врач освободили его от исполнения обязанностей, капитан не отходит от письменного стола, разрабатывая новый, удивительный способ вернуть корабль туда, где ему надлежит быть.

К этому времени все уже осознали, что корабль заблудился, но время истерик кончилось; пассажиры и команда были спокойны, и, похоже, все были согласны с тем, что решение встать на орбиту вокруг звезды солнечного типа, к которой они двигались, было единственно разумным. Они подошли уже достаточно близко, чтобы обнаружить у этой звезды планеты — конечно же, никто еще не видел звезду G-класса без планет, но все равно крошечные пятнышки на фотопластинке вызвали всеобщий энтузиазм.

Выбор пришлось делать между третьей и четвертой планетами. Болометрические измерения показали, что температура поверхности звезды немного превышает шесть тысяч градусов по Кельвину, что вполне согласовывалось с ее спектром; это только чуть больше, чем у родного солнца. Вычисленные температуры поверхности третьей и четвертой планет показывали возможность того, что третья может оказаться неприятно жаркой, в то время как четвертая может быть замерзшей. И у той и у другой были обнаружены атмосферы. Быстрый облет их по гиперболической орбите разрешил этот вопрос. Болометр показал, что на третьей чрезмерно жарко и даже на четвертой климат близок к тропическому. У четвертой была луна — еще одно ее преимущество перед третьей, так как период обращения спутника давал легкий способ определить массу планеты. Исходя из этой массы и видимых размеров планеты силу тяготения на ее поверхности можно было вычислить по классической Ньютоновой формуле. Результат был — девяносто три процента от тя-

готения на поверхности Земли, величина удобная и несколько неожиданно низкая, принимая во внимание, что диаметр планеты превышал десять тысяч миль. Спектры поглощения показывали присутствие в атмосфере кислорода и нескольких инертных газов.

Саймс, ассистируемый Келли, вывел «Асгард» для удобства осмотра планеты на полярную орбиту — Максу, как обычно, осталось только кусать себе пальцы.

Капитан не пришел на пост управления даже во время этого маневра.

Они болтались по орбите, постоянно исследуя свой будущий дом с поста управления и рассматривая его сквозь иллюминаторы гостиной. Именно здесь, в гостиной, Элли наконец и настигла Макса. Он почти не видел ее во время приближения к планете. Во-первых, был слишком занят и слишком измотан попеременными вахтами, а во-вторых, слишком много было у него на уме такого, что не хотелось говорить, а она сумела бы вытащить из него все. Однако, как только корабль вышел на орбиту и двигатели были выключены, согласно обычным правилам Саймс мог разрешить рядовым нести вахту — что он и сделал, приказав Максу держаться подальше от поста управления.

Макс не мог устоять перед завораживающим зрелищем незнакомой планеты, он вместе с пассажирами не отходил от иллюминаторов гостиной. Тут он как раз и торчал, глядя через чужие плечи, когда кто-то ухватил его за руку.

— И где же мы все это время были?

— Работал.

Он протянул руку и погладил Чипси; паукообразный щенок перепрыгнул ему на плечо и начал шарить у него по карманам.

— Ерунда. Не все же время ты работаешь. Да знаешь ли ты, что только за последнюю неделю я послала в твою каюту девять записок?

Макс знал. Он сберег все записки, но отвечать не стал.

— Прости.

— Он еще говорит «прости»! Ну да ладно. Макс, расскажи мне все про эти дела.— Она повернулась и бросила взгляд в иллюминатор.— Как ее назвали? На ней кто-нибудь живет? Где мы собираемся приземлиться? Макс, правда же, это здорово?

— Да никак ее еще не назвали — мы называем ее просто «планета», или «четвертая». Келли хочет назвать ее «Хендрикс». Саймс чего-то крутит. Я думаю, он хотел бы дать ей свое собственное имя. А капитан, насколько я знаю, не принял еще никакого решения.

— Ее нужно назвать «Вера», или «Надежда», или как-нибудь в этом роде. А где капитан, Макс, я ведь столько дней уже не видела старого лапушку!

— Он работает. Ты же понимаешь, в эти дни у него очень много работы.— Макс подумал про себя, что это уклонение от ответа вполне может быть и правдой.— А что касается других твоих вопросов, то мы не заметили никаких признаков городов или вообще чего-либо, похожего на цивилизацию.

— А что ты имеешь в виду под «цивилизацией»? Надеюсь, не уйму старых грязных городов?

Макс поскреб в затылке и улыбнулся.

— Вот тут ты меня и поймала. Только я не понимаю, как может существовать цивилизация, что бы ни обозначало это слово, без городов.

— А почему нет? У пчел есть города, у муравьев есть города, у челавебов есть города. И никто из них не цивилизован. Легко могу себе представить хорошенькую такую цивилизацию, которая будет сидеть на деревьях, петь песенки и предаваться прекрасным размышлениям.

— И что, этого ты и хочешь?

— Нет, я бы умерла со скуки. Но могу же я думать о таком, правда? Ты не сказал мне, когда мы будем садиться.

— Я не знаю. Когда решат, что это не опасно.

— Поторопились бы они. Это же потрясающе, правда? Вроде Робинзона Крузо или швейцарского семейства Робинзонов — я их всегда путаю. Или вроде первых людей на Венере.

— Они погибли.

— Ну да. Но ведь мы-то же не погибнем на...— Элли взмахом руки указала на красивый зеленый с синим и облачно-белым шар за иллюминатором,— на Надежде, я буду называть ее так.

Макс рассудительно сказал:

— Элли, как ты не понимаешь, что все это очень серьезно? — Он говорил тихо, чтобы не потревожить окружающих.— Это не прогу-

лочка. Если планета окажется непригодной, положение может стать довольно трудным.

— Почему?

— Слушай, ты на меня не ссылайся, да и вообще говори об этом поменьше. Только я не думаю, чтобы кто-нибудь из нас вернулся домой.

Она мгновенно посерьезнела, потом пожала плечами и улыбнулась.

— Тоже мне, испугал. Ясное дело, я хотела бы домой — но если уж этого нельзя сделать, Надежда будет добра к нам. Я точно знаю.

Макс смолк.

Глава 16
«...БОЛЬШЕ СОТНИ ЛЕТ»

«Асгард» совершил посадку на Надежде на следующий день. Элдрет сумела закрепить это имя за планетой, повторяя его на каждом шагу, словно оно уже было официально принято.

Когда стало известно, что посадка корабля начнется в полдень по корабельному времени, Макс пошел на пост управления, так как сам решил, что имеет полное право присутствовать. Саймс поглядел на него довольно кисло, однако не сказал ни слова — по понятной причине: из-за присутствия капитана Блейна.

Вид капитана просто потряс Макса. Со времени неудачного скачка он постарел на добрые десять, а то и пятнадцать лет. Место обычного его веселого, приветливого выражения лица заняло другое, которому Макс не сразу даже смог подобрать определение — пока не вспомнил, что встречал такое у лошадей, слишком старых, чтобы работать, но продолжающих работать,— опущенная голова, глаза тусклые, невыразительные, смирившиеся с невыносимой, но неизбежной судьбой. Старческая кожа лица висела складками, словно он не ел много дней, а то и недель. Было похоже, что происходящее вокруг мало его интересует.

За все время маневра он заговорил лишь раз. Перед самым наступлением полдня Саймс, сидевший склонившись над пультом, выпрямился и бросил взгляд на шкипера. Блейн поднял голову и произнес хриплым шепотом:

— Сажайте его, мистер.

Имперский военный корабль перед посадкой в незнакомом месте обычно спускает автоматический радарный маяк, а затем наводится на этот маяк сам. Но «Асгард» был коммерческим кораблем; он не должен был садиться нигде, кроме космопортов, оборудованных маяками и прочими вспомогательными средствами. Поэтому посадка была проведена вслепую, по предварительному расчету, при помощи радара и автоматического управления. Место для посадки было выбрано по фотоснимкам, в широкой долине. По большей части планета была покрыта густыми лесами, так что выбора было мало.

Саймс являл собой картину искусного, осторожного пилота, руки его лежали на рукоятках управления, он не отрывал глаз от экрана радара, по которому плыло изображение лежащей внизу местности, в то время как над экраном были прикреплены фотографии — визуальные и радарные — места посадки, для сравнения. Снижение прошло без всяких случайностей; усыпанное звездами небо сменилось темно-пурпурным, затем голубым. На корабле не шевельнулась ни одна чашка, так как локальное тяготение внутри его Хорстовского поля ограждало от воздействия любого внешнего ускорения. Макс понял, что они уже сели, только по тому, что Саймс выпустил опорные фермы, которые должны были удерживать корабль в вертикальном положении.

Саймс сказал в микрофон:

— Машинное отделение, заглушить силовую установку и запустить вспомогательные системы. Всей команде работать, руководствуясь первой частью наземной процедуры.— Он повернулся к Блейну.— Сели, капитан.

Губы Блейна с трудом проговорили слова:

— Очень хорошо, сэр.— Он встал и поплелся к люку.

Когда капитан ушел, Саймс приказал:

— Ланди, заступите на наблюдательную вахту. Остальным — очистить помещение!

Макс спустился вместе с Келли. Когда они достигли палубы А, Макс неохотно проговорил:

— Должен признать, это была отличная посадка.

— Спасибо,— сказал Келли.

Макс взглянул на него.

— Так это ты ее рассчитывал?

— Этого я не говорил. Я сказал только «спасибо».

— Так? Ну что ж, не стоит благодарности.— Макс почувствовал вдруг, как вес его запульсировал, а потом немного уменьшился.— Они отключили поле. Вот теперь мы и вправду сели.

Он как раз собирался пригласить Келли в свою каюту на все тот же кофе, когда по корабельным громкоговорителям прозвучало:

— Всем членам команды! Всем пассажирам! Явиться в гостиную палубы В для важного сообщения. Занятым на вахте приказываю слушать по телефону.

— Что там еще такое? — удивился Макс.

— Чего загадывать? Послушаем и узнаем.

Гостиная была переполнена пассажирами и членами экипажа. Первый помощник Вальтер стоял у капитанского стола, глазами пересчитывая собравшуюся толпу. Макс заметил, как он что-то сказал Беннету, после чего тот кивнул и быстро исчез. Большой иллюминатор находился на противоположной от Макса стороне гостиной. Он поднялся на цыпочки, но не увидел ничего, кроме вершин гор и голубого неба.

Шум в зале немного стих; Макс оглянулся и увидел капитана, идущего сквозь толпу вслед за Беннетом. Капитан подошел к столу и сел; первый помощник бросил на него взгляд и громко кашлянул.

— Тишина, пожалуйста.

Затем он продолжил:

— Я собрал вас всех потому, что капитан хочет сделать заявление.— Вальтер замолк и почтительно отступил в сторону.

Капитан Блейн медленно встал и огляделся по сторонам. Макс увидел, как он распрямил свои исхудавшие плечи и поднял голову.

— Люди,— произнес капитан, и голос его неожиданно прозвучал громко и уверенно.— Друзья и гости,— продолжил он, заметно тише. Зал замер, Максу было даже слышно, как с трудом дышит капитан.— Я провел вас... Я провел вас, сколько смог.— Его голос ослабел, а потом и совсем стих. Он долго смотрел на них молча, с дрожащим ртом. Казалось уже, что у него не хватит сил продолжать. Присутствующие зашептались.

Но Блейн все-таки заговорил снова, и все мгновенно стихли.

— Мне надо сказать вам еще кое-что,— начал он и замолк. На этот раз молчание продолжалось дольше, а когда он нарушил его, голос его звучал чуть громче шепота.— Простите меня. Храни вас бог.— Он повернулся и направился к двери.

Беннет неслышно появился впереди него. Макс услышал его тихий и решительный голос:

— На трапе! Пропустите капитана.

До ухода капитана ни один человек не проронил ни слова, только одна женщина рядом с Максом начала тихо всхлипывать.

В это время зазвучал громкий, ясный голос мистера Вальтера:

— Не расходитесь! У меня есть дополнительные объявления! — В его манере говорить не было и следа неуверенности капитана.— Подошло время окончательно разобраться в создавшемся положении. Как все вы можете видеть, эта планета очень похожа на нашу Землю. Конечно же, будут взяты пробы, чтобы увериться в том, что воздух здесь пригоден для дыхания, и все прочее: врач и старший механик заняты этим в настоящий момент. Но уже сейчас создается впечатление, что эта новая планета окажется в высшей степени подходящей для людей, возможно, даже более подходящей, чем Земля.

Пока не было обнаружено никаких указаний на наличие здесь цивилизации. В целом, это тоже к лучшему. Теперь о наших ресурсах. На «Асгарде» находятся разнообразные домашние животные, они очень пригодятся, и их надо беречь, как племенное стадо. Еще больше у нас различных полезных растений, как на гидропонических плантациях в корабле, так и в виде семян. У нас имеется не очень большой, но достаточный набор инструментов. И, что самое важное, корабельная библиотека дает прекрасный поперечный срез всей земной культуры. В равной степени важно и то, что мы сами обладаем своими умениями и традициями...

— Мистер Вальтер!

— Да, мистер Хорнби?

— Вы хотите сказать, что собираетесь бросить нас здесь?

Вальтер холодно поглядел на него.

— Нет, никто не будет, как вы это назвали, «брошен». Вы можете остаться на корабле, и к вам будут относиться, как к гостю, пока жив «Асгард» — или вы сами. Или пока корабль не достигнет пункта, означенного в вашем билете. Если только он это когда-либо сумеет сде-

лать. Нет, я просто попытался спокойно обсудить то, что, собственно говоря, известно вам всем — то, что наш корабль заблудился.

По залу пронесся еле слышный вздох. Что корабль заблудился, все знали, но до настоящего момента это не было признано официально. Прямое, не оставлявшее места для сомнений, заявление авторитетного офицера прозвучало как приговор.

— Теперь позвольте мне рассмотреть положение с точки зрения закона,— продолжил мистер Вальтер.— Пока наш корабль находился в космосе, вы, как его пассажиры, в соответствии с законом были обязаны подчиняться капитану, а также мне и прочим офицерам, выступавшим от его имени. Теперь мы совершили посадку. Вы имеете право совершенно свободно уйти, а можете, если желаете, остаться. С юридической точки зрения это незапланированная стоянка; если корабль когда-либо взлетит отсюда, вы можете вернуться на него и продолжить полет как пассажиры. Это моя обязанность перед вами, и я ее выполню. Но я прямо и откровенно вам говорю, что в настоящий момент у меня нет ни малейшей надежды на то, что мы когда-либо отсюда выберемся,— почему и встал вопрос о колонизации. Мы заблудились.

Где-то в глубине зала одна из женщин залилась вдруг истерическим воплем, выкрикивая бессвязные слова:

— ...Домой! Я хочу домой! Пустите меня...

Голос Вальтера прорезал шум, поднявшийся в зале:

— Дюмон! Флэннигэн! Выведите ее. Отведите ее к врачу.

Потом он продолжил, словно ничего не случилось.

— Корабль и его команда окажут необходимую помощь, в размерах, соответствующих моей ответственности за поддержание корабля в рабочем состоянии, тем из вас, кто захочет заняться колонизацией планеты. Я лично думаю, что...

— Зачем эти разговоры о «законе»? — выкрикнул кто-то.— Здесь нет законов.

Вальтер даже не повысил голоса.

— Законы, конечно же, есть. Пока этот корабль находится в эксплуатации, законы на нем есть, в скольких бы световых годах ни находились мы от порта его приписки. Далее, хотя я не обладаю властью над теми из вас, кто пожелает покинуть корабль, я настоятельно вам советую по выходе на поверхность самым первым делом созвать

общее собрание, избрать руководителей и создать конституционное правительство. Я очень сомневаюсь, что в противном случае вы сумеете выжить.

— Мистер Вальтер!

— Да, мистер Дайглер?

— Конечно же, сейчас не время для обвинений...

— Конечно.

Дайглер криво улыбнулся.

— Поэтому я и не буду ими заниматься, хотя некоторые и вертятся на языке. Но так уж случилось, что я знаю кое-что по вопросу экономики колонизации профессионально.

— Очень хорошо. Мы обязательно используем ваши познания.

— Вы позволите мне закончить? Первый и основной принцип ведения дел в колонии, отрезанной от источников снабжения,— это сделать ее достаточно большой. Это просто вопрос статистики, слишком маленькая колония может погибнуть от какой-либо мелкой неполадки. Это все равно что играть в кости, имея слишком мало в кармане: три раза подряд неудача, и тебе конец. Глядя вокруг, я с очевидностью понимаю, что мы имеем гораздо меньше оптимального минимума. Если уж быть точным...

— Это все, что у нас есть, мистер Дайглер.

— Я понимаю. Я не любитель предаваться бесплодным мечтаниям. Я хочу знать следующее: можем ли мы рассчитывать также и на команду?

Мистер Вальтер покачал головой.

— Этот корабль не будет выведен из эксплуатации, пока есть люди, способные на нем работать. Всегда остается надежда, как бы она ни была мала, что мы найдем путь домой. Не исключено даже, что нас найдет какой-либо имперский разведывательный корабль. Мне жаль так отвечать, но — нет.

— Я спросил не совсем про это. Я находился в своих рассуждениях на пару шагов впереди вас. Было вполне очевидно, что вы не разрешите команде заняться колонизацией. Но все-таки можем мы рассчитывать на их помощь? У нас, похоже, имеется шесть женщин — одной больше, одной меньше,— которые, вероятно, помогут нашей расе не исчезнуть здесь. Это значит, что следующее поколение нашей новой нации будет значительно меньше. Такая колония

потухнет, просто по статистической вероятности, если только каждый работоспособный мужчина не будет работать по десять часов в день весь остаток своей жизни, просто для того, чтобы дать нашим детям лучшие шансы выжить. Я лично не имею ничего против этого, если только все мы вместе предпримем такую попытку. Но для того чтобы быть уверенными, что эти молодые люди, которые еще и не родились, будут живы через тридцать лет, потребуется вся наша рабочая сила. Так поможет нам команда?

Мистер Вальтер спокойно сказал:

— Я думаю, что вы можете на это рассчитывать.

— Рад это слышать.

Маленький человек с красным лицом, имени которого Макс не знал, прервал их.

— Какого черта «рад слышать». Да я сам лично возбужу судебное преследование против офицеров корабля. Я буду кричать со всех...

Макс заметил, как Сэм тихо проскользнул сквозь толпу к говорившему, после чего тот резко смолк.

— Отведите его к врачу,— устало сказал мистер Вальтер.— Он успеет подать на нас в суд завтра. Собрание закончено.

Макс направился в свою каюту, но его тут же поймала Элдрет.

— Макс! Я хочу с тобой поговорить.

— Хорошо.— Он направился назад в гостиную.

— Нет, я хочу поговорить с глазу на глаз. Пошли в твою каюту.

— Да? Миссис Дюмон, если узнает, совсем выйдет из себя, да еще расскажет мистеру Вальтеру.

— А, к чертовой матери их обоих. Всем этим дурацким правилам теперь конец. Ты что, ничего не слышал на собрании?

— Похоже, это ты не слышала.

Он крепко взял ее за руку и повернул в сторону гостиной. Они наткнулись на мистера и миссис Дайглер, шедших им навстречу.

Дайглер сказал:

— Макс? Ты занят?

— Да,— ответила Элдрет.

— Нет,— ответил Макс.

— Хм... Вы бы решили вопрос голосованием. Я хотел бы кое о чем спросить Макса. У меня нет никаких возражений, чтобы и вы

при этом присутствовали, Элдрет, если только вы простите, что я вам помешал.

Она пожала плечами.

— Ладно, может быть, вы сумеете как-нибудь с ним сладить. Я не могу.

Они отправились в каюту Дайглеров, более вместительную и роскошную, чем каюта Макса. В ней были даже два стула. Женщины пристроились на кровати, мужчины поделили между собой стулья. Дайглер начал:

— Макс, вы производите на меня впечатление человека, предпочитающего прямой ответ всяким увиливаниям. Есть некоторые вещи, которые я хотел бы знать, но не хотел о них спрашивать там. Может быть, вы сможете мне помочь.

— Хорошо, если только это будет в моих силах.

— Отлично. Я попытался уже спросить мистера Саймса, но не получил от него ничего, кроме вежливого отказа. Я не сумел повидаться с капитаном, а после сегодняшнего я вижу, что все равно в этом не было большого смысла. Так вот, можете ли вы, не залезая во всю эту математику, сказать мне, какой у нас есть шанс попасть домой? Один из трех, один из тысячи — или сколько?

— Хм, я не смогу ответить в таких терминах.

— Ответьте тогда, как вы сами это понимаете.

— Ну, можно сказать так. Мы не знаем, где мы находимся, но зато совершенно точно понимаем, где мы не находимся. Мы не находимся на расстоянии, скажем, в сотню световых лет от любой из исследованных областей нашей Галактики.

— Откуда вы это знаете? Мне казалось, что сотня световых лет — это слишком большое пространство, чтобы его исследовать за те несколько недель, которые прошли с того времени, как мы сбились с пути.

— Конечно же, это очень большое пространство. Это сфера поперечником в двенадцать сотен триллионов миль. Но нам и не нужно было его исследовать, точнее — тщательно исследовать.

— В таком случае — откуда же вы знаете?

— Понимаете, сэр, мы исследовали спектры всех видимых нам звезд до первой величины — и уйму всего другого. Ни одной из них нет в наших каталогах. Некоторые из них — гиганты, которые должны иметь первую величину с расстояния в сотню световых лет,— они-то наверняка были бы в каталогах, если бы какой-нибудь из

разведывательных кораблей как раз оказался на таком расстоянии от них. Поэтому мы абсолютно уверены, что находимся очень, очень далеко от любого места, где человек бывал раньше. Если уж говорить точно, я был чересчур осторожен в своей оценке. Сделайте эту сферу в два раза больше по диаметру, и все равно оценка будет очень осторожной. Мы и вправду заблудились.

— М-м... Хорошо, что я не стал спрашивать об этом в гостиной. Так есть все-таки хоть какая-нибудь вероятность, что мы когда-нибудь узнаем, куда мы попали?

— О, конечно же. Остались еще тысячи звезд, которые можно исследовать. Шеф Келли, вполне вероятно, в эту самую минуту снимает одну из них.

— Ну, в таком случае каковы же шансы на то, что в конце концов мы определимся?

— О, я бы сказал, что они очень велики — за год, самое большее — за два. Если не по одиночным звездам, то по шаровым звездным скоплениям. Вы же понимаете, что поперечник Галактики что-то около сотни тысяч световых лет, и мы видим только те звезды, которые близки к нам. Но шаровые скопления тоже представляют собой отличные ориентиры.— Про себя Макс сделал оговорку: «Если только мы не в другой Галактике». Не было смысла в том, чтобы сваливать на них еще и это.

Дайглер немного расслабился и вытащил сигару.

— Это последняя моего любимого сорта, но я уж рискну выкурить ее сейчас. Ну что ж, Мэгги, похоже, тебе все-таки не придется учиться делать мыло из древесной золы и свиного навоза. Один это будет год или целых пять, но мы можем попотеть это время, а потом отправиться домой.

— Я очень рада,— она потрогала свою причудливую прическу кончиками мягких, прелестных, ухоженных пальцев.— Не думаю, чтобы я очень подошла для такого дела.

— Но вы же меня не поняли!

— Э? А что там еще, Макс?

— Я же не сказал, что мы можем вернуться. Я только сказал, что, по моему мнению, очень вероятно, что мы выясним, куда мы попали.

— А в чем же тут разница? Мы узнаем это, а потом отправимся домой.

— Нет, потому что мы никак не можем быть в менее чем сотне световых лет от исследованного пространства.

— Не понимаю, в чем тут заковыка. Этот корабль может в долю секунды перескочить сотню световых лет. Какой там был самый большой скачок за время этого рейса? Около пятисот световых лет, ведь правда?

— Да, но...— Макс повернулся к Элдрет.— А вы понимаете? Правда понимаете?

— Ну, может быть. Это все эти истории со сложенным шарфом, которые вы мне рассказывали.

— Да, конечно, да. Мистер Дайглер, конечно же, «Асгард» может покрыть расстояние в пять сотен световых лет практически мгновенно — да и любое другое расстояние. Но только через рассчитанные и исследованные конгруэнтности. Мы не знаем ни одной в радиусе сотни световых лет и не будем знать о такой конгруэнтности, даже если выясним, где находимся, потому что мы же *знаем, где мы не находимся*. Вы понимаете? Это обозначает, что нашему кораблю потребуется идти на максимальной скорости больше сотни лет, а может — и значительно дольше для того, чтобы пройти первый участок обратного пути.

Мистер Дайглер задумчиво оглядел столбик пепла на конце своей сигары, потом вынул перочинный ножик и аккуратно отрезал горящий кончик.

— Пожалуй, остальное я сэкономлю. И знаешь, Мэгги, ты бы, пожалуй, подучилась бы насчет этого мыла.

— Спасибо, Макс. Мой отец был фермером, я смогу научиться.

Макс порывисто сказал:

— Я помогу вам, сэр.

— Да, конечно, вы же рассказывали нам, что были раньше фермером, не правда ли? У вас-то все будет в порядке.— Он перевел взгляд на Элдрет.— Вы знаете, ребята, что бы я сделал на вашем месте? Я бы попросил капитана поженить вас прямо сейчас. Вот тогда у вас все будет как надо для того, чтобы хорошо справиться с жизнью поселенцев.

Макс покраснел до ушей и не смотрел на Элли.

— Боюсь, что я не могу. Я же член команды, я не имею права становиться поселенцем.

Мистер Дайглер с любопытством посмотрел на него.

— Какая преданность долгу! Ну что ж, без всяких сомнений, Элли сможет выбирать по своему желанию среди холостых пассажиров.

Элдрет с притворной скромностью расправила свою юбку.

— Без всяких сомнений.

— Пошли, Мэгги. Вы идете, Элдрет?

Глава 17
НАДЕЖДА

Уже через несколько недель в поселке жизнь била ключом. Был свой мэр, мистер Дайглер, своя главная улица — Хендрикс-авеню. Состоялось даже первое бракосочетание, проведенное мэром в присутствии свидетелей из поселенцев,— молодоженами были мистер Артур и маленькая Бекки Вебербаур. Первый дом, находившийся в процессе постройки, был заранее отведен для новобрачных. Это была бревенчатая хижина, сооружение не слишком аккуратное, так как, хотя среди поселенцев и нашлись видевшие бревенчатые дома на картинках или даже в натуре, практического опыта строительства ни у кого из них не было.

В новорожденной общине царил дух надежды, всеобщей отваги и даже веселья. Мысли о том, чтобы «начать жизнь с чистой страницы», и далеко идущие планы переполняли поселенцев. Спали они все еще на корабле, там же и завтракали, затем захватывали с собой обед и неутомимо трудились, как мужчины, так и женщины, весь здешний день напролет. День был коротковат, Надежда обращалась вокруг своей оси за двадцать один с минутами час. Возвращались, когда совсем темнело, ужинали на корабле, а потом некоторые даже находили откуда-то силы потанцевать немного перед сном.

Создавалось впечатление, что Надежда полностью оправдывает свое имя. Дни здесь были теплыми, но не жаркими, а умеренно прохладные ночи сопровождались фантастическими, невиданными в Галактике небесными спектаклями. Центральную звезду системы (поселенцы называли ее попросту «Солнце») окружали кометы в количестве почти невероятном. Гигантская комета с

широченным хвостом простиралась от зенита до горизонта на западе, нацеливаясь прямо в здешнее солнце. Другая, не столь грандиозная, однако тоже внушающая почтение в достаточной степени, чтобы, будь это на Земле, переполошить всех прорицателей конца света, приближалась с севера, а еще две кружевом холодного огня украшали небосклон на юге.

Кометам сопутствовало, как то и должно быть, такое же изобилие метеоров. Каждая ночь была ливнем падучих звезд, каждый день заканчивался, подобно Дню Солнечного Союза, грандиозным фейерверком.

И никаких опасных животных. Кое-кто из поселенцев рассказывал, что им встречались кентаврообразные существа размером с шетлендского пони однако эти животные были пугливыми и, увидев людей, сразу же убегали. Преобладали в местной фауне сумчатые млекопитающие самых разнообразных форм и размеров. Птиц не было, однако имелась совсем иная разновидность летающих существ, не встречавшаяся ранее нигде,— медузообразные твари, четыре-пять футов в поперечнике, со свисающими вниз щупальцами — нечто вроде живых воздушных шаров. Они, похоже, были способны с помощью мускулатуры управлять своими раздутыми пузырями, так как они могли подниматься и опускаться. Каким-то непонятным образом эти пузыри могли даже летать против слабого ветерка — при более сильном ветре они либо прицеплялись к верхушкам деревьев, либо свободно дрейфовали.

Их, похоже, заинтересовал поселок — пузыри висели над работавшими людьми, медленно поворачиваясь, словно хотели разглядеть все получше. Некоторые из поселенцев хотели подстрелить одно из этих существ, чтобы покопаться в их внутренностях, но мэр Дайглер запретил это делать. Была еще одна разновидность животных — *видимо*, была. Их называли шпионами, потому что люди видели только, как нечто мгновенно скрывалось за валуном или стволом дерева, при первой же попытке рассмотреть это нечто. В компании вездесущих воздушных шаров и полумифических шпионов поселенцы ощущали, что их соседи проявляют большой, однако не враждебный интерес к тому, чем они тут занимаются.

Мэгги Дайглер — теперь все называли ее просто Мэгги — убрала свои драгоценности, обзавелась на корабельном складе комби-

незоном и коротко обстригла волосы. Ногти ее теперь были короткими и постоянно имели черный ободок грязи. Зато выглядеть она стала значительно моложе и была вполне довольна жизнью.

Если уж так говорить, жизнью были довольны все, за исключением Макса.

Элли избегала его. Он днем и ночью проклинал себя и свой язык. Конечно же, Дайглер заговорил не вовремя и не по делу, но это еще не причина, чтобы он, Макс, открывал рот и высказывал то, что думает. Ясное дело, он никогда не собирался жениться на Элли, но какого черта, ведь, может быть, они застряли здесь навсегда. Не «может быть», а «скорее всего», поправил он себя. Со временем запрещение присоединяться к поселенцам будет снято — а в таком случае какой смысл иметь плохие отношения с единственной подходящей девушкой в округе?

Астронавигатор, конечно, должен быть холостяком, но фермеру нужна жена. Хорошо же, чтобы кто-нибудь готовил салат и потрошил куренка, пока ты выкладываешься в поле. Уж он-то должен бы понимать это — Мамочка очень часто пренебрегала такими делами. Но Элли не будет вроде Мамочки. Она была сильной и практичной, ей только чуть подучиться, и все будет как надо.

А к тому же она была, пожалуй, самой хорошенькой девушкой, какую он только видел в жизни, конечно, если к ней присмотреться.

Когда мистер и миссис Дюмон, по особому разрешению, присоединились к поселенцам, он решил, что пришло время действовать. Так как на корабле, лишенном пассажиров, эконому и экономке работы не остается, их уход не мог вызвать никаких обоснованных возражений; это подсказало Максу, с какой стороны зайти. Он отправился к первому помощнику.

— Стажер Джонс, сэр.

Вальтер бросил на него сумрачный взгляд.

— Я бы, пожалуй, на вашем месте сказал «ассистент астронавигатор Джонс». Это было бы ближе к действительности. Так что там у вас?

— Да я, пожалуй, как раз про это и хотел поговорить с вами, сэр.

— Да? А что?

— Я хочу вернуться к своим первоначальным обязанностям.

— Как? Чего это ради вам больше хочется быть картографом, чем астронавигатором? Да и какая вам разница — сейчас?

— Нет, сэр. Я желал бы возобновить исполнение моих обязанностей третьего помощника эконома.

Вальтер выглядел крайне пораженным.

— Для этого, видимо, должны быть какие-то причины. Объясните, пожалуйста.

Заикаясь и запинаясь, Макс в конце концов рассказал о своих отношениях с Саймсом. Он старался быть честным и закончил рассказ с неприятным ощущением, что все это звучало очень по-детски.

— Вы это точно говорите? — усомнился Вальтер.— Мистер Саймс ничего мне про вас не говорил.

— Да он и не станет, сэр. Но все это правда. Да хоть у Келли можете спросить.

Вальтер немного подумал.

— Мистер Джонс, я бы не придавал этому слишком большого значения. В вашем возрасте такие конфликты зачастую кажутся более серьезными, чем они того заслуживают. Я бы вам посоветовал забыть про все это и продолжать работать. А я поговорю с Саймсом насчет того, что он не пускает вас на пост управления. Это нехорошо, и я узнал об этом с крайним удивлением.

— Нет, сэр.

— Что «нет, сэр»?

— Я хочу снова быть помощником эконома.

— Почему? Я что-то вас не понимаю.

— Это потому, что я хотел бы присоединиться к поселенцам. Как главный эконом Дюмон.

— О... Вот теперь наконец-то забрезжил какой-то свет. Нет! Ни в коем случае, нет! Ни при каких обстоятельствах.— Для подкрепления своих слов Вальтер даже ударил ладонью по столу.

— Сэр?

— Поймите меня, пожалуйста, правильно. Это никакая не дискриминация. Если бы вы были просто парнем из команды эконома и не больше, я рассмотрел бы вашу просьбу — принимая во внимание особые обстоятельства, которые, по моему мнению, в данном случае имеются. Но вы — астронавигатор. Вы же знаете, в каком положении мы находимся. Доктор Хендрикс умер. Капитан Блейн — ну, вы же видели его сами. Он, может, и оправится, но рассчитывать на это я не могу. Мистер Джонс, пока остается хоть малейшая надеж-

да на то, что этот корабль когда-либо снова поднимется, пока у нас будет команда, могущая его вести, ни один астронавигатор, ни один картограф, ни один вычислитель ни при каких условиях не будет освобожден от исполнения своих обязанностей. Вы меня понимаете, не правда ли?

— Думаю, да, сэр. Что ж, есть, сэр.

— Ну и хорошо. И еще, вы никому не рассказывайте про это, но как только колония сможет некоторое время обойтись без нас, я собираюсь вывести корабль на орбиту, чтобы вы, специалисты, смогли заняться поисками. Вам же трудно работать через атмосферу, верно?

— Да, сэр. Наши приборы приспособлены для работы в открытом космосе.

— Ну вот мы и постараемся его вам предоставить.— Помолчав, первый помощник добавил: — Мистер Джонс — вас ведь зовут Максом, верно? Разрешите мне поговорить с вами, как мужчина с мужчиной.

— Э? Конечно, сэр.

— М-м... Макс, я, конечно же, лезу не в свое дело, но постарайтесь отнестись к моим словам, как к отцовскому совету. Если у вас появилась возможность жениться, и вы хотите это сделать — вам же совсем не обязательно для этого переходить в поселок. Если мы здесь застрянем, в конечном итоге не будет иметь значения, член вы команды или полноправный поселенец. Ну а если мы улетим отсюда, жена отправится с вами.

Уши у Макса горели. Он не мог придумать никакого ответа.

— Конечно же, я говорю совершенно гипотетично. Но это дает вполне разумное решение вашей проблемы.— Вальтер поднялся.— А почему бы вам не взять выходной? Идите погуляйте, или что там. Свежий воздух пойдет вам на пользу. А с мистером Саймсом я поговорю.

Вместо этого Макс отправился на поиски Сэма, не нашел его на корабле и выяснил, что тот сошел на поверхность. Макс отправился следом за ним в поселок, заложенный в полумиле от корабля.

Не успел он подойти к строящемуся дому, как увидел, что от бригады, трудившейся там, отделилась одна фигура. Вскоре он разобрал, что это Элдрет. Она остановилась перед ним — маленькая

крепкая фигурка в грязном комбинезоне и уперлась кулачками в бедра.

— Приветик, Элли.

— Так ты что, опять за старое? Избегаешь меня? Объясни, пожалуйста, свое поведение.

От несправедливости такого обвинения он даже стал заикаться.

— Но... Да ты послушай, Элли, это же все совсем не так. Это же ты все время...

— Вот я сразу тебе и поверила. Ты похож сейчас на Чипси, когда ее поймаешь ворующей конфеты из конфетницы. Я хотела только сообщить вам, неуступчивый вы Дон Жуан, что беспокоиться вам пока не о чем. В этот сезон я не собираюсь ни за кого выходить замуж. Так что можете вернуться к своему обычному непостоянству.

— Да послушай, Элли...— начал он с отчаянием.

— Вы желаете, чтобы я подтвердила это в письменной форме? Взяла на себя обязательство? — Она яростно поглядела на него, а затем, сморщив носик, расхохоталась.— Ох, Макс, чурка ты здоровенная, ты всегда вызываешь во мне извечное материнское чувство. Когда ты расстраиваешься, лицо у тебя становится длинным, как у мула. Послушай, забудь про все это.

— А как же, Элли... Ладно, все в порядке.

— Друзья?

— Друзья.

— Ну вот,— вздохнула она,— так-то лучше. Не знаю почему, но я очень не люблю, когда с тобой поссорюсь. Ты сейчас куда?

— Да никуда особенно. Просто гуляю.

— Ну и хорошо. И я тоже пройдусь. Подожди секунду, пока я захвачу Чипси.— Она повернулась и позвала: — Мистер Чипс! Чипси!

— Чего-то я ее не вижу.

— Сейчас я ее возьму.— Элли убежала и вскоре вернулась с паукообразным щенком на плече и со свертком в руке.— Я прихватила заодно и свой обед. Мы можем поделиться.

— Да мы же не будем так долго гулять. Привет, Чипси.

— Привет, Макс. Конфета?

Он залез в карман и вытащил оттуда кусочек сахару, отложенный несколько дней тому назад как раз для этой цели; паукообразный щенок с невероятной серьезностью принял его и сказал:

— Благодарю вас.

— Да, как раз будем,— возразила Элли,— тут кто-то видел стадо этих кентавровых пони на той стороне того хребта. Дотуда порядочно.

— Что-то не знаю я, стоит ли заходить так далеко,— сказал он с сомнением в голосе.— Они не начнут тебя искать?

— Я свою норму выполняю. Хочешь посмотреть на мозоли? — Она сунула ему под нос свою грязную лапку.— Я сказала мистеру Хорнби, что неожиданно почувствовала смертельное недомогание и поэтому ему придется подыскать кого-нибудь другого, чтобы держать доски, пока он заколачивает гвозди.

Макс с удовольствием сдался. Они стали понемногу подниматься, потом пошли по руслу высохшего ручья и вскоре оказались в хвойных зарослях. Мистер Чипс соскочила с плеча Элли и мгновенно вскарабкалась на дерево. Макс остановился.

— Может, нам лучше поймать ее?

— Ты слишком много беспокоишься. Чипси никуда не убежит. Она бы перепугалась до смерти. Чипси! Сюда, крошка!

Паукообразная собака пробралась сквозь сплетение ветвей, оказалась прямо над их головами, сбросила на Макса шишку и весело захихикала.

— Вот видишь? Ей же просто поиграть хочется.

Хребет был довольно высоким, и Макс обнаружил, что, летая среди звезд, порядком растерял свою выносливость горца. Сухое русло петляло, медленно поднимаясь вверх. У Макса еще оставалось достаточное количество лесных привычек, чтобы внимательно следить за направлением движения и ориентирами. В конце концов, совсем уставшие, они перевалили через хребет. Элли остановилась.

— Убежали,— сказала она разочарованно, глядя на расстилавшуюся перед ними равнину.— Нет! Гляди туда. Видишь их? Десятка два маленьких черных пятнышек.

— Угу. Да.

— Подойдем к ним поближе. Я хочу их рассмотреть.

— Не знаю, стоит ли? Мы и так уже довольно далеко от корабля, а я без оружия.

— Да они же никого не тронут.

— Я думаю о том, что еще может водиться в этом лесу.

— Да мы же уже ходили в этот лес и не видели ничего страшного, кроме этих пузырей.— Она имела в виду летучие существа, двое из которых следовали за ними вдоль сухого ручья. Люди уже так привыкли к их присутствию, что не обращали на них никакого внимания.

— Элли, пора возвращаться.

— Нет.

— Да я же за тебя отвечаю. Ты уже посмотрела на этих своих кентавров.

— Макс Джонс, я свободная гражданка. Вы можете, если желаете, идти назад, а я намерена посмотреть поближе на этих вислобрюхих кобылок.— Она направилась вниз.

— Ну что ж. Подожди секунду, я хочу запомнить ориентиры.— Он оглядел все окрестности, навсегда запечатлел картину в своем мозгу и последовал за ней. Макс старался по возможности ни в чем ей не перечить. Он постоянно думал о том, что сейчас самое время объяснить ей, почему он сказал мистеру Дайглеру то, что он тогда сказал. А может, потом непринужденно перейти к вопросу об их будущем? Он бы не хотел заходить так далеко, начав говорить с ней о браке, хотя, может, он и заговорит об этом абстрактно, если только сумеет придумать, как к этому подойти.

А как подойти к такому вопросу? Нельзя же просто сказать: «Вон там пузыри летят, давай поженимся».

Элли приостановилась.

— Вон там пузыри летят. Похоже, что они направляются прямо к стаду.

Макс нахмурился.

— Похоже. Может, они с ними разговаривают?

Она рассмеялась.

— Эти штуки? — Она внимательно оглядела его.— Макси, я только что сообразила, чего я с тобой вожусь.

— Э? — Может, она сама подведет разговор куда надо.— Почему?

— А потому, что ты мне напоминаешь Питци. У тебя такое же недоуменное выражение глаз.

— Питци? А кто такой Питци?

— Питци — это человек, из-за которого отец отослал меня на Землю, чтобы увести меня от него. Он — причина того, что я выр-

валась из трех школ и возвращаюсь на Гесперу. Да только отец, пожалуй, и его куда-нибудь отправил. Отец — хитрый. Иди сюда, Чипси. Не заходи так далеко.

Она продолжала:

— Тебе бы очень понравился Питци. Он прелесть. Чипси, прекрати.

Макс уже страстно ненавидел этого типа.

— Не хотелось бы зря тебя тревожить,— сказал он,— но отсюда еще очень далеко до Гесперы.

— Я знаю это. Но давай не будем заранее беспокоиться.— Элли снова оглядела его.— Я бы, пожалуй, записала тебя в запасные, не будь ты таким дерганым.

Не успел еще он сообразить, что бы ответить, как она снова стала спускаться. Кентавры — это было самым подходящим названием, хотя нижней своей частью они не очень напоминали лошадей, а часть, выступавшая наверх, была гуманоидной лишь отдаленно,— сгрудились у основания холма, неподалеку от деревьев. Траву они не щипали, а что делали — понять издалека было трудно. Два пузыря висели над их группой, словно из любопытства, так же, как перед этим они висели над людьми. Элли настояла на том, чтобы подойти к самому краю опушки и получше рассмотреть кентавров.

Максу они напомнили клоунов, переодетых лошадьми. У них было простоватое, глупое выражение лиц и слишком мало места в голове, чтобы вместить приличный мозг. Они явно были сумчатыми, сумки их напоминали детские слюнявчики. То ли все это были самки, то ли у самцов тоже были сумки. Несколько маленьких кентавриков носилось вокруг, проскакивая между ног старших.

Один из кентаврят заметил людей и поскакал к ним, фыркая и блея. Позади него самое большое существо из взрослых отделилось от стада, чтобы присмотреть за маленьким. Жеребенок взбежал вверх по склону и остановился футах в двадцати от людей.

— Ой, какая прелесть,— сказала Элли и, пробежав навстречу ему несколько футов, упала на одно колено.— Иди сюда, лапочка, иди к мамочке.

Макс двинулся к ней.

— Элли! Вернись сейчас же!

Большой кентавр залез в свою сумку, вытащил что-то оттуда и раскрутил вытащенное над головой, как лассо.

— Элли!

Он добрался до Элли как раз в тот момент, когда кентавр отпустил свою веревку. Она хлестнула их, обмоталась вокруг и намертво сжала. Элли вскрикнула, а Макс изо всех сил старался освободиться, но бесполезно, они были опутаны, подобно Лаокоону.

В воздухе мелькнула еще одна веревка и тоже прилипла к ним. И еще одна.

Мистер Чипс бежала вслед за Элли. Теперь она с визгом бросилась прочь. На краю опушки она остановилась и высоким, резким голосом прокричала:

— Макс! Элли! Идите назад! Пожалуйста, назад.

Глава 18
ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Элли не упала в обморок и не начала биться в истерике. После первого непроизвольного крика следующими ее словами были:

— Прости, Макс, это я виновата.

Говорила она прямо ему в ухо, так туго стягивали их липкие веревки.

— Сейчас я их скину! — сказал Макс, изо всех сил пытаясь вырваться.

— Не дергайся,— спокойно ответила ему Элли.— Так они только сильнее затягиваются. Лучше попробовать как-нибудь уговорить этих лошадей, чтобы они нас отпустили.

И правда, чем сильнее он напрягался, тем крепче держали их змееподобные путы.

— Не надо,— взмолилась Элли,— ты только хуже делаешь. Мне больно.

Макс сдался.

Большой кентавр подскакал совсем близко и внимательно их оглядел. С малого расстояния его широкое, глуповатое лицо выглядело еще смехотворнее: большие карие глаза глядели на людей с выражением легкого удивления. С другой стороны подошел жеребенок,

он любознательно обнюхал их и тоненько заблеял. Взрослый кентавр издал трубный звук, похожий на крик оленя; жеребенок отскочил в сторону, а потом прямиком понесся к остальному стаду.

— Не бойся,— прошептала Элли,— думаю, они просто испугались, что мы что-нибудь сделаем маленькому. Может, они просто осмотрят нас со всех сторон, а потом отпустят.

— Может и так. Только жаль, что я не могу добраться до своего ножа.

— И слава богу, что не можешь. Тут нужна дипломатия.

Подошло остальное стадо. Кентавры топтались вокруг связанных Макса и Элли, осматривали их, переговариваясь между собой криками, в которых сочетались трубные звуки, взвизгивания и что-то среднее между кашлем и фырканием. Макс прислушался.

— Это язык,— решил он.

— Да уж ясно. Жаль только, что ему не обучали у мисс Мимси.

Самый большой кентавр наклонился и погладил путы, обвивавшие Макса и Элли. Веревки чуть расслабились, однако продолжали надежно их удерживать.

— Кажется, они собираются нас развязать,— отрывисто сказал Макс.— Приготовься сразу бежать.

— Есть, капитан.

Другой кентавр залез в свой карман и вытащил оттуда еще одну из этих веревкоподобных штук. Он опустился на одно переднее колено и хлестнул кончиком «веревки» таким образом, что она обвилась вокруг лодыжки Макса. Кончик этот сам спаялся в петлю, которая держала Макса не хуже, чем если бы ее завязали булинем. С Элли сделали то же самое. После этого самый большой кентавр похлопал по их путам, те расслабились и упали на землю, слегка извиваясь. Он подобрал их и сунул в свою сумку. Привязавший их кентавр обернул другие концы поводков вокруг вертикальной части своего туловища. Они сразу же спаялись в сплошные петли. Обменявшись несколькими трубными звуками с вожаком, кентавр похлопал по поводкам, те вытянулись, как сделанные из жевательной резинки, до длины в добрые двадцать футов, сделавшись при этом значительно тоньше. Макс тайком передал свой нож Элли и сказал:

— Попробуй отрезаться. Если получится, беги со всех сил, а я попробую их задержать.

— Нет, Макс.

— Да! Какого черта, кончай эти детские штучки. Ты и так уже наделала достаточно дел.

— Да, Макс.

Она взяла нож и попыталась перерезать странную веревку в районе своей лодыжки. Кентавры и не пробовали ей помешать, только смотрели с тем же слегка удивленным видом. Было похоже, что они в жизни не видели ножа, не имели ни малейшего представления о том, что это такое. Через некоторое время Элли бросила свои попытки.

— Никакого толку, Макс. Это все равно что резать сталь.

— Чего это, у меня же этот нож всегда как бритва. Дай-ка я попробую.

Максу повезло не больше. Прекратить попытки его заставило в конце концов то, что стадо двинулось — или иди, или тебя потащат. Он сумел закрыть нож, прыгая на одной ноге, чтобы не упасть. Группа сначала пошла тихим шагом, затем вожак протрубил, и кентавры пошли рысью, совсем как доисторическая кавалерия.

Элли сразу же споткнулась, и ее потащило. Макс сел, сумел ухватиться за свой поводок и висел на нем, крича:

— Эй, вы! Остановитесь!

Кентавр, привязавший их, остановился и оглянулся на них с почти что извиняющимся выражением лица.

— Слушай, дурак,— сказал Макс.— Мы не можем так быстро. Мы же, в конце концов, не лошади.— Говоря это, он одновременно помог Элли подняться на ноги.— Тебе нигде не больно?

— Вроде нет.— Она сморгнула с глаз слезы.— А вот если я смогу добраться до этого придурочного травяного мешка, ему-то уж будет больно, и очень.

— Ты ободрала руку.

— От этого я не помру. Ты только скажи им, чтобы они помедленнее, скажешь?

Увидев, что они опять встали на ноги, чудовище сразу же рвануло рысью. И сразу же они снова оказались на земле. Макс пытался зацепиться за что-нибудь, чтобы остановить кентавра. На этот раз вожак прискакал к ним, оставив стадо, и поговорил с их конвоиром. Макс принял участие в беседе, страстностью речей своих компенсируя пробелы в знании языка.

Возможно, он и вправду сумел им что-то объяснить; в дальнейшем конвоир перешел на быструю ходьбу, дав стаду далеко обогнать их. Еще один кентавр отстал и являл собой арьергард. Один из живых пузырей, которые все это время парили над стадом, тоже отстал и парил теперь над пленниками.

Скорость движения была терпимой, но на пределе — нечто среднее между быстрой ходьбой и бегом трусцой.

Путь пролегал поперек широкой, открытой долины, поросшей густой, достигавшей колена травой. Трава эта несколько спасала Макса и Элли, так как тащивший их кентавр придерживался, видимо, мнения, что одно-два падения на несколько сотен ярдов пути как раз и обеспечивают максимальную эффективность. Он ни разу не выказал нетерпения, всегда сразу останавливался и давал им подняться, но всегда сразу же снова пускался в путь шагом, чересчур быстрым для людей. Макс и Элли быстро перестали переговариваться, горла у них пересохли и горели от отчаянных стараний не отставать. По дну долины петлял ручеек, кентавр с легкостью перепрыгнул его. Людям пришлось переходить вброд. Элли остановилась посреди потока, нагнулась и начала из него пить.

— Элли, не пей этого,— запротестовал Макс.— Ты же не знаешь, вдруг это опасно?

— Вот и хорошо, если вода ядовитая, я тогда смогу лечь и умереть. Макс, я больше не могу.

— Выше нос, мы отсюда выберемся. Я все запомнил, где мы шли.

Он помедлил и — жажда мучила его не меньше — тоже напился. Кентавр ждал, пока они пили, потом потянул их дальше.

Дальше — это было вверх по поросшему лесом противоположному склону долины. Им раньше казалось, что они вымотаны до последней степени. Они ошибались. Кентавр был резв, как козочка, и, похоже, удивлялся, что им трудно. В конце концов Элли свалилась в полном изнеможении и не могла больше подняться; кентавр вернулся, подошел к ней и грубо пошевелил ее копытом с тремя пальцами.

Макс ударил его сразу обоими кулаками. Кентавр не сделал ни малейшей попытки дать ему сдачи, а только глядел на него с прежним идиотским изумлением. Подошел арьергардный кентавр, парочка посовещалась. После этого они сделали передышку минут на десять. Макс сел рядом с Элли и озабоченно спросил:

— Ну как, тебе полегче?

— Не надо говорить.

Минут через десять задний охранник втиснулся между ними и отогнал Макса, напирая на него. Тем временем другой кентавр подергал поводок Элли. Тот сократился, и Элли пришлось с трудом подняться на ноги. В дальнейшем кентавры еще дважды давали им передохнуть. После того, что показалось Максу и Элли вечностью, когда солнце висело уже низко над горизонтом, они вышли на густо поросшее лесом плато. Тут они прошли (Макс считал шаги) с милю, хотя по ощущениям это было больше похоже на десять. Потом остановились.

Макс и Элли оказались на поляне, густо усыпанной опавшими иглами деревьев. Задний охранник подошел к конвоиру, взял у него конец поводка, к которому был привязан Макс, и захлестнул его вокруг комля дерева; поводок сразу прилип. Другой кентавр сделал то же самое с поводком Элли, но дерево выбрал футов на сорок в сторону. Проделав это, они грубо погнали Макса и Элли друг к другу, время от времени останавливаясь и поглаживая поводки, пока те не стали совсем тонкими. В конечном итоге Макс и Элли могли сойтись и даже пройти друг мимо друга.

Похоже, что это не понравилось кентаврам. Один из них переместил конец поводка Макса дальше внутрь кустов, окружавших поляну, при этом оттащив его. На этот раз они не могли подойти друг к другу ближе чем на шесть футов.

— Что это они делают? — спросила Элли.

— Похоже, не хотят, чтобы мы могли объединить усилия.

Покончив с этим делом, кентавры ускакали. Элли поглядела им вслед, начала всхлипывать, а потом расплакалась, уже не сдерживаясь. Слезы катились по ее грязному лицу, оставляя на нем бороздки.

— Прекрати это,— жестко сказал Макс,— хныканье нам не поможет.

— Я не могу с собой ничего поделать,— почти прокричала она.— Я была храброй весь этот день, по крайней мере старалась быть. Я...— Она упала ничком и в голос заревела.

Распластавшись на земле и вытянувшись, насколько мог, Макс только-только смог дотянуться до головы Элли. Он погладил ее свалявшиеся волосы.

— Ничего, девочка,— тихо сказал он,— поплачь, если это тебе хоть немного поможет.

— Макси, Макси! Привязана... как собака.

— Вот это мы сейчас и попробуем рассмотреть.— Он сел и начал обследовать свой поводок. Чем бы ни была эта веревкообразная штука, уж веревкой-то она точно не была. Своей гладкой, блестящей поверхностью она скорее напоминала змею, хотя конец ее, обвивавшийся вокруг Максовой лодыжки, не имел никаких различимых черт. Она просто сливалась сама с собой, образуя петлю. Макс поднял часть поводка и почувствовал в нем легкое биение, вроде пульса. Он погладил «веревку», как это делали у него на глазах кентавры, и та ответила ему потоком пульсаций, не делаясь, однако, при этом ни короче, ни длиннее и не ослабляя хватки.

— Элли,— объявил он,— да ведь эта штука живая.

Она подняла тоскливое лицо.

— Какая штука?

— Да эта веревка.

— А, эта! Конечно.

— В крайнем случае,— продолжал Макс,— если уж она и не живая, то не совсем и мертвая.— Он снова испытал на ней свой нож и снова без малейшего успеха.— Вот точно, будь у меня спички, она бы закричала у меня «мамочка». Элли, у тебя нет зажигалки?

— Я не курю.

— Я вот тоже. Что ж, может быть, мы сумеем добыть огонь каким-нибудь другим способом. Трением двух палок или еще как-нибудь.

— Ты умеешь это делать?

— Нет.— Он продолжал поглаживать и похлопывать живую веревку, но, хотя каждый раз были ответные пульсации, прикосновение его, видимо, было каким-то не таким; с поводком не происходило ничего. Он был погружен в это бесплодное занятие, когда услыхал свое имя.

— Макс! Элли!

Элли резко села.

— Чипси! О, Макс, она бежала за нами. Иди сюда, радость моя.

Чипси сидела на дереве, высоко над ними. Она внимательно оглядела все вокруг, а затем поспешила вниз, причем последние

десять футов покрыла одним прыжком прямо в объятия Элли. Они пообнимались, раздались чмокающие звуки, затем Элли выпрямилась, глаза ее сияли.

— Макс, мне стало настолько лучше!

— И мне тоже,— добавил он,— хотя я и не знаю, чего ради.

Паукообразный щенок очень серьезно объявил:

— Чипси следовать.

Макс вытянул руку и погладил ее.

— Да, Чипси следовала. Хорошая Чипси.

Элли сжала Чипси в объятиях.

— Я не чувствую теперь себя брошенной, Макс. Может, все еще и кончится хорошо.

— Слушай, Элли, мы еще не в таком плохом положении. Может, я сумею найти комбинацию, как пощекотать эту веревку, или змею, или что она там такое, чтобы она отпустила. Если у меня это получится, мы проберемся назад уже сегодня.

— А как мы найдем путь?

— Об этом уж не беспокойся. Я запомнил каждый фут дороги, каждый поворот, каждый ориентир.

— И в темноте найдешь?

— А в темноте еще легче. Я знаю эти звезды — по должности полагается. А если даже не сумеем освободиться, это тоже еще не конец.

— А что же? Мне не очень хочется провести остаток своей жизни привязанной за ногу к дереву.

— А ты хотела бы за руку? Слушай, я думаю, что мы этим тварям просто любопытны. Они нас не съедят — это уж точно, они, вероятно, едят траву. Может быть, мы им наскучим, и они нас отпустят. А если уж они этого не сделают — им же хуже.

— Из-за чего это?

— Из-за мистера Вальтера, Джорджа Дайглера и Сэма, Сэма Андерсона,— вот из-за чего. Они, наверное, прямо сейчас обшаривают все кусты в поисках нас. Мы прошли меньше десяти миль от корабля — или пять по прямой. Они нас найдут. А тогда уж, если эти кентавры с идиотскими мордами попробуют показать свою силу, они узнают кое-что про современное оружие. И они, и эти их веревки.

— Чтобы найти нас, может потребоваться много времени. Никто не знает, куда мы ушли.

— Да,— согласился Макс.— Если бы только у меня была в кармане рация. Или что-нибудь, чем подать сигнал. Или хотя бы с помощью чего развести костер. Но ничего этого нет.

— Я и представить себе такого не могла. Казалось, что это все равно что прогуляться по парку.

Макс мрачно подумал, что он пытался ее предупредить. Даже родные арканзасские холмы, хоженые-перехоженые, не являются полностью безопасными, особенно если ворон считать. Можно нарваться на злую матерую рысь, даже на медведя. А Элдрет никогда не били достаточно сильно, чтобы вбить в нее хоть немного здравого смысла, вот в чем беда.

Подумав, он признался себе, что и сам не ожидал ничего плохого от существ с такой безобидной и простоватой внешностью, как эти кентавры. И в любом случае, как сказал бы Сэм, нет смысла плакать над разлитым молоком, когда лошадь уже украли.

— Элли.

— Что?

— Как ты думаешь, Чипси сумеет найти дорогу домой?

— Не знаю, а что?

— Если она сумеет, мы сможем передать с ней сообщение.

Чипси оживилась.

— Домой? — вопросила она.— Пожалуйста, домой. Идем домой.

Элли нахмурилась.

— Боюсь, что Чипси не настолько хорошо говорит. Она будет только икать и нести всякую несуразицу.

— Я не это имел в виду. Я понимаю, что Чипси не гигант интеллекта. Я...

— Чипси умная!

— Конечно, конечно. Но я хочу послать записку и карту.— Он покопался в кармане и вытащил ручку.— У тебя найдется бумага?

— Посмотрю.— Она нашла в кармане комбинезона сложенный листок бумаги.— Ой, господи! Мне же надо было отнести это мистеру Джордана. Мистер Хорнби очень на меня рассердится.

— А что это такое?

— Заявка на проволоку десятого артикула.

— Теперь все это не важно.

Он взял бумажку, зачеркнул текст заявки, перевернул ее и начал рисовать, иногда останавливаясь, чтобы уточнить по картинам, отпечатанным в его мозгу, расстояния, контуры, положение солнца и прочие детали.

— Макс?

— Помолчи, если можешь.

Он продолжал рисовать. Окончив, он написал:

«СРОЧНО — первому помощнику Вальтеру. Элдрет Кобурн и я захвачены кентаврами. Осторожно, берегитесь их метательных веревок. С уважением, М. Джонс».

Он протянул записку Элли.

— Этого будет достаточно. Можно как-нибудь прицепить записку к Чипси? Мне не хотелось бы, чтобы она ее потеряла.

— М-м... Дай подумаю. Отвернись, Макс.

— Зачем?

— Затем. Отвернись.

Макс послушался, и через несколько секунд Элли сказала:

— Ну вот, все.

Он повернулся к ней, и она протянула ему ленточку.

— Это подойдет?

— Отлично, то самое!

Они сумели обвязать ленточку, к которой была тщательно прикреплена сложенная в несколько раз записка, вокруг талии мистера Чипса, дополнительно прикрепив ее к одной из средних лапок. Задача была не из простых, так как Чипси, похоже, воспринимала все это как игру и к тому же очень боялась щекотки.

— Ну вот. Чипси, кончай корчиться и послушай. Элли хочет, чтобы ты пошла домой.

— Домой?

— Да, домой. Иди назад на корабль.

— Элли идти домой?

— Элли не может идти домой.

— Нет.

— Лапочка, ты должна пойти домой.

— Нет.

— Послушай, Чипси. Ты найдешь Мэгги и скажешь ей, что Элли просила ее дать тебе конфет. Ты отдашь Мэгги это.— Она подергала за привязанную записку.

— Конфета?

— Иди домой. Найди Мэгги. Мэгги даст тебе конфету.

— Элли идти домой.

— Пожалуйста, Чипси.

— Элли,— вдруг произнес Макс,— кто-то идет.

Элли подняла глаза и увидела среди деревьев приближающегося кентавра.

— Слушай, Чипси! Они идут! Они поймают Чипси! Иди домой! Беги!

Чипси завизжала от ужаса и понеслась к деревьям. Вскарабкавшись на ветку, она оглянулась и захныкала.

— Иди домой! — прокричала Элли.— Найди Мэгги!

Мистер Чипс бросила взгляд на кентавра и исчезла из виду. У них не оставалось времени для тревожных раздумий, кентавр был почти рядом. Он взглянул на них и прошел мимо, но то, что следовало за ним, полностью приковало внимание Элли и Макса. Элли едва не закричала: «Макс! Они поймали всех».

— Нет,— мрачно поправил он,— погляди получше.

Из-за сгущавшегося мрака он сначала тоже ошибся; ему показалось, что за кентавром колонной по одному следовали астронавты, связанные лодыжка к лодыжке живыми веревками. Но так казалось только с первого взгляда. Эти существа очень походили на людей, они были более чем гуманоидами, но такие деградировавшие твари никак не могли странствовать между звездами.

Пленники шли быстро, как хорошо обученные животные. Одно или два из них взглянули, проходя мимо, на Элли и Макса, но взгляды их были тупыми и потухшими. Маленькие дети без привязи шли рядом со своими мамами, а один раз Макс с крайним удивлением заметил крохотную сморщенную головку, выглядывавшую из сумки,— эти человекообразные существа тоже были сумчатыми.

Макс с трудом сдержал тошноту и, когда процессия исчезла из виду, повернулся к Элли.

— Господи!

— Макс,— хрипло сказала Элли,— как ты думаешь, мы уже умерли и претерпеваем воздаяние за свои грехи?

— Чего? Не говори глупостей, и без того все достаточно паршиво.

— Да я серьезно. Это же прямо какая-то сцена из Дантова «Ада».

Макс все время сглатывал комки, стоявшие в горле, и был далек от хорошего расположения духа.

— Знаешь, если уж тебе так хочется, можешь считать себя мертвой. Но я лично — живой и намерен им остаться. Эти твари — не люди, пусть все это так тебя не расстраивает.

— Но это же и вправду были люди. Мужчины, женщины и дети.

— Нет, не были. Иметь форму вроде нашей — еще не значит быть человеком. Быть человеком — это нечто совершенно другое.— Он нахмурился.— Вполне возможно, что «людьми» являются как раз кентавры.

— Да не может...

— А ты не будь так уж уверена. Они, похоже, всем здесь заправляют.

Спор был прерван приходом еще одного кентавра. Уже почти совсем стемнело, и Макс с Элли не заметили его, пока он не вышел на поляну. За ним следовали трое — Макс решил называть их людьми, хотя делать это было неприятно,— следовали трое людей. Они были без привязи. У всех троих была поклажа. Кентавр что-то сказал им, они разложили принесенное.

Один из троих поставил между Максом и Элли большую глиняную миску, наполненную водой. Это был первый артефакт, увиденный на этой планете кем-либо из людей. Миска не говорила о высоком уровне технической культуры. Грубая по форме, она очевиднейшим образом не была знакома с гончарным кругом; налить воду в нее было можно, но ничего интересного она из себя не представляла. Второй носильщик сбросил рядом с миской две охапки мелких фруктов. Пара плодов шлепнулась в миску, выуживать их оттуда он не стал.

Максу пришлось долго приглядываться, пока он разобрал, что принес третий раб. Выглядело это так, словно к каждой из его рук было привязано по три больших яйцеобразных мяча. Присмотревшись, Макс понял, что это — животные размером с опоссумов, которых он нес за хвосты. «Человек» обошел поляну, иногда останавливаясь и

поднимая одного из животных к низко висящей ветке. Когда он закончил, поляна была окружена шестью мелкими существами, висящими на хвостах. Кентавр прошел по кругу вслед за рабом; Макс видел, как он погладил каждое из животных и нажал на какую-то точку вблизи его шеи. И каждый раз все тело мелкой твари начинало светиться серебристым светом, подобным свечению светляка.

Теперь поляна была освещена ровным, мягким светом. «Достаточно ярко,— подумал Макс,— чтобы читать крупный шрифт». Один из пузырей беззвучно проплыл между деревьями и прицепился прямо над ними к ветке на высоте футов в тридцать; похоже, он устроился здесь на всю ночь.

Кентавр подошел к Максу и, вопросительно пофыркав, толкнул его копытом. Макс старательно вслушался, а потом попытался повторить звуки. Кентавр ответил, и Макс снова повторил. Этот бессмысленный разговор продолжался еще некоторое время, после чего кентавр удалился, сопровождаемый членами своей свиты.

Элли поежилась.

— Ох! — воскликнула она.— Хорошо, что они убрались. Кентавров я еще могу как-то выдержать, но эти самые люди... жуть!

Он разделял ее отвращение. С близкого расстояния эти существа меньше походили на людей, их волосяной покров начинался там, где полагалось бы находиться бровям. Черепа у них были такими низкими и плоскими, что кончики ушей торчали выше макушек. Но не это произвело на Макса самое сильное впечатление. Когда кентавр заговорил с Максом, тот впервые сумел хорошенько рассмотреть внутренность его рта. Эти зубы ни в коем случае не предназначались для пережевывания зерна или травы, они больше походили на клыки тигра — или акулы.

Он решил не говорить об этом Элли.

— Слушай, а это был не тот кентавр, который командовал стадом, когда нас поймали?

— Откуда я знаю? Они все одинаковые.

— Да совсем они не одинаковые, не больше чем одинаковы две лошади.

— Лошади все выглядят одинаково.

— Но...— Он смолк, ошарашенный городской точкой зрения, спорить с которой было бесполезно.— Я лично думаю — это тот самый.

— Не вижу, какое это имеет значение.

— Может и иметь. Я же пробую научиться их языку.

— Слышала я, как ты издавал эти жуткие звуки. И как это у тебя получается?

— Очень просто, просто запоминаешь, на что похож звук, а потом его воспроизводишь.— Макс закинул голову и издал жалкий визг.

— А это что такое?

— Собака застряла в заборе. Маленькая собачка по имени Абнер, которая у меня когда-то жила.

— Звучит трагично.

— Так оно и было, пока я его оттуда не вытащил. Элли, я так понимаю, что они дали нам корм и оставили на ночлег.— Он указал на миску и фрукты рядом с ней.— Так свиней кормят.

— Ну зачем уж так. Гостиничный номер. Номер, и горничная, и освещение. Пища и напитки.— Элли подобрала один из фруктов. Размером и формой он напоминал огурец.— Как ты думаешь, это можно есть?

— Не думаю, что тебе стоит это пробовать, Элли. Пожалуй, было бы разумно не есть и не пить ничего, пока нас не найдут и не спасут.

— Ну, может быть, мы и сможем продержаться без пищи, но без воды-то не обойтись точно. Мы умрем через день-другой.

— Но, может, нас найдут еще до наступления утра.

— Может, и так.— Она сняла кожуру с фрукта.— Пахнет хорошо. Похоже на банан.

Он тоже очистил плод и понюхал его.

— Скорее на папайю.

— Ну и что?

— М-м... слушай, я съем одну штуку. Если со мной все будет в порядке, через полчаса ты тоже попробуй.

— Да, капитан.— Она впилась зубами в свой фрукт.

— Осторожнее, семечки.

— Элли, ты малолетняя правонарушительница.

Она наморщила носик и разулыбалась.

— Ты заговорил комплиментами! Я стараюсь быть такой.

Макс тоже откусил кусочек. Неплохо — аромата поменьше, чем у папайи, но совсем неплохо. Через несколько минут он сказал:

— Может, оставить немного на завтрак?

— Ладно. И вообще я уже объелась.— Элли наклонилась и попила из миски. Не говоря друг другу ни слова, они пришли к общему выводу, что после такой перенасыщенной еды придется рискнуть и с водой.— Ну вот, теперь как-то получше. По крайней мере, теперь можно умереть с удобствами. Макс? Как ты думаешь, можем мы рискнуть поспать? Я больше не могу.

— Думаю, ночью они больше сюда не заявятся. Ты спи, а я посижу.

— Нет, так несправедливо. Честно, ну какой смысл держать караул? Мы же все равно не сможем убежать.

— Ну... вот, возьми мой нож. Ты можешь спать, не выпуская его из рук.

— Ладно.— Она протянула руку над миской и взяла нож.— Спокойной ночи. Макс. Я буду считать овец.

— Спокойной ночи.— Он вытянулся, поерзал, вытащил из-под себя шишку и попытался расслабиться. Усталость и полный желудок сильно этому помогали, однако мысль о том, в какую историю они влипли, не давала покоя. И этот пузырь, висевший над ними. Может, именно он и стоял в карауле — но не для их пользы.

— Макс, ты спишь?

— Нет, Элли.

— Возьми меня за руку. Я боюсь.

— Мне не дотянуться.

— Дотянешься. Повернись в другую сторону.

Макс так и сделал, и оказалось, что он может, закинув руку через голову, дотянуться до ее руки.

— Спасибо, Макс. Еще раз спокойной ночи.

Он лежал на спине и смотрел между деревьями. Несмотря на свет, испускаемый светящимися тварями, были видны звезды и многочисленные метеоры, бороздившие небо. Чтобы перестать думать, он начал их считать. В какой-то момент они начали взрываться у него в голове. Тогда он заснул.

Разбудили их лучи солнца, прорвавшиеся между деревьев. Макс поднял голову.

— Я вот тут размышляла, сколько ты еще будешь спать,— заявила Элдрет.— Посмотри, кто к нам пришел.

Он сел, морщась от боли при каждом движении, и повернулся. Мистер Чипс сидела на пояснице Элли и чистила один из похожих на папайю фруктов.

— Привет, Макси.

— Привет, Чипси.— Он заметил, что записка все еще висит на ней.— Плохая девочка.

Мистер Чипс повернулась за утешением к Элли. Из ее глаз покатились слезы.

— Нет, нет,— поправила Элли.— Хорошая девочка. Она мне обещала пойти искать Мэгги, как только позавтракает. Ты же обещала, Чипси?

— Пойти искать Мэгги,— подтвердила та.

— Не ругай ее, Макс, она не виновата. У себя дома паукообразные собаки не ведут ночного образа жизни. Она просто подождала, пока мы успокоимся, и тогда вернулась. Она не могла иначе. Я обнаружила ее спящей у себя на руке.

Чипси покончила с едой, затем от души попила из миски. Макс решил, что в этом нет ничего страшного, особенно если учесть, кто еще мог пользоваться миской до них. Эту мысль он быстренько изгнал из головы.

— Искать Мэгги,— объявила Мистер Чипс.

— Да, лапочка. Возвращайся прямо на корабль как можешь скорее и найди Мэгги. Поспеши.

— Найди Мэгги. Спеши быстро. Пока, Макс.— Чипси со всех ног пустилась в нужном направлении.

— Ты думаешь, она туда доберется? — спросил Макс.

— Думаю, доберется. В конце концов, ее предки находили дорогу в лесу, и в течение стольких поколений. Она знает, что это важно, мы с ней имели длинный разговор.

— Ты и вправду думаешь, что она так много понимает?

— Она понимает, что именно доставляет удовольствие мне, а этого достаточно. Макс, как ты думаешь, смогут они найти нас сегодня? Я не хочу проводить здесь еще одну ночь.

— А кто же хочет! Если Чипси может двигаться быстрее, чем мы.

— Конечно, конечно, может.

— Тогда — возможно. Если не будут долго собираться.

— Я на это надеюсь. Готов к завтраку?

— А что, Чипси что-нибудь оставила?

— По три штуки на нос. Я свои съела. Вот.

— Ты же врешь! Ведь когда мы ложились спать, было только пять.— Элли смущенно отвела глаза и позволила ему поделить по-

полам третий плод. Потом он вдруг заметил происшедшее изменение.— Слушай, а что случилось с этими светляками-переростками?

— А, одна из этих жутких тварей пришла рано утром и унесла их. Я уже собиралась заорать, но он не подходил слишком близко, так что не пришлось тебя будить.

— Спасибо. А наш надзиратель, я вижу, нас не покидает.— Пузырь по-прежнему висел у верхушек деревьев.

— Да, вокруг тут все утро шпионы высовывались.

— Ты сумела рассмотреть их?

— Конечно, нет.— Элли встала, потянулась и поморщилась.— Ну, а теперь посмотрим, какие прекрасные неожиданности принесет этот ласковый летний денек.— Она состроила кислую физиономию.— Программа, которую я предпочла бы, состоит в том, чтобы сидеть здесь и не видеть никого, пока не появится Джордж Дайглер с дюжиной вооруженных мужчин. Я бы его расцеловала. Я бы расцеловала всех по очереди.

— И я тоже.

До полудня, и даже дольше, отклонений от программы, выбранной Элдрет, не было; ничего не происходило. Иногда, правда, они слышали трубные звуки и фырканье кентавров, но ни один не появлялся. Беседовали они о каких-то случайных вещах, устав как надеяться, так и бояться. Они дремали на солнышке, когда неожиданно поняли, что на поляну выходит кентавр.

Макс был совершенно уверен, что это — вожак стада, и уж во всяком случае — тот, который кормил и поил их. Тварь не стала зря терять времени и с помощью толчков и пинков объяснила им, что они должны дать себя привязать для того, чтобы куда-то идти.

Они ни на секунду не были свободны от живых веревок. Макс подумывал о том, чтобы напасть на кентавра, прыгнув к нему на шею и перерезав глотку. Однако было крайне сомнительно, что удастся проделать это достаточно тихо; одно-единственное фырканье могло привести сюда все стадо. И кроме того, он не знал, как освободиться от пут, даже убив кентавра. Лучше уж подождать — особенно когда послали гонца за помощью.

Кентавр вел их — а иногда, когда они падали, тащил — по той же тропе, по которой шла вчера группа рабов. Становилось ясно, что они входят в большое поселение. Тропинка влилась в извилистую, хорошо ухоженную дорогу, по которой то в одну, то в другую

сторону проходили кентавры и от которой ответвлялись многочисленные более маленькие дорожки. Не было видно ни строений, ни других внешних признаков цивилизации, однако чувствовался дух организованности, обычаев и стабильности. Маленькие кентавры бегали вокруг; когда они оказывались на пути, им что-то говорили и они убирались. По обеим сторонам дороги шла разнообразная деятельность, и гротескного вида человекообразные рабы встречались почти так же часто, как и кентавры; они что-то переносили, выполняли какие-то непонятные работы — одни привязанные живыми веревками, другие без привязи. Макс и Элли не могли рассмотреть все получше из-за слишком большой скорости, с которой им приходилось идти.

Один раз Макс заметил на своей стороне дороги одну любопытную вещь, которую ему хотелось бы рассмотреть получше. Он не стал говорить об этом Элли, и не только потому, что говорить на ходу было очень трудно, но и потому, что не хотел лишний раз ее беспокоить,— но на его взгляд это сильно напоминало мясной магазин на открытом воздухе. Подвешенные туши не принадлежали кентаврам.

В конце концов они остановились на очень большой поляне, на которой толпилось множество кентавров. «Хозяин» похлопал привязывавшие их веревки, те укоротились, в результате чего Макс и Элли оказались совсем рядом с ним. Тогда он занял место в очереди. Крупный, поседевший и, по-видимому, престарелый кентавр вершил суд на одной из сторон «площади». Он стоял со спокойным достоинством, а тем временем перед ним проходили отдельные кентавры и их группы. Макс наблюдал за происходящим с таким большим интересом, что почти позабыл о своих страхах. Каждое дело вызывало длительное обсуждение, затем главный кентавр произносил одно слово, и с делом было покончено. Те, чье дело разбиралось, спокойно отходили. Неизбежно возникал вывод, что здесь толковались законы либо обычаи и большой кентавр был арбитром.

На этой поляне не было видно пародий на человека, но под ногами шныряли странные твари, вроде расплющенных свиней. Ноги у них были такие короткие, что напоминали, скорее, тракторные гусеницы. Состояли они по большей части изо рта, зубов и принюхи-

вающегося носа, и что бы ни попалось им по дороге, если только это не было копыто кентавра, они пожирали. Наблюдая за ними, Макс понял, каким образом все вокруг, при таком количестве населения, поддерживается в полной чистоте: эти стервятники были живыми уборочными машинами.

Очередь шла, и их хозяин постепенно продвигался к ее голове. Последнее перед ними дело было связано с кентавром, здоровье которого было единственным в своем роде. Он был стар и тощ, шерсть его была тусклой, кости жалко выпирали сквозь шкуру. Один его глаз был слеп, покрыт белым бельмом, а другой воспален и сочился густым гноем.

Судья, мэр, главный вожак стада или кто уж он там был обсудил дело с двумя молодыми здоровыми кентаврами, сопровождавшими больного, почти как сестры милосердия. Затем главный кентавр сошел со своего почетного места и обошел больного, осматривая его со всех сторон. Затем он заговорил с ним.

Больной старик ответил тихо, единственным фыркающим словом. Главный кентавр заговорил снова и получил, как показалось Максу, тот же самый ответ. Вожак вернулся на свое прежнее место и испустил странный визжащий звук.

Со всех сторон стали стекаться плоские стервятники. Десятки их собрались вокруг больного и его сопроводителей, образовав собою сопящее, похрюкивающее кольцо. Вожак издал резкий трубный звук; один из сопроводителей залез в свою сумку и извлек наружу скрутившееся в клубок существо. Он погладил его, и существо развернулось. На взгляд Макса, вид у него был малоприятный, как у угря.

Сопроводитель протянул эту тварь по направлению к больному. Тот не сделал ни малейшего движения, чтобы помешать, только глядел своим единственным зрячим глазом. Голова змееобразной твари ткнулась в шею больного кентавра; тот дернулся, как от электрического удара, и упал.

Вожак фыркнул один раз, и стервятники стремительно бросились вперед, собрались вокруг трупа и совсем закрыли его собой. Когда они, продолжая сопеть, разошлись, не осталось даже костей.

— Спокойно, Элли! — тихо сказал Макс.— Держи себя в руках, малышка.

— Я ничего,— ответила она, еле шевеля губами.

Глава 19
ДРУГ ПОЗНАЕТСЯ В БЕДЕ

Впервые за все это время их спустили с привязи. «Хозяин» пощекотал поводки, и они упали с лодыжек Макса и Элли. Макс тихо сказал:

— Если ты хочешь попробовать — беги со всех сил. А я их займу чем-нибудь.

Элли покачала головой.

— Бесполезно. Они меня сцапают, не дав пробежать и пятидесяти футов. Кроме того, я не найду обратного пути.

Макс замолчал. Он понимал, что Элли права, но считал своей обязанностью сделать ей это предложение. Главный кентавр осмотрел их с тем же характерным выражением тихого удивления, переговариваясь при этом трубными звуками с «хозяином». Они оставались предметом обсуждения в течение некоторого времени; видимо, что-то требовало решения. Макс вытащил нож. У него не было никаких планов, только решимость, что ни один кентавр не подойдет к ним с этой электрошоковой тварью или чем-либо еще, являющим угрозу, не столкнувшись с сопротивлением.

Но все окончилось тихо. «Хозяин» захлестнул поводки у них на лодыжках и оттащил их прочь. Через пятнадцать минут они снова были привязаны на прежней поляне. После ухода кентавра Элли оглянулась вокруг и тяжело вздохнула.

— Каким бы жалким все это ни было... Макс, а ведь действительно очень отрадно снова оказаться здесь.

— Я тоже так думаю.

Монотонность последующих дней разнообразили только постепенно угасающая надежда и нарастающее отчаяние. К ним не относились плохо, они были просто домашними животными — их кормили, поили и почти совсем игнорировали. Раз в день им давали воду и уйму местной папайи. После первой ночи они были лишены роскоши «искусственного освещения», и пузырь не висел больше над их поляной. Но бежать было невозможно — разве что отгрызть себе ногу и уползти куда-нибудь.

Первые два-три дня Макс и Элли обсуждали возможность того, что им придут на помощь, со все возраставшей озабоченностью, потом, исчерпав эту тему, они оставили ее; такие разговоры лишь вгоняли их в еще большую тоску. Элли стала очень редко улыбаться и совсем оставила свои легкомысленные разговорчики; было похоже, что до нее, через всю ее броню, дошло наконец, что такое действительно может произойти с Элдрет Кобурн, единственной дочерью богатого и почти всесильного Имперского Наместника Кобурна,— чтобы она стала рабом, имуществом, скотом у тварей, которых и самих-то только в зоопарке показывать.

Макс воспринимал ситуацию немного более философски. Он никогда не имел многого и потому особенно многого и не ожидал — не то чтобы ему все это нравилось. Свой самый большой страх он держал в тайне. Элли определяла их положение как «зверей в зоопарке», так как чаще всего к ним прибегали маленькие кентавры, фыркавшие и блеявшие, рассматривая их с любопытством, которого не проявляли старшие. Макс не спорил с таким определением, так как думал, что статус их гораздо печальнее — он подозревал, что их откармливают, чтобы потом съесть.

Примерно через неделю после их пленения Элдрет отказалась от завтрака и промолчала все утро. Любые попытки Макса заговорить вызывали лишь односложные ответы. Не придумав ничего лучшего, в отчаянии, он сказал:

— А спорим, я побью тебя в трехмерные, дав фору в два звездных корабля.

Это ее несколько завело.

— Ты и кто еще? — презрительно спросила она.— Не в одиночку же ты свершишь такой подвиг? И чем играть?

— Ну, можно играть в голове — ты же знаешь, вслепую.

Элли покачала головой.

— Так не пойдет. Ты ведь всегда говоришь, что у тебя память лучше, и мне будет не доказать, что ты жульничаешь.

— Мерзкая, вредная малолетняя девица.

Неожиданно она расплылась в улыбке.

— Вот так-то будет лучше. Последнее время ты со мной что-то слишком нежен и внимателен — это вгоняет в тоску. Макс, а мы можем сделать шахматы.

— Каким образом?

— А вот из этих штук.— Она подобрала одну из шишек, в изобилии валявшихся по всей поляне.— Большая будет флагманом. Мы можем подобрать их разных размеров, отламывать чешуйки и всякое такое.

Мысль заинтересовала их обоих. Миску с водой отодвинули в сторону, так что она не занимала более середины пространства, ограниченного предельной длиной поводков. Ничейную землю тщательно очистили от иголок и расчертили на доски. Доски по необходимости располагались в одной плоскости, нужно было собирать их в куб в уме, но для игроков с хорошим пространственным воображением это совсем не помеха, так часто делали, если играли на простом, не электронном комплекте — чтобы меньше мучиться, переставляя фигуры.

Камешки стали автоматическими кораблями, клочки ткани, привязанные к шишкам, помогали различать, где черные, а где белые и где какая фигура. К середине второй половины дня все было готово. А к тому времени, как наступившая темнота вынудила их бросить это занятие, Макс с Элли все еще играли первую партию. Когда они ложились спать, Макс сказал:

— Пожалуй, я лучше сегодня не буду держать тебя за руку. Так можно в темноте посшибать все фигуры.

— Я не засну без этого — я буду бояться. Да и все равно эта горилла все перевернула на одной из досок, когда меняла воду.

— Это не страшно, я помню, как там все стояло.

— А в таком случае ты сможешь вспомнить и где стоят остальные. Дай руку.

Он пошарил в темноте и нащупал ее пальцы.

— Спокойной ночи, Макс. Спи крепко.

— Спокойной ночи, Элли.

С этого времени они играли от рассвета до заката. Их владелец пришел однажды во время игры, с час понаблюдал за ними и удалился, не профыркав ни слова. Однажды, когда Элли сумела свести партию вничью, Макс сказал:

— Знаешь, Элли, а ты жутко хорошо играешь в эту игру — для девушки.

— Преогромнейшее тебе спасибо.

— Да нет, я же серьезно. Я думаю, что женщины, вероятно, такие же разумные, как и мужчины, но только вот большинство из них никак этого не проявляет. Вероятно, это потому, что такого от них и не требуется. Если девушка хорошенькая, ей совсем и не обязательно думать. Конечно, если она не может полностью положиться на свою внешность, тогда — ну, возьмем вот для примера хоть тебя. Если ты...

— О! Так значит, мистер Джонс, я уродина!

— Да подожди ты секунду. Я же этого не говорил. Давай предположим, что ты прекраснейшая из женщин со времен Елены Троянской. В таком случае ты...— Тут Макс обнаружил, что разговаривает с ее спиной. Элли отвернулась от него, обхватила руками колени и полностью его игнорировала.

Он вытянулся изо всех сил, насколько позволял ему поводок, и сумел дотронуться до ее плеча.

— Элли?

Она стряхнула его руку.

— Держись-ка чуть подальше от меня. От тебя воняет, как от старого козла.

— Ну,— рассудительно проговорил Макс,— ты ведь тоже не лилия. И давно не мылась.

— Я прекрасно это знаю,— почти крикнула она и начала всхлипывать.— И мне от этого противно. Мне это совершенно отвратительно. Я выгляжу жутко.

— Нет, для меня ты не выглядишь жутко.

Она повернула к нему очень грязное и все мокрое от слез лицо.

— Врешь ты все.

— Ничего такого страшного, с чем бы не справились вода и кусок мыла.

— Если бы только они у меня были.— Элли посмотрела на него.— Вы и сами не в наилучшей форме, мистер Джонс. Вам крайне необходимо подстричься, а то, какими клочками растет у вас борода,— это просто ужас.

Макс потрогал пальцем щетину на своем подбородке.

— Ничего не могу с этим поделать.

— Вот так же и я.— Она вздохнула.— Расставь тогда фигуры по местам.

После этого Элли побила его в трех партиях подряд. Один раз — поставив ему позорный, идиотский мат. По окончании он тоскливо посмотрел на доски.

— Так это ты — та самая девица, которая прогуляла неправильные дроби?

— Мистер Джонс, а вам никогда не приходило в голову, что женщины иногда предпочитают не казаться чересчур умными, понимая, в каком мире они живут? — Пока Макс пытался переварить такую неожиданную мысль, она добавила: — Этой игре я научилась, сидя на коленях у папы, раньше, чем стала читать. Я была чемпионом Гесперы среди юниоров, пока меня оттуда не похитили. Заходи как-нибудь в гости, я покажу тебе свой кубок.

— Ты что, серьезно? Правда?

— Да я легче обойдусь без еды, чем без игры. Но ты понемногу учишься. Когда-нибудь ты сумеешь оказать мне серьезное сопротивление.

— Наверное, я совсем не понимаю женщин.

— Это еще очень слабо сказано.

Этой ночью Макс долго не мог заснуть. Элли давно уже тихо посапывала, а он все еще продолжал смотреть на сверкающий хвост большой кометы, наблюдать за падающими звездами, думать. И ни одна из его мыслей не была утешительной.

Положение, приходилось признать, выглядело безнадежным. Пусть даже с Чипси ничего не вышло (он и сразу не слишком на нее надеялся), все равно уж за такое количество времени поисковые группы должны были их найти. А раз этого не случилось — нет никаких оснований думать, что их вообще когда-нибудь найдут.

А теперь в довершение всего еще и Элли откровенно его презирала. Он умудрился опять ее обидеть — опять этот его длинный, болтливый язык. Да надо было сказать, что она — самое красивое существо на этом свете, прекраснее Елены Троянской, если только это могло хоть чуть-чуть ее порадовать; в эти дни у бедной девушки так мало причин для радости.

Как не признать, положение пленника, в которое попал Макс, становилось хотя бы немного терпимее от того, что рядом Элли, а что теперь? Оставалось только день за днем проигрывать ей в 3-шахматы, пока она будет мрачно доказывать, что женщины ничем не хуже муж-

чин, а еще и лучше. А в конечном итоге оба они пойдут на пропитание твари, которой, если на то пошло, и родиться-то смысла не было.

Вот если бы не умер доктор Хендрикс.

Вот если бы он был тверд с Элли в то время, когда все еще могло пойти по-другому.

Вдобавок ко всему он чувствовал, а по временам это было хуже всего остального, что, если он съест еще хоть один из этих проклятых фруктов, тот застрянет у него в глотке и задушит его.

Разбудила его рука, дотронувшаяся до его плеча, и шепот.

— Макс!

— Какого?..

— Тихо. Ни звука.

Над ним склонился Сэм. Сэм!

Макс резко сел, адреналиновый шок сразу вышиб из него весь сон. Он увидел, как Сэм неслышно двинулся к месту, где спала Элли. Он присел около нее на корточки, но не дотронулся до нее.

— Мисс Элдрет,— тихо сказал он.

Элли открыла глаза и уставилась на него. Потом она открыла рот, и Макс с ужасом ждал, что сейчас она закричит. Сэм поспешно знаком велел ей молчать; она посмотрела на него и утвердительно кивнула. Сэм опустился рядом с ней на колени и стал что-то рассматривать при лунном свете, кружевными узорами ложившемся на землю, потом он вынул бластер. Последовал кратчайший из возможных слабых разрядов, абсолютно беззвучный, и Элли поднялась на ноги — свободная от пут. Сэм вернулся к Максу.

— Не шевелись,— прошептал он.— Не хотелось бы тебя обжечь.

В первый момент после вспышки веревка так стиснула лодыжку Макса, что казалось — нога будет парализована, затем путы свалились. Большая часть веревки судорожно сжалась и рывком убралась куда-то в тень. Макс встал.

— Каким образом...

— Ни слова. Идите за мной.

Сэм направился в кусты, Элли за ним и последний — Макс. Они не прошли и двух десятков ярдов, как раздался плачущий голос:

— Элли! — И Чипси прыгнула в руки Элдрет. Сэм резко повернулся.

— Заткни ее,— прошептал он,— если хочешь выбраться отсюда живой.

Элли ворошила мех своей крошечной посланницы и что-то ей тихо нашептывала; в конце концов она кое-как затолкала ее себе за пазуху. Все это время Сэм ждал, а теперь, не произнеся ни слова, двинулся дальше.

Они прошли несколько сотен ярдов так бесшумно, как только могут это три человека, считающие, что на карту поставлена их жизнь. Потом Сэм остановился.

— Дальше я не рискну идти,— тихо произнес он.— Еще немного в этой темнотище, и мы заблудимся. Но я совершенно уверен, что мы уже за пределами тех мест, где они спят. Мы двинемся снова, когда хоть чуть-чуть рассветет.

— Тогда как же ты сюда попал в темноте?

— А я и не в темноте. Мы с Чипсом прятались в густом кустарнике, футах в пятидесяти от вас, чуть ли не полдня.

— О,— Макс огляделся по сторонам, взглянул на звезды.— Я могу найти обратный путь в темноте.

— Можешь? Вот это было бы очень здорово. Эти крошки ночью спят без задних ног — то есть это я так думаю.

— Дай я пойду первым, а ты иди после Элли.

Чтобы добраться до края плато, потребовалось больше часа. Темнота, кусты под ногами, необходимость соблюдать полную тишину и то, что Максу приходилось идти медленно, чтобы, даже при своей фотографической памяти, не потерять дорогу, все это сильно задерживало. Спуск в долину пошел еще медленнее.

Когда они вышли из леса и перед ними развернулся относительно гладкий луг, Сэм сделал знак остановиться и внимательно оглядел долину при тусклом лунном свете.

— Мне не хотелось бы нарваться здесь на этих тварей,— прошептал он.— Среди деревьев им довольно трудно бросать этих змеюк, но на открытом месте — боже ты мой.

— Ты знаешь про эти бросательные веревки?

— Ясное дело.

— Сэм,— прошептала Элли.— Мистер Андерсон, а почему...

— Тсс! — остановил он ее.— Все объяснения потом. А теперь вперед рысцой. Мисс Элдрет, вы задаете темп. Макс, высматривай свои ориентиры и веди нас. Побежим бок о бок. Договорились?

— Одну секунду.— Макс взял Чипси у Элли, засунул ее за пазуху и застегнул молнию. Мистер Чипс даже не проснулась, а только чуть застонала, как потревоженный ребенок.— Ну все.

Они бежали, шагали и снова бежали в течение получаса или более, не тратя дыхания на разговоры, выкладываясь до предела, чтобы оказаться как можно дальше от кентавров. Двигаться было трудно из-за полутьмы и травы, доходившей до колена. Они почти достигли дна долины и Макс старался уже разглядеть ручей, когда Сэм крикнул:

— Ложись! Ложись и прячься.

Макс шлепнулся на землю, выставив вперед локти, чтобы не повредить Чипси; рядом с ним шлепнулась Элли. Макс осторожно повернул голову и прошептал:

— Кентавры?

— Нет. Заткнись.

На высоте футов в сто долину пересекал летучий пузырь. Макса поразило, что он летает ночью. Пузырь пролетел чуть поодаль, ярдах в ста, а затем развернулся и полетел уже прямо на них.

Он снизился и начал парить почти над самыми их головами. Макс увидел, как Сэм тщательно целится, держа бластер в обеих руках. Потом на мгновение от оружия к пузырю протянулся бледный фиолетовый луч, тварь лопнула и упала так близко, что Макс ощутил запах горелого мяса. Сэм спрятал бластер и поднялся на ноги.

— Одним шпионом меньше,— с удовлетворением произнес он.— Двигаемся, ребята.

— Ты думаешь, что эти штуки подглядывают?

— «Думаешь». Мы это прекрасно знаем. У этих меринов все здесь вокруг прекрасно организовано. Ну, кончай трепаться и двигай ногами.

Ручей обнаружила Элли, свалившись в него. Они выудили ее из воды и перешли ручей вброд, остановившись, только чтобы попить. На противоположном берегу Сэм спросил:

— Мисс Элдрет, а где ваша левая туфля?

— Свалилась в ручей.

Сэм остановился и попытался поискать, но это явно было бесполезно.

— Без толку,— решил он.— Так мы можем проторчать здесь всю ночь. Ну, как ни жаль, вы будете сегодня с ободранными ногами. Лучше выкинуть сразу и вторую.

Сначала, пока они не добрались до хребта, за которым находился поселок, это не замедляло их движения. Но вскоре после того, как начался подъем, Элли поранила о камень правую ногу. Она вела себя молодцом, сжала зубы и не жаловалась, однако темп снизился. К тому времени, как они перевалили через гребень, появились уже первые намеки на рассвет. Макс пошел было по сухому руслу, где они с Элли поднимались так много долгих, как годы, дней тому назад, но Сэм остановил его.

— Давай разберемся точно. Это не та ложбина, которая прямо напротив корабля?

— Нет, та будет следующей за этой, северней.— Макс представил себе, как выглядела окрестность корабля, если смотреть от него, и сравнил эту картину с фотоснимками, сделанными во время приземления.— Если уж говорить точно, прямо напротив корабля лежит выступ, который находится за следующей ложбиной.

— Так я и думал. Это та самая, по которой меня вел Чипс, но я хочу, сколько это возможно, оставаться под прикрытием деревьев. К тому времени, как мы выйдем на ровное место, уже совсем рассветет.

— А какая разница? В долине, где стоит корабль, никогда не было никаких кентавров.

— Ты хочешь сказать, что ты их там никогда не видел. Тебя, сынок, долго не было. Мы сейчас находимся в опасности — и чем ближе к кораблю, тем опаснее. Так что говори потише и веди нас к тому выступу, который выходит к кораблю. Если можешь это сделать.

Макс мог, хотя для этого пришлось идти по незнакомой местности и определяться по восстанавливаемой в памяти мелкомасштабной карте, кроме того, приходилось еще и идти «поперек борозд» вместо того, чтобы идти по какому-либо сухому руслу. В результате они часто попадали в непроходимые места, вроде отвесных обрывов футов в тридцать, которые приходилось потом обходить долго и с большими мучениями. По мере того как светало, Сэм все больше и больше нервничал, он все время требовал, чтобы шли быстрее и тише. В то же время все ухудшавшееся состояние Элли мешало выполнению этих его требований.

— Ты уж меня прости,— прошептал он, когда ей пришлось наполовину сойти, наполовину соскользнуть со склона, удерживая себя босыми израненными ногами.— Только лучше уж добраться до места на культяпках, чем попасться к ним.

— Я знаю.

Лицо Элли было искажено болью, однако она не издала ни звука. К тому времени, как Макс вывел их на выступ, уже совсем рассвело. Он молча указал на корабль, стоявший в полумиле. Они находились примерно на уровне верхней его точки.

— Я думаю, спустимся здесь,— тихо сказал он Сэму.

— Нет.

— Как?

— Деточка, дядюшка Сэм такого мнения, что лучше нам будет полежать как проклятым вот в этих кустиках тихо-тихо, разрешая слепням кусаться в свое удовольствие, до того, как совсем стемнеет.

Макс окинул глазом расстояние в тысячу ярдов.

— Мы можем пробежать этот кусок.

— Но только четыре ноги бегают быстрее двух. За последнее время мы очень хорошо это поняли.

Выбранные Сэмом кусты росли на самом краю обрыва. Он прополз сквозь них и выбрал себе место, с которого можно было, самому оставаясь незамеченным, осматривать лежавшую внизу долину. Элли и Макс проползли следом за ним. Они были на краю крутого обрыва. Прямо перед ними находился корабль, левее и поближе — поселок.

— Устраивайтесь поудобнее,— скомандовал Сэм,— и будем караулить по очереди. Поспите, если сможете, это будет продолжаться недолго.

Макс попытался немного сдвинуть Мистера Чипса, чтобы иметь возможность лечь на живот. Из его воротника высунулась маленькая головка.

— Доброе утро,— очень серьезно произнесла она.— Завтрак?

— Нет завтрака, лапа,— ответила ей Элли.— Сэм, можно ее выпустить?

— Пожалуй, можно. Только скажи ей, чтобы она потише.— Сэм внимательно изучал равнину. То же самое делал Макс.

— Сэм? А почему бы нам не направиться в поселок? Он же поближе.

— Там нет никого. Брошен.

— Что? Слушай, Сэм, ты бы не рассказал нам, что там у вас случилось?

Сэм ответил, не отрывая глаз от равнины:

— О'кей, только говори шепотом. Так что вы хотите знать?

Это было трудным вопросом — Макс хотел знать все.

— Что случилось с поселком?

— Его оставили. Слишком опасно.

— А что, они кого-нибудь поймали?

— Ненадолго. У Дайглера был бластер. И вот тогда-то и началось это веселье. Сначала мы думали, что единственное их оружие — эти самые метательные веревки и что к тому же мы перепугали их до смерти. Но у них есть еще и уйма всего прочего. К примеру, такие твари, которые роют ходы под землей. Поэтому поселок пришлось бросить.

— Кто-нибудь пострадал?

— Ну... Новобрачные жили уже в своем доме. Бекки Вебербаур стала теперь вдовой.

Элли громко охнула, и Сэм резким шепотом сказал, чтобы она не шумела. Макс, подумав, сказал:

— Сэм, я только не понимаю, почему, получив мою записку, вы не...

— Какую записку?

Макс объяснил. Сэм покачал головой.

— Зверюга эта вернулась домой в полном порядке. К тому времени мы уже знали, что вы пропали, и искали вас — к счастью, с оружием. Только вот записки никакой не было.

— Да? А как же ты нас нашел?

— Меня привел Чипс, я же тебе уже говорил. Но это все. Кто-то засунул ее в клетку, где она раньше сидела, там я ее и нашел вчера. Я остановился погладить ее, зная, что вы, мисс Элдрет, пропали,— и нашел бедную крошку почти обезумевшей. В конце концов до меня постепенно дошло, что она знает, где вы находитесь. Ну и...— Он пожал плечами.

— Только я еще одного не понимаю,— прошептал Макс,— почему ты пошел на такой риск в одиночку. Ты же уже знал, что они опасны; тебе было нужно взять с собой всех мужчин, какие есть на корабле, с оружием.

Сэм отрицательно покачал головой.

— И потерять таким образом всех мужчин, какие есть на корабле. Проскользнуть потихоньку было можно, по-другому — нет. А мы должны были вытащить вас.

— Спасибо. Не знаю, что и говорить, Сэм. В любом случае — спасибо.

— Да,— добавила Элли,— и кончай называть меня «мисс Элдрет». Для друзей я Элли.

— Хорошо, Элли. Как твои ноги?

— Жива буду.

— Хорошо.— Он повернулся к Максу.— Только я не сказал, что мы хотели вытащить вас, я сказал — мы были должны. В первую очередь — тебя, Макс. Не обижайся, Элли.

— Как? А почему меня?

— Ну...— Теперь Сэм говорил с явной неохотой.— Подробности узнаешь, когда вернешься. Но похоже, что, если корабль будет стартовать, без тебя не обойтись. Ты — последний оставшийся у нас астронавигатор.

— Да? А что случилось с Саймсом?

— Тише! Помер он.

— Господи боже! — Макс подумал, что как бы он ни не любил Саймса, но смерти от рук кентавров он не пожелал бы ни одному человеческому существу. Так он и сказал.

— Да нет, это было не так. Понимаешь, когда умер капитан Блейн...

— И капитан тоже?

— Да.

— Я знал, что он болел, но не думал, что настолько.

— Ну, можешь назвать это разбитым сердцем. Или гордым харакири. Или несчастным случаем. Когда я помогал паковать его вещи, я нашел пустую коробочку от снотворного. Может, он сам проглотил таблетки, а может — твой дружок Саймс подсыпал ему в чай. Врач удостоверил «смерть от естественных причин». Так и записано в журнале. А что считать «естественной причиной», когда человек не хочет больше жить?

— Он был хорошим человеком.— прошептала Элли.

— Да,— согласился Сэм.— Может быть, даже слишком хорошим.

— Ну, а что же с Саймсом?

— Ну, понимаешь, это совсем другая история. Похоже, что Саймс стал считать себя наследником престола, только первый не был с этим согласен. Что-то такое в связи с какими-то пленками, которые были у главного вычислителя. В общем и целом, ему пришло в голову показать Вальтеру, какой он крутой, и я... в общем, я сломал ему шею. Времени не было для нежностей,— торопливо добавил Сэм.— Он уже вытащил бластер.

— Сэм! Ты что, опять влип в историю?

— Нет, если не считать той, которая здесь и сейчас. Если только мы... тише, ребята.— Сэм пристально всмотрелся в просвет между кустами.— Ни звука, не шевелиться,— прошептал он.— Даст бог, не заметит.

Пузырь летел с севера, параллельно хребту, чуть повыше и чуть в стороне от него. Было похоже, что он обследует возвышенность. Макс прошептал на ухо Сэму:

— Может, нам лучше податься немного назад?

— Поздно. Главное теперь — не шевелись.

Пузырь проплыл совсем рядом с ними, остановился и медленно двинулся в их сторону. Макс увидел, что Сэм держит бластер наготове. Он не стрелял, пока пузырь не завис прямо над ними. Разряд опалил ветки, но и тварь сбил тоже.

— Сэм, там еще один.

— Где? — Сэм посмотрел туда, куда указывал Макс. Второй пузырь, по-видимому, прикрывал первого, он летел повыше и дальше. У них на глазах он развернулся и стал набирать высоту.

— Сними его, Сэм!

Сэм встал.

— Поздно. Слишком далеко и слишком поздно. Ну что же, ребята, вот теперь мы двинулись. Больше нет смысла прятаться. Элли, садись и съезжай, это будет легче для твоих ног.

И они покатились вниз, сбивая по дороге камни, в клочья раздирая одежду. Чипси, к большому своему удовольствию, двигалась самостоятельно. На дне лощины Сэм сказал:

— Макс, за сколько ты можешь сделать полмили?

— Не знаю. Минуты за три.

— Лучше бы быстрее. Двигай. Я помогу Элли.

— Нет.

— Тебе надо туда добраться! Ты там нужен.

— Нет!

Сэм вздохнул.

— Ты всегда такой мужественный и героический. Ладно, бери ее за другую руку.

Когда они, наполовину неся девушку, покрыли сотни две ярдов, Элдрет стряхнула их.

— В одиночку я могу двигаться быстрее,— сказала она, задыхаясь.

— О'кей, двинули! — выдохнул Сэм.

И действительно, теперь они двигались быстрее. Не обращая внимания на свои израненные ступни, Элли так быстро перебирала ногами, что Макс, хотя и не был еще на пределе, уже хватал ртом воздух. Корабль становился все ближе. Макс заметил, что клеть подъемника наверху, и подумал, сколько потребуется времени, чтобы их заметили и опустили ее вниз.

Они были уже на полпути, когда Сэм крикнул:

— А вот и кавалерия! Давай со всех сил.

Макс оглянулся на бегу, стадо кентавров, дюжины две, может — еще больше, неслось со стороны холмов. Направление их движения не оставляло сомнений — они стремились отрезать людей от корабля. Элли тоже увидела опасность и прибавила скорости, мгновенно опередив Макса.

До корабля оставалось всего несколько сотен ярдов, когда клеть сошла с упора и лениво поползла вниз. Макс хотел было закричать, что они все-таки успеют, когда услыхал топот копыт, теперь совсем неподалеку.

— Давай, ребята! — заорал Сэм.— В корабль!

Сам он остановился.

Макс остановился тоже, крича:

— Беги, Элли!

— Да беги же ты, кому сказано! — рявкнул Сэм.— Ты-то что можешь сделать? Без оружия.

Макс стоял в нерешительности, невыносимость выбора разрывала его. И тут Элли тоже остановилась. Сэм глянул назад, потом ударил Макса по губам тыльной стороной ладони.

— Двигай! Доведи ее до корабля.

Макс побежал, обхватив Элли одной рукой и принуждая ее тоже двигаться. А позади них Сэм Андерсон лицом к лицу встретил свою смерть, встав на одно колено и оперев ствол бластера на согнутую левую руку, в точности как на картинке из армейского руководства.

Глава 20
«КОРАБЛЬ — ЭТО НЕ ПРОСТО ЖЕЛЕЗО»

Клеть с размаху ударилась о землю, из нее выскочили четыре человека, в тот же самый момент Макс свалился внутрь, втащив за собой Элли. Дверь за ними с грохотом закрылась, но прежде в клеть успела влететь Чипси. Она подбежала к Элли, вцепилась в ее руку и завыла. Элли попыталась сесть.

— Как ты там? — спросил Макс.

— Да вроде ничего. Только...— Она заплакала, а Макс резко повернулся и отчаянно рванул дверь.

Дверь не открывалась. Только через некоторое время он сообразил, что лифт уже оторвался от земли. Макс ударил по кнопке «стоп». Реакции не последовало никакой, клеть продолжала подъем. Футах в десяти от земли она остановилась. Макс посмотрел через решетку вверх и крикнул: — Эй! Там, наверху! Опускай!

Реакции опять не было. Он попробовал дернуть дверь — бесполезно, так как предохранительное устройство не позволяло открыть ее при поднятой клети. Бессильный что-либо сделать, Макс ухватился за прутья и выглянул наружу. Сэма он не увидел. Кентавры носились кругами не очень далеко от корабля. Он увидел, как один из них споткнулся и упал, затем другой. Потом он заметил четверых, которые выскочили из лифта навстречу ему. Они лежали плашмя неподалеку от корабля, развернувшись в грамотную стрелковую цепь. У каждого был бластер с прикладом, каждый, тщательно целясь, стрелял.

Дистанция была не слишком большой, сотни три ярдов, и выстрелы часто попадали в цель. Макс насчитал еще семь убитых кентавров, а потом чудовища развернулись и врассыпную понеслись в сторону холмов. Стрельба продолжалась, и, прежде чем расстояние стало слишком большим, упало еще несколько кентавров.

Кто-то крикнул:

— Не стрелять! — Один из людей поднялся на ноги и побежал туда, где был центр сражения. Остальные тоже поднялись и последовали за ним.

Вернулись они, неся что-то, похожее на тюк грязной одежды. Клеть опустилась на землю, они вошли и осторожно положили свою ношу на пол. Один из вошедших искоса взглянул на Элдрет, торопливо снял с себя куртку и накрыл ею лицо Сэма. Только тогда Макс увидел, что это был мистер Вальтер.

Остальные трое были мистер Дайглер, какой-то человек с силовой установки, которого Макс не знал по имени, и главный эконом Джордана. Толстяк плакал, не скрывая слез.

— Вшивые ублюдки,— говорил он, всхлипывая,— у него не было никаких шансов. Они просто затоптали его насмерть.— Он задохнулся, потом добавил: — Но он успел достать их штук пять, не меньше.— Джордана глядел прямо на Макса, видимо не узнавая.— Он хорошо с ними посчитался.

— Он умер? — тихо спросила Элдрет.

— Что? Конечно же. Не задавай глупых вопросов.— Эконом отвернулся.

Лифт рывком остановился. Вальтер заглянул через шлюз внутрь и зло произнес:

— Уберите отсюда зрителей. Тут что, цирк для них? — Он повернулся внутрь лифта.— Ребята, давайте внесем его.

Нагибаясь, чтобы помочь, Макс увидел, как миссис Дюмон уводит Элдрет. Очень осторожно они внесли Сэма на корабль и положили его на палубу около уже ожидавшего врача. Вальтер выпрямился и, как казалось, только теперь заметил Макса.

— Мистер Джонс? Вы бы не могли как можно скорее зайти ко мне?

— Да, сэр. Но только...— Макс посмотрел на лежавшего на полу друга.— Я бы только хотел...

— Вы все равно не можете здесь ничем помочь,— оборвал его Вальтер.— Идем.— И добавил более мягким голосом:— Заходите минут через пятнадцать. За это время вы успеете умыться и переодеться.

Макс появился в каюте первого помощника вовремя, приняв душ, наскоро побрившись и в чистой форме — хотя и без фуражки.

Единственная его форменная фуражка была где-то в далекой долине, он потерял ее еще при первой встрече с кентаврами. Кроме Вальтера в каюте находились старший механик Компаньон и мистер Сэмьюэлс, казначей. Они сидели вокруг стола и пили кофе.

— Входите, мистер Джонс,— пригласил Вальтер.— Садитесь. Кофе?

— Да, сэр.— Макс вдруг понял, что страшно голоден. Он положил в чашку уйму сливок и сахару.

Несколько минут, пока Макс пил кофе и понемногу приходил в себя, говорили о всяких мелочах. В конце концов Вальтер сказал:

— Как ваше состояние, мистер Джонс?

— Да, пожалуй, ничего. Устал только.

— Да уж, думаю. Очень жаль, что приходится так сразу за вас браться. Вы знаете, в какой ситуации мы находимся?

— Кое-что знаю, сэр. Сэм мне рассказывал... Сэм Андерсон...— Макс не смог говорить дальше.

— Мы все очень сожалеем об Андерсоне,— рассудительно произнес мистер Вальтер.— Во многих отношениях он был одним из лучших, с кем я служил. Но вы продолжайте.

Макс пересказал то, что успел рассказать ему Сэм, однако сократил сведения о Саймсе и капитане Блейне до простого утверждения, что они мертвы. Вальтер кивнул.

— В таком случае, вы, конечно, понимаете, чего мы от вас хотим?

— Думаю, да, сэр. Вы хотите взлететь, и поэтому вам нужно, чтобы я занимался астронавигацией.— Он немного помолчал.— Думаю, что я справлюсь.

— М-м... да. Только это не все.

— Сэр?

— Вы должны быть капитаном.

Все трое без отрыва глядели на него. У Макса закружилась голова, и он на мгновение подумал, что это такое с ним происходит. Лица собеседников выросли в размерах, потом куда-то отступили. Он с трудом сообразил, что уже много часов почти не ел и почти не спал, жил на одних нервах — да, все дело, видимо, в этом. Откуда-то издалека до него донесся голос Вальтера:

— ...Крайне необходимо без малейшего промедления покинуть эту планету. В юридическом смысле наше положение сейчас со-

вершенно очевидно. В космосе командовать кораблем имеет право только офицер-астронавигатор. вы получаете предложение возложить на себя эту ответственность в очень юном возрасте, но у нас нет, кроме вас, никого, удовлетворяющего всем требованиям, и поэтому вы просто обязаны согласиться.

Макс с трудом взял себя в руки; расплывшиеся, колеблющиеся очертания окружающих вновь сфокусировались.

— Мистер Вальтер?

— Да?

— Но я же не астронавигатор. Я только стажер на испытательном сроке.

— А Келли говорит, что вы — астронавигатор,— прорычал старший механик Компаньон.

— Да Келли сам больше астронавигатор, чем я!

— Нет! — Компаньон потряс головой.— Вы не можете судить о своих возможностях.

Сэмьюэлс кивком выразил согласие.

— Давайте покончим с этим,— добавил Вальтер.— Вопрос о том, чтобы главный вычислитель стал капитаном, даже не стоит. И ваше положение в гильдии не имеет значения. Последовательность передачи командования кораблем по необходимости ограничена одними астронавигаторами. И вы — старший в этой последовательности, каким бы вы ни чувствовали себя молодым. В настоящий момент командование кораблем лежит на мне — пока я его не передал. Но я не могу поднять корабль в пространство. И если вы откажетесь... я не знаю, что мы будем тогда делать. Я совершенно не знаю.

Макс сглотнул и сказал:

— Послушайте, сэр. Я же не отказываюсь исполнять свои обязанности. Я буду заниматься астронавигацией — какого черта, я думаю, что при сложившихся обстоятельствах меня вполне можно назвать астронавигатором. Но зачем же притворяться, что я — капитан. Я буду направлять корабль, а вы командуйте. Так будет лучше всего, сэр. Я же даже не знаю, как должен себя вести капитан.

Вальтер отрицательно покачал головой.

— Это невозможно с точки зрения закона.

— Я-то лично не очень забочусь обо всех этих юридических штучках,— добавил Компаньон.— Но в то же время я понимаю, что

ответственность нельзя поделить. Если говорить откровенно, молодой человек, я бы предпочел видеть на посту шкипера Вальтера — но он не знает астронавигации. Я был бы в восторге, если бы это был док Хендрикс,— но его нет. Я бы даже охотнее потащил эту ношу сам, чем возлагать ее на вас,— но я физик и того, что я знаю из математики астронавигации, вполне достаточно, чтобы понять, что всей моей жизни не хватит, чтобы достичь той скорости, которая астронавигатору просто необходима. Не тот у меня темперамент. Келли говорит, что у вас она есть. Я служил с Келли много лет, я ему доверяю. Так что, сынок, дело это как раз для тебя: ты должен взять его на себя — и пост, который к нему прилагается. Вальтер поможет — да мы все тебе поможем,— но ты просто не имеешь права уклониться и оставить его со всеми этими делами на руках.

Мистер Сэмьюэлс спокойно сказал:

— Я не могу согласиться со старшим механиком насчет маловажности легального аспекта: чаще всего все законы имеют под собой очень серьезные основания. Но со всем остальным, что он сказал, я согласен вполне. Мистер Джонс, корабль — это не только кусок железа, это еще и сложный политический организм. И нарушать его законы и обычаи — значит нарываться на большие неприятности, может, даже катастрофу. Значительно проще будет сохранять мораль и дисциплину на этом корабле при юном капитане, поддерживаемом всеми офицерами, чем дать пассажирам и команде повод заподозрить, что человеку, обязанному принимать критические решения, решения по управлению кораблем, от которых зависит его жизнь и смерть, что этому всемогущему человеку в то же время невозможно доверить командование кораблем. Нет, сэр, такая ситуация по-настоящему испугала бы меня; именно так и начинаются мятежи.

Макс чувствовал биение своего сердца, голова его разламывалась на куски от боли. Вальтер хмуро посмотрел на него и спросил:

— Ну так как?

— Я принимаю ваше предложение.— Потом он добавил: — А что мне еще остается делать?

Вальтер встал.

— Какие будут указания, капитан?

Макс сидел не двигаясь и пытался успокоить сердцебиение. Он сжал пальцами свои пульсирующие виски, вид у него был перепуганный.

— Ну... Продолжайте работы по графику. Начните приготовление к старту корабля.

— Есть, сэр.— Вальтер помолчал, потом спросил: — Позвольте вас спросить, когда капитан намерен произвести старт?

Максу опять стоило больших трудов сконцентрировать внимание на происходящем.

— Когда? Не раньше чем завтра — завтра в полдень. Мне нужна ночь для того, чтобы выспаться.— Про себя он подумал, что вместе с Келли они могут вывести корабль на орбиту вокруг планеты, убравшись таким образом от кентавров, а затем спокойно обдумать следующий ход.

— Я думаю, что это правильно, сэр. Нам нужно время.— Компаньон встал.— Если вы позволите, сэр, я начну подготовку своего хозяйства.

К нему присоединился Сэмьюэлс.

— Ваша каюта готова, сэр. Я распоряжусь, чтобы через несколько минут туда перенесли ваши вещи.

Макс посмотрел на него с удивлением. Он еще не успел осознать все новые обстоятельства своей теперешней должности. Жить в святая святых капитана Блейна? Спать на его койке?

— Я не думаю, что это так уж необходимо. Мне вполне удобно в моей каюте.

Сэмьюэлс бросил взгляд на первого помощника, а затем сказал:

— С вашего позволения, капитан, это как раз одно из тех обстоятельств, которые я имел в виду, говоря, что корабль — сложный политический организм.

— Э? — Макс немного подумал, а затем неожиданно почувствовал, как одновременно на него опускается тяжкая ноша и у него появляется сила, чтобы эту ношу выдержать.— Очень хорошо,— ответил он голосом, в котором появилась уверенность.— Так и сделайте.

— Да, сэр.— Сэмьюэлс взглянул на него.— Кроме того, капитан,— если, конечно, вы того желаете,— я скажу Лопесу, чтобы он зашел в вашу каюту и подровнял вам волосы.

Макс сдвинул прядь волос с уха назад.

— Да уж, я действительно оброс, не правда ли? Очень хорошо.

Казначей и старший механик вышли из каюты. Макс несколько секунд постоял в неуверенности. Что ему делать дальше в своей новой роли?

— Капитан, вы не могли бы уделить мне еще несколько минут? — спросил Вальтер.

— О, конечно.

Они сели за стол, и Вальтер снова налил кофе. Макс сказал:

— Мистер Вальтер, как вы думаете, могли бы мы позвонить и попросить, чтобы принесли бутербродов? Я не ел сегодня.

— Как же, конечно! Простите меня, сэр.— Вальтер не стал вызывать звонком посыльного, а вместо этого позвонил по телефону и заказал ленч. Затем он повернулся к Максу.— Капитан, я рассказал вам не все, да и не хотел делать это в присутствии других.

— Да?

— Только поймите меня правильно. То, что я передаю командование вам, не зависит от этих обстоятельств. Кроме того, совсем не обязательно, чтобы ваши подчиненные знали все, что знает их капитан, даже если эти подчиненные — командиры подразделений.

— Пожалуй, что так.

Вальтер смотрел на свой кофе.

— Вы знаете, каким образом умер Саймс?

Макс рассказал ему то немногое, что успел узнать у Сэма. Вальтер кивнул.

— В основных чертах так все это и было. М-м-м... Не полагается, конечно, плохо говорить о мертвых, но Саймс был крайне неуравновешенным. Когда умер капитан Блейн, он счел само собой разумеющимся, что он сразу же становится капитаном.

— Ну, я думаю, что так оно и выглядело с его точки зрения, с точки зрения закона.

— Да ни в коем случае! Извините меня, что я вас поправляю, капитан, но это ошибочно на все сто процентов.

Макс нахмурился.

— Я, наверное, чего-то совсем не понимаю,— но мне казалось, что вы убеждали меня именно этим доводом.

— Нет, сэр, так как корабль находился на земле, командование переходило ко мне, старшему по званию. И от меня не требуется,

чтобы я передавал командование астронавигатору — только тогда и в том случае, когда корабль уходит в космос. И даже в таком случае не обязательно передавать командование именно старшему по званию офицеру-астронавигатору. Мои обязанности в данном случае определены предельно ясно — при возможности производить выбор из нескольких кандидатур. Я обязан передать командование только тому офицеру, относительно которого имею уверенность, что он справится со своими обязанностями. Так вот, у меня уже давно были сомнения относительно мистера Саймса, я имею в виду его характер. Однако в данной ситуации мне было бы крайне трудно не передать ему командование, как только началась бы предстартовая подготовка. Но вышло так, что еще до того, как мы лишились капитана, мне представился случай познакомиться со способностями мистера Саймса по части астронавигации — отчасти из-за того разговора с вами. Я поговорил с Келли — как вы совершенно верно поняли, у Келли очень хорошая репутация. Думаю, теперь я понимаю, каким образом получилось, что последний переход был неудачным,— Келли не пожалел сил на объяснения. Так вот, этот факт и то, что, как совершенно прямо сказал мне Келли, ни один из членов вашей команды из Ямы не желал бы отправляться в космос под началом мистера Саймса, привело меня к решению, что, если уж дойдет до этого, я скорее навсегда оставлю корабль на планете, чем позволю Саймсу стать капитаном. Все это, конечно, было предварительными размышлениями: капитан был болен, и предусмотрительность заставляла меня рассматривать различные варианты.

А потом капитан умер — и Саймс объявил себя капитаном. Этот идиот даже перебрался в капитанскую каюту и послал за мной. Я сказал, что он не командует этим кораблем и никогда не будет им командовать. Затем я ушел, запасся свидетелями и прихватил с собой главу нашей полиции, чтобы выкинуть его из каюты. А что произошло потом, вы уже знаете. Не только вы обязаны жизнью Андерсону, и я тоже.

Вальтер резко переменил тему разговора.

— А вот про этот потрясающий трюк, который вы проделываете,— вычисление без таблиц и справочников. Вы всегда можете это делать?

— Что? Конечно, да.

— И вы помните все эти таблицы? Или только некоторые из них?

— Я помню все стандартные таблицы и справочники, то, что астронавигаторы называют своими «орудиями труда».— Макс начал было рассказывать о своем дяде, но Вальтер мягко его остановил.

— Если позволите, сэр, я рад это услышать. Я очень рад это услышать. Так как единственные такие книги, имеющиеся на этом корабле, это те, которые находятся у вас в голове.

Пропажу, естественно, обнаружил не Вальтер, а Келли. Когда он поделился своими подозрениями с Вальтером, они устроили обыск. Когда это не дало результатов, было объявлено, что один (правда, он всего один и был) комплект книг пропал. Вальтер предложил вознаграждение, корабль прочесали от кормы до астрокупола — *книг не было.*

— Я думаю, он спрятал их где-то снаружи,— закончил свой рассказ Вальтер.— Вы понимаете, в какое положение это ставит нас — мы же находимся в осаде. И даже если бы не это, найти их можно было бы только случайно. Так что я очень рад, что вы так же уверены в своей памяти, как в ней уверен Келли.

У Макса начали появляться сомнения — одно дело проделывать что-нибудь как трюк, для своего удовольствия, совсем иное — делать это по необходимости.

— Все не так плохо,— ответил он.— Возможно, Келли не подумал об этом, но таблицы логарифмов и двоичных переводов, вероятно, найдутся у механиков, а с ними мы сумеем справиться с любым обычным маршрутом. Остальное нужно в основном для аномальных переходов.

— Келли тоже об этом подумал. Скажите мне, капитан, каким образом возвращается назад корабль после того, как он проникнет в новооткрытую конгруэнтность?

— Что? Так что вы хотите, чтобы я сделал с этим кораблем?

— Я не имею права,— официальным голосом сказал Вальтер,— говорить капитану, куда он должен вести свой корабль.

— Я тоже думал об этом,— медленно произнес Макс.— Последние дни у меня была уйма времени для размышлений.— Он не стал уточнять, что думал об этом в плену ночами, чтобы уберечь свой рассудок.— Конечно же, у нас нет тех приборов, которые несет исследовательский корабль, да и прикладная астронавигация не занимается слишком подробно методами вычисления конгруэнтности. И не все исследовательские корабли возвращаются.

— Но...

Тут их прервал стук в дверь. В каюту вошел человек из команды экономa и уставил стол едой. Макс почувствовал острое чувство голода.

Намазав ломтик тоста маслом и джемом, он отхватил от него большой кусок.

— Господи, да как же хорошо!

— Мне надо было самому догадаться. Не хотите банан, сэр? Внешне они выглядят вполне прилично. Кажется, гидропоникам пришлось недавно их прореживать.

Макса передернуло.

— Не думаю, чтобы я когда-нибудь смог опять есть бананы. И папайю.

— Аллергия, капитан?

— Не то чтобы... Ну, в общем, да.— Покончив с тостом, он сказал: — Так насчет того варианта, с конгруэнтностью. Я уведомлю вас позже.

— Хорошо, капитан.

Незадолго до обеда Макс стоял в капитанской спальне перед высоким зеркалом и рассматривал свое отражение. Волосы его снова были коротко подстрижены, а двухчасовой сон немного снял усталость с лица. Он аккуратно надел форменную фуражку под необходимым углом. Внутри фуражки, которую Макс обнаружил в каюте вместе с одной из своих собственных форм, было написано «Хендрикс». На форму чья-то рука нашила капитанские знаки различия. Макс уже смирился с тем, что он — капитан, хотя это и казалось каким-то диким сном, но все равно большое изображение солнца на груди беспокоило его. Он чувствовал, что, несмотря на четыре капитанских шеврона, не имеет права ни на что большее, чем маленькое солнышко, обведенное окружностью.

Однако Вальтер и Сэмьюэлс, при всей почтительности, были тверды в этом вопросе. Сэмьюэлс цитировал какие-то прецеденты, проверить которые Макс не мог. Он сдался.

Еще раз посмотрев на себя в зеркало, он расправил плечи и вздохнул. Ну что же, надо идти, никуда не денешься. Спускаясь по трапу, он услыхал, как корабельные динамики несколько раз повторили:

— Всем членам команды! Всем пассажирам! Всем собраться в гостиную палубы Б.

Толпа молча расступалась перед Максом. Он подошел к столу капитана — к своему столу — и сел во главе его. Вальтер стоял рядом с его стулом.

— Добрый вечер, капитан.

— Добрый вечер, мистер Вальтер.

Элдрет сидела напротив. Она поймала его взгляд и улыбнулась.

— Привет, Элли.— Он ощутил, что краснеет.

— Добрый вечер, капитан,— твердым голосом сказала Элли. Одета она была в таком же великосветском стиле, как и в первый раз, когда Макс увидел ее в гостиной. Казалось совершенно невероятным, что эта леди — та самая девчонка, чье грязное личико смотрело на него поверх нацарапанных на земле шахматных досок.

— А как ваши ноги?

— Сплошные бинты и домашние шлепанцы. Врач очень хорошо над ними поработал. Я прямо завтра буду уже танцевать.

— Вы лучше так не торопитесь.

Она бросила взгляд на его шевроны и солнце на груди.

— И это вы мне говорите.

Не успел Макс ответить — а ответить было нечего,— как Вальтер наклонился к его плечу и тихо сказал:

— Мы готовы, капитан.

— О! Давайте.

Вальтер постучал по стакану.

Первый помощник обрисовал положение в спокойных тонах, отчего оно представилось разумным, неизбежным. Закончил он, сказав:

— И таким образом, в соответствии с законами и обычаями космоса, я передал свое временное командование вашему новому капитану. Капитан Джонс!

Макс поднялся. Он огляделся, сглотнул, попытался заговорить и не смог. Затем так, словно это была намеренная драматическая пауза, а не просто жест отчаяния, он взял свой стакан и сделал глоток.

— Уважаемые гости и члены команды,— начал он,— мы не можем здесь оставаться. Все вы это знаете. Мне сказали, что врач назвал систему, противостоящую нам на этой планете, «симбиотическим рабством» — это отношения, похожие на отношения человека с собакой, только в большем масштабе, и покрывают со-

бой они, видимо, весь животный мир этой планеты. Но человек не создан для рабства — симбиотического или любого другого. В то же время нас слишком мало, чтобы одержать сейчас победу, поэтому мы должны уйти.

Он сделал паузу, чтобы отпить еще глоток; в это время Элли ободряюще поймала его взгляд.

— Возможно, когда-нибудь сюда вернутся другие — подготовленные лучше нас. Ну а что касается нас, я собираюсь попытаться провести «Асгард» назад через... ну, «дырку», вы можете называть это так, через которую мы попали сюда. Это рискованное дело. Мы не заставляем ни одного из вас принимать в этом участие, однако учтите, что это — единственный доступный нам путь домой. Любой, кто испугается этого риска, будет высажен на северном полюсе третьей планеты — вечерней звезды, которой мы дали имя «Афродита». Возможно, вы сумеете там выжить, хотя даже на полюсах этой планеты очень жарко. Если вы предпочитаете такой вариант, сообщите свои фамилии казначею сегодня вечером. Все остальные попытаются попасть домой.— Он замолк, затем неожиданно сказал: — Это все,— и сел.

Аплодисментов не последовало, и он пришел в мрачное настроение, считая, что скомкал свое первое появление перед населением корабля. Обедавшие понемногу начали переговариваться, члены команды покинули зал, официанты стали быстро подавать блюда. Элли посмотрела на него и чуть-чуть одобрительно кивнула. Миссис Мендоса сидела слева от него.

— Мак... то есть, я хотела сказать «капитан»,— это и вправду так опасно? — спросила она.— Мне как-то совсем не нравится мысль о том, чтобы сделать нечто рискованное. Неужели мы больше ничего не можем придумать?

— Нет.

— Но ведь должен же быть какой-нибудь еще выход?

— Нет. И я бы предпочел не обсуждать этот вопрос за столом.

— Но...— Макс твердо продолжал черпать ложкой суп, стараясь, чтобы руки не дрожали. Когда он поднял голову от тарелки, его глаза встретились с поблескивающими глазами сидевшей напротив женщины, миссис Монтефьоре, которая предпочитала, чтобы ее на французский манер называли «Принципесса» — титул, сомнительный до крайности.

— Долорес, отстаньте вы от него с такой ерундой. Мы все хотим послушать про его приключения — ведь правда, капитан?

— Нет.

— Не ломайтесь, пожалуйста. Мне говорили, что все это было ужасно романтично.— Она растянула последнее слово и искоса, исподтишка, бросила взгляд на Элли. Потом она снова поглядела на Макса глазами хищной птицы и оскалила в улыбке зубы. Казалось, что зубов у нее больше, чем полагается.— Расскажите нам все-все про это.

— Нет.

— Но вы же просто не имеете права отказать даме.

Элдрет одарила ее лучезарной улыбкой и промурлыкала:

— Принцесса, милочка, вы слишком широко открываете рот.

Миссис Монтефьоре прикусила язык.

После ужина Макс поймал Вальтера один на один.

— Мистер Вальтер?

— Да, капитан?

— Я не ошибаюсь, считая, что одной из моих привилегий является право выбирать лиц, которые сидят за моим столом?

— Именно так, сэр.

— В таком случае — эта особь женского пола, Монтефьоре... Не могли бы вы сказать, чтобы ее пересадили? И уже к завтраку.

Вальтер слегка улыбнулся.

— Есть, сэр.

Глава 21
КАПИТАН «АСГАРДА»

Сэма отнесли наружу и похоронили на том самом месте, где он погиб. Макс ограничил число участников похорон собой, Вальтером и Джордана, передав Элли, чтобы та не приходила. Имелся и почетный караул, вооруженный боевым оружием. Он лежал кольцом вокруг могилы, не спуская глаз с холмов. Макс прочел заупокойную службу почти неслышным голосом — громче он просто не мог.

Механики срочно изготовили надгробный памятник — заостренный сверху прямоугольный столбик из нержавеющего метал-

ла. Макс смотрел на столбик, лежавший рядом с могилой, и вспоминал, как он выбирал эпитафию. «Никто иной так сильно не любил?» Нет, решил он, Сэму с его циничным презрением к любой сентиментальности это не понравилось бы. Он думал о надписи. «Он играл теми картами, которые ему сдали» — но и это не подходило Сэму; если Сэму не нравились карты, он мог иногда подменить и всю колоду. Нет, вот это было больше в духе Сэма. Макс воткнул столбик в землю и прочитал написанное на нем:

В ПАМЯТЬ
сержанта Сэма Андерсона
из Имперской морской пехоты
«Он съел все, что подали на стол»

Вальтер видел памятник впервые.

— Так вот, значит, какие дела? В общем-то я и сам о чем-то таком догадывался.

— Да. Я так и не знаю настоящую его фамилию. Ричардс. А может — Робертс?

— О! — Вальтер немного обдумал, что из этого следует.— Мы можем восстановить его в звании, сэр, посмертно. Его можно будет установить по отпечаткам.

— Думаю, Сэм был бы доволен.

— Я займусь этим, сэр, когда мы вернемся домой.

— Если мы вернемся.

— Если вы не возражаете, капитан, то лучше — когда мы вернемся.

После похорон Макс направился прямо на пост управления. Он был здесь накануне вечером и оправился уже кое-как от шока, полученного им, когда в Хитрой яме к нему тоже стали относиться как к капитану. На этот раз, когда Келли встретил его словами: «Доброе утро, капитан»,— он сумел воспринять это почти непринужденно.

— Доброе утро, шеф. Доброе утро, Ланди.

— Кофе, сэр?

— Спасибо. Так с выходом на орбиту — все уже готово?

— Еще нет, сэр.

— Тогда и забудьте про нее. Я решил двигаться прямо назад. Спланировать все успеем на ходу. Эти пленки у вас?

— Я взял их оттуда перед вахтой.— Они говорили о пленках, спрятанных в каюте Макса. Саймс сумел избавиться от первого комплекта сразу после смерти капитана Блейна; запасной комплект был единственным источником информации о том, когда и где «Асгард» прорвался в это пространство, там же находились записи всех стандартных наблюдений, произведенных сразу после скачка.

— О'кей. Тогда за работу. Кнопки нажимать может Ковак.

Остальные уже понемногу подходили, хотя оставалось еще порядочно времени до начала вахты. Так было принято в команде Келли.

— Если вы не возражаете, сэр, я охотно посидел бы за компьютером вместо капитана.

— Ковак с этим справится. А вы можете помочь Ногучи и Ланди с этими пленками.

— Есть, сэр.

Через некоторое время к Максу стали поступать данные. Прошлой ночью он дважды просыпался в холодном поту от страха, что утратил свою уникальную память. Однако когда пошли данные, он программировал без малейших усилий, нужные страницы сами открывались перед его внутренним зрением. В основных чертах программа полета состояла из короткого отхода от планеты, чтобы избавиться от ее влияния, изменения положения корабля, чтобы местное солнце оказалось «сзади» и было проще учитывать его поле, а затем прямого ускоренного полета в тот район, где они прорвались в это пространство. Все это не обязательно должно было выполняться точно, произвести скачок с первого подхода не планировалось; необходимо было сперва исследовать нужную область пространства, произвести много фотографических наблюдений и обработать результаты. В этом месте разведка никогда не проводилась, придется провести ее самостоятельно.

Старт был просчитан, результаты расчета записаны на ленту автопилота, а лента была поставлена на пульт управления задолго до полудня. Корабль придерживался местного времени, в результате час содержал около пятидесяти пяти стандартных минут. Теперь корабль вернется к Гринвичскому времени, временем всегда

распоряжался центр управления. Обед будет попозднее, кое-кто из пассажиров, как обычно, переставит свои часы не в ту сторону и будет, как обычно, винить в этом правительство.

Они синхронизировались с двигательщиками, пленка в автопилоте закрутилась, дел больше не осталось — только нажать кнопку за несколько секунд до установленного времени и тем самым разрешить автопилоту поднять корабль. Зазвенел телефон, Смит взял трубку и повернулся к Максу.

— Это вас, капитан.

— Капитан,— голос говорившего звучал озадаченно.— Мне очень не хотелось отвлекать вас на посту управления.

— Ничего. А в чем дело?

— Это миссис Монтефьоре. Она хочет, чтобы ее высадили на Афродите.

Макс секунду подумал.

— Кто-нибудь еще передумал?

— Нет, сэр.

— Им же всем было сказано, чтобы они сообщили свои фамилии вчера вечером.

— Я указал ей на это, сэр. Ее ответы нельзя назвать вполне логичными.

— Мне бы доставило ни с чем не сравнимое удовольствие скинуть эту особу за борт. Но, как ни говори, мы все-таки за нее отвечаем. Скажите ей «нет».

— Есть, сэр. Позволительно будет мне иметь некоторую свободу в том, каким образом я скажу ей это?

— Конечно. Только держите ее от меня подальше.— Макс положил трубку и обнаружил, что рядом стоит Келли.

— Уже скоро, сэр. Может быть, вы сядете за пульт и все сами проверите? До того, как поднимете корабль?

— Э? Да нет, поднимайте вы, шеф. Первая вахта ваша.

— Есть, капитан.— Келли сел за пульт. Макс занял капитанское кресло, чувствуя себя несколько неловко. Жаль, что он не научился курить трубку, так бы все было на месте: капитан сидит в стороне, спокойный, с трубкой в зубах, а тем временем корабль маневрирует.

Он ощутил легкую пульсацию, и его вдавило в кресло чуть сильнее: «Асгард» снова был в собственном поле искусственного

тяготения, не зависимом от внешних факторов. Через несколько секунд корабль поднялся; заметно это было только по тому, что голубое небо за куполом сменилось усыпанной звездами тьмой Космоса.

Макс встал, заметил, что все еще держит в руке воображаемую трубку, и поспешно ее бросил.

— Пойду вниз, шеф. Позовите меня, когда первые результаты наблюдений будут готовы для расчетов. Кстати, по какому расписанию будут вахты?

Келли закрыл пульт, встал и подошел к нему.

— Знаете, капитан, я планировал, что мы с Коваком будем через раз, а остальные ребята будут стоять одну из трех, сдвоим позднее.

Макс отрицательно покачал головой.

— Нет. Вы, я и Ковак. И останемся на одной из трех как можно дольше. Сейчас никто не может сказать, как долго мы там провозимся, пока решим сделать попытку.

Келли понизил голос.

— Капитан, можно я скажу, что я думаю?

— Келли, как только вы перестанете быть со мной откровенным, я потеряю какие-либо шансы довести это дело до конца. Вы же сами это знаете.

— Благодарю вас, сэр. Но капитан не должен себя выматывать. Так получилось, что Вам придется производить все вычисления.— Потом Келли добавил тише: — Безопасность корабля важнее вашей... Ну, подходящим словом будет, пожалуй, гордости.

Ответил Макс далеко не сразу. Он на собственном опыте, без посторонней помощи и предварительного обучения знал, что командиру непозволительны обычные, простительные человеку в любой другой должности, слабости. Власть, врученная ему, управляет им самим значительно сильнее, чем кем-либо другим. Привилегии капитана — вроде права убрать из-за своего стола надоедливую бабу — были малозначительны, в то время как трудности этой нечеловеческой работы множились самым неожиданным образом.

— Шеф,— медленно произнес он,— как вы думаете, хватит места за компьютером, чтобы перенести туда все это кофейное хозяйство?

Келли прикинул на глаз размеры свободного места.

— Да, сэр. А зачем?

— Я подумал, что тогда здесь хватит места поставить койку.

— Вы собираетесь спать здесь, сэр?

— Иногда. Но я думал вообще обо всех нас — ведь вы проводите здесь половину своего времени. Ближайшие несколько недель совсем не обязательно, чтобы старший по вахте большую часть времени бодрствовал — так все мы сможем немного дремать, когда представится такая возможность. Что вы об этом думаете?

— Это противоречит инструкциям, сэр. Плохой прецедент... и плохой пример.— Он бросил взгляд на Ногучи и Смита.

— Вы запишете это соответствующим официальным образом, цитируя пункт инструкции и временно отменяя его по случаю чрезвычайных обстоятельств и из соображений безопасности корабля. А я подпишу.

— Если вы так хотите, сэр.

— В вашем голосе что-то не слышно уверенности, так что возможно, я и не прав. Подумайте, а потом скажете мне.

Койка появилась, и приказ был записан в журнал, однако Макс ни разу не видел, чтобы Келли или Ковак хоть раз легли на нее. А что касается его самого, не пользуйся он этой койкой, спать ему пришлось бы совсем мало.

Ел Макс обычно тоже на посту управления. По пути на свидание с *ничто* делать было, собственно, почти нечего, только время от времени проводить наблюдения для того, чтобы выяснить, где расположено это *ничто* в окружающем небе. Однако Макс быстро заметил, что, когда он не вычисляет, он беспокоится или делится своими беспокойствами с Келли.

Каким образом разведывательные корабли находят путь назад через впервые обследуемые конгруэнтности? И что происходит с теми из них, которые не возвращаются? Возможно, доктор Хендрикс сумел бы найти оборотную сторону не нанесенной на карты конгруэнтности при помощи стандартных приборов корабля — а может быть и нет. Макс решил, что доктор Хендрикс сумел бы; покойный был фанатиком своей профессии и обладал обширнейшими познаниями в области теоретической физики, на которой основываются рутинные числовые расчеты,— познаниями, Макс был уверен, значительно более широкими, чем у большинства астронавигаторов.

Макс знал, что разведывательные корабли обсчитывают конгруэнтности с обеих сторон, используя теорию гравитационного поля и данные, полученные на первоначально неизвестной стороне. Он предпринял попытки провести грубые прикидки подобных вычислений, но потом бросил это занятие. У него не было ни малейшей уверенности в получаемых результатах — он был уверен в том, что правильно производит сами математические операции, но крайне сомневался в теоретических предпосылках и остро ощущал сомнительность закладываемых в расчет исходных данных. Было просто невозможно точно измерить массы звезд, отстоящих на целые световые годы, при помощи оборудования, имевшегося на «Асгарде».

Похоже было, что, когда Макс бросил свои попытки, Келли почувствовал облегчение. Теперь они вдвоем посвятили все свое время стараниям проложить «колею» к тому не обозначенному на картах участку неба, в котором они — согласно сделанным в прошлый раз фотоснимкам — прорвались в это пространство, с целью в конце концов скользнуть по этой колее, появиться в нужном месте со скоростью только чуть меньше световой, затем дать кораблю толчок и надеяться на хороший исход.

Аналогичный маневр на поверхности планеты был бы простым делом, но ситуация в космосе не имеет себе аналогов на поверхности. «Неподвижные» звезды двигаются с большими скоростями, а других ориентиров в космосе нет; для того чтобы решить, какой участок безликого пространства является тем самым, в котором ты был в прошлый раз, нужно численно решать уйму уравнений, не имеющих изящного теоретического решения. По каждой нанесенной на карту конгруэнтности астронавигатор получает таблицу заранее вычисленных решений — «Критические таблицы обследованных аномалий». Максу с Келли предстояло составить такую таблицу самим.

Макс проводил так много времени на посту управления, что в конце концов первый помощник осторожно сказал ему, что настроение пассажиров, вероятно, заметно улучшится, если он найдет время иногда показываться в гостиной. Вальтер не добавил к своим словам, что Макс обязан улыбаться и излучать спокойную уверенность, это ясно подразумевалось. С этого времени Макс при каждой возможности обедал с офицерами и пассажирами.

Само собой, Макс очень нечасто видел Элдрет. Когда он встретил ее во время первого обеда после ненавязчивого совета Вальтера, она выглядела дружелюбно, но несколько отстраненно. Макс решил про себя, что Элли проявляет уважение к нему, что заставило его серьезно задуматься, не заболела ли она. Он припомнил, что первоначально ее принесли на корабль на носилках; возможно, она совсем не такая крепкая, какой хотела бы казаться. Он решил разузнать об этом у врача, но не напрямую, конечно же!

За кофе шла пустая болтовня, и Макс начинал уже ерзать от желания вернуться поскорее в Хитрую яму. Нет, нельзя, ведь Вальтер настоятельно просил не проявлять торопливости и озабоченности. Он огляделся по сторонам и провозгласил.

— Что-то это место стало сильно смахивать на морг. Неужели теперь больше никто не танцует? Дюмон!

— Да, капитан!

— Организуйте танцевальную музыку. Миссис Мендоса, вы окажете мне честь?

Миссис Мендоса слегка хихикнула и приняла его приглашение. Выяснилось, что она — полный позор Аргентины, ни малейшего чувства ритма. Однако Макс умудрился провести ее вокруг зала ценой всего нескольких небольших столкновений с окружающими и доставить на исходную точку как раз к концу танца, что дало ему возможность вполне вежливо с ней раскланяться. Затем он воспользовался привилегией своего положения для того, чтобы разбить чету Дайглеров. Прическа Мэгги все еще была короткой, однако во всех остальных отношениях она вернула свое великолепие.

— Капитан, мы без вас скучаем.

— Я работал. Вы же знаете, как не хватает людей.

— Наверное, так оно и есть. Э... Капитан, ведь осталось уже совсем недолго?

— До того, когда мы будем совершать скачок? Недолго. Потребовалось так много времени потому, что нам пришлось проделать жуткое количество дурацких вычислений — понимаете, для пущей осторожности.

— А мы действительно попадем домой?

Макс одарил ее тем, что, как он надеялся, было уверенной улыбкой.

— Абсолютно. Не беритесь ни за какую толстую книгу из корабельной библиотеки, казначей не даст вам взять ее на поверхность.

Она вздохнула.

— Ну, вы меня успокоили.

Макс поблагодарил ее за вальс, оглянулся по сторонам, заметил миссис Монтефьоре и решил, что его обязанности по поддержанию корабельной морали не простираются так далеко. Элдрет сидела, и он подошел к ней.

— Ноги еще беспокоят вас, Элдрет?

— Нет, капитан. Спасибо за внимание.

— Может быть, вы тогда потанцуете со мной?

Она изумленно распахнула глаза.

— Вы хотите сказать, что у капитана может найтись время для такой маленькой бедной девочки, как я?

Он наклонился к ней поближе:

— Еще одна такая шуточка, замарашка ты несчастная, и тебя закуют в кандалы.

Она хихикнула, наморщив нос.

— Есть, капитан!

Некоторое время они танцевали молча. Максу немного ударила в голову ее близость, и он не понимал, почему не пригласил ее раньше. В конце концов Элли сказала:

— Макс? Ты совсем бросил 3-шахматы?

— Как? Еще чего. После того как мы сделаем этот скачок, у меня будет время для игры — если, конечно, ты дашь мне два корабля форы.

— Мне очень жаль, что я тогда проболталась. Но я очень хочу, чтобы ты иногда навещал Чипси. Вот сегодня утром она спрашивала: «Где Макси?»

— О, я и вправду очень виноват. Я бы брал ее иногда с собой на контрольный пост, но только она может нажать какую-нибудь кнопку и погубить нам месячную работу. Пойди, принеси ее.

— Она будет нервничать в такой толпе. Пошли лучше мы к ней.

Он покачал головой.

— Только не в твою каюту.

— Что? Не говори глупостей. У меня и так не осталось никакой репутации, а капитан может делать все, что ему заблагорассудится.

— Ты просто не была капитаном. Видишь, как та стервятница наблюдает за нами? — Он глазами указал на миссис Монтефьоре.— А теперь иди, принеси Чипси, и чтобы больше не спорить.

— Есть, капитан.

Макс почесал Чипси подбородок, дал ей несколько кусочков сахара и уверил ее, что она — самый очаровательный паукообразный щенок в этом участке Галактики. Затем он распрощался.

Макс ощущал возбуждение и какую-то неожиданную уверенность в себе. Увидев, как мистер Вальтер входит в свою каюту, он чуть задержался на трапе, а потом, повинуясь мгновенному импульсу, последовал за ним. Вопрос беспокоил его все время, и этот случай был не хуже любого другого.

— Вальтер, вы не заняты?

Первый помощник обернулся.

— О нет, капитан. Заходите, пожалуйста.

Макс не говорил о своем деле, пока они пили традиционный кофе. Затем он сказал:

— У меня тут есть один вопрос, мистер Вальтер,— совершенно личный.

— Что-нибудь такое, в чем я могу вам помочь?

— Не думаю. Но у вас во много раз больше опыта, чем у меня, и я хотел бы посоветоваться с вами.

— Если капитан так желает.

— Слушайте, Вальтер, это дело Макса, а никак не капитана.

Вальтер улыбнулся.

— Хорошо. Только не просите меня, чтобы я менял форму обращения к вам. Может образоваться плохая привычка.

— О'кей, о'кей.— Макс хотел прощупать Вальтера относительно истории с липовой трудовой книжкой: доложил доктор Хендрикс об этом? Или нет?

Однако теперь он понял, что не может следовать такой линии: он был капитаном, и это все меняло.

— Я хочу рассказать вам, каким образом я попал на этот корабль.— Он рассказал все, больше не скрывая роли Сэма. Сэму теперь ничто не повредит. Вальтер очень серьезно слушал его рассказ.

— Я ждал, когда вы заговорите об этом, капитан,— сказал он, когда Макс закончил.— Доктор Хендрикс доложил мне все это,

правда не так подробно, когда выдвинул вас в стажеры-астронавигаторы. Все мы согласились, что внутри корабля нет необходимости поднимать этот вопрос.

— Меня беспокоит, что случится, когда мы вернемся. Если мы вернемся.

— Когда мы вернемся. Так чего вы хотите? Совета? Помощи? Или чего?

— Я не знаю. Я просто хотел рассказать вам.

— М-м-м... тут есть такие альтернативы. В одном случае мы можем разобраться с этим вопросом здесь, на корабле, несколько изменив не слишком важный документ. В этом случае...

— Нет, Вальтер. Я не хочу, чтобы с «Асгарда» подавались липовые отчеты.

— Я был почти уверен, что вы так скажете. Я того же мнения, хотя, с другой стороны, я чувствовал, что по... ну, скажем, по различным причинам — обязан покрывать вас, если вы об этом попросите.

— Когда-то я собирался организовать такую подделку. Мне даже казалось, что это оправданно. Но теперь я не могу этого сделать.

— Понимаю. Следущая альтернатива состоит в том, чтобы доложить обо всем и ждать, что последует. В этом случае я до конца буду стоять рядом с вами. Я уверен, что старший механик и казначей поступят также.

Макса переполняло счастье и теплое умиротворение.

— Спасибо, Вальтер. Мне все равно, что там со мной сделают... Лишь бы только не отлучили меня от космоса.

— Не думаю, что дело повернется подобным образом, особенно после того, как вы приведете корабль домой. Но если уж они решатся на такое — эту драку они хорошо запомнят. Ну а пока не думайте об этом.

— Попытаюсь.— Макс нахмурился.— Вальтер! Скажите мне честно, что вы сами думаете про то, что я сделал?

— Трудный вопрос, капитан. Важнее другое — как к этому относитесь вы.

— Я? Не знаю. Я хорошо знаю, как я относился к этому раньше. Я был очень воинствен.

— Э?

— Я постоянно занимался объяснениями — про себя, конечно,— почему я так поступил. Я оправдывал себя, доказывал, что виноват

не я, а вся система. А теперь я не хочу больше оправдываться. Не то чтобы я жалел о том, что сделал,— особенно когда подумаешь, чего бы я иначе лишился. Но в то же самое время я не хочу уклоняться от расплаты за содеянное.

Вальтер кивнул.

— Это правильный подход. Капитан, не бывает идеальных законов. Каждый обязан подходить к ним на основе собственного суждения и здравого смысла, а не слепого подчинения. Я тоже нарушал правила, кое за что я поплатился, кое за что — нет. Этот ваш поступок мог превратить вас в педантичного морализирующего придурка, обреченного идти всегда по прямой, не видя ничего вокруг, следя за тем, чтобы все окружающие четко следовали букве закона. Или, наоборот, вы могли превратиться в вечного ребенка, считающего, что законы писаны для всех, кроме вас. Похоже, что ни того ни другого не произошло; я думаю, что эта история добавила вам зрелости.

Макс ухмыльнулся.

— Ну что ж, спасибо, первый.— Он поднялся.— Вернусь-ка я в Яму и поиграюсь немного с числами.

— Капитан? А вы достаточно высыпаетесь?

— Я? Конечно, я же ложусь на часок почти во время каждой вахты.

— Минус четыре часа, капитан.

Макс, протирая глаза и пытаясь стряхнуть с себя сон, сел на койке, стоявшей на посту управления. «Асгард» был в колее, шел по ней с максимальным ускорением уже несколько дней, готовясь к последнему рывку, который выбросит их из этого пространства в другое — в то, которое они знали, или какое-либо другое, в зависимости от того, насколько соответствовали их вычисления истинной структуре Вселенной.

Макс, моргая, поглядел на Келли.

— Сколько времени вы уже здесь?

— Не очень долго, капитан.

— Да вы вообще хоть сколько-нибудь спали?

— Ну, если так говорить, капитан...

— Ладно, вас не исправишь. Есть готовое?

— Да, сэр.

— Читайте.

Они зачитывали ему данные, а Макс, сидя с закрытыми глазами на койке, программировал задачу и переводил ее в двоичные

числа, понятные машине. В течение многих дней он не отлучался из Ямы больше чем на несколько минут. Он дремал между наблюдениями, просыпался, обрабатывал результаты и снова ложился.

Он держал Келли и Ковака на попеременных вахтах, сколько было возможно, хотя было очень трудно заставить Келли отдохнуть. Ланди, Смит и Ногучи продолжали работать по очереди, задерживаясь и работая вдвоем, когда дел было больше, чтобы помогать друг другу в наблюдениях. Макса заменить было некем, он должен был обрабатывать каждое наблюдение, выдавая из своей феноменальной памяти информацию, содержавшуюся в пропавших таблицах.

Сейчас на месте были все, кроме Ланди. Он вернулся как раз в тот момент, когда Макс закончил счет задачи и передал приказание о коррекции курса.

— Наилучшие пожелания от кока,— объявил он, ставя на стол галлон мороженого.

— Какое? — спросил Макс.

— С крупнотертым шоколадом, сэр.

— Самое любимое. Не забывай, когда будешь его раскладывать, что на днях я буду выставлять оценки эффективности работы.

— Капитан, это же нечестно. Шефу приходится кормить значительно большую массу, чем вам.

— А у меня очень высокая скорость обмена веществ,— объявил Ногучи.— Поэтому мне надо больше.

— Ногги, у тебя, наверное, в каждой ноге по пространственной свертке. Мы поручили Келли раскладывать в надежде на то, что гордость удержит его от неверных поступков.— Макс повернулся к Келли.— Как там с графиком?

— Двадцать минут, капитан.

— Думаете, надо так часто?

— Так будет вернее, сэр.

— О'кей.

Они провели еще одно наблюдение и съели мороженое, после чего Макс перешел к уточнению точки перехода. Келли не сел за компьютер. Кнопки, нажимаемые Коваком, давали тот же ответ, как и нажимаемые Келли, а Максу нужен был Келли за верньерным стереографом, где его большой опыт позволял извлекать максимум из скудных данных. Ланди помогал Келли, в то время как Смит и Ногучи занимались съемкой и обработкой пластинок.

В минус два часа Макс позвонил Компаньону и сказал ему, что они уже почти на точном курсе. Старший механик заверил его, что с этого момента он лично будет нежно заботиться о величине и направлении ускорения.

— Ни пуха ни пера, капитан!

При десятиминутном графике наблюдений Макс не испытывал еще никаких трудностей, хотя должен был признаться, что свежим как огурчик назвать его трудно. Однако все было хорошо, он был при деле, коррекции были приятно малы — Компаньон, видимо, серьезно работал там, у себя внизу. Когда таймер на компьютере показал, что осталось меньше часа, он встал и потянулся.

— Все по местам. Кто-нибудь, разбудите Ногги. Все заглотили стимулятор? А у кого есть для меня?

Келли повернулся и протянул ему таблетку. Макс кинул ее в рот и запил глотком кофе.

— Если хотите, жуйте последний бутерброд. Ну, ребята, давай.

Данные потекли непрерывным потоком. Через некоторое время Макс начал уставать. Он едва успевал прочитать по огонькам компьютера коррекцию и передать ее на двигатели, как Келли выдавал новые числа. Появилась коррекция, которая казалась лежащей вне кривой, как если бы они рыскали по курсу. Он еще раз бросил взгляд на лампочки компьютера, прежде чем ввести ее,— и только тут понял, что ему продиктовали новый набор данных.

— Повтори! — попросил он.

Келли повторил. Макс прогнал числа через свой мозг и обнаружил, что они для него ровно ничего не значат. Интересно, откуда взялась эта последняя коррекция? Законны ли были методы, использованные им при исследовании аномалии? Да и можно ли вообще назвать это исследованием? Действительно ли именно так делает разведывательный корабль, чтобы вернуться? Как они могли надеяться, что человек...

— Капитан! — резко сказал Келли. Макс помотал головой и сел.

— Простите. Давай следующую.

С паническим чувством он просмотрел в уме числа и попытался программировать. Он понял, наконец, что это такое — потерять уверенность в себе тогда, когда критический момент приближается со скоростью света.

Он сказал себе, что должен оставить эту попытку, проскочить мимо заданной точки на скорости меньше световой, потратить

недели на разворот и попробовать снова. Но он понимал, что, если он так сделает, нервы его не выдержат второй попытки.

И в этот тяжелый момент к нему пришло ощущение, что кто-то стоит за его спиной, положив руки ему на плечи. Стоит, успокаивает, утешает его. И он начал диктовать числа Коваку, ясно и четко.

Через двадцать минут Макс все еще продолжал диктовать их с безупречной точностью автомата. Он принял еще один набор данных, обработал его и передал Коваку, не сводя глаз с таймера. Он ввел коррекцию, совсем крошечную, и скомандовал:

— Внимание!

Джонс нажал кнопку, позволявшую хронометру произвести последний толчок в нужный, с точностью до микросекунды, момент. И только тогда он оглянулся, но за спиной его было пусто.

— Вон там Джип,— услышал он восторженный голос Келли.— А вон там — Гадкий Утенок.

Их опять окружало небо Ню Пегаса и Алкионы.

Пятью минутами позднее Келли с Максом пили холодный кофе и подчищали остатки из тарелки с бутербродами. Тем временем Ногучи и Смит проводили стандартные послепереходные наблюдения, а Ковак с Ланди, которым надо было стоять следующую вахту, спустились вниз немного отдохнуть. Макс снова взглянул на купол.

— Так что, получается, мы сумели? Вот уж никак не думал.

— Вы это серьезно, капитан? Лично у меня с того момента, как вы приняли командование, не было никаких сомнений.

— Слава Богу, что вы не знали, как я себя чувствовал.

Келли пропустил его слова мимо ушей.

— А вы знаете, сэр, когда вы программируете, ваш голос поразительно похож на голос доктора Хендрикса.

Макс пристально посмотрел на него.

— У меня был очень плохой момент,— медленно произнес он.— Совсем незадолго до скачка.

— Да, сэр. Знаю.

— А потом — понимаешь, это было просто такое ощущение. Я же не верю в привидения. Только мне показалось, что доктор стоит у меня за спиной, как он это делал когда-то, и проверяет меня. И тогда все пошло хорошо.

Келли кивнул.

— Да. Он был здесь. Я был уверен, что он придет.

— Как? Что ты хочешь сказать? — Но Келли не ответил, вместо этого он блаженно улыбнулся и начал просматривать послепереходные пластинки, сравнивая их с эталонными, вынутыми из сейфа,— первая возможность такой операции с того момента, как корабль заблудился.

— Думаю,— сказал Макс, когда Келли покончил со своим занятием,— что нам бы лучше прикинуть орбиту к Ню Пегаса, прежде чем отправиться на боковую.— Он широко зевнул.— Господи, да я совсем помираю.

— К Ню Пегаса, сэр? — спросил Келли.

— Не можем же мы с такого расстояния прицеливаться прямо в Алкиону. Что ты имеешь в виду?

— Ничего, сэр.

— Говори.

— Понимаете, сэр, я все время считал, что мы теперь займем позицию для перехода на Новую Землю. Но если капитан хочет так...

Макс постучал пальцами по сейфу с картами. Он собирался проложить курс к простой, видимой глазом цели, откуда они и ушли недавно, чтобы там, на Алкионе, ждать себе в замену компетентного специалиста. Ему и в голову не могло прийти, что кто-нибудь ждет, что, совершив невозможное, он займется иным.

— Вы ожидали, что я проведу корабль до конца? Без таблиц и без помощи?

— Я ничего не имел в виду, капитан. Это было просто бессознательное предположение.

Макс выпрямился:

— Скажи Коваку, чтобы он просто держал корабль на постоянном курсе. Позвони Вальтеру, чтобы он сейчас же зашел ко мне в каюту.

— Есть, сэр.

Первый помощник встретил его у дверей каюты.

— Привет, Вальтер. Заходите.— Они вошли в каюту, и Макс бросил фуражку на стол.— Ну что же, мы-таки выкрутились.

— Да, сэр. Я наблюдал через иллюминатор гостиной.

— Вы не выглядите удивленным.

— А я должен так выглядеть, капитан?

Макс вытянулся в кресле, разминая усталую спину.

— Должны. Да, сэр, вы должны.

— Хорошо. Я удивлен.

Макс посмотрел на него и улыбнулся.

— Вальтер, а куда теперь направляется этот корабль?

— Капитан еще не сообщил мне этого.

— Какого черта! Вы же понимаете, о чем я говорю. По расписанию мы идем на Новую Землю. Но вот тут, прямо перед нами, торчит Алкиона — даже слепой мог бы нащупать ее своей тростью. Так какой маршрут имели в виду вы, когда протолкнули меня в капитаны? Скажите, чего вы ожидали тогда? До того, как обвесили меня этими нашивками.

— Я имел в виду,— ответил Вальтер,— подобрать для «Асгарда» капитана.

— Это не ответ. Послушайте, от всего этого зависела жизнь пассажиров. И конечно, мне пришлось ради них рискнуть. Выбора не было никакого. Но теперь-то выбор есть. Вам следует рассказать им все, и пусть они голосуют.

Вальтер потряс головой, выражая крайнее неодобрение.

— У пассажиров никогда и ничего не спрашивают. Во всяком случае — на корабле, который находится в пути. Это было бы просто нечестно по отношению к ним. Им только говорят.

Макс вскочил с места и зашагал по каюте.

— Вы говорите «нечестно». Честность. Это нечестно по отношению ко мне.— Он резко развернулся и встал лицом к лицу с Вальтером.— Ну так что? Вы же не пассажир. Вы мой первый помощник. По вашему мнению, что я должен делать?

Вальтер глядел ему глаза.

— Я не могу принимать решения за капитана. Именно поэтому вы и капитан.

Макс остановился и закрыл глаза. Числа стояли перед ним совершенно отчетливо, аккуратными столбиками. Он подошел к телефону и ударил по кнопке вызова центра управления.

— Говорит капитан. Келли еще там? Привет. Очень удачно, шеф. Мы готовимся к переходу на Новую Землю. Начинайте работу, я буду через пару минут.

Глава 22
ТОМАГАВК

Макс любил это время года, это время дня. Он лежал в траве на небольшом холмике к западу от амбара, повернув голову так, что-

бы смотреть на северо-запад. Макс глядел не отрываясь в эту сторону, на выходное кольцо ЧСЗ магнитной дороги, откуда с минуты на минуту должен был вырваться «Томагавк». Вырваться и по свободной траектории перелететь через провал. На этот раз Макс не читал, никакая работа его не подгоняла, он просто бездельничал и наслаждался летним вечером.

Белка села столбиком неподалеку от Макса, уставилась на него и, решив, что он безопасен, вернулась к своим делам. Мимо пропорхнула птица.

Последовала захватывающая дух тишина, а затем серебряный снаряд вырвался из выходного кольца, перелетел провал и вошел в кольцо на дальней его стороне. В тот же момент по ушам Макса ударил грохот звуковой волны.

— Ни фига себе! — тихо произнес он.— Ведь каждый раз кажется, что на этот раз не выйдет.

Макс поднялся на холмик только для того, чтобы поглядеть на это, однако сразу вставать не стал. Вместо этого он вытащил из кармана письмо и перечитал его конец. *«...Думаю, папаша очень обрадовался, получив меня назад в целости, так как он в конце концов смилостивился. Мы с Путци поженились неделю назад, и, Макси, я такая счастливая! Обязательно зайди к нам в следующий раз, как будешь на Геспере».* Далее она добавила: *«P. S. Мистер Чипс целует тебя — и я тоже».*

Отличная она девчонка, Элли. Она обычно добивалась своего — не мытьем, так катаньем. Путци ему было немного жалко. Но с другой стороны, если бы все они тогда остались на Надежде...

Все это ерунда, астронавигатор не должен жениться. Макс с нежностью потрогал рисунок солнца на своей груди. Жалко, что не получилось остаться на «Асгарде», но они, конечно же, правы. Как же можно служить младшим офицером на корабле, капитаном которого ты только что был?! А помощник астронавигатора на «Королеве Елизавете» — тоже очень хорошее назначение; все говорят, что «Лиззи» — корабль что надо.

А к тому же не у каждого молодого П.А. есть на счету новая конгруэнтность — ее как раз сейчас исследуют. Так что не на что ему тут обижаться. Его даже не слишком напугал огромного размера штраф, наложенный на него Советом гильдий, и официальное взыскание, внесенное ему в трудовую книжку. Самое главное, ему разрешили остаться в космосе, а взыскание это записано рядом с благодарностью за конгруэнтность «Хендрикс».

Но хотя никто не оспаривает справедливость наказания — он, конечно же, заслужил его,— все равно гильдии организованы неправильно. Законы должны давать каждому свой шанс. Когда-нибудь у него будет достаточно высокое положение, чтобы попробовать что-нибудь с этим сделать.

Ну а тем временем, если он здесь еще засидится, придется, наверное, покупать это такси. Макс поднялся и пошел по склону вниз. Вертолет был перед домом, таксист стоял рядом с ним и смотрел на огромный свежевырытый котлован Миссури-Арканзасской энергетической стройки. Полей, где Макс недавно трудился, уже не было, выемка доходила почти до самого их двора. Дом пока еще стоял, но дверь висела на одной петле, а кто-то из ребятишек перебил все стекла. Макс смотрел на дом и думал, где могут сейчас быть Мамочка и этот парень, за которого она вышла замуж. Не то чтобы это слишком его волновало, да и в Клейдовских Углах, похоже, ни одна собака этого не знала. В конторе ему сказали, что Мамочка забрала свою половину государственной компенсации, после чего эта парочка покинула город.

Вполне может быть, что деньги у них уже кончились — половина Макса разошлась полностью, даже на весь штраф не хватило. Если они без гроша, вполне возможно, что Монтгомери придется-таки заняться какой-нибудь честной работой — не такая Мамочка женщина, чтобы позволить мужчине бездельничать в то время, когда у нее нет денег. Макс подумал про это с удовольствием; он считал, что у него есть счеты с Монтгомери, но Мамочка, возможно, сама хорошо с ним рассчитается.

Таксист повернулся к нему.

— Мощная штука будет, когда они закончат. Вы уже отправляетесь, сэр?

Макс бросил последний взгляд вокруг.

— Да, у меня здесь все.

Они забрались в кабину.

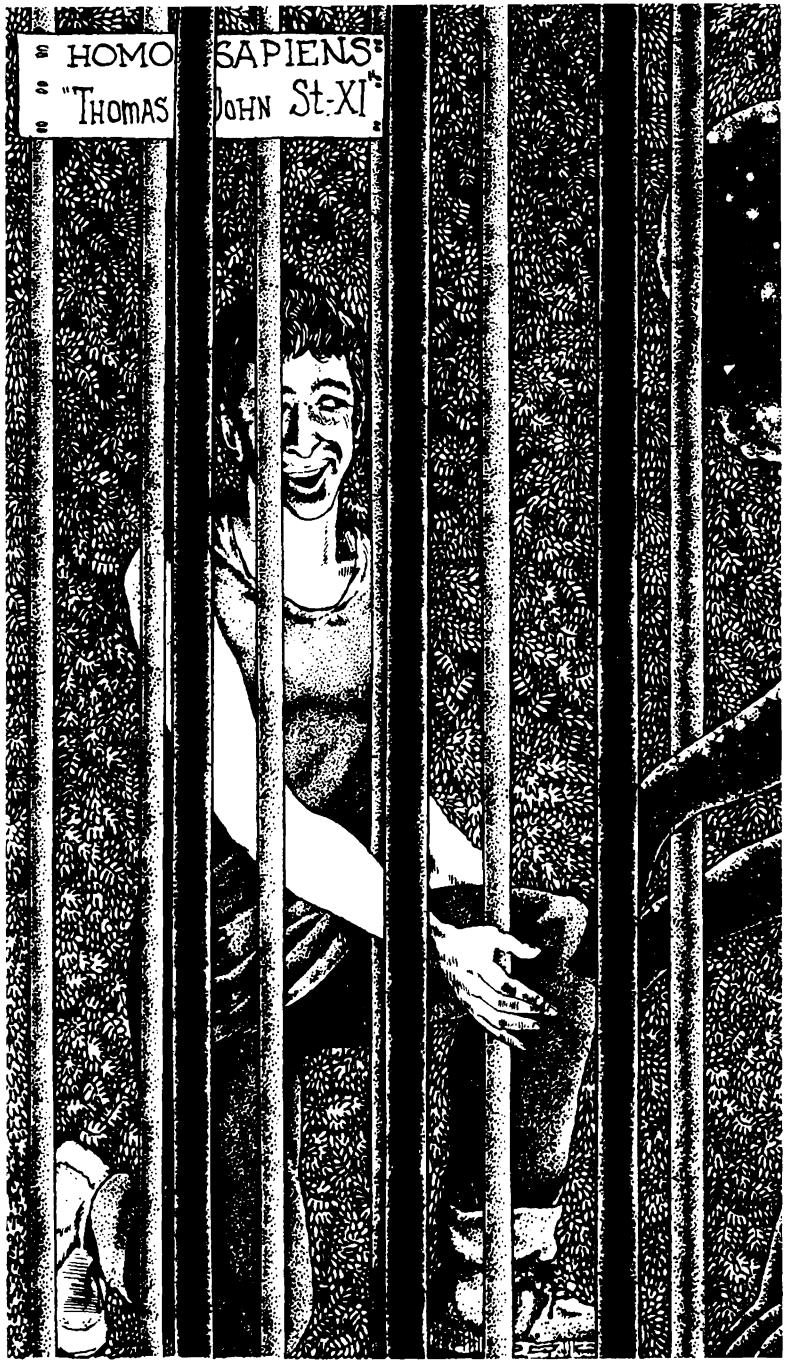
— Куда? Назад в Углы?

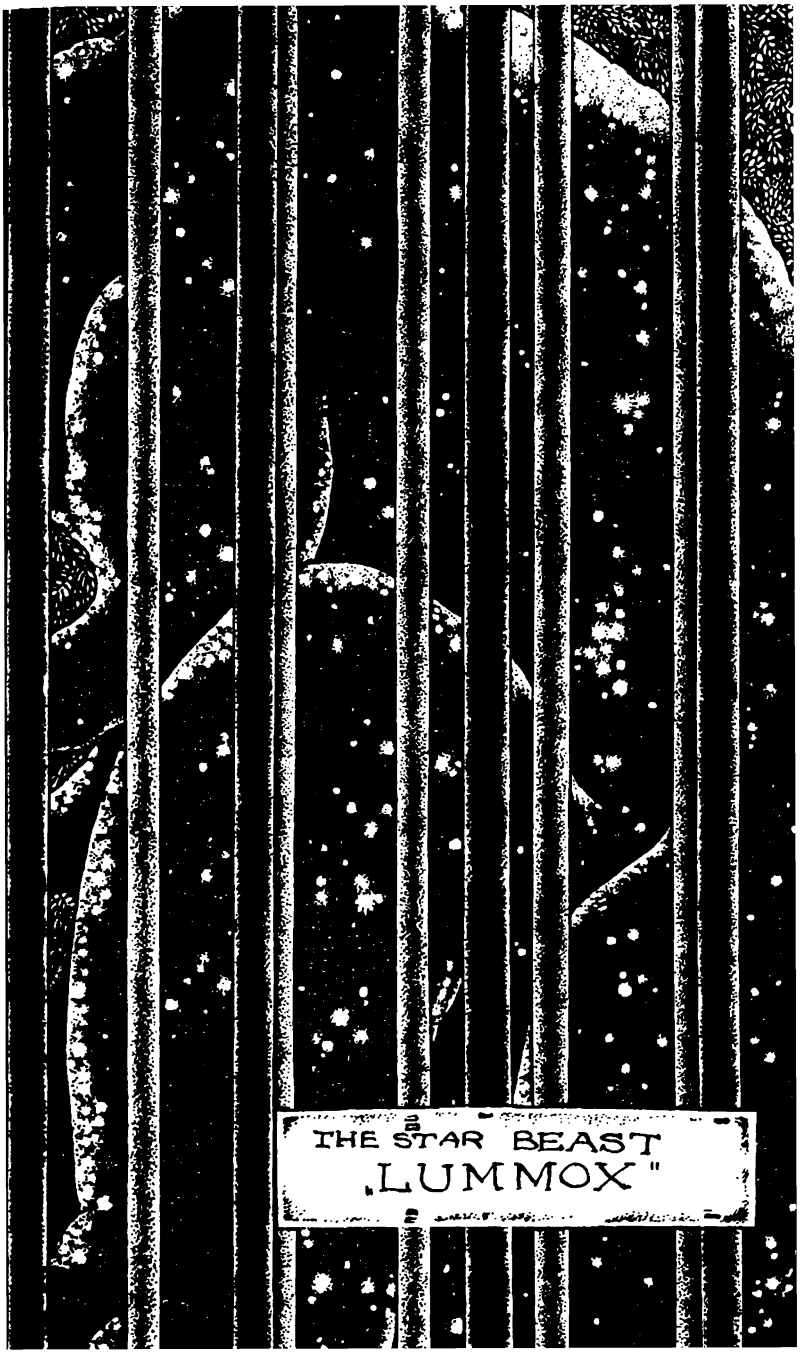
Макс поразмыслил. Деньги, конечно, надо экономить — но какого черта, после следующего рейса у него наберется их порядочно.

— Нет, летим в Спрингфилд, а там высади меня на станции южного направления магнитной дороги. Хорошо бы поймать «Копье».

Если успеть, он еще ночью будет в Земпорте.

ЗВЕЗДНЫЙ ЗВЕРЬ

HOMO SAPIENS
"THOMAS JOHN St-XI"

THE STAR BEAST
"LUMMOX"

© М. Пчелинцев, перевод

Диане и Кларку

1. Л-ДЕНЬ

Скучно было Ламмоксу, скучно и хотелось есть. В последнем не было ничего удивительного: его соплеменники всегда готовы перекусить, пусть даже после хорошего обеда. Но то, что Ламмокс скучал,— случай действительно необыкновенный. А скучал он потому, что лучшего его приятеля, Джона Томаса Стюарта, весь день не было дома; тот где-то пропадал со своею подружкой Бетти.

Конечно, один день — не в счет. Один день Ламмокс мог обойтись даже без дыхания. Но он ведь прекрасно понимал, к чему идет дело. Джон Томас достиг таких размеров и возраста, что станет теперь проводить все больше и больше времени с Бетти или другими ей подобными, и все меньше и меньше с ним, Ламмоксом. Затем предстоит довольно долгий период, когда Ламмокс не будет видеться с Джоном Томасом, а если и будет, то очень редко, но в конце концов должен появиться еще один, новый Джон Томас, который со временем подрастет и с ним станет интересно играть.

Из долгого своего опыта Ламмокс знал, что такие циклы неизбежны, от них никуда не денешься. Только знание знанием, а все равно ближайшее будущее представлялось ему жутко тоскливым. Ламмокс вяло слонялся по двору, выискивая хоть что-нибудь, стоящее внимания: кузнечика или там воробья — ему было все равно что. Он немного понаблюдал за муравейником. Муравьи, похоже, переезжали на новую квартиру. Бесконечной цепью ползли они в одну сторону, нагруженные маленькими белыми личинками, и обратно — порожняком. На такое вот увлекательное зрелище Ламмокс убил полчаса.

Когда глядеть на муравьев стало уж совсем тошно, Ламмокс поплелся к дому. Поворачиваясь, он седьмой своей ногой наступил на муравейник и раздавил его, даже не заметив. В свой дом

Ламмокс едва помещался, да и то — если заходить туда, пятясь. Домов этих у него было много: от теперешнего, самого большого, до самого маленького, дальнего, размером с конуру для щенка.

Рядом с домом стояли четыре копны сена. Ламмокс выдернул из ближней небольшой клок и меланхолично его сжевал. Этим он и ограничился: возьмешь больше — заметят, а так никто не узнает. Ламмокс мог съесть всю копну, мог и вообще все сено, ничто ему вроде не мешало, но тогда Джон Томас уж точно рассердится и будет долго ругаться. А то на неделю, или даже больше, откажется чесать Ламмоксу спину граблями. Порядки в доме заведены были строгие: Ламмокс имел право есть только подножный корм или то, что положили в кормушку. Приходилось подчиняться. Ламмокс не любил, когда на него сердились, а когда ругали — тем более.

Да и не хотелось этого самого сена. Сено вчера, сено сегодня, и завтра — тоже, наверняка, сено. Посущественнее бы чего, повкуснее. Ламмокс протопал к хилому заборчику, отделявшему задний двор от аккуратного садика миссис Стюарт, перевесил голову на другую сторону и вожделенно засмотрелся на розы. Значение этот заборчик имел чисто условное: линия, за которую нельзя. Как-то, пару лет назад, Ламмокс пересек эту линию и попробовал розовые кусты. Именно попробовал, самую малость, но миссис Стюарт устроила такое... даже теперь подумать страшно. Содрогнувшись от ужасных воспоминаний, Ламмокс торопливо отошел от забора.

Вот тут-то он и вспомнил другие розовые кусты — кусты, не принадлежавшие миссис Стюарт и, следовательно, ничьи. Росли они в саду миссис Донахью, их соседки. И был, вообще говоря, способ добраться до этих бесхозных кустов. Последнее время Ламмокс подолгу обдумывал этот способ.

Вокруг всего участка Стюартов шла десятифутовая бетонная стена. Ламмокс никогда не пытался перелезть через эту стенку, хотя и поотщипывал кое-где от ее верхнего края. Но в дальнем углу границу участка пересекала дренажная канава, и там в стене был проем. Проем заделали здоровенной решеткой из деревянных брусьев восемь на восемь дюймов, скрепленных чудовищного вида болтами. Вертикальные брусья были вкопаны в дно канавы, и подрядчик, мастеривший этот шедевр, убедил миссис Стюарт, что решет-

ка Ламмокса остановит. Да что Ламмокса, она и стадо диких слонов сдержит. И вообще остановит любое существо, лишь бы оно не могло проскользнуть между брусьев.

Ламмокс знал, что подрядчик неправ, но его же никто не спрашивал — вот он и молчал. Что касается Джона Томаса, тот свое мнение тоже держал при себе, но, похоже, догадывался, что и как. Во всяком случае он твердо наказал Ламмоксу не ломать эту решетку.

Ламмокс послушался. Конечно, он попробовал ее на вкус, но брусья пропитали какой-то гадостью, и вкус поэтому был хуже некуда. После этого он быстро оставил решетку в покое.

А вот за природные явления Ламмокс не отвечал. Еще месяца три назад он заметил, что весенние дожди так размыли дно канавы, что два вертикальных бруса теперь едва доставали грунта. Ламмокс несколько недель обдумывал такое положение вещей, а потом выяснил, что от самого легонького толчка брусья эти вроде как раздвигаются снизу. И очень похоже, что толчок посильнее раздвинет их на достаточное расстояние и, главное, решетка при этом совсем даже не будет поломана.

Ламмокс побрел проверить, как там сейчас. Последний дождь еще сильнее размыл дно канавы, один из брусьев вообще висел теперь в нескольких дюймах от земли, а другой — едва ее касался. Ламмокс широко ухмыльнулся, под стать огородному пугалу, и тихонечко, осторожненько просунул голову в щель между брусьями. И так же осторожно толкнул.

Наверху послышался громкий треск ломающегося дерева и вдруг почему-то оказалось, что дальше голова проходит совсем свободно. Удивленный Ламмокс вытащил голову из щели и посмотрел вверх. Один из брусьев сорвался с болтов и держался теперь только на верхней горизонтальной перекладине. Да, хорошенькое дело... но тут уж ничего не попишешь. Горевать над случившимся было бесполезно, да и вообще Ламмокс не имел такой скверной привычки. Как пить дать, Джон Томас потом разозлится, но это потом, а на данный момент имелась дыра в решетке. Пригнув голову, словно игрок в регби, Ламмокс неспешно двинул в проем. Раздался страдальческий треск рвущейся древесины и резкие, словно выстрелы, звуки ломающихся болтов, но теперь Ламмокс не обращал на это внимания. Он был по другую сторону забора.

Тут Ламмокс помедлил, приподнял, наподобие гусеницы, переднюю часть тела, оторвав от земли первую, третью, вторую и четвертую ноги, и огляделся. На новом месте было очень интересно; и чего ради он не ходил сюда раньше. Ведь Джон Томас так давно не выводил его даже на короткую прогулку.

Ламмокс все еще оглядывался, вдыхая воздух свободы, когда на него невесть откуда налетел, захлебываясь от яростного лая некий уж очень недружелюбно настроенный тип. Ламмокс сразу узнал его. Этот мощный, даже для своей породы, огромный мастиф, как и положено псу-бродяге, шнырял свободно по всей округе. Ламмокс частенько обменивался с ним оскорблениями сквозь только что уничтоженную решетку. Против собак как таковых Ламмокс ничего не имел; за долгую жизнь у Стюартов он довольно близко сошелся с несколькими из собачьей породы и считал, что с ними можно вполне прилично провести время — если, конечно, рядом нет Джона Томаса. Но тут был совсем другой случай. Этот мастиф воображал себя самым главным, гонял всех прочих собак, терроризировал кошек и не раз вызывал Ламмокса *выйти наружу для честного, как собака с собакой, боя.*

Ламмокс мило улыбнулся, широко раскрыл рот и шепелявым голосом маленькой девочки, который шел откуда-то из глубины его тела, назвал пса очень-очень обидным словом. Тот прямо-таки поперхнулся от возмущения. Сомнительно, чтобы пес смог понять сказанное Ламмоксом, но в том, что его оскорбили, он нисколько не сомневался. Оправившись от потрясения, пес с удвоенной яростью бросился в атаку. Он захлебывался от лая и носился вокруг Ламмокса, время от времени делая недвусмысленные попытки вцепиться в одну из его многочисленных ног.

Ламмокс спокойно за ним наблюдал, не меняя позы и не делая никаких движений. Он только добавил к ранее сказанному вполне справедливое замечание относительно предков мастифа и другое, совершенно несправедливое, по поводу его интимных привычек; пес взбесился окончательно. И тут, завершая седьмой по счету обход своего врага, мастиф неосторожно оказался совсем близко к тому месту, где стояла бы первая пара ног Ламмокса, стой тот на земле всеми восемью ногами. Ламмокс выбросил голову вперед и вниз, как это делает лягушка, слизывая комара. Его пасть широко распахнулась, словно сундук, и мастифа как не бывало.

Совсем неплохо, решил Ламмокс, прожевав и сглотнув. Очень даже неплохо, особенно ошейник. Хрусткий такой. Заморив червячка, он было подумал вернуться и сделать вид, что никуда и не выходил. Но, с другой стороны, эти самые бесхозные розы, да и Джон Томас не скоро позволит ему снова выйти наружу — уж это точно. Ламмокс неторопливо пошел вдоль бетонной стены, обогнул угол и углубился во владения миссис Донахью.

Джон Томас Стюарт XI вернулся только к обеду, по пути проводив домой Бетти Соренсон. Приземляясь, он обратил внимание на то, что Ламмокса нигде не было видно, и решил, что тот сидит в своем доме. Мысли Джона заняты были не Ламмоксом, а тем старым как мир вопросом, почему прекрасная половина рода человеческого в своей деятельности не руководствуется логикой, во всяком случае — логикой, постижимой для разума мужчины.

Джон Томас думал поступать в Западный Политехнический, а Бетти хотела, чтобы они вместе пошли в университет штата. Он говорил, что не сможет изучать в этом университете нужные ему предметы, а Бетти, просмотрев университетский проспект, убеждала его, что сможет. Он ответил ей, что важно не название курса, а кто его ведет. В этом месте спор их зашел в тупик, так как Бетти отказалась считать Джона Томаса авторитетом в таких вещах.

Все еще размышляя о нелогичности женской логики, Джон Томас рассеянно расстегнул ремни своего ранцевого вертолета и как раз засовывал его на полку, когда в прихожую ворвалась мать.

— Джон Томас! Где *вы* были все это время?

Он отчаянно пытался сообразить, в чем дело. «Джон Томас» — очень плохой признак. «Джон» или « Джонни» — это нормально, «Малыш» — тоже. Но «Джон Томас» обычно значило предъявление обвинения с последующим судом и вынесением приговора в отсутствии обвиняемого.

— А? Мама, да я же тебе говорил за завтраком. Гулял с Бетти. Мы полетели...

— Это меня не интересует. Ты знаешь, что наделал этот твой зверь?

Все ясно — Ламмокс. Господи, лишь бы не мамин садик. Может, Лам опять завалил свой дом? Если так, мама скоро успокоится. И вообще, давно пора построить новый, побольше.

— А что такое? — осторожно спросил он.

— Что такое? И ты еще спрашиваешь?! Джон Томас, уж на этот раз ты просто обязан избавиться от него. Это последняя капля.

— Мам, да ты успокойся,— торопливо ответил Джон Томас.— Мы же все равно не можем от него избавиться. Ты обещала папе.

Мать ушла от прямого ответа.

— Ну, знаешь, если полиция звонит каждую минуту, а эта огромная свирепая тварь громит все, что ей попадется на пути...

— Как? Мам, подожди. Да Лам же совсем не свирепый, он ласковый, как котенок. Что случилось?

— «Что, что!» Он такого там натворил!

Мало-помалу Джон Томас вытащил из нее подробности. Ламмокс пошел прогуляться, это, во всяком случае, было ясно. Хорошо бы во время своей прогулки он не добрался до чего-нибудь железного; железо и сталь оказывают прямо-таки взрывное действие на его обмен веществ. Помнится, когда Ламмокс съел подержанный «бьюик»...

Но тут Джон Томас снова услышал, что говорит мать.

— ... а миссис Донахью просто сама не своя. Еще бы — ее премированные розы!

А вот это уже совсем плохо. Джон Томас попытался вспомнить, сколько там в точности у него на счету в банке. И нужно будет обязательно извиниться и вообще как-нибудь ублажить старую курицу. А Ламмоксу — по ушам. Топором. Тут уж никаких прости-пожалуйста, про розы он знал прекрасно.

— Слышь, мама, это все, конечно, ужасно. Я прямо сейчас пойду и вколочу кое-что в его тупую башку. Он у меня чихнуть побоится без разрешения.— Джон Томас обошел мать и направился к выходу.

— Куда это ты собрался?

— Как куда? К Ламмоксу, скажу ему пару ласковых. Сейчас я с ним разберусь...

— Погоди, можешь не торопиться. Его тут нет.

— Как? А где он? — Джон Томас молил про себя, чтобы, если уж Ламмокс доберется до железа, так хоть съел бы не очень много.

Если подумать, в той истории с «бьюиком» Ламмокс вовсе не виноват, и вообще машина к счастью принадлежала самому Джону Томасу, но все равно...

— Я не знаю, где он сейчас. Шеф Дрейзер сказал...

— Им занимается полиция?

— Это уж точно — занимается. Вся городская бригада безопасности гоняется за ним. Мистер Дрейзер хотел, чтобы я поехала в город и забрала его домой, но я сказала, что лучше дождусь тебя.

— Мама, да Ламмокс прекрасно бы тебя послушался. Он же тебя всегда слушается. А зачем мистер Дрейзер отвез его в город? Он же знает, что Лам живет здесь. В городе Лам совсем перепугается. Бедный малыш такой робкий, ему не понравится...

— Нашел бедного малыша! Никто и не думал отвозить его в город.

— Ты же сама сказала, что отвезли.

— Ничего я такого не говорила. Если ты замолчишь на секунду, я тебе все расскажу.

События рисовались следующим образом. Миссис Донахью застукала Ламмокса в тот момент, когда тот успел съесть в ее саду только четыре или пять розовых кустов. Проявив больше отваги, чем здравого смысла, она бросилась на него со шваброй и, жутко вопя, отходила его этой шваброй по голове. Она избежала судьбы мастифа, хотя и ее Ламмокс тоже мог запросто проглотить, если б не знал, что можно, а чего нет, не хуже любой хорошо воспитанной кошки. Люди — это не еда; к тому же люди, чаще всего, существа дружелюбные.

Оскорбленный в лучших своих чувствах, надув губы, Ламмокс уковылял прочь.

Объявился он минут через тридцать в двух милях от дома Стюартов. Стюарты жили в пригородном поясе Вествилла; от города их отделяла полоса сельской местности. Здесь, в этой полосе, и находилась ферма мистера Ито, он растил на ней экологически чистые овощи на потребу гурманам. Судя по всему, мистер Ито так и не понял, что это за штука выдергивает из земли капустные кочаны и заглатывает их прямо у него на глазах. Ламмокс жил неподалеку от его фермы, и жил очень давно, но мистер Ито чужими делами не интересовался и Ламмокса до этого не видал.

Мистер Ито проявил силу духа не меньшую, чем миссис Донахью. Он бросился в дом и выволок оттуда базуку, доставшуюся ему по наследству от дедушки. Эта реликвия Четвертой мировой войны более известна под скромным именем «танкобойка».

Мистер Ито аккуратно установил это старое, но грозное оружие на небольшом столике перед домом и влепил Ламмоксу в то самое место, из которого бы у него росли ноги, если б они действительно оттуда росли. Грохот до полусмерти перепугал самого мистера Ито (еще бы, отважный фермер ни разу в жизни не слышал, как его пушка стреляет), а вспышка на мгновение его ослепила. Когда он пришел в себя, существа, громившего его огород, нигде не было.

Куда оно делось, догадаться было нетрудно. Если столкновение с миссис Донахью просто-напросто обидело Ламмокса, то сейчас он перепугался едва ли не до потери сознания. Несчастный щипал себе зеленый салат, никого не трогал; прямо перед ним стояли одна за другой три теплицы мистера Ито. Когда раздался оглушительный грохот и что-то его сильно толкнуло, Ламмокс, не помня себя от страха, припустил вперед. Обычно он пользовался порядком чередования ног 1,4,5,8,2,3,6,7 — такой порядок удобен для любых скоростей от медленного ползания до умеренной рыси; на этот раз он прямо со старта пошел чем-то вроде двойного галопа, переставляя ноги 1+2+5+6 вместе, а затем — 3+4+7+8.

Ламмокс проломил все три теплицы и даже их не заметил, за ним тянулся туннель, вполне достаточный для средних размеров грузовика. А тремя милями дальше на его пути лежал Вествилл. Насколько было бы лучше, направься он в другую сторону, в горы.

Джон Томас слушал сбивчивый рассказ матери, и до него все больше и больше доходил страшный смысл случившегося. Услышав про теплицы мистера Ито, он оставил всякие мысли о своем банковском счете и стал судорожно вспоминать, что у него есть такого, что можно продать. Ранцевый вертолет, почти новый... нет, за него много не выручишь, вертолета на все не хватит. Может, попробовать уговорить банк, чтобы дали кредит? На мать рассчитывать не приходиться, с ней все ясно — она отойдет не скоро.

Из дальнейших разрозненных сообщений выходило, что Ламмокс полями выбрался на шоссе, ведущее в город. Шофер-дальнобойщик за чашкой кофе пожаловался дорожному полицейскому, что только что видел автоматический шагоход-грузовик без номерных знаков, и эта хреновина совершенно не обращала внимания на разделительные линии. Шофер выдал все это в виде страстной обличительной речи о бедах и смертельной опасности, которыми грозит автоматический транспорт, и особо давил на то, что никогда

ничто не заменит живого шофера, сидящего в своей кабине и привычного к любым неожиданностям. Сам полицейский Ламмокса не видел: когда тот проходил по дороге, он уже пил свой кофе и рассказанное не стал принимать всерьез из-за явной предубежденности водителя. Но в управление он все-таки позвонил.

Управление транспортной полиции Вествилла не обратило на этот рапорт внимания, ему было не до того. В городе творилось черт знает что.

— Кто-нибудь пострадал? — перебил Джон рассказ матери.

— Пострадал? Не знаю. Может, и пострадал. Джон Томас, ты обязан немедленно избавиться от этой твари.

Джон Томас не стал спорить, момент был явно неподходящий.

— А что еще случилось?

Подробностей миссис Стюарт не знала. Шоссе пересекало Вествилл сверху, протягиваясь над крышами домов; Ламмокс спустился с него по одному из боковых ответвлений и оказался прямо в центре города. Двигался он теперь медленно, часто останавливаясь; уличное движение и городская толпа приводили его в смятение.

Потом он сошел с мостовой на одну из движущихся пешеходных дорожек. Дорожка, явно не рассчитанная на шесть тонн концентрированной нагрузки, со скрежетом встала. Предохранители летели один за другим, прерыватели прерывали ток, пешеходное движение на протяжении двадцати кварталов пришло в полное смятение; и это в час пик, в торговом районе города.

Женщины визжали, дети и собаки вносили посильный вклад в общую радостную суматоху, полицейские пытались восстановить порядок, а бедный Ламмокс, не желавший ничего плохого и вообще не собиравшийся посещать торговый район, допустил вполне простительную для него ошибку. Огромные витрины универмага «Bon Marché»* показались ему подходящим убежищем, где можно было укрыться от всего этого безобразия.

Вообще-то, дюрагласс, из которого были сделаны витрины, считался непробиваемым, но при этом не брался в расчет Ламмокс, принявший эти стекла за воздух. Ламмокс вошел в витрину и попытался спрятаться в выставленной там спальне. Но безуспешно.

---

* В переводе с французского «Хороший рынок»; сеть магазинов, где продают товары по низким ценам.

Джон Томас хотел спросить у матери что-то еще, но в это время раздался глухой стук на крыше. Вертолет. Джон Томас взглянул на мать.

— Ты кого-нибудь ждешь?

— Наверное, это полиция. Они сказали...

— Полиция? Господи!

— Никуда не уходи, тебе надо с ними поговорить.

— Да никуда я не ухожу,— с мукой в голосе ответил Джон Томас и, нажав кнопку, открыл вход. Через несколько секунд неторопливый лифт со скрипом остановился, открылась дверь и в комнату вошли двое полицейских — сержант и рядовой.

— Миссис Стюарт? — официально осведомился сержант.— К вашим услугам, мэм. Мы...— тут он заметил Джона Томаса, изо всех сил пытавшегося стать невидимым.— А вы, очевидно, Джон Т. Стюарт?

Джон Томас сглотнул комок в горле.

— Да, сэр.

— Вам надо лететь с нами, прямо сейчас. Мэм, вы нас извините, пожалуйста. Может, вы тоже полетите?

— Я? О нет, я буду только путаться под ногами.

На лице сержанта отразилась явное облегчение.

— Да, мэм. Пошли, парень. Тут каждая минута на счету.— Он взял Джона за локоть.

Джон попытался стряхнуть с себя руку сержанта.

— Слушайте, как это называется? У вас что, есть ордер или что-нибудь в этом роде?

Полицейский остановился, вздохнул. Сосчитав про себя до десяти, он медленно произнес:

— Сынок, у меня нет ордера. Но если ты — тот самый Джон Стюарт, который мне нужен... а я прекрасно знаю, что так оно и есть... так вот, Джон Стюарт, если ты не хочешь, чтобы с этой самой — как-ее-там — космической тварью, которую ты зачем-то у себя держишь, случилось что-нибудь серьезное и непоправимое, то лучше не тяни волынку и быстренько отправляйся с нами.

— Иду, иду — торопливо ответил Джон.

— О'кей. И чтобы никаких выходок.

Джон Томас Стюарт покорно проследовал за полицейским.

За те три минуты, которые потребовались вертолету, чтобы долететь до города, Джон Томас попытался выяснить, насколько плохо обстоит дело.

— Мистер офицер? Никто ведь не пострадал? Правда?

— Меня звать сержант Мендоса,— ответил полицейский.— Надеюсь, что никто. Но гарантировать не могу.

Джон обмыслил этот довольно расплывчатый ответ.

— А... а Ламмокс все еще в «Bon Marché»?

— Вот как, значит, ты зовешь эту тварь? Ламмокс? Подходяще. Но я бы подобрал словцо посильнее. Нет, оттуда мы его сумели турнуть. Теперь он под виадуком Вест Арройо. Надеюсь.

Ответ прозвучал несколько зловеще.

— Вы сказали «надеюсь»?

— Понимаешь, сперва мы перекрыли Главную и Гамильтоновскую, а потом выгнали его из магазина огнетушителями. Похоже, ничто другое его не берет. Крупнокалиберные пули просто отскакивают от него. Слушай, из чего у него шкура? Это что, десятидюймовая сталь?

— Ну не то чтобы...— Шуточка сержанта Мендоса была слишком похожа на правду, чтобы Джону Томасу захотелось поддержать эту тему. Он продолжал гадать, успел Ламмокс нажраться железа или не успел. После того злосчастного происшествия с «бьюиком» Ламмокс начал расти буквально на глазах; за какие-то две недели из мелкого, занюханного бегемотика он раздулся до своих теперешних невероятных размеров. Ламмокс вырос больше, чем за два-три предыдущих десятилетия. Стал он при этом необычайно тощим и был похож на деревянные козлы, которые накрыли брезентом; странный, не похожий ни на что земное скелет чуть не протыкал его шкуру. Потребовалось три года обильной кормежки, чтобы снова придать ему мало-мальски пристойный вид. С тех пор Джон Томас старался держать подальше от Ламмокса все металлическое, хотя знал, что дед и отец подкармливали его время от времени кусками металлолома.

— Такие дела. В общем, что бы там ни было, огнетушители выковыряли его из магазина, при этом он, правда, разок чихнул и сшиб с ног двоих наших людей. А потом мы, опять же огнетушителями, завернули его на Гамильтоновскую, хотели выгнать в поля, там он

хоть ничего не сломает. Тебя мы искали, но не могли найти. Хотя ничего особо страшного не случилось: ну сшиб он пару фонарных столбов, на машину наступил — мелочи. Так мы с ним добрались до перекрестка, на котором надо было завернуть его на Хиллкрест, а оттуда уж — прямо к вашему дому. Там-то мы его и упустили, он двинул прямо на виадук, сшиб ограждение и грохнулся вниз, а потом... да ты сам все сейчас увидишь. Приехали.

Над одним из концов виадука висело с полдюжины полицейских вертолетов. Кроме них в воздухе была туча частных машин и даже несколько аэробусов; патрульные вертолеты отгоняли их всех подальше. Тут же крутились сотни людей с ранцевыми вертолетами. Как летучие мыши, они шныряли между машинами, так что полиции работы хватало.

Внизу небольшая группа полицейских, усиленная офицерами из особого отряда, которых было видно по нарукавным повязкам, оттесняла толпу и одновременно направляла в объезд движение с виадука и с дороги, проходившей в лощине под ним. Пилот машины сержанта Мендосы осторожно двигался через воздушную толчею, непрерывно говоря что-то в ларингофон. От группы машин, висевших над концом виадука, отделился ярко-красный вертолет шефа Дрейзера и пошел к ним на сближение.

Обе машины зависли в сотне футов над виадуком на расстоянии в несколько ярдов друг от друга. Отсюда был хорошо виден пролом в ограждении, через который свалился Ламмокс, но самого его Джону Томасу видно не было, все закрывал виадук. Дверца машины Дрейзера открылась, и оттуда высунулся он сам. Вид у шефа полиции был замученный, его лысину покрывали крупные капли пота.

— Скажите этому мальчишке Стюарту, чтобы высунул голову.

Джон Томас опустил стекло иллюминатора.

— Я здесь, сэр.

— Послушай, ты можешь справиться с этим чудовищем?

— Конечно, сэр.

— Будем надеяться. Мендоса! Высади его. Пусть попробует.

— Сейчас, шеф.— Мендоса что-то сказал пилоту, тот перелетел виадук и начал снижаться. Ламмокса они увидели сразу: тот забился под край моста, стараясь сделаться как можно меньше. Джон Томас высунулся из вертолета и закричал:

— Лам! Ламми, мальчик! Иди к папочке!

Ламмокс зашевелился. Вместе с ним зашевелился и конец виадука. Недоверчиво озираясь, он высунул из убежища передние футов десять-двенадцать своего громадного туловища.

— Лам, я здесь, наверху!

Ламмокс наконец увидел своего друга и расплылся в идиотской улыбке.

— Опускайся, Слэтс! — резко скомандовал сержант Мендоса.— Пора кончать с этими делами.

Пилот снизился ненамного, повернулся к Мендосе и озабоченным голосом сказал:

— Сержант, этого вполне хватит. А то я раз видел, как эта тварь встает на дыбы.

— Ладно, ладно,— Мендоса открыл дверцу и спихнул наружу ногой спасательную веревочную лестницу.— Сумеешь спуститься, сынок?

— Конечно.— Придерживаясь за руку Мендосы, Джон Томас вылез наружу и крепко ухватился за перекладину. Осторожно нащупывая ступеньки, он добрался до конца лестницы. До головы Ламмокса не хватало каких-то шести футов. Джон Томас посмотрел вниз.

— Малыш, подними-ка голову. Помоги мне слезть.

Ламмокс оторвал от земли еще одну пару ног и аккуратно подставил широкий череп прямо под ноги Джону. Тот отпустил лестницу и слегка покачнулся, удерживая руками равновесие. Ламмокс осторожно положил голову на землю.

Джон Томас спрыгнул и сразу же повернулся к Ламмоксу. Падение, похоже, нисколько тому не повредило, хоть за это не нужно было переживать. Теперь первым делом домой, а там уж как следует осмотреть его с головы до ног.

Ламмокс ласкался, тычась Джону Томасу в ноги; звуки, которые он при этом издавал, были удивительно похожи на громкое мурлыканье. Джон Томас напустил на себя строгий вид.

— Ламми плохой! Ламми очень-очень плохой... Просто ужас, какой плохой, понимаешь?

После таких слов Ламмокс был ну просто само смущение. Он опустил голову до земли, посмотрел на Джона Томаса снизу вверх и широко распахнул рот.

— Я не хотел! — пропищал он тоненьким голоском маленькой девочки.

— Не хотел... Ну конечно, ты не хотел. Ты никогда не хочешь. А вот я сейчас возьму и запихну твои лапы тебе в глотку, этого ты хочешь? Я кисель из тебя сделаю, а шкуру пущу на половик. Об ужине даже не заикайся. Он, понимаете ли, не хотел!

Подлетел ярко-красный вертолет и низко завис над ними.

— Порядок? — послышался сверху голос Дрейзера.

— Еще бы.

— Хорошо. Значит, план такой. Я передвину это заграждение. Ты выведешь его на Хиллкрест, только выходите из этой лощины не вниз, а вверх. Там будет ждать конвой, вы пристроитесь сзади и так будете двигаться до самого дома. Понятно?

— О'кей.— Джон Томас посмотрел назад и увидел, что шоссе под виадуком с обеих сторон перекрыто щитами для подавления уличных беспорядков. Щиты были сделаны из тяжелых бронированных плит, которые установили на тракторы. При помощи такой техники можно в считаные минуты надежно перегородить любую улицу или площадь. Это было обычное полицейское снаряжение, введенное после мятежей девяносто первого года, но Джон Томас никогда не видел, чтобы оно применялось в Вествилле. До него стало понемногу доходить, что город не скоро забудет день, когда Ламмокс отправился погулять.

Хорошо еще, Ламмокс был слишком напуган и ему в голову не пришло попробовать на вкус один из этих щитов. Значит, была, хоть слабенькая, да надежда, что у этого оболтуса и без того было достаточно развлечений, чтобы не слопать какую-нибудь железяку. Джон повернулся к Ламмоксу.

— Ладно уж, вытаскивай свою тушу из этой щели. Сейчас пойдем домой.

Ламмокс с радостью подчинился; виадук опять заходил ходуном.

— Сделай-ка мне седло.

Середина туловища у Ламмокса опустилась на пару футов. Подумав немного, из той части спины, где получилась впадина, он соорудил что-то напоминающее кресло.

— А теперь хватит топтаться,— приказал Джон Томас.— А не то все пальцы отдавишь.

Ламмокс замер, тело его слегка подрагивало; Джон вскарабкался наверх, цепляясь за складки непрошибаемой шкуры. Сейчас он был похож на раджу, собравшегося охотиться на тигров.

— Ну, все в порядке. Теперь не спеша вверх по дороге. Стой, куда! Развернись, тупая твоя башка. Я же сказал вверх, а не вниз.

Ламмокс развернулся и послушно поковылял по шоссе.

Дорогу перед ними освобождали от посторонних две патрульные машины; две другие двигались позади. С воздуха их прикрывал помидорно-красный вертолет шефа полиции, на всякий случай держась подальше от земли. Развалившись на своем сиденье, Джон Томас зря времени не терял: он сочинял две речи одновременно. Первая предназначалась для Ламмокса, а со второй он собирался выступить перед матерью. С речью номер один особых хлопот не было: он раз за разом возвращался к ней, придумывая эпитеты один краше другого, когда спотыкался в составлении другой.

Когда весь этот бродячий цирк был уже на полпути к дому Стюартов, вдруг непонятно откуда вынырнула фигурка с ранцевым вертолетом. Проявив полное безразличие к красной мигалке дрейзеровской машины, летун спикировал прямо на огромного зверя. Конечно, это была Бетти; где угодно — в воздухе, на земле, везде она чувствовала себя как дома. Бетти отключила двигатель, и Джон поймал ее на лету.

Шеф Дрейзер распахнул иллюминатор и высунулся наружу. Но не успел он как следует набрать обороты, как Бетти прервала поток его красноречия:

— Шеф Дрейзер, не может быть! Я и не думала, что вы знаете такие слова!

Дрейзер моментально замолк и стал всматриваться, кто это там, внизу.

— Бетти, ты?

— Я, кто же еще? И скажу вам, шеф, положа руку на сердце, что никогда не ожидала услышать от вас такое. Вы сколько лет преподавали в воскресной школе? Так вот, если вам кажется, что своим поведением вы даете пример для подражания, я...

— А ты не можешь малость попридержать свой язык?

— Я?! Но ведь это же как раз вы...

— Цыц! Мне на сегодня и без тебя хватит. Включай эту свою вертелку и мотай отсюда. Давай, давай.

Бетти бросила на Джона Томаса взгляд, подмигнула и изобразила на своем лице ангельскую невинность.

— Шеф, но я же не могу.

— Как это не можешь?

— Горючее кончилось. Я сделала вынужденную посадку.

— Бетти, ты хоть бы соврала получше.

— Я? Вру? Да как вам не стыдно, Дрейзер. А еще дьякон!

— Я тебе дам — дьякон. А если у тебя пустой бак, слезай с этой твари и топай домой пешком. Не понимаешь, что здесь опасно?

— Это Ламми-то опасный? Да он, если хотите знать, мухи не обидит. И потом, вы что, думаете, я пойду домой одна? По этому глухому проселку? Когда уже почти стемнело? Знаете, смотрю я на вас и просто диву даюсь.

Дрейзер собрался было ответить, не нашел от негодования слов и захлопнул иллюминатор. Бетти ловко выскользнула из ремней и устроилась рядом с Джоном; Ламмокс заранее расширил сиденье, не дожидаясь, пока попросят. Джон Томас повернул к ней лицо.

— Ну, привет, Молоток.

— Привет, Непрошибаемый.

— Откуда ты знаешь шефа?

— Я всех знаю. А теперь затихни. Можно подумать, мне нечем было больше заняться, кроме как бежать к вам на помощь, как только я услыхала об этом по радио. И дураку ясно, что таким двум умникам, как ты и Ламмокс, без меня из этой каши не выбраться, даже если думать будет в основном Ламми. Расскажи мне лучше все «ужасающие» подробности. Не надо от мамочки ничего скрывать.

— Уж больно ты стала умная.

— Не трать драгоценного времени на комплименты. Может статься, это наш единственный шанс поговорить с глазу на глаз, прежде чем они за тебя возьмутся как следует. Так что давай покороче и побыстрее.

— Послушай, ты что — заделалась в адвокаты?

— Я лучше любого адвоката, мой мозг не забит всеми этими плесневелыми прецедентами. Я могу подходить к делу творчески.

— Ну так значит...— По правде говоря, с появлением Бетти Джону стало как-то полегче. Теперь они с Ламмоксом не одни против всего мира. Он быстро рассказал Бетти, как все случилось.

— Кто-нибудь пострадал?

— Не думаю. Мне во всяком случае никто ничего не говорил.

— Они бы наверняка сказали.— Бетти выпрямилась на своем сиденье.— Ну, тогда не о чем и беспокоиться.

— Не о чем? Это когда он набил горшков на сотни, да что там сотни — на тысячи? Интересно, а что бы ты считала достаточной причиной для беспокойства?

— Если бы пострадали люди,— ответила Бетти.— Все остальное можно уладить. Может быть, мы объявим Ламмокса банкротом?

— Чего? Это еще что за глупость?

— Если ты считаешь, что это — глупость, значит, ты никогда не был в суде.

— А ты?

— Погоди, не сбивай с мысли. Так вот, опять же на жизнь Ламмокса было совершено покушение. С применением оружия.

— Так он же не пострадал; только маленький ожог.

— Неважно. Безо всяких сомнений, он испытал глубокое душевное потрясение. Не думаю, чтобы он нес ответственность за все, что случилось после этого выстрела. А теперь помолчи, я буду думать.

— Вы не возражаете, если я тоже немного подумаю?

— Не возражаю, только не скрипи слишком громко шестеренками. Все, молчи.

Дальше до самого дома Стюартов процессия двигалась в полном молчании. Перед тем как слезть с Ламмокса, Бетти дала Джону последнее указание.

— От всего отказывайся. От всего. И ничего не подписывай. Буду нужна — кричи.

Миссис Стюарт встречать их не вышла. Шеф Дрейзер отправился изучать пролом в решетке; Джон Томас и Ламмокс топтались у него за спиной. После шеф молча наблюдал, как Джон Томас взял шнурок и натянул его поперек проема.

— Ну вот. Теперь он не выйдет.

Дрейзер подергал свою нижнюю губу.

— Сынок, ты что, совсем?

— Сэр, вы просто не понимаете. Решетку, чини не чини, но, если он захочет уйти, она его не задержит. Ему ничто не помешает. Только этот шнурок. Ламмокс!

— Что, Джонни?

— Видишь этот шнурок?

— Да, Джонни.

— Так вот, если его порвешь, я оторву твою глупую башку. Понимаешь?

— Да, Джонни.

— И ты не будешь больше уходить со двора. Только, если я сам тебя выведу.

— Хорошо, Джонни.

— Клянешься? Сердцем и селезенкой?

— Сердцем и селезенкой.

— Вообще-то сердца у него нет,— сказал Джонни Дрейзеру.— У него нецентрализованная система кровообращения. Это вроде как...

— Знаешь, меня это мало интересует, пусть у него там хоть центробежный насос, лишь бы не вылезал на улицу.

— Не вылезет. Хотя он и без сердца, но клятву «сердцем и селезенкой» он еще ни разу не нарушал.

Дрейзер задумчиво покусал большой палец правой руки.

— Придется поверить,— вздохнул он.— Я оставлю здесь кого-нибудь из своих с рацией. А завтра мы заделаем эту дырку стальными двутавровыми балками.

Джон чуть было не закричал: Только не сталь! — но сдержался.

— Что это ты дергаешься? — спросил Дрейзер.

— Так, ничего.

— Ты все-таки за ним приглядывай.

— Он никуда не уйдет.

— Да уж будем надеяться. Ты, конечно, понимаешь, что оба вы находитесь под арестом. Просто мне некуда запереть это чудище.

Джон Томас не ответил. Такое ему просто не приходило в голову, но, если разобраться, иначе и быть не могло.

— Да ты не расстраивайся,— добавил Дрейзер; голос его стал мягче.— Ты вроде парень ничего, и отца твоего все уважали. А теперь я пойду поговорю с твоей матерью. Ты побудь пока здесь, за тобой придет мой человек. Ты как-нибудь познакомь его с... ну, с этой штукой.— Он с сомнением окинул Ламмокса взглядом.

Шеф полиции отправился в дом, а Джон Томас остался во дворе. Вроде было самое подходящее время, чтобы выдать Ламмоксу все, что он заслужил, но как-то вдруг расхотелось. Когда-нибудь потом, может быть.

2. МИНИСТЕРСТВО КОСМОСА

Из-за несчастий, по милости Ламмокса свалившихся на Джона Стюарта XI, ему казалось, что жизнь его погублена окончательно, но даже в таком крохотном городке, как Вествилл, далеко не один он пребывал в печали.

Маленький мистер Ито мучался от болезни, у которой конец один — смерть. Болезнь эта была старость. И очень скоро она сделает свое черное дело.

За несчетными дверями Вествилла люди впадали в отчаяние из-за денег или семейных дрязг, здоровья или стыда.

Далеко от Вествилла, в столице штата, губернатор обреченно смотрел на бумаги с доказательствами того, что самый старый, самый близкий его друг — преступник, и ему придется посадить друга в тюрьму.

Еще дальше, на Марсе, колонист вылез из разбитого дюнохода и готовился к далекому пешему переходу на Станцию. Он не знает, что не дойдет.

А на гигантском расстоянии в двадцать семь световых лет от Земли межзвездный корабль «Боливар» входил в межпространственный переход. Из-за мелкой неисправности крохотное реле замкнется на долю секунды позже, чем надо, и «Боливар» многие годы будет блуждать от звезды к звезде, но не найдет дороги домой.

И в совсем уж невообразимой дали, отделенная от Земли половиной поперечника Галактики раса древолазающих ракообразных шаг за шагом уступала более молодым двоякодышащим. Пройдет еще не одна тысяча земных лет, пока ракообразные не исчезнут, но исход противостояния сомнений уже не вызывал. Факт — с точки зрения землян — достойный сожаления; ментальные и духовные способности этих ракообразных очень удачно дополняли способности людей, что позволяло надеяться на выгодное и плодотворное

сотрудничество. Но к тому времени, когда первые обитатели Земли доберутся дотуда (это будет через одиннадцать тысяч лет), последние ракообразные будут давно уже мертвы.

Если вернуться поближе, в столицу Федерации, то Его Превосходительство достопочтенный Генри Гладстоун Кику — магистр искусств (Оксфорд), доктор литературы *honoris causa* (Кейптаун), кавалер ордена Британской Империи и первый заместитель министра Космических дел — совершенно не тревóжился о судьбе обреченных ракообразных; он не знал и так никогда и не узнает об их существовании. Не беспокоился он пока и о потерявшемся «Боливаре», это ему еще предстоит. И даже не столько корабль, сколько утрата одного из его пассажиров на долгие годы станет причиной головных болей как самого мистера Кику, так и его сотрудников.

Сферой забот и ответственности мистера Кику было все, находящееся вне пределов ионосферы Земли. Он заведовал также всем, что касалось связей Земли с любой исследованной частью Вселенной. Даже дела на первый взгляд сугубо земные не могли миновать круга его забот, если были хоть в малой степени связаны с чем-либо внеземным, межпланетным или межзвездным — диапазон, мягко сказать, широкий.

Взять, к примеру, ввоз на Землю марсианской песчаной травы, подвергнутой соответствующим мутациям, для посадки на Тибетском плоскогорье. Ведомство мистера Кику одобрило операцию только после скрупулезнейшего математического исследования возможного действия этой травы на австралийское овцеводство и дюжины других факторов. Такие вещи приходилось делать крайне осторожно; перед глазами всегда стоял жутковатый пример марсианского ягодника на Мадагаскаре. Решения, связанные с экономикой, беспокоили мистера Кику мало, сколько бы ни возмущались обиженные; проблемы иного рода не давали ему уснуть по ночам. Например, решение не давать полицейского сопровождения студентам с Проциона VII, приехавшим на Землю по Годдардовской программе обмена. Конечно, с одной стороны, они подвергались вполне реальной опасности от провинциалов, враждебно настроенных против любых существ с не таким, как у них, расположением конечностей, глаз и прочего, но в то же время эти самые цефалоподы мнительны были до крайности, тем более что на их планете

полицейское сопровождение — самое обычное наказание преступников.

Конечно же, мистеру Кику в таком ответственном деле помогал большой штат сотрудников, включая и самого министра. Последний произносил речи, приветствовал Очень Важных Посетителей, давал интервью, одним словом, как мог облегчал почти неподъемную ношу своего заместителя — и мистер Кику первым готов был это за ним признать. Пока министр вел себя в рамках приличий — не совал носа, куда не просят, брал на себя заботу о связях с общественностью и давал заместителю спокойно заниматься работой, он вполне устраивал мистера Кику. Ну а если тот начинал отлынивать или, не дай Бог, показывать, кто тут главный, мистер Кику завсегда мог скоренько от него избавиться. Правда, последний раз столь суровые меры потребовались лет пятнадцать назад; опыт показывает, что для самого неотесанного политика, попадающего на государственную должность, вполне доступна наука ходить в упряжке.

Мистер Кику не решил еще окончательно, что ему делать с теперешним министром, сейчас ему было не до него. Он просматривал реферат проекта «Цербер» с предложениями по организации снабжения энергией исследовательской станции на Плутоне. На столе мигнула сигнальная лампочка. Мистер Кику поднял глаза и увидел, как распахнулась дверь из кабинета министра. Тот вошел, насвистывая известный мотивчик «Возьми меня с собою на футбол», но мистер Кику мелодию не узнал.

— Привет, Генри. Сиди, не вставай.

Мистер Кику и не собирался вставать.

— Как поживаете, господин министр? Вам что-нибудь надо?

— Да в общем-то ничего.— Он остановился у стола мистера Кику и взял в руки папку с проектом. Что это вы там штудируете? «Цербер»? Генри, здесь же сплошная техника, нам-то какое до нее дело?

— Некоторые стороны этого проекта,— осторожно ответил мистер Кику,— имеют отношение и к нам.

— Да, пожалуй. Бюджет и тому подобное.— Внезапно его глаза привлекла строка, выделенная крупным шрифтом: ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ — 3, 5 мегадоллара и 7, 4 жизни.— А это еще что? Не могу же я предстать перед Советом и просить утвердить такое. Бред какой-то.

— Первоначальная оценка,— ровным голосом произнес мистер Кику,— давала около восьми мегадолларов и более сотни жизней.

— Деньги ладно, но вот это... Получается, что вы просите Совет подписать смертные приговоры семи целым и четырем десятым человека? Так нельзя, это не гуманно. Да и вообще, что значит четыре десятых? Разве можно убить часть человека?

— Господин министр,— терпеливо ответил мистер Кику,— строительство любого объекта, по размерам превосходящего песочницу в детском саду, связано с возможными жертвами. Однако в данном случае фактор опасности очень низок; практически это значит, что безопаснее работать по проекту «Цербер», чем оставаться дома, на Земле. Это по грубой оценке.

— Да? — Министр снова посмотрел на реферат.— А почему не сказать об этом прямо? Представить все в наилучшем виде и так далее?

— Этот доклад составлен исключительно для меня... то есть для нас. В докладе, подготовленном для Совета, меры предосторожности подчеркиваются особо, а оценки числа жертв нет вообще. Оценка же производится условно.

— М-м, условно... Да, я понимаю.— Министр положил доклад на стол и, похоже, утратил к нему интерес.

— Что-нибудь еще, сэр?

— Да, конечно, чуть не забыл. Генри, голубчик, вам знаком этот рарджиллианский сановник, которого я должен сегодня принять? Доктор... как его там?

— Доктор Фтаемл.— Мистер Кику бросил взгляд на настольный пульт.— У вас с ним встреча через — э-э — один час и семь минут.

— Вот именно. Боюсь, придется вам меня подменить. Ну, там извинитесь и все такое. Скажите ему, что я перегружен государственными делами.

— Сэр? Я бы вам этого не советовал. Он ожидает встречи с официальным представителем вашего ранга, а рарджиллианцы крайне щепетильны в вопросах протокола.

— Ай, бросьте. Этот дикарь даже не поймет разницы.

— Он все великолепно поймет, сэр.

— Ну так пусть он считает, что вы — это я, мне безразлично. Но меня здесь не будет, и тут уж ничего не поделаешь. Генеральный

секретарь пригласил меня с собой на футбол, а его приглашение — сами знаете — это приказ.

Мистер Кику знал: объясни министр свою занятость — никто бы и не подумал на него обижаться. Знал, но смолчал.

— Хорошо, сэр.

— Спасибо вам, старина! — министр удалился, насвистывая.

И только когда дверь за ним затворилась, мистер Кику дал выход своему гневу. Одним ударом он выключил на пульте все тумблеры. Теперь его кабинет был полностью отрезан от мира: с ним нельзя было связаться ни по видеофону, ни по обычному телефону, ни по пневмопочте, ни по телетайпу. Оставалось лишь одно средство — сигнал тревоги; последний раз его секретарь нажимал эту кнопку двенадцать лет назад. Мистер Кику уперся локтями в стол и сжал в ладонях свою несчастную, курчавую голову.

Там заботы, тут заботы, одна, другая, третья. И вечно какой-нибудь идиот ставит подножку. Надо было ему сидеть в своей Африке, а то, видите ли, на благо послужить захотелось. И ведь давным-давно от этого желания осталась одна привычка.

Он выпрямился и открыл средний ящик стола. Ящик был битком набит каталогами кенийских агентов по продаже недвижимости. Мистер Кику вынул стопку каталогов и начал сравнивать относительные достоинства ферм. Вот эта — если, конечно, иметь такие деньги — ну просто прелесть. Больше восьми акров, половина из них распахана, и к тому же — семь действующих колодцев. Он изучил карту, рассмотрел фотографии колодцев и понемногу стал успокаиваться. Через некоторое время он убрал каталоги на место и закрыл ящик.

От себя не уйдешь: да, все, что он говорил министру, правда, но главное не в этом. Он смертельно боялся змей, боялся всю жизнь — вот причина его бурной реакции на предложение министра. Будь доктор Фтаемл кем угодно, но не рарджиллианцем, или, вернее, не будь рарджиллианцы горгоноподобными гуманоидами, он бы и дергаться не стал. Конечно, мистер Кику знал, что эти самые щупальца, которые растут у рарджиллианцев на голове — не змеи, только поди попробуй объяснить все это желудку. Нужно будет сделать гипнотическое внушение перед тем, как... Нет, уже не успеть. Придется глотать таблетку.

Вздохнув, он вернул тумблеры в прежнее положение. И сразу же начала расти гора в корзине для входящих, а на всех коммуникационных устройствах зажглись лампочки. Эти были спокойные, янтарные лампочки, а не красные, рассерженные мигалки. Не обращая на них внимания, Кику начал просматривать документы, падающие в корзину. Большинство из них было из разряда «принять к сведению»: его подчиненные или подчиненные его подчиненных сделали согласно инструкции то-то и то-то. Время от времени он проверял какую-нибудь фамилию или предлагаемый курс действий, а после кидал листок в пасть корзины для исходящих.

Одна телеграмма показалась ему не совсем обычной, в ней говорилось о некоем существе, предположительно внеземном, однако вид существа и происхождение его не указывались. Весь этот случай походил скорее на анекдот — какая-то чертовщина в одном из маленьких городков на западе. Однако сам факт присутствия в инциденте внеземного существа (ВЗС) автоматически вынуждал местную полицию послать сообщение в Министерство космоса, а отсутствие точной классификации ВЗС не позволило действовать по инструкции, вот сообщение и отфутболили наверх.

Мистер Кику никогда в жизни не видел Ламмокса, а увидев — вряд ли проявил бы к нему интерес. Но он знал, что любой контакт с «вне» уникален, что Вселенная бесконечна в своем разнообразии, а предполагать что-либо, не имея точной информации, рассуждать по аналогии, считать неизвестное само собой разумеющимся — все это прямо ведет к крупным проколам.

Мистер Кику просмотрел список сотрудников, соображая, кого бы выбрать. Любой из чиновников его ведомства имел право единолично выступать в роли суда высшей инстанции, поскольку дело касалось ВЗС, но только кто из них сейчас на Земле и не очень занят? Хм-м...

Ага! Вот оно! Сергей Гринберг. Промышленная разведка Системы как-нибудь проживет пару дней без своего шефа. Мистер Кику щелкнул тумблером.

— Сергей?

— Да, босс?

— Очень занят?

— Как вам сказать. Стригу вот ногти и пытаюсь придумать причину, по которой налогоплательщики должны мне больше платить.

— А что, они и вправду должны? — Мистер Кику написал на телеграмме фамилию Гринберга.— Посылаю тебе одну бумагу.— Он бросил телеграмму в корзину для исходящих и через несколько секунд увидел, как Гринберг берет ее в руки.— Прочитай эту штуку.

Прочитав, Гринберг поднял голову.

— Ну и что?

— Позвони в тамошний суд и скажи, что предположительно мы берем это дело под свою юрисдикцию, потом смотайся туда и разберись.

— Твоя воля — закон для меня, о король. Но ставлю один к одному, что эта тварь никакая не внеземная, и два против одного, что ежели оно не так, я сумею ее идентифицировать.

— Ладно, ладно, поищи дураков в другом месте. Хотя скорее всего ты прав. Но может случиться, что там «особая ситуация», так что лучше не рисковать.

— Разберемся. Эти сельские бездельники у меня по одной половице ходить будут. Где, кстати, эта дыра? Вествилл, или как он там называется.

— Откуда я знаю? Телеграмма же у тебя.

Гринберг посмотрел на бумагу.

— Слушайте. Ничего себе? Это же в горах... Да на такое дело нужно минимум две недели. Если не три. Правильно?

— Только задержись там больше трех дней, и я вычту их из твоего отпуска.— Мистер Кику отключил видеофон и вернулся к своим делам. Он ответил на десяток звонков, добрался до дна корзины для входящих, после чего та стала наполняться снова, и вдруг вспомнил, что пора встречаться с рарджиллианцем. От ужаса покрывшись гусиной кожей, он торопливо вытащил из стола одну из специальных таблеток. Врач не велел принимать их слишком часто. Только он ее проглотил, как на столе замигала лампочка и раздался голос секретарши.

— Сэр? Прибыл доктор Фтаемл.

— Проси,— сказал мистер Кику и пробормотал что-то на языке, которым пользовались его предки для заклинаний против тварей лесных — ну, например, змей. Дверь начала раздвигаться, и он придал своему лицу выражение, приличествующее хозяину, радушно встречающему гостя.

3. НЕУМЕСТНЫЙ ВОПРОС

Судебное слушание по делу Ламмокса из-за вмешательства Министерства космоса откладывать не стали, скорее наоборот.

Мистер Гринберг позвонил судье, получил разрешение на пользование залом суда и попросил вызвать завтра к десяти утра всех участников слушания — включая внеземное существо, из-за которого, собственно, и заварилась вся каша.

Последнее условие вызвало у судьи О'Фарелла некоторое сомнение.

— А это существо... без него что, нельзя?

Гринберг ответил, что присутствие ВЗС совершенно необходимо, ведь именно из-за него Министерство космоса и вмешалось в дело.

— Знаете, судья, наше Министерство не имеет привычки лезть без повода в местные дела. Скорее всего я просто взгляну на эту тварь, задам пяток вопросов и откланяюсь к обоюдному нашему удовлетворению. Я ведь и прилетел-то сюда только из-за этого предполагаемого ВЗС. Так что вы уж сделайте, чтобы зверюга тоже была на слушании. Хорошо?

— Дело в том, что для зала он малость великоват. Я не видел его уже несколько лет, и, боюсь, за это время он успел подрасти. Но даже тогда он был явно не комнатного размера. Может, вы его на месте посмотрите?

— Не исключено, хотя честно говоря, мне больше нравиться когда все, что относиться к слушанию, не разбросано по разным местам. А он где?

— Под арестом вместе с хозяином, прямо там, где и живет. Это в пригороде, отсюда несколько миль.

Гринберг немного подумал. Сам он был человек нетребовательный и не придавал большого значения тому, где приходится есть или спать, но когда дело касалось работы на Министерство, он предпочитал, чтобы беготней с места на место занимался кто-нибудь другой. Иначе со всей этой прорвой забот просто не справиться.

— Честно говоря, не очень бы мне хотелось участвовать в загородной прогулке, завтра к вечеру я собираюсь вернуться в столи-

цу, даже свою машину отпускать не хочу. Там у меня довольно неотложное дело... сами понимаете, марсианский договор и все такое.— Эту откровенную ложь Гринберг использовал всякий раз, когда требовалось кого-то поторопить, естественно, если этот кто-то не принадлежал к родному Министерству.

Судья подумал и обещал все устроить.

— Хорошо, сделаем временный загон на площади перед судом.

— Вот и отлично. Тогда до завтра, судья. Спасибо за помощь.

Позавчера, когда Ламмокс отправился прогуляться, судья О'Фарелл провел день на рыбалке. К его возвращению все уже успели убрать и, по возможности, починить. Судья из принципа знать не хотел слухов, газетных и телевизионных сообщений и даже просто разговоров, связанных с предметом предстоящего слушания. Поэтому, позвонив шефу полиции Дрейзеру, он не ожидал, что возникнут какие-нибудь проблемы.

Услышав, в чем дело, Дрейзер взвился до потолка.

— Судья, да вы что, свихнулись?

— Не понимаю, дьякон, а что тут такого?

Дрейзер попытался объяснить, но судья с ходу отмел все возражения. После чего каждый из них позвонил мэру. Однако мэр, тоже присутствовавший на вышеупомянутой рыбалке, взял сторону О'Фарелла.

— Шеф,— сказал он Дрейзеру,— вы меня удивляете. Нельзя допустить, чтобы важный столичный чиновник подумал, будто у нас здесь полное захолустье и даже с такой ерундой мы справиться не можем.

Застонав, вконец отчаявшийся полицейский позвонил в фирму «Сталь и сварка».

Шеф Дрейзер решил провести операцию до рассвета, чтобы Ламмокс был надежно заперт еще до того, как на улицах появятся люди. Только вот никто не подумал дать знать об этом решении Джону Томасу. Его разбудили в четыре часа ночи, вытащив из какого-то кошмарного сна; сперва он не мог ничего понять и решил, что с Ламмоксом произошло что-то страшное. Но даже когда Джон Томас осознал ситуацию, толку от него не было никакого. Есть люди, у которых в крови по утрам пониженное содержание сахара; не позавтракав, они ровно ни на что не способны. Вот к этим-то

несчастным и относился Джон Томас; теперь он требовал, чтобы ему дали позавтракать.

Шеф Дрейзер раздраженно нахмурился. Миссис Стюарт, придав своему лицу выражение «уж маме-то лучше знать», сказала:

— Дорогой мой, а может, тебе все же лучше...

— Нет, я буду завтракать. И Ламмокс тоже.

— Молодой человек,— вступил в разговор Дрейзер,— Напрасно вы так себя ведете. Смотрите, опомниться не успеете, как вляпаетесь в куда большие неприятности. Так что собирайтесь. Позавтракать можете и в городе.

Но Джонни стоял на своем.

— Джон Томас,— резко сказала миссис Стюарт,— я не собираюсь этого терпеть, ты слышишь? Ты становишься ничем не лучше своего отца.

Упоминание об отце разозлило Джонни еще больше.

— Значит, и ты, мама, против меня? — обиженно спросил он.— Между прочим, нас в школе учили, что полицейский не имеет права действовать так, как захочет его левая нога, и вытаскивать гражданина из дома, когда ему это заблагорассудится. А ты почему-то помогаешь не мне, а ему!

Мать пораженно уставилась на сына: ведь он всегда был таким покорным и безответным.

— Джон Томас! Ты не имеешь права так разговаривать с матерью!

— Точно,— поддакнул Дрейзер.— Ну-ка, повежливее с матерью, а то сейчас как вмажу — неофициально, конечно. Чего не могу терпеть, так это когда такой вот сопляк грубит родителям.— Дрейзер расстегнул китель и вытащил сложенный лист бумаги.— Сержант Мендоса все мне рассказал о твоих штучках, так что я приготовился. Вот ордер. Ну как, пойдешь сам или придется тебя тащить?

Он стоял, похлопывал ордером по ладони, не пряча его, но и не предлагая Джону. Однако, когда тот потянулся за бумагой, Дрейзер не стал возражать и терпеливо ждал, пока мальчик не дочитает. После этого он спросил:

— Ну что? Доволен?

— Это судебная повестка,— сказал Джон Томас,— обязывающая меня явиться и привести с собой Ламмокса.

— Вот именно.

— Только здесь сказано: «к десяти часам». А про то, что я не имею права позавтракать, ничего нет.

Шеф глубоко вздохнул. Лицо его, и без того розовое, стало багрово-красным. От ответа он воздержался.

— Мама,— сказал Джон Томас,— я пойду приготовлю завтрак. На тебя делать?

Та взглянула на Дрейзера, потом на сына и нервно прикусила губу.

— Сиди,— сказала она,— я сама приготовлю. Мистер Дрейзер, вы выпьете с нами кофе?

— А? Очень любезно с вашей стороны, мэм. Не откажусь. С утра, знаете, на ногах.

Джон Томас посмотрел на них и сказал:

— Тогда я сбегаю, гляну на Ламмокса.— Помявшись, он добавил: — Мама, прости, пожалуйста, что я с тобой говорил грубо.

— Давай сейчас не будем это обсуждать,— холодно ответила она.

Джон Томас хотел добавить что-то еще, но понял, что лучше не надо, и молча вышел.

Ламмокс мирно похрапывал, одна половина в доме, другая снаружи. Как обычно во время сна его сторожевой глаз был слегка приподнят над шеей. Когда Джон Томас приблизился, глаз повернулся и внимательно его оглядел; та часть Ламмокса, которая стояла на страже, признала в мальчике Джона, и звездный зверь просыпаться не стал. Джон Томас успокоился и вернулся в дом.

За завтраком атмосфера разрядилась: к тому времени, когда Джон Томас загрузил в себя две тарелки овсянки, яичницу, гренки и залил все это пинтой какао, он был уже готов согласиться с тем, что шеф Дрейзер просто исполняет долг и даже, возможно, не бьет ногами собак для собственного удовольствия.

В свою очередь шеф, раздобрев от съеденного и выпитого, пришел к выводу, что в мальчишке, пожалуй, нет ничего такого, что не исправила бы твердая мужская рука да пара хороших порок. Жаль, что матери приходится мучиться с ним одной, похоже, она славная женщина. Подчистив хлебом остатки яичницы, он сказал:

— Теперь вроде получше, миссис Стюарт, это точно. Вы не представляете себе, что такое для вдовца — поесть домашнего. Но моим ребятам говорить об этом не стоит.

— Господи,— миссис Стюарт испуганно приложила ладонь ко рту,— я же совсем о них забыла! Я в момент сварю еще кофе. Их там сколько?

— Пятеро. Да вы не переживайте, мэм, ребята позавтракают после дежурства.— Дрейзер повернулся к Джону Томасу: — Как, готовы, молодой человек?

— Ну...— Джонни вопросительно посмотрел на мать.— Мама, а может сделать им завтрак? Все равно надо еще будить Ламмокса и кормить его.

К тому времени, как Ламмокс был разбужен, накормлен и Джон Томас все ему объяснил, а каждый из пяти полицейских, плотно позавтракав, приканчивал по второй чашке кофе, происходящее больше напоминало прием гостей, чем арест. Только в восьмом часу процессия направилась в город.

Когда Ламмокса посадили наконец в клетку, сооруженную перед зданием суда, стрелки перевалили за девять. От аромата стали пленник был прямо в восторге, он все порывался отщипнуть кусочек от своего застенка; вот уж где Джону Томасу пришлось проявить непреклонность. Войдя в клетку вместе со своим другом, он, где лаской, где сказкой, успокаивал его как мог, пока сварщики заделывали намертво дверь. Джон Томас, еще только первый раз посмотрев на массивную стальную решетку, понял, что дело плохо; он ведь так и не успел сказать шефу Дрейзеру, что против Ламмокса хуже стали и быть ничего не может.

Теперь говорить было поздно, тем более сам шеф явно гордился своим детищем. Времени на заливку бетонного фундамента не хватало, поэтому он заказал большущий ящик со стенками, дном и крышкой из стальных решеток; одну из сторон ящика оставили открытой и заделали только тогда, когда Ламмокс оказался внутри.

Больно они все умные, думал Джон Томас. Ну и ладно, не хотят спрашивать, и не надо. Он решил, что просто пригрозит Ламмоксу, чтобы тот вел себя хорошо и не вздумал покушаться на клетку.

А вот слушаться Ламмоксу на этот раз не хотелось, у него было настроение поспорить. По его мнению происходящее выглядело глупее некуда: все равно что запереть голодного ребенка, обложив его со всех сторон тортами. Один из рабочих навострил слух, опустил сварочную горелку и сказал:

— Слышь, она что, еще и говорить умеет?

— Умеет,— хмуро ответил Джон Томас.

— Надо же! — Сварщик еще раз посмотрел на Ламмокса и вернулся к своей работе. Внеземные существа, разговаривающие как люди, в общем-то были не в диковинку, особенно в телевизионных сериалах, и, казалось, рабочего ответ Джона устроил. Но вскоре он снова прервал работу.— Терпеть не могу, когда эти твари разговаривают,— объявил он, ни к кому вроде бы не обращаясь.

Джон Томас промолчал, да и что можно было сказать на такое заявление.

Время еще оставалось и Джон Томас решил заняться медицинским, а точнее ветеринарным обследованием Ламмокса; последние дни Джона кое-что беспокоило. Первый раз он заметил странные симптомы наутро после незабываемой прогулки; там, где у обычных животных положено быть плечам, у Ламмокса появились какие-то две припухлости. Ко вчерашнему дню они вроде как увеличились, и Джона это сильно встревожило: он ведь думал, что это просто ушибы... хотя, если честно, ушибить Ламмокса — дело сложное.

Странные вздутия не давали Джонни покоя. Скорее всего Ламмокс получил их, занимаясь бегом по пересеченной местности. Выстрел мистера Ито практически не оставил на нем следов: легкий ожог там, куда угодил снаряд,— вот и все. Будь на месте Ламмокса танк, тут бы ему и крышка, но этому красавцу снаряд — вроде хорошего пинка мулу... чуточку удивится, и только.

Не похоже, чтобы Ламмокс поранился, когда пролезал сквозь теплицы. Скорее всего это случилось, когда он упал с виадука. Джон Томас знал, что окажись на месте Ламмокса любое достаточно крупное земное животное, например слон, такое падение живо отправило бы его на тот свет. Конечно, Ламмокс с его внеземной конструкцией не так хрупок, как слон, но все равно расшибиться он мог прилично.

Ничего себе! Припухлости стали больше, теперь это были самые настоящие опухоли. Шкура на них сделалась мягче и тоньше, совсем не похоже на броню, которая покрывала остальное его тело. А что, если и у Ламмокса может быть рак — например, от ушиба. Этого Джон Томас не знал, и спросить было не у кого. На памяти Джона Томаса Ламмокс никогда не болел; отец вроде тоже о болезнях ничего не рассказывал. Ламмокс не менялся, он оставался

как был — вчера, сегодня, всегда,— разве что становился при этом больше и больше.

Надо будет просмотреть вечером дедушкин дневник и заодно записки прадедушки. Может, он в них что-нибудь пропустил.

Джон Томас вжал в одну из припухлостей пальцы; Ламмокс беспокойно зашевелился. Джон перестал давить и тревожно спросил:

— Больно?

— Щекотно,— ответил детский голосок.

Спокойнее от такого ответа не стало. Джон Томас знал, что Ламмокс боится щекотки, но обычно пощекотать его можно было только чем-нибудь вроде кирки. Значит, эти места стали очень чувствительными. Джон Томас собирался продолжить свои исследования, как вдруг сзади послышалось:

— Джон! Джонни!

Он обернулся. Возле клетки стояла Бетти Соренсон.

— Привет, Молоток,— поздоровался он.— Получила мое послание?

— Да, но уже после восьми. Ты же знаешь, какие у нас в общаге порядочки. Привет, Ламмокс. Как жизнь, красавчик?

— Отлично,— ответил Ламмокс.

— Потому-то я на ваш автоответчик и записал,— сказал Джон Томас.— Эти болваны вытащили меня из постели ни свет ни заря. Совсем сдурели.

— Ничего, хоть в кои-то веки встретил настоящий рассвет. А чего это они так забегали? Ведь говорили, что суд на будущей неделе.

— Хотели на будущей. Но приехал какой-то столичный гусь из Министерства космоса. Теперь, оказывается, он будет судить.

— Чего-чего?

— А в чем дело?

— В чем дело? Да во всем! Я же не знаю этого типа из столицы. Я собиралась иметь дело с судьей О'Фареллом, с ним бы я как-нибудь разобралась. А теперь этот новый... Не знаю, не знаю. К тому же у меня были кой-какие идеи, которые я еще как следует не продумала.— Бетти нахмурилась.— Надо добиться отсрочки.

— А зачем? Почему просто не пойти в суд и не рассказать им всю правду?

— Эх, Джонни, Джонни, ты как маленький. Если бы все было так просто, то и судов бы никаких не было.

— Может, оно и лучше.

— Конечно, лучше... Слушай, Непрошибаемый, кончай торчать здесь как пень и базарить. У нас меньше часа осталось...— Бетти глянула на часы старинного здания суда.— Сильно меньше. Нужно шевелиться. Во всяком случае надо успеть оформить заявку на неотъемлемое имущество.

— Ты что! Никто нам этого не оформит. Ламмокса нельзя записать неотъемлемым имуществом, он же не земельный участок.

— Фермер может записать как неотъемлемое — корову, двух лошадей, дюжину свиней. Плотник — свои инструменты. Актриса может записать неотъемлемым свой гардероб.

— Это не совсем так. Я ведь ходил на тот же самый курс коммерческого права, что и ты. Нас просто обсмеют.

— Спокойно. Это во втором разделе того же закона, где про земельный участок. Если бы ты показывал Ламмокса на ярмарке за деньги, он был бы твоим «орудием труда», верно? Вот пусть они и доказывают, что это не так. Главное — зарегистрировать Ламмокса, как не подлежащего изъятию, прежде чем кому-нибудь присудят с тебя возмещение убытков.

— Если они не смогут содрать с меня, они сдерут с мамы.

— А вот ничего подобного. Я проверяла. Твой отец оставил все в распоряжение попечительного фонда, так что с точки зрения закона за душой у нее ни гроша.

— Это что же, вот так по закону и получается? — с сомнением в голосе спросил Джон.

— Да проснись ты! По закону получается то, в чем ты убедишь суд.

— Как-то у тебя, Бетти, все в голове перекручено.— Джон проскользнул между прутьев решетки, обернулся к Ламмоксу и сказал:

— Ламми, я на минутку. А ты сиди здесь.

— Зачем? — спросил Ламмокс.

— Ни за чем. Просто сиди здесь и жди меня.

— Хорошо.

На площади перед судом уже собралась толпа зевак. Они пялили глаза на Ламмокса, неожиданно ставшего знаменитостью. Шеф Дрейзер приказал обнести клетку веревками и поставил пару полицейских следить за порядком. Джон с Бетти пролезли под веревкой и, проталкиваясь сквозь толпу, добрались до здания суда. В конторе

делопроизводителя графства, располагавшейся на втором этаже, самого делопроизводителя не было, они застали лишь пожилую даму, его заместительницу.

Сперва мисс Шрейберг (так звали эту старую даму) встала в вопросе регистрации Ламмокса как собственности, не подлежащей судебному изъятию, на ту же точку зрения, что и перед этим Джон Томас. Но Бетти твердо стояла на том, что делопроизводитель должен заниматься исключительно регистрацией, в его обязанности не входит определять, какое имущество соответствует закону, а какое нет. Она сослалась на случай (который тут же сама и придумала) с неким человеком, зарегистрировавшим в качестве неотъемлемого имущества свое эхо. Мисс Шрейберг с видимой неохотой заполнила бланки, приняла свой скромный гонорар и вручила заверенную копию регистрационной записи.

Было уже почти десять. Джон Томас торопливо вышел из конторы и направился было к лестнице, но остановился, увидев, что Бетти задержалась у платных автоматических весов.

— Пошли, Бетти, твоя фигура может пока обождать.

— Я не взвешиваться,— ответила Бетти, внимательно вглядываясь в укрепленное над весами зеркало.— Хочу привести в порядок лицо. На суде надо выглядеть по первому разряду.

— Ты и так хорошо смотришься.

— Джонни, это что, комплимент?

— Не комплимент, а надо спешить. Я еще должен Ламмоксу сказать пару слов.

— Скинь скорость до десяти тысяч. Я довезу тебя до порта.— Бетти стерла подведенные брови и накрасила их заново, но теперь в стиле «мадам Сатана», решив, что так она выглядит старше. Бетти собиралась добавить на правой щеке узор из игральных кубиков, но Джонни готов был уже взорваться, так что пришлось обойтись без этого. Они побежали вниз по лестнице и вылетели на площадь.

Чтобы убедить полицейского, что они имеют право заходить за веревку, пришлось потратить еще несколько секунд. Джонни увидел, что около клетки стоят какие-то двое. Он бросился к ним со всех ног.

— Эй! Вы там! Мотайте отсюда!

Судья О'Фарелл повернулся, недоуменно моргая.

— А кто вы, собственно, такой, юноша?

Второй человек тоже повернулся, но ничего не сказал.

— Я? Я его владелец. Он боится незнакомых людей. Так что, пожалуйста, пройдите за веревку.— Джон Томас повернулся к Ламмоксу: — Все в порядке, малыш. Видишь, Джонни уже пришел.

— Привет, судья,— сказала вдруг Бетти.

— А, Бетти, привет.— Судья задержался на ней взглядом, соображая, что это Бетти здесь делает, а затем повернулся к Джону: — Я так понимаю, вы — молодой Стюарт. Я — судья О'Фарелл.

— Ой, простите меня, пожалуйста,— ответил Джон Томас, и уши его покраснели.— Я думал, что вы из этих.— Он кивнул на толпу.

— Ничего, бывает. Мистер Гринберг, это молодой Стюарт. Юноша, это достопочтенный Сергей Гринберг, специальный уполномоченный Министерства космоса.— Он оглянулся.— Да... а это, мистер уполномоченный, мисс Бетти Соренсон. Бетти, что это ты сделала со своим лицом?

Последний вопрос Бетти с достоинством пропустила мимо ушей.

— Рада с вами познакомится, мистер уполномоченный.

— Только, пожалуйста, без всяких уполномоченных. Просто мистер Гринберг, мисс Соренсон,— Гринберг повернулся к Джонни.— Вы приходитесь родственником тому самому Джону Томасу Стюарту?

— Я Джон Томас Стюарт одиннадцатый. Вы, наверно, имеете в виду моего прапрадедушку?

— Наверно. Сам я родился на Марсе, чуть ли не напротив памятника твоему предку. Мне и в голову не приходило, что это дело связано с вашей семьей. Мы могли бы как-нибудь в другой раз поболтать об истории Марса.

— Я не был на Марсе,— смущенно признался Джонни.

— Не были? Не могу поверить. Но у вас еще все впереди.

Бетти слушала разговор, чуть ушами не шевеля от старания, лишь бы не пропустить ни слова. В конце концов она пришла к выводу, что с этим заезжим судьей, если она правильно его оценивает, справиться будет еще легче, чем с О'Фареллом. Надо же, как просто, оказывается, забыть, что фамилия-то у Джонни знаменитая. Это только здесь, в Вествилле, она ничего не значит.

— Между прочим, из-за вас,— продолжил Гринберг,— я проиграл сразу два пари.

— Сэр?

— Да-да, я был почти уверен, что это существо окажется не «оттуда». И вот нате — ошибся. Этот здоровенный парнишка, конечно, родился не на Земле. Но кроме всего прочего, я был уверен, если каким-нибудь чудом окажется, что это и вправду ВЗС, определить его я уж всяко сумею. Конечно, я не специалист по внеземной зоологии, но при моем роде занятий приходится понемногу знакомиться и с такими вещами. Хотя бы картинки просматривать. Но тут я пас. Скажите, что это? И откуда оно взялось?

— Это Ламмокс. Мы его так зовем. Мой прадедушка привез его на «Пионере» после второго полета.

— Так давно? Тогда понятно. В то время Министерство еще не вело записей. Вообще-то, тогда и самого Министерства не было. Но я все равно не понимаю, почему о нем не упоминается в книгах по истории первых полетов. Я читал о «Пионере», помнится, он привез на Землю много всякой экзотики. Но про этого парня ничего не знаю. Странно, в те дни внеземные существа были в новинку.

— Понимаете, сэр, капитан не знал, что Ламмокс на борту. Прадедушка потихоньку принес его на корабль в сумке и в сумке на Земле вынес.

— *В сумке?* — Гринберг недоверчиво уставился на огромную тушу Ламмокса.

— Да, сэр. Ламми был тогда поменьше.

— Разве что так.

— У меня есть старые фотографии. Он был размером со щенка колли. Ног только побольше.

— М-м-м, да. Ног побольше. И он побольше напоминает мне трицератопса, чем колли. А кормить его не слишком накладно?

— Нет, что вы. Ламми ест все. Ну... почти все,— торопливо поправился Джон Томас, с опаской глянув на стальную решетку.— А еще он может долго обходиться без еды. Можешь, Ламми?

Все это время Ламмокс спокойно лежал, втянув в себя ноги: когда очень надо, он бывал таким терпеливым, что дальше некуда. Он послушивал разговор своего друга с мистером Гринбергом да поглядывал на Бетти с судьей. На вопрос Джона он раскрыл свой страшенный рот.

— Могу, только не люблю.

— Я не предполагал,— мистер Гринберг высоко поднял брови,— что он относится к существам, имеющим речевой центр.

— Какой? А, понятно. Ламми начал говорить, когда мой папа был еще маленьким. Просто слушал, слушал и научился. Я хотел вас представить. Ламми, познакомься, это мистер Гринберг, уполномоченный.

Ламмокс безразлично посмотрел на Гринберга и сказал:

— Как поживаете, мистер Гринберг?

Начало фразы он произнес отчетливо, чего нельзя было сказать о фамилии.

— М-м-м, а вы как поживаете, Ламмокс? — Гринберг все еще смотрел на Ламмокса, когда часы на здании суда пробили десять. Судья О'Фарелл повернулся к нему и сказал:

— Десять часов, мистер уполномоченный. Думаю, нам пора.

— Куда спешить,— рассеянно отозвался Гринберг,— все равно без нас не начнут. Меня тут кое-что заинтересовало. Мистер Стюарт, а какой у Ламмокса ай кью по земной шкале?

— Что? А, его относительный коэффициент интеллекта. Я не знаю, сэр.

— Господи, да неужели никто никогда его не удосужился замерить?

— Да знаете, сэр, нет... то есть да, сэр. Понимаете, давно, еще дедушка был жив, кто-то пытался его тестировать, но дедушке очень не понравилось, как они обращались с Ламми, ну он их и прогнал. С того времени мы не подпускаем к Ламми незнакомых. Но он очень умный. Проверьте его, если хотите.

— У этой скотины,— прошептал Гринбергу судья О'Фарелл,— мозгов меньше, чем у хорошей собаки. Только и радости, что малость умеет подражать человеческой речи, как попугай. Мне ли не знать.

— Я все слышал,— насупясь, сказал Джон Томас.— У вас просто предубеждение.

Судья собрался ответить, но его прервала Бетти.

— Джонни, мы же договорились. Разговаривать буду я.

Гринберг пропустил мимо ушей всю эту интермедию:

— А пытался кто-нибудь изучить его язык?

— Сэр?

— М-м-м, видимо, нет. К тому же вполне возможно, что когда его привезли, он еще не умел говорить. Я имею в виду — на своем

языке. Но конечно, этот язык существует. Если у существ есть речевой центр — они его обязательно используют, для ксенологов это — прописная истина. Или, попросту говоря, он бы не освоил человеческую речь ни на грамм, если бы его соплеменники не пользовались оральной связью. А писать он умеет?

— Каким образом, сэр? У него же рук нет.

— Ммм, да-да. Что ж, основываясь на теории можно сделать приблизительную оценку. Я бы поспорил, что его ай кью где-то сорок, не более. Ксенологи установили, что у высших типов существ, эквивалентных людям, имеются три основные особенности: речевой центр, способность к манипулированию объектами и, на основе двух первых,— письменность. Отсюда следует, что раз он не умеет писать, то соплеменники этого существа не дотягивают до высоких стандартов, где-то они отстали. Вы изучали ксенологию?

— Очень немного, сэр,— признался Джон Стюарт, чувствуя себя крайне неловко.— Кое-какие книги, которые попались в библиотеке. Но в колледже я собираюсь специализироваться по ксенологии и внеземной биологии.

— Прекрасный выбор. Широчайшее поле деятельности. Вы не поверите, даже нашему Министерству трудно найти достаточное количество приличных ксенологов. А спросил я вас неспроста. Как вы думаете, почему Министерство вмешалось во все это дело? Вот почему.— Гринберг указал на Ламмокса.— Нельзя было исключить возможность, что это ваше домашнее животное относится к расе, с которой мы подписали договор. Удивляйтесь сколько хотите, но бывали случаи, когда внеземного гостя принимали за дикого зверя с... чем это кончалось, лучше не говорить.— Гринберг нахмурился, ему вспомнился жуткий случай, который удалось замять с великим трудом. Это когда одного из членов семьи чрезвычайного и полномочного посла Лладора нашли хорошо бы мертвым, а то в виде чучела в витрине одной из лавок на Виргинских островах.— Но на этот раз нам такая опасность не грозит.

— Конечно, нет, сэр. Ведь Ламмокс... ну, он практически член нашей семьи.

— Совершенно верно. Судья,— уполномоченный обратился к О'Фареллу.— Мы не могли бы побеседовать с вами пару минут один на один?

— Да, сэр.

Когда мужчины отошли, Бетти приблизилась к Джону Томасу.

— Дело в шляпе,— прошептала она,— если только ты перестанешь выступать.

— А что я такого сказал? — запротестовал Джон.— И с чего ты взяла, что все в порядке?

— Да это же ясно. Ты ему понравился, Ламмокс — тоже.

— Очень мило, только не вижу, как это поможет мне расплатиться за разгромленный этаж «Воп Marché». Или хотя бы за фонарные столбы.

— Ты, главное, не заводись и во всем подыгрывай мне. Вот увидишь, они еще сами нам заплатят.

Тем временем неподалеку от них мистер Гринберг вел переговоры с О'Фареллом:

— Судья, у меня такое впечатление, что Министерству космоса следует от этого дела устраниться.

— Не понял, сэр. Как это — устраниться?

— Сейчас объясню. Я чего хочу — отложить рассмотрение дела на двадцать четыре часа, пока не будут проверены через Министерство мои выводы. Тогда я смогу с вами распрощаться и оставить это дело на рассмотрение местных властей. То есть — на ваше.

— Мне не нравятся такие отсрочки в последнюю минуту,— поджал губы судья О'Фарелл.— Я всегда считал, что нечестно сперва заставить занятых людей пренебречь семьей и работой, собрать их в суде, а потом заявить: зайдите, пожалуйста, завтра. Как-то несправедливо.

— Тоже верно,— Гринберг нахмурился.— Дайте подумать, может, что-нибудь и придумаем. После разговора со Стюартом-младшим я окончательно убедился, что данный случай не требует вмешательства, связанного с ксенополитикой Федерации. Пусть даже мы имеем дело с ВЗС, что в общем-то законный повод для такого вмешательства. У нашего Министерства большая власть, но мы пользуемся этой властью только тогда, когда необходимо избежать неприятностей с инопланетными правительствами. На Земле живут сотни тысяч внеземных животных. Да еще более тридцати тысяч негуманоидных инопланетян, одни — временно, другие живут постоянно. И каждый из них имеет, в соответствии с договором, правовой статус человека, хотя на людей они абсолютно не похожи.

А уж такое свойство у ксенофобии, особенно на задворках нашей культуры... нет-нет, я не Вествилл имею в виду! Даже не ксенофобия, такова человеческая натура, что каждый из этих чужаков — потенциальный источник опасности для наших отношений с внеземными мирами.

Гринберг немного помолчал, потом продолжил:

— Вы уж простите, что я повторяю общеизвестные истины, но без них не обойтись. Наше Министерство просто не может бегать и подтирать носы всем этим инопланетянам. Даже тем, у которых действительно есть носы, не может. У нас нет для этого ни лишних людей, ни особого желания. Если какой из них вляпается в историю, чаще всего достаточно объяснить местным властям про обязательства, взятые Землей по отношению к родной планете этого разнесчастного сукиного сына. Редкий случай, когда Министерство вмешивается напрямую. Ваш случай, на мой взгляд, в число редких не входит. Во-первых, насколько мне удалось понять, наш общий друг не имеет правового статуса человека...

— А вы сомневались?

— Сомнения были. Потому я и приехал сюда. Но теперь я знаю, хоть он и может немного разговаривать, не могла его раса стать по-настоящему разумной, ей до этого еще расти и расти. Отсюда вывод — Ламмокс животное. И прав имеет не больше, чем любое другое животное. И нашего Министерства все это не касается.

— Понятно. Ну что ж, жестоко обращаться никто с ним не собирается, во всяком случае у меня в суде.

— О чем разговор. Но есть еще одна причина, и достаточно веская, чтобы Министерство не вмешивалось. Со времени первого контакта с великой марсианской расой законы, обычай и договоры придали вполне определенный смысл понятию «человек». Предположим теперь, что это существо — человек именно в таком смысле. Конечно, это не так, но предположим.

— Предположим,— согласился судья О'Фарелл.

— Да, предположим. Но и в этом случае Министерству нет до него дела потому, что... Судья, вы же знаете историю «Пионера».

— Очень смутно, что-то такое рассказывали в младших классах. Я вообще не знаток истории освоения космоса. С земными-то делами не разобраться...

— Да уж. Так вот, «Пионер» совершил три полета с переходами в подпространство. Это было время самых первых таких полетов, когда они по своей отчаянности были чем-то вроде похода Колумба. Команда не знала, куда они направляются, и имела более чем приблизительное представление о том, как вернуться назад. Кстати, из третьего похода «Пионер» так и не вернулся.

— Да, да, что-то такое припоминаю.

— Так вот, молодой Стюарт — у меня просто язык не поворачивается назвать его полным именем — молодой Стюарт сказал, что эта уродина с дурацкой улыбкой — просто сувенир, прихваченный во время второго рейса «Пионера». А мне большего и знать не надо. Потому что у нас нет никаких отношений, ни торговых, ни договорных — вообще полный ноль — с любой из планет, на которых побывал «Пионер» во время этого рейса. С точки зрения закона их все равно что нет. А раз так — к Ламмоксу применимы только наши, доморощенные, законы; значит, Министерство космоса вмешиваться не должно, а если оно и вмешается, его представитель — в данном случае я — обязан судить полностью по местным законам. А это вы сделаете лучше меня.

Судья О'Фарелл кивнул.

— Что ж, я не возражаю. Идем?

— Еще секундочку. Я почему предложил сделать отсрочку: потому что в этом деле есть своеобразные обстоятельства. Мне хочется связаться с Министерством и проверить, не вышла ли где ошибка, не пропустил ли я какой-нибудь важный прецедент. Но я устранюсь в момент, если вы мне кое-что пообещаете. Это самое существо... Оно с виду такое тихое, но, если я правильно понимаю, этот тихоня разгромил целую улицу и, пожалуй, даже угрожал жизни людей?

— У меня такое же впечатление,— кивнул О'Фарелл.— Только это строго между нами.

— А скажите, требовал кто-нибудь, чтобы эта тварь была уничтожена?

— Я вам отвечу,— медленно произнес судья,— опять же строго между нами: сведения у меня сугубо неофициальные. Да, такие требования будут. Например, от нашего шефа полиции, но исключительно из соображений общественной безопасности. Скорее всего, поступят такие требования и от частных лиц.

— Вот оно что,— обеспокоенно сказал Гринберг.— А скажите, судья, сами-то вы как к этому относитесь? Если вы поведете процесс, то разрешите его уничтожить или нет?

— Сэр, ваш вопрос неуместен! — возмутился судья.

Гринберг покраснел будто рак.

— Простите меня, Бога ради, но мне вправду это необходимо знать. Вы понимаете, что экземпляр уникален? Что бы он там ни наделал и как бы ни был опасен — впрочем, в последнее вериться с трудом,— все равно его просто необходимо сохранить в интересах науки. Так можете вы мне обещать, что не дадите уничтожить этого симпатягу?

— Молодой человек! Вы пытаетесь вынудить меня идти на процесс, заранее вынеся приговор или часть приговора. Вы ведете себя в высшей степени недостойно!

Вот в такой удачный момент и появился рядом с ними шеф Дрейзер.

— Судья, я вас везде обыскался. Так начнется когда-нибудь заседание или нет? У меня тут семеро, которые...

— Шеф, это мистер Гринберг, уполномоченный,— перебил его О'Фарелл.— Мистер уполномоченный, это наш шеф безопасности.

— Очень приятно, шеф.

— Здрасьте, мистер уполномоченный. Так джентльмены, насчет этого слушания. Мне все-таки хотелось бы знать...

— Шеф,— грубо оборвал его судья,— скажите бейлифу, чтобы все было готово. А теперь не будете ли вы добры нас оставить.

— Но...— Дрейзер смолк и отошел, бормоча что-то себе под нос. Слава Богу, что его не слышала Бетти. О'Фарелл снова повернулся к Гринбергу.

Эту новую интермедию уполномоченный проигнорировал так же, как и предыдущую, но она дала ему время вспомнить, что он не имеет права руководствоваться личными чувствами.

— Я снимаю свой вопрос, судья,— сказал Гринберг.— Я вовсе не собираюсь толкать вас на должностное преступление. При иных обстоятельствах,— он ухмыльнулся,— вы, наверно, пришили бы мне неуважение к суду.

— Вполне возможно,— криво улыбнулся О'Фарелл.

— А что, хорошая у вас тюрьма? А то у меня накопилось больше семи месяцев неиспользованного отпуска. И нет ни малейшего шанса его использовать.

— Нельзя себя так изматывать. Лично я всегда нахожу время порыбачить; дела могут и подождать. Говорят, Аллах не вычитает времени, проведенного на рыбалке, из отпущенного тебе срока .

— Очень здоровый подход. Но проблема все равно остается. Я снова вынужден настаивать на отсрочке; мне надо связаться с Министерством.

— Понимаю. Возможно, это и вправду необходимо. Мое мнение не должно влиять на ваши поступки.

— Само собой. Но я с вами согласен — нет ничего досадней таких отсрочек.

Связаться с Министерством — значит иметь дело с мистером Кику, думал про себя Гринберг. Он живо себе представил, как зам ядовито проходится насчет «инициативы» и «ответственности», и словно бы слышал уже его «Господи Боже мой, да может кто-нибудь в этом сумасшедшем доме принять хоть самое простое решение?». И Гринберг наконец решился.

— Думаю, будет лучше, если Министерство оставит это дело за собой. Во всяком случае, предварительное слушание проведу я, а там посмотрим.

— Вот и хорошо,— с облегчением улыбнулся О'Фарелл.— Так хочется вас послушать. Говорят, вы, джентльмены из Министерства космоса, иногда ведете дело довольно необычным образом.

— Серьезно? Надеюсь, те, кто это говорят, ошибаются. Не хотелось бы бросить тень на юридический факультет Гарварда.

— Гарвард? И я оттуда. Как все-таки тесен мир. Да, такое дело, как это, однокашнику не пожелаешь. Боюсь, еще тот будет подарочек.

— А когда они не бывают подарочками? Ладно, пора идти запускать фейерверки красноречия. Слушайте, а почему бы нам не сесть на председательскую скамью вместе? Вполне возможно, что кончать слушание придется вам.

Они направились к зданию суда. Шеф Дрейзер, продолжавший тихо негодовать в стороне, увидел, что про него забыли. Он двинулся было следом, но вдруг заметил, что этот мальчишка Стюарт и Бетти Соренсон все еще сидят в клетке. Они о чем-то шептались и даже не заметили ухода обоих юристов. Дрейзер подбежал к ним.

— Эй, там в клетке! Джонни Стюарт! Вы обязаны были находиться в суде еще двадцать минут назад.

— Но я думал...— удивленно начал Джон Томас, но вдруг увидел, что судья и мистер Гринберг уже ушли.— Ой, сейчас, мистер Дрейзер. Мне надо сказать Ламмоксу одну вещь.

— Хватит, наговорился. Идем.

— Шеф, но ведь...

Дрейзер ухватил его за локоть и двинулся к зданию суда. Джон Томас в весовой категории уступал полицейскому примерно фунтов на сто, и посему ему пришлось отправиться следом.

— Дьякон Дрейзер! — воскликнула Бетти.— Как вы себя ведете!

— А вашими штучками, дорогуша,— ответил Дрейзер,— я сыт по это самое место.

Он пошел дальше, волоча за собой Джона Томаса. Бетти молча последовала за ними. Она обдумывала, не подставить ли шефу ножку, но решила что, пожалуй, не стоит.

Джон Томас смирился с судьбой. Он собирался напоследок втемяшить в Ламмоксову башку, чтобы тот сидел тихо, из клетки не высовывался и не вздумал эту самую клетку есть. Но мистер Дрейзер, как назло, не хотел ничего слушать. Вообще, взрослые только и знают, что ничего не хотят слушать.

Ламмокс, понятно, видел, как они ушли. Он встал, спиной чуть не упершись в решетчатый потолок, и с тоской поглядел вслед своему другу, думая, что ему делать дальше. Брусья, за которые он задел боком, жалобно затрещали.

— Ламмокс! — крикнула Бетти, оборачиваясь на ходу,— Жди нас здесь. Мы скоро.

Ламмокс стоял, глядя им вслед и обдумывая положение. Приказ, который отдала Бетти, не был полноценным приказом. Или был? Стоило покопаться в подобных случаях в прошлом, подумать. Он снова лег.

4. СУД

— Встать! Суд идет! — крикнул бейлиф, увидев, что в зале появился О'Фарелл с Гринбергом. Разговоры стихли, зрители начали занимать места. Молодой человек в шляпе, фотограф, судя по причиндалам, преградил судьям дорогу.

— Минуту! — сказал он и щелкнул камерой.— Повторим. Судья, улыбочку! Представьте, что уполномоченный сказал вам что-то смешное.

— Хватит с вас и одного. И шляпу снимите.— О'Фарелл, не останавливаясь, прошел мимо фотографа. Тот пожал плечами; шляпу снимать он не стал.

Секретарь суда поднял на подошедших глаза. Лицо его покраснело и покрылось каплями пота; председательская скамья была завалена какими-то инструментами.

— Простите, пожалуйста. Я сейчас.— Наклонившись к микрофону, он забубнил: — Проверка... раз, два, три, четыре... Цинциннати... шестьдесят шесть.— Он снова поднял глаза.— Опять что-то со звукозаписью.

— Раньше надо было проверить.

— Господи, судья, да разве кого допросишься? Говоришь, говоришь, а что толку. Вообще-то я проверял, все вроде работало. А потом, когда включили ее без десяти десять, полетел какой-то транзистор, и поди там в ней разберись — какой именно.

— Ладно, хватит,— поморщившись, ответил О'Фарелл. «И главное, как у нас гость — обязательно что-нибудь такое», подумал он.— Может быть, вы соизволите убрать с моего места вот это.

— Собственно говоря,— торопливо вмешался Гринберг,— я могу и не занимать председательское место. Сядем вместе за круглым столом, вроде как в военном трибунале. Знаете, иногда это даже на пользу, я имею в виду — ускоряет рассмотрение дела.

— Я всегда стараюсь,— сказал О'Фарелл,— придерживаться в суде традиционных формальностей. Мне кажется, что в этом есть смысл.— Вид у судьи был несчастный.

— Пожалуй, вы правы. Но понимаете, когда приходится вести дела в самых неожиданных местах и при всяких непредвиденных обстоятельствах, на формальности поневоле смотришь сквозь пальцы. Никуда от этого не денешься. Вот, скажем, минатарцы. Предположим, вы попытались из вежливости делать все, как это принято у них. А они считают, что судья гроша ломаного не стоит, если не выдержал очистительного поста перед тем, как сесть на судейскую сферу. И после этого он должен еще оставаться на своем месте, без еды и питья, пока не вынесет решение. По правде говоря, я бы не выдержал. А вы?

Судья О'Фарелл был оскорблен. Как смеет этот проныра-юнец сравнивать древние, прекрасные традиции земного суда с какими-то варварскими обычаями. Почему-то вспомнились три стопки блинов, яичница и колбаса, с которых начался его трудовой день.

— Как вам сказать... иные времена, иные нравы,— выдавил из себя судья.

— Вот именно. Я знал, что мы найдем общий язык.— Гринберг жестом подозвал бейлифа, и прежде чем судья сумел объяснить, что процитировал старую поговорку именно потому, что был с ней не согласен, Гринберг с бейлифом уже сдвигали столы, делая из них один общий. Вскоре все пятнадцать участников слушания расселись вокруг этого составного стола, и Гринберг послал бейлифа на поиски пепельниц. Затем он повернулся к секретарю; тот с наушниками на голове скрючился над своими приборами: когда электронщик в работе, иной позы, кроме как скрючившись, он просто не признает.

— Ну как хозяйство, работает?

Тот показал большой палец.

— Порядок.

— Прекрасно. Слушание объявляется открытым.

Секретарь пробубнил в микрофон время, дату, место и юрисдикцию суда, а также фамилию, имя и звание председательствующего. Фамилию и имя Сергея Гринберга он прочитал бумажке, причем имя прочел неправильно; поправлять его Гринберг не стал. Подошел бейлиф с руками полными пепельниц и с ходу вдарил скороговоркой:

— Внемлите! Внемлите! Пусть каждый, возжелавший отдать себя и спор свой на волю сего суда...

— Ну, это можно и пропустить,— остановил его Гринберг.— Но все равно очень вам признателен. Итак, суд начинает предварительное слушание любых и всех вопросов, связанных с произведенными в прошлый понедельник действиями постоянно проживающего в этом городе внеземного существа, известного как «Ламмокс». Это я про ту здоровенную тварь, что в клетке на площади. Бейлиф, сфотографируйте его, пожалуйста, и приобщите снимок к отчету.

— Сию секунду, ваша честь.

— Суд считает себя обязанным объявить, что это слушание может, если суд того пожелает и объявит об этом, стать высшей ин-

станцией, рассматривающей любые и все обстоятельства данного дела. В таком случае все протесты и отводы будут возможны только в ходе данного заседания. Другими словами, не жалейте патронов, война, может, сегодня и кончится. Да, еще... Кроме слушания обстоятельств дела, суд будет принимать заявления и просьбы, связанные с этим внеземным существом.

— Вопрос, ваша честь.

— Да?

— Если суд будет так любезен. Мой клиент и я, мы не имеем никаких возражений, если это всего лишь предварительное слушание. Но мы хотели бы знать, вернется ли суд к общепринятым процедурам, когда перейдет к принятию решения?

— Суд проводится именем Федерации. Он действует в соответствии с кодексом законов, называемым кратко «Законы и обычаи цивилизаций». Этот кодекс состоит из соглашений, договоров, прецедентов и прочее между двумя и более планетами Федерации или с иными цивилизациями, с которыми имеют дипломатические отношения планеты, входящие в состав Федерации. Соответственно, этот суд местными формальностями не связан. Цель его — установить истину и, исходя из нее, принять справедливое решение. Справедливое с точки зрения закона. Суд не будет нарушать местных законов и обычаев, за исключением тех случаев, когда они явным образом противоречат законам более высокого порядка. Но там, где местные обычаи имеют ценность чисто ритуальную, суд имеет право и будет игнорировать эти формальности. Вы меня понимаете?

Человек, задавший вопрос,— мужчина средних лет и невысокого роста,— несколько смутившись, ответил:

— Э-э, думаю, что да, сэр. Возможно, я внесу позднее протест.

— Почему бы и нет? Любой участник слушания может внести протест в любой момент и по любой причине; все протесты будут заслушаны. Вы можете также обжаловать мои решения. Но...— Гринберг одарил окружающих лучезарной улыбкой,— я сомневаюсь, чтобы из этого вышел толк. Я ведь удачлив, и до сих пор ни одно мое решение не отменялось.

— Я совсем не хотел сказать,— несколько напыщенно ответил задавший вопрос адвокат,— что этот суд ведется не...

— Ясно, ясно! Давайте к делу.— Гринберг взял со стола пачку бумаг.— Что мы имеем. Гражданский иск, возбужденный корпорацией розничной торговли «Bon Marché» против «Ламмокса», Джона Томаса Стюарта XI... Прямо язык не поворачивается произнести это имя,— заметил он, повернув голову к судье.— ...Мэри Брендли Стюарт и прочих. Другой аналогичный иск в пользу Западной компании взаимного страхования, в которой «Bon Marché» застрахован. Еще один, с теми же самыми ответчиками, выдвинутый К. Ито и его страховой компанией, как там ее... ах, да, страховая компания Нового Света. Потом от города Вествилла, ответчики те же. И наконец, выдвинутый миссис Изабеллой Донахью. Еще имеются уголовные обвинения... Ага, вот — содержание опасного животного, это раз, и — обвинение в преступном содержании, в преступной небрежности и в нарушении общественного порядка.

С каждым словом председательствующего Джон Томас бледнел все больше и больше. Гринберг посмотрел на него ободряюще.

— Что, сынок, похоже, они ничего не забыли? Ладно не вешай носа... зато приговоренному перед казнью положен отличный завтрак.

Джон Томас с трудом выдавил из себя улыбку. Бетти ободряюще похлопала его под столом по колену.

В пачке была еще одна бумага; Гринберг решил не зачитывать ее вслух, а отложил вместе с другими в сторону. Это была петиция за подписью шефа безопасности. От имени города Вествилла он просил вынести судебное решение об уничтожении опасного животного, известного как «Ламмокс». Отложив бумаги, Гринберг поднял глаза и спросил:

— Ну а теперь, кто есть кто. Вот вы, сэр?

Он обратился к человеку, сомневавшемуся в правильности ведения заседания. Тот назвался Альфредом Шнейдером и заявил, что представляет интересы Западной компании и «Bon Marché».

— А этот джентльмен,— представил он сидящего рядом,— де Грассе, управляющий магазином.

— Отлично. Пожалуйста, следующий.

Таким образом, Гринберг выяснил, что присутствуют все истцы и ответчики со своими адвокатами. За столом кроме него самого, судьи О'Фарелла, Джона Томаса, Бетти и шефа Дрейзера сиде-

ли миссис Донахью со своим адвокатом мистером Бинфилдом, мистер Шнейдер и де Грассе, представлявшие «Bon Marché», мистер Ломбард, городской прокурор Вествилла, адвокат, представлявший страховую компанию мистера Ито, сын мистера Ито, полицейские Карнес и Мендоса (свидетели) и мать Джона Стюарта вместе с семейным адвокатом Стюартов — мистером Постлом.

— Как я понимаю,— сказал Гринберг Постлу,— вы представляете также и мистера Стюарта.

— Господи, да конечно же нет! — перебила его Бетти.— Джонни представляю я.

Гринберг удивленно поднял брови.

— Я как раз собирался спросить, что вы здесь делаете. Вы являетесь адвокатом?

— Ну... я его советник.

— Мистер уполномоченный,— наклонившись вперед, прошептал О'Фарелл,— это просто нелепо. Никакой она не адвокат. Я ее знаю. Очень хорошая девочка но, если откровенно, не слишком умная. Бетти,— добавил он, повернувшись,— нечего тебе здесь делать. Уходи, хватит выставлять себя дурочкой.

— Послушайте, судья...

— Один момент, юная леди,— вставил Гринберг.— Вы имеете какое-либо право представлять здесь мистера Стюарта?

— Конечно. Он хочет, чтобы его советником была я.

— М-да, довод убедительный. Хотя, возможно, и недостаточный. Это верно? — повернулся он к Джону Стюарту.

— Д-да, сэр.

— Не делай этого, сынок! — прошептал О'Фарелл.— Решение суда может оказаться недействительным.

— Вот этого-то я и боюсь,— прошептал в свою очередь судье Гринберг. Нахмурившись, он обратился к мистеру Постлу.— Вы согласны представлять интересы и матери, и сына?

— Да.

— Нет! — резко вмешалась Бетти.

— А? Мне кажется, квалифицированный адвокат лучше защитит интересы мистера Стюарта. Стоп, не отвечайте. Я хочу послушать самого мистера Стюарта.

Джон Томас покраснел как рак и выдавил из себя:

— Он мне не нужен.

— Но почему?

Джон Томас молчал.

— А потому,— ехидно ответила за него Бетти,— что его мамочке не нравится Ламмокс, вот почему. И еще...

— Это неправда! — вставила миссис Стюарт.

— Правда, правда. А это замшелое ископаемое Постл будет делать то, что она пожелает. Они хотят избавиться от Ламмокса.

Теперь настал черед краснеть Постлу. О'Фарелл, скрывая усмешку, кашлянул в платок.

— Юная леди,— крайне серьезным голосом произнес Гринберг.— Я требую, чтобы вы встали и извинились перед мистером Постлом.

Бетти взглянула на уполномоченного, потупила взгляд и встала.

— Мистер Постл,— смиренно сказала она,— мне крайне жаль, что вы — ископаемое. То есть я хотела сказать, мне крайне жаль, что я назвала вас ископаемым.

— Садитесь,— не моргнув глазом сказал Гринберг.— И впредь следите за своими словами. Мистер Стюарт, нельзя требовать, чтобы человек взял защитника против своего желания. Но вы ставите меня в затруднительное положение. Для закона вы — несовершеннолетний, и вы выбрали себе защитником другого несовершеннолетнего. Все это будет выглядеть несколько странно.— Он задумчиво подергал свой подбородок.— А не может ли быть так, что вы... или ваш защитник... или вы оба... пытаетесь создать основание для пересмотра дела?

— Что вы, сэр, нет, конечно.— Бетти была сама искренность; она думала о таком варианте, правда, с Джонни его не обсуждала.

— Хм-м...

— Ваша честь...

— Да, мистер Ломбард?

— Все это просто курам на смех. Эта девушка не является юристом. Она — не член коллегии. Совершенно ясно, что она не имеет права выступать в роли защитника. Мне самому очень неприятно давать советы суду, но здесь все очевидно: надо выставить ее из-за стола заседаний и назначить мистеру Стюарту защитника. Могу я внести предложение, чтобы суд пригласил сюда общественного защитника и поручил ему приготовиться к ведению дела?

— Можете. Вы кончили, мистер городской прокурор?

— Мм... да, ваша честь.

— Так вот, а я могу внести предложение, чтобы вы больше не давали советы суду. Это совершенно неуместно. Я надеюсь, что такое не повторится.

— Э-э... да, ваша честь.

— Если суд ошибется, это будут по крайней мере его собственные ошибки. В соответствии с обычаями проведения суда, защитник не обязан иметь формальную квалификацию, то есть, говоря вашими словами, быть «членом коллегии» или дипломированным юристом. Если это правило кажется вам странным, позвольте уверить вас, что еще более странным его находят наследственные юристы — жрецы с Дефлая. Однако другого правила, применимого повсеместно, никто пока не придумал. Но все равно я благодарен за ваше предложение. Где здесь общественный защитник?

— Здесь, ваша честь. Сайрус Эндрюс.

— Благодарю вас. Вы готовы к защите?

— Да. Но мне потребуется перерыв, чтобы проконсультироваться со своим подопечным.

— Естественно. Ну так что, мистер Стюарт? Вы согласны, чтобы суд назначил мистера Эндрюса вашим защитником? Или консультантом защитника.

— Нет! — ответила вместо Стюарта Бетти.

— Я, кажется, спрашивал мистера Стюарта, мисс Соренсон. Так как?

Джон Томас мельком посмотрел на Бетти.

— Нет, ваша честь.

— Но почему?

— Я могу ответить,— опять встряла Бетти.— Я говорю быстрее Джона, потому я и защитник. Так вот, мы не хотим брать мистера Эндрюса потому, что городской прокурор выступает против нас в одном из этих дурацких исков, возбужденных по поводу Ламмокса, а городской прокурор и мистер Эндрюс — деловые партнеры. Только иногда понарошку они разыгрывают эти словесные сражения в суде.

— Это верно, сэр? — повернулся к Эндрюсу Гринберг.

— Ну, в общем-то да, мы действительно деловые партнеры, ваша честь. Вы же понимаете, что в таком маленьком городе...

— Очень хорошо понимаю. А также я понимаю и возражения мисс Соренсон. Благодарю вас, мистер Эндрюс. Вы свободны.

— Мистер Гринберг?

— Что еще, мисс Соренсон?

— Я могу вам немного помочь. Понимаете, я уже заранее чувствовала, что у кого-нибудь руки начнут чесаться вывести меня из этого дела. Так что пришлось все устроить заранее. Я — наполовину владелица.

— Наполовину владелица?

— Ламмокса. Вот, посмотрите,— она вынула из сумочки документ и протянула его Гринбергу.— Запись о продаже, все правильно, все по закону. Во всяком случае — должно быть. Я сама скопировала из городской книги.

Гринберг изучил бумагу.

— Форма записи вроде верная. Записано вчерашним днем... Таким образом, с точки зрения гражданского права вы добровольно взяли на себя долю материальной ответственности, пропорциональную доле владения. Но это не относится к уголовным преступлениям, совершенным ранее даты покупки.

— Какие там еще уголовные преступления! Ерунда это все.

— Как раз данный факт и должен выяснить суд. И не говорите «ерунда», это не юридический термин. Но встает вопрос, имела ли личность, подписавшая данный документ, право продавать эту собственность. Кому принадлежит Ламмокс?

— Конечно же Джону! Так значится в завещании его отца.

— Да? Это обусловлено завещанием, мистер Постл?

Перед тем как ответить, мистер Постл пошептался с миссис Стюарт.

— Именно так и записано, ваша честь. Существо, называемое «Ламмокс», переходит в собственность несовершеннолетнего Томаса Стюарта. Миссис Стюарт имеет только косвенные права, через сына.

— Прекрасно.— Гринберг передал запись о продаже секретарю.— Задиктуйте это в отчет.

Теперь Бетти успокоилась и позволила себе малость уступить.

— Хорошо, ваша честь, назначайте, кого хотите. Но чтобы я тоже могла выступать.

— А это что-нибудь изменит? — вздохнул Гринберг.

— Думаю, почти ничего.

— Тогда занесем в протокол, что вы вдвоем с мистером Стюартом, несмотря на неоднократные предложения суда, настояли на том, что будете защищать себя сами. В связи с этим суд вынужден возложить на себя бремя защиты ваших прав и обязуется консультировать вас в вопросах гражданского права.

— Не огорчайтесь, мистер Гринберг. Мы вам верим.

— Уж лучше бы наоборот,— сухо ответил Гринберг.— Но давайте дальше. Вот этот джентльмен в конце стола... Кто вы?

— Я? Я здешний корреспондент «Галактик пресс». Моя фамилия Хови.

— Да? Секретарь передаст прессе стенограмму заседания. Позднее, если кому-нибудь потребуется, я могу дать интервью. Только чтобы без съемок рядом с этим существом. Есть кто-нибудь еще из журналистов?

Встали два человека.

— Бейлиф поставит вам стулья у барьера.

— Спасибо, судья. Но сперва...

— За барьер, пожалуйста.— Гринберг посмотрел по сторонам.— Все, пожалуй... Нет, еще этот джентльмен. Назовите, пожалуйста, себя.

Вставший был одет строго — в куртку и серые полосатые шорты. Держал он себя неловко, однако с достоинством.

— Сэр, если высокому суду угодно знать мое имя, то я Т.Омар Эсклунд, доктор философии.

— Не вижу тут ничего особо угодного или неугодного, доктор. Вы имеете отношение к какому-либо из этих исков?

— Да, сэр. Я нахожусь здесь как amicus curiae — друг суда.

— Суд,— нахмурился Гринберг,— предпочел бы сам выбирать себе друзей. Изложите свое дело, доктор.

— Если изволите, сэр, я — местный исполнительный секретарь лиги «Сохраним Землю для людей».— От ужаса Гринберг чуть ли не застонал, чего Эсклунд, по счастью, не заметил — он как раз взял в руки довольно объемистый манускрипт.

— Ни для кого не секрет, что с самого начала безбожной практики космических полетов — на Земле, родине нашей, которую Божественное провидение поручило нашим заботам, появляется

все больше и больше существ... я сказал бы лучше — скотов... самого сомнительного происхождения. Мы сталкиваемся с прискорбными последствиями этого безобразного...

— Доктор Эсклунд!

— Сэр?

— По какому, собственно, делу вы занимаете время суда? Вы являетесь истцом по одному из исков?

— Все несколько иначе, ваша честь. Если брать в самом широком смысле, я — адвокат всего рода человеческого. Общество, представлять которое здесь я имею...

— У вас есть хоть какое-нибудь конкретное дело? Может быть, прошение?

— Да,— угрюмо ответствовал Эсклунд.— У меня прошение.

— Где оно?

Порывшись в своих бумагах, Эсклунд вынул одну из них и передал Гринбергу; тот на нее даже не посмотрел.

— А теперь изложите кратко, для протокола, суть своего прошения. Говорите в ближайший к вам микрофон. И, пожалуйста, поотчетливей.

— Ну... если высокий суд не против... Общество, членом которого я имею честь состоять... союз, да будет позволено мне так выразиться, охватывающий все человечество, просит... нет, требует, именно требует, чтобы кошмарная тварь, уже успевшая принести ужас и разрушение в эту мирную общину, была уничтожена. Такое деяние будет благом, оно оправдано, да что говорить — предписано всем самым святым...

— Так смысл вашего прошения именно в этом? Вы хотите, чтобы суд предписал уничтожить ВЗС, известное как «Ламмокс»?

— Да, но более того. В прошении имеется тщательно подобранная документация, дающая аргументы... я бы сказал — неопровержимые аргументы...

— Секундочку. Слово «требует» в тексте прошения оно есть?

— Нет, ваша честь, но оно исходит от сердца, от полноты, так сказать...

— Так вот, это ваше сердце довело вас до неуважения к суду. Может быть, вы желаете изменить формулировку?

Эсклунд замолк, затем с явной неохотой произнес:

— Я беру это слово назад. У меня не было намерения оскорбить суд.

— Очень хорошо. Суд принял ваше прошение, секретарь зачитает его в протокол. Решение будет вынесено позднее. А теперь по поводу речи, которую вы собираетесь произнести. Судя по толщине рукописи, на нее потребуется часа два.

— Думаю, этого будет вполне достаточно, ваша честь,— явно смягчившись, ответил Эсклунд.

— Прекрасно. Бейлиф!

— Ваша честь?

— Вы можете найти где-нибудь ящик из-под мыла?

— Думаю, что да, сэр.

— Великолепно! Поставьте его на газоне перед судом. Доктор Эсклунд, все мы имеем право слова, так что идите и пользуйтесь этим своим правом. На ближайшие два часа ящик из-под мыла в полном вашем распоряжении.

Лицо доктора Эсклунда приобрело цвет баклажана.

— Вы еще о нас услышите.

— Не сомневаюсь.

— Мы знаем таких, как вы. Предатели рода человеческого! Ренегаты! Так издеваться...

— Выведите его.

Бейлиф с ухмылкой выпроводил защитника рода человеческого из зала. Один из репортеров вскочил и отправился вслед за ними.

— Похоже, за столом остались только те, без кого действительно не обойтись,— сказал Гринберг.— Мы рассматриваем несколько исков, но все они связаны с одними и теми же фактами. Если никто не возражает, сперва мы заслушаем свидетельские показания по всем искам, а затем перейдем к разбору самих исков. Есть возражения?

Юристы начали недоуменно переглядываться. Затем адвокат мистера Ито сказал:

— Ваша честь, мне кажется, что лучше было бы рассматривать иски по отдельности.

— Возможно. Но тогда мы просидим здесь до самого Рождества. А мне совсем не хочется заставлять такое количество занятых людей по многу раз выслушивать одно и то же. Вы имеете право потребовать отдельного рассмотрения фактов, относящихся конкретно к

вашему делу. Но при этом имейте в виду, что в случае отклонения иска все добавочные расходы лягут на вашего клиента.

Сын мистера Ито подергал адвоката за рукав и начал ему что-то быстро шептать. Адвокат кивнул и, повернувшись к суду, произнес:

— Мы согласны на совместное рассмотрение. В той части, которая касается фактов.

— Прекрасно. Еще возражения? — Таковых не было.— Судья,— Гринберг повернулся к О'Фареллу,— этот зал оборудован детекторами истины?

— А? Конечно, конечно. Только я ими никогда не пользуюсь.

— А вот мне они нравятся.— Гринберг повернулся к остальным участникам слушания.— Мы подключим детекторы истины.

Пользоваться ими не обязательно, но тот, кто откажется, будет обязан принести присягу. Кроме того, если кто-нибудь откажется пользоваться детектором, суд, имея на то полное право, особо отметит и прокомментирует данный факт.

— Так что не очень-то зарывайся, Молоток,— прошептал Джон Томас.

— Я-то уж как-нибудь! Лучше за собой последи,— прошептала в ответ Бетти.

— Чтобы их подключить,— сказал Гринбергу О'Фарелл,— потребуется какое-то время. Может, пока сделаем перерыв для ленча?

— Ленч? Да, конечно. Только минутку внимания... Суд не будет делать для этого перерыва. Я попрошу бейлифа, и вы сможете заказать у него кофе, сэндвичи,— словом, кто чего пожелает, пока секретарь подключает детекторы. Будем есть прямо за этим столом. А пока...— Гринберг нашарил в кармане сигареты,— найдутся у кого-нибудь спички?

Ламмокс тем временем сидел в клетке и решал сложный вопрос: имеет ли Бетти право ему приказывать? В конце концов он пришел к выводу, что у нее, вероятно, особый статус. Каждый из Джонов Томасов вводил в жизнь Ламмокса некую личность, наподобие Бетти; каждый из них настаивал, чтобы любой приказ этой личности выполнялся беспрекословно. У теперешнего Джона Томаса такой процесс как раз только начинался; следовательно, лучше всего — делать то, что она захочет. Конечно, если это не связано со слишком уж большим беспокойством. Он лег и уснул, оставив бодрствовать свой сторожевой глаз.

Но манящий, дурманящий аромат стали не дал Ламмоксу как следует выспаться. Вскоре он встал, потянулся, клетка при этом перекосилась и угрожающе затрещала. Что-то уж слишком долго нет Джона Томаса, подумал Ламмокс. А еще он подумал про этого человека, который увел Джона Томаса. Как-то нехорошо он это сделал. Ой как нехорошо. И как же теперь быть, и вообще — стоит ли в это дело вмешиваться? И что сказал бы Джон Томас, будь он сейчас здесь?

Все это слишком сложно. Ламмокс снова улегся и попробовал решетку на вкус. Нет, есть он не стал, только слегка попробовал. Ничего, разве что чуток кисловато.

За это время суд успел выслушать показания шефа Дрейзера, а после него — Карнеса и Мендосы. При этом не возникло никаких возражений и вопросов, а стрелки детекторов истины даже не шелохнулись. Мистер де Грассе настоял, чтобы все, что происходит за столом заседаний, передавалось в зал через громкоговорители. Адвокат мистера Ито признал, что мистер Ито выстрелил в Ламмокса; сыну мистера Ито было разрешено рассказать о последствиях неожиданного визита и проиллюстрировать свой рассказ фотографиями. Для завершения описания событий Л-дня не хватало лишь показаний миссис Донахью.

Гринберг повернулся к ее адвокату:

— Мистер Бинфилд. Вы сами допросите своего клиента или это сделает суд?

— Допрашивайте вы, ваша честь. Возможно, я добавлю один-два вопроса.

— Как вам угодно. Миссис Донахью, расскажите нам, как это произошло.

— Расскажу непременно, все как есть расскажу. Ваша честь, друзья, достопочтенные гости, хотя мне очень непривычно выступать вот так, перед публикой, однако при всей присущей мне скромности, я уверена, что...

— Миссис Донахью, пожалуйста, без длинных вступлений. Только факты. Касающиеся второй половины прошлого понедельника.

— Но я же про это и говорю!

— И прекрасно, продолжайте. Только излагайте попроще.

Миссис Донахью презрительно фыркнула.

— Ну что же! Я спокойно лежала, пытаясь отдохнуть хоть пару минут. Я ведь безумно занята, все эти клубы, благотворительные общества...

Гринберг смотрел на расположенную над ее головой шкалу детектора истины. Стрелка беспокойно подергивалась, но красной черты не пересекла ни разу, так что до сигнала предупреждения дело пока не дошло. Гринберг решил, что напоминать ей об этом, пожалуй, не стоит.

— ...Как вдруг внезапно меня охватил какой-то необъяснимый ужас.

Стрелка прыгнула далеко за черту, загорелась красная лампочка и послышалось противное гудение зуммера. Кто-то захихикал.

— Порядок в суде,— торопливо возгласил Гринберг.— Бейлифу даны указания выводить из зала всех, кто мешает ведению заседания.

Когда раздался звук зуммера, миссис Донахью резко смолкла. Мистер Бинфилд с мрачной физиономией тронул ее за рукав и сказал:

— Не обращайте, пожалуйста, внимание. Просто расскажите суду про шум, который вы услышали, и про то, что увидели потом.

— Да он же подсказывает свидетелю,— запротестовала Бетти.

— Ну и что? — возразил ей Гринберг.— Кто-то ведь должен это делать.

— Но ведь...

— Протест отклонен. Свидетель может продолжать.

— Ну, значит... услышала я этот самый шум и подумала, что же это может такое быть. Я выглянула наружу и увидела, как этот огромный, разъяренный зверь носится по моему саду и...

Снова раздался сигнал зуммера; на этот раз человек десять из зрителей ответили громким смехом.

— Выключит кто-нибудь эту дурацкую штуку? — разъяренно прошипела миссис Донахью.— Я просто не понимаю, как можно давать показания в такой обстановке.

— Порядок в зале! — крикнул Гринберг.— Если так будет продолжаться, суд сочтет необходимым арестовать кого-нибудь за неуважение.— Затем он повернулся к миссис Донахью.— Если свидетель согласился на использование детектора истины, это решение не подлежит пересмотру. Однако, данные, получаемые с помощью

этого прибора, являются чисто вспомогательными, суд не обязан исходить из них при вынесении решения. Продолжайте.

— Да уж, надеюсь. Ведь я в жизни никогда не врала.

Зуммер безмолвствовал. Гринберг грустно подумал, что она, очевидно, сама этому верит.

— Я хотел сказать,— добавил он,— что суд сам принимает решения, никакая машина не может это сделать за него.

— Мой отец всегда говорил, что такие вот штуки — порождение дьявола. Он говорил, что честный деловой человек не должен...

— Пожалуйста, миссис Донахью.

Мистер Бинфилд что-то ей прошептал, после чего миссис Донахью продолжила уже более спокойным голосом.

— Так вот, там была эта сама тварь, этот огромный зверь, который живет у соседского мальчика. Этот зверь пожирал мои розы.

— И что сделали вы?

— Я не знала, что мне делать. Я схватила первое, что попалось мне в руки... это оказалась швабра... и бросилась во двор. Зверь кинулся на меня и...

Зззззз!

— Миссис Донахью! Нам что, опять начинать этот разговор?

— Ну... во всяком случае я бросилась на него и начала лупить по голове. Он щелкнул на меня зубами. Эти огромные клыки...

Зззззз!

— И что же произошло потом, миссис Донахью?

— Эта трусливая тварь повернулась и выбежала с моего двора. Я не знаю, куда она потом делась. Но мой сад! Мой замечательный сад! Что в нем творилось! Он был просто весь уничтожен.

Стрелка заколебалась, но зуммер молчал.

— Мистер Бинфилд,— Гринберг повернулся к адвокату.— Вы осмотрели повреждения, нанесенные саду миссис Донахью?

— Да, ваша честь.

— Вы можете сообщить нам оценку нанесенного ущерба?

Мистер Бинфилд решил, что лучше уж он потеряет клиентку, чем станет всеобщим посмешищем из-за этой проклятой игрушки.

— Съедено пять кустов, ваша честь, целиком или частично. Причинены небольшие повреждения газону и пробито отверстие в фигурной решетке.

— Денежное выражение ущерба?

На этот раз мистер Бинфилд ответил крайне осторожно.

— Сумма, которую мы требуем в возмещение убытков, указана в иске, ваша честь.

— Это не ответ на мой вопрос, мистер Бинфилд.

Мистер Бинфилд внутренне пожал плечами и вычеркнул миссис Донахью из списка выгодных клиентов.

— Что-то порядка пары сотен, ваша честь, если считать ущерб, нанесенный собственности. Но суд должен учесть причиненное беспокойство, стресс и другие подобные вещи.

— Но это же просто возмутительно! — закричала миссис Донахью.— Мои премированные розы!

Стрелка далеко прыгнула, но вернулась на место слишком быстро, чтобы успел сработать зуммер.

— Какие там еще премии, миссис Донахью? — устало спросил Гринберг.

— Эти кусты росли прямо по соседству со знаменитыми, не раз премированными розами миссис Донахью,— торопливо встрял адвокат,— и я счастлив сказать, что ее отважное поведение спасло драгоценные растения.

— Можете вы добавить еще что-нибудь?

— Думаю, нет. У меня есть фотографии, где все отмечено и подписано.

— Прекрасно.

Миссис Донахью готова была испепелить своего адвоката взглядом.

— А вот я лично хочу кое-что добавить. Я настаиваю, повторяю, настаиваю на одной вещи — на том, чтобы это опасное кровожадное чудовище было немедленно уничтожено.

— Это официальное прошение, советник? — повернулся к Бинфилду Гринберг.— Или можно считать заявление миссис Донахью всего лишь ораторским приемом?

Бинфилд явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— У нас есть такое прошение, ваша честь.

— Суд примет его.

— Эй, подождите секундочку! — вступила в разговор Бетти.— Ведь Ламми и сделал-то всего, что съел несколько ее старых вшивых...

— Потом, мисс Соренсон.

— Но ведь...

— Пожалуйста, позже. У вас будет еще возможность высказаться.

Суд считает, что теперь в его распоряжении находятся все необходимые факты, относящиеся к этому делу. Желает кто-нибудь изложить новые факты или прибегнуть к дополнительному допросу кого-либо из свидетелей? Или выдвинуть нового свидетеля?

— Мы желаем,— мгновенно ответила Бетти.

— Вы желаете что?

— Мы желаем вызвать нового свидетеля.

— Прекрасно. Он находится здесь?

— Да, ваша честь. Снаружи. Это Ламмокс.

На лице Гринберга появилось задумчивое выражение.

— Если я вас правильно понял, вы предполагаете чтобы этот... э-э... Ламмокс дал показания в свою защиту?

— А почему бы и нет? Он ведь умеет говорить.

Один из репортеров повернулся к своему коллеге, что-то ему прошептал и торопливо вышел из зала. Гринберг пожевал губу.

— Я это знаю,— сказал он.— И даже сам успел обменяться с ним парой слов. Однако умение говорить — не единственное качество, которое требуется от свидетеля. Ребенок может научиться разговаривать не достигнув и годовалого возраста, но крайне редко малолетний ребенок — ну, скажем, в возрасте до пяти лет — признается способным давать свидетельские показания. Суд принимает во внимание, что представители негуманоидных рас... не являющиеся людьми в биологическом смысле слова... могут, вообще говоря, давать показания. Но не было представлено никаких доказательств компетентности данного конкретного внеземного существа.

— У тебя что, шарики за ролики? — обеспокоенно зашептал Джон Томас.— Ведь Ламми может такого наговорить...

— Цыц! — отмахнулась от него Бетти и продолжила, обращаясь к Гринбергу: — Послушайте, мистер уполномоченный. Вы тут наговорили кучу красивых слов, только что они означают? Вы уже готовы вынести решение, касающееся Ламмокса, и не побеспокоились задать ему самому ни одного вопроса. Вы говорите, что он не может давать квалифицированных показаний. Но я видела здесь и других, которые тоже не очень-то хорошо с этим справлялись. Спорю на что

хотите, если вы подключите этот детектор к Ламми, он не будет звенеть. Конечно, он наделал много, чего не надо. Но что такого ужасного в том, что он съел несколько поганых старых кустов да капусту мистера Ито? Вы сами, когда были маленьким, тоже ведь наверное таскали конфеты, если думали, что никто не видит?

Бетти перевела дыхание.

— А теперь подумайте, если бы за то, что вы утащили конфету, кто-нибудь съездил вам по лицу шваброй. Или выстрелил в вас из пушки. Вы бы не испугались? Не побежали? Ламми очень тихий и дружелюбный. Все соседи об этом знают... ну, разве, кроме таких, которые глупее и безответственнее его самого. Но кто-нибудь попытался поговорить с ним? Нет! На него набрасывались, в него стреляли, его перепугали до полусмерти, его загоняли до того, что он свалился с моста. Вот вы сказали, что Ламми некомпетентен. А если хорошенько подумать, кто здесь некомпетентен по-настоящему? Ламми? А может — все эти люди, озлобившиеся на него? Теперь вот они хотят его убить. Я так понимаю, что, если маленький мальчик стащит конфету, они оттяпают ему голову — просто на всякий случай, чтобы впредь неповадно было. Они что, все с ума посходили? Просто фарс какой-то!

Бетти замолчала, слезы катились по ее щекам. Способность пускать слезу по желанию служила ей хорошую службу в школьном театре, но на этот раз, к своему удивлению, она обнаружила, что эти слезы настоящие.

— Вы кончили? — спросил Гринберг.

— Да. Думаю, пока да.

— Должен признать, что ваше выступление было очень эмоциональным. Однако суд не может руководствоваться в своих решениях эмоциями. Видимо, вы хотели сказать, что по большей части причиной нанесенного ущерба, скажем даже — всего ущерба, за вычетом розовых кустов и капусты, были неадекватные действия людей и, следовательно, нельзя возлагать вину на Ламмокса и его владельца?

— Сами подумайте, ваша честь. Все-таки обычно хвост следует за собакой, а не наоборот. И почему не спросить самого Ламми, как по его мнению все это выглядело?

— Мы еще подойдем к этому. Теперь следующее обстоятельство: я не могу согласиться с законностью вашей аналогии. Мы имеем

дело не с маленьким ребенком, а с животным. И если суд издает постановление об уничтожении этого животного, это решение не будет ни наказанием, ни местью, так как обычно считается, что такие понятия животному недоступны. Решение будет иметь сугубо превентивный характер — нельзя допустить, чтобы потенциальная опасность превратилась в реальную угрозу жизни, здоровью или собственности какого-либо человека. Вашего гипотетического младенца может без труда сдержать нянька, но здесь перед нами существо весом в несколько тонн, способное неосторожным движением раздавить человека. Я не нахожу ни малейшего сходства между этим существом и маленьким мальчиком, ворующим конфеты.

— Не находите? Да этот маленький мальчик может вырасти и стереть с лица Земли целый город, просто нажав на во-от такусенькую кнопку. А раз так — долой ему голову, пока вырасти не успел. И не надо спрашивать его, почему он взял эту конфету, не надо вообще ни о чем спрашивать! Он — плохой мальчик, так что — отрубить голову и конец всем беспокойствам.

Гринберг снова невольно закусил губу.

— Так вы хотите, чтобы были выслушаны показания Ламмокса?

— Кажется, я об этом уже сказала.

— Я не совсем уверен, что именно вы сказали. Суд рассмотрит ваше прошение.

— Ваша честь, я протестую,— быстро вмешался мистер Ломбард.— Если это крайне необычное...

— Пожалуйста, подождите с вашим протестом. Суд объявляет перерыв на десять минут. Всем остаться.— Гринберг встал и вышел из зала. Он вынул сигареты, в очередной раз обнаружил, что у него нет спичек, и снова засунул пачку в карман.

Черт бы побрал эту девицу! Ведь он уже аккуратным образом рассчитал, как тихо прикрыть это дело к вящей славе родного Министерства и к радости всех заинтересованных лиц... ну разве, за исключением мальчишки Стюарта, но тут уж ничего не попишешь... мальчишки и этого лезущего не в свое дело нелепого существа из класса млекопитающих, которое держит его под своим крылышком. А заодно,— добавил Гринберг,— и под своим каблуком. Нельзя допустить уничтожения этого уникального экземпляра. Но Гринберг собирался организовать все осторожно, чтобы комар носа не

подточил. Отклонить прошение этой старой бандитки: тут и слепому ясно, что причина у нее — обыкновенная злоба. Затем один на один поговорить с шефом полиции, чтобы тот по-тихому снял свое прошение. На прошение от общества «Сохраним-Землю-для-неандертальцев» можно вообще плюнуть и растереть. А тут из-за этой занозы-девчонки, которой бы не болтать, а слушать, создается впечатление будто можно заставить Министерство рискнуть благополучием населения ради всякой там сентиментальной антропоморфной ерунды.

Чтоб ее трижды черти побрали с этими наглыми голубыми глазенками заодно.

Ведь того и гляди, его обвинят еще в том, что все из-за них, этих самых глазенок. Лучше бы уж она была уродиной.

Твое животное, ты и отвечай за ущерб — ясно, как божий день; для подтверждения решения можно найти тысячи прецедентов, касающихся «животных без присмотра», и мы, слава тебе Господи, не на планете Тенкора. Все эти разговорчики насчет вины тех, кто перепугал животное,— яйца выеденного не стоят. Однако, если рассматривать это ВЗС как научный материал, оно стоит значительно больше суммы причиненного ущерба, так что в денежном смысле мальчишка не пострадает.

Гринберг вдруг осознал, что дал своим мыслям потечь по сугубо неюридическому пути. Его совершенно не должно касаться, может ли ответчик заплатить по искам.

— Извините меня, пожалуйста, ваша честь. Не надо баловаться этими штуками.

Гринберг резко оглянулся, готовый оторвать кому-нибудь голову, и обнаружил себя лицом к лицу с секретарем суда. Тут до него дошло, что он в задумчивости крутит тумблеры на приборной панели. Гринберг отдернул руку.

— Простите.

— Если человек не знает, что тут и как,— извиняющимся голосом сказал секретарь,— такого можно наделать...

— Вы правы. К сожалению, вы совершенно правы.— Гринберг поспешил в зал.— Заседание продолжается.

Заняв свое место, он сразу же повернулся к Бетти.

— Суд принял решение: Ламмокс не может являться свидетелем.

— Ваша честь,— с трудом выдохнула Бетти,— это нечестно!

— Возможно, что и так.

Бетти на мгновение задумалась.

— Мы ходатайствуем об изменении места рассмотрения дела.

— И где это вы успели нахвататься всех этих штучек? Впрочем, неважно, изменение уже произошло, когда вмешалось Министерство. Другого не будет. А теперь — нельзя ли вас попросить о любезности помолчать немного — просто для разнообразия.

Лицо Бетти залилось краской.

— Вам следовало бы сделать самоотвод!

Гринберг намеревался хранить полное, истинно олимпийское спокойствие, но сейчас ему это давалось с трудом. Он трижды медленно, глубоко вздохнул.

— Юная леди,— сказал он, тщательно подбирая слова,— весь день вы пытаетесь внести сумятицу в рассмотрение дела. Вам совершенно не нужно что-либо еще говорить, вы и так уже наговорили больше, чем нужно. Вы меня понимаете?

— Я не делала этого... я обязательно буду... и с этим я тоже не согласна.

— Не понял. Вы не могли бы повторить?

— Нет,— Бетти посмотрела на него,— я лучше возьму свои слова обратно, а то вы опять заговорите про «неуважение».

— Нет, что вы. Мне просто захотелось запомнить. Не думаю, чтобы я когда-нибудь слышал столь всеохватывающее заявление. Ну да ладно, вы просто подпридержите свой язычок. Если, конечно, знаете, как это делается. Вы сможете выступить позднее.

— Да, сэр.

Гринберг повернулся к остальным.

— Ранее суд заявлял, что, если будет решено сделать это слушание окончательным, участники будут оповещены. Суд не видит причин, мешающих перейти к вынесению решений. Возражения?

Адвокаты неловко заерзали, оглядываясь друг на друга. Гринберг повернулся к Бетти:

— А как вы считаете?

— Я? Я думала, что лишена права голоса.

— Так как, закончим мы сегодня это дело?

Бетти оглянулась на Джона Томаса и тусклым голосом произнесла:

— Возражений нет,— затем наклонилась к нему и прошептала: — Джонни, я и вправду старалась!

Тот пожал под столом ее руку.

— Я же и сам все видел, Молоток.

Гринберг сделал вид, что ничего не услышал. Он продолжил холодным, официальным голосом:

— Перед судом находится прошение об уничтожении ВЗС Ламмокса на том основании, что он опасен и не поддается контролю. Изложенные в прошении факты не подкрепляют данную точку зрения. Прошение отклоняется.

Бетти взвизгнула и широко открыла рот. Пораженный Джон Томас широко ухмыльнулся, в первый раз за весь суд.

— Порядок, пожалуйста,— провозгласил Гринберг таким голосом, словно ничего не произошло.— Перед нами еще одно прошение, смысл такой же, но другая аргументация.— Он поднял бумагу, поданную лигой «Сохраним Землю для людей».

— Суд находит себя неспособным понять излагаемые здесь доводы. Прошение отклоняется.

— Предъявлено четыре уголовных обвинения. Я снимаю все четыре. Закон требует...

— Но,— с крайним удивлением на лице заговорил городской прокурор,— ваша честь...

— Не будете ли вы так добры приберечь доводы, если они у вас действительно есть, до начала своего выступления. Так вот, в данном деле невозможно усмотреть преступное намерение, из-за чего может создаться впечатление, что о преступлении вообще нельзя говорить. Однако есть случаи, когда закон требует от гражданина проявления предусмотрительности в целях защиты окружающих. В таких делах появляется понятие конструктивного намерения — в соответствии с этим понятием и должны рассматриваться такие дела. Предусмотрительность основывается на опыте, личном или опосредованном, а не на совершенно невозможном предугадывании всех возможных обстоятельств. По мнению суда имевшие место предосторожности показывают вполне достаточную предусмотрительность в свете всего имевшегося опыта... опыта, имевшегося,

скажем, к прошлому понедельнику.— Он повернулся к Джонни.— Я хочу сказать следующее, молодой человек: на тот момент, насколько показывал опыт, ваши предосторожности были вполне достаточными. Теперь вы лучше понимаете ситуацию. И если эта тварь снова сорвется с привязи, вам мало не будет.

Джонни с трудом сглотнул.

— Да, сэр.

— Остаются гражданские иски по возмещению ущерба. Здесь подход другой. Опекун несовершеннолетнего или собственник животного ответственны за ущерб, нанесенный ребенком или животным; закон считает, что лучше пусть пострадает собственник или опекун, чем ни в чем неповинный посторонний. За исключением одного момента, который я пока оставлю в стороне, имеющиеся иски подпадают под это правило. Сперва я должен отметить, что в некоторых из этих исков испрашивается возмещение ущерба, попадающее под три различные категории: возмещение реального ущерба, возмещение, носящее карательный характер, и возмещение, так сказать, примерное — чтобы в другой раз неповадно было. Для карательного и примерного взысканий оснований не найдено, соответствующие просьбы отклоняются. Думаю, что мы пришли к согласию относительно сумм действительного ущерба, адвокаты с этим согласны. Что касается этих сумм, то Министерство космических дел, исходя из общественных интересов, берет их возмещение на себя.

— Хорошо, что мы записали его неотчуждаемым,— прошептала Бетти.— Ты только посмотри на этих стервятников из страховых компаний.

— До сих пор я оставлял в стороне один момент,— продолжал Гринберг.— Здесь уже поднимался, правда косвенно, вопрос о том, что Ламмокс, возможно, не является животным, а значит, не является и предметом собственности. Что, возможно, он является разумным существом в смысле кодекса «Обычаи цивилизаций» и, следовательно, сам себе хозяин.— Гринберг немного помедлил. Он хотел вскорости предложить свой собственный параграф в добавление к «Обычаям цивилизаций», и ему очень не хотелось, чтобы это добавление было отвергнуто.— Рабство давным-давно запрещено; ни одно мыслящее существо не может быть предметом собственности. Однако в каком положении оказываемся мы, если Ламмокс разумен?

Можно ли считать Ламмокса лично ответственным? Непохоже, чтобы он обладал достаточным знанием наших обычаев, как не похоже и то, что он оказался на Земле по своей доброй воле. Не являются ли так называемые собственники в действительности его опекунами, ответственными за него уже в этом качестве? Все эти вопросы сводятся к следующему: является ли Ламмокс предметом собственности или свободным разумным существом?

— Суд уже выразил свое мнение, отказав Ламмоксу в праве выступать свидетелем... на настоящий момент. Но этот суд не полномочен давать окончательное решение по такому вопросу при всей своей уверенности в том, что Ламмокс — животное.

— Поэтому суд по собственной инициативе возбуждает дело об определении истинного статуса Ламмокса. Тем временем Ламмокс поручается попечению местных властей, каковые будут нести ответственность как за его безопасность, так и за то, чтобы он не подвергал опасности окружающих.— Гринберг замолчал и сел на место.

Если бы какой мухе захотелось в этот момент залететь в чей-то открытый рот — выбор у нее был необычайно широкий. Первым опомнился адвокат Западной компании мистер Шнейдер.

— Ваша честь? И что же тогда получается с нами?

— Не знаю.

— Но... послушайте, ваша честь, давайте прямо взглянем на факты. У миссис Стюарт нет никакой собственности или фондов, она живет на средства треста. То же самое относится и к мальчику. Мы надеялись получить свои деньги за счет самого животного; постаравшись, за него можно взять хорошую цену. А теперь вы, разрешите так выразиться, все разрушили. Да ведь если кто-нибудь из этих типов... ладно, назовем их «учеными»... начнет свои исследования, которые могут тянуться долгие годы, или того хуже, бросит хоть тень сомнения на статус этого животного — ну и где нам, спрашивается, искать тогда возмещение? Подавать в суд на город?

Тут мгновенно вскочил Ломбард.

— Эй, послушайте, как это — в суд на город? Да город же сам является одним из пострадавших. Если так рассуждать...

— Порядок в суде,— сурово приказал Гринберг.— Ни на один из этих вопросов мы не можем ответить в настоящий момент. Все гражданские иски сохраняют силу до окончательного выяснения стату-

са Ламмокса.— Он задумчиво поглядел в потолок.— Но есть еще один вариант. Насколько можно понять, это существо прилетело сюда на борту «Пионера». А если мне не изменяет знание истории, все образцы, привезенные этим кораблем, принадлежат государству. Даже в том случае, если Ламмокс — объект собственности, он, возможно, все равно не является собственностью частной. В таком случае источник возмещения ущерба может оказаться предметом несколько более сложного разбирательства.

Мистер Шнейдер был совершенно выбит из колеи, на лице мистера Ломбарда появилась откровенная злоба, а Джон Томас попросту растерялся.

— Что это судья хочет сказать? — прошептал он Бетти.— Ламмокс мой, и только мой.

— Тс-с...— тихо ответила ему Бетти.— Ведь я же говорила тебе, что он нас вытащит. Мистер Гринберг — просто зайка.

— Но ведь...

— Заткнись. Мы лидируем.

За все время суда, исключая дачу показаний, сын мистера Ито не проронил ни слова. Теперь он встал.

— Ваша честь?

— Да, мистер Ито?

— Я всего этого не понимаю, я простой фермер. Я хочу только одно знать — кто заплатит за папины теплицы?

Джон Томас поднялся.

— Я заплачу,— сказал он.

Бетти дернула его за рукав.

— Да замолчи же ты, идиот!

— Это ты замолчи. Ты уже достаточно поговорила сегодня.— Бетти умолкла.— Мистер Гринберг, все уже, похоже, высказались. Можно и мне кое-что сказать?

— Пожалуйста.

— Сегодня я много всякого выслушал. Тут пытались доказать, что Ламмокс опасен, а это совершенно не так. Пытались сделать, чтобы его убили,— просто потому, что он им не нравится... да, да, это я про вас, миссис Донахью!

— Обращайтесь, пожалуйста, только к суду,— спокойно вставил Гринберг.

— Вы тоже говорили очень много. Я не все понял, но, вы меня простите, кое-что из сказанного показалось мне очень глупым. Извините, пожалуйста.

— Я не сомневаюсь, что вы не хотели оскорбить суд.

— Ну, скажем... насчет того, является ли Ламмокс предметом собственности. Или — достаточно ли он умен, чтобы получить избирательное право. Ламмокс очень умный, наверное, никто, кроме меня, не знает, какой он умный. Но у него нет никакого образования, и он нигде не бывал. Однако это не имеет никакого отношения к вопросу, чей он. Он мой. Ровно так же, как я принадлежу ему, мы же росли вместе. Так вот, я знаю, что именно я ответствен за все, перепорченное в понедельник... ты можешь помолчать, Бетти? Сейчас я не смогу заплатить за все это, но в конце концов я заплачу. Я...

— Одну секунду, молодой человек. Суд не может позволить вам взять на себя ответственность, не посоветовавшись с адвокатом. Если вы намерены это сделать, суд назначит вам защитника.

— Вы говорили, что я могу высказаться.

— Продолжайте. Отметим в отчете, что все, сказанное вами, не накладывает на вас обязательств.

— Именно накладывает, потому что я действительно собираюсь расплатиться. Очень скоро фонд, оставленный на мое образование, поступит в мое распоряжение, и его суммы примерно хватит. Я думаю, что смогу...

— Джон Томас! — воскликнула миссис Стюарт.— Ты не сделаешь этого!

— Мама, ты бы тоже лучше в это дело не лезла. Я собирался сказать...

— Ты ничего не скажешь! Ваша честь, он же...

— Порядок! — прервал их Гринберг.— Ничто из сказанного не накладывает никаких обязательств. Пусть парень говорит.

— Спасибо, сэр. Но я все равно уже кончаю. Мне только надо сказать кое-что и вам, сэр. Ламми очень тихий и робкий. Я могу справиться с ним потому, что он мне доверяет,— но если вы думаете, что я позволю кому-нибудь пихать его туда-сюда, задавать дурацкие вопросы, гонять его через свои лабиринты и всякие такие штуки,— вы сильно ошибаетесь, я этого не потерплю. Сейчас Ламми болен. Он перевозбудился, и это для него плохо. Бедный...

Ламмокс ждал Джона Томаса долго, он не думал, что так долго придется ждать; так долго он ждал потому, что не знал в точности, куда тот ушел. Он видел, как Джон исчез в толпе, но не был уверен, пошел ли тот в большой дом, стоявший неподалеку. Проснувшись в первый раз, он попытался уснуть снова, но вокруг все время крутились какие-то люди, и ему приходилось опять и опять заставлять себя просыпаться — сторожевые центры его мозга не очень хорошо разбирались в сложных ситуациях. Сам-то он не думал об этих центрах, а просто раз за разом просыпался от чего-то вроде предупредительного звонка.

Потом ему это надоело, и он решил, что пора найти Джона Томаса и собираться домой. Таким образом, он все-таки нарушил приказ Бетти; но с другой стороны, Бетти — это не Джонни.

Сначала он обострил свой слух, чтобы попытаться обнаружить, где Джонни. Он слушал долго, несколько раз слышал голос Бетти, но она его не интересовала. Он продолжал слушать.

И вот, наконец, Джонни! Ламмокс отгородился от всего остального и прислушался внимательнее. Так и есть, он в большом доме. Но что это? Голос Джонни звучит в точности, как при спорах с матерью. Ламмокс немного расширил диапазон своего слуха, пытаясь определить, что же там происходит.

Они говорили о чем-то совершенно непонятном. Ясно было одно — Джонни кто-то обижает. Мать? Один раз до него донесся и ее голос; Ламмокс знал, что у нее есть какое-то право обижать Джонни, ну вроде как Джонни может со злостью говорить с ним самим. Это не имело особого значения. Но там был кто-то еще... другие люди, и у них во всяком случае такого права уж точно не было.

Ламмокс решил, что пора действовать. Он поднялся на ноги.

Красноречие Джона Томаса так и оборвалось на слове «бедный». Снаружи раздались вопли, и все, сидевшие в зале, в недоумении повернули головы к двери. Шум быстро приближался, и Гринберг только собрался послать бейлифа выяснить, в чем там дело, как необходимость в этом отпала сама собой. Дверь как-то странно вспучилась, а затем слетела с петель. В зал вступила передняя часть Ламмокса, украшенная на манер жабо дверной рамой. По дороге он заодно снес и кусок стены. Ламмокс широко открыл рот и пропищал:

— Джонни!

— Ламмокс,— крикнул Джонни в ответ.— Не двигайся! Оставайся на месте! Совсем не двигайся!

Лица всех присутствующих в зале, стоили того, чтобы на них в тот момент посмотреть, но даже при таком широком выборе самое интересное выражение было у особого уполномоченного Сергея Гринберга.

5. ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Достопочтенный мистер Кику, заместитель министра космических дел, выдвинул ящик стола и внимательно изучил свою замечательную коллекцию таблеток. Сомневаться не приходилось: язва желудка — она. Проглотив одну, которая вроде бы больше всего подходила, он с замученным видом взялся за прерванные дела.

Приказ технического комитета Министерства обязывал все межпланетные корабли класса «Пеликан» вернуться в порты приписки для проведения каких-то непонятных изменений в конструкции. Приложенные к приказу технические спецификации мистер Кику не стал даже и раскрывать; он чиркнул «согласен» и кинул приказ в корзину для исходящих. Технической безопасностью в космосе занимался техком; сам Кику в технике не понимал ни бельмеса и понимать не хотел; он будет поддерживать все решения главного инженера или уволит его и подберет нового.

Уже заранее он с мрачной тоской представлял, как финансовые тузы — собственники «Пеликанов» — начнут зудеть на ухо министру, а потом министр, совершенно не понимающий, в чем загвоздка, и перепуганный тем, что на него давят, скинет это дело на мистера Кику.

Что-то уж больно много сомнений насчет этого нового министра: время идет, а ему все никак не войти в форму.

Следующая бумага пришла к нему не для принятия решения, а только для информации, и пришла она во исполнение постоянно действующего указания, чтобы все, касающееся министра, каким бы плевым не оказалось дело, ложилось на стол к мистеру Кику. Бумажонка, похоже, и вправду была пустяк пустяком; согласно прило-

женной аннотации некая организация со странным названием «Друзья Ламмокса», возглавляемая никому не известной миссис Беулой Мергитройд, требовала аудиенции у министра; их, естественно, отфутболили к замминистра по связям с общественностью.

Читать дальше не имело смысла. Вэс Роббинс зацелует их до смерти и не даст беспокоить из-за ерунды ни министра, ни мистера Кику. Появилась даже забавная мысль — наказать министра, натравив на него эту миссис Мергитройд, но это была так, мимолетная шутка, фантазия; время министра надо беречь для действительно важных встреч, а не переводить его попусту на всяких провинциальных психов. Все эти «Друзья Того-то-Того-то» состоят обычно из некой злоязыкой персоны плюс всегдашний набор развесивших уши придурков и важничающих болванов. Однако все равно эти компании могут стать костью поперек горла, поэтому — никогда не следует давать им того, что они требуют.

Он отослал бумагу в архив и взялся за докладную из Комэкона; большой дрожжевой завод в Сент-Луисе поражен вирусом; населению светили недостаток белков и переход на голодный паек. Голод на Земле не входил в круг прямых обязанностей мистера Кику. И все же он несколько секунд задумчиво глядел на бумагу; калькулятор в его голове вел подсчеты. Затем мистер Кику окликнул своего помощника:

— Вонг, ты смотрел Комэкон Аи 0428?

— Насчет дрожжей в Сент-Луисе? Вроде да, шеф.

— И чего ты не сделал в связи с этим?

— А ничего не сделал. Думаю, это не по моей части.

— Значит, думаешь. А наши внеземные станции — они тоже не по твоей части? Ну-ка, погляди графики снабжения на ближайшие полтора года и сопоставить их с Аи 0428. А после подумай, что теперь будет. Может, тебе придется овец закупать в Австралии, причем не на бумаге — в натуре, реально вступать во владение. Неужели наши люди должны голодать только из-за того, что какой-то дебил в Сент-Луисе уронил свои вонючие носки в чан с дрожжами?

— Есть, сэр.

Мистер Кику вернулся к бумагам. Он уже жалел о своей грубости. Ведь ясно, что причина его раздражительности — не просчет Вонга, причина — в докторе Фтаемле. Да и не доктор Фтаемл виноват, а

он сам! Мистер Кику прекрасно понимал, что расовые предрассудки до добра не доводят, особенно — на такой работе. Да что там говорить, не будь таких вот фантастических существ, рядом с которыми все люди кажутся чуть ли не одинаковыми, он и сам мог бы стать жертвой существовавших когда-то расовых преследований.

И все равно, против себя не попрешь. Он ненавидел даже тень Фтаемла и не мог с этим ничего поделать.

Ну что, спрашивается, стоит этому типу накрутить на голову тюрбан, все было бы легче. Так нет же, он обязательно будет разгуливать с этими проклятыми змеями на голове, извивающимися как черви в банке. Они еще и гордятся ими, эти распрекрасные рарджиллианцы. Пожалуй, даже держат за неполноценных тех, у кого голова без змей.

Да что это я! Фтаемл — отличный парень. Мистер Кику сделал себе заметку — пригласить Фтаемла на обед, и не откладывая. Всего-то делов — пройти загодя гипнотическое внушение, и проблемы как не бывало. Только вот при одной этой мысли снова начались рези в желудке.

Рарджиллианец поставил перед Министерством совершенно неразрешимую задачу, ну и что? Разрешение неразрешимых задач для Министерства было обычным делом. И все равно, почему этот несчастный урод не может подстричься?

Представив доктора Фтаемла остриженным наголо и с головой в шишках, мистер Кику несколько приободрился, выдавил из себя улыбку и вернулся к работе, чувствуя себя малость лучше. Что теперь? Краткий отчет о командировке... да, конечно же, Сергей Гринберг. Отличный парень, этот Сергей. Пробежав глазами начало, мистер Кику потянулся было за ручкой, чтобы завизировать рекомендации, которые сделал Гринберг.

Но рука остановилась на полдороге. С секунду он, пораженный, глядел на бумагу и затем ткнул пальцем в кнопку.

— Архив! Пришлите мне полный отчет о командировке мистера Гринберга, той, из которой он только что вернулся.

— Вы можете назвать номер, сэр?

— Это насчет вмешательства Министерства, вы там легко найдете. А, погодите-ка, вот оно. Рт0411, за прошлую субботу. Пришлите немедленно.

Он едва успел разделаться еще с полудюжиной бумаг, как чпокнула пневматическая труба, и на стол к нему выскочил крохотный цилиндрик. Мистер Кику вставил его в читальный аппарат и принялся читать, нажимом кнопки регулируя скорость движения текста по экрану.

Менее чем за семь минут он просмотрел не только полную стенограмму суда, но и доклад Гринберга о прочих событиях. Мистер Кику читал с помощью этой машины не менее двух тысяч слов в минуту; диктофонные записи и личные устные доклады он считал пустой тратой времени. Однако, когда машина щелкнула и остановилась, мистер Кику решил, что на этот раз без устного доклада не обойтись. Он наклонился к селектору и повернул тумблер.

— Гринберг.

Гринберг поднял голову от стола.

— Как поживаете, шеф?

— Зайди, пожалуйста, ко мне.— И не тратя времени на вежливости, мистер Кику отключил связь.

Гринберг подумал, что шефа, видно, снова беспокоит желудок. Но придумывать себе какое-нибудь позарез срочное дело за пределами Министерства было уже поздно, так что он сбежал по лестнице вниз и предстал перед мистером Кику с обычной своей улыбкой во все лицо.

— Привет, шеф.

— Доброе утро. Я вот тут читал твой отчет.

— Ну и?

— Сколько тебе лет, Сергей?

— Что? Тридцать семь.

— М-м-м. И в каком ты чине?

— Сэр? Офицер дипломатической службы, второй класс. Исполняю обязанности по первому.

«Что за бред? — подумал он про себя.— Дядя Генри и так все знает... до размера моих ботинок включительно».

— Тридцать семь, значит. Пора бы в таком возрасте иметь хоть чуточку здравого смысла,— вслух размышлял Кику.— И чин вполне подходящий, чтобы самому быть послом или первым заместителем какого-нибудь политикана, которому сделали подарочек в виде посольского места. И как же это вышло, Сергей, что ты оказался таким идиотом?

У Гринберга заиграли на щеках желваки, но он ничего не ответил.

— Ну так как?

— Сэр,— ледяным голосом ответил Гринберг,— вы старше и опытнее меня. Так разрешите полюбопытствовать, как это вышло, что вы оказались таким жутким хамом?

Губы мистера Кику слегка дрогнули, но улыбаться он не спешил.

— Хороший вопрос. По делу. Мой психиатр объясняет это тем, что я — прирожденный анархист, попавший не на свое место. А теперь садись, и мы все-таки поговорим на тему, почему ты такой тупица. Сигареты в подлокотнике.

Гринберг сел, выяснил, что он, как всегда, без спичек, и попросил прикурить.

— Я же не курю,— ответил Кику.— Но мне казалось, что эти зажигаются сами.

— А, да, я и не заметил.— Гринберг закурил.

— Вот видишь? Для чего, спрашивается, у тебя глаза и уши? Сергей, как только эта тварь заговорила, ты был обязан отложить слушание до тех пор, пока мы не узнаем о ней все.

— М-м-м... видимо, так.

— Он еще говорит «видимо»! Да твой внутренний сигнал тревоги должен был греметь, как будильник в понедельник утром. А ты? Ты позволил, чтобы кто-то другой выложил тебе все возможные последствия этого дела. И когда выложил? Когда ты считал суд уже законченным. И кто? Какая-то малолетняя пигалица. Слава Богу, я не читаю газет. Вот уж они, наверное, отвели душу.

Гринберг покраснел. Он-то газеты читал.

— А потом, когда она обкрутила тебя со всех сторон, ты только жалко пытался устоять на ногах, вместо того чтобы прямо принять ее вызов. Ты спросишь, каким образом? Да просто отложив слушание и постановив провести исследование, причем сделать это надо было в самом начале.

— Но я же постановил его провести.

— Ты меня не перебивай, я хочу поджарить тебя с двух сторон. Затем ты начал выносить решение, невиданное с тех пор, как Соломон постановил разрезать младенца пополам. Ты что, учился заочно? И в какой дыре, позволь мне узнать?

— В Гарварде,— угрюмо ответил Гринберг.

— Хм-м... Пожалуй, я к тебе слишком строг. Трудно ждать от человека слишком многого после такого тяжелого детства. Но ради семидесяти семи семизадых богов Сарванчила, пусть мне кто-нибудь объяснит, что ты делаешь потом! Сперва ты отвергаешь прошение мэрии об уничтожении этого зверюги в интересах безопасности населения, а затем поворачиваешь на сто восемьдесят, удовлетворяешь это прошение и говоришь, чтобы они его убили, ну разве только после формального одобрения нашего Министерства. И все — за каких-то десять минут. *Exeut omnes*, держась за животики. Сынок, ты можешь выставлять самого себя идиотом сколько душе угодно, но Министерство мог бы и пожалеть.

— Шеф,— с непривычной покорностью ответил Гринберг.— Я ошибся. А когда я увидел свою ошибку, то сделал единственное, что мне оставалось,— пересмотрел решение. Зверь и вправду опасен, а держать его взаперти в Вествилле просто негде. Имей я на то право, я приказал бы уничтожить его немедленно, не дожидаясь одобрения Министерства, то есть вашего.

— Ничего себе!

— Вас там не было, сэр. Вы не видели, как рушится толстенная стена. Вы не видели всего этого бедлама.

— Не думай, что ты меня убедил. Сам-то ты видел когда-нибудь город, снесенный с лица земли водородной бомбой? А ты мне про какую-то стенку в провинциальном суде! Небось подрядчик, ворюга, намешал песку вместо цемента.

— Шеф, вы бы поглядели на клетку, из которой он перед этим вырвался. Стальные двутавровые балки, все на сварке. Он сломал их, как соломинки.

— Насколько я понимаю, в этой клетке ты его и осматривал. Так что ж ты сам не побеспокоился, чтоб его засадили понадежнее?

— Я думаю, что строительство тюрем — это малость не по профилю нашего Министерства.

— Сынок, все, что хоть в малой степени связано с чем-нибудь «оттуда»,— по нашему профилю. И ты это прекрасно знаешь. Так вот и получается, когда знаешь это и днем и во сне, всем существом, от ног до макушки, тогда и начинаешь исполнять все, как пустую формальность, словно почетный председатель, снимающий пробы супа в больнице для бедных. Тебя туда зачем послали? Чтобы ты

во все внюхивался, во все вслушивался, все время вглядывался — не возникает ли какая «особая ситуация». А ты с ходу угодил в лужу. А теперь расскажи мне про зверя. Отчет я читал, фотографии видел, но я не могу еще по-настоящему почувствовать его.

— Ну, он небалансирующий, многоногий, точнее — восьминогий, примерно семи футов в холке. Он...

Кику насторожился.

— Восемь ног? А руки?

— Рук? Нету.

— Ну а вообще какие-нибудь манипулятивные органы? Может — видоизмененная нога?

— Ничего подобного, шеф. Если бы что-то было, я бы сразу заказал обследование по полной программе. Ступни размером с бочонок и столь же очаровательны. А что?

— Ладно, просто я подумал о другом. Рассказывай дальше.

— Он немного смахивает на носорога, немного — на трицератопса, хотя вообще-то своим строением отличается от всего, что когда-нибудь водилось на нашей планете. Хозяин называет его «Ламмокс», и имя ему очень подходит. Симпатичный такой зверюга, но глупый. Вот это-то и страшно, он такой здоровый и мощный, что вполне может покалечить человека просто из-за своей глупости и неуклюжести. Умеет говорить, ну примерно как четырехлетний ребенок. Самое смешное — звучит это так, словно он проглотил какую-нибудь Красную шапочку.

— А почему ты считаешь, что он глупый? Я вот тут вижу, что его хозяин, с именем ну прямо из учебника истории, заявляет, что он очень умный.

Гринберг улыбнулся.

— Он судит предвзято. Шеф, я же сам говорил со зверем. Поверьте мне, он глупый.

— Не вижу никаких доказательств. Считать, что ВЗС — глупое только потому, что оно не умеет говорить по-нашему, это все равно что считать неграмотным итальянца, изъясняющегося на ломаном английском. *Non sequitor**.

— Но послушайте, шеф, у него же нет рук. Максимальная разумность ниже, чем у обезьяны. Ну, может, на уровне собаки. И то — вряд ли.

---

* Вывод, не следующий из посылки *(лат.)*.

— Из этого следует, что в теоретической ксенологии ты законченный ортодокс, и ничего больше. Однажды такое вот умозаключение встанет и врежет ксенологу-классику по физиономии. Обязательно найдется какая-нибудь цивилизация, которой совсем не надо брать предметы своими лапками-ручонками и которая ушла от этого уровня далеко вперед.

— Посмотрим?

— Не буду. А где этот самый «Ламмокс»?

Отвечать Гринбергу явно не хотелось.

— Шеф, все это описано в отчете, который сейчас микрофильмируют. Он будет у вас на столе с минуты на минуту.

— Вот и отлично. А пока, раз ты все видел собственными глазами, давай, выкладывай.

— Я довольно близко сошелся с местным судьей и попросил, чтобы он мне все сообщал. Ежу ясно, они не могли засунуть эту тварь в местную Бастилию: если на то пошло, в городе вообще негде его держать. Они сами об этом в конце концов догадались, но только после целой кучи приключений на свою голову. И было уже поздно строить что-нибудь основательное. Уж вы мне поверьте, клетка была действительно очень крепкой. Но местного полицейского начальника вдруг осенила одна замечательная идея: у них нашелся пустой резервуар, что-то по пожарному ведомству, из железобетона, стенки — футов тридцать в высоту. Ну они и соорудили сходни, загнали зверя в этот резервуар, а потом сходни убрали. Думали, что теперь все в порядке, прыгать он явно не умел, телосложение не то.

— Пока вроде все хорошо.

— Да, но это еще не конец. Судья О'Фарелл рассказал мне потом, что шеф полиции так боялся этого зверя, так дергался, что решил не дожидаться министерского одобрения: он прямо приступил к казни.

— Что?!!

— Вы дослушайте до конца. Он никому не стал ничего говорить, только случайно в эту самую ночь впускной вентиль оказался почему-то открытым и резервуар наполнился до краев. Утром, когда посмотрели, Ламмокс лежал на дне. Так что шеф Дрейзер решил, что «несчастный случай» увенчался полным успехом и у него стало одной головной болью меньше.

— И что потом?

— А то, что этот потоп Ламмокса даже не побеспокоил. Он находился под водой несколько часов, а когда воду спустили, проснулся, встал и очень вежливо со всеми поздоровался.

— Амфибия, скорее всего. Ну и что же ты сделал, чтобы пресечь это самоуправство?

— Погодите, еще не все. Дрейзер знал, что от огнестрельного оружия и взрывчатки толку мало... да вы знаете, вы же читали... во всяком случае — если применять их в масштабе, безопасном для самого городка. Ну он и решил пойти по стопам Борджиа. Не зная ничего о биологии твари, он набрал с полдюжины ядов в количествах, достаточных, чтобы отравить целый полк, и рассовал всю эту химию в различную пищу.

— Ну и как?

— Ламмокс с радостью заглотил все до последней крошки. После этого его даже в сон не потянуло. Похоже, у него только обострился аппетит, потому что первое, что он сделал, умяв отраву,— сожрал тот самый впускной вентиль. Резервуар опять начало заливать, так что пришлось отключить его к чертовой матери от городского водопровода.

— Этот Ламмокс мне начинает нравиться,— хихикнул Кику.— Как ты сказал, сожрал вентиль? А он был из чего?

— Не знаю. Сплав какой-то.

— Хм... похоже, ему нравятся грубые корма. Возможно, у этой маленькой птички есть маленький зобик.

— Не удивлюсь, если так.

— Ну и что же потом сотворил этот полицейский герой?

— Слава Богу, вроде бы ничего. Я попросил О'Фарелла вдолбить в его умную голову, что если он будет упорствовать в своем стремлении перехитрить Министерство, то кончит свои дни, скорее всего, в исправительном заведении, световых годах этак в тридцати от его драгоценного Вествилла. Так что теперь он сидит тихо и пытается разобраться с этой проблемой. Последней его блестящей мыслью было залить Ламмокса бетоном и оставить так помирать, на манер мухи в янтаре. Но тут не согласился О'Фарелл, он решил, что это как-то негуманно.

— Значит, Ламмокс все еще сидит в своей банке и ждет, пока мы решим его судьбу?

— Думаю, да, сэр. Во всяком случае вчера было так.

— Ну, пусть подождет, что-нибудь придумаем.— Мистер Кику взял со стола отчет и рекомендацию к действиям Гринберга.

— Если я правильно понимаю, вы мою рекомендацию отвергаете? — спросил Гринберг.

— Нет. С чего это ты решил.— Кику подписал постановление, разрешающее уничтожить Ламмокса и положил его в корзину для исходящих, которая сразу же проглотила свою добычу.— Если я отвергаю чье-нибудь решение, я одновременно увольняю и автора, а для тебя тут есть еще одна работенка.

— А! — Гринберг почувствовал укол сожаления, он-то наполовину ожидал, что шеф снимет с его совести груз, отменив смертный приговор Ламмоксу. Что ж... ничего не попишешь... да к тому же этот зверь и вправду очень опасен.

— Ты змей боишься? — продолжал мистер Кику.

— Нет. Пожалуй, даже люблю.

— Великолепно! Хотя лично я даже представить себе такого не могу. Я всегда боялся их до смерти. Однажды, еще мальчишкой, в Африке... впрочем, ладно. Ты когда-нибудь имел дело с рарджиллианцами? Ведь нет?

Наконец-то до Гринберга дошло.

— Был у меня раз переводчик-рарджиллианец, в той истории с Вегой IV. Я отлично с ним ладил.

— А вот про меня такого не скажешь. Сергей, есть небольшое дело, связанное с переводчиком-рарджиллианцем, доктором Фтаемлом. Может, ты даже о нем и слышал.

— Конечно, слышал, сэр.

— Я вполне признаю, что как рарджиллианец,— в устах Кику последнее слово прозвучало как что-то неприличное,— Фтаемл — парень хороший. Но все это дело сильно попахивает неприятностями, а я из-за своей фобии, боюсь, совсем потеряю на неприятности нюх. Вот я и хочу взять тебя в помощники, чтобы ты ко всему принюхивался.

— Я думал, что вы больше не доверяете моему носу, шеф.

— Что же нам, несчастным, остается, пусть слепой ведет слепых, если ты позволишь мне немного переиначить метафору. Может, вдвоем мы и сумеем что-нибудь вынюхать.

— Да, сэр. А можно спросить, в чем там суть?

— Ну...

Ответить мистер Кику не успел: мигнул сигнал, и голос секретарши объявил:

— Ваш гипнотерапевт, сэр.

Заместитель министра посмотрел на часы.

— И куда это всегда девается время? — Затем повернулся к селектору: — Проводите его в заднюю комнату. Я сейчас.— Он продолжил, обращаясь к Гринбергу: — Фтаемл будет здесь через полчаса. Я не могу сейчас с тобой говорить, мне надо пойти подготовиться. Посмотри папку «Срочно». Там — все, что у нас есть. Очень мало.— Мистер Кику с ужасом поглядел на переполнившуюся за время беседы корзинку с входящими.— Слушай, ты не разберешься тут со всей этой макулатурой. Подписывай за меня и откладывай в сторону то, что, по твоему мнению, мне стоит посмотреть самому. Только предупреждаю, если таких бумаг наберется больше полдюжины, честное слово,— отправлю тебя обратно в Гарвард.

Он торопливо встал, сделав в уме заметку сейчас же позвонить секретарше: сказать ей, чтобы она отмечала все, что будет проходить через его кабинет в следующие полчаса, а после принесла эти бумаги ему на просмотр. Интересно, как этот парень умеет работать. Мистер Кику от себя не скрывал — рано или поздно, а все равно умирать придется; он хотел, чтобы на его место попал Гринберг. А тем временем пусть паренек попрыгает.

Дверь кабинета сомкнулась за спиной заместителя министра;

Гринберг остался один. Он уже протянул руку за папкой с надписью «Срочно», как в корзинку свалилась новая бумага; одновременно мигнул красный огонек и противно зажужжал зуммер.

Гринберг взял бумагу, пробежал ее до середины, убедился, что она и вправду срочная, но в этот момент ту же комбинацию света и звука продемонстрировал аппарат внутренней связи; на его экране появилась знакомая физиономия начальника отдела по связям с планетами Солнечной системы.

— Шеф? — возбужденно выкрикнуло изображение.

Гринберг дотронулся до кнопки двухсторонней связи.

— Гринберг за него. Шеф попросил, чтоб я не дал его креслу остыть. Твоя записка только что пришла, Стен. Вот как раз читаю.

На лице Ибаньеса появилось прямо-таки оскорбленное выражение.

— Черт с ней. Позови шефа.

Гринберг не спешил действовать. Дело у Ибаньеса было хоть и простое, но с этакой подковыркой. Венерианские корабли обычно получали санитарное разрешение на посадку без малейшей задержки; врач каждого из этих кораблей был представителем карантинной службы. Но сейчас «Ариэль», которому уже давно пора было сесть в порт «Ливия», болтался на посадочной орбите: врач объявил на нем карантин. Все бы ничего, но на корабле находился министр иностранных дел Венеры, в этом-то и была сложность — ожидалось, что Венера поддержит позицию Земли против Марса на начинающейся чуть ли не завтра трехсторонней конференции.

Гринберг мог оставить эту деликатную проблему до возвращения шефа; мог вломиться к шефу с новостью прямо сейчас; мог, действуя через голову шефа, передать проблему самому министру (то есть — найти решение и подать дело так, чтобы именно это решение и было одобрено). Или он мог действовать сам, от имени и по поручению мистера Кику.

Конечно же, мистер Кику не мог предвидеть подобной ситуации... но кто его знает, за шефом водится такая очаровательная привычка — сталкивать человека с берега там, где поглубже, и рассуждать при этом — выплывет он или нет.

Размышлял Гринберг недолго.

— Стен, очень жаль, но шефа сейчас лучше не беспокоить. Я временно замещаю его.

— Это с каких-таких пор?

— Временно, ненадолго, но — замещаю.

— Слушай, друг,— нахмурился Ибаньес,— ты бы все-таки лучше пошел, поискал шефа. Ты, может, и расписываешься там за него на всякой ерунде, но здесь — дело серьезное. Нам нужно посадить корабль, и как можно скорее. Ты же здорово подставишься, если сам, лично, разрешишь плюнуть на карантинные правила. Пошевели мозгами.

Нарушить карантин? Гринбергу сразу вспомнилась Великая чума 51 года; в те времена биологи серьезно верили, что живые организмы любой планеты иммунны ко всем болячкам других планет.

— Нарушать карантин не будем.

Лицо Ибаньеса сделалось словно мертвое.

— Сергей, мы же ставим под угрозу совещание. Да какое там «под угрозу»! Все десять лет кропотливой работы могут пойти насмарку только из-за того, что какого-то там матросика слегка лихорадит. Карантин нужно нарушить, обязательно нужно. Само собой, я вовсе не прошу, чтобы это сделал ты.

Гринберг снова ненадолго задумался.

— Он сейчас под гипнозом, готовится к тяжелой работе. Может пройти несколько часов, прежде чем ты смо́жешь с ним поговорить.

На лице Ибаньеса появилась какая-то отрешенность.

— Придется обратиться к министру. Два часа я ждать не могу. А вдруг этот тип возьмет и прикажет своему капитану возвращаться домой... с этим нельзя рисковать.

— И с эпидемией на Земле рисковать тоже не стоит. Вот что сделай. Свяжись с венерианским министром и скажи, что прилетишь лично и отвезешь его на Землю. Возьми быстрый шаттл. Забери министра, а «Ариэль» оставь на орбите. А вот когда он будет уже на борту шаттла — ни в коем случае не раньше,— скажи, что ты и он прибудете на совещание в изолирующих скафандрах. (Изолирующими скафандрами называли герметичные, слегка надутые изнутри легкие скафандры, предназначенные в первую очередь для выхода на поверхность планет с неизвестной еще патогенной флорой.) Само собой, этот самый шаттл и его команда тоже попадут в карантин.

— Ты что, обалдел? Изолирующий скафандр! Он будет просто плясать от радости. Сергей, тогда уж лучше вообще отменить совещание, дешевле обойдется. После такого унижения он точно будет против нас. Ты бы знал, какой этот гусь заносчивый, он ведь ходит — носом лампочки сшибает.

— Плясать — не плясать, но ему понравится,— терпеливо объяснил Гринберг,— когда ты втолкуешь в его башку, как все это можно подать. «Беспримерное личное самопожертвование», «не желая подвергать риску жизнь и здоровье людей нашей планеты», «долг превыше любых...» и тэдэ. Если ты не уверен в себе, прихвати кого-нибудь поразговорчивее из отдела по связям с общественностью. Да, и еще. Пусть в течение всего совещания рядом с ним будет врач... и обязательно в белом халате... и пара сестричек. Делайте время от времени перерывы, чтобы он отдыхал... поставьте больничную койку за ширмами прямо в зале Героев, недалеко от стола совещания.

Пусть считается, что он спустился по своей инициативе и голосует прямо со смертного одра. Въезжаешь? Расскажи ему все это еще до посадки на Землю, но осторожно, не в лоб.

Теперь на лице Ибаньеса читалась озабоченность.

— Думаешь, клюнет?

— А это уже твоя работа, чтобы он клюнул. Я отсылаю твою записку с резолюцией продолжить карантин, а тебе — проявить инициативу для обеспечения его присутствия на совещании.

— Ну... о'кей.— Ибаньес неожиданно ухмыльнулся.— К черту записку. Я побежал.— Он отключился.

Гринберг перевел глаза с опустевшего экрана на стол. Он был радостно возбужден, шутка ли, подобно Господу Богу распоряжаться судьбами мира. Интересно, а что бы сделал на моем месте шеф? Да ладно, не имеет значения, тут много верных решений; главное — это выбрать одно из них. Он еще раз потянулся за папкой «Срочно».

И замер. Что-то не давало ему покоя, а что — не понять. Вот оно. Шефу не хотелось утверждать смертный приговор Ламмоксу, это по всему чувствовалось. Какое там «чувствовалось», шеф открытым текстом сказал, что Сергей неправ, надо было провести полное исследование. Просто шефу пришлось, из соображений лояльности к своему подчиненному, утвердить эту рекомендацию.

А вот теперь он сам сидит в кресле шефа. Так что?

А не в Ламмоксе ли причина того, что его сюда посадили? Чтобы дать самому исправить свою ошибку. Да нет, все-таки шеф — не Господь Бог, откуда ему было знать, что Гринбергу придет в голову снова заняться этим делом.

Так то оно так... Гринберг вызвал секретаршу шефа.

— Милдред?

— Да, мистер Гринберг?

— Краткий отчет по командировке с рекомендацией... да-да Рт0411. Отправлен минут пятнадцать тому назад. Я хочу, чтобы его вернули сюда.

— Пожалуй, его уже отправили,— с сомнением в голосе ответила секретарша.— Экспедиция сегодня задерживала документы самое большее минут на семь.

— Надо же, как бывает! Никогда б не поверил, что излишняя оперативность может пойти во вред. Если приказ уже отослан,

аннулируйте его с примечанием: ждать дальнейших указаний. Хорошо? А исходный документ отошлите мне.

Вот теперь он добрался наконец до злосчастной папки. Как и говорил мистеру Кику, материал «Фтаемл» был не слишком объемистым. Здесь имелся еще и подзаголовок: «Красавица и чудовище». С чего бы это? Чувство юмора у нашего шефа есть, но оно такое, мягко скажем, своеобразное, что со стороны не сразу и догадаешься.

Вскоре брови Гринберга полезли на лоб. Рарджиллианцы — эти шустрые, неутомимые толмачи, маклеры, посредники, толкователи — всегда были тут как тут при переговорах между различными расами; присутствие доктора Фтаемла на Земле прямо говорило Гринбергу, что здесь замешаны какие-то негуманоиды. Негуманоиды по складу ума существа, столь отличные от людей, что общение с ними весьма и весьма затруднительно. Но Гринберг никак не мог ожидать, что доктор представляет расу, о которой он в жизни не слышал. Какие-то непонятные «хрошии».

Не исключено, конечно, что Гринберг просто забыл про этот народец с названием, похожим на чихание; может быть, это — какое-то мелкое, малоинтересное племя, низкоразвитое, или вообще нищее, или не умеющее летать в космос. А может они вступили в Союз цивилизаций как раз тогда, когда Гринберг по уши увяз в делах Солнечной системы. Когда Земля установила первые контакты с другими расами, способными к межзвездным полетам, прибавления в семействе тех, кто по закону считались «людьми», пошли так быстро, что уследить стало просто невозможно. Чем больше человечество расширяло свои горизонты, тем труднее было эти самые горизонты охватывать.

А может, он слышал о них под другим названием? Гринберг повернулся к панели универсального справочника и набрал на клавиатуре «ХРОШИИ».

Машина немного подумала и выкинула на экране: ИНФОРМАЦИЯ ОТСУТСТВУЕТ.

Гринберг сделал еще одну попытку — опустив в названии придыхательное «Х». Слово вполне могло изувечиться в чужом — не хрошии — произношении. Результат остался тем же самым.

Пришлось сдаться. Даже в универсальном справочнике Британского музея хранилось информации не больше, чем в том, пульт

которого стоял в кабинете заместителя министра. Сама машина занимала целое здание в другом районе столицы; огромный штат кибернетиков, семантиков и энциклопедистов непрерывно накачивали ее все новыми и новыми сведениями. Можно было не сомневаться, кто бы ни были эти самые «хрошии», в Федерации ни одна собака не слыхивала о них прежде.

А это крайне удивительно.

Позволив себе с секунду поудивляться, Гринберг продолжил чтение. Он узнал, что хрошии уже здесь; правда, на Землю еще не сели, но находятся от нее — рукой подать. На посадочной орбите радиусом в пятьдесят тысяч миль. Позволив себе поудивляться еще пару секунд, он выяснил наконец причину, по которой не слыхал ранее о приезде таких редких гостей. Оказывается, доктор Фтаемл крайне настоятельно посоветовал мистеру Кику запретить патрульным кораблям делать попытки высадиться на борт чужака и даже просто приближаться к нему.

На этом месте Гринберга отвлекло возвращение его собственного отчета по Ламмоксу с визой мистера Кику, подтверждавшей приговор. Он задумался на мгновение, затем сделал приписку. Теперь резолюция читалась следующим образом: «Рекомендацию одобрить... однако отложить выполнение до проведения полного научного исследования этого существа. Местные власти обязаны незамедлительно выдать существо по первому требованию Ксенологического комитета. На Ксенологический комитет возлагаются обязанности по транспортировке существа и отбору исследовательской группы».

Гринберг подписал добавление от имени Кику и кинул документ в корзину для исходящих. По совести, он немного смущался, понимая, что теперь указание превратилось в чистое жульничество. Если уж ксенологи доберутся до Ламмокса, они ни за что не выпустят его из своих хватких лап. Но все равно на сердце сделалось легче. Тот приказ не был правильным, а этот правильным был.

Он снова вернулся к «хрошии», и снова у него брови полезли на лоб. Оказывается, эти непонятные существа явились сюда совсем не за тем, чтобы устанавливать отношения; хрошии хотели спасти оказавшуюся на Земле одну из своих соплеменниц. Согласно доктору Фтаемлу, они находились в полной уверенности, что Земля

силой удерживает некую хрошию, и требовали ее немедленной выдачи.

Гринберг неожиданно почувствовал себя персонажем плохой мелодрамы. Эти лопухи с имячком, напоминающем кашель астматика, могли бы и поудачнее подобрать планету для своих детективных игрищ. Это ж надо — негуманоид на Земле, без паспорта, без предъявленной, рассмотренной и одобренной причины визита, без личного дела, находящегося здесь, в Министерстве. Да она, эта их хрошия, была бы столь же беспомощна, как невеста без продуктовых карточек. Ее бы в секунду сцапали. Да какой разговор — она бы даже карантин не смогла пройти.

И чего это шеф не приказал им заворачивать оглобли и мотать отсюда подальше.

Да и вообще, как они себе это представляют: каким образом она оказалась на Земле? Пешком? Или вплавь? Межзвездные корабли не садятся на поверхность; их обслуживают шаттлы. Гринберг представил себе, как она дергает за рукав капитана какого-нибудь из шаттлов:

— Простите, пожалуйста, сэр, но мне пришлось убежать от мужа, живущего в одной из отдаленных частей Галактики. Можно я спрячусь под креслами и проберусь потихоньку на вашу планету?

Ну и что ей на это ответят? «Бог подаст» — вот что ответят. На этих шаттлах прямо-таки обожают бесплатных пассажиров; предъявляя свой дипломатический паспорт, Гринберг каждый раз ощущал это на собственной шкуре.

В подсознании зудела еще какая-то беспокойная мысль. Вот она. Шеф спрашивал, есть ли у Ламмокса руки. А не значит ли это, что Ламмокс и есть та самая хрошия, ведь Фтаемл говорит, что у них тоже по восемь ног. Тут Гринберг саркастически хмыкнул. Это ж только представить себе — Ламмокс со своими дружками о восьми лапах строит межзвездный корабль и даже на нем летит.

Шефа можно простить, он ведь не видел эту тварь и не понимает, насколько нелепа такая мысль.

К тому же Ламмокс здесь уже больше ста лет. Поздновато, однако, хватились.

Но, как ни крути, а вопрос оставался: что делать с этими самыми хрошии, коли уж они сюда заявились. Все, что «оттуда», представляло для человечества интерес, давало после подробного изу-

чения новые знания и выгоду. А к расе, научившейся летать между звездами, интерес был в квадрате, в кубе. Вне всяких сомнений, шеф водил их за нос, а сам тем временем потихоньку налаживал постоянные отношения. Прекрасно, в таком случае Гринберг тоже этим займется; к тому же шефу трудно работать с рарджиллианцем — и тут мы ему поможем.

Он пробежал глазами конец отчета. Все, что было до этого, он узнал, читая аннотацию, а дальше шла полная запись цветистого красноречия доктора Фтаемла. Потом Гринберг положил папку на место и взялся за переполненную корзину для входящих.

Мистер Кику дал знать о своем приходе, заглядывая ему через плечо со словами:

— Такая же полная, как была.

— А, шеф, привет. Но вы подумайте, как бы она выглядела, если бы я не рвал, не читая, каждую вторую бумагу.— Гринберг поднялся.

— Знаю,— кивнул мистер Кику.— Иногда я просто пишу «отклонить» на всех с нечетными номерами.

— Как, теперь лучше?

— Да, сейчас я могу без всякого страха плюнуть ему в морду. Кто они, в конце концов, такие — эти змеи? Что у них есть такого, чего у меня не было бы в два раза больше?

— Вот это, я понимаю, сила духа.

— Доктор Морган — мужик серьезный. Как-нибудь попробуй, если нервишки сдадут.

— Шеф,— ухмыльнулся Гринберг,— единственное, что меня беспокоит — это бессонница в рабочее время. Теперь я уже не могу спать как прежде за письменным столом.

— Вот-вот. Это — первый признак. Еще чуть-чуть, и пойдешь сдаваться этим мозгокопателям.— Мистер Кику посмотрел на часы.— Как там, слышно что-нибудь от нашего кучерявого друга?

— Пока нет.

Гринберг рассказал об «Ариэле» и своих действиях по этому поводу. Мистер Кику одобрительно кивнул, что в определенных кругах было равносильно вынесению благодарности перед строем. У Гринберга потеплело на душе, и, справившись с неловкостью, он перешел к рассказу о пересмотре решения по Ламмоксу.

— Шеф, из этого кресла как-то на все по-другому смотришь.

— Знаю, я сам когда-то это обнаружил.

— М-м... так вот. Сидя здесь, я подумал про это дело с вмешательством.

— Зачем? Дело решенное.

— Это понятно. Но все равно... в общем, что бы там ни говорили...— Запинаясь он рассказал про приписку к решению и стал ждать реакцию шефа.

Мистер Кику снова кивнул. Он хотел было сказать Гринбергу, что тот избавил его от трудной задачи — как достичь того же самого результата, сохранив лицо и не нарушив лояльности,— но передумал. Вместо этого он наклонился к столу.

— Милдред? Что-нибудь слышно насчет доктора Фтаемла?

— Он только что вошел, сэр.

— Хорошо. В восточный конференц-зал, пожалуйста.— Мистер Кику отключил связь и повернулся к Гринбергу: — Ну, сынок, пора перейти к заклинанию змей. Флейта при себе?

6. КОСМОС ПРОСТОРЕН, ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО

— Доктор Фтаемл, разрешите представить — мой коллега, мистер Гринберг.

Рарджиллианец низко поклонился. Двойные колени и необычная для человека структура тела превратили поклон в некий впечатляющий ритуал.

— Я много слышал о выдающемся дипломате мистере Гринберге от одного из своих соплеменников, которому выпала честь с ним работать. Весьма польщен, сэр.

Гринберг ответил, придерживаясь выбранной собеседником вежливо-пародийной манеры:

— Многие годы я лелеял мечту при личной встрече почувствовать на себе ту ауру высокоучености, которая окружает доктора Фтаемла, но никогда не решался дать бутону моей мечты распуститься цветком надежды. Ваш преданный слуга и ученик, сэр.

— Кх-кх,— прервал светскую беседу мистер Кику.— Доктор, это крайне деликатное дело, вести переговоры по которому вы упол-

номочены, настолько сложно и серьезно, что я, перегруженный всей нашей текучкой, не мог уделить ему того серьезного внимания, какого он требует. И поэтому мы привлекли мистера Гринберга, чрезвычайного и полномочного посла Федерации.

Гринберг мельком глянул на своего шефа, но не выразил ни малейшего удивления. Мистер Кику сказал «коллега», а не «помощник». Гринберг счел это элементарным приемом — из протокольных соображений повысить престиж участников переговоров, представляющих свою сторону. Но неожиданное служебное повышение застало его врасплох. Он был почти уверен, что мистер Кику и не почесался утвердить этот новый чин на Совете. Однако шефу не составит труда получить подтверждение, и чин, скорее всего, будет значиться на табличке, стоящей на письменном столе. Но вот отразится ли он на платежной ведомости?

Вероятно, у шефа появились какие-то смутные подозрения, что дурацкая история с хрошии может оказаться важной, хотя это далеко не очевидно. А может, он просто хочет полностью спихнуть горгоноида на Гринберга?

— Работать совместно с его превосходительством — высокая для меня честь.— Доктор Фтаемл вновь поклонился. Гринберг сильно подозревал, что одурачить рарджиллианца не удалось. С другой стороны, возможно, ему и вправду было приятно это услышать; неявным образом теперь предполагалось, что и сам горгоноид имеет статус посла.

Одна из служащих Министерства внесла поднос; беседу прервали обязательным в таких случаях ритуалом. Фтаемл выбрал французское вино, а Кику и Гринберг взяли себе — что им еще оставалось делать! — единственный рарджиллианский продукт, который сумели достать,— некую жижу, условно тоже называемую «вино» за отсутствием в языке подходящего слова. По виду эта жижа напоминала тюрю из молока с хлебом, а по вкусу — сильно отдавала серной кислотой. Гринберг всеми своими движениями выразил высшее восхищение, старательно заботясь, однако, чтобы ни капли не попало в рот.

Он зауважал своего шефа еще больше, когда тот и вправду влил в себя эту жуткую отраву.

Ритуал, которого придерживались семь цивилизаций из десяти, дал Гринбергу время осмотреть и оценить Фтаемла. Горгоноид

был облачен в дорогостоящую пародию на земной вечерний костюм. Куртка с длинными, как у фрака, фалдами, кружевное жабо и полосатые шорты. Хотя горгоноид имел две руки, две ноги и удлиненное туловище, снабженное расположенной вверху головой, в нем не было ровно ничего человеческого, разве только отношение со стороны закона. Роскошное облачение было призвано, видимо, хотя бы как-то скрыть этот факт.

Но Гринберг вырос, общаясь с великими марсианами, а потом имел дела с самыми различными народами. Он совсем не считал, что «человек» обязательно должен быть похож на человека, и не отдавал никакого предпочтения обычной человеческой форме. На его взгляд Фтаемл был симпатичным, а насчет грациозности — тут уж и сомневаться не приходилось. Сухой хитинообразный покров рарджиллианца, пурпурный с зелеными переливами, был аккуратен, словно шкура леопарда, и так же красив. Отсутствие носа ничуть не портило черт лица, этот недостаток с избытком компенсировал подвижный чувствительный рот.

Хвост свой Фтаемл, видимо, намотал под одеждой вокруг туловища; ему вздумалось притвориться, что он не только одет, как человек, но и вправду похож на человека. Рарджиллианцы, твердо усвоившие, что с волками жить — по волчьи выть, а в чужой монастырь со своим уставом не суются, готовы были буквально на все, чтобы походить на тех существ, среди которых оказывались. Тот, другой рарджиллианец, с которым довелось работать Гринбергу, ходил вообще голышом (так делают все обитатели Веги VI) и хвост его гордо, как у кота, торчал вверх. При воспоминании о Веге VI Гринберга даже зазнобило. Ему-то пришлось там кутаться так, что снаружи оставались одни только уши.

Он бросил взгляд на голову горгоноида. Что за чушь! Они нисколько не похожи на змей. Шеф, видать, совсем на этих змеях свихнулся.

Ну да, длиной с фут и толщиной в палец, но у них же нет глаз, нет ртов и зубов — самые обычные щупальца. Почти у всех нас есть что-то наподобие щупальцев. А пальцы — это по-вашему что? Те же короткие щупальца.

Доктор Фтаемл поставил бокал, и только тогда мистер Кику выпустил из рук свою чашку.

— Доктор, вы проконсультировались со своими доверителями?

— Сэр, я имел такую честь. И позвольте мне использовать этот случай, чтобы поблагодарить вас за челночный корабль, столь любезно предоставленный вами для выполнения совершенно неизбежных в данной ситуации полетов с поверхности вашей прекрасной планеты на судно людей, высокой обязанности помогать которым я удостоен в настоящее время. Этот корабль, как я могу судить, не бросал ни малейшей тени на великую расу, которой я служу, более приспособлен для данной цели и более удобен для человека с моим строением тела, чем вспомогательные корабли судна моих доверителей.

— Не стоит благодарности. Оказать услугу друзьям всегда приятно.

— Вы крайне великодушны, мистер заместитель министра.

— Ну так что же они говорят?

Доктор Фтаемл всем своим телом изобразил нечто вроде пожатия плечами.

— С крайним прискорбием я должен вам сообщить, что в их позиции ничего не изменилось. Они по-прежнему настаивают на немедленном возвращении им этого ребенка женского пола.

Мистер Кику нахмурился.

— Я не сомневаюсь, что вы объяснили, что у нас нет их пропавшего ребенка, что мы о нем даже и не слыхали, что у нас нет ни малейших оснований думать, что он когда-либо был на планете, и, напротив, самые серьезные основания считать, что его здесь никогда не было.

— Да, я объяснил. Надеюсь, вы простите меня за то, что я переведу их ответ словами хотя и грубыми, но не оставляющими места для сомнений.— Он опять «пожал плечами», на этот раз несколько виновато.— Они говорят, что вы лжете.

Мистер Кику не обиделся, он хорошо понимал, что рарджиллианец, выступающий в роли посредника, столь же безличен и бесстрастен, как, например, телефон.

— Все было бы значительно проще, если бы я и вправду лгал. Отдать тогда им эту самую ихнюю красотку, и делу конец.

— Лично я вам верю,— совершенно неожиданно сказал доктор Фтаемл.

— Большое спасибо. А почему?

— Вы использовали сослагательное наклонение.

— О! Вы объяснили им, что на Земле находятся несколько сотен тысяч внеземных существ более чем семи тысяч различных

видов? И что из них около тридцати тысяч — разумные? И что буквально на пальцах одной руки можно сосчитать тех из них, которые хотя бы отдаленно напоминают искомую хрошию? И что, наконец, мы знаем расу и планету происхождения всех этих немногих?

— Сэр, я же рарджиллианец. Я рассказал им все это, и много больше; на собственном их языке объяснил им яснее, чем вы сможете объяснить своему собрату-землянину. Мой рассказ жил, играл.

— Я вполне вам верю.— Мистер Кику задумчиво побарабанил по крышке стола.— Ну и можете вы предложить что-нибудь?

— Одну секунду,— вмешался Гринберг.— А нет ли у вас изображения типичного хрошии? Может это для чего-нибудь пригодится.

— Хрошиу,— поправил его Фтаемл.— Или, в данном случае, хрошиа. К сожалению — нет. Они не используют символику изобразительного плана. А у меня, к несчастью, нет оборудования, чтобы изготовить один из этих ваших фотоснимков.

— Они что, безглазые?

— Нет, ваше превосходительство. У них очень хорошее зрение, просто их глаза и нервная система осуществляют процесс абстракции совсем иначе, чем ваши. То, что является аналогом «картины» для них, выглядело бы для вас полной бессмыслицей. Даже для меня восприятие их «картин» довольно затруднительно, а ведь моя раса, по всеобщему признанию, наиболее способна к восприятию абстрактной символики. Если уж рарджиллианец... — он замолк.

— Ну, если так... А вы нам их опишите. Используйте семантический талант, которым столь знаменита ваша раса.

— С удовольствием. Все хрошии, находящиеся на этом корабле, относятся к военному классу и поэтому имеют размер...

— Военный класс? — прервал его мистер Кику.— Так что же, доктор, значит, этот корабль — боевой? Раньше вы мне этого почему-то не сказали.

На лице доктора Фтаемла отразилась обида.

— Я считал этот факт самоочевидным и, как бы это сказать, несколько непристойным.

— Да уж.— У мистера Кику промелькнула мысль, не стоит ли прямо сейчас известить Генеральный штаб Федерации. Нет, пожалуй, пока не стоит. Мистер Кику имел сильные предубеждения против впутывания военных в переговоры; он считал, что демонст-

рация силы не только являлась признанием полного провала дипломатии, но и вконец портила шансы на успешное завершение дела. Он мог бы при желании рационально сформулировать такое свое мнение, но никогда этого не делал, оно проявлялось у него в виде эмоции.— Продолжайте, пожалуйста.

— Военный класс является трехполым, различия между полами практически незаметны на глаз и не должны нас интересовать. Мои спутники по кораблю и доверители примерно на шесть дюймов выше этого стола и имеют длину приблизительно в полтора человеческих роста. У каждого из них четыре пары ног и две руки. Руки маленькие, сильные и удивительно ловкие. С моей точки зрения, хрошии необыкновенно красивы, их форма удивительно гармонирует с функциональными потребностями. Они исключительно умело управляются с механизмами, приборами и любыми тонкими операциями.

Фтаемл говорил, а Гринберг тем временем позволил себе расслабиться. Несмотря ни на что, его все еще тревожила беспокойная мысль: а вдруг эта самая тварь, Ламмокс, все-таки относится к хрошии... но теперь он видел, что для мысли этой нет никаких оснований, кроме случайного совпадения числа ног. Этак и страуса можно считать человеком, как никак, а у него две ноги. Гринбергу нетерпелось определить место Ламмокса в систематике, обязательно нужно будет продолжить такие попытки, но эта конкретная категория — хрошии — отпадала полностью.

— ... но размер, форма, структура тела, даже ловкость в манипулировании механизмами,— продолжал доктор Фтаемл,— все это характеристики сугубо поверхностные, ни в малой степени не определяющие основную черту хрошии — их поразительную умственную мощь. Эта мощь буквально подавляет,— горгоноид издал короткий смущенный смешок.— Я был почти готов отказаться от своего гонорара и работать на них бесплатно, считая такую работу высокой для себя честью.

Довод был весомый. Видимо, хрошии и вправду сильны, ведь честные маклеры и толмачи рарджиллианцы скорее дадут человеку подохнуть от жажды, чем бесплатно скажут, как на местном языке называется вода. Их корыстолюбие было доведено до такой высокой степени, что казалось уже чем-то вроде религиозного культа.

— И вот что,— добавил Фтаемл,— спасло меня от подобного безрассудства: я понял, что хотя бы в одной области значительно превосхожу их. Они не лингвисты. Их язык богат и выразителен, но это — единственный язык, который прилично знает кто-либо из них. Или знал в прошлом. В лингвистических способностях они уступают даже вашей расе.— Тут Фтаемл широко взмахнул своими карикатурными руками; жест получился истинно галльский (а может, великолепная, тщательно разученная имитация).— Так что,— добавил он,— я несколько восстановил самоуважение и зарядил вдвое против своего обычного гонорара.

Он смолк. Мистер Кику мрачно водил пальцем по столу, а Гринберг попросту терпеливо ждал. В конце концов Кику спросил:

— И что же вы нам можете посоветовать?

— Мой высокочтимый друг, выход здесь может быть только один. Отдать им эту самую хрошиа, которую они разыскивают.

— Но у нас же ее нет.

Фтаемл довольно похоже изобразил человеческий вздох.

— Это очень печально.

Гринберг резко посмотрел на рарджиллианца; в его вздохе както не чувствовалось большой убежденности. Появлялось впечатление, что Фтаемл воспринимает тупик, в который они зашли, как нечто крайне забавное и интересное, а ведь это просто смехотворно; рарджиллианец, взявший на себя роль посредника, всегда крайне озабочен благополучным исходом переговоров; даже при не полной удаче они теряют лицо в своих собственных глазах.

Поэтому он заговорил.

— Скажите-ка, доктор Фтаемл, а вот когда вы брали это поручение хрошии, сами вы надеялись на успех?

— Сэр,— Фтаемл отвечал медленно и без обычной своей уверенности,— если хрошии дают поручение, отказываться не принято, вы уж поверьте.

— Хм-м... эти мне хрошии. Вы простите меня, доктор, но даже после вашего рассказа я, видимо, не совсем понимаю, что они такое. Вот вы говорите об их умственной мощи. Вдруг оказывается, что один из лучших умов высокоразвитой расы... то есть вы... практически «ошеломлен» ими. Из ваших слов почти явно следует, что это — не единственная их мощь. Ведь вы, представитель гордой,

свободной расы, должны не раздумывая выполнять любое их желание. А теперь они здесь, их корабль один-одинешенек против целой планеты — столь мощной, что она установила гегемонию масштабов, невиданных прежде в этой части космоса. И вот в таких обстоятельствах вы заявляете, что будет «очень печально», если мы не выполним их бессмысленные требования.

— И это действительно так.

— Я не могу сомневаться в словах рарджиллианца, выступающего в своем профессиональном качестве. Но и поверить мне на этот раз трудно. Сверхсущества... так почему же мы никогда о них не слыхали?

— Космос просторен, ваше превосходительство.

— Да, конечно. Несомненно, что есть тысячи великих рас, с которыми мы никогда не встречались, более того, никогда и не встретимся. Но должен ли я понимать так, что и у вашей расы этот контакт с хрошии — первый?

— Нет. Мы давно знаем о них... дольше, чем знаем вас.

— Вот как? — Гринберг бросил взгляд на мистера Кику и продолжил:— А какова суть отношений Рарджилла с хрошии? И почему Федерация не знает ничего об этих отношениях?

— Ваше превосходительство, если в последнем вашем вопросе содержится упрек, я должен ответить, что не представляю здесь своего правительства.

— Нет,— поспешил успокоить его Гринберг,— это действительно только вопрос. Ведь Федерация всегда стремиться как можно больше расширить свои дипломатические связи. И я крайне удивился, узнав, что ваша раса, считающаяся дружественной нам, знает о существовании могучей цивилизации и не осведомляет об этом Федерацию.

— Я бы сказал, что это меня удивляет ваше удивление. Космос просторен, а моя раса — великие путешественники с незапамятных времен. Может статься, Федерация просто не задавала правильных вопросов. А что касается дипломатии, у моего народа нет ни дипломатических, ни каких-либо других отношений с могучими хрошии. Они — народ, который, пользуясь вашим выражением, занимается своими делами, а мы с превеликой радостью не суем свой нос, как сказали бы вы, в эти дела. Прошли многие годы, более пяти

ваших веков, с того времени, как последний раз корабль хрошии появился в нашем небе и потребовал наших услуг. И мы рады тому, что встречаемся с ними так редко.

— Похоже, что я запутываюсь все больше и больше,— сказал Гринберг.— Так значит, вместо того, чтобы лететь прямо сюда, они завернули на Рарджилл захватить переводчика?

— Не совсем так. Они появились в нашем небе и спросили, слыхали ли мы что-нибудь о вас. Мы ответили, что да, слыхали. Ведь если хрошии задают вопрос — они получают ответ! Мы показали им вашу звезду, а затем мне была оказана непрошенная мною честь представлять их.— Он «пожал плечами».— И вот я здесь. Для полноты картины могу добавить, что лишь глубоко в космосе я узнал о предмете этих розысков.

Гринберг заметил, что у Фтаемла как-то не совсем сходятся концы с концами.

— Одну секунду. Значит, они задержали вас у себя, направились к Земле, а затем сказали вам, что разыскивают пропавшую хрошиа. Если я понял правильно, именно тогда вы и поняли, что данная миссия обречена на провал. Но почему?

— Разве это не очевидно? Мы, рарджиллианцы, если пользоваться вашей точной и совершенно очаровательной идиомой, величайшие сплетники во всем космосе. Возможно, вы бы сказали «историки», но мне кажется, что это слово подходит меньше. Именно сплетники. Мы летаем всюду, мы говорим на всех языках, мы знаем всех. И мне совершенно не нужно «проверять архивы», чтобы знать: люди с Земли никогда не были на главной планете хрошии. Если бы у вас был такой контакт, вы бы стали силой навязывать им свое внимание, началась бы война. Это было бы просто «курам на смех»... какое все-таки восхитительное выражение, обязательно надо как-нибудь посмотреть на куру, если уж я здесь оказался. Такое событие, с присовокуплением уймы различных анекдотов, обсуждалось бы в любом месте, где сойдутся хотя бы двое рарджиллианцев. Так что я знал — они ошибаются и не найдут того, чего ищут.

— Одним словом,— сказал Гринберг,— вы указали им не ту планету... и вполне сознательно облагодетельствовали нас этой проблемой.

— Что вы! — запротестовал доктор Фтаемл.— Мы идентифицировали абсолютно точно, позвольте вас в этом заверить, но не вашу планету — хрошии не знали, откуда вы пришли,— а вас самих. Они описали существ, которых разыскивают, со скрупулезной точностью — вплоть до ногтей и устройства внутренних органов. Это вы, земляне.

— И все же вы понимаете, что они ошибаются. Доктор, я не семантик, в отличие от вас, но даже я вижу здесь какое-то противоречие. Или пародокс.

— Позвольте тогда объяснить поподробнее. Мы, имеющие дело со словами профессионально, знаем, сколь мало они стоят. Парадокс бывает только в словах; и никогда — в фактах, определяемых этими словами. Так как хрошии в точности описали людей с Земли и так как я знал, что люди с Земли никогда не встречались с хрошии, я сделал единственно возможный вывод. Я решил, что в этой Галактике имеется другая раса, сходная с вашей, как двойниковые Сорниа, вылупляющиеся из одной скорлупы. Расы, схожие, как две капли воды. Воды? Или правильнее сказать вина?

— Воды.— Очень серьезным голосом ответил мистер Кику.

— Спасибо. У вас такой богатый язык; мне стоило бы освежить себя от него, пока я здесь. Поверите ли вы? Человек, который познакомил меня с ним впервые, нарочно научил меня некоторым идиомам, совершенно неприменимым в вашем приличном обществе. Ну вот, скажем: «И рыбку съесть...»

— Да-да,— торопливо остановил его мистер Кику.— Очень легко поверить. У людей бывает довольно странное чувство юмора. Так значит, вы решили, что где-то в этой самой Галактике есть еще одна раса, похожая на нашу, как родная сестра, более того, как сестра-близняшка? Мне такое предположение кажется статистически маловероятным.

— Вероятность существования всей этой Вселенной, мистер заместитель министра, тоже смехотворно мала. Поэтому мы, обитатели Рарджилла, давно поняли, что Бог был большой шутник.— Горгоноид заключил свою фразу жестом, характерным для его племени, но затем из вежливости к хозяевам «перевел» жест, благочестиво разведя и слегка воздев свои передние конечности.

— А вы поделились этими умозаключениями со своими доверителями?

— Да... и тщательно повторил все доводы во время своего последнего с ними разговора.

— Ну и что?

— У каждой расы есть свои достоинства и свои недостатки. У хрошии действительно мощный интеллект, и если они пришли к какому-то выводу, переубедить их крайне трудно, я бы сказал — невозможно. Вы называете это «ослиное упрямство».

— Ослиное упрямство одной стороны легко приводит к такому же упрямству другой.

— Ради Бога, дорогой сэр! Мне бы очень хотелось надеяться, что вы избежите этого соблазна. Позвольте мне доложить хрошии, что вы не сумели найти это самое их сокровище. Вы разворачиваете поиски все шире и тщательнее. Я же друг вам... не в коем случае не заявляйте, что эти переговоры провалились.

— В жизни никогда не прерывал переговоров,— кисловато сказал мистер Кику.— Даже если ты не можешь переспорить своего собеседника, иногда можно просто-напросто дождаться, пока он помрет. Но я не понимаю, что еще им предложить. Разве что тот вариант, о котором мы говорили прошлый раз... Вы получили координаты их планеты? Или они не захотели их давать?

— Координаты у меня. Я же говорил, что они не станут отказываться; хрошии ни в малейшей степени не боятся, что другие расы будут знать, где их найти... им попросту все равно.— Доктор Фтаемл открыл портфель, то ли купленный на Земле, то ли очень хорошую имитацию.— Но не так все просто. Нужно было перевести все пространственно-временные соотношения из их координат в координаты с центром в Рарджилле. Мне потребовалось сперва убедить их, что это нужно, а затем объяснить им рарджиллианские астрокоординаты и систему единиц. К стыду своему я должен признать, что совершенно незнаком с вашими единицами и координатами; поэтому мне необходима помощь для перевода моих цифр в ваши.

— Стесняться здесь совершенно нечего,— ответил мистер Кику.— Я не знаю ровно ничего даже про наши собственные методы астронавигации. Мы пользуемся для таких целей услугами специалистов. Одну секунду.— Он дотронулся до одной из резных шишечек стола.— Дайте мне Комастро.

— Там все уже ушли домой,— ответил откуда-то женский голос.— Остался только дежурный офицер.

— Тогда давайте его. И поскорее.

Через несколько десятков секунд в зале прозвучал мужской голос:

— Доктор Валнер, ночной дежурный.

— Это Кику. Доктор, вы можете решить задачу на пространственно-временные корреляции?

— Конечно, сэр.

— А вы можете сделать это, используя рарджиллианские данные?

— Рарджиллианские? — Дежурный слегка присвистнул.— Сурово. Лучше всего дать такую задачу доктору Сингху.

— Тогда пришлите его сию же минуту сюда.

— Сэр, но он же ушел домой. Будет только утром.

— Мне кажется, я не спрашиваю вас, где он, а сказал «пришлите его сюда сию же секунду». Если хотите, объявите на него полицейский розыск, да что угодно. Но мне он нужен прямо сейчас.

— Э-э... есть, сэр.

Мистер Кику снова повернулся к доктору Фтаемлу.

— Я надеюсь доказать вам, что ни один земной корабль никогда и не приближался к хрошии. К счастью, у нас хранятся астронавигационные карты всех наших полетов. Мысль у меня такая: может быть, пришло время сторонам встретиться лицом к лицу за столом переговоров. Пользуясь вашей неоценимой помощью, мы сможем показать им, что нам ровно нечего скрывать, что все средства нашей цивилизации — к их услугам и что мы с радостью помогли бы им найти пропавшего детеныша, но у нас его нет, просто нет. Затем, если у них появятся какие-либо предложения...— Мистер Кику осекся, так как в этот момент открылась дверь в дальнем конце зала.— Рад приветствовать вас, господин министр,— произнес он без всякого выражения.

В зале появился достопочтенный мистер Рой Макклюре, министр по делам космоса Федеративного Сообщества Цивилизаций. Похоже, его глаза заметили одного только мистера Кику.

— Вот я и словил вас, Генри! Прямо обыскался. Эта глупая девица представления не имела, куда вы пошли, но я выяснил, что из здания вы не выходили. Вам обязательно надо...

Мистер Кику крепко взял министра за локоть и громко произнес:

— Позвольте представить вам доктора Фтаемла, de facto чрезвычайного и полномочного посла могучих хрошии.

Мистер Макклюре сумел достойно справиться с ситуацией.

— Как поживаете, доктор? Или надо было сказать «ваше превосходительство»? — Он даже сумел сдержаться и не вылупить на рарджиллианца глаза.

— «Доктор», этого вполне достаточно, господин министр. Благодарю вас, прекрасно. Могу ли я позволить себе осведомиться о состоянии вашего здоровья?

— О, вполне прилично, вполне прилично... когда на голову не сваливаются все дела сразу. К слову сказать, вы не могли бы вернуть мне на время моего самого главного помощника? Жутко жаль мешать вашему разговору, но тут появилось очень срочное дело.

— Конечно же, господин министр. У меня нет большего желания, чем быть вам полезным.

Мистер Макклюре мгновение пристально изучал горгоноида, однако ничего не смог прочитать на его лице. «Да и о каком лице можно тут говорить»,— подумал он про себя, вслух же сказал:

— Надеюсь, о вас хорошо позаботились, доктор?

— Да, благодарю вас.

— Прекрасно. Мне действительно очень жаль, однако... Генри, вы не могли бы со мной поговорить?

Мистер Кику раскланялся с рарджиллианцем и покинул стол переговоров. От каменной маски, в которую превратилось его лицо, по спине Гринберга пробежал холодок. Отойдя немного, Кику что-то прошептал министру.

Макклюре оглянулся на двоих оставшихся за столом и так же шепотом ответил. На этот раз Гринберг сумел разобрать слова.

— Да, да. Но я же говорю, что это чрезвычайно важно. Генри, я просто не понимаю, почему вы решили отозвать все эти корабли, не посоветовавшись прежде со мной.

Ответа мистера Кику Гринберг не расслышал.

— Чушь! — продолжил Макклюре.— Тогда вы идите и сами разговаривайте с ними. Вы просто не имеете права.

Мистер Кику резко повернулся.

— Доктор Фтаемл, вы, кажется, собирались вернуться сегодня на свой корабль?

— Нет никакой спешки. Я полностью к вашим услугам, сэр.

— Вы крайне любезны. Позвольте оставить вас на попечение мистера Гринберга. Можете говорить с ним, словно со мной самим.

— Сочту за большую честь.— Рарджиллианец поклонился.

— Я буду с нетерпением ждать завтрашнего дня, когда мы встретимся снова.

Доктор Фтаемл опять поклонился.

— До завтра. Господин министр, господин заместитель министра... Остаюсь вашим преданным слугой.

Когда министр со своим заместителем покинул зал переговоров, Гринберг не знал, плакать ему или хохотать. Было неловко за весь род человеческий. Горгоноид молча смотрел на него.

— Доктор,— сказал Гринберг, криво усмехнувшись,— а в вашем языке есть ругательства?

— Сэр, я знаю непристойные выражения и богохульства на тысяче с лишним языков. От некоторых из этих проклятий, говоря фигурально, яйцо может стухнуть на расстоянии в тысячу шагов.

Гринберг откинулся на спинку кресла и от души рассмеялся.

— Вы мне нравитесь, доктор. Конечно, мы и по роду своей деятельности обязаны быть взаимно вежливы, но вы действительно мне нравитесь, просто как человек.

— Благодарю вас, сэр.— Фтаемл изобразил своими губами вполне сносное подобие человеческой улыбки.— Позвольте вас заверить, что это чувство взаимно. ... и доставляет мне большое удовольствие. Если вы отнесетесь к моим словам без обиды, я позволю себе сказать: прием, оказываемый кое-где на вашей великой планете людям моей расы, иногда заставляет глубоко задуматься.

— Знаю. И испытываю от этого большую неловкость. Мои соплеменники, во всяком случае большинство из них, искреннейшим образом уверены, что все предрассудки их родной деревни ниспосланы самим Господом. Мне очень жаль, что это так.

— У вас нет причин стесняться своих соплеменников. Поверьте мне, сэр, это убеждение — единственное, разделяемое буквально всеми расами Вселенной. Единственное, что есть общего у всех нас.

Моя раса тоже не является исключением. Жаль, что вы не знаете языков. Каждый язык несет в себе портрет своих создателей и в каждом из них снова и снова повторяется одна и та же идиома: «Он чужак, следовательно, он варвар».

— Просто руки опускаются, да? — Гринберг горько усмехнулся.

— Руки опускаются? Почему, сэр? Наоборот, от этого животики надорвать можно. Это же единственный анекдот, который Бог не устает повторять раз за разом, юмор этого анекдота никогда не устаревает. Как вы думаете, сэр,— добавил горгоноид,— продолжим мы изучение вопроса? Или вы хотите просто легкой беседой занять время до возвращения своего... коллеги?

Гринберг видел, что рарджиллианец дает ему вежливо понять, что без Кику дальнейшие переговоры невозможны. Какой смысл притворяться, что это не так, да к тому же давно хочется есть.

— А не хватит ли на сегодня работы, доктор? Не окажите ли вы мне честь вместе со мной поужинать?

— С величайшим восторгом! Но... Вы знакомы с особенностями нашей диеты?

— Разумеется. Не забывайте, я несколько недель общался с одним из ваших соплеменников. Давайте отправимся в отель «Универсаль».

— Да, конечно.— Особого энтузиазма в голосе Фтаемла не замечалось.

— Если только вы не хотите пойти в какое-нибудь другое место.

— Я слыхал про ваши рестораны с развлекательными программами... если это только возможно. Или вы думаете, что...

— Ночной клуб? — Гринберг задумался.— Да! «Космик». Их кухня может готовить все, на что способны в «Универсале».

Они собирались уже уходить, когда створки двери раздвинулись, и в комнате показалась голова худощавого человека с довольно темным цветом лица.

— О! Простите, пожалуйста. Я думал найти здесь мистера Кику.

Только тут Гринберг вспомнил, что шеф срочно вызвал математика-релятивиста.

— Секундочку, не уходите. Очевидно, вы — доктор Сингх.

— Да.

— Вы уж извините, пожалуйста, но мистеру Кику пришлось срочно уйти, я его замещаю.

Гринберг представил своих собеседников друг другу и кратко изложил суть задачи. Доктор Сингх просмотрел свиток рарджиллианца и кивнул.

— Потребуется некоторое время.

— Может быть, я помогу вам, доктор? — спросил Фтаемл.

— Нет никакой необходимости. Ваши записи достаточно подробны.

Распрощавшись с математиком, Гринберг и Фтаемл отправились на поиски развлечений.

Сегодня в клубе «Космик» в вечернем шоу участвовали жонглер, приведший Фтаемла в восторг, и женский кордебалет, от которого в восторг пришел Гринберг. Была уже середина ночи, когда Гринберг распрощался с Фтаемлом в одном из специальных номеров, зарезервированных Минкосмом в отеле «Универсаль». Спускаясь в лифте, Гринберг откровенно зевал. Однако вечер был потрачен не зря, если исходить из интересов установления добрососедских отношений.

Проходя мимо Министерства, несмотря на свою усталость, он задержался. У доктора Фтаемла проскользнуло одно странное замечание, которое шефу не плохо было бы знать, И прямо сегодня, если удастся его найти; в противном случае можно оставить записку. В полном экстазе от необыкновенной ловкости жонглера доктор Фтаемл выразил несколько неожиданное сожаление, что такие вот прекрасные вещи могут вскоре перестать существовать.

— Что вы имели в виду? — спросил Гринберг.

— Если могучая и прекрасная Земля испарится... — тут горгоноид осекся.

Напрасно Гринберг пытался получить от него более вразумительный ответ; рарджиллианец говорил, что это просто неудачная шутка.

Гринберг и сам сильно сомневался, что в этом обрывке фразы скрывался какой-то смысл. Но в то же время рарджиллианцы шутят обычно потоньше. Как бы там ни было, он решил рассказать шефу про этот эпизод и чем быстрее, тем лучше. Вполне возможно, этому чужому кораблю совсем не повредил бы импульс парализующего излучения, ядерная бомба и хорошая доза вакуума.

Министерский охранник остановил его.

— Мистер Гринберг, заместитель министра уже полчаса как разыскивает вас.

Поблагодарив охранника, Гринберг взбежал наверх. Мистер Кику сидел на своем обычном месте; в корзине для исходящих скопилась обычная гора бумаг, на которую, однако, заместитель министра не обращал никакого внимания. Подняв голову, он спокойным голосом произнес:

— Добрый вечер, Сергей. Вот, посмотри-ка.— И протянул Гринбергу лист бумаги.

Доктор Сингх справился со своим заданием. Гринберг нашел в нижней части листка геоцентрические координаты и быстро произвел в уме подсчеты.

— Свыше девятисот световых лет! — воскликнул он.— Да к тому же еще в этом направлении. Чего уж тогда удивляться, что мы никогда их не встречали.

— Я не про то,— сказал мистер Кику.— Ты обрати внимание на дату. Здесь написано, где и когда, по заявлению хрошии, их навестил один из наших кораблей.

Гринберг снова всмотрелся в бумагу, и брови его полезли чуть ли не на макушку. Он повернулся к справочнику и начал набирать на клавиатуре вопрос.

— Зря беспокоишься,— сказал Кику.— Ты вспомнил совершенно правильно. «Пионер». Второй полет.

— «Пионер»,— совершенно упавшим голосом повторил Гринберг.

— Да. Мы никогда не знали, куда он попал в тот раз, поэтому так все и получилось. Но мы знаем, когда он ушел, и знаем точно. Все совпадает. Гипотеза значительно проще, чем у Фтаемла с его двойниковыми расами.

— Конечно.— Гринберг поднял на шефа глаза.— В таком случае, это — Ламмокс.

— Да, это Ламмокс.

— Но ведь этого просто не может быть. У этой твари нет рук. И она глупа, как пробка.

— Да, этого не может быть. Но это так.

7. МАМА ВСЕГДА ПРАВА

А Ламмокс уже не сидел в резервуаре. Ему там надоело, и он пошел домой. Чтобы выйти, пришлось проделать дырку, но он проделал ее аккуратно, ничего зря не ломая. Совсем не хотелось, чтобы Джон Томас ругался из-за таких пустяков. Было б из-за чего.

Когда он уходил, какие-то люди устроили большой шум, но Ламмокс не стал на них обращать внимания. Он только постарал-

ся ни на кого случайно не наступить и воспринял переполох с гордой сдержанностью. Когда его стали окатывать из этих противных прыскалок, он не позволил себя никуда загнать, как получилось в день последней прогулки в город. Тогда его выгнали прыскалками из большого дома; теперь он просто закрыл все ряды ноздрей и глаза, пригнул голову и пошел тихонечко восвояси.

Джон Томас встретил Ламмокса на половине дороги; его подвез Дрейзер: шеф полиции был в полной истерике. Ламмокс остановился, последовали взаимные приветствия и заверения в дружбе, затем Джон Томас уселся в седло, которое Ламмокс заново для него приготовил, и они не торопясь тронули.

Шеф Дрейзер был вне себя, местами нельзя было даже понять, что он говорит.

— Сейчас же разворачивай своего крокодила и — быстро назад! — орал он.

— Вам надо — сами и разворачивайте,— мрачно ответил Джонни.

— Да я за это с тебя шкуру сдеру! Да я... Да я...

— А что я собственно такого сделал? Лично я.

— Да ты... Что сделал... Твой зверь вырвался и...

— Меня там не было,— резонно заметил Джон Томас. Ламмокс невозмутимо продолжал шлепать по дороге.

— Да, но... Не в этом дело! Он вырвался, и ты обязан помочь представителям власти загнать его снова в клетку. Джон Стюарт, вы нарветесь на большие неприятности.

— Что-то не понимаю я вас. Вы его у меня забрали. Вы сделали так, что его приговорили к смерти, и заявили, что он мне больше не принадлежит. Потом вы же пытались его убить... да, да, пытались, сами-то вы это прекрасно знаете. Пытались, не ожидая разрешения правительства. Если он мой, я должен подать на вас в суд; если не мой, так и не мое дело, если Ламмокс вылез из этой вашей дурацкой бочки.— Джон Томас наклонился и посмотрел вниз.— Шеф, а что это вы все бежите? Сели б в машину, устанете.

Шеф Дрейзер не выразил ни малейшей благодарности за такой разумный совет, однако милостиво позволил водителю подобрать себя с дороги. Немного опомнившись, он высунулся из окна и сказал:

— Джон Стюарт, я не собираюсь здесь с тобой препираться. Что я сделал, чего не сделал — тебя это не касается. Любой гражданин

обязан помогать полиции, если надо. Вот я и требую — вполне официально,— чтобы ты помог мне вернуть зверя в резервуар. Этот разговор я записываю на диктофон.

— А потом я могу вернуться домой? — Совершенно невинным голосом спросил Джон Томас.

— Что? Конечно.

— Спасибо, шеф. Только как вы думаете, сколько он просидит в этом вашем резервуаре, когда я его туда посажу и уйду домой? Или вы собираетесь взять меня в полицию на ставку?

Возразить было трудно. И Ламмокс пошел домой.

Но Дрейзер не считал это за поражение — досадная задержка, не больше. Непрошибаемое, как шкура Ламмокса, упрямство сделало из него хорошего полицейского; непрошибаемое упрямство не оставило его и на этот раз. Про себя он признал, что, пожалуй, даже безопаснее, если зверь посидит взаперти дома; тем временем можно не торопясь придумать надежный способ покончить с ним раз и навсегда. Опять же, пришло разрешение уничтожить Ламмокса, разрешение, подписанное заместителем министра космических дел. С этой бумагой Дрейзер чувствовал себя много увереннее, а то судья О'Фарелл довольно саркастически относился к прежним неудачным попыткам.

Отмена этого приказа и другой, исправленный, приказ, откладывающий смерть Ламмокса на неопределенное время, попросту не дошли до него. Некий новый мелкий чиновник экспедиции Минкосма допустил маленькую ошибку, всего-то и сделал, что переставил два знака в адресе: поэтому отмена отправилась на Плутон; исправленный приказ с тем же адресом, благополучно последовал за ней.

Дрейзер сидел у себя в концелярии, сжимая в руке смертный приговор Ламмоксу, и обдумывал, как бы все это половчее обтяпать. Может, электрическим током? Возможно... только вот кто подскажет, какие для этого могут потребоваться напряжение и ток. Или взять да и перерезать ему глотку, будто свинье. Но тут появлялись сильные сомнения по крайней мере по двум пунктам: во-первых, какой величины должен быть нож, чтобы зарезать такого монстра; и второе — чем будет заниматься сам монстр, когда его станут резать этим ножом.

Огнестрельное оружие и взрывчатку уже пробовали, успех известен. Секунду, а если так. Пусть зверюга откроет пошире пасть, тогда можно будет выстрелить каким-нибудь фугасным снарядом прямо в глотку и разнести его внутренности в клочья. И конец. Тут-то он и подохнет, причем мгновенно. На Земле ведь тоже есть много бронированных тварей — черепахи, броненосцы, носороги, кто там еще? — но броня-то у них снаружи, всегда снаружи. Этот страшила тоже не исключение; испытывая свои яды, шеф Дрейзер несколько раз заглядывал ему в пасть. Может, по бокам у него и танковая броня, но внутри-то все розовенькое, влажное, что у твоего котенка.

Значит, что сделаем: я скажу мальчишке, чтобы он велел своему зверюге открыть рот пошире и ... нет, не выйдет. Мальчишка, скорее всего, догадается, что мы задумали, и вполне может приказать зверю не открывать рот, а броситься в атаку, и кончится все это тем, что полицейскому управлению придется платить пенсии еще нескольким вдовам. Да, этот мальчишка пошел по кривой дорожке. Просто удивительно, как оно в жизни бывает — вроде хороший мальчик, из приличной семьи, и вдруг собьется с пути и где он тогда? В тюрьме, вот где.

Нет, пожалуй, сделаем так. Отошлем мальчишку под каким-нибудь предлогом в город и устроим все без него. Можно, скажем, убедить этого крошку сказать «А-а-а», предложив ему что-нибудь вкусненькое... нет, лучше не предлагать, лучше — бросить.

Сегодня? Дрейзер взглянул на часы. Нет, надо сначала выбрать оружие и хорошенько отрепетировать операцию; надо чтобы на этот раз все прошло без сучка. А уж завтра... Лучше, чтобы мальчишку увезли пораньше, сразу после завтрака.

Ламмокс, похоже, был очень рад, что снова попал домой; он не желал вспоминать обо всех случившихся неприятностях. Он ни разу не упомянул шефа Дрейзера и, если даже и сообразил, что ему хотели причинить вред, ни словом об этом не обмолвился.

Настроение у него было безоблачное; он даже захотел положить голову Джонни на колени, чтобы тот его приласкал. Времена, когда голова Ламмокса действительно могла поместиться на коленях, прошли давно и безвозвратно; теперь он просто пристроил кончик своего носа на бедре мальчика, удерживая голову на весу и стараясь

сильно не нажимать. Джонни ласково почесывал кончик носа куском кирпича.

Джонни был счастлив, но не совсем. Хорошо, конечно, что Ламмокс вернулся, но, с другой стороны, ясно, что еще ничего не решено; пройдет время, и шеф Дрейзер снова попробует убить Ламмокса. Надо найти выход, но какой?

А тут еще мамаша добавила — подняла хай, увидев, что «этот монстр» опять вернулся в их дом. Джо́н Томас пропускал мимо ушей все ее требования, угрозы и приказы; он занялся делом. Надо было устроить друга на место, накормить его и напоить. Покричав с какое-то время, мать ушла в дом, громко хлопнув за собой дверью и заявив на прощанье, что сейчас же позвонит шефу Дрейзеру. Примерно такого Джонни и ожидал и был почти уверен, что ничего из этого звонка не получится. Видимо, так и случилось; из дома мать больше не выходила.

А Джонни мучила совесть. Всю жизнь он ладил с матерью, всегда слушался, во всем уступал. То, что он пошел против нее, расстраивало его даже больше, чем саму мать. Ведь уезжая, отец всегда говорил Джонни: «Сынок, заботься о маме. Не причиняй ей огорчений». И в тот, последний раз, когда отец не вернулся, он тоже так говорил.

Но ведь он старался, он, правда, старался! Только ведь ясно, что папа и представить не мог, что маме захочется избавиться от Ламмокса. Мама должна была сама прежде подумать, ведь она выходила за папу замуж, прекрасно зная, что получает Ламмокса как обязательную нагрузку. Ведь знала же.

Вот Бетти так никогда не сделает.

А впрочем, откуда знать?

Все-таки женщины — очень странные существа. Может, им с Ламмоксом лучше продолжать холостяцкую жизнь, так как-то вернее. Размышления Джонни тянулись до вечера; все это время он провел в компании звездного зверя. А тут еще эти опухоли. Кожица на одной уже сделалась совсем тонкой; похоже, она вот-вот лопнет. Может, их вскрыть? Но хотя ни один человек на Земле не знал о Ламмоксе больше, чем Джонни, тут и он ничего не мог утверждать наверняка.

Это надо же, чтобы ко всем остальным радостям Ламми умудрился еще и заболеть! Ужинать Джонни не пошел. В конце концов мать сама вышла из дома с подносом.

— Я подумала, может быть, тебе хочется устроить тут с Ламмоксом пикник,— сказала она.

Джонни посмотрел на нее с подозрением.

— Спасибо, мама... Спасибо.

— А как поживает Ламми?

— Да вроде бы все в порядке.

— Вот и чудесно.

Мать ушла. Джонни опять-таки с подозрением проводил ее взглядом. Злая — она далеко не сахар, но уж когда у нее такой загадочный вид, когда она вся, словно кошка, легкая и ласковая — ждать можно чего угодно. Как бы там ни было, ужин (отличный!) Джонни смел подчистую; после завтрака прошло достаточно времени, чтобы проголодаться. Через полчаса мать появилась вновь.

— Поел, милый?

— Э-э... Да, спасибо, очень вкусно.

— Спасибо, милый. Ты принесешь поднос сам? И вообще приходи, в восемь у нас будет мистер Перкинс, он хочет с тобой поговорить.

— Мистер Перкинс? А кто это? — Но дверь за ней уже успела закрыться.

Мать была внизу, в кресле, с вязанием на коленях — одним словом, картина полного умиротворения и уюта. Нежно улыбнувшись сыну, она спросила:

— Ну? Как мы теперь себя чувствуем?

— Все в порядке. Мам, слушай, а кто этот Перкинс? И чего ему от меня надо?

— Он позвонил сегодня утром и попросил разрешения зайти. Я сказала, чтобы он приходил в восемь.

— А он не говорил, что ему надо?

— Ну, как сказать... может быть, и говорил, но мамочка думает, пусть лучше мистер Перкинс сам расскажет о своем деле.

— Наверное, что-нибудь насчет Ламмокса?

— Ну зачем устраивать своей мамочке целый допрос. Скоро ты сам все узнаешь.

— Но послушай, я же...

— Если не возражаешь, не будем больше говорить на эту тему. Милый, разуйся, пожалуйста, я хочу снять с твоей ноги мерку.

Джонни, несколько обескураженный, начал снимать ботинок, но на полдороге остановился.

— Мам, не надо вязать мне носки.

— Что, милый? Но мамочке очень нравится вязать своему сыночку.

— Да, но... Слушай, я же не люблю домашней вязки. От них у меня ступни трескаются, я тебе сколько раз говорил и показывал.

— Что за глупости, дорогой. Ну как может такая мягкая шерсть повредить твоим ногам? И ты подумай, сколько стоили бы такие носки, если их покупать. Натуральная шерсть, настоящая ручная работа. Другой бы спасибо сказал.

— Но мне-то они не нравятся, говорю тебе!

— Иногда, дорогой,— вздохнула она,— я просто ума не приложу, что с тобой делать. Ну просто ума не приложу.— Она свернула вязание и отложила в сторону.— Пойди помой руки... да, и лицо тоже... и причешись. Мистер Перкинс будет с минуты на минуту.

— Так насчет этого мистера Перкинса...

— Не задерживайся, милый. И не надо устраивать матери сцен.

Несмотря на все мрачные подозрения Джона Томаса, мистер Перкинс оказался экземпляром вполне приятным. После пустопорожнего обмена ритуальными формулами вежливости и чашки кофе, которая должна была символизировать гостеприимство, он перешел к делу.

Мистер Перкинс представлял лабораторию экзотических форм жизни Музея натуральной истории. В Музее узнали про Ламмокса из газет, расписавших похождения зверя и суд над ним. Теперь Музей хотел его купить.

— И к моему крайнему изумлению,— добавил он,— изучая архив, я узнал, что наш Музей уже один раз пытался купить этот экземпляр... насколько я понимаю, у вашего дедушки. Имя такое же, как у вас, и по дате сходится. Скажите, а вы случайно не родственник...

— Моего прапрапрадедушки? Да, конечно,— прервал его Джон Томас.— А купить Ламмокса они действительно у него хотели, только он тогда не продавался. И сейчас тоже не продается.

Миссис Стюарт подняла голову от вязания.

— Милый, надо же все-таки быть разумным. Ты сейчас не в таком положении.

Джон Томас упрямо молчал.

— Поверьте мне, мистер Стюарт,— с теплой улыбкой продолжал Перкинс,— я вам очень сочувствую. Но наш юридический отдел изучил этот вопрос, и я хорошо знаю, в каком вы сейчас положении. Поверьте, я совершенно не собираюсь его усложнять; мы нашли решение, в результате которого у вас кончатся все неприятности, а ваш питомец будет в полной безопасности.

— Я не продам Ламмокса.

— Но почему? Если это окажется единственным разумным выходом?

— Ну... потому, что не могу. Даже если бы захотел. Мне его оставили не затем, чтобы продавать, а затем, чтобы я берег его и заботился о нем. Он — член нашей семьи с тех пор, когда меня еще и на свете не было, да и мамы тоже, если уж на то пошло.— Джон строго посмотрел на мать.— Не понимаю, мама, как тебе такое в голову могло прийти.

— Может быть, хватит, милый? — негромко сказала миссис Стюарт.— Уж наверное мать знает, что для тебя лучше.

Видя настроение Джона Томаса, мистер Перкинс быстро сменил тему.

— Во всяком случае, можно мне посмотреть на это существо? Чтобы не оказалось, что я зря сюда прокатился. Мне страшно любопытно.

— Ну, в общем-то да.— Джонни медленно поднялся и повел гостя во двор.

Мистер Перкинс поглядел на Ламмокса, сделал глубокий вдох и громко выдохнул.

— Великолепно! — Он восхищенно обошел зверя кругом.— Просто великолепно. Это же уникальный экземпляр... и к тому же — самое большое ВЗС, какое я в жизни видел. Да как же его сумели привести?

— Ну, с того времени он подрос,— признался Джон Томас.

— Если я правильно понял, он умеет немного подражать человеческой речи. Не могли бы вы заставить его что-нибудь сказать?

— Почему подражать? Он просто говорит.

— Действительно?

— Конечно. Эй, Ламми, как жизнь?

— Все в порядке,— пропищал Ламмокс.— А чего ему надо?

— Это потрясающе,— мистер Перкинс удивленно воззрился на зверя.— Говорит! Мистер Стюарт, наша лаборатория просто должна иметь этот экземпляр.

— Я же сказал — нет смысла даже и говорить.

— Теперь, увидев его... и услышав, я готов предложить значительно более высокую цену.

Джон Томас с большим трудом сдержался и не произнес грубость, вертевшуюся у него на языке. Вместо этого он сказал:

— Мистер Перкинс, а вы женаты?

— Да, а что?

— А дети у вас есть?

— Один, точнее одна. Маленькая девочка. Ей только-только исполнилось пять.— Лицо гостя сразу как-то смягчилось.

— Ну вот, давайте тогда устроим сделку. Честный обмен, баш на баш. Никаких взаимных претензий, и каждый делает все, что ему заблагорассудится со своим «экземпляром».

От негодования Перкинс побагровел, но тут же подавил гнев улыбкой.

— Туше! Я замолкаю. Однако,— добавил он,— вы сильно рискуете. Кое-кто из моих коллег поймал бы вас на слове. Это же такой соблазн для ученого получить подобный образец. Вы и представить себе не можете.— Он вожделенно поглядел на Ламмокса, вздохнул и сказал: — Ну что, пойдем в дом?

Миссис Стюарт подняла на них взгляд. Перкинс отрицательно покачал головой и сел. Сведя кончики пальцев, он сказал:

— Мистер Стюарт, вы не хотите даже говорить о продаже Ламмокса, но поймите меня. Если я покажусь перед заведующим лабораторией и заявлю, что даже не высказал наших предложений, выглядеть это будет, мягко говоря, странно. Может быть, вы мне позволите рассказать, что хотел сделать Музей? Просто для отчета.

— Ну, если так...— Джон Томас нахмурился.— Пожалуй, в этом нет ничего плохого.

— Спасибо. Должен же я сделать хоть что-нибудь, чтобы оправдать свои расходы на проезд. Так вот, давайте вместе здраво рассмотрим ситуацию. Это существо... может быть, лучше сказать, ваш

друг Ламмокс... Или не так: наш друг Ламмокс — ведь я прямо влюбился в него с первого взгляда... Наш друг Ламмокс приговорен к смерти, не правда ли? Приговорен судом.

— Да,— признал Джон Томас.— Но этот приговор пока еще не утвержден Министерством космоса.

— Знаю. Но ведь полицейские пытались его убить, не ожидая этого самого подтверждения. Верно?

Второй раз за вечер Джон Томас был близок к тому, чтобы выругаться, и второй раз сдержался, на этот раз — посмотрев на мать.

— Идиоты тупоголовые! Им все равно не убить Ламмокса, с их-то куриными мозгами.

— Вполне с вами согласен... если говорить между нами. Этого клоуна, их шефа, вообще стоило бы уволить. Ведь они могли уничтожить уникальный экземпляр. Вы только себе представьте!

— Шеф Дрейзер,— твердо заявила миссис Стюарт,— настоящий джентльмен.

— Миссис Стюарт,— сказал Перкинс, повернувшись к ней.— Я ни в коем случае не собираюсь бросать какую-либо тень на вашего друга. Однако, я уверен, причем совершенно твердо, что шеф не имел права самовольно распоряжаться. Причем со стороны представителя администрации такое поведение значительно более предосудительно, чем со стороны рядового гражданина.

— Он думал о безопасности населения.

— Верно. Возможно, это смягчает его вину. Поэтому я беру назад свои высказывания. Они не имеют отношения к нашей проблеме, и я совершенно не хочу ввязываться в спор.

— И я очень рада этому, мистер Перкинс. Так может быть мы вернемся к предмету разговора?

У Джона Томаса начали просыпаться теплые чувства к ученому — вот так же мать срезала и его самого, к тому же Перкинсу нравился Ламми.

Тем временем гость продолжал:

— В любой момент, завтра, а может, даже сегодня, Министерство по делам космоса утвердит уничтожение Ламмокса.

— А вдруг они отклонят?

— А вы согласны из-за этой ни на чем не основанной надежды рискнуть жизнью своего друга? Так вот, тогда ваш шеф полиции явится снова, и на этот раз он его убьет.

— Не убьет! Он же не сможет, только еще раз докажет, что он дурак.

Мистер Перкинс медленно и печально покачал головой.

— В вас говорит не разум, а сердце. На этот раз он сделает все как надо. Однажды над ним посмеялись, больше он этого не допустит. Не сможет сам придумать надежный способ, так посоветуется со специалистами. Мистер Стюарт, любой биолог способен, осмотрев и оценив Ламмокса, не задумываясь предложить два-три вполне надежных решения, как его убить, убить быстро и безопасным для себя способом. Я вот только посмотрел на него и сразу придумал как.

— Но вы же не скажете шефу Дрейзеру? — В голосе Джона Томаса прозвучала тревога.

— Что вы, конечно, нет. Для этого меня пришлось бы сперва подвесить за ноги. Но что — я? Найдутся другие, тысячи других, которые охотно ему помогут. А то он и сам сможет придумать способ. Будьте уверены, когда вы дождетесь утверждения этого смертного приговора, делать что-либо будет уже поздно. Они его просто убьют. К вашему и моему сожалению.

Джон Томас молчал, и Перкинс негромко добавил:

— В одиночку вам никак не справиться, и этим своим упрямством вы только убьете Ламмокса.

Джон Томас крепко прижал кулак ко рту. Потом он сказал, еле слышно:

— Что же тогда делать?

— Сделать можно многое, если только вы согласитесь на мою помощь. Первое. Вы должны понять, что, если вы доверите его нам, никто не сделает ему ничего плохого. Вы, конечно, наслушались всяких разговоров про вивисекцию и прочее; ну так можете все это забыть. Мы просто помещаем свои образцы в окружение, максимально приближенное к условиям их родных планет, а затем изучаем их. Мы хотим, чтобы они пребывали в добром здравии и в хорошем настроении; для этой цели мы не жалеем никаких сил. В конце концов Ламмокс умрет естественной смертью, тогда мы поместим его шкуру и скелет в свою постоянную экспозицию.

— А вам бы хотелось, чтобы из вашей шкуры сделали чучело и поместили в музей? — горько спросил Джонни.

— Что? — На лице Перкинса отразилось изумление, затем он рассмеялся.— Меня бы это ничуть не обеспокоило; если хотите знать, я уже завещал свой скелет университету, в котором учился. И Ламмокса это тоже ничуть не обеспокоит. Дело в другом — как устроить, чтобы полиция от него отстала и чтобы он смог дожить до старости.

— Подождите. Но ведь даже, если вы его купите, это ничего не решает. Они все равно его убьют. Кто им может помешать?

— И да и нет. В первую очередь — нет. Конечно, продажа Ламмокса Музею не отменяет приказа на его уничтожение, но, вы уж мне поверьте, приказ этот никогда не будет выполнен. Наш юридический отдел объяснил мне, что следует в таком случае сделать. Первым делом мы приходим к соглашению относительно условий и вы даете мне расписку, подтверждающую продажу; тогда Музей становится законным владельцем. Сразу же после этого, скорее всего — сегодня, я нахожу нашего судью и получаю у него временное постановление, на несколько дней откладывающее приведение приговора в исполнение; такая отсрочка естественна и вполне в его силах, принимая во внимание смену владельца. А большего нам и не надо. Если потребуется, мы выйдем прямо на министра космических дел... одним словом, я могу вам обещать, что, став собственностью Музея, Ламмокс не будет убит ни при каких обстоятельствах.

— Вы это точно знаете?

— Достаточно точно, чтобы рискнуть деньгами Музея. Если я ошибаюсь, то вполне могу остаться без работы.— Перкинс улыбнулся.— Только я не ошибаюсь. А как только я получу отсрочку и позвоню в Музей, чтобы они превратили ее в постоянную отмену приказа, следующим моим шагом будет урегулирование всех этих исков о возмещении ущерба. У меня есть при себе наличные, сумма вполне достаточная. Нередко деньги являются очень убедительным аргументом. Тогда против нас останется один-единственный человек — шеф полиции. Он — серьезная помеха для вас, но не для нас; по сравнению с теми силами, которые может привлечь себе на помощь Музей, он просто ничто. А потом все спокойно заживут себе припеваючи.— Перкинс улыбнулся.— Вот видите, как все прекрасно можно устроить.

Джон Томас задумчиво изобразил ногой на ковре какой-то сложный узор, а потом поднял голову.

— Послушайте, мистер Перкинс, я понимаю, для спасения Ламмокса что-то сделать надо. Но до этого момента я не видел никакого способа, я просто, как страус, зарывал голову в песок, тянул время и ждал, что все как-нибудь устроится.

— Так вы согласны?

— Одну секунду, пожалуйста! Но ведь так тоже не годится. Без меня Ламмоксу будет плохо, он не привык. Получается, что мы просто заменим смерть пожизненным заключением. Еще неизвестно, что он предпочел бы — умереть или остаться одному, чтобы всякие незнакомые люди тыкали его, беспокоили и прогоняли через свои тесты. Его самого даже спросить нельзя — он не знает, что такое смерть. А вот что такое чужие — он очень хорошо знает.

Мистер Перкинс пожевал свою нижнюю губу. Все-таки как трудно дается оказывать услугу этому молодому человеку.

— Мистер Стюарт! А если бы вы сами поехали с Ламмоксом, это было бы лучше?

— Как это?

— Думаю, я могу обещать вам работу по уходу за животным. Если правду говорить, свободное место есть прямо в нашем отделе. Я могу вас взять на это место прямо сегодня, а все бумажки мы оформим потом. В конце концов даже лучше, если за экзотическим животным будет ухаживать человек, знающий его повадки.

— Нет! — сказала миссис Стюарт прежде, чем ее сын успел ответить.

— Да? А почему?

— Об этом нет смысла даже и говорить. Мистер Перкинс, я надеялась, что вы предложите какой-нибудь разумный выход из этого неприятного положения. Но с последней вашей идеей я категорически не согласна. Моему сыну надо поступать в колледж; я просто не допущу, чтобы он растрачивал свою жизнь, убирая навоз из клеток в зоопарке, словно какой-нибудь малограмотный бродяга! Да ни в коем случае!

— Мама, ты только послушай.

— Я слушать ничего не хочу. Разговор окончен.

Мистер Перкинс перевел глаза с горящего лица сына на твердое, решительное лицо его матери.

— В конце концов,— сказал он,— все это Музея не касается. Давайте, миссис Стюарт, я сформулирую решение следующим образом: я не буду нанимать никого на эту вакансию ну, скажем, в течение шести месяцев... пожалуйста, миссис Стюарт, не надо. Согласится ваш сын на эту работу или нет, это ваша семейная проблема, и я уверен, что здесь мои советы излишни. Я только хочу уверить вашего сына, что Музей ни в коем случае не собирается разлучать его с Ламмоксом. Думаю, что это вполне разумная постановка вопроса.

Спицы в руках миссис Стюарт яростно щелкали, словно рычаги какого-то механизма.

— Пожалуй,— согласилась она, не поднимая головы от вязания.

— Мистер Стюарт?

— Подождите, пожалуйста, секунду. Мама, а что если я...

— Пожалуйста, мистер Стюарт! Сейчас не время для обсуждения семейных проблем. Наше предложение вы знаете. Так вы согласны?

— Я что-то не помню,— прервала его миссис Стюарт,— чтобы вы называли цену, мистер Перкинс.

— Действительно! Ну скажем, двадцать тысяч.

— Чистыми?

— Чистыми? А, понимаю... нет, разумеется. За вычетом сумм, которые пойдут на возмещение ущерба.

— Чистыми, мистер Перкинс,— твердо повторила она.

Перкинс пожал плечами.

— Чистыми, так чистыми.

— Тогда мы согласны.

— Прекрасно.

— Подождите, куда вы! — запротестовал Джон Томас.— А вот мы еще не согласны. Во всяком случае, пока не договорились об этом вашем предложении. Я совсем не собираюсь отдавать Ламмокса в...

— Тихо! Милый, я очень долго терпела, но не намерена снова выслушивать всю эту чушь. Мистер Перкинс, Джон согласен. Бумаги у вас при себе?

— Мы не согласны.

— Подождите минутку.— Воззвал к ним мистер Перкинс.— Мадам, верно ли я понимаю, что для совершения этой продажи необходима подпись вашего сына?

— Вы ее получите.

— Хм-м. Мистер Стюарт?

— Я ничего не подпишу, если сначала не договоримся, что мы с Ламмоксом будем вместе.

— Миссис Стюарт?

— Это просто смешно.

— Я тоже так думаю. Но сделать ничего не могу.— Перкинс встал.— Всего хорошего, мистер Стюарт. Большое спасибо, что вы дали мне возможность изложить свои предложения, спасибо и за то, что разрешили посмотреть на Ламмокса. Нет, не провожайте меня, я уж как-нибудь сам найду дверь.

Он направился к выходу, а тем временем Стюарты старательно отворачивались друг от друга. У двери Перкинс остановился.

— Мистер Стюарт?

— Да, мистер Перкинс?

— Вы не могли бы оказать мне одну небольшую услугу? Поснимайте Ламмокса как можно больше. Лучше всего сделайте, чтобы съемки были стерео, цветные и со звуком. Конечно, хорошо бы прислать сюда профессиональную съемочную группу, но боюсь, что она может не успеть. Вы сами понимаете. Было бы крайне прискорбно, если после него не останется никаких научных данных. Так что вы уж сделайте, что сможете.— Он снова взялся за ручку двери.

Джон Томас сглотнул комок и вскочил на ноги.

— Мистер Перкинс! Эй! Вернитесь!

Через несколько минут он уже подписывал купчую. Рука его дрожала, однако подпись получилась вполне разборчивой.

— А теперь,— сказал Перкинс,— если вы, миссис Стюарт, подпишитесь здесь снизу, где «опекун»... Спасибо! Да, чуть не забыл! Надо еще вычеркнуть эти слова насчет «за вычетом сумм...» и так далее. Денег у меня с собой нет, я прилетел в ваш город, когда все банки были уже закрыты, так что я передам вам пока чисто номинальный задаток для скрепления договора, а остальные вы получите перед тем, как мы увезем этот образец.

— Нет,— сказал Джон Томас.

— Как?

— Я совсем забыл сказать. Пусть Музей возместит ущерб, сам я не могу; к тому же, в конце концов, Ламмокс сам и переломал все это. Но денег я не возьму. А то буду чувствовать себя Иудой.

— Джон Томас! — резко сказала мать.— Я тебе не позволю.

— Мама, может, не надо, а? — ответил Джон Томас.— Ты же прекрасно знаешь, что подумал бы папа.

— Кхе! — Мистер Перкинс громко прочистил горло.— Сейчас я заполню обычную расписку на получение этой номинальной суммы. Не стану больше обременять вас своим присутствием. Судья О'Фарелл сказал мне, что ложится в десять. Миссис Стюарт, я считаю, что Музей готов в любую минуту выполнить условия договора. Мистер Стюарт, вы можете решить все эти вопросы со своей матерью, в семейном кругу. Спокойной ночи.— Он засунул купчую в карман и торопливо вышел.

Прошел час, а они все еще яростно смотрели друг на друга из противоположных углов комнаты. Мать сумела все-таки выбить у Джона Томаса согласие на то, что она возьмет деньги с условием, что он до них не дотронется. Ему показалось, что взамен мать позволила ему отправиться в Музей вместе с Ламмоксом.

Но она отрицательно покачала головой.

— Даже не думай об этом. Ведь ты должен скоро поступать в колледж. Ты же не сможешь взять туда этого зверя. Значит, в любом случае ты не смог бы держать его при себе.

— Но я думал, ты о нем позаботишься... ты же обещала папе... а я приезжал бы сюда на уик-энды.

— Не вмешивай сюда своего отца! Пожалуй, тебе стоит узнать, что я уже давным-давно решила: в тот самый день, когда ты уедешь учиться в колледж, этот дом перестанет быть зоопарком. Вся эта катавасия только приблизила неизбежное на несколько дней.

Джон Томас даже не смог ответить, он просто пораженно смотрел на мать. Она подошла к сыну и положила руку ему на плечо.

— Джонни? Джонни, милый.

— Да?

— Посмотри на меня, малыш. Мы столько всего друг другу наговорили, но, поверь, мне очень хотелось, чтобы этих слов никогда не было. Я уверена, что ты говорил все это, сам того не желая. Ведь мамочка думала только о твоем благе, ты же понимаешь? Ведь понимаешь?

— Наверное, да.

— Мамочка всегда только об этом и думает. Думает о своем большом мальчике, как бы ему было лучше. Ты же еще очень молодой, а

молодые часто не знают, что в жизни важно, а что нет. А потом ты вырастешь и окажется, что мама была права. Неужели ты этого не понимаешь?

— Ну... Мама, так как же насчет этой работы. Если б я только...

— Милый, пожалей меня. У твоей мамы голова просто раскалывается от боли. Давай не будем сегодня больше об этом говорить. Поспи, утро вечера мудренее.— Она погладила сына по щеке, нагнулась и поцеловала.— Спокойной ночи, мой милый.

— Спокойной ночи.

Мать ушла наверх, а Джонни долго еще сидел, пытаясь во всем разобраться. Он знал, что надо бы радоваться. Действительно, ведь ему удалось спасти Ламми. Только вот что-то не было ее, радости; он чувствовал себя, словно лисица, отгрызшая себе лапу, пытаясь вырваться из капкана. Боль, тоска и никакого тебе облегчения.

Потом он встал и пошел посмотреть на Ламмокса.

8. РАЗУМНОЕ РЕШЕНИЕ

У Ламмокса Джон Томас пробыл совсем недолго: сказать правду он не решался, а больше говорить было не о чем. Ламмокс и сам почувствовал, что что-то не так, и стал задавать вопросы; в конце концов Джон Томас почти закричал на него.

— Я же говорю, все в порядке! Заткнись и спи! И чтобы со двора ни ногой, а то я тебе устрою!

— Хорошо, Джонни. Да и вообще снаружи мне не понравилось. Там все так странно себя ведут.

— Вот и не забывай про это, и чтобы больше не выходил.

— Я не буду, Джонни. Лопни моя селезенка.

Джон Томас вернулся домой, лег, но уснуть не смог. Немного полежав, он встал, натянул штаны и отправился на чердак.

Дом Стюартов был очень старый, и чердак в нем был самый настоящий; попадали туда через люк, по стремянке из одной из кладовок. Когда-то здесь была настоящая лестница, но ее убрали, когда делали посадочную площадку: понадобилось место для лифта. Но чердак, единственное место в доме, принадлежавшее только Джону Томасу, остался. Мать время от времени «прибирала» его

комнату, хотя Джонни был обязан заниматься уборкой сам, да и не хотел, чтобы это делали вместо него.

Потому что если мамочка за что-то бралась, ждать можно было всего. Она могла засунуть куда угодно, выкинуть, даже прочитать любые его бумаги — мамочка считала, что у детей не может быть никаких секретов от родителей.

Поэтому все, что Джон Томас хотел сохранить — так, чтобы никто об этом не знал,— он прятал на чердаке; мать сюда носа не совала — от стремянки у нее кружилась голова. Здесь, под крышей, у Джона Томаса была маленькая, полная всякого хлама клетушка, почти лишенная воздуха. Считалось, что это просто кладовка. В действительности она использовалась для самых разнообразных целей: несколько лет назад Джон Томас выращивал в ней змей, здесь он хранил небольшую пачку книг, рано или поздно попадающихся под руку каждому мальчику; книг, обсуждать которые с родителями не принято. Здесь был даже телефон — просто звуковой отвод от обычного видеофона, стоявшего у Джона Томаса в спальне. Чтобы его соорудить, потребовались познания в физике, те, что он приобрел в школе, и масса хлопот в придачу: работать можно было только тогда, когда мать уходила из дома, а провода не должны были привлекать внимание ни ее, ни техников телефонной компании.

Устройство, хотя и держалось на соплях, но работало; Джон Томас даже добавил к нему сигнальную цепь, и если кто-нибудь пользовался любым из установленных в доме аппаратов, загоралась предупредительная красная лампочка.

Но сегодня звонить никому не хотелось; к тому же порядки у Бетти в общежитии строгие и так поздно ее к телефону не позовут. Хотелось просто побыть одному и покопаться в бумагах, которые он давным-давно не смотрел. Джон Томас сунул руку под стол и щелкнул тумблером: в совершенно гладкой стенке открылась дверца. За дверцей оказался шкаф, а в нем — книги и бумаги. Он выложил их на стол.

Вот оно, то, что надо: записная книжка со страницами из тонкой бумаги — записи прадедушки, сделанные во время второго разведывательного полета «Пионера». Книжке перевалило за сотню лет, чувствовалось, что ее листали очень многие руки. Сам Джон Томас читал эту книжку раз десять; его отец и дед, скорее всего,—

не меньше. От старости страницы сделались хрупкими, многие из них были подклеены.

Джон Томас перелистал записи; страницы он переворачивал аккуратно, но не читал, а скорее мельком проглядывал. Вскоре его глаза остановились на хорошо знакомом абзаце.

Кое-кто из ребят совсем запаниковал, особенно женатые. Раньше надо было думать, сами напросились в полет. Теперь уже все знают ситуацию; мы прорвались и вышли в пространство, от которого до дому лететь и лететь. Ну и что? Мы же хотели путешествовать, вот и путешествуем.

Джон Томас перелистал еще несколько страниц. Он с детства знал историю «Пионера», и она уже не вызывала в нем ни удивления, ни благоговения. Это был один из самых первых межзвездных кораблей, члены его экипажа выбрали профессию открывателей с той же тягой к неизведанному, с которой в золотые дни пятнадцатого столетия моряки покоряли ненанесенные на карты моря на своих утлых деревянных суденышках. В тот же путь уходили и первые межзвездные корабли, и среди них «Пионер»; они прорывали Эйнштейнов барьер с риском никогда не вернуться. Джон Томас Стюарт VIII ушел на нем в неизвестность — это был второй полет «Пионера» — и вернулся в целости и сохранности, женился, сделал себе наследника и вроде бы осел на Земле. Он-то и построил посадочную площадку на крыше.

Но как-то ночью он услышал крик диких гусей и записался в новый полет. Из него он уже не вернулся.

Джон Томас XI нашел первое упоминание о Ламмоксе.

Эта планета во многом похожа на нашу старую добрую Землю в отличие от трех предыдущих; здесь можно выйти на поверхность без скафандра. Но эволюция на ней, видно, кинула в свое время монетку — удвоить ставки или проиграть все; вместо конструкции с четырьмя конечностями, принятой в приличном обществе у нас дома, практически все животные здесь обладают по крайней мере восемью ногами... «Мыши», похожие на сороконожек, «кролики» с шестью короткими лапами и парой потрясающих задних толчковых, да что угодно, вплоть до здоровенных тварей, размером с жирафа. Я поймал одного крохотного зверька (если это можно назвать «поймал»: он сам подошел и вскарабкался ко мне на колени) и пря-

мо-таки влюбился в него. Попробую сохранить его у себя, на счастье. Что-то наподобие щенка гончей, только конструкция получше. У шлюза на вахте был Кристи, поэтому удалось протащить его на борт, не сдавая биологам.

В следующей записи Ламмокс не упоминался, разговор шел о делах посерьезнее.

На этот раз, кажется, мы сорвали главный приз. Цивилизация. Офицеры наши совсем обалдели от счастья. Я тоже видел издалека одного из представителей доминирующей здесь расы. Опять многоногая структура, в прочих же отношениях — заставляет задуматься, как выглядела бы сейчас Земля, победи не млекопитающие, а динозавры.

Он пролистал немного еще...

Очень беспокоился, чем же я буду кормить Кулему. Зря волновался. Ему нравятся любые продукты, что я таскаю для него из столовой, но кроме того, он может сгрызть все, что не прибито гвоздями. Сегодня я немного встревожился: он схрумкал мою авторучку. Ну ладно, чернила ему, скорее всего, не повредят, а как насчет металла и пластика? Ну совсем ребенок — что видит, все тащит в рот.

Кулема хорошеет день ото дня; похоже, что этот маленький нахалюга пытается со мной разговаривать — он мне поскуливает, а я поскуливаю ему в ответ. Потом он забирается ко мне на колени и абсолютно ясно показывает, что любит меня. Вот уж хрен отдам я его биологам, даже если меня застукают. Эти живодеры способны распотрошить любую животину, просто чтобы посмотреть, как она там устроена. Нельзя же подводить тварь, которая тебе доверяет.

Самый первый Джон Томас не уходил в море. Вместо этого он расшибся, обучая летать похожую на воздушный змей штуковину с громким названием «аэроплан». Случилось это еще до первой из мировых войн; после этого несколько лет пришлось пускать в дом «платных гостей», а попросту — постояльцев.

Дж. Т. Стюарт III пал в борьбе за правое дело; подлодка, на которой он служил офицером-артиллеристом, вошла в Цусимский пролив Японского моря. Вошла и не вышла.

Джон Томас Стюарт IV погиб при первом полете на Луну.

Джон Томас V эмигрировал на Марс; Джонни быстренько пролистнул его сына, самого знаменитого человека в роду. Ему давно надоели по это самое место постоянные напоминания, что он носит то же имя, что и генерал Стюарт, первый после революции губернатор Марсианского Содружества. Интересно, а что бы случилось с прапрапрадедушкой, окажись революция неудачной? Вздернули бы скорее всего, какие уж там памятники.

Много страниц отводилось попыткам дедушки вернуть доброе имя своему собственному деду. Известность генерала Стюарта и его сына были как день и ночь. Последние пятнадцать лет своей жизни сын провел в исправительной колонии на Тритоне. Жена его вернулась на Землю к родителям и восстановила свою девичью фамилию, дав заодно эту фамилию и сыну.

Однако вышеупомянутый сын прямо в день совершеннолетия заявился в суд и поменял свое имя с «Карлтон Гиммидж» на «Джон Томас Стюарт VIII». Как раз он-то и привез Ламмокса на Землю, а на деньги, полученные за полет на «Пионере», выкупил старое семейное гнездо Стюартов. Видимо, он убедил своего сына, что дедушку этого самого сына просто подставили; вышеупомянутый сын не пожалел бумаги, излагая это в своих записках.

Дедушке и самому вполне пригодился бы защитник его честного имени. В записках просто упоминался факт, что Джон Томас Стюарт IX подал в отставку, после чего никогда не уходил в космос. Однако Джонни знал, со слов своего отца, что перед ним встал выбор: или—или. Или отставка, или военный трибунал. Правда, папа сказал еще, что дедушка был бы абсолютно чист, согласись он давать на суде показания.

— Джонни,— добавил папа,— будь всегда верен друзьям; это значительно лучше, чем иметь грудь, увешанную медалями.

Тогда старик был еще жив. Когда подвернулся случай — отец в это время ушел в патрульный полет,— Джонни осторожненько намекнул деду, что все знает.

Дед взъярился.

— Что за чушь! — заорал он.— Уделали меня, значит, было за что.

— А вот папа сказал, что на самом деле это твой капитан...

— Твоего папаши там вроде не было, а капитан Доминик был лучший шкипер, какой только летал в космос, царствие ему небес-

ное. Ты лучше расставь шашки, и посмотрим, как я тебя сейчас причешу.

После смерти дедушки Джонни еще раз попытался разобраться с помощью отца в этой истории, но прямого ответа не получил.

— Романтик, неисправимый романтик, вот кто был твой дед, Джонни. Это — самый главный недостаток во всех нас. Ни у кого из нашего рода не хватало здравого смысла даже на то, чтобы толком вести баланс чековой книжки.— Выпустив из трубки несколько клубов дыма, он добавил:— Но зато уж позабавились мы — будь здоров.

Отложив бумаги и книги в сторону, Джонни смутно почувствовал, что толку от всего этого чтения почти никакого; его не покидали мысли о Ламмоксе. Надо, пожалуй, пойти и попробовать немного поспать.

В этот самый момент мигнула лампочка на телефоне; он схватил трубку, стараясь успеть, пока световой сигнал не сменился на звуковой, и не проснулась мать.

— Да?

— Джонни, ты?

— Ага. Я тебя не вижу, Бетти. Я на чердаке.

— Чердак ни при чем. Я отключила видео — не успела накраситься. И вообще здесь темно как не знаю где; в такое время нам не разрешают звонить. А... герцогиня тоже слушает?

Джонни глянул на предупредительную лампочку.

— Нет.

— Я коротко. В общем, агентура донесла, что дьякон Дрейзер получил добро на дальнейшие действия.

— Не может быть!

— Еще как может. Главное другое — нам-то теперь как быть? Ведь нельзя же так просто сидеть и ждать, пока он сделает свое грязное дело.

— Ну, я тут кое-что предпринял.

— Что? Надеюсь, не натворил каких-нибудь глупостей? Не надо было мне сегодня уезжать.

— Ну, понимаешь, мистер Перкинс...

— Перкинс? Это тот самый мужик, который заходил сегодня к судье О'Фареллу?

— Да. А ты откуда знаешь?

— Не трать время на дурацкие вопросы. Я всегда все знаю. Расскажи только, что там у вас было.

— Ну, понимаешь...— Джонни сбивчиво рассказал о событиях вечера. Бетти слушала молча, поэтому он сразу же стал оправдываться; в результате вышло, что он защищает не свою точку зрения, а позиции матери и мистера Перкинса.— Вот так все и получилось,— закончил он, чувствуя себя крайне неловко.

— Выходит, ты послал их на хутор бабочек ловить? Отлично. Теперь мы сделаем вот что. Если на это способен Музей — значит, у нас тоже получится. Надо только, чтобы добрый дедушка О'Фарелл...

— Бетти, ты ничего не поняла. Я продал Ламмокса.

— Что? Ты продал его?

— Да. Мне пришлось. Если бы я не...

— Ты — продал — Ламмокса?

— Бетти, я же никак не мог...

Но она бросила трубку.

Джонни попытался позвонить ей сам, но услыхал только голос автоответчика:

— Этот аппарат не будет использоваться до восьми часов утра. Если вы хотите записать свое сообщение, подождите...

Он повесил трубку.

Джонни сидел, обхватив голову руками; он думал: лучше бы ему умереть. А самое скверное в том, что Бетти права. Его заставили сделать плохую, очень плохую вещь. Он прекрасно знал, что так делать нельзя, но все-таки позволил, все-таки дал им себя заставить. Позволил потому, что не видел другого выхода.

Вот Бетти — ее бы они не обвели вокруг пальца. Конечно, вполне возможно, что из ее последней идеи тоже ничего не выйдет, но будучи в здравом уме сморозить такую глупость — этого от нее не дождешься.

Так он сидел, мучил себя и все никак не мог найти выход. И чем больше он думал, тем сильнее его охватывала злость. Разрешил себя уговорить! Сделал то, чего сам не хотел! Что ни в коем случае нельзя было делать! А потому, видите ли, что это — единственное разумное решение. Это, видите ли, логично. Это подсказывает здравый смысл.

Да в задницу этот ваш здравый смысл! У предков его никогда не было, ни у одного из них! Чего ради он должен быть у него, Джонни! Кто он, собственно такой, чтобы ломать вековую традицию своего рода!

Ведь никто из них в жизни не совершил ни одного разумного поступка. Ну вот хотя бы этот самый прапрапрадедушка, генерал. Ему не понравилась ситуация, так он целую планету перевернул вверх тормашками на семь лет, семь кровавых лет. Ну да, конечно, его называют героем... вот только можно ли начать революцию, если у тебя есть хоть грамм здравого смысла?

А если взять... Да чего там, любого из них возьми. Во всей ораве ни одного пай-мальчика, хоть ты плачь. Вот дедушка, продал бы он Ламмокса? Да он бы скорее голыми руками по кирпичику разнес этот суд. Будь дедушка жив, он стоял бы и сторожил Ламмокса с автоматом, он всему свету бы заявил: «Только попробуйте, дотроньтесь до него хоть пальцем».

А грязными своими деньгами этот Перкинс пусть сам подавится.

И все-таки что ему делать?

Можно полететь на Марс. Ведь по закону Лафайета он — гражданин Марса и имеет право на земельный участок. Вот только как туда попасть? Да еще с Ламмоксом под мышкой.

А главная беда в том — безжалостно честил он себя,— что все-то мне хочется выдумать что-нибудь разумное. Нет, здравый смысл — мне не помощник.

И план в конце концов родился. Главным преимуществом этого плана было полное отсутствие в нем хоть какого-то подобия здравого смысла; состоял этот план из глупости напополам с риском. Дедушке он бы точно понравился.

9. ГАДКИЙ УТЕНОК И МЕСТНЫЕ ОБЫЧАИ

По пути к себе Джонни задержался у двери, за которой спала мать, и прислушался. Собственно говоря, услышать что-нибудь при такой звукоизоляции было трудно, просто сказывалась привычка. В своей комнате он быстро натянул на себя походную одежду и

альпинистские ботинки, затем вытащил из ящика стола спальный мешок и засунул его в один карман куртки, а батарейку к нему — в другой. Потом рассовал по карманам остальное походное хозяйство и вроде бы был готов.

Подсчитав наличность, Джонни негромко выругался: большая часть его денег хранилась в банке, а туда теперь попадешь не скоро. Но что поделаешь, раз так неудачно вышло. Он направился к выходу, но вдруг остановился, вернулся и подошел к столу.

Дорогая мамочка,— написал он на листке.— *Скажи, пожалуйста, мистеру Перкинсу, что сделка не состоялась. Можешь заплатить пострадавшим от всего этого погрома из моих денег на колледж. Мы с Ламмоксом уходим, искать нас бесполезно. Очень жаль, но нам не остается ничего другого.*— Перечитав записку, он решил, что больше сказать нечего, и добавил внизу: — *С любовью.*— И расписался.

Джонни начал было писать Бетти, раздумал, порвал записку, затем начал писать снова. В конце концов он решил, что лучше напишет письмо — потом, когда будет что рассказать. Спустившись вниз, Джонни положил записку на обеденный стол, а сам пошел в кладовку набрать припасов. Еще через несколько минут, с большим мешком на плече, набитым пакетами и консервными банками, он подошел к домику Ламмокса.

Тот крепко спал. Сторожевой глаз узнал Джонни: Ламмокс даже не шевельнулся. Джон Томас отошел от своего друга на шаг и изо всех сил пнул его ногой.

— Эй, Лам! Просыпайся!

Зверь открыл остальные глаза и, сладко зевнув, пропищал:

— Привет, Джонни.

— Ну-ка приведи себя в божеский вид. Мы идем в поход.

Ламмокс выпрямил ноги и встал, по его хребту пробежало что-то похожее на волну.

— Я готов.

— Сделай мне сиденье и оставь место для этого.— Джонни показал на мешок с продуктами. Ламмокс молча выполнил приказание; Джон Томас закинул мешок наверх, а следом вскарабкался сам.

Через минуту они были уже на дороге.

* * *

При всем своем безрассудстве Джон Томас прекрасно понимал, что скрыть Ламмокса от чужих глаз — замысел почти неосуществимый; в любом месте он будет незаметен примерно так же, как бегемот в детской песочнице. Однако в безумии Джонни была система: именно в окрестностях Вествилла, в отличие от большинства других мест, оставалась хоть какая-то возможность спрятать огромного зверя. Город лежал в открытой горной долине, сразу на запад от него вздымал в небо свои вершины становой хребет континента. Уже в нескольких милях от города начинались безбрежные холмистые просторы, многие тысячи квадратных миль местности, почти не изменившейся с тех пор, как индейцы в изумлении таращили глаза на Колумба. В короткий охотничий сезон эти места кишели людьми в красных куртках, без устали палившими из своих ружей по оленям, лосям и друг в друга; большую часть года здесь было совершенно безлюдно.

Если удастся незаметно переправить туда Ламмокса, появлялась хотя бы крохотная надежда, что их не поймают, пока не кончатся взятые из дома запасы. Ну а кончатся... А кончатся, тогда и посмотрим. Может быть, удастся прокормиться охотой. В крайнем случае в одиночку вернуться в город и снова вступить в переговоры, только на этот раз — с более сильной позиции, ведь никто, кроме Джонни, не будет знать, где скрывается Ламмокс. Все эти варианты он еще толком не продумал, главное было — спрятать Ламми, а подумать можно и потом. Главное — увести его в такое место, куда не сумеет добраться этот старый паскудник Дрейзер.

Можно было сразу податься на запад, к горам, через лесистые холмы, ведь Ламмокс мог двигаться по пересеченной местности не хуже любого танка. Правда, и след от него оставался не хуже, чем от того танка. Поэтому приходилось двигаться по шоссе.

Эту проблему Джонни обдумал заранее. Совсем неподалеку проходил трансконтинентальный хайвэй, построенный в начале века. Дорога огибала Вествилл с юга и серпантином поднималась все выше и выше, к Большому перевалу, чтобы потом спуститься по другую сторону хребта. Давным-давно появилось современное силовое экспресс-шоссе, которому не приходилось карабкаться в

горы, для него построили туннели. Но старая дорога тоже никуда не исчезла. Заброшенная, местами заросшая — бетонные плиты перекосились от зимних морозов и летней жары,— она все же оставалась мощеной дорогой, на которой будут не так заметны следы от могучих ног Ламмокса.

Джонни вел Ламмокса задворками, далеко обходя дома. В трех милях к западу от дома Стюартов новое шоссе пряталось в первом из туннелей, отсюда же старое шоссе начинало свой подъем к перевалу. В сотне ярдов от их развилки Джонни остановил Ламмокса возле незастроенного участка, строго велел ему никуда не двигаться, а сам отправился на разведку. Можно было выйти на старую дорогу, пройдя немного по экспресс-шоссе, но Джонни не хотел рисковать — вдруг попадешься кому-нибудь на глаза, да и Ламмокса опасно долго оставлять одного.

Ему смутно припоминалось, что где-то должен быть другой путь, и вскоре он его отыскал. Вспомогательная дорога для подъезда ремонтных бригад огибала развилку и поднималась к старому шоссе. Дорога была немощеной, но и на гранитной щебенке, которая ее покрывала, вряд ли будут заметны следы. Джон Томас вернулся к Ламмоксу; тот задумчиво жевал жестяной плакат «Продается».

Обругав зверя последними словами, он хотел уже отобрать у него остатки плаката, но, передумав, вернул: не стоило оставлять таких явных следов. Не дожидаясь, пока тот дожует жестянку, Джон Томас велел ему трогаться.

И только оказавшись на старом шоссе, он дал себе немного расслабиться. Первые мили дороги находились в приличном состоянии, на этом участке были подъезды к домам, стоявшим в глубине каньона. К счастью, в такой час машин на дороге не было. Пару раз над головой пролетали вертолеты; видно, кто-то возвращался из гостей или театра. Даже если пассажиры этих машин и заметили внизу огромного зверя, то не подали виду.

Дорога, петляя, поднималась вверх по каньону и скоро вышла на плоскогорье. Тут ее пересекал барьер с надписью: «Дорога закрыта. Проезд запрещен». Джонни слез и осмотрел неожиданное препятствие. Состоял барьер из одного-единственного, правда толстого, бревна, укрепленного на высоте груди.

— Ламми, сможешь перешагнуть его, не задев?

— Конечно, Джонни.

— Тогда давай. Только не спеши. Ни в коем случае не сбей его, даже не дотрагивайся.

— Я сумею, Джонни.— И Ламмокс сумел. Он не стал бревно перешагивать, он над ним проскользнул, поочередно втягивая в себя одну пару ног за другой.

Джонни пролез под бревном и догнал друга.

— Я не знал, что ты так умеешь.

— И я не знал.

Дальше дорога была вся перекорежена. Джонни остановил Ламмокса, крепко привязал к его спине мешок с припасами, а потом подумал и привязался сам.

— Ну ладно, Ламми, теперь давай побыстрее. Только не иди галопом, я ведь и свалиться могу.

— Держись, Джонни! — Ламмокс перешел на быструю рысь. Бежал он гораздо плавнее лошади, все-таки восемь ног это вам не четыре. Джонни только сейчас осознал, насколько устал. Когда дома, людные дороги, а главное, сами люди остались далеко позади, у него появилось ощущение некоторой безопасности, а вместе с ним пришла и усталость. Легкое покачивание и мирный топот огромных ног убаюкивали, как дождь по крыше. Он откинулся назад; «спинка» сиденья сразу приняла форму его тела. Через несколько минут Джонни уже спал.

Хотя дорога стала очень плохой, Ламмокс не споткнулся ни разу; он перешел на ночное зрение и двигался уверенно, словно днем. Он боялся разбудить мальчика и бежал очень плавно. Постепенно однообразие дороги его утомило: Ламмокс решил, что тоже может поспать. Все эти ночи, проведенные им вне дома, он почти не заснул — было неуютно лежать и думать, что Джонни сейчас неизвестно где; к тому же посторонние люди обязательно досаждали какими-нибудь глупостями. Ламмокс поднял сторожевой глаз, закрыл остальные глаза и передал управление телом вторичному мозгу, располагавшемуся у него в области зада. Такую примитивную задачу — следить за дорогой и за ровным бегом восьми неутомимых ног — можно было доверить и этой крохотной, вечно бодрствующей частичке сознания. Ламмокс уснул.

Когда Джон Томас проснулся, уже светало. Он потянулся, разминая затекшее тело. Со всех сторон их окружали горы. Дорога

взбиралась по склону; слева от нее каменная стена уходила куда-то вверх, справа такая же отвесная стена круто падала вниз, а там, внизу, петляла едва различимая нитка ручья. Джонни выпрямился.

— Эй, Ламми!

Ответа не было. Он крикнул снова. На этот раз Ламмокс сонно пропищал:

— Что такое, Джонни?

— Ты же спишь,— в голосе Джона Томаса был слышен упрек.

— Ты не говорил, что не надо спать.

— Но ведь... ладно, проехали. А мы на той же самой дороге?

Ламмокс мгновение помедлил, справляясь у второго мозга.

— Конечно. А ты хотел на другую?

— Нет. Но теперь нам нужно сойти с дороги. Уже светает.

— Почему сойти?

Джон Томас не знал, что ответить. Объяснять Ламмоксу, что тот приговорен к смерти и поэтому должен прятаться, как-то не хотелось.

— Потому. Раз говорю, значит, нужно. Но пока двигай дальше. Я тебе скажу, когда надо.

Дорога уходила все вверх и вверх, но русло ручья под обрывом поднималось в гору значительно круче; через милю с небольшим он уже бежал рядом с дорогой, ниже ее на каких-нибудь несколько футов. Вскоре они добрались до широкой площадки, усыпанной валунами; ручей делил ее примерно посередине.

— Стоп! — крикнул Джонни.

— Завтракать?

— Нет еще. Видишь камни внизу?

— Да.

— Сейчас тебе надо будет шагнуть как можно дальше, прямо на эти камни. Только не вздумай дотрагиваться лапами до края дороги, где земля. С бетона прямо на камни. Ясно?

— Это что, не оставлять следов? — в голосе Ламмокса звучало некоторое недоумение.

— Вот-вот. Если кто-нибудь сюда заявится и увидит следы, тебя опять уведут в город — они пойдут по следам и найдут нас. Понятно?

— Следов не будет, Джонни.

Ламмокс высоко поднял переднюю часть своего туловища и шагнул подобно огромному червяку-землемеру прямо на валуны.

От неожиданности Джон даже вскрикнул, вцепившись в веревку и мешок с припасами.

Ламмокс остановился.

— Ты в порядке, Джонни?

— В порядке. Я просто не ожидал. Теперь вверх по ручью; ступай только на камни.

Пройдя немного вдоль ручья, они отыскали удобный брод и продолжили свой путь по другому берегу. Ручей уходил вбок; вскоре они оказались в нескольких сотнях ярдов от дороги. Уже рассвело, и окажись в воздухе вертолет, их было бы видно как на ладони. Правда, Джон Томас не думал, чтобы тревогу подняли так быстро.

Еще немного вверх по течению к самому берегу ручья спускалась довольно густая сосновая рощица. Вряд ли она могла полностью укрыть Ламмокса, однако он может затаиться среди деревьев, притворясь здоровенным валуном. Получится это или нет — времени на поиски лучшего места все равно не оставалось.

— А теперь, Лам, вверх и под эти деревья. Только ступай осторожнее, не обвали берег.

Они углубились в рощу и остановились; Джонни спрыгнул на землю. Ламмокс сразу же отломил сосновую ветку и начал ее жевать. Только тут Джон Томас вспомнил, что и сам давно ничего не ел. Впрочем есть не хотелось, хотелось спать. Хотелось уснуть по-настоящему, а не так — в полудреме цепляться на ходу за веревку.

Но спать он боялся; если этого дурацкого крокодила оставить одного без присмотра, он будет щипать свою травку и обязательно вылезет на открытое место. Тут-то его и увидят.

— Ламми? Давай поспим перед завтраком.

— Зачем?

— Понимаешь, Джонни очень устал. Ты ложись здесь, а я разверну спальник у тебя под боком. А поедим потом, когда выспимся.

— Не надо есть, пока ты не проснешься?

— Все-то ты понимаешь.

— Ну... ладно.— В голосе Ламмокса звучало явное сожаление.

Джон Томас вытащил спальник из кармана, раскрыл его и подключил к батарейке. Затем установил термореле, включил обогрев и начал надувать матрас. Работа оказалась неожиданно трудной — легким Джонни не доставало воздуха; видимо, они забрались

довольно высоко. Надув матрас только наполовину, он бросил это занятие, догола разделся, дрожа от холода, торопливо нырнул в спальник и застегнул его, оставив лишь дырочку для носа.

— Ламми, спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Джонни.

Спал мистер Кику плохо и поднялся рано. Жену он будить не стал, позавтракал и сразу отправился в Министерство. В огромном здании не было никого, кроме ночных дежурных. Мистер Кику сел за стол и попытался привести свои мысли в порядок.

Пропущена какая-то очень важная деталь — это ощущение не покидало его всю ночь. Мистер Кику относился к своему подсознанию больше чем с уважением, он придерживался теории, что серьезная мыслительная работа никогда не происходит в сознании. Сознание — это нечто вроде экрана, на котором появляются результаты, полученные где-то в другом месте, как цифры в «окошечке» калькулятора.

Что-то такое, сказанное Гринбергом... вроде бы рарджиллианец считает, что эти самые хрошии даже на одном корабле представляют серьезную угрозу для Земли. Мистер Кику решил, что все это чушь, неуклюжая попытка змееволосого красавчика блефовать при плохих картах. Да хоть бы и так, теперь-то какая разница? Ведь переговоры практически завершены: осталось только установить с хрошии постоянные отношения.

Но подсознание говорило: пропущено нечто очень важное.

Он наклонился к столу и вызвал ночного дежурного по связи.

— Это Кику. Позвоните в отель «Универсаль». Там остановился один рарджиллианец, доктор Фтаемл. Свяжите его со мной, как только он закажет завтрак. Нет, не раньше, будить не надо, человек имеет право отдохнуть.

Сделав единственное, что он мог сейчас сделать, мистер Кику, чтобы хоть как-то успокоиться, набросился на работу — принялся за расчистку завала в корзине для входящих. Корзина уже опустела — впервые за многие дни,— и в здании Министерства появились редкие ранние пташки, когда на коммуникаторе замигала красная лампочка.

— Кику слушает.

— Сэр,— озабоченно сказало лицо, появившееся на экране.— Относительно этого звонка в «Универсаль». Доктор Фтаемл не заказал завтрак.

— Значит, малость заспался. Его право.

— Нет, сэр. Я хотел сказать, доктор Фтаемл не стал заказывать завтрак. Он находится сейчас в дороге. Направляется в космопорт.

— Когда он уехал?

— Минут пять-десять тому назад. Я только что узнал.

— Хорошо. Позвоните в порт и скажите, чтобы они не давали разрешения на взлет, и пускай там до них дойдет, что дело связано с дипломатией, пусть придумают что-нибудь, а не просто аннулируют разрешение и опять завалятся спать. Потом свяжитесь с доктором Фтаемлом, передайте ему мой привет, наилучшие пожелания и просьбу — не будет ли он любезен подождать меня несколько минут. Я выезжаю.

— Есть, сэр.

— И еще. Ваша фамилия, кажется, Знедов? Сейчас как раз нужно будет аттестовать вас по эффективности вашей работы. Так вот, когда покончите со всеми другими делами, заполните сами аттестационный бланк, оцените свою работу. Мне интересно, какое у вас мнение о себе.

— Есть, сэр.

Мистер Кику переключился на транспортную группу.

— Это Кику. Я улетаю в космопорт, прямо сейчас, как только поднимусь на крышу. Обеспечьте «Стрелу» с полицейским эскортом.

— Есть, сэр.

По дороге мистер Кику остановился только один раз, чтобы сказать секретарше, куда он отправляется, а затем вошел в свой личный лифт.

Доктор Фтаемл задумчиво прогуливался перед зданием космопорта и, глядя на корабли, делал вид, что курит сигару. Мистер Кику подошел и поклонился.

— Доброе утро, доктор. С вашей стороны было крайне любезно дождаться меня.

Рарджиллианец отбросил сигару.

— Это мне оказана честь, сэр. Внимание человека столь высокого положения, чье время воистину драгоценно...— Он «пожал плечами», выразив удивление и удовольствие.

— Я не задержу вас. Однако я обещал себе удовольствие беседы с вами, не зная о ваших намерениях отбыть прямо сегодня.

— Это моя вина, мистер заместитель министра. Я собирался быстро смотаться туда и обратно, а затем сегодня же вечером доставить тебе радость встречи с вами.

— Прекрасно. Ну что же, вполне возможно, что к завтрашнему дню у меня появится возможность предложить взаимоприемлемое решение нашей задачи.

— Взаимоприемлемое? — В голосе Фтаемла звучало явное сомнение.

— Я надеюсь. Данные, предоставленные вами вчера, дали нам новый ключ.

— Должен ли я понимать, что вы и вправду нашли пропавшую хрошиа?

— Возможно, вам знакома сказка о гадком утенке?

— Гадкий утенок? — Похоже было, что рарджиллианец торопливо роется в памяти.— Да, я знаю эту идиому.

— Мистер Гринберг, опираясь на ваши данные, прямо этой ночью отправился, чтобы привезти сюда гадкого утенка. Если, по счастливой случайности, окажется, что это и есть лебедь, которого мы ищем, тогда...— Мистер Кику пожал плечами, бессознательно повторяя жест Фтаемла.

Было видно, что рарджиллианец верит сказанному с большим трудом.

— А этот... это действительно «лебедь», мистер заместитель министра?

— Увидим. Логика говорит, что скорее всего — да, но теория вероятностей утверждает, что этого просто не может быть.

— М-м-м... И могу я сообщить об этом своим клиентам?

— Я думаю, что лучше подождать вестей от мистера Гринберга. Он улетел из столицы, чтобы лично произвести расследование. Я смогу связаться с вами через аппаратуру вашего шаттла?

— Конечно, сэр.

— Э-э,... доктор... еще одна вещь.

— Да, сэр?

— Прошлой ночью, разговаривая с мистером Гринбергом, вы обронили странное замечание. Вероятно, это была шутка, а может быть — оговорка. Что-то насчет того, что Земля может «испариться».

Рарджиллианец ответил не сразу, а когда ответил — то вовсе не на заданный вопрос.

— Скажите мне, сэр, на каком основании логика говорит, что ваш «гадкий утенок» — это тот самый «лебедь»?

Мистер Кику сформулировал ответ очень тщательно и осторожно.

— Как раз в тот период времени, который зафиксирован в ваших данных, один из земных кораблей посетил некую планету. Вполне возможно, что хрошии как раз и являются доминирующей расой этой планеты; точно сказать нельзя, точно мы знаем только время полета и совершенно не знаем, куда они тогда попали. Некий живой организм был взят с этой планеты и привезен на Землю. Прошло более ста двадцати лет, но это существо еще живо; мистер Гринберг отправился, чтобы доставить его сюда. После этого ваши доверители смогут сами посмотреть — то это существо или нет.

— Наверное, так оно и есть,— тихо сказал доктор Фтаемл.— Я не верил сначала, но так оно, вероятно, и есть .— Следующие свои слова он произнес уже громко и очень веселым голосом.— Если бы вы знали, сэр, какая это для меня радость!

— Да?

— Огромная радость. Кроме того, теперь я могу говорить с вами вполне откровенно.

— Мы и раньше ничем не ограничивали вашу откровенность, доктор. Конечно, я не знаю, какие инструкции дали вам ваши доверители...

— Они ни в малейшей степени не связывали меня. Но... Вы понимаете, сэр, что в речи каждой расы неявным образом отражаются ее обычаи?

— У меня очень часто бывают случаи, наводящие на такую мысль,— сухо ответил мистер Кику.

— Конечно же. Так вот, если вы пришли к другу в больницу и знаете, что он умирает, знаете, что не можете ничем ему помочь, станете вы говорить с ним про то, что он обречен?

— Нет. Если только он сам не заговорит об этом.

— Вот именно! И когда я беседовал с вами и мистером Гринбергом, я поневоле был связан этим вашим обычаем.

— Доктор Фтаемл,— медленно произнес мистер Кику,— давайте будем откровенны. Неужели вы думаете, я поверю, что один-единственный чужой корабль может причинить серьезный ущерб этой планете с ее очень серьезными системами защиты?

— Я буду откровенен, сэр. Если хрошии в какой-то момент решат, что, в результате действий этой планеты или даже какого-либо одного ее представителя, эта хрошиа погибла или безвозвратно пропала, они не станут причинять ущерб Земле, они ее уничтожат.

— Силами одного этого корабля?

— Безо всякой посторонней помощи.

— Доктор,— покачал головой мистер Кику,— мне ясно, что вы сами в этом вполне уверены. А вот я — не уверен. Вам незнакомы высокий уровень и плотность систем защиты нашей планеты, главной планеты Федерации. Но, если хрошии сморозят какую-нибудь глупость, они быстро познакомятся с нашими зубами.

На лице Фтаемла отразилось явное сострадание.

— Я знаю множество языков различных цивилизаций, однако ни в одном из них не могу найти слов, чтобы убедить вас. Но поверьте мне, все земное оружие против них — это как булыжники против ваших боевых кораблей.

— Увидим. Или, точнее,— не увидим, к счастью. Я не люблю оружие, доктор, применение оружия — свидетельство слабости дипломатии. Вы сказали им, что Федерация охотно примет их в Сообщество Цивилизаций?

— Я с очень большими трудностями сумел объяснить им суть вашего предложения.

— Они настолько воинственны?

— Они вообще не воинственны. Как бы это объяснить? Вот вы воинственны, когда ударяете... расшибаете... давите... вот, вот — давите мух? Хрошии практически бессмертны, если подходить с вашими или даже моими мерками. Они настолько неуязвимы для всех обычных опасностей, что имеют склонность смотреть... как там ваша идиома?.. олимпийские... они смотрят на нас сверху вниз со своих олимпийских высот. Они не могут понять, для чего им поддерживать какие-либо отношения с низшими расами. По этой причине ваше предложение не было принято всерьез, хотя, поверьте мне, я его подробно изложил.

— Создается впечатление, что они какие-то недоумки,— кисло сказал Кику.

— Ни в коем случае, сэр. Они очень точно оценивают и вашу и мою расу. Они знают, что любая цивилизация, освоившая межзвездные путешествия, обладает хотя бы небольшими техническими

способностями. Они знают, что вы, будучи одной из таких цивилизаций, считаете себя очень сильными. Поэтому они подумывают устроить демонстрацию силы, чтобы получше убедить вас вернуть им эту хрошиа; с их точки зрения это будет что-то вроде легкого удара кнута для непонятливого быка, указание, которое он поймет при всей своей тупости.

— Да-а... А вы знаете, в чем должна состоять эта демонстрация?

— Знаю. Я как раз и лечу сейчас к ним, чтобы уговорить их повременить. Они намерены слегка тронуть поверхность вашего спутника, оставить на нем раскаленную полосу длиною с тысячу миль, чтобы вы окончательно поверили, что они... как это... «не треплются».

— Не очень-то впечатляет. Мы можем отдать приказ своему флоту и сделать то же самое. Хотя, конечно, не станем.

— А можете вы сделать это силами одного корабля, за несколько секунд, без малейшего напряжения сил, с расстояния в четверть миллиона миль?

— А вы думаете, они могут?

— Я не думаю, а знаю. И это будет просто маленькая демонстрация. Мистер заместитель министра, в их части Галактики есть новые звезды, которые не являются случайным капризом природы.

Мистер Кику ответил не сразу. Если слова Фтаемла — правда, подобная демонстрация была вполне в его интересах: хрошии покажут всем свою силу. Несколько никому не нужных лунных гор — не велика потеря. Вот только будет трудно успеть вывести из этого района тех немногих, которые там живут.

— А вы сказали им, что Луна обитаема?

— Хрошиа там не находятся, а остальное их не волнует.

— Хм... да, пожалуй. Доктор, а вы могли бы им сообщить, что, во-первых, их хрошиа, вероятно, найдется с минуты на минуту, а во-вторых, что эта хрошиа вполне может оказаться где-нибудь на Луне и именно поэтому поиски так затянулись?

Рот рарджиллианца растянулся в широкую, чисто человеческую улыбку.

— Сэр, я преклоняюсь перед вами. С огромной радостью передам оба ваших сообщения. Я уверен, что демонстрации силы не будет.

— Всего хорошего, доктор. Я буду поддерживать связь.

— Всего хорошего, сэр.

По пути в Министерство мистер Кику вдруг осознал, что не испытывал ни ужаса, ни отвращения в присутствии горгоноида. Вид у него, конечно, жутковатый, а так — вполне приятный парень. Хороший все-таки гипнотизер доктор Морган.

Корзина была переполнена, как всегда; мистер Кику, счастливый, погрузился в работу, выкинув из головы всех хрошии и все, с ними связанное. Поближе к вечеру ему сообщили из центра связи, что с ним хочет поговорить мистер Гринберг.

— Соедините его,— сказал мистер Кику, ощущая, что вот сейчас-то все и встанет на место.

— Шеф? — начал Гринберг.

— А? Да, Сергей. А чего это ты, словно в воду опущенный?

— Да вот размышляю, как я буду выглядеть в роли рядового Внешнего легиона.

— Слушай, не пудри мне мозги. Что случилось?

— Птичка улетела.

— Улетела? Куда?

— Знал бы я. Скорее всего на запад, там лесной заповедник.

— Чего же ты тогда зря тратишь время? Иди туда и ищи.

— Я знал, что вы так мне и скажите.— Гринберг вздохнул.— Понимаете, шеф, эту самую иголочку придется искать в стоге сена, занимающем свыше десяти миллионов акров, и там сплошь высокие деревья, высокие горы и хоть бы одна дорога. К тому же меня обогнал местный шеф правосудия, а с ним все его люди и половина людей шерифа. Он приказал стрелять на поражение, как только они увидят эту тварь, и назначил награду той машине, которая сумеет ее пристрелить.

— Что-о?

— А вот то. Ваше утверждение судебного решения сюда пришло, а моя отмена — нет. Пропала. Куда — неизвестно. А здешний шеф полиции — древнее ископаемое с душой архивной крысы. Он тычет мне в нос этот приказ и слушать ничего не желает. Даже не разрешил мне связаться со всеми этими машинами на полицейской частоте. Мы ведь сами сняли свое участие в деле Ламмокса, и теперь у меня и на грош нет власти, чтобы его заставить.

— А ты, значит, взял и смирился? — едко спросил мистер Кику.— Ждешь, покуда вся эта история взорвется?

— Вроде того. Я звонил мэру, того нет в городе. Звонил губернатору, он на закрытом заседании большого жюри присяжных. Попробовал позвонить главному лесничему — лесничий скорее всего гоняется по горам в надежде заработать обещанное вознаграждение. Как только я кончу с вами говорить, то пойду и выверну руку идиоту полицейскому. Буду выворачивать до тех пор, пока у него голова не заработает, и он...

— Давно пора.

— За мной не заржавеет. Я звоню только для того, чтобы вы организовали поддержку из столицы.

— Ты ее получишь.

— Шеф, все это хорошо: дозвониться до губернатора, возобновить вмешательство Министерства, разобраться с этим придурочным полицейским и заставить его отозвать свою команду. Но десять миллионов акров горной местности! Потребуются люди, машины, много людей и машин. Одному мальчику с портфельчиком тут не справиться. Да и кроме того, я ведь записываюсь во Внешний легион.

— Запишемся вместе,— мрачно произнес Кику.— Хорошо, а теперь — двигай. Бегом.

— Приятно было с вами познакомиться.

Кончив разговор, мистер Кику развил поистине лихорадочную деятельность. Он отдал указание срочно возобновить вмешательство Министерства, послал экспресс-сообщение губернатору штата, другое — мэру Вествилла, еще одно — в местный городской суд. Закончив все это, он позволил себе несколько секунд отдохнуть, набираясь сил перед неизбежным. А потом отправился к министру, чтобы сообщить: необходима помощь военных властей Федерации.

10. ДЕНЕБИАНСКОЕ РЕШЕНИЕ

Проснувшись, Джон Томас не сразу понял, где находится. В спальнике было тепло, усталости больше не ощущалось, но и двигаться совсем не хотелось. Понемногу припомнилась прошлая ночь, и он высунул голову. Солнце стояло высоко, снаружи тоже было тепло. Неподалеку высилась громадная фигура Ламмокса.

— Привет, Ламми.

— Привет, Джонни. Ты очень долго спал. И сильно шумел.

— Действительно? — Джон Томас выполз наружу, натянул одежду и выключил обогрев спальника. Свернув его, он повернулся к Ламмоксу и застыл пораженный.— А это еще что такое?

Неподалеку от головы Ламмокса лежал мертвый гризли, крупный самец, фунтов на шестьсот. Он был раздавлен в лепешку, словно по нему проехался танк. Кровь, струями вытекавшая изо рта и ноздрей зверя, уже успела подсохнуть. Ламмокс посмотрел на медведя.

— Завтрак,— объяснил он.

Джон Томас с отвращением посмотрел на мертвую тушу.

— Если и завтрак, то не для меня, увольте. Где это ты его взял?

— Словил,— с дурацкой улыбкой ответил Ламмокс.

— Не словил, а поймал.

— Нет, правда. Он хотел подобраться к тебе, и я его словил.

— Ладно, хорошо. Спасибо.— Джон Томас еще раз посмотрел на медведя, отвернулся и полез в мешок за продуктами. Выбрав яичницу с ветчиной, он открыл банку и отставил ее в сторону, чтобы содержимое хорошенько прогрелось.

Ламмокс понял это как знак того, что и ему можно позавтракать. Так он и поступил: съев медведя, пару тонких сосенок, немного щебенки — для хрусткости, а на закуску — пустую консервную банку, оставшуюся у Джона Томаса. Потом они отправились к ручью, Джонни — впереди, чтобы осмотреть небо. Тем количеством воды, которым Ламмокс запил свой завтрак, можно было, пожалуй, наполнить небольшую ванну. Джонни попил из ручья, умылся и вытер руки о рубашку.

— Что теперь будем делать, Джонни? Пойдем гулять? А может, поймаем кого-нибудь?

— Нет. Мы вернемся в рощу и будем тихо лежать, пока не стемнеет. Тебе придется притвориться камнем.

— Ложись,— скомандовал Джонни, когда они оказались среди деревьев.— Мне нужно посмотреть на эти твои блямбы.

Когда ламмокс лег, опухоли оказались как раз на высоте лица его хозяина. Осмотрев их, Джонни забеспокоился еще больше. Они заметно выросли и стали какими-то неровными, шишковатыми. Джонни отчаянно припоминал свои более чем скромные познания в медицине, пытаясь решить, значит ли это, что опухоли злокаче-

ственные. Кожа на них натянулась и истончилась, теперь она совсем не напоминала броню, покрывавшую остальное тело. На ощупь кожа была сухая и горячая. Джонни осторожно помял левую опухоль; Ламмокс дернулся.

— Что, больно? — озабоченно спросил Джонни.

— Я не могу больше терпеть,— запищал Ламмокс. Он встал, подошел к большой сосне и стал о нее тереться.

— Ты что! — крикнул Джонни.— Не надо, ты себе повредишь.

— Не могу терпеть, жутко чешется.— Ламмокс продолжал тереться о ствол.

Джон Томас подбежал к зверю, намереваясь остановить его, и как раз в этот момент опухоль лопнула. Джонни в ужасе замер.

Оттуда появилось что-то темное, мокрое, извивающееся. Странный предмет зацепился за край лопнувшей кожи, немного помешкал, а потом вырвался на свободу. «Нечто» теперь свисало, раскачиваясь, со спины Ламмокса, словно с ветки змея. Какой-то чудовищный червяк-паразит прогрыз изнутри тело Ламмокса — единственное, что сумел придумать Джонни в первый момент. Он горько каялся, что заставил Ламмокса, такого больного, целую ночь лазить по этим горам.

Ламмокс весь передернулся и облегченно вздохнул.

— Ну вот,— сказал он.—Хорошо-то как.

— Ламмокс! Ты в порядке?

— Что? А почему нет?

— Почему? А эта штука?

— Какая? — Ламмокс обернулся и посмотрел на странный отросток.— А, ты про это...

Конец отростка раскрылся, словно бутон цветка. Только тут Джонни наконец понял, что произошло.

У Ламмокса выросла рука.

Рука быстро подсохла, посветлела и вроде бы стала тверже. Пока что она не очень слушалась Ламмокса, да и не очень его интересовала. Джон Томас понемногу рассмотрел, как эта рука устроена. У нее было два локтя и кисть с семью пальцами, из которых два, с одного края и с другого, напоминали человеческие большие пальцы, а средний, самый длинный, гнулся как угодно, словно резиновый. Эта

кисть совершенно не напоминала человеческую, однако не оставалось никаких сомнений, что она не менее практична, чем у людей, точнее, станет такой позднее; пока что пальцы только бессмысленно корчились.

Ламмокс дал Джонни тщательно осмотреть руку; сам он относился к ней до странности безразлично, словно отрастить руку — совсем обычное дело, которым он занимается каждый день после завтрака.

— Дай-ка я посмотрю на вторую штуку,— сказал Джонни и зашел с другого бока. Правая опухоль казалась еще более вздутой. Когда Джон Томас тронул ее, Ламмокс дернулся и пошел к дереву.

Намерения его были очевидны.

— Подожди! — крикнул Джонни.— Постой немного.

— Но мне же надо почесаться.

— Так ты можешь изуродовать себе руку. На всю жизнь. Стой спокойно, я попробую кое-что сделать.

Ламмокс угрюмо подчинился. Джонни вытащил нож и осторожно взрезал середину припухлости.

Разрез сразу стал расширяться, и оттуда буквально выпрыгнула правая рука Ламмокса. Джонни едва успел отскочить.

— Спасибо, Джонни.

— Рад служить, заходите еще.— Он спрятал нож в ножны, висевшие на ремне, и задумчиво уставился на новенькие, будто с иголочки, руки своего друга.

Он и представить себе не мог всего значения этого события, но понимал, что ситуация сильно изменилась. Вот только в какую сторону? Возможно, теперь не надо будет так много заботиться о Ламмоксе, он все будет делать сам. А с другой стороны, наоборот, теперь за ним — глаз да глаз, он и без рук-то всегда лезет, куда не надо. «Какое счастье, что у кошек нет рук»,— сказал кто-то однажды, а у Ламмокса любопытства на десять кошек хватит.

И еще у Джонни было ощущение, он сам не знал откуда оно пришло, что все эти проблемы — мелочь, ерунда. Руки Ламмокса имели какое-то другое, по-настоящему большое значение.

Как бы там ни было, с ненавистью подумал он, одна-то уж вещь меняется — это точно. Больше шеф Дрейзер до Ламми не доберется.

Джонни оглядывал небо сквозь просветы между деревьями. Интересно, видно ли нас сверху?

— Лам...

— Да, Джонни?

— Втяни-ка внутрь свои ноги. Самое время тебе притвориться булыжником.

— Зачем Джонни, пойдем лучше погуляем.

— Сегодня мы обязательно погуляем. Но пока не стемнеет, тебе надо оставаться здесь и не двигаться.

— Ну Джонни!

— Слушай, тебе, видно, хочется снова отправиться в город, да? А если не хочется — заткнись и не зуди.

— Ну, если ты так считаешь.— Ламмокс осел на землю. Джон Томас сел, прислонился к нему спиной и задумался.

Может, теперь они с Ламмоксом смогут зарабатывать на жизнь... на карнавалах или еще где. ВЗ-существа — любимый у публики аттракцион, без них не обходится ни один карнавал, хотя чаще всего они — откровенная липа. Возможно, он научится делать руками какие-нибудь трюки или играть на чем-нибудь. А еще лучше не карнавал, а цирк.

Нет, для Ламми все это не годится, он боится толпы. Так чем же они смогут зарабатывать себе на жизнь, когда кончится вся эта свистопляска с полицией? Может, стать фермером? Ламми посильнее любого трактора, а теперь, с руками, лучшего работника не придумаешь. Вот это, наверное, самый правильный вариант, хотя Джон Томас и не думал никогда стать фермером.

Джонни представил себе картину: вот они с Ламмоксом посреди огромного пшеничного поля, они сами вырастили эту пшеницу... и сено... и овощи. Он не понимал, что давно уже спит.

Разбудил его какой-то громкий треск. Открыв глаза, он огляделся. Ламмокс был рядом, на прежнем месте. Он усердно орудовал своими руками. Одна из них мелькнула возле его головы, что-то пронеслось в воздухе, раздался знакомый треск и небольшая осинка, стоявшая в нескольких десятках метров, упала на землю.

Она не была первой, еще несколько сваленных деревьев лежало рядом.

Джон Томас вскочил на ноги.

— Слушай, кончай это.

Ламмокс замер.

— А теперь-то в чем дело, Джонни? — в голосе его звучала обида. Рядом с ним лежала груда камней, один камень был у него в руке.

— Не швыряй камни в деревья.

— Но ведь ты сам так делаешь.

— Да, но я-то их не сшибаю. Ладно, когда ты деревья ешь, но зачем их вот так без дела ломать.

— Я съем. Я и собирался их съесть.

— Ну ладно.— Джонни огляделся. Уже стемнело, скоро можно будет двигаться дальше.— Давай, можешь ими поужинать. Ой, подожди секунду. Он осмотрел руки Ламмокса. Теперь они приняли тот же цвет, что и остальное его тело, на них начала появляться броня.

Но самым поразительным была их толщина, теперь они стали раза в два толще, чем сначала, примерно с бедро Джонни. Лоскутья кожи, оставшиеся от «опухолей», почти полностью отвалились. Джонни без труда оторвал последние.

— Ну, все. Объявляем перекус.

К тому времени, как Джон Томас приготовил свой немудреный ужин, Ламмокс прикончил все осины и был готов принять на десерт пустую консервную банку. Совсем стемнело; они направились к шоссе.

Вторая ночь была еще однообразнее первой. Чем выше они поднимались в горы, тем делалось все холоднее и холоднее. Джонни подключил батарейку спального мешка к своему походному костюму. Вскоре он согрелся и стал клевать носом.

— Лам, если я усну, разбуди меня, когда начнет светать.

— Хорошо, Джонни.— На всякий случай Ламмокс передал приказ второму своему мозгу. Холод его не беспокоил, тело звездного зверя поддерживало температуру гораздо эффективнее, чем это могло сделать термореле костюма мальчика.

Джон Томас дремал. Как только солнце озарило первые, самые высокие вершины, Ламмокс окликнул Джонни. Тот спал.

Проснувшись, Джонни сразу начал искать место, где можно сойти с шоссе и спрятаться. На этот раз место оказалось неудачным, с одной стороны — отвесная скала, с другой — головокружительная пропасть. Время шло, становилось все светлее и светлее; Джонни начало охватывать беспокойство.

Однако не оставалось ничего другого, кроме как двигаться вперед. Вдали на большой высоте прошел стартоплан, звук был слы-

шен, но саму машину было не разглядеть; оставалось только молить Бога, чтобы это не оказалась погоня. Еще через несколько минут, осматривая небо, Джонни заметил какую-то точку, он очень надеялся, что в воздухе не вертолет, а орел.

Но надежда была напрасной: летела не птица, а человек с ранцевым вертолетом.

— Стой, Ламмокс! Прижмись к обрыву и стой. Ты же просто лавина какая-то.

— Лавина, Джонни?

— Заткнись и делай, что сказано! — Ламмокс затих и прижался к обрыву. Джон Томас соскользнул на землю и спрятался за его головой, ожидая, пока человек пролетит мимо.

Но тот проворно развернулся и начал заходить на посадку. Джонни вздохнул с облегчением, увидев, что прямо на спину Ламмокса приземлилась не кто иная, как Бетти Соренсон.

— Привет, Ламми,— сказала она, а затем, уперев руки в бока, угрожающе повернулась к Джонни.

— Ну, я скажу, и хорошенькие у вас штучки! Смылись, не сказав мне ни слова.

— Я... собирался. Молоток, честное слово, я собирался. Просто не было никакой возможности. Прости, пожалуйста.

Притворная злость покинула лицо Бетти; она улыбнулась.

— Ладно, можешь не извиняться. После этого вашего побега ты сильно вырос в моих глазах, а то в последнее время... Одним словом, хоть что-то сделал. Понимаешь, Джонни, мне уже начало казаться, что ты совсем стал какой-то ватный и кто угодно может вертеть тобой, как захочет.

Джон Томас был слишком рад этой встрече, чтобы обидеться, и решил не спорить.

— Ну а... а как это ты сумела нас найти?

— Чего? Непрошибаемый, вы в бегах уже целых две ночи, а успели уйти всего лишь на один маленький перелет от города. Странно было бы, если б я вас не нашла.

— Хорошо, но как ты узнала, где нас искать?

Бетти пожала плечами.

— Старое правило: поставь себя на место осла и отправляйся туда, куда он решит пойти. Я знала, что ты двинешь по этой дороге,

так что я тронулась из города, как только стало хоть что-то видно и просмотрела ее от самого начала. Поэтому, если ты не хочешь, чтобы тебя сцапали через несколько минут, лучше мотать отсюда и где-нибудь затихариться. Пошли! Ламми, врубай свой движок.

Она подала Джонни руку, тот быстро забрался наверх, и живописная группа двинулась вперед.

— Я хотел сойти с дороги,— озабоченно объяснил Джонни,— но пока нет подходящего места.

— Ясно. Ну что ж, дорогие туристы, затаите дыхание, за этим поворотом вашим глазам откроется величественное зрелище водопада Адам-и-Ева. А чуть выше него можно будет сойти с дороги.

— Так вот, значит, мы где.

— Да,— Бетти наклонилась вперед, тщетно пытаясь увидеть, что там, за поворотом, и в этот самый момент впервые заметила руки Ламмокса. В страхе она вцепилась в Джона Томаса.— Джонни! На Ламми удав!

— Не говори глупостей, это просто его правая рука.

— Его что? Джонни, ты, наверное, малость не того.

— Успокойся и кончай за меня цепляться. Это руки. Помнишь опухоли — у него тогда росли руки.

— Опухоли... были руки? — Бетти вздохнула.— Я встала очень рано и не успела позавтракать. На голодный желудок трудно выдержать такие потрясения. Скажи ему, чтобы остановился, я хочу на них посмотреть.

— А как насчет затихариться?

— О! Да, вы правы. Вы всегда правы, Джонни, но только почему-то всегда слишком поздно.

— Не заводись. Вон водопад.

Чуть дальше водопада дно каньона поднялось до уровня шоссе. При первой же возможности Джон Томас свернул с дороги; место было очень похоже на вчерашнее. Спрятав Ламмокса под кронами деревьев, он почувствовал себя гораздо спокойнее. Пока Джонни занимался завтраком, Бетти взялась за осмотр новообретенных конечностей Ламмокса.

— Ламмокс,— в ее голосе была укоризна,— ты ничего не говорил про это мамочке.

— Ты же не спрашивала.

— Оправдания, на все у него есть оправдания. Ну и что ты можешь ими делать?

— Швырять камни. Джонни, можно я ей покажу?

— Нет! — поспешно сказал Джон Томас.— Бетти, тебе кофе с чем?

— Ни с чем,— рассеянно ответила Бетти и продолжила свой осмотр. У нее в голове вертелось что-то такое, связанное с этими руками, но что — хоть убей, не вспомнить. Бетти всегда считала, что ее мозг обязан действовать с точностью вычислительной машины, без всяких сбоев, и сейчас этот его отказ вспомнить нечто, по-видимому очень важное, крайне ее раздражал. Ну ладно, сперва позавтракаем.

После того как они скормили всю грязную посуду Ламмоксу, Бетти расслабленно откинулась на спину.

— Эй, трудный ребеночек, ты хоть представляешь себе, что там поднялось после вашего ухода?

— Думаю, шефа Дрейзера я достал.

— Уж не сомневайся. Но вполне мог бы положить его обратно на полку, тебе хватило бы остальных.

— Мистер Перкинс?

— Опять угадал. Давай еще.

— Конечно, мамочка.

— Конечно. То она оплакивает своего пропавшего сыночка, то громким голосом объявляет, что ты ей больше не сын.

— Да-а, на нее похоже,— Джонни было неловко.— Ну и ладно. Что я, не знал заранее, как они все забегают? Нужно же было что-то делать.

— Нужно, конечно нужно, мой дорогой Непрошибаемый, хотя в скобках заметим, что сделал ты все с легкостью и непринужденностью бегемота. Но я не про них.

— А?

— Джонни, в Джорджии есть поселок, называется Адриан. Он такой маленький, что там даже и полиции толком нет, один констебль. Ты не знаешь, случаем, как этот констебля зовут?

— Чего? Нет, конечно.

— Это плохо. Насколько я понимаю, этот констебль — единственный во всей стране полицейский, который тебя не ищет. Я поэтому и сорвалась с места, хотя ты и не стоишь того, чтобы о тебе беспокоиться. Ну как ты мог смыться, не сказав мне?

— Я уже извинялся!

— А я уже простила. Может, лет через десять я даже перестану тебе об этом напоминать.

— Я что-то не понял трепа насчет констебля. Чего это меня будут искать? Не считая, конечно, шефа Дрейзера.

— А того, что он объявил всеобщий розыск и назначил вознаграждение за Ламмокса — живого или мертвого. Предпочтительно мертвого. Серьезно, Джонни, без всяких шуточек. Так что, если у тебя и был какой-нибудь план, теперь его надо выбросить и придумать новый, получше. Что ты собираешься делать дальше? Или ты вообще об этом не думал?

— Ну...— Джон Томас побледнел и говорил медленно.— Ну, я собирался провести так еще ночь-другую, пока мы не найдем, где спрятаться.

Бетти покачала головой.

— Ничего не выйдет. Там, конечно, не такие гиганты мысли, но и они должны были уже догадаться, куда ты направился. Ведь это — единственное место, где можно спрятать такую махину, как Ламмокс. И тогда...

— Ну и что, мы уйдем с шоссе.

— Само собой. А они обшарят весь лес, каждое дерево. Я же говорю, что они взялись за дело всерьез.

— Ты можешь дать мне договорить? Ты знаешь заброшенную урановую шахту «Власть и слава»? Доходишь до перевала Мертвого Волка, а потом на север по проселку. Вот туда мы и идем. Там можно запросто спрятать Ламмокса, он поместится в главный туннель.

— Уже какие-то проблески здравого смысла. Но с такими силами они все равно нас найдут.

Бетти замолчала.

— И что тогда? Если шахта не годится, что нам делать? — неловко поерзав, спросил Джонни.

— Стихни, я думаю.— Она лежала неподвижно, глядя в темно-синее горное небо. Через некоторое время она сказала: — Сбежав, ты не решил ни одной проблемы.

— Нет... но я хотя бы разворошил весь муравейник.

— Да, это неплохо. Все надо иногда перетряхивать, чтобы дать доступ воздуху и свету. Но теперь у нас другая задача — чтобы пос-

ле перетряхивания все легло так, как нам нужно. А для этого необходимо время. Если разобраться, твоя мысль насчет шахты не так уж и плоха; пожалуй, сойдет, пока я не сумею устроить Ламмокса получше.

— А я не понимаю, почему ты вообще думаешь, что в шахте его найдут. Это же заброшенное место, темное, людей там не бывает. Как раз то, что надо.

— Вот потому-то они обязательно там будут искать. Ну, дьякона Дрейзера ты, может, и обманул бы; сомневаюсь, что он даже собственную шляпу найдет без ордера на обыск. Но он собрал воздушные силы размером примерно с армию; они точно найдут вас. Ты взял спальник и продукты, значит, прячешься под открытым небом. Я тебя нашла, они тоже найдут. Я нашла быстро потому, что знаю тебя, им придется решать все логически, это медленнее. Медленнее, но все равно приводит к правильному ответу. Они найдут тебя, и тогда Ламмоксу крышка. Теперь они будут бить наверняка... может быть, разбомбят его.

Джон Томас с ужасом представил себе такую перспективу.

— А какой тогда смысл прятать его в шахте?

— Просто, чтобы выиграть день-два, пока я приготовлю ему место.

— Чего?

— Да. Мы спрячем его в городе.

— У тебя что, горная болезнь?

— В городе и под крышей. Потому, что это — единственное место во всем мире, где его не станут искать. Может быть — в теплицах мистера Ито.

— Че-его? По-моему, с тобой все ясно.

— А ты можешь придумать место получше? С сыном мистера Ито совсем не трудно договориться; вчера мы с ним очень мило побеседовали. Я не высовывалась, глядела на него снизу вверх и не мешала его красноречию. Одна из теплиц подойдет почти идеально. Пожалуй, будет немного тесновато, но сейчас выбирать не приходится. Эти теплицы сделаны из матового стекла, ничего не видно, да никому и в голову не придет, что Ламмокс там.

— Не понимаю, как можно это организовать.

— Предоставь все мне. Если не договорюсь о теплице — а скорее всего я договорюсь,— тогда найду какой-нибудь пустой склад.

Пока мы засунем Ламми в шахту, потом я полечу домой и все устрою. Следующей ночью мы с Ламмоксом проберемся в город и...

— Чего? Сюда мы добрались за две ночи, и до шахты еще идти почти целую ночь. А ты говоришь, назад за одну ночь.

— А с какой скоростью он может двигаться, если постарается?

— Если Ламми пойдет галопом, никто на нем не усидит. Даже я.

— А никто и не собирается на нем сидеть. Я полечу сверху, буду задавать темп и показывать путь. Сколько потребуется, часа три? И еще час, чтобы прокрасться в теплицу.

— Ну... пожалуй, может, и получиться.

— Получится, раз нужно. А потом ты дашь им себя поймать.

— Это еще зачем? Почему мне просто не вернуться домой?

— Нет, их нужно сбить с толку. Они тебя ловят, и оказывается, что ты просто занимаешься любительскими поисками урана. Я прихвачу счетчик. Ты не знаешь, где Ламмокс; ты поцеловал его на прощанье и отпустил на волю, а потом отправился на эту шахту, чтобы отвлечься и забыть свои горести. Только постарайся, чтобы все звучало убедительно, и не в коем случае не соглашайся на измеритель истины.

— Да, но... Слушай, Молоток, а какой смысл? Не будет же Ламмокс сидеть в этой теплице до скончания века?

— Мы просто выигрываем время. Они готовы его убить, как только найдут, и они обязательно это сделают. Вот мы и спрячем его от греха подальше, пока не сможем изменить ситуацию.

— Нужно было продать его Музею,— с тоской произнес Джон Томас.

— Нет! Твой инстинкт, Джонни, сработал правильно, несмотря на то что в голове у тебя мозгов не больше, чем в перегоревшей лампочке. Ты помнишь денебианское решение?

— Решение, принятое судом Федерации на заседании в системе Денеба? У нас оно было в начальном курсе обычаев цивилизаций.

— Вот-вот. Можешь прочитать вслух?

— Ты что, контрольную мне устраиваешь? — Джон Томас нахмурился и покопался у себя в памяти.— Существа, обладающие речью и способностью к манипулированию, считаются разумными и имеющими все неотъемлимые права человека, если только не представлены достаточные доказательства обратного.— Джон Томас вскочил на ноги.

— Слушай! Они же не имеют права убивать Ламмокса — у него есть руки!

11. «СЛИШКОМ ПОЗДНО, ДЖОННИ»

— Не спеши, не спеши,— Бетти остудила его пыл.— Знаешь историю, как адвокат уверяет клиента, что уж за это-то его никак не могут посадить?

— За что — «за это»?

— Неважно. А клиент отвечает: «Послушайте, адвокат, а откуда, по-вашему, я звоню?» Денебианское решение — очень, конечно, мило, но все это только теория; сейчас нам надо убрать Ламмокса с глаз долой, пока не удастся заставить суд пересмотреть свое решение.

— Понимаю. Пожалуй, ты права.

— Я всегда права,— скромно согласилась Бетти.— Джонни, мне смертельно хочется пить, это всегда так, когда много думаешь. Ты принес воды из ручья?

— Нет.

— А ведро у тебя есть?

— Где-то было.— Он пошарил по карманам, вытащил ведро и надул.— Сейчас принесу.

— Я сама. Хочется размять ноги.

— Следи за воздухом.

— Не учите свою бабушку.— Бетти взяла ведро и спустилась с холма, стараясь как можно дольше не выходить из-под деревьев на открытое место. Ее стройная фигурка мелькала в потоках света, льющегося между кронами. Какая она хорошенькая, думал Джонни. Голова варит ничуть не хуже, чем у любого мужчины... Конечно, любит командовать, но ведь это есть у всех женщин. А так — ну просто молодец.

Бетти вернулась от ручья, осторожно неся пластиковое ведро.

— Угощайтесь,— предложила она.

— Давай, пей сама.

— А я попила из ручья.

— Ну ладно.— Джонни долго не отрывался от ведра.— А знаешь, Бетти, не будь у тебя ноги кривые, ты была бы совсем ничего.

— Это у кого ноги кривые?

— Ну и еще лицо. Если бы не эти два недостатка, ты бы...

Он не закончил фразу. Бетти бросилась вперед и ударила Джонни в живот. Вода окатила его с ног до головы; впрочем, кое-что

перепало и Бетти. Началась свалка, продолжавшаяся пока Джонни не завернул Бетти руку за спину.

— Скажи «дяденька, прости, пожалуйста».

— Ну, Джонни, я тебе еще покажу! Дяденька, прости!

— Прости, пожалуйста.

— Дяденька, прости, пожалуйста, я больше не буду. Отпусти меня.

— А никто тебя и не держит.

Джонни встал. Бетти перекатилась на бок, села, посмотрела на него и рассмеялась.

Оба они были грязные, перецарапанные, кое-где уже выступали синяки, но это не мешало им отлично себя чувствовать. Ламмокс наблюдал за схваткой с явным интересом, но без малейшей тревоги; Джонни и Бетти не могли по-взаправдашнему друг на друга сердиться.

— Джонни совсем промок,— прокомментировал происшедшее Ламмокс.

— Это точно, Ламми. Но одной воды из ведра не могло хватить на такое. Тут что-то еще.— Бетти осмотрела Джонни с головы до ног.— Жаль, не захватила с собой прищепки, а то повесила бы тебя на елку сушиться. За уши.

— Ничего, высохнем за пять минут, смотри, как тепло.

— Я-то не промокла, на мне летный комбинезон. А вот ты похож на мокрую курицу.

— Ну и пусть.— Он лег на землю, подобрал сосновую иголку и сунул ее в рот.— Мне здесь нравится, Молоток. Прямо не хочется и на шахту идти.

— А знаешь что, вот разберемся со всей этой ерундой, и если у нас останется время до начала занятий, вернемся сюда и поживем несколько дней. Ламмокса возьмем. Ты хочешь, Ламми?

— Конечно,— согласился Ламмокс.— Повеселимся. Будем ловить всяких там. Камни кидать.

— И чтобы весь город чесал про нас свои языки? — Джонни осуждающе посмотрел на Бетти.— Нет уж, спасибо.

— Вы только посмотрите, какие мы хорошие и порядочные. Сейчас-то мы здесь или где?

— Сейчас — это чрезвычайные обстоятельства.

— Репутацию свою, значит, бережешь!

— Кто-то ведь должен думать о таких вещах. Мама говорит, когда девочки перестают об этом беспокоиться, мальчикам самое время начать. Она говорит, что раньше все было совсем иначе.

— Конечно, было и опять будет. Это все по кругу крутится.— На лице Бетти появилась задумчивость.— Джонни, ты слишком много слушаешь свою мать.

— Наверное, да,— согласился он.

— Ты бы лучше бросил эту привычку. А то ни одна девушка не рискнет за тебя выйти.

— Это я так страхуюсь,— ухмыльнулся он.

Бетти покраснела и опустила глаза.

— Я не про себя говорю, мне-то ты и даром не нужен. Я с тобой няньчусь просто для тренировки.

Джонни решил бросить опасную тему.

— А правда,— сказал он,— если привыкнешь к чему-нибудь, очень трудно себя изменить. Вот у меня есть тетя — тетя Тесси, ты же ведь с ней знакома,— которая верит в астрологию.

— Не может быть!

— А вот и может. И разве она выглядит сумасшедшей? А она сумасшедшая, и с ней очень трудно общаться, ведь она начинает говорить про свою астрологию, а мама заставляет быть с ней вежливым. Если бы я мог просто сказать: тетя, у вас не все дома. Так нет! Мне приходится выслушивать весь этот бред и делать вид, что она — вполне здравомыслящий взрослый человек, отвечающий за себя. А ведь она и считать-то умеет только до десяти, а если дальше, то только на счетах.

— На счетах?

— Ну, штука такая вроде логарифмической линейки, только с шариками. А на логарифмической линейке она не смогла бы считать ни за любовь, ни за деньги. Так вот, ей просто нравится быть свихнутой, а я должен ей потакать.

— А ты не потакай,— неожиданно сказала Бетти.— Что бы там твоя мать ни говорила.

— Молоток, ты на меня вредно влияешь.

— Прости, Джонни,— с преувеличенной скромностью ответила Бетти. И добавила: — А я рассказывала тебе когда-нибудь, почему я ушла от своих родителей?

— Нет. Это твое дело.

— Конечно, мое. Но я, пожалуй, тебе расскажу, чтобы ты лучше меня понимал. Наклонись сюда.— Она ухватила его за ухо и начала шептать.

Джон Томас слушал, и лицо его постепенно менялось от изумления.

— Не может быть!

— Факт. Они даже не пытались спорить, так что мне поэтому и рассказывать никому не пришлось. Это-то и было причиной.

— Не понимаю, как ты могла такое терпеть.

— А я и не терпела. Я пошла в суд и развелась с ними, а потом взяла себе профессионального опекуна, у которого нет никаких диких идей. Но ты пойми, Джонни, я не затем сейчас здесь перед тобой наизнанку выворачиваюсь, чтобы у тебя варежка раскрылась. Наследственность — это еще не все. Я — это я. Я — личность. Ты — это не твои родители, не твоя мать, не твой отец. Просто ты малость поздновато начал соображать.— Она выпрямилась.— Вот и будь ты, Непрошибаемый, самим собой, и если хочешь уродовать свою жизнь — уродуй, ради Бога, но имей смелость делать это по своему собственному разумению, а не по чьей-то подсказке или примеру.

— Знаешь, Молоток, почему-то, когда ты говоришь такие вещи, они вполне разумно звучат.

— А я только разумные вещи и говорю. Как у тебя с провиантом? Есть хочется.

— Ты совсем, как Ламмокс. Мешок со жратвой вон там.

— Обед? — заинтересованно спросил Ламмокс, услыхав свое имя.

— Ну... Бетти, я не хочу, чтобы он ломал деревья, во всяком случае днем. Сколько им потребуется времени, чтобы меня выследить?

— Место тут, правда, много, но думаю, не больше трех дней.

— Ладно, я отложу еды дней на пять. Кто знает, как оно выйдет.— Джонни отобрал с десяток банок и отдал их Ламмоксу, не открывая; тому даже нравилось, что они становятся вдруг горячими, когда раскусишь. Он успел покончить с завтраком прежде, чем Бетти и Джонни взялись за свой.

После еды Джонни захотелось продолжить беседу.

— Бетти, так ты действительно думаешь, что...— он вдруг замолк и прислушался.— Ты что-нибудь слышишь?

Бетти прислушалась и кивнула.

— Какая скорость?

— Не больше двухсот.

Он кивнул.

— Значит, осматривают местность. Ламмокс! Пальцем не шевели!

— Не буду, Джонни. А почему нельзя шевелить пальцем?

— Делай, как велено.

— Не заводись ты так,— посоветовала Бетти.— Возможно, они просто разбивают местность на квадраты, чтобы потом осматривать их по очереди. И вполне возможно, что из-за деревьев они не смогут нащупать нас ни глазами, ни по приборам.— Однако она и сама выглядела обеспокоенно.— Все-таки жаль, что Ламми еще не в шахте. Если у кого-нибудь из них хватит ума осмотреть шоссе ночью, когда мы будем на нем, тут-то нам всем и крышка.

Но Джон Томас ее не слушал; весь устремившись вперед, он приложил к ушам сложенные рупором ладони.

— Тсс! — прошептал он.— Бетти, они возвращаются.

— Не психуй. Возможно, это просто еще одна линия сетки.

Однако еще не договорив, она поняла, что ошибается.

Рев двигателя стал сильнее, теперь он звучал прямо над их головами, превратившись в низкое гудение. Они запрокинули головы, но машина была высоко; к тому же деревья скрывали небо.

Неожиданно все вокруг осветила вспышка, столь яркая, что после нее даже яркий солнечный свет показался полумраком.

— Что это?— спросила в ужасе Бетти.

— Фотографировали со сверхвспышкой. Проверяют то, что рассмотрели в тот раз приборами.

Гудение опять превратилось в вой, потом снова сделалось тихим; последовала еще одна слепящая вспышка.

— Вот у них и стереоснимок,— рассудительно объяснил Джонни.— Раньше у них были только подозрения, теперь они нас и вправду увидят.

— Джонни, надо срочно убрать Ламмокса!

— Куда? Вывести на дорогу, и пусть они занимаются прицельным бомбометанием? Нет уж, у нас одна надежда, что они примут его за большой булыжник. Хорошо, что я велел ему не двигаться. И нам лучше не шевелиться, может, они еще улетят.

Но и эта последняя надежда быстро улетучилась. К первой машине, судя по звукам, одна за другой присоединились еще четыре.

— Эта зависла на юге от нас,— считал их Джонни.— Третья на севере. Теперь они делают заслон с запада. Ну вот, мы и в коробке, Молоток.

Бетти повернула к нему смертельно бледное лицо.

— Что же делать, Джонни?

— Что? Да ниче... нет, слушай, Бетти. Возьми свою леталку и беги вниз, к ручью. Пройди вдоль ручья подальше и лети себе восвояси. Только держись ближе к земле, пока не выйдешь из-под ихнего зонтика. Они не будут гоняться за тобой, ты им не нужна.

— А что ты будешь делать?

— Я? Останусь здесь.

— Тогда и я останусь.

— Чесала бы ты отсюда, Молоток,— нетерпеливо сказал Джонни.— Только под ногами путаешься.

— А ты сам-то что можешь сделать? У тебя даже нет ружья.

— Зато есть вот это,— мрачно ответил Джон Томас, потрогав висящий на поясе охотничий нож.— А Ламмокс может швырять камни.

Бетти изумленно уставилась на него, а затем дико расхохоталась.

— Чего? Он говорит — камни! Ну, Джонни, ты даешь.

— Голыми руками они нас не возьмут. Будь добра, мотай отсюда поскорее, и без тебя забот хватает.

— Нет!

— Слушай, Молоток, мне некогда с тобой спорить. Дуй со всех ног, и чтобы я тебя здесь больше не видел. А я останусь с Ламмоксом, это мое право. Он же мой.

Из глаз Бетти брызнули слезы.

— Зато ты — мой, олух ты непрошибаемый.

Джимми хотел что-то ответить, но не смог. Его щеки начали подергиваться, он с трудом сдерживал слезы. Было похоже, что даже Ламмокс, и тот чувствует себя неловко.

— В чем дело, Джонни? — пропищал он.

— А? — сдавленным голосом переспросил Джонни.— Ничего.— Он поднял руку и ободряюще похлопал своего друга.— Все в порядке, старик. Джонни с тобой. Все в порядке.

— Хорошо, Джонни.

— Да,— еле слышным голосом согласилась Бетти.— Все в порядке, Ламми.

— А это будет быстро, ведь правда, Джонни? — тихо сказала она Джону Томасу.— Мы ведь даже не почувствуем?

— Ну, думаю, да. Эй, ты чего? Давай-ка без всяких там штучек, ровно через полсекунды я двину тебе в поддых и скину с этой горушки. Тогда взрыв тебя не затронет.

— Слишком поздно, Джонни.— Бетти медленно, без страха и злости, покачала головой,— ты и сам это понимаешь. Не ругайся, просто возьми меня за руку.

— Но ...— он остановился.— Слышишь?

— Прилетели еще.

— Да. Похоже, они выстраиваются восьмиугольником. Чтобы мы уж точно никуда не смылись.

Ответить она не успела, неожиданно раздался оглушительный грохот. За грохотом послышался вой снижающейся машины; теперь ее стало видно, она зависла меньше чем в тысяче футов от земли. С неба прогремел голос:

— Стюарт! Джон Стюарт! Выходите на открытое место.

Джонни выхватил нож, закинул к небу лицо и крикнул:

— Вот иди сюда и попробуй меня взять!

— Скажи им, Джонни! — с сияющими глазами прошептала Бетти.— Мой Джонни.

Похоже, на них был нацелен с неба направленный микрофон, так как обладатель громового голоса сразу же ответил:

— Вы нам не нужны, и мы не хотим никому причинять вреда. Выходите.

Джонни швырнул вверх короткое грубое ругательство и добавил:

— Мы не выйдем.

— Джон Стюарт, последнее предупреждение,— прогремел глас небесный.— Выходите с пустыми руками. Мы пошлем за вами машину.

— Посылай, а мы, знаешь, что с ней сделаем? — прокричал в ответ Джонни и добавил хриплым шепотом, обращаясь уже к Ламмоксу:

— У тебя есть под рукой камни?

— Конечно. Бросать, Джонни?

— Пока не надо. Я скажу.

Голос молчал; ни одна машина к ним не приближалась. Вместо этого другая, не флагманская машина быстро спустилась и зависла футах в ста в стороне от них и примерно на таком же расстоянии от верхушек сосен. Затем она медленно, почти ползком, стала описывать круг.

И тогда они услышали раздирающий уши треск; один из лесных великанов повалился на землю, следом за ним — другой. Подобно огромной невидимой руке луч дра̀г-поля, направляемый с машины, сбивал деревья и сметал их в сторону. Вокруг беглецов образовалась широкая просека.

— Зачем они это делают? — прошептала Бэтти.

— Это машина лесной пожарной службы. Они нас отрезают.

— Зачем? Почему им сразу с нами не покончить? — Бэтти вся дрожала, Джонни обнял ее за плечи.

— Не знаю, Молоток. Спроси у них.

Завершив круг, машина развернулась в их сторону и словно присела перед прыжком. С выверенной осторожностью дантиста, вырывающего больной зуб, оператор выдрал лучом одно из деревьев. Выдрал с корнем и отшвырнул его в сторону. Затем вырвал еще одно, и еще. Постепенно он прорубал широкую дорогу к тому месту, где затаились Джонни и Ламмокс.

А те ничего не могли сделать, только ждать. Наконец было вырвано последнее дерево, закрывавшее беглецов; отбрасывая его, луч задел их краем. Бэтти и Джонни едва удержались на ногах, Ламмокс от ужаса завизжал. Джон Томас, сам еще не совсем пришедший в себя, ободряюще похлопал по огромному боку.

— Спокойно, малыш. Джонни с тобой.

Он подумал, может им отступить со свежевырубленной просеки в глубь леса? Но похоже, в этом не было смысла.

Машина, валившая лес, куда-то ушла; ее место заняла боевая. Она буквально свалилась с неба и коснулась земли в дальнем конце просеки.

— Давай, Ламмокс,— судорожно сглотнув, сказал Джонни.— Бей по всему, что появится из этой машины. Поглядим, попадешь ты или нет.

— Запросто, Джонни! — Ламмокс протянул обе руки к куче боеприпасов.

Но взять их так и не смог. Джону Томасу показалось, будто его залили по самую грудь жидким бетоном; Бетти вскрикнула, Ламмокс взвизгнул. Затем он пропищал:

— Джонни, камни прилипли.

— Все в порядке, парень,— с трудом произнес Джон Томас. Не сопротивляйся. Стой спокойно. Бетти, ты цела?

— Не могу дышать!

— Не сопротивляйся. Вот они нас и сцапали.

Из люка машины одна за другой быстро вывалились восемь фигур. С головы до ног покрытые тяжелой металлической кольчугой, они очень мало походили на людей. Голову каждого из солдат покрывал странного вида шлем, напоминающий фехтовальную маску; за плечами у них торчали неуклюжие горбы-компенсаторы иммобилизующего поля. Двумя шеренгами солдаты уверенно двигались к просеке; попав в зону поля, они слегка замедлили ход; засверкали искры, и вокруг каждого из них образовалось фиолетовое сияние. Но они не останавливались.

У второй четверки был большой цилиндр из металлической сетки, высотой в рост человека и такого же диаметра. Они с легкостью несли его на поднятых вверх руках. Лидер группы крикнул:

— Обходите зверюгу подальше. Сначала уберем отсюда этих детишек, а потом разберемся с ним.— Голос его звучал на удивление весело.

Взвод приблизился к завязшим, как мухи в сиропе, беглецам и зашел сбоку, подальше от Ламмокса.

— Полегче! Берите сразу обоих! — скомандовал офицер.

Бетти и Джона Томаса медленно накрыли круглой клеткой, потом офицер просунул руку внутрь, чем-то щелкнул, от клетки полетели во все стороны искры, и она плотно встала на землю.

Офицер повернулся к ним докрасна загорелым лицом:

— Ну как, приятно выбраться из этой патоки? То-то же.

Джонни с ненавистью взглянул на офицера и ответил залпом ругательств. Подбородок его дрожал, он пытался растереть свои сведенные судорогой ноги.

— Ну, ну,— успокаивающе ответил офицер.— Зачем же так. Вы сами нас заставили.— Он посмотрел на Ламмокса.— Господи! Вот это зверюга! Не хотел бы я встретить его ночью в темном переулке.

Джонни почувствовал, что по лицу его текут слезы, и не мог их остановить.

— Ну, давайте, скорее! — крикнул он. Голос ему отказывал.— Кончайте.

— А?

— Он не хотел ничего плохого. Так что хоть убейте его побыстрее, не надо с ним играть в кошки-мышки.— Тут Джону Томасу отказали последние остатки выдержки; он закрыл лицо руками и начал громко всхлипывать. Бэтти положила руки ему на плечи, она тоже заплакала.

На лице офицера появились удивление и озабоченность.

— Ты про что это, сынок? Мы не собираемся с ним ничего делать. У нас есть приказ — доставить его без единой царапинки, хотя бы он нас самих всех перебил. Ты можешь представить себе такой идиотский приказ?

12. ПИДЖИ-ВИДЖИ И ПРОЧИЕ

Мистер Кику пребывал в отличном настроении. Завтрак не стоял неудобным, болезненным комом в желудке, незачем было копаться в ящике с таблетками, не возникало даже желания вытащить на свет божий заветные проспекты торговцев африканской недвижимостью. Трехсторонняя конференция шла как по маслу; делегаты Марса, и те начинали говорить что-то осмысленное. Совершенно игнорируя многочисленные желтые огоньки, горевшие на столе, он начал напевать «Фрэнки и Джонни».

Мистер Кику обладал довольно приятным баритоном, однако слух у него отсутствовал начисто.

Но самой главной причиной его радости было то, что приближалась к благополучному завершению вся эта дурацкая катавасия с хрошии. Старина Фтаемл, похоже, думает, что появились даже некоторые шансы установить дипломатические отношения, настолько эти крокодилы обрадовались скорому возвращению своей красотки.

А установить отношения с такой могущественной расой, как хрошии, крайне важно. С ними обязательно надо быть союзниками, хотя на это может уйти много времени. А может, и не так много;

восторг этих тварей при виде Ламмокса граничил едва ли не с идолопоклонством.

Теперь, оглядываясь назад, понятно, почему они с Гринбергом были сбиты с толку. Ну кому могло прийти в голову, что существо величиной с дом — ребенок? Или что представители этой расы обзаводятся руками не от рождения, а только в том возрасте, когда могут ими пользоваться? А уж если на то пошло, чего ради Ламмокс так вымахал по сравнению с другими соплеменниками? Эти размеры обманули Гринберга и его самого не меньше, чем все остальное. Интересный момент, надо будет сказать ксенологам, чтобы занялись этим.

Да ладно, дело прошлое. Сейчас этот Ламмокс... или эта... уже спокойненько направляется на их корабль. Без шума, никакой прессы, без особых церемоний; главное — опасность миновала. Интересно, они и вправду могли испарить Землю? Слава Богу, не пришлось проверить. Все хорошо, что хорошо кончается. Мистер Кику снова запел.

На столе тревожно замигала красная лампочка, и последние строчки он допевал уже в появившееся на экране лицо Гринберга.

Фрэнки верна была Джонни,
Как звезды, что смотрят с небес.

— Сергей, ты можешь петь тенором?

— А какая вам, собственно, разница, босс? Все равно мотив совсем не такой.

— Ты мне просто завидуешь. Чего тебе, сынок? Помахал им ручкой?

— М-м-м... Босс, тут есть небольшая закавыка. Со мной доктор Фтаемл. Примете нас?

— А в чем дело?

— Подождите немного, мы вам все расскажем. В одном из конференц-залов?

— Идите прямо в кабинет,— мрачно ответил мистер Кику, отключил связь, вынул из стола таблетку и запустил ее в рот.

Гринберг с горгоноидом появились через несколько секунд; Гринберг обессиленно плюхнулся в кресло, вытащил сигарету, покопался

в карманах и снова ее спрятал. Мистер Кику официально поздоровался с Фтаемлом и, обращаясь к Гринбергу, спросил:

— Ну так?

— Ламмокс не улетел.

— Как это?

— Отказался. Остальные хрошии бегают, словно муравьи. Я сохранил заграждения; часть порта, примыкающая к их космической шлюпке, полностью блокирована. Надо что-то делать.

— Чего это ради? Ситуация, конечно, неожиданная, но мы не несем за нее никакой ответственности. А почему он отказался?

— Понимаете.— Гринберг с безнадежностью на лице перевел взгляд на Фтаемла.

— Позвольте мне объяснить вам, сэр,— вежливо произнес рарджиллианец.— Эта хрошиа отказывается подняться на борт шлюпки без своего питомца?

— Питомец?

— Мальчишка, босс. Джон Томас Стюарт.

— Вот именно,— подтвердил Фтаемл.— Хрошиа утверждает, что уже длительное время выращивает Джонов Томасов; она отказывается возвращаться домой, если ей не дадут ее Джона Томаса. Какие-либо доводы она не желает даже слушать.

— Понятно,— согласился мистер Кику.— Если перевести на нормальный язык, мальчик и хрошиа очень привязались друг к другу. Неудивительно, они ведь вместе росли. Но Ламмоксу все-таки придется смириться с разлукой, точно так же, как пришлось смириться Джону Томасу Стюарту. Насколько я помню, он устроил страшный скандал, ну и что? Мы велели ему заткнуться и отвезли домой. То же самое должны сделать и хрошии, сказать, чтобы она заткнулась, посадить в шлюпку — силой, если придется, и отвезти домой. Собственно, для этого они и явились сюда.

— Позвольте заметить, сэр,— ответил рарджиллианец,— что переводя на «нормальный язык», вы упустили смысл происходящего. Я подробно обсудил с ней ситуацию на ее собственном языке.

— Как? Неужели она его так быстро выучила?

— Она знает его давным-давно. Хрошии, мистер заместитель министра, умеют говорить на своем языке чуть ли не сразу, как вылупятся из яйца. Возможно, это владение родным языком почти

на уровне инстинкта и является одной из причин, если не главной и единственной причиной того, что они с таким трудом обучаются чужим языкам и никогда не овладевают ими хорошо. Эта хрошиа говорит на земном языке не лучше четырехлетнего ребенка, хотя, насколько я понял, она начала его осваивать десятки ваших лет тому назад. Но своим языком она пользуется с поразительной беглостью... с чем мне, к превеликому моему сожалению, пришлось познакомиться.

— Ну и что? Брань на вороту не виснет. Пускай себе говорит.

— Вот она и говорит. Например, она приказала командиру экспедиции сию же минуту доставить ей ее питомца. А если нет — она остается здесь, чтобы продолжить выращивание «Джонов Томасов».

— А командир,— добавил Гринберг,— предъявил нам ультиматум: или мы сию же минуту предоставим им Джона Томаса Стюарта, или...

— Это самое «или» то самое и означает?

— Все, что угодно,— ответил Гринберг.— Теперь, когда я немного посмотрел на их шлюпку, я в них больше не сомневаюсь.

— Вы должны понять, сэр,— серьезно добавил Фтаемл,— что командир хрошии озабочен происходящим не меньше, чем вы. Но он просто обязан сделать попытку удовлетворить желание этой хрошиа. Она — плод «брака», задуманного более двух тысяч лет тому назад, так просто они этого не бросят. Он не может ни разрешить ей остаться, ни силой забрать ее. Он крайне расстроен.

— А мы? — Мистер Кику проглотил еще две таблетки.— Доктор Фтаемл, у меня есть послание к вашим доверителям. Пожалуйста, передайте его абсолютно точно.

— Я передам, сэр.

— Так вот, сообщите им, пожалуйста, что мы с негодованием отвергаем их ультиматум. Еще, пожалуйста...

— Сэр, я вас умоляю!

— Слушайте меня внимательно. Передайте им все, ничего не смягчая. Скажите, что мы всеми силами старались им помочь, добились успеха, а теперь они угрозами платят нам за нашу доброту. Скажите, что их поведение недостойно цивилизованного народа, и мы снимаем сделанное им ранее предложение присоединиться к Сообществу Цивилизаций. Скажите, что я плюю им в морды... подберите какую-нибудь похожую и достаточно сильную идиому.

Скажите им, что свободный человек лучше погибнет, но не поддастся угрозам.

Гринберг широко ухмыльнулся и захлопал в ладоши, этим древним жестом выражая свое одобрение. На лице Фтаемла было написано отчаяние; казалось даже, что его хитиновая оболочка побледнела от ужаса.

— Сэр,— сказал он,— необходимость передать такое послание огорчает меня в высшей степени.

— Передайте все слово в слово.— Кику холодно усмехнулся.— Но, прежде чем это сделать, найдите случай переговорить с хрошиа Ламмокс. Вы сможете?

— Безо всякого сомнения, сэр.

— Скажите ей, что в своем неразумном рвении командир экспедиции уже склонен убить Джона Томаса Стюарта. Позаботьтесь, пожалуйста, чтобы она поняла смысл предъявленного нам ультиматума. Рарджиллианец сложил свой рот в широкую, почти человеческую улыбку.

— Простите меня, сэр, я недооценил вас. Оба послания будут доставлены в нужном порядке.

— Это все.

— Желаю вам наилучшего здоровья, сэр.— Рарджиллианец повернулся к Гринбергу и обнял его за плечи своей многосуставчатой рукой.

— Брат мой Сергей, мы уже сумели один раз выбраться из головокружительного лабиринта. А теперь при помощи вашего духовного отца, мы обязательно выберемся из другого. Как?

— Обязательно, док.

Когда Фтаемл вышел, Кику сказал, повернувшись к Гринбергу:

— Притащи сюда этого мальчишку Стюарта. Сейчас же, сам, лично. М-м-м... Привези заодно и мамашу. Он ведь, кажется, еще несовершеннолетний?

— Да. В чем дело, босс? Вы что, собираетесь отдать мальчишку? Заехали им копытом в зубы, а потом сдаваться?

— Конечно, собираюсь. Но только на своих условиях. Я ни в коем случае не позволю этим ходячим биллиардным столам думать, что они могут вертеть нами, как им заблагорассудится. Мы используем ситуацию, чтобы добиться своих целей. А теперь — бегом.

— Меня уже здесь нет.

Мистер Кику занялся разбором бумаг; одновременно он подсознательно оценивал проблему Ламмокса. Создавалось сильное впечатление, что прилив достиг высшей точки. Во всяком случае, для людей. Необходимо точно решить, каким образом использовать этот самый прилив.

Именно таким размышлениям предавался заместитель министра, когда открылась дверь и в кабинет собственной персоной вошел наидостопочтеннейший мистер Рой Макклюре.

— Вот я вас и поймал, Генри! Соберитесь с силами, старина. Вас удостоила своим визитом Беула Мергитройд.

— Беула — какая?

— Беула Мергитройд.Та самая Беула Мергитройд.

— Я что, должен бы ее знать?

— Как? Да вы смотрите когда-нибудь свой стереовизор?

— Нет, если не заставят.

— Генри, вы совсем оторвались от жизни,— Макклюре снисходительно покачал головой.— Закопались в своем кабинете, нажимаете кнопки и представления не имеете, что происходит в мире.

— Возможно.

— Не возможно, а точно. Вы совсем утратили ощущение реальности. Слава Богу, что вам не приходится иметь дело с живыми людьми.

— Пожалуй, что так.— Мистер Кику позволил себе неприязненно улыбнуться.

— Ставлю три против одного, что вы не знаете даже, кто сейчас лидирует в чемпионате мира.

— Чемпионат мира? Наверное — бейсбол? Крайне жаль, но последние годы у меня нет времени даже на то, чтобы следить за соревнованиями по крикету.

— Вот видите? Хотя как можно сравнивать крикет и бейсбол... Ладно. Раз уж вы не знаете, кто такая знаменитая Беула Мергитройд, придется мне рассказать. Она, так сказать, мать Пиджи-Виджи.

— Пиджи-Виджи? — несколько ошарашенно повторил мистер Кику.

— Да вы шутите. Она — автор детских рассказов про Пиджи-Виджи. Ну как же, вы должны знать — «Пиджи-Виджи на Луне», «Пиджи-Виджи летит на Марс», «Пиджи-Виджи и пираты космоса».

— Боюсь, что я и вправду не знаю.

— Невозможно поверить. Видимо, у вас нет детей.

— Трое.

Но мистер Макклюре его не слушал.

— А теперь она вывела Пиджи-Виджи в эфир, и это доложу вам, кое-что. Для детей, конечно, но с таким юмором, что взрослых тоже не оторвать от экрана. Понимаете, Пиджи-Виджи — это такая кукла, примерно в фут высотой. Он летает по всему космосу, спасает людей, в порошок стирает пиратов, развлекается, как может. Дети от него без ума. А в конце каждой серии появляется сама миссис Мергитройд, они едят вместе «ханки» и болтают. А вам нравятся «ханки»?

— Нет.— Мистера Кику передернуло.

— Ничего, вы просто можете притвориться, что любите их. Но это — самая мощная передача из рекламирующих сухие завтраки. Ее смотрят буквально все.

— А это так важно?

— Важно? Да вы представляете себе, сколько людей каждое утро ест завтрак?

— Нет, не представляю. Надеюсь, не очень много? Сам бы рад отказаться от этой дурной привычки.

Мистер Макклюре бросил взгляд на часы.

— Надо спешить. Техники уже устанавливают оборудование. Она появится с минуты на минуту.

— Техники?

— Разве я не говорил? Миссис Мергитройд возьмет у нас интервью, а Пиджи-Виджи, сидя у нее на коленях, примет участие в беседе. Потом все это дело вклеют в передачу. Потрясающая реклама для нашего Министерства.

— Нет!

— Как? Простите, мистер Кику, может быть, я вас неправильно понял?

— Господин министр,— с трудом себя сдерживая, сказал Кику,— я просто не смогу. У меня врожденный страх перед публичными выступлениями.

— Какая ерунда! Ведь вы помогали мне при открытии трехстороннего совещания. И добрые тридцать минут говорили без бумаги.

— Совещания — дело другое. Там разговор по существу, профессионалов с профессионалами.

— Если вы от этого действительно нервничаете,— министр нахмурился,— мне очень бы не хотелось вас заставлять. Но миссис Мергитройд специально оговорила ваше участие. Видите ли...— на лице Макклюре появилось нечто вроде смущения,— Пиджи-Виджи борется за расовое равноправие. Братья оба в душе... ну и прочее в том же духе, за что все мы ратуем. Так как?

— Крайне сожалею,— твердо ответил мистер Кику.

— Бросьте! Вы же не хотите, чтобы я вас заставил силой?

— Господин министр,— тихим голосом ответил Кику.— Если вы изучите перечень моих обязанностей, то нигде в нем не найдете, что я должен выступать клоуном по стереовидению. Если вы отдадите мне письменное распоряжение, я узнаю, что думает о его законности наш юридический отдел, а затем дам вам официальный ответ.

— Генри, ты просто мелкий упрямый паршивец,— Макклюре недовольно сморщил лицо.— Просто не понимаю, и как это ты сумел так высоко залезть.

Так как мистер Кику не отвечал, Макклюре продолжил:

— Конечно, я не напишу такого приказа; я слишком старая лиса и прекрасно знаю инструкции. Хотя, правду сказать, мне не верится, чтобы ты решился сыграть со мной подобную шутку.

— Простите, сэр, но вы напрасно сомневаетесь.

— А я все-таки сомневаюсь. Сейчас я попытаюсь убедить вас, что это действительно важно для Министерства, хотя я и не могу вам тут ничего приказывать. Понимаете, именно Беула Мергитройд и стоит за спиной общества «Друзья Ламмокса». Так что...

— «Друзья Ламмокса»?

— Я так и знал, что это изменит ваше отношение к делу. В конце концов именно вы ведь и разбирались со всей этой чертовщиной. Поэтому...

— Господи, да что это такое — «Друзья Ламмокса»? Кто они?

— Как кто? Вы же сами и дали им первое интервью. Но если бы я по чистой случайности не обедал на днях с Вэсом Роббинсом, мы бы все прошляпили.

— Кажется, припоминаю эту записку. Самая рядовая бумага.

— А вот миссис Мергитройд — случай совсем не рядовой. Я же вам и пытаюсь объяснить. С вами, бумажными душами, всегда так — теряете контакт с народом. Можете на меня обижаться, но именно поэтому такие, как вы, никогда не поднимаются на самый верх.

— Я нисколько об этом не сожалею.

— Что? — Похоже было, министр слегка смутился.— Я хотел сказать, что всегда находится работа для политиков-практиков вроде меня, привыкших держать руку на пульсе настроений общественности. Хотя охотно признаю, что у меня нет вашей специальной подготовки. Вы меня понимаете?

— Всегда есть много работы и для ваших, и для моих способностей, сэр. Но вы продолжайте. Возможно, в данном случае я действительно «прошляпил». Видимо, записка «Друзей Ламмокса» пришла раньше, чем это слово стало для меня что-то значить.

— Возможно. Я совсем не имел намерения критиковать вас, Генри. Если правду говорить, вы работаете много, даже слишком. Будто Вселенная остановится, если вы хоть раз ее не подзаведете. Так вот, насчет этой истории с «ДЛ». Мы вмешались в какое-то дурацкое судебное дело на Западе; да вы и сами все знаете, это ведь вы послали туда одного из наших. И вдруг оказалось, что дело касается этого самого хуруссианского Ламмокса. Суд вынес приговор... вернее сказать, мы вынесли приговор уничтожить зверя. Кстати, Генри, вы наложили взыскание на виновного?

— Нет, сэр.

— А чего же вы ждете?

— Я не буду наказывать его, сэр. Он действовал абсолютно правильно, если исходить из информации, которой мы располагали на тот момент.

— Я понимаю ситуацию иначе. Пошлите его личное дело мне, я хочу сам подумать.

— Сэр,— тихо сказал мистер Кику.— Вы собираетесь пересматривать мои решения в части служебной дисциплины?

— Я собираюсь заново рассмотреть это дело.

— Если вы не шутите, сэр, я могу хоть сейчас подать заявление об отставке. Видимо, я напрасно занимаю свой пост.

— Генри, вы сегодня просто невыносимы.— Министр побарабанил пальцами по столу мистера Кику.— Какого черта! Давайте бу-

дем откровенны. Я же прекрасно знаю, что Вы, профессионалы, можете при желании устроить веселую жизнь назначенцу вроде меня. Я в политике не первый день. Но пока это моя контора, я хочу, чтобы в ней была дисциплина. Есть у меня на это право?

— Да... Есть.

— И право и ответственность. Возможно, вы не ошибаетесь относительно этого человека, кто бы он там ни был; вы обычно бываете правы, иначе эта шарага давно бы рассыпалась. Но я обязан рассматривать заново любые дела, когда это кажется мне необходимым. Однако вам совсем необязательно начинать разговор об отставке, пока я не изменил ваше решение. Если уж вы так ставите вопрос, я сам попрошу вас уйти в отставку, если мне придется пересмотреть ваше решение. Но до этого момента — зачем вам кипятиться? Так будет честно?

— Так будет честно. Я несколько поторопился, господин министр. Личное дело будет у вас на столе.

— Вообще-то раз вам так хочется, то не надо. Наверно, вы спасаете одного из своих любимчиков?

— У меня нет любимчиков, мистер Макклюре. Мне они не нравятся все без исключения.

— Иногда мне начинает казаться, что вы ненавидите даже самого себя. О чем мы говорили? Да, так вот. Когда мы вляпались с этим хуруссианцем, миссис Мергитройд мгновенно углядела подходящую возможность для благого деяния. Я, конечно, и сам думаю, что в первую очередь она хотела малость взбодрить свою собственную программу, но это к делу не относится. Пиджи-Виджи сразу же начал рассказывать своим маленьким друзьям про ужасное событие; а также просить, чтобы они писали ему письма и вступали в «Друзья Ламмокса». В первые же двадцать четыре часа она получила более трех миллионов ответов. К настоящему моменту уже половина детишек нашего континента, и одному Богу известно сколько на других, являются «Друзьями Ламмокса». Они поклялись защитить его от преследований.

— Ее,— поправил мистер Кику.

— А?

— Простите, пожалуйста. Видимо, ни один из этих терминов не верен. У хрошии шесть различных полов. Можно называть Ламмокса

и он, и она. Вообще-то здесь нужны другие слова. Впрочем, для нас это не имеет значения.

— Для меня, во всяком случае,— точно,— согласился Макклюре.— Но если бы мы действительно прикончили Ламмокса, детишки, я полагаю, устроили бы революцию. Я серьезно. Не говоря уж о взрослых фэнах Пиджи-Виджи. И так наше Министерство выбралось из этой истории со здоровенным фингалом под глазом. А теперь Беула Мергитройд сама предложила помочь нам вылезти из лужи. Она берет у нас интервью, я отвечаю на общие вопросы, а вы помогаете мне с подробностями — все на тему того, как Министерство последовательно защищает права наших негуманоидных братьев и как все должны терпимо относится к друг другу. Словом — обычная болтовня. Потом Пиджи-Виджи спросит, а что же случилось с Ламмоксом, и вы расскажите деткам, что Ламмокс был в действительности чем-то вроде переодетого принца... или принцессы... и как Ламмокс улетел от нас в свой небесный замок. Получится потрясающе.

— Больше вам ничего не придется делать,— добавил Макклюре.— Дальше пустят ленту, как Ламмокс забирается в хуруссианский корабль и машет на прощанье ручкой. Затем мы съедим по миске «ханки» — не бойтесь, я уж позабочусь, чтобы ваша миска была пустой,— и Пиджи-Виджи споет свою песенку «Небесный бродяга». Вот и все. Представление займет двадцать минут, не больше, а какая реклама для Министерства! О'кей?

— Нет.

— Генри... Ну хорошо, вы даже не будете притворяться, что едите «ханки».

— Нет.

— Генри, вы просто невозможны. Неужели вы не понимаете, что на нас лежит обязанность помогать воспитывать у детей чувство ответственности, давать им мировоззрение, соответствующее нашему веку — веку Союза Цивилизаций.

— Нет, сэр, я не понимаю. Это дело родителей и учителей, но никак не правительства. У нашего Министерства и так забот по горло, оно едва управляется со все нарастающими ксеническими проблемами.— Тут мистер Кику прибавил про себя: «А если бы и согласился, глотать "ханки" перед телевизором — не лучший метод воспитания».

— Хм-м... Очень узкий подход, Генри. Бюрократический, я бы сказал. Вы же прекрасно знаете, что на нас жмут и с других сторон из-за этой хуруссианской истории. Общество «За сохранение статус-кво» вопит, требуя изоляционизма, а лига «Сохраним землю для людей» просто в горло вцепиться готова. В результате Совет чувствует себя крайне неловко. И вот прямо сама в руки идет возможность создать общественное мнение против всех этих психов, а вы не желаете хотя бы чуть-чуть помочь. Конечно, вам не приходится иметь дело с ребятами из «Статус-кво» и придурками из «Земля — людям», я же их беру на себя.

— Очень сочувствую, сэр, только и вам не надо бы тратить на них драгоценное время. Вы же знаете, что за каждой такой вроде бы психованной организацией всегда стоят вполне трезвые экономические интересы. Ну так пусть с ними борются люди, имеющие противоположные интересы,— владельцы транспортных кораблей, импортеры, ученые. Наше дело — дипломатические отношения. А когда нам досаждают лоббисты, пусть с ними разбирается отдел по связям с общественностью, им за это деньги платят.

— А сам-то я кто такой, если не агент по связям с общественностью, притворяющийся министром?— со злостью ответил Макклюре.— Не думайте, я ничуть не заблуждаюсь относительно этой моей проклятой должности.

— Это не так, сэр. В первую очередь на вас лежит ответственность за определение политики. А я провожу эту политику, в пределах своей компетенции.

— Какого черта! Вы же сами и определяете политику. Вы тащите меня, куда хотите. Я потихоньку начинаю это понимать.

— Простите, сэр, но я думаю, что каждый участвует в определении политики... даже швейцар, в определенной степени. Это неизбежно. Я просто стараюсь делать свою работу.

В этот момент раздался голос секретарши мистера Кику.

— Мистер Кику, министр у вас? Его ждет миссис Беула Мергитройд.

— Буду сию секунду,— ответил Макклюре.

— Милдред,— невозмутимо добавил Кику,— проследи, чтобы кто-нибудь ею занялся. Тут будет небольшая задержка.

— Да, сэр. Ею занимается личный секретарь министра.

— Вот и хорошо.

— Никаких задержек,— сказал Макклюре.— Не будете так не будете... хотя я очень в вас разочарован. Но нельзя заставлять ее ждать.

— Сядьте, господин министр.

— Что?

— Садитесь, пожалуйста, сэр. В некоторых случаях можно заставить подождать даже всесильную миссис Мергитройд. Возникла чрезвычайная ситуация, и вам совершенно определенно придется доложить о ней Совету. Возможно, даже сегодня вечером, на экстренном заседании.

— Что? А раньше вы сказать не могли?

— Как раз в тот момент, сэр, когда вы вошли, я готовился обрисовать вам положение. А последние несколько минут я все старался вам объяснить, что у нашего Министерства есть действительно важные дела помимо торговли бакалеей.

Несколько мгновений министр глядел на мистера Кику, а затем перегнулся через его стол.

— Э-э, Милдред? Говорит министр. Скажите коммодору Мэрфи, что меня задерживают неотложные дела и чтобы он постарался сохранить хорошее настроение у миссис Мергитройд.

— Хорошо, господин министр.

— Ну, а теперь, Генри,— Макклюре повернулся к своему заместителю,— кончайте читать мне лекции и выкладывайте.

Мистер Кику начал подробно излагать детали нового кризиса с хрошии. Макклюре слушал, не произнося ни слова. Когда Кику закончил рассказывать про отклонение ультиматума, снова ожил коммутатор:

— Шеф? Это Мэрфи. Миссис Мергитройд надо идти еще на одну встречу.

Макклюре повернулся на голос:

— Она не слышит?

— Конечно, сэр.

— Так вот, Джек. Мне надо еще несколько минут. Займи ее чем-нибудь.

— Но...

— Завали ее в кусты, если без этого не обойтись. А теперь отключайся. Я занят,— он, ощерившись, снова повернулся к мистеру Кику:

— Генри, вы еще раз меня подставили. Теперь мне ничего иного не остается, как продолжать вашу игру.

— А позволительно будет спросить, что сделал бы на моем месте министр?

— Как? — Макклюре нахмурился.— Ну, пожалуй, я ответил бы так же, как и вы. Только употребляя выражения покрепче. Должен признать, мне скорее всего не пришло бы в голову действовать на них изнутри, через это самое существо — Ламмокса.

— Понятно, сэр. А какие меры предосторожности принял бы министр после отклонения ультиматума? По моему мнению нашему Министерству не следовало бы предлагать Совету приводить в боевую готовность оборонительные силы.

— О чем это вы? Ничего подобного и не потребуется. Я бы просто приказал силам внутренней обороны подойти к этому кораблю и разнести его в капусту, под мою личную ответственность. Какого черта, они сидят прямо в нашей внутренней оборонительной зоне и еще пытаются угрожать. Чрезвычайная полицейская акция, ничего больше.

Про себя мистер Кику подумал: «Так я и знал», но вслух произнес другое:

— А если получится так, что корабль не пожелает быть разнесенным в капусту и в ответ начнет сам разносить все вокруг?

— Что? Это просто нелепо!

— Господин министр, есть одна вещь, которую я твердо усвоил за сорок лет работы. Имея дело с «вне», надо быть готовым к любым неожиданностям.

— Надо же, чтоб меня... Генри, да никак вы и вправду поверили, что они могут что-то с нами сделать? Вы вправду перепугались? — Он внимательно изучал лицо мистера Кику.— А может быть, вы чего-то недоговариваете? У вас что, есть реальные доказательства их способности привести в исполнение эти дурацкие угрозы?

— Нет, сэр.

— Так в чем дело?

— Мистер Макклюре, триста с небольшим лет назад в моей стране жило одно очень отважное и воинственное племя. Небольшой отряд европейцев предъявил им некие требования. Европейцы называли это «налог». Вождь был храбрым человеком, а его воины —

многочисленными и хорошо подготовленными. Они знали, что у пришельцев есть винтовки; что-то вроде винтовок было и у них самих. Но в первую очередь эти воины надеялись на свою многочисленность и отвагу. Они хорошо продумали операцию и заманили своих противников в засаду. Так они считали.

— Ну и?

— Они ничего не знали про пулеметы. И это было последнее, что они узнали,— воины и вправду были очень отважны, они раз за разом шли в атаку. Этого племени больше нет, уцелевших не было.

— Если вы думаете напугать меня таким... Ладно, не будем. Но вы так и не дали мне никаких доказательств. В конце концов, мы же не какое-то там невежественное племя дикарей. Здесь не может быть никаких аналогий.

— Возможно. И все же, если подумать, тогдашние пулеметы были всего лишь небольшим усовершенствованием обычной винтовки. У нас теперь есть оружие, рядом с которым пулемет — все равно что перочинный нож. И все же...

— Короче говоря, вы предполагаете, что у этих хуруссианцев есть оружие, рядом с которыми наши новейшие системы столь же бесполезны, как обычные дубинки. Честно говоря, мне не хотелось бы в это верить, и я не верю. Мощь атомного ядра — высшая возможная мощь. Вы это знаете, и я это знаю. Мы обладаем этой мощью. Несомненно, у них тоже есть атомная энергия, но мы превосходим их по численности в миллионы раз, а к тому же дома и стены помогают.

— Вождь рассуждал точно так же.

— Что? Это совсем разные вещи.

— А ничто никогда и не бывает совершенно одинаковым,— устало ответил мистер Кику.— Я совсем не пускался в спекуляции относительно какого-нибудь волшебного оружия, недоступного пониманию наших физиков; я просто занялся вопросом, во что может превратиться современное оружие после небольших усовершенствований. Очень небольших, принципиальная возможность которых следует из имеющихся уже теорий. Конечно, ничего толком я не знаю, я в этих вещах не разбираюсь.

— Я в общем-то тоже, но мне говорили, что... Послушайте, Генри. Я сейчас же отдам приказ начать эту политическую акцию.

— Да, сэр.

— Что да? Ну почему вы все сидите с каменным лицом, повторяя, как попка, «да, сэр»! Вы же не знаете ничего такого. Почему я не должен отдавать этого приказа?

— Я не возражаю, сэр. Вы хотите воспользоваться защищенной линией связи? Или приказать, чтобы сюда явился командир базы?

— Генри, вы умеете вывести человека из себя, как никто на всех семнадцати планетах. Я же спросил вас, почему я не должен отдавать этот приказ?

— Я не знаю никаких определенных причин, сэр. Могу только сказать, почему я не советовал бы вам этого делать.

— И почему?

— Потому, что я ничего по-настоящему не знаю. Потому, что вся моя информация — страхи негуманоида Фтаемла, который, возможно, еще боязливее меня, а возможно, просто введен в заблуждение почти суеверным благоговением, которое внушают хрошии другим расам. А так как я не знаю, я не хочу играть в русскую рулетку, рискуя всей нашей планетой. Я хочу, пока это возможно, бороться при помощи слов, а не оружия. Так вы хотите сами отдать этот приказ, сэр? Или о мелочах позаботиться мне?

— Кончайте меня подзуживать.— Побагровевший министр с ненавистью глядел на Кику.— Теперь вы, вероятно, еще раз выложите передо мной заявление об отставке.

Мистер Кику с трудом изобразил на лице улыбку.

— Господин Макклюре, я никогда не подаю заявление об отставке дважды на дню.— И добавил: — Нет, я подожду последствий этой полицейской акции. Вот тогда, если оба мы останемся живы, окажется, что я ошибался в серьезном вопросе. И моя отставка станет неизбежной. И позвольте мне добавить, сэр: я надеюсь, что вы правы. Тихая старость устраивает меня значительно больше, чем посмертное подтверждение моей правоты.

Макклюре пошевелил губами, однако ничего не сказал.

— Пока я нахожусь в своем официальном качестве,— спокойно продолжил мистер Кику,— могу я сделать одно предложение?

— Что? Конечно. Это ваша прямая обязанность. Так что там?

— Я бы хотел предложить, чтобы эта атака началась прямо в ближайшие минуты. Может получиться, что, поспешив, мы достигнем

того, чего не сможем достигнуть, если будем тянуть время. Отдел астронавигации может выдать нам параметры орбиты корабля противника.— Кику нагнулся к коммутатору.

Не успел он до него дотронуться, как тот ожил сам.

— Шеф? Это Мэрфи. Я сделал все, что мог, но она...

— Скажи ей, что я не могу.

— Сэр?

— Хм. Ну как-нибудь сгладь это. Ты же знаешь, как. А теперь заткнись и больше мне не звони.

— Есть, сэр.

Мистер Кику связался с отделом астронавигации.

— Пожалуйста, главного баллистика... да, немедленно. Привет, Картье. Обезопась линию со своего конца, с этого конца уже сделано. И не забудь заглушить. Так вот, мне нужны параметры орбиты...

Макклюре протянул руку и прервал разговор.

— Ладно,— яростно проговорил он,— будем считать, что вы меня переиграли, хотя это и блеф.

— Сэр, я не блефовал.

— Ладно, ладно, я согласен, что вы такой мудрый и осторожный. Я тоже не могу рисковать пятью миллиардами жизней. Что мне теперь, на брюхе перед вами ползать?

— Нет, сэр. Но я почувствовал большое облегчение. Спасибо.

— У вас облегчение. А обо мне вы подумали? А теперь расскажите мне, каким образом вы сами намерены разыграть эту партию? Я ведь пока в полном неведении.

— Хорошо, господин министр. Первым делом я послал за этим мальчишкой Стюартом.

— За Стюартом? Зачем?

— Чтобы убедить его лететь с ними. Я хочу иметь его согласие.

По лицу министра было видно, что он не верит своим ушам.

— Если я правильно понимаю, мистер Кику, вы отложили ультиматум только затем, чтобы потом полностью капитулировать?

— Я бы так это не назвал.

— Мне плевать, как вы это назовете на своем дипломатическом жаргоне. Мы не отдадим мальчишку. Я не хотел слепого риска, но тут — совершенно другое дело. Я не отдам им ни одного человека, как бы они ни нажимали. И Совет со мной согласится, уж будьте

уверены. Есть такая штука, называется гордость. И позвольте добавить, что я крайне изумлен. И возмущен.

— Вы разрешите мне продолжить, сэр?

— Да чего уж... Давайте, выкладывайте.

— Мне и на секунду не приходило в голову передать им мальчика. В дипломатической науке давным-давно отказались от умиротворения из-за полной его бессмысленности. Если бы я хоть раз подумал о принесении этого мальчика в жертву, я бы первым аплодировал вашему возмущению. Вы меня просто не поняли.

— Но вы же сами сказали...

— Пожалуйста, сэр. Я знаю, что я сказал. Я послал за мальчиком, чтобы узнать чего хочет он сам. Насколько мне известно, вполне возможно, что он захочет, более того, очень захочет.

— Мы не можем этого позволить,— Макклюре покачал головой.— Даже если парень настолько сдурел. Девятьсот световых лет от ближайшего человеческого существа! Да я охотней дал бы ему яду.

— Все совсем не так, сэр. Если я получу его согласие, я буду молчать об этом во время переговоров. Вроде как держать туза в рукаве. А нам есть о чем вести переговоры.

— Например?

— Их наука. Их промышленность. Новая область пространства. Возникающие возможности просто трудно переоценить.

Макклюре беспокойно поерзал на стуле.

— А все-таки я не уверен, может быть, самое лучшее — ударить по ним. Если мы настоящие люди, надо уметь рисковать. А то ублаготворять каких-то там паразитов, которые имеют наглость нам угрожать... Не нравится мне все это.

— Господин министр, если мои планы не сработают... или не встретят вашего одобрения, я полностью присоединяюсь к вам. Мы будем торговаться... но торговаться, как настоящие люди.

— Ну что ж... Расскажите мне все остальное.

13. «НЕТ, ГОСПОДИН МИНИСТР»

Назавтра жена мистера Кику разрешила ему поспать подольше. Она справедливо рассудила, что какой бы там ни был кризис, а

отдохнуть все равно надо. Добравшись до кабинета, мистер Кику обнаружил в своем кресле спящего Весли Роббинса. Специальный помощник министра по связям с общественностью не был дипломатом, не хотел быть дипломатом и с удовольствием демонстрировал это при каждом удобном случае.

— Доброе утро, Вэс,— не подавая признаков удивления, поздоровался мистер Кику.

— Какое там доброе? — Роббинс швырнул заместителю министра свежий номер «Кэпитэл таймс».— Видали?

— Нет.— Мистер Кику развернул газету.

— Двадцать три года в журналистике, и чтоб меня так обошли, да к тому же в собственном Министерстве.

В газете мистер Кику прочитал следующее:

ИНОЗЕМНЫЕ АГРЕССОРЫ УГРОЖАЮТ ВОЙНОЙ!!

Требуют заложников.

Столичный округ, 12 сентября... Министр космоса Макклюре сообщил сегодня, что инопланетные пришельцы, известные под кличкой «хрошии», приземлившиеся недавно в столичном порту, под угрозой военных действий потребовали, чтобы Федерация...

Кику бегло просмотрел страницу. Сильно искаженный вариант его ответа хрошии приписывался министру Макклюре; не было ни малейшего намека на возможность мирного разрешения конфликта. В комментирующей заметке цитировалась беседа с начальником Генерального штаба. Тот заверял Землю и все планеты Федерации, что нет оснований опасаться наглых пришельцев. Южно-Азиатский сенатор хотел знать, какие шаги предприняты для того, чтобы... На девяносто процентов страница состояла из бессмысленной чепухи; в эти девяносто процентов входили очередной залп красноречия лиги «Сохраним Землю для людей» и передовица «На распутье». Присутствовало в газете и интервью с миссис Мергитройд, однако мистер Кику так и не удосужился выяснить, на чьей стороне Пиджи-Виджи.

— Ну разве не бардак? — вопросил Роббинс.— Где вы прячете сигареты?

— Да, бумаги им, похоже, не жалко,— согласился мистер Кику.— В подлокотнике кресла для посетителей.

— И что прикажете теперь с этим делать? У меня просто челюсть отпала. Ну почему, почему никто ничего мне не рассказал?

— Одну секунду. Мистер Кику наклонился над столом.— Безопасность? А, О'Нейл... Разместите дополнительные силы специальной полиции вокруг посадочного шаттла хрошии.

— Уже, босс. Только почему никто не сказал нам этого раньше?

— Вопрос по существу. Так вот, сколько бы у вас там ни было охраны, поставьте еще больше. Я уж не говорю о возмущенных толпах, не должно быть ни малейшего — повторяю: ни малейшего! — инцидента. Запустите в толпу столько обученных специалистов по снятию напряжения, сколько наскребете, а потом поищите дополнительных в других ведомствах. Особое внимание полупсихованным организациям... не всем, конечно, а ксенофобным. Пока тихо?

— Ничего такого, с чем бы мы не могли справиться. Но за дальнейшее не ручаюсь. И мне все-таки кажется, что кто-нибудь должен сказать...

— Несомненно. Держитесь на связи со мной.

Кику повернулся к Роббинсу.

— А вы не знаете, откуда взялось интервью?

— Разве по мне это видно? Он собирался на прием в честь завершения трехсторонней конференции. Все тип-топ. Одобрил речь, которую я ему написал, потом я один экземпляр отдал ему, остальные раскидал по ребятам. Объяснил им, как и что подавать. Все в полной радости. Проснулся сегодня бодренький и веселый, будто мне девятнадцать, а не успел еще выпить кофе, как почувствовал себя на все сто пятьдесят. Не знаете, никому мое место не требуется? А то очень хочется податься в бичи.

— Мысль разумная. Вэс, давайте я вам объясню, как обстоят дела. Все это не для печати. Пока, до завершения истории. Так вот...— Кику беглыми штрихами обрисовал новый хрошианский кризис.

— Ясненько,— кивнул Роббинс.— А номер первый, значит, так вот взял и выдернул ковер у вас из-под ног. Отличный партнер.

— Ладно, надо бы с ним повидаться. Он здесь?

— Да. Я же вас ждал. Как, вы будете держать, а я врежу или наоборот?

— Хоть так, хоть так. Пошли.

Министр был у себя, он встал, чтобы предложить им стулья. Роббинс ждал, что мистер Кику заговорит, но тот сидел совершенно неподвижно, с бесстрастным лицом, словно статуя, вырезанная из черного дерева.

Через некоторое время Макклюре нервно заерзал.

— Так что у вас, Генри? Понимаете, я сегодня очень занят... Я уже договорился с премьером...

— Я думал, что вы пожелаете проинструктировать нас, господин министр.

— О чем?

— Сэр, вы читали утренние газеты?

— Ну... да.

— Произошло изменение курса политики. Помощник министра Роббинс и я хотели бы узнать основные черты этой новой политики.

— Какая еще новая политика?

— Ваша, в отношении хрошии. Или газеты все переврали?

— Э? Ну, не то чтобы переврали. Конечно, немного преувеличили. Но политика остается неизменной. Я просто сообщил народу то, что он имеет право знать.

— Народ имеет право знать.— Мистер Кику задумчиво свел вместе кончики пальцев.— Ну да, конечно. В системе, основанной на свободном согласии людей, народ всегда имеет право знать. Просто старые бюрократы вроде меня иногда начинают забывать первейшие истины. Спасибо, что напомнили.— На какое-то мгновение мистер Кику погрузился в раздумья, а затем добавил: — Полагаю, теперь лучше всего будет исправить мою оплошность и рассказать народу все.

— Что? Что вы имеете в виду?

— Что? Да всю эту историю, господин министр. Как по собственному своему невежеству и наплевательскому отношению к чужим нравам, и в прошлом и теперь, мы похитили представителя цивилизованной расы. Как по чистой случайности этот инопланетянин выжил. Как в результате всего этого нашей планете угрожают полным уничтожением и как в высшей степени разумный представитель дружественной планеты — я имею в виду доктора Фтаемла — уверяет нас, что хрошии вполне способны выполнить свою угрозу. Необходимо будет рассказать также, что вчера мы были буквально

на волосок от того, чтобы нанести удар по этим пришельцам,— только вот струсили немного и решили продолжить переговоры. Струсили от того, что не знаем соотношения сил, нам не на что было опереться, кроме трезвого мнения доктора Фтаемла. Да, надо будет рассказать все это народу.

Рот и глаза министра Макклюре раскрывались все шире и шире.

— Господи помилуй, Генри! Вы что, хотите, чтобы начался бунт?

— Сэр, я уже предпринял меры для предотвращения волнений. Ксенофобия готова вспыхнуть всегда, а вот это...— он указал на газету,— сильно подзадорит некоторых. Не нужно, однако, чтобы вас останавливали такие мелочи. Просто мы, бюрократы, склонны к патернализму, ведь насколько проще сначала сделать то, что кажется наилучшим, а народу сообщить потом. Что бы мы там ни решили — вести переговоры, сбить корабль, да что угодно. Я думаю, вы, господин министр, ни на секунду не забывали, что этот самый Совет, членом которого вы являетесь, ответствен не только перед Северо-Американским Союзом и даже не только перед всеми народами Земли, но перед всеми суверенными членами Федерации и на Земле, и на прочих планетах?

— А при чем тут это? Ведь мы — ведущая держава.

— Кого, интересно, вы имеете в виду, говоря «мы»? Уж наверняка не мою маленькую страну. Так вот, я подумал, что теперь вопрос будет решаться голосованием в Совете и что этот Совет вполне может принять решение отдать одного малозаметного гражданина Северной Америки, чтобы избавиться от риска межзвездной войны. Очень интересно, как проголосует Марс?

Министр встал и несколько раз прошелся по кабинету. Кабинет был большой, в несколько раз больше, чем у мистера Кику. Он остановился в дальнем конце огромного помещения и посмотрел на видневшиеся за окном Башню Трех Планет и Дворец Цивилизации; мистер Кику молчал. Вэс Роббинс скрючился в кресле, далеко вытянув вперед свои сухопарые ноги. Он приводил в порядок ногти при помощи перочинного ножа. Ногти его, длинные, с черными каемками, явно нуждались во внимании. Неожиданно Макклюре резко повернулся к Кику:

— Послушай, Генри, крючкотвор ты хренов, меня на слабо не возьмешь.

— На слабо, господин министр?

— Да, на слабо. Ну конечно же, ты накрутил всегдашние свои фигли-мигли, но и я не первый раз замужем. Ты прекрасно знаешь, что если мы передадим прессе все эти никому не нужные подробности... всю эту чушь, которой тебя напичкал доктор... как его... Фатима?.. ну этот парджиллианский монстр... да, а ты еще угрожал рассказать журналистам, что я сдрейфил насчет атаки... вот это уже — чистый шантаж! Если сообщить им всю эту бурду, в Совете начнется такая свара, что на Плутоне будет слышно! Все правительства начнут посылать своим делегатам специальные инструкции, и вполне возможно, что наш земной блок проиграет голосование. Только-только закончили эту мороку с трехсторонним совещанием, а тут на тебе. Это же будет полная катастрофа.— Макклюре смолк, чтобы перевести дыхание.— Так вот, на сей раз у тебя не пройдут эти штучки. Ты уволен! Понимаешь? Уволен! Я позабочусь, чтобы тебя убрали по какой-нибудь статье или отправили на пенсию, как уж там у вас это полагается. Но с тобой — конец, прямо с этой секунды. Я освобождаю тебя от обязанностей. Отправляйся домой.

— Прекрасно, господин министр,— ровным голосом ответил мистер Кику и направился к выходу.

Наступившую тишину нарушил громкий щелчок сложенного перочинного ножа. Вэс Роббинс вскочил на ноги.

— Подождите, Генри. Мак...

Макклюре обернулся.

— А ты-то здесь при чем? И не называй меня Мак, здесь официальная обстановка. Я пока еще министр, как я только что объяснил Кику.

— Вот именно — пока, на ближайшие два-три часа.

— Что? Не смеши меня. Вэс, если ты и дальше намерен так разговаривать, придется и тебя уволить. Мистер Кику, вы свободны.

— Генри, подожди. А ты, Мак, кончай нести бредятину. Уволил он меня. Да я уже сам уволился десять минут назад. Мак, ты что, совсем сдурел? Я же знал тебя еще желторотым сенаторишкой, когда ты мечтал хоть о коротеньком упоминании твоей личности в колонке городских сплетен. Тогда ты мне нравился, у тебя был этот самый здравый смысл, большая редкость при таком роде занятий. А теперь ты готов меня вышвырнуть. Послушай, ответь, Христа ради, чего это тебе так хочется перерезать себе глотку?

— Что? Нет уж, глотку, да не мою! Уж я-то не из тех раззяв, которые позволяют, чтобы их подчиненные им же перерезали глотку. Видал я такое, не раз видал. Только вот Кику не на того нарвался.

— Мак, похоже, что тебе все-таки очень хочется прикончить самого себя.— Роббинс печально покачал головой.— Может, ты лучше отрежешь Генри язык, прежде чем до него добрались лихие ребята-репортеры? Хочешь мой ножик?

— Что-о? — Макклюре явно был потрясен. Он развернулся и резко крикнул: — Мистер Кику! Вы не имеете права ничего сообщать прессе! Это приказ!

Роббинс откусил заусенец, сплюнул и сказал:

— Мак, да ради Христа! Ну как ты можешь одновременно и уволить Генри, и запретить ему говорить?

— Секреты Министерства...

— Ну завел — секреты, секреты! Ну и что ты с ним сделаешь? За задницу укусишь? Лишишь на основании закона о служебной тайне выходного пособия? Думаешь, его это остановит? У Генри не осталось ни страха, ни надежд, ни иллюзий, ты ничем его не запугаешь. Все, что он может рассказать репортерам, тебе же и повредит, если ты объявишь это «секретом».

— Можно я тоже скажу пару слов? — спросил центр всей этой бури.

— А? Валяйте, мистер Кику.

— Благодарю вас, господин министр. У меня не было ни малейшего намерения посвящать прессу в наиболее неприятные аспекты этой истории. Я просто пытался продемонстрировать при помощи reductio ad absurdum*, что правило всегда информировать общественность, подобно любому другому правилу, при слепом, бездумном применении может вести к катастрофическим последствиям. Мне показалось, сэр, что вы вели себя неосторожно. Я надеялся удержать вас от дальнейших неосторожностей на то время, пока мы подыщем подходящие средства исправить положение.

Макклюре внимательно изучил лицо своего заместителя.

— Вы это серьезно, Генри?

— Я всегда говорю серьезно. Это экономит много времени.

— Вот видишь Вэс? — Макклюре повернулся к Роббинсу.— Ты выступил совсем не по делу. Может, у нас с Генри и есть какие-то

* доведение до абсурда *(лат.)*.

расхождения во мнениях, но он очень порядочный человек. Послушайте, Генри, я, конечно, поспешил. Мне же и вправду показалось, что вы угрожаете. Давайте забудем, что я вам наговорил про вашу отставку, и займемся делом. Ну как?

— Нет, сэр.

— Что? Бросьте, не надо мелочиться. Ну разозлился я, мне же тоже было обидно, ну сделал ошибку. Я прошу у вас прощения. В конце концов, на первом плане у нас должно стоять благосостояние общества.

Роббинс издал малопристойный звук; мистер Кику ответил очень спокойно:

— Нет, господин министр, так не получится. После того как вы один раз уже меня уволили, я не смогу действовать уверенно на основании делегированных мне полномочий. А дипломату обязательно нужно иметь уверенность, иногда она — единственное его оружие.

— М-м-м... Ну, могу только сказать, что мне очень жаль. Поверьте, действительно жаль.

— Я верю вам, сэр. Позвольте мне сделать последнее и совершенно неофициальное предложение?

— Конечно, Генри. Мне кажется, что пока вы подбираете себе новую команду, лучше всего справится с рутинной работой Кампф.

— Конечно, конечно. Если вы говорите, что он подходит, значит, так оно и есть. Но только, знаете, Генри, мы назначим его временно, а вы подумайте еще. Пусть это будет отпуск по состоянию здоровья или что угодно.

— Нет,— холодно ответил мистер Кику и снова повернулся к выходу.

Но не успел он дойти до двери, как Роббинс громко сказал:

— Да успокойтесь вы оба. Мы еще не кончили.— Затем он повернулся к Макклюре: — Ты тут говорил, что Генри порядочный человек. Но только кое-что при этом забыл.

— Что?

— А я — помню.— Роббинс продолжил: — Генри никогда не сделает ничего хоть каплю сомнительного. А вот я воспитан на заднем дворе за помойкой, и все эти нежности меня не колышат. Так что я соберу ребят и славно с ними побеседую. Расскажу им, где закопан труп, расскажу, кто перебил всю посуду и кто помочился в кастрюлю.

— Если ты только вздумаешь самовольно дать интервью,— в ярости заорал Макклюре,— ты до смерти своей не получишь никакой государственной работы.

— Ах, ты мне еще и грозить, тыква ты перезрелая. Не забывай, я — не карьерный чиновник, я назначенец. Спою эту свою песенку и пойду работать в колонку «Столица вверх тормашками». Буду посвящать нашу драгоценную общественность в пикантные подробности из жизни Больших Людей.

— У тебя полностью отсутствует какая бы то ни было лояльность.— В голосе министра стояла горечь.

— Ну, от тебя, Мак, такое просто приятно услышать. А сам-то ты лоялен хоть к чему-нибудь? Если не считать твоей собственной политиканской шкуры.

— Ты не совсем справедлив, Вэс,— негромко вставил мистер Кику.— Министр был очень тверд, когда говорил, что нельзя жертвовать этим мальчиком ради целесообразности.

— О'кей, Мак,— кивнул Роббинс,— отдадим здесь тебе должное. Но ты готов был принести в жертву сорок лет службы Генри в интересах спасения своей корявой физиономии. Уж не говоря о том, что, не посоветовавшись со мной, начал чесать языком. И всего-то — чтобы украсить этой физиономией первые страницы. Уж кого, Мак, газетчики ненавидят, так это таких вот, рвущихся попасть в заголовки. В стремлении увидеть свое имя на первой странице и вправду есть что-то непристойное. Мне тебя не перевоспитать, да и желания особого нету, но я тебе обещаю: вскоре ты и вправду увидишь свое имя в заголовках, будь спок, и — большими буквами. Но — в последний раз. Если только...

— Что ты имеешь в виду?

— Если только мы не соберем Шалтая-Болтая.

— Каким образом? Слушай, Вэс, я сделаю что угодно, но в пределах разумного.

— Да уж конечно, сделаешь.— Роббинс нахмурился.— Есть вполне очевидный путь. Мы можем подать им на блюдечке голову Генри. Свалить на него всю вину за вчерашнее интервью. Он дал тебе плохой совет. Его уволили, и теперь везде тишь да гладь да Божья благодать.

Мистер Кику кивнул.

— Именно так я себе это и представлял. С радостью приму участие... если только будут приняты мои рекомендации по завершению истории с хрошии.

— Да убери ты со своей морды выражение облегчения, Мак! — прорычал Роббинс.— Это — вполне очевидное решение, и оно сработает. Сработает потому, что у Генри есть чувство долга чему-то большему, чем он сам. Но мы сделаем по-другому.

— Но, если Генри согласен, то в высших интересах...

— Засунь себе эти интересы знаешь куда? Мы подадим на блюдечке не голову Генри, а твой драгоценный набалдашник.

Их взгляды встретились. Через некоторое время Макклюре медленно произнес:

— Если ты задумал такую штуку, Роббинс, то можешь об этом забыть и мотать отсюда. Хотите драку — вы ее получите. Первая статья, которая появится в печати, расскажет, как мне пришлось уволить вас двоих за нелояльность и некомпетентность.

— Я очень надеялся, что так ты себя и поведешь,— в ухмылке Роббинса была явная угроза.— Вот позабавимся-то. Но может, ты послушаешь сперва, как это можно сделать?

— Валяй.

— Можно сильно прищемить тебе хвост, а можно все провести довольно безболезненно. Хоть так, хоть этак — тебе кранты. А теперь заткнись и дай мне договорить! Тебе конец, Мак. Я не считаю себя самым главным ксенологом, но даже мне видно, что нашей цивилизации не по карману твой провинциально-политиканский подход к тонким отношениям с негуманоидными расами. Так что с тобой покончено. Вопрос только один: тебе и взаправду так хочется кончить свою карьеру позорным образом? Или ты предпочитаешь безболезненный вариант и несколько приятных фраз в исторических трактатах.

Макклюре глядел на Роббинса с ненавистью, однако не прерывал его.

— Если ты вынудишь меня рассказать все, что я знаю, возможно два варианта. Премьер или бросит тебя на растерзание, или решит поддержать тебя, рискуя при этом получить вотум недоверия в Совете. Каковой он, безо всякого сомнения, и получит. Первым, с колоссальной радостью, от него отвернется Марсианское Сообще-

ство, за Марсом последует Венера, а далее к ним присоединятся дальние колонии и ассоциированные ксенические культуры. В конечном итоге большинство земных наций потребует, чтобы Северо-Американский Союз выдал одного-единственного своего гражданина для предотвращения развала Федерации. Для этого только и надо — толкнуть первую костяшку домино, остальные повалятся сами. А кто будет похоронен под их кучей? Да ты, Мак. После этого баллотируйся ты хоть на должность поселкового собаколова — и то проиграешь выборы. Но есть и безболезненный путь. Ты подаешь в отставку, но мы на пару недель не сообщаем об этом. Как думаешь, Генри, хватит нам двух недель?

— Думаю, более чем достаточно,— очень серьезно согласился мистер Кику.

— Эти две недели ты даже нос себе не будешь подтирать без разрешения Генри. Ты не будешь говорить даже, который сейчас час и какая погода на улице, без его разрешения. А затем ты уходишь в отставку весь осиянный славой успешного завершения хрошианской проблемы. Это будет венец твоей карьеры. Может быть, мы даже придумаем способ выпихнуть тебя с работы вверх, на какой-нибудь роскошный, хоть и бесполезный пост... если ты, конечно, будешь паинькой. Как, Генри?

Мистер Кику молча кивнул.

Макклюре перевел взгляд с бесстрастного лица Кику на выражавшее глубокое презрение лицо Роббинса.

— Красиво вы все это придумали,— с горечью сказал он.— А вот если я возьму да и пошлю вас куда подальше?

— По большому счету это безразлично.— Роббинс широко зевнул.— После отставки правительства новый премьер вызовет Генри из отставки, на твое место посадят надежного безопасного человека, а Генри продолжит свои старания перехитрить хрошии. Ну, потеряем три дня, а повезет — так и меньше. Отмывать тебя до бела будет значительно труднее, но мы хотим оставить тебе хоть какой выход. Верно, Генри?

— Я думаю, что так лучше. Не стоит перетряхивать грязное белье на людях.

Макклюре пожевал нижнюю губу.

— Я обдумаю ваше предложение.

— Вот и хорошо! А я посижу тут, пока ты его обдумываешь. Генри, почему бы тебе не вернуться на рабочее место? Зуб даю, этот твой хитрый стол весь горит огнями, что твоя елка.

— Хорошо.— Мистер Кику вышел из кабинета.

Его стол не был похож на новогоднюю елку, он скорее напоминал праздничный фейерверк; на нем горели десятка полтора желтых лампочек и яростно мигали сразу три красные. Кику разобрался с неотложными делами, спихнул со своих плеч дела помельче и начал разбирать завал, накопившийся в корзине. Он мурлыкал себе под нос, ни мало не заботясь, законна ли еще его подпись.

Кику как раз накладывал вето на выдачу паспорта очень видному лектору — в прошлый раз этот идиот умудрился вломиться на одной из планет Федерации в храм и начать фотосъемку,— когда в кабинет вошел Роббинс и торжествующе кинул на стол бумагу.

— Вот она, его отставка. Ты бы лучше бежал поскорее к премьеру.

— Обязательно,— согласился Кику, взяв бумагу.

— Мне не хотелось, чтобы ты видел, как я выкручиваю ему руки. При свидетелях значительно труднее закричать «дяденька». Согласен?

— Да.

— Пришлось напомнить ему ту историю, когда мы его покрыли. Ну, насчет договора с Кондором.

— Жаль.

— Не надо проливать по нему слезы. Хорошенького понемногу.

Теперь я напишу речь, которую он произнесет перед Советом. Потом найду ребят, с которыми он говорил вчера, и буду умолять их, ради блага любимой старушки-планеты, в последующих статьях освещать вопрос нужным образом. Отнесутся они к этому, мягко говоря, кисло.

— Пожалуй.

— Но согласятся. Нам, людям, надо держаться друг друга, против нас большой численный перевес.

— Мне тоже всегда так казалось. Спасибо, Вэс.

— Заходите еще. А одну вещь я ему так и не сказал.

— Да?

— Не стал напоминать, что мальчишку звать Джон Томас Стюарт. Я не уверен, что, имея в виду этот факт, Марсианское Сообще-

ство стало бы возникать. Совет мог бы и поддержать Мака, а у нас появилась бы отличная возможность выяснить, могут ли эти хрошианские ребята сделать то, чем грозятся.

— Я тоже думал об этом,— кивнул Кику.— Но для такого напоминания был не очень подходящий момент.

— Не очень. Просто удивительно, как часто бывает, что самое лучшее — не разевать варежку. А что ты так улыбаешься?

— Я думал,— объяснил мистер Кику,— как хорошо, что хрошии не читают наших газет.

14. «СУДЬБА? ЧУШЬ СОБАЧЬЯ!»

А вот миссис Стюарт газеты читала. Гринберг с огромным трудом убедил ее привести сына в столицу. Он не мог сказать ей зачем, но все-таки убедил, и она согласилась вылететь завтра утром.

Но завтра утром, когда Гринберг заехал за ними, оказалось, что он теперь persona non grata. Она просто клокотала от ненависти и совала ему в руки газету. Гринберг посмотрел на название.

— Ну и что? Я уже видел ее в отеле. Конечно, сплошная чушь.

— Вот я и пытаюсь сказать это маме,— угрюмо сказал Джон Томас.— Только она меня не слушает.

— А тебе лучше бы помолчать. Ну так что, мистер Гринберг? Что вы можете сказать в свое оправдание?

Никакого складного ответа у Гринберга не было. Увидев газету, он сразу попытался связаться со своим шефом, однако Милдред ответила, что мистер Кику и мистер Роббинс у министра и их нельзя беспокоить. Гринберг сказал, что позвонит попозже; у него появилось нехорошее подозрение, что неприятности начинаются не только у него одного.

Миссис Стюарт, вам, вероятно, хорошо известно, что в газетах часто все перевирают. Ни о каких заложниках и разговора не было; кроме того...

— Как можете вы говорить мне в глаза такое, когда в газете все ясно сказано. Это же интервью с министром космоса. Кто больше знает? Вы? А может — министр?

У Гринберга было свое мнение на этот счет, но он решил, что лучше его не излагать.

— Ради Бога, миссис Стюарт. Не надо принимать за чистую монету все, что пишут в газетах. Эти дикие сообщения не имеют к делу никакого отношения. Я просто прошу вас поехать в столицу и побеседовать немного с заместителем министра.

— И не думайте, что я соглашусь! Если заместителю министра хочется со мной поговорить, пусть сам сюда и приезжает.

— Мадам, если возникнет необходимость, он обязательно так и сделает. Мистер Кику — джентльмен старых понятий; он не стал бы просить леди приехать к нему, не будь столь загружен делами. Вам, вероятно, известно, что как раз сейчас происходит межпланетное совещание?

— У меня есть полезное правило — никогда не интересоваться политикой.

— А вот некоторым приходится,— вздохнул Гринберг.— Из-за этого совещания мистер Кику не может прилететь сюда сам. У нас была надежда, что вы, из чувства гражданского долга, прилетите к нему в столицу.

— И я согласилась, мистер Гринберг, не хотела, но согласилась. А теперь вижу, что вы меня обманывали. Откуда мне знать, а вдруг там ловушка? Заговор с целью выдать моего сына этим чудовищам?

— Я могу заверить вас, мэм, заверить честным словом офицера Федерации ...

— Пожалейте себя, мистер Гринберг. А теперь, если вы не возражаете...

— Миссис Стюарт, я вас умоляю. Если вы только...

— Мистер Гринберг, не вынуждайте меня, пожалуйста, говорить гостю грубости. Но кроме них мне сказать вам нечего.

И Гринберг ушел. Он огляделся вокруг, намереваясь вовлечь в разговор мальчика, но тот потихоньку исчез. Гринберг вернулся к себе в отель, предполагая сегодня же не солоно хлебавши отправиться в столицу. Похоже, нет смысла продолжать спор с миссис Стюарт, пока она немного не поутихла. Чтобы не встречаться с репортерами, он попросил пилота такси сесть на крышу отеля, однако и там его поджидал человек с микрофоном.

— Один секунд, мистер уполномоченный. Моя фамилия Хови. Вы можете сказать пару слов относительно заявления министра Макклюре?

— Никаких комментариев.

— Нужно понимать, что вы с ним согласны?

— Никаких комментариев, я повторяю.

— Тогда, очевидно, вы не согласны?

— Послушайте, я очень спешу.— Что было святой правдой; ему не терпелось позвонить и выяснить наконец, какого черта там происходит.

— Подождите немного, пожалуйста. Все-таки Вествилл непосредственно связан с этой историей; я хотел бы иметь материал прежде, чем наша центральная контора пришлет сюда тяжеловесов, которые отпихнут меня в сторону.

Гринберг немного расслабился. Какой смысл настраивать прессу против себя, да к тому же этот парень прав; все знают, каково бывает, когда присылают старших, чтобы перехватить у тебя твою задачу.

— О'кей. Только покороче, я действительно спешу.— Он вынул сигареты.— Спички есть?

—Конечно.— Они закурили, после чего Хови продолжил: — Тут у нас поговаривают, что все это громыхание министра — просто дымовая завеса, а вы приехали сюда, чтобы забрать мальчика и передать его хроши. Что вы можете сказать на этот счет?

— Никаких ком... Нет, этого не пишите. Скажите вот что, ссылаясь на меня. Ни один гражданин Федерации никогда не передавался и не будет передаваться в качестве заложника ни одной чужой державе.

— Это официально?

— Это совершенно официально,— твердо сказал Гринберг.

— А что вы тогда здесь делаете? Я понял так, что вы пытаетесь увезти мальчишку Стюарта и его мамашу в столицу. А столичный анклав не является, в смысле закона, частью Северо-Американского Союза, ведь правда? И если вы его туда заполучите, наши местные и национальные власти не смогут его защитить.

— Любой гражданин Федерации,— возмущенно замотал головой Гринберг,— у себя дома, когда находится на территории анклава. У него сохраняются все права, которые он имел в родной стране.

— А зачем же вы хотите его туда вывезти?

— Джон Томас Стюарт,— быстро и без малейшей запинки соврал Гринберг,— знаком с психологией хрошии так, как никто другой. Мы хотим, чтобы он помог нам при переговорах.

— Вот это уже понятнее. «Вествиллский мальчик назначен дипломатическим атташе». Годится для заголовка?

— Звучит прилично,— согласился Гринберг.— Ну как, хватит? А то мне и вправду некогда.

— Хватит,— смилостивился Хови.— Я смогу раздуть это на тысячу слов. Спасибочки, уполномоченный. До скорого.

Гринберг спустился к себе в номер, запер дверь и повернулся к телефону, намереваясь позвонить в Министерство, но тут аппарат ожил. На экране появилось лицо шефа Дрейзера.

— Мистер уполномоченный Гринберг...

— Как поживаете, шеф?

— Ничего, спасибо. Но мистер Гринберг, мне только что позвонила миссис Стюарт.

— Да? — Гринбергу вдруг смертельно захотелось проглотить одну из пилюль, которыми пробавлялся мистер Кику.

— Мистер Гринберг, мы ведь всегда стремились сотрудничать с центральными властями.

— Правда? — Гринберг сделал встречный выпад.— Так это значит вы сотрудничали с нами, когда пытались убить Ламмокса, не дожидаясь утверждения приговора?

Дрейзер побагровел.

— Это моя ошибка не имеет никакого отношения к тому, что я сейчас скажу.

— И что же вы скажете?

— У миссис Стюарт пропал сын. Она подозревает, что он у вас.

— Действительно? Ну так она ошибается. Я не имею представления, где он.

— Это точно, мистер уполномоченный?

— Шеф, я не привык, чтобы меня называли лжецом.

— Простите, пожалуйста. Но мне нужно добавить,— упрямо продолжал Дрейзер,— миссис Стюарт не желает, чтобы ее сын покидал город. И полицейское управление поддерживает ее на все сто процентов.

— Естественно.

— Поймите меня правильно, мистер уполномоченный. Вы, конечно, очень важное официальное лицо. Но, если вы нарушите закон, вы такой же гражданин, как и любой другой. Я читал эти статьи в газетах, и они мне не понравились.

— Шеф, я настойчиво вам рекомендую: увидите, что я занялся чем-то незаконным,— исполняйте свой долг.

— Я так и сделаю, сэр. Обязательно.

Гринберг отключился, начал было набирать номер, но передумал.

Если у босса есть новые инструкции, он пришлет их сам, а Кику откровенно презирал полевых агентов, бегущих к мамочке за советом, чуть только ветер дунет в другую сторону. Надо изменить настроение миссис Стюарт — или уж засесть здесь на всю зиму.

Пока уполномоченный Министерства космических дел предавался таким невеселым размышлениям, телефон снова ожил. Гринберг ответил и обнаружил перед собой лицо Бетти Соренсон. Она улыбнулась и сказала:

— Здравствуйте, с вами говорит мисс Смит.

— Э-э?.. Как поживаете, мисс Смит?

— Спасибо, хорошо. Только немного суматошно. Я звоню по поручению своего клиента, мистера Брауна. Ему было сделано предложение совершить поездку. Он желает выяснить одно обстоятельство: у него есть друг в конечном пункте этой поездки; будет ли ему позволено повидаться с другом, если он примет предложение?

Гринберг торопливо обдумывал ситуацию. Хрошии облепят Ламмокса, как мухи. Пустить туда мальчика? Это может быть опасно, да и Кику такого намерения не имел, это точно.

А какого, собственно, черта? Если уж будет нужно, полиция сможет накрыть иммобилизующим полем весь космопорт. В конце концов, нет в этих хрошии ничего такого сверхчеловеческого.

— Скажите мистеру Брауну, что он встретится со своим другом.

— Большое спасибо. Да, еще, мистер Джонс, где ваш пилот может нас подсадить?

— Гринберг опять помедлил.

— Пожалуй, мистеру Брауну было бы лучше воспользоваться коммерческой линией. Одну секунду.— Он нашел авиационное расписание, валявшееся в номере.— Тут есть рейс, отправляющийся из аэропорта примерно через час. Он успеет?

— Да, пожалуй. Но только... понимаете, тут еще денежный вопрос.

— Понятно. А что, если я лично дам вам в долг. Именно вам, а не мистеру Брауну.

— Это было бы чудесно.— Лицо Бетти расплылось в улыбке.

— А как это сделать, у вас есть какие-нибудь предложения?

Предложение у Бетти было. Закусочная напротив центральной городской школы под названием «Шоколадный бар». Через несколько минут Гринберг уже сидел там со своим стаканом молочно-шоколадной бурды. Появилась Бетти, он передал ей конверт, и та сразу же ушла. Гринберг просидел в баре ровно столько, сколько мог выдержать созерцание содержимого стакана, а затем вернулся в гостиницу.

Выждав еще два часа, он позвонил миссис Стюарт.

— Мне только что сообщили, что ваш сын самостоятельно отправился в столицу.— Подождав пока она хоть немного затихнет, Гринберг добавил: — Миссис Стюарт, я все еще нахожусь в Вествилле, но очень скоро вылетаю в столицу. Вы не хотели бы составить мне компанию? Моя машина гораздо быстрее рейсовых лайнеров.

Через полчаса они вылетели.

Мистер Кику впервые встретился с Джоном Томасом Стюартом. Он годился Джонни в дедушки, однако обращался с ним как с равным, поблагодарил за приезд и предложил подкрепиться. Потом мистер Кику рассказал вкратце, что Ламмокс отказывается вернуться домой, если только с ним вместе не полетит Джон Томас.

— А для хрошии крайне важно, чтобы Ламмокс вернулся. Важно это и для нас, хотя и по иным причинам.

— Вы хотите сказать,— в лоб спросил его Джон Томас,— что они нападут на нас, если я не полечу? Так написано в газетах.

Мистер Кику едва заметно помедлил.

— Могут. Но я хотел поговорить с вами не из-за этого. Не думаю, чтобы хрошии что-нибудь предприняли, если ваш друг Лам-

мокс будет против, а Ламмокс будет против, задумай они что-нибудь представляющее опасность для вас, ну, например, удар по нашей планете.

— О, это уж точно, если только Ламмокса кто-нибудь послушает. Но только чего это ради его будут слушать? Что он, какая-нибудь королевская особа?

— Пожалуй, «королевская особа» здесь вполне подходит, хотя мы не знаем толком их обычаев. К желаниям Ламмокса относятся с высочайшим вниманием.

— Смешно.— Джон Томас удивленно покачал головой. А ведь как я его шпынял.

— Как бы там ни было, я не прошу вас уберечь Землю от войны. Я думаю о возможных положительных результатах, об отрицательных я не думаю; мы хотим установить с этим народом дружественные отношения. Я позвал вас, чтобы узнать, чего вы сами хотите. Если у вас появится возможность отправиться вместе с Ламмоксом на их планету — она называется Хрошиюд,— что вы на это скажете? Подумайте хорошенько, не обязательно отвечать сразу.

Джон Томас сглотнул комок.

— А мне не надо ничего обдумывать. Конечно, я полечу.

— Не торопитесь.

— Я и не тороплюсь. Ламми без меня не может. С чужими ему всегда плохо. Да и вообще он хочет, чтобы я летел. Вы же не думаете, что я могу его подвести, правда?

— Не думаю. Однако это — серьезный шаг. Вы улетите почти на тысячу световых лет от дома.

— Мой прадедушка туда летал.— Джон Томас пожал плечами.— Что же мешает мне?

— М-м-м... пожалуй, да. Я все забываю про ваше происхождение. Но неужели вам не интересно, кто еще из людей полетит вместе с вами? И вообще — полетит ли кто-нибудь из людей?

— А? — Джон Томас немного поразмыслил.— Ну, все эти частности как-нибудь образуются. Это не мое дело.

— Мы все продумаем,— сказал Кику. Он встал.— Большое спасибо, что вы приехали.

— Не за что, сэр. А... а когда я смогу увидеть Ламмокса?

Мистер Кику поджал губы.

— Не сейчас. Сначала мне надо кое-что организовать. А тем временем — отдыхайте. Я выделю человека, который покажет вам город и будет за все платить. Заодно он будет вашим телохранителем.

— Телохранителем? А зачем? Я уже взрослый.

— Да, вы взрослый. Но, не говоря о всем прочем, я не хочу, чтобы вы беседовали с репортерами. Вы не возражаете? Вообще-то я не могу вам этого приказать.

— Нет-нет, мистер Кику. Если так надо...

— Так надо.

Джона Томаса мистер Кику принимал у себя в кабинете, за рабочим столом. Миссис Стюарт он принял в роскошно обставленной комнате, лишенной стола для заседания, где все было специально продумано психологами для того, чтобы производить максимальное впечатление на посетителей. Мистер Кику заранее предвидел, что ему предстоит.

Обмен формальными вежливостями, чай и ничего не значащая светская беседа отодвинули решающий разговор.

— Было в высшей степени любезно с вашей стороны, мадам, навестить нас. Сахар? Лимон?

— М-м... Ни того ни другого, спасибо. Мистер Кику, я хотела бы сразу...

— Вы попробуйте эти пирожные. Мистер Гринберг хорошо вас устроил?

— Что? Ах, да, прекрасный номер, с видом на Райские сады. Но скажите, пожалуйста, мистер Кику...

— Мне было крайне неловко просить вас приехать. Но я просто прикован к своей работе. Понимаете,— он беспомощно развел руками,— иногда я просто не властен покинуть столицу.

— Думаю, это можно понять. Так вот...

— Я высоко ценю вашу готовность помочь нам. Вы можете оставаться здесь столько, сколько пожелаете, в качестве официального гостя. Столица стоит того, чтобы ее посмотреть, даже если вы ее видели неоднократно... в чем я не сомневаюсь. И магазины у нас здесь, как я слышал, великолепные.

— Ну по правде говоря, я не бывала здесь раньше. А некоторые из магазинов действительно выглядят очень заманчиво.

— И очень хорошо, мадам. Дела не должны мешать вам проводить время в свое удовольствие. Кстати, о делах. У меня был разговор с вашим сыном.

— Мистер Кику...

— Вы простите меня, если я буду очень краток. Мы посылаем на родную планету этих хрошии обширную культурную и научную делегацию. Я хочу послать и вашего сына, в качестве специального помощника. Он уже дал свое согласие.— Кику ждал неминуемого взрыва, который не замедлил последовать.

— Это просто немыслимо! Я даже не хочу и говорить об этом.

— Но почему, миссис Стюарт?

—Мистер Кику, да есть ли в вас хоть что-нибудь человеческое? Я же прекрасно понимаю, что вы задумали. Вы хотите передать моего ребенка, моего единственного сына в заложники этим чудовищам. У меня просто нет слов!

— Мэм,— покачал головой замминистра.— Вас ввела в заблуждение газетная утка. Вы знакомились с последующими публикациями? С речью министра в Совете?

— Нет, но все равно...

— Я не могу дать вам текст. Там подробно объясняется, каким образом эта чушь попала на печатные страницы. Кроме того, там подтверждается древняя политика Федерации. Все за одного, а если придется, то даже против всей Галактики. В данном случае этот «один» — ваш сын, а за него — все многочисленные планеты Федерации. Однако такая проблема даже не возникает, ваш сын поедет к дружественному народу в составе мирной делегации. Он поможет возведению культурного моста, который свяжет две цивилизованные, но очень непохожие расы.

— Но в газете говорилось, что эти хрошии требовали передать им моего сына. Объясните мне это, если вы, конечно, можете!

— Трудности перевода. Они просили обязательно прислать вашего сына, но делали это по инициативе хрошиа, которая провела многие годы в вашем доме,— Ламмокса. Причина в том, что Ламмокс глубоко привязался к Джону Томасу. Их дружба, презревшая различия происхождения, внешний вид, склад ума,— одно из счастливейших событий в жизни человечества со времени, когда выяснилось, что мы не одни у Всевышнего. Эта почти невероятная дружба

позволит нам в один прыжок преодолеть глубочайшую бездну взаимного непонимания, на что обычно уходят годы и годы бесплодных попыток и трагических ошибок.— Тут Кику сделал паузу.— Появляется даже искушение сказать, что эта дружба — дар судьбы.

Миссис Стюарт возмущенно фыркнула.

— Судьба? Чушь собачья!

— Вы в этом уверены, мадам?

— Я уверена в другом: мой сын никуда не полетит. Через неделю он поступит в колледж, где ему и надлежит быть.

— Так вас, мадам, беспокоит его образование?

— Что? Да конечно же. Я хочу, чтобы он получил приличное образование. Так хотел его отец, оставивший на это деньги, и я намерена позаботиться о выполнении его воли.

— Тогда вы можете успокоиться. В дополнение к посольству мы направляем к хрошии культурную миссию, научную миссию, экономическую и торговую миссию, а также целый ряд специалистов, все — высшей квалификации. Ни один колледж не в состоянии пригласить на работу такое созвездие талантов, даже крупнейшие институты с трудом могут с ним равняться. Вашего сына будут учить не от случая к случаю, а систематически. Если он заслужит степень, она будет присуждена ему... э-э... Институтом внеземных наук.— Мистер Кику улыбнулся.— Вас это устраивает?

— Никогда не слыхала о таком странном методе образования. Но в любом случае институт — это не колледж.

— Он имеет право присваивать степень. А если я ошибаюсь — мы изменим его устав. Но все эти степени, мадам, ничего не значат. Главное, что ваш сын получит великолепное, не имеющее себе равных высшее образование. Насколько я понял, он собирается изучать ксенологию. Ну так у него не только будут преподаватели, он будет прямо жить в новой полевой ксенологической лаборатории и принимать участие в исследованиях. Мы крайне мало знаем про хрошии; он будет работать на переднем крае науки.

— Джон Томас не будет изучать ксенологию.

— Как? Но он ведь так сказал мистеру Гринбергу.

— Да, у него была эта глупая идея, но я не намерена ей потакать. Он будет изучать что-нибудь серьезное, возможно — юриспруденцию.

Мистер Кику высоко поднял брови.

— Ради Бога, миссис Стюарт,— молящим голосом сказал он.— Только не это. Вот я, например, юрист. Он может в результате оказаться в моем кресле.

Она взглянула на мистера Кику с подозрением.

— Не могли бы вы сказать мне,— продолжил он,— почему вы хотите обязательно ему помешать?

— Но не могу же я... Нет, я не вижу причины оправдываться перед вами. Мистер Кику, этот разговор бесполезен.

— А я надеюсь, что нет, мадам. Можно я расскажу вам одну историю? — Сочтя ее молчание за знак согласия, он продолжил: — Эти хрошии совершенно не похожи на нас. Обычное для нас — очень странно для них, и наоборот. Наверное, единственное, что нас сближает — это разумность наших племен. Нам они кажутся такими недружелюбными, такими чужими, что я впал в полное отчаяние, если бы не одно обстоятельство. Как вы думаете, какое?

— Что? Понятия не имею.

— Ваш сын и Ламмокс. Они доказывают своим примером, что если копнуть поглубже, возможности все-таки есть. Но я ушел в сторону. Сотню с лишним лет назад молодая хрошиа встретила дружелюбного незнакомца и улетела вместе с ним. Вы знаете нашу, человеческую часть этой истории. Позвольте мне рассказать вам другую половину, насколько я узнал ее с помощью переводчика и наших ксенологов. Эта маленькая хрошиа была чрезвычайна для них важна; они очень хотели ее вернуть. У них все не так, как у нас; производя потомство, они сложным образом сочетают шесть различных генетических структур, нам в этом еще разбираться и разбираться. Этой маленькой хрошиа была предназначена вполне определенная роль, роль спланированная больше двух тысячелетий назад, примерно во времена Христа. И эта роль является обязательным звеном более обширного плана, плана улучшения расы, который действует, как мне сказали, уже тридцать восемь тысяч земных лет. Вы можете охватить это умом, миссис Стюарт? Лично я — нет. План, составленный тогда, когда кроманьонцы боролись с неандертальцами за главенство на этой планете. Возможно, наши трудности понимания происходят из того, что человечество — самая молодая изо всех известных нам разумных рас. Что бы делали мы, если бы ребенок пропал более чем на столетие? Бессмысленно

говорить об этом, наши действия ничем не напоминали бы поведение хрошии. Они не очень беспокоились о том, как она там живет, они считали ее не погибшей, а просто попавшей куда-то не туда. Эти существа так просто не умирают, даже от голода. Слыхали вы когда-нибудь о плоских червях? О планариях?

— Мистер Кику, я никогда не имела ни малейшего интереса к ксенобиологии.

— Вот так же ошибся и я, мадам; я спросил: «А с какой они планеты?» Планарии — наши с вами родственники; на Земле во много раз больше плоских червей, чем людей. Я говорю о планариях потому, что у них есть одна особенность, общая с хрошии: и те и другие растут, если много едят, и уменьшаются в размерах, когда голодают. Кроме того, и те и другие практически бессмертны, если только не вмешается несчастный случай. Сперва я недоумевал, почему Ламмокс значительно крупнее своих соплеменников. Причина элементарна — вы слишком много его, или точнее — ее, кормили.

— Сколько раз я говорила об этом Джону Томасу!

— Ничего страшного. Они уже посадили ее на голодную диету. Похоже, хрошии даже не рассердились на нас за похищение, или скажем так — за сманивание своего детеныша. Они хорошо ее знали — живой, склонный к приключениям характер был генетически предопределен. Они не сердились, но хотели получить ее назад; они искали год за годом, следуя единственному имевшемуся у них ключу — она, видимо, улетела с определенной группой космических пришельцев. Они знали на что похожи эти пришельцы, но не знали, откуда они.

— Нас это поставило бы в тупик, но не их. У меня есть смутное предположение, что то столетие, которое они потратили на проверку слухов, задавание вопросов, осмотр незнакомых планет было для них чем-то вроде нескольких месяцев для нас. В конце концов они ее нашли. И снова они не сердились на нас, ровно как и не испытывали благодарности. Мы просто ничего для них не значили. И это было бы нашим единственным контактом с великими хрошии, не вмешайся в дело неожиданное обстоятельство: хрошиа, сильно подросшая за это время, но все еще совсем юная, отказывается лететь домой без своего чудовищного — разумеется, с их точки зрения — дружка. Это просто ужасно, но они не могут ее заставить. Вы себе

только представьте. Такое разочарование — брачный союз задуман тогда, когда Цезарь воевал с галлами, все уже готово, остальные партнеры достигли зрелости и тоже готовы... и тут Ламмокс отказывается лететь домой. Ничуть не интересуясь своим высоким предназначением — не забывайте она еще очень молода, у наших детей тоже не очень рано появляется чувство социальной ответственности. Как бы там ни было, она с места не сдвинется без Джона Томаса Стюарта.— Мистер Кику развел руками.— Теперь вы видите, в какое они попали положение.

— Весьма сожалею,— миссис Стюарт поджала губы,— но это не мое дело.

— Совершенно верно. Думаю, в таком случае самое простое — позволить Ламмоксу вернуться домой, я имею в виду ваш дом, и...

— Как? Ни в коем случае!

— Мадам?

— Вы не имеете права посылать эту тварь назад. Я не потерплю этого.

— Я не очень понимаю вас, мэм.— Мистер Кику задумчиво погладил свой подбородок.— Право, не понимаю. Это же дом Ламмокса; этот дом был ее домом значительно дольше, чем вашим, думаю — раз в пять дольше. И если я не ошибаюсь, этот дом принадлежит не вам, а вашему сыну. Так ведь?

— Все это не имеет отношения к делу! Вы не имеете права спихивать на меня эту тварь!

— Суд вполне может постановить, что решать это должен ваш сын. Но только зачем заходить так далеко? Я просто пытаюсь понять, почему вы так резко настроены против благополучия собственного сына?

Миссис Стюарт не отвечала, она сидела, глядя перед собой и тяжело дыша. Мистер Кику ее не торопил. В конце концов она ответила:

— Мистер Кику, я отдала космосу мужа; я не хочу, чтобы мой сын пошел по тому же пути. Я хочу сделать все, чтобы он остался на Земле, жил на Земле.

Кику печально покачал головой.

— Мисис Стюарт, мы всегда теряем сыновей, теряем их с самого начала.

Она достала носовой платок и промокнула себе глаза.

— Я не могу отпустить его в космос, ведь он еще совсем маленький.

— Он уже мужчина, миссис Стюарт. Мужчины младше его погибали в бою.

— И вы думаете, что это в мужчине главное?

— Я не знаю лучшего критерия.

— Я называю своих помощников «ма́льчики»,— продолжил мистер Кику,— так как сам я — человек старый. Вы считаете своего сына мальчиком потому, что вы по сравнению с ним старая женщина. Простите. Но считать, что мальчик становится мужчиной только после какого-то определенного дня рождения — чисто бюрократическая фикция. Ваш сын — мужчина; у вас нет морального права держать его у своего подола.

— Вы говорите совершенно ужасные вещи. Все не так. Я просто хочу помочь Джону Томасу, направить его на верный путь.

— Мадам,— хмуро усмехнулся мистер Кику.— Мадам, самая распространенная слабость нашей расы — склонность давать рациональные объяснения своим самым эгоистичным намерениям. Повторяю, у вас нет права формировать его по своему образу и подобию.

— Во всяком случае, у меня больше на это права, чем у вас. Я его мать.

— А разве «родители» — то же самое, что и «владельцы»? Впрочем, не важно. Мы с вами находимся на противоположных полюсах: вы пытаетесь помешать ему, а я помочь ему сделать то, что он хочет.

— Из самых низменных побуждений!

— Мои побудительные мотивы не имеют значения, ровно как и ваши.— Мистер Кику встал.— Вы совершенно правы, этот разговор бесполезен. Я очень сожалею.

— Я не пущу его! Он еще несовершеннолетний... у меня есть на него права.

— Весьма ограниченные, мадам. Он ведь может и развестись с вами.

Миссис Стюарт прямо задохнулась от негодования.

— Он не посмеет! Я же его мать!

— Возможно. Но наши суды по делам несовершеннолетних давно уже смотрят крайне косо на произвольное использование роди-

тельской власти. Дела по принуждению в выборе профессии обычно рассматриваются буквально за несколько минут. Не надо заходить слишком далеко в противодействии Джону Томасу. Вы можете просто лишиться его. Он полетит.

15. НЕДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Мистер Кику вернулся в свой кабинет с мучительными спазмами в желудке, но заниматься ими было некогда; перегнувшись через стол к микрофону, он сказал:

— Сергей, зайди, пожалуйста.

Войдя, Гринберг первым делом положил на стол две магнитофонные кассеты.

— Фу. До чего приятно от них избавиться.

— Сотри, пожалуйста. И забудь, что ты их когда-нибудь слушал.

— С радостью.— Гринберг опустил кассеты в щель стола.— Какого черта, босс, неужели нельзя было это сделать как-нибудь под наркозом?

— К сожалению, никак.

— Вэс Роббинс обращался с ним не очень-то милосердно. Я чувствовал, будто подглядываю в замочную скважину. А зачем мне было их слушать? Я же не имею никакого отношения ко всей этой пакости. Или имею?

— Нет. Но когда-нибудь тебе может потребоваться знать, как такое делается.

— М-м-м... босс... а вы и вправду думали смириться, когда он вас уволил?

— Не задавай дурацких вопросов.

— Простите. А как у вас дела с этой непробиваемой дамочкой?

— Не отпускает.

— Ну и?

— Ну и он летит.

— Она устроит дикий визг перед репортерами.

— Да уж, не сомневаюсь.— Мистер Кику наклонился к столу: — Вэс?

— Мистер Роббинс уехал на похороны венерианского министра иностранных дел,— ответил женский голос.— Вместе с министром.

— Да, конечно. Попросите его, пожалуйста, зайти ко мне, когда вернется.

— Хорошо, мистер Кику.

— Спасибо, Сидзуко.— Заместитель министра снова повернулся к Гринбергу: — Сергей, твой временный ранг дипломатического офицера первого класса был сделан постоянным с того времени, как я приставил тебя к этому делу.

— Действительно?

— Да. Документы, наверное, в конце концов доберутся и до тебя. А теперь тебе присваивается временный ранг старшего дипломатического офицера. Я задержу присвоение постоянного ранга на три месяца, чтобы малость поунять любопытство некоторых.

На лице Гринберга не отразилось никаких эмоций.

— Неплохо,— сказал он.— Но только чего ради? Это что, потому, что я регулярно чищу зубы? Или может — у меня портфель всегда блестит?

— Ты отправляешься на Хрошиюд как первый заместитель и глава миссии. Послом будет Макклюре, только я что-то сомневаюсь в его лингвистических способностях, так что придется тебе самому тянуть этот воз. Потому постарайся поскорее научиться объясняться на их языке. Понимаешь?

Гринберг перевел это про себя следующим образом: Макклюре придется общаться с ними исключительно через тебя, так что ты сможешь держать его в руках.

— Да-а,— ответил он задумчиво,— а как же насчет доктора Фтаемла? Посол, пожалуй, охотнее воспользуется его услугами, чем моими.— Про себя Гринберг добавил: босс, что же это ты со мной хочешь сделать? Макклюре обойдет меня через Фтаемла... и я окажусь на мели в девятистах световых годах от какой-либо помощи.

— Очень жаль,— ответил Кику,— но я никак не могу отдать Фтаемла. Мне придется оставить его переводчиком для общения с миссией, которую оставят на Земле хрошии. Он уже согласился.

На лице Гринберга появилась озабоченность:

— Придется всерьез у него поучиться. Правда, я успел уже немного поднахвататься в их языке. Глотку от него саднит. Но толь-

ко когда это они согласились? Я что, все проспал? Это — пока я был в Вествилле?

— Они еще не согласились. Но согласятся.

— Восхищаюсь вашей уверенностью, босс. Мне они кажутся не менее упрямыми, чем миссис Стюарт. Кстати, о миссис Стюарт. Пока вы с ней любезничали, я беседовал с доктором Фтаемлом. Он говорит, эти ребята становятся все настойчивее насчет мальчонки Стюарта. Теперь вы знаете, что он полетит, так может успокоить их малость? Фтаемл, бедняга, прямо весь издергался. Он говорит, они давно бы врезали нам, мешает только возможное неудовольствие нашего старого приятеля Ламмокса.

— Нет,— ответил Кику.— Мы им не скажем. И Фтаемлу тоже. Лучше, если он так и останется перепуганным.

Гринберг задумчиво пожевал костяшку пальца.

— Босс,— медленно сказал он,— а не ищем ли мы приключений на собственную шею? Или вы подозреваете, что не такие уж они страшные, как сами себя малюют? И что если дело дойдет до мордобоя, мы их побьем?

— Сильно в этом сомневаюсь. Но мальчик — мой туз, припрятанный в рукаве.

— Пожалуй что. Не хотелось бы цитировать сами знаете кого, но если риск так уж велик, не имеют ли случаем люди право об этом знать?

— Имеют. Но мы не можем им ничего сказать.

— Повторите, пожалуйста, я что-то не понял.

Мистер Кику нахмурился.

— Сергей,— медленно произнес он.— Наше общество находится в состоянии перманентного кризиса с того самого момента, как первая ракета добралась до Луны. Три столетия ученые, инженеры и исследователи раз за разом прорываются во все новые неизведанные области, к новым опасностям и новым проблемам. И каждый раз политики с колоссальным трудом удерживают расползающееся общество, словно жонглер, у которого в воздухе слишком много мячей и бутылок. Это неизбежно. Однако нам пока удается иметь кое-как сляпанную республиканскую форму правления и поддерживать демократические обычаи. Мы имеем право этим гордиться. Но теперь это — не настоящая демократия, и не может она

ею быть. Я думаю, что наш долг — суметь удержать это общество от распада, пока оно привыкает к незнакомому и внушающему страх миру. Очень, конечно, было бы приятно не торопясь обсудить каждую проблему, провести голосование и вернуться к ней снова, когда коллективное решение окажется ошибочным. Только ведь так почти никогда не удается. Гораздо чаще мы попадаем в положение пилота, стоящего перед смертельной опасностью. Так что же, пилот должен просить совета у пассажиров? А может, ему лучше использовать свое умение и опыт, чтобы доставить их в целости на место?

— Очень это у вас убедительно звучит, босс. Интересно только, правы вы или нет?

— Мне тоже интересно. Я собираюсь завтра утром устроить конференцию с хрошии,— продолжил мистер Кику.

— Хорошо. Я скажу Фтаемлу. Одну ночь они, пожалуй, еще потерпят.

— Но раз они так озабочены, мы отложим конференцию до послезавтра, пускай еще подергаются.— Кику немного подумал.— Пусть Фтаемл сообщит им следующее. Наши обычаи требуют, чтобы сторона, желающая переговоров, прислала сперва дары. Следовательно, они должны их прислать. Сообщите им, что щедрость даров служит мерилом серьезности обсуждаемого вопроса: незначительные дары — несерьезное отношение к их просьбе.

Гринберг нахмурился.

— Вы задумали какое-то жульничество, но я что-то не все понимаю. Фтаемл знает, что у нас нет такого обычая.

— А вы не можете убедить его, что это просто такой обычай, с которым он раньше не сталкивался? Или прямо довериться ему? Я вижу, что у него в душе конфликт: он верен своим клиентам, но симпатии его на нашей стороне.

— Лучше, пожалуй, не пытаться его обдурить. Но с другой стороны, заставить рарджиллианца врать, когда он работает посредником... Боюсь, он просто не сможет.

— Ну попробуй сформулировать так, чтобы это не было ложью. Скажи, что корни такого обычая уходят в глубь веков. А это и вправду так. И что мы обращаемся к нему только в исключительно важных случаях, вроде этого. Откройся ему, пусть он видит твои намерения, пусть переводит с симпатией к нам.

— Пожалуй, смогу. Но только зачем это все? Вырасти в их глазах?

— Вот именно. Мы ведем переговоры со слабой позиции; крайне необходимо, чтобы у нас было преимущество в начале. Я надеюсь, что символика просителя, приносящего дары, действительно универсальна.

— Ну а если они не заявятся к нам с барахлом?

— Будем сидеть и не мельтешить, пока не передумают. Начни подбирать себе команду,— добавил Кику.— Завтра покажи мне список.

Гринберг застонал.

— А я-то собирался сегодня пораньше лечь.

— В нашем деле на это редко приходится рассчитывать. Да, еще. Как только совещание окончится, пошли кого-нибудь потолковее — может Петерса — к ним на корабль посмотреть, что там надо сделать, чтобы люди могли лететь. Потом мы сообщим хрошии наши требования.

— Секунду, босс. Я бы предпочел наш корабль. И откуда вы знаете, что у них найдется для нас место?

— Наши корабли пойдут следом. Но хрошиа Ламмокс летит с ними, а значит, и мальчик тоже. Поэтому наша делегация отправится на их корабле, чтобы не оставлять его одного без людей.

— Ясно. Не подумал.

— Места хватит. Ведь и они оставят на Земле свою миссию. Или никто из людей не полетит. Сотня хрошии, если взять число наугад, конечно же, освободит достаточно места для людей.

— Попросту говоря, босс,— негромко сказал Гринберг,— вы настаиваете на заложниках.

— Заложники,— чопорно произнес мистер Кику,— это понятие отсутствует в словаре дипломата.

Он повернулся с своему столу.

Для совещания выбрали зал на первом этаже здания Министерства космических дел: его двери были достаточно велики, а пол — достаточно крепок. Проще и безопаснее было бы провести совещание прямо в космопорте, как предлагал доктор Фтаемл, однако из протокольных соображений мистер Кику настоял на том, чтобы хрошии явились к нему.

Сначала появились дары.

Дары сложили по обеим сторонам обширного зала, количество их было огромным, но ценность и качество оставались неизвестными. Министерские ксенологи рвались к ним, словно дети к новогодним подаркам, но мистер Кику приказал ничего не трогать до окончания совещания.

Когда делегация хрошии появилась в зале, Сергей Гринберг присоединился к мистеру Кику, сидевшему в комнате отдыха за сценой. Вид у Гринберга был обеспокоенный.

— Что-то не нравится мне все это, босс.

Заместитель министра поднял голову:

— Почему?

Гринберг осторожно глянул на прочих находившихся в комнате — Макклюре и дублера, заменявшего премьер-министра. Дублер, опытный актер, кивнул ему и вернулся к изучению речи, которую должен был вскоре произнести, а Макклюре резко спросил:

— В чем дело, Гринберг? Они что-нибудь задумали?

— Надеюсь, что нет. Я проверил с воздуха, все выглядит хорошо. Мы забаррикадировали бульвар Звезд отсюда и до самого порта; по обеим сторонам его расположены силы, достаточные для небольшой войны. Я выждал, пока их колонна покинет порт, и полетел над ней. Они оставляли группы своих сил примерно через каждые четверть мили и устанавливали в этих точках какое-то оборудование. Может, конечно, это просто линия связи с кораблем, но мне что-то не верится. Это — оружие.

— Пожалуй,— согласился Кику.

— Так послушайте, мистер Кику...— озабоченно начал министр.

— Простите, мистер Макклюре. Сергей, главнокомандующий уже успел доложить мне все это. Я сказал премьеру, что мы не должны ничего предпринимать, если только они не попытаются преодолеть наши заграждения.

— Мы можем потерять много людей.

— Можем. А что бы сделал ты, Сергей, если бы потребовалось поехать для переговоров в лагерь иноплеменников? Полностью доверился им? Или постарался обеспечить себе отход?

— М-м... да, пожалуй.

— Мне кажется, что это — самый обнадеживающий знак, какой мы видели за последнее время. Если это оружие — а я надеюсь, что

так оно и есть,— значит, они не считают нас совсем незначительными противниками. Против мышей не выкатывают пушку.— Мистер Кику огляделся по сторонам.— Так что, пойдем? Пожалуй, мы их уже достаточно помариновали. Ты готов, Сергей?

— Само собой.

Дублер премьера отложил текст своей роли:

— Этот мальчонка Роббинс умеет писать речи. А то другие напихают столько шипящих звуков, что забрызгиваешь слушателей слюной аж до пятого ряда.

— Ну, двинулись.

И они пошли: впереди — актер, за ним министр, постоянный заместитель министра и его помощник.

Из длинной процессии хрошии, которая выходила из космопорта, до здания Министерства добралось что-то около дюжины. Мистер Кику смотрел с интересом — раньше он их никогда не видел. В представителях великого народа ничуть не чувствовалось того добродушия огородного пугала, которым так и светилась — на фотографиях — хрошиа Ламмокс. Эти все были взрослыми, хотя ростом они заметно ей уступали. Один их них, стоявший впереди и сопровождаемый с обеих сторон двумя другими, глядел прямо на мистера Кику. Взгляд у инопланетянина был холодный и уверенный; заместитель министра почувствовал себя крайне неловко, ему хотелось отвести глаза. Но какого черта! Ведь его собственный гипнотерапевт умеет делать это ничуть не хуже, а может, даже и лучше; мистер Кику ответил взглядом на взгляд.

Гринберг тронул его за локоть.

— Они и сюда натащили оружия,— прошептал он.— Видите? Там, сзади.

— Нам не полагается знать, что это оружие,— ответил мистер Кику.— Давайте считать, что это записывающая аппаратура.

Доктор Фтаемл стоял неподалеку от переднего хрошиу.

— Объясните им, кто здесь наш премьер-министр,— сказал мистер Кику.— Назовите его главой семнадцати планет.

Рарджиллианец был в замешательстве.

— А как же президент вашего Совета?

— В данном случае премьер-министр представляет и его, и себя.

— Хорошо, мой друг.— Доктор Фтаемл заговорил высоким голосом, напомнившим мистеру Кику щенячий скулеж. Хрошиу ко-

ротко ответил на том же языке, и Кику почувствовал, что его вдруг покинул ужас, внушенный тяжелым взглядом инопланетянина. Ну нельзя же испытывать страх и благоговение перед существом, похожим по голосу на потерявшегося щенка. Только не надо забывать, напомнил он себе, что смертельно опасный приказ можно отдать любым голосом и на любом языке.

Фтаемл говорил.

— Рядом со мной находится...— он что-то проскулил на чужом языке,— командир корабля и экспедиции. Она... нет, пожалуй, лучше сказать «он»... он является потомственным маршалом и...— рарджиллианец смолк и жестом показал свою беспомощность.— У вас нет соответствующего титула. Ну, скажем «старший во дворце».

— А может просто «босс»? — неожиданно вставил Гринберг.

— Великолепное предложение. Да, это босс. Ее... его социальное положение не является наивысшим, но на практике власть его не знает границ.

— И власть эта достаточно велика, чтобы давать ему полномочия вести межпланетные переговоры? — спросил Кику.

— Без всякого сомнения.

— Ну, тогда перейдем к делу.— Кику кивнул актеру. Затем, используя «беззвучный» канал, обратился к находившейся перед ним панели.— Все проходит?

— Да, сэр,— ответил голос, слышный только ему.— Один раз пропало изображение, но теперь все в порядке.

— Премьер и главнокомандующий слушают?

— Думаю да, сэр. У них поставлены мониторы.

— Прекрасно.

Мистер Кику послушал речь премьер-министра. Довольно краткая, она была произнесена с величайшим достоинством; к тому же актер держал такой темп, чтобы Фтаемл успевал переводить. Премьер-министр приветствовал хрошии на Земле, заверял их в том, что все народы Федерации испытали величайшую радость, когда они нашли в конце концов своего потерянного отпрыска. К тому же, добавил он, это счастливое завершение несчастной случайности представляет подходящий случай, чтобы хрошии по праву заняли место в Содружестве Цивилизаций.

Актер сел и сразу же уснул. Глаза его оставались открытыми, а с лица не сходило выражение доброжелательного достоинства. Он

мог часами сохранять эту позу римского императора, ничуть не обращая внимания на происходящее вокруг.

Макклюре вкратце повторил сказанное премьером и добавил, что Федерация готова обсудить любые деловые отношения между Федерацией и благородными хрошии.

— Похлопать, босс? — спросил Гринберг, наклонившись к Кику.— Кто-то же должен, а они, похоже, не умеют.

— Заткнись,— дружелюбно ответил Кику.— Доктор Фтаемл, намерен ли командир произнести официальную речь?

— Думаю, нет.— Фтаемл побеседовал с главным хрошиу, а затем сказал: — Его ответ является не формальной любезностью, а серьезным комментарием на две произнесенные речи. Он говорит, что хрошии не нуждаются в других племенах... стоящих на низшей ступени развития. Он говорит, что прежде чем обсуждать дела, вам следовало бы... ладно, все это не важно.

— Но если они действительно не испытывают нужды в прочих расах, то почему, спросите его, пожалуйста, они пришли к нам и принесли дары?

— Но вы же сами на этом настаивали,— удивился Фтаемл.

— Благодарю вас, доктор, но сейчас я не нуждаюсь в ваших комментариях. Потребуйте у него ответа. Только, пожалуйста, не давайте ему советов.

— Я попробую.— Фтаемл обменялся несколькими фразами с командиром хрошии, а затем повернулся к Кику: — Только простите меня. Он говорит, что снизошел к вашей ребячливости, считая это простейшим способом достичь желаемого. А теперь он хочет обсудить передачу им Джона Томаса Стюарта.

— Скажите ему, пожалуйста, что пока невозможно перейти к этому вопросу. Согласно повестке дня сначала должен быть решен вопрос установления дипломатических отношений.

— Простите меня, сэр. Очень трудно перевести понятие «дипломатические отношения». Я бился над этим несколько дней.

— Скажите ему, что то, что сейчас происходит, как раз и является примером дипломатических отношений. Свободные люди ведут переговоры как равные, с мирными намерениями, в интересах взаимной выгоды.

— Каждое из этих понятий почти столь же трудно переводимо.— Рарджиллианец изобразил человеческий вздох.— Но я попробую.

Через некоторое время он ответил:

— Потомственный маршал говорит, что если происходящее здесь и есть дипломатические отношения, то вы их уже получили. Где мальчик Стюарт?

— Не так сразу. Повестку дня надо соблюдать последовательно, пункт за пунктом. Они должны принять посольство и комплексную делегацию — культурную, научную и торговую. Они должны равным образом оставить у нас посольство и делегацию. Нужно договориться о регулярном сообщении между обеими суверенными державами. Прежде разрешения всех этих вопросов невозможно даже упоминать о мальчике.

— Я попробую еще раз.— Фтаемл долго что-то говорил «боссу»; ответ был очень краток: — Он приказал ответить вам, что все эти вопросы отвергнуты, как не заслуживающие рассмотрения. Где мальчик Стюарт?

— Если так,— спокойно сказал мистер Кику,— скажите ему, что мы не торгуемся с варварами. Скажите, чтобы они забирали свое барахло — обязательно постарайтесь, чтобы в переводе было достаточно сильное выражение,— которым они замусорили наш дом, и живо убирались на свою посудину. Пускай затолкают свою драгоценную хрошиа на борт, если надо — силком, раз они так хотят ее видеть, но в дальнейшем они не получат разрешение на посадку.

У Фтаемла был такой вид, словно сейчас брызнут слезы, которых у него не могло быть.

— Пожалуйста! Я умоляю вас не настраивать их против себя. Я говорю вам то, чего говорить не должен... я выхожу за рамки своих профессиональных обязанностей... но они могут уничтожить этот город, даже не возвращаясь на свой корабль.

— Передайте мои слова. Переговоры окончены.— Мистер Кику встал, сделал остальным знак глазами и направился в комнату отдыха.

Впереди шел актер. Макклюре поймал локоть мистера Кику и пошел с ним рядом.

— Генри, ты, конечно же, руководишь этим спектаклем. Но не лучше ли будет как-нибудь продолжить разговоры? Они же просто жуткие зверюги. Все это может...

— Мистер Макклюре,— спокойно ответил Кику,— как сказал однажды наш выдающийся предшественник, имея дело с некото-

рыми типами, надо наступать им на пальцы до тех пор, пока они не начнут извиняться.— Он направил министра к двери.

— А вдруг они не начнут?

— В этом есть определенная опасность. Пожалуйста, не будем спорить в их присутствии.— Они вошли в комнату отдыха; дверь за ними закрылась.

— Недурственно, босс.— Гринберг повернулся к Кику.— Только теперь-то что нам делать?

— Ждать.

— О'кей.— Гринберг подошел к монитору и вгляделся в изображение происходящего в зале. Хрошии не ушли. Они, видимо, окружили доктора Фтаемла; их фигуры, значительно более крупные, чем у горгоноида, совсем скрыли его от глаз.

— Со мной все, сэр? — спросил актер.

— Да, Артур. Отличная работа.

— Спасибо. У меня еще осталось время снять этот грим и успеть на второй тайм.

— Вот и хорошо. Только, может, тебе лучше переодеться здесь?

— Да фиг с ним, все равно репортеры знают. Ребята не подведут.

Он вышел насвистывая. Макклюре сел, зажег сигару, затянулся один раз и отложил ее.

— Генри, тебе надо связаться с главнокомандующим.

— Он сам знает. А мы будем ждать.

И они стали ждать.

Неожиданно Гринберг сказал:

— А вот и Фтаемл,— и торопливо подойдя к двери, впустил рарджиллианца.

В докторе Фтаемле чувствовалась напряженность.

— Мой дорогой мистер Кику, командир хрошии согласен удовлетворить ваши странные пожелания в целях быстрейшего достижения согласия. Он настаивает на том, чтобы вы немедленно предоставили ему мальчика.

— Скажите ему, пожалуйста, что он абсолютно неправильно понимает природу дружественных отношений между цивилизованными народами. Мы не отдадим свободу одного из наших граждан в обмен на их жалкие поблажки — ровно так же, как они не поступились

бы свободой хрошиа Ламмокс. А затем скажите ему, что я приказываю им немедленно убираться.

— Я с крайней неохотой передам ваши слова.

Вернулся Фтаемл быстро.

— Они согласны на ваши условия.

— Хорошо. Пошли, Сергей. Мистер Макклюре, вам не обязательно выходить, если только вы сами того не пожелаете.— Кику вернулся в зал, сопровождаемый Гринбе́ргом и Фтаемлом.

Вид у «босса» хрошии стал, как показалось Кику, еще более зловещим, чем прежде. Однако все детали были быстро согласованы — равное количество людей и хрошии в составе миссий, доставка людей кораблем хрошии; один из присутствовавших инопланетян был назначен послом в Федерации. Фтаемл заверил, что этот хрошиу уступает в звании только командиру экспедиции.

— А теперь «босс» говорит, что пришло время передать им Джона Томаса Стюарта. Я надеюсь, вы все организовали, мой друг,— озабоченно добавил доктор Фтаемл.— Мне как-то подозрительно все это. Слишком уж легко.

С чувством удовлетворения, заглушавшим даже боль в желудке, мистер Кику ответил:

— С этим не будет никаких трудностей. Теперь, когда мы уверились в цивилизованности наших отношений, Джон Томас Стюарт согласен отправиться. Пожалуйста, объясните им, что он летит, как свободный человек, а не раб или домашнее животное. Хрошии должны гарантировать его статус, а также его возвращение на одном из их кораблей, как только он того пожелает.

Фтаемл перевел. Через некоторое время он ответил:

— Все это вполне приемлемо, за исключением одной, как я бы перевел, незначительной подробности. Мальчик будет членом семьи хрошиа Ламмокс. Естественно — здесь я перевожу особенно тщательно — естественно, вопрос возвращения Джона Томаса Стюарта, если таковое вообще когда-нибудь последует, является личной прерогативой хрошиа Ламмокс. Если он наскучит ей и она захочет, чтобы он вернулся, в его распоряжение будет предоставлен корабль.

— Нет.

— «Нет» что, сэр?

— Просто нет. Вопрос о Стюарте закрыт.

Фтаемл снова повернулся к своим клиентам.

— Они говорят,— сообщил он через некоторое время,— что договора тоже нет.

— Я это знаю. Никто не станет подписывать договор с... у них есть слово, обозначающее «слугу»?

— У них есть различные категории слуг, более высокие и более низкие.

— Используйте название низшей разновидности. Скажите им, что договора не может быть, так как слуги не имеют права вступать в переговоры. Скажите, чтобы они убирались, и поживей.

Фтаемл с печалью посмотрел на Кику.

— Я восхищаюсь вами, мой друг, но не завидую вам.— Он обернулся к командиру экспедиции и несколько секунд поскулил.

Хрошиу широко раздвинул свой рот, посмотрел на Кику и отчаянно заскулил, как щенок, которого пнули ногой. Фтаемл дернулся от неожиданности и немного отодвинулся.

— Очень непристойные слова, совершенно непереводимые...

Чудовище продолжало издавать визгливые звуки; Фтаемл отчаянно пытался переводить.

— Презренные... Жалкая скотина... с удовольствием съел бы вас... теперь он перечисляет ваших предков в глубь поколений и тоже их ест... вашей презренной расе пора дать урок хороших манер... воры... похитители детей...— Фтаемл смолк; видно было, что он очень возбужден.

Хрошиу проковылял к возвышению, на котором стояли люди, и стал поднимать переднюю часть туловища, пока не оказался лицом к лицу с мистером Кику. Рука Гринберга скользнула под стол и нащупала кнопку, накрывавшую всю нижнюю часть зала иммобилизующим полем. Генераторы поля были установлены здесь давно и постоянно, в этом зале уже всякое бывало.

Мистер Кику сидел, словно высеченный из камня. Они глядели друг на друга в упор, огромное существо «извне» и маленький, пожилой человек. Зал замер.

Затем из дальнего конца зала послышался визг, словно кто-то переполошил целую корзинку щенят. Командир хрошии мгновенно повернулся — пол при этом заходил ходуном — и что-то повелительно проскулил своим спутникам. Получив ответ, он проскулил

отрывистую команду. Все двенадцать хрошии мгновенно вылетели за дверь, двигаясь со скоростью, просто невероятной для столь неуклюже выглядевших существ.

Кику, приподнявшись, наблюдал их исход. Гринберг схватил его за руку.

— Босс! С вами хочет говорить главнокомандующий!

Кику стряхнул руку Сергея.

— Скажите ему, чтобы не спешил. Для нас сейчас жизненно важно, чтобы он не спешил. Как там наша машина? Ждет?

16. «МЫ ВАМ ВСЕ НАПОРТИЛИ»

Джон Томас Стюарт тоже хотел присутствовать на конференции, но получил прямой, недвусмысленный отказ. Когда появилась Бетти в сопровождении мисс Хольц, он играл в шашки со своим телохранителем в номере отеля «Универсаль», предоставленном ему и его матери. Приятная внешность успешно скрывала род занятий Майры Хольц — опытного агента службы безопасности Минкосма.

— Не спускай с нее глаз,— инструктировал Майру мистер Кику, поручая Бетти ее заботам.— У этой девицы страсть к приключениям.

Двое охранников поздоровались.

— Привет, Джонни,— сказала Бетти.— Я думала, ты уже развлекаешься в городе.

— Они меня не пускают.

— Меня тоже.— Бетти окинула взглядом комнату.— А где герцогиня?

— Путешествуют по магазинам. Со мной все еще не разговаривает. Она накупила аж семнадцать шляп. Что это ты сделала с лицом?

— Нравится? — Бетти повернулась к зеркалу.— Космический абрис, так это называется. Последний писк.

— Ты похожа на зебру, больную оспой.

— А ты — просто чурбан неотесанный. Вот Эду, наверное, нравится. Эд, правда?

— Я в этом не разбираюсь,— торопливо ответил Эд Ковен, оторвавшись от шашек.— Жена говорит, что у меня совсем отсутствует вкус.

— А у мужчин вообще его нет. У большинства. Джонни, мы с Майрой пришли, чтобы пригласить вас обоих прогуляться по городу. Ты как?

— Не нравится мне это, Майра,— ответил Ковен.

— Это она придумала.

— А почему, собственно, нет? — спросил Джон Томас, обращаясь к Ковену.— Меня уже начинает мутить от шашек.

— Ну... Вообще-то считается, что я должен все время находиться в контакте с конторой. Ты можешь потребоваться им в любую минуту.

— Чушь,— вмешалась Бетти.— Вы можете взять с собой рацию. Впрочем, она есть у Майры.

Ковен покачал головой.

— Лучше уж перестраховаться.

— Я что, нахожусь под арестом? — возмутилась Бетти.— Или Джонни?

— М-м-м... нет. Скорее, мы вас оберегаем.

— В таком случае вы можете оберегать его там, куда он пойдет. Или остаться здесь и играть в шашки с самим собой. Пошли, Джонни.

Ковен вопросительно посмотрел на мисс Хольц; та неуверенно сказала:

— Я думаю, тут нет ничего страшного, Эд. Мы же будем с ними.

Ковен встал, пожав плечами.

— Я никуда не пойду, если ты будешь в таком виде,— сказал Джон Томас.— Иди умойся.

— Джонни! На эту работу ушло целых два часа!

— И все на денежки налогоплательщиков, верно?

— Ну, в общем-то да, но...

— Умойся. Или мы никуда не пойдем. Вы согласны со мной, мисс Хольц?

Специальный оперативный агент Хольц выглядела очень скромно: только флоральный орнамент на левой щеке, ну и, конечно, обычное тонирование лица.

— Для Бетти в ее возрасте,— рассудительно сказала она,— это, пожалуй, лишнее.

— Уже спелись, пуритане несчастные! — с горечью произнесла Бетти. Показав Джонни язык, она неохотно направилась в ванную. Вышла она оттуда с лицом розовым от старательного надраивания.— Теперь я почти что голая. Идем.

Перед лифтом произошла очередная стычка; на этот раз победил Эд Ковен. Он предложил поехать наверх, на крышу, и взять аэротакси, вместо того чтобы спуститься и идти пешком.

— Последние два дня, ребята, ваши лица красовались на первых страницах каждой здешней газеты. А сдвинутых в этом городишке — хоть пруд пруди. Я не хочу никаких неприятностей.

— Если бы вы не позволили ему мной помыкать, меня бы с таким лицом мама родная не узнала.

— А его бы узнали.

— Накрасили бы заодно и его. Ни одно мужское лицо не станет хуже, если его накрасить.— Однако Бетти все же вошла в лифт.

— Куда, шеф? — спросил водитель.

— Да все равно,— ответил Ковен.— Покрутись над городом и покажи нам его сверху. Пусть будет почасовая оплата.

— Хозяин — барин. Только я не могу перелетать через бульвар Звезд. Там какая-то процессия или еще что.

— Знаю.

— Послушайте,— сказал Джонни.— Отвезите нас в космопорт.

— Нет,— вмешался Ковен.— Только не туда.

— Но почему, Эд? Я же еще не видел Ламмокса. Я хочу на него посмотреть. Может быть он нездоров.

— Ты можешь делать почти все, что тебе заблагорассудится,— объяснил ему Ковен,— но только не это. К кораблю хрошии нельзя.

— Ну хоть сверху я могу на него посмотреть?

— Нет!

— Но...

— А ты с ним не разговаривай,— посоветовала Бетти.— Мы возьмем другое такси. У меня есть деньги. Пока, Эд.

— Слушайте,— недовольно сказал водитель.— Я отвезу вас хоть в Тимбукту, если хотите. Но только я не могу вот так висеть над взлетной площадкой. Полиция начнет возникать.

— Ладно, давай в космопорт,— обреченно сказал Ковен.

Вокруг всего обширного участка, отведенного хрошии, шло заграждение. В нем был проделан единственный проход, позволивший

делегации выйти на бульвар Звезд, но даже и здесь это заграждение смыкалось с другими, тянувшимися вдоль бульвара до самого Министерства космоса. Посреди огороженного пространства стоял посадочный катер хрошии, приземистый и невзрачный, размером с земной межзвездный корабль. Глядя на него, Джонни подумал, каково ему будет там, на Хрошиюде. От этой мысли ему стало немного неуютно, но не от страха — просто он еще не сообщил Бетти, что решил лететь. Порывался несколько раз, но как-то все не получалось.

Сама Бетти не спрашивала, так что Джонни думал, что она ни о чем не догадывается.

В воздухе кроме них были и другие зеваки, а вокруг заграждения стояла толпа, правда не очень плотная. В столице привыкли к необычному, ни одна сенсация не жила здесь долго. Местные жители гордились своей пресыщенностью; к тому же в хрошии не было ничего такого уж фантастического по сравнению с представителями доброй дюжины других дружественных рас, в том числе и с некоторыми из членов Федерации.

Хрошии роились вокруг своего корабля; они делали что-то непонятное с непонятного назначения конструкциями, возведенными ими на поле. Джонни попытался прикинуть, сколько их там, но скоро бросил свою затею. Это было примерно так же, как считать горох в банке. Многие десятки и больше, но насколько больше?

Такси пролетело рядом с полицейским патрулем. И тут Джонни неожиданно вскрикнул:

— Гляньте! Это же Ламми!

Бетти вытянула шею:

— Где, Джонни?

— Вот сейчас снова будет видно, там, за ихним кораблем. Вон! — Он повернулся к водителю.— Послушайте, мистер, вы не могли бы подлететь к дальней стороне этого корабля, и настолько близко, насколько позволит полиция?

Водитель посмотрел на Ковена; тот утвердительно кивнул. Они обогнули патрули и приблизились к катеру хрошии с другой стороны. Водитель выбрал позицию между двумя полицейскими вертолетами и чуть сзади. Теперь Ламмокса было отлично видно. Он заметно возвышался над группой сопровождавших его соплеменников.

— Как жаль, что у меня нет бинокля,— пожаловался Джонни.— Я ничего не могу толком рассмотреть.

— У меня есть. Возьми там, в бардачке,— предложил водитель.

Бинокль оказался простенький, без электронного увеличения, но и через него Ламмокс был виден гораздо лучше. Джонни всмотрелся в лицо своего друга.

— Как он выглядит, Джонни?

— Да вроде ничего. Только вот отощал что-то. Хорошо ли его кормят?

— Мистер Гринберг говорит, что они вообще не дают ему есть. Разве ты не знал?

— Что? Да как же можно такое делать?

— Не знаю, чем мы можем сейчас помочь.

— Ну...— Джон Томас опустил стекло, чтобы получше видеть.— А нельзя еще чуть поближе? И пониже. Я хочу хорошенько его осмотреть.

Ковен отрицательно покачал головой. Водитель проворчал:

— Мне совсем не хочется, чтобы копы стали возникать,— однако подал свою машину вперед так, что она оказалась на одной линии с патрульными. И сразу же с одной из машин загремел голос:

— Эй, там, номер четыре восемь четыре! Куда это ты влез со своей тарахтелкой? Подай назад.

Пробормотав что-то неразборчивое, водитель начал отводить машину.

— А, чтоб их! — сказал Джон Томас, все еще не отрывавший от глаз бинокль. И добавил: — Интересно, он меня услышит? Ламми! — закричал он в окно.— Эй, Ламмокс!

Хрошиа подняла голову и начала крутить ею во все стороны.

Ковен схватил Джона Томаса и потянулся к ручке, которая закрывала стекло. Но Джонни его оттолкнул.

— Да идите вы все знаете куда! — яростно крикнул он.— Накомандовались, хватит. Ламмокс! Это я, Джонни! Я здесь, наверху! Иди сюда...

Ковен втащил его в глубь машины и захлопнул окно.

— Ведь знал же я, что не надо уходить из гостиницы. Водитель, гони отсюда.

— С превеликой радостью.

— Но двигай пока вдоль линии патрулей, я хочу рассмотреть, что там теперь делается.

— Как прикажете.

Чтобы видеть, что происходит, не надо было никакого бинокля. Ламмокс рванулся к заграждению, прямо в сторону такси, расшвыривая влево и вправо попадавшихся на пути хрошии. Он не стал и пытаться «перелиться» через заграждение, а просто прошел сквозь него.

— Господи Иисусе! — негромко произнес Ковен.— Ну ладно, уж поле-то ее остановит.

Но поле ее не остановило. Хрошиа замедлила свое движение, но все равно одна могучая нога переступала вслед за другой, хотя и с трудом, словно воздух превратился в глубокое вязкое болото. С неотвратимостью сползающего с горы ледника она двигалась к точке прямо под аэротакси.

Вслед за ней через пролом в барьере подались и другие хрошии. Им, видимо, было еще труднее преодолевать иммобилизующее поле, однако они не останавливались. Наконец Ламмокс вырвался из зоны поля и перешел на галоп; люди горохом рассыпались перед ним во все стороны.

— Майра,— резко скомандовал Ковен.— Свяжись с военными. Я поговорю через них с конторой.

— Нет! — Бетти ухватила его за рукав.

— Это еще что? Опять ты? Заткнись, или сейчас у меня получишь.

— Мистер Ковен, да вы послушайте,— торопливо сказала Бетти.— Нет смысла звать на помощь. Ламмокс не слушается никого, кроме Джонни, а они не слушают никого, кроме Ламмокса. Вы же сами знаете. Отпустите Джонни, чтобы он мог поговорить с Ламми, или пострадает уйма людей, и в этом будет ваша вина.

Оперативный агент (первого класса) Службы Безопасности Эдвин Ковен смотрел на Бетти и перебирал в уме вехи своей служебной карьеры, а заодно надежды, которые он возлагал на будущее. Затем почти мгновенно, он принял рискованное решение.

— Опускай машину,— скомандовал он.— Приземлись, а после мы с парнем выйдем.

Водитель громко застонал:

— За это я возьму с тебя дополнительно.— Однако он опустил такси так быстро, что удар о землю был довольно-таки ощутимым. Ковен рывком распахнул дверь и выскочил, сопровождаемый Джоном Томасом. Попытка Майры удержать Бетти в салоне кончилась неудачей, тогда и она выпрыгнула из машины, уже рванувшейся вверх.

— Джонни! — завизжал Ламмокс и воздел руки вверх, приветствуя друга жестом, кажется, общим для всех племен.

Джон Томас подбежал к звездному зверю.

— Ламми! Ты в порядке?

— Ясное дело,— подтвердил Ламмокс.— А с чего бы мне быть не в порядке? Привет, Бетти.

— Привет, Ламми.

— Есть только хочется,— задумчиво добавил Ламмокс.

— Ну, мы все это переменим.

— Да нет, все в порядке. Мне сейчас нельзя есть.

Джон Томас собрался уже ответить на такое поразительное заявление, когда вдруг заметил мисс Хольц, с трудом увернувшуюся от одного из хрошии. Другие крутились вокруг них, похоже, что в неуверенности, как отнестись к происходящему. Когда Джонни увидел, что Эд Ковен выхватил пистолет и заслонил Майру своим телом от хрошиу, он решил вмешаться.

— Ламмокс! Это мои друзья. Скажи своим друзьям, чтобы они оставили их в покое и шли назад в загородку. Быстро.

— Как скажешь, Джонни.— Хрошиа обратилась к своим соплеменникам с короткой визгливой речью; приказание было выполнено мгновенно.

— И сделай-ка нам седло. Мы отправимся к тебе и поговорим не торопясь.

— Ясное дело, Джонни.

Джонни помог Бетти взобраться на спину хрошиа, и они двинулись к пролому в заграждении. На этот раз Ламмокс, попав в иммобилизующее поле, остановился и резко сказал что-то одному из соплеменников.

Последовала громкая команда, и поле исчезло. Дальше они двигались без помех.

Прибыв в космопорт, мистер Кику, Сергей Гринберг и доктор Фтаемл застали нечто вроде напряженного, готового в любую минуту взорваться перемирия. Все хрошии вернулись внутрь заграждения; на месте полицейских патрулей висели тяжелые военные машины, а где-то высоко в небе невидимые глазом бомбардировщики были готовы превратить огороженный участок в радиоактивную пустыню.

Премьер-министр и главнокомандующий встретили прибывших около заграждения. Вид у премьера был мрачный.

— А, Генри. Похоже, все сорвалось. Вы в этом не виноваты.

Мистер Кику посмотрел на скопление хрошии.

— Возможно.

— Мы эвакуируем людей из предполагаемой зоны поражения,— добавил главнокомандующий,— со всей возможной скоростью. Однако, если нам все же придется нанести удар, мы не сможем ничего сделать для двоих ребят, которые сейчас там.

— Ну так и не будем ничего делать. Во всяком случае пока.

— Думаю, вы не совсем осознаете серьезность положения, господин заместитель министра. Вот например, мы окружили всю эту зону полосой иммобилизующего поля. Теперь его просто нет. Они его нейтрализовали. И не только здесь, везде.

— Понятно. Возможно, это вы не совсем осознаете серьезность положения, генерал. Но как бы там ни было, несколько слов никому не повредят. Пошли, Сергей. Вы идете с нами, доктор?

Мистер Кику покинул группу, стоявшую вокруг премьера, и направился к пролому в заграждении. Ветер, дувший вдоль протянувшегося на многие мили взлетного поля, заставил его придержать шляпу.

— Не люблю, когда ветер,— пожаловался он доктору Фтаемлу.— Он всегда какой-то неорганизованный.

— Нам сейчас предстоит познакомиться с еще более сильным ветром,— рассудительно ответил рарджиллианец.— Друг мой, разумно ли это? Мне они ничего не сделают, я у них на службе. Но что касается вас...

— А что мне еще остается?

— Не знаю. Но бывают ситуации, когда личная храбрость не может ничем помочь.

— Возможно. Правда, я с ними пока не встречался.

— С такой ситуацией встречаются только один раз в жизни.

Они приближались к хрошии, сплошной массой окруживших Ламмокса. Уже можно было различить две человеческие фигурки на спине огромного зверя. Кику остановился.

— Скажите им, чтобы мне дали дорогу. Я хочу приблизиться к хрошиа Ламмокс.

Фтаемл перевел — и ничего не произошло, хотя по толпе хрошии прошло какое-то неопределенное движение.

— Босс,— посоветовал Гринберг.— А как насчет того, чтобы попросить Ламмокса с ребятами выйти сюда? Эта толпа, похоже, настроена не очень-то дружелюбно.

— Нет. Мне не хочется кричать на таком ветру. Крикни, пожалуйста, Стюарту и скажи ему, чтобы они меня пропустили.

— Сейчас, босс. Здорово будет рассказать обо всем этом внукам, только будут ли у меня внуки.— Он сложил руки рупором и крикнул:

— Джонни! Джон Стюарт! Скажи Ламмоксу, чтобы они расчистили путь.

— Само собой!

Мгновенно, словно выметенный огромной метлой, перед ними открылся проход, по которому могла бы двигаться войсковая колонна. Маленькая группа шла между сомкнутых рядов хрошии. Спина Гринберга покрылась гусиной кожей.

Мистера Кику, похоже, волновало одно: как бы ветер не унес его шляпу. Он опять придержал ее рукой и сдержанно выругался. Они остановились перед Ламмоксом.

— Здравствуйте, мистер Кику,— приветствовал его Джон Томас.— Нам спуститься?

— Пожалуй, это было бы самое лучшее.

Джонни соскользнул вниз и помог слезть Бетти.

— Я очень сожалею, что все так вышло. Мы вам все напортили.

— Я тоже сожалею. Если напортили. Вы не будете так добры представить меня своему другу.

— О, конечно. Ламмокс, это мистер Кику. Он хороший человек, он мой друг.

— Добрый день, мистер Кику.

— Добрый день, Ламмокс.— На лице мистера Кику появилось задумчивое выражение.— Доктор, а там случайно не их командир, этот, что рядом с Ламмоксом, у которого глаза со злым таким блеском?

Рарджиллианец оглянулся.

— Да, это он.

— Хм... Спросите его, доложил ли он своей госпоже о результатах переговоров?

— Сейчас.— Горгоноид поговорил с командиром хрошии.— Он говорит, что нет.

— Хм... Джон Томас, мы заключили с хрошии договор на тех условиях, о которых я говорил с вами. Неожиданно они разорвали готовое соглашение, узнав, что мы не передадим им вас, не получив гарантий. Вы не можете помочь мне выяснить, было ли это сделано в согласии с желанием вашего друга?

— Ламмокса? Конечно.

— Очень хорошо. Но подождите секунду. Доктор Фтаемл, не будете ли вы добры сообщить основные детали соглашения хрошиа Ламмокс — прямо сейчас, в присутствии командира? Или такие понятия слишком сложны для нее?

— Э? Почему сложны? Ей было, наверное, уже лет двести, когда она попала сюда.

— Так много? Хорошо, говорите.

Рарджиллианец начал издавать забавные взвизгивающие звуки, обращаясь к Ламмоксу. Пару раз Ламмокс прерывал его, но потом снова разрешал продолжать. Когда доктор Фтаемл закончил, хрошиа что-то сказала командиру.

— Она спрашивает, это правда? — перевел Фтаемл.

Командир сначала отошел от своей госпожи так далеко, как только позволяло место, а затем пополз к ней; маленькая группка представителей Федерации расступилась перед ним. Он совсем втянул в себя ноги и полз наподобие гусеницы. Потом, не поднимая головы от земли, он проскулил ответ.

— Он признает правдивость сказанного, но ссылается на необходимость.

— Поскорее бы он все это,— недовольно сказал Кику.— А-то я совсем замерз.— Его тонкие ноги дрожали.

— Она не принимает его объяснений. Я избавлю вас от точного пересказа ее выражений — но какой у нее богатый язык!

Неожиданно Ламмокс издал громкий одиночный взвизг, а потом поднялся на дыбы, оторвав от земли четыре передние ноги. Втянув в себя руки, огромный зверь взмахнул головой и нанес несчастному командиру сокрушительный удар в бок.

Удар приподнял командира с земли и отшвырнул в гущу толпы. Он медленно пришел в себя и снова приполз на прежнее место.

Ламмокс начала говорить.

— Она говорит... как жаль, что вы не понимаете языка!.. что пока будут сиять звезды Галактики, друзья Джонни будут ее друзьями.

Она добавляет, что те, кто не будет друзьями ее друзей — ничто, меньше, чем ничто, она не желает их никогда видеть. Она провозглашает это именем... тут следует довольно утомительное описание всего ее генеалогического древа с его достаточно причудливыми ответвлениями. Стоит переводить?

— Не беспокойтесь,— ответил мистер Кику.— «Да» — это «да», на каком языке его ни произнеси.

— Но все же она излагает это просто прекрасно,— сказал Фтаемл.— Она пересказывает им события ужасные и поразительные, идущие из глубины веков.

— Меня, собственно, интересует только то, как все это скажется на будущем. И все — как бы убраться от этого несносного ветра.

Мистер Кику чихнул.

— О, Господи.

Доктор Фтаемл порывисто снял с себя накидку и обернул ей узкие плечи мистера Кику.

— Мой друг... мой брат. Мне очень жаль.

— Нет, нет, вы замерзнете.

— Я? Ни в коем случае.

— Тогда давайте поделимся.

— Сочту за большую честь,— негромко ответил доктор Фтаемл. Щупальцы горгоноида подрагивали от преисполнивших его чувств. Они стояли под одной накидкой, прижавшись друг к другу, а Ламмокс продолжал тем временем свою речь. Бетти повернулась к Джонни.

— Вот ты меня так никогда не укутывал.

— Да ты же никогда и не мерзнешь.

— Ну так обними меня хотя бы рукой.

— Чего? Это у всех-то на глазах? Если холодно, иди прижмись к Ламмоксу.

Все это время Ламмокс так и не опустила передние ноги на землю и обращалась к своим подданным сверху вниз. А те, по мере того как она говорила, опускались все ниже и ниже, втягивая в себя ноги. В конце концов все они приняли ту же униженную позу, что и командир. Закончив речь, Ламмокс добавила какое-то короткое резкое слово, и хрошии зашевелились.

— Она выразила желание,— перевел Фтаемл,— чтобы ее оставили с друзьями одну.

— Попросите ее,— сказал Кику,— заверить Джона Томаса, что все сказанное ею, истинно и нерушимо.

— Хорошо.— Когда остальные хрошии ушли, Фтаемл проскулил несколько слов.

Ламмокс выслушала его, а затем повернулась к Джону Томасу. Из огромной пасти раздался тоненький голосок маленькой девочки:

— Это правда, Джонни. Лопни моя селезенка.

Джон Томас важно кивнул.

— Не беспокойтесь, мистер Кику. Клятву она не нарушит.

17. ДЕВЯНОСТО СЕМЬ ТРАДИЦИОННЫХ БЛЮД

— Пригласите ее.

Мистер Кику внутренне весь собрался и нервно бросил последний взгляд на чайный столик. Кажется, маленькая уютная комната, предназначенная для сугубо личных переговоров, выглядит как надо. В этот момент дверь раздвинулась и на пороге показалась улыбающаяся Бетти Соренсон.

— Здравствуйте, мистер Кику.— Она непринужденно села.

— Здравствуйте, мисс Соренсон.

— Просто Бетти. Так меня зовут все мои друзья.

— Спасибо. Буду счастлив к ним принадлежать.

Посмотрев на Бетти, мистер Кику содрогнулся. Теперь она экспериментировала с новым орнаментом из широких полос, и на ее лице можно было, пожалуй, играть в шашки. К тому же она, видимо, недавно прошлась по магазинам и в результате была одета во все разномастное, причем совершенно не по возрасту. Мистер Кику был вынужден напомнить себе, что о вкусах не спорят, да к тому же они все время меняются.

— М-м... Понимаете ли, моя дорогая юная леди, мне довольно затруднительно объяснить вам цель этой встречи.

— Вы не волнуйтесь. Я совсем никуда не спешу.

— Не желаете чаю?

— Давайте я налью и себе и вам, так как-то по-свойски.

Мистер Кику не стал спорить. Взяв чашку, он откинулся на спинку кресла с видом полнейшей непринужденности, которой, говоря по правде, не ощущал.

— Надеюсь, вам понравилось в столице?

— Да, еще бы! Раньше мне никогда не доводилось вот так ходить по магазинам и не пересчитывать все время деньги. Мне кажется, что у всех должен быть такой вот счет на служебные расходы.

— Очень рад за вас. И можете быть вполне уверены, что эти затраты нисколько не отразятся на бюджете Министерства. В буквальном смысле не отразятся — все идет из особого фонда. Да, вы же, кажется, сирота?

— Сирота в юридическом смысле. Я — свободный ребенок. Мой опекун — Вествиллский Дом свободных детей. А что?

— Так значит, вы несовершеннолетняя?

— Ну, это как посмотреть. Я думаю, что совершеннолетняя, а законы говорят, что нет. В любом случае, слава тебе Господи, осталось совсем немного.

— М-м... да. Вероятно, мне нужно было бы признаться, что я все это знаю.

— Собственно, я так и думала. А из-за чего весь этот разговор?

— Пожалуй, мне надо рассказать вам небольшую историю. Вы когда-нибудь держали кроликов? Или кошек?

— У меня были кошки.

— Тут возникла некоторая трудность с хрошиа, известной под именем Ламмокс. Ничего опасного, нашему с ними договору ничто не угрожает — ведь она дала слово. Однако, м-м... скажем так, если бы мы смогли пойти навстречу Ламмокс в одном вопросе, это обеспечило бы нам лучшее ее расположение, лучшие будущие отношения.

— Наверное, правильно, если вы так считаете. А какой это «один вопрос», мистер Кику?

— М-м... И вы и я знаем, что хрошиа Ламмокс в течение длительного времени была домашним животным... ну, может, лучше сказать — питомцем Джона Томаса Стюарта.

— Конечно же. Теперь это кажется очень смешным, правда?

— Да. И что до этого Ламмокс была питомцем отца Джона Томаса, и так далее — на протяжении четырех поколений.

— Ну да, конечно. И таким прелестным — лучше и не придумаешь.

— В этом-то, собственно говоря, и дело, мисс Соренсон... Бетти. Так выглядит ситуация с точки зрения Джона Томаса и его предков. Но тут возможны как минимум две различные точки зрения. Как считает Ламмокс, она... он... не был питомцем. Совсем наобо-

рот, это Джон Томас был ее питомцем. Ламмокс увлеклась выращиванием Джонов Томасов.

Глаза Бетти расширились, она начала было хохотать, но поперхнулась.

— Мистер Кику! Этого не может быть!

— Я абсолютно серьезно. Все зависит от точки зрения, а относительные предположительности жизни придают особый вес ее позиции. Ламмокс вырастила несколько поколений Джонов Томасов! Это — единственное, что ее интересовало, единственное ее хобби. Ребячество, конечно же, но ведь Ламмокс была и остается ребенком.

Бетти кое-как справилась с собой и даже смогла сквозь смех произнести что-то членораздельное.

— Выращивание Джонов Томасов... А Джонни про это знает?

— Вообще-то да, но я объяснил ему ситуацию несколько иначе.

— А миссис Стюарт?

— А... Я не нашел необходимым сообщить ей об этом.

— Можно, я ей скажу? Мне хочется посмотреть на ее лицо. Это надо же — Джоны Томасы... я, кажется, умру.

— Я думаю, что было бы жестоко рассказывать ей,— немного чопорно сказал мистер Кику.

— Пожалуй, да. Ладно, не буду. Но могу же я просто помечтать?

— Мы все можем мечтать. Однако я продолжаю; это невинное хобби доставляло огромное удовольствие Ламмокс. Она намеревалась заниматься им и дальше. Именно поэтому мы и попали в забавное положение, когда хрошии не могли улететь, получив назад своего так долго разыскиваемого ребенка. Ламмокс хотела продолжать... м-м... выращивать Джонов Томасов.— Мистер Кику нерешительно замолк.

Через некоторое время Бетти сказала:

— Ну так что, мистер Кику? Продолжайте.

— М-м... а какие планы у вас, Бетти... мисс Соренсон?

— У меня? Я никогда ни с кем их не обсуждаю.

— Хм. Извините меня, пожалуйста, если мои вопросы становятся слишком личными. Видите ли, каждое предприятие требует определенных условий, и Ламмокс, как оказалось, прекрасно понимает одно их этих условий... Скажем, например, так. Если у нас есть кролик... или кошка...— он замолчал, не зная, что сказать дальше.

Бетти посмотрела в его несчастное лицо.

— Видимо, вы пытаетесь сказать, что для разведения кроликов требуется по крайней мере два кролика.

— Ну, в общем-то да. Это, и кое-что еще.

— Так в чем собственно, дело? Зачем столько времени ходить вокруг да около? Это же, кажется, известно всем. Как я понимаю, Ламмокс знает, что данное правило относится и к Джонам Томасам. Это и есть ваше «кое-что еще»?

Мистер Кику смог только молча кивнуть.

— Бедняжка, вам надо было написать мне все это в письме, так для нас было бы проще. Пожалуй, мне придется помочь вам еще немного. Вам кажется, что я могу иметь отношение к этому плану?

— Я совершенно не намеревался вторгаться... но я хотел бы знать ваши намерения.

— Собираюсь ли я выйти замуж за Джона Томаса? Ну конечно, да. У меня никогда не было иных намерений.

— Благодарю вас.— Мистер Кику облегченно вздохнул.

— Вы только не подумайте, я никогда не сделала бы этого исключительно для вашего удовольствия.

— Нет, нет! Я просто поблагодарил вас за помощь.

— Благодарите Ламми. Старый добрый Ламми. Уж его-то не проведешь.

— Значит, как я понимаю, все решено?

— Что? Вообще-то, я еще не сделала ему предложение. Но сделаю... Я просто хотела заняться этим перед самым отлетом корабля. Вы же сами знаете, какие все мужчины нервные и пугливые. Я не хотела оставлять ему времени для размышлений. Вот ваша жена — она сразу сделала вам предложение или подождала пока вы созреете?

— М-м... Понимаете, у моего народа несколько иные обычаи. Ее отец договорился с моим отцом.

— Рабство.— Бетти явно была шокирована.

— Без всяких сомнений. Однако это рабство не принесло мне несчастья.— Он встал.— Очень рад, что наш разговор завершился на такой дружественной ноте.

— Одну секунду, мистер Кику. Тут есть еще один-два вопроса. На каких, в точности, условиях летит Джон Томас?

— Э?

— Каковы условия контракта?

— А, это. С финансовой стороны все будет великолепно. Большую часть времени он посвятит собственному образованию, но я подумываю дать ему чисто номинальную должность в посольстве — специальный атташе, или помощник секретаря, или что-нибудь в этом роде.

Бетти молчала.

— Конечно, раз вы тоже летите, стоит, пожалуй, придать и вам полуофициальный статус. Ну, скажем, специального помощника, с тем же жалованьем. В результате у вас накопится вполне приличная сумма, если вы вернетесь... я хотел сказать, когда вы вернетесь.

Бетти отрицательно покачала головой.

— Джонни не честолюбив. А я честолюбива.

— Да?

— Джонни будет посол у хрошии.

Мистер Кику почти лишился дара речи. В конце концов он выдавил из себя:

— Но моя дорогая леди! Это совершенно невозможно!

— Это вы так думаете. Послушайте, ведь мистер Макклюре перетрусил и подставил вас, правда? И не надо уверток, теперь у меня есть свои связи в вашем Министерстве. Именно так он и сделал. А значит — пост посла свободен. И эта работа — как раз для Джонни.

— Но послушайте, дорогая,— растерянно сказал мистер Кику.— Такая работа никак не подходит для неопытного мальчика... Как бы высоко я ни ценил мистера Стюарта.

— Макклюре был бы чистым балластом, верно? Это же все знают. А Джонни балластом не будет. Кто знает про хрошии больше всех? Джонни.

— Моя дорогая, я охотно признаю его особые познания, и мы без всякого сомнения воспользуемся ими. Но посол? Нет.

— Да.

— Поверенный в делах. Это очень высокий ранг, однако я согласен пойти даже на это. Но послом будет мистер Гринберг. Нам нужен дипломат.

— А что тут особенно трудного — стать дипломатом? Или, если подойти к делу с другой стороны, что такое может сделать мистер Макклюре, чего мой Джонни не сделает в сто раз лучше?

Мистер Кику глубоко вздохнул.

— Вот тут вы меня поймали. Могу только сказать, что бывают ситуации, с которыми мне приходится смириться, даже зная, что я

наверняка прав. И бывают такие, когда смириться меня ничто не заставит. Будь вы моей дочерью, я бы вас просто отшлепал. Одним словом, нет.

Бетти улыбнулась.

— Готова поспорить, что со мной вам не справиться. Но дело не в этом. Думаю, что вы не совсем понимаете ситуацию.

— Да?

— Конечно, не понимаете. Ведь Джонни и я очень важны для вас во всей этой штуке, правда ведь? Особенно Джонни.

— Да. Особенно Джонни. Без вас, собственно говоря, можно и обойтись даже... м-м... в деле выращивания Джонов Томасов.

— Может, хотите проверить? Вы что, думаете, Джон Томас Стюарт хоть на волосок сдвинется с этой планеты, если я буду против?

— Хм-м... Не уверен.

— Я тоже. И у меня достаточно нервов, чтобы проверить это на практике. А где будете вы, если я выиграю? Да на том же самом продуваемом ветром поле, пытаясь еще один раз выбраться из кошмарной ситуации. Только на этот раз не будет Джонни, чтобы вам помочь.

Мистер Кику подошел к окну и стал рассматривать улицу. Прошло несколько минут, прежде чем он повернулся.

— Налить вам чаю? — вежливо спросила Бетти.

— Спасибо, нет. Мисс, вы знаете, что такое чрезвычайный и полномочный посланник?

— Я слышал такой термин.

— Это тот же ранг и тоже самое жалование, как и у посла, но присваивается такое звание только в особых случаях. Вот у нас и есть особый случай. Мистер Гринберг будет послом со всеми соответствующими полномочиями; для Джона Томаса будет создана эта специальная и чисто номинальная должность.

— Должность и жалование. Последнее время мне понравилось ходить по магазинам.

— И жалование,— согласился мистер Кику.— Юная леди, своей моралью вы напоминаете мне крокодила, а толстокожестью — бегемота. Хорошо, договорились. Если только вы получите согласие молодого человека.

Бетти хихикнула.

— Вот здесь-то уж трудностей не предвидится.

— Я имею в виду совсем другое. Я надеюсь, что его здравый смысл и порядочность сумеют устоять против вашей жадности. Я думаю, что он удовлетворится должностью помощника секретаря посольства. Посмотрим.

— О! Да, посмотрим. Кстати, а где он?

— Что?

— Его нет в отеле. Он здесь, у вас, правда?

— Если быть откровенным, то он здесь.

— Вот и хорошо.— Бетти подошла и похлопала мистера Кику по щеке.— Вы мне нравитесь, мистер Кику. А теперь пришлите Джонни сюда и оставьте нас одних. Мне потребуется минут двадцать. Вам совершенно не о чем беспокоиться.

— Мисс Соренсон,— задумчиво спросил мистер Кику.— А как это вышло, что вы не попросили должность посла для себя?

На свадьбе присутствовал только один инопланетянин — Ламмокс. Роль посаженого отца невесты досталась мистеру Кику. На лице Бетти на этот раз не было и следа косметики; возможно, младший секретарь посольства не была такой уж повелительницей в собственном доме.

Были традиционные девяносто семь соленых и маринованных блюд, подносили их по большей части незнакомые люди. Новобрачным надарили кучу разной дорогостоящей дребедени, которую они и не думали брать с собой, в том числе и полностью оплаченное путешествие на Гавайи, с которым вообще неизвестно что было делать. Миссис Стюарт всплакнула, сфотографировалась в плачущем виде и вообще получила огромное удовольствие от происходящего. Одним словом, свадьба удалась. Мистер Кику, тот тоже уронил несколько слез в самый момент бракосочетания, но уж кто-кто, а мистер Кику известен своей сентиментальностью.

На следующее утро он сидел, не включая свет, за своим столом. На столе лежали проспекты ферм в Кении, но он на них не смотрел. Прошлым вечером, когда детишки наконец поженились, они с доктором Фтаемлом совершили неплохой вояж по увеселительным заведениям города; мистер Кику все еще ощущал последствия этого похода — последствия приятные и расслабляющие. Голова, правда, гудела, и с координацией движений было не все ладно, но зато желудок не беспокоил совсем. Мистер Кику чувствовал себя отлично.

Он пытался собраться с мыслями и подвести итог всей этой истории. Суета, неприятности, и, главное, из-за чего: потому что сотню с лишним лет назад некий придурочный космонавт не имел достаточно здравого смысла, чтобы не вмешиваться в жизнь чужой планеты, пока не разработаны основы отношений с чужаками. Ох, люди-люди!

Поразмыслив еще, он решил, что не стоит, пожалуй, так уж предаваться праведному гневу. Возможно, что и сам он не лучше. Старина Фтаемл прошлой ночью что-то такое сказал... что-то важное... только что? Что-то, убедившее в тот момент Кику, что у хрошии нет и в помине оружия, способного нанести серьезный ущерб Земле. Конечно же, рарджиллианец не станет врать, во всяком случае — находясь в своем профессиональном качестве. Но ведь вполне возможно, что он ходил вокруг правды кругами, чтобы с успехом завершить переговоры, близившиеся к провалу. Ну что ж, раз дело обошлось без применения силы, остается только гадать. И слава Богу. Кроме того, если они даже и блефовали, в следующий раз все может оказаться всерьез. И это будет плохо.

— Мистер Кику,— донесся до него голос Милдред,— вас ждет рандавианская делегация.

— Скажи, что у меня линька.

— Сэр?

— Ладно. Скажи, что я сейчас буду. Восточная комната для совещаний.

Он вздохнул, решил проглотить хотя бы одну таблетку, затем встал и направился к двери, готовый заткнуть пальцем очередную дырку в плотине. Это вроде тяжелого камня, привязанного веревкой к шее, подумал мистер Кику. Бросить нельзя, приходится нести.

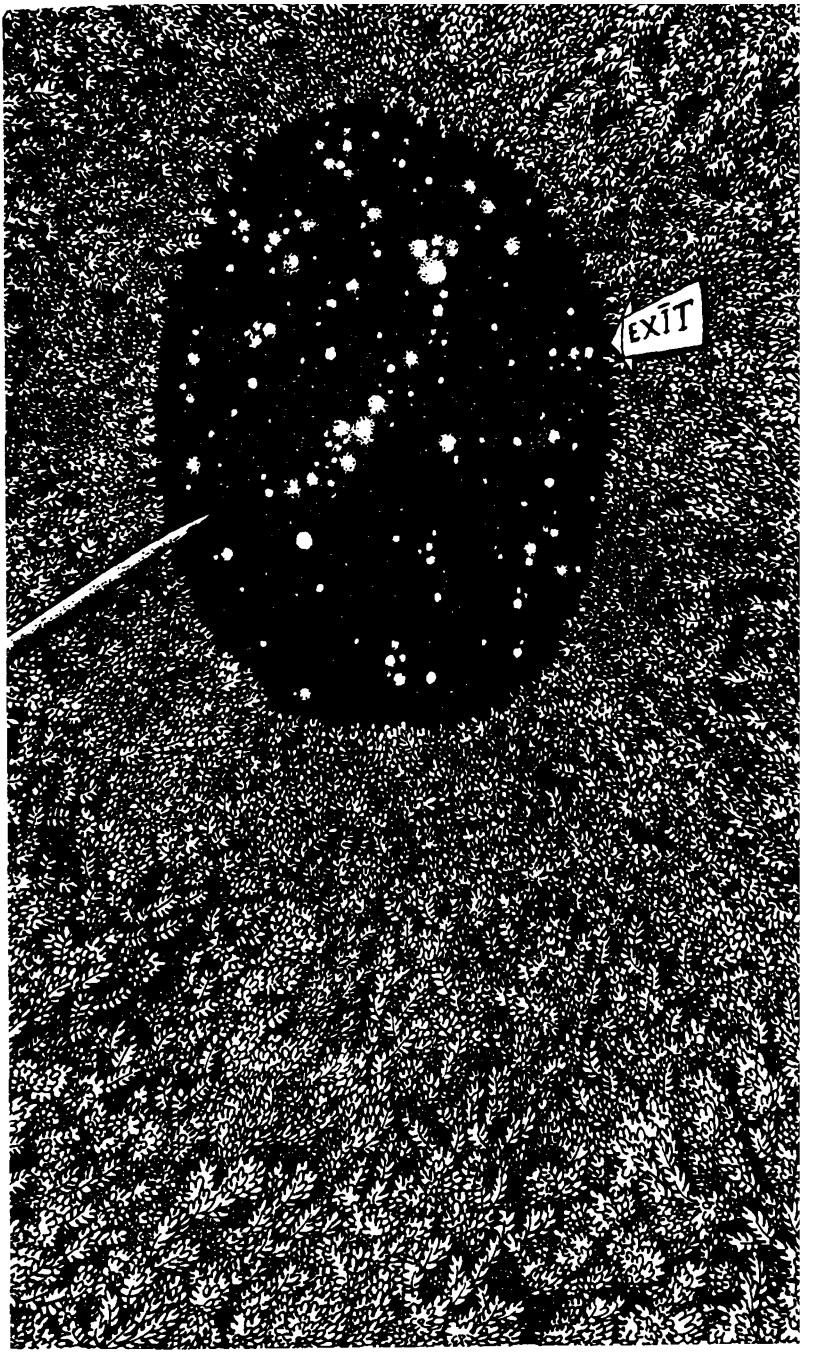
Но все-таки настроение у него было приподнятое, и мистер Кику спел кусочек из единственной песни, которую знал целиком:

> Нет у этой песни морали, нет у нее и конца.
> Одно из нее лишь ясно — не жди от мужчины добра.

А тем временем в космопорте новый министр космических дел провожал благородных хрошии. Ее Императорское Величество, наследная принцесса хрошианской расы, двести тринадцатая в роду, будущая единоличная правительница матриархата Семи Солнц, будущая повелительница более чем девяти миллиардов своих соплеменников, которую еще недавно называли на Земле «Ламмокс», с радостью приняла на борт имперской яхты пару своих питомцев.

ТУННЕЛЬ В НЕБЕ

EXIT

© А. Корженевский, перевод

На доске объявлений у аудитории 1712-А средней школы имени Патрика Генри мигал красный сигнал. Род Уокер попытался протиснуться через толпу учащихся, чтобы взглянуть, что там за объявление, но ему тут же двинули локтем в живот и посоветовали не толкаться.

— Извини, Джимми, я не нарочно.— Род зажал локоть в борцовском захвате, но давить не стал и, вытягивая шею над головой Джимми Трокстона, спросил: — Что там такое?

— Сегодня занятий не будет.

— Почему?

Ответил ему кто-то из стоящих у самой доски:

— А потому что завтра начнется «Идущие на смерть приветствуют тебя, о цезарь!»

— Серьезно? — Род почувствовал, что внутри у него все сжимается в тугой узел, как это обычно бывает перед экзаменами. Затем кто-то отодвинулся в сторону, и он наконец прочел объявление:

СРЕДНЯЯ ШКОЛА имени ПАТРИКА ГЕНРИ
Отделение общественных наук
ВНИМАНИЮ всех слушателей курса 410 (факультативный семинар для учащихся старших классов)
«Выживание: дополнительные сведения».
Инстр.— доктор Мэтсон. 1712-А.

1. В пятницу 14 числа занятия отменяются.

2. Настоящим объявляется *двадцатичетырехчасовая готовность* к финальному экзамену по одиночному выживанию. Слушатели

курса должны явиться на медицинское освидетельствование в 9.00 в амбулаторию при терминале «Темплтон» и в 10.00 с трехминутным интервалом начнут проходить ворота в порядке, устанавливаемом жребием.

3. УСЛОВИЯ ИСПЫТАНИЙ:

а) *Любая* планета, *любой* климат, *любой* рельеф местности.

б) *Никаких* правил, оружие *любое*, снаряжение *любое*.

в) *Разрешается объединяться в группы*, но члены групп будут проходить ворота по отдельности.

г) *Продолжительность экзамена* — не менее сорока восьми часов и не более десяти суток.

4. Доктор Мэтсон консультирует в пятницу до 17.00.

5. Испытание может быть перенесено только по рекомендации врача, однако любой из учащихся имеет право отказаться от участия без всяких административных последствий до 10.00 субботы.

6.Удачи и долгих лет жизни вам всем!

Подп.— *Б. П. Мэтсон*, д.н.

Согласовано: *Дж. Р. Рорих*, член совета директоров.

Пытаясь унять волнение, Род Уокер медленно перечитал объявление. Еще раз прочел условия. Впрочем, какие тут условия? Это, скорее, «вообще никаких условий», полное отсутствие каких-либо ограничений! Тебя могут швырнуть через ворота, а в следующее мгновение ты нос к носу столкнешься с белым медведем при температуре минус сорок или сцепишься в теплой соленой воде с осьминогом.

Или же, подумал он, окажешься перед каким-нибудь трехголовым чудовищем, причем на планете, о которой никогда раньше не слышал.

Чей-то дискант в стороне пожаловался:

— Двадцатичетырехчасовая готовность! Да уже меньше двадцати часов осталось. Это просто нечестно!

— Какая разница? — откликнулась вторая девушка.— Лучше бы они начинали прямо сейчас. Я все равно сегодня не засну.

— Но если нам полагается двадцать четыре часа на подготовку, должно быть двадцать четыре часа. Чтобы все было справедливо.

Еще одна участница будущих испытаний, высокая девушка-зулуска, мягко усмехнулась.

— А ты пойди скажи об этом Мастеру.

Род выбрался из толпы и вытянул за собой Джимми Трокстона. Похоже, он и так знал, что «Мастер» Мэтсон может ответить на подобные претензии. Справедливость, мол, не имеет к выживанию никакого отношения. Однако пункт пятый заставил на какое-то время задуматься: никто его не упрекнет, если он решит бросить этот курс. В конце концов, «Выживание: дополнительные сведения» — курс институтский; школьный аттестат выдадут и без него.

Но он знал: если струсит сейчас, то уже никогда не наберется смелости на второй заход.

— И как тебе все это нравится, Род? — нервно спросил Джимми.

— Я полагаю, ничего страшного. Узнать бы только, стоит ли надевать подштанники с начесом. Как думаешь, может, Мастер намекнет?

— Жди! У него с юмором туговато. И вообще, такой тип родную бабку съест — не поморщится, причем без соли.

— Ну это ты загнул. Без соли он есть не станет... Послушай, Джим... Ты видел, что там написано насчет групп?

— Да... А что? — Взгляд Джимми ушел в сторону.

Род почувствовал мимолетный всплеск раздражения. Ведь он пытался сделать предложение, ничуть не менее ответственное, чем, скажем, когда предлагаешь девушке руку и сердце. Он предлагал ему объединиться и бороться за жизнь вместе. Самая большая опасность одиночного испытания заключается в том, что его участник, хочет он того или нет, а должен хоть иногда спать. С напарником же можно поделить вахты и дежурить по очереди.

Джимми прекрасно знал, что Род подготовлен лучше — как с оружием, так и без. Предложение было явно в его пользу. И все же он колебался, словно думал, что без Рода ему будет легче.

— В чем дело, Джим? — спросил Род настороженно.— Ты полагаешь, в одиночку будет безопасней?

— Нет, не в этом дело...

— Хочешь сказать, что лучше договоришься с кем-то еще?

— Нет, что ты! Я совсем не это имел в виду.

— А тогда что?

— Я хочу сказать... Слушай, Род, я тебе в самом деле очень благодарен и никогда этого не забуду. Но в объявлении было и еще кое-что...

— Что именно?

— Там сказано, что можно бросить этот курс и все равно закончить школу. А я как раз вспомнил, что для торговли одеждой он совсем не нужен.

— Как это? Ведь ты собирался стать юристом широкого профиля.

— Выходит, внеземная область юриспруденции потеряет свою ярчайшую звезду... И Бог с ней. Мой старик будет очень рад, когда узнает, что я решил продолжить семейное дело.

— Короче, ты испугался.

— Можно и так сказать. А ты?

Род сделал глубокий вдох.

— Я тоже боюсь.

— Блеск! Давай вместе продемонстрируем классический пример выживания — стройными рядами пройдем в секретариат и отважно подпишем отказные листы.

— М-м-м... нет. Но ты иди.

— Будешь сдавать?

— Видимо.

— Послушай, Род, а ты видел статистику по выпуску прошлого года?

— Нет. И не хочу ничего видеть. Пока.— Род резко повернулся и двинулся к двери аудитории. Джимми остался на месте, провожая его встревоженным взглядом.

В аудитории разместились более десятка слушателей курса. Доктор Мэтсон по прозвищу Мастер сидел на краешке стула, подогнув под себя ногу, и вещал в довольно легкомысленной манере. Роста он был небольшого, жилистый, с худым лицом. Один глаз закрывала черная повязка, а на левой руке не хватало трех пальцев. На груди инструктора поблескивали миниатюрные орденские планки за участие в трех очень известных первых экспедициях; одну из планок украшало крошечное бриллиантовое созвездие, означавшее, что он — единственный, кто остался после этой экспедиции в живых.

Род проскользнул во второй ряд. Мастер повел глазом в его сторону, но не стал прерываться.

—...не понимаю, на что вы жалуетесь,— добродушно говорил он.— В условиях сказано «любое оружие», так что вы можете брать для защиты что угодно — от рогатки до кобальтовой бомбы. Я лич-

но считаю, что финальную проверку нужно проводить с голыми руками. Чтобы даже пилки для ногтей не было. Но Совет по образованию не согласен, и поэтому экзамен будет проходить в таких вот тепличных условиях.

— Э-э-э... Доктор, значит, Совет знает, что мы столкнемся с опасными животными?

— А? Обязательно столкнетесь с самым опасным животным на свете.

— Если это не просто фигура речи...

— Разумеется, нет!

— Тогда нас или посылают на Митру, где водятся снежные обезьяны, или выбросят где-нибудь здесь, на Земле, где мы столкнемся с леопардами. Я прав?

Мастер разочарованно покачал головой.

— Мальчик мой, я думаю, тебе лучше отказаться от экзамена и пройти курс заново. Эти тупые твари совсем не опасны.

— Но у Джаспера в «Хищниках и жертвах» сказано, что два наиболее коварных и опасных вида...

— Черт с ним, с Джаспером! Я же говорю о настоящем царе зверей, о единственном животном, которое опасно всегда, даже когда не голодно. О двуногих хищниках! Посмотрите вокруг! — Инструктор наклонился вперед и продолжил: — Я вам сто раз повторял, но вы все равно никак не усвоите. Человек — это единственное животное, которое нельзя приручить. Когда его это устраивает, он годами может вести себя тихо, как корова. А когда не устраивает, даже леопард по сравнению с ним выглядит котенком. Это вдвойне касается женских особей. Посмотрите вокруг еще раз. Тут все друзья. Мы вместе проходили проверки на групповое выживание и, казалось бы, можем друг на друга положиться. Так? Но почитайте об экспедиции Доннера или о Первой венерианской! Кроме того, на вашей территории будет еще несколько групп, люди, которых вы совершенно не знаете.— Доктор Мэтсон вперил в Рода свой единственный глаз.— Мне, право, жаль, что некоторые из вас решились на этот экзамен, честное слово. Есть люди, по природе своей городские жители. Боюсь, мне так и не удалось вдолбить вам, что там, куда вы собираетесь, нет полисменов. И меня тоже не будет рядом, если вы совершите какую-нибудь глупую ошибку.

Взгляд инструктора ушел в сторону, и Род задумался, не его ли тот имел в виду. Иногда ему казалось, что Мастер просто наслаждался, устраивая ему тяжелую жизнь. Однако он знал, что этот курс обязателен для всех, кто собирается работать во Внеземелье, ибо во Внеземелье полно таких мест, где ты или сообразителен, или мертв. Род решил пройти курс еще до колледжа — в надежде, что это поможет ему получить стипендию,— но он прекрасно понимал, что это не пустая формальность.

Оглядываясь вокруг, Род задумался: теперь, когда Джимми выбыл, ему надо сговориться с кем-то еще. Впереди сидели рядом Боб Бакстер и Кармен Гарсиа. Он их отмел сразу: эти наверняка отправятся вдвоем. Они собирались стать врачами-миссионерами и планировали пожениться, как только смогут.

Может быть, Иоганн Браун? Из него получился бы отличный напарник: силен, быстр и сообразителен. Однако Род не доверял ему и, кроме того, просто не был уверен, что тот захочет отправиться с ним вместе. Похоже, он совершил ошибку, не подружившись ни с кем, кроме Джимми.

Эта зулусская девушка, Каролина, с совершенно непроизносимой фамилией... Сильна как бык и абсолютно бесстрашна. Но брать в напарники девушек... Они слишком часто принимают строгие деловые отношения за романтические гамбиты. Взгляд Рода двигался по рядам, но в конце концов он был вынужден признать, что в аудитории нет никого, кому он хотел бы предложить стать его напарником.

— Проф, может, вы хоть намекнете? Брать с собой крем от загара? А может — мазь против обмораживаний?

Мэтсон усмехнулся.

— Сынок, я рассказал вам все, что знаю. Место для проведения экзамена выбрано преподавателем из Европы, а я выбирал место для его класса. Но где это, я знаю не больше вашего. Так что можете прислать мне оттуда открытку.

— Но...— задавший вопрос парень вдруг замолк, потом резко встал.— Проф, это несправедливая проверка. Я выбываю.

— Мы, конечно, думали о справедливости в последнюю очередь, но я не понимаю, почему все-таки испытания кажутся вам несправедливыми.

— Нас могут забросить куда угодно...

— Верно.

—...на обратную сторону Луны, в вакуум. Или на планету с хлорной атмосферой. Или куда-нибудь посреди океана. Я даже не знаю, что с собой брать — скафандр или каноэ. Так что черт с ним, с этим экзаменом. В реальной жизни так не бывает.

— Не бывает, значит? — вкрадчиво переспросил Мэтсон.— То же самое сказал Иона, когда его проглотил кит. Однако я могу дать вам кое-какие наводки. Испытания, по нашему мнению, может выдержать любой, у кого хватит сообразительности и сноровки. То есть мы не выбросим вас в ядовитую атмосферу или в вакуум без дыхательных аппаратов, а если вы окажетесь в воде, то берег будет близко. В таком вот духе. Я не знаю, куда именно вас отправят, но я видел список экзаменационных территорий для выпускников этого года. Любой достаточно сообразительный человек может там выжить. Ты должен понимать, сынок, что Совет по образованию отнюдь не стремится прикончить всех претендентов на ключевые профессии.

Парень сел так же резко, как вскочил.

— Уже передумал? — спросил инструктор.

— Э-э-э... Да, сэр. Если испытания справедливые, я участвую.

Мэтсон покачал головой.

— Ты уже провалил экзамен. Свободен. В канцелярию можешь не заходить: я им сообщу.

Парень начал было протестовать, но Мэтсон только мотнул головой в сторону двери и коротко произнес:

— Вон.

В аудитории повисло неуютное молчание, и, лишь когда за неудачником закрылись двери, Мэтсон оживленно продолжил:

— Это курс прикладной философии, и здесь я решаю, кто готов к экзамену, а кто нет. Каждый, чье представление о мире складывается из понятий о том, каков он *должен* бы быть, а не каков он есть на самом деле, просто не готов к последнему экзамену. Научитесь расслабляться и проще относиться к ударам судьбы. Совсем ни к чему трепать себе нервы и тратить адреналин при каждом ее фортеле. Еще вопросы будут?

Вопросы были, но вскоре стало понятно, что Мэтсон или в самом деле не знает, где именно будут проходить испытания, или твердо хранит эту информацию в тайне. Он также отказался давать советы

по выбору оружия, сказав просто, что школьный оружейник будет готов выдать у ворот любое стандартное оружие, а все «нестандартное» — на усмотрение испытуемых.

— Помните, однако, что самое лучшее оружие у вас между ушей, под скальпом. Разумеется, если оно заряжено.

Группа начала расходиться. Род тоже встал, собираясь идти. Мэтсон поймал его взгляд и сказал:

— Уокер, вы собираетесь сдавать экзамен?

— Да, сэр, конечно. А что?

— Зайдите, пожалуйста, ко мне.— Он завел его в кабинет, закрыл дверь и сел за стол. Затем взглянул на Рода, передвинул зачем-то пресс-папье и наконец произнес:

— Ты неплохой парень, Род... Но иногда, бывает, этого недостаточно.

Род промолчал.

— Скажи, пожалуйста, зачем ты сдаешь этот экзамен?

— Сэр?!

— Что «сэр»? — проворчал Мэтсон.— Отвечай на вопрос.

Некоторое время Род глядел на него в недоумении, потому что они уже говорили на эту тему при зачислении на курс, но потом снова принялся рассказывать о своих планах получить профессию для работы во Внеземелье.

— Мне обязательно нужно сдать «Выживание». Без этого я не смогу получить ученую степень даже по колониальному администрированию, не говоря уже о планетографии и планетологии.

— Значит, хочешь стать исследователем?

— Да, сэр.

— Как я?

— Да, сэр. Как вы.

— Хм-м... Поверишь ли ты, если я скажу, что это была самая большая ошибка в моей жизни?

— А? Нет, сэр.

— Я в общем-то и не надеялся. Сынок, самое лучшее было бы — знать *тогда* то, что я знаю *сейчас*. Разумеется, это невозможно. Но поверь мне, ты родился не в том веке.

— Как это, сэр?

— Мне кажется, ты романтик. А время сейчас действительно очень романтичное, вот поэтому-то для романтиков теперь просто

нет места. Теперь нужны практичные люди. Сто лет назад ты мог бы стать адвокатом, банкиром или профессором, а свои романтические порывы удовлетворять чтением приключенческих книг или мечтами о том, кем бы ты стал, если бы тебе посчастливилось родиться не в такое скучное время. Но сейчас романтика и приключения — часть повседневной жизни, а потому в этой жизни нужны очень практичные люди.

— Но я-то чем плох? — Разговор уже начал раздражать Рода.

— Ничем. Ты мне нравишься, и я не хотел бы, чтобы жизнь обошлась с тобой сурово. Однако для настоящего «выживалы» ты слишком сентиментален и слишком эмоционален.

Мэтсон поднял руку, опередив его желание возразить.

— Подожди-подожди. Я знаю, что ты можешь разжечь огонь при помощи двух сухих слов. И мне лучше других известно о твоих отличных показателях практически по всем предметам. Я не сомневаюсь, что ты сумеешь сделать фильтр для воды голыми руками и знаешь, с какой стороны растет на дереве мох. Но я не думаю, что ты достаточно осторожен, чтобы не купиться на «мировую с медведем».

— Мировую с медведем?..

— Это просто фигура речи, не обращай внимания. Сынок, я думаю, тебе нужно отказаться от экзамена. Если будет необходимо, ты сможешь повторить этот курс в колледже.

Род упрямо затряс головой, и Мэтсон тяжело вздохнул.

— Я ведь имею право просто отстранить тебя. Может, именно так мне и следует поступить.

— Но почему, сэр?

— В том-то и дело, что я не могу объяснить тебе причину. По оценкам ты один из лучших моих учеников.— Он встал и протянул Роду руку.— Удачи. И помни: если жизнь загонит тебя в тупик, всегда поступай, как сочтешь нужным, и ни о чем не жалей.

Вообще-то Роду нужно было домой. Его родители жили в пригороде Большого Нью-Йорка, расположенном на плато у Гранд-Каньона, куда вели ворота «Хобокен». Но ему требовалось сделать пересадку в «Эмигрантс-Гэп», и он не удержался от того, чтобы остаться и поглазеть.

Выйдя из подземки, нужно было свернуть направо, подняться лифтовым колесом на следующий уровень и пройти через ворота

на Аризону к движущейся полосе. Но он задумался о припасах, снаряжении и оружии для завтрашнего экзамена, и ноги сами повернули налево, к движущейся полосе, ведущей к огромному комплексу планетарных ворот.

Род сразу пообещал себе, что задержится только на десять минут: не хотелось опаздывать к обеду. Он просочился через толпу и оказался в зале — на зрительной трибуне над эмиграционным ярусом. Комплекс был новый, его открыли только в шестьдесят восьмом. Раньше эмиграционный пункт располагался в Джерси, в нескольких километрах от питавшего его реактора, но теперь там занимались только транспортировкой в пределах Земли и торговлей с Луной.

Трибуна была выстроена прямо напротив шести пространственных ворот и вмещала более восьми тысяч человек, но в тот день половина мест пустовала, а все зрители сбились поближе к центру. Именно там Роду и хотелось устроиться, чтобы видеть все шесть ворот сразу. Он протолкался по среднему проходу и присел у ограждения, но тут заметил, что освободилось место в первом ряду, и рванулся к нему, чуть-чуть опередив мужчину, который кинулся было туда же из соседнего прохода, однако, поняв, что опоздал, остановился и уставился на Рода сердитыми глазами.

Род опустил в щель на подлокотнике несколько монет, и кресло раскрылось. Он сел и огляделся. Место оказалось напротив копии Статуи Свободы, родной сестры той, что более века стояла на месте теперешнего кратера Бедлоу. Факел ее почти доставал до потолка, а слева и справа располагались по трое ворот, ведущих к дальним мирам.

Однако на статую Род не глядел; все его внимание приковывали сами ворота. На восточном побережье Северной Америки день близился к концу, и небо затянуло тяжелыми тучами, но ворота номер один открывались в какой-то другой мир, где вовсю светило солнце. Род даже разглядел за ними мужчин, одетых лишь в шорты и солцезащитные панамы. У ворот номер два вплотную стоял шлюз, на дверях которого были изображены череп с костями и обозначение хлора. Над шлюзом горел красный сигнал, но спустя минуту он погас и сменился голубым. Двери медленно открылись, и оттуда выползла герметичная капсула с дышащим хлором существом.

Встречали его восемь землян в парадном дипломатическом облачении, один — даже с золотым жезлом.

Род уже собрался потратить еще одну монету в полплутона, чтобы узнать, кто этот важный гость, но тут его внимание привлекли ворота номер пять. Напротив них, почти под трибуной, установили промежуточные ворота и соединили их высоким забором из проволочной сетки — получилось нечто вроде коридора от ворот до ворот: пятнадцать метров в ширину и семьдесят пять в длину. Загон все время заполнялся людьми, идущими от промежуточных ворот к планетарным и дальше, на какую-то планету за много светолет от Земли. Они словно вытекали из ниоткуда, поскольку позади промежуточных ворот ничего не было, пробегали по загону, как стадо, подгоняемое пастухом, вливались в ворота номер пять и вновь исчезали. Вдоль каждой стены загона растянулся взвод темнолицых монгольских полисменов, с палками чуть ли не в рост человека, которыми они то и дело подгоняли эмигрантов, причем старались от души. Почти под самым креслом Рода один из них так сильно ткнул палкой старого кули, что тот споткнулся и упал. Все свои пожитки — имущество, с которым он собирался вступить в новый мир,— старик нес на правом плече, в привязанных к палке двух узлах.

Кули упал на костлявые колени, попытался встать, но его тут же сбили, и он распластался на полу. Род испугался, что его затопчут, но старик как-то умудрился встать — уже без вещей. Он хотел устоять в людском потоке и отыскать свои узлы, но охранник снова ткнул его палкой, и старика, оставшегося с пустыми руками, просто унесло толпой. Он не прошел и пяти метров, как Род потерял его из виду.

Местные полицейские стояли снаружи, но они не вмешивались: узкое пространство от ворот до ворот стало на время экстерриториальным, и местная полиция не имела там власти. Правда, одного из них жестокое обращение со стариком, очевидно, возмутило, и он, прижавшись лицом к сетке, сказал что-то на общеземном языке. Монгольский полисмен резко ответил ему на том же языке, должно быть, послал подальше, отвернулся и принялся орать, толкать переселенцев и лупить их палкой с еще большим остервенением.

Через загон текла толпа — японцы, индонезийцы, сиамцы, выходцы из Восточной Индии, совсем немного евразийцев, но в основном жители Южного Китая. Роду они казались почти одинаковыми —

маленькие женщины с младенцами на боку или на спине, а часто с одним на спине и одним в руках, бесконечный поток сопливых бритоголовых детей, отцы семейств с пожитками в огромных тюках или на тачках. Время от времени появлялись заезженные пони, тянущие за собой большие и явно перегруженные повозки на двух колесах, но у большинства переселенцев было с собой лишь то, что можно унести.

Род слышал когда-то, что, если всех живущих на Земле китайцев выстроить в четыре ряда и заставить колонну двигаться, она так никогда и не кончится, потому что население будет расти быстрее, чем проходит колонна. Род не поленился проверить, посчитал, и оказалось, что это чушь: даже если не учитывать смертность и считать только прирост населения, последний китаец прошел бы в колонне меньше, чем через четыре года. Тем не менее, глядя, как толпу людей гонят, словно на бойню скот, Род чувствовал, что в старой байке есть доля правды, хотя математика ее и не подтверждала. Казалось, им не будет конца.

Спустя несколько минут Род все-таки решил потратить еще полплутона — узнать, что происходит,— и опустил монету в щель динамика, встроенного в кресло. В ушах тут же зазвучал голос комментатора:

—...посещение министра. Наследного принца встречали представители Земной Корпорации во главе с самим генеральным директором, а теперь они сопровождают его до шлюзовой камеры анклава планеты Ратун. После телевизионного приема сегодня вечером начнутся переговоры на уровне делегаций. По мнению лиц, близких к генеральному директору, ввиду невозможности конфликта интересов между существами, потребляющими кислород, как мы, и ратунцами, любой исход переговоров будет нам на пользу, вопрос только — в какой степени. Если вы снова обратите внимание на ворота номер пять, мы готовы повторить сообщенные ранее сведения. Ворота номер пять переданы на сорок восемь часов в распоряжение Австралазиатской республики. Временные ворота, которые вы можете видеть внизу, гипершунтированы на определенную точку в центральной Австралии, в пустыне Арунта, где в течение нескольких недель подряд накапливалась в большом лагере эта волна эмигрантов. Его Светлое Величество Председатель Австралазиатской рес-

публики Фунг Чи Му информировал Корпорацию, что его правительство планирует осуществить за сорок восемь часов переброску более двух миллионов человек — воистину впечатляющая цифра, более сорока тысяч эмигрантов в час. Общее число переселенцев, запланированное в этом году для всех планетарных ворот — «Эмигрантс-Гэп», «Петр Великий» и «Витуотерсранд»,— составляет всего семьдесят миллионов, или в среднем около восьми тысяч человек в час. Это же перемещение предполагает темпы в пять раз более высокие, причем только через одни ворота!

Однако то, что мы наблюдаем — скорость, эффективность и э-э-э... решительность, присущая этой операции,— похоже, не оставляют сомнений в успехе. Наши данные за первые девять часов свидетельствуют, что эмигранты даже чуть опережают запланированные темпы. За эти же девять часов восемьдесят два эмигранта умерли и сто семь детей родилось в отбывающих семьях. Столь высокая цифра смертности объясняется, разумеется, трудностями, связанными с эмиграционной операцией такого масштаба.

Планета назначения, GO-8703-IV, отныне будет называться Райской Горой. По словам Председателя Фунга, это прекрасная, богатейшая планета, и до сих пор попыток колонизировать ее никто не предпринимал. Корпорацию заверили, что все будущие колонисты являются добровольцами.— Тут Роду показалось, что в голосе комментатора прозвучала ироничная нотка.— Это и понятно, если принять во внимание нерегулируемый рост населения в Австралазиатской республике. Здесь, впрочем, не помешает краткая историческая справка. После высылки остатков прежнего населения Австралии в Новую Зеландию по Бэйпинскому мирному договору первым же удивительным актом нового правительства стало создание огромного внутриконтинентального моря в...

Род приглушил звук и снова посмотрел вниз. Слушать школьную лекцию о том, как австралийскую пустыню превратили в цветущий сад, ему вовсе не хотелось. Тем более что позже сад все равно загадили и превратили в трущобы, где жило больше населения, чем во всей Северной Америке. У ворот номер четыре разворачивались новые события...

Когда он пришел, пространство у ворот номер четыре было занято грузовым конвейером. Теперь же конвейерная лента отползла

назад и скрылась в недрах терминала, а у ворот начала выстраиваться эмиграционная группа.

Здесь уже не было никаких нищих беглецов, подгоняемых полисменами. Здесь каждая семья переезжала в собственном фургоне. Широкие, длинные, классические фургоны с прочным верхом из стеклоткани и шестеркой лошадей. Угловатые прочные повозки со стальными кузовами и высокими тонкими колесами, запряженные одной или двумя парами. Животные в упряжках — как на подбор: «морганы», величественные «клайдсдейлы» и миссурийские мулы с сильными спинами, хитрыми недоверчивыми глазами и похожими на кувшин мордами. Между колесами сновали собаки, фургоны были доверху нагружены домашней утварью, снаряжением и детьми. Громко жаловались на несправедливость судьбы куры, гуси и прочая домашняя птица в клетках, привязанных позади фургонов. У одного из них стоял низкорослый шотландский пони, оседланный, но без седока.

Роду показалось странным, что не видно скота, и он снова прибавил звук, но комментатор по-прежнему бубнил о плодовитости граждан Австралазиатской республики. Приглушив динамик, Род продолжал смотреть. Фургоны, готовые двигаться вперед, выстроились перед воротами в плотную колонну, конец которой исчезал где-то под трибуной. Однако время еще не подошло, и возницы собирались небольшими группками у палатки Армии Спасения под складками туники Богини Свободы попить кофе и поболтать. Возможно, подумалось Роду, там, куда они направляются, нет никакого кофе и не будет еще долгие годы, поскольку Земля никогда не экспортировала продовольствие — напротив, продукты питания и радиоактивное топливо служили единственными предметами разрешенного импорта, и пока колония во Внеземелье не окрепнет настолько, чтобы производить излишки того или другого, она едва ли может рассчитывать на какую-то помощь Земли.

Из-за высокого расхода урана держать межпланетные ворота открытыми выходило слишком накладно, и эти люди, отправляющиеся караваном фургонов осваивать новую колонию, прекрасно понимали, что, скорее всего, потеряют коммерческие связи с Землей до тех пор, пока у них не появятся излишки ресурсов, которые позволят открывать ворота на регулярной основе. А до того време-

ни они могут полагаться только на самих себя и рассчитывать только на то снаряжение, что берут с собой. Следовательно, лошади в данном случае лучше вертолетов, а кирки и лопаты надежнее бульдозеров. Машины, случается, выходят из строя и требуют сложного оборудования для ремонта, тогда как старые добрые «пожиратели сена» продолжают плодиться сами по себе, едят траву и таскают повозки как ни в чем не бывало.

Мастер Мэтсон как-то сказал на лекции по выживанию, что больше всего в примитивном Внеземелье жизнь осложняет не отсутствие канализации, отопления, энергии или света и не плохие климатические условия — хуже всего бывает, когда нет самых простых вещей вроде кофе и табака.

Род никогда не пробовал курить и к кофе тоже относился безразлично, поэтому плохо понимал, как это можно переживать из-за таких мелочей. Наклонившись в кресле, чтобы лучше видеть пространство за воротами, он пытался угадать, в чем причина задержки. Изогнутый дугой брезентовый верх первого «корабля прерий» загораживал ворота, Род почти ничего не видел, но похоже было, оператор ошибся при настройке фазы и небо с землей поменялись местами. Внепространственная коррекция, необходимая, чтобы совместить две точки на различных планетах, отстоящих на многие световые годы друг от друга, требовала не только колоссальных затрат энергии, но и невероятной точности, а это уже область высшей математики и высокого искусства. С математикой прекрасно справлялись машины, но окончательную настройку всегда осуществляли операторы — как говорится, при помощи молитвы и интуиции.

Помимо тех движений в пространстве, что совершает каждая из связываемых планет,— векторов, которые легко можно складывать и вычитать,— необходимо учитывать еще и вращение планет вокруг оси. Главная проблема заключается в том, чтобы последняя гиперпространственная складка обеспечила касание планет по внутренней стороне окружности большей из них точками, где установлены ворота, причем планеты должны вращаться в одну сторону и оси их должны быть параллельны. Теоретически возможно совместить точки и при вращении в противоположные стороны — для этого достаточно лишь искривить бесплотную ткань пространства-времени, чтобы «реальные» движения планет совпали,— однако на практике

это не только слишком расточительно в плане энергии, но и совершенно непрактично: земля за воротами ускользает в сторону, словно лента движущейся дороги, и то и дело наклоняется под немыслимыми углами.

Впрочем, математики, которую Род уже освоил, все равно не хватало, чтобы по-настоящему оценить всю сложность проблемы. Он только заканчивал среднюю школу и не продвинулся дальше тензорного анализа, статистической механики и обобщенной геометрии шестимерного пространства, а в прикладных дисциплинах остановился на основах электроники, введении в кибернетику и роботостроение и начальном курсе конструирования аналоговых компьютеров. Настоящая математика ждала его впереди. Поэтому он даже не подозревал о своем невежестве и просто решил, что оператор, должно быть, работал «левой ногой».

Возницы все еще толпились у палатки, пили кофе и жевали бублики. Большинство мужчин отпустили бороды, и судя по их длине, партия эмигрантов готовилась к переправке уже несколько месяцев. Капитан группы отрастил маленькую эспаньолку, усы и довольно длинные волосы, но все равно Роду казалось, что тот едва ли намного старше него. Разумеется, это был профессионал, прошедший целый курс необходимых во Внеземелье дисциплин — охота, разведка, элементарные ремесла, оружейное дело, фермерство, оказание первой помощи, групповая психология, тактика группового выживания, закон и еще более десятка различных вещей, без которых не обойтись, когда остаешься один на один с дикой природой.

Одет он был в старинный калифорнийский костюм — может быть, просто для того, чтобы одежда соответствовала скакуну, прекрасной подобно рассвету гнедой кобыле. Когда над воротами вспыхнул предупреждающий сигнал, капитан группы вскочил в седло и, продолжая жевать бублик, двинулся вдоль колонны фургонов с последней проверкой. Сидел он прямо, осанисто и очень уверенно. На причудливом низком ремне болтались два пистолета-резака, каждый в украшенной серебром кобуре с такой же отделкой, как на седле и уздечке.

Род невольно задержал дыхание, пока капитан не скрылся под трибуной, затем вздохнул и подумал, а не стоит ли ему самому вместо какой-то более интеллектуальной профессии Внеземелья занять-

ся чем-нибудь таким, что поможет ему стать похожим на этого человека. Он в общем-то и не знал пока, кем ему хочется работать: главное — покинуть Землю как можно скорее и очутиться там, далеко, где жизнь бьет ключом.

Эти размышления напомнили ему, что завтра у него важное испытание: через несколько дней он или сможет поступать, куда ему захочется, или... Но об этом лучше не думать. Род понял вдруг, что время уходит, а он даже не решил еще, какое оружие и снаряжение возьмет с собой. У капитана группы, готовящейся к отправке, были пистолеты-резаки... Может быть, и ему стоит взять такой же? Хотя нет, если им придется защищаться, они будут сражаться группой. И такое оружие у их лидера скорее для поднятия авторитета, чем для выживания в одиночку. Что же тогда взять?..

Зазвучала сирена, и возницы вернулись к своим фургонам. На полном скаку вернулся к голове каравана и капитан.

— По места-а-а-ам! Приготовиться! — прокричал он и занял место у самых ворот, лицом к каравану. Кобыла вздрагивала и то и дело переступала ногами.

Из-за стойки в палатке Армии Спасения появилась девушка с маленькой девочкой на руках. Она крикнула что-то капитану, но голос ее до трибуны не долетел.

Однако у капитана голос оказался гораздо громче:

— Номер четыре! Дойл! Ну-ка забери своего ребенка!

Рыжий мужчина с похожей на лопату бородой выскочил из четвертого фургона, со смущенным выражением лица принял ребенка и понес назад под крики, смех и улюлюканье из других фургонов. Затем отдал девочку жене, которая тут же задрала ей платье и хорошенько отшлепала. Дойл забрался на место и взял в руки вожжи.

— Рассчитайсь! — протяжно крикнул капитан.

— Первый!

— Второй!

— Третий!

— Четвертый!

— Пятый!

Голоса ушли под трибуну и дальше, откуда их совсем не было слышно. Однако спустя какое-то время перекличка вернулась в обратном порядке и закончилась громким «Первый!». Капитан

поднял правую руку и замер, не сводя глаз с цветовых сигналов над воротами.

Наконец загорелся зеленый. Он резко опустил руку и крикнул:

— Тронулись! Хэй-хэй!

Его кобыла рванулась с места словно на скачках, проскочила перед носом левой ведущей лошади в упряжке первого фургона и очутилась за воротами.

Защелками бичи. Снизу то и дело доносилось: «Вперед, Молли!», «Вперед, Нед!» или «Но, башкастые!» Караван покатил вперед. К тому времени, когда стоявшие на виду под трибуной фургоны скрылись за воротами и показались остальные, ждавшие в подъездном туннеле, колонна неслась уже галопом. Возницы сидели, упершись ногами в передок, а их жены держали руки на тормозах. Род пытался сосчитать их и добрался до шестидесяти трех, когда последний фургон проехал ворота... и скрылся, оказавшись за полгалактики от Земли.

Вздохнув, Род откинулся на спинку с каким-то теплым чувством в душе, окрашенным необъяснимой грустью, затем прибавил звук.

—... на Нью-Ханаан, первоклассную планету, которую великий Лэнгфорд назвал «розой без шипов». За привилегию строить новую жизнь на этой планете ради будущего своих детей колонисты заплатили высшую ставку в шестнадцать тысяч четыреста плутонов за каждого человека — разумеется, без учета освобожденных от уплаты кооптированных членов группы. Компьютерные центры предсказывают, что высшая ставка будет возрастать в течение еще двадцати восьми лет, и если вы хотите подарить своим детям бесценное гражданство на Нью-Ханаане, действовать надо сейчас. Всего за один плутон, высланный по адресу: Информация. а/я 1, «Эмигрантс-Гэп», округ Нью-Джерси, Большой Нью-Йорк, вы сможете получить прекрасную кассету с видами планеты. Если же вас интересует полный список открытых для колонизации планет плюс отдельный список тех, что будут открыты в ближайшем будущем, добавьте еще полплутона. Те, кто наблюдают сейчас за событиями, о которых рассказывает наша передача, могут получить кассету и дополнительные материалы в фойе большого зала.

Род не прислушивался. Он давно уже выписал себе все бесплатные и большинство платных материалов, что распространялись

Комиссией по эмиграции и торговле. Сейчас его больше занимало, почему ворота в Нью-Ханаан не закрылись.

Но загадка прояснилась почти сразу же. От ворот номер четыре до самого туннеля поднялись из пола металлические ограждения, образовавшие длинный коридор, и спустя секунду из ворот вырвался поток ревущего, фыркающего скота — откормленные херефордширские бычки, которые в скором времени должны были превратиться в нежные бифштексы и восхитительное жаркое для богатой, но слегка голодной Земли. За ними и среди них ехали нью-ханаанские погонщики с длинными палками, которыми они подгоняли животных, заставляя их двигаться быстрее, несмотря на то что они теряли при этом в весе: ворота были по-прежнему открыты, и стоимость этой услуги автоматически вычиталась из стоимости скота.

Тут Род обнаружил, что комментатор умолк. Тридцать минут трансляции, за которые он заплатил, истекли. У него тотчас же возникло виноватое чувство, и он понял, что надо торопиться, иначе можно опоздать к обеду. Род бросился бегом, наступая на ноги и извиняясь направо и налево, и наконец добрался до движущейся полосы к воротам «Хобокен».

Эти ворота, поскольку они предназначались только для перемещения на поверхности Земли, были постоянно открыты и не требовали внимания оператора: две точки, которые они соединяли, располагались на одном и том же жестком основании, на твердой Земле. Род предъявил постоянный билет электронному контролеру и в компании знакомых и незнакомых людей шагнул в Аризону.

Поправка: «на почти твердой Земле». Компьютер, управляющий работой ворот, учитывал приливные искажения поверхности, но не мог предвидеть мелкие сейсмические явления. Сделав шаг в Аризону, Род почувствовал, что ноги у него дрогнули, словно при крошечном землятресении, но спустя мгновение *terra* снова стала *firma**. Однако он все еще был в шлюзовой камере с давлением воздуха как на уровне моря. Уловив тепло человеческих тел, механизм закрыл шлюз, и давление снизилось. Род протяжно зевнул, приспосабливаясь к давлению на северном плато Гранд-Каньона, где оно было на четверть меньше, чем в Нью-Джерси. Но даже при том,

*...земная твердь *(лат.)*.

что ему приходилось путешествовать туда и обратно почти ежедневно, уши каждый раз закладывало, и Род принялся тереть ладонью правое ухо, чтобы избавиться от неприятного ощущения.

Наконец шлюз открылся, и он вышел наружу. Преодолев за долю секунды две тысячи миль, он теперь должен был потратить десять минут на движущейся туннель и еще пятнадцать пройти пешком до дома. Род решил, что трусцой он все-таки доберется домой вовремя. И видимо, добрался бы — если бы тем же маршрутом не хотели воспользоваться еще несколько тысяч человек.

2. ПЯТЫЙ ПУТЬ

Ракетные корабли вовсе не покорили космос, они лишь бросили ему вызов. Ракета, покидающая Землю со скоростью семь миль в секунду, слишком тихоходна для огромных просторов, что лежат за пределами планеты. Одна лишь Луна более-менее рядом, и то до нее около четырех дней. До Марса при такой скорости — тридцать семь недель, до Сатурна — бесконечные шесть лет, а до Плутона — почти невозможные полвека. Все — по эллиптическим орбитам, доступным ракетам.

Факельные корабли Ортеги значительно приблизили к нам Солнечную систему. Эти корабли, работающие за счет преобразования массы в энергию по бессмертному эйнштейновскому E равно MC в квадрате, уже могли разгоняться на протяжении всего полета, причем с любым ускорением, которое только выдержит пилот. При вполне приемлемом ускорении в одно g ближайшие планеты оказались всего в нескольких часах лета, а дорога до далекого Плутона занимала лишь восемнадцать дней. Человечество словно пересело с лошади на реактивный лайнер.

Люди заполучили дивную новую игрушку, вот только лететь было особенно некуда. С точки зрения человека, Солнечная система — на удивление непривлекательное место. Разумеется, кроме прекрасной, зеленой, щедрой Земли. Жители Юпитера с их стальными мышцами прекрасно чувствуют себя при силе тяжести в два с половиной раза больше нашей и в совершенно ядовитой атмосфере с немыслимым давлением. Марсиане отлично живут почти

что в вакууме, а лунные ящерицы, так те и вообще не дышат. Но все эти планеты — не для людей.

Людям нужна кислородная планета недалеко от звезды класса G и чтобы температура не очень сильно отклонялась от точки замерзания воды. Короче, такая как Земля.

Однако если вы уже здесь, зачем лететь куда-то еще? А затем, что у людей рождаются дети, много-много детей. Мальтус писал об этом уже давно: производство продовольствия растет в арифметической прогрессии, в то время как численность человечества — в геометрической. К Первой мировой войне половина планеты уже находилась на грани голода. Ко Второй мировой численность населения Земли увеличивалась на пятьдесят пять тысяч человек *каждый день*. А уже перед Третьей мировой войной, в 1954 году, этот прирост составил сто тысяч ртов и животов в день. Тридцать пять миллионов новых людей каждый год... И вскоре население Земли превысило то количество, которое способны прокормить пашни планеты.

Термоядерные бомбы, бактериологическое оружие, нервно-паралитические газы и прочие ужасы, обрушившиеся на человечество позднее, в общем-то объяснялись не политическими причинами. Истинная картина происходящего напоминала, скорее, драку нищих из-за корки хлеба.

Автор «Путешествий Гулливера» когда-то мрачно пошутил, предложив откармливать ирландских детишек для английских столов, другие проповедовали менее радикальные меры обуздания роста человечества, но ни одна из них никак не изменила положение на Земле. Жизнь — *любая* жизнь — имеет два побуждения: выжить и продолжить род. Разум — всего лишь побочный продукт эволюции, бесполезный во всем, кроме служения этим двум целям.

Однако разум можно заставить работать на эти слепые императивы жизни. В нашей Галактике имеется более ста тысяч планет земного типа, и каждая может быть по-матерински добра к человеку, как родная Земля. Факельные корабли Ортеги уже позволяли достичь звезд. Человечество могло колонизировать новые земли в космосе, точно так же, как когда-то миллионы голодных европейцев пересекли Атлантику, чтобы вырастить своих детей в Новом Свете.

Некоторые так и поступили. Сотни тысяч людей. Но даже все человечество целиком, работая как одна команда, не могло строить

и запускать по сотне кораблей в день, каждый на тысячу колонистов, день за днем, год за годом и так до бесконечности. Даже когда есть хорошие руки и решимость (а последнего человечеству всегда недоставало), не хватит стали, алюминия и урана во всей земной коре. Не хватит и на одну сотую нужного числа кораблей.

Но разум способен находить решения там, где их, казалось бы, нет. Однажды психологи заперли обезьяну в комнате, оставив ей только четыре возможных пути для побега, а затем уселись наблюдать, какой из четырех она выберет.

Обезьяна нашла пятый путь.

Доктор Джесс Эвелин Рамсботхэм вовсе не пытался решить проблему высокой рождаемости. Нет, он хотел построить машину времени. И причин для этого у него было две: во-первых, машину времени создать невозможно, во-вторых, в присутствии девушек, достигших брачного возраста, он всегда заикался и очень мучился от того, что у него потеют ладони. Впрочем, сам он даже не подозревал, что первая причина всего лишь компенсирует вторую. Строго говоря, он вообще не подозревал о существовании второй причины — этой темы его сознание старательно избегало.

Бессмысленно строить предположения о том, как повернулась бы история человечества, если бы родители Джесса Эвелина Рамсботхэма назвали своего сына Биллом, а не наградили его двумя девичьими именами. Возможно, он стал бы тогда выдающимся полузащитником и, прославившись на всю Америку, занялся бы в конце концов продажей ценных бумаг, добавляя, как все, детишек к катастрофически растущему населению Земли. Но он стал физиком-теоретиком.

В физике прогресс достигается отрицанием очевидного и принятием на веру невозможного. Любой ученый девятнадцатого века мог бы убедительно объяснить, почему невозможны атомные бомбы — если бы его, конечно, не оскорбил подобный бессмысленный вопрос. Любой физик двадцатого столетия легко убедил бы вас, что путешествия по времени просто не вписываются в реальную пространственно-временную картину мира. Но Рамсботхэм начал как раз с трех величайших уравнений Эйнштейна — двух уравнений для релятивистского сокращения длины и замедления времени и

уравнения, связывающего массу с энергией. В каждом из них фигурирует скорость света, а скорость есть не что иное, как производная первого порядка функции пройденного расстояния от времени. Он переписал уравнения в дифференциальной форме и принялся за математические игры, скормив эти соотношения «Ракитиаку», дальнему потомку «Унивака», «Эниака» и «Маниака». Работая с уравнениями, Рамсботхэм никогда не заикался, и у него никогда не потели при этом ладони — разве что когда ему приходилось общаться с молодой особой, служившей главным программистом гигантского компьютера.

Его первая рабочая модель дала стасисное, или низкоэнтропийное, поле размерами не больше футбольного мяча: при включении на полную мощность помещенная внутрь сигарета продолжала гореть целую неделю. Через семь дней после начала эксперимента Рамсботхэм достал сигарету, докурил и надолго задумался.

В следующий раз он опробовал машину на однодневном цыпленке, причем в присутствии коллег. Спустя три месяца цыпленок ничуть не вырос и даже не проголодался, во всяком случае не больше, чем любой другой в таком же возрасте. Рамсботхэм поменял фазовое соотношение и настроил аппарат на самый короткий временной интервал, какой только позволяла изготовленная в домашних условиях установка.

В долю секунды недавно вылупившийся цыпленок умер от голода и разложился.

Рамсботхэм понимал, что в данном случае лишь изменил наклон графика, но по-прежнему верил, что вскоре откроет способ перемещения во времени. Долгожданного открытия не произошло, хотя однажды был момент, когда он думал, что это ему все-таки удалось. Как-то раз Рамсботхэм по просьбе коллег повторил эксперимент с цыпленком. Ночью двое из них подобрали ключи к лаборатории, выпустили цыпленка и поместили в стасисное поле яйцо. Возможно, Рамсботхэм навсегда уверовал бы в возможность путешествий во времени и до конца своей жизни исследовал бы тупиковый маршрут, но коллеги сжалились и на его глазах раскололи яйцо — оказалось, оно сварено вкрутую.

Однако Рамсботхэм не сдавался. Он построил модель еще больших размеров, после чего задался целью получить поле особой

конфигурации, с некоей воронкой, аномалией (термин «ворота» он, конечно, не употреблял), позволяющей ему самому заходить внутрь и выбираться наружу.

Когда он включил питание, вместо голой стены за двумя изогнутыми магнетодами установки перед ним вдруг предстали удушливые джунгли. Рамсботхэм сразу решил, что это лес каменноугольного периода. Ему нередко приходило в голову, что разница между пространством и временем — лишь свойственный людям предрассудок, но в этот раз он ни о чем таком не задумывался: он просто верил в то, во что ему хотелось верить.

Рамсботхэм схватил пистолет и храбро, но безрассудно полез между магнетодами.

Спустя десять минут его арестовали за ношение оружия в ботаническом саду Рио-де-Жанейро. Незнание португальского только усугубило проблему и продлило срок его пребывания в душной тюремной камере тропической страны, но через три дня он при помощи американского консула все-таки отправился на родину. Всю дорогу до дома Рамсботхэм напряженно думал, исписав при этом несколько блокнотов уравнениями и вопросительными знаками.

Короткий путь к звездам был найден.

Открытия Рамсботхэма устранили основную причину войн и подсказали, что делать со всеми этими милыми детишками. Сотни тысяч планет оказались вдруг не дальше противоположной стороны улицы. Неосвоенные континенты, нетронутые дикие чащи, пышные джунгли, убийственные пустыни, мерзлые тундры, суровые горы — все это лежало теперь прямо за воротами городов, и человечество вновь устремилось туда, где не сияет уличное освещение, где на углу не стоит готовый прийти на помощь полисмен, где и углов-то еще никаких нет. Нет ни хорошо прожаренных нежных бифштексов, ни ветчины без костей, ни упакованной, готовой к употреблению пищи для изысканных умов и изнеженных тел. Двуногому всеядному вновь понадобились его кусающие, рвущие звериные зубы: человечество выплеснулось в большой мир (как это уже случалось раньше), где действуют законы «убей, или будешь убит», «съешь, или будешь съеден».

Однако человечество обладает огромным талантом выживать. Человечество, как всегда, приспособилось к новым условиям, и наиболее урбанизированная, механизированная и цивилизованная культура за всю его долгую историю начала учить своих лучших детей, своих потенциальных лидеров, выживать в примитивных условиях, когда обнаженный человек выходит один на один с дикой природой.

Разумеется, Род Уокер знал о докторе Дж. Э. Рамсботхэме, так же как знал он имена Эйнштейна, Ньютона или Колумба, но вспоминал о нем не чаще, чем, скажем, о том же Колумбе. Для него они были просто образами из книг, историческими личностями, грандиозными фигурами прошлого. Совершенно не задумываясь, он каждый день проходил ворота Рамсботхэма между Джерси и движущейся полосой в Аризоне — так же как его предшественники пользовались лифтами, не вспоминая человека по имени Отис. И если он когда вспоминал об этом чуде, то с некоторой долей раздражения, потому что выход ворот «Хобокен» в Аризоне был слишком далеко от родительского дома. Здешние ворота назывались «Кайбаб», и располагались они в семи милях к северу от жилища Уокеров.

В то время, когда строился их дом, местность эта была на дальнем конце коммуникационной линии пневмодоставки и прочих городских удобств. Строили его давно, и поэтому гостиная Уокеров стояла на поверхности, тогда как спальня, кладовые и бомбоубежище скрывались под землей. Раньше гостиная торчала на участке голым, будто выточенным из одного куска эллипсоидом, но позже, когда Большой Нью-Йорк стал разрастаться, строительство наземных сооружений, нарушающих целостную картину дикого леса в этом регионе, запретили.

Родители Рода решили подчиниться — до определенной степени — и засыпали купол землей, насадив сверху обычной для здешних мест растительности, но категорически отказались закрывать панорамное окно с видом на Гранд-Каньон, придававшее дому все его очарование. Окружной административный совет пытался заставить их убрать окно, предлагая за свой счет заменить его телеокном как в других подземных жилищах, но отец Рода слыл упрямым человеком. Он утверждал, что погоду, женщину и вино

невозможно заменить чем-то «примерно тем же». Одним словом, окно осталось на месте.

Вернувшись домой, Род обнаружил, что все семейство сидит как раз перед этим самым окном, наблюдая, как движется через каньон грозовой фронт,— мать, отец и, к его удивлению, сестра Элен. Она была на десять лет старше Рода, служила капитаном в корпусе Амазонок и редко показывалась дома.

— Привет, сестренка! Здорово, что ты здесь! Я думал, ты на Туле...— обрадованно заговорил Род, хотя и понимал, что даже ее приезд не спасет его от распеканий за опоздание.

— Я там и была. Всего несколько часов назад.

Род хотел пожать ей руку, но она сгребла его в охапку, словно медведь, и смачно поцеловала в губы, прижав к рельефному орнаменту на хромированных латах. Элен даже не сняла еще форму, и Род подумал, что она, очевидно, только-только прибыла: во время своих редких посещений сестра обычно расхаживала по дому в халате и шлепанцах. Сейчас она все еще была в бронежилете и форменном килте, а на полу лежали металлизированные перчатки, шлем и пояс с оружием.

— Боже, как ты вырос! — с гордостью произнесла сестра.— Почти догнал меня.

— Уже перегнал.

— Спорим?.. Ну-ка не дергайся, а то руку выверну. Снимай ботинки и давай померяемся спиной к спине...

— Сядьте, дети,— спокойным тоном сказал отец.— Род, ты почему опоздал?

— Э-э-э...— Он уже придумал, как отвлечь внимание родителей рассказом о предстоящем экзамене, но тут вмешалась Элен.

— Ну что ты его спрашиваешь, патер? Если тебе так хочется оправданий, ты их обязательно получишь. Я это поняла, еще когда была младшим лейтенантом.

— Помолчи, дочь. Я вполне способен воспитать его без твоей помощи.

Рода удивила резкая реплика отца, и еще больше удивил ответ Элен:

— Ой ли? — произнесла она каким-то странным тоном.

Род заметил, что мама всплеснула руками, собираясь что-то сказать, затем передумала. Выглядела она расстроенно. Отец и сестра

молча смотрели друг на друга. Род в растерянности глядел то на него, то на нее, потом спросил:

— Слушайте, что тут произошло?

— Ничего,— ответил отец, переводя взгляд на него.— Давайте-ка не будем сейчас об этом. Обед ждет. Пойдем дорогая.— Он повернулся к жене, помог ей встать и предложил руку, собираясь идти.

— Постойте,— нетерпеливо сказал Род.— Я опоздал, потому что проторчал в «Гэп».

— Ладно. Ты прекрасно знаешь, я не люблю, когда ты опаздываешь, но сейчас мы эту тему оставим.— Отец повернулся к лифту.

— Но я еще не все рассказал, пап. Меня не будет дома больше недели.

— Ладно... Что? Что ты сказал?

— Меня какое-то время не будет дома, сэр. Дней десять или больше.

Отец справился с удивлением и покачал головой.

— Каковы бы ни были твои планы, их придется изменить. Сейчас я не могу тебя отпустить.

— Но, пап...

— Извини, но это окончательное решение.

— Но я просто *должен*, пап!

— Нет.

Род был близок к отчаянью. Но тут неожиданно вступила в разговор сестра.

— Патер, может быть, стоит все-таки узнать, почему он собирается отсутствовать?

— Знаешь что, дочь...

— Пап, завтра у меня экзамен по одиночному выживанию!

Миссис Уокер судорожно вздохнула и заплакала. Отец попытался успокоить ее, потом повернулся к Роду и сказал суровым тоном:

— Ты расстроил маму.

— Но, пап, я...— Род обиженно замолчал. Никого, похоже, не волновало, что думает об этом он сам. А ведь завтра *его* экзамен, *ему* завтра «либо выплыть, либо утонуть». Много они понимают...

— Вот видишь, патер,— сказала сестра.— Он действительно должен. У него нет выбора, потому что...

— Ничего такого я не вижу! Род, я давно собирался поговорить с тобой, но не думал, что экзамен начнется так скоро. Должен признать,

у меня были сомнения, когда я подписывал тебе разрешение на этот курс. Я считал, что в будущем знания могут пригодиться тебе... когда... если ты будешь проходить этот курс в колледже. Но я ни в коем случае не думал позволять тебе сдавать экзамен в рамках школьной программы. Ты еще слишком молод.

От обиды и негодования Род даже не знал, что сказать. И опять за него высказалась сестра:

— Чушь!

— А? Знаешь что, дочь, тебе, пожалуй, следует помнить, где...

— Повторяю: чушь! Любой из девушек моей роты приходилось сталкиваться по крайней мере с такими же трудностями, а многие из них не бог весь на сколько старше братишки. Чего ты добиваешься, патер? Хочешь сломать его?

— У тебя нет оснований... Ладно. Лучше будет, если мы обсудим все это позже.

— Вот и отлично.— Капитан Уокер взяла брата под руку, и они последовали за родителями вниз, в столовую. Обед в доставочных контейнерах уже ждал на столе и еще не остыл. Все встали у своих мест, и миссис Уокер торжественно зажгла Лампу Мира. Семья по традиции исповедовала евангелический монизм, поскольку деды Рода по обеим линиям обратились в эту веру еще во времена второй великой войны прозелитизма, накатившей из Персии в последние десятилетия прошлого века, а отец Рода всегда относился к обязанностям семейного священника весьма серьезно.

По ходу ритуала Род автоматически произносил нужные слова, но мысли его занимали совсем другие проблемы. Сестра вторила отцу от души, но голос матери был едва слышен.

Однако теплый символизм церемонии возымел действие, и Род почувствовал, что немного успокоился. Когда его отец повторил последнее «...единый Господь, единая семья, единая плоть!», ему уже захотелось есть. Он наконец сел и снял крышку со своей тарелки.

Белковая котлета в форме куска жареного мяса, немного настоящего бекона, большая печеная картофелина, жареная зеленая фасоль и несколько кочанчиков брюссельской капусты... У него сразу потекли слюнки, и он потянулся за кетчупом.

Род заметил, что мама ест мало, и это его удивило. Отец тоже едва притронулся к тарелке, но с ним такое случалось часто. Род

вдруг понял с каким-то теплым, даже жалостливым чувством, что отец здорово исхудал и поседел. Сколько же ему уже?..

Но вскоре его внимание привлек рассказ сестры.

—... а комендант мне заявляет, что я должна подтянуть дисциплину. Я ей говорю, мол: «Мадам, девушки есть девушки. Если мне придется понижать старшин каждый раз, когда кто-нибудь из них выкинет что-то подобное, у меня скоро останутся одни рядовые. А сержант Дворак — мой лучший бортстрелок...

— Подожди-ка,— перебил ее отец.— Мне казалось, ты говорила Келли, а не Дворак.

— Ну да. Я намеренно сделала вид, что не понимаю, какого сержанта она имеет в виду. Дворак я уже поймала один раз на том же самом, а Крошка Дворак — она ростом выше меня — это наша главная надежда на армейских соревнованиях. Если бы ее понизили в звании, и она, и мы потеряли бы право на участие. Короче, я сделала широкие глаза и решила действовать, как будто ничего не понимаю. Старуха разволновалась, только что ногти не грызет, а я ей говорю, что, мол, обе нарушительницы будут заперты в казарме до тех пор, пока парни из колледжа не установят новую следящую систему. Потом напела ей о милосердии: это, мол, и нам не чуждо, это как мягкий благодатный дождь... Пообещала лично проследить, чтобы ей не пришлось больше краснеть за подобные скандальные — это ее выражение,— скандальные выходки, особенно когда она водит по части командование сектора. Старуха немного еще поворчала — как командир роты, она, мол, ответственна за ее успехи и в случае чего спустит с меня шкуру,— но потом выгнала, сказав, что ей нужно готовить квартальный отчет по обучению личного состава. Я тут же отсалютовала, как на параде, и вылетела оттуда пулей.

— Право, не знаю,— произнес мистер Уокер рассудительно,— стоит ли тебе возражать командиру в подобных случаях. В конце концов, она старше и, очевидно, мудрее тебя.

Элен сложила последние шарики брюссельской капусты маленькой горкой, подцепила вилкой и проглотила одним махом.

— Чепуха! Извини, патер, но если бы ты проходил воинскую службу, ты бы и сам так думал. Я своих девчонок держу в ежовых рукавицах — отчего они только хвастают, что им достался самый страшный огнеед на двадцати ближайших планетах. Но когда у них

неприятности с начальством, я должна их защищать. Всегда может случиться, что мы влипнем в такую ситуацию, когда мне останется только встать во весь рост и идти вперед. Но я этого не боюсь, потому что справа у меня будет Келли, а слева — Дворак и каждая будет защищать «мамашу Уокер» уже по своей инициативе. Я знаю, что делаю. «Уокеровские Оборотни» — все друг за друга.

— Боже милостивый, дорогая моя. Как мне жаль, что ты выбрала такое... ну, такое *опасное* призвание.

Элен пожала плечами.

— Уровень смертности у нас такой же, как у всех других: один человек — одна смерть, раньше или позже. А что ты хотела, мам? Чтобы я сидела дома, вязала шарфики и ждала своего принца? Когда на одном только этом континенте женщин на восемнадцать миллионов больше, чем мужчин? В районе боевых действий мужчин всегда больше, и при случае я одного себе заарканю — какой бы я ни была старой уродиной.

— А ты в самом деле оставила бы службу, чтобы выйти замуж? — с любопытством спросил Род.

— Ха! Я даже не остановлюсь пересчитать, все ли у него руки и ноги! Если он еще тепленький и способен кивнуть головой, он обречен. Моя цель — шестеро детей и ферма!

Род окинул ее взглядом.

— Пожалуй, у тебя неплохие шансы. Ты здорово выглядишь, вот только лодыжки толстоваты.

— Ну спасибо, братец. Успокоил. А что у нас на десерт, мам?

— Я не смотрела. Открой, пожалуйста.

Оказалось, на десерт холодные мангорины, что Рода опять-таки обрадовало. Сестра продолжала рассказывать:

— Во время активных действий все не так уж плохо. Вот гарнизонная жизнь и в самом деле выматывает. Девчонки толстеют, становятся небрежны и сцепляются друг с другом просто от скуки. На мой взгляд, эти потери страшнее боевых, и я надеюсь, нашу роту скоро переведут для наведения порядка на планету Байера.

Мистер Уокер взглянул на жену, потом на дочь.

— Мама опять расстроилась, дорогая. Кое-какие темы, что мы сегодня затрагиваем, едва ли годятся для беседы под Лампой Мира.

— Меня спросили — я ответила.

— Может быть, может быть...

— А может быть, пора ее выключить. Все уже поели.

— Если хочешь. Хотя поспешность тут вряд ли уместна.

— Ничего. Господь прекрасно знает, что мы не вечны.— Она повернулась к Роду.— Слабо тебе исчезнуть на какое-то время, братец? Мне нужно поговорить с родителями.

— Ты себя ведешь так, словно я...

— Сгинь. Увидимся позже.

Род ушел, чувствуя себя обиженным, и, выходя из комнаты, заметил, как сестра задула Лампу Мира.

Когда Элен заглянула в его комнату, он все еще составлял список.

— Привет.

— Привет, Элен.

— Чем занимаешься? Думаешь, что взять с собой на «выживание»?

— Вроде как.

— Не возражаешь, если я здесь у тебя устроюсь? — Она скинула с кровати разложенные там вещи и расположилась поудобнее.— Этим мы займемся позже.

Род обдумал сказанное.

— Ты имеешь в виду, что отец не будет больше возражать?

— Точно. Я долбила свое, пока он не узрел наконец свет истины. Но об этом опять же после. Сначала я хочу кое-что тебе сообщить, братец.

— Например?

— Во-первых, наши родители отнюдь не так глупы, как тебе представляется. Собственно говоря, они совсем не глупы.

— А я ничего такого никогда и не говорил! — возразил Род, сознавая с чувством вины, что именно так он совсем недавно думал.

— Нет, конечно. Но я слышала, что происходило перед обедом, и ты тоже слышал. Отец пытался употребить свою власть и не желал ничего слушать. Я не знаю, приходило ли тебе в голову, какая это тяжелая работа — родитель. Может быть, самая тяжелая на свете, особенно если у тебя нет таланта. К отцу это в какой-то мере относится. Он знает свою работу, старается и делает ее добросовестно. По большей части справляется, хотя иногда делает ошибки

вроде сегодняшней. Но одного ты еще не знаешь: папа может скоро умереть.

— Что? Как? — Рода словно ударили.— Я не знал, что он болен.

— Так и было задумано. Но не сходи с ума, выход еще есть. Папа сильно болен и может умереть через несколько недель — если только не предпринять решительных шагов. Что они и сделали. Так что успокойся.

Коротко и ничего не скрывая, она обрисовала ему ситуацию: мистер Уокер действительно страдал функциональным расстройством организма, от которого медленно умирал. Болезнь оказалась не под силу современному медицинскому искусству. Он мог протянуть еще несколько недель или месяцев, но в конце концов должен был умереть.

Род уронил голову на руки, проклиная себя за невнимательность. Отец умирал, а он даже ничего не заметил. От него скрыли это как от малого ребенка, а он оказался слишком глуп, чтобы заметить самому.

Элен тронула его за плечо.

— Не надо. Нет ничего глупее, чем ругать себя, когда от тебя ничего не зависит. В любом случае, мы уже предприняли необходимые шаги.

— Но какие? Ты сама сказала, что медицина бессильна.

— Успокойся и помолчи. Родители хотят совершить прыжок Рамсботхэма с соотношением пятьсот к одному — двадцать лет за две недели. Они уже подписали контракт с «Энтропи Инкорпорейтед». Попа оставил работу в «Дженерал Синтетикс» и сворачивает все остальные дела. В следующую среду они должны распрощаться с сегодняшним миром, поэтому отец и возражал против твоих планов. Он в тебе души не чает. Бог знает почему.

Род пытался разобраться во всех этих свалившихся на него новостях. Временной прыжок... ну конечно же! Отец останется жив еще двадцать лет. Но...

— Послушай, Элен, но ведь это ничего не даст! Я понимаю, двадцать лет, но для них пройдет всего две недели... и отец останется таким же больным. Я знаю о таком случае: для прадеда Хэнка Робинса сделали то же самое, но он все равно умер, сразу после того, как его достали из стасисного поля. Мне сам Хэнк рассказывал.

Сестра пожала плечами.

— Может быть, это и в самом деле безнадежный случай. Но лечащий врач отца, доктор Хенсли, сказал, что надежда есть... только через двадцать лет. Я ничего не понимаю в медкоррекции метаболизма, но Хенсли уверяет, что медики уже сейчас на грани открытия, а через двадцать лет они залатают отца так же легко, как сейчас людям отращивают новую ногу.

— Ты думаешь, так и будет?

— Откуда мне знать? В таких случаях остается лишь нанять самого лучшего специалиста, а затем поступить, как он посоветует. Если мы этого не сделаем, папа умрет. Потому мы и согласились.

— Да-да, конечно. Мы просто обязаны...

Сестра пристально посмотрела на него и добавила:

— Ладно. Хочешь поговорить с ними?

— Что? — Неожиданный вопрос сбил Рода с толку.— Зачем? Они меня ждут?

— Нет. Я убедила их ничего не рассказывать тебе. А затем пришла сюда и рассказала все сама. Теперь ты можешь поступить, как захочешь — можешь сделать вид, что ничего не знаешь, а можешь признаться, после чего мама будет весь вечер плакать, а отец наставлять тебя последними «мужскими» советами, которым ты все равно не последуешь. В конце концов около полуночи вернешься сюда с совершенно истерзанными нервами и начнешь собираться. Сам решай. Я сделала все, чтобы избавить тебя от этой сцены. Так всем будет легче. По мне, так лучше уходить по-кошачьи.

Род совсем растерялся. Не попрощаться, думал он, будет неестественно, неблагодарно, как-то не по-семейному, но и само прощание казалось невыносимо тягостным.

— Что значит «по-кошачьи»?

— Когда кошка приходит, она устраивает целое представление — тычется носом в ноги, трется вокруг тебя и урчит, как трактор. Но уходя, она просто уходит и даже не оглядывается. Кошки — животные умные.

— И что...

— Помни еще,— добавила Элен,— что они делают это ради себя. Ты тут ни при чем.

— Но отец просто должен...

— Разумеется, должен, если хочет выздороветь.— Она никак не могла решить, стоит ли упоминать, что стоимость временного прыжка оставит Рода практически без средств, но в конце концов, пришла к выводу, что это лишнее.— Однако мама ничего такого не должна.

— Как же? Она должна быть с отцом.

— Да? Сам посчитай. Она предпочла оставить тебя одного на двадцать лет, чтобы провести с отцом две недели. Или можно еще так сказать: она предпочитает оставить тебя сиротой вместо того, чтобы овдоветь на двадцать лет.

— Я думаю, ты к ней несправедлива,— медленно произнес Род.

— Я же не критикую. Мама правильно решила. Однако оба они чувствуют себя здорово виноватыми перед тобой и...

— Передо *мной*?

— Да, перед тобой. Я уже давно сама по себе. Если ты захочешь все-таки попрощаться, это чувство вины может проявиться и как самооправдание, и как самовластие; они могут выместить свое чувство вины на тебе, и всем от этого будет только плохо. Мне бы не хотелось, чтобы так вышло. Ты теперь — вся моя семья.

— Может быть, ты права.

— Ну не за красивые же глаза мне поставили в свое время высший балл по логике эмоций и военному руководству. Человек — существо не рациональное, а скорее придумывающее рациональные причины своим поступкам. Ладно, давай посмотрим, что ты собираешься брать с собой.

Элен пробежала глазами его список и взглянула на снаряжение.

— Боже, Род, сколько же ты набрал барахла! Прямо как Труляля, который собрался на битву, или Белый Рыцарь!

— Вообще-то я собирался сократить список,— ответил Род смущенно.

— Надеюсь!

— Послушай, Элен, а какое мне лучше взять ружье или пистолет?

— Что? На кой черт тебе ружье?

— Ну как же? Я ведь неизвестно с чем там могу столкнуться. Дикие звери и все такое. Мастер Мэтсон подтвердил, что мы должны опасаться диких животных.

— Я сомневаюсь, что он посоветовал бы тебе брать с собой ружье. Судя по его репутации, Мэтсон — человек практичный. В этом

путешествии, дите ты малое, тебе отводится роль кролика, пытающегося убежать от лисы. Запомни, ты — не лиса.

— В смысле?

— Твоя единственная задача — остаться в живых. Не проявлять чудеса храбрости, не сражаться, не покорять планету, а только остаться в живых. В одном случае из ста ружье может спасти тебе жизнь, в остальных девяносто девяти оно лишь втянет тебя в какую-нибудь глупую историю. Мэтсон, без сомнения, взял бы ружье, да и я тоже. Но мы-то уже стреляные воробьи, мы знаем, когда не надо им пользоваться. И еще учти. В зоне проведения испытаний будет полно молодых сопляков, которым не терпится пострелять. Если тебя кто-нибудь подстрелит, уже не будет иметь никакого значения, есть у тебя ружье или нет — ты будешь мертв. Но если оно у тебя будет, ты почувствуешь себя этаким суперменом и когда-нибудь просто забудешь про маскировку. Когда у тебя нет ружья, ты *знаешь*, что ты — кролик, и ты всегда осторожен.

— А ты сама брала ружье, когда сдавала выживание?

— Брала. И потеряла его в первый же день. Чем спасла себе жизнь.

— Как это?

— Я просто убежала от бессмеровского гриффина, а было бы у меня ружье, наверняка попыталась бы его пристрелить. Слышал про бессмеровских гриффинов?

— Э-э-э... Спика V?

— Спика IV. Я не знаю, как много экзозоологии вам сейчас преподают, но, глядя на наших рекрутов-недоучек, можно подумать, что в рамках этой новомодной системы «функционального образования» вообще запретили учиться и занимаются только развитием нежной трепетной личности. Ко мне однажды попала девица, которая хотела... Впрочем, ладно. Про гриффинов я тебе скажу самое главное: у них попросту нет ни одного жизненно важного органа. Нервная система у этих тварей децентрализована, и система ассимиляции тоже. Есть только один способ быстро убить гриффина — пропустить его через мясорубку, а стрельба для него — как щекотка. Но я тогда этого не знала, и будь у меня ружье, наверняка узнала бы, только вряд ли кому уже рассказала. А так он загнал меня на дерево на трое суток, что пошло на пользу моей фигуре и

дало мне время поразмыслить о философии, этике и практических принципах самосохранения.

Род не стал спорить, но по-прежнему считал, что огнестрельное оружие — штука очень удобная и полезная. Когда на бедре висит пистолет, он всегда чувствовал себя выше, сильнее, увереннее — одним словом, хорошо себя чувствовал. И вовсе не обязательно его применять, кроме, может быть, самых крайних случаев. Род прекрасно знал, как важно уметь маскироваться и прятаться; никто в группе не умел подкрадываться так же незаметно, как он. Сестра, конечно, отличный солдат, но и она знает не все...

Однако Элен продолжала:

— Я знаю, какое это приятное чувство, когда на боку пистолет. Сразу чувствуешь, что глаза у тебя мечут молнии, роста в тебе три метра, хвост трубой и весь ты покрыт волосам, как пещерный человек. Ты готов ко всему, и тебе даже хочется приключений. Вот тут-то и кроется опасность, потому что все это тебе только кажется. Ты — слабый, голый эмбрион, которого на удивление легко убить. Ты можешь таскать с собой штурмовое ружье с прецизионным прицелом на два километра и протонные заряды, способные взорвать целую гору, но у тебя все равно нет глаз на затылке, как у птицы-януса, и в темноте ты все равно не видишь, как пигмеи Тетиса. Пока ты целишься во что-нибудь впереди, смерть запросто может подкрасться сзади.

— Да, однако вся твоя рота ходит с ружьями, сестренка.

— С ружьями, радарами, гранатами, приборами ночного видения, газами, помехопостановщиками и еще всякими штуками, которые мы без особой в том уверенности считаем секретными. Ну и что? Тебе же не крепость штурмовать. Иногда мне приходится посылать девчонок на разведку. Задача: попасть туда, заполучить информацию и вернуться живой. Как, ты думаешь, я их снаряжаю?

— Э-э-э...

— А вот как. Прежде всего, я никогда не выбираю ретивых молодых рекрутов. Я посылаю кого-нибудь из закаленных ветеранов, которых очень трудно убить. Она раздевается до исподнего, красит кожу в темный цвет — если кожа уже не темная — и отправляется на разведку с голыми руками, иногда босиком, безо всего вообще. Я еще не потеряла так ни одного разведчика. Когда ты

беспомощен и незащищен, у тебя действительно отрастают глаза на затылке, а нервные окончания сами тянутся во все стороны и буквально ощупывают местность. Мне эту науку преподала, еще когда я сама была хвастливым зеленым рекрутом, сержант, очень опытная женщина, которая по возрасту годилась мне в матери.

На Рода это произвело впечатление, и он медленно произнес:

— Мастер Мэтсон сказал, что, будь его воля, он отправил бы нас на испытания с голыми руками.

— Доктор Мэтсон — разумный человек.

— Хорошо, а что бы взяла ты сама?

— Повтори мне условия.

Род перечислил пункты объявления об экзамене. Элен сдвинула брови.

— Не так уж много данных... От двух до десяти дней означает, скорее всего, пять. Климат вряд ли будет слишком суровый. Я надеюсь, у тебя есть термокостюм.

— Нет, но у меня есть военный комбинезон. Я подумал, что возьму его с собой, а затем, если зона испытаний окажется не очень холодной, оставлю у ворот. Жалко будет его потерять: он всего полкило весит, да и стоит недешево.

— На этот счет не беспокойся. В чистилище хорошая одежда все равно ни к чему. О'кей, кроме комбинезона, я бы взяла еще четыре килограмма продовольствия, пять литров воды, два килограмма всякой всячины вроде таблеток, спичек и прочих мелочей — все в жилете с карманом — и нож.

— Это не так много на пять дней, тем более на десять.

— Но это все, что ты сможешь унести, не потеряв способности быстро передвигаться. Давай-ка посмотрим, что у тебя за нож.

У Рода было несколько ножей, но один он считал действительно «своим» — изящный, на все случаи жизни, с лезвием из молибденовой стали в 21 сантиметр длиной и отличной балансировкой. Он передал нож сестре, и она качнула его на ладони.

— Неплохо,— сказал Элен и огляделась.

— Вон там, у вытяжки,— подсказал Род.

— Вижу.— Она метнула нож, и лезвие, воткнувшись в мишень, вздрогнуло и зазвенело. Элен протянула руку вниз и достала из сапога еще один.

— Этот тоже неплох.— Второй нож воткнулся в мишень на расстоянии ширины лезвия от первого.

Элен выдернула их и, взяв в каждую руку по ножу, остановилась посреди комнаты, оценивая балансировку каждого, затем перевернула свой рукоятью вперед и протянула Роду.

— Это мой любимый нож, «Леди Макбет». Я брала его с собой, когда сдавала выживание. Возьми, он тебе пригодится.

— Ты хочешь поменяться ножами? Ладно.— Роду было немного жаль расставаться с «Полковником Боуи», и он опасался, что другой нож может его подвести, но от такого предложения не отказываются. Во всяком случае, когда предлагает родная сестра.

— Бог с тобой! Разве я могу лишить тебя твоего собственного ножа, да еще перед самым «выживанием»? Возьми оба, малыш. Ты не умрешь с голода или от жажды, но запасной нож, может статься, окажется для тебя дороже, чем его вес в тории.

— Спасибо, сестренка. Но я тоже не могу взять твой нож: ты говорила, что вас ждут скоро активные действия. Возьму запасной из своих.

— Мне он не понадобится. Девчонки годами уже не дают мне случая воспользоваться ножом. Так что пусть «Леди Макбет» будет на экзамене с тобой.— Она вытащила из сапога ножны, спрятала туда нож и вручила его Роду.— Носи на здоровье, брат.

3. ЧЕРЕЗ ТУННЕЛЬ

На следующее утро Род прибыл к воротам «Темплтон», чувствуя себя далеко не в лучшей форме. Он собирался хорошенько выспаться перед испытанием, но приезд сестры и ошеломляющие семейные перемены эти планы нарушили. Как большинство детей, Род воспринимал семью и дом как нечто незыблемое. Он не особенно много думал об этом и на сознательном уровне не особенно ценил то, что у него есть,— не больше, скажем, чем рыба думает о воде. Семья, дом — они просто всегда были.

А теперь вдруг исчезли.

Они с Элен проговорили допоздна, и у сестры в конце концов появились серьезные сомнения насчет того, стоило ли сообщать

Роду о переменах накануне экзамена. Незадолго до того она все взвесила и решила, что так «правильно», а чуть позже действительность в который раз продемонстрировала ей горькую древнюю истину: «правильное» и «неправильное» иногда познается лишь задним умом. Просто нечестно, подумалось ей, забивать Роду голову сомнениями и переживаниями перед самым экзаменом. Но и отпустить его, ничего не сказав, чтобы он вернулся потом в опустевший дом, тоже казалось нечестным.

А решать надлежало ей. Еще в первой половине того дня она стала его опекуном. Необходимые бумаги были уже подписаны и скреплены печатями; суд это решение утвердил. И теперь Элен вдруг обнаружила, что жизнь «родителя» состоит отнюдь не из одних лишь удовольствий. Гораздо больше это напоминало душевные переживания, выпавшие на ее долю, когда ей впервые пришлось участвовать в заседании трибунала.

Поняв, что ее «ребенок» никак не успокаивается, она настояла, чтобы он лег в постель, и долго гладила по спине, повторяя гипнотические инструкции: «Спать, спать, спать...» Затем, когда ей показалось, что Род уснул, Элен тихо вышла из комнаты.

Однако Род не уснул; ему просто захотелось побыть одному. И, наверно, еще целый час мысли его метались от бесполезных предположений о болезни отца к таким же бесполезным попыткам представить, что ждет его утром... Как, интересно, встретятся они через двадцать лет? Ведь ему будет почти столько же, сколько маме...

Он наконец осознал, что ему надо спать, и принялся внушать себе, что пора успокоиться, изгнать тревожные мысли и уйти в гипнотический транс. Времени на это ушло гораздо больше, чем обычно, но в конце концов Род провалился в большое золотистое облако сна.

Проснулся он лишь от второго сигнала будильника, но даже после холодного колючего душа глаза слипались и очень хотелось спать. Род посмотрел на себя в зеркало и решил, что там, куда он отправляется, можно ходить небритым, да и времени оставалось мало. Потом все-таки решил побриться, болезненно переживая из-за редкой мальчишеской поросли на щеках.

Мама еще не встала, но она никогда и не просыпалась так рано. Отец последнее время почти не завтракал, и Рода вдруг кольнуло воспоминание, отчего это. Но он ожидал, что сестренка все-таки

выйдет попрощаться. В довольно мрачном настроении он прошел в столовую, снял крышку со своего подноса и обнаружил, что мама забыла заказать завтрак, а такое на его памяти случалось, может быть, всего раз или два. Род сделал заказ сам и сел ждать — еще десять минут потерянного времени.

Элен — на удивление, не в халате, а в платье — появилась, когда он уже собирался уходить.

— Доброе утро.

— Привет, сестренка. Тебе, видимо, придется заказывать утреннюю кормежку самой. Мама забыла, а я не знал, что ты захочешь.

— Я уже давно позавтракала. Ждала, когда ты соберешься. Хотела проводить.

— Ладно. Пока. Я уже опаздываю. Надо бежать.

— Я тебя не задержу.— Она подошла и обняла Рода.— Не дрейфь, парень. Это самое главное. От волнения умирают чаще, чем от ран. И если придется бить, бей ниже пояса.

— Хорошо. Я запомню.

— Запомни. Я продлю свой отпуск, чтобы встретить тебя, когда ты вернешься.— Она поцеловала его и добавила: — А теперь беги.

Доктор Мэтсон сидел за столом рядом с помещением, где выдавали снаряжение, и отмечал в своем списке прибывших. Когда появился Род, он оторвал взгляд от бумаг и сказал:

— Привет, Уокер. Я думал, ты все-таки решил поступить разумно.

— Извините, сэр, что я опоздал. Дома много всякого произошло.

— Не беспокойся. Я однажды знал человека, которого не расстреляли на рассвете, потому что он проспал.

— В самом деле? Кто это?

— Один молодой парень, которого я знал. Я сам.

— Не может быт, сэр. Вы хотите сказать, что вас...

— Увы, я все это придумал. Хорошие истории редко бывают правдивы. Давай беги в амбулаторию и проходи обследование, пока они там совсем не разозлились.

Рода простукивали, просвечивали, затем снимали какие-то волнистые графики мозговой активности и подвергали всяким другим издевательствам, какие обычно придумывают врачи. Старший из них послушал его сердце и потрогал влажную ладонь.

— Боишься, сынок?

— Конечно, боюсь,— буркнул Род.

— Ну и хорошо. Если бы ты не боялся, я бы не допустил тебя до экзамена. Что за повязка у тебя на ноге?

— Э-э-э...— Бинтовая повязка скрывала подаренный Элен нож, «Леди Макбет», в чем Род и признался с глуповатым видом.

— Сними.

— Сэр??

— Мне приходилось иметь дело с кандидатами, которые выкидывали подобные фокусы, чтобы что-то скрыть. Так что давай посмотрим.

Род принялся разматывать повязку. Врач молчал, пока не убедился, что Род действительно прячет там нож, а не заживающую рану.

— Можешь одеваться и идти к своему инструктору.

Род надел жилет с карманами, туго набитыми пайками и всякой всячиной, затем пристегнул к ремню флягу — гибкий пояс из пластиковых контейнеров, каждый на пол-литра жидкости. Вес распределялся на два плечевых ремня, и по одному из них, слева, шла трубка, через которую можно был пить, не снимая пояса. Он планировал растянуть этот скудный запас воды на все время испытания, чтобы избежать риска, связанного с грязными водоемами, и еще большей опасности, которая может подстерегать у водопоя. Если, конечно, там, куда их отправят, вообще можно будет найти воду.

Вокруг пояса Род обмотал двадцать метров тонкой, легкой, но очень прочной веревки. Трусы, рубаха с длинными рукавами поверх жилета, штаны и сапоги-мокасины — вот и вся экипировка. «Полковник Боуи» висел на поясе. В полном снаряжении Род выглядел несколько полнее, чем на самом деле, но снаружи было видно только нож. Комбинезон он нес на левой руке: очень удобная и полезная штука — капюшон, пристроченные ботинки и перчатки, которые, однако, можно отстегнуть, если надо делать что-то голыми руками,— но слишком уж теплая, чтобы надевать до тех пор, пока он действительно не понадобиться. Род прекрасно понимал, что даже эскимосы боятся потеть.

Доктор Мэтсон ждал у входа на склад.

— Опоздавший мистер Уокер,— прокомментировал он, затем взглянул внимательно на раздутый торс Рода.— Бронежилет, сынок?

— Нет, сэр. Жилет с припасами.

— И сколько ты на себя нагрузил?

— Одиннадцать килограмм. В основном, вода и сухие пайки.

— Хм-м, неплохо. Но снаряжение покажется тебе тяжелее гораздо раньше, чем оно станет легче. Никаких скаутских наборов для первопроходцев? Никаких надувных вигвамов?

— Нет, сэр,— щеки у Рода налились краской.

— Можешь оставить теплый комбинезон. Я отправлю его тебе домой почтой.

— Спасибо, сэр,— Род передал ему комбинезон и добавил: — Я не был уверен, что он понадобится, но на всякий случай прихватил с собой.

— Он тебе уже понадобился.

— Сэр...

— Сегодня утром я выгнал пятерых, что явились без теплого снаряжения, и еще четверых, что явились со скафандрами. И тех и других за глупость. Им следовало понимать, что школьный совет просто не выбросит их в вакуум, в хлорную атмосферу или еще куда-нибудь в таком же духе без предупреждения об условиях экзамена. Нам нужны выпускники, а не жертвы. А вот холодный климат — это как раз в пределах условий.

Род снова взглянул на свой комбинезон.

— Вы уверен, что он мне не понадобится, сэр?

— Абсолютно. Но если бы ты его не взял, я бы тебя не допустил. А теперь иди получи огнестрельное. Оружейнику не терпится закрыть лавочку. Что ты решил взять?

Род с трудом сглотнул.

— Я решил не брать с собой огнестрельного. Мастер... виноват, доктор.

— Ты можешь смело называть меня по прозвищу, но только после экзамена. Однако твое решение меня заинтересовало. Как ты до этого додумался?

— М-м-м... видите ли, сэр... Короче, так посоветовала мне сестра.

— В самом деле? Мне непременно нужно встретиться с твоей сестрой. Как ее зовут?

— Штурмовой капитан Элен Уокер,— гордо ответил Род.— Корпус Амазонок.

Мэтсон записал.

— Ладно, иди. Сейчас будут разыгрывать очередь.

Род замялся.

— Простите, сэр,— у него вдруг возникло какое-то недоброе предчувствие,— но если бы я брал с собой огнестрельное оружие, что бы вы мне посоветовали?

Мэтсон тут же скорчил недовольную мину.

— Я целый год скармливал вам с ложечки все то, что узнал на собственной шкуре. А теперь подходит экзамен, и ты спрашиваешь у меня ответ, который должен знать сам. Я так же не в праве отвечать на твой вопрос, как не в праве был давать вчера советы насчет теплой одежды.

— Извините, сэр.

— Ты можешь, конечно, спросить. Только я на такой вопрос не отвечу. Давай-ка переменим тему. Эта твоя сестра, должно быть, очень славная девушка...

— Да, сэр, так оно и есть.

— М-да. Если бы я встретил такую девушку раньше, возможно, я не был бы сейчас старым чокнутым холостяком... Ладно, иди тяни свой номер. Первый отбывает через шесть минут.

— Да, доктор.

По дороге к воротам Род миновал палатку, что поставил у дверей школьный оружейник, в этот момент он как раз протирал бесшумный «Саммерфилд». Род поймал его взгляд.

— Привет, Пушкарь!

— Привет, парень. По-моему, ты опаздываешь. Что будешь брать?

Род пробежал глазами по рядам сверкающих смертоносных игрушек. Может быть, какой-нибудь маленький игломет с ядовитой обоймой... Ведь вовсе не обязательно его использовать...

Тут он вдруг понял, что доктор Мэтсон все-таки ответил на его вопрос, или во всяком случае, намекнул.

— Нет, спасибо, Пушкарь. У меня уже есть все, что нужно.

— О'кей. Удачи тебе и возвращайся скорей.

— Спасибо,— еще раз поблагодарил Род и вошел в зал, где размещались ворота.

Факультативный курс слушали более пятидесяти человек; дожидаясь начала экзамена, по залу расхаживали человек двадцать. Не успел Род оглянуться, как его позвал дежурный.

— Идите сюда! Тяните номер!

Номера тянули из большой чаши с капсулами. Род сунул туда руку, достал капсулу и раскрыл.

— Номер семь.

— Счастливый номер. Поздравляю! Ваше имя и фамилия?

Род назвался и повернулся к залу, ища, куда бы присесть, поскольку ждать ему оставалось еще минут двадцать. Потом принялся с интересом разглядывать однокашников: кто что посчитал необходимым взять с собой для выживания в «любых условиях».

Иоганн Браун сидел между двух пустых сидений, а причина, почему никто не пожелал занять эти места, устроилась на полу у его ног — здоровый, крепкий боксер с недобрым взглядом. Через плечо у Брауна висела «Молния» модели «Дженерал Электрик», тяжелый разрядник с телескопическим прицелом и фокусировкой огневого конуса. Энергоблок Браун надел на спину вместо рюкзака. На пояс он прицепил бинокль, нож, аптечку и три сумки.

Род остановился, с восхищением разглядывая ружье и одновременно прикидывая, сколько же эта замечательная игрушка может стоить. Собака подняла голову и зарычала.

Браун успокаивающе положил руку ей на затылок.

— Держись подальше,— предупредил он.— Тор признает только меня одного.

Род сделал шаг назад.

— А ты неплохо вооружился, Иоганн.

Тот самодовольно улыбнулся.

— Мы с Тором собираемся жить охотой.

— С такой пушкой он тебе просто не нужен.

— Еще как нужен. Он у меня вместо сигнализации. Рядом с ним я могу спать спокойно. Рассказать, что он умеет, так ты не поверишь! Тор ничуть не глупее большинства людей.

— Ничего удивительного.

— Мастер было развыступался, что мы вдвоем, мол, уже группа и должны проходить ворота по отдельности. Ну я ему объяснил, что, если нас попытаются разделить, он тут всех разорвет в клочья.— Браун погладил собаку по ушам.— Так что один Тор стоит целого взвода пехоты.

— Слушай, а дашь попробовать стрельнуть из этой штуковины? Я имею в виду, когда мы вернемся?

— Ради Бога. Отличная игрушка. Воробья в воздухе берет так же легко, как лося за километр... Знаешь, что-то Тор нервничает. Позже поговорим.

Род понял намек, прошел дальше и сел, оглядываясь по сторонам и все еще надеясь найти напарника. Около закрытых ворот стоял священник, на коленях перед ним получал благословение кто-то из экзаменующихся. Еще четверо ждали поодаль.

Затем парень, что был перед священником, поднялся на ноги, и Род торопливо вскочил.

— Эй! Джимми!

Джимми Трокстон обернулся, поискал его глазами и, улыбнувшись, бросился к нему.

— Привет, Род! Я уж думал, что ты увильнул и оставил меня одного. Ты еще ни с кем не договорился?

— Нет.

— Предложение еще в силе?

— А? Конечно!

— Блеск! Я, когда пойду через ворота, могу объявить, что мы в паре, если только у тебя не второй номер. У тебя не второй?

— Нет.

— Отлично. Потому что у меня...

— НОМЕР ОДИН! — выкрикнул дежурный у ворот.— Трокстон, Джеймс.

Джимми Трокстон даже вздрогнул от неожиданности.

— Вот видишь!

Он поддернул пояс с пистолетом, повернулся к раскрытым воротам и, бросив через плечо: «Увидимся на той стороне!», шагнул вперед.

Род успел крикнуть: «Джимми, как мы найдем...», но было уже поздно. Ладно, подумал он, если Джимми хоть что-нибудь соображает, у него хватит ума проследить, куда перемещаются ворота.

— Номер два! Мшийени, Каролина.

В противоположном конце зала поднялась высокая зулусская девушка, о которой Род думал днем раньше как о возможном напарнике, и направилась к воротам. Одета она была в рубашку и шорты — ни обуви, ни перчаток. Оружия тоже не было видно, но в руках Каролина держала небольшую сумку.

— Эй, Кэрол! — крикнул кто-то.— Что у тебя в сумочке?

— Камни,— ответила она с улыбкой.

— Да брось ты! Наверно, сандвичи с ветчиной. Сбереги один для меня!

— Я сберегу для тебя камень, милый.

Совсем незаметно пролетели минуты, и дежурный выкрикнул:

— Номер семь! Уокер, Родерик.

Род торопливо подошел к воротам. Дежурный сунул ему какую-то бумагу, потом пожал руку.

— Удачи, парень! Не зевай! — С этими словами он хлопнул Рода по спине и подтолкнул ко входу.

Оказавшись по ту сторону ворот, Род, к своему удивлению, обнаружил, что по-прежнему находится в помещении. Но еще более неожиданным оказались тошнота и головокружение: сила тяжести была явно меньше земной.

С трудом удерживая внутри себя завтрак, он лихорадочно соображал, что происходит. Где он? На Луне? На одном из спутников Юпитера? Или где-то еще?

Скорее всего, на Луне. Большинство дальних прыжков совершалось через Луну, чтобы избежать ошибок в настройке и не отправить путешественника ненароком куда-нибудь на светило, особенно если система состоит из двух звезд. Но не оставят же его здесь! Мэтсон обещал, что безвоздушных планет не будет.

На полу лежала пустая сумка, и Род догадался, что это, должно быть, сумка Каролины. Наконец он вспомнил про бумагу, что вручили ему при входе, и взглянул на листок.

«ЭКЗАМЕН НА ВЫЖИВАНИЕ В ОДИНОЧКУ

Инструкция по возвращению

1. Вы должны пройти через дверь впереди в течение отпущенных вам трех минут — прежде чем появится следующий экзаменуемый. Задержка свыше трех минут означает полную дисквалификацию.

2. Возврат будет объявлен традиционными звуковыми и световыми сигналами. Предупреждение: местность остается опасной и после подачи сигнала.

3. Выходные ворота не будут совпадать со входными. Выход может находиться в пределах двадцати километров в направлении восхода.

4. За воротами нет подготовленной зоны. Испытания начинаются сразу же! Остерегайтесь стоборов. Удачи!

Б.П.М.»

Все еще борясь с подступающей тошнотой, Род продолжал разглядывать инструкцию, но тут в противоположном конце длинной узкой комнаты, где он находился, открылась дверь и оттуда донесся мужской голос:

— Быстрее! А то потеряешь право на участие.

Род торопливо бросился вперед, споткнулся, затем, пытаясь сохранить равновесие, перестарался и снова чуть не упал. Ему уже доводилось бывать в условиях пониженной гравитации во время экскурсий, и один раз родители брали его с собой в отпуск на Луну, но он все равно не привык к малой силе тяжести и с трудом доскользил до двери.

За ней оказалось еще одно помещение с воротами. Дежурный взглянул на таймер на стене и сказал:

— Двадцать секунд. Инструкцию надо вернуть.

Род вцепился в лист бумаги. «Двадцать секунд, но мои»... *в пределах двадцати километров в направлении восхода*... Условно — на востоке. Пусть будет «восток». Но что это за чертовщина такая — стобор?

— Время! Время! — Дежурный выхватил у него инструкцию, створки откатились в стороны, и Рода толкнули через раскрытые ворота.

Упал он на четвереньки: сила тяжести за воротами оказалась почти земная, и неожиданная перемена застала Рода врасплох. Однако он остался лежать — молча, неподвижно — потом быстро огляделся. Вокруг раскинулась широкая равнина с высокой травой, кое-где торчали над морем травы деревья и кусты, а дальше начинался густой лес.

Род выгнул шею и посмотрел назад. Планета земного типа; почти нормальная сила тяжести; в небе — солнце, возможно, звезда класса G; обильная растительность, но пока никаких признаков фауны — впрочем, это еще ничего не значит, в пределах слышимости могут бродить сотни зверей. Даже этот чертов стобор.

Ворота остались позади — их темно-зеленые створки, казалось, совсем рядом; а на самом деле они были далеко-далеко. Они висели над высокой травой, ни на чем не держась, и явно не вписывались в примитивный пейзаж. Зная об их одностороннем контакте с этим миром, Род подумал было отползти за ворота, чтобы, оставаясь невидимым, видеть через занятое ими пространство, кто появится следующим. Эта идея напомнила ему, что сейчас его самого прекрасно видно с той стороны, и он решил двигаться.

Где, интересно, Джимми? Ему следовало бы остаться неподалеку и подождать, когда появится Род. Или же спрятаться где-нибудь поблизости. Единственный верный способ найти друг друга в такой ситуации, это первому подождать второго. Род просто не знал, где искать Джимми.

Он снова огляделся, на этот раз внимательнее, и попытался представить себе, куда мог спрятаться Джимми. Ничего. Никакого намека... Но когда его взгляд вернулся к исходной точке, ворот на месте уже не оказалось.

Род почувствовал, как по его позвоночнику, по кончикам пальцев пробежал холодок страха. Он заставил себя успокоиться, решив, что, возможно, так даже лучше. Исчезновение ворот на самом деле вполне объяснимо: должно быть, их фокусируют заново после каждого испытуемого, чтобы разбросать «выживателей» на расстояние в несколько километров друг от друга.

Хотя нет, как же тогда «в пределах двадцати километров к восходу»? Это ведь совсем небольшая зона.

Или... Может быть, все получили разные инструкции? В конце концов он признал, что ничего не знает наверняка, и от этого стало даже как-то спокойнее. Род не знал, где он сам, где Джимми или кто-нибудь из его группы. Не знал, что его здесь ждет. В одном лишь он не сомневался: человек может здесь выжить, если будет достаточно сообразителен. И удачлив.

Сейчас перед ним стояла только одна задача: выжить в течение — пусть будет по максимуму — десяти земных дней. Он выбросил мысль о Джимми Трокстоне из головы, выбросил вообще все лишние мысли, оставив только необходимость постоянно быть настороже. Заметив по склоненным венчикам травы направление ветра, он — где ползком, где на четвереньках — двинулся в ту же сторону.

Решение далось нелегко. Первой мыслью было пойти против ветра, потому что это казалось естественным направлением для хищника. Но очень кстати пришелся совет сестры: без ружья или пистолета он чувствовал себя обнаженным и беспомощным, и это напомнило ему, что он сейчас не охотник. Его запах все равно разнесется ветром, и, двигаясь в ту же сторону, он по крайней мере мог рассчитывать заранее увидеть подкрадывающегося хищника, тогда как незащищенный тыл будет в относительной безопасности.

Что это такое там дальше, в траве?

Род замер, напряженно вглядываясь вперед. И точно: среди стеблей он заметил какое-то непонятное движение. Род насторожился и продолжал ждать. Вот опять, что-то движется впереди, справа налево. Словно темный стебель с пучком растительности на конце — возможно, задранный хвост.

Он так и не узнал, что там бродил за зверь, да еще с таким странным хвостом — если это в самом деле был хвост. Существо остановилось точно напротив него по ветру, а затем рванулось в сторону и скрылось из виду. Род выждал несколько минут и пополз дальше.

Жара стояла невыносимая, рубашка и штаны вскоре пропотели насквозь. Очень хотелось пить, но Род держался, напоминая себе, что пяти литров не хватит надолго, если он начнет расходовать воду в первый же час. Небо затянуло пеленой перистых облаков, но светило — или «солнце», как он решил его называть,— палило нещадно даже через облачный покров. Солнце висело позади, низко над горизонтом, и Род невольно представил себе, какое будет пекло, когда оно окажется в зените. Утешало лишь то, что до леса было не так уж и далеко, а лес обещал прохладу. Или во всяком случае шанс избежать солнечного удара.

Прямо по ходу травяное поле плавно спускалось в небольшую низину, и над этой низиной без конца кружили похожие на ястребов птицы. Не двигаясь с места, Род продолжал наблюдать. «Да, братцы,— пробормотал он вполголоса,— если вы ведете себя так же, как наши земные стервятники, значит, там впереди кто-то мертвый, и вы, прежде чем начать свое пиршество, хотите убедиться, что он действительно мертв. Если так, я, пожалуй, проползу стороной и подальше. Не ровен час нагрянет еще кто-нибудь, а мне что-то ни с кем не хочется встречаться...»

Он двинулся вправо, немного наперерез легкому ветерку, и в конце концов оказался рядом с каменистой осыпью на гребне невысокого холма. Решив посмотреть, что происходило внизу, Род перебрался, прячась за камни, ближе к краю осыпи и затаился под торчащим обломком.

Издалека казалось, что на земле лежит взрослый человек, а рядом с ним ребенок. Покопавшись в своих многочисленных карманах, Род извлек маленькую подзорную трубу с восьмикратным увеличением и пригляделся получше. «Взрослый» оказался Иоганном Брауном, «ребенок» — его собакой. Оба, без сомнения, были мертвы. Браун лежал как тряпичная кукла, которую небрежно швырнули на пол: голова неестественно повернута почти на сто восемьдесят градусов, одна нога загнута назад. Горло и пол-лица — сплошное темно-красное пятно.

Пока Род наблюдал, откуда-то появилось похожее на собаку существо, обнюхало боксера и вцепилось в труп зубами, а следом за ним, присоединяясь к пиршеству, спустился на землю и первый стервятник. Чувствуя подкатившую тошноту, Род опустил трубу. Да, бедняга Иоганн протянул недолго — может быть, на него напал тот самый стобор — и даже его умный пес не смог ему помочь. Жаль. Но это доказывало, что в округе водятся крупные хищники, и лишний раз напоминало Роду, как осторожно надо себя вести, если он не хочет, чтобы шакалы и стервятники дрались из-за его останков.

Затем он вспомнил еще кое-что и вновь прильнул к окуляру. Великолепной «Молнии» Иоганна нигде не было видно, как и энергоблока к ружью. Род тихо присвистнул и задумался. Хищник, которому могло пригодиться ружье, без сомнения, передвигается на двух ногах. Род тут же вспомнил, что «Молния» бьет наповал почти на любом расстоянии в пределах прямой видимости, и теперь эта опасная игрушка оказалась в руках человека, который решил воспользоваться отсутствием закона в зоне проверки на выживание.

В данной ситуации единственное, что ему оставалось, это не маячить в пределах прямой видимости. Род сполз по рассыпанным камням и спрятался в кустах.

До леса оставалось меньше двух километров, и Род двинулся дальше. Оказавшись уже совсем рядом, он вдруг осознал, что солнце вот-вот сядет. Беспокойство гнало его вперед, заставляя торопиться и

пренебрегать осторожностью. Ведь он собирался провести ночь на дереве, а забираться лучше всего еще засветло. Ночевать на земле, в незнакомом лесу, казалось еще опаснее, чем прятаться в траве.

Разумеется, он не потратил весь день только на то, чтобы добраться до леса. Хотя они прошли ворота «Темплтон» еще утром, то суточное время не имело никакого отношения к времени здешнему. Сюда его выбросили ближе к концу дня, и, когда Род достиг первых высоких деревьев, уже почти смеркалось.

Вернее, было уже темно, и он решил рискнуть, потому что ничего другого не оставалось. Остановившись на границе леса, все еще в высокой траве, Род извлек из кармана складные «кошки». Сестра убедила его не брать с собой множество всяких приборчиков и приспособлений, но против «кошек» она не возражала. Это нехитрое приспособление для лазанья по столбам придумали очень давно, но Род выбрал улучшенную, уменьшенную и облегченную конструкцию — вместе с креплениями пара «кошек» из титанового сплава весила не больше ста граммов. Кроме того, они очень компактно складывались.

Род разложил их и, защелкнув крепления вокруг лодыжек и под стопами, затянул ремни потуже. Затем еще раз оглядел выбранное дерево — высокое, с развесистой кроной и стоящее достаточно далеко в глубине леса, чтобы в случае чего можно было воспользоваться «черным ходом», то есть перелезть на соседнее. Высокий, но не очень толстый ствол — он вполне мог обхватить его руками.

Прикинув маршрут, Род выпрямился и затрусил к ближайшему дереву, обогнул его, потом повернул налево к следующему, обогнул и это, и наконец взял чуть правее, нацелясь на то, которое выбрал. Но когда до дерева оставалось метров пятнадцать, что-то рванулось из темноты прямо на него.

Оставшееся расстояние он преодолел за одно мгновение — возможно, даже быстрее, чем сработала бы гиперпространственная машина Рамсботхэма,— и добрался до первого сука в десяти метрах от земли, буквально взлетев. Дальше Род карабкался более привычным способом — всаживая когти в гладкую кору дерева или опираясь ногами на сучья, когда они стали попадаться достаточно часто.

Метрах в тридцати от земли он наконец остановился и посмотрел вниз. Сучья мешали, и под деревьями было гораздо темнее, чем

на открытой местности, однако Роду все же удалось разглядеть расхаживающего там обитателя леса, что почтил его своим вниманием.

Он попытался найти точку, с которой будет лучше видно, но света с каждой минутой становилось все меньше. Хищник здорово напоминал... Одним словом, если бы Род не был уверен, что его забросили на неосвоенную планету бог знает как далеко от дома, он бы сказал, что это лев.

Только в несколько раз больше, чем обычно бывают львы.

Оставалось надеяться, что зверюга не лазает по деревьям. Впрочем, напомнил себе Род, будь это зверю под силу, он бы уже пять минут назад переваривался в желудке хищника. Понимая, что нужно устроить место для ночлега до полной темноты, он полез выше, выискивая удобные сучья.

В конце концов, когда уже казалось, что придется спускаться ниже, Род нашел то, что искал,— два крепких сука как раз на таком расстоянии друг от друга, чтобы можно было повесить гамак,— и принялся за дело наперегонки с наступающей темнотой: достал из кармана жилета гамак-паутинку из прочных как паучий шелк волокон и почти такой же легкий и тонкий, затем размотал веревку на поясе, привязал гамак к сучьям и попробовал туда влезть.

Не тут-то было. Для хорошего акробата с цепкими пальцами это не составило бы труда. Эквилибрист, привыкший ходить по канату, просто прошел бы по суку и забрался в гамак. Но Род едва не свалился с дерева: нужно было за что-то держаться.

Гамак — штука практичная, и Роду уже приходилось спать в гамаке. Сестра тоже одобрила его выбор, заметив, что у него он даже лучше, чем те, которые выдавали им.

— Главное, не садись, когда проснешься,— добавила она.

— Не буду,— заверил ее Род.— Кроме того, я всегда пристегиваю нагрудный ремень.

Но никогда раньше ему не приходилось забираться в гамак в таких условиях: встать под гамаком не на что, а верхние сучья слишком высоко. После нескольких неуклюжих попыток, от которых сердце то и дело уходило в пятки, он уже начал думать, что придется провести всю ночь на суку как птица или оседлать его, прислонившись спиной к стволу. Спускаться вниз, когда там бродит эта тварь, был просто немыслимо.

Высоко над гамаком торчал еще один сук. Может быть, если перекинуть через него веревку, а затем держась за нее...

Попробовал. Но уже совсем стемнело, и веревку он не потерял только потому, что другой ее конец крепил гамак к сучьям. Род наконец сдался и решил попытаться в последний раз. Держась изо всех сил руками по обе стороны от веревки у изголовья он медленно, осторожно опустил в гамак ноги и стал сползать сам. Вот он уже наполовину в гамаке... Дальше требовалось лишь следить, чтобы центр тяжести тела оставался низко, и не делать никаких резких движений, пока он сползает в свой паутинчатый кокон.

Почувствовав, что устроился надежно, Род глубоко вздохнул и позволил себе расслабиться. В первый раз за весь день ему было и удобно, и спокойно.

С минуту он упивался отдыхом, а после, отыскав губами ниппель трубки от канистры с водой и сделав два осторожных глотка, занялся приготовлением ужина. Для этого нужно было лишь извлечь из кармана четвертькилограммовый брусок походного концентрата: тысяча сто калорий в белках, жирах, углеводах и глюкозе плюс необходимые добавки. Этикетка на обертке, уже неразличимая в темноте, сообщала, что концентрат «хорош на вкус, возбуждает аппетит и имеет приятную консистенцию», хотя на самом деле, положить перед настоящим гурманом этот концентрат и старую подметку, так еще не известно, что тот выберет.

Но как говорится, голод — лучшая приправа. Род не уронил ни крошки и, когда доел, даже облизал обертку. Очень хотелось вскрыть новый пакет, но он подавил в себе это предательское желание и лишь отпил еще один глоток воды, а затем натянул над головой москитную сетку и пристегнул ее к ремню на груди. Его иммунная система могла справиться с большинством земных болезней, которые передаются через насекомых, а инфекционные заболевания Внеземелья почти никогда не причиняли человеку вреда, но все равно не хотелось, чтобы местные ночные кровососы рассаживались на лице и устраивали себе кормежку.

Даже в легкой одежде было слишком жарко, и Род уже начал подумывать, а не раздеться ли ему до трусов: планета — или во всяком случае, эта ее часть — здорово напоминала тропики. Но снимать рубашку, жилет с припасами и брюки, лежа в гамаке, казалось

почти невыполнимой задачей, и он решил, что проведет первую ночь как есть, пусть даже придется попотеть и потратить лишний литр воды.

Интересно, что это за планета, подумал Род, пытаясь разглядеть небо сквозь пышную крону в надежде отыскать знакомые звезды. Но или крона была слишком густой, или небо затянуло облаками, только он ничего не увидел. Выбросив из головы все лишние мысли, Род попытался уснуть.

Прошло десять минут, сон по-прежнему не шел, и он лежал, вслушиваясь в ночь еще более настороженно. Занимаясь своим гамаком, а затем ужином, Род почти не обращал внимания на далекие звуки; теперь же все ночные голоса словно приблизились. Насекомые жужжали, гудели и пели, шелестела листва, а внизу кашлял какой-то невидимый зверь. В ответ на кашель вдруг раздался безумный хохот — он становился все громче, потом так же неожиданно стих, перейдя в сдавленный астматический хрип.

Роду очень хотелось верить, что это всего лишь какая-нибудь птица.

Затаив дыхание, он невольно продолжал вслушиваться в близкие и далекие звуки, затем, спохватившись, приказал себе успокоиться. По крайней мере девять десятых потенциальных врагов ничем не могли ему угрожать. Даже змея, если такие тут водятся, вряд ли заберется в гамак, и уж совсем маловероятно, что она нападет, если он будет лежать неподвижно. Змеи, хоть у них и крошечные мозги, редко интересуются чем-то большим, чем они способны заглотить. И едва ли в этой кроне прячется какое-нибудь существо, достаточно крупное, чтобы быть опасным, или достаточно заинтересованное в нем как в жертве. «Так что, приятель,— сказал себе Род,— не обращай внимания на все эти странные звуки и спи. В конце концов, шум от транспорта в городах бывает и хуже».

Вспомнилась лекция Мастера о вреде лишних тревог, об опасностях, подстерегающих человека, когда тот слишком быстро приходит в возбуждение и слишком долго ждет в напряжении. Как сказала сестра, он волнения умирают больше, чем от ран. Род снова попытался заснуть.

И это ему почти удалось. Из сладкой полудремы его вырвал новый донесшийся издалека звук, и он невольно привстал, вслу-

шиваясь. Казалось, это человеческий голос — да, и в самом деле человеческий... Истошный плач взрослого человека, безудержное, надрывное рыдание.

Род просто не знал, что делать. С одной стороны, это его не касается, здесь каждый сам за себя, но слышать эту жуткую агонию и ничего не предпринимать... Может, надо слезть и отыскать в темноте этого беднягу? Спотыкаясь о корни, напомнил он себе, проваливаясь в ямы и, возможно, двигаясь в пасть какой-нибудь большой и голодной твари...

Что же делать? Имеет ли он право не помочь?

Вопрос решился сам собой. На плач вдруг ответили плачем — теперь гораздо ближе и громче. Этот голос уже не походил на человеческий, хотя чем-то напоминал первый, и от неожиданности Род чуть не вывалился из гамака. Спас ремень.

Затем ко второму голосу присоединился третий, снова далекий, и спустя несколько секунд ночную тишину заполнили всхлипы и дикий вой — казалось, ужас, агония, непереносимое горе охватили всю равнину. Теперь уже Род понял, что это не люди, но ничего подобного он за всю жизнь никогда не слышал. И не припоминал, чтобы кто-то о таком рассказывал. Наверно, это и есть те самые стоборы, о которых его предупреждали, неожиданно решил он.

Но что они из себя представляют? Как избегать встречи с ними? Ближайший голос, казалось, доносился даже откуда-то сверху, может быть, с соседнего дерева. Или с *этого*?

Что делать, если столкнешься со стобором в темноте? Плюнуть ему в глаза? Или пригласить его на тур вальса?

В одном только Род не сомневался: тварь, которая так разоряется ночью в джунглях, скорее всего, ничего не боится. Следовательно, бояться должен он. Но делать было нечего, и Род по-прежнему лежал неподвижно. Его страх выдавали лишь напряжение мышц, гусиная кожа и холодный пот. Адский концерт продолжался, и ближайший стобор вопил чуть ли не над самым ухом. Во всяком случае, так Роду казалось.

Еще немного, и он, наверное, отрастил бы крылья и взлетел. До этого ночевать одному в лесу ему доводилось лишь на Земле, на Североамериканском континенте. Там опасности известны, да и не

так велики: вполне предсказуемые медведи, изредка — ленивая гремучая змея; встречи с ними избежать было не трудно.

Но как можно обезопасить себя от чего-то совершенно неизвестного? Стобор — Род решил, что так и будет называть этого ночного зверя,— возможно, прямо сейчас подбирается к нему все ближе и ближе, разглядывает в темноте и думает, утащить ли его в берлогу или сожрать на месте.

Может, надо куда-то перебраться?.. Но вдруг он попадет прямо в когти стобору? Что ж, беспомощно ждать, когда зверь ударит его лапой? Может быть, стоборы не нападают на деревьях... Но ведь может и наоборот, они только здесь и охотятся, а его единственная надежда — спуститься как можно скорее вниз и провести ночь на земле...

Что за зверь, этот стобор? Как он охотится? Где и когда опасен? Очевидно, Мастер предполагал, что вся группа знает ответы на эти вопросы. Может, они проходили стоборов как раз в те дни после Нового года, когда его не было в школе? Или он просто забыл... а теперь поплатится за это своей жизнью. Род неплохо разбирался в зоологии Внеземелья, но это слишком обширная область знаний, чтобы усвоить их все. Да что там говорить: даже земная зоология нередко преподносила ученым прошлого загадки. А тут десятки планет — кто в состоянии запомнить так много?

Это просто несправедливо!

Когда у него в мыслях всплыл этот древний и бесполезный протест, Роду вдруг привиделся Мастер с его доброй, насмешливой улыбкой, и он услышал его сухое ворчание: «Справедливость? Неужели ты ждал еще и справедливости, сынок? Это не игра. Я ведь пытался убедить тебя, что твое место в городе, что ты слишком мягок и неразумен для такой жизни. Но ты меня не послушал».

Род почувствовал, что зол на своего инструктора, и страх уступил место раздражению. Джимми прав: этот съест родную бабку и не поморщится. Холодная бесчувственная рыба!

Однако, ладно. Как бы на его месте поступил Мастер?

И снова ему послышался голос Мэтсона, когда тот отвечал на вопрос, заданный кем-то из класса: «Делать мне ничего не оставалось, и я прилег вздремнуть».

Род немного поворочался и, положив руку на рукоять «Полковника Боуи», снова попытался уснуть. Из-за сумасшедшего гвалта

это было почти невозможно, но в конце концов он решил, что стобор на его дереве — или на соседнем? — вроде бы не приближается. Впрочем, и без того казалось, что, подползи зверь чуть-чуть ближе, Род уже почувствует его дыхание. Но нападать он, похоже, не собирался, и на том спасибо.

Спустя какое-то время Род и в самом деле заснул, хотя легче от этого не стало. Ему снилось, что хнычущие, улюлюкающие стоборы окружили его плотным кольцом и, глядя из темноты, ждут, когда он шевельнется. Однако Род был связан по рукам и ногам и не мог двинуться с места.

Когда же он поворачивал голову, чтобы узнать, как все-таки выглядит стобор, они отступали в темноту, и он каждый раз успевал заметить только красные глаза и длинные зубы. Это было хуже всего.

Проснулся он неизвестно от чего, весь в холодном поту. Попытался подняться, но ремень удержал его на месте, и Род заставил себя лечь. Что произошло? Что его разбудило?

Со сна он не сразу понял, что случилось. Прекратился гвалт. Ни одного стобора — ни близкого, ни далекого — не было слышно. Это насторожило Рода еще больше: воющий стобор выдает себя голосом, а вот молчащий мог скрываться где угодно. Возможно, ближайший к нему сидит на суку прямо у него над головой. Род выгнул шею и, чтобы лучше видеть, убрал москитную сетку, но все равно было слишком темно. Кто их знает, может, они сидят там уже по трое в ряд...

Впрочем, наступившая тишина вскоре подействовала на Рода успокаивающе, и он стал прислушиваться к другим ночным звукам, казавшимся почти безобидными после той адской какофонии. Род решил, что вот-вот наступит утро и лучше будет больше не засыпать.

Потом уснул.

Во второй раз он проснулся от ощущения, что на него кто-то смотрит. Вспомнив, где он находится, и поняв, что еще темно, Род подумал, что ему опять приснилась какая-то муть. Он поворочался, повертел головой и снова попытался заснуть.

Нет, кто-то и в самом деле на него смотрит!

Глаза привыкли наконец к темноте, и он разглядел на суку у ног какой-то темный ком. Черное на черном — он даже не мог сказать с

уверенностью, как существо выглядит. Но два чуть светящихся глаза, не мигая, глядели на него в упор.

«Делать мне ничего не оставалось, и я прилег вздремнуть.» Роду это было не под силу. Казалось, целую вечность они с неизвестным существом смотрели друг на друга, не отводя взгляда. Род сжал пальцы на рукоятке ножа и замер, борясь с оглушительным стуком сердца и пытаясь сообразить, как он будет отражать нападение, лежа в гамаке. Зверь тоже не шевелился и не издавал ни звука. Просто глядел и, похоже было, собирался просидеть так всю ночь.

Испытание нервов тянулось невыносимо долго, и Род уже готов был закричать, чтобы прекратить это издевательство, но тут зверь, едва слышно царапая когтями, двинулся к стволу и исчез. Род почувствовал, как спружинил сук и понял, что существо весит по крайней мере столько же, сколько он сам.

Он снова решил не засыпать. Небо вроде бы стало чуть светлее. Род пытался убедить себя в этом, но все равно не видел даже своих рук. Оставалось считать до десяти тысяч — и тогда придет заря.

Неожиданно вниз по стволу дерева скользнуло что-то очень большое, за ним еще одно такое же существо, и еще. Не останавливаясь у гамака Рода, они бесшумно спустились вниз. Род с облегчением сунул нож обратно в ножны и пробормотал: «Ну и соседи попались! Носятся тут...» Он подождал еще немного, но наверх торопливая процессия так и не вернулась.

В третий раз его разбудил яркий солнечный луч. Род чихнул и открыл глаза. Попытался встать, и снова его удержал на месте ремень безопасности. Наконец он совсем проснулся и тут же об этом пожалел: нос был забит, глаза слезились, во рту стоял отвратительный привкус, на зубах налипла какая-то гадость, и в довершение всего, болела спина. Он попробовал изменить позу и обнаружил, что ноги болят тоже. И руки, и голова. Шея просто не поворачивалась.

Тем не менее Род был просто счастлив, что долгая ночь закончилась. Мир вокруг уже не казался угрожающим — скорее, идиллическим. Забрался Род так высоко, что за ветками даже не видел земли внизу, но все равно оставался под плотной лиственной крышей джунглей, за которой не проглядывало ни кусочка неба — он словно плавал в зеленом облаке. Деревья настолько плотно закры-

вали небо, что утренний луч, коснувшийся его лица, оказался единственным, проникшим так глубоко вниз.

Это напомнило Роду, что надо бы запомнить, где восходит солнце. Оказалось, это не так просто. Солнце едва ли можно будет увидеть с земли... Может быть, пока оно не поднялось слишком высоко, есть смысл быстро слезть и выбежать посмотреть на равнину?.. Потом он заметил, что яркий луч светит как раз из развилки в кроне еще одного лесного гиганта, стоящего в пятнадцати метрах от его дерева. Отлично, решил Род, будем считать, что это дерево «стоит к востоку»; позже на земле можно будет заметить направление.

Выбираться из гамака оказалось не легче, чем влезать в него, да и разболевшиеся мускулы отчаянно протестовали против такого насилия. Но в конце концов Род выбрался, с трудом удерживая равновесие, уселся на сук и пополз к стволу. Там он выпрямился, преодолевая боль в мышцах, и, держась за ствол, сделал несколько приседаний, чтобы хоть немного размяться. Постепенно боль унялась, и только шея по-прежнему ныла.

Сидя спиной к стволу, Род позавтракал и выпил немного воды. На этот раз он даже не особенно прислушивался к тому, что происходило вокруг, рассудив, что ночные охотники уже спят, а дневные вряд ли гоняются за жертвами по верхушкам деревьев — во всяком случае, крупные, которым положено охотиться на земле, ловить травоядных. Да и выглядело его зеленое укрытие слишком мирно, чтобы таить какую-либо угрозу.

Род закончил завтрак, но продолжал сидеть, раздумывая, не выпить ли еще воды и не забраться ли опять в гамак. Предыдущая ночь показалась ему самой длинной в его жизни, но он смертельно устал, а дневная духота и жара уже давали о себе знать. Хотелось лечь и уснуть. Да и почему нет? Ведь у него одна задача — выжить, а проспав еще несколько часов, он даже сэкономит воду и пищу.

Возможно, Род так бы и поступил, но он не знал, сколько сейчас времени. Часы показывали без пяти двенадцать, но как узнать — полдень это воскресенья или полночь наступающего понедельника? Он не сомневался, что планета вращается медленнее Земли: ночь тянулась, наверное, целые земные сутки.

Значит испытания продолжались уже по крайней мере двадцать шесть часов; возможно, даже все тридцать восемь, а сигнал к

возвращению могут дать в любое время через сорок восемь часов после начала экзамена. Не исключено, что сигнал будет уже сегодня, до заката, а он пока что живой и прекрасно себя чувствует, еды достаточно и еще вдоволь чистой воды.

От этих мыслей настроение у него заметно улучшилось. Что такое какой-то стобор по сравнению с человеком? Разве что голос громкий.

Однако до выходных ворот может быть километров двадцать к «востоку» от точки выброски. Значит, нужно пройти километров десять, и, когда появятся ворота, он наверняка окажется в километре или двух от них. Надо двигаться, а затем окопаться и ждать. Может быть, он уже сегодня будет спать дома — разумеется, после горячей ванны.

Род принялся отвязывать гамак, напомнив себе, что надо заметить время от восхода до заката, чтобы определить продолжительность здешних суток. Потом эта мысль забылась, потому что ему никак не удавалось сложить гамак, а сложить его нужно было очень аккуратно, иначе он просто не поместился бы в карман. Лучше всего, конечно, в таком случае расстелить его на столе, но здесь самой большой ровной поверхностью служила его ладонь.

В конце концов Род справился, с грехом пополам запихал гамак на место и полез вниз. На самом нижнем суку он остановился и внимательно огляделся: огромной голодной твари, что погналась за ним вечером, нигде не было видно, но кто его знает — кустарник внизу здорово разросся. Род заметил себе, что здесь ни в коем случае нельзя уходить слишком далеко от деревьев, на которые, если что, можно взобраться. А то замечтаешься, и привет...

Ладно, теперь сориентироваться... Где там дерево, которое отмечает «восток»? Это? Или вот то? Род понял, что запутался, и отругал себя за то, что не воспользовался компасом сразу. По правде сказать, он просто забыл наверху про компас. Теперь же от него никакого толку, поскольку восток по компасу вовсе не означает ту сторону, откуда на этой планете восходит солнце, а вниз, под кроны деревьев, лучи светила не проникали — весь лес стоял окутанный призрачным мистическим светом, не дававшим теней.

Впрочем, открытая равнина не так далеко. Нужно будет выбраться и проверить. Род спустился к самой земле, спрыгнул в мяг-

кий пружинистый мох и двинулся, как ему показалось, к равнине, считая шаги и настороженно глядя по сторонам.

Через сто шагов он остановился и пошел обратно. Отыскал «свое» дерево и внимательно осмотрел. Вот здесь он слезал: внизу отпечатались следы. А с какой же стороны он поднимался? От «кошек» должны остаться отметины...

Вскоре Род нашел их и был нимало удивлен своим собственным достижением: царапины начинались примерно на уровне его головы. Однако царапины указывали направление, откуда он бежал, и через пять минут Род вышел к равнине, которую пересек днем раньше.

Здесь лежали четкие тени, и Род сверился с компасом. По чистой случайности восток совпадал с «востоком», и теперь оставалось только следовать указаниям стрелки. Дорога вела через лес.

По лесу Род просто шел. Ползти, как днем раньше, уже не было необходимости, но он старался идти бесшумно и поменьше торчать на виду, постоянно оглядывался, сворачивая то вправо, то влево, чтобы быть поближе к деревьям, на которые легко взобраться, и часто сверялся с компасом.

Не забывал он и считать шаги. Полторы тысячи шагов по пересеченной местности это примерно километр, и Род решил, что пятнадцать тысяч выведут его в район появления ворот, где он планировал устроиться понадежнее и дождаться возвращения.

Но даже считая шаги, следя за компасом, высматривая хищников, змей и прочие опасности, Род успевал наслаждаться природой и погодой. Ночные страхи полностью оставили его, настроение поднялось, и казалось, все ему теперь нипочем. Он, конечно, двигался осторожно, старался не терять бдительности, но местность и в самом деле уже не казалась опасной, что бы там ни говорили о стоборах.

Лес, решил он, относится, скорее, к лесам переменно-влажного типа: растительность была не настолько густая, чтобы приходилось прорубать дорогу. То и дело встречались протоптанные зверьем тропинки, но Род старательно обходил их стороной, опасаясь, что где-нибудь у такой тропинки может притаиться хищник, поджидающий, когда появится его завтрак,— Рода такая роль совсем не прельщала.

Травоядных всяческих форм и размеров тоже хватало. Многие очень напоминали антилоп, но увидеть их было довольно трудно:

защитная окраска почти сливалась с растительным фоном. Однако даже те, которых Род видел мельком, убедили его, что в лесах полно живности. Этих он тоже обходил стороной — ведь он явился сюда не охотиться и прекрасно понимал, что даже травоядные с их копытами и рогами могут быть опасны — и сами по себе, и тем более в стаде.

Мир над головой был заселен не менее обильно — и птицами, и различными животными, живущими на деревьях. Несколько раз Род замечал семейства похожих на обезьян существ, и у него возникла мысль, что и на этой планете, возможно, развились гуманоиды. «Что же это все-таки за планета?» — подумал он в который раз. Почти Земля с точностью до нескольких знаков после запятой — кроме непривычно долгого дня. Видимо, ее открыли совсем недавно, иначе тут было бы полно колонистов. Без сомнения, планета высшей категории. Выжечь траву на той большой равнине, где он полз вчера, и получится отличное место для фермы с полями и пастбищами. Может быть, он даже вернется сюда когда-нибудь, чтобы помочь очистить планету от стоборов...

А пока надо смотреть, куда идешь, ни в коем случае не проходить под низкими ветками, не проверив заранее, кто там может прятаться, и вслушиваться, вглядываться в окружающий лесной мир, как пугливый заяц. Теперь Род по-настоящему понял слова сестры, когда та говорила, что человек без оружия сразу становится осторожным: у него вряд ли будет возможность применить оружие, если он позволит хищнику застать себя врасплох.

Именно эта повышенная осторожность заставила Рода понять, что кто-то идет за ним следом.

Поначалу возникло просто легкое предчувствие, но затем оно переросло в уверенность. Род несколько раз останавливался за деревом и, замирая, прислушивался. Дважды он прокрадывался кустами назад и возвращался по своим следам. Но кто бы это ни был, преследователь двигался так же бесшумно и маскировался ничуть не хуже него. Пожалуй, даже лучше.

Род подумал, что, возможно, есть смысл спрятаться на дереве и переждать преследователя, но желание поскорей достичь цели перевесило осторожность. Он убедил себя, что, двигаясь вперед, будет в большей безопасности, и, то и дело оглядываясь, пошел дальше, а спустя какое-то время и вовсе решил, что преследователь отстал.

Пройдя, по своим прикидкам, километра четыре, Род уловил запах воды, а еще через несколько минут вышел к оврагу, тянувшемуся как раз поперек дороги. Следы животных на тропе, вьющейся по краю оврага, убедили Рода, что она ведет к водопою, а таких опасных мест, он понимал, надо избегать. Поэтому Род быстро спустился вниз, двинулся по склону оврага в сторону и вскоре оказался у высокого берега, откуда уже был слышен плеск воды.

Подавшись в кусты, Род ползком двинулся к краю. Крутой берег возносился над речкой метров на десять и резко обрывался вниз справа и впереди, где выходил к реке овраг. Там и образовался небольшой затон с водоворотами, облюбованный зверьем для водопоя. Животных не было видно, но на глинистом берегу осталось множество следов копыт.

Нет, он не собирался пить в таком месте: там, где легко пить, слишком легко можно умереть. Но его беспокоило, что место сбора оказалось на той стороне и придется перебираться через поток. Маленькая речка, скорее даже большой ручей — можно легко переплыть или перейти вброд, если найти подходящее место,— но это только на крайний случай, и то сначала нужно будет проверить, бросив в воду приманку, например, только что убитое животное... В родных краях такие речушки вполне безопасны, но здесь тропики, и логично будет предположить, что в речке водятся местные разновидности аллигаторов, пираний или еще что-нибудь похуже.

По верхушкам деревьев тоже не перейдешь: слишком далеко берега друг от друга... Лежа в кустах, Род размышлял над неожиданной проблемой, затем решил идти вверх по течению в надежде, что где-нибудь найдется узкое место или поток разделится на маленькие ручейки, перебраться через которые будет легче...

И это была его последняя мысль.

Очнулся он быстро, без раскачки: рядом стояло и принюхивалось похожее на шакала существо. Род отмахнулся левой рукой, правой потянулся за ножом. Тварь отскочила назад, зарычала, но потом скрылась в листве.

Нож исчез! Это открытие сразу привело Рода в чувство. Он сел, но голова отозвалась дикой болью, и его качнуло. Род осторожно прикоснулся к затылку — пальцы оказались в крови. Потрогал еще

и выяснил, что на затылке огромная, распухшая и очень болезненная шишка, но из-за плотной корки волос, спекшихся от крови, он не мог понять, цел череп или нет. Род не стал мысленно благодарить нападавшего за то, что остался жив: он не сомневался, что этим ударом его хотели убить.

Однако пропал не только нож. Род остался в одних трусах. Пропал драгоценный запас воды, жилет с пайками и десятком других незаменимых вещей: антибиотики, соль, компас, «кошки», спички, гамак — все пропало.

Первый приступ отчаяния тут же сменился злостью. То, что пропало продовольствие и снаряжение, это вполне понятно: сам виноват, зазевался и забыл, что сзади могут напасть. Но часы, которые подарил ему отец!.. Тут уже чистый разбой и кто-то за это поплатится!

От злости Род даже почувствовал себя лучше. И только сейчас заметил, что бинтовая повязка на ноге осталась нетронутой.

Коснулся рукой — нож на месте! Напавший на него мерзавец, видимо, решил, что бинт ему ни к чему. Род размотал повязку и извлек из ножен «Леди Макбет».

Кто бы ни был этот человек, он ему дорого заплатит!

4. ДИКАРЬ

Род Уокер сидел на толстом нижнем суку, прячась в листве. Сидел уже два часа, неподвижно, и, готов был, если понадобится, просидеть еще столько же. На поляне перед ним щипали траву несколько годовалых оленей — во всяком случае, они походили на самцов оленей. Род ждал, когда один из них подойдет поближе: он был голоден.

И очень хотелось воды, потому что за этот день он не пил ни разу. Кроме того, у него подскочила температура — из-за трех длинных, плохо заживших царапин на левой руке. Но на царапины и температуру Род уже не обращал внимания: он все еще был жив и собирался жить дальше.

Один из оленей переместился ближе, и Род напрягся в ожидании удобного момента. Однако олень вскинул голову, бросил на дерево короткий взгляд и отошел в сторону. Похоже, он не заметил

Рода, но, очевидно, еще в младенчестве мать научила его остерегаться нависающих ветвей, или сотни тысяч поколений, борясь за выживание, отпечатали этот навык в его генах.

Род выругался про себя и снова замер. Рано или поздно один из них сделает ошибку, и тогда он наконец поест. Уже несколько дней Род думал только об одном — о еде, о том, как сохранить свою шкуру, о том, как напиться воды, не подвергаясь нападению из засады, о том, как устроиться на ночь, чтобы не проснуться в брюхе другого лесного хищника.

Заживающие раны напоминали о том, как дорого обошелся один из уроков этой науки: однажды он позволил себе отойти слишком далеко от дерева и в момент нападения даже не успел выхватить нож. Спасло его лишь то, что он сумел каким-то образом допрыгнуть до ветки и подтянуться, несмотря на раненую руку. Зверь, который располосовал ему руку когтями, был, как Роду показалось, той же породы, что гнался за ним в первую ночь. Более того, Род подозревал, что это и в самом деле был лев. У него даже возникла по этому поводу теория, но пока он не решался действовать на основе своих догадок.

За прошедшие дни Род сильно похудел и совсем потерял счет времени. Он понимал, что предельный срок окончания экзамена, скорее всего — нет, почти наверняка — уже прошел, но не помнил точно, сколько времени провел на развилке дерева, ожидая, пока хоть немного заживет рука, или сколько времени прошло с тех пор, как он, гонимый жаждой и голодом, слез. Возможно, думал Род, сигнал к возвращению дали, когда он лежал без сознания. Но сейчас у него были совсем другие заботы, и он почти не вспоминал об этом. Его больше не интересовал экзамен по выживанию — только само выживание.

И несмотря на слабость, шансов у него стало теперь гораздо больше, чем в первый день. Он во многом разобрался, перестал бояться каких-то вещей, что пугали его раньше, и наоборот, научился относиться с осторожностью к тем, что прежде казались безобидными. Существа с дикими голосами, которых он окрестил стоборами, уже не вызывали у него страха: как-то днем он случайно спугнул такую тварь, и она подала голос. Размером не больше ладони, существо напоминало рогатую ящерицу, только с повадками древесной лягушки. Единственным ее талантом был голос: ящерица раздувала пузырь у шеи чуть ли не в три раза больше собственного

объема, а затем испускала те самые, напугавшие его в первую ночь, вопли.

Больше она ничего не умела.

Род догадался, что это брачная песня, и на том успокоился, хотя по-прежнему называл горластых тварей стоборами.

Узнал он и о свойствах лианы, очень похожей на земную эпомею: ее листья жгли как крапива, только гораздо сильнее, и на какое-то время оставляли жертву парализованной. Еще на одной лиане росли большие, напоминающие виноград ягоды, очень симпатичные с виду и довольно приятные на вкус,— Род на собственном опыте узнал, что это сильнейшее слабительное.

Из своих собственных столкновений, едва не закончившихся трагично, и из полусъеденных останков жертв, встречавшихся в лесу, он знал, что в округе водятся хищники, хотя ни разу не видел ни одного толком. Судя по всему, хищных зверей, достаточно крупных, чтобы справиться с человеком, и способных лазать по деревьям, тут не было, но Род не мог знать этого наверняка и всегда спал, как говорится, только одним глазом.

По поведению стада он заключил, что есть хищники, которые охотятся таким же, как и он, способом, но пока судьба миловала, и он с ними не сталкивался... Оленята бродили по всей поляне, даже останавливались иногда под небольшими деревьями, но пока никто из них не польстился на траву под деревом Рода.

Так... Вот, кажется, один приближается... Спокойно... Род ухватил рукоять «Леди Макбет» покрепче и приготовился спрыгнуть на спину маленькому грациозному существу, когда оно пройдет под веткой. Но метрах в пяти олененок остановился, понял, похоже, что слишком удалился от стада, и собрался повернуть.

Род метнул нож.

Он услышал хлесткий удар и увидел, что из лопатки животного торчит лишь рукоять, спрыгнул в то же мгновение на землю и бросился к оленю, чтобы его прикончить.

Тот вскинул голову, повернулся и побежал. Род прыгнул, но не дотянулся, а когда он перекатился и вскочил на ноги, поляна уже опустела. Род почувствовал горечь и раздражение: он обещал себе никогда не бросать нож, если есть хоть малейший шанс, что он не сможет его вернуть. Но в тот момент он не дал воли чувствам и сразу же принялся искать следы.

Когда-то давно он запомнил первый закон спортивной охоты: раненого зверя обязательно надо выследить и добить; нельзя оставлять его умирать мучительно и долго. Но сейчас ничего спортивного в охоте не было, и Род собрался в погоню, чтобы съесть добычу и — что гораздо важнее — чтобы вернуть свой нож, последнюю надежду на выживание.

Поначалу крови на земле не было видно, да и следы раненого оленя перепутались с сотнями других. Род три раза возвращался к поляне, начиная снова, и только после этого обнаружил первый кровавый след. Дальше стало легче, но Род сильно отстал, и кроме того, напуганный олень двигался гораздо быстрее, чем он мог идти по следу. Жертва оставалась со стадом до следующей остановки за полкилометра от первой. Разглядывая оленей, Род притаился в кустах на краю поляны, но раненого животного среди них не было.

Странно. Ведь окровавленные следы вели сюда вместе со всеми остальными. Род возобновил преследование, и стадо снова бросилось бежать. Здесь он ненадолго потерял след и, когда снова нашел, обнаружил, что цепочка кровавых пятен ведет в сторону, в кусты. Это делало его работу одновременно и проще, и сложнее: проще, потому что уже не приходилось искать след среди сотен других, и сложнее, потому что продираться сквозь кустарник было трудно и опасно — ведь он сам не только охотник, но и возможная жертва. Кроме того, след в зарослях то и дело терялся. Однако Род не унывал, зная, что только ослабевшее животное покидает стадо, чтобы спрятаться. Скоро, скоро он его отыщет...

Но олень не останавливался. Похоже, он хотел жить не меньше человека. Преследование продолжалось бесконечно, и Род уже начал задумываться, что же делать, если наступит ночь, а олень так и не сдастся. Нож-то по крайней мере нужно вернуть во что бы то ни стало.

Неожиданно он увидел второй след.

Кто-то наступил рядом с раздвоенным следом копыта раненого животного прямо на каплю крови. Дрожа от возбуждения и всеми своими чувствами прощупывая лес как радаром, Род бесшумно двинулся вперед. Снова след. Человеческий!

След ботинка. Однако Род одичал настолько, что открытие его даже не обрадовало, а скорее заставило насторожиться.

Спустя двадцать минут он их настиг — и оленя, и человека. Олень лежал на земле — или умер, или его добил второй охотник.

Молодой парень — немного моложе его и мельче, оценил Род,— стоял на коленях и вспарывал оленю брюхо. Укрывшись в кустах, Род наблюдал и думал. Второй охотник слишком увлечен добычей, а сук вот того дерева как раз нависает над прогалиной...

Несколькими минутами позже Род уже притаился на дереве, без ножа, но с длинным острым шипом в зубах. Он взглянул вниз: соперник оказался прямо под ним. Род перехватил шип в правую руку и приготовился.

Охотник положил нож на землю, собираясь перевернуть тушу. Род прыгнул.

Он сразу почувствовал бронежилет, скрытый под рубашкой противника и, мгновенно среагировав, приставил шип к его незащищенной шее.

— Не дергаться, или тебе конец!

Противник тут же прекратил попытки освободиться.

— Вот так-то лучше,— одобрительно произнес Род.— Мир?

Ответа не последовало, и Род прижал шип сильнее.

— Я не шучу,— сказал он строго.— У тебя есть только один шанс остаться в живых. Или ты обещаешь мир и держишь свое слово — тогда мы едим вместе,— или ты никогда больше не ешь. Мне лично абсолютно все равно, что ты выберешь.

Несколько секунд противник не мог решиться, затем сдавленным голосом произнес:

— Мир.

Все еще прижимая шип к шее противника, Род протянул руку и схватил нож, которым тот разделывал оленя,— его «Леди Макбет».

Спрятав его в ножны, он ощупал незнакомца и нашел еще один, на поясе. Достал, бросил шип в сторону и только тогда поднялся.

— Можешь вставать.

Парень поднялся с земли и смерил его хмурым взглядом.

— Отдай мой нож.

— Позже... если ты будешь хорошо себя вести.

— Я же обещал мир.

— Обещал. Повернись спиной, я хочу удостовериться, что у тебя нет пистолета.

— Я все оставил... У меня ничего нет, кроме ножа. Отдай.

— Где оставил?

Парень промолчал.

— Ладно, поворачивайся,— сказал Род, угрожающе выставив вперед нож.

На этот раз он послушался, и Род быстро ощупал все места, где можно спрятать пистолет, убедившись заодно, что от пояса и выше у незнакомца сплошной бронежилет. Облачение самого Рода состояло из загара, царапин, нескольких шрамов и грязных порванных трусов.

— Тебе не жарко таскать на себе столько металлолома? — спросил он добродушно.— Можешь повернуться. Только не подходи близко.

Парень повернулся, все еще храня мрачное выражение лица.

— Как тебя зовут, приятель? — спросил Род.

— Джек.

— А дальше? Меня зовут Род Уокер.

— Джек Доде.

— Ты из какой школы, Джек?

— «Понс де Леон».

— А я из школы имени Патрика Генри.

— Из класса Мэтсона?

— Точно. У нас сам Мастер преподает.

— Я о нем слышал,— сказал Джек. Заметно было, что это произвело на него впечатление.

— Все слышали. Слушай, хватит болтать, а то скоро тут весь лес соберется. Давай поедим. Ты следи за моей стороной, а я буду следить за твоей.

— Тогда отдай мне мой нож. Как я буду есть?

— Не так быстро. Я тебе отрежу пару кусков. Все будет как в лучших домах.

Род продолжил надрез, начатый Джеком, затем полоснул вверх и, оттянув шкуру с правой лопатки оленя, вырезал два больших куска мяса. Один кинул Джеку, сел на корточки и вцепился зубами в свой, не забывая однако глядеть по сторонам.

— Ты следишь? — спросил он.

— Разумеется.

Род оторвал упругий кус теплого мяса.

— Послушай, Джек, как они допустили до экзамена такого зеленого мальчишку? Тебе лет-то сколько?

— Ну уж не меньше, чем тебе!

— Сомневаюсь.

— Твое дело. Главное, допустили.

— Но тебе и на вид-то столько не дашь.

— Я здесь. И я жив.

Род улыбнулся...

— Убедил. Молчу.

Когда первая порция мяса удобно улеглась в желудке, он встал, разбил оленю череп и достал мозг.

— Хочешь половину?

— Спрашиваешь!

Род разделил десерт на две части и отдал одну Джеку. Тот принял свой кусок, задумался на секунду, потом буркнул:

— Соли хочешь?

— Соли? У тебя есть соль?

Джек, похоже, тут же пожалел о своей несдержанности.

— Немного. Не очень нажимай.

Род подставил свой кусок мяса.

— Посыпь чуть-чуть. Сколько не жалко.

Джек сунул руку куда-то между жилетом и рубашкой, извлек походную солонку, посыпал порцию Рода, затем пожал плечами и сыпанул еще.

— Ты что, не взял с собой соли?

— Я? — От такого аппетитного зрелища у него даже глаза заслезились.— Взял, конечно. Но... Короче, не повезло.— Род решил, что лучше будет не признаваться, как его застали врасплох.

Джек решительно убрал солонку. Они сидели, жевали и внимательно следили за лесом. Спустя какое-то время Род тихо сказал:

— Джек, сзади шакал.

— Только шакал?

— Да. Но пора рубить мясо и сматываться. Мы привлекаем внимание. Сколько тебе нужно?

— Заднюю ногу и кусок печени.

— Больше все равно съесть не успеешь. Испортится.

Род принялся рубить ножом задние ноги. Затем вырезал с живота полоску кожи и повесил свою долю на шею.

— Ладно, парень, пока. Держи свой нож. И спасибо за соль.

— Не за что.

— Вкусно было невероятно. Ну пока. Гляди в оба!

— Тебе того же. И удачи!

Род продолжал стоять на месте. Затем почти против своей воли спросил:

— Джек, а ты не хотел бы объединиться, а?

Он тут же пожалел о своем вопросе, вспомнив, как легко ему удалось справиться с этим парнем. Джек прикусил губу и задумался.

— Я... я не знаю.

Род почувствовал себя обиженным: неужели Джек не понимает, что ему оказывают услугу?

— А в чем дело? Ты меня боишься?

— Нет! Я думаю, ты свой человек.

У Рода возникло неприятное подозрение.

— Ты думаешь, я пытаюсь оттяпать у тебя соль?

— А? Бог с тобой. Хочешь, я поделюсь?

— Не надо. Я просто подумал...— Род умолк. Он подумал, что они оба прозевали сигнал к возвращению и ждать предстояло теперь, возможно, очень долго.

— Я не хотел тебя рассердить, Род. Ты прав. Нам нужно объединиться.

— Да ладно. Я как-нибудь выживу.

— Не сомневаюсь. Но давай все-таки объединимся. Договорились?

— М-м-м... Держи.

Скрепив договор рукопожатием, Род сразу взял командование на себя. Никаких дискуссий не было. Он просто сделал это, и Джек согласился.

— Иди первым,— сказал Род,— а я буду прикрывать сзади.

— О'кей. Куда мы идем?

— К тому холму ниже по течению. Там деревья удобные, и ночью там будет лучше, чем здесь. Нужно устроиться засветло, так что идем быстро и без разговоров.

Джек задумался, потом неуверенно спросил:

— О'кей. Но ты решил непременно ночевать на дереве?

Род выпятил губы.

— А ты собираешься провести ночь на земле? Как ты до сих пор выжил?

— Первые две ночи я действительно спал на деревьях,— неторопливо ответил Джек.— Но теперь у меня есть место получше.

— Да? Что за место?

— Что-то вроде пещеры.

Род задумался. Пещера, конечно, может превратиться в ловушку... Но возможность растянуться на ровной земле перевесила все остальные аргументы.

— Взглянуть не помешает, если это нёдалеко.

— Недалеко.

5. НОВАЯ ЗВЕЗДА

Пещера Джека располагалась в одной из отвесных скал, вознесшихся над той самой речкой, где Рода ограбили. В этом месте холмы отгораживали небольшую долину, где в аллювиальных лугах прорезала себе мелкое устье петляющая речка. Вода вымыла в глинистом сланце карман, а сверху его закрывал огромный нависающий над входом обломок известняка. Прямо под пещерой берег был слишком крут, чтобы забраться снизу, сверху мешала глыба известняка, а поток огибал пещеру почти по самому основанию скалы. Чтобы попасть внутрь, приходилось спускаться к воде по соседнему холму выше по течению, затем идти через луг вдоль речки, а дальше по наклонному глинистому берегу, тоже достаточно крутому.

Они взобрались по глиняной горке, протиснулись под нависающим обломком и очутились на твердом сланцевом полу пещеры. Одной стороной она открывалась к реке и уходила далеко в тело скалы, но стоять во весь рост можно было только у самого входа. Дальше приходилось ползти на четвереньках. Джек швырнул внутрь пригоршню гальки и с ножом наготове встал у входа.

— Похоже, никого нет.

Они опустились на четвереньки и поползли.

— Как тебе тут?

— Блеск. Только нужно будет дежурить по очереди. Кто-нибудь может заползти так же, как мы. Пока тебе везло.

— Может быть.— Джек нащупал в полутьме сухие ветки шипастого кустарника и загородил ими вход, уперши концами в потолок.— Это моя сторожевая система.

— Если какая-нибудь тварь тебя учует, это ее не остановит.

— Конечно. Но я проснусь и дам ей отведать камней. У меня тут большой запас. И две сигнальные вспышки.

— Я думал... Ты говорил, у тебя есть ружье.

— Я не говорил, но есть. Однако стрелять в темноте — сам знаешь...

— А здесь нормально. Даже здорово. Похоже, я вовремя с тобой объединился.— Род огляделся.— Ого, у тебя тут и очаг есть!

— Да, пару раз разжигал, но только днем. Сырое мясо так надоедает.

Род глубоко вздохнул.

— Знаю. Как ты полагаешь...

— Уже почти стемнело. Я ни разу не разжигал огонь, когда его могут заметить. Может, лучше поджарим печень на завтрак? С солью.

У Рода потекли слюнки.

— Да, ты прав, Джек. Но очень хочется пить, и пока не стемнело... Может, сходим вместе, чтобы один охранял другого?

— Ни к чему. У меня есть бурдюк с водой. Пей.

Род снова поблагодарил судьбу за то, что она свела его с таким запасливым хозяином. Раздувшийся от воды бурдюк был сшит из шкуры какого-то небольшого зверька, хотя, что это за зверек, Род определить не сумел. Джек выскреб шкурку, но не выдубил, отчего вода пахла не особенно приятно. Однако Род не замечал этого, он напился вдоволь, вытер губы рукой и почувствовал себя совершенно умиротворенным.

Спать они легли не сразу: долго сидели в темноте и сравнивали свои наблюдения. Класс Джека забросили на день раньше, но с такими же инструкциями, и Джек согласился, что срок для сигнала к возвращению давно уже прошел.

— Должно быть, я его пропустил, когда лежал без сознания,— сказал Род.— Я даже не знаю, как долго у меня была высокая температура. Наверно, я чуть не умер.

— Нет, не в этом дело, Род.

— Почему?

— Со мной было все в порядке, и я следил за временем. Никакого сигнала не подавали.

— Ты уверен?

— А как я его мог пропустить? Сирену слышно за двадцать километров. Днем они используют дымовые ракеты, а ночью прожектора,

и по закону, если все не вернутся раньше, это должно продолжаться неделю. Ничего такого и в помине не было.

— Может, мы слишком далеко? Честно говоря... Не знаю, как ты, но я в конце концов заблудился, чего уж тут скрывать...

— Нет. Мы примерно в четырех километрах от того места, где выбросили мой класс. Я даже могу показать тебе, где это. Так что, Род, нужно смотреть правде в глаза: что-то случилось, и теперь не известно, как долго мы тут проторчим,— сказал Джек, потом тихо добавил: — Поэтому-то я и решил, что будет лучше объединиться.

Род обдумал сказанное и решил, что пора рассказать о своей теории.

— Я тоже.

— Да. На несколько дней в одиночку безопаснее, но если мы застряли тут надолго...

— Я так не думаю, Джек.

— Что?

— Ты знаешь, какая это планета?

— Нет. Хотя я думал, конечно. Должно быть, она из совсем новых и очень похожа...

— Я знаю, где мы.

— Да ну? И где же?

— На Земле. На самой Земле.

Джек немного помолчал, потом спросил:

— Ты себя как чувствуешь, Род? У тебя нет температуры?

— Все у меня в порядке. Во всяком случае теперь, когда я наелся досыта и напился. Послушай, Джек, я понимаю, это неожиданно, но тут все сходится. Мы на Земле, и я, кажется, даже догадываюсь, где именно. По-моему, они и не собирались подавать сигнал к возвращению; просто они ждут, когда мы сообразим, где нас выбросили, и выберемся сами. Такой трюк как раз в духе Мастера Мэтсона.

— Но...

— Подожди. Что ты все лезешь, как девчонка? Планета земного типа, так?

— Да, но...

— Дай мне договорить. Звезда класса G. Суточное вращение планеты такое же, как у Земли.

— Нет!

— Я сделал ту же ошибку. Первая ночь мне вообще показалась длиной в неделю. Но на самом деле я просто испугался до посинения, и поэтому ночь тянулась для меня бесконечно. Но теперь-то я уже не сомневаюсь, что суточное вращение то же самое.

— Не то же. По моему хронометру в сутках здесь примерно двадцать шесть часов.

— Когда вернемся домой, лучше отдай свои часы в починку. Ты, должно быть, ударил их об дерево или еще что.

— Но... Ладно, продолжай. Пленка за твой счет.

— Вот смотри. Флора такая же. Фауна такая же. Я знаю, как они это провернули и почему. И куда нас засунули.

— Как это?

— А так. Люди постоянно жалуются, что школьные налоги слишком высоки. Разумеется, держать планетарные ворота открытыми стоит немало, а уран на деревьях не растет. Я их даже понимаю. Но Мастер Мэтсон всегда говорил, что экономить здесь глупо. Да, мол, дорого, но дороже отлично подготовленного исследователя или лидера поселенцев бывает только плохо подготовленный мертвый исследователь или лидер. Как-то раз после занятий он нам сказал, что эти жмоты, сторонники экономии, не раз предлагали проводить экзамены в специально отведенных для этого зонах на Земле. Но Мастер утверждает, что суть выживания во Внеземелье заключается в способности подчинять себе неведомое. Если бы испытания проводились на Земле, кандидаты просто изучали бы земные условия, и только. По его словам, любой бойскаут способен выучить шесть основных климатических зон Земли и запомнить из книг, как и что там следует делать, но было бы преступно называть это «обучением выживанию», а потом забрасывать человека во внеземные условия с его первым же профессиональным заданием. Как он говорит, это то же самое, что научить подростка играть в шахматы, а затем отправлять его драться на дуэли.

— Он прав,— согласился Джек.— Капитан Бенбоу говорил примерно так же.

— Конечно, прав. Мастер даже пообещал, что, если такая политика будет принята за основу подготовки, он заканчивает год и уходит. Но я думаю, его перехитрили.

— Каким образом?

— А очень просто. Мастер забыл, что любое окружение кажется неведомым, когда не знаешь, где находишься. И они сделали так, чтобы мы ничего не узнали. Первым делом послали нас на Луну — там ворота открыты постоянно, так что ничего лишнего никто не тратил. А мы, разумеется, решили, что нас отправляют куда-то далеко. Кроме того — это опять же подействовало — никто не ожидал, что нас выбросят при той же самой силе тяжести, а они именно это и сделали: вернули нас на Землю. Если ты спросишь куда, то я думаю, в Африку. Видимо, через лунные ворота нас связали с «Уитоутерстрэндом» под Иоганнесбургом, а там уже все было готово, чтобы перебросить нас в буш. Может быть, это мемориальный парк Чаки или еще какой-нибудь заповедник. Все сходится. Множество травоядных, похожих на антилоп и оленей, хищники — я даже видел два раза львов и...

— Ты их *видел?*

— Во всяком случае, они очень похожи, а точно я скажу, когда у меня будет возможность снять с такого зверя шкуру. Но это не все. Небо могло их выдать, особенно Луна, и они организовали плотный облачный покров. Готов спорить, где-нибудь не очень далеко работают климатические генераторы. И напоследок нам подбросили еще одну хитрость. Тебя предупреждали насчет стоборов?

— Да.

— А ты их видел?

— Честно говоря, я даже не знаю, что это такое.

— Вот и я не знаю. И думаю, никто не знает. Спорить готов, что стобор это выдуманное «пугало» — специально, чтобы нам было чем занять мысли. На Земле нет никаких стоборов, значит, мы где-то еще. Такой трюк подействовал бы даже на такого недоверчивого типа, как я. Собственно говоря, и подействовал. Я, признаться, выбрал какую-то неизвестную мне тварь и окрестил ее стобором — как они и планировали.

— Выглядит логично, Род.

— Еще бы! Когда понимаешь, наконец, что это Земля,— Род похлопал ладонью по полу,— и что они хотели скрыть это от нас, все сразу становится на свои места. Теперь нам нужно сделать вот что... Я собирался в одиночку, но с такой рукой не очень-то попутешествуешь, а теперь мы можем идти вдвоем, пока с тобой тоже чего-нибудь не случилось. План у меня такой. Я думаю, мы в Африке или,

может быть, в Южной Америке — короче, где-нибудь в тропиках. Это в общем-то неважно. Нам надо просто идти вниз по течению, ну и разумеется, держаться настороже: здесь можно умереть так же легко, как во Внеземелье. Не знаю, сколько времени нам потребуется — неделя, месяц,— но рано или поздно мы дойдем до какого-нибудь моста. А дальше пойдем по дороге, пока не найдем людей. Добравшись до поселения, свяжемся с властями, и нас отправят домой. Заодно получим зачеты по выживанию. Все очень просто.

— Слишком просто,— медленно произнес Джек.

— Не беспокойся, всяких неприятностей по дороге будет достаточно. Но теперь мы знаем, что делать, и нам это по силам. Я не хотел спрашивать сразу, но у тебя хватит соли, чтобы заготовить несколько килограммов копченого мяса? Если нам не придется охотиться каждый день, мы сможем двигаться очень быстро. А может, ты прихватил немного приправы для быстрого копчения?

— Прихватил, но...

— Отлично!

— Подожди, Род. Ничего не выйдет.

— Почему? Мы ведь партнеры?

— Успокойся. Все, что ты говорил, логично, но...

— Какие тогда «но»?

— Все логично, но все неверно.

— В смысле? Послушай Джек...

— Нет, это ты теперь послушай. Я тебе дал высказаться.

— Но... Ладно, что ты имеешь в виду?

— Ты сказал, что небо их могло выдать, и поэтому они, мол, напускают облака.

— Ну да. Так они, очевидно, и делают. Во всяком случае, по ночам. Естественные погодные условия их сразу выдают...

— Я тебе хочу, сказать, что «они» себя уже выдали. Облачно было не каждую ночь, хотя ты, возможно, ночевал в глухом лесу и просто не заметил. Но я видел небо, Род. Видел звезды.

— И что?

— Это не наши звезды, Род. Извини.

Род закусил губу.

— Может, ты плохо знаешь южные созвездия? — предположил он.

— Южные созвездия я запомнил раньше, чем научился читать. Это чужие звезды, Род. Я знаю, что говорю. В той стороне, где

садится солнце, ночью появляется пятиугольник из очень ярких звезд — ничего подобного с Земли не увидишь. Да и Луну, если бы она появилась, узнал бы любой.

Род попытался вспомнить, в какой фазе должна быть Луна, но бросил это дело, потому что не знал точно, сколько прошло времени.

— Может, она еще не взошла?

— Не может. Я не видел нашу Луну, но зато видел *луны*... Две луны, маленькие и очень быстрые, как спутники Марса.

— Надеюсь, ты не станешь утверждать, что это Марс,— неодобрительно произнес Род.

— Что я, по-твоему, рехнулся? Кроме того, звезды выглядят с Марса так же, как и с Земли. Боже, Род, о чем мы говорим? Когда садилось солнце, небо почти очистилось — давай выползем и посмотрим. Уж своим-то глазам ты поверишь?

Род не стал спорить и последовал за Джеком. Из пещеры не было видно вообще ничего, кроме темных силуэтов деревьев на противоположном берегу, но с края каменного уступа просматривался кусочек неба. Род посмотрел вверх и моргнул.

— Осторожней. Не свались в воду,— предостерег Джек.

Род промолчал. Между нависающей глыбой известняка и верхушками деревьев светился рисунок из шести ярких звезд: неровный пятиугольник и одна звезда в центре. Очень заметное созвездие, которое так же невозможно спутать с чем-то другим, как видимые с Земли семь звезд Большой Медведицы. И без диплома по астрографии было понятно, что на Земле этого созвездия никто никогда не видел.

Стройные логические построения Рода рухнули. Он чувствовал себя потрясенным и одиноким. Деревья за рекой вдруг снова стали угрожающе чужими. Он повернулся к Джеку и уже без всякого гонора сказал:

— Убедил. Что мы теперь будем делать?

Джек не отвечал.

— Что делать-то? — переспросил Род.— И что мы тут стоим?

— Род,— произнес Джек,— вот той звезды в центре пятиугольника раньше не было.

— Как это? Ты должно быть, просто забыл.

— Нет, я уверен. Знаешь что, Род? Мы с тобой видим *новую* звезду.

От этого научного открытия Род не испытал никакой радости. Мысли его занимало другое: ломался мир, тот, каким он его себе

представлял, и какая-то там взорвавшаяся звезда большого впечатления на него не произвела.

— Может, это одна из твоих лун?

— Ни в коем случае. Они больше и отчетливо видны в форме диска. Я тебе говорю, новая! По-другому и быть не может. Ты только подумай, какая удача!

— Какая еще удача? — расстроенно переспросил Род.— Нам от этого никакого прока. До нее, наверно, светолет сто, не меньше.

— Да, но неужели тебя это не трогает?

— Нет.

Род пригнулся и заполз в пещеру. Джек взглянул на небо еще раз и последовал за ним. Оказавшись внутри, они долго молчали. Род — явно обиженно. Наконец Джек сказал:

— Пожалуй, я ложусь.

— Просто не понимаю, где я ошибся,— откликнулся Род невпопад.— Вроде бы все было так логично.

— Не морочь себе голову,— посоветовал Джек.— Мой инструктор по аналитике говорит, что логика — это просто тавтология. С помощью логики не узнаешь ничего такого, чего не знал раньше.

— Тогда какой в ней смысл?

— Спроси что-нибудь полегче. Ладно, напарник, я спать хочу — умираю. Давай ложиться.

— Ладно. Но, Джек, если это не Африка — а я должен признать, что это действительно так,— то что нам делать? Получается, нас здесь просто *бросили*?

— Что значит «что делать»? То же, что и раньше: есть, спать, оставаться в живых. Это наверняка зарегистрированная планета. Если мы продержимся, кто-нибудь обязательно здесь появится. Может, просто нарушилась подача энергии к воротам, и завтра нас отсюда заберут.

— В таком случае...

— В таком случае хватит болтать и давай спать.

6. «Я ДУМАЮ, ОН МЕРТВ»

Проснулся Род от заполнившего пещеру божественного аромата. Он перекатился на живот, заморгал от льющегося под навес яркого света и с некоторым усилием вспомнил, где он и что произошло

днем раньше. Джек сидел на корточках у маленького костра на краю каменного уступа. Пахло жаренной на огне печенкой.

Род встал на колени и обнаружил, что мышцы у него по-прежнему ломит от усталости: во сне он снова сражался со стоборами. На этот раз в ночных кошмарах ему явились пучеглазые чудовища, вполне уместные на планете, неожиданно ставшей чужой и много опаснее, чем казалась. Однако он все же выспался, а когда с утра так восхитительно пахнет жареным мясом, никакие ночные ужасы не могут испортить настроение.

Джек поднял глаза.

— Я уж думал, ты проспишь весь день. Иди почисти зубы, причешись, прими душ и давай к столу. Завтрак готов.— Потом он снова взглянул на Рода и добавил: — Можешь еще и побриться.

Род улыбнулся и потрогал рукой подбородок.

— Ты *просто* завидуешь моей щетине, мальчишка. Подожди, через год или два и ты поймешь, какое это мучение. Бритье, простуда и налоги, как говорит мой отец, это три вечные проблемы, с которыми человечество, похоже, никогда не справится.— При мысли о родителях у Рода вдруг зашевелилась совесть: он даже не мог вспомнить, когда думал о них в последний раз.— Чем-нибудь помочь?

— Садись, бери соль. Этот кусок — тебе.

— Давай поделим.

— Ешь и не спорь. Я себе еще сделаю.

Род взял у Джека дымящийся, обугленный кусок печени — пришлось перекидывать его из руки в руку и дуть. Он поискал глазами соль. Джек в это время резал второй кусок. Взгляд Рода скользнул дальше и тут же вернулся.

В руках у Джека был «Полковник Боуи».

Среагировал Род мгновенно. Стремительным движением он схватил Джека за запястье.

— Ты украл мой нож!

Джек застыл.

— Род... ты с ума сошел?

— Ты меня оглушил и украл мой нож!

Джек даже не сделал попытки освободиться..

— Ты еще не проснулся, Род. Твой нож у тебя на поясе. Это другой нож... Мой.

Не опуская глаз, Род сказал:

— На поясе — это «Леди Макбет». А тот, которым ты режешь мясо,— «Полковник Боуи», *мой* нож.

— Отпусти руку.

— Брось нож!

— Род... ты, наверно, сможешь заставить меня бросить нож. Ты сильнее и уже держишь меня за руку. Но вчера мы с тобой объединились. Если ты сейчас же меня не отпустишь, наш договор не в счет. Тебе, видимо, придется убить меня... Потому что, если ты этого не сделаешь, я тебя рано или поздно выслежу. Я буду следить за тобой, пока не застану спящим. И тогда тебе конец.

Не сводя друг с друга глаз, они застыли над костром. Род тяжело дышал и пытался осмыслить, что же произошло. Улики были против Джека. Но неужели этот маленький поганец шел за ним по следу, а затем оглушил и ограбил? Выходило, что так...

Но почему-то не верилось. В конце концов Род решил, что расправится с Джеком, если рассказ покажется ему лживым, и отпустил его руку.

— Ладно,— сказал он,— как у тебя оказался мой нож?

— Это не бог весть какая история,— ответил Джек, продолжая резать печенку,— и я по-прежнему не уверен, что это *твой* нож. Собственно говоря, он и не мой тоже — мой ты видел. А этот я использую в качестве кухонного. У него балансировка неважная.

— У «Полковника Боуи»? Балансировка? Да это самый лучший метательный нож на свете!

— Ты будешь слушать или нет? Я нашел в зарослях одного парня — еще немного, и на него набросились бы шакалы. Не знаю, кто его прикончил — может быть, и стобор,— но он был наполовину съеден и весь изорван когтями. Однако лицо его осталось нетронутым, и я уверен, что он не из моего класса. У него была «Молния» и...

— Подожди. Ружье?

— Ну я же сказал. Видимо, он пытался им воспользоваться, но ему не повезло. Короче, я взял, что можно,— этот нож и еще кое-какое снаряжение. Могу тебе показать. «Молнию» я оставил: энергоблок был разряжен, а без него это просто металлолом.

— Джек, посмотри мне в глаза. Ты не лжешь?

— Я могу отвести тебя к этому месту,— сказал Джек, пожимая плечами.— От того парня, видимо, мало что осталось, но «Молния» наверняка там.

Род протянул руку.

— Извини. Я поторопился с выводами.

Джек взглянул на него, но руки не подал.

— Я думаю, партнер из тебя неважный, так что лучше нам поставить здесь точку. Мы квиты.— Нож перевернулся в воздухе и упал рукояткой на ногу Рода.— Забирай свой тесак и проваливай.

Род оставил нож лежать на земле.

— Не обижайся, Джек. Я в самом деле ошибся.

— Я знаю, что это ошибка. Но ты меня заподозрил, и я вряд ли когда смогу тебе доверять.— Джек помолчал, затем добавил: — Доедай и отваливай. Так будет лучше.

— Джек, но мне право жаль, что так вышло. Я прошу прощения. Тут любой бы ошибся: ты ведь еще не слышал мой рассказ.

— Но ты даже не подождал, чтобы выслушать *мой*!

— Я был не прав, я же признал.— Род торопливо рассказал, как он остался совсем без снаряжения.— ... и естественно, увидев, что «Полковник Боуи» у тебя, я решил, что это твоих рук дело. Тут все было логично, нет?

Джек промолчал, но Род не отставал:

— Ну скажи, разве нет?

— Опять ты со своей логикой,— неохотно произнес Джек.— Она тебе слишком часто ударяет в голову. Не лучше ли было сначала подумать, а?

Род покраснел, но промолчал.

— Если бы я стащил твой нож,— продолжил Джек,— разве б я тебе его показал? Или если уж на то пошло, согласился бы я в таком случае стать твоим партнером по выживанию?

— Видимо, нет, Джек. Я действительно сделал поспешные выводы и не сдержался.

— Капитан Бенбоу всегда говорил, что поспешными выводами и несдержанностью можно заплатить за билет на кладбище,— произнес Джек строго.

— Мастер Мэтсон тоже говорил что-то в таком духе.— Род виновато улыбнулся.

— Похоже, они оба правы. Ладно, давай начнем все сначала. Даже собаке позволяется укусить хозяина один раз — но только один.

Род поднял взгляд и увидел перед собой грязную ладонь Джека.

— Ты хочешь сказать, что мы снова партнеры?

— Давай руку. Выбирать нам особенно не приходится.

Они с серьезным видом пожали друг другу руки, после чего Род подобрал «Полковника Боуи», еще раз взглянул на него и протянул рукояткой вперед Джеку.

— Видимо, он теперь твой.

— А? Нет. Пусть лучше он будет у тебя.

— Почему? Он достался тебе честно.

— Не валяй дурака, Род. У меня есть «Синяя борода» — в самый раз для меня.

— Он — твой. У меня есть «Леди Макбет».

Джек сдвинул брови.

— Мы ведь партнеры, так?

— Да, конечно.

— Значит, у нас все общее. «Синяя борода» принадлежит и тебе, и мне. И «Полковник Боуи». Но ты к нему приноровился, так что для нас обоих будет лучше, если нож останется у тебя. Твоей заумной логике это как — не противоречит?

— Э-э-э...

— Ну тогда заткнись и ешь. Давай я тебе еще кусок отрежу. Этот уже остыл.

Род подобрал обгоревший кусок печени, отряхнул с него пыль и пепел.

— Нет, он еще ничего.

— Выкинь его в реку и возьми который погорячей. Печень все равно долго не пролежит.

Накормленный и согретый ощущением, что у него есть друг, Род растянулся после завтрака на каменном уступе и вперил взгляд в небо. Джек загасил костер и выбросил остатки завтрака в реку. Недоеденный кусок печени еще не коснулся воды, как оттуда высунулась в стремительном броске какая-то тварь и схватила его на лету. Джек повернулся к Роду.

— Так. Чем мы сегодня займемся?

— М-м-м... До завтра мяса у нас хватит. Так что сегодня охотиться не нужно.

— С тех пор как я нашел эту пещеру, я охочусь через день. На второй день мясо даже лучше, но на третий — фу-у!

— Согласен. А чем ты хочешь заняться?

— Не знаю. Надо подумать. Для начала можно сходить купить молочные коктейли — в больших стаканах, густые, с шоколадом. Или фруктового салата. А еще лучше, и то и другое. Сначала я съем...

— Прекрати, а то у меня сердце не выдержит!

— Затем я приму ванну, разоденусь в пух и прах, смотаюсь в Голливуд и посмотрю парочку фильмов. Тот супербоевик с Дирком Мэнли в главной роли, а после что-нибудь приключенческое. Потом еще один молочный коктейль — на этот раз клубничный, а потом...

— *Заткнись!*

— Ты сам спросил, чем я хочу заняться.

— Да, но я имел в виду — в рамках возможного.

— Что ж ты сразу не сказал? Или по-твоему тут все «логично» и должно быть понятно сразу? Я думал, ты всегда действуешь в соответствии с логикой.

— Ну что ты ко мне пристал? Я же извинился.

— Да, извинился,— с мрачной ухмылкой признал Джек,— однако я еще не истратил весь накопленный яд.

— Ты часом не из тех, кто любит ворошить прошлое?

— Только тогда, когда ты этого меньше всего ожидаешь. Но если серьезно, Род, я думаю, надо идти сегодня охотиться.

— Ты же сам согласился, что это подождет до завтра. Лишний раз убивать ни к чему, да и опасно.

— Я думаю, надо поохотиться на людей.

Род приставил ладонь к уху.

— Еще раз...

— Я думаю, что сегодня нам надо поохотиться на людей.

— Да? От скуки я, конечно, готов на все. Только что мы будем с ними делать? Скальпировать или просто кричать: «Готов! Мы тебя убили!»?

— В скальпировании больше прока... Род, как по-твоему, сколько мы здесь проторчим?

— А? Мы уже знаем, что с возвратом вышла накладка. По твоим словам, мы здесь уже три недели... Мне казалось, что дольше, но я не делал зарубок. Следовательно...

— Что «следовательно»?

— Следовательно, ничего. Может, у них какие-нибудь технические неполадки, которые они устранят уже сегодня, и нас вернут домой. А может, Мастер Мэтсон и его коллеги, любители приключений, решили, что будет очень здорово удвоить срок проверки, ничего не сообщив нам. В конце концов, может, далай-лама приказал бомбить иноверцев, и вместо ворот теперь радиоактивные развалины. Или прилетели трехголовые змеелюди из Малого Магелланова облака и взяли ситуацию в свои руки — как они это понимают. Может, мы здесь навсегда.

Джек кивнул.

— Это я и имею в виду.

— Так сразу? Пока ясно только то, что про нас забыли.

— Род, группа из двух человек хороша на несколько недель. Но представь себе, что ожидание растянется на месяцы. Представь, что кто-то из нас сломал ногу. И даже если ничего такого не случится, надолго ли мы, по-твоему, в безопасности с этой сторожевой системой из сухих веток? Нам нужно перегородить тропу, чтобы забираться сюда можно было только по веревочной лестнице, которую будет сбрасывать постоянный дежурный. Нужно найти соль, подумать о том, как выдубить шкуры, и много чего еще — кстати, этот мой бурдюк уже попахивает. На долгий срок нам нужно как минимум четыре человека.

Род в задумчивости почесал свои выпирающие ребра.

— Знаю. Я об этом еще вчера думал, после того как ты разгромил мою оптимистическую теорию, но я ждал, когда ты сам об этом заговоришь.

— Почему?

— Это твоя пещера. У тебя тут и снаряжение, и ружье, и лекарства, и еще, наверно, много всякого, чего я не видел. У тебя есть соль. А у меня только нож — теперь, благодаря тебе, два ножа. Хорош бы я был, предложив поделить все это на четверых.

— Мы же одна команда, Род.

— М-м-м... верно. И мы оба считаем, что команда будет сильнее, если мы завербуем парочку рекрутов... Сколько там всего народа,

по-твоему? — спросил он, махнул рукой в сторону зеленой стены за рекой.

— В моей группе допущены были семнадцать парней и одиннадцать девчонок. Капитан Бенбоу сказал, что в этой зоне испытаний будет четыре группы.

— Мастер нам даже этого не сказал. Но из нашего класса прошло человек двадцать.

— Значит, тут всего человек сто,— задумчиво произнес Джек.

— Если не учитывать потери.

— Если не учитывать потери. Примерно две трети ребят и одна треть девчонок. Выбор большой, если мы сумеем их отыскать.

— Только давай обойдемся без девчонок, Джек.

— А что ты против них имеешь?

— Я? Ничего. На пикнике им цены нет или, скажем, долгими зимними вечерами. Я обеими руками за прекрасную половину. Но в таких вот переделках они — чистая отрава.

Джек промолчал, и Род продолжил:

— Сам подумай. Ну появится у нас тут такая милашка, и в пещере сразу будет больше проблем, чем там, снаружи, со всеми этими стоборами и прочей нечистью. Ссоры, сцены ревности, а то, глядишь, кто-нибудь из парней еще и соперника из-за нее пырнет. Нам и без того проблем хватает.

— Ну хорошо,— задумчиво произнес Джек,— предположим, мы кого-то встретили, и оказалось, это девчонка. Как ты собираешься поступить? Снять шляпу и сказать: «Прекрасный день, мадам, не правда ли? Но теперь отвалите и не мешайтесь»?

Род вычертил на рассыпанном пепле пятиугольник, поставил в центре еще одну звезду, затем стер рисунок ногой.

— Не знаю,— медленно ответил он.— Будем надеяться, что наберем команду раньше, чем столкнемся с такой проблемой. Может, они сами объединятся.

— По-моему, нам надо продумать свою политику в этом вопросе заранее.

— Я — пас. А то ты опять обвинишь меня в пристрастии к логике. У тебя есть какие-нибудь соображения, как искать остальных?

— Пожалуй. Кто-то еще охотится выше по течению.

— Да? Ты его знаешь?

— Я видел его только издалека, и он не из моего класса. На полголовы ниже тебя, светлые волосы, светлая кожа, но он здорово обгорел на солнце. Кого-нибудь напоминает?

— Трудно сказать,— ответил Род, взволнованно подумав, что описание и в самом деле кого-то напоминает.— Может, пойдем посмотрим, вдруг удастся его выследить?

— Я могу отдать его тебе со всеми потрохами. Но я не уверен, что нам нужен именно такой человек.

— Почему? Если он протянул до сих пор, он должен что-то соображать.

— Честно говоря, я не понимаю, как ему это удалось. Движется он так, что за километр слышно, и уже неделю живет на одном и том же дереве.

— В этом тоже есть свой смысл.

— Да, но только если не кидаешь кости и объедки под своим же деревом. Меня именно шакалы на его жилище и навели.

— М-м-м... да. Но если он нам не понравится, мы можем его и не приглашать.

— Договорились.

Перед выходом Джек порылся в темном углу пещеры и извлек оттуда сложенную веревку.

— Род, может быть, это твоя?

Род внимательно осмотрел веревку.

— Во всяком случае, такая же, как была у меня. А что?

— Я ее нашел там же, где и «Полковника Боуи». Если не твоя, все равно возьми — пригодится.

Джек достал еще моток веревки и обмотал ее вокруг бронежилета. Род подумал, что он, должно быть, так и спал, но промолчал. Если Джек считает такую защиту важнее подвижности, его дело. Каждому — по его привычкам, как говаривал Мастер.

Дерево стояло на небольшой поляне, но Джек провел Рода через кусты, подходившие близко к стволу, и последние несколько десятков метров они пробирались ползком. Джек пригнул голову Рода поближе и прошептал на ухо:

— Если мы пролежим тут часа три или четыре, я готов спорить, он обязательно или слезет с дерева, или появится из леса.

— О'кей. Следи за тылом.

Они пролежали около часа, но ничего не произошло. Род старался не замечать крошечных кусачих мушек, вьющихся вокруг.

Он бесшумно поменял позу, чтобы не затекали руки и ноги и с трудом подавил чих. Наконец он решил позвать Джека.

— Что случилось?

— Вот там из дерева растут две толстые ветки. Это и есть его «гнездо»?

— Может быть.

— Видишь? Рука торчит.

— Где?.. Кажется, да. Но, возможно, это просто ветка.

— По-моему, все-таки рука, и я думаю, он мертв. С тех пор как мы пришли, рука ни разу не шевельнулась.

— Спит?

— Спящий человек обычно не лежит так долго в одной позе. Я хочу влезть посмотреть. Ты меня прикроешь. Если рука пошевелится, кричи.

— Может, не стоит так рисковать, Род?

— Смотри в оба! — распорядился Род и пополз вперед.

Как Род и предположил, едва услышав рассказ Джека, рука принадлежала Джимми Трокстону. Он не умер, но был без сознания, и Роду никак не удавалось привести его в чувство.

Джимми лежал в своем наполовину искусственном гнезде, и одна его рука свешивалась вниз. Род заметил, что он срезал мелкие ветки — и между двумя сучьями и стволом дерева получилось что-то наподобие гамака.

Спустить его на землю оказалось не так-то легко: весил Джимми примерно столько же, сколько и Род. Он продел веревку у Джимми под мышками и перекинул ее через сук, чтобы она стравливалась помедленнее, но сложнее всего было вытащить Джимми из его неопрятного гнезда и при этом не уронить.

На полпути вниз живой груз застрял, и Джеку пришлось подняться по стволу, чтобы его высвободить. Но в конце концов, изрядно попотев, они справились, и, оказавшись на земле, Джимми все еще дышал.

Роду пришлось нести своего друга до самой пещеры. Джек предложил делать это по очереди, но Джимми был явно слишком тяжел для него. Род только прикрикнул на Джека, чтобы тот прикрывал их со всех сторон: если бы не ровен час появился псевдолев, сам он мало чем мог помочь.

Хуже всего оказалось взбираться к пещере по крутому берегу из осыпающегося сланца. Род и без того уже выдохся — он больше километра тащил на себе обмякшее тяжелое тело по пересеченной местности — и перед подъемом пришлось немного передохнуть.

— Не урони его в воду! А то уже нечего будет вылавливать. Я видел...— озабоченно произнес Джек.

— Сам знаю. Обойдусь без дурацких советов.

— Извини.

Наконец он пополз вверх. Страшно было и за Джима, и за себя. Род не знал, что за твари живут в реке, но он не сомневался, что сожрут их мгновенно. Когда он добрался до нависающей известняковой глыбы, пришлось совсем согнуться, чтобы попасть на каменный уступ, но даже так Род почувствовал, что его ноша цепляется за край и сползает назад.

Джек помог ему удержаться на месте, затем протолкнул дальше. Оказавшись в безопасности на каменном уступе, они повалились наземь. Род едва дышал и никак не мог унять дрожь в натруженных мышцах.

Они уложили Джимми на спину, и Джек проверил у него пульс.

— Быстрый, но слабый. Наверно, он не выкарабкается.

— Какие у тебя есть лекарства?

— Два вида неосульфатов и вердомицин. Но я не знаю, что ему давать.

— Давай все три и молись.

— А вдруг у него аллергия на какое-нибудь из них?

— У него сейчас аллергия на смерть, а это гораздо серьезнее. Температура поднялась, наверное, за сорок. Так что давай.

Род приподнял Джимми за плечи и ущипнул за мочку уха, а когда тот пришел в сознание, Джек запихал ему в рот таблетки и заставил запить водой. Теперь оставалось только ждать.

Всю ночь они дежурили около больного по очереди. К утру температура спала, Джим очнулся и попросил пить. Род снова приподнял его, а Джек поднес к пересохшим губам бурдюк. Джимми напился воды и опять уснул.

Они решили ни в коем случае не оставлять Джима одного, поэтому Джек оставался ухаживать за больным, а Род каждый день ходил на охоту, стараясь добыть что-нибудь понежнее, чтобы с мясом мог

управиться и их ослабевший подопечный. Уже на вторые сутки Джим мог говорить, не засыпая посреди фразы. Во второй половине дня Род вернулся с тушкой небольшого зверька, напоминающего гибрид кошки и кролика. Джек как раз шел ему навстречу с пустым бурдюком.

— Привет.

— Привет. Я вижу, тебе повезло. Слушай, Род, будешь его свежевать, поосторожней со шкурой. Нам нужен новый бурдюк. Там не очень много порезов?

— Совсем нет. Я убил его камнем.

— Отлично!

— Как наш пациент?

— Выздоравливает не по дням, а по часам. Я сейчас вернусь.

— Давай посторожу тебя, пока ты наберешь воды.

— Не надо, я буду осторожен. Иди к Джиму.

Род поднялся наверх, положил добычу на каменный уступ и пролез в пещеру.

— Как ты тут?

— Шикарно. Думаю, что поборю тебя в двух случаях из трех.

— На следующей неделе. Джек заботится?

— Еще как! Слушай, Род, я просто не знаю, как вас благодарить! Если бы не вы...

— Не знаешь, так и не надо. И не за что меня благодарить. А Джек — мой партнер, так что все нормально.

— Джеку цены нет!

— Да, отличный парень. Лучше не бывает. Мы с ним здорово ладим.

Джим посмотрел на него с удивлением, открыл было рот и тут же закрыл.

— В чем дело? — спросил Род.— Тебя укусил кто? Или тебе опять нехорошо?

— Как ты сказал про Джека? — медленно произнес Джим.

— А? Я сказал, что лучше не бывает. Мы с ним теперь — одна команда. Отличный парень.

Джимми Трокстон посмотрел на него с сомнением и спросил:

— Род... Ты от рождения такой дурной? Или после поглупел?

— А что такое?

— Джек — *девчонка*.

7. «НАДО БЫЛО ХОТЬ ПИРОГ ИСПЕЧЬ»

Молчание тянулось долго.

— Закрой рот,— сказал наконец Джим,— а то кто-нибудь залетит.

— Джимми, ты, похоже, еще не в себе.

— Может, я еще болен, но не настолько, чтобы не отличить девчонку от парня. Когда со мной такое случится, я буду уже не болен, а мертв.

— Но...

— Спроси ее сам.— Джимми пожал плечами.

На пол упала тень. Род обернулся и увидел, что Джек уже на каменном уступе.

— Свежая вода, Джим!

— Спасибо,— ответил Джим и посмотрел на Рода.— Давай, спроси.

Джек перевел взгляд с одного на другого.

— Что за безмолвная сцена? Что ты на меня так смотришь, Род?

— Джек,— медленно произнес Род.— Как тебя зовут?

— А? Джек Доде. Я же тебе говорил.

— Нет. Полное, настоящее имя.

Джек снова перевел взгляд с Рода на ухмыляющуюся физиономию Джимми, потом обратно.

— Мое полное имя... Жаклин Мари Доде. Если тебе это так важно. А что?

Род сделал глубокий вздох.

— Жаклин,— произнес он, словно оценивая имя на слух.— Я не знал...

— Так и было задумано.

— Я... Слушай, если я сказал что-нибудь такое... в общем, тебя обидел — так я не имел в виду ничего плохого...

— Успокойся, ты ничего обидного не говорил, медведь ты этакий. Разве что про свой нож.

— Я не хотел.

— Или ты имеешь в виду, что «все девчонки — чистая отрава»? А тебе не приходило в голову, что про парней можно сказать то же самое? Нет, конечно, не приходило. Но раз ты теперь все знаешь, то, может, оно и к лучшему. Теперь нас уже трое.

— Но, Жаклин..

— И, пожалуйста, зови меня «Джекки».— Она передернула плечами.— Теперь, когда вы оба знаете, мне не нужно будет носить этот чертов панцирь. Отвернитесь.

— Э-э-э...— Род отвернулся. Джимми перекатился на бок, лицом к стене.

— О'кей,— послышалось через минуту.

Род обернулся. В рубашке и брюках, без бронежилета, ее плечи были гораздо уже, а сама она изящнее и очень неплохо сложена. Жаклин сидела на полу и отчаянно чесала грудь и спину.

— С тех пор как я тебя встретила, Род Уокер, я даже не могла по-человечески почесаться,— сказала она с упреком.— Иногда я просто умирала.

— Никто не заставлял тебя носить эту штуковину..

— А представь, если бы я ее не носила. Ты бы захотел быть со мной в одной команде?

— Э-э-э... ну я... в общем-то...— Род умолк.

— Вот видишь.— Неожиданно на ее лице отразилось беспокойство.— Мы все еще партнеры?

— Что? Разумеется!

— Тогда давай снова пожмем друг другу руки. И Джиму тоже. Ты согласен, Джим?

— Спрашиваешь!

Три правые руки сошлись в рукопожатии, Джекки накрыла их левой рукой и торжественным тоном произнесла:

— Все за одного!

Род достал левой рукой «Полковника Боуи» и положил плашмя на сцепленные руки.

— И один за всех!

— Налоги делим на троих,— добавил Джимми.— У нотариуса заверять будем?

Глаза у Жаклин заблестели от слез.

— Джимми Трокстон,— произнесла она многообещающим тоном,— когда-нибудь я заставлю тебя воспринимать жизнь всерьез!

— Я и так воспринимаю ее всерьез,— возразил он.— Не хочется только, чтобы и она воспринимала меня так же. Когда рождаешься заново, грех не порадоваться.

— Мы все, считай, родились по второму разу,— сказал Род.— Но сейчас помолчи. Ты и так слишком много болтаешь.

— Смотри, как заговорил! А сам-то что?

— Во всяком случае, не стоит смеяться над тем, что говорит Жаклин. Она для тебя очень много сделала.

— Кто же спорит!

— Тогда...

— Никаких «тогда»! — резко сказала Жаклин.— Меня зовут Джекки, Род. Забудь о Жаклин. Если вы начнете сейчас проявлять галантность, у нас будет полный набор всех тех проблем, о которых ты меня предупреждал. Если я правильно помню, ты сказал «чистая отрава».

— Но было бы только логично...

— Опять ты со своей логикой! Давай займемся практической стороной дела. Помог бы мне лучше сделать новый бурдюк.

На следующий день Джим уже взял на себя заботы по «дому», а Джекки и Род ушли на охоту вместе. Джим тоже хотел пойти, но наткнулся на двойной запрет. Охота втроем давала не бог весть сколько преимуществ, зато вдвоем у них получалось отлично: теперь им не приходилось выжидать в засаде по нескольку часов, и дело было лишь за тем, чтобы найти добычу. Джекки загоняла зверя, а Род его приканчивал. Они выбирали животное где-нибудь на краю стада, Джекки подкрадывалась с другой стороны и спугивала его обычно прямо на Рода.

Охотились они по-прежнему с ножами, хотя Джекки выбрала хорошее оружие для выживания в примитивных условиях — пневматическое ружье, стреляющее ядовитыми стрелками. Поскольку стрелки можно было находить и снова заряжать ядом, ружье могло служить практически вечно. Именно по этой причине Джекки выбрала его, а не огнестрельное или энергетическое оружие.

Роду оно очень понравилось, но тем не менее он решил не брать ружье на охоту.

— Давление может упасть, и в нужный момент оно вдруг подведет.

— Такого ни разу не случалось. Да и перезарядить его — одна секунда.

— Хорошо... Но если мы начнем пользоваться ружьем, рано или поздно мы потерям последнюю стрелку, и может так случиться, что именно тогда оно нам особенно понадобится. Возможно, мы здесь надолго, так что давай оставим его про запас, а?

— Как скажешь, Род.

— Почему это? У нас у всех равное право голоса.

— Нет. Мы с Джимми уже говорили об этом, и он согласен: кто-то должен быть главным.

Охота занимала у них около часа каждый второй день. Остальное время уходило на поиски новых партнеров: они поделили местность на квадраты и прочесывали их очень старательно. Однажды им удалось спугнуть стервятников с добычи, которую, похоже, кто-то разделывал ножом. Род и Джимми шли по следу — по человеческому следу, как они убедились,— но из-за темноты им пришлось вернуться в пещеру. Наутро они попытались отыскать след снова, но безуспешно: ночью прошел сильный дождь.

В другой раз они нашли остатки костра, но Род решил, что ему по крайней мере дней десять.

Как-то через неделю, которая прошла в бесплодных поисках, они вернулись домой не так поздно. Джимми оторвал взгляд от костра.

— Как успехи в переписи населения?

— И не спрашивай,— Род устало опустился на каменный пол.— Что у нас на обед?

— Сырое мясо, жареное мясо и горелое мясо. Я пытался запечь немного в мокрой глине, но получилась только отлично обожженная глина.

— И на том спасибо.

— Джим,— сказала Джекки,— нужно попробовать сделать глиняные горшки.

— Я уже пробовал. С первой попытки получил огромную трещину. Но я еще научусь. Послушайте-ка, дети мои,— продолжил он,— а вам не кажется, что вы ищете людей не тем способом?

— Почему не тем?— спросил Род.

— Ну, если вам хочется физических упражнений, то все нормально. Вы носитесь по всей округе, потеете, но результатов никаких. Может, лучше будет, если они сами нас разыщут?

— Каким образом?

— Можно подать дымовой сигнал.

— Мы уже думали об этом. Но нам не нужен кто угодно, и сообщать всем подряд, где мы живем, тоже ни к чему. Нам нужны люди, с которыми мы станем сильнее.

— Вот это как раз и есть то, что инженеры называют «ошибочным критерием». *Если вы задумали поймать в лесу человека, для которого лес что дом родной, то сколько б вы не гонялись по тропам, вам его никогда не найти.* А *он* вас найдет запросто, пока вы ломитесь через кустарник, расшвыривая камни, ломая ветки и распугивая птиц. Он может даже проследить за вами и понять, что вам нужно, но, если ему не захочется самому, *вы его* никогда не найдете.

— Род, в этом что-то есть,— сказала Джекки.

— *Тебя* мы нашли достаточно легко,— заметил Род Джиму.— Может, ты сам не тот тип, что нам нужен.

— Я просто был не в форме,— ответил Джимми спокойно.— Вот подожди, я наберусь сил и покажу свою истинную природу! Ург, пещерный человек — перед вами! Наполовину неандерталец, наполовину гибкий черный леопард.— Он постучал себя в грудь и закашлялся.

— Это не очень похоже на истинную пропорцию. Неандерталец тут явно доминирует.

— Не дерзи. И помни, что ты мой должник.

— Я думаю, ты просто жульничаешь. Наверно, наизусть уже выучил, как каждая карта выглядит с другой стороны. Они у тебя скоро в лохмотья превратятся.

Когда Джимми спасли, при нем обнаружились игральные карты, и позже он объяснил, что это тоже снаряжение для выживания.

— Прежде всего,— сказал Джим,— если бы я потерялся, я всегда мог сесть и разложить пасьянс. Рано или поздно кто-нибудь меня нашел бы и...

— И посоветовал положить черную десятку на красного валета. Это мы уже слышали.

— Тихо, Род. Во-вторых, Джекки, я планировал объединиться здесь с этим вот «каменнолицым». Мне ничего не стоит обыграть его в криббедж, но он все время пытается отыграться. Я решил, что за время испытания сумею выудить у него все карманные деньги на будущий год. Тактика выживания!

Как бы там ни было, но карты имелись, и каждый вечер они втроем играли в тихие семейные игры по миллиону плутонов за кон. Жаклин шла более-менее ровно, зато Род задолжал Джиму уже несколько сот миллионов. В тот вечер они продолжили дискуссию за игрой. Род по-прежнему не хотел раскрывать местонахождение их убежища.

— Мы можем подавать дымовой сигнал где-нибудь в другом месте,— предложил он задумчиво.— И дежурить в безопасном укрытии. Сними, Джим.

— Да, но тут тоже риск... Пятерка, как раз то, что нужно! Если вы устроите костер достаточно далеко отсюда, чтобы никто не знал про эту пещеру, вам придется мотаться туда и обратно по крайней мере дважды в день. Я думаю, очень скоро удача вам изменит, и в один прекрасный день вы просто не вернетесь. Не то чтобы я стал сильно горевать, но играть будет не с кем.

— Чья игра?

— Джекки. Но если мы разожжем костер близко, на виду, тогда нам останется только сидеть и ждать. Я сяду спиной к стене с этой пукалкой на коленях, и если покажется враг, шлеп — и готово! Длинная свинья на обед. Но если они нам понравятся, тогда мы возьмем их в игру.

— Считай.

— Пятнадцать-шесть, пятнадцать-двенадцать, пара, шестерка за валетов... Это будет стоить тебе еще один миллион, мой друг.

— По-моему, один из этих валетов — дама,— с угрозой произнес Род.

— В самом деле? Знаешь, уже темно. Сдаешься?

В конце концов они согласились с планом Джима. Времени для игры в карты стало больше, и долг Рода вырос за миллиард. Сигнальный костер горел на каменном уступе ниже по течению, и обычно ветер дул так, что дым сносило в сторону. Когда же его задувало в пещеру, это было просто невыносимо, и они пулей вылетали оттуда, размазывая слезы по щекам.

За четыре дня такое случалось три раза. Их реклама ни у кого пока не вызвала интереса, и они здорово устали таскать сухие дрова для костра и собирать зеленые ветки, которые давали дым. После третьего раза Джимми не выдержал.

— Род, я сдаюсь. Твоя взяла, и я снимаю свое предложение.

— Нет!

— А? Поимей совесть! Я не могу питаться дымом — в нем совсем нет витаминов. Давай лучше вывесим флаг. Я пожертвую свою рубашку.

Род задумался.

— А это идея!

— Стой, подожди. Я же пошутил. У меня нежная кожа, и я легко обгораю.

— А ты не торчи на солнце подолгу, и со временем у тебя будет отличный загар. Мы и вправду вывесим твою рубашку вместо флага. Но огонь тоже нужно поддерживать, только не здесь, на уступе, а где-нибудь там, на лугу, может быть.

— Чтобы дым опять задувало в наш летний коттедж?

— Ну тогда еще дальше вниз по течению. Мы разведем большой костер, и дым будет видно издалека. А флаг повесим над пещерой.

— И тем самым допросимся, что нас выселят какие-нибудь лихие волосатые личности, которые никогда не слышали о праве на собственность.

— Мы уже признали, что рискуем, когда решили разжечь сигнальный костер в первый раз, так что чего уж там. Давайте за дело.

Род выбрал самое высокое дерево на скале, под которой расположилась пещера, забрался на самый верх, где ствол едва его держал, и целый час работал ножом, срубая верхушку. Затем привязал рубашку Джимми за рукава и полез вниз, срезая по пути все лишние ветки. Вскоре они стали слишком толстыми, чтобы справиться с ними ножом, но и так получилась голая мачта в несколько метров высотой. Рубашку трепало на ветру и отлично было видно издалека. Усталый, но довольный своей работой, Род еще раз взглянул вверх: ничего не скажешь, самый настоящий сигнальный флаг.

Джимми и Жаклин тем временем развели ниже по течению новый костер, для этого они перенесли огонь с уступа. У Жаклин еще оставалось несколько спичек, а у Джимми была почти полностью заряженная зажигалка, но сознание того, что они могут остаться тут надолго, заставляло экономить. Спустившись на землю, Род присоединился к ним. Теперь места для костра хватало, да и валежник таскать стало легче, так что дым валил вовсю.

Лицо Жаклин, и без того потное и не особенно чистое, теперь совсем почернело от дыма, а на бледно-розовой коже Джимми сажу было заметно еще лучше.

— Пироманьяки,— улыбнулся Род, оглядев своих товарищей.

— Ты приказал дым,— ответил Джимми,— и я собираюсь сделать такой костер, что сожжение Рима будет выглядеть по сравнению с ним детской забавой. Притащи-ка мне тогу и скрипку.

— Скрипки изобрели позже. Нерон играл на лире.

— Давай не будем мелочиться. У нас получается неплохое грибообразное облако, а?

— Гулять так гулять, Род! — подзадорила его Жаклин, вытирая лицо; чище оно при этом не стало.— Весело ведь!

Она макнула огромную зеленую ветку в воду и бросила в костер — дым тут же повалил столбом.

— Еще дров, Джимми!

— Несу!

Род тоже разошелся, и вскоре стал таким же черным, как и они. Ни разу с самого начала испытания не было ему так весело. Когда солнце скрылось за верхушками деревьев, они наконец оставили попытки сделать костер еще больше, лучше, дымнее и неохотно отправились к пещере. Только в этот момент Род осознал, что совсем забыл про осторожность.

Ладно, успокоил он сам себя, все хищники боятся огня.

Пока они ели, от догорающего костра еще тянулся к небу столб дыма. После Джимми достал карты и попытался перетасовать рыхлую колоду.

— Кто-нибудь желает поучаствовать? Обычные низкие ставки.

— Я слишком устал сегодня,— ответил Род.— Ты можешь просто увеличить мой долг на ту сумму, что я обычно проигрываю за день.

— Но это не спортивно. И потом помнишь? Ты на прошлой неделе один раз выиграл. А ты, Джекки, что скажешь?

Жаклин хотела что-то ответить, но Род жестом заставил их замолчать.

— Ш-ш-ш! Я слышал какой-то звук,— прошептал он.

Джим и Жаклин замерли, потом бесшумно достали ножи. Род сунул «Полковника Боуи» в зубы и выполз на каменный уступ. На тропе никого не было видно, и похоже, никто не трогал загородку

из сухих веток. Род высунулся еще дальше, пытаясь определить, откуда донесся звук.

— Эй, внизу! — послышался негромкий голос.

Род почувствовал, как напряглись у него мышцы. Он обернулся и увидел, что Джимми взял тропу на прицел. Жаклин достала свое ружье и тоже приготовила к бою.

— Кто там? — крикнул Род.

Сначала наверху молчали, потом тот же голос ответил:

— Боб Бакстер и Кармен Гарсиа. А вы кто?

Род облегченно вздохнул.

— Род Уокер, Джимми Трокстон и еще один человек, не из нашего класса, Джекки Доде.

Бакстер какое-то время думал.

— Можно к вам присоединиться? По крайней мере на сегодня?

— О чем речь!

— Как нам спуститься вниз? Кармен не может карабкаться по скале — у нее болит нога.

— Вы прямо над нами?

— Наверно. Я тебя не вижу.

— Оставайся на месте. Я сейчас поднимусь.— Род повернулся к своим товарищам и улыбнулся.— У нас гости к ужину. Разводи огонь, Джимми.

Джимми удрученно причмокнул языком.

— А в доме почти ничего нет. Надо было хоть пирог испечь.

К тому времени, когда Род вернулся с Бобом и Кармен, на огне уже жарилось мясо. Задержались они из-за Кармен: она всего лишь растянула лодыжку, но по крутому берегу пришлось карабкаться на руках, да и туда еще нужно было добраться, а боль и усталость давали себя знать.

Когда Кармен поняла, что третий человек — девушка, она даже расплакалась. Джекки посмотрела на парней сердитым взглядом — Род так и не понял почему — и увела ее в дальний угол пещеры, где спала сама. Пока Боб Бакстер и Род с Джимом сравнивали свои наблюдения, девушки непрерывно о чем-то шептались.

У Боба и Кармен дела шли отлично до тех пор, пока она не подвернула ногу двумя днями раньше,— если не считать, конечно, что их по какой-то непонятной причине забыли на этой планете.

— Когда стало ясно, что никто не собирается помогать нам отсюда выбраться, у меня, признаться, просто опустились руки,— сказал Боб.— Но Кармен быстро привела меня в чувство. Она — человек очень практичный.

— Женщины всегда практичнее мужчин,— согласился Джимми.— Вот я, например, натура поэтическая.

— Только все у тебя белым стихом получается,— поддел его Род.

— Это ты от зависти, Род. Ладно, Боб, старина, может, тебе еще кусок? Сырой или хорошо обугленный?

— И тот и другой. Последние два дня мы жили впроголодь... М-м-м... вкусно-то как!

— Соус по моему рецепту,— скромно сказал Джимми.— У меня, знаешь ли, тут свой огород. Сначала надо растопить на сковородке кусок масла, а затем...

— Уймись, Джимми, ради Бога! Боб, вы с Кармен хотите в нашу команду? Насколько я понимаю, мы вряд ли можем рассчитывать на возвращение. Следовательно, надо строить планы на будущее.

— Похоже, ты прав.

— Род всегда прав,— поддакнул Джимми.— А насчет планов на будущее... Боб, вы с Кармен играете в криббедж?

— Нет.

— Ничего. Я вас научу.

8. «ПРИДЕТСЯ ВАМ ВЫБИРАТЬ»

Решение о том, что надо подавать дымовой сигнал и дальше, чтобы собрать как можно больше людей, никто на голосование не ставил, оно оформилось и утвердилось само. Род хотел обсудить этот вопрос утром, но Джимми и Боб сами развели огонь, когда пошли вниз за водой, и он никому ничего не сказал. В тот день их разыскали еще две девушки.

Точно так же никто не заключал формальных договоров о партнерстве и никто не выбирал лидера группы: Род продолжал руководить, и Боб Бакстер без разговоров принял сложившееся положение. Сам Род был слишком занят и даже не думал об этом. Проблемы безопасности, размещения и продовольствия для растущей колонии просто не оставляли времени ни на что другое.

С прибытием Боба и Кармен запас мяса иссяк мгновенно, и уже на следующий день пришлось идти на охоту. Боб Бакстер предложил поучаствовать, но Род решил взять с собой, как обычно, Джекки.

— Ты сегодня отдыхай. Не разрешай Кармен наступать на больную ногу и не отпускай Джимми одного к костру. Он считает, что уже совсем выздоровел, но это не так.

— Я заметил.

Джекки и Род отправились на охоту и довольно быстро убили оленя. Однако Род добил его не сразу, и, когда Жаклин подбежала помочь, бьющийся на земле раненый зверь ударил ее копытом в бок. Джекки уверяла, что все в порядке, но на следующее утро бок все еще болел, и Боб сказал, что у нее, возможно, сломано ребро.

Трое из прежнего состава группы оказались больны, а тем временем у них появилось два новых рта. Правда, один из них — большой и с постоянной улыбкой на губах — принадлежал Каролине Мшийени, и Род выбрал ее на роль нового помощника в охоте.

Джекки надулась. Она отвела Рода в сторону и прошептала:

— Зачем ты так? Я вполне способна охотиться. Бок у меня в порядке, почти не болит.

— Почти, говоришь? А знаешь, что это «почти» может подвести тебя в самый нужный момент? Я не хочу рисковать, Джекки.

Она еще раз взглянула на Каролину и надула губы, храня на лице упрямое выражение.

— Джекки, ты помнишь, мой разговор насчет ревности? — принялся уговаривать ее Род.— Если ты будешь устраивать сцены, я просто тебя отшлепаю.

— Кишка тонка!

— Ничего, мне помогут. Однако послушай... Мы ведь партнеры?

— Мне так казалось, во всяком случае.

— Тогда веди себя соответственно и не добавляй нам проблем.

Джекки пожала плечами.

— Ладно. Я и так все понимаю. Останусь дома.

— Это не все. Возьми мой старый бинт — он где-то здесь должен валяться,— и пусть Боб Бакстер замотает тебе ребра.

— Нет!

— Ну тогда Кармен. Они оба вроде как знахари.— Род повернулся к Каролине и громко спросил: — Ты уже готова?

— Ощетинилась и вся дрожу от возбуждения.

Род рассказал ей, как они с Джекки охотились, и объяснил, что от нее требуется. Первые два стада, что им попались, они прошли мимо: стада оказались смешанными. Мясо у старых самцов жесткое и не особенное вкусное, а пытаться убить кого-нибудь другого, кроме вожака-самца, просто опасно и потому глупо. Около полудня они отыскали стадо годовалых животных, расположившихся против ветра от них, и разошлись в стороны. Род приготовился ждать, когда Каролина погонит добычу на него.

Ждал долго и уже начал нервничать, когда из зарослей бесшумно появилась Каролина и жестом позвала его за собой. Род снялся с места, хотя идти так же быстро и бесшумно, как она, ему удавалось с трудом. Вскоре Каролина остановилась, и, догнав ее, Род увидел, что она уже свалила оленя. Глядя на поверженное животное, Род пытался побороть в себе растущее раздражение.

— Очень молодой, и мясо, я думаю, нежное,— сказала Каролина.— Устраивает, Род?

Он кивнул.

— Лучше не бывает. И сразу наповал... Кэрол!..

— Что?

— Я думаю, у тебя это получается даже лучше, чем у меня.

— Брось. Мне просто повезло.— Она застенчиво улыбнулась.

— Я не верю в везение. Так что когда ты захочешь повести охоту, просто скажи. Но только обязательно.

Каролина заметила мрачное выражение его лица и медленно произнесла:

— Ты, я чувствую, решил меня отчитать...

— Можно сказать и так. Но я настаиваю, чтобы ты всегда предупреждала меня, когда захочешь повести охоту. Никогда не меняй планов уже после того, как мы приступим к делу. Никогда. Понятно?

— В чем дело, Род? Ты завелся оттого, что я убила оленя? Это глупо.

Род вздохнул.

— Может быть. А может быть, мне не нравится, когда девушка делает за меня мою работу. Но в одном я уверен на все сто: мне не нравится напарник, на которого я не могу положиться до конца. Слишком опасно. Я лучше буду охотиться один.

— Может, лучше я буду охотиться одна? Мне, во всяком случае, не нужна ничья помощь.

— Не сомневаюсь. Но ладно, давай оставим эту тему и оттащим добычу в лагерь.

Пока они свежевали тушу, Каролина не проронила ни слова. А когда они срезали все лишнее и уже собрались тащить мясо к пещере, Род сказал:

— Ты иди впереди. Я буду прикрывать сзади.

— Род?

— Что?

— Извини.

— А? Забудь.

— Я не стану так больше делать. Хочешь, я скажу, что это ты убил оленя?

Род остановился и тронул ее за руку.

— Зачем вообще кому-то что-то говорить? Никого не касается, как мы охотимся до тех пор, пока мы приносим мясо.

— Ты все еще сердишься на меня.

— Я вовсе не сердился,— солгал Род.— Просто не хочу, чтобы мы перебегали друг другу дорогу.

— Родди, я никогда больше этого не сделаю. Обещаю.

До конца недели девушки оставались в большинстве. В пещере, где троим было удобно, а шестерым в общем-то еще терпимо, стало просто тесно, потому что день ото дня население лагеря росло. Род решил превратить пещеру в «женское общежитие», а мужчин переместить на открытый воздух, на луг, где начиналась тропа вверх по наклонному сланцевому берегу. От непогоды и хищников там укрыться было негде, но зато их бивуак защищал единственную тропу к пещере. Впрочем, погода стояла теплая, а для защиты от хищников они ставили на ночь дежурных, в чьи обязанности входило поддерживать два костра — между рекой и скалой выше по течению и в узком проходе ниже.

Роду самому такой порядок не нравился, но выбирать не приходилось. Он отправил Боба Бакстера и Роя Килроя вниз по течению, а Каролину и Марджери Чанг в противоположном направлении, чтобы они поискали другие пещеры. Но за отпущенный им на

поиски день они ничего не нашли. Девушки, однако, привели с собой еще одного человека.

Спустя неделю после того, как они вывесили рубашку Джима в качестве флага, прибыла еще группа из четырех парней. Теперь их стало двадцать пять, и парней оказалось больше, чем девушек. Впрочем, к четверым новеньким скорее подходило слово «мужчины», поскольку все они были на два-три года старше. Три из четырех групп, оказавшихся в зоне проверки на выживание, состояли из выпускников средних школ, но четвертая, куда входили новенькие, была из Теллерского университета, с отделения наук Внеземелья.

«Взрослый» — понятие довольно расплывчатое. Разные культуры относятся к этому понятию по-разному: у одних человек считается взрослым аж с одиннадцати лет, у других только после тридцати пяти, третьи же вообще не признают никакого возраста до тех пор, пока жив родитель. Род и не думал о вновь прибывших как о «старших». В лагере уже было несколько человек из Теллерского университета, но он вряд ли бы сказал с уверенностью, кто именно: они полностью вписались в их маленькое сообщество. Клубок проблем рос как снежный ком, и просто не хватало времени, чтобы беспокоиться еще и о том, кто чем занимался на далекой Земле.

Эти четверо — мускулистый и очень подвижный Джок Макгован, его младший брат Брюс, Чед Амес и Дик Берк — появились ближе к вечеру, и Род не успел толком с ними познакомиться. Утром тоже не удалось, поскольку совершенно неожиданно прибыли еще четыре девушки и пятеро парней, и административные проблемы выросли до необъятных размеров. Места в пещере для вновь прибывших девушек уже не осталось, и нужно было срочно искать или строить новые жилища.

Род подошел к четверым парням, разлегшимся у костра, присел на корточки и спросил:

— Кто-нибудь из вас понимает что-нибудь в строительстве?

Вопрос был задан всем, но они ждали, когда ответит Джок Макгован.

— Кое-что понимаем,— признался тот.— При желании я, пожалуй, сумею построить все, что захочу.

— Ничего сложного я не планирую,— объяснил Род.— Только каменные стены. Ты когда-нибудь кладку делал?

— Спрашиваешь! А что?

— Идея, в общем, такая. Нам нужно срочно решать вопрос с жильем, а то людей уже — не протолкнешься. Но первым делом надо поставить стену от скалы до реки и отгородить часть луга. Позже мы построим хижины, но сначала нужен крааль, чтобы защититься от хищников.

Макгован рассмеялся.

— Ничего себе стену ты задумал! А тебе не приходилось видеть эту тварь, похожую на вытянутую пуму? Ты даже пикнуть не успеешь, а она уже перемахнет через любую стену.

— Про них я знаю,— согласился Род, потирая длинные белые шрамы на руке,— и большой любви к ним тоже не испытываю. Они, скорее всего, и в самом деле могут перебраться через любую стену, но мы приготовим им сюрприз...— Он взял сухой прут и принялся чертить на земле.— Здесь мы строим стену... Доводим ее до сих пор... А внутри метров на шесть в глубину ставим заостренные сверху колья. Любая тварь, которая перемахнет через стену, сразу распорет себе брюхо.

Джок Макгован взглянул на схему и сказал:

— По-моему, все это ерунда.

— Да, глупо,— согласился его брат.

Род покраснел, но все же спросил:

— А что, есть идеи получше?

— Это к делу не относится.

— Тогда, если никто не придумает ничего лучше,— медленно произнес Род,— или если мы не найдем хорошую большую пещеру, нужно укреплять это поселение. А значит, надо строить стену. Я собирался отправить девушек заготавливать острые колья. Все остальные займутся стеной. Если взяться как следует, мы еще до темноты многое успеем. Вы четверо хотите работать вместе? Одна группа будет собирать камни, другая копать глину и месить раствор. Выбирайте.

Трое снова посмотрели на своего вожака. Джок Макгован откинулся на спину и заложил руки за голову.

— Извини. У меня сегодня охота.

Род почувствовал, что краснеет.

— Сегодня в этом нет необходимости,— сказал он осторожно.

— А тебя никто не спрашивает, сопляк.

Внутри у Рода, как на охоте, все сжалось в тугой холодный узел. Краем глаза он заметил, что вокруг них уже собралась толпа, и старательно ровным тоном сказал:

— Возможно, я ошибся. Я...

— Ошибся.

— Мне показалось, вы четверо решили объединиться с нами. Так что?

— Может быть. А может быть, и нет.

— Придется вам выбирать. Или вы с нами и тогда работаете, как все. Или нет. В таком случае можете как-нибудь заглянуть на завтрак. А сейчас проваливайте. Я не хочу, чтобы кто-то бездельничал, когда все остальные работают.

Джок Макгован с шумом втянул в себя воздух и причмокнул языком. Руки его все еще оставались за головой.

— Мальчик, ты, кажется, еще не понял, что никто никогда не приказывает Макговану. Никто. Верно, Брюс?

— Верно, Джок!

— Верно, Чед? Дик?

Те тоже подтвердили. Макгован продолжал разглядывать небо.

— А это значит,— спокойно произнес он,— что я хожу, где и когда хочу, и остаюсь так долго, как меня устраивает. Вопрос не в том, хотим ли мы с вами объединиться, а в том, кого я захочу пригласить объединиться с нами. Тебя, мальчик, это не касается. У тебя еще молоко на губах не обсохло.

— Вставайте и убирайтесь!

«Полковник Боуи», как всегда, висел у Рода на поясе, но он не протянул руку к ножу и только собирался встать. Взгляд Джока метнулся к брату. Род даже не успел распрямиться и, оказавшись на земле лицам вниз, почувствовал холодный укус острия ножа под ребрами. Он замер.

— Что с ним делать, Джок? — спросил Брюс.

Род не видел старшего Макгована, но услышал его ответ:

— Пока подержи его.

— О'кей, Джок.

У Джока Макгована кроме ножа было еще и ружье.

— Кто-нибудь хочет на тот свет? Всем стоять, не двигаться.

Род по-прежнему не мог видеть Джока, но по ошарашенному, испуганному выражению на лицах стоявших вокруг он догадался, что Макгован вскочил на ноги и держит их под прицелом. В лагере все ходили с ножами, и у большинства были ружья — Род заметил, что у Роя Килроя в этот раз ружье за спиной — но, как правило, они хранились в пещере, в арсенале, которым распоряжалась Кармен.

Сейчас это оружие помочь не могло: слишком быстро все случилось, слишком быстро словесная перепалка превратилась в угрозу жизни. Лежа на земле, Род не мог видеть своих самых близких друзей, а те люди, которых он видел, похоже, не собирались рисковать собой ради него.

— Чед! Дик! Держите их под прицелом!

— О'кей.

— Я пока займусь этой падалью.— В поле зрения Рода появились волосатые ноги Джока.— Он еще при оружии, Брюс?

— Да, пока.

— Сейчас я это исправлю. Ну-ка, мальчик, перевернись — я заберу твой нож. Пусть перевернется, Брюс.

Брюс Макгован чуть сполз в сторону, и Джок наклонился за ножом Рода, но в этот момент на боку у него, под ребрами, расцвел крошечный стальной цветок. Род не слышал звука выстрела, не слышал даже удара стрелки. Джок резко выпрямился, закричал и схватился за бок.

— Джок! Что случилось?

— Убили...— прошептал он и свалился на землю, сложившись, словно тряпка.

У Рода за спиной все еще сидел человек с ножом, но тот на мгновение отвлекся, и этого оказалось достаточно. Одним стремительным движением Род перекатился на бок, схватил Брюса за руку, и ситуация сразу же изменилась: теперь правая рука Брюса попала в железный захват, а острие «Полковника Боуи» заблестело на солнце под самым его носом.

— Эй, внизу, спокойно! Вы у нас на прицеле! — донеслось со скалы глубокое контральто.

Род поднял взгляд. Каролина стояла на каменном уступе у пещеры, прижав к плечу приклад винтовки. Ближе к воде и ниже по течению устроилась Жаклин со своим маленьким пневматическим

ружьем. Она перезарядила его, подняла и прицелилась в кого-то за спиной Рода.

— Не стреляйте! — крикнул Род и оглянулся.— Ну-ка вы, двое, бросить оружие!

Чед Амес и Дик Берк послушались.

— Рой! И Грант Каупер! Заберите эти игрушки. И ножи тоже у них отберите! — Он повернулся к Брюсу и кольнул его под горлом.— Выпусти нож!

Род подобрал брошенный нож и встал. Те, кто был в пещере, повалили наружу, Каролина впереди всех. Джок Макгован корчился на земле, лицо его посинело, он задыхался — симптомы очень напоминали действие яда, что используется в стрелках. Подбежал Боб Бакстер, взглянул на Рода и, сказав: «Сейчас я тобой займусь», склонился над Джоком.

— Ты, что, хочешь попытаться его спасти? — возмущенно спросила Каролина.

— Конечно.

— Зачем? Давайте лучше сбросим его в реку.

Бакстер снова посмотрел на Рода. Тот с трудом подавил в себе желание внять совету Каролины и сказал:

— Сделай для него, что можно, Боб... Где Жаклин? Джекки, у тебя есть противоядие? Принеси.

— Незачем. Ничего с ним не сделается.

— В смысле?

— Это просто булавочный укол. Учебная стрелка. «Бетси» всегда заряжена учебной стрелкой. Охотничьи я держу подальше, в укромном месте,— чтобы никто случайно себя не царапнул. У меня не было времени их достать.— Она легонько пнула Джока ногой.— Яд тут ни при чем. Это у него от испуга.

Каролина прыснула и взмахнула своей винтовкой.

— А у меня вообще не заряжена! Даже дубина из нее неважная.

— Ты уверена? — спросил Бакстер у Джекки.— Симптомы похожие.

— Конечно, уверена. Видишь цветное пятно на конце? Это учебная стрелка.

Бакстер склонился над раненым и похлопал его по щекам.

— Хватит дурака валять, Макгован! Вставай. Мне нужно вытащить стрелку.

Макгован застонал, но поднялся на ноги. Бакстер зажал оперение двумя пальцами и резко дернул. Джок вскрикнул, и Бакстер снова хлопнул его по щеке.

— Не вздумай падать в обморок,— проворчал Боб.— Считай, что тебе повезло. Пусть кровь немного стечет, и все будет в порядке.— Он повернулся к Роду: — Теперь ты.

— Что такое? У *меня* все в порядке.

— А на спине у тебя, надо полагать, красная краска, да? — Бакстер обернулся: — Кармен, принеси мою аптечку.

— Уже здесь.

— Молодец. Род, сядь и наклонись вперед. Будет немного больно.

Получилось действительно больно. Чтобы не показывать этого, Род заговорил с Кэрол:

— Слушай, я даже не представляю, как вы с Джекки так быстро договорились. Легко получилось.

— А мы и не договаривались. Просто сделали, что могли, и сделали быстро.— Она повернулась к Жаклин и хлопнула ее по плечу, отчего та едва не упала.— Ей цены нет, Род, ей-богу!

Жаклин изо всех сил старалась не показывать, как она довольна, но это ей не очень удавалось.

— Да ладно тебе, Кэрол.

— Как бы там ни было, я вам очень благодарен,— сказал Род.

— Всегда пожалуйста. Жалко только, что эта пукалка не заряжена. А кстати, Род, что ты собираешься с ними делать?

— Не зна... У-у-у!

— Спокойно,— пробормотал Бакстер у него за спиной.— Я же сказал, что будет немного больно.. Пожалуй, я лучше поставлю еще одну скобку. Нужно бы, конечно, забинтовать рану, но нечем. Так что ты на время оставь тяжелую работу и спи на животе.

— У-у-у! — снова взвыл Род.

— Все. Это последняя. Можешь встать. Не напрягай спину, и пусть образуется корка.

— Я все-таки думаю, что нам нужно скинуть их в реку. Пусть добираются на ту сторону вплавь,— не унималась Кэрол.— Можно будет даже делать ставки: доплывут или не доплывут.

— Кэрол, ты же цивилизованный человек.

— Ничего подобного. Но я прекрасно знаю, с какой стороны собака виляет хвостом, а с какой кусается.

Род пошел взглянуть на пленников. Рой Килрой заставил их лечь друг на друга — довольно унизительное положение, лишающее их, помимо всего прочего, возможности сопротивляться и вообще как-то действовать.

— Пусть сядут.

Охраняли их Килрой и Грант Каупер.

— Вы слышали капитана. Сесть! — приказал Каупер.

Выбравшись друг из-под друга, пленники с мрачными, испуганными лицами расселись на земле. Род посмотрел на старшего Макгована.

— И что, по-твоему, нам с вами делать?

Макгован молчал. Он заметно побледнел, из прокола у него на боку еще сочилась кровь.

— Кое-кто у нас считает, что вас нужно сбросить в реку,— сказал Род.— Но это все равно что смертный приговор, и если мы решим привести его в исполнение, то скорее расстреляем вас или повесим. Бросать живых людей на съедение хищникам не в моих правилах. Ну что, может быть, вас повесить?

— Мы же ничего не сделали,— буркнул Брюс Макгован.

— Да. Но собирались. Вас опасно оставлять рядом с людьми.

Кто-то из собравшихся выкрикнул:

— Давайте пристрелим их и дело с концом!

Род никак не отреагировал. Подошел Грант Каупер и, наклонившись поближе, тихо сказал:

— Это надо ставить на голосование. Должен быть какой-то суд.

— Нет,— ответил Род, покачав головой, и, обращаясь к пленникам, добавил: — Я не собираюсь давать волю чувствам и наказывать вас. Но и оставить вас здесь мы тоже не можем.— Он обернулся к Кауперу: — Отдай им ножи.

— Род? Ты часом не собираешься драться с ними?

— Боже упаси.— Он снова повернулся к Макговану и его команде.— Ножи можете взять. Ружья останутся у нас. Когда вас отпустят, пойдете вниз по течению и будете идти по крайней мере неделю. Если мы когда-нибудь увидим ваши физиономии, возможности объясниться у вас уже не будет. Понятно?

Джок Макгован кивнул. Дик Берк сглотнул слюну и сказал:

— Но выгнать нас с одними ножами — это все равно что убить.

— Чушь! Ружей вы не получите. И помните, если вы хоть раз повернете назад, даже во время охоты, пеняйте на себя. Возможно, кто-то будет за вами следить. Кто-то с ружьем.

— И на этот раз с заряженным! — добавила Каролина.— Слушай, Родди, доверь это дело мне, а? Пожалуйста.

— Помолчи, Кэрол. Рой, и ты, Грант, выведите их из лагеря.

По дороге группа изгнанников, конвоиров и просто любопытных столкнулась с Джимми Трокстоном. Тот остановился, удивленно их разглядывая, и спросил:

— Это что за процессия? Род... Что у тебя на спине? Опять расчесал?

Несколько человек сразу принялись наперебой рассказывать ему, в чем дело. Наконец он уловил суть происшедшего и растроенно покачал головой.

— А я там, как дурак, ищу камни покрасивее для нашей садовой ограды! Ну почему каждый раз, когда люди собираются веселиться, забывают позвать меня? Дискриминация!

— Перестань, Джим. Ничего веселого тут нет.

— Вот я и говорю: дискриминация.

На все происшедшее ушло больше часа, но в конце концов Род распределил поручения, и работа над стеной началась. Вопреки врачебным рекомендациям Боба Бакстера, сам он тоже пытался таскать камни, но обнаружил, что это ему не под силу: рана болела при каждом движении, и кроме того, после всего случившегося его немного лихорадило.

Во время полуденного перерыва Рода отыскал Грант Каупер.

— Капитан? Мне нужно с тобой поговорить. Наедине.

Род отошел с ним в сторону.

— Что ты задумал?

— М-м-м... Род, я думаю, ты понимаешь, что сегодня утром тебе в общем-то повезло. Не хочу тебя обидеть, но...

— Конечно, понимаю. А что?

— А ты понимаешь, *почему* все это случилось?

— Теперь понимаю. Я поверил людям, которым верить не следовало.

Каупер покачал головой.

— Вовсе не в этом дело. Род, ты что-нибудь знаешь о теории государственного управления?

Род взглянул на него с удивлением.

— Я проходил обычный курс по основам гражданского права. А что?

— Возможно, у меня не было случая упомянуть об этом, но в Теллерском институте я специализировался как раз по колониальному администрированию. И помимо всего прочего, мы изучали, что такое власть в человеческом обществе и как ее поддерживать. Я не хочу тебя критиковать... Но если откровенно, ты едва не лишился жизни, потому что никогда не изучал подобных вещей.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Род, борясь с раздражением.

— Не кипятись. Дело в том, что у тебя нет никакой власти. Маккован знал это и отказался подчиняться. Да и все знали. Когда дошло до открытого конфликта, никто не мог решить, что делать, поддерживать тебя или нет. И все потому, что реальной власти у тебя нет ни капли.

— Подожди-ка! Ты хочешь сказать, что я вовсе не капитан этого поселения?

— Ты, без сомнения, капитан, но только *de facto*. Тебя никто не выбирал на такую должность, и в этом слабость твоего положения.

Род обдумал его слова.

— Пожалуй, ты прав,— медленно произнес он.— Но мы все это время были чертовски заняты.

— Понимаю. И не собираюсь критиковать. Но капитан должен быть избран по закону.

Род вздохнул.

— Я собирался провести выборы, но думал, что стена важнее. Ладно, давай всех соберем.

— Ну, не обязательно делать это вот так сразу.

— Почему? Чем скорее, тем лучше.

— Вечером, когда стемнеет и нельзя будет работать, самое подходящее время.

— М-м-м... Ладно.

Перед ужином Род объявил, что будет организационное собрание. Никого это не удивило, хотя он ни с кем свои планы не обсуждал. Род почувствовал раздражение, и ему пришлось напомнить себе, что никакого секрета тут нет. Тем более что с Грантом он ни о чем таком не договаривался, и тот вполне мог кому-то рассказать. Ког-

да все поужинали, Род расставил дежурных у костров и часовых, затем вернулся в центр освещенного круга и открыл собрание.

— Тихо, все! Давайте начинать. Если тем, кто стоит на вахте, не слышно, скажите! — На мгновение он умолк, затем продолжил: — У нас должны состояться выборы. Мне тут подсказали, что меня никто не выбирал капитаном поселения. Так что, если кто чем был недоволен, я извиняюсь. Старался как мог. Однако выбирать капитана — ваше право. Давайте приступим. Предлагайте кандидатуры.

— Предлагаю Рода Уокера! — выкрикнул Джимми Трокстон.

— Поддерживаю! И предлагаю прекратить выдвижение кандидатур,— раздался голос Каролины.

— Кэрол, твое предложение не принимается,— торопливо сказал Род.

— Почему?

Прежде чем он успел ответить, слово попросил Рой Килрой.

— Род? Я хочу кое-что сказать. Важный вопрос.

Род повернулся и увидел, что Рой сидит рядом с Грантом Каупером.

— Пожалуйста.

— Я хочу остановиться на процедурном вопросе. Прежде всего полагается выбрать временного председателя собрания.

Род быстро обдумал сказанное.

— Видимо, ты прав. Джимми, твое предложение не принимается. Пожалуйста, кандидатуры на должность временного председателя собрания!

— Предлагаю Рода Уокера!

— Угомонись, Джимми. Я не хочу быть временным председателем.

В конце концов выбрали Роя Килроя. Он взмахнул воображаемым молоточком и объявил:

— Председатель собрания приглашает Гранта Каупера с выступлением о целях и задачах сегодняшнего дня.

Тут снова вылез Джимми Трокстон:

— На кой черт нам речи слушать? Давайте выберем Рода и ляжем спать. Я устал, а мне еще ночью два часа на вахте стоять.

— Предложение не принимается. Приглашается Грант Каупер.

Каупер встал. В отсветах костров его привлекательное лицо и короткая кучерявая борода сразу приковывали к себе взгляд. Род

потрогал чахлую поросль у себя на подбородке и понял, что здесь до Каупера ему далеко. Одет тот был лишь в шорты и мягкие походные ботинки, но держался с непринужденностью хорошего оратора, выступающего перед каким-нибудь важным комитетом.

— Друзья,— начал он,— братья и сестры! Мы собрались здесь не для того, чтобы выбрать капитана поселения. Нет. Мы собрались, чтобы заложить основы новой нации.

Грант сделал паузу, предоставляя слушателям возможность прочувствовать сказанное, затем продолжил:

— Вы все представляете себе ситуацию, в которой мы оказались. Все мы надеемся на спасение, и, поверьте, я не меньше других. У меня нет сомнений, что нас спасут... рано или поздно. Но нам не дано знать, когда это случится, и оснований для хоть какого-нибудь прогноза у нас тоже нет. Возможно, это случится завтра, а может быть, спасатели отыщут наших потомков через тысячу лет.— Последнюю фразу он произнес очень торжественно.— Но когда-нибудь великая человеческая раса восстановит контакт со своей малой затерявшейся частичкой, с нами, и то, что увидят люди Земли, зависит от нас: или это будет цивилизованное общество, или замученные вшами животные без языка, без искусства, без искрящегося света разума в глазах... Или же обглоданные белые кости и ни души вокруг.

— Это не про меня! — выкрикнула Каролина.

Килрой бросил на нее короткий взгляд и призвал к порядку.

— Да, Каролина, не про тебя,— строго подтвердил Каупер.— И ни про кого из нас. Потому что сегодня мы сделаем важный шаг, который позволит колонии выжить. Мы бедны ресурсами, но создадим все, что понадобится, потому что мы богаты знаниями. Основы знаний нашей великой расы живут во всех нас. Мы должны их сохранить, и мы их сохраним!

— Красиво говорит, а? — вставила Каролина громким шепотом, когда Грант сделал паузу.— Может, мне выйти за него замуж?

На этот раз он не отреагировал на ее репризу и продолжил:

— Какое же, по-вашему, самое величайшее достижение человечества? То, без чего все остальное просто бесполезно? Что мы должны беречь и ценить превыше всего?

— Огонь,— отозвался кто-то.

Каупер покачал головой.

— Письменность!

— Десятичную систему!

— Атомную физику!

— Колесо, конечно!

— Нет-нет, все это не то. Открытия и достижения, что вы назвали, важны, но не они основа цивилизации. Важнейшее изобретение человечества — это государственное управление. Оно же и самое сложное. Люди — индивидуалисты даже в большей степени, чем кошки, и тем не менее мы научились сотрудничать более эффективно, чем муравьи, пчелы или термиты. Дикие, хищные и опасные, как акулы, мы научились жить в мире, словно агнцы. Но это было нелегко. Именно поэтому то, что произойдет сегодня, определит наше будущее, а может быть, и будущее наших детей, внуков, правнуков и длинной череды потомков. Мы не выбираем сейчас временного лидера поселения, мы создаем правительство. И мы должны подходить к этой задаче со всей ответственностью. Да, нам нужно выбрать руководителя новой нации, мэра нашего города-государства. Но не только. Мы должны создать конституцию и определить, что связывает нас вместе. Мы должны быть организованны и четко планировать будущее!

— Правильно!

— Браво!

— У нас должен быть закон, судьи и правопорядок. Возьмите, к примеру, утренние события...— Каупер повернулся к Роду, и на лице его появилась дружеская улыбка.— У меня нет никаких претензий к тебе лично, Род. Считаю, что ты поступил мудро, и я рад, что твое решение было продиктовано милосердием. Хотя в данном случае никто не упрекнул бы тебя, если бы ты поддался чувствам и пристрелил всю четверку этих... антиобщественных элементов. Тем не менее справедливость не должна подчиняться переменам настроения диктатора. Мы не хотим, чтобы наша жизнь зависела от того, хорошее у тебя настроение или плохое. Я думаю, что ты тоже понимаешь это.

Род промолчал. У него было такое чувство, словно его только что назвали диктатором и тираном, а вдобавок продемонстрировали, что он просто опасен для их маленького общества. Вроде ничего

конкретного, все как будто по-дружески, и в то же время слова Каупера звучали как серьезный упрек лично ему.

— Ты ведь согласен, Род? — не отставал Каупер.— Правда же? Ты ведь не хочешь и впредь сохранять абсолютную власть над жизнью и душой каждого из нас? Правильно я понимаю? Так? — Он ждал ответа.

— А? Да, разумеется. Я имею в виду, что я с тобой согласен.

— Отлично! Я не сомневался, что ты поймешь. И должен сказать, я считаю, что ты отлично справился со своей работой, собрав нас всех вместе. Я ни в коем случае не соглашусь с твоими критиками. Ты сделал все, что в твоих силах, и что сделано, то сделано.— Каупер вновь одарил его своей дружеской улыбкой, и Род почувствовал, что его будто душат в объятьях.

Каупер повернулся к Килрою.

— Собственно, это все, что я хотел сказать, господин председатель.— Он улыбнулся собравшимся и, садясь, добавил: — Прошу прощения, если я занял много времени. Очень уж хотелось высказаться.

Килрой хлопнул в ладоши.

— Председатель предлагает выдвигать кандидатуры на пост... Послушай, Грант, если не «капитан», то как мы назовем эту должность?

— М-м-м...— задумался Каупер.— «Президент» звучит слишком помпезно. Думаю, «мэр» будет в самый раз: мэр нашего города-государства, мэр нашего поселения.

— Прошу выдвигать кандидатуры на пост мэра!

— Эй! — выкрикнул Джимми Трокстон.— А что, никому другому здесь высказаться не дадут?

— Не принимается!

— Постой,— возразил Каупер.— Я думаю, ты не прав, не разрешая выступить Джимми, Рой. Каждый, кому есть что сказать, имеет право выступить. Нам нельзя действовать поспешно.

— О'кей, Трокстон, высказывайся.

— Я не собирался выступать. Просто мне не нравится, когда зажимают остальных.

— Поправка принимается. Кто-нибудь еще желает? Если нет, я прошу выдвигать...

— Минутку, господин председатель!

Род увидел, что поднялся Артур Нилсен из группы Теллерского университета. Каким-то образом ему удавалось выглядеть прилично даже в таких условиях, хотя до лагеря он добрался совсем без снаряжения, даже без ножа, и был страшно голоден.

— Ты хочешь выступить, Вакси? — спросил Килрой.

— Нилсен. Или Артур. Как тебе известно. Да, я хочу.

— О'кей. Только покороче.

— Я буду краток — насколько позволят обстоятельства. Дорогие друзья, нам представилась уникальная возможность — возможность, которой не было ни у кого за всю историю человечества. И как сказал Каупер, нам следует подходить к решению наших задач со всей ответственность. Однако мы уже встали на неверный путь. Нашей целью должно быть создание нового сообщества, действующего на истинно научной основе. Но что я вижу? Вы хотите выбрать руководителя простым подсчетом голов! Лидеров нельзя выбирать, исходя из популярности; они должны выявляться по строгим научным критериям. И будучи выбранными, они должны обладать всей полнотой научной свободы, чтобы направлять биогруппу в соответствии с законами природы, без вмешательства таких искусственных анахронизмов, как законодательство, конституция и суды. У нас здесь вполне достаточное число здоровых особей женского пола, и мы имеем возможность создать научно обоснованную новую расу, суперрасу, расу которая, я осмелюсь ска...

В грудь ему ударил ком глины, и он умолк на полуслове.

— Я видел, кто это сделал! — выкрикнул Нилсен с обидой.— Как раз такой дуб, который всегда...

— Тихо! Я призываю собрание к порядку! — перебил его Килрой.— Грязью не кидаться, а то я буду вынужден ввести в зал заседаний полицию. Ты закончил Вакси?

— Я только начал.

— Минутку,— вмешался в разговор Каупер.— Процедурный вопрос, господин председатель. Артур имеет право быть выслушанным. Но я думаю, он выступает не перед тем собранием. У нас будет конституционный комитет, я не сомневаюсь. Вот ему-то Артур и должен будет изложить свои соображения. Если его доводы придутся нам по душе, тогда мы возьмем их на вооружение.

— Верно, Грант. Садись, Вакси.

— Как это? Я выношу протест.

Рой Килрой, не мешкая, произнес:

— Председатель предлагает перенести это выступление на более подходящее время, но оратор настаивает на решении собрания. Ставим вопрос на голосование. Кто за то, чтобы Вакси заткнулся, кричит «да».

Раздалось дружное громкое «да-а-а!»

— Против?.. Никого. Садись, Вакси.

— Кто-нибудь еще желает выступить? — Килрой оглядел собравшихся.

— Да.

— Не вижу. Кто это?

— Билл Кеннеди. Школа «Понс де Леон». Я не согласен с Нилсеном во всем, кроме одного: мы действительно взяли не то направление. Нам, безусловно, нужен капитан поселения, но помимо пропитания у нас должна быть только одна забота — поскорее вернуться назад. Меня интересует не научно обоснованное общество, а горячая ванна и приличная еда.

Вокруг зааплодировали, но не очень дружно.

— Я тоже не возражаю против ванны...— откликнулся председатель,— и готов сразиться с любым за тарелку кукурузных хлопьев, но, Билл, что, по-твоему, мы должны делать?

— Как что? В первую очередь бросить все силы на разработку и строительство гиперпространственных ворот.

Несколько секунд собрание молчало, затем заговорили все сразу:

— Ненормальный! А уран где взять?

— Мы можем найти уран.

— У нас нет никаких инструментов! Даже простой отвертки и то нет!

— А кто знает, где мы находимся?

— Все дело за...

— Тихо! — крикнул Килрой.— Билл, ты знаешь, как построить ворота?

— Нет.

— И я сомневаюсь, что кто-нибудь из нас это знает.

— Это пораженчество! Наверняка кто-нибудь из Теллерского университета изучал этот вопрос. Вы должны собраться, объеди-

нить свои знания и определить нам программу работ. Понятно, это займет много времени. Но это единственный выход.

— Секунду, Рой,— снова встал Каупер.— Билл, я не стану оспаривать твое предложение, потому что каждое предложение нужно изучить и оценить. У нас будет и комитет по планированию. Может быть, мы сначала изберем мэра — или капитана, или как вы решите назвать эту должность,— а потом, когда у нас будет время обсудить твое предложение в деталях, мы с ним разберемся. Я думаю, оно не лишено достоинств и нужно его обсудить. Что ты думаешь по этому поводу?

— Конечно, Грант. Давай займемся выборами. Я просто не хотел, чтобы эта чушь насчет выведения расы суперменов прозвучала как заключительное слово.

— Господин председатель! Я протестую!

— Умолкни, Вакси. Вы готовы высказывать предложения? Если нет возражений, я объявляю окончание дебатов и предлагаю выдвигать кандидатуры.

— Предлагаю кандидатуру Гранта Каупера!

— Поддерживаю!

— Поддерживаю предложение!

— О'кей, я тоже поддерживаю!

— Единогласно! На голосование!

Тут сквозь гвалт прорвался голос Джимми Трокстона:

— Я ПРЕДЛАГАЮ РОДА УОКЕРА!

— Господин председатель? — Боб Бакстер встал.

— Тихо, все! Мистер Бакстер.

— Я поддерживаю кандидатуру Рода Уокера.

— О'кей. У нас две кандидатуры. Грант Каупер и Род Уокер. Есть еще предложения?

Короткий период молчания нарушил Род:

— Секунду, Рой...— Он почувствовал, как дрожит у него голос, и два раза глубоко вздохнул.— Я не хочу этой должности. Мне и так уже хватило забот, и я хочу отдохнуть. Но в любом случае, спасибо, Боб. Спасибо, Джимми.

— Еще кандидатуры?

— Рой... Я тоже имею право высказаться.— Грант Каупер встал.— Род, я понимаю, какие чувства ты испытываешь. Ни один человек в здравом уме не ищет выборных постов — разве что повинуясь

чувству долга и желанию служить своему народу. Если ты снимешь свою кандидатуру, я намерен поступить так же. Мне не больше тебя нравятся головные боли.

— Подожди-ка, Грант. Ты...

— Нет, это *ты* подожди. Я думаю, ни один из нас не имеет права на самоотвод. Эту работу мы должны выполнять так же, как без разговоров заступаем на ночное дежурство, когда подходит очередь. Но я считаю, что нам нужно больше кандидатур.— Он окинул собрание взглядом и продолжил: — После утренней стычки у нас парней и девушек поровну, однако оба кандидата — мужчины. Это несправедливо. Э-э-э... господин председатель, я предлагаю кандидатуру Каролины Мшийени.

— Что? Эй, Грант, не валяй дурака. Я, конечно, буду неплохо выглядеть в качестве мэра, но я все равно за Родди.

— Это твое право, Каролина. Но ты должна оставить свою кандидатуру, так же как Род и я.

— Но за меня никто не будет голосовать!

— Вот здесь ты не права. Я буду голосовать за тебя. Но нам нужны еще кандидатуры.

— Собранию предложены три кандидатуры,— объявил Рой.— Кто-нибудь еще желает выступить? Если нет, я...

— Господин председатель!

— А? О'кей, Вакси, ты хочешь кого-нибудь предложить?

— Да.

— Кого же?

— Себя.

— Ты хочешь предложить *себя*?

— Ну да. А что тут такого? Я баллотируюсь на платформе строго научного правления. Я хочу, чтобы рационально мыслящим членам этой группы было за кого голосовать.

Килрой растерялся.

— Я не уверен, что это в рамках правильных парламентских процедур. Боюсь, мне придется...

— Какая разница? — рассмеялась Каролина.— *Я* его предлагаю! Но голосовать все равно буду за Родди.

— О'кей, четыре кандидата,— вздохнул Килрой.— Похоже, нам придется голосовать открыто: не из чего сделать бюллетени.

— Возражаю, господин председатель,— встал Боб Бакстер.— Я настаиваю на тайном голосовании. Мы вполне способны что-нибудь придумать.

И разумеется, они придумали. Камешками решили обозначить голоса, отданные за Рода, обломками прутиков — голоса за Каупера, зелеными листьями — за Каролину, а в качестве урны для голосования взяли одну из неудавшихся попыток Джимми слепить глиняный горшок.

— А как насчет Нилсена?— спросил Килрой.

— У меня есть предложение,— отозвался Джимми.— Я на днях сделал еще один горшок, но только он треснул. Я принесу обломки, и все, у кого голова с такой же трещиной, будут голосовать ими за Вакси.

— Господин председатель, я протестую против подобного...

— Тихо, Вакси. Куски обожженной глины — за тебя, камни — за Уокера, щепки — за Каупера, листья — за Кэрол. Выбирайте свои бюллетени и по очереди опускайте их в урну. Коротыш, и ты, Марджери, будете счетной комиссией.

В отсветах костров счетная комиссия подвела итоги. Пять голосов за Рода, один за Нилсена, ни одного за Каролину и двадцать два за Каупера. Род пожал ему руку и удалился в темноту, чтобы никто не видел его лица. Каролина взглянула на результаты и воскликнула:

— Эй, Грант! Ты же обещал голосовать за меня. В чем дело? Или ты за себя проголосовал, а?

Род промолчал. Сам он голосовал за Каупера, но был уверен, что новый мэр не ответил на его любезность тем же. Род прекрасно знал, кто эти пятеро друзей, отдавших за него свои голоса. Черт! Ведь он понимал, чем кончится дело. Почему Грант не дал ему снять свою кандидатуру?

Никак не отреагировав на вопрос Каролины, Грант занял место председательствующего и произнес:

— Спасибо! Спасибо вам всем. Я знаю, что вы уже хотите спать, и поэтому сегодня лишь назначу несколько комитетов...

Род заснул далеко не сразу. Долго убеждал себя, что проиграть выборы — вовсе не бесчестье: в конце концов, его отец тоже провалился, когда выдвигал свою кандидатуру в окружной административный

совет. И кроме того, говорил себе Род, такая орава диких обезьян кого угодно может свести с ума, так что, может, оно и к лучшему. Ведь он в общем-то и не *хотел* этой должности... Однако внутри почему-то все сжималось от обиды, и поражение не давало покоя.

Казалось, едва он заснул... Рядом стоял отец и говорил: «Ты же знаешь, мы тобой гордимся, сынок. Но если бы ты предусмотрел...» Тут кто-то тронул его за плечо.

Род мгновенно проснулся, вскочил и выхватил из ножен «Полковника Боуи».

— Убери свою зубочистку,— прошептал Джимми,— а то кого-нибудь ненароком прирежешь. Меня, например.

— Что случилось?

— Ничего, просто сейчас моя очередь следить за костром. Но все равно поднимайся — у нас будет заседание тайного совета.

— Что?

— Заткнись и иди за мной. Только тихо: люди спят.

«Тайный совет», как оказалось, состоял из Джимми, Каролины, Жаклин, Боба Бакстера и Кармен Гарсиа. Они собрались вместе внутри охраняемого кострами круга, но на противоположном краю от спящих. Род огляделся и спросил:

— Что это вы надумали?

— Дело вот в чем,— с ходу начал Джимми.— Ты по-прежнему остаешься для нас капитаном, и, по нашему общему мнению, эти выборы — все равно что крапленая колода.

— Верно,— согласилась Каролина.— Чего стоят одни эти заумные разговорчики!

— Но ведь все могли выступить. И все голосовали.

— Да,— признался Бакстер.— Но тем не менее...

— Все было по правилам. У меня нет претензий.

— Я понимаю. Однако... Не знаю, много ли тебе довелось вкусить политической жизни там, на Земле... Мне и самому не часто приходилось сталкиваться с подобными ситуациями — разве что в религиозных вопросах, но у нас, квакеров, все это делается иначе. Мы просто ждем наития. Болтовни сегодня было много, но в действительности это лишь ловкий маневр. Еще утром ты прошел бы единогласно, а уже вечером у тебя не осталось никаких шансов.

— Короче, вопрос стоит так: согласны мы или нет? — закончил за него Джимми.

— А что мы можем сделать?

— Как что? Мы не обязаны сидеть здесь на привязи. Мы по-прежнему одна маленькая группа и можем просто уйти куда-нибудь в другое место. Найдем пещеру побольше...

— Вот именно,— согласилась Каролина.— Можно прямо сейчас.

Род задумался. Идея, конечно, была соблазнительная. Они вполне способны обойтись без остальных, особенно таких, как Нилсен. Или Каупер. Род осознал, что друзья по-настоящему преданы ему, что они выберут изгнание, но не оставят его, и от волнения у него вдруг перехватило дыхание. Он повернулся к Жаклин.

— А ты, Джекки?

— Мы ведь партнеры, Род. Навсегда.

— Боб, вы в самом деле хотите этого? И ты, и Кармен?

— Да, но...

— Что «но»?

— Род, мы, понятно, с тобой. Выборы выборами, но ты принял нас к себе в команду, когда мы оказались в беде, и мы никогда этого не забудем. Более того, я думаю, Каупер никогда не станет таким капитаном, каким мог бы стать ты. Но есть одно дело.

— Какое именно?

— Если ты решишь, что надо уходить, то давай отложим это на один день. Мы с Кармен были бы очень благодарны...

— Зачем это? — спросила Каролина.— Сейчас самое время.

— Дело вот в чем... У них тут настоящая колония, поселение со своим мэром, а всем известно, что выбранный по закону мэр может оформлять браки.

— О! — спохватилась Каролина.— Молчу, молчу.

— О религиозной стороне мы с Кармен позаботимся сами — у нас это несложно. Но на тот случай, если нас спасут, мы бы хотели, чтобы все формальности гражданского брака были соблюдены. Родителям так будет спокойней. Понимаешь?

— Понимаю,— кивнул Род.

— Но если ты скажешь, что идем сейчас...

— Не скажу,— ответил Род, неожиданно решившись.— Мы останемся и поженим вас как положено. А затем...

— А затем смоемся под звуки свадебной музыки,— закончила Каролина.

— А затем посмотрим. Может быть, Каупер окажется неплохим мэром. Нам вовсе не обязательно уходить только потому, что я проиграл выборы.— Род обвел своих друзей взглядом.— Но... я вам всем очень благодарен. Я...

Он не справился с охватившими его чувствами и умолк. Кармен шагнула вперед и чмокнула его в щеку.

— Спокойной ночи, Род. Спасибо.

9. «РАДОСТНОЕ ЗНАМЕНИЕ»

Мэр Каупер начал неплохо. Прежде всего он одобрил, поддержал и запустил в работу предложение выделить Кармен и Бобу отдельное жилье. Для этого все на время оставили стену и дружно принялись за строительство коттеджа для новобрачных. И только когда его помощник, Рой Килрой, напомнил ему, Каупер распорядился насчет охоты.

Сам мэр тоже работал не покладая рук — свадьбу назначили на вечер, и он объявил, что дом должен быть готов к заходу солнца. Построить они его построили, только для этого пришлось разобрать часть стены: не хватало камня. Поскольку не было ни инструментов, ни брусьев, а вместо раствора месили глину, конструкция, понятно, получилась предельно простой — прямоугольная коробка в рост человека и площадью метра в два с дырой в одной из стен. Крышу сложили из стеблей высоченной травы, что росла выше по течению. Трава здорово напоминала по виду бамбук, и это название быстро закрепилось. Стебли обрезали, уложили рядами и навалили сверху глины — крыша сильно просела, но удержалась.

Как бы то ни было, у них вышел настоящий дом и даже с закрывающейся дверью, которую сделали из травяной циновки, натянутой на бамбуковую раму. Дверь не поворачивалась на петлях и не запиралась, но по крайней мере ее можно было поставить на место и прижать камнем. На полу в доме насыпали чистого песка и настелили свежих листьев.

Не бог весть какое жилище для человека: гораздо больше строение походило на будку для сенбернара. Но за долгую историю человечества людям приходилось жить в домах и похуже. Боба и Кармен жилище вполне устраивало.

Во время перерыва на ленч Род намеренно сел неподалеку от группы, окружавшей Каупера. Ночью он долго себя убеждал и в конце концов убедил, что правильнее всего будет «сделать хорошую мину при плохой игре». Для начала не избегать Каупера.

В тот день готовила Марджери Чанг. Она отрезала Роду кусок обжаренного на огне мяса, и он, поблагодарив повара, впился в него зубами. Каупер вещал. Род не старался подслушивать, но никаких причин не слушать тоже не было.

— ... А это единственный способ привить нашей группе необходимую дисциплину. Я не сомневаюсь, что вы согласитесь.— Тут Каупер поднял взгляд и заметил Рода. На лице его промелькнуло раздражение, но он тут же улыбнулся.— Привет, Род.

— Привет.

— Слушай, старина, у нас тут заседание исполнительного комитета. Ты не мог бы поесть где-нибудь в другом месте?

Род покраснел и встал.

— Ради Бога.

Каупер, похоже, о чем-то подумал и добавил:

— Тут никаких секретов, разумеется, но работа есть работа. А вообще-то, может быть, и тебе стоит к нам присоединиться: глядишь, что-то и присоветуешь.

— А? Нет уж! Я и не думал, что вы тут что-то обсуждаете.— Он двинулся прочь.

Настаивать Каупер не стал.

— Ладно, надо работать. Еще полно всяких дел. Позже увидимся. В любое время.— Он снова улыбнулся и повернулся к своему комитету.

Чувствуя, что на него обращают внимание, Род пошел через лагерь. Затем его окликнули, и, увидев Джимми Трокстона, он обрадованно двинулся в его сторону.

— Пойдем за стену,— тихо сказал Джимми.— Тайная шестерка устраивает пикник. Ты не видел счастливую парочку?

— Кармен и Боба?

— А ты знаешь какую-нибудь другую счастливую парочку? О, вон они, разглядывают голодными глазами свой будущий особняк. Иди, там увидимся.

Род вышел за стену и обнаружил, что Жаклин и Каролина уже там: сидят у воды и уминают мясо. По привычке он огляделся,

высматривая, где могут прятаться хищники, и прикидывая маршрут отступления к ограде, но все это почти бессознательно — на открытой местности, да еще когда рядом столько людей, опасности, пожалуй, никакой не было. Он подошел к девушкам и сел.

— Привет, девчонки.

— Привет, Род.

— Привет, Родди,— отозвалась Каролина.— Что новенького?

— Ничего, похоже. Слушай, а что, Грант назначил вчера и исполнительный комитет?

— Он назначил тысячу комитетов, но про исполнительный я ничего не слышала. Видимо, он сделал это, когда мы уже разошлись. И зачем он ему? Нам исполнительный комитет нужен как собаке пятая нога.

— Кто туда входит, Род? — спросила Жаклин.

Род по памяти перечислил сидевших вокруг Гранта. Жаклин задумалась.

— Похоже, это все его дружки из Теллерского университета.

— Видимо, да.

— Не нравится мне это.

— А что тут плохого?

— Пока, возможно, ничего. Этого даже следовало ожидать. Но мне было бы спокойнее, если бы там участвовали все классы, а не только эта великовозрастная банда. Сам понимаешь...

— Ну подожди, Джекки, надо дать ему время, а там видно будет.

— Да что тут смотреть? — сказала Каролина.— Вся эта банда, что ты назвал, как раз и есть те люди, которых его величество назначил руководителями других комитетов. Маленькая сплоченная клика. Ты, наверно, заметил, что из нашей шестерки никого в важные комитеты не назначили: меня — в комитет уборки и санитарии, Джекки — в комитет питания, а тебя вообще никуда. Ты должен быть и в конституционном, и в юридическом, и в организационном, но он назначил председателем этих комитетов себя, а тебя вообще не пригласил. Что получается?

Род промолчал, и Каролина продолжила:

— Я тебе скажу, что получается. Мы и оглянуться не успеем, как у нас появится выборный комитет. Затем окажется, что занимать ведущие должности могут только те, кто достиг определенно-

го возраста, скажем, двадцати одного года. А вскоре исполнительный комитет превратится в сенат — только называться, может, будет как-нибудь по-другому — с правом вето, которое можно отменить лишь тремя четвертями голосов, чего нам никогда не добиться. Я думаю, мой дядя Фил так бы и сделал.

— Твой дядя Фил?

— О, вот это политик! Я его никогда не любила — за время своей карьеры он перецеловал столько детишек, что у него губы вытянулись трубочкой,— и всегда пряталась, когда он приезжал к нам в гости. Но вот натравить бы его на нашего императора, то-то была бы битва динозавров! Ты же видишь, Род, нас окрутили как младенцев, и я думаю, надо сниматься отсюда сразу после свадьбы.— Она повернулась к Жаклин.— Верно я говорю?

— Конечно... если Род согласен.

— Нет, я не согласен, Кэрол. Мне и самому ситуация не особенно нравится. Сказать по правде... я был здорово обижен, что меня вышибли с должности капитана. Но я не хочу, чтобы вы все уходили отсюда только из-за этого. Нас не так много, чтобы мы могли основать новую колонию, причем столь же безопасную.

— Бог с тобой, Родди! Там, в лесах, еще в три раза больше народа, чем здесь, в лагере, и теперь мы будем осторожнее и разборчивее. А потом, шестеро — это не так уж мало. Мы выживем.

— Не шестеро, Кэрол. Четверо.

— Как это? Шестеро! Мы вчера только собирались!

Род покачал головой.

— Кэрол, разве можем мы настаивать, чтобы Боб и Кармен ушли после того, как все остальные сделали им такой свадебный подарок — собственный дом?

— А черт!.. Мы построим им новый дом!

— Они пойдут с нами, Кэрол, но настаивать на этом, сама понимаешь...

— Я думаю, Род прав, Кэрол,— признала Джекки.

Спор закончился с появлением Боба, Кармен и Джимми. Джимми объяснил, что они задержались потому, что обследовали дом.

— Как будто я и без того не знаю в нем каждый камень! О, моя бедная спина!

— Джимми, мы очень ценим твои усилия,— ласково сказала Кармен.— Я тебе разотру спину.

— Заметано! — Джимми повалился на землю лицом вниз.

— Эй! — возмутилась тут же Каролина.— Я камней перетаскала не меньше его. Он-то как раз только стоял и командовал.

— У надсмотрщика всегда самая тяжелая работа,— самодовольно произнес Джим.— А тебе пусть Боб спину разотрет.

Однако ни Джимми, ни Кэрол обещанных процедур не дождались. На стену взобрался Рой Килрой и крикнул оттуда:

— Эй, внизу! Перерыв окончен. Пошли работать.

— Извини, Джимми. Позже.— Кармен повернулась к стене.

Джимми вскочил на ноги.

— Боб, Кармен! Подождите. Я хотел что-то сказать.

Все остановились. Род махнул Килрою рукой и крикнул:

— Сейчас будем!

Джимми никак не мог подобрать нужные слова.

— Э-э-э... Кармен и Боб...— сказал он наконец.— Будущие Бакстеры. Вы знаете, что все мы вас очень любим. И здорово, что вы решили пожениться... У каждой семьи должна быть свадьба. Но... Короче, в магазинах тут не густо, и мы не знали, что вам подарить... Однако поговорили и решили подарить вам вот это. От всех нас. На свадьбу.— Джимми сунул руку в карман, достал свою затрепанную, грязную колоду карт и вручил ее Кармен.

Боб Бакстер не сразу нашелся что сказать.

— Боже, Джимми, мы не можем принять твои карты. Это ведь *единственная* колода на все поселение.

— Я... я хочу, чтобы это были ваши карты.

— Но...

— Помолчи, Боб,— Кармен взяла из рук Джимми колоду.— Спасибо, Джимми. Огромное спасибо. Спасибо вам всем.— Она обвела их взглядом.— Я хотела сказать, что наша свадьба ничего не меняет. Мы по-прежнему одна семья. Приходите к нам в гости... играть в карты... как и раньше...— Кармен умолкла и всхлипнула, уронив голову Бобу на плечо.

Боб успокаивающе погладил ее по голове. Джимми часто заморгал, а Род просто не знал, что сказать от волнения. Кармен обняла одной рукой своего суженого, другой — Джимми, и они двинулись обратно к лагерю. Род и двое девушек шли чуть позади.

— Джимми вам что-нибудь говорил об этом? — прошептал Род.

— Нет,— ответила Жаклин.

— Мне тоже,— подтвердила Каролина.— Я собиралась подарить им свою сковородку, но теперь подожду день-другой.

В той самой «сумке с камнями» оказалось много всякой всячины, и среди прочего дневник с тонкими листами, губная гармошка и маленькая сковородка — весьма странный набор снаряжения для проверки на выживание. Время от времени она удивляла всех, извлекая откуда-то разные другие полезные мелочи. Никто не мог понять, почему Каролина взяла их с собой и как она умудрилась сохранить все это, выбросив сумку, но, как говорил Мастер Мэтсон: «У каждого свои методы. Выживание — не наука, а искусство». Так или иначе, появившись у входа в пещеру, Каролина была здорова, сыта и удивительно опрятна, хотя она целый месяц провела среди дикой природы.

— Они подумают, что это слишком ценный подарок, Кэрол.

— Я все равно не могу ей пользоваться, когда нас так много. И мне очень хочется сделать им подарок.

— Я подарю ей две иголки и нитки. Боб заставил ее оставить набор для шитья, чтобы взять побольше лекарств. Но я тоже немного подожду.

— А у меня вообще ничего нет,— расстроился Род.

— Ты можешь сделать для них бурдюк,— подсказала Жаклин, бросив на него заботливый взгляд.— Их это сильно обрадует. А чтобы он долго служил, мы истратим немного дубильного препарата из моих запасов.

Род сразу же повеселел.

— Слушай, а ты здорово придумала!

— Мы собрались сегодня,— торжественно произнес Грант Каупер,— чтобы соединить двух этих молодых людей священными узами брака. Я не буду задавать традиционных вопросов, так как все мы прекрасно знаем, что никаких препятствий этому союзу не существует. И вообще, более радостное событие для нашего маленького поселения даже представить себе трудно. Я бы сказал, это радостное знамение грядущих перемен, надежда на будущее, гарантия того, что мы твердо решили сохранить огонь цивилизации, зажженный на этой планете, и передать его следующим поколениям. А это означает...

Дальше Род не слушал. Он стоял справа от жениха в качестве шафера. Обязанности его ничего сложного из себя не представляли, но ему вдруг невыносимо захотелось чихнуть. Он долго морщил нос, яростно тер верхнюю губу и наконец справился с собой. Следя за церемонией, Род тихо вздохнул и впервые почувствовал облегчение от того, что эта работа досталась Гранту Кауперу. Тот, похоже, знал все нужные слова, чего про себя Род сказать не мог.

Слева от невесты стояла Каролина Мшийени. Обе девушки держали в руках букеты алых цветов. Каролина, как обычно, была в шортах и рубашке, а невеста в джинсах и легкой куртке. Кармен причесалась и заплела волосы в косу, отмытое по случаю свадьбы лицо буквально светилось в отблесках костра, и вся она была в этот момент сказочно красива.

— Кто отдает эту женщину?

Джимми Трокстон шагнул вперед и хрипло ответил:

— Я!

— Кольцо, пожалуйста.

Немного замешкавшись, Род стянул кольцо с мизинца и вручил его Кауперу. За неимением другого, пришлось взять у Билла Кеннеди на время выпускное кольцо школы «Понс де Леон».

— Кармен Элеонора, согласна ли ты взять в мужья этого мужчину, чтобы любить его и заботиться о нем и быть рядом в горе и радости, пока не разлучит вас смерть?

— Согласна.

— Роберт Эдвард, согласен ли ты взять в жены эту женщину? Будешь ли ты любить ее, заботиться о ней и хранить ей верность, пока не разлучит вас смерть?

— Буду. В смысле, согласен. И то и другое.

— Возьми ее руку в свою, надень ей на палец кольцо, и повторяйте за мной...

На Рода снова напал чих; он боролся изо всех сил и пропустил мимо ушей значительную часть речи.

— ... Итак, властью, данной мне как законно избранному главе магистрата этого суверенного поселения, я объявляю вас мужем и женой! Теперь поцелуй жену, парень, пока я тебя не опередил.

Кэрол и Джекки почему-то плакали, а Род никак не мог понять почему. Он пропустил свою очередь целовать молодую жену, но

она сама повернулась к нему, обняла за шею и поцеловала. Затем он долго тряс руку Бобу.

— Ну вот, поздравляю. Не забудь, что ты должен внести ее через порог на руках.

— Не забуду.

— Ты просил напомнить... И благослови вас Господь!

10. «ВНОШУ ПРЕДЛОЖЕНИЕ»

Разговоров о том, чтобы уйти, больше не возникало. Даже Каролина успокоилась.

Но разговоров на другие темы хватало. Каупер созывал общее собрание каждый вечер. Начинались они с отчетов комитетов: комитет продовольственных ресурсов и заготовок, комитеты инвентаризации, уборки и санитарии, внешней безопасности, трудовых ресурсов и распределения работ, иммиграции, сохранения искусства и науки, конституционный комитет, комитет питания, юридический, по строительству и планированию...

Каупер, похоже, наслаждался всей этой говорильней, и Род признавал, что остальным она тоже вроде бы нравится. К большому своему удивлению, он обнаружил, что и сам с нетерпением ждет вечеров, создававших некое подобие общественной жизни в поселении, а кроме того, служивших, пожалуй, их единственным развлечением. Каждый вечер разгорались настоящие словесные баталии, часто переходили на личности и весьма ядовито критиковали всех подряд — собраниям не хватало порой джентльменской официальности, присущей более зрелым конгрессам, но этот недостаток с лихвой окупался остротой и живостью. Роду просто нравилось растянуться на земле рядом с Джимми и слушать его язвительные комментарии об умственных способностях, мотивах поведения и родословной каждого из выступающих. Не меньшее удовольствие доставляли ему и критические выпады Каролины.

Правда, в последнее время она немного сбавила накал своих критических наскоков. Узнав, что у нее есть дневник и что она владеет стенографией, Каупер сразу назначил ее летописцем.

— Крайне важно,— поведал он ей в присутствии всей колонии,— чтобы мы сохранили для грядущих поколений полный отчет о героических первых днях. Ты делаешь записи каждый день?

— Разумеется. Дневник для этого и предназначен.

— Отлично! Отныне это будет официальный документ. Хотелось бы, чтобы ты записывала все важные события каждого дня.

— Как скажешь. Я и так делаю это каждый день.

— Да, но надо подробнее. И я хочу, чтобы ты фиксировала наши заседания тоже. Это будет неоценимый документ для историков, Кэрол.

— Еще бы!

Каупер на секунду задумался.

— Сколько у тебя осталось чистых листков?

— Сотни две, пожалуй.

— Отлично! Это сразу решает проблему, которая мучила меня уже давно. Нам э-э-э... придется конфисковать половину бумаги на официальные нужды — объявления, протоколы комитетов и тому подобное.

— Это довольно много бумаги,— с деланным удивлением произнесла Каролина.— Ты лучше пошли за ней двоих-троих крепких парней.

— Ты шутишь...— озадаченно сказал Каупер.

— А еще лучше четверых. С тремя я, пожалуй, справлюсь, и кому-то из них придется несладко.

— Но послушай, Каролина, это только временная мера, в интересах всего общества. К тому времени, когда тебе понадобятся эти листки, мы уже научимся делать другие материалы для записей.

— Вот давай учись. А дневник — мой!

Обычно Каролина сидела рядом с Каупером и, пристроив дневник на коленях, делала записи. Каждый вечер она открывала заседание, зачитывая выдержки из протокола предыдущего собрания. Род как-то не удержался и спросил, неужели она и в самом деле записывает эту бесконечную трепотню.

— Боже упаси! Конечно нет!

— То-то я и думаю. Записывать все подряд — никакой бумаги не хватит. Однако твои «выдержки» всегда точны.

Каролина усмехнулась.

— Родди, хочешь, я тебе прочту, что я записываю на самом деле? Только обещай, что никому не скажешь.

— О чем речь!

— Зачитывая «выдержки», я просто вспоминаю, о чем болтали предыдущим вечером — у меня отличная память. А бумагу я трачу вот на что... Сейчас покажу...— Она достала дневник из кармана.— Например, вчерашнее заседание. «Его величество назначил собрание сразу после вечерней отрыжки. Слушали комитет по кошкам и собакам. Выяснилось: нет ни кошек, ни собак. Долго обсуждали острую нехватку и тех, и других. Затем закрыли заседание, и те, кто еще не уснул, отправились спать».

Род ухмыльнулся.

— Хорошо, что Грант не знает стенографии.

— Разумеется, если происходит что-то действительно важное, я записываю. Но не эту болтовню.

Впрочем, когда бумага требовалась для чего-то стоящего, Каролина не жадничала. На одном из листков они оформили свидетельство о браке: Ховард Голдштейн, студент-юрист из Теллерского университета, написал официальный текст, а подписали документ сами Бакстеры, Грант Каупер и Род с Каролиной в качестве свидетелей. Каролина, прежде чем преподнести свидетельство молодоженам, еще и украсила его цветочным орнаментом и изображениями голубков.

Были и другие, кому казалось, что новое правительство больше говорит, чем делает. К таким относился и Боб Бакстер, но чета квакеров присутствовала на собраниях не так часто. Как-то в конце первой недели правления Каупера после бесконечных докладов комитетов слово попросил Коротыш Дюмон.

— Господин председатель!

— Что такое, Коротыш? Может, ты подождешь? Перед тем как перейти к следующему вопросу, я хотел сделать объявление.

— Это как раз по поводу отчетов наших комитетов. Когда будет отчитываться конституционный комитет?

— Но я уже отчитался.

— Ты сказал, что готовится новый, доработанный вариант конституции и поэтому отчет переносится на более поздний срок. По-моему, это не называется «отчитался». Я хочу знать, когда у нас

будет постоянная конституция вместо этих временных постановлений, которые плодятся каждый день. Когда прекратится это взвешенное состояние?

Щеки Каупера налились краской.

— Ты возражаешь против моего решения?

— Не то чтобы возражаю, но и не соглашаюсь тоже. Род проиграл, и мы выбрали тебя как раз потому, что ты проповедовал конституционное правительство вместо диктатуры. Я за тебя поэтому и голосовал. Теперь я хочу знать, где наши законы? Когда мы будем их принимать?

— Ты наверняка понимаешь,— старательно подыскивая слова, ответил Каупер,— что конституция не создается за одну ночь. Тут необходимо учесть много разных моментов.

— Безусловно. Но пришло время и нам узнать, что за конституцию вы готовите. Как там насчет Билля о правах? Он-то хоть у вас уже готов?

— Всему свое время.

— А чего тут тянуть? Вношу предложение: для начала давайте примем в качестве первой статьи Билль о правах.

— Не принимается! И кроме того, у нас даже нет его текста.

— Не беспокойся. Я его помню наизусть. Ты готова, Кэрол? Записывай...

— Не надо,— ответила Каролина.— Я его тоже знаю. И уже пишу.

— Вот видишь? Оказывается, ничего сложного тут нет, Грант. Большинство из нас способно прочесть Билль по памяти. Так что хватит откладывать на потом.

— Молодец, Коротыш! Так ему! Поддерживаю предложение! — закричали со всех сторон.

Перекрывая гвалт, Каупер призвал собрание к порядку, затем сказал:

— Сейчас не место и не время. Когда конституционный комитет доложит о своей работе, вы убедитесь, что все демократические свободы соблюдены, а права надежно гарантированы — с некоторыми изменениями, вызванными жесткими и опасными условиями, в которых мы оказались.— Он улыбнулся и продолжал: — А теперь давайте вернемся к делу. У меня есть объявления, касающиеся порядка выхода на охоту. Отныне каждая охотничья группа будет...

Дюмон все еще стоял.

— Я сказал «хватит откладывать», Грант. Ты сам говорил, что нам нужны законы, а не произвол лидера. Но пока ты только приказываешь, а законов что-то не видно. Каковы твои обязанности? Где границы твоей власти? Ты что, истина в последней инстанции? Или у нас тоже есть права?

— Замолчи и сядь!

— Как долго ты можешь находиться у власти?

Каупер сделал над собой усилие и уже спокойным тоном сказал:

— Коротыш, если у тебя есть предложения по этим вопросам, внеси их на рассмотрение комитета.

— К черту комитет! Я настаиваю на прямом ответе.

— Не принимается!

— Ах, не принимается? Я требую, чтобы конституционный комитет отчитался в своей работе. И я не сяду, пока не получу ответ. Здесь общее собрание, и у меня столько же прав, как у всех остальных.

Каупер покраснел от злости.

— Ты уверен? — спросил он многозначительным тоном.— Сколько тебе лет, Коротыш?

Дюмон взглянул на него в упор.

—*Вот оно что!* Теперь все ясно! — Он обвел собравшихся взглядом.— Я вижу, что здесь есть люди даже моложе меня. Вы чувствуете, на что он намекает, а? Граждане второго сорта! Он собирается воткнуть в эту так называемую конституцию ограничения прав по возрасту! А, Грант? Ну-ка смотри мне в глаза и отвечай!

— Рой! Дейв! Усадите его силой!

Род внимательно прислушивался к перепалке: представление оказалось гораздо интересней, чем обычно. Джимми по своему обыкновению добавлял ко всему сказанному непочтительные комментарии. Теперь он наклонился и прошептал:

— Ну вот, началось. Мы как, выбираем, на чьей мы стороне, или тихо растворяемся в ночи и смотрим на этот цирк со стороны?

Не успел Род ответить, как Коротыш дал всем понять, что помощь ему не требуется — по крайней мере сейчас.

— Пусть только попробуют. Кого-то придется откачивать,— сказал он, принимая боевую стойку. Он даже не потянулся за ножом, но и так было видно, что Коротыш всерьез настроен драться.

— Грант, я хочу сказать еще кое-что, а потом уж заткнусь.— Коротыш повернулся и заговорил, обращаясь ко всем сразу.— Вы видите, что у нас нет никаких прав и положение наше неясно, однако мы уже заорганизованы до такой степени, что это напоминает смирительную рубашку. Комитеты для этого, комитеты для того, а что толку? Лучше что ли стало после того, как появились эти недопеченные комитеты? Стена еще не закончена, в лагере грязнее прежнего, и никто не знает, что ему положено делать. У нас вчера даже сигнальный костер погас! Когда течет крыша, надо не комитеты назначать, а чинить крышу. Я предлагаю опять отдать правление Роду, разогнать эти дурацкие комитеты и заняться делом. Кто-нибудь меня поддерживает? Подайте голос!

Поднялся страшный гвалт. Кричали, должно быть, меньше половины собравшихся, но Каупер уже понял, что теряет свои позиции. Рой Килрой прокрался сзади Коротыша и вопросительно взглянул на Каупера. Джимми толкнул Рода в бок и прошептал:

— Приготовься!

Однако Каупер поглядел на Роя и покачал головой.

— Коротыш,— сказал он спокойно,— ты закончил речь?

— Это не речь. Это предложение для голосования. И не вздумай сказать, что оно не принимается!

— Я не понял твоего предложения. Будь добр, повтори.

— Ты прекрасно все понял. Я предлагаю снять тебя с должности мэра и отдать ее снова Роду.

— Эй, Грант,— заговорил Килрой.— Так не положено. Это не по...

— Тихо, Рой. Коротыш, твое предложение не принимается.

— Я просто ждал, когда ты это скажешь!

— И на самом деле тут два предложения. Однако я не стану мелочиться. Ты утверждаешь, что никому мои порядки не нравятся? Давай сейчас и узнаем. Кто-нибудь поддерживает это предложение?

— Да!

— Я поддерживаю!

— Ладно, предложение поддерживается. Предлагается отозвать меня и передать правление Роду. Кто-нибудь желает выступить?

Пожелали сразу несколько, но Род добился своего, просто перекричав остальных.

— Господин председатель! Важное заявление!

— Слово предоставляется Роду Уокеру.

— Поскольку вопрос касается меня самого, я хочу сделать заявление.

— Да? Вперед.

— Я понятия не имел, что Коротыш решил меня выдвинуть, Грант. Скажи ему, Коротыш.

— Верно.

— О'кей-о'кей,— произнес Грант, поморщившись.— Еще кто-нибудь? Только не орите, а поднимайте руки.

— Я еще не закончил,— сказал Род.

— И что же?

— Я не только не знал об этом предложении, но еще и не одобряю его. Коротыш, я прошу тебя снять свое предложение.

— Нет!

— Думаю, так будет правильнее. У Гранта была всего неделя, и за такое время нельзя ожидать чудес. Я-то уж знаю. С этим дикарским племенем и у меня забот хватало. То, что он делает, может тебе не нравиться — мне самому многое тут не нравится,— но этого следовало ожидать. И если ты воспользуешься подобными настроениями как поводом, чтобы снять его с должности, тогда в нашей группе наверняка произойдет раскол.

— Так это не я виноват, а Грант! Может, он и старше меня, но если ему кажется, что мое слово от этого меньше значит, то ему лучше хорошенько подумать еще раз. Я его предупредил. Ты слышал, Грант?

— Слышал. Но ты меня неправильно понял.

— Черта с два я неправильно понял!

— Коротыш,— настаивал Род,— ты согласен снять предложение? Я прошу тебя сам. *Пожалуйста.*

Коротыш Дюмон на уговоры не поддался. Род беспомощно поглядел на Каупер, пожал плечами и сел. Каупер отвел взгляд в сторону и ворчливо спросил:

— Есть еще желающие продолжить прения? Вот там, сзади... Агнесса? Пожалуйста.

Джимми снова наклонился и прошептал:

— За каким чертом ты это сделал, Род? Благородство тебе не идет.

— Благородство тут ни при чем. Я знаю, что делаю,— так же тихо ответил Род.

— Ты потерял шанс на переизбрание.

— Тише...— Род прислушался к выступлению: у Агнессы Фрис, судя по всему, накопилось немало претензий.— Джим?

— Что?

— Встань и предложи разойтись.

— Как? Все испортить, когда началось самое интересное? Сейчас кто-нибудь кому-нибудь еще и в волосы вцепится. Надеюсь.

— Не спорь. Сделай, о чем прошу. Или я тебе сам устрою интересную жизнь.

— Ладно. Обломщик! — Джимми нехотя встал на ноги, глубоко вздохнул и закричал: — Вношу предложение закрыть заседание и разойтись!

— Поддерживаю предложение! — заорал Род, вскакивая.

Каупер даже не взглянул в их сторону.

— Не принимается. Сядьте.

— Предложение закрыть собрание не может не приниматься,— громко сказал Род.— Такое предложение всегда принимается, всегда приоритетно и не подлежит обсуждению. Настаиваю на голосовании!

— Я не давал тебе слова. А предложение о переизбрании я поставлю на голосование, даже если это будет последнее, что мне удастся сделать.— По лицу Каупер было заметно, что он здорово зол.— Ты закончила, Агнесса? Или будешь обсуждать еще и мое умение вести себя во время еды?

— Ты обязан принять это предложение,— настаивал Род.— Я требую голосования!

Его поддержали криками с мест, совершенно заглушившими Агнессу Фрис. Грант даже не мог предоставить слово новому выступающему. Собрание выло и улюлюкало.

Каупер поднял обе руки вверх, призывая всех к тишине и произнес:

— Поступило предложение закрыть собрание. Кто за это предложение, говорит «да».

— Да-а-а!

— Против?

— Никого,— ответил Джимми.

— Собрание объявляется закрытым,— отрезал Каупер и быстро удалился в темноту за кругом костров.

Коротыш Дюмон подскочил к Роду, встал на пути и посмотрел ему в глаза снизу вверх.

— Хорош друг! — презрительно произнес он, плюнул на землю и пошел прочь.

— Да,— согласился Джимми,— ты что? Приступ шизофрении? Или тебя в младенчестве головой вниз уронили? В правильных дозах это твое благородство могло вернуть все назад — так нет же, ты совсем меры не знаешь!

Джимми еще не закончил свою отповедь, когда подошла Жаклин.

— Я и не собирался ничего возвращать,— сказал Род.— И я говорил совершенно серьезно. Если турнуть капитана сейчас, когда в его распоряжении было всего-то несколько дней, наше поселение расколется на дюжину мелких группировок. И тогда я уже точно не смогу удержать всех вместе. Никто не сможет.

— Боже, Джекки, ну скажи ему.

Она нахмурилась.

— Джимми, ты просто прелесть, но по части сообразительности...

— *Et tu,** Джекки?

— Ладно, я научу тебя уму-разуму. А ты, Род, молодец. Завтра они это поймут. Сегодня все еще на взводе.

— Я только одного не понимаю,— сказал Род задумчиво.— Коротыш-то из-за чего так завелся?

— А ты не слышал? Впрочем, может быть, ты в это время был на охоте. Я сама не видел, но знаю, что он поцапался с Роем, а Грант отчитал его на глазах у всех. Видимо, у него комплекс из-за маленького роста,— задумчиво сказала Жаклин.— Он не любит, когда ему приказывают.

— Боже, да кто же это любит?

На следующий день Грант Каупер вел себя скорее как Царь Чурбан, нежели Царь Журавль, и делал вид, что ничего не случилось.

---

* *И ты (лат.).*

Однако гонора у него поубавилось. Во второй половине дня он отыскал Рода.

— Уокер. Ты не уделишь мне несколько минут?

— О чем речь.

— Тогда давай отойдем поговорим.

Грант отвел его подальше, где их никто не мог слышать, и они уселись прямо на землю. Род ждал, а Грант, видимо, не знал, с чего начать.

— Род, я понял, что на тебя можно положиться,— сказал он наконец и улыбнулся, только улыбка получилась немного вымученной.

— С чего ты так решил?

— С того, как ты вел себя вчера вечером.

— Ясно. Но можешь не обольщаться: я сделал это не ради тебя,— сказал Род.— Если уж начистоту, то ты мне не нравишься.

На этот раз Каупер даже не улыбнулся.

— Это взаимно. Ты мне совершенно не нравишься. Но мы должны ладить друг с другом, и я думаю, тебе можно доверять.

— Может быть.

— Ладно, я рискну.

— Хочу сразу сказать, что я согласен со всеми претензиями Коротыша. Меня не устраивает только его решение.

Губы Каупера изогнулись в кривой ухмылке, совсем не похожей на его обычную сияющую улыбку.

— Самое печальное здесь, что я тоже согласен со всеми его претензиями.

— В смысле?

— Род, ты, видимо, думаешь, что я полный идиот, но дело в том, что я действительно кое-что смыслю в теории государственного управления. Труднее всего ее применять в такой вот... переходный период вроде нашего. У нас здесь пятьдесят человек, и ни один из них не имеет практического опыта руководящей работы, даже я. Однако все считают себя крупными специалистами. Взять хотя бы это предложение насчет Билля о правах — ну ведь полная ерунда! Я достаточно знаю об этих вещах и понимаю, что комплекс прав и обязанностей, необходимых для нашей колонии, нельзя копировать слово в слово с документа аграрной демократии, и в такой же степени они отличаются от прав и обязанностей, необходимых для

индустриальной республики.— На лице его появилось обеспокоенное выражение.— И мы в самом деле хотели ввести ограничение на право голоса по возрасту.

— Только заикнись об этом, и тебя сбросят в реку.

— Знаю. И это одна из причин, по которой конституционный комитет до сих пор не отчитался. Другая причина... Черт бы все побрал! Ну как можно подготовить что-то вроде конституции, когда практически нет бумаги? Это кошмар!.. Однако насчет права голоса: самому старшему из нас двадцать два, самому младшему шестнадцать, и самые молодые как раз больше всех и лезут. Каждый — ну прямо гений или почти гений.— Каупер поднял взгляд.— Я не имею в виду тебя.

— Слава богу,— торопливо сказал Род,— потому что я никакой не гений.

— Ну, тебе и не шестнадцать уже. Но этот гениальный молодняк меня очень беспокоит. Все до одного — доморощенные юристы. У каждого всегда наготове какая-нибудь колкость, но ни одного дельного предложения. Мы думали, что с ограничением по возрасту — вполне разумным — старшая часть населения будет чем-то вроде противовеса, а они тем временем подрастут. Но, похоже, ничего из этого не выйдет.

— Не выйдет.

— Но делать-то что-то надо! Этот запрет на охоту смешанными парами... Он не был направлен, скажем, против вас с Кэрол, но она решила, что это именно так, и устроила мне жуткий скандал. А я лишь пытался защитить этих ребятишек. Черт! Лучше бы они все скорее выросли, попереженились и успокоились. Вот с Бакстерами, например, никаких проблем.

— Не волнуйся. Через год или около того девяносто процентов колонии будут составлять семейные люди.

— Надеюсь. Послушай... А ты сам часом не подумываешь?

— Я? — Род даже удивился.— И в голову не приходило.

— Да? А я думал... Впрочем, ладно. Я тебя отозвал не для того, чтобы расспрашивать о твоих личных делах. То, о чем говорил Коротыш, не так-то легко проглотить, но я собираюсь ввести кое-какие изменения. Большинство комитетов распускаются.

— В самом деле?

— Да. Ну их к черту! Все равно ничего не делают, только готовят доклады. Я собираюсь назначить одну из девушек главным поваром и одного из парней — главным охотником. А тебе я хотел предложить стать начальником полиции.

— Что? За каким дьяволом тебе начальник полиции?

— Ну как же... Кто-то же должен следить, чтобы распоряжения выполнялись. Сам знаешь — уборка лагеря и прочее. Кто-то должен следить за тем, чтобы всегда горел сигнальный костер: мы пока не досчитываемся тридцати семи человек — это без тех, про кого точно известно, что они погибли. Кто-то должен распределять ночные дежурства и проверять посты. Эти ребятишки просто с ума сходят, если за ними не присматривать. Как раз для тебя работа.

— Почему?

— Ну если быть практичным, Род... Сторонники есть и у меня, и тебя. Но когда все увидят, что мы заодно, неприятностей и беспорядков в лагере будет гораздо меньше. Колония от этого только выиграет.

Род не хуже Гранта понимал, что их группа должна жить сплоченно. Но Каупер просил поддержать его шаткую администрацию, а Род мало того что относился к нему неприязненно, но еще и был уверен, что кроме болтовни от Каупера ожидать нечего.

И дело не только в том, что стена до сих пор не достроена — нужно, просто необходимо было заняться еще множеством других дел. Кто-то должен искать соль, каждый день. Надо организовать регулярные поиски съедобных кореньев, ягод и прочего — сам он, например, уже просто устал от мясной диеты. Конечно, если разнообразить добычу и не есть только постное мясо, на здоровье это не отразится, но кому охота всю жизнь питаться одним лишь мясом? И эти вонючие шкуры... Грант распорядился, чтобы охотники обязательно снимали с убитых животных шкуры и приносили их в лагерь для использования в хозяйстве.

— Что ты собираешься делать с этими протухшими шкурами? — спросил Род неожиданно.

— А что?

— Воняют. Если ты назначишь меня на эту должность, я первым делом велю выбросить их все в реку.

— Но нам нужны шкуры. Половина лагеря уже сейчас ходит в лохмотьях.

— Шкур у нас будет предостаточно, но нам нужны дубильные вещества. При такой погоде одного солнца мало.

— Но у нас нет танина. Не говори ерунды, Род.

— Значит, надо отправить кого-то жевать кору, пока его не найдут. На вкус танин определяется совершенно безошибочно. И выброси эти шкуры наконец!

— Если я сделаю так, ты согласишься на мое предложение?

— Может быть. Ты сказал «следить, чтобы выполнялись распоряжения». Чьи распоряжения? Твои? Или Килроя?

— Обоих, видимо. Рой — мой заместитель.

Род покачал головой.

— Нет, благодарю за честь. У тебя уже есть Рой; значит, я тебе не нужен. Слишком много генералов и слишком мало солдат.

— Но, Род, мне действительно без тебя не обойтись. Рой не умеет ладить с молодыми ребятами. Он их раздражает.

— Меня тоже. Ничего не выйдет, Грант. И кроме того, мне не нравится этот титул — просто глупо звучит.

— Ну, выбери сам, как назваться. Капитан охраны там или управляющий поселения... Это не важно. Важно, чтобы кто-то навел порядок с ночными дежурствами и чтобы в лагере тоже был порядок. За молодняком нужно следить. Ты способен на это, а значит, это твой долг.

— А чем будешь заниматься ты сам?

— Прежде всего, мне нужно утрясти наш свод законов. Нужно планировать на будущее.. Боже, Род, у меня в голове сотни дел. Я просто не могу тратить время на то, чтобы разбираться в мелочных ссорах, когда, например, кто-нибудь из молодых донимает повара своими глупыми претензиями. Коротыш был прав: откладывать больше нельзя. Отдавая распоряжение, я хочу, чтобы закон меня поддерживал, а сейчас мне чаще всего приходится выслушивать замечания какого-нибудь сопляка. Я не справляюсь со всем этим один, мне нужна помощь. В такой ситуации грех отказываться, и все же...

— А как насчет Килроя?

— Черт побери, Род, ты не в праве просить, чтобы я вытолкал кого-то другого и освободил место для *тебя*.

— Я не прошу эту работу.— Род сомневался, стоит ли говорить, что для него, хоть он и осознавал общественную необходимость такого решения, этим дело не исчерпывается.

Поддержать человека, которому он проиграл выборы, это в каком-то смысле даже вопрос чести, благородное упрямство. Тем не менее он прекрасно понимал, что Каупер и Килрой люди очень разные.

— Я не буду таскать за него каштаны из огня. Грант, я готов служить тебе, потому что тебя выбрали. Но служить слуге я не собираюсь.

— Род, но сам подумай! Если ты получаешь приказ от Килроя, значит, это мой приказ. Он просто его передает.

Род встал.

— Нет.

Каупер в раздражении вскочил на ноги и быстро удалился.

В тот вечер собрания не было — впервые за все время после выборов. Род собирался навестить Бакстеров, но тут его снова отозвал в сторону Каупер.

— Твоя взяла. Я назначил Роя главным охотником.

— И что?

— Теперь ты — управляющий поселения, или Майская Королева, или как ты там еще придумаешь. Ночную вахту опять никто не назначил. Так что займись делом.

— Подожди-ка! Я не говорил, что согласен.

— Ты дал мне понять, что тебя не устраивает только Рой. Теперь приказы будут исходить исключительно от меня.

Род все еще не мог решиться. Каупер смерил его презрительным взглядом.

— Похоже, ты не хочешь помогать, даже когда все вышло по-твоему.

— Нет, но...

— Никаких «но». Берешься ты за эту работу или нет? Отвечай: да или нет?

— М-м-м... да.

— Договорились.— Каупер нахмурился и добавил: — Хотя я до сих пор не уверен, стоит ли по этому поводу радоваться.

— Не ты один.

Начав разбираться с ночными дежурствами, Род обнаружил, что каждый, к кому он обращался, считает, будто уже отдежурил боль-

ше всех остальных, а поскольку комитет внешней безопасности не вел никаких записей — и не мог их вести,— узнать, кто говорит правду, а кто хочет сачкануть, было просто невозможно.

— Все! Хватит! — сказал наконец Род.— Завтра же я составлю алфавитный список, и все будут дежурить строго по очереди. Я это сделаю, даже если мне придется выцарапать список на камне.

Похоже, в словах Гранта, когда тот говорил, что без бумаги приходится нелегко, была доля истины.

— А почему ты не поставишь на дежурство своего дружка Бакстера?

— Потому что мэр дал ему две недели свадебного отпуска. Как тебе прекрасно известно. И хватит болтать. Чарли тебя сменит, поэтому запомни, где он спит.

— Две недели безделья и мне не помешали бы. Пожалуй, я тоже женюсь.

— Пока еще никто из девушек из ума не выжил. Ты дежуришь с полуночи до двух.

Большинство приняли неизбежное, убедившись, что в будущем все будет честно, и только Пиви Шнайдер, самый молодой в их группе — ему едва стукнуло шестнадцать — продолжал качать права: он, мол, уже дежурил прошлой ночью и теперь по крайней мере три ночи дежурить не должен, и никто, так вашу и так, его не заставит.

На это Род сказал ему, что он или заступит на дежурство, или получит в ухо, после чего все равно придется дежурить. И добавил:

— Услышу еще хоть раз в лагере такие выражения, вымою тебе рот с мылом.

— Ха! Где ты возьмешь мыло? — Шнайдер тут же переменил тему.

— Пока у нас нет мыла, я буду пользоваться песком. И передай остальным, Пиви: в лагере больше не выражаться. Мы должны оставаться цивилизованными людьми даже в такой ситуации. Твое время — с четырех до шести, и покажи Кенни, где ты спишь.

Когда Пиви отошел, Род подумал, что неплохо бы начать собирать пепел и жир. Он очень смутно представлял себе, как делать мыло, но кто-нибудь наверняка знает... А мыло нужно отнюдь не для того только, чтобы воспитывать любителей грязной словесности. Последнее время ему нередко хотелось встать против ветра от самого себя, а носки он выкинул уже давно.

В ту ночь Род спал очень плохо. Просыпаясь, он каждый раз проверял дежурных, и дважды его будили, когда дежурным показалось, что в темноте за освещенной зоной кто-то бродит. Род и сам не мог сказать точно, но один раз он тоже разглядел большую длинную тень, скользившую в отдалении. Ложился он не сразу, оставаясь какое-то время рядом с дежурными — еще один ствол на случай, если ночной хищник рискнет прыгнуть через стену или костер. Очень хотелось выстрелить в крадущуюся тень, но он подавлял в себе это желание. Напасть на хищника означало лишь потратить драгоценные боеприпасы — хищников от этого едва ли станет заметно меньше. Вокруг лагеря каждую ночь бродили какие-то твари, но с этим приходилось мириться.

Наутро Род чувствовал себя усталым и разбитым. После четырех ночи он уже не ложился, проверял Пиви Шнайдера. Еще за завтраком у него возникла мысль забраться в пещеру и вздремнуть пару часов, но слишком много было дел. Он пообещал себе, что отоспится позже, и пошел искать Каупера.

— У меня сразу несколько вопросов, Грант.

— Сыпь.

— Почему мы не ставим на дежурство девушек?

— Хм, я думал, просто не стоит.

— Почему это? Девушки у нас не их тех, что, завидев мышь, визжат или падают в обморок. Каждая из них по крайней мере месяц до прихода сюда прожила в лесу сама по себе и осталась в живых. Ты когда-нибудь видел Каролину в действии?

— М-м-м... нет.

— Зря. Оно того стоит. Мгновенная смерть в обеих руках и глаза на затылке. Во время ее дежурства я буду спать, как бревно. Сколько у нас сейчас парней?

— Двадцать семь, с теми тремя, что пришли вчера.

— Ладно. Кто из этих двадцати семи не дежурит?

— Как? Все дежурят, по очереди.

— А ты?

— Не слишком ли далеко ты заходишь? В конце концов я же не настаиваю, чтобы и ты дежурил.

— Значит, минус два. Рой Килрой?

— Э-э-э... Род, давай договоримся так: он все-таки главный охотник и, следовательно, от дежурства освобожден. Ты сам знаешь, как он оказался на этой должности, так что лучше его не трогай.

— О'кей, знаю. Боб Бакстер тоже освобожден.

— До начала следующей недели.

— Я говорю про эту неделю. Комитет решил оставить только одного дежурного на смену. Я собираюсь снова ввести парное дежурство. Кроме того, мне на каждую ночь нужен начальник охраны. Он будет бодрствовать всю ночь и отсыпаться на следующий день, а еще пару суток он должен быть освобожден от дежурства. Ты уже понял, что получается? На каждую ночь мне нужно двенадцать человек. А у меня сейчас меньше двадцати, из которых я могу выбирать.

— Но комитет решил, что больше одного человека на вахте нам не нужно,— встревоженно сказал Каупер.

— К чертовой матери этот комитет! — Род почесал шрамы на руке и снова вспомнил крадущиеся в темноте тени.— Мы сделаем так, так я сочту нужным, или опять будем ставить на голосование?

— Ну...

— Когда человек дежурит в одиночку, он или трясется от страха и видит то, чего нет, или засыпает, и тогда от него вообще никакого толка. Прошлой ночью мне пришлось одного разбудить — я не скажу, кого именно, потому что больше, я думаю, этого не повторится: когда я тряхнул его за плечо, он от испуга чуть из штанов не выпрыгнул... Короче, нам нужна настоящая охрана, достаточно сильная, чтобы в случае чего продержаться, пока не проснется весь лагерь. А если ты хочешь оставить все по-старому, то лучше снимай меня и ставь кого-нибудь другого.

— Нет-нет. Делай, как считаешь нужным.

— О'кей. Я ставлю девушек на дежурство. Боба с Кармен тоже. И тебя.

— Э-э-э...

— И себя. И Роя Килроя. Всех без исключения. Это единственный способ заставить людей дежурить без препирательств. Кроме того, такой порядок убедит их, что это абсолютно серьезно, что это наша первая забота, самая важная, даже важнее охоты.

Каупер задумчиво подергал заусенец на пальце.

— Ты в самом деле считаешь, что мне тоже нужно дежурить? И тебе самому?

— Считаю. Это здорово повысит моральный дух. И кроме того, так будет правильнее... э-э-э... с политической точки зрения.

Каупер бросил на него взгляд и сказал без улыбки:

— Убедил. Дашь мне знать, когда моя очередь.

— Следующий вопрос. Прошлой ночью запаса дров еле хватило на два костра.

— Это уже твоя забота. Можешь брать всех, кто не на охоте и не при кухне.

— И возьму. Но приготовься — на меня будут жаловаться. Однако это все мелочи. Теперь о главном. Ночью я посмотрел на наш лагерь, так сказать, свежим взглядом. Не нравится он мне — во всяком случае, как постоянный лагерь.

— Почему?

— Его почти невозможно защищать. Между сланцем и водой выше по течению метров пятьдесят пустого пространства. Ниже по течению чуть лучше, потому что в узком проходе у нас постоянно горит костер. Но с противоположной стороны мы отгородили стеной только половину лагеря, да и там нужно ставить больше кольев. Сам посмотри,— сказал Род, указывая рукой.— Там целая армия строем пройдет, а ночью в этом месте было только два костра. Нам обязательно нужно достроить стену.

— Достроим.

— Но лучше всего по-настоящему заняться поисками более подходящего места. Здесь — в лучшем случае, временный лагерь. До того, как ты стал мэром, я пытался отыскать другие пещеры, но очень далеко не ходил — не хватало времени. Ты когда-нибудь был в Меса-Верде?

— В Колорадо? Нет.

— Это пещерный город. Ты, наверно, видел снимок. Так вот, может быть, где-то там выше или ниже по течению — скорее ниже — мы отыщем что-то похожее и сможем построить жилища для всей колонии. Нужно выслать небольшую группу на разведку, недели на две или даже больше. Я, кстати, готов.

— Может быть, мы так и сделаем. Но тебе нельзя. Ты нужен мне здесь.

— Через неделю я так налажу охрану, что все будет делаться само по себе. Кроме того, меня может заменить Боб Бакстер. Его уважают...— Род задумался на секунду, кого взять в пару: Джекки? Джимми? — Я бы взял с собой Кэрол.

— Род, я же сказал, что ты нужен мне здесь. А вы с Кэрол что, собираетесь пожениться?

— С чего ты взял?

— Тогда ты тем более не можешь взять ее с собой. Мы стараемся привить людям вкус к семейной жизни.

— Знаешь что, Каупер...

— Все. Забудь.

— М-м-м... ладно. Но первым делом — самым первым — надо закончить стену. Я хочу поставить всех на работу прямо сейчас.

— Извини, сегодня ничего не выйдет,— сказал Каупер.

— Почему?

— Потому что сегодня мы строим дом. Билл Кеннеди и Сью Бриггс решили пожениться. Вечером свадьба.

— Я даже ничего не слышал об этом.

— Никто еще не слышал. Они сообщили от этом только мне, за завтраком.

Известие Рода не удивило: Билла и Сью часто можно было видеть вместе.

— Послушай, а что, им обязательно прямо сегодня жениться? Стена важнее, Грант, поверь.

— Ну что ты так завелся с этой стеной, Род? Еще ночь или две будем жечь костры побольше. И запомни, в жизни есть вещи поважнее материальных ценностей.

11. БЕРЕГ СКЕЛЕТОВ

29 июля.— Сегодня вечером поженились Билл и Сью. Его величество был выше всяких похвал: организовал очень красивую церемонию. Я даже всплакнула, другие девчонки тоже. Если бы он еще и делал столько же, сколько говорит! Я играла на губной гармонике «Свадебный марш» Мендельсона, а слезы текли по щекам и капали прямо на гармонику. Хотела сыграть еще на свадьбе Кармен, но не могла отказаться от роли подружки невесты. Молодой муж пытался занести Сью в «дом» — если его можно так назвать — на руках, но застрял: пришлось опустить ее на землю и протолкнуть вперед себя. Потолок здесь ниже, чем следует, потому он и застрял. Камни кончились, а когда мы стали брать их из стены, Род устроил страшный скандал. Атаку на стену начал его величество, и они с Родом долго друг на друга орали, оба аж покраснели. Потом

Родди отвел его в сторону и что-то сказал, после чего его величество тут же пошел на попятную. Билл здорово обиделся на Рода, но Боб его как-то уломал и предложил поменяться домами, а Род пообещал, что, достроив стену, он первым делом снимет крышу с этого дома и делает его повыше. Возможно, это случится несколько позже, чем он думает: искать камни, которые можно использовать, становится с каждым днем труднее. Я себе все ногти пообломала, выковыривая куски, которые могли бы нам пригодиться. Но я согласна с Родди, что нужно доделать стену, и теперь, когда он взялся за охрану, сплю гораздо спокойнее. Однако еще лучше буду спать, когда закончим стену и понаставим с этой стороны заточенных кольев. Конечно, девушки все спят на дальнем, безопасном краю, но все равно, кому это понравится — проснуться и обнаружить, что кого-то из парней уже нет. У нас их и не так много, кстати, чтобы разбрасываться. Как говорила мама, ничто не придает дому такой обжитой вид, как мужчина.

30 июля.— Теперь буду делать записи, только если случится что-то особенное. Его величество говорит, что мы по примеру египтян можем изготовить папирус, но я в это поверю, лишь когда увижу его своими глазами.

5 авг.— Прошлой ночью я была назначена начальником охраны и видела, что Родди не спал почти всю ночь. После завтрака я завалилась на боковую и проспала чуть не до вечера. Проснулась, а он так и не ложился — злой, с покрасневшими глазами, носится и орет на всех, что нужно больше камней и больше дров. Иногда я его не понимаю.

9 авг.— Соль, что нашла Алиса, гораздо ближе, чем то место, которое неделю назад отыскал Коротыш, но хуже.

14 авг.— Джекки наконец решилась и дала согласие выйти за Джимми. Родди эта новость, похоже, просто ошарашила, хотя я могла бы предупредить его еще месяц назад. Родди в таких делах мало что понимает. Предвижу еще один стенодомостроительный кризис, и Родди, наверно, просто рехнется, потому что он захочет, чтобы у Джимми и Жаклин сразу появился дом, а кроме как из стены в такой короткий срок камни взять негде.

15 авг.— Сегодня замечательное двойное торжество — поженились Джимми и Джекки, Агнесса и Курт. Трокстоны временно поселились в доме Бакстеров, а Пулвермахеры временно въехали в будку четы Кеннеди. Тем временем в пещере поставили несколько перегородок, чтобы разместить две супружеские пары и отделить склад.

1 сен.— Корешки, что я откопала, вроде не ядовитые — пока жива. Мы разыскали энергоблок от «Молнии» — видимо, той самой, что принадлежала Иоганну,— и из его корпуса получился неплохой котел. Сегодня вечером я сварила в нем похлебку — всем досталось понемногу. Однако вкус странный. Может быть, потому, что раньше Агнесса пыталась сварить в нем мыло — тоже получилось не бог весть что. Корешки я буду звать «ямсом», потому что они похожи на ямс, хотя вкусом больше напоминают пастернак. Их тут растет очень много. Завтра попробую сварить их с зеленью, куском мяса и солью. Ням-ням! А еще попробую запечь их в золе.

16 сент.— Поджав хвосты, вернулись Чед Амес и Дик Берк. Его величество подобрел и разрешил им остаться. Они сказали, что Джок Макгован совсем спятил. Охотно верю.

28 сент.— Сегодня во время охоты погиб Филип Шнайдер. Рой принес его в лагерь, но он был уже мертв, потому что потерял много крови: раны оказались очень глубокие. Рой отказался от должности главного охотника, и его величество назначил Клиффа. Рой буквально сломлен, хотя никто его не винит. Бог дал, Бог взял. Да святится имя его.

7 окт.— Я решила выйти замуж за М.

10 окт.— Похоже, я ошиблась. М. собирается жениться на Марджери Чанг. Ладно, они неплохие ребята, а если я когда-нибудь выберусь отсюда, то буду только рада, что осталась одна — ведь я собиралась идти в Амазонки. На заметку: будь немного сдержанней, Каролина. Во всяком случае, *старайся*.

11 окт.— Кармен???

21 окт.— Точно.

1 нояб.— Боже правый! Я теперь новый управляющий поселения. Подумать только! Правда, это временно, на две недели, пока не вернется Родди. Но я теперь иначе как на «сэр» не отзываюсь. Его величество в конце концов отпустил Родди на разведку вниз по реке — тот спал и видел себя в этой роли — и надавал ему кучу советов и рекомендаций, которые Родди забудет, едва скрывшись из виду. Мне ли его не знать. Отправились они вдвоем, и Родди выбрал напарником Роя. Ушли сегодня утром.

5 нояб.— Работа управляющего совсем не сахар. Скорее бы вернулся Родди.

11 нояб.— Его величество пристал ко мне, чтобы я записала доклад «комитета по ресурсам». До этого Мик Махмуд держал его в голове — там ему, на мой взгляд, и место. Но с тех пор, как ушли Родди и Рой, его величество здорово нервничает, и я решила, что так уж и быть. Вот он:

12 запасных ножей (не считая по одному на каждого).

53 единицы огнестрельного и другого оружия — но только к половине есть хотя бы по одному патрону.

6 экз. Евангелия.

2 экз. «Мира пламени».

1 экз. Корана.

1 экз. «Книги мормона».

1 экз. оксфордского юбилейного издания сборника английской поэзии.

1 стальной лук и 3 охотничьи стрелы.

1 котел, сделанный из экранированной обшивки энергоблока, и целая куча разных мелочей из пластика и металла (которые теперь, надо признать, на вес урана) от найденной Джекки «Молнии».

1 сковородка (подарена Кармен).

1 колода игральных карт без девятки червей.

13 спичек, целый ворох неработающих зажигалок и 27 увеличительных стекол.

1 небольшой топорик.

565 метров альпинистской веревки, частично порезанной для разных целей.

91 рыболовный крючок (и никакой съедобной рыбы!).

61 карманный компас, некоторые — сломанные.

19 наручных часов, которые еще работают (4 из них настроены на местное время).

2 куска ароматизированного мыла.

2 упаковки приправы для копчения и неполная коробка дубильного препарата.

Несколько килограммов всякой всячины, которой мы со временем, очевидно, найдем применение, но перечислять все это я не стану. У Мика не голова, а каталог.

Множество вещей, которые мы сделали сами и которых можем сделать еще больше,— горшки, луки, стрелы, скребки для шкур, каменная ступка и пестик, при помощи которых можно толочь зерно (если, конечно, вы не имеете ничего против песка на зубах), и т.д. Его величество утверждает, что оксфордский сборник стихов это наше самое большое достояние, и я с ним согласна, но только у нас разные причины так думать. Он хочет, чтобы я застенографировала на полях и чистых страницах всяческие полезные сведения, которыми располагает каждый из нас — от математики до свиноводства. Клифф разрешил — при условии, что мы не будем заползать на стихи. Неизвестно только, когда я буду этим заниматься: с тех пор, как ушел Родди, я почти не бываю за пределами лагеря, а о том, что такое сон, слышу только от других.

13 нояб.— Осталось два дня. «С каким нетерпением я жду...»

16 нояб.— Я и не рассчитывала, что они вернутся вовремя.

21 нояб.— Мы наконец приняли нашу конституцию и базовый свод законов на первом общем собрании за последние несколько недель. Текст записан на форзацах двух Евангелий, Боба и Джорджии. Если кому-нибудь понадобится что-то уточнить — в чем я лично сомневаюсь,— можно обратиться к ним.

29 нояб.— Джимми сказал, что Рода так просто не прикончишь. Очень надеюсь, что он прав. Ну почему я не заставила его величество, чтобы он меня отпустил?

15 дек.— Дальше обманывать себя бесполезно.

21 дек.— Трокстоны, Бакстеры, я и Грант собрались сегодня вечером у Бакстеров дома, и Грант провел поминальную службу. Боб прочел молитву за Роя и Рода, а потом мы долго сидели и молчали, как это принято у квакеров. Родди всегда напоминал мне моего братишку Рикки, и я про себя попросила Матерь Божью позаботиться и о них двоих, и о Рое тоже — чтобы все они были ей как дети.

Официально Грант ничего не объявлял: пока они просто «задерживаются с возвращением».

25 дек.— Рождество.

Род и Рой двигались налегке, быстро: один всегда шел впереди, другой прикрывал, потом менялись. У каждого было с собой несколько килограммов засоленного мяса, но они больше рассчитывали на охоту. Кроме того, теперь они знали много съедобных фруктов, ягод, орехов: для тех, кто разбирается, лес — словно бесплатное кафе. Воды с собой не брали, поскольку планировали идти все время вдоль реки, однако на берегу вели себя осторожно: помимо ихтиозавров, которым иногда удавалось затянуть в воду пришедшего на водопой быка, в реке водились маленькие кровожадные рыбки; они кусали совсем по чуть-чуть, но плавали огромными косяками и могли обглодать животное до костей буквально за считаные минуты.

Род взял с собой и «Леди Макбет» и «Полковника Боуи», а Рой Килрой, помимо своей собственной «Бритвы Оккама», прихватил нож, одолженный ему Кармен Бакстер. Рой намотал на пояс веревку, и у каждого был пистолет, но это на самый крайний случай — в одном из них оставалось всего три патрона. Кроме того, Род взял пневматическую винтовку Жаклин Трокстон с заряженными свежим ядом стрелками — они решили, что это сэкономит им время на охоту и позволит двигаться быстрее.

Три дня спустя они обнаружили ниже по течению небольшую пещеру, в которой жили пятеро потерявших всякую надежду на спасение девушек. После радостной шумной встречи Род и Рой направились дальше, а девушки двинулись вверх по реке к поселе-

нию. Девушки рассказали им, где можно перебраться через реку, и вскоре они нашли это место — широкий перекат с торчащими из воды частыми камнями — однако, потратив два дня на том берегу, все же вернулись обратно.

К утру седьмого дня, кроме той пещеры, где обосновались девушки, они так ничего и не нашли.

— Неделя уже прошла,— сказал Род.— Грант приказывал вернуться через две недели.

— Да, было такое дело.

— Но мы ничего не нашли.

— Вот именно.

— Надо возвращаться.

Рой промолчал.

— А ты сам-то что думаешь? — спросил Род немного раздраженно.

Килрой лежал на животе, разглядывая местное подобие муравья, и не торопился с ответом.

— Род,— сказал он наконец.— Здесь командуешь ты. Так что, куда скажешь — вверх по течению, вниз...

— Да ну тебя...

— С другой стороны, какой-нибудь законник-недоучка вроде Коротыша мог бы спросить: а какое право у Гранта приказывать нам возвращаться к такому-то сроку? Мы, мол, тут «свободные граждане», «суверенная автономия», мол, и все такое. Возможно, он в чем-то прав — эта местность лежит очень далеко к западу от Пекоса...

— По крайней мере, еще один день у нас есть. На обратном пути нам не придется тратить время на разведку другого берега.

— Разумеется. И если бы этой экспедицией руководил я... Впрочем, ладно.

— Хватит ходить вокруг да около. Я же попросил у тебя совета.

— Ну, тогда я бы сказал, что наша главная цель — не в две недели уложиться, а найти пещеры.

Род перестал хмуриться.

— Тогда хватит валяться. Пошли.

И они двинулись дальше вниз по реке.

Вскоре лесная долина сменилась иссеченной оврагами каменистой равниной, где проложила себе русло река. Дичи стало меньше, и

им пришлось воспользоваться запасами соленого мяса. Еще два дня спустя они добрались до первого из целой гряды скалистых возвышений, где в незапамятные времена вода прорезала множество пещер, углублений и мелких вымоин.

— Похоже, это то, что нам нужно.

— Пожалуй,— согласился Рой, оглядываясь по сторонам.— Но может быть, дальше будет еще лучше.

И они продолжили путь.

Река стала шире, но пещер больше не попадалось, и каньоны уступили место бескрайней саванне, где деревья росли лишь вдоль берега реки.

— Я чую запах соли,— сказал Род, принюхавшись.

— Ничего удивительного. Где-то там должен быть океан.

— Сомневаюсь.

Однако они отправились дальше, избегая зарослей высокой травы и держась ближе к деревьям. Все вместе колонисты насчитали более дюжины крупных хищников, представляющих опасность для человека,— от похожих на львов существ (только эти были раза в два крупнее африканских) до маленькой свирепой чешуйчатой твари, которая нападала, если загнать ее в угол. Большинство считало, что напоминающие львов чудовища и есть стоборы, о которых их предупредили перед началом экзамена, хотя некоторые полагали, что это название относится к другому — не такому крупному, но более проворному и коварному — хищнику, который был гораздо опаснее.

Подобных сомнений не удостоилась только одна хищная тварь — размерами не больше зайца, но с огромной головой и массивными челюстями, с длинными передними лапами и совсем без хвоста. Морды у них были глупые, с выпученными глазами, а двигались твари, если их спугнуть, медленно и неуклюже — за все это их прозвали «сонными кроликами». Охотились они, похоже, просто поджидая у нор полевых грызунов. Шкуры этих тварей обрабатывались, и из них получались отличные бурдюки. На таких травяных равнинах их водилось великое множество.

После очередного перехода Рой и Род устроились на привал в небольшой рощице у воды.

— Ну что, потратим спичку или опять пыхтеть? — спросил Род.

— Как хочешь. Я пойду поищу что-нибудь на обед.

— Осторожнее там. Не заходи в траву.

— Я пройдусь по самому краю. Зря что ли все страховые компании планеты называют меня Осторожным Килроем?

Род заглянул в коробок, надеясь, что вместо трех спичек там окажется четыре, затем принялся добывать огонь трением, и только добился цели — мох оказался недостаточно сухим,— как вернулся Рой и бросил на землю маленькую тушку.

— Произошла удивительная вещь!

Добычей Роя оказался «сонный кролик». Род взглянул на несуразное существо и спросил:

— А что, лучше ничего не было? Они на вкус — как керосин.

— Ты еще не слышал самого интересного. Я вовсе не собирался его убивать. Он сам на меня напал.

— Шутишь?

— Клянусь! Пришлось его прикончить, а то он все время пытался откусить мне пятки. Но теперь мясо есть...

Род еще раз посмотрел на «сонного кролика».

— Никогда не слышал ничего подобного. Должно быть, ненормальный.

— Видимо.— Рой принялся разделывать добычу.

На следующее утро они вышли к морю. До самого горизонта, как застывшее стекло, тянулась неподвижная водная гладь — ни плеска волн, ни даже медленного движения прилива. Сильно пахло солью, и весь берег был покрыт белой коркой. Род с Роем решили, что это, скорее всего, не выход к океану, а внутриконтинентальное море. Но больше всего их поразила совсем не безбрежная водная гладь. В обе стороны вдоль берега — очевидно, до самого горизонта — тянулась гряда выбеленных солнцем костей — миллионы и миллионы скелетов.

— Откуда они все тут взялись? — спросил Род, не в силах оторвать взгляд от этого зрелища.

Рой присвистнул.

— Убей меня бог. Но если продавать их хотя бы по пять пенсов за тонну, мы могли бы стать миллионерами!

— Ты имеешь в виду, миллиардерами.

— Не цепляйся к словам.

Забыв об осторожности, они пошли вдоль берега, разглядывая это чудо природы. Здесь были и древние кости, потрескавшиеся от солнца и воды, и совсем новые, еще с хрящами. Огромные скелеты гигантских антилоп, на которых они никогда не охотились, и крошечные косточки травоядных с терьера ростом — кости всевозможные и без числа. Но ни одной туши.

Заинтригованные новой загадкой планеты, Род и Рой обследовали километра два побережья, но, повернув назад, оба уже знали, что возвращаются не просто на ночевку, а домой. Дальше пути не было.

Двигаясь вниз по реке, они не обследовали найденные пещеры, и теперь, на обратном пути, Род решил, что нужно заранее выбрать место для поселения, разведать дичь, найти подступы к воде, а самое главное, прикинуть, удобно ли здесь будет жить и можно ли защищать это место от нападения.

Прежде всего они занялись рядом пещер, проточенных водой в скале из песчаника. Терраса самого нижнего ряда была в шестисеми метрах над крутым земляным склоном. Здесь каньон резко уходил вниз, и Роду сразу представилось, как они сделают выше по течению небольшую протоку и пустят воду прямо в пещеры... Не в один день, конечно, такие дела делаются, но рано или поздно они найдут время, чтобы изготовить инструменты и справиться с этой задачей. Однако уже сейчас было ясно, что они нашли отличное место для поселения, которое, кроме всего прочего, еще и отлично защищено. А уж от дождя здесь точно есть где укрыться, мысленно добавил Род.

Оказалось, что скалолаз из Роя лучше; прижимаясь к каменной стене, он влез на следующую террасу и скинул Роду веревку, а затем подтянул его вверх. Род закинул руку на карниз, вскарабкался на колени, встал... и даже вскрикнул от неожиданности.

— Что за чертовщина?

— Вот потому-то я и молчал,— сказал Рой.— Боялся, ты подумаешь, что я рехнулся.

— Кажется, мы оба тронулись.

Род огляделся. Невидимые снизу, на террасе ряд за рядом ютились жилища — настоящий пещерный город. Пустой город. И явно не для людей предназначенный: отверстия в стенах — двери — были не выше колена и слишком узкие, чтобы человек мог свободно про-

лезть внутрь. Но в том, что это искусственные жилища, а не промытые водой пещеры, сомнений не возникало. Низкие комнаты теснились в шесть ярусов до самого верхнего края склона, а в качестве строительного материала неизвестные мастера использовали саманы, высушенные глиняные блоки, армированные деревом.

Но кто все это построил? Рой сунулся было в дверь ближайшего жилища, и Род тут же крикнул:

— Эй! С ума сошел?

— А что? Тут же никого нет.

— Откуда ты знаешь, что там внутри? Может, там змеи.

— Здесь нет змей. Никто их ни разу не видел.

— Да... но все равно лучше не лезть.

— Эх, был бы у меня фонарь!

— А у меня восемь танцовщиц и вертолет «Кадиллак»! Осторожнее! Мне совсем не улыбается возвращаться одному.

Они устроились на террасе перекусить и заодно обсудить находку.

— Это наверняка разумные существа,— заявил Рой.— Может, мы когда-нибудь даже встретим их. Не исключено, что их цивилизация достигла уже высокого уровня развития: эти постройки больше походят на древние руины.

— Причем тут разум? — возразил Род.— Пчелы строят и более сложные жилища.

— Пчелы не умеют комбинировать глину с древесиной, как эти существа. Взгляни на дверное перекрытие.

— Ну тогда птицы. Это доказывает, что у них мозгов не больше, чем у птиц. Именно не больше.

— Род, ты просто не хочешь видеть доказательств.

— А где предметы материальной культуры? Покажи мне хоть одну пепельницу с надписью «Изготовлено в Джерси».

— Может, я и нашел бы что-нибудь, но ты слишком осторожничаешь.

— Всему свое время. Однако раз они считали, что здесь безопасно, нас это тоже устраивает.

— Может быть. Но что их убило? Или почему они ушли?

Перекусив, они обследовали еще две террасы, где тоже нашли искусственные жилища. Судя по всему, когда-то тут было огромное

поселение. Но четвертая терраса оказалась почти пустой — лишь в одной стороне теснилось несколько недостроенных помещений.

— Похоже, нас такой вариант устроит,— сказал Род, оглядевшись.— Может быть, он не самый идеальный, но мы можем перебраться сюда всей командой, а потом уже разберемся, где тут получше.

— Мы идем назад?

— Утром. Здесь вполне можно устроиться на ночь, а завтра отправимся к старому поселению... Интереєно, а что вот там? — Род остановил взгляд на каменном уступе чуть выше по стене.

Рой прищурился.

— Сейчас узнаю.

— Не стоит. Тут стена почти отвесная. Когда переберемся, сделаем для таких мест лестницы.

— Не волнуйся — я рожден для горных круч. Смотри.

До уступа вполне можно было дотянуться рукой. Рой уцепился пальцами за край, подтянулся — и тут край осыпался. Падал Рой всего-то полметра.

— Ты как, в порядке? — подскочил к нему Род.

— Вроде да.— Рой попытался встать и, вскрикнув, снова упал на спину.

— Что случилось?

— Нога. Правая. Кажется... у-у-у!.. кажется, у меня перелом.

Род осмотрел его ногу и полез нарезать палок, чтобы сделать шину. Затем, подложив листьев, примотал палки к голени веревкой, что Рой носил на поясе. Веревку пришлось использовать очень экономно — он была нужна, чтобы забираться на террасу. У Роя оказалась сломанной большая берцовая кость, но при закрытом переломе можно было не опасаться заражения.

Много времени ушло на споры.

— Конечно же, тебе нужно идти,— говорил Рой.— Оставишь мне свежую добычу и все засоленное мясо. Да, и насчет воды нужно что-то придумать.

— А потом вернусь и найду тут твои обглоданные косточки.

— С чего это? Мне тут ничего не угрожает. Если ты поторопишься, то доберешься обратно дня за три.

— За четыре или, скорее, за пять. И еще шесть дней, чтобы привести сюда группу. А потом обратно с тобой на носилках? Если на нас нападет стобор, ты будешь совершенно беспомощен.

— А зачем нести меня обратно? Все равно мы перебираемся сюда.

— Ты уверен? Но в любом случае одиннадцать дней — а скорее, двенадцать — это слишком много. По-моему, Рой, ты еще и головой ударился.

Пока заживала нога Роя, они не испытывали, в общем-то, никаких трудностей и не подвергались никакой опасности — хуже всего оказалась скука. Род хотел было, пока есть время, обследовать все пещеры, но в первый же раз, когда он задержался дольше, чем, по мнению Роя, требовалось, чтобы раздобыть свежего мяса, тот едва не впал в истерику. Видимо, у него разыгралось воображение, и он уже представлял себе, что Род мертв и что его, беспомощного и одинокого, тоже ждет смерть от голода и жажды. После этого случая Род оставлял его лишь для того, чтобы поохотиться или принести воды. Напасть на них на террасе никто не мог, и поэтому они даже не дежурили по ночам, а костер использовали только для приготовления пищи. Погода с каждым днем становилась все теплее, а дневные дожди почти прекратились.

Долгие дни ожидания проходили в разговорах о чем только можно: о девушках, о нуждах поселения, о том, что могло вызвать ситуацию, в которой они оказались, о том, что бы они съели, если бы представилась возможность выбирать, снова о девушках... Не обсуждали они лишь вероятность спасения— никто уже не сомневался, что им суждено остаться здесь навсегда. Род с Роем много спали и часто ничего не делали — просто ждали в каком-то оцепенении.

Рой хотел отправиться в обратный путь, едва Род снимет шины, но спустя несколько секунд понял, что разучился ходить. Он тренировал ногу целыми днями и здорово рассердился, когда Род сказал, что ему все равно еще рано собираться в дорогу. Раздражение и обида на себя и на все то, что копилось в душе беспомощного человека так долго, стали причиной их единственной ссоры за время путешествия.

Род тоже вспылили и, швырнув Рою веревку, крикнул:

— Ну давай! Посмотрим, как далеко ты уйдешь на такой ноге!

Спустя пять минут он уже затаскивал побледневшего, дрожащего, но присмиревшего Роя на террасу. И лишь потратив еще дней десять на то, чтобы его нога разработалась как следует, они двинулись к поселению.

Первым же, на кого они наткнулись на подходе к лагерю, оказался Коротыш Дюмон. У того отвисла челюсть, в глазах на мгновение

появился испуг, но затем он бросился вперед, чтобы поприветствовать их, и сразу же понесся в лагерь сообщить всем радостную весть.

— Эй, вы слышите?! Они вернулись!

Едва услышав этот крик, Каролина бросилась им навстречу — она не бежала, а почти летела над землей — и, обогнав всех остальных, кинулась обнимать и целовать обоих путешественников.

— Привет, Кэрол,— сказал Род.— Что ты так разревелась?

— Родди, негодник... Бить тебя некому...

12. «НИЧЕГО НЕ ВЫЙДЕТ, РОДДИ»

Встречали их бурно, но Род успел заметить многочисленные перемены: в поселении появилось больше дюжины новых домов, в том числе и два похожих на сараи строения из бамбука и глины. Одна хижина была сложена из высушенных на солнце кирпичей, а в стенах даже сделали окна. На месте костра для приготовления пищи теперь выкопали яму, где туши запекали целиком, и установили небольшую жаровню. Рядом лилась из бамбуковой трубки вода, падала в сито из выделанной кожи, затем в каменную чашу и дальше отводилась обратно к реке. Род даже не знал, радоваться или огорчаться оттого, что кто-то уже реализовал его замысел.

Однако все эти нововведения он замечал лишь мельком, поскольку их триумфальное шествие по лагерю то и дело прерывалось объятиями, поцелуями, мощными хлопками по спине и вопросами, вопросами, вопросами...

— Нет, все нормально, только Рой разозлился на меня и сломал себе ногу... Да, конечно, мы нашли, что искали... *Увидите* — закачаетесь... Нет... Да... Джекки!.. Привет, Боб! Как я рад тебя видеть! А где Кармен?.. Привет, Грант!..

Каупер улыбался до ушей, в бороде блестели два ряда белых зубов, но Род с удивлением отметил, что он выглядит здорово *постаревшим* — а ведь ему всего-то двадцать два, от силы двадцать три. Откуда все эти морщины?

— Род, старина! Даже не знаю, что с вами обоими делать: то ли упечь в каталажку, то ли увенчать лавровыми венками.

— Пришлось немного задержаться.

— Да уж. Однако ладно. Вернулись и слава богу. Пойдем в мэрию.

— Куда?

— Это хижина, где я сплю,— ответил Грант, застенчиво улыбаясь.— Все ее так называют, ну и я тоже привык. Во всяком случае, это лучше, чем «Даунинг-стрит, 10», как было вначале. Но хижина не моя,— добавил он.— Когда выберут кого-нибудь еще, я буду спать в холостяцком доме.

Грант отвел его к небольшому строению, стоящему чуть поодаль фасадом к кухне.

Стены вокруг поселения не было!

Род вдруг осознал, что же ему показалось странным в этом конце поселения: стены не было вовсе, а вместо нее стоял плетень из колючего кустарника. Он уже собрался высказать Гранту все, что он о нем думает, но тут вспомнил, что это не имеет больше значения. Зачем затевать ссору, когда им все равно скоро перебираться в пещерный город? Стены уже никогда не понадобятся: ночи они будут проводить на высокой террасе с поднятыми вверх лестницами... И Род заговорил о другом:

— Грант, как вам удалось убрать переборки из этих бамбуковых труб?

— А? Очень просто. Привязываешь нож полоской кожи к трубе меньшего диаметра, вставляешь ее в большую и долбишь до посинения. Вакси додумался. Но это еще ерунда. У нас будет *железо*!

— Да ну?

— Мы нашли руду и пока экспериментируем. Хорошо бы отыскать уголь. Слушай, а вам часом уголь нигде не попадался?

Обед превратился в настоящий пир, праздник, с которым не могло сравниться даже свадебное торжество. Роду дали настоящую тарелку — неглазурованную, кривобокую, некрасивую, но все же тарелку. А когда он достал «Полковника Боуи», Марджери Чанг-Кински вложила ему в руку деревянную ложку.

— У нас их пока мало, но вы сегодня почетные гости.

Род взглянул на ложку с любопытством: за прошедшее время он успел отвыкнуть от столовых приборов.

На обед в тот день была вареная зелень, какие-то новые, незнакомые ему коренья и запеченный окорок, нарезанный тонкими ломтиками. Рою и Роду выдали по маленькой лепешке из пресного теста.

Лепешки достались только им двоим, но Род из вежливости не стал обращать на это внимания и только нахваливал новое блюдо, то и дело восклицая, как здорово, мол, снова попробовать хлеба.

Марджери зарделась.

— Когда-нибудь у нас будет много хлеба. Может быть, уже в следующем году.

Еще были терпкие маленькие плоды на десерт и вдоволь безвкусных мягких фруктов, напоминающих карликовые бананы с семечками. Род, конечно, объелся.

После обеда Грант призвал всех к порядку и объявил, что он собирается попросить обоих путешественников рассказать о своих приключениях.

— Пусть лучше расскажут сейчас,— добавил он,— тогда им не придется рассказывать семьдесят раз подряд всем по отдельности. Давай, Род. Покажись.

— Может, пусть Рой? У него язык лучше подвешен.

— Будете рассказывать по очереди. Когда устанешь, Рой тебя сменит.

Говорили они долго, то и дело перебивая и дополняя друг друга. Огромное впечатление на поселенцев произвел рассказ о береге скелетов, и еще больше заинтересовал их брошенный город.

— Мы с Родом до сих пор спорим,— сказал Рой.— Я утверждаю, что это цивилизация, он говорит, инстинкт. Совсем, видимо, от жары сдвинулся. Они точно, люди. Не в том смысле, что земляне, конечно, но настоящие разумные существа.

— И где же они теперь?

Рой пожал плечами.

— А где теперь селениты, Дора? Или куда подевались митряне?

— Рой просто романтик,— возразил Род.— Но вы все увидите сами, когда мы туда переберемся.

— Верно, Род,— согласился Рой.

— Вот, пожалуй, и все,— закончил Род.— Остальное время мы ждали, когда у Роя срастется кость. Кстати, как скоро мы сможем двинуться на новое место? Грант, если ли какие-то причины откладывать? Может, стоит с самого утра собрать все, что нужно, и отправиться в путь? Я много думал об этом — я имею в виду, о том, как нам перебраться,— и хочу предложить прямо на заре выслать небольшую группу. Рой или я можем ее возглавить. Скажем, мы

налегке уходим вперед на один дневной переход, выбираем место, добываем свежего мяса, и когда вы нас нагоняете, у нас уже все готово — и костры, и ужин. На следующий день — то же самое. Думаю, что таким образом мы уже дней через пять доберемся до пещер и будем в полной безопасности.

— Меня возьмите в эту группу! Дибса!

— Меня тоже!

Раздалось еще несколько голосов, но Род не мог не заметить, что общая реакция оказалась совсем не такой, как он ожидал. Джимми не вызвался. Каролина о чем-то сосредоточенно думала. Бакстеры сидели в тени, и их он не видел.

Род повернулся к Кауперу.

— Грант? Есть предложения лучше?

— Род,— медленно произнес тот,— план у тебя замечательный... Но ты кое-чего не учитываешь.

— В смысле?

— Почему ты решил, что мы захотим перебраться?

— Ну как же? Нас ведь за этим и посылали! Найти место понадежнее и получше. Мы его нашли. В этих пещерах можно целую армию отбить! В чем дело? Конечно, нужно перебираться!

Каупер сидел некоторое время, разглядывая свои ногти, затем наконец сказал:

— Род, только не обижайся, но у меня на этот счет другое мнение, и я подозреваю, что многие со мной согласятся. Я не хочу сказать, что вы с Роем нашли плохое место. Может быть, оно гораздо лучше этого, во всяком случае в том виде, как у нас было раньше. Но мы недурно устроились и здесь. Да и слишком много затрачено времени и усилий, чтобы наладить здесь жизнь. Зачем отсюда уходить?

— Но я же говорил... Там безопасно, совершенно безопасно. А здесь мы как на ладони. Мы постоянно рискуем.

— Может быть. Но, Род, за все время, что мы тут живем, в пределах лагеря ни с кем ничего не случилось. Можно, конечно, поставить вопрос на голосование, но не жди, что мы покинем наши дома и все, ради чего столько трудились, только чтобы избежать, скорее всего, воображаемой опасности.

— Воображаемой? По-твоему стобор не перепрыгнет эту хлипкую баррикаду? — гневно спросил Род, махнув рукой в сторону ограды.

— По-моему, если стобор попытается проникнуть сюда через ограду, он останется висеть на заточенных кольях,— спокойно ответил Грант.— Эта «хлипкая баррикада» на самом деле очень эффективное сооружение. Завтра утром посмотри повнимательней.

— Но там, где мы были с Роем, нам не понадобится даже она. Не нужно дежурить по ночам. Там даже дома не нужны. Эти пещеры — лучше любого дома!

— Возможно. Однако, Род, ты не видел еще всего, что мы тут сделали и сколько нам придется оставить. Давай осмотрим лагерь при дневном свете и тогда уже поговорим.

— Ладно... Впрочем, нет, Грант. О чем тут говорить? Важно одно: в пещерах безопасно, а здесь нет. Я предлагаю голосовать.

— Полегче. Это же не общее собрание, а торжество в честь вашего возвращения. Давай не будем его портить.

— Да... Извини. Но здесь и так собрались все. Давайте проголосуем.

— Нет.— Каупер встал.— Общее собрание состоится, как всегда, в пятницу. Спокойной ночи, Род. Спокойной ночи, Рой. Мы ужасно рады вас видеть. Всем спокойной ночи.

Постепенно вечеринка распалась, и все разошлись спать. Остались лишь несколько парней из самых молодых, которым не терпелось обсудить предложенный переход на новое место. Подошел Боб Бакстер и, положив руку на плечо Роду, сказал:

— Утром увидимся, Род. И благослови тебя Господь.

Затем быстро удалился, и Роду пришлось выслушивать до конца своего предыдущего собеседника. Однако с ним остались Джимми Трокстон и Каролина. Выбрав момент, Род спросил:

— Джимми? Я хотел спросить, что об этом думаешь ты?

— Я? Ты же меня знаешь, дружище. Джекки я оправил спать — она неважно себя чувствовала,— но она велела передать тебе, что мы оба, как всегда, на твоей стороне.

— Спасибо. Мне уже лучше.

— До завтра. Пойду посмотрю, как там Джекки.

— Ладно. Крепкого сна.

В конце концов с ним осталась одна Каролина.

— Родди? Хочешь, пойдем вместе проверим посты? Со следующей ночи тебе так и так этим заниматься, но сегодня мы решили дать тебе отоспаться.

— Подожди-ка, Кэрол... ты как-то странно себя ведешь.

— Я? Почему, Родди?

— Не знаю. Может, мне показалось. Что ты думаешь о моем предложении? Я не слышал твоего мнения.

Каролина отвела взгляд в сторону.

— Родди, если бы дело было только во мне, я бы сказала: «Завтра. И нечего тянуть». Я бы даже пошла в первой группе.

— Отлично! Но что с ними со всеми случилось? Грант их словно стреножил, и я никак не пойму, в чем дело.— Он почесал в голове.— Может, нам есть смысл организовать свою группу? Я, ты, Джимми и Джекки, Бакстеры, Рой, еще несколько человек из тех, кто так рвался сегодня вперед — короче, все те, кого тянет на новое место.

Каролина вздохнула.

— Ничего не выйдет, Родди.

— Но почему?

— Я пойду. Кто-то из молодых тоже пойдет ради забавы. Джимми и Джекки — если ты будешь настаивать. Но они постараются увильнуть, если ты не станешь давить. Бакстерам этого просто делать не следует, и я думаю, Боб не согласится. Кармен сейчас не в самой лучшей форме для таких путешествий.

13. НЕПОБЕДИМЫЙ

До голосования так и не дошло. Задолго до пятницы Род понял, как оно пройдет — человек пятьдесят будут против, меньше половины этого числа за, причем его друзья будут голосовать за скорее из преданности, чем из искренней убежденности. А может, и они проголосуют в конце концов против.

Род решил поговорить с Каупером наедине.

— Грант, твоя взяла. Даже Рой на твоей стороне. Но ты можешь их переубедить.

— Сомневаюсь. Род, как ты не поймешь, что мы уже укоренились здесь, приросли. Возможно, вы нашли место получше... Но уже поздно. В конце концов это место тоже выбрал ты.

— Не совсем так. Это случилось само собой.

— В жизни многое случается само собой. Приходится это учитывать и выбирать лучшее из возможного.

— Ну так и я о том же! Я понимаю, что переход — дело нелегкое, но нам это по силам. Можно делать переходы покороче, полегче. Можно послать парней поздоровее за всем тем, что мы не хотели бы бросать. В конце концов, мы можем перенести кого-то на носилках — надо только побольше охраны.

— Если поселение проголосует за, то я согласен. Но я не стану их переубеждать. Послушай, Род, ты просто вбил себе в голову, что лагерь плохо защищен, однако факты говорят против тебя. И потом посмотри, что у нас уже есть: проточная вода выше по течению — и ею же мы смываем мусор и нечистоты ниже,— удобные и вполне пригодные для такого климата дома, соль... Там есть соль?

— Не знаю. Мы не искали. Но соль легко будет принести с морского побережья.

— А здесь это совсем близко. И кроме того, есть шанс, что у нас будет металл. Ты ведь еще не видел рудный пласт, что мы нашли, верно? С каждым днем поселение оснащается все лучше — короче, уровень жизни растет. У нас здесь настоящая колония, хотя никто не ставил перед нами такой задачи, и мы вправе гордиться этими достижениями, потому что все сделали своими руками. Зачем же бросать то, что здесь создано, и переселяться в пещеры, где мы будем жить, как дикари?

— Грант,— вздохнул Род,— помимо того, что лагерь плохо защищен, в сезон дождей этот берег может затопить.

— Не думаю. Но если такое случится, у нас будет достаточно времени, чтобы как-то выйти из положения. Сухой сезон еще только начинается, так что давай поговорим на эту тему через несколько месяцев.

Род сдался. Однако он отказался занять пост управляющего поселения, и точно так же отказалась Каролина. Назначили Билла Кеннеди, а Род занялся охотой под началом Клиффа. Спал он в большом сарае выше по течению, вместе с остальными холостяками и, когда подходила его очередь, заступал на ночные дежурства. Пока они с Роем отсутствовали, вахту снова сократили до одного человека, и главной обязанностью дежурного стало поддерживать огонь в заградительных кострах. Кое-кто ратовал за то, чтобы упразднить и ночные костры: собирать дрова поблизости становилось все труднее, и многие считали, что для безопасности лагеря вполне достаточно колючей изгороди.

Род молчал, но по ночам спал очень чутко.

Дичи по-прежнему хватало, но животные стали более пугливы. Антилопы теперь не паслись на открытой местности, как в дождливую погоду — все чаще приходилось искать их по зарослям и гнать на засаду. Хищников вроде бы стало меньше. Однако впервые поселенцам пришлось задуматься о странных сезонных повадках местной фауны после инцидента с мелким и, казалось бы, не опасным хищником. В тот день Мик Махмуд вернулся в лагерь с покусанной ногой. Боб Бакстер забинтовал ему раны и спросил, что случилось.

— Не поверишь!

— Ну-ка, ну-ка.

— Всего лишь «сонный кролик». Я поначалу даже не обратил на него внимания. А через секунду он вцепился мне в ногу, и я оказался на спине. Ты сам видел, как он меня обглодал, прежде чем я всадил в него нож. Да еще и челюсти пришлось разжимать.

— Тебе просто повезло, что ты не истек кровью.

Услышав об этом происшествии, Род сразу же рассказал Рою. Один раз им уже встретился агрессивно настроенный «сонный кролик», и Роду показалось, что это серьезно. Он поделился своими сомнениями с Клиффом, и тот предупредил всех, кто выходит за пределы лагеря, чтобы они были настороже: «сонные кролики», похоже, стали опасны.

А через три дня началась миграция животных.

Первое время, казалось, что звери перемещаются бесцельно, но почему-то в одном направлении, вниз по течению. Антилопы и олени давно уже перестали пользоваться водопоем чуть выше лагеря и редко когда забредали в небольшую долину. Теперь же они появлялись все чаще, но, обнаружив изгородь, удирали прочь. Впрочем, это касалось не только антилоп. Бескрылые птицы с большими, похожими на маски головами, грызуны, корнееды и прочие, которым переселенцы даже не придумали названий,— все включились в миграцию. Один из тех напоминающих львов хищников, которых поселенцы прозвали стоборами, тоже появился как-то раз у изгороди при свете дня, оглядел преграду, взмахнул хвостом, потом вскарабкался по скале и двинулся дальше вдоль реки.

Клифф вернул все охотничьи отряды в лагерь: зачем охотиться, когда дичь сама идет к поселению?

Когда стемнело, у Рода возникло неуютное, тревожное чувство. Он оставил свое место у костровой ямы и подошел к Джимми с Жаклин.

— Слушайте, что происходит? Даже как-то страшно...

Джимми пожал плечами.

— Я тоже чувствую. Может, это из-за странного поведения животных... А ты слышал, что сегодня убили одного «сонного кролика» прямо в лагере?

— Я знаю, в чем дело,— неожиданно сказала Жаклин.— «Гранд-Опера» заткнулась.

«Гранд-Опера» Джимми прозвал существ с дикими голосами, что превратили первую ночь Рода на планете в настоящий кошмар. После заката они каждый вечер устраивали примерно часовые концерты. Род уже давно привык к ним и замечал не больше, чем цикад на Земле. Во всяком случае, он даже не мог вспомнить, когда в последний раз сознательно прислушивался к их безумным воплям.

Теперь же они почему-то молчали, и это его встревожило.

Род неуверенно улыбнулся.

— Точно, Джекки. Странно, как все-таки к этим вещам привыкаешь. Думаешь, у них забастовка?

— Скорее, похороны,— ответил Джимми.— Завтра, наверно, опять концерт устроят.

Уснул Род с трудом и, когда прозвучал сигнал тревоги, мгновенно выскочил из холостяцкого сарая с ножом в руке.

— Что случилось?

Дежурил на этот раз Артур Нилсен.

— Все уже нормально,— ответил он, немного нервничая.— Бык проломил ограду, и эта тварь пробралась внутрь.— Он указал на труп «сонного кролика».

— У тебя кровь на ноге.

— Просто царапина.

Вокруг уже собрались все остальные поселенцы. Каупер протолкался в центр и сразу оценил ситуацию.

— Вакси, займись раной. Билл... Где Билл? Билл, поставь на вахту кого-нибудь еще. И как только рассветет, нужно починить изгородь.

Небо на востоке стало уже серым.

— Можно и не ложиться,— предложила Марджери.— Скоро будем завтракать. Я пойду разведу огонь.

Она отправилась за горящей веткой к сторожевому костру. Род выглянул через пролом в ограде. Бык лежал на земле в дальнем конце поляны, и в него вцепились по крайней мере шесть «сонных кроликов». Подошел Клифф, выглянул наружу и спросил:

— Как по-твоему, мы их сможем прикончить?

— Разве что из ружья.

— Жалко тратить на них патроны.

— Конечно.

Немного поразмыслив, Род двинулся к сложенным в кучу бамбуковым палкам, что заготавливались для новых строений. Выбрал одну покрепче, но не длинную — до плеча,— затем уселся на землю и, привязав «Леди Макбет» полоской кожи к концу палки, смастерил себе копье. Каролина заметила его, подошла, присела рядом на корточки.

— Что ты делаешь?

— Кроликобой.

Она понаблюдала еще немного, затем вдруг вскочила на ноги и сказала:

— Пожалуй, я себе тоже сделаю такую штуку.

К рассвету животные уже неслись во весь опор вдоль реки, словно спасаясь от лесного пожара. Поскольку с приходом сухого сезона река обмелела, ниже каменного уступа, где расположился лагерь, получилось что-то вроде миниатюрного пляжа от метра до двух шириной. Изгородь из кустарника протянули, чтобы закрыть и этот участок, но обезумевшие животные проломили ее и теперь неслись нескончаемым потоком под самым поселением, у воды.

Несколько бесплодных попыток остановить их ни к чему не привели, и в конце концов поселенцы оставили животных в покое: они так и так попадали в замкнутую долину лагеря, а проход между крутым берегом и водой служил своего рода «предохранительным клапаном». По крайней мере, животным было теперь куда деться — иначе этот бешеный поток просто снес бы ограду целиком.

Впрочем, мелкие животные все равно проникали внутрь и, не обращая внимания на людей, неслись дальше.

Род оставался у изгороди и даже завтрак съел стоя. С рассвета он уже убил шесть «сонных кроликов», но у Каролины счет был еще больше. Глядя на них, и остальные принялись мастерить копья.

К счастью, «сонных кроликов» попадало в лагерь не так много; в основном они гнали зверье вдоль реки. Тех же, что проникали за изгородь, убивали копьями: с ножом в руке справиться с ними было гораздо сложнее.

Обходя ограду, Каупер и Кеннеди, остановились рядом с Родом. Оба выглядели встревоженно.

— Род,— спросил Грант,— как по-твоему, долго еще это будет продолжаться?

— Откуда я знаю? Наверно, пока все не пробегут. Выглядит это... Взять его, Коротыш! Выглядит это, как будто «сонные кролики» гонят всех остальных, но я так не думаю. Мне кажется, они *все* с ума посходили.

— Но почему? — спросил Кеннеди.

— Убей меня бог. Хотя теперь я, похоже, догадываюсь, откуда на морском побережье столько костей. Но почему это происходит... Почему куры бегут через дорогу? Почему лемминги устраивают массовые самоубийства? Откуда берутся тучи саранчи?.. Сзади! *Прыгай!*

Кеннеди подпрыгнул, Род одним ударом прикончил очередного «кролика», и они продолжили разговор.

— Лучше отряди кого-нибудь, чтобы бросали этих тварей в воду, Билл, а то они скоро вонять начнут. Знаешь, Грант, пока еще всё в порядке, но я знаю, что бы я сделал.

— Что? Перебрался в эти пещеры? Род, ты был прав, но сейчас уже слишком поздно.

— Нет. Это все в прошлом. Забудь. Больше всего меня сейчас пугают эти злющие маленькие дьяволы. Они теперь совсем не сонные — они стремительны, свирепы... и так или иначе просачиваются через изгородь. Пока мы еще с ними справляемся, но что будет, когда наступит ночь? Нужна целая цепочка костров вдоль изгороди и вдоль всего берега. Огонь — это единственное, что может их остановить. По крайней мере, хотелось бы так думать.

— Для этого нужно очень много дров.— Грант взглянул на изгородь и нахмурился.

— Еще бы. Но так мы сможем продержаться и ночью. Знаешь что, дай-ка мне топор и шестерых парней с копьями. Я поведу группу.

Кеннеди покачал головой.

— Это моя работа.

— Нет, Билл,— твердо сказал Каупер.— С ними пойду я. А ты оставайся и защищай поселение.

До конца дня Каупер выходил за дровами с двумя группами, и по одному разу ходили Билл и Род. Одни выбирали периоды, когда поток животных на время ослабевал, но группе Билла пришлось просидеть в лесу над пещерой почти два часа в бездействии. Они решили, что оттуда будет удобно сбрасывать дрова в лагерь, однако по большей части вынуждены были пережидать наплывы зверья на деревьях. В маленькой долине вокруг поселения уже давно не осталось ни одной сухой деревяшки, и, чтобы найти пригодные для костра дрова, приходилось подниматься выше, в лес.

Пятую группу, ближе к вечеру, повел Клифф Пули, главный охотник, но у них сразу сломалась рукоять топора, и они вернулись лишь с тем, что смогли нарубить ножами. Пока их не было, один из гигантских быков сорвался со скалы над лагерем, упал вниз и сломал себе шею. В шкуру ему вцепились четыре «кролика», и, поскольку они даже не разжали челюстей, убить их оказалось несложно.

Вечером Джимми и Род дежурили с копьями у изгороди. Джимми оглянулся назад, туда, где двое девушек сбрасывали в реку трупы «сонных кроликов».

— Знаешь, Род,— произнес он задумчиво,— мы все не так поняли. Стоборы-то вот они. *Настоящие* стоборы.

— А?

— Те большие кошки вовсе никакие не стоборы. Мастер предупреждал нас именно об *этих* вот тварях.

— Как там их не называй, они меня устраивают только мертвые. Вставай. Вон еще один лезет.

Перед наступлением темноты Каупер приказал разжечь костры. Больше всего его беспокоило, чтобы случайно не спалили водопровод, но вскоре вопрос решился сам собой: труба вздрогнула, и вода иссякла. Видимо, выше по течению какая-то зверюга наконец разнесла хрупкое сооружение на куски.

Поселенцы уже давно перестали пользоваться бурдюками, и теперь в запасе осталось всего несколько литров воды — в горшке, что использовали повара. Впрочем, никто не посчитал, что это опасно — так, всего лишь очередная трудность. Главной задачей было

разложить костры вокруг лагеря. Человек пять или шесть уже пострадали — никто не погиб, но укусы и раны от когтей тоже дело серьезное,— и почти все от нападений маленьких хищников, которых они презрительно называли «сонными кроликами». Запасы антисептиков, и без того значительно сократившиеся за долгие месяцы существования колонии, теперь буквально таяли на глазах, и Боб Бакстер решил экономить, тратя лекарства только на самые тяжелые раны.

Когда дрова разложили по широкой дуге, протянувшейся внутри ограды до берега и дальше прямо к пещере, стало понятно, что дневные труды напрасны: в кучах осталось не намного больше, чем разложили. Билл Кеннеди бросил одни взгляд на кучи и сказал:

— На всю ночь не хватит, Грант.

— Должно хватить, Билл. Поджигай.

— Может быть, если мы отодвинемся от ограды и берега, а затем срежем до скалы... Как ты думаешь?

Каупер прикинул, насколько это будет экономнее и покачал головой.

— Так не намного короче. Впрочем... Не зажигай пока костры ниже по течению — только если зверье вдруг полезет назад. И давай шевелиться: уже темнеет.

Он прошел к кухонному костру, вытащил горящую ветку и принялся разжигать протянувшиеся цепочкой костры. Кеннеди помогал, и вскоре по всему краю поселения запылал огонь. Каупер бросил ветку в костер и сказал:

— Билл, подели мужчин на две вахты, а всех женщин отправь наверх, в пещеру,— пусть там как-нибудь разместятся.

— Их же больше тридцати. Едва ли из этого что выйдет.

— Пусть потеснятся. Но отправь их в пещеру. И раненых мужчин тоже.

— Ладно.— Кеннеди пошел отдавать распоряжения, и спустя несколько минут к Кауперу с копьем в руке подлетела Каролина.

— Грант, что это за чушь такая? Кто решил загнать девчонок наверх? Если ты думаешь, что я буду сидеть в пещере, пока вы тут развлекаетесь, то у тебя с головой что-то не в порядке.

Каупер посмотрел на нее усталыми глазами.

— Кэрол, у меня нет времени на глупые препирательства. Заткнись и делай, как я сказал.

Каролина открыла было рот, потом закрыла и молча двинулась к пещере. Подбежал Боб Бакстер. Род заметил, как встревоженно тот выглядит.

— Грант? Ты приказал укрыть всех женщин в пещере.

— Да.

— Извини, но Кармен не может.

— Тебе придется ее отнести. О ней-то я как раз и думал в первую очередь.

— Но...— Боб замолчал, отвел Гранта чуть подальше от остальных и принялся в чем-то его убеждать — тихо, но настойчиво. Грант покачал головой.

— Это опасно, Грант,— продолжал Боб, повышая голос.— Я не могу рисковать. Интервалы между схватками уже девятнадцать минут.

— М-м-м... Ладно. Оставь с ней двоих женщин. Возьми Каролину, хорошо? По крайней мере она не будет ко мне цепляться.

— О'кей.— Бакстер торопливо двинулся к пещере.

Кеннеди и еще более десятка мужчин заступили в первую вахту, растянувшись вдоль линии костров. Роду выпало дежурить во вторую смену, которой руководил Клифф Паули. Он двинулся было к дому Бакстеров, чтобы узнать, как там Кармен, но Агнесса его прогнала. Тогда Род отправился в холостяцкий сарай и попытался уснуть.

Разбудили его крики, и, выскочив из сарая, он успел заметить, как похожее на льва чудовище метров пять длиной пронеслось по лагерю и скрылось ниже по течению. Зверь одним прыжком перемахнул через ограду, оставив далеко позади и острые колья и костры.

— Эй, никого не зацепило? — крикнул Род.

— Нет. Он даже не остановился помахать ручкой,— ответил коротыш Дюмон. На левой икре у него темнела глубокая царапина, по ноге стекала кровь, но Коротыш этого даже не замечал.

Род заполз в сарай и снова попытался уснуть. Во второй раз он проснулся, когда затряслись стены. Род торопливо выбрался наружу и спросил:

— Что происходит?

— Это ты, Род? Я не знал, что внутри кто-то есть. Давай-ка помоги. Мы хотим его сжечь.— Голос принадлежал Бобу Бакстеру.

Он перерезал привязанные к угловому столбу полоски кожи и теперь во всю его раскачивал.

Род положил копье в сторону, чтобы случайно не наступить на него в темноте, сунул «Полковника Боуи» обратно в ножны и подключился к делу: строили сарай из бамбука и веток, крыли тростником и глиной, так что дров получилось бы достаточно.

— Как Кармен?

— О'кей. Все идет нормально. Но здесь от меня больше пользы. Да и потом, женщины меня сами выгнали.

Бакстер с грохотом повалил угол сарая, сгреб полную охапку обломков и заторопился прочь. Род набрал дров и двинулся за ним.

Резервный запас дров исчез. Кто-то срывал крышу с «мэрии» и швырял куски на землю, чтобы отбить глину. Стены у этого здания были из обожженных на солнце кирпичей, но крыша вполне годилась для костра. Род подошел ближе и увидел, что символ суверенного поселения уничтожает сам Каупер, причем работал он с каким-то даже остервенением.

— Давай я этим займусь, Грант. Ты хоть немного отдыхал?

— А? Нет.

— Пойди отдохни. Ночь будет длинная. Сколько сейчас?

— Не знаю. Должно быть, полночь.

Неподалеку вспыхнул огонь, и Каупер повернулся в ту сторону, вытирая лицо рукой.

— Род, смени Билла и возьми на себя командование второй сменой. У Клиффа глубокие раны, и я отправил его наверх.

— О'кей. Жечь все, что горит?

— Все, кроме крыши над домом Бакстеров. Но расходуй дрова экономно: нужно протянуть до утра.

— Ясно.— Род бросился к цепочке костров и отыскал Билла.— Я тебя сменю. Приказ Гранта. Иди немного поспи. Как они, прорываются?

— Не очень много. И недалеко.— Копье Билла потемнело от крови.— Я все равно не буду спать, Род. Так что найди место вдоль ограды и помогай.

Род покачал головой.

— Ты же еле на ногах держишься. Приказ Гранта.

— Нет!

— Ладно. Знаешь что, бери свою банду и идите ломайте сарай наших старых дев. По крайней мере, какая-то перемена.

— М-м-м... хорошо.— Кеннеди, шатаясь, пошел в глубь лагеря.

Поток зверья на какое-то время ослабел. За оградой стало спокойно, и у Рода появилась возможность разобраться со своей вахтой. Он сразу отослал спать тех, кто дежурил с заката, и послал за сменой. Затем назначил Дуга Сандерса и Мика Махмуда костровыми, приказав, чтобы никто, кроме них, не смел подбрасывать дрова в огонь.

Вернувшись к центру линии обороны, он обнаружил там Боба Бакстера с копьем в руке.

— Медику вовсе не обязательно драться на передовой,— сказал Род, положив руку ему на плечо.— Положение не настолько плохо.

— Аптечка у меня с собой — по крайней мере, то, что от нее осталось,— ответил тот, пожимая плечами,— а здесь она нужнее всего.

— Тебе других забот мало?

Бакстер через силу улыбнулся.

— Но это лучше, чем ходить под дверью взад-вперед... Смотри, Род, опять зашевелились. Может, стоит разжечь костры посильней?

— Не надо. А то нам не хватит дров до утра. Я думаю, и этих костров достаточно — не перепрыгнут.

Бакстер не ответил, потому что в этот момент сквозь ограду пролез «сонный кролик». Он махнул через низкое пламя, и Боб тут же проткнул его копьем. Род сложил ладони рупором и прокричал:

— Развести огонь посильнее! Но *не очень!*

— Сзади, Род!

Род подпрыгнул, обернулся и в прыжке подколол еще одного «кролика».

— Откуда он взялся? Я даже не видел, где он пролез.

Не успел Боб ответить, как из темноты вынырнула Каролина.

— Боб! Боб Бакстер! Мне нужно найти Боба Бакстера!

— Он здесь! — крикнул Род.

Лицо Боба исказилось гримасой отчаянья, и он с трудом произнес:

— Что с ней? Она...

— Нет! Нет,— закричала Каролина.— С ней все в порядке. Она прекрасно себя чувствует. *И у тебя девочка!*

Бакстер выронил копье и молча повалился без чувств. Каролина успела подхватить его и тем самым спасла от ожогов. Боб открыл глаза и сказал:

— Извините. Ты меня напугала. Там в самом деле все в порядке?

— В лучшем виде. И ребенок тоже. Килограмма три будет. Дайка мне свой тесак — тебя Кармен зовет.

Бакстер, качаясь, пошел к дому, а Каролина заняла его место и улыбнулась Роду.

— Я так счастлива, что все обошлось! Как тут дела, Родди? Все кипит? Ну-ка я сейчас подколю штук восемь-десять этих тварей!

Спустя несколько минут появился Каупер.

— Ты уже слышал хорошие новости? — спросила Каролина.

— Да. Я только что оттуда.— Ни словом ни обмолвившись по поводу присутствия Каролины на передовой, он обратился к Роду.— Мы делаем носилки из остатков водопровода, чтобы затащить Кармен в пещеру. Потом их сбросят вниз, и можете бамбук сжечь.

— Отлично.

— Ребенка отнесет Агнесса. Род, сколько, по-твоему, людей войдет в пещеру?

— Хм,— Род обернулся и взглянул на каменный уступ.— Они и так, должно быть, скоро через край посыплются.

— Боюсь, да. Но мы просто *должны* набить в пещеру как можно больше. Я хочу послать наверх всех женатых мужчин и самых молодых парней тоже. Здесь будут держаться холостяки...

— Я тоже «холостяк»! — перебила его Каролина.

Каупер не обратил на нее внимания.

— Как только Кармен будет в безопасности, я загоняю всех наверх. Огонь прогорит уже совсем скоро.— Он повернулся и двинулся к пещере.

Каролина тихо присвистнула.

— Похоже, мы здорово повеселимся, Родди.

— У меня о веселье несколько иные представления. Подержика пока оборону, Кэрол. Мне надо разобраться с людьми.— И он двинулся вдоль линии огня, отдавая распоряжения, кому остаться, а кому идти к пещере.

— Я не пойду,— скорчил физиономию Джимми.— Пока все не уйдут, я не пойду. Как я посмотрю Джекки в глаза?

— Ты пристегнешь одну губу к другой и сделаешь, как скажет Гран. А то еще и от меня получишь. Ясно тебе?

— Ясно. Но мне все равно это не нравится.

— Никто от тебя этого не требует. Просто сделай, как тебе говорят. Джекки видел? Как она?

— Недавно бегал, смотрел. Все в порядке, только немного подташнивает. Но узнав о Кармен, она почувствовала себя гораздо лучше.

Никаких ограничений по возрасту Род не учитывал. Без женатых мужчин, раненых и всех женщин выбор у него был совсем небольшой; он просто приказал тем, кого сам считал слишком молодыми и слишком неопытными, уйти, когда будет дан сигнал. Оставались с полдюжины парней, он, Каупер и... возможно, Каролина. Убедить ее уйти — задача не из легких, и Род решил до поры до времени не связываться.

Он обернулся и обнаружил рядом Каупера.

— Кармен уже подняли,— сказал тот.— Можешь отправлять остальных.

— Тогда можно сжечь крышу дома Бакстеров.

— Я уже сорвал ее, пока Кармен тащили наверх.— Каупер оглядеался.— Кэрол! В пещеру!

Каролина встала напротив него.

— Не пойду!

— Кэрол,— мягко сказал Род,— ты же слышала. Наверх. И быстро!

Бросив на него сердитый взгляд, она надула губы, пробормотала: «Ну раз ты так *просишь*, Родди Уокер», повернулась к ним спиной и побежала вверх по тропе.

Род сложил ладони рупором и крикнул:

— Все, кроме тех, кому я сказал остаться, тоже наверх! Быстро!

Половина из тех, кому полагалось уйти, уже взбиралась по тропе к каменной террасе, когда сверху донесся голос Агнессы:

— Эй! Потише! Если будете так толкаться, кто-нибудь свалится с обрыва.

Цепочка людей замерла.

— Всем выдохнуть!— крикнул Джимми.— Вот так оно лучше.

Кто-то снизу тут же откликнулся:

— Сбросьте Джимми в реку — будет еще лучше.

Очередь снова поползла вверх, теперь медленнее, и минут за десять они все-таки совершили невозможное — упаковали почти семьдесят человек в пещеру, где при нормальных обстоятельствах больше десятка уже чувствовали бы себя стесненно. Короче, расположились,

как сардины в банке. Стоять в полный рост можно было лишь у самого входа, поэтому девушек задвинули в самую глубину и так плотно, что они едва могли дышать. Стоявшим у входа было легче, но в темноте кто-нибудь мог оступиться или же не удержаться на ногах, когда другой нечаянно толкнет локтем.

— Посмотри тут пока, Род. Я схожу проверю.

Грант взбежал по тропе и через несколько минут вернулся.

— Тесно, как на дне мешка,— сказал он.— Однако у меня есть план. Если нужно, они все-таки смогут еще немного потесниться. Раненым будет неудобно, и Кармен придется сесть — сейчас она лежит,— но это возможно. Когда погаснут костры, мы втиснем туда остальных и, выставив копья над краем тропы, сумеем продержаться до рассвета. Понятно?

— Деваться некуда.

— Договорились. Когда придет время, ты идешь предпоследним, я замыкаю.

— Э-э-э... Давай кинем жребий.

Каупер грубо выругался, что с ним случалось крайне редко, и добавил:

— Я здесь главный. Я пойду последним. А сейчас нужно обойти костры, и побыстрее все, что осталось,— в огонь. Затем соберем людей здесь. Ты иди вдоль берега, я — вдоль ограды.

Они побросали остатки дерева в огонь — времени это отняло совсем немного — и собрались у подножья тропы: Рой, Кенни, Дик, Чарли, Ховард, Род и Грант. Накатила новая безумная волна мигрирующих животных, но пока огонь еще сдерживал их, заставляя двигаться в обход лагеря по узкому перешейку у воды.

У Рода затекли пальцы, и он перебросил копье в левую руку. Огонь умирал, лишь кое-где оставляя после себя светящиеся угли. Род с надеждой взглянул на восточный небосклон, но тут Ховард Голдштейн сказал:

— В дальнем конце один уже прорвался.

— Спокойно, Голди,— ответил Каупер.— Если он сюда не полезет, мы его не трогаем.

Род снова перекинул копье в правую руку. «Сонные кролики» проникли за стену огня уже в нескольких местах, но что еще хуже, теперь угли давали так мало света, что хищников почти не было видно.

Каупер повернулся к Роду.

— Ладно, все наверх. Ты их пересчитай,— распорядился он и добавил громче: — Билл! Агнесса! Потеснитесь там, к вам пополнение!

Род бросил взгляд на ограду, затем сказал:

— О'кей. Кенни первый — Следующий — Дуг. Не толкайся. Голди. Потом Дик. Кто остался? Рой...— Род обернулся, почувствовав, что за спиной у него что-то произошло.

Гранта рядом не было. Он стоял неподалеку от ограды, склонившись над гаснущим костром.

— Эй, Грант!

— Сейчас вернусь! — Каупер выбрал тлеющий сук и несколько раз взмахнул им в воздухе, отчего пламя снова занялось. Перепрыгнув через угли, он пробрался между острыми кольями, подбежал к изгороди из колючего кустарника и сунул туда свой факел. Сухие ветки тут же вспыхнули. Грант медленно отошел назад, пробираясь между кольями.

— Я тебе помогу! — крикнул Род.— Зажгу с другого конца.

Каупер обернулся, и огонь высветил его суровое бородатое лицо.

— Назад! Поднимай всех наверх! Это приказ!

Люди на тропе остановились, и Род, прорычав: «Вперед, остолопы! Шевелитесь!», ткнул кого-то тупым концом копья в зад. Когда он обернулся, Каупер уже поджигал изгородь в другом месте. Он выпрямился, собираясь двинуться дальше, потом резко повернулся и прыгнул через полосу погасших костров. Остановился, ткнул копьем куда-то в темноту... и вдруг закричал.

— Грант! — Род соскочил вниз и бросился вперед, но когда он подбежал к Гранту, тот уже лежал на земле в каждую его ногу вцепилось по «сонному кролику». Совсем рядом подбирались еще несколько. Род ткнул копьем одного, стараясь не задеть Гранта, выдернул, затем ткнул второго. И тут он почувствовал, как «кролик» вцепился в ногу уже ему. Он едва успел удивиться, что почти не чувствует боли, как стало дико больно.

Род повалился на землю, и копье выпало у него из рук, но пальцы сами нащупали рукоять ножа, и «Полковник Боуи» одним ударом прикончил вцепившуюся в ногу тварь.

Дальше, как ему казалось, все происходило в какой-то кошмарной замедленной съемке. Лениво, словно нехотя, люди били

копьями еле ползающих хищников. Пламя, взметнувшееся над колючей изгородью, высветило еще одного подбирающегося к нему «сонного кролика». Род взмахнул ножом, прикончил очередную тварь, перекатился на живот и попытался встать...

Очнулся он от бьющего в глаза яркого дневного света. Пошевельнулся, и нога тут же отозвалась вспышкой боли. Подняв голову, Род увидел компресс из листьев, аккуратно перемотанный полоской кожи. Лежал он в пещере, а рядом лежали еще несколько человек. Род привстал на локтях.

— Эй, кто-нибудь...

— Ш-ш-ш! — Сью Кеннеди подползла ближе и склонилась над ним.— Ребенок спит.

— О!

— Я — сейчас дежурная медсестра. Тебе что-нибудь нужно?

— Нет, вроде. Слушай, а как они ее назвали?

— Хоуп Роберта Бакстер. Красивое имя. Я скажу Каролине, что ты проснулся.

Вскоре появилась Каролина, присела рядом на корточки и, бросив многозначительный взгляд на его лодыжку, сказала:

— Будешь теперь знать, как веселиться без меня.

— Видимо, буду. Как у нас дела, Кэрол?

— Шестеро ранены серьезно. Ходячих раненых примерно вдвое больше. Кто здоров, все собирают дрова и рубят кустарник. Топор мы уже починили.

— А как же... Уже что, не нужно отбиваться от этих тварей?

— Сью тебе ничего не сказала? За все утро сюда забрели лишь несколько оленей, и те — как сонные мухи. Больше никого.

— Это может начаться опять.

— Если начнется, мы будем готовы.

— Хорошо.— Род попытался встать.— Где Грант? Сильно ему досталось?

Каролина покачала головой.

— Грант не выжил, Родди.

— Как?

— Бобу пришлось ампутировать ему обе ноги у колен, руку тоже нужно было отрезать, но Грант не выдержал операции, умер.— Она взмахнула рукой, словно подвела черту.— Его похоронили в реке.

Род хотел что-то сказать, но не выдержал и отвернулся, уронив голову на грудь. Каролина положила руку ему на плечо.

— Не переживай так сильно, Родди. Боб зря пытался его спасти. В такой ситуации лучше умереть.

Роду пришло в голову, что она, возможно, права: на этой планете пока не существовало анатомических банков. Но легче не стало.

— Не ценили мы его,— пробормотал он.

— Перестань! — сердито прошептала Кэрол.— Грант всегда был дураком.

— Как тебе не стыдно, Кэрол? — спросил Род укоризненно и с удивлением увидел у нее на глазах слезы.

— Ты сам это знаешь. И все знают, но мы все равно его любим. Я бы даже вышла за него замуж, только он никогда не предлагал.— Она смахнула слезы.— Ты уже видел ребенка?

— Нет.

Лицо Кэрол озарилось радостью.

— Сейчас я ее принесу. Красавица!

— Сью сказала, что она спит.

— М-м-м... тогда ладно. Но я, собственно, пришла по другому поводу. Какие будут распоряжения?

— В смысле? — Род подумал, что, раз Гранта больше нет...— Билл его заместитель. Он что, тоже лежачий?

— Сью тебе ничего не сказала?

— А что она должна была сказать?

— Ты — наш новый мэр. Тебя выбрали сегодня утром. Пока ты спал, мы с Биллом и Роем пытались хоть как-то наладить работу.

Род почувствовал, что у него кружится голова. Лицо Кэрол то отдалялось, то снова наплывало, и он испугался, что потеряет сознание.

— ... Дерева достаточно,— продолжала Каролина,— и к закату мы отстроим изгородь. Мяса пока хватает: Марджери все еще кромсает того быка, что свалился вчера со скалы и свернул себе шею. На новое место нам все рано не перебраться, пока Кармен, ты и другие раненые не поправятся, так что мы решили хотя бы на время привести лагерь в порядок. Как по-твоему, что-нибудь еще нужно сделать прямо сейчас?

Род задумался.

— Нет. Не прямо сейчас.

— О'кей. Тебе положено отдыхать.— Каролина попятилась и встала.— Я загляну позже.

Род вытянул ногу и перевернулся. Спустя какое-то время волнение оставило его, и он уснул.

Сью принесла бульон в горшке и подержала ему голову, пока он пил. Затем подползла ближе с Хоуп Бакстер на руках и показала ему новорожденную. Род, как в таких случаях полагается, сюсюкал и говорил какие-то глупости, а про себя думал: неужели все новорожденные выглядят так же?

Затем его оставили в покое, и все это время он думал. Каролина вернулась вместе с Роем.

— Как дела, вождь? — спросил Рой.

— Готов откусить башку гремучей змее.

— Нога у тебя — не дай бог, но это пройдет. Мы прокипятили листья, и у Боба еще оставались антисептики.

— Я себя нормально чувствую. Температуры вроде нет.

— Джимми всегда говорил, что тебя ничего не берет,— добавила Каролина.— Что-нибудь нужно, Родди? Или хочешь нам что-нибудь сказать?

— Да.

— Что?

— Вытащите меня отсюда. Помогите спуститься по тропе.

— Тебе нельзя,— торопливо сказал Рой.— Ты еще не оклемался.

— Ты так считаешь? Давай-ка или помоги, или отойди с дороги. И соберите всех вместе. У нас будет общее собрание.

Они переглянулись, и Кэрол молча вышла из пещеры. Род сам дополз до каменного карниза, когда у входа в пещеру появился Бакстер.

— Ну-ка, Род! Давай назад и ложись!

— Отойди.

— Послушай, друг, я не люблю применять силу в отношении больных, но, если ты меня вынудишь, я это сделаю.

— Боб... Сильно у меня нога повреждена?

— Все будет в порядке — *если* будешь меня слушаться. Если же нет... Знаешь, что такое гангрена? Когда нога чернеет и появляется такой сладковатый запах?..

— Не надо меня запугивать. Что мешает спустить меня на веревках?

— Ну если только так...

Спускали Рода, пропустив две веревки под мышками и третьей поддерживая больную ногу. Операцией руководил Бакстер. Внизу его подхватили на руки, отнесли к кухонному костру и уложили на землю.

— Спасибо,— буркнул Род.— Здесь все, кто может ходить?

— Кажется, да, Родди. Пересчитать?

— Не надо. Насколько я понимаю, сегодня утром вы избрали меня кап... мэром поселения?

— Верно,— подтвердил Кеннеди.

— Какие были еще кандидатуры? Сколько голосов я набрал?

— Э-э-э... тебя выбрали единогласно.

Род вздохнул.

— Спасибо. Хотя я не уверен, что согласился бы с вами, будь это в моем присутствии. Теперь вот что. Вы ожидаете, что я поведу вас к тем пещерам, которые нашли мы с Роем, так? Каролина что-то об этом говорила...

— Мы не ставили вопрос на голосование, Род, но все считают, что надо перебираться,— несколько озадаченно ответил Рой.— После того что случилось ночью, всем понятно, как опасно здесь оставаться.

Род кивнул.

— Ясно... Так, всем меня видно? Я собираюсь сказать что-то важное. Насколько я знаю, пока нас с Роем не было, вы приняли конституцию и всякие там законы. Я их не читал и поэтому не знаю, насколько легально будет то, что мне хотелось бы вам предложить. Но раз уже мне досталась эта работа, я собираюсь руководить. Если кому-то не понравятся мои решения и мы оба окажемся достаточно упрямы, чтобы вынести конфликт на всеобщее обсуждение, вы будете голосовать. Или вы меня поддерживаете, или снимаете и выбираете кого-то еще. Так пойдет? Твое мнение, Голди? Ты ведь был в законодательном комитете.

Ховард Голдштейн сдвинул брови.

— Ты не очень точно это сформулировал, Род...

— Возможно. Но все-таки?

— То, что ты описал, называется парламентский вотум доверия. В общем-то, это основа нашей конституции. Мы специально его ввели, чтобы закон был прост, но все же демократичен. Это Грант придумал.

— Отлично,— серьезно сказал Род.— Не хотелось бы думать, что я сразу ломаю весь свод законов Гранта, стоивший ему стольких трудов. При первой же возможности я его изучу, обещаю. Но насчет того, чтобы перебираться в пещерный город, мы будем голосовать прямо сейчас. Вотум доверия.

Голдштейн улыбнулся.

— Я и так могу сказать тебе, как пройдет голосование. Никого убеждать не надо.

Род хлопнул ладонями по земле.

— Вы ничего не поняли. Если хотите перебираться, перебирайтесь. Но пусть вас ведет кто-нибудь другой. Рою это вполне по силам. Или Клиффу. Или Биллу. Если же вы послушаете меня, то я скажу так: ни одна хищная и зубастая, но безмозглая тварь не сгонит нас с этой земли. Мы — *люди*. И людям не к лицу отступать — по крайней мере, перед такими тварями. За эту землю Грант заплатил своей жизнью, и теперь это наша земля. Мы останемся здесь и отстоим ее!

14. ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Достопочтенный Родерик Л. Уокер, мэр Каупертауна, глава суверенной планеты GO-73901-11 (по каталогу Лимы), главнокомандующий вооруженными силами, главный судья и защитник свобод отдыхал у порога мэрии. При этом он почесывался и раздумывал, не попросить ли кого-нибудь снова подрезать ему волосы — ощущение было такое, будто у него завелись вши, только на этой планете вши не водились.

Напротив сидела на корточках мисс Каролина Беатрис Мшийени, премьер-министр.

— Родди, я им говорила уже тысячу раз — и никакого толка. Грязи от этой семейки больше, чем от всех остальных вместе. Видел бы ты, что у них творилось сегодня утром! Помои прямо у порога дома... Мухи!

— Я видел.

— И что прикажешь делать? Вот если бы ты разрешил мне хорошенько его вздуть... так нет же, ты слишком мягок.

— Видимо, да.— Род в задумчивости перевел взгляд на кусок сланца, установленный посреди городской площади. Надпись на нем гласила:

«Памяти первого мэра
УЛИССА ГРАНТА КАУПЕРА,
который отдал за этот
город свою жизнь»

Буквы получились неровные — надпись делал сам Род.

— Грант как-то сказал мне,— заметил он,— что государственное управление — это умение ладить с людьми, которые тебе не нравятся.

— Брюс и Тея мне совершенно не нравятся!

— Мне тоже. Но Грант наверняка нашел бы способ приструнить их без рукоприкладства.

— Ну тогда сам придумывай. Я на это неспособна. Родди, тебе вообще не следовало пускать Брюса обратно. Мерзкий тип. А уж когда он женился на этой...

— Похоже, они просто созданы друг для друга,— ответил Род.— Никому другому и в голову бы не пришло взять в жены или в мужья кого-нибудь из них.

— Я же не шучу. Это почти... Хоуп! Ну-ка оставь Гранти в покое!

— Каролина вскочила на ноги.

Мисс Хоуп Роберта Бакстер, шестнадцати месяцев от роду, увлеченно колотила в это время мистера Гранта Родерика Трокстона, тринадцати месяцев, а тот, соответственно, хныкал. Оба ползали голые и очень грязные, но это была, что называется чистая грязь: всего час назад Каролина их мыла. Дети росли полненькие и здоровые.

Хоуп повернулась к Каролине и без тени сомнения заявила:

— Я хаосая!

— Я все видела! — Каролина перевернула ее попкой кверху и легонько шлепнула, затем взяла на руки Гранта Трокстона.

— Дай ее мне,— сказал Род.

— Ради Бога,— ответила Каролина и, усевшись на землю, принялась укачивать малыша.— Бедненький. Покажи тете Кэрол, где у тебя бо-бо.

— Не надо с ним так разговаривать, а то вырастет сюсюкалкой.

— Кто бы говорил! Сам-то хорош!

Хоуп обняла Рода своими крохотными ручонками и, проворковав «Одди»«, чмокнула его чумазыми губами. Род чмокнул ее в ответ. По его мнению, ребенок был безвозвратно испорчен ласками, но тем не менее он и сам баловал ее сверх всякой меры.

— Вот-вот,— согласилась Кэрол.— Все любят дядю Родди. Он раздает медали, а тете Кэрол достается вся грязная работа.

— Кэрол, я тут думал...

— Сегодня жарко. Не перегружай свою думалку.

— ... Про Брюса и Тею. Мне нужно с ними поговорить.

— Поговорить?!

— После принятия конституции мы еще ни разу не применяли самое серьезное у нас наказание — изгнание. И Макгованы ведут себя так безобразно, потому что думают, мы никогда на это не решимся. Хотя я бы с удовольствием их турнул. И если дело до того дойдет, я поставлю вопрос перед городским собранием — или мы их выгоняем, или я оставляю свой пост.

— Тебя все поддержат. Он не мылся уже по крайней мере неделю.

— Поддержат, не поддержат... Я уже семь раз проходил вотум доверия. Когда-нибудь мне повезет, и я заживу наконец спокойно. Но главная задача сейчас — убедить Брюса, что я готов поставить вопрос на голосование, и если он поверит, делать этого просто не придется. Кому охота оказаться в диком лесу, когда здесь такая славная жизнь? Главное — его убедить.

— Может, если он будет думать, что ты все еще не забыл ту царапину под ребрами...

— Может, я и не забыл. Но мне нельзя опускаться до личных обид, Кэрол. Я слишком для этого горд.

— Хм... Ну тогда скажи наоборот: город, мол, закипает — что совсем недалеко от правды,— и ты пытаешься нас сдержать.

— Вот это уже лучше. Да, я думаю, Гранту бы это понравилось. Надо обмозговать.

— Обмозгуй.— Кэрол встала.— Пойду вымою их еще раз. Честное слово, ума не приложу, где они берут столько грязи!

Она подхватила обоих детей под руки и двинулась к душевой. Род лениво посмотрел ей вслед. В лагере Каролина носила кожаный пояс и травяную юбку из длинных узких листьев, переплетен-

ных особым образом и затем высушенных. Женской половине населения это фасон пришелся по душе, и к ней нередко обращались за помощью. Однако, отправляясь на охоту, она всегда надевала набедренную повязку, какие носили мужчины.

Из те же самых листьев, если их вымочить, размять и расчесать, можно было соткать полотно, но его пока не хватало даже на одежду для малышей. Билл Кеннеди выстрогал для Сью примитивный ткацкий станок, и он в общем-то работал, хотя не очень надежно и не очень быстро, да и ткань получалась всего в полметра шириной. Тем не менее, думал Род, это уже прогресс, уже цивилизация. Они многого достигли.

Теперь город был надежно защищен от стоборов. Стена из высушенного на солнце кирпича огораживала поселение с берега и выше по течению — высокая отвесная стена, преодолеть которую могли разве что эти похожие на львов огромные хищники, но любого «льва», достаточно глупого, чтобы рискнуть, ждала за стеной полоса острых кольев, слишком широкая даже для их могучих прыжков. Навес, под которым отдыхал Род, как раз и был сделан из шкуры хищника, совершившего подобную ошибку. На всем протяжении стены располагались ловушки для стоборов, узкие туннели, выходившие к глубоким ямам, попадая в которые маленькие свирепые хищники занимались примерно тем же, что и коты из Килкенни.

Возможно, проще было бы заставить стоборов двигаться в обход города, но Роду хотелось уничтожить их как можно больше — без них, по его мнению, планета стала бы только лучше.

Короче, городу ничто не угрожало. Стоборы продолжали оправдывать прозвище «сонные кролики», меняя характер только к сухому сезону, и становились по-настоящему опасны лишь во время бешеной ежегодной миграции. Впрочем, последняя миграция прошла без жертв: теперь поселенцы знали, чего опасаться, и защитные сооружения выдержали. Самый пик Род заставил женщин с младенцами пересидеть в пещере, остальные же дежурили две ночи у стены, но лезвия ножей так и остались не обагренными кровью.

Борясь с дремотой, Род подумал, что им действительно нужна теперь бумага. Грант был прав: без бумаги управлять поселением оказалось нелегко. Они просто разучатся писать, если не будет практики, а этого допустить нельзя. Кроме того, Роду очень хотелось

воплотить в жизнь идею Гранта — записать все полезное, что они знают. Взять, например, логарифмы — они, может, еще несколько поколений никому не понадобятся, но когда-нибудь придет время, и тогда... Он все-таки уснул.

— Ты занят, вождь?

Род открыл глаза и увидел перед собой Артура Нилсена.

— Сплю. Рекомендую, кстати. В воскресенье после полудня это сплошное удовольствие... Что-нибудь случилось, Арт? Коротыш и Дуг качают мехи без тебя?

— Нет. Эта чертова затычка опять вылетела, огонь погас, и мы загубили плавку.— Расстроенный Нилсен устало опустился на землю — только-только от печи, разгоряченный, с красным лицом. На правой руке у него блестел след от ожога, но он, похоже, даже не заметил еще, что обжегся.— Род, ну что мы делаем не так, а?

— Спроси что-нибудь попроще. Если бы я знал о выплавке стали больше тебя, мы бы давно поменялись работами.

— Да я в общем-то не всерьез спрашивал. Две вещи, которые «не так», я сам знаю. Во-первых, установка слишком мала, во-вторых, нет каменного угля. Род, чтобы получать чугун и сталь, нам позарез нужен каменный уголь. С древесным мы не получим ничего, кроме пористого ковкого железа.

— А чего ты ожидал вот так сразу, Арт? Чудес? Ты и без того уже на годы опередил наши самые смелые мечты. Ты дал металл — и какая разница, ковкое железо это или уран? С тех пор как ты сделал вертела для кухни, Марджери считает тебя гением.

— Да, конечно, железо мы сделали, но нужно больше и лучше. Руда здесь отличная, настоящий гематит. На Земле такой руды никто не встречал в значительных количествах уже несколько веков. Из нее сталь выплавлять — самое милое дело. И я бы сумел, но нужен каменный уголь. У нас есть глина, известняк, прекрасная руда, но без угля я просто не могу добиться нужной температуры.

Род не беспокоился: колония получала железо. Вакси, однако, переживал.

— Хочешь бросить пока это дело и уйти искать уголь?

— Нет, пожалуй. Я лучше переделаю печь...— Нилсен не остановился и добавил еще много чего по поводу родословной печи, ее грязных привычек и предназначения.

— Кто у нас знает о геологии больше всех?

— Наверно, я.

— А кроме тебя?

— Видимо, Дуг.

— Может, дадим ему двоих парней, и пусть идут искать каменный уголь? На его место у мехов можно поставить Мика... Или знаешь, что... Как насчет Брюса?

— Брюс? Он не будет работать.

— Заставь. Если ты слишком его заездишь и он сбежит, плакать никто не станет. Арт, сделай одолжение, возьми его в дело, а?

— Ну если так надо... Ладно.

— Отлично. И знаешь, в том что партия стали не удалась, есть один плюс — сегодня ты не пропустишь танцы. Наверно, не следовало начинать плавку к концу недели: тебе нужно отдохнуть денек, да и Дугу с Коротышом отдых тоже не повредит.

— Знаю. Но когда все наконец готово, так прямо и хочется начать. Как мы работаем, так никакого терпения не хватит: прежде чем что-то сделать, нужно сделать все необходимое, а для этого обычно нужно сделать что-то еще, и так до бесконечности... Рехнуться можно!

— Это еще что! Поинтересуйся в Сельскохозяйственном департаменте, они тебе расскажут, что такое «рехнуться можно». Видел перед стеной ферму?

— Мы как раз через нее и шли.

— Смотри, Клифф тебя поймает — башку за это оторвет. А я ему еще и помогу — буду держать тебя за руку, чтобы не дергался.

— Тоже мне ферма! Трава она и есть трава. Тут такой — тысячи гектаров.

— Верно. Трава и несколько грядок зелени. Клифф, наверно, не доживет до результатов. И его маленький Клифф тоже. Но наши правнуки будут есть белый хлеб, Арт. Тебе легче, ты по крайней мере сам будешь строить станки. Ты знаешь, что тут нет ничего невозможного, а это, как говорит Боб Бакстер, уже две трети пути к победе. Клифф не доживет до тех времен, когда вкусного свежего хлеба будет вдоволь. Однако его это не останавливает.

— Тебе нужно было стать проповедником, Род.— Арт встал, втянул носом воздух и поморщился.— Пойду сполоснусь, а то со мной никто танцевать не будет.

— Я всего лишь цитировал. Эти слова ты, должно быть, уже слышал. Кстати, оставь мне немного мыла.

Каролина взяла две первые ноты из «Арканзасского путника», а Джимми ударил в барабан.

— Разбиваемся на пары! — Выкрикнул Рой, затем немного выждал и затянул высоким голосом песню.

Род не танцевал, ждал второго захода, когда подойдет его очередь. Если в танце участвовали все сразу, то получалось восемь групп по четыре пары — явно много для вокалиста, губной гармоники и примитивного барабана без всяких усилителей. Поэтому танцевали по очереди — половина поселения нянчила детей и сплетничала, другая танцевала. Певца и музыкантов тоже сменяли через раз.

Почти никто из них не знал раньше кадрили. Но Агнесса Пулвермахер, несмотря на насмешки и даже сопротивление, научила все поселение танцевать, обучила певцов, напела Каролине мелодии, чтобы та подобрала музыку, и наконец заставила Джимми изготовить некое подобие африканского барабана.

Поначалу Род не оценил нововведение (прежде всего, он не знал истории мормонов-первопоселенцев) и даже счел его помехой работе. Но затем он увидел, как колонисты, в одну ночь потерявшие все, что было создано тяжким трудом, апатичные и безразличные к его призывам, вдруг начали улыбаться, шутить и работать в полную силу просто от того, что у них появилась музыка, появились танцы.

И Род решил поддержать хорошее дело. Он плохо чувствовал ритм, не тянул мелодию, но и его захватило новое поветрие: танцевал он не бог весть как, но зато от души.

Со временем поселение стало устраивать танцы лишь по воскресеньям, в честь свадеб и по праздникам, причем всегда в торжественной обстановке — женщинам полагалось приходить в травяных юбках. В кожаных шортах, набедренных повязках и остатках брюк на танцы просто не пускали. Сью мечтала о том времени, когда у нее появятся излишки ткани, чтобы сшить настоящее платье для кадрили себе и ковбойскую рубашку мужу, но пока у колонии были другие заботы, и мечта оставалась мечтой.

Музыка стихла, сменились музыканты. Каролина бросила гармонику Коротышу и подошла к Роду.

— Ну что, Род, пойдем тряхнем костями?

— Я уже пригласил Сью,— сказал Род торопливо, и это была правда.

Он совершенно сознательно не приглашал одну девушку дважды и никого не выделял. Давным-давно еще Род пообещал себе, что, решив жениться, оставит свой пост, но пока работа в каком-то смысле даже заменяла ему семью. Ему нравилось, конечно, танцевать с Каролиной — многим нравилось, хотя иногда она забывалась и начинала вести сама,— но он старался не проводить с ней слишком много свободного времени: Каролина и без того была его правой рукой, почти вторым «я».

Род подошел к Сью и галантно предложил ей руку. Как-то сами по себе возвращались в их жизнь вежливые манеры, обходительность, а торжественная, даже изысканная обстановка на танцах делала эти мелкие любезности совершенно естественными. Род вывел Сью на площадку, и в течение нескольких минут они, помогая друг другу, старательно изображали нечто похожее на кадриль.

Когда танец закончился, он вернул Сью Биллу, поклонился, поблагодарил и усталый, но довольный сел на свое место, которое никто никогда не занимал. Марджери с помощниками начали раздавать что-то маленькое, поджаристое, насаженное на деревянные шампуры. Род взял свою порцию, принюхался.

— Какой аромат, Мардж! Что это такое?

— Копченая оленина, а внутри ма-а-аленькая булочка. Соль, местный шалфей, прожаренный на сковородке. Не вздумай сказать, что тебе не понравилось: мы провозились чуть ли не весь день!

— М-м-м! Как насчет добавки?

— Подожди. Все тебе сразу!

— Но мне нужно еще. Я работал в поте лица и должен восстановить силы.

— Я тебя сегодня днем видела: это и есть та самая *работа*? — Марджери вручила ему еще порцию.

— Я занимался перспективным планированием. Мой мозг буквально жужжал.

— Жужжание я тоже слышала. Ты, когда спишь на спине, «жужжишь» довольно громко.

Марджери на секунду отвернулась — Род тут же стащил третью порцию, поднял глаза, поймал взгляд Жаклин, подмигнул и улыбнулся.

— Ты счастлив, Род?

— Еще бы! А ты Джекки?

— В жизни не чувствовала себя счастливее,— ответила она серьезно.

Джимми обнял ее за плечи.

— Видишь, какие чудеса творит любовь мужа, Род? — сказал он.— Когда я встретил это бедное дитя, ее били, морили голодом, заставляли готовить, и больше всего на свете она боялась открыть свое настоящее имя. А теперь посмотри на нее — толстая и счастливая!

— И никакая я не толстая!

— Ну хорошо. Очаровательно упитанная.

Род взглянул в сторону пещеры.

— Джекки, а ты помнишь тот первый наш вечер?

— Разве такое забудешь?

— И мою дурацкую теорию насчет Африки? Вот скажи: если бы все случилось снова, ты бы хотела, чтобы я оказался прав?

— Никогда об этом не думала. И кроме того, я знала, что ты ошибаешься.

— Да, но если бы? Ведь ты давным-давно была бы уже дома.

Ее рука нашла ладонь Джимми.

— Но тогда я не встретила бы своего мужа.

— Встретила бы. Это неизбежно. Ведь ты уже была знакома со мной, а Джимми — мой лучший друг.

— Возможно. Но я не хочу никаких перемен. Меня не тянет «домой», Род. Наш дом *здесь*.

— Меня тоже не тянет,— согласился Джимми.— И знаешь что? Колония, я смотрю, все растет, быстро растет, и если она вырастет еще чуть-чуть, нам с Голди пора будет открывать адвокатскую контору. Никакой конкуренции, и можно выбрать клиентов! Он будет заниматься уголовным правом, я — бракоразводными процессами, а корпоративными законодательством — вместе. Мы огребем миллионы! Я буду разъезжать в лимузине с восьмеркой оленей, курить толстую сигару и посмеиваться над крестьянами! Верно, Голди? — крикнул он.

— Совершенно верно, коллега. Я уже готовлю вывеску: «ГОЛДШТЕЙН И ТРОКСТОН. С нами не сядешь!»

— Отлично! Только сделай «ТРОКСТОН и ГОЛДШТЕЙН».

— Но я старше! Я изучал право на два года дольше.

— Ерунда! Род, на твоих глазах какой-то тип из Теллерского университета обижает старого приятеля из школы имени Патрика Генри. Ты это стерпишь?

— Возможно. Однако мне вот что непонятно: как ты собираешься вести дела? По-моему, у нас нет закона о разводе. Давай спросим у Кэрол.

— Какие мелочи! Ты занимайся бракосочетаниями, а разводы — это уже по моей части.

— Что «спросим у Кэрол»? — вступила в разговор Каролина.

— У нас есть закон о разводе?

— Ха! У нас нет даже закона о браке.

— Это лишнее,— пояснил Голдштейн.— Он — естественная часть нашей культуры. А кроме того, у нас кончилась бумага.

— Совершенно верно, господин советник,— согласился Джимми.

— А ты почему спрашиваешь? — не отставала Каролина.— Никто пока разводиться не собирается — я бы узнала раньше, чем они сами.

— Да мы, собственно, не о разводах говорили,— объяснил Род.— Просто Джекки сказала, что не хочет возвращаться на Землю, и Джимми развил эту мысль дальше — только ничего серьезного от него, как всегда, не дождешься.

— Кому же захочется теперь на Землю? — удивленно спросила Каролина.

— Вот и я говорю,— поддакнул Джимми.— Планета у нас что надо! Ни тебе подоходного налога, ни толп, ни автомобилей, ни рекламы, ни телефонов. В самом деле, Род, ведь все мы планировали попасть во Внеземелье, иначе никто из нас не стал бы сдавать экзамен на выживание. Так какая разница? Просто мы добились своего гораздо раньше.— Он сжал руку жены.— И черт с ней с большой сигарой. Я и без того теперь богат, сказочно богат!

Привлеченные разговором, подошли Агнесса и Курт. Услышав последнюю фразу, Агнесса кивнула и сказала:

— Наконец-то Джимми заговорил серьезно. Что до меня, то первый месяц я каждую ночь засыпала в слезах, боялась, что нас никогда не найдут. Теперь я знаю, что не найдут, но мне уже все равно. Даже будь у нас такая возможность, я бы на Землю не вернулась. Единственное, чего мне здесь не хватает, это губной помады...

Ее муж оглушительно расхохотался.

— Вот тебе и вся правда жизни, Род! Поставь на том берегу косметический прилавок, и все наши женщины пойдут по воде яко посуху!

— Ну вот, опять ты смеешься, Курт! Кстати, ты обещал сделать помаду.

— Дай время — все у нас будет.

Подошел Боб Бакстер и сел рядом с Родом.

— Сегодня утром тебя не было на собрании, Род.

— Увяз в делах. На следующей неделе появлюсь.

— Хорошо.— Вера Бакстера не требовала посвящения в духовный сан, и он просто начал проводить службы, став таким образом помимо главного медика еще и капелланом. Проповедовал он безо всякого догматизма, и потому очень многих — христиан, иудаистов, монистов, мусульман — службы эти устраивали. На собраниях у Боба всегда было людно.

— Боб, а ты бы вернулся?

— Куда, Кэрол?

— Назад, на Землю.

— Да.

Джимми изобразил на лице карикатурный ужас.

— Чтоб я сдох! Но зачем?

— Не волнуйся, я ненадолго. Просто мне надо окончить медицинский колледж.— Он улыбнулся.— Возможно, я сейчас лучший хирург в округе, но, сам понимаешь, это не бог весть что.

— Понятно...— сказал Джимми.— Но нас ты вполне устраиваешь. Да, Джекки?

— Да.

— Я очень жалею,— продолжил Боб,— что не сумел спасти тех, кого должен был спасти. Но это беспредметный разговор. Мы здесь и здесь мы остаемся.

Подходили новые люди, и всем приходилось отвечать на тот же вопрос. Точка зрения Джимми оказалась очень популярной, хотя и к аргументам Баба тоже нельзя было не отнестись с уважением. Вскоре Род попрощался и отправился к себе, но даже когда он улегся спать, до него еще долго доносились голоса спорщиков, и мысли сами вернулись к предмету разговора.

Он давно решил, что связь с Землей потеряна навсегда, и даже не вспоминал о родной планете — сколько уже? — больше года, наверно. Поначалу Род заставлял себя верить в это — просто чтобы не мучиться сомнениями. Позже вера подкрепилась логическими умозаключениями: задержка в неделю может означать, скажем, нарушение энергоснабжения, несколько недель можно объяснить техническими трудностями, но месяцы — это уже глобальная катастрофа. С каждым днем вероятность спасения становилась все меньше и меньше.

И теперь он мог спросить себя: в самом ли деле это то, к чему он стремился?

Джекки права, их дом действительно здесь. Род признавался себе, что ему нравится быть «большой лягушкой в маленьком пруду», нравится работа. Едва ли он стал бы ученым, тем более теоретиком; карьера бизнесмена тоже никогда его не влекла. А вот то, чем он занимался сейчас, его вполне устраивало, и, похоже, он справлялся со своей работой не так уж плохо.

«Мы здесь и здесь мы остаемся!»

Когда Род заснул, на душе у него было тепло и спокойно.

Клиффу опять требовалась помощь с его экспериментальными посадками, но Род давно привык относиться к его запросам не слишком серьезно. Клиффу всегда что-нибудь требовалось, и будь его воля, он бы всех загнал на ферму и заставил гнуть спину от зари до зари. Однако сходить и узнать, в чем дело, не мешало: Род прекрасно понимал значение этих работ для будущего колонии. Сельское хозяйство — основа любой колонии, а уж про них и говорить нечего. Плохо только, что сам он ничего в сельском хозяйстве не смыслил.

Клифф остановился на пороге мэрии и спросил:

— Готов?

— Готов,— ответил Род, подхватив на ходу свое копье. Лезвием ему служил уже не нож, а старательно заточенная деталь от бесполезной «Молнии» Брауна. Они пробовали использовать и ковкое железо, но оно тупилось мгновенно.— Давай возьмем с собой несколько парней и подколем заодно парочку стоборов.

— О'кей.

Род огляделся. Джимми работал у своего гончарного круга. Толкая ногой педаль, он осторожно обжимал глину большим пальцем.

— Джим! Бросай это дело! Хватай свою пику и пойдем развлечемся!

Джимми вытер со лба пот.

— Уговорил.

Они взяли Кенни и Мика, и Клифф повел их вдоль берега к ферме.

— Хочу показать вам животных.

— Ладно,— согласился Род.— Кстати, Клифф, я хотел с тобой поговорить. Если ты собираешься держать их на территории лагеря, следи, где они гадят. Кэрол по этому поводу уже жаловалась.

— Род, у меня на все рук не хватит. А поместить их за стеной, так это все равно что сразу прирезать.

— Понятное дело. Ладно, мы тебе организуем помощь, только... Подожди-ка!

Они как раз проходили мимо последней хижины, где у порога, растянувшись на земле, спал Брюс Макгован. Подавляя в себе злость, Род заговорил не сразу. Он понимал, что следующая минута может изменить его будущее и даже повлиять на будущее колонии, но эти трезвые рассуждения словно бились в водовороте недобрых чувств, обида и сознание своей правоты не давали покоя. Хотелось разделаться с этим паразитом прямо сейчас. Род сделал глубокий вдох и, сдерживая дрожь в голосе, спокойно произнес:

— Брюс.

Макгован открыл глаза.

— А?

— У Арта на выплавке сегодня что, нет работы?

— Понятия не имею.

— Вот как, значит.

— Я там отпахал целую неделю и решил, что это не по мне. Найди кого-нибудь другого.

На поясе у Брюса, как у каждого из них, висел нож — в любой ситуации колониста, скорее, можно было застать голым, чем без ножа. Нож стал у них действительно универсальным орудием труда: резать кожу, готовить пищу, есть, строгать дерево, строить, плести корзины — все это и еще сотни других дел помогало выполнить стальное лезвие. Можно сказать, саму их безбедную жизнь создали ножи. Охотились теперь поселенцы с луками и стрелами, но ни то ни другое опять-таки без ножа не изготовишь.

Тем не менее еще не было случая, чтобы один колонист поднял оружие против другого — с того самого злопамятного дня, когда брат Брюса отказался подчиниться Роду. И ведь конфликт тогда возник по такому же поводу, подумалось ему. Круг замкнулся. Правда, на этот раз, если Брюс потянется за ножом, Роду помогут без промедления.

Только он знал, что пятеро против одного — это не выход. Он сам должен поставить этого пса на место, иначе дни его лидерства сочтены.

Вызвать Брюса на поединок, чтобы разрешить конфликт «голыми руками», Роду просто не пришло в голову. Он, конечно, читал в свое время исторические романы, где герой нередко приглашал своего противника разобраться «по-мужски», в стилизованном поединке, который назывался «бокс», и ему даже нравились подобные истории. Но представить себя в роли участника такого поединка ему было так же трудно, как в роли дуэлянта из «Трех мушкетеров», хотя он и знал в общих чертах, как это делается: люди сжимают ладони в кулаки и бьют друг друга в определенные участки тела, причем обычно все остаются живы.

Приемы, которыми владел Род, ничем не напоминали эти безобидные атлетические упражнения. Тут уже не имело значения, будут они выяснять отношения голыми руками или еще как — для кого-то из них двоих поединок в любом случае мог закончиться смертью или тяжелыми увечьями, ибо нет оружия опасней, чем сам человек.

Брюс молча смотрел на него исподлобья.

— Давным-давно уже,— сказал Род, стараясь говорить спокойно,— я тебе говорил, что люди у нас или работают как все, или выматываются отсюда к чертовой матери. Вы с братом мне не поверили, и пришлось вас вышвырнуть. А затем ты вернулся один, потому что Джок погиб, и умолял принять тебя в поселение. Зрелище было довольно жалкое. Ты помнишь?

Глаза Макгована сверкнули.

— Ты обещал вести себя как ангел,— продолжал Род.— Мне говорили, что я поступаю глупо, и, похоже, люди были правы. Однако я думал, ты исправишься.

Брюс выдернул стебелек травы, пожевал и наконец ответил:

— Мальчик, ты здорово напоминаешь мне Джока. Тот тоже очень любил командовать.

— Ну вот что, вставай и вали отсюда. Мне нет дела до того, куда ты двинешься, но если у тебя хватит ума, ты рванешь к Арту и скажешь, что больше этого не повторится, а затем начнешь качать мехи. Я туда загляну чуть позже. И если к моему приходу ты не вспотеешь, сюда можешь не возвращаться. На этот раз мы выгоним тебя насовсем.

На лице Брюса промелькнуло сомнение. Взгляд его скользнул чуть в сторону, и Род невольно подумал: что же Брюс прочел в глазах остальных? Сам Род, не отрываясь, смотрел на своего противника.

— Вперед. Или ты идешь работать, или можешь уже не возвращаться.

— Ты не имеешь права выгонять меня,— с хитрым блеском в глазах парировал Брюс.— Это решается большинством голосов.

— Хватит его слушать, Род,— вставил Джимми.— Давай турнем его прямо сейчас, и дело с концом!

Род покачал головой.

— Нет. Но если ты этого добиваешься, Брюс, я соберу народ, и мы вышвырнем тебя еще до ленча. Готов спорить на свой лучший нож, что больше трех голосов за тебя не будет. Ну как?

Оценивая свои шансы, Брюс обвел всю компанию взглядом, затем уставился на Рода и медленно произнес:

— Сопляк. Без этих прихлебал... или девчонок, за чьи спины ты прячешься, когда надо драться, ты просто ноль, дешевка.

— Спокойно, Род,— пробормотал Джимми.

Род облизнул сухие губы, понимая, что разговаривать и убеждать уже поздно. Оставалось одно — драться, хотя у него не было уверенности, что он справится с Брюсом.

— Я готов,— произнес он хрипло.— Прямо сейчас.

— Не связывайся, Род,— торопливо сказал Клифф.— Мы с ним и так разберемся.

— Не надо. Я сам. Ну, давай, Макгован! — сказал Род, отпустив в его адрес грубое ругательство.

— Брось свою пику,— сказал Макгован, не двигаясь с места.

Род повернулся к Клиффу.

— Подержи, пока я...

— Хватит! — перебил его Клифф.— Я не собираюсь стоять и ждать, чем это кончится. Может, ему повезет, и он тебя прикончит, Род.

— Отойди, Клифф.

— Нет,— сказал тот, но прежней уверенности в его голосе уже не чувствовалось, и спустя секунду он добавил: — Ладно.. Брюс, кинь нож в сторону. Давай-давай, а не то, бог свидетель, я тебя сам проткну пикой. И ты Род, давай сюда нож.

Род поглядел на Брюса, извлек «Полковника Боуи» из ножен и передал Клиффу. Брюс выпрямился и швырнул свой нож к его ногам. Клифф проворчал:

— Я все-таки против, Род. Скажи слово, и мы его отделаем.

— Отойдите. Дайте ме́ста.

— Ладно. Но без переломов. Ты слышал, Брюс? Одна твоя ошибка — и второй тебе уже сделать не доведется.

— Без переломов,— повторил Род, понимая, что правило сработает против него: Брюс был выше и тяжелее.

— О'кей,— согласился тот.— Сейчас я покажу этому придурку, что Макгован стоит двоих таких, как он.

Клифф вздохнул.

— Ладно. Все отошли. Начинайте.

Какое-то время они осторожно двигались по кругу в низких боевых стойках, делали ложные выпады, изучали друг друга, но не приближались. Начало поединка всегда занимает больше времени, чем сами приемы. В учебнике, которым пользовались большинство школ и колледжей, приводилось двадцать семь способов уничтожить или обезоружить противника голыми руками, и ни один из них не требовал больше трех секунд.

Ограничение на серьезные приемы немного сковывало Рода. Брюс почувствовал это и ухмыльнулся.

— Что? Мальчик испугался? Я так и думал. Сейчас ты у меня получишь! — Брюс рванулся вперед.

Род шагнул назад, готовясь обратить рывок Брюса в свою пользу, но тот не довел его до конца. Это был ложный выпад, и Род отреагировал слишком активно.

— В самом деле боишься, а? — Брюс рассмеялся.— И правильно.

Род понял, что действительно боится, больше, чем когда-либо в своей жизни. Его вдруг охватила уверенность, что Брюс собирается убить его, что уговор насчет переломов ничего для него не значит. Эта горилла задумала его прикончить.

Мысли смешались. Род отступил еще на шаг, понимая, что, если он хочет остаться в живых, надо забыть о всяких глупых

ограничениях, и в то же время чувствуя, что он просто должен до конца держаться правил — даже если при этом ему конец. Его охватила паника, захотелось убежать...

Но конечно, он этого не сделал. Само отчаянье подсказало ему, что терять уже нечего, и Род решил как можно скорей разделаться с поединком. Он убрал руку, словно ненароком подставляя пах для удара. Нога Брюса тут же взлетела вверх, и Род, успев в долю секунды почувствовать злорадное удовольствие, поставил бок. Лишь где-то в глубине сознания мелькнуло у него сомнение — правильно проведенным приемом он, возможно, сломает Брюсу лодыжку... Но руки его так и не коснулись Брюса, а в следующее мгновение Род оказался в воздухе, успев осознать, что противник раскусил его ход и ответил новым... Затем удар о землю, и сверху навалился Брюс.

— Ты можешь двигать рукой, Род?

Он с трудом разлепил глаза и увидел над собой лицо Боба Бакстера.

— Я его «сделал»?

Бакстер промолчал, но чей-то сердитый голос тут же ответил:

— Если бы! Она тебя чуть на куски не разорвал.

Род шевельнулся и хрипло спросил:

— Где он? Я должен поставить его на место.

Боб Бакстер не выдержал и прикрикнул: «Не двигайся!», а Клифф добавил:

— Не беспокойся. Мы его отделали.

— Заткнись,— снова распорядился Бакстер.— Ну-ка попробуй пошевелить левой рукой.

Род пошевелил рукой и почувствовал, как ее прострелило болью, судорожно дернулся, и тут заболело вообще все.

— Перелома нет,— решил Бакстер.— Разве что трещина. Но я наложу тебе шину. Ты сесть можешь?.. Подожди, я тебе помогу.

— Я хочу встать.

Его поддержали за руки, и Род встал. Вокруг собралось почти все поселение, но Роду казалось, что люди двигаются словно скачками; голова у него закружилась, и он моргнул.

— Не торопись, спокойнее,— послышался рядом голос Джимми.— Брюс тебя чуть не прикончил. Ты просто с ума сошел, ввязавшись в это дело.

— Ничего. Все в порядке,— ответил Род и дернулся от боли.— Где он?

— У тебя за спиной. Не беспокойся, мы его отделали.

— Да,— подтвердил Клифф.— Отделали как положено. А то умник еще выискался! Мэра решил вздуть...— Клифф злобно сплюнул на землю.

Брюс лежал, закрывшись рукой, лицом вниз и всхлипывал.

— Сильно ему досталось? — спросил Род.

— Ему-то? — переспросил Джимми презрительно.— Да уж досталось. Но мы вовремя остановились. Вернее, это Каролина нас остановила.

Каролина сидела на корточках рядом с пленником.

— Зря, конечно,— сказала она, поднимаясь.— Но я знала, что ты рассердишься, если я этого не сделаю.— Она уперла руки в бока и продолжала: — И вот что, Родди Уокер, когда ты наконец поумнеешь и приучишься звать в таких случаях меня, а? Эти четверо тупиц просто стояли и ждали, чем все кончится.

— Неправда, Кэрол,— возразил Клифф.— Я пытался остановить их. Мы все пытались, но...

— Но я не стал никого слушать,— перебил его Род.— Ладно, Кэрол, я сам виноват.

— Если бы ты слушал меня...

— Ладно! Я все понял.— Род подошел к Макговану и слегка пнул его ногой.— Ну-ка перевернись.

Брюс медленно перекатился на спину, и Род невольно подумал: «Неужели я выгляжу так же?» Брюс был весь в крови, в грязи и в синяках; по лицу словно кто-то прошелся напильником.

— Вставай.

Брюс хотел было что-то ответить, но промолчал и, кряхтя, поднялся на ноги.

— Я тебе сказал, чтобы ты двигался к Арту, Брюс. Так что давай — через стену и вперед.

— Что? — Макгован не смог справиться с удивлением.

— Ты прекрасно слышал, что я сказал. У меня нет времени на дурацкие препирательства. Ты идешь к Арту и начинаешь вкалывать. Или идешь дальше и обратно уже не возвращаешься. Пошел!

Брюс постоял еще несколько секунд, не сводя с него взгляда, затем заковылял к стене. Род повернулся к собравшимся:

— Я прошу всех вернуться к работе. Представление окончено. Клифф, ты хотел показать мне животных.

— А? Знаешь, Род, это не горит.

— Вот именно,— согласился Бакстер.— Мне нужно наложить тебе шину. А потом тебе лучше отдохнуть.

Род осторожно пошевелил рукой.

— Попробую обойтись без шины. Пойдем, Клифф. Вдвоем. Охоту на стоборов отложим до следующего раза.

Объяснения Клиффа он воспринимал с трудом. Что-то про пару молодых оленей, которых надо кастрировать и приучить к упряжке... Только зачем им упряжка, если нет ни телег, ни фургонов? Голова у Рода болела, рука ныла, мозги были словно ватные... Как бы в такой ситуации поступил Грант?.. Да, он сегодня оплошал, но, может быть, нужно было что-то сказать? Или наоборот, чего-то не говорить? Бывают же такие дни, черт побери...

— ... Так что нам это просто необходимо. Ты понимаешь, Род?

— А? Да, Клифф, конечно.— Род с трудом вспомнил, о чем только что шла речь.— Может, деревянные оси тоже подойдут. Я спрошу у Билла, сможет ли он построить телегу.

— Но кроме телеги, нам еще нужно...

— Клифф, если ты говоришь, что нужно, значит, мы попытаемся,— остановил его Род.— Я, пожалуй, пойду приму душ... И давай поле завтра посмотрим, хорошо?

После душа Род почувствовал себя и лучше, и чище, хотя чуть теплая вода, льющаяся из желоба, казалась ему то слишком горячей, то холодной как лед. Он добрел до своей хижины и улегся спать, а проснувшись, обнаружил у входа Коротыша, охранявшего его от непрошеных гостей.

На ферму Род собрался лишь через три дня. Нилсен сообщил, что Макгован вкалывает, хотя и без особого энтузиазма, а Каролина рассказала про Тею: у нее появился огромный фонарь под глазом, но вокруг их дома стало очень чисто. Поначалу Род стеснялся появляться на людях и как-то целую ночь провел в мучительных размышлениях: правильно ли он поступит, если подаст в отставку, чтобы поселенцы выбрали на его место кого-то, кто «не потерял лица». Но, удивительное дело, после стычки с Брюсом его авторитет только укрепился. Небольшая группа из Теллерского универ-

ситета, которую он в шутку окрестил «лояльной оппозицией», практически перестала его критиковать. Их лидер, Карл Пулвермахер, специально отыскал Рода и предложил свою помощь.

— Брюс у нас вроде паршивой овцы, Род, и если что-нибудь подобное опять наклюнется, дай мне знать.

— Спасибо, Карл.

— Я серьезно. Здесь и так-то трудно что-нибудь сделать, даже если все заодно. И мы, понятно, не можем позволить ему ходить у нас по головам. Но ты теперь не высовывайся. Мы с ним сами разберемся.

В ту ночь Род спал спокойно. Может быть, он справился с проблемой хуже, чем это сделал бы Грант, но все получилось к лучшему. Каупертауну ничего не угрожало. Конечно, в будущем еще многое может случиться, но колония все это переживет. Когда-нибудь здесь появится настоящий город, а это место назовут Каупер-сквер. Выше по течению будет сталеплавильный комбинат Нилсена. И чем черт не шутит, может, еще появится тут Уокер-авеню...

На следующий день ему захотелось взглянуть на ферму, о чем он сказал Клиффу, и они опять собрались той же компанией — их двое, Джимми, Кент и Мик. С копьями в руках, они взобрались по ступеням на стену и спустились по приставной лестнице с другой стороны. Клифф поднял горсть земли, размял ее в ладони, попробовал на язык.

— Отличная почва. Только кислотность, может, чуть выше, чем нужно. Но без химического анализа мы все равно точно не узнаем, а структура почти идеальная. Если бы ты сказал этому тупому шведу, чтобы он первым делом изготовил плуг...

— Тупой? Это не про Вакси! Дай ему время — он тебе не только плуг сделает, но и трактор.

— Меня вполне устроит плуг и пара оленей в упряжке. Но я вот о чем думаю, Род: едва мы закончим прополку, сюда, как по приглашению, станут наведываться олени и сожрут весь наш урожай. Вот если огородить поле такой же высокой стеной...

— Стеной?! Да ты представляешь, сколько на это потребуется усилий?

— А разве это довод?

Род окинул аллювиальную долину взглядом — получалось в несколько раз больше, чем отгораживала городская стена. Забор

из колючего кустарника — еще куда ни шло, но не стену же, и во всяком случае, не сейчас. У Клиффа просто непомерные амбиции.

— Знаешь что, давай-ка прочешем пока поле, поищем стоборов. А потом мы с тобой останемся и подумаем, что можно сделать.

— Хорошо. Но пусть они смотрят, куда ноги ставить.

Они растянулись цепочкой. Род встал в центре и предупредил:

— Теперь внимательнее! Чтоб ни один не ушел. Помните: один, убитый сейчас, означает минус шесть в сухой сезон.

Они двинулись вперед, и Кенни тут же подколол стобора. Затем Джимми прикончил сразу двух. Те почти не пытались спастись, поскольку в этой фазе годичного цикла полностью оправдывали прозвище «сонные кролики».

Род остановился, чтобы ткнуть копьем еще одного, и повернулся направо, собираясь сказать что-то напарнику. Справа никого не было.

— Эй, стойте! Где Мик?

— Как это? Секунду назад был здесь.

Род оглянулся. Над горячим полем дрожало марево, но Мик словно испарился. Должно быть, какая-то тварь подкралась к нему в траве и...

— Все отсюда! Только осторожно! Что-то произошло...

Род двинулся к тому месту, где исчез Мик, и вдруг прямо перед ним возникли две человеческие фигуры — Мик и какой-то незнакомец.

Незнакомец в комбинезоне и ботинках... Он огляделся и крикнул через плечо:

— Все нормально, Джейк! Врубай автоматику и фиксируй настройку.

Он посмотрел на Рода, не замечая его, двинулся вперед и спустя секунду исчез.

Сердце у Рода забилось часто-часто, и он бросился бегом. Затем обернулся и увидел перед собой открытые пространственные ворота, а за ними длинный глухой коридор.

В рамке ворот снова появился человек в комбинезоне.

— Все назад,— приказал он.— Сейчас будет стыковка с «Эмигрантс-Гэп», и может возникнуть локальное нарушение фокусировки.

15. В АХИЛЛЕСОВОМ ШАТРЕ

Прошло уже полчаса с того момента, когда Мик исчез в воротах и растянулся на полу коридора, где сила тяжести составляла всего одну шестую земной. Род пытался навести порядок, а заодно и разобраться со своими собственными сумбурными мыслями. Почти все поселенцы или высыпали на поле, или уселись поверх стены, наблюдая, как техники устанавливают аппаратуру, чтобы превратить пространственный контакт в постоянные ворота с приборами управления и связи по обе стороны. Род хотел объяснить им, что они подвергают себя опасности, что здесь нельзя без оружия, но один из техников, не поднимая головы, сказал:

— Поговори с мистером Джонсоном.

Род отыскал мистера Джонсона и начал все сначала, но тот его просто перебил:

— Ребятки, ради Бога, дайте нам закончить. Мы в самом деле рады вас видеть, но прежде всего нам нужно поставить вокруг энергетический барьер. Черт его знает, что тут в траве водится.

— Ясно,— сказал Род.— Я выставлю посты. Мы уже знаем, чего нужно опасаться. Я здесь...

— Отстань, ладно? Потерпите еще немного.

Обиженный и злой, Род вернулся в город. Но вскоре и там появились незнакомцы — они всюду совались, словно были у себя дома, разговаривали с взбудораженными поселенцами и опять куда-то исчезали. Один из них остановился посмотреть на барабан Джимми, потом щелкнул по нему пальцем и рассмеялся. Род с трудом подавил в себе желание придушить этого типа.

— Род?

— А? — Он обернулся.— Что, Марджери?

— Мне готовить ленч или нет? Девчонки все разбежались, а Мэл сказала, что это просто глупо, потому что к ленчу здесь никого уже не останется. Я не знаю, что делать.

— Хм. Насколько я знаю, никто никуда не собирается.

— Может быть, но говорят же.

Род не успел ничего ответить, потому что в этот момент перед ним возник один из тех шустрых незнакомцев и спросил:

— Где мне тут найти парня по имени Родерик Уикер?

— Уокер,— поправил Род.— Это я и есть. Что вам нужно?

— Меня зовут Сэнсом. Клайд Б. Сэнсом. Старший администратор службы эмиграционного контроля. Насколько я понял, Уикер, вы руководитель этой группы студентов...

— Уокер, и я — мэр Каупертауна,— ответил Род невозмутимо.— Что вам нужно?

— Да-да. Так вас кто-то из мальчишек и назвал. «Мэр».— Сэнсом усмехнулся и продолжал: — Нам, Уокер, прежде всего нужно соблюсти порядок. Я понимаю, что вам не терпится поскорее отсюда выбраться, но порядок есть порядок. Впрочем, мы не очень вас задержим — всего лишь обеззараживание, врачебная проверка, психологические тесты и стандартное собеседование для перемещенных лиц. После чего вы сможете вернуться по домам. Разумеется, вам придется подписать документ с отказом от претензий, но об этом позаботится юрист. Так что если вы построите свою группу в алфавитном порядке — думаю, лучше здесь, на открытой площадке,— я смогу начать...— И он полез в свой кейс за бумагами.

— Кто вы такой, черт побери, чтобы здесь распоряжаться? — не выдержал Род.

На лице Сэнсома появилось удивленное выражение.

— Как? Я ведь уже объяснил. Впрочем, если вы настаиваете на формальностях, то я представляю здесь интересы Земной корпорации. Я пока всего лишь прошу содействия, но вам должно быть известно, что в полевых условиях я вправе потребовать подчинения.

Род почувствовал, как наливаются краской его щеки.

— Ничего такого мне не известно. На Земле вы, может, сам Господь Бог, но сейчас вы в Каупертауне.

Мистер Сэнсом изобразил вежливую заинтересованность, но никакого впечатления слова Рода на него, похоже, не произвели.

— И что такое, извольте спросить, Каупертаун?

— Каупертаун — это все, что вы видите вокруг. Суверенное государство со своей конституцией, своими законами и своей территорией.— Род остановился на секунду и перевел дыхание.— И если Земной Корпорации что-то от нас нужно, пусть присылают своего полномочного представителя — тогда и поговорим. Ишь выдумали еще, в алфавитном порядке...

— Так его, Родди!

— Побудь рядом, Кэрол,— сказал Род и добавил, обращаясь к Сэнсому: — Вам все ясно?

— Насколько я понимаю,— медленно произнес Сэнсом,— вы предлагаете, чтобы Земная Корпорация назначила в вашу группу *посла*?

— Что-то в таком духе.

— М-м-м... Интересная идея, Уикер.

— Уокер. А до тех пор можете убрать отсюда к чертовой матери всех зрителей. И сами убирайтесь. Здесь вам не зоопарк.

Сэнсом взглянул на торчащие у Рода ребра, на его грязные мозолистые ступни и улыбнулся.

— Проводи гостя, Кэрол,— сказал Род.— Будет сопротивляться, можешь его «отключить».

— Слушаюсь, сэр! — Каролина с усмешкой на губах двинулась к Сэнсому.

— О, я уже ухожу,— торопливо произнес Сэнсом.— Лучше небольшая задержка, чем нарушение дипломатического протокола. Крайне занимательная идея, молодой человек. До свидания. Мы еще увидимся. И если позволите, один совет...

— А? Валяйте.

— Не воспринимайте все-таки эту свою идею слишком серьезно... Вы готовы, леди?

Род продолжал сидеть в своей хижине. Ему тоже было интересно узнать, что происходит за стеной, но не хотелось встречаться с Сэнсомом. Поэтому он сидел, грыз костяшку большого пальца и думал. Видимо, кое-кто послабее духом уже собрался назад — помани таких блюдцем с мороженым, и готово, побежали, бросив свою землю, забыв все, что создано таким тяжким трудом. Но *он* отсюда не уйдет! Здесь его дом, его место, он все это заслужил. Зачем возвращаться на Землю, а потом полжизни ждать шанса попасть на какую-то другую планету — возможно даже, не такую хорошую?

Пусть бегут! Каупертаун станет без них лучше и сильнее.

Может быть, кто-то хочет просто погостить на Земле, показать бабушкам и дедушкам внуков, а затем вернуться... Может быть. Но в таком случае им следует договориться с Сэнсомом или с кем-то еще о письменном разрешении. Наверно, стоит их предупредить...

Но ему-то самому навещать некого. Разве что сестренку, а она может быть где угодно — вряд ли она именно сейчас на Земле.

Боб и Кармен с Хоуп на руках зашли попрощаться. Род торжественно пожал им руки и сказал:

— Вы ведь вернетесь сюда, Боб, когда ты получишь диплом, да?

— Надеемся. Если это возможно. Если нам разрешат.

— А кто вас остановит? Это ваше право. Когда вернетесь, мы будем ждать вас. А пока постараемся не ломать ноги.

Бакстер замялся.

— Ты давно был у ворот?

— Давно. А что?

— Я бы на твоем месте не планировал так далеко в будущее. Некоторые, похоже, уже отбыли.

— Сколько?

— Много.— Уточнять Боб не захотел. Он оставил Роду адреса их родителей, благословил на прощанье, и все трое двинулись к воротам.

Марджери не вернулась, и кухонный костер погас, но Роду было все равно: есть не хотелось. Чуть позже пришел Джимми (при прежнем распорядке это было бы уже после ленча), молча кивнул и сел рядом.

— Я был у ворот,— сказал он спустя какое-то время.

— И что там?

— Знаешь, многие удивляются, почему ты не пришел попрощаться.

— Они могли бы и *сюда* прийти.

— Да, могли. Но прошел слух, что ты не одобряешь... Возможно, им было стыдно.

— Я не одобряю? — Род через силу рассмеялся.— Да мне совершенно наплевать, сколько городских неженок отправились к своим мамочкам. Страна у нас свободная.— Он взглянул на Джима в упор.— Сколько осталось?

— Э-э-э... я не уверен.

— Я, знаешь, что подумал? Если нас останется совсем мало, мы опять можем перебраться в пещеру. Будем там спать. Пока не появятся новые колонисты.

— Может быть.

— Ну что ты такой мрачный? Даже если останемся только мы с тобой, да Джекки с Кэрол, будет не хуже, чем в самом начале. И это лишь на время. Да и ребенок у вас теперь... Я чуть не забыл про своего крестника.

— Да, ребенок...— согласился Джимми.

— Что ты так расстраиваешься? Джим... ты часом не собрался на Землю?

Джимми встал.

— Джекки просила передать, что мы поступим, как по-твоему будет лучше.

Род обдумал сказанное.

— Ты имеешь в виду, что она хочет вернуться? Вы оба хотите?

— Род, мы по-прежнему партнеры. Но мне нужно думать о ребенке. Ты ведь понимаешь?

— Да. Понимаю.

— Тогда...

Род протянул ему руку.

— Удачи, Джим. И передай от меня привет Джекки.

— Она сама хотела попрощаться. И мальчика принести.

— Не надо. Кто-то мне когда-то говорил, что прощаться глупо. Увидимся еще.

— Ладно, Род. Пока. Береги себя.

— И ты тоже. Если увидишь Каролину, попроси ее подойти.

Каролина появилась не скоро, и Род догадался, что она была у ворот.

— Сколько нас осталось? — спросил Род прямо.

— Немного,— признала она.

— Сколько?

— Ты и я. И куча зевак.

— И больше *никого*?

— Я проверяла по списку. Что мы будем теперь делать, Родди?

— Какая разница? А ты сама не хочешь вернуться?

— Как скажешь, Родди. Ты же мэр.

— Мэр чего? Кэрол, ты хочешь вернуться?

— Я никогда об этом не думала, Родди. Я была счастлива здесь. Но...

— Но что?

— Города нет, детишек нет, и, если я захочу поступить в корпус Амазонок, у меня есть всего год,— выпалила она, потом добавила: — Но если ты останешься, я тоже останусь.

— Нет.

— Останусь!

— Нет. Но я хочу, чтобы ты, вернувшись, сделала одно дело...

— Что именно?

— Найди мою сестру Элен. Узнай, где она сейчас служит. Штурмовой капитан Элен Уокер. Запомнила? Передай ей, что у меня все в порядке... и скажи, что я просил помочь тебе поступить в Амазонки.

— Родди.. но я не хочу возвращаться.

— Беги. А то они еще закроют ворота. И оставят тебя здесь.

— А ты?

— Нет. У меня еще дела. А ты беги. Только не прощайся. Просто беги.

— Ты на меня сердишься, Родди?

— Нет, конечно. Беги. *Пожалуйста.* А то я тоже расплачусь.

Каролина судорожно всхлипнула, обняла его, чмокнула в щеку и унеслась прочь. Род забрался в свою хижину и долго лежал лицом вниз. Потом наконец поднялся и принялся за уборку Каупертауна. Грязи и мусора было даже больше, чем в то утро, когда умер Грант.

Снова люди появились в поселении лишь во второй половине дня. Род увидел и услышал их задолго до того, как эти двое мужчин и женщина заметили его самого. Мужчины были одеты в городскую одежду, женщина — в шорты, рубашку и легкие сандалии. С копьем в руке, Род вышел из хижины и спросил:

— Что вам здесь нужно?

Женщина взвизгнула от неожиданности, затем пригляделась и сказала:

— Бесподобно!

Один из мужчин нес тяжелую сумку на ремне и блок аппаратуры на треноге — Род сразу узнал мультифон, универсальную звуко-видео-запахо-и-прочее-записывающую систему, популярную у репортеров и исследователей. Мужчина молча поставил треногу на землю, подсоединил шнуры и склонился над шкалами настройки. Другой — пониже, рыжеволосый, с усиками — спросил:

— Это ты — Уокер? Тот самый, которого все зовут мэром?

— Да.

— «Космик» здесь еще не был?

— Кто?

— «Космик Кинотс», разумеется. И никто не был? «Лайф-Тайм-Спейс», например? Или «Галактические очерки»?

— Я не знаю, что вы имеете в виду. Тут с самого утра никого не было.

Незнакомец пошевелил усами и облегченно вздохнул.

— Вот это я и хотел узнать. Элли, давай впадай в транс. А ты, Мак, включай свой ящик.

— Минуту,— возмутился Род.— Кто вы такие и что вам здесь нужно?

— А? Я — Эванс из «Эмпайр Энтерпрайз».

— Пулитцеровская премия,— вставил оператор и вновь вернулся к своим приборам.

— Не без помощи Мака, разумеется,— торопливо добавил Эванс.— А эта леди — сама Элли Элленс.

Видимо, на лице Рода не отразилось должных чувств, и Эванс спросил:

— Ты что, о ней не слышал? Где ты был... Впрочем, понятно. Элли сейчас самый высокооплачиваемый сценарист мелодраматических постановок. Она вас так подаст, что каждая женщина — от зрителей «Внеземелья» до читателей «Лондон-Таймс» — будет рыдать, мучаясь от желания прижать вас к груди и утешить. Она — *большой* мастер своего дела.

Мисс Элленс этих дифирамбов, похоже, не слышала. Она бродила по поселению с отрешенным лицом и лишь изредка останавливалась потрогать что-то или разглядеть внимательнее.

— Здесь вы и устраивали ваши примитивные пляски? — спросила она, поворачиваясь к Роду.

— Что? Мы здесь танцевали кадриль. Раз в неделю.

— Кадриль... Нет, это мы заменим...— И она снова ушла в свой внутренний мир.

— Дело в том, парень,— продолжал Эванс,— что нам нужно не просто интервью. Этого материала мы набрали еще там, когда ваши ребята появились в «Эмигрантс-Гэп». От них-то мы про тебя и узнали, все бросили и мигом сюда. Торговаться не собираюсь — можешь называть любую цену, но нам нужны эксклюзивные права на все сразу: новости, репортажи, коммерческое использование и так далее. А кроме того...— Эванс огляделся.— Консультации, когда прибудут актеры.

— Актеры?

— Ну конечно. Если бы у людей из службы эмиграционного контроля было хоть немного мозгов, они бы не выпустили вас отсюда, пока кто-нибудь не заснял все на пленку. Но с актерами получится даже лучше. Мне нужно, чтобы ты всегда был под рукой, а твою роль будет играть кто-нибудь еще...

— Стоп! — остановил его Род.— Кто-то из нас двоих, кажется, сошел с ума. Во-первых, мне не нужны никакие деньги.

— Как это? Ты что, уже подписал с кем-нибудь контракт? Этот охранник пропустил сюда кого-нибудь раньше нас?

— Какой охранник? Я никого не видел.

У Эванса словно с души отлегло.

— Ладно, мы, я надеюсь, договоримся. А охранника поставили, чтобы он никого не пускал за стену. Я уж было подумал, что он двурушничает. И ты мне только не говори, что тебе не нужны деньги — это аморально.

— В самом деле не нужны. Мы здесь обходимся без денег.

— Понятно. Но ведь у тебя есть семья? А семьям всегда нужны деньги. Давай не будем мелочиться. Мы тебе заплатим по совести, и пусть они лежат себе в банке. Когда-нибудь пригодятся. Я только хочу, чтобы ты подписал с нами контракт.

— Не понимаю, зачем.

— Тогда контрактное обязательство,— вставил Мак.

— М-м-м... да, верно, Мак. Давай так договоримся, парень. Ты просто пообещаешь не подписывать контракт ни с какой другой компанией. И за тобой по-прежнему остается право содрать с нас столько, сколько позволит совесть. Договорились? Пока всего лишь обязательство. Скажем, за тысячу плутонов, а?

— Я не собираюсь подписывать контрактов ни с какой другой компанией.

— Записал, Мак?

— Готово.

Эванс снова повернулся к Роду.

— Ты не возражаешь, если мы кое о чем тебя пока порасспросим? И сделаем несколько снимков, а?

— Ради бога.— Поведение их удивляло Рода и немного раздражало, но ему было до боли одиноко, а тут какая-никакая, а компания...

— Отлично! — Эванс принялся задавать вопросы, быстро и очень профессионально. Спустя какое-то время Род обнаружил, что рассказывает даже больше, чем, казалось ему, знал. Потом Эванс спросил об опасных животных:

— Насколько я понимаю, это довольно серьезная угроза, да? Проблем много было?

— Нет, в общем-то,— ответил Род вполне искренне.— Не с животными. Больше было проблем с людьми, хотя тоже не очень много.

— По-твоему, эта планета станет первоклассной колонией?

— Конечно. Все, кто вернулся на Землю, просто сваляли дурака. Здесь ничуть не хуже, только планета и безопаснее, и богаче, и места тут хоть отбавляй. Через несколько лет... Слушайте!

— Что такое?

— А как получилось, что нас тут бросили? Предполагалось, что испытания продлятся всего десять дней.

— Тебе что, никто до сих пор не рассказал?

— Может быть, рассказали другим — там, у ворот. Но я ничего не слышал.

— Это все из-за сверхновой звезды. Дельта э-э-э...

— Дельта-Гамма-один-тридцать,— подсказал Мак.

— Вот-вот. Искривление пространственно-временного континуума или что-то в таком духе. Я, в общем-то, не математик.

— Флюксия,— снова вставил Мак.

— Ну да, что-то вроде этого. С тех самых пор вас и искали. Насколько я понимаю, волновой фронт нарушил настройку ворот во всем этом регионе. Кстати, парень, когда будешь возвращаться...

— Я не собираюсь.

— В любом случае, даже если надумаешь погостить на Земле, не подписывай отказ от претензий. Совет директоров компании пытается списать все это на Божью волю и снять с себя ответственность. Так что прислушайся к моему совету: ничего не подписывай. Дружеский совет, понятно?

— Спасибо. Но я не... Все равно спасибо.

— Как насчет снимков для репортажа на первую полосу?

— М-м-м... О'кей.

— Копье,— напомнил Мак.

— Да, вроде бы у тебя было какое-то копье. Не возражаешь, если мы снимем тебя с копьем?

Род принес копье, и в этот момент к ним подошла «великая Элли».

— Бесподобно! — выдохнула она.— Я просто чувствую эту жизнь всеми фибрами своей души. Здесь очень хорошо видно, как тонка граница между человеком и зверем. Почти сотня образованных мальчиков и девочек сползают в каменный век, к неграмотности... Налет цивилизации тает... Воцаряется дикость.. Просто чудесно!

— Эй, послушайте-ка! — рассерженно произнес Род.— У нас в Каупертауне все было не так! У нас была конституция, были законы, мы

заботились о чистоте. У нас...— Род умолк, потому что мисс Элленс его даже не слышала.

— Первобытные ритуалы...— продолжала она с мечтательной томностью в голосе.— Деревенский шаман, невежественный и суеверный, один на один с природой... Примитивные обряды плодородия...— Она остановилась и уже совершенно деловым тоном обратилась к Маку: — Танцы будем снимать три раза: в чем-нибудь легком — для подписчиков канала «А», полностью одетыми — для семейного канала и голыми — для канала «Б». Ясно?

— Ясно,— подтвердил Мак.

— Я составлю три различных комментария. Оно того стоит,— добавила мисс Элленс и снова погрузилась в транс.

— Постойте-ка! — запротестовал Род.— Если я правильно ее понял, тогда никаких снимков не будет — ни с актерами, ни без!

— Успокойся,— сказал Эванс.— Я же обещал, что ты будешь нашим консультантом, так? Элли свое дело знает, парень. Тебе, может, этого сразу не понять, но чтобы добраться до настоящей истины, до глубокой истины, правду жизни нужно немного подкрасить. Ты сам увидишь.

— Но...

В этот момент к Роду подошел Мак.

— Постой спокойно.

Мак поднял руку к его лицу. Род замер и почувствовал легкие прикосновения кисточки.

— Эй! Что это такое?

— Грим.— Мак вернулся к своей аппаратуре.

— Немного боевой раскраски,— объяснил Эванс.— Нужно больше ярких цветов. Не волнуйся, краска легко смывается.

От удивления и обиды у Рода отвисла челюсть. Глядя на них, он невольно поднял копье.

— Снимай, Мак! — приказал Эванс.

— Готов,— спокойно ответил Мак.

Род с трудом подавил в себе ярость и, почувствовав наконец, что способен говорить спокойно, негромко произнес:

— Ну-ка достань эту кассету и брось на землю. А потом убирайтесь отсюда к чертовой матери.

— Не волнуйся,— сказал Эванс.— Снимок мы пришлем — тебе понравится.

— Кассету! Или я разобью этот чертов ящик, а заодно и башку любому, кто попытается мне помешать.— Он нацелил копье в созвездие объективов.

Мак скользнул вперед и встал перед камерой, защищая ее собственным телом.

— Эй, посмотри-ка лучше сюда! — крикнул Эванс.

В руке у него был маленький, но довольно мощный пистолет, который он направил на Рода.

— Нам, парень, приходится бывать в самых разных местах, и мы всегда готовы к неожиданностям. Если ты повредишь камеру или заденешь кого-нибудь из нас, мы тебя до самой смерти по судам затаскаем. Прессе мешать — это, знаешь ли, дело серьезное. Публика имеет право на полную информацию.— Не оборачиваясь, он крикнул.— Элли! Мы отбываем!

— Я еще не готова,— ответила та, словно в забытьи.— Мне нужно насытиться этими...

— Некогда! Мы должны успеть к эфиру.

— О'кей,— тут же ответила она деловым тоном.

Род позволил им уйти с пленкой, а когда они скрылись за стеной, вернулся в мэрию и сел у порога, обняв руками колени. Его буквально трясло.

Спустя какое-то время он взобрался по ступеням на стену, огляделся и увидел внизу охранника — тот поднял взгляд, но ничего не сказал. Ворота сомкнулись до маленького канала, но рядом стоял разгрузочный транспортер, а вплотную к стене примыкал энергетический барьер. Кто-то из техников копошился у пульта управления, установленного в кузове грузовика. Род решил, что скоро, видимо, прибудет большая партия эмигрантов. Вернувшись к себе, он приготовил в одиночестве ужин, хуже которого не ел, наверно, больше года, а затем отправился спать и долго еще слушал доносящиеся из джунглей вопли «Гранд-Опера».

— Есть кто дома?

Род проснулся мгновенно и понял, что уже утро, но, к сожалению, не все плохое осталось во сне.

— Кто там?

— Друг.— В дверь хижины просунул голову Б. П. Мэтсон.— Можешь убрать свою ногтечистку. Я безвреден.

— Мастер! — Род вскочил на ноги.— В смысле, доктор!

— Мастер,— поправил его Мэтсон.— У меня для тебя сюрприз.

Он отступил в сторону, и Род увидел свою сестру.

Спустя несколько минут Мэтсон сказал добродушным тоном:

— Если вы все-таки отпустите друг друга и перестанете шмыгать носами, мы сможем наконец поговорить по-человечески.

Род сделал шаг назад и еще раз взглянул на сестру.

— Слушай, а ты замечательно выглядишь, Элен! И вес сбросила.

Она была в штатском — зеленая накидка и шорты.

— Да, немного. Зато он теперь лучше распределен. А ты вырос, Род. Мой маленький брат превратился в мужчину.

— Как ты...— Род умолк, сраженный неожиданным подозрением.— Вы часом не уговаривать меня пришли? Если так, то можете не стараться.

— Нет-нет! — торопливо ответил Мэтсон.— Боже упаси! Но мы прослышали о твоих планах и решили навестить. Я встряхнул старые связи и получил пропуск. Формально, я — представитель эмиграционной службы.

— Ого! Я ужасно рад вас видеть... Но надеюсь, вы меня поняли?

— Конечно, о чем речь! — Мэтсон достал из кармана трубку, набил ее и раскурил.— Мне нравится твой выбор, Род. Я на Тангароа впервые.

— На чем?

— В смысле?.. А, на Тангароа. Если я не ошибаюсь, это имя полинезийской богини. А вы что, дали планете другое имя?

Род засмеялся.

— Сказать по правде, до этого дело как-то не дошло. Мы просто... жили тут, и все.

Мэтсон кивнул.

— Было бы две планеты, тогда бы и имена понадобились. Однако здесь красиво, Род. И я смотрю, вы многого достигли.

— Еще немного, и мы зажили бы тут отлично, так нет же, взяли и выдернули из-под нас ковер,— с горечью в голосе произнес Род, затем пожал плечами.— Хотите покажу вам поселение?

— Конечно.

— Отлично. Пойдем, Элен. Ой, подождите, я же еще не завтракал. А как вы?

— Вообще-то, когда мы проходили ворота, время в «Эмигрантс-Гэп» приближалось к ленчу. Я бы перекусил. А ты, Элен?

— Да, пожалуй.

Род покопался в припасах Марджери, но окорок, от которого он отрезал на ужин, был, мягко говоря, уже не самого лучшего качества. Род передал его Мэтсону.

— С душком?

Мэтсон принюхался.

— Немного. Впрочем, если ты будешь есть, я тоже не возражаю.

— Мы должны были идти вчера на охоту, но тут много чего вчера произошло.— Род на секунду задумался.— Посидите здесь. Я сейчас принесу копченое мясо.

Он взбежал по тропе в пещеру, выбрал копченый бок и несколько полосок засоленного мяса, а Мэтсон к его возвращению уже развел огонь. Кроме мяса, Род предложить ничего не мог — за фруктами днем раньше тоже никто не ходил,— и ему невольно подумалось, что завтракали его гости, должно быть, совсем по-другому.

Однако он справился со своим смущением, когда дело дошло до демонстрации достижений поселенцев: гончарный круг, ткацкий станок Сью с незаконченным куском ткани, водопровод и непрерывный душ, металлические предметы, что изготовили Арт и Дуг.

— Я мог бы отвести вас к плавильне, но бог с ней, а то нарвемся еще на какую-нибудь тварь.

— Брось, Род. Я же не городской мальчишка. Да и сестра твоя тоже может за себя постоять.

Род покачал головой.

— Я эти места знаю, а вы — нет. Мне туда сбегать — раз плюнуть, а вам придется пробираться медленно и осторожно, потому что я могу не уследить сразу за двоими.

Мэтсон кивнул.

— Видимо, ты прав. Странно, конечно, когда один из моих учеников проявляет обо мне такую заботу; но ты прав. Мы здесь новички.

Род показал им ловушки для стоборов и рассказал о бешеных ежегодных миграциях.

— Стоборы лезут через дыры и падают в ямы, а другие животные текут мимо стены — беспрерывный поток, как на автостраде.

— Саморегулирующаяся природная катастрофа,— заметил Мэтсон.

— Что?.. Да, мы тоже поняли. Циклическое восстановление природного баланса. Если бы у нас была такая возможность, мы

каждый сухой сезон могли бы переправлять на Землю тысячи тонн мяса.— Род задумался.— Может быть, мы этим и займемся.

— Возможно.

— До сих пор от этих миграций только забот прибавлялось. Особенно стоборы досаждали — я вам покажу их там, на поле... О! — Род на мгновение умолк.— Это и в самом деле стоборы, а? Такие маленькие хищники с тяжелыми мордами? Размером с кота, но свирепые и настырные.

— А почему ты меня спрашиваешь?

— Вы же нас предупреждали о стоборах. Все классы получили предупреждение.

— Видимо, это стоборы и есть,— признал Мэтсон,— но я тогда понятия не имел, как они выглядят.

— В смысле?

— Род, на каждой планете есть свои стоборы, только везде разные. Иногда — несколько.— Он остановился и выбил трубку.— Помнишь, я вам говорил, что каждая планета в Галактике имеет свои, особые опасности?

— Да...

— Да. Но для вас это было лишь фразой. А чтобы остаться в живых, вы должны были бояться чего-то конкретного, того, что скрывается за этой фразой. Потому мы и облекали опасность в конкретную форму. Но не сказали вам, в какую именно. Мы проворачиваем этот фокус каждый год, и каждый раз по-разному. А цель тут одна — предупредить вас, что непознанное и опасное может крыться где угодно, и заронить эту мысль — нет, не в голову, а в самое сердце.

— А чтоб я... Значит, никаких стоборов не было?

— Как же не было? А ловушки вы для кого понаставили?

Когда они вернулись к хижине, Мэтсон сел на землю и сказал:

— У нас осталось не так много времени.

— Я понимаю. Сейчас...— Род зашел в хижину и вернулся к ним, прихватив «Леди Макбет».— Твой нож, сестренка. Он мне не один раз спасал жизнь. Спасибо.

Элен взяла нож, потрогала пальцем лезвие, взвесила его на ладони и взглянула поверх головы Рода. Сверкнув сталью, нож пронесся в воздухе и — буммм! — воткнулся в угловой столб. Элен выдернула его и вернула Роду.

— Оставь. Пусть он и впредь служит тебе верой и правдой.

— Но он и так был у меня слишком долго.

— Я тебя прошу. Зная, что «Леди Макбет» в случае чего за тобой присмотрит, я буду чувствовать себя спокойнее. И потом, нож мне сейчас не особенно нужен.

— Как так? Почему?

— Потому что теперь она моя жена,— ответил Мэтсон.

У Рода отвисла челюсть. Сестра заметила выражение его лица и спросила:

— В чем дело, Родди? Ты не рад за нас?

— А? Что ты! Конечно, рад! Это...— Он покопался в памяти и извлек оттуда ритуальное благословение: — Дай Бог вам единства и счастья! И пусть союз ваш будет плодотворным!

— Ну тогда подойди и поцелуй меня.

Род поцеловал сестру и пожал руку Мастеру. Видимо, это нормально, думал он, только... сколько же им сейчас? Сестре, должно быть, за тридцать, а Мастер уже совсем *старик*: ему никак не меньше сорока.

Вроде бы и поздно уже...

Но Род изо всех сил старался убедить их, что целиком одобряет это решение. В конце концов, если два человека, у которых жизнь осталась позади, хотят компании друг друга, это, наверно, даже хорошо.

— Как ты теперь понимаешь,— сказал Мастер,— у меня было сразу две причины искать вас. Во-первых, потерять целый класс — дело нешуточное. Я уже не преподаю, но все равно досадно. А во-вторых, один из потерявшихся мой родственник — даже как-то неловко.

— Вы оставили преподавание?

— Да. Не сошелся с советом директоров во взглядах на школьную политику. Скоро я поведу группу на новую колонию, и на этот раз мы с твоей сестрой собираемся осесть, обзавестись хозяйством и построить ферму.— Мэтсон бросил на него короткий взгляд.— Тебя это часом не заинтересует? А то нам как раз нужен опытный лейтенант.

— Спасибо. Но я же говорил, что мое место здесь. А куда вы собираетесь?

— На Территу. Это в направлении Гиад. Отличное место — дерут за него по высшему разряду и без всяких скидок.

Род пожал плечами.

— Тогда мне все равно ничего не светит.

— В качестве моего лейтенанта ты был бы освобожден от платежа. Впрочем, не буду тащить тебя силком. Просто предложил тебе шанс. Сам знаешь, нам с твоей сестрой еще долго жить вместе.

Род взглянул на Элен.

— Извини.

— Ладно, Родди. Мы понимаем: у тебя своя жизнь.

— М-м-м-да.— Мэтсон глубоко затянулся и продолжил: — Однако как твой новоявленный брат и бывший учитель, я должен упомянуть еще кое о чем. Не думай, пожалуйста, что я тебя уговариваю, но буду признателен, если ты внимательно выслушаешь. Ладно?

— Хорошо... Согласен.

— Планета здесь, конечно, отличная. Но ты можешь вернуться на Землю, чтобы доучиться, приобрести квалификацию, профессиональный статус. Если откажешься возвращаться сейчас, ты останешься здесь навсегда. Тебе уже не удастся повидать остальное Внеземелье. Позже тебя уже не пустят назад бесплатно. А вот хороший профессионал где только не бывает, перед ним открыты все миры. Мы с твоей сестрой были уже на пятидесяти планетах... Я понимаю, что в школу сейчас совсем не тянет: ты уже мужчина, и тебе нелегко будет в мальчишечьих башмаках. Но...— Мэтсон повел рукой в сторону поселения.— Все это не прошло даром. Ты вполне можешь пропустить некоторые предметы и получить зачет за полевую практику. Кроме того, у меня есть кое-какие связи в Центральном Техническом... А?

Род долго сидел с каменным лицом, потом наконец покачал головой.

— О'кей,— сказал Мэтсон.— На нет и суда нет.

— Подождите. Дайте мне объяснить.— Род пытался сообразить, как передать свои чувства, но ничего не шло в голову, и он лишь удрученно произнес: — Нет... Это я так...

Мэтсон молча курил, затем сказал:

— Ты был здесь лидером.

— Мэром,— поправил Род.— Мэром Каупертауна. Но теперь именно «был».

— Ты им и остался. Население — один человек, но ты по-прежнему мэр. И даже эти бюрократы в эмиграционной службе не станут спорить, что вы доказали свое право на эту землю. Формально у вас автономная колония. Я слышал, что ты так Сэнсому и заявил.— Мэтсон улыбнулся.— Однако ты остался один, а человек не может жить один. Во всяком случае, жить и не одичать.

— Да, но ведь эту планету скоро начнут заселять?

— Наверняка. Возможно, пятьдесят тысяч уже в этом году и в четыре раза больше за два последующих. Но, Род, ты станешь просто частичкой большой толпы. У них будут свои лидеры.

— А мне вовсе не обязательно оставаться мэром. Я просто не хочу покидать Каупертаун.

— Род, Каупертаун останется в истории — так же, как Плимут-Рок, Ботани-Бэй и колония Дэйкина. Жители Тангароа, без сомнения, сохранят поселение как исторический памятник. Останешься ты или нет... Я не пытаюсь тебя убедить, просто высказываю свои предположения.— Мэтсон поднялся на ноги.— Ладно, Элен, нам, пожалуй, пора.

— Да, дорогой,— Элен взялась за протянутую руку и тоже встала.

— Подождите! — не удержался Род.— Мастер... Элен... Я знаю, что поступаю глупо. Знаю, что все кончено... Город, наше поселение... Но я *не могу* вернуться. Хотел бы, но не могу.

Мэтсон кивнул.

— Я тебя понимаю.

— Странно. Я *сам* себя не понимаю.

— Просто со мной такое уже было. В каждом из нас, Род, живет и желание вернуться, и понимание, что это уже невозможно. А ты к тому же в том возрасте, когда этот конфликт воспринимается особенно болезненно. Ты оказался в такой ситуации, когда кризис вдвое острей. Ты — не перебивай меня — ты был здесь мужчиной, старейшиной племени, вожаком стаи. Именно поэтому остальные вернулись, а ты нет... Подожди, дай мне закончить! Я говорил, что, вернувшись и став обычным подростком, ты, возможно, устроился бы совсем неплохо, но для тебя сама эта мысль невыносима. Я понимаю. Гораздо легче было бы вновь стать ребенком. Дети — другая раса, и взрослые ведут себя с ними соответственно. А подростки — они не дети и не взрослые. Их осаждают невозможные, неразрешимые, трагические проблемы всех маргинальных культур. Они — ничьи, они — граждане второго сорта, они экономически и социально неустроены. Это трудное время, и я не осуждаю тебя за то, что ты не хочешь в него возвращаться. Просто я считаю, что оно того стоит. Но ведь ты был властелином мира, а сдавать после этого курсовые или вытирать ноги, когда тебе на это указывают, видимо, очень нелегко. Так что удачи! Идем, дорогая?

— Мастер,— сказала Элен,— ты так и не сообщил ему...

— Это не имеет отношения к делу. Было бы просто не честно давить на него таким образом.

— Одно слово — мужчины! Боже, как я рада, что я женщина!

— А я как рад! — улыбнулся Мэтсон.

— Я не это имела в виду. Носитесь вы со своей логикой... Я ему скажу.

— На твоей совести будет.

— Что еще ты собираешься мне сказать? — потребовал Род.

— Она хотела сказать,— ответил за нее Мэтсон,— что твои родители уже дома.

— *Как?*

— Вот так, Родди. Они вышли из стасисного поля неделю назад, а сегодня папа вернулся с операции. Ему уже лучше. Но мы ничего про тебя не говорили. Просто не знали, *что* сказать.

Факты оказались предельно просты, хотя Роду верилось в них с трудом. Медицина добилась нужных результатов не за двадцать лет, а всего за два. Мистера Уокера извлекли из темпоральной камеры, прооперировали и вернули миру живым и здоровым. Элен еще за несколько месяцев до этого знала, что такой исход вполне вероятен, но лечащий врач отца дал свое согласие на операцию лишь тогда, когда у него появилась стопроцентная уверенность в успехе. И только по чистому совпадению Тангароа нашли примерно в то же время. Для Рода же оба события явились полной неожиданностью: он давно считал родителей умершими.

— Ладно, дорогая,— строго сказал Мэтсон,— теперь, когда ты его совершенно ошарашила этой новостью, мы можем идти?

— Да. Но я просто должна была сообщить Роду о родителях.

Элен поцеловала его и повернулась к мужу. Они двинулись к стене, а Род смотрел им вслед, мучительно размышляя, что делать, и не в силах принять решение. Затем он вдруг вскочил и крикнул:

— Подождите! Я с вами!

— Отлично,— откликнулся Мэтсон и, повернувшись к жене здоровым глазом, с удовлетворенным видом опустил веко — вроде как подмигнул, но едва заметно.— Если ты уверен, то я помогу тебе собрать вещи.

— У меня нет никаких вещей! Пошли!

Род задержался всего на несколько минут — только чтобы выпустить из загона животных.

16. БЕСКОНЕЧНАЯ ДОРОГА

Мэтсон быстро вывел Рода через ворота в «Эмигрантс-Гэп», попутно спас от увечий одного назойливого чиновника, который приставал к Роду с психологическим тестированием, и проследил, чтобы он не подписывал никаких документов с отказом от претензий. Затем отвел его мыться, стричься, бриться, раздобыл приличную одежду и только тогда явил планете Земля. Однако у ворот «Кайбаб» он оставил их вдвоем с сестрой.

— Мне нужно показаться на клубном обеде, так что у вас будет возможность пообщаться семьей, вчетвером. Я появлюсь около девяти, дорогая. Пока, Род. Увидимся.— Мэтсон поцеловал жену и удалился.

— Папа знает, что я возвращаюсь?

Элен ответила не сразу.

— Да, знает. Пока Мастер приводил тебя в порядок, я связалась с домом... Только помни, Род, папа был болен и для него прошло всего две недели.

— Всего две?

Прожив столько лет бок о бок с действующими аномалиями Рамсботхэма, Род тем не менее всегда воспринимал их временной аспект несколько недоверчиво, хотя прыжки с планеты на планету отнюдь не казались ему чем-то необычным. Кроме того, он чувствовал себя очень неуютно и сам не понимал почему. В действительности все объяснялось приступом неосознанной боязни перед огромными толпами людей. Мэтсоны предвидели это, но не стали предупреждать, чтобы не заострять внимание и не навредить еще больше.

Однако прогулка через лес по дороге к дому пошла ему на пользу. Привычные опасения, что за каждым кустом может скрываться хищник, и подсознательное стремление держаться поближе к деревьям настраивали мысли на знакомый лад. Домой Род добрался почти в радостном настроении, даже не осознав, насколько испугал его людской водоворот или успокоили несуществующие опасности пригородного лесного массива.

Отец загорел и выглядел вполне здоровым, но казался меньше ростом и у́же в плечах. Он обнял сына, мама поцеловала его и расплакалась.

— Хорошо, что ты вернулся домой, сынок. Насколько я понимаю, тебе несладко пришлось.

— Я тоже рад, папа.

— Все-таки, на мой взгляд, эти экзамены слишком строги. Слишком.

Род попытался было объяснить, что здесь дело не в экзамене, что не так уж им пришлось туго, что Каупертаун — вернее, Тангароа — на самом деле далеко не такой опасный мир, но сбился. Его здорово смущало присутствие «тетушки» Норы Пискоут, в действительности никакой не родственницы, а подруги детства его матери. Кроме того, отец *почти не слушал*.

Зато вовсю слушала миссис Пискоут. И глядела на него в упор своими маленькими глазками, словно проклюнувшимися среди рыхлых складок кожи на лице.

— Ну конечно же, Родерик, я сразу поняла, что это не твой снимок.

— Что? — спросил отец.— Какой снимок?

— Да тот дикарь, где под фотографией стояла фамилия Родди. Вы ее, должно быть, уже видели: ее и в новостях напечатали, и в «Имперском часе» уже показывали. Но я сразу поняла, что это не он. Я еще Джозефу сказал: «Смотри, Джозеф, это совсем не Род Уокер; тут какая-то подделка».

— Видимо, я ее пропустил. Как вы знаете, я...

— Я вам ее пришлю — специально вырезала. Но я знала, что это подделка. Ужас просто! Огромный голый дикарь с острыми зубами и жуткой ухмылкой; вся физиономия в боевой раскраске, а в руке — длинное копье. Я сразу сказала Джозефу...

— Как вы знаете, Нора, я только сегодня утром вернулся из больницы. Род, надо думать, твоей фотографии все-таки не было в прессе, так ведь?

— Э-э-э... и да, и нет. Возможно.

— Я тебя не понимаю. С чего бы им помещать твое фото в новостях?

— Да так просто. Явился какой-то тип с камерой и снял.

— Значит, фото все-таки было?

— Да.— Род заметил, что «тетушка» Нора пялится на него во все глаза.— Но это все равно подделка или вроде того.

— Ничего не понимаю.

— Ну пожалуйста, патер,— вмешалась Элен.— Род здорово устал, а это дело может и подождать.

— Видишь ли, папа, они просто загримировали меня, когда я э-э-э... отвлекся...— Род понял, что несет какую-то чушь.

— Значит, это твой снимок? — воскликнула «тетушка» Нора.

— Я не хочу больше говорить на эту тему.

— Может, оно и к лучшему,— согласился мистер Уокер несколько удивленно.

Однако миссис Пискоут на этом не успокоилась.

— М-да, я полагаю, в таких далеких местах может произойти все, что угодно. Из той затравки, которую дали в «Имперском часе», у меня сложилось впечатление, что у вас там происходили очень странные вещи. И не все из них приличные.— Миссис Пискоут посмотрела на Рода с вызовом, но тот промолчал, и она продолжила: — Просто не понимаю, о чем вы думали, когда позволили мальчику участвовать в таком деле. Мой отец всегда говорил: если бы Господь желал, чтобы мы пользовались этими воротами вместо космических кораблей, он бы сам наделал в небе дырок.

— Миссис Пискоут,— резко спросила Элен,— с чего это вы вдруг решили, что космические корабли естественнее, чем пространственные ворота?

— Ай-ай-ай, Элен Уокер... Я всю жизнь была для тебя «тетей Норой»! А теперь вдруг «миссис Пискоут»...

Элен пожала плечами.

— Кстати, моя фамилия теперь не Уокер, а Мэтсон, как вам прекрасно известно.

Миссис Уокер вмешалась в разговор и совершенно невинным тоном спросила, не останется ли миссис Пискоут пообедать с ними.

— Да, Нора, может, вы присоединитесь к нам под Лампой Мира? — добавил мистер Уокер..

Род сосчитал про себя до десяти. Но миссис Пискоут заявила, что она, мол, просто уверена, что им хочется побыть в узком семейном кругу и очень многое обговорить. Мистер Уокер не стал ее разубеждать.

Во время ритуала Род успокоился, но все равно сбивался, путался и один раз пропустил свою реплику, отчего за столом на секунду воцарилось неловкое молчание. Обед был изумительный, только порции показались Роду слишком маленькими, и он решил,

что на Земле, видимо, очень жесткое рационирование. Однако все излучали счастье, и он сам тоже.

— Жаль, конечно, что все так вышло,— сказал отец.— Видимо, тебе придется теперь повторить семестр.

— Напротив, патер,— вмешалась Элен.— Мастер уверен, что Род сможет поступить в Центральный Технический без экзаменов.

— В самом деле? В мои годы требования там были жестче.

— Вся их группа получит особые диплóмы. То, чему они научились, не преподают ни в одной школе.

Заметив, что отец готов ввязаться в спор, Род решил переменить тему.

— Кстати, сестренка, я только что вспомнил. Я ведь думал, ты еще служишь, и дал одной девушке твои координаты. Она хотела поступить в корпус Амазонок. Ты еще можешь помочь ей?

— Я могу помочь ей советами и, может быть, подготовить к экзаменам. Это для тебя важно?

— Да, пожалуй. И она — идеальный офицерский материал. Крупная — даже больше тебя,— но чем-то на тебя похожа. Умна, как и ты, почти гений, и всегда в отличном настроении. Сильная, стремительная и буквально смертоносная, когда этого требуют обстоятельства. Мгновенная смерть, откуда не зайди...

— Родерик...— Отец бросил взгляд на Лампу.

— Э-э-э... Да, извини, папа. Я просто пытался описать ее поподробней.

— Ладно. Но с каких пор ты начал есть мясо руками?

Род бросил кусок в тарелку и залился краской.

— Извини. У нас там не было вилок.

Элен рассмеялась.

— Брось, Род, не смущайся. Это же совершенно естественно, патер. Когда наши девушки подают в отставку, мы всегда назначаем им курс переориентации — чтобы подготовить к опасностям, подстерегающим в мирной жизни. А пальцы, кстати, появились раньше вилок.

— Без сомнения... И если уж мы упомянули переориентацию, есть одно дело, дочь, которое нужно решить, прежде чем наша семья вернется к старому образу жизни.

— Ты имеешь в виду...

— Да. Я имею в виду передачу опекунства. Теперь, когда я чудесным образом выздоровел, мне положено снова взять на себя родительские обязанности.

Род даже не сразу сообразил, что говорят о нем. Опекунство? Да, верно, ведь сестра назначена его опекуном... Но какое это имеет значение?

— Видимо, да, патер,— медленно произнесла Элен.— Если Родди согласен.

— Э-э-э... По-твоему, это тоже следует учитывать? Твой муж вряд ли захочет брать на себя ответственность за молодого парня. И кроме того, это *моя* обязанность и *моя* привилегия.

На лице у Элен появилось упрямое выражение.

— Какая разница, папа? — сказал Род.— Мне ведь все равно учиться в колледже. Да и лет мне уже достаточно — я скоро получу право голоса.

— Как? Родди! — недоуменно взглянула на него мать.

— Не так уж скоро. Три года — это все-таки срок немалый,— сказал мистер Уокер.

— Какие три года, папа? Я уже в январе стану совершеннолетним!

Миссис Уокер прижала ладонь к губам.

— Джером... мы опять забыли о разнице во времени... Боже, мальчик мой...

Мистер Уокер обвел семью ошарашенным взглядом, пробормотал что-то о том, «как трудно привыкнуть», и уткнулся в свою тарелку. Потом снова взглянул на сына.

— Извини, Род. Но все-таки, пока ты не достиг совершеннолетия, я должен выполнять свои обязанности. Мне, например, совсем не хотелось бы, чтобы, учась в колледже, ты жил где-то на стороне.

— Почему это?

— Видишь ли... Я чувствую, что мы несколько отдалились друг от друга, и меня это беспокоит. Взять, к примеру, эту девушку, которую ты охарактеризовал в столь необычных выражениях. Правильно ли я понял, что она была твоей.. э-э-э... твоим близким другом?

Род почувствовал себя немного неловко.

— Она была моим городским управляющим.

— Твоим *кем?*

— Моим старшим помощником. Начальником охраны, шефом полиции, называйте это как хотите. Она вообще все делала. Даже охотилась, но это уже потому, что ей просто нравилось охотиться. Кэрол... Короче, ей в любой ситуации цены нет.

— Родерик, ты часом... не увлекся этой девушкой?

— Я? Ни в коем случае. Она для меня была, скорее, как старшая сестра. У нее, конечно, были отношения с кем-то из парней, но это все быстро проходило.

— Ну что ж, я рад, что у вас не возникло серьезного интереса друг к другу. На мой взгляд, это не самая лучшая компания для молодого человека.

— Ты сам не понимаешь, что говоришь, папа.

— Возможно. Я разберусь. Но ты что-то говорил насчет «городского управляющего»... А кем тогда был ты сам?

— Я,— гордо заявил Род.— Был мэром Каупертауна.

Отец бросил на него пристальный взгляд и покачал головой.

— Мы на эту тему еще поговорим. Возможно, тебе необходима квалифицированная медицинская помощь,— он перевел взгляд на Элен и добавил: — Передачу опекунства мы обсудим завтра. Я чувствую, мне предстоит немало хлопот.

— Только если Родди согласен,— сказал Элен твердо, глядя отцу в глаза.

— Что это значит?

— По документам опекунство передано мне безвозвратно. Или он согласится, или опекунство останется за мной!

Ответ дочери привел мистера Уокера в полное замешательство. Миссис Уокер сидела чуть не плача. Род встал и вышел из комнаты — Лампа Мира еще горела, и такое случилось впервые за всю историю их семью. Отец крикнул что-то ему вслед, но Род не обернулся. У себя в комнате он обнаружил Мэтсона. Тот сидел читал, попыхивая трубкой.

— Я перекусил в клубе и тихо пробрался прямо сюда,— объяснил он и, внимательно посмотрев на Рода, добавил: — Я же говорил тебе, что придется туго. Но надо перетерпеть, сынок, надо перетерпеть.

— Это просто невыносимо!

— Надо перетерпеть.

* * *

Как нередко бывало раньше и как будет еще много раз, в «Эмигрантс-Гэп» выстроились один за другим прочные надежные фургоны. Ворота еще не отрегулировали, и кучеры собрались у небольшой палатки под складками каменной туники Статуи Свободы. Пили кофе и перебрасывались шуточками, скрашивая нервное ожидание. Там же стоял и профессиональный капитан поселенцев, стройный, скромной наружности молодой человек с глубокими морщинами на лице — от яркого солнца, от смеха и, может быть, от забот. Однако сейчас он казался совсем беззаботным: как и все, улыбался и пил кофе, поделив бублик пополам с маленьким мальчишкой. На нем была куртка из оленьей кожи с бахромой — в подражание очень древнему стилю. Небольшая бородка и довольно длинные волосы дополняли портрет. Его пегий низкорослый конь с брошенными на седло поводьями терпеливо стоял неподалеку. Рядом с седлом, слева, висел чехол с охотничьей винтовкой, но больше никакого огнестрельного оружия у капитана не было — лишь два ножа на поясе, слева и справа.

Взвыла сирена, и голос из динамика над палаткой Армии Спасения возвестил:

— Капитан Уокер, приготовиться у ворот номер четыре!

Род взглянул в сторону диспетчерской, махнул им рукой и крикнул:

— Рассчитайсь!

Затем снова повернулся к Джимми и Жаклин.

— Передайте Кэрол от меня привет. Жаль, что ей не удалось вырваться в увольнение. Но мы еще увидимся.

— Возможно, даже скорее, чем ты думаешь,— подтвердил Джим.— Моя фирма будет бороться за этот контракт.

— Твоя фирма? С каких это пор ты стал такой важный? Джекки, его что, уже приняли в полноправные партнеры?

— Нет еще,— спокойно сказала Жаклин,— но я не сомневаюсь, что примут, как только его назначат в коллегию адвокатов по внеземным делам. Поцелуй дядю Рода, Гранти.

— Не хочу,— твердо ответил мальчишка.

— Весь в отца,— гордо прокомментировал Джим.— Целуется только с женщинами.

Род услышал, что перекличка возвращается, и вскочил в седло.

— Счастливо, ребята!

Перекличка закончилась громким «Первый!» из головы колоны.

— Приготовились! — Род поднял руку и взглянул через открывшиеся ворота на заснеженные вершины гор, вознесшихся у горизонта над бескрайними прериями. Ноздри его затрепетали от возбуждения.

Над воротами вспыхнул зеленый свет. Род махнул рукой и, крикнув: «Тронулись!», на мгновение сжал коленями бока своего скакуна. Пегий конь рванулся вперед, проскочил перед ведущим фургоном, и капитан Уокер отправился в путь.

КОММЕНТАРИИ

Стр. 9. ...решил Кастор... — Кастор и Поллукс, так называемые Диоскуры (от греческого «dioskouri», то есть «сыновья Зевса»), близнецы, которые помогают потерпевшим кораблекрушение морякам и тем, кто совершил жертвоприношение, чтобы вызвать нужный ветер. Иногда их матерью называется Леда, иногда Елена Троянская, в некоторых мифах отцом Кастора считается муж Леды Тиндарей, и, следовательно, этот из братьев смертен, в то время как Поллукс, сын Зевса, обладает божественным бессмертием.

Стр. 34. ...значилось: «Херувим. Рим-III»... — в иудаизме, христианстве и исламе херувимом называется ангел, прислуживающий у трона Господа и бесконечно воспевающий ему хвалу.

Стр. 45. ...корабль его величества «Передник» — известный английский мюзикл с юмористическими куплетами.

Стр. 61. ...Делегация Молодежной лиги... — Молодежная лига — женская организация, основанная в 1901 г. Мэри Харриман «для развития потенциала женщин во благо общества».

...вершины хребта Роджера Янга — Янг Роджер (28.04.1918, Тиффин, штат Огайо — 31.07.1943, Соломоновы острова, Южный океан), рядовой 37-й пехотной дивизии. В одиночку атаковал и уничтожил пулеметный расчет противника, получив три смертельных ранения. За отвагу и самоотверженные действия перед превосходящими силами врага, в результате которых его товарищи по взводу смогли отойти без потерь, посмертно награжден медалью Конгресса.

Стр. 88. ...перемирие со своими пленниками-арктурианами... — Арктур, α Волопаса, оранжевый гигант приблизительно в 40 световых годах от Земли, — 0,1 видимой звездной величины. Название происходит от греческих слов, означающих «медвежий страж», так как звезда расположена на прямой линии от хвоста Большой Медведицы.

Стр. 93. ...случилось на «Конунге Кристиане» — Конунг Кристиан — один из датских королей (от Кристиана I до Кристиана X), чья династия, начавшаяся в XV веке, завершилась в 1947 году.

Стр. 96. В целостат «Стоуна» было отчетливо видно... — целостатом называют вспомогательную систему из двух плоских зеркал перед объективом неподвижного солнечного телескопа (вертикального или горизонтального), позволяющую следить за небесными объектами. Плоскость одного из зеркал параллельна оси мира и вращается вокруг этой оси с периодом в 48 часов, направляя луч светила на второе, неподвижное зеркало, которое отражает его в объектив телескопа. Положение второго зеркала меняют в соответствии со склонением наблюдаемого светила.

Стр. 98. ...доставить франко-борт на Фобос... — Фобос — более крупный из двух спутников Марса, приблизительно 26,6 км в диаметре в самой широкой части, облетает планету с запада на восток по почти идеальной орбите на расстоянии 9378 км от поверхности. Назван в честь сына греческого бога Ареса и богини Афродиты, имя в переводе означает «страх».

Стр. 160. ...преуменьшение со дня смерти Меркуцио — имеются в виду предсмертные слова Меркуцио (Шекспир, «Ромео и Джульетта») о том, что его рана — всего лишь царапина, и не больше.

Стр. 166. ...на базе Титан здорово холодно... — спутник Сатурна, второй по величине спутник в Солнечной системе после Ганимеда с диаметром 5150 км. Единственный спутник нашей системы, который обладает плотной атмосферой, и единственный, который можно наблюдать в видимом диапазоне из-за облачного покрова. Температура на поверхности минус 170–180 градусов по Цельсию.

...я слышала, что на Ганимеде... — спутник Юпитера, один из так называемых галилеевых, самый крупный спутник в Солнечной системе, превосходит по размерам Меркурий, хотя уступает этой планете по массе. Был открыт Галилео Галилеем в 1610 г., хотя на открытие претендовал и немецкий астроном Симон Мариус, который и предложил название, ставшее общеупотребительным лишь с середины XX в. Состоит в основном из горных пород и водяного льда. Предположительно, во внутреннем строении Ганимеда можно выделить три слоя: расплавленное металлическое или металло-сернистое ядро, состоящая из горных пород мантия и слой льда толщиной 900–950 км. Не исключено, что между каменистыми породами и льдом имеется слой жидкой воды, температура которой значительно ниже нуля, т.к. вода находится под давлением.

Стр. 206. ...туда зайдет «Веллингтон»... — Артур Уэллеслей, герцог Веллингтон (1769–1852), британский командующий армии во время Наполеоновских войн, а позднее премьер-министр Великобритании. Начал военную карьеру в Индии, упрочил свое положение победами в Ис-

пании в 1808–1814 гг. и участвовал в разгроме Наполеона при Ватерлоо в 1815 г. За верную службу и победы был последовательно жалован различными титулами, пока не был назван герцогом Веллингтоном.

Астронав Джонс

Стр. 215. ...ракообразных с Эпсилона Кита...— ε Кита, четвертая по яркости звезда в созвездии Кита. Двойная система 5,5 звездной величины из желто-белой (F8) и оранжево-красной (M0) звезд на расстоянии 47,5 световых лет от Солнца.

Стр. 224. ...дядину счетную линейку...— счетная, или логарифмическая, линейка — аналоговое вычислительное устройство, позволяющее выполнять различные математические действия, в том числе умножение, деление, возведение в степень (чаще всего в квадрат и куб), вычисление логарифмов, тригонометрических функций и другие операции. Принцип действия логарифмической линейки основан на том, что умножение и деление чисел заменяется соответственно сложением и вычитанием их логарифмов. Простейшая логарифмическая линейка состоит из двух шкал в логарифмическом масштабе, способных передвигаться относительно друг друга. Более сложные линейки содержат дополнительные шкалы и прозрачный бегунок с несколькими рисками. На обратной стороне линейки могут находиться какие-либо справочные таблицы. Выражение «человек с логарифмической линейкой» равнозначно определению ученого или инженера.

Стр. 234. к Бете Гидры — β Гидры, переменная белая звезда (B9 IV) на расстоянии 365 световых лет от Земли.

Стр. 238. ...малютку «Молли Мэлоун»...— грузовик назван именем героини ирландской народной песни, описывающей печальную судьбу продавщицы устриц, умершей от лихорадки. Песня порой считается неофициальным гимном Дублина.

Стр. 242. ...уроженца Эпсилона Близнецов-V — Мебсута — пятая по яркости звезда в созвездии Близнецов. Звезда двойная: желто-оранжевый сверхгигант (G8 Ib) и далеко отстоящий малый желтый спутник (G5). Расположены на расстоянии 407 световых года от Земли. Название происходит от арабского «al mabsuta», вытянутая лапа, так как ранее арабы включали эту звезду в созвездие Льва (не путать с современным Львом).

Стр. 244. Асгард — место обитания богов в норвежских мифах, разделен на двенадцать или более царств, включая Вальгаллу – дом Одина и героев, погибших в земных сражениях, Трудхейм, владения Тора, и Брейдаблик, дом Балдера. С земли можно подняться в асгард по мосту Бифрост (радуге).

Стр. 253. Беты Ворона — Краз (Крац), желтая звезда-гигант (G5) 3,6 звездной величины на расстоянии 142 световых года от Солнца.

Стр. 266. ...На Шестой (б) планете Гаммы Льва, Новом Марсе...— необычное обозначение указывает на то, что шестая планета в системе Гаммы Льва двойная и состоит из массивного небесного тела (а) и его несколько меньшего спутника (б), который колонизирован и назван Новым Марсом. Сама Гамма Льва, известная как Алгейба, вдобавок еще и двойная звезда: оранжевый гигант (K0 III) имеет светимость в 2,5 звездной величины, его малый желтый спутник — +4 величины. Система находится на расстоянии 108 световых лет.

Гамма Льва — Алгейба («лоб»), бело-желтая звезда-гигант (F2 III–IV) в созвездии Льва приблизительно в 90 световых годах от Земли. В XVII–XVIII веках была известна под названием Джубба («грива»).

Стр. 273. ...когда она проходит афелий...— Афелием называется наиболее удаленная от светила точка орбиты обращающегося вокруг него небесного тела.

Беты Водолея — Садал Сууд («удачливейший из удачливых», *арабск.*) — желтый сверхгигант (G0 Ib) 2,9 звездной величины в 750 световых годах от Земли.

Стр. 277. Мистер Чипс — имя зверю дали в честь главного героя романа Джеймса Хилтона «До свидания, мистер Чипс», опубликованного в 1934 году, о преподавателе латыни Артуре Чиппинге в английской школе для мальчиков.

Стр. 294. На «Туле» — в древнеримской литературе Ультимой Туле называли самую северную часть обитаемого мира.

Стр. 298. ...сменить пластинки в параллаксных камерах...— параллакс (или параллактическое смещение) в астрономии — видимое угловое перемещение светил на небесной сфере, обусловленное перемещением наблюдателя в пространстве. Точно измеренные параллаксы небесных светил и групп светил позволяют определить расстояния до них. Параллаксные камеры на кораблях Хайнлайна, используя старую фотографическую технологию, служат для контроля положения в пространстве на основе измерения параллаксов реперных звезд.

Стр. 300. ...не мог ввести в эту штуку десятичные цифры...— по современным меркам корабли Хайнлайна оборудованы чрезвычайно устаревшими компьютерами без удобного интерфейса, но хотя бы числа в них вводились с клавиатуры, а не путем закладки перфокарт.

Стр. 311. Гейдельберг — город в земле Баден-Вюрттемберг на юго-западе Германии, здесь находится старейший университет Германии.

Стр. 320. ...корабль оказался бы в Гадесе...— Гадесом (Аидом) древние греки именовали царство мертвых, которое окружала река Стикс.

Стр. 323. ...доплер-эффект...— эффектом Доплера называется изменение вследствие взаимного движения наблюдателя и источника излучения частоты колебания звуковых или электромагнитных волн, воспринимаемых наблюдателем. При сближении обнаруживается увеличение частоты, при удалении — уменьшение. Теоретически эффект был описан в 1842 г. австрийским физиком и астрономом Кристианом Допплером (1803–1852).

...Мемориал Альберта...— монумент работы сэра Джорджа Гилберта Скотта принцу Альберту Сакс-Кобургу, консорту королевы Виктории, воздвигнутый в Кенсингтонском саду в Лондоне.

Стр. 361. ..в первую очередь яркие звезды класса В или О...— Гарвардская звездная классификация, разработанная американскими астрономами Э.Кинаном и У.Морганом, является одной из температурных классификаций, которая отражает различия ионизационных температур звездных атмосфер (и в некоторой степени различия химического состава). Спектральные классы имеют буквенные обозначения и располагаются в последовательности O — B — A — F — G (ответвление — R — N) — K (ответвление — S) — M, соответствующей убыванию температуры; ответвления выражают различия химического состава. Переходы между классами непрерывны, внутри классов введены десятичные подразделения, например B0, B1, B2... Звезды классов O, R, N, S редки, к классу O (50 000 – 30 000 K) принадлежат немногочисленные голубые горячие звезды с сильно развитым ультрафиолетовым участком спектра. Для спектров белых и голубых звезд класса B (30 000 – 12 000 K) характерно наличие в них линий нейтрального гелия и ионизированных кислорода и азота. Упоминающийся в романе класс G (6000 – 5000 K) это желтые звезды, у которых водородные линии не выделяются среди мощных спектральных линий металлов. К классу G2 принадлежит Солнце. Вместе с классификацией по Моргану–Кинану к классу звезды приписывается и тип ее светимости по положению ее на диаграмме Герцшпрунга–Рассела: на этой диаграмме звезды со сходными физическими

характеристиками образуют более или менее изолированные группы, именуемые: сверхгиганты (тип светимости — I), яркие гиганты (II), гиганты (III), субгиганты (IV), звезды Главной Последовательности (V), субкарлики (VI), карлики (VII) и белые карлики (VIII).

...ничего, совпадающего с каталогами...— астрономические каталоги — это списки космических объектов с их характеристиками. Самый полный из существующих, Himmel Dürchmunstering (HD), содержит информацию о более чем четырехстах тысячах звезд.

Стр. 364. ...видимые звездные величины...— звездной величиной называется мера блеска небесного светила; разнице в одну звездную величину соответствует изменение блеска в 2,5 раза. Классификацию звезд по яркости ввел александрийский астроном Гиппарх, составивший во II в. до н.э. каталог звездного неба из 800 звезд. Самые яркие звезды имеют нулевую звездную величину. Невооруженным глазом можно различить звезды до 6,1 величины.

Стр. 378. ...никто еще не видел звезду G-класса без планет...— по современным представлениям спектральный класс звезды не гарантирует существование возле нее планетной системы. Тем не менее наиболее вероятно существование планет у звезд с невысоким уровнем звездного ветра — потока вещества, выбрасываемого в плоскость планетного диска (спектральные классы F-G-K-M) и не входящих в кратные системы (то есть не являющихся двойными, тройными и т.д.). Теоретический расчет показывает, что при рождении у звезды могут сформироваться либо планетная система, либо звезды-компаньоны.

...Болометр показал...— болометром называется прибор для измерения энергии электромагнитного, главным образом инфракрасного, то есть теплового, излучения; принцип работы основан на изменении электрического сопротивления термочувствительного элемента в результате поглощения энергии. После изобретения болометра в астрономии было введено понятие болометрической звездной величины в качестве характеристики полной светимости звезды (суммарное излучение во всем спектре); она равняется абсолютной визуальной звездной величине, к которой добавлена болометрическая поправка.

Стр. 380. ...вроде Робинзона Крузо или швейцарского семейства Робинзонов...— Робинзон Крузо, проживший двадцать восемь лет на необитаемом острове,— персонаж романа Даниэля Дэфо. В книге швейцарского профессора Иоганна Висса, вышедшей в 1812 году, на необитаемый остров попадает целая семья, отец и четверо сыновей.

Стр. 389. ...мыло из древесной золы и свиного навоза...— изготовление мыла из золы и свиного жира — повторяющийся мотив в американских книгах XIX века о простой сельской жизни.

Стр. 392. ...размером с шетлендского пони...— даже по меркам пони лошадки родом с Шетлендских островов к северу от Шотландии очень низкорослые.

Стр. 401. ...завязали булинем...— булинем называется морской узел для завязывания на конце веревки не сдавливающей петли.

Стр. 443. Афродита — в греческих мифах богиня плотской любви и красоты, в некоторых краях так же почиталась как богиня моря или благополучия.

Звездный зверь

Стр. 482. А еще дьякон! — в переводе с греческого «служитель», в ранние века христианства дьяконами назывались лица, состоявшие при епископах и ведавшие хозяйственными делами общины. Впоследствии этим словом стали обозначать облеченного духовным саном помощника священника, исполняющего определенные обязанности при богослужении и отправлении обрядов. В некоторых протестантских общинах дьякон является лицом выборным, избирающимся из числа членов общины, и исполняет церковные обязанности в свободное от основной работы время.

Стр. 485. Симон Боливар (1783–1830) — политический авантюрист, предводитель в борьбе южноамериканских колоний за независимость от Испании, с 1819 по 1830 год президент Великой Колумбии, республики, созданной на территории освобожденных Венесуэлы, Новой Гранады (нынешние Колумбия и Панама) и провинции Кито (ныне Эквадор). В 1813 году Национальный конгресс Венесуэлы официально провозгласил Боливара Освободителем.

Стр. 486. Уильям Гладстон (1809–1898) — политик, лидер Либеральной партии Великобритании, член Палаты общин, канцлер казначейства и впоследствии премьер-министр.

Доктор литературы honoris causa — в переводе с латыни «почета ради», ученая степень, присуждаемая за заслуги, за совокупный вклад без защиты диссертации.

Процион VII — то есть седьмая планета в системе Проциона, α Малого Пса, яркая звезды нулевой величины. Римскими цифрами принято обозначать порядковый номер планеты по степени удаленности от светила.

Роберт Хатчингс Годдард (1882–1945) — американский ученый, один из пионеров астронавтики, положивший начало созданию жидкостных ракет. 16 марта 1926 года он впервые в мире осуществил запуск такой ракеты, взлетевшей в высоту на 12,5 м и пролетевшей 56 м от точки старта. В 1960 г. на этом месте, Оберн, штат Массачусетс, был установлен обелиск. В 1959 г. Конгресс США учредил золотую настольную медаль Гаддарда для награждения тех, чьи работы способствуют развитию ракетостроения.

Стр. 487. Цербер — иногда Кербер, свирепый трехглавый пес, сторож царства мертвых в греческой мифологии. Через несколько лет после выхода романа Хайнлайна название Цербер было принято для обозначения гипотетической планеты, находящейся за Плутоном.

Стр. 489. Горгоноподобные гуманоиды — согласно древнегреческой мифологии, существовало три Горгоны — Стено, Евриала и Медуза. Они обитали на краю Ойкумены и обладали способностью превращать любого, кто увидит их, в камень. У Медузы, самой красивой из трех сестер, вместо волос на голове росли змеи.

Стр. 501. Достопочтенный — британский титул, соответствующий достоинству младших сыновей графов и всех сыновей виконтов и баронов (распространяясь также на их жен), в США используется при обращении к консулам, начальникам управлений министерств, членам Конгресса и мэрам крупных городов.

Стр. 502. Трицератопс — травоядный динозавр, обитавший на Земле в середине и конце мелового периода мезозоя; достигал в длину пяти-шести метров, ростом был метра полтора-два; крупная рогатая голова немного напоминала бычью, а шею защищал мощный роговой гребень-воротник.

Стр. 504. Ксенолог — происходит от греческого «ксенос» — «чужой»; в фантастике ученые, занимающиеся изучением инопланетной антропологией и этнографией. Остальные области выделяются как самостоятельные: ксенобиология, ксеноботаника, ксенозоология, ксенопланетология и так далее.

Стр. 508. Бейлиф — в англоязычных странах помощник шерифа, или судебный пристав.

Стр. 521. Ящик из-под мыла — некогда такие ящики служили уличным ораторам импровизированной трибуной, поэтому этим выражением начали обозначать переносную трибуну.

Стр. 542. ...Соломон постановил разрезать младенца пополам... — история из Библии (III Книга Царств, гл.2, ст. 16–28), две женщины явились к царю Соломону с просьбой разрешить их спор из-за мальчика. Обе родили в один и тот же день сыновей, ночью один ребенок умер, и его мать подложила мертвого младенца к спящей, а сама взяла у нее живого. Каждая из женщин утверждала, что ребенок ее. Соломон велел рассечь дитя надвое и отдать каждой из спорщиц ее половину. Настоящая мать ребенка отказалась, взмолившись: пусть заберут ее сына, но не убивают его.

Стр. 546. ...по стопам Борджиа... — знатный род испанского происхождения, игравший значительную роль в Италии второй половины XV — первой половины XVI века. Из него происходили Родриго Борджиа (папа Александр VI), Чезаре Борджиа и Лукреция Борджиа, известнейшие отравители.

Стр. 590. Эйнштейнов барьер — ненаучный термин, прижившийся в литературе; имеется в виду скорость света, которая, согласно теории относительности Эйнштейна, является конечной, наивысшей скоростью, округленное значение — 300 000 км/сек.

...услышал крик диких гусей...— метафора, означающая охоту к перемене мест, беспокойство.

Стр. 591. Цусимский пролив — он же восточный пролив, он же пролив Крузенштерна, соединяет Восточно-Китайское море с Японским и расположен между островами Цусима (на западе) и Ики и Окиносима (на востоке). 14–15 мая 1905 года в этом проливе произошло сражение между 2-й Тихоокеанской эскадрой вице-адмирала Рожественского и японским флотом адмирала Того.

Стр. 630. «Фрэнки и Джонни» — американская народная баллада, существующая во множестве вариантов; в ней рассказывается о подлинном событии — как некая Фрэнки из ревности застрелила изменившего ей Джонни из револьвера и попала за это в тюрьму.

Стр. 645. ...играть в русскую рулетку... — игра, распространенная среди офицеров времен русско-японской и Первой мировой войн. В барабан револьвера заряжается один патрон, после чего барабан несколько раз прокручивается, затем игрок приставляет дуло к виску и нажимает на спусковой крючок. На вооружении русской армии находились шестизарядный «смит-вессон» и семизарядный «наган», так что шансы получить пулю составляли 1:6 и 1:7 соответственно.

Стр. 655. ...мы не соберем Шалтая-Болтая...— персонаж сказки Льюиса Кэррола «Алиса в Зазеркалье», которого не могла собрать королевские

конница и рать; распространенная метафора, обозначающая вещь, которую невозможно починить, однажды разбив.

Стр. 704. ...заткнуть пальцем очередную дырку в плотине...— имеется в виду голландская легенда о мальчике, который, проходя мимо дамбы, заметил, что сквозь крохотное отверстие пробивается струйка воды; понимая, что если не закрыть дорогу воде, то вскоре она размоет брешь, а затем и снесет всю дамбу, мальчик заткнул дыру пальцем и простоял так всю ночь, пока не появились взрослые, вышедшие на его поиски.

ТУННЕЛЬ В НЕБЕ

Стр. 709. ...школы имени Патрика Генри...— Патрик Генри (1736–1799) — юрист, политический деятель и оратор, один из видных борцов за независимость колоний. Первый губернатор штата Вирджиния. Отказался участвовать в Конституционном конвенте, но горячо защищал Билль о правах. Избран в Национальную галерею славы. Наиболее известен речью в защиту независимости: «Что же до меня, то дайте мне свободу или дайте мне смерть».

Стр. 713. Митра — в индийской и иранской мифологии бог света, которому поклонялись не только в Персии, но и по всему эллинскому миру. Особенно Митра был популярен среди римских солдат и считался главным соперником христианства.

Стр. 715. ...то же самое сказал Иона, когда его проглотил кит...— история из библейской книги пророка Ионы (гл.2, ст.1–11), жившего в царствование Иерозоама, сына Иоаса, царя Израильского.

Стр. 717. Хобокен — город на северо-востоке Нью-Джерси на реке Гудзон напротив острова Манхэттен. В 1630 голландцы купили там землю у племени делаваров, отсюда и пошло название места — от голландского «hobocan hackingh» («земля курительной трубки). В 1742 полковник Джон Стивенс, создатель первого в США парового локомотива, выкупил землю и заложил город.

...«на мировую с медведем»...— стихотворение Р. Киплинга (1865–1936), которое так и называется «Мировая с медведем», заканчивается строчкой: «Не заключайте мировой с медведем, что ходит, как мы».

Стр. 718 кратер Бедлоу — все, что осталось в романе от острова Бедлоу, позднее острова Свободы, на котором установлена Статуя Свободы.

Стр. 719. ...старого кули... — кули, словом тамильского происхождения в некоторых странах Азии называют неквалифицированных рабочих, носильщиков, грузчиков, чернорабочих. В США оно прижилось в применении преимущественно к китайцам.

...сиамцы... — анахронизм, роман написан в 1954 году, через шесть лет с момента, когда Таиланд в последний раз официально называли Сиамом.

Стр. 721. Витуотерсранд — в переводе с африкаанса «гребень белой воды», горная гряда в Южной Африке между реками Вааль и Лимпопо. Обнаружение в 1886 году там золота вызвало «золотую лихорадку» и рождение города Йоханнесбурга.

Стр. 722. ...морганы, величественные клайсдейлы и миссурийские мулы... — морганы — порода легкоупряжных и верховых лошадей, выведенных в конце XVIII — начале XIX века в Новой Англии; ведут свой род от жеребца по имени Морган, принадлежащего учителю Джастину Моргану (1747–1798). Клайдсдейлы — лошади-тяжеловозы, выведенные в начале XIX века в Шотландии. Мулы — гибрид лошади (кобылы) и осла (самца), используются как верховые и вьючные животные; миссурийские мулы отличаются особой выносливостью и злонравием.

Стр. 723. ...брезентовый верх первого «корабля прерий»... — то есть крупных, запряженных, как правило, четверкой или шестеркой лошадей, фургонов, в которых переселенцы, направляющиеся на Запад в середине и второй половине XIX века, пересекали североамериканский континент. Правда, тенты были не брезентовые, а кроились из прочной хлопчатобумажной ткани, первоначально производившейся исключительно в Генуе и получившей название джинсовой.

Стр. 724. ...старинный калифорнийский костюм... — то есть испано-мексиканский, так как Калифорния первоначально была колонией Испании.

Стр. 726. Нью-Ханаан — Ханаан — Земля Обетованная, которую Господь обещал отдать евреям и куда Моисей вел свой народ из египетского рабства.

Стр. 727. херефордширские бычки — порода крупного рогатого скота, разводится на мясо. Выведена в XVIII веке в Англии и получила название от графства Херефордшир.

Стр. 729. Томас Роберт Мальтус (1766–1834) — основоположник мальтузианства, английский экономист.

...откармливать ирландских детишек для английских столов...— Джонатан Свифт (1667–1745), декан дублинского собора Св. Патрика и писатель, действительно предлагал подобное решение продовольственной проблемы в серии памфлетов «Письма суконщика» (1723–1724).

Стр. 731. «Унивак» — UNIVAC I, первая большая универсальная машина, созданная в 1951 для Бюро переписи, через три года была использована для производственных целей. Машина последовательного действия, с «хранимой программой», с магнитной лентой в качестве устройства ввода и ртутными линиями задержки в качестве памяти. Может обрабатывать как чисто числовую, так и алфавитную информацию.

«Эниак» — ENIAC, Electronic Numerical Integrator and Computer, то есть электронный интегратор и вычислитель, первая электронная цифровая машина, выпущенная по заказу артиллерийского управления армии США в конце 1945 года; предназначалась для вычисления таблиц артиллерийской стрельбы. Схема машины рассчитана на выполнение конкретной последовательности вычислений; если требовалась иная последовательность, схему приходилось монтировать практически заново.

«Маниак» — MANIAC, Mathematical Analyzer, Numerical Integrator and Computer, то есть математический анализатор, числовой интегратор и вычислитель; машина складывала числа, содержащие 13 десятичных (или 43 двоичных) разрядов, приблизительно за шесть миллионных долей секунды.

Стр. 733. ...человек по имени Отис...— Элиша Грейвз Отис (1811–1861), американский изобретатель, запатентовавший в США пассажирский лифт.

Кайбаб — возвышенность, которая формирует северный край Гранд-Каньона; покрыта лесом, который является частью Национальных парков Кайбаб и Гранд-Каньон.

Стр. 734. Ультима туле — в древнеримской литературе Ультимой туле называли самую северную часть обитаемого мира.

Стр. 736. Евангелический монизм — в философии монизм — теория, говорящая о том, что все в реальности есть единая сущность, а различия всего лишь плод человеческого воображения. Евангелический монизм — выдуманная Хайнлайном религия.

Стр. 741. Метаболизм — обмен веществ и, в несколько более узком смысле, промежуточный обмен, то есть превращение определенных веществ внутри клетки с момента их поступления до образования конечных продуктов (например, метаболизм белков, глюкозы и т.д.).

Стр. 742. Труляля — персонаж детского стишка, а также сказочной повести Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье». В начале XVIII века немец Гендель и итальянец Бонончини сражались за первенство на английском музыкальном «ринге», в эпиграмме, написанной Байроном по такому случаю, отмечалось, что разница между противниками не больше, чем между «тра-ля-ля» и «тру-ля-ля».

Белый Рыцарь — еще один персонаж кэрролловской «Алисы в Зазеркалье», по многим источникам — воплощение в сказке самого автора.

Стр. 743. Спика — α Девы, самая яркая голубая двойная звезда в созвездии; расположена примерно в 270 световых годах от Земли. Название произошло от связки колосьев, которые несет в руке Дева («spica» — «колос», латынь).

Экзоэоология — аналог другого фантастического термина, ксенозоологии, то есть внеземная зоология.

Стр. 744. ...нет глаз на затылке, как у птицы-януса... — название придуманной автором птицы происходит от двуликого римского бога Януса, хранителя врат, олицетворяющего связь между прошлым и будущим. Янус мог смотреть одновременно и вперед и назад.

Стр. 746. Полковник Боуи — Джеймс Боуи (1799–1836), американский офицер и пионер фронтира, герой битвы при Аламо, национальный герой США, несмотря на то что принял мексиканское гражданство и даже женился на дочери мексиканского вице-губернатора Техаса; получил смертельное ранение в одной из так называемых Индейских войн. Вошел в историю еще и благодаря сконструированному им ножу, который так и называется «боуи»; выгнутое маленьким ятаганом лезвие (около 38 см) и очень точно подогнанная под ладонь рукоять, носят в ножнах у пояса.

Стр. 780. Аллювиальные луга — не совсем точное выражение, так как аллювиальными (от латинского «alluvio» — «нанос, намыв») бывают почвы, формирующиеся в условиях периодического затопления на речных поймах и дельтах под луговой и болотной растительностью, а так же равнины, образующиеся на месте обширных опусканий земной коры в результате деятельности больших рек (например, Великая Китайская равнина), и поймы и террасы речных долин, слагающиеся из отложений русловых водяных потоков.

Стр. 783. Капитан Бенбоу — английский адмирал Джон Бенбоу (1653–1702), в честь которого был назван трактир в романе Стивенсона «Остров сокровищ».

Стр. 787. ...логика — это просто тавтология...— логика — наука о способах доказательств и опровержений. Тавтология происходит от греческих слов «тауто» — «то же самое» — и «логос» — «слово» и имеет три значения: сочетание или повторение одних и тех же близких по смыслу слов («истинная правда», «целиком и полностью», «масло масляное»), зацикленность в определении или доказательствах («этого не может быть, потому что не может быть никогда») и логически ясная истина, неопровержимо логичное высказывание.

Стр. 793. Далай-лама — в буквальном переводе означает «море-лама», то есть лама, великий, как море; глава ламаистского духовенства во всем мире, а до аннексии в 1951 году Китаем Тибета был еще и главой светской власти в Тибете с резиденцией в Лхасе. Рассматривается как высшее лицо среди «прежде рожденных», земное воплощение бодхисатвы Авалокитешвары. По смерти одного далай-ламы в течение одного года среди новорожденных подыскивается его преемник, тот, в котором воплотилась божественная сущность предшественника. Его помещают в монастырь, где воспитывают надлежащим образом, а до его совершеннолетия все его функции выполняет регент.

...из Малого Магелланова облака...— Малое Магелланово облако — одна из двух неправильных галактик, видимых невооруженным глазом в южном полушарии Земли. Они являются спутниками нашей Галактики и соответственно движутся по орбите вокруг нее.

Стр. 808. Криббедж — карточная игра, разработанная сэром Джоном Саклингом во времена английского короля Карла I Стюарта (1600–1649). Модифицированная старинная игра нодди («простак») первоначально была рассчитана на двух игроков, сегодня существуют разновидности для троих и четверых. Наиболее популярным вариантом остается игра на двоих в трех модификациях: пятикартный, шестикартный и семикартный криббедж.

Стр. 812. Теллеровский университет — назван по имени крупного ученого Эдварда Теллера; родился в Венгрии в 1908 году, учился и работал в Германии, Дании, Великобритании, а с 1935 года — в США. Участник создания атомной и разработчик водородной (термоядерной) бомбы. Последовательный и ярый антикоммунист и противник разоружения, последнее обстоятельство привело его к конфликту между ним и Робертом Оппенгеймером.

Стр. 813. Крааль — голландское слово, искаженное португальское «curral» — «загон для скота». У народов Южной и Юго-Восточной Африки так назывались кольцеобразные поселения, в которых хижины

располагались по кругу и были обнесены общей изгородью, а внутренняя площадка служила загоном для скота.

Стр. 830. Квакеры — от английского «quake» — «трястись, дрожать», протестантская секта, основанная в 1647 г. английским религиозным лидером и писателем Джорджем Фоксом (1624–1691) под названием Общество друзей (члены секты не употребляют слова квакер). Утверждают, что истина веры не в том или ином церковном учении, а в акте озарения Святым духом, поэтому они отказались от внешней обрядности и молятся в помещениях, где нет алтарей и прочих религиозных атрибутов. Отрицают необходимость существования духовенства, требуют безусловной честности в отношениях друг с другом, обязательного труда, строгого соблюдения брачных обязательств, супружеской верности и т.д. Широко практикуют благотворительность, проповедуют аскетизм и пацифизм.

Стр. 847. Царь Чурбан и Царь Журавль — персонажи классической басни Жана де Лафонтена (1621–1695) с одноименным названием, написанной по мотивам произведения Эзопа (VI в. до н. э.) «Царь Чурбан и Водяная змея».

Стр. 862. Бритва Оккама — тезис, сформулированный английским философом-схоластом, логиком, известным церковно-политическим писателем, францисканским монахом Вильямом Оккамом (ок. 1285–1349) и гласящий: «Лишние сущности должны быть отсечены», то есть в расчет следует принимать лишь то, что может быть выведено из опыта или интуитивного знания.

Стр. 871. Даунинг-стрит, 10 — лондонский адрес резиденции премьер-министра Великобритании.

Стр. 897. Коты из Килкенни — воинственные коты из английского стихотворения, которые так передрались между собой, что от них остались только кончики хвостов.

Стр. 926. Тангароа — не богиня, а полинезийский и микронезийский бог; функции его различаются, в основном его почитают небесным богом, но в ряде мифов он — само небо, а так же радуга и дождь. Он же — бог морской стихии. В мифах маори он сын Рани (отца-неба) и Папа (матери-земли), его братьями и сестрами являются острова в океане. У гавайцев он темное подземное существо, противодействующее светлым небесным силам. В мифах острова Мангайя мир поделен между близнецами Тангароа и Ронго. Тем не менее все сходятся в том, что именно он обучил первых людей ремеслам, подарил им орудия труда.

Стр. 929. Гиады (по-гречески — дождливые) — рассеянное звездное скопление в созвездии Тельца, появление которого на небосводе совпадало в Греции с периодом дождей, откуда и пошло название. По другой версии названо в честь семи нимф, дочерей Атланта, которые так горевали о гибели брата, что Зевс в утешение взял их живыми на небо.

Стр. 931. Плимут-Рок — скала в окрестностях города Плимута, штат Массачусетс, где в 1620 году с борта «Мэйфлауэра» сошли на американскую землю протестанты-переселенцы, получившие впоследствии имя отцов-пилигримов.

Ботани-Бэй — залив в Австралии, на берег которого в пяти милях от нынешнего Сиднея в 1788 г. была высажена первая партия каторжников. В 1770 г. в том же месте высаживался капитан Кук.

СОДЕРЖАНИЕ

КОСМИЧЕСКОЕ СЕМЕЙСТВО СТОУН 5

АСТРОНАВТ ДЖОНС 209

ЗВЕЗДНЫЙ ЗВЕРЬ 463

ТУННЕЛЬ В НЕБЕ 705

КОММЕНТАРИИ 941